

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1884 г.

I	СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (Продолженіе). Ир. Житецкаго.	стр. 1
II.	ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА. (Окончаніе). П—ни.	27
III.	ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛЯ. К. М.	53
IV.	ЗАНИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. (Конецъ XVI главы и 1-й части)	82
V.	СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА. (Род. 1676 г. ум. 1727 г.). Съ предисловіемъ ум. проф. Ф. А. Терновскаго	104
VI.	ЗАПОРОЖСКАЯ РЕЛИЦІЯ О ПОВѢДѢ НАДѢ ТУРЕЦКИМЪ ФЛОТОМЪ ВЪ ДНІПРОВСКИХЪ ГИРЛАХЪ.	129
VII.	ПРЕДЛОЖЕНІЕ ГЕТМАНА МАЗЕПЫ КІЕВСКОМУ ВОЙТУ И МАГИСТРАТУ 1703 ГОДА. (О не утѣшеніи прѣмца и призожанъ усненской церкви г. Кіева). Сообщ. М. А. Андреевскій	132
VIII.	БИБЛІОГРАФІЯ. а) Н. И. Костомаровъ. Эллины Тавриды. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. (Спб. 1884 г.—В. Г—ко.—б) Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. (полтавской губерніи). Н. Лучинскій. Кіевъ. 1884 г.—Дж. Вильяма.—в) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 40-й. Спб. 1884 г.—II. Голубовскаго.—г) Фукудзи и стипендіи вилнскаго учебнаго округа. Справочное пособіе. Сост. Н. Ювинскій. Ч. 1. Выпускъ первый, Вильяма. 1884 г.	137
IX.	ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Краткія свѣдѣнія къ біографіи Владиміра Лупча Боровиковскаго.—Ис. Боровиковскаго.—б) Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ кіево-софійскаго собора.—II. Л—ва.—в) Отрывочныя замѣтки о запорожской старинѣ.—А—ва.—Изъ воспоминаній священника о жизни и службѣ въ военномъ поселеніи.—Ск. Пр. Павловича.—г) Великій грѣшникъ. (Сказка).—Сообщ. Мис. Васильевъ.—д) Попрака къ надписи на иконѣ въ селѣ Жукавъ.—Сообщ. В. Е. Бучковичъ.—е) Мѣры противъ вечерницъ и кудачиныхъ боевъ въ Малороссіи.—Сообщ. А. Марковичъ.—ж) Къ портрету Ипатія Потѣя, кіевского униатскаго митрополита	155
X.	ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕЦКАГО (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями А. М. Лазаревскаго. (Приложеніе)	81—96
	ПРИЛОЖЕНІЕ.—Портретъ Ипатія Потѣя, кіевского униатскаго митрополита.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старинны“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ X.

СЕНТЯВРЬ.

1884 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 11-го августа 1884 года.

Hieronim Pociąg
Jan. Adam Brzeski Włocławskiego Biskop Włocławski i Brzeski później
Włocławski Biskupski i Włocławski Delegowany w R. 1595. do Rzymu za sławności
w. Kypie: a dla odnowienia z rękawcy iachoci. S. z Książcem Rzymskim
katechikim spoczał w. Janu. Roku 1615 dnia 8 Lipca

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе).

ГЛАВА 4-я.

Литовско-польскій періодъ въ исторіи южной Россіи.

Со второй четверти XIV ст. начался поворотъ въ жизни южно-русскаго населенія подъ вліяніемъ завладѣнія страной литовцами. Окрѣпшіе въ политической борьбѣ съ прибалтійскими кѣмцами и отщепеные послѣдними все болѣе и болѣе отъ морскаго прибрежья, литовцы обратились на востокъ—въ области древнихъ кривичей, и на югъ—въ предѣлы южной Руси, и скоро сравнительно завладѣли ея территоріей: къ концу XIV в. вся обитаемая южно-руссами территорія была уже въ политической зависимости отъ нихъ. Первое слѣдствіе подчиненія южно-русской территоріи литовцамъ выразилось въ изолированіи ея: съ XIV ст. *южная Русь окончательно отделилась отъ сѣверной* и начала существовать, какъ провинція »Великаго Княжества Литовскаго«. Благодаря измѣнившейся политической судьбѣ страны, создается опять иная обстановка для этнологическаго роста кореннаго населенія. Вліянію ея должно приписать: 1) феодализацию землевладѣнія въ южной Руси въ литовскій періодъ, 2) преобладаніе милитарныхъ мотивовъ въ политической ея жизни это время, 3) направленіе колонизаціи южнорусской въ этотъ-же періодъ и 4) *сословное распределеніе кореннаго населенія*.

Въ разсматриваемый нами періодъ территорія южной Руси дѣлается достояніемъ «великаго литовскаго князя», какъ представителя завоевателей, и въ идеѣ это право на всё земли сохраняется даже до второй половины XVI ст. Часть земель непосредственно отъ князей передавалась въ распоряженіе эксплуатирующаго ихъ населенія, главнымъ образомъ *сельскихъ жителей*, которые, проживая на княжескихъ земляхъ, назывались «люди господарскіе»: «волостные» или «тиглы», а также «служилые люди», «замковые», и за владѣніе поземельною собственностию обязаны были натуральною службою: поставляли для княжескихъ пословъ и гонцовъ лошадей, производили издѣльную повинность «на потребу князя»), кромѣ того вносили условный чиншъ княжескимъ намѣстникамъ: «воеводамъ, старостамъ, державцамъ, включникамъ или тивунамъ», въ видѣ «серебицины», «поволовщпы», «дякла», «подымщины» и пр. Другая часть земель попадала въ распоряженіе эксплуатирующаго личнымъ трудомъ сельскаго или городского населенія, переходя предварительно черезъ цѣлыя разряды посредниковъ, начиная владѣтельнымъ княземъ и кончая живущимъ на чужой землѣ сельскимъ обывателемъ, при чемъ отношенія между сопредѣльными разрядами были почти тождественны съ тѣми, въ какихъ стояли «люди господарскіе» въ князьямъ: каждый низшій разрядъ за пользованіе частью земельной собственности вышшаго обывался, какъ-бы въ замѣнъ послѣдняго, нести по отношенію къ государству условную долю повинностей. Въ концѣ концовъ сельскіе обыватели на владѣльческихъ земляхъ, «люди папскіе» или «земянскіе» по своему соціальному положенію уравнивались съ «людьми господарскими», съ тѣмъ различіемъ, что, получая фактически земельный участокъ отъ частнаго лица, они, кромѣ отбыванія натурою, вмѣсто хозяина участка, по отношенію къ князю, извѣстныхъ повинностей на равнѣ съ «господарскими людьми», вносили денежный чиншъ непосредственно владѣльцу участка ¹⁾. Въ свою очередь тѣ разряды населенія, черезъ посредство которыхъ земли доходила къ крестьянамъ и въ пользу которыхъ

1) Півницкій, «Очерки исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII ст.», стр. 7—15; Бернадскій, «Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи», стр., 268, 279 и 294.

отъ послѣднихъ поступалъ чиншъ, песли тоже часть повинностей, прежде всего и главнѣе всего *военную*, самую тяжелую въ то безпокойное время. Такимъ образомъ въ литовскій періодъ уже въ XIV ст. устроилась феодальная лѣстница отношеній разныхъ разрядовъ населенія, на верху которой стоялъ князь, а внизу помѣщались сельскіе обыватели двухъ разрядовъ: одни на княжескихъ земляхъ, а другіе на владѣльческихъ. Землевладѣніе, будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ ничьей привилегіи¹⁾; не было сначала привилегій и въ другихъ областяхъ: въ политической²⁾, судебной, въ отбываніи повинностей³⁾, по роду занятій⁴⁾ и пр. Сельскіе обыватели или крестьяне, какъ господарскіе, такъ и владѣльческіе, на равнѣ съ князьями, боярами и горожанами, имѣли право отчужденія своего земельного участка въ пользу другого лица съ перенесеніемъ на это лице и отбыванія условныхъ повинностей и даже права имѣть экономически зависмыхъ отъ себя людей, или «закладней»⁵⁾. Различіе между разными разрядами населенія, за исключеніемъ немногочисленнаго сословія вполнѣ безправныхъ рабовъ⁶⁾, сводилось преимущественно въ различію *экономической состоятельности*. Такихъ разрядовъ въ XIV ст., кромѣ удѣльныхъ князей, обыкновенно признаютъ пять: 1) *земляне*—это крупный землевладѣльческій классъ, который получалъ участокъ какъ отъ князей, такъ и отъ частныхъ владѣльцевъ и былъ въ непосредственной зависимости отъ князей; 2) *бояре*—землевладѣльческій классъ, состоявшій по незначительности своихъ земельныхъ участковъ переходъ въ мѣщанскому и крестьянскому разрядамъ; они приписывались по отбыванію повинностей къ господарскимъ замкамъ; 3) *мѣщане*—жители городовъ, въ разрядѣ которыхъ числились и бояре, и дворяне, и собственно мѣщане и посполство; 4) кре-

¹⁾ Новицкій, стр. 15.

²⁾ Бернадскій, стр. 289.

³⁾ Такъ, для всѣхъ разрядовъ были напр. такіа общія повинности: постройка заборовъ, исправленіе мостовъ, подводная повинность, «поволощина» и пр.—Бернадскій, стр. 289.

⁴⁾ Землевладѣніе, земледѣліе, торговля, ремесла, есуда денегъ и пр. отираются каждымъ свободнымъ человекомъ по усмотрѣнію. Ibid., стр. 289—291.

⁵⁾ Новицкій, стр. 13—15.

⁶⁾ Ibid., стр. 3.

стьяне или «люди господарскіе» и «землянскіе») и б) безправные или рабы—весьма малочисленный классъ населенія *). Но тѣ, сравнительно небольшіе зачатки сословной раздѣльности, которые въ XIV в. видны лишь въ неравенствѣ экономическомъ, въ неоднородности государственныхъ службъ, въ феодальномъ экономическомъ подчиненіи одного разряда населенія другому, а отчасти въ мѣстѣ жительства и въ происхожденіи, постепенно въ теченіи XV в., подъ влияніемъ политическихъ событій, особенно безпрестанныхъ войнъ, торгово-промышленной жизни, а также благодаря илороднымъ элементамъ, выросли до привилегіи и до сословнаго расчлененія южно-русской народности. Прежде другихъ выдѣлились въ особую сословную группу *горожане*, которые, въ силу распространившагося на всѣ главные города южной Россіи магдебургскаго права, объединились изъ прежнихъ отдѣльныхъ разрядовъ городскихъ жителей—мѣщанъ, городскихъ дворянъ и посполства—въ одно «мѣщанское сословіе» *) съ особою административною и судебною юрисдикціей. Затѣмъ повсюду стали выдѣляться земляне въ привилегированный классъ, въ *высшее служилое сословіе*. Начало такому выдѣленію можно усмотрѣть въ пожалованіи князьями за особыя заслуги земель отдѣльнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе, черезъ что образовались *вотчинныя имѣнія* («дѣднина», «дѣдичина»). Хотя сначала и владѣніе вотчиною ограничивалось правомъ князя запрещать переходъ ея въ другія руки, но со временемъ это ограниченіе исчезло; постепенно число вотчинныхъ имѣній возрастало съ одной стороны на счетъ уменьшенія земель, пожалованныхъ во временное пользованіе, а съ другой и на счетъ земель, находившихся въ распоряженіи князя. При той широкой раздачѣ земель, какая практиковалась въ XIV и XV в., значительное число послѣднихъ отъ князя переходило во владѣніе крупныхъ собственниковъ; явилась необходимость въ ограниченіи права на земельную собственность *), и землевладѣніе такимъ образомъ сдѣлалось сос-

*) Проф. Автоповичъ признаетъ еще третій классъ крестьянъ—«данниковъ», живущихъ на собственной землѣ.—Кіев. Старина « 1882 г., янв., стр. 29—35.

*) Новицкій, стр. 3.

*) Ibid., стр. 18.

*) Въ концѣ XV в. послѣдовало ограниченіе правъ мѣщанъ на землевладѣніе.—Ibid., стр. 10—11.

ловпой привилегіей. Понятно, что классъ населенія, къ которому шагъ за шагомъ переходила главная масса поземельной собственности, стремился обліить свою землю отъ всякихъ платежей, и это достигнуто было къ началу XVI в., когда была уничтожена »волощина«, »подымщина« и государственное право на подать перешло къ частнымъ владѣльцамъ¹⁾, что, понятно, поставило »шанскихъ« или »земянскихъ« людей въ большую зависимость отъ послѣднихъ. Къ тому же времени жители на земляхъ частныхъ владѣльцевъ исключены отъ суда княжескихъ урядниковъ переходомъ права суда къ тому же сословію, которому досталась и большая часть княжескихъ земель²⁾.

Такимъ образомъ къ началу XVI в. южно-русское населеніе раскололось на три довольно рѣзко очерченныхъ сословія: 1) привилегированное землевладѣльческое и вмѣстѣ служилое сословіе, которое заключало въ себѣ двѣ группы: князей и пановъ рады и бояръ или шляхту³⁾, 2) мѣщане и 3) крестьяне двухъ категорій: на княжескихъ земляхъ и на частныхъ. Послѣдніе представляли уже полувольное населеніе, зависѣвшее въ экономическомъ и въ судебно-административномъ отношеніи отъ землевладѣльческаго класса; сословное повышеніе ихъ было ограничено⁴⁾ и свобода перехода отъ одного участка на другой затруднена⁵⁾. Наконецъ былъ еще классъ духовенства, который пополнялся изъ всѣхъ другихъ сословій.

Отмѣчая тѣ особенности этнографическаго характера, какими окрасилась жизнь южно-руссовъ въ періодъ съ XIII по XVI ст., нельзя оставить безъ вниманія *милитаризма населенія*. Южно-русская страна за указанное время представляла арену безпрерывной войны: татары рѣдкій годъ не посѣщали южной Россіи своими грабительскими набѣгами, при которыхъ сжигались поселенія, захватывался скотъ, уводились въ плѣнъ жители; борьба поляковъ и литовцевъ

1) Новицкій, стр. 19--22.

2) Ibid., стр. 19—22.

3) Бершадскій, стр. 294.

4) Въ земской привилегіи в. кн. Александра отъ 1492 г. установлено было уже, что »млебен не будутъ повышаемы надъ шляхтой«.—Ibid., стр. 279).

5) По земской привилегіи Казимира Ягеллоновича въ 1457 г. »за выводъ людей у помѣщиковъ всякаго ошпадала висѣлица«.—Бершадскій, стр. 273.

изъ-за обладанія тѣмъ или другимъ ключомъ южно-русской территории съ малыми перерывами велась около двухъ столѣтій; далѣе молдаво-валахи, какъ только объединились въ одно политическое государство, не упускали случая выпускать свои войска на территорию южно-русскую; наконецъ не безопаснѣе было и съ восточными сосѣдями—московскимъ государствомъ и пр. Рѣдкій годъ обходился, чтобы южно-русская страна то въ томъ, то въ другомъ концѣ не должна была или отражать врага, или защищаться; не только развитіе промышленное, торговое и культурное, но и самое существованіе населенія находилось въ постоянной опасности. Въ виду этого значительная часть населенія: »земляне«, бояре и даже горожане принимаютъ военную организацію и даже обязываются въ той или другой формѣ нести военную службу. Такъ »земляне«, получая участокъ земли или службу, »обязаны были по каждому призыву князя или его намѣстника доставлять съ каждой »службы« одного вооруженнаго воина¹⁾; »бояре«, будучи приписаны къ господарскому замку, за свои участки должны были прежде всего нести военную службу не только полевую, но и гарнизонную въ самой крѣпости²⁾; мѣщане или несли также всякую полевую и гарнизонную службу (»отправляли оборону и сторожу«), или должны были кромѣ того специально, по призыву воеводы, ѣздить въ погоню за татарами, держать полевую сторожу на татарскихъ шляхахъ³⁾ (последнее, конечно, относилось къ пограничнымъ городамъ, какъ Кіевъ), такъ что три слоя населенія, уже въ силу требованій власти, принимали характеръ иррегулярнаго войска. Но жизнь шла дальше и дѣлала волнами и значительную часть крестьянства, особенно обитавшаго въ степной полосѣ и въ сосѣдствѣ съ татарами—это были казаки.

Съ козачествомъ, самымъ важнымъ этнографическимъ явленіемъ времени литовцевъ, связанъ вопросъ о колонизаціи. Въ началѣ XIV ст., въ періодъ подчиненія южной Руси литовцамъ, область поселенія южно-руссковъ значительно суживается, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра

¹⁾ Антоновичъ, »Кіевъ, его значеніе« и пр., стр. 29.

²⁾ Ibid., стр. 32.

³⁾ Ibid., стр. 31.

южно-русская страна отъ самаго Днѣпра и нижняго теченія Сулы и Сейма, приняла степной характер¹⁾ и такую оставалась и въ XV еще вѣкѣ²⁾. Кромѣ части харьковской и полтавской губ.—басейновъ Пела, Ворсклы и Сейма, все остальное пространство до XV и даже до XVI ст. служило мѣстомъ временныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ стоянокъ кочевниковъ³⁾; весь курскій край, за исключеніемъ Курска и Рыльска, уплѣвшихъ въ татарщину и позже потомъ явившихся колонизаторами края, оставался въ запустѣніи въ теченіе трехъ столѣтій⁴⁾. На правой сторонѣ Днѣпра южно-русское населеніе нешло дальше Роси⁵⁾; пустыя мѣста граничили съ Каневомъ, Черкасами и Бѣлою-Церковью, даже въ послѣднее время періода⁶⁾. Херсонская губернія и прилегающія части кievской и подольской губерній были въ полномъ запустѣніи до конца XIV в.; никакихъ поселеній не было и на побережь моря. Венеціанскіе и генуэзскіе купцы, плававшіе вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря, изъ Константинополя въ Крымъ и къ устью Дона, не встрѣчали никакихъ поселеній на побережь между Днѣстромъ и Днѣпромъ и далѣе до Дона⁷⁾. Далѣе за Днѣ-

¹⁾ Въ 1389 г. въ путешествіи Пизана Воронежскаго край этотъ рисуется такъ: »быше бо пустыня зѣло; не быше бо видѣти тамъ ни града, ни села,... не бѣ бо видѣти чловѣка, точию пустыня велия и звѣрей множество.—Гермавовъ, стр. 2.

²⁾ Въ XV в. послы венеціанской республики и великаго князя московскаго Іоанна III, ѣздившіе въ Персію, проѣзжая донскія и воронежскія степи, »не видѣли ничего, кромѣ неба и земли, часто имѣли недостатокъ въ водѣ, не находили ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ«.—Ibid.

³⁾ »Списки населенныхъ мѣстъ «харьковской и полтавской губерній.

⁴⁾ »Списки населенныхъ мѣстъ «курской губерній.

⁵⁾ Антоновичъ, »Кіевъ, его значеніе« в пр., стр. 6.

⁶⁾ Житцевскій, стр. 287.

⁷⁾ Этплъ и объясняется, почему они даютъ названія нѣкоторымъ пунктамъ по оригинальности флоры.—Брунъ, »Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи«. Ч. 1, стр. 78, 80—81 и др.—Въ 1425 г. бургундскій рыцарь Гильбертъ де Лануа проѣзжалъ сухимъ путемъ отъ Вѣлгорода (Амстердама) до ипзовелья Днѣпра и въ теченіе этого перѣзда встрѣтилъ только одно татарское поселеніе, неоднократно подвергаясь въ тоже время нападениямъ то отъ кочующихъ шаекъ, то отъ дикихъ животныхъ, блуждавшихъ въ степи («Списки населенныхъ мѣстъ «харьковской губерній»). Тоже самое представляла и лѣво-бережная Новороссія (Ритгинъ, 176 стр.).

стромъ, въ теперешней Бессарабіи и Буковинѣ, южно-русы вытѣсняются въ XIV ст. молдаво-вѣлахами¹⁾). Даже на сѣверо-западѣ около XIV в. южно-русы потеряли часть территоріи, которую заняло польское населеніе, именно >ляшское племя подвинулось цѣпного на востокъ, въ ущербъ русскому²⁾). Съ водвореніемъ литовцевъ въ предѣлахъ южно-русовъ политическія границы южной Руси быстро расширяются, именно на югъ: въ XV в. политическія границы литовскаго княжества достигли Чернаго моря, именно граница шла отъ впаденія Мурахи въ Днѣстръ, мимо Тегиня къ устью Днѣстра, лиманомъ мимо Очакова къ устью Днѣпра, оттуда до Тавани, потомъ къ Овечьимъ Водамъ до верховья, оттуда къ верховьямъ Самары и Оргѣва, до самаго Донца, и отъ Донца по Тихую Сосну³⁾). Конечно, южная Русь въ указанныхъ предѣлахъ не пополнилась населеніемъ въ татаро-литовскій періодъ, и до конца XVI в. значительная часть поворосійскихъ степей, юридически входившая въ составъ литовской Руси, представляла >дикія поля«, оставалась бесплодной и предоставлена была фактически татарскимъ кочевникамъ; но увеличеніе территоріи имѣло вліяніе на интенсивность южно-русской колонизаціи и на направленіе ея направленія. Въ это время можно различить три типа колонизаціи: 1) *дворянско-крестьянскую*, 2) *правительственную (или замковую)* и 3) *свободно-крестьянскую*. Первая имѣла мѣсто главнымъ образомъ съ начала періода (въ XIV в.), хотя и потомъ продолжалась; послѣдняя усиливается къ концу. Общее направленіе колонизаціи въ литовскій періодъ было съ сѣвера на югъ, въ степное пространство, хотя такое направленіе рельефно выразилось лишь въ послѣднемъ типѣ. Дворянская колонизація преобладала въ сѣверной лѣсной полосѣ: въ Черниговщинѣ, Волыни и въ лѣсной части Кіевщины; свободная крестьянская—вообще въ степной полосѣ; то же можно сказать и относительно второй. Первая колонизація шла путемъ раздачи земельныхъ участковъ землямъ и боярамъ. Обыкновенно ленники, получая отъ удѣльныхъ князей, а позже отъ великихъ князей ли-

¹⁾ Шараневичъ, стр. 185

²⁾ Первольфъ, стр. 205.

³⁾ Такое обозначеніе границъ было произведено въ началѣ второй половины XV в., при кіевскомъ князѣ Семенѣ Александровичѣ (1454—1471г.). —Акта, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. II, 1540 г., № 199, стр. 362.

товскихъ земельный участокъ › въ службу‹ или › вотчину‹, вмѣстѣ съ тѣмъ получали дозволеніе › устроить новое село‹¹⁾, а иногда прямо съ обязательствомъ, › посадить людъ волный, прихожій‹²⁾. Границы земельныхъ участковъ, при тогдашнемъ отсутствіи официальныхъ свидѣній, обыкновенно обозначались общими мѣстами—рѣками, лѣсомъ, урочищами и т. п., напр. Василю Корочевскому князь жалуетъ › Княжю Луку у Подольской земли, у камепецомъ повѣтъ, межи рѣками Моронками до берега Морошки Сенковской, въ лѣсомъ, что зовуть Стрыковъ Рогъ, и съ Куликовыми лѣсы, аже потоля, гдѣ упадаетъ Мороника Сенковская у Морохву Великую³⁾«. Получившій земли ставилъ большіе столбы (или кресты) на своемъ участкѣ съ приглашеніемъ поселиться на указанномъ мѣстѣ подъ извѣстнымъ условіемъ, что называлось тогда › зазывать на слободу‹⁴⁾. При свободѣ передвиженія въ ту эпоху крестьянъ, при ихъ безземелья новыя поселенія быстро наполнялись пришлымъ населеніемъ съ разныхъ краевъ, разрастались и нѣкоторыя потомъ переименовывались въ города, хотя перѣдко были случаи и запустѣнія такихъ поселеній, или въ силу раззоренія набѣгами татаръ или же благодаря возникшимъ, по минованіи льготныхъ лѣтъ, платежнымъ тягостямъ отъ владѣльцевъ. Прежде всего были розданы земельные участки въ болѣе спокойной по отношенію внѣшнихъ враговъ и болѣе цѣнной сѣверной лѣсной полосѣ. Земли на Волини, въ кіево-пыпскомъ Полѣсьѣ и Сѣверціи были розданы уже въ началѣ литовскаго владычества и эти области отмѣчены многочисленнымъ бояро-землянскимъ классомъ⁵⁾; чѣмъ область южнѣе, тѣмъ въ ней позже начинаютъ раз-

¹⁾ Въ 1383 г. великій князь Александръ Витовтъ Кейстутіевичъ далъ › жалованную грамоту‹ Василю Корочевскому о дозволеніи ему въ подольской землѣ устроить *новое село* Княжю Луку.—Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I, стр. 21.

²⁾ Въ 1496 г. пожалованы были отчины въ стародубскомъ и черниговскомъ повѣтахъ Ивану Глипскому съ условіемъ › посадилъ бытъ людъ волный прихожій‹.—Ibid., стр. 153—154.

³⁾ Ibid., стр. 22.

⁴⁾ Антоновичъ, › Кіевъ, его значеніе‹ п пр., стр. 22.

⁵⁾ Напрямѣръ, болѣе выдающіеся земляскіе роды, въ *мозырскомъ повѣтъ*: Обухи, Балакпры, Еськовичи, Лозки, Костюшковичи, Ленковичи, Служки; въ чер-

даваться земли, но тѣмъ землевладѣльческое населепіе малочисленнѣ¹⁾; но все таки земляне проникли до самыхъ крайнихъ предѣловъ литовскихъ владѣній²⁾).

Колопизація государственная сопровождала по пятамъ разширеніе владѣній литовскаго государства и выражалась въ постройкѣ замковъ, гдѣ поселялся староста или воевода княжескій и гарнизонъ; къ нему-же, какъ уже мы видѣли, приписывались окольные бояре, и въ зависимости отъ замка господарскаго былъ цѣлый повѣтъ; около замка иногда постепенно образовывался городъ. Каждый шагъ завоеванія литовскаго правительства отмѣчался постройкою замковъ. Такъ въ Подоліи, которая въ 1351 г. была отнята у татаръ литовцами и въ которой >въ тотъ часъ не бѣ ни одиъ городъ ни деревомъ рубленый, ни каменемъ будованный³⁾, послѣдніе построили три замка: Смотричъ, Бакоту и Каменецъ, заселили ихъ и стали управлять⁴⁾. Замки литовскіе были во всей литовской Руси. До половины XV в. замки или староства были слѣдующіе: Лоевъ, Любечъ, Остеръ, Кіевъ, Чернобыль, Овручъ, Житомиръ, Хмѣльниць, Брацлавъ, Баръ и Каменецъ. Со второй половины XV в. новою тесною расширяются на югъ литовскія владѣнія и являются замки: Переяславъ, Ыллан-Церковь, Каневъ, Черкассы, Кременчугъ, Мишуриль-Рогъ и Винница. Во второй половинѣ пытаются устроить третью линію: Чигиринъ, Звенигородъ и Лысянка. При Витовтѣ литовскіе замки появились и на черноморскомъ побережьи: построена была

новобельскомъ и кіевскомъ: Кляпичи, Проскуры, Горностан, Сурини, Загоренки, Полозовичи, Дашковичи, Тыпи, Воловичи, Лемеша, въ овручскомъ и житомирскомъ: Немировичи, Дедовичи, Ельцы, князя Сенские, Халские, Щеневские, князя Капусты, Тышковичи, Сtryбелл, Вороны, Прежовскіе, Корчевскіе и т. д. — Антоновичъ, »Кіевскан Старина«, 1882 г., янв., стр. 30.

¹⁾ Напрямъ въ черкасскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевского и житомирскаго землянъ было мало, всего два-три рода, а въ повѣтахъ звенигородскомъ, переяславскомъ землянъ вовсе не было (*ibid.*).

²⁾ Изловецкіе, напрямъ, были владѣльцами гавани Хаджибей, гдѣ Одесса (Новицкій, стр. 30); Буцацкимъ принадлежал поселеніи по берегамъ р. Синюхи (> Сл. нас. и. херс. губ.).

³⁾ Спирновъ, >Сперъ между Литвою и Польшею о правахъ на Волынъ и Подолію«, стр. 40.

⁴⁾ *Ibid.*

крѣпость Дашевъ (Очаковъ) и устроена гавань на отнятой у татаръ стоянкѣ Хаджибей; при устьѣ Днѣстра противъ генуэзской крѣпости Монастро (Аккерманъ) воздвигнуть новый литовскій замокъ, а нѣсколько выше по Днѣстру замокъ Тягань (Бендеры). Сверхъ того упоминаются въ степи замки и крѣпости: Караулъ, Гербедевъ, Упскъ, слѣды которыхъ и мѣсто не опредѣлены еще¹⁾. Но послѣ крымцы почти все это уничтожили: литовскія замковыя поселенія были отобраны назадъ до Хмѣльника и Винницы²⁾. Въ нѣкоторомъ отношеніи литовскіе замки имѣли значеніе древне-русскихъ городов: окольное населеніе въ нихъ укрывалось въ случаѣ набѣговъ татаръ и они служили своими военными средствами для этого населенія и опорными пунктами въ борьбѣ съ кочевниками. Отчасти подъ защитою замковъ происходитъ и крестьянская колонизація въ степяхъ. Въ литовскомъ государствѣ, гдѣ особенно съ XV в., въ силу военной организаціи администраціи и отчасти населенія и въ виду выдѣленія высшаго землевладѣльческаго класса, выступилъ уже на сцену принципъ правительственнаго урегулированія поселеній, ярко выразившійся въ перенесеніи съ правительства на землевладѣльческій классъ правъ по отношенію къ сельскому населенію и въ первыхъ попыткахъ уничтоженія свободы передвиженія, — крестьянская колонизація представлялась своевольной, незаконной, такъ какъ во 1-хъ крестьяне занимали земли, *de jure* принадлежащія правительству, и во 2-хъ ускользали отъ обязательныхъ отношеній къ правительству, или его леннику — землевладѣльцу. Но кромѣ послѣдняго обстоятельства, неблагоприятствовавшаго разселенію крестьянъ, колонизація имѣла еще болѣе невыгодныя условія, это сосѣдство съ кочевниками-татарами. Какъ уже мы говорили, сѣверныя части литовской Руси были фактически во владѣніи дворянско-земледѣльческаго населенія, и крестьяне здѣсь, даже при свободѣ передвиженія, въ концѣ концовъ должны были поселиться на частныхъ земляхъ и стать въ обязательныя отношенія, которыя, чѣмъ болѣе уплотнялось населеніе, тѣмъ болѣе становились тягостными; избѣжать этого было можно переселеніемъ въ степную полосу, гдѣ землевладѣльческое населеніе было

¹⁾ Антоновпчъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 26.

²⁾ Житенкій, стр. 257.

еще незначительно. Но здѣсь оно должно было выдерживать постоянную борьбу съ кочевниками, защищая свое имущество, свой скотъ, жизнь своей семьи и свою собственную. Однако социальнополитическія условія внутри южной Россіи на столько измѣнились въ невыгодную сторону для сельскаго населенія, особенно для жившаго на частныхъ владѣльческихъ земляхъ, что и степи предпочитаютъ. Въ движеніи на югъ играютъ значеніе, конечно, и рѣки, а также и традиція. Свободная крестьянская колонизація идетъ внизъ по Днѣпру до пороговъ, также по Орели, Самарѣ, Ворсклѣ, Тясмину, обоямъ Ингуламъ и далѣе на западъ до Днѣстра. Кроме прежде всего занятыхъ староствъ каневского и черкаскаго, заселяется приднѣпровская часть бывшаго переяславскаго княжества. пустыри между Тясминомъ, Спихою и Росью, обширныя пространства, такъ называемыя «грунты уманскій и звенигородскій», области, позже названныя «Брацлавщиной»¹⁾. Сюда стекалось населеніе не только съ прилегающихъ и гуще заселенныхъ мѣстностей, но и со всѣхъ концовъ южно-русской страны: изъ Подлясья, съ береговъ Стыри, Гориши, Зап. Буга, Десны, верховьевъ Днѣпра²⁾, съ польской Руси³⁾. Населеніе разселялось хуторами по бережьямъ рѣкъ и рѣчекъ и ютилось въ степныхъ балкахъ; занятіями его были земледѣіе, пчеловодство (пасѣки), охота, рыболовство; въ число промысловъ входили «угонъ лошадей и захватъ добычи у татаръ»; велась также торговля продуктами этихъ промысловъ⁴⁾. Южно-русское крестьянство, начавшее жизнь въ степной полосѣ самостоятельно, безъ культурнаго, государственнаго и социальнаго давленія правящихъ классовъ, возродило въ своей организаціи старыя общинновѣчевыя привычки, еще не атрофировавшіяся до конца, даже въ бытѣ сельскаго населенія внутри страны⁵⁾, и теперь здѣсь, въ степяхъ, въ виду грознаго врага закладывалась основа новой жизни на старыхъ

¹⁾ Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 31.

²⁾ Житецкій П., стр. 287; «Сп. нас. м. екатеринославской губерніи».

³⁾ Szaraniewicz, «Rys wewnętrznych stosunków Galicyi Wschodniej w drugiej połowie XV wieku», Lwów, 1869 г., стр. 75.

⁴⁾ Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 31.

⁵⁾ Иванышевъ, «О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи», «Сочиненія Иванышева», Кіевъ: 1876 г., стр. 231—299.

началах вѣчевой свободы > въ формѣ товариства <¹⁾. По спеціальнымъ условіямъ народной колонизаціи, т. е. жизнь въ виду постоянной опасности отъ татарь, наложили на нее своеобразный отпечатокъ, образовавъ изъ крестьянскаго населенія, сбѣжавшагося сюда съ разныхъ концовъ южно-русской земли, *родъ военнаго сословія*, инициативу въ боевой организаціи котораго принимали на себя сосѣдніе литовскіе замки. Крестьянская колонизація, которая сначала была терпима >), въ силу безсилія прекратить ее, потомъ уже признавалась, какъ совершившійся фактъ, и населеніемъ данной мѣстности правительство спѣшило воспользоваться въ борьбѣ съ татарами и въ огражденіи границъ отъ послѣднихъ >). Организаторская роль по отношенію поселенцевъ принадлежала старостамъ хмельницкимъ, брацлавскимъ, вившицкимъ, каневскимъ и черкасскимъ <). Такимъ образомъ въ литовскій періодъ въ мѣстностяхъ, гдѣ были литовско-русскіе дворяне и мѣщане, они приобрѣли характеръ военно-служилыхъ людей, хотя и съ значительнымъ личнымъ имуществомъ правомъ >), въ степной-же полосѣ такую военную окраску получило само русское крестьянство, въ видѣ южнорусскаго >козачества<. Вольное козацкое населеніе сдѣлалось передовой стѣной отъ набѣговъ татарь. Подъ его охраною отчасти и дворянскіе роды переселялись изъ внутреннихъ провинцій, основывали здѣсь свои слободы и наполняли ихъ >подданными людьми< >).
 Трудно, по бѣдности источниковъ, сказать что ибудь определенное объ этнографическомъ составѣ и этнологическихъ измѣненіяхъ въ южно-русскомъ населеніи за время съ XIII по XVI в. Несомнѣнно только, что высшее сословіе страны болѣе другихъ

¹⁾ Жатецкій II., стр. 284.

²⁾ Объ этомъ говорить, напримѣръ, жалоба каневцевъ, что переселенцы >нашутъ, гдѣ хотятъ и сколько хотятъ<, или что они >въ каневскихъ уходахъ живутъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду и сытять себѣ, яко дома<. Антоновичъ, >Кіевскіе Старшн< 1882 г., янв., стр. 33.

³⁾ Ibid., стр. 33—34.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ефименко, >Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками<, >Слово< 1879 г. № 9, стр. 31.

⁶⁾ >Наденіе шляхетскаго господства въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, въ XVII ст. <. Вѣстникъ юго-зап. и запад. Россіи, 1862, іюль, стр. 31.

измѣнилось: приняло въ себя значительное количество инородныхъ элементовъ, получило постепенно узко-сословный характеръ и измѣнило свои типическія особенности.

Литовцы въ завоеванной территоріи южной Руси застали, кромѣ рядоваго сельско-городскаго населенія, еще довольно численное потомство русскихъ удѣльныхъ князей и бояръ,—послѣднихъ какъ въ видѣ остатковъ дружиннаго войска, съ которыми русскіе князья ходили по распоряженію монгольскихъ владыкъ²⁾, такъ и въ видѣ земскихъ бояръ³⁾, т. е. осѣвшихъ на опредѣленныхъ, пожалованныхъ князьями земляхъ, напр. въ Болоховской землѣ. И та и другая группа были представители экономически-состоятельнаго разряда южно-русскаго населенія, въ тому же отличены были отъ прочей массы своими военными занятіями и, понятное дѣло, сдѣлались землевладѣльцами при литовскихъ князьяхъ на правахъ ленниковъ, получая то подтвержденіе на свои прежнія вотчины, то новые земельные участки⁴⁾. Нерѣдко было, что южно-руссы переселялись въ предѣлы Литвы и сѣверо-западнаго края и тамъ получали службы⁵⁾. Обратное въ южной Руси, рядомъ съ мѣстными землянами, поселялись (вѣроятно всею, въ преобладающемъ количествѣ) и новые завоеватели изъ литовцевъ — это

2) Въ 1274 г. *Менаутимерь* (же) далъ ему (Дьву) рать, и Ягурчина съ нимъ воеводу и заднѣпрскыи князиви да ему въ помочь, Романа *Дьбряньскаго* (т. е. »Брянскаго«) и сыниамъ Олгямъ, и Габба князя смоленскаго, иныхъ князей много, тогда бо бяху вси князи въ воли въ татарьскыи «... подоша-же съ ними князи пивьскии и туровскии», и »съ ними князи янози», и всѣ съ »ратью«. Платек. дѣт., стр. 568, 575—577; такъ же было въ 1282 года, стр. 585; 1287 г., стр. 591 и др.

3) Костомаровъ, т. XII, стр. 56—57; Сергѣевъ, »Вѣче и князь«. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей, стр. 411—412.

4) Такъ князья Остроженіе, потомки велико-княжескаго дома Владиміра св., владѣли съ 1386 г. княжествами Остроженскимъ, Заславскимъ и Боредскимъ.—Автоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 46.

5) Въ 1438 г. перешелъ въ Литву Язловецкій и пожалованъ тамъ рыцарскіяи достоинствами (Акты, относящіяся къ исторіи западно-русскаго края, т. I. № 57, стр. 80): »Соболевскіе, родомъ изъ кіевского воеводства, во время скуть здѣсь перешли въ городскыи повѣтъ, гдѣ оныя пріобрѣли себѣ пмѣнія, а въ 1480 г. ихъ потомки получили дворъ близъ Пуци Супральской на Подлясьи съ

князя Гедиминова рода¹⁾, администраторы княжескихъ земель (воеводы, »державцы«, »старосты«, »тивуны« и пр.) и разнаго рода ленники, которые получали удѣлы, округи, повѣты или земельныя фвнды, какъ временныя, такъ и вотчинныя въ разныхъ концахъ южно-русской территоріи²⁾: въ Сѣверцинѣ, въ Кіевцинѣ, на Волини, въ Подоліи и въ Галицкой Русси³⁾, до присоединенія ихъ къ Польшѣ. Совмѣстное проживаниеъ подъ одинаковыми политическими, социальными и географическими условіями повело къ взаимному сближенію литовскаго и русскаго элементовъ, что выразилось въ принятіи литовцами христіанства, въ установленія родственныхъ связей черезъ браки и пр. Преимущества южно-руссовъ, прожившихъ уже нѣскольکو вѣковъ культурною жизнью, создавшихъ свою литературу, видѣвшихъ изъ себя образованное духовенство и княжеско-боярскій классъ, сказались въ постепенномъ утрачиваніи своихъ національныхъ оригинальностей⁴⁾ литовцами, пародомъ, едва выбившимся изъ формъ первобытнаго проживания: литовцевъ-завоевателей постигла судьба, аналогичная съ лѣтописными варяжскими

Ходкевича (Археографическій сборникъ, т. VII, стр. 57). »При Гедимнѣ, говоритъ Шараневичъ, »многіе русскіе духовніи, учителя, художники переселились до Литвы и ширяя греческую вѣру, языкъ русскій, просвѣщеніе и искусство«. — Шараневичъ, стр. 134.

¹⁾ »Такъ родъ Любартовичей, пчѣвній удѣлъ въ Сѣверцинѣ и въ галицкой Русси—Теодоръ, Дежстрій, Агрипина и Анастасія—далъ отъ себя численное потомство, изъ котораго, между прочимъ, произошли роды князей Сангушко, Ковельскихъ и Кавирскихъ; родъ Олигудовича (Олельковичей?) оставилъ также поколѣніе; въ Черниговинѣ князья Чарторыйскіе представляются потомками отъ Константина Ольгердовича, получившіе земельную собственность »на Черняговѣ и Черториску«. На Волини князья Корцеице—потомки Дежстрія (иначе Бориса) Ольгердовича, надѣленнаго Корцеицъ; въ Подоліи князья Хованскіе—поколѣніе »Теодора, сына Патрицого Нарвизутовича; такого-же литовско-княжескаго происхожденія князья Смоленскіе, владѣтели Смоленска, князья Збаражскіе и Вишневецкіе, владѣтели Збаража и Вишневецъ и пр. (Шараневичъ, стр. 305—306);—родъ Олельковичей, считавшій своею потчиною кіевскія земли, копильскій удѣлъ на Волини и слущій.—Антоновичъ, : Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 12—18.

²⁾ Шараневичъ, стр. 306—307.

³⁾ Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I, стр. 48, 67, 151. 196 т.; II стр. 28, 154 и др.

⁴⁾ Мансиновичъ, т. 1, стр. 125.

князьями и дружиною ¹⁾). Рельефно, шагъ за шагомъ, ассимилирование литовцевъ со славяно-руссами видно на княжеской семьѣ, но это лишь потому, что о князьяхъ литовскихъ сохранилось болѣе историческихъ документовъ, чѣмъ объ остальномъ литовскомъ населеніи, ибо несомнѣнно, что то-же происходило и во всѣхъ литовскихъ слояхъ ²⁾), которые, поселившись въ странѣ, пришли въ соприкосновеніе съ южно-руссами. Въ результатъ получился *высній классъ населенія* (князья, земяне, бояре) въ южной Россіи, въ который прежде всего вошли элементы двухъ народностей: литовской и славяно-русской, и для котораго сдѣлались общими православная религія, русскій языкъ и русское право ³⁾). Но если славяно-руссы дали этому этнографически сплавному высшему классу населенія указанные признаки, то несомнѣнно, что туда же внесли долю своихъ этнологическихъ свойствъ и литовцы хотя-бы путемъ физиологическаго воздѣйствія на перемѣну физическихъ и нравственныхъ чертъ въ типѣ. Кромѣ этого не нужно забывать еще и другихъ этнографическихъ элементовъ, вросавшихся въ организмъ высшаго южно-русскаго сословія, именно: западно-русскихъ, сѣверно-русскихъ, татарскихъ, нѣмецкихъ, еврейскихъ и пр. Литовцы были завоевателями не одной южной Руси, но вмѣстѣ, и даже прежде западной—кривичско-дреговичской страны; западно-русскія области первыми подчинились литовцамъ и стояли въ ближайшемъ соприкосновеніи съ центральными литовскими областями. Не слѣдуетъ также забывать и того обстоятельства, что западно-русскія области, особенно-же псковскія и новгородскія, менѣе всѣхъ пострадали отъ монгольскаго владычества и болѣе сохранили свое население на старыхъ мѣстахъ, и, можно думать, съ менѣе измѣненными своими бытовыми формами ⁴⁾). Въ стираніи особенностей

¹⁾ Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ «. Спб. 1865 г., стр. XXXIV.

²⁾ Пернольфъ, стр. 17.

³⁾ Антоновичъ, »Исторія велик. литов. княжества«, стр. 156; Житцкій II., стр. 279—280; »Документы« и пр., стр. XXVIII—XXIX.

⁴⁾ Извѣстно, напр., что черты новгородскаго говора и до нашего времени сохраняли болѣе сходства съ южно-русскими языкомъ и съ древне-русскими, чѣмъ какой-нибудь другой говоръ или языкъ въ Россіи.—Лавровскій, »Обзоръ значительныхъ особенностей нарѣчій малорусскаго«.

литовскаго народа, въ видѣ-ли проведенія въ среду его христіанства, или въ видѣ приученія его къ славяно-русскому языку, припимало участіе и западно-русское населеніе, и такимъ образомъ на вновь формировавшійся литовско-русскій типъ накладывало и свои западно-русскія особенности. Вліяніе западно-русскаго населенія, какъ и обратно южной Россіи на литовцевъ, не могло ограничиваться своею территоріей: какъ князья, такъ и разнаго національнаго типа ленники получали удѣлы земельные, » службы « и » вотчины « на разныхъ концахъ великаго княжества литовскаго и постоянно такимъ путемъ перемежались изъ южной Россіи въ сѣверо-западную и обратно ¹⁾. Такимъ образомъ время нахождения южной Руси подъ властью литовцевъ было періодомъ этнографическаго сближенія южно-русскаго населенія съ западно-русскимъ, по крайней мѣрѣ въ княжеско-землевладѣльческомъ классѣ; это отразилось рельефно на государственномъ и литературномъ языкѣ литовскаго княжества, который, по мнѣнію г. П. Житоцкаго, » не есть цѣльный языкъ съ основными чертами одного какого-либо нарѣчія, а діалектическая смѣсь особенностей южно-русскихъ и бѣлорусскихъ ²⁾. Но и *съверно-русская народность*, хотя въ это время и оформилась уже въ отдѣльное московское государство, не осталась безъ вліянія на высшій литовско-русскій классъ. Вліяніе этнологическое сѣверно-руссовъ проникало между прочимъ путемъ взаимныхъ браковъ: такъ извѣстно, что » 16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за князьями литовскими и 15 литовскихъ княженъ были выданы за кня-

¹⁾ Напримеръ Свидригайло взялъ группу преданныхъ себѣ и интересамъ Руси лицъ въ сѣверской и волынской земляхъ и въ своихъ вотчинныхъ удѣлахъ—Витебскѣ и Полоцкѣ (Антоновичъ, » Кіевская Старина, « 1882 г., яви. стр. 15). Князь Мпхалъ Олельковичъ находился въ Великомъ Новгородѣ въ качествѣ нахѣстника Казимира, куда вызванъ былъ партией Борецкихъ для противодѣйствія полптикѣ Іоанна III; въ 1482 г. онъ является оттуда претендентомъ на Кіевъ, какъ вотчину фамиліи Олельковичей, и, не успѣвши здѣсь, поселяется въ своемъ копильскомъ удѣлѣ (ibid. стр. 20). Такое-же перемеженіе несомнѣнно происходило въ средѣ земель и бояръ.

²⁾ П. Житоцкій, стр. 279—280. По наблюденіямъ того же автора, » бѣлорусскіе элементы рѣзче выступаютъ въ XV в., малорусскихъ больше въ XIV в., не смотря на сравнительно меньшее количество дошедшихъ до насъ актовъ XIV. в. «.

зей русскихъ ¹⁾», а въ числѣ браковъ между семействами литовскаго князя съ одной стороны и съ другой стороны князей южно-русскихъ, западно-русскихъ и сѣверно-русскихъ, преобладаютъ браки съ послѣдними, т. е. съ сѣверно-русскими. Извѣстій о сближеніи литовско-русскихъ землянъ и бояръ съ сѣверно-русскими черезъ браки у насъ нѣтъ, но существуютъ косвенныя указанія, что этнографическое взаимодействие и близость между высшими сословіями сѣверно-руссовъ и литово-руссовъ несомнѣнно существовали: мы разумѣемъ здѣсь обратившіяся въ обычай, въ силу политическихъ обстоятельствъ, переселенія литово-русскихъ дворянъ въ предѣлы московскаго государства и обратно. Не говоримъ уже о Сѣверцианѣ, гдѣ по нѣсколькxу разъ перебивали князья Можайскіе, Воротынскіе, Шемяки и пр., то подчиняясь власти великаго княжества литовскаго, то удаляясь въ предѣлы московскаго государства; но подобнос явленіе замѣчается и въ центральныхъ мѣстахъ южно-русскихъ: кіевскій вотчинникъ князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, по предвѣстію обручавшій въ южной Руси татаринъ, послѣ неудавшейся попытки въ союзѣ съ московскимъ княземъ отторгнуть отъ Литвы нѣкоторыя русскія области, переселился въ предѣлы великаго княжества московскаго вмѣстѣ съ братьями и нѣкоторыми своими сторонниками ²⁾; аналогична и исторія переселенія въ московское государство фамиліи Бѣльскихъ. Обратнo, изъ сѣверно русскихъ предѣловъ мы имѣемъ рѣзкіе примѣры переселеній въ южную Русь фамиліи кн. Курб-

¹⁾ Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи 1862 г., № 8, стр. 26. Между прочимъ у Ольгерда Гедеминовича первая супруга была Марья Ярославна, княжна витебская, а вторая Юліанія Александровна, княжна тверская (стр. 19); Любаръ Гедеминовичъ имѣлъ въ первомъ супружествѣ дочь князя владимірскаго на Волыни, во второмъ-же дочь Константина Острожскаго (стр. 20); Корнубутъ Ольгердовичъ -- дочь князя разанскаго Александра (стр. 21); Днигвнй Ольгердовичъ жепать былъ на Маріи Васильевнѣ, дочери Дмитрія Іоанновича Донскаго, великаго князя московскаго; Свдиргаило Ольгердовичъ на дочери князя тверскаго, Александръ Коріатовичъ на дочери Семіона Іоанновича Гордаго, великаго князя московскаго (21); Ослелько (Александръ) Владиміровичъ, князь копыльскій и вотчинникъ кіевскій былъ жевать на Анастасіи, дочери великаго князя московскаго Василія Дмитріевича (Антоновичъ, »Кіевская Старина«, стр. 17). И обратнo: литовскія княжны были за князьями: тверскимъ Дмитріемъ Михайловичемъ Грознымъ Очи, звенигородскимъ — Андрианомъ Титовичемъ, за московскимъ — Симеономъ Ивановичемъ, суздальскимъ — Борисомъ и Константиномъ и т. д. (ibid., стр. 23—25).

²⁾ Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 22—25.

скихъ и др. Еще болѣе до насъ дошло случаевъ ассимилированія съ литовско-русскимъ высшимъ классомъ татарскихъ элементовъ. Кромѣ уже упомянутой фамилии Глицкихъ, потомки которой переселились въ литовскую Русь и приняли православное крещеніе еще при Витовтѣ¹⁾, можно указать и другіе аналогичные факты: такъ, »въ началѣ XVI в. среди бояръ, приписанныхъ къ мозырскому замку, жила семья Кобызевичей. Родъ Кобызевичей былъ татарскаго происхожденія: предокъ ихъ Кобызь находился въ числѣ татарскихъ плѣнниковъ, поселенныхъ Витовтомъ въ окрестностяхъ Мозыря и приписанныхъ имъ къ числу замковыхъ слугъ. Съ теченіемъ времени Кобызевичи крестились и вошли въ составъ мозырскаго боярства, приобрѣтя незначительную боярскую землю²⁾. Такова-же исторія происхожденія фамилии Шабловскихъ и др. Известны факты и болѣе массового включенія татаръ въ составъ литово-русскаго военно-землевладѣльческаго класса, но мы ограничимся здѣсь ссылкою на Литовскіе Статуты 1566 и 1588 г., въ которыхъ постановляется, что тѣ татарскіе князья, мурзы (улапы), которые владѣютъ земскими владѣніями по пожалованію великихъ князей литовскихъ, уравнены въ правахъ со шляхтичами³⁾, а такого рода татарскихъ земель мы встрѣчамъ какъ въ западной Россіи, такъ и въ южной, напр. въ повѣтъ острожскомъ. Въ архивныхъ документахъ встрѣчаются указанія, что въ среду литовско-русскаго землевладѣльческаго класса входили и евреи, какъ землевладѣльцы, и сливались съ нимъ: Авраамъ Іозефовичъ былъ старостою ковельскимъ и солецкимъ, и подскарбіемъ великаго княжества литовскаго, а его братъ, Михаилъ Іозефовичъ возведенъ былъ »со всѣмъ его законнымъ потомствомъ« въ шляхетское достоинство⁴⁾. Съ момента федеральнаго соединенія

¹⁾ Ibid., стр. 21.

²⁾ Антоновичъ, »Папы Ходыки«, воротилы городского самоуправления въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст. »Кіевская Старина«, 1882 г., февр., стр. 236.

³⁾ Вернадскій, стр. 292—293.

⁴⁾ Возводя, по случаю деиной присяги маркграфа Бранденбургскаго, нѣкоторыхъ лицъ въ дворянское достоинство, король литовско-польскій говоритъ въ актѣ, изданномъ по этому поводу: »пріямили мы достохвальную и давно призванную доблесть и разнообразныя услуги, многократно оказанныя вамъ преславнымъ вѣкогда Авраамомъ Іозефовичемъ, старостою ковельскимъ и солецкимъ, подскарбіемъ великаго князя литовскаго; припоминая сіе, а также не менѣе важныя и цѣнныя услуги

Литвы съ Польшей въ среду землянь и бояръ литовско-русскихъ началъ проникать польскій элементъ, сначала черезъ брачное родство, а позже и путемъ прямого полученія земельныхъ участковъ. Съ XVI в. польскіе дворяне уже преобладаютъ въ южно-русской странѣ и литовско-русскій высшій классъ стоитъ на пути къ рѣшительной ассимиляціи съ поляками. Сословность въ XIV—XV вв. въ южной Руси хотя уже и пріобрѣла довольно рѣзкія формы, но былъ еще возможенъ и даже сравнительно легокъ переходъ какъ снизу вверхъ, такъ и обратно. Напр., по словамъ проф. Антоновича, земляне кievской области тяготеютъ къ городу, пріобрѣтаютъ въ его чертѣ дома, рождаются съ знатными мѣщанскими семействами и нерѣдко переходятъ въ мѣщанское сословіе, и обратно—встрѣчаемъ частые случаи, когда богатые мѣщане пріобрѣтаютъ куплею или на основаніи княжеской жалованной грамоты земли и «службы» и становятся въ ряды землянь; встрѣчаются такіе роды: Крикуновичи, Крилицкіе, Шувалы, Мелешковичи, которые появляются поочередно, то въ качествѣ землянь, то въ рядахъ кievскаго мѣщанства. Аналогичное сословное смѣшеніе было и въ другихъ областяхъ литовской Руси: такъ напр., въ 1438 г., выходя изъ Сѣверской земли, Тимошей Югунъ причисленъ къ «хоруговой шляхтѣ»¹⁾, и обратно, въкоторыя изъ семействъ Кобозычей, бояръ мозырскихъ, спустились въ ряды мѣщанъ подъ фамиліей Фецъ и Ходыковъ²⁾. Такимъ путемъ взаимной, между-сословной диффузии литовскіе элементы попадали и въ среду южно-русскаго мѣщанства; были и прямыя поселенія литовцевъ въ городахъ среди мѣщанъ, даже въ селахъ среди южно-русскаго крестьянства; поселившіеся слились потомъ съ туземцами³⁾; также слились и другіе инородческіе элементы.

Слѣдовательно, мы чужды мысли, что литовско-русскій высшій классъ, по своей этнографической организаціи, окончательно выдѣ-

достоянаго мужа Михаила Юзефовича, еврея, нашего брестскаго мытника, роднаго брата своего Авраама Юзефовича, властью нашею возводя въ шляхетское достоинство со всѣмъ его законнымъ потомствомъ. Бершадскій, стр. 368.

¹⁾ Антоновичъ, «Кievская Старина», 1882 г., февр., стр. 38.

²⁾ Акты, относящіеся къ исторіи западной Руси, т. I, № 37, стр. 50.

³⁾ Антоновичъ «Кievская Старина», 1882 г., февр., стр. 236 и пр.

⁴⁾ Шараневичъ, стр. 253.

лился изъ остального населенія: мы признаемъ только за несомнѣнный фактъ, что этотъ разрядъ южно-русскаго населенія въ разсматриваемое время заключалъ въ себѣ разнородные этнографическіе элементы, что эти послѣдніе не стояли изолированно, а объединялись религіей, языкомъ, правомъ и бытовымъ устройствомъ, что наконецъ разнородныхъ этнографическихъ элементовъ въ литовско-русскомъ высшемъ классѣ было въ процентномъ отношеніи гораздо болѣе, чѣмъ въ прочемъ населеніи того времени. Нужно также принять во вниманіе и то, что неодинаковые элементы преобладали въ литовско-русскомъ высшемъ классѣ и въ прочемъ южно-русскомъ населеніи. Такъ въ первомъ, кромѣ западно-руссовъ, преобладали литовцы, а съ XVI в. поляки, именно тѣ этнографическіе элементы, каковыхъ менѣе всего ассимилировалось съ сельскимъ и городскимъ населеніемъ южно-руссовъ обѣихъ половинъ. Въ подобныхъ свойствахъ этнографической розни, вмѣстѣ съ политико-экономической ролью литовско-русскаго (земляно-боярскаго) высшаго сословія, нельзя не видѣть уже начала этнографическаго отпаденія его отъ рядовой южно-русской массы.

Указанная группировка южно-русскихъ обитателей не относится ко всей заселенной территоріи южной Руси, потому что часть ея со второй половины XV в. уже не входила въ составъ великаго княжества литовскаго, именно: Галиція, южная Подолія и Подлясье составляли провинцію польскаго королевства¹⁾ и сословная группировка въ нихъ утвердилась на иныхъ началахъ. Непродолжительное господство литовцевъ надъ Подольей и частью Галиціи не оставило слѣдовъ своего вліянія на сословную организацію славяно-русскаго населенія этихъ областей, и такимъ образомъ переходъ къ польскимъ порядкамъ былъ непосредственно отъ удѣльнаго періода. Особенность галицкой области, сравнительно съ другими частями южной Руси въ XIII ст., заключается въ развитіи боярскаго разряда населенія, т. е. своего рода аристократіи. Въ силу малочисленности княжеской фамиліи въ Галиціи бояре усиливаются до того, что принимаютъ участіе въ верховномъ правленіи страной: ихъ подписи, печати находятся на грамотахъ вмѣстѣ съ княжескими; въ повѣшеніи двухъ Игоревичей бояре простираютъ

¹⁾ Смирновъ, стр. 181, 182.

свою силу до суда надъ князьями и т. д. Въ рукахъ галицкихъ бояръ сосредоточивается власть военная, административная и финансовая. Но галицкая боярская аристократія имѣла то существенное отличіе, что она не владѣла земельною собственностью на правѣ захвата, какъ это было у западно-европейской аристократіи. Остальное населеніе галицко-подольскихъ областей имѣло общіе признаки съ населеніемъ всей южно-русской территоріи: люди различались »по состоянію и по степени того вліянія, какое по своему положенію оказывали одни на другихъ¹⁾, а также по занятіямъ: были, кромѣ бояръ, купцы, духовенство и крестьяне, которые составляли »весь нижній классъ народонаселенія, т. е. всё не бояре, не духовенство и не купцы«²⁾).

Съ появленія польской власти и польскаго населенія въ предѣлахъ Галиціи начались измѣненія въ соціально-бытовомъ устройствѣ южно-русскаго населенія и быстрыми шагами пошло сословное расчлененіе населенія: въ отношеніи склопности къ нивелированію и породнаго населенія по своему уровню поляки представляютъ рѣзкій образецъ, какъ по пастойчивости, такъ и по цѣлесообразности избираемыхъ средствъ и по послѣдовательности ихъ примѣненія. Пржеде всего вся территорія была распредѣлена между польскими дворянами и русскими боярами съ одной стороны и городами, получившими магдебургскія права съ другой.

Короли обыкновенно раздавали отдѣльныя села и цѣлыя повѣты; землевладѣльцы, вмѣстѣ съ правомъ основать новыя села и города, строить замки, получали въ свое владѣніе и всё угоды: лѣса цѣлыхъ повѣтовъ, пуши, поля, рѣки, птицъ, рыбу, звѣрей³⁾). Населеніе, не получившее земельныхъ угодій, конятно, стало въ экономическую зависимость отъ землевладѣльческаго класса, который удержалъ на южно-русской территоріи тѣ привилегіи и черты сословной обособленности, какими онъ характеризуется въ Польшѣ уже въ XIV ст., т. е. въ періодъ завладѣнія поляками южной Русью, когда въ Польшѣ были строго отграниченные классы населенія:

¹⁾ Костомаровъ, »Монogr.«, т. II, стр. 55.

²⁾ Бѣлиевъ, »Крестьяне на Руси«, второе изданіе, стр. 32; Шараневичъ, стр. 143—145.

³⁾ Szaraniewicz, »Rys« et caet., стр. 57.

дворяне, мѣщане и крестьяне ¹⁾). Кроме того, съ присоединеніемъ южно-русскихъ областей, польская территория значительно расширилась, потребовалось больше рабочей силы, а между тѣмъ явилась сильная эмиграція польскихъ крестьянъ въ южно-русскіе предѣлы ²⁾); для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ для землевладѣльческаго класса явились мѣры прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, чего и достигло дворянство, вырвавшее послѣдовательно изъ власти короля законодательство, администрацію, судъ и войско: уже по кошущкому договору изъ 12 грошей королевской подати 10 брали себѣ дворяне, а со времени статута Альбрехта (1497 г.) въ теченіи 80 лѣтъ крестьян-

¹⁾ *Дворяне* подраздѣлялись на знатныхъ дворянъ или рыцарей, мелкое дворянство и простолюдиновъ, возведенныхъ въ дворянское достоинство королямъ или какими-нибудь знатныхъ рыцарей, были свободны отъ всякихъ государственныхъ повинностей, кроме военной службы, которая со времени кошущкаго договора (1374 г.) сдѣлалась исключительной привилегіей дворянъ; *мѣщане*, въ числѣ которыхъ преобладали численно и составляли богатый классъ инородцы, обязанности были только защищать свои города; *крестьяне* раздѣлялись на 4 разряда: *кметы*, *солтысы*, *вольные люди* и *крѣпостные или рабы*. *Солтысы*—это по преимуществу инородные колонисты, жившіе въ городахъ, но пользовавшіеся особымъ «нѣмецкимъ правомъ», въ слѣдъ котораго каждое солтыское поселеніе имѣло изъ среды своей непосредственнаго пачальника «солтыса» съ властью административною, судебною и полицейскою; солтысы черезъ своего представителя платили десятину на церковь и оброкъ или чиншъ землевладѣльцу, а также участвовали въ военной службѣ, съ освобожденіемъ отъ другихъ государственныхъ повинностей; но постепенно, особенно со времени кошущкаго договора, сливаются съ кметами. *Кметы* жили на чужихъ земляхъ (королевскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и владѣльческихъ) съ обязательствомъ, по праву вѣчной аренды, платить чиншъ въ пользу владѣльца земли или деньгами, или чаще натурою, а иногда и барщиною. На кметахъ крохотного лежали всѣ государственныйя тягости; переходъ ихъ съ участка былъ чрезвычайно ограниченъ. *Свободные или вольные люди* жили тоже на чужихъ земляхъ съ платою оброка, но только по временнымъ договорамъ, и занимались преимущественно промыслами по деревнямъ и городамъ—это огородники, мельники, корчмары, пчеловоды (боргвяки) и пр. Наконецъ г) *нескольники или рабы* были въ полномъ распоряженіи своихъ владѣльцевъ.—Разневскій, «Крестьянское сословіе въ Польшѣ», «Русскій Вѣстникъ», 1858 г., № 57.

²⁾ Въ XV в. королевскіе сборщики, пріѣзжая за сборомъ податей, находили только не обработанными оставленныя жителями земли.—Ibidem.

ское сословіе приводится постепенно къ подданству, такъ что уже напр. въ 1520 г. для всѣхъ крестьянъ и колопистовъ сдѣланъ обязательнымъ одинъ день барщины. Сословныя прерогативы и рамки, созданныя для Польши, цѣлкомъ потомъ перенесены были въ польскую Русь, гдѣ завосватели поляки не только были экономическими владыками, но и стремились насадить свою культуру въ видѣ сословныхъ порядковъ, католической религіи, польскаго языка и пр. При посредствѣ привилегій и собственно-культурнаго вліянія въ теченіи какихъ нибудь 100 лѣтъ южно-русская галицкая аристократія (бояре) слалась съ польскою, и такимъ образомъ въ русскихъ провинціяхъ Польше еще до XVI в. образуется изъ древнерусскихъ князей и бояръ, съ одной стороны, и изъ польскихъ дворянъ съ другой, особое сословіе—»шляхта«, которая захватываетъ, въ свои руки всю политическую власть и собирается, по словамъ г. Первольфа, на вѣче не вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ, а приходятъ одна только на сеймики и на сеймы, составляютъ законы, выбираетъ судей и другихъ чиновниковъ, наконецъ вмѣстѣ съ польской шляхтой и короля польскаго ¹⁾).

Одновременно южно-руссіе города польскихъ провинцій наполняются иностранцами, которые устраиваются, какъ и въ Польшѣ, по магдебургскому праву, *славяно-русское-же население вытѣняется въ предмѣстья городовъ и въ болшинство исключается отъ пользованія городскими привилегіями* ²⁾. Кромѣ послѣдней части населенія, южно-руссы образовали изъ себя *крестьянское сословіе*, которое приписывается къ помѣщикамъ, цесеть тяжелыя повинности и становится почти въ крѣпостныя отношенія ³⁾; не приписанной

¹⁾ Первольфъ, »Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVII в.«. Спб. 1874 г., стр. 207.

²⁾ Въ однихъ городахъ выключеніе произошло на томъ основаніи, что магдебургское право дается живущимъ внутри городскихъ стѣнъ (*intra parietas*), а южно-руссы жили въ предмѣстьяхъ (Шараневичъ, стр. 197); въ другихъ же городахъ магдебургское право давалось прямо съ оговоркою: »за выключеніемъ сизналяковъ«.—*Ibid.*, стр. 383 и 384; »*Rys stosunk.*« et caet., стр. 110 и 111.

³⁾ Scharaniewicz, »*Rys*« et caet., стр. 117. По Вислицкому статуту крестьянамъ дозволялось выводить изъ земель ихъ помѣщика только въ четырехъ случаяхъ: 1) если помѣщикъ ихъ подвергалъ церковному проклятію; 2) если помѣщикъ выгонялъ ихъ во время голода, 3) если онъ насильно бралъ ихъ женщннъ и 4) если бы за вину помѣщика крестьяне подверглись юридическимъ взысканіямъ и грабежамъ.

къ землѣ помѣщиковъ осталась незначительная часть крестьянъ-солтысовъ, хотя и здѣсь большинство составляли иноземцы колонисты и сверхъ того дѣлалось различіе между католиками и схизматиками. Такимъ образомъ въ XVI ст. съ этнографическими особенностями славяно-русовъ въ польскихъ частяхъ южной Россіи находились только *крестьяне* и *мъщане* въ незначительныхъ городахъ и въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ, а также *духовенство* (parves guthinicales)¹⁾. Все это коренное населеніе занимало въ краѣ зависимое, подчиненное положеніе²⁾, хотя количественно и преобладало.

Политико-географическія обстоятельства поставили польское королевство и великое княжество литовское, два смежныя государства съ разными праващими народностями, польскою и литовскою, и съ одинаковымъ славяно-русскимъ подданнымъ населеніемъ въ южныхъ своихъ частяхъ, въ непосредственныя близкія соотношенія, то въ формѣ соединенной борьбы противъ ихъ общаго врага—нѣмецкихъ рыцарей³⁾, тѣснившихъ ихъ съ сѣвера и тѣмъ направлявшихъ ихъ силы на югъ, то въ видѣ взаимной борьбы⁴⁾ за преобладаніе на территоріи южной Руси. Въ результатѣ получилось прежде всего расчлененіе однородной въ этнографическомъ отношеніи южно-русской территоріи на двѣ части; это было *первое раздѣленіе южно-русскаго населенія*, потомъ съ 1386 г. *политическая федерація Литвы и Польши*, какъ первый ясный шагъ сближенія двухъ народностей. Вышнія обстоятельства: Москва, татары, а затѣмъ и турки, угрожавшіе независимости Литвы, играли здѣсь не бѣольшую роль, чѣмъ соціально-экономическія и религіозно-культурныя причины: обладаніе великимъ культурно-торговымъ дѣл-провескимъ путемъ, особенно въ то время, когда дѣл-провескій путь, благодаря завоеваніямъ турокъ, терялъ свое торговое значеніе, хозяйничанье въ странѣ, обладающей такими первостепенными тогда

¹⁾ Szaraniew., > Rys < et saet., стр. 33.

²⁾ Русскіе духовные стояли въ зависимости отъ старостъ, когда они жили на королевскихъ земляхъ, или отъ *дѣдичей*, когда жили на частныхъ земляхъ: они паравнѣ съ мѣтами платили повинности (ibid., стр. 69) и иногда подлежали суду дѣдичей и являлись послѣдними (ibid., 16).

³⁾ Первольфъ, стр. 13.

⁴⁾ Смирновъ, стр. 155 и др.

предметами торговли и промышленности, какъ лѣсъ, дающій кромѣ дерева, звѣрей, кожи, медь, воскъ и т. д., и наконецъ расширение области католичества, что составляло какъ-бы миссію для Польши на востокъ. Литва отстаивала свою и русскую самостоятельность политическую и этнографическую: противилась соединенію и черезъ то потерѣ политической власти, боролась противъ польскаго землевладѣнія въ краѣ¹⁾, крѣпко стояла за православіе противъ католичества²⁾ и т. д.; но при тогдашнихъ преимуществахъ поляковъ въ стройности политической системы, въ большемъ развитіи торгово-промышленномъ, въ превосходствѣ культурномъ, какъ посителей западно-европейскаго образованія, подчиненіе Литвы, какъ политическое, культурное, такъ и этнографическое было вопросомъ лишь времени. И прежде чѣмъ люблинская унія (1569 г.) положила конецъ политическому господству литовцевъ въ южной Руси и погубила литовскую національность, слѣды польскаго вліянія въ литовской половинѣ южной Руси были уже несомнѣнны въ видѣ присутствія въ краѣ польскихъ землевладѣльцевъ (о чемъ будемъ еще говорить), въ проведеніи сословнаго принципа въ среду литовско-русскаго дворянства и въ нѣкоторой доль ополяченія ея.

Ир. Житецкій.

♦

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Изъ права имѣть поземельную собственность въ Литвѣ и юго-западной Россіи изъяты были наравнѣ съ другими ввоземцами и поляки. — Смирновъ, стр. 64.

²⁾ Антоновичъ, >Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 10 и слѣд.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

(Окончаніе) ¹⁾.

Еще въ начальномъ развитіи украиннаго козачества можно прослѣдить особое теченіе, которое привело въ послѣдствіи къ образованію запорожскаго товариства.—Въ 1536 году въ украинскихъ городахъ Черкассахъ и Каневѣ произошелъ бунтъ мѣстнаго населенія противъ старосты тамошняго Василя Тишкевича, назначенаго въ томъ же году на мѣсто Остафія Дашковича¹⁾. Причиной бунта было угнетеніе черкасцевъ и кансцевъ старостой Тишкевичемъ. Свѣдѣній о подробностяхъ этого бунта не сохранилось. Изъ подробностейъ таковыхъ можно указать лишь на одинъ фактъ, не лишennyй нѣкотораго значенія. Отъ 1546 года сохранилась грамота Сигизмунда-Августа, «освобождающая нѣкоторыхъ бояръ черкасскихъ отъ признаннаго судомъ безчестья»²⁾. Изъ этой грамоты видно, что шестеро изъ жителей города Черкасъ, не участвовавшихъ въ бунтѣ 1536 года, просили и получили оффиціальное признаніе ихъ невинности. Если обратимъ вниманіе на имена этихъ шести черкасцевъ, то увидимъ, что только двое изъ нихъ могли быть русскими, остальные четверо—явно инонаціональный элементъ: Берендѣй, Явъ Меликъ-баша, «жидокъ»³⁾ Семашко-

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1884 г., август. кн., стр. 580—613.

²⁾ Максимовичъ, т. I-й, 286 стр.

³⁾ Азты южной и западной Россіи, т. II, № 127.

⁴⁾ Подлинное выраженіе грамоты.

вичъ съ братомъ Познякомъ, Васька Ремень и Иванъ Зубринъ¹⁾. Чѣмъ окончился этотъ первый бунтъ украинскаго населенія, неизвѣстно. Есть только указаніе мелькомъ, что черкасцевъ и каневцевъ >его королевская милость знашолъ виповныхъ и велѣлъ ихъ за то скарати <²⁾. Тѣмъ не менѣе Тишкевичъ былъ устраненъ, а на его мѣсто назначенъ нѣкій Янъ Пенько. Но и на нового старосту черкасцы и каневцы жаловались, что опъ >кривды великіе и утиски чинить и новицы вводитъ <. По этому случаю прїѣзжалъ въ Черкасы въ 1539 году кіевскій воєвода Немировичъ и пытался уладить дѣло уставною грамотою; она даетъ возможность опредѣлить размѣры угнетенія черкасцевъ и каневцевъ. Эти послѣдніе жаловались, что Пенько обязывалъ ихъ поставлять городовую стражу, каковую повинность, по ихъ заявленію, исполняли прежде >башники <. Жаловались на то, что Пенько принуждалъ ихъ сѣно косить и дрова возить въ его пользу, чего прежде >они не робливали <. Жаловались также на то, что запрещалъ Пенько медъ возить въ Кіевъ на продажу и бобровъ ловить >заборонялъ <, обязывая ихъ половину улова давать ему, тогда какъ прежде каждая партія бобровыхъ промышленниковъ изъ всего улова только одного бобра >давала на городъ <. Отнялъ Пенько, по жалобѣ, тѣ лови (рыбные), которые имъ >панъ кіевскій < далъ, запрещалъ безъ его вѣдома и безъ предварительно-условленной съ нимъ >выти < рыбу ловить и продавать. Жаловались черкасцы еще на то, что староста, если кто нибудь изъ нихъ умираетъ или попадалъ въ полонъ къ татарамъ, половину имущества выбывшаго брать >на себя и порогъ

1) Безотносительно неважный фактъ изолированнаго положенія этихъ шестерыхъ бояръ черкасскихъ, изъ которыхъ четверо несомнѣнно были пришлецами, отгвѣяется и получаетъ особый смыслъ, если обратить вниманіе на рознь, проявлявшуюся впоследствии между украиннымъ населеніемъ, и во время козацкихъ войнъ съ Польшею, и въ пору гетманщины. Эта рознь своихъ между своими, красною нитью прошедшая черезъ всю исторію Украины, началась очень давно; присутствіе инонациональныхъ элементовъ, не переработанныхъ еще народною жизнью и такъ замѣтно выдѣляющихся въ указанномъ фактѣ, по всей вѣроятности и было органическимъ основаніемъ этой розни и въ ряду другихъ причинъ обуславливало отсутствіе системы какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ воззрѣніяхъ бывшей Украины.

2) Акты южной и западной Россіи, т. II-й, № 127.

ихъ звѣчный мецанскій, на имя Звонецъ, на Двѣпрѣ, отнялъ. Тяготились черкасцы тѣмъ, что староста коляды бралъ съ нихъ по 12 грошей, вмѣсто прежнихъ 6-ти, что подводы забиралъ у нихъ »подъ слуги и подъ речи свои«; стѣснены они были наконецъ тѣмъ, что нѣкоторые мѣщане за старосту »позакладывались« и никакихъ повилностей »стародавнихъ« не хотѣли нести съ ними¹⁾.

Весьма любопытно рѣшеніе Немировича, постановленное имъ по поводу жалобы черкасцевъ. Оно характеризуетъ нѣкоторыя стороны экономическаго быта украинскаго населенія въ ту пору, когда среди него начало развиваться козачество; а между тѣмъ извѣстно, что экономическій въ Украйнѣ гнетъ, содѣйствуя развитію козачества, послужилъ однимъ изъ главнѣйшихъ стимуловъ къ грянувшимъ черезъ полъ столѣтія съ небольшимъ кровавымъ козацкимъ войнамъ. Приведемъ послѣдовательно одинъ за другимъ пункты рѣшенія Немировича.

1) Стража города должна была быть наемная. »Мѣщане и все посполство, и вдовы мѣста черкаскаго, и люди князскіе и паяскіе, и духовенство должны были дѣлать взносъ на содержаніе городской стражи хлѣбомъ, количество котораго зависѣло отъ числа людей во дворѣ; сверхъ этого всякій, который »ѣлъ свой хлѣбъ«, долженъ былъ давать по два гроша.

2) Мѣщане должны были поставлять дневную сторожу »на свирню« (?), а почую въ городскимъ воротамъ во всѣ времена года, за исключеніемъ зимы, когда они были свободны отъ этой повинности.

3) »Сѣна косить, дровъ возить (мѣщане) не мають; одно мають—по возу старшинѣ сѣна давати«.

4) »Меду возить (для продажи) не мають«. Весь медъ они должны были продавать старостѣ по 75 грошей за кадъ, безъ отпущенія къ существующимъ цѣнамъ. За то пасѣки были изъяты отъ всякаго налога.

5) »Кануновъ мають въ каждый годъ оемъ сытити«, по двѣ кади каждый. Это питье черкасскіе горожане могли готовить въ восемь сроковъ, совпадающихъ съ особенно чтимыми праздниками, какъ Рождество, Пасха, день Николая Ильи и т. д.

¹⁾ Акты западной Россіи, т. II, № 195.

6) За черкасскими горожанами было признано право ходить и ъздить на ловы по Днѣпру рыбныя и бобровыя »водлугъ стародавняго обычая«. Но въ »уходы«, принадлежащія городу, черкасцы могли отправляться, во первыхъ, съ разрѣшенія старосты, и, во вторыхъ, предварительно условившись выдѣлять въ его пользу извѣстную часть улова (выть). Осенью, когда на бобровъ колодки ставились, каждая партія бобровыхъ промышленниковъ кромѣ этого должна была давать по бобру »на городъ«.

7) »А который козаць умреть, або татарове возьмутъ, а жоны и дѣтей не будетъ, ино половину статковъ его маєть староста на городъ взяти, и половину по души дати тому, кому ся онъ поручить«.

8) До звонцаваго порога старостѣ не касаться.

9) Колядка (податной взносъ передъ Рождествомъ) опредѣлялась въ 6 грошей; деньги могли быть замѣнены лисьимъ или куннымъ мѣхомъ.

10) »Подводу до Канева пану старостѣ мѣщане по два челоуѣка давати мають«.

11) Татарскимъ гонцамъ обязаны были давать квартиру (стачію поднимати).

12) Повинности сторожи польной, водяной и переѣзживальня шляховъ татарскихъ мѣщане, »водлугъ стародавняго обычая«, должны были отбывать на ряду съ служебниками старостинными.

Затѣмъ въ уставной грамотѣ по многимъ вѣдимостямъ говорится о части тогдашняго (1539 году) сословія козаковъ, о черкасскихъ служебникахъ, т. е. лицахъ, несущихъ военную службу, изъ которыхъ одни имѣли »вызволєнные листы« отъ короля, а другіе отъ кievскаго воеводы. И тѣ и другіе »не повинны зъ мѣстомъ (т. е. жителями города) тягнуты, а ни платовъ мѣстскихъ платити«. Обязанностию ихъ было только »служить конную службу« при старостѣ да ремонтировать городскія укрѣпленія. На содержаніе городской стражи они обязаны были давать только по грошу и по четверти ржи. Если же кто изъ этихъ служебниковъ держалъ пасѣки и пользовался городскими землями (»уходы местскіе), тотъ долженъ былъ участвовать въ городскихъ повинностяхъ.—Въ социальномъ положеніи этихъ служебниковъ и козаковъ, о которыхъ говорено раньше, на основаніи данныхъ и

»описаній украинныхъ замковъ«, сходно то, что какъ эти служеб-ники, такъ и козаки состоятъ при старостѣ. Эти конно служатъ при немъ, а тѣ даже рыбу ловятъ въ его пользу въ городскихъ озерахъ. Еще болѣе сближаетъ служебниковъ »Уставной грамоты« и козаковъ »Описанія украинныхъ замковъ« то обстоятельство, что какъ служебники отбываютъ всякія городскія повинности только въ томъ случаѣ, если они пользуются городскими уходами, такъ и козаки не были свободны отъ этихъ повинностей только тогда, когда отправлялись »въ козацтво на поле« или внизъ по Днѣпру, т. е. другими словами, если пользовались тѣми-же уходами. Если и есть пункты различія между служебниками 1539 года и козаками 1552, то нужно принимать въ расчетъ промежутокъ времени въ 13 лѣтъ,—промежутокъ, правда, не большой, но тѣмъ не менѣе достаточнымъ оказавшійся, что бы за это время положеніе мѣщанъ, какъ увидимъ ниже, въ значительной степени измѣнилось. Такое измѣненіе можно допускать и въ положеніи служебниковъ »Уставной грамоты«. Эти служебники, въ числѣ которыхъ есть пріѣзжіе изъ другихъ мѣстъ, конно служатъ при старостѣ, ремонтируютъ городскія укрѣпленія, даютъ налогъ для городской стражи. Козаки »Описанія украинныхъ замковъ«, также не осѣдлый элементъ, состоятъ и при старостѣ (они для старосты ловили рыбу въ городскихъ озерахъ), но служатъ также мѣщанамъ и боярамъ; объ обязанности козаковъ ремонтировать городскія укрѣпленія и платить налогъ для содержанія городской стражи въ »Описаніи украинныхъ замковъ« уже не говорится, но говорится, что козаки платятъ »волядку« и косятъ сѣно въ пользу старосты. Это такіе пункты, которые какъ будто различаютъ служебниковъ и козаковъ, но различіе это касается только статей повинности и потому не существенно. Служебники »Уставной грамоты«, очень можетъ быть, и есть тотъ »почетъ служебниковъ старостинныхъ« изъ 50 пріѣзжихъ молодцевъ и 11 служащихъ старостѣ »съ дѣтку«, о которыхъ говорится въ »Описаніи черкаскаго замка и которыхъ, на основаніи указанныхъ выше соображеній, мы склонны также относить къ числу козаковъ.

Хотя въ концѣ концовъ уставная грамота и давала ручательство, что служебники старостины ни сѣна у нихъ не будутъ брать, ни другихъ какихънибудь »еривдъ и шеводъ чинить«, и хотя самые

пункты уставной грамоты» яко пань староста черкасскій, такъ тежъ мѣщане черкасскіе и ихъ потомки зводили на вѣчные часы промежду себя держати «, однако около 1552 г. отношеніе мѣщанъ къ старостѣ регулировалось совсѣмъ не этими пунктами. Изъ описанія черкаскаго замка видно, что тамошніе мѣщане вхѣстѣ съ боярами «повинни служить конно, збройно и ѣздить съ старостою или съ его служебниками противъ людей непріятельскихъ и въ погоню за ними». Даже, еслибы и слуху не было о татарахъ, то для осторожности «повинни ѣздить съ старостою, або съ слугами (его) разъ, два и три на лѣто». Тѣ мѣщане, которые дѣлали взносы на замокъ и «на подыймованье» (т. е. для снаряженія отрядовъ, отправляющихся въ степь), обязаны были выступать въ походъ только съ самимъ старостою. Кромѣ отбыванія воинской повинности въ такомъ видѣ, мѣщане черкасскіе обязаны были давать «подводи и стацію посламъ государевымъ и татарскимъ»; сверхъ этого они платили «колядки» по 6 грошей и «сторожовщины» по 2 гроша и давали по возу сѣна «съ дыму»¹⁾. Въ числѣ повинностей черкасскихъ мѣщанъ были еще слѣдующія: «присудъ», «куница» и повежное. При всякомъ судебномъ разбирательствѣ въ пользу старосты «присуду» шло 4 гроша, отъ всякой суммы безразлично. Отъ каждой выходящей замужъ дѣвицы «куница» взималась въ размѣрѣ 12 грошей; отъ вдовы, выходящей замужъ, куница требовалась въ 30 грошей. Повежная плата, взимаемая при лишеніи свободы, возрасла съ одного гроша до 12 грошей. Бралось у черкасскихъ мѣщанъ «одно што зешное» и изъ бутынокъ, т. е. добычи, захваченной въ татарскихъ земляхъ. Платили наконецъ черкасскіе мѣщане такъ называемыя «мыто и обестку», если торговали какимъ-нибудь продуктомъ, главнымъ образомъ солью. Мыто—торговая поплина въ пользу замка была опредѣлена въ 3 гроша, а обестка, плата взимаемая съ торговцевъ, когда они объявляли о своемъ прибытіи въ городъ, шла въ пользу старосты въ размѣрѣ 1-го гроша. Въ наибольшей степени подверглись измѣненію вольности черкасскихъ

1) Сторожа польная черкасская содержалась при Тямени, на урочищѣ Чыгиринь, въ 8 мильяхъ отъ замка, на Голомъ Тямени въ 5 мильяхъ, у Сугарева кургана, также въ 5 мильяхъ, на Мостицахъ и у Великаго кургана, въ трехъ мильяхъ, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оказывалась надобность.

мѣщанъ. Изъ 32 уходовъ, принадлежавшихъ черкасцамъ по Борекѣ, Орели, Тясмени, Самарѣ, Ингулахъ, Базавлукѣ и инымъ рѣкамъ, въ прежнее время (до 1552 г.) только 5 были въ непосредственномъ обладаніи черкаского старосты; остальными уходами совершенно свободно пользовались черкасскіе мѣщане и бояре, давая только незначительную часть лова (рыбой и бобрами) старостѣ отъ каждой ватаги. Но потомъ черкасскіе старосты стали отдавать «уходы» въ пользованіе насельникамъ, тянувшимся къ замкамъ кievскому, черныбыльскому, мозырскому, петриковскому, биховскому, могилевскому и инымъ чужгородцамъ, надѣясь получить съ нихъ большіе сравнительно съ прежнимъ датики, «бо уходники одни передъ другими, опережаячи, повышають, укупаючи». Въ прежнее время каждая ватага уходниковъ, «большая или малая, давала по 30 рыбъ да по осетру, а изъ боброваго улова одного бобра *поклоу*, а другого *городового*, по потомъ старосты начали брать датики за уходы овсомъ, крупю, колесами, медомъ, «або якося умоить, то неязыма», а изъ бобровыхъ улововъ уходники, кромѣ двухъ бобровъ отъ ватаги: *поклоу* и *городового* «водлугъ обычая», должны были давать каждаго седьмого бобра, причемъ староста дѣлалъ самъ, выбирать, что хотѣтъ, а остатокъ покупалъ у нихъ по цѣнѣ имъ-же назначасмой, «съ замку ихъ не выпускаючи». Чтобы стѣснить черкасцевъ и привлечь чужгородцевъ, опъ изъ пойманныхъ на Подиѣпровыи осетровъ бралъ отъ чужгородцевъ восьмага осетра, а отъ черкасцевъ третьяго. Ограничены были также и права послѣднихъ относительно охоты: прежде «когда по первое поропи староста три дни половить, тогда вже вольно тамъ черкасцамъ, боярамъ и мѣщаламъ, зверь бити ажъ до Дмитріева-жъ дня, а выти жадное съ нихъ не бирано, нижли теперешный староста беретъ тамъ отъ нихъ третее зверя».

Эти повинности черкасцевъ, съ ихъ сословнымъ распредѣленіемъ, можно принять за основу при опредѣленіи отношеній насельниковъ Украйны къ старостамъ и въ остальныхъ украинныхъ городахъ. Существовали, правда, въ этомъ отношеніи нѣкоторыя отличія, зависѣвшія отъ мѣстныхъ условій, но они были незначительны. Норма отношеній насельниковъ при украинныхъ замкахъ къ старостамъ, какъ представителямъ центральной власти въ своихъ районахъ, была одна и таже: вездѣ въ основѣ ся лежала воинская

повинность и постепенно все больше и больше возраставшіе датки въ пользу мѣстной администраціи ¹⁾).

Дополняющимъ основной типъ общественныхъ отношеній въ Украинѣ начала второй половины XVI вѣка можетъ служить подстарство каневское; оно подвѣдомственно было также черкасскому старостѣ, но лежало нѣсколько дальше отъ татарской границы и потому не такъ часто подвергалось татарскимъ нападешіямъ. Единственно благодаря этому обстоятельству, въ каневскомъ подстарствѣ встрѣчаются села и сельца; по, имѣя населеніе въ 15, 9, 7, 6 и даже 5 семей, они были жилыми только въ лѣтнее время, на зиму-же обитатели ихъ переходили въ каневское укрѣпленіе ²⁾. Жители этихъ сель отбывали всякія городскія повинности на равнѣ съ мѣщанами и »за часовъ potreбы противъ людей испріятельскихъ и въ погоню за ними ходили«, если только на этотъ предметъ не давали »податковъ панамъ своимъ«. Будучи въ большей части выселенцами изъ нывѣнпей молтавины, они пользовались на правахъ »уходниковъ« землями, которыя составляли нѣкогда собственность ихъ предковъ. Наравнѣ съ ними землями каневского подстарства въ лѣтнюю пору пользовались каневскіе мѣщане, бояре и козаки, а также выходцы кievскіе, могилевскіе и др., смотря по тому, кому отдавалъ староста »уходы съ выти«.

Всѣ вообще уходники въ каневскихъ земляхъ исключительно занимались пчеловодствомъ, промысломъ бобровымъ и рыбнымъ. звѣриною охотою и ловлею дикихъ коней, а землевладѣніе было лишь въ зачаткѣ и причиною сего было, между прочимъ, установленіе десятины съ урожая, ибо раньше этого времени запашия мѣщанамъ каневскимъ можно было, по старинному обычаю, производить, гдѣ кто хотѣлъ ³⁾.

Въ положеніи украиннаго населенія вообще и украиннаго козачества въ частности со времени соединенія Литвы съ Польшею или такъ называемой люблинской униі (1569 г.) произошла значительная пережѣна. По мѣрѣ примѣненія къ степной полосѣ въ быв-

¹⁾ Рукопись литовской метрики. Описаніе замка мозырскаго.

²⁾ Такія временныя поселенія были на земляхъ земляхъ (село, напримѣръ, Мшца) и на земляхъ монастырскихъ (селище напримѣръ Телектилирово, »дапина государа« Остафію Дашковичу, переданное отъ него печерскому монастырю.

³⁾ Рукопись литовской метрики. Описаніе каневского замка.

нею великомъ княжествѣ литовскомъ польскаго государственнаго и общественнаго строя и слѣдовавшаго за нимъ ограниченія земельныхъ правъ и свободы украиннаго населенія, оно съ удвоенною силою устремляется въ ряды козачества; въ свою очередь козачество, подъ вліяніемъ вышнихъ обстоятельствъ и вслѣдствіе накопленія собственной эвергіи, вступаетъ въ новую фазу своего развитія и проявляетъ себя съ болышею силою внутри и вѣ государства.

Указанная перемѣна произошла довольно скоро и была прямымъ послѣдствіемъ слиянія двухъ государствъ въ одинъ политическій и общественный организмъ. Плодородныя украинскія земли привлекли къ себѣ новыхъ насельниковъ изъ-внутри Польши. Въ ряду другихъ отраслей мѣстнаго хозяйства земледѣліе вскорѣ приобрѣло преобладающее значеніе, и ближайшей причиной сего было то, что въ польскихъ гаваняхъ при Балтійскомъ морѣ открытъ былъ сбытъ для продуктовъ земледѣлія. Черноземныя украинныя земли быстро поднялись въ цѣнѣ, и шляхтичи Рѣчи Посполитой одинъ передъ другимъ выкраиваютъ для себя у короля обширныя земельныя пространства въ Украинѣ, тѣмъ болѣе привлекательныя, что они уже были до нѣкоторой степени населены и защищены какъ городскимъ украиннымъ населеніемъ, такъ и козаками. Но эти новые колонизаторы привносили съ собою такіе соціальныя и экономическія распоряженія, которыхъ не знало дотолѣ мѣстное населеніе. Жившіе доселѣ на волѣ украинные мѣщане, бояре и козаки за право пользованія землями новыхъ владѣльцевъ должны были нести чрезмѣрныя натуральныя повинности и становиться въ положеніе крѣпостныхъ. Украинное населеніе естественно не хотѣло помириться съ новыми порядкомъ вещей и избѣгая закрѣпощенія, интенсивнѣе прежняго стремится на низовья Днѣпра для промысловъ въ луговыхъ пространствахъ и поисковъ, съ цѣлю добычи, въ татарскихъ и турецкихъ владѣніяхъ.

Эту все съ большимъ и большимъ папоромъ прибывающую волну украинныхъ насельниковъ на низовья Днѣпра легко прослѣдить по частымъ указаніямъ на козацкія вторженія въ сосѣднія турецкія и татарскія земли и по жалобамъ, предъявляемымъ правительству Рѣчи Посполитой по поводу этихъ вторженій.

Рядъ такихъ вторженій начинается смѣлою попыткою козаковъ посадить претидента изъ своей среды на молдавскій престолъ, судьбою котораго распоряжался могущественный турецкій султаны. Попытка эта начата въ 1577 году, а искателемъ молдавскаго престола оказался козакованній около этого времени на низовьяхъ Днѣпра Иванъ Подкова, по отзыву однихъ ¹⁾ родственникъ одного изъ молдавскихъ господарей, а по другимъ ²⁾ простой хлопъ.

Поводъ къ такому отважному предпріятію данъ былъ постоянною тогда внутри Молдавіи борьбою партій. Пѣсьолько молдавскихъ вельможъ, недовольныхъ своимъ господаремъ Петромъ, по прованію Хромымъ, предложили молдавскій престолъ Подковѣ, а за содѣйствіемъ ему обратился къ кн. Константину Острожскому, воеводѣ кievскому и старостѣ барскому. Но прежде, чѣмъ этотъ послѣдній, могъ спестись по этому дѣлу съ королемъ, немедленную помощь оказалъ Подковѣ вѣкто Коницкій, популярный между козаками, съ которыми, какъ говоритъ Вѣльскій, онъ обращался около 20 лѣтъ. Сформированный имъ отрядъ козаковъ подъ начальствомъ Шаха вмѣстѣ съ Подковою вторгнулся въ Молдавію; но въ виду несообразности своихъ силъ съ войскомъ господара Петра козаки отступили. Когда-же число приверженцевъ Подковы въ Молдавіи увеличилось, тотъ-же Шахъ, усиливъ свой отрядъ до 1000 человекъ, проникъ снова въ Молдавію и разбилъ войско Петра; народъ привѣтствовалъ Подкову, какъ своего господара, а преданные ему вельможи объявили его правителемъ Молдавіи. Утвердившись на престолѣ, Подкова роздалъ важныя должности Шаху, Чапѣ и Коницкому; захваченные татарами и проданные туркамъ подданные Рѣчи Посполитой безъ выкупа были отпущены на волю. Пестръ опять было собралъ значительное войско, но былъ снова разбитъ козаками. Между тѣмъ поступокъ Подковы не могъ не поселить неудовольствія между Турціею и Польшею. На своеволие козаковъ еще прежде втораго ихъ похода въ Молдавію жаловался польскому королю Стефану Баторію турецкій чаушъ и Баторій тогда-

1) Bielskiego kronika, стр. 753.

2) Heidenstein. Dzieje Polskiod 1512 do 1597. Переводъ Глицинскаго, С.-Петербургъ. 1857 г., т. I, стр. 285.

же отдать приказъ схватить Подкову, какъ бунтовщика, теперь же рѣшился помочь его сопернику Петру. Узнавъ объ этомъ, Подкова счелъ за лучшее оставить такъ легко доставшійся ему престолъ и возвратился вновь на дѣбровскіе пороги. Но коронный гетманъ и воевода брѣцлавскій имѣли новое приказаніе отъ Баторія, во что бы то ни стало, захватить Подкову. Гетманъ готовился сдѣлать нападеніе на Подкову; но у послѣдняго было много людей и достаточно оружія: изъ одной Молдавіи Подкова вывезъ 14 пушекъ; предстояла кровопролитная схватка, за успѣхъ которой поручиться было трудно. Но брацлавскому воеводѣ, при посредствѣ слодвижниковъ Подковы въ Молдавіи, прибывшихъ въ Немаровъ вмѣстѣ съ Шахомъ, удалось убѣдить Подкову ѣхать къ королю для объясненій по своему дѣлу; его снабдили, что съ нимъ, какъ человѣкомъ рыцарскимъ, король не долженъ обойтись сурово. Подкова раздарилъ свои свои пушки и безоружный, съ провожатыми отъ гетмана, отправился въ Варшаву; но тутъ былъ заключенъ въ оковы и посаженъ подъ арѣстную стражу¹⁾, а въ слѣдующемъ 1578 году казненъ въ Львовѣ, по настоянію турецкаго султана. Баторій не могъ противиться султану, такъ какъ по поводу похода въ Молдавію Польщі угрожали серьезныя недоразумѣнія съ Турціей, а въ это время онъ готовился къ войнѣ съ Москвою. Между тѣмъ, пока Подкова томился въ заключеніи, казаки съ братомъ его Александромъ снова вторглись въ Молдавію и выгнали Петра изъ господарства. Султанъ послалъ въ Молдавію новаго господаря и сильный отрядъ войска; казаки были разбиты, и тѣ изъ нихъ, которые попали въ плѣнъ, были отправлены въ Константинополь²⁾.

Такая рѣшительная неудача не могла остановить козацкихъ походовъ въ турецкія и татарскія земли: набѣги ихъ повторяются изъ года въ годъ и вызываютъ настоятельныя жалобы на нихъ татарскаго и турецкаго правительствъ. Король Стефанъ Баторій переиспытываетъ все мѣры къ обузданію козаковъ, но съ теченіемъ времени убѣждается въ полной несостоятельности этихъ мѣръ и не желая павлекать на свое государство жестокую месть со стороны

¹⁾ Krouika Bielskiego, стр. 753--756.

²⁾ Тамъ-же, стр. 758.

турокъ и татарь, подобно своему предшественнику, въ отношеніи этихъ послѣднихъ дѣйствуютъ примѣнительно къ общему теченію политическихъ дѣлъ, то давая имъ возможное удовлетвореніе, то вовсе отказываясь отъ отвѣтственности за дѣйствія своевольныхъ козаковъ и откровенно заявляя, что ничего съ ними подѣлать не можетъ. И дѣйствительно козацкое движеніе усиливалось съ каждымъ годомъ; къ нему примыкало все украинное населеніе, къ нему тянулись люди всѣхъ сосѣднихъ пацій, не рѣдко и въ средѣ татарь, ему покровительствовали, а иногда и прямое въ немъ участіе принимали украинныя правительственныя власти и лица привилегированныхъ классовъ, русскою и польскою національностью.

Въ 1578 году чаушь турецкій, жалуюсь на козаковъ, жаловался также на брацлавскаго воеводу Яна Збаражскаго и дворянина Филова Кмиту, что они въ своихъ владѣніяхъ даютъ приютъ козакамъ, опустошающимъ турецкія и татарскія земли. Король велѣлъ произвести обыскъ въ поселеніяхъ, подвѣдомственныхъ Збаражскому и Кмитѣ; но королевскіе комиссары ни того, ни другого не признали виновнымъ и ограничились донесеніемъ, что нашли тамъ лишь нѣсколькихъ бѣдяковъ (*bandz*), которыхъ сразу и отпустили, «такъ какъ не надъ чѣмъ было и метиться»¹⁾. Около этого времени, по сообщенію Вѣльскаго, съ цѣлю подобнаго изслѣдованія, была отправлена Баторіемъ цѣлая судная коммисія и на низовья Днѣпра; но о результатахъ ея трудовъ ничего неизвѣстно. Вѣроятно подъ влияніемъ этой неудачи, Баторій въ слѣдующемъ 1578 году, требуя черезъ посла своего, чтобы крымскій ханъ Махметъ Гирей обязался удерживать отъ вторженій въ предѣлы Рѣчи Посполитой «татарь черекопскихъ, бѣлгородскихъ, царскихъ, погайскихъ, очаловскихъ и всѣхъ другихъ», хотя заявлялъ хану, что кievскому воеводѣ поручено отъ него разогнать вольныхъ людей («*lotru*»), собравшихся на низу, но не выражалъ уѣренности, чтобы по удаленіи воеводы съ низовьевъ Днѣпра низовцы снова не собрались тамъ, прибавляя, что нѣтъ возможности устеречь ихъ въ тѣхъ «дикихъ мѣстахъ» и что освободить низовья Днѣпра отъ козаковъ тѣмъ менѣе возможно, что козаки въ случаѣ надобности находятъ

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 758.

пріютъ въ московскихъ владѣніяхъ, гдѣ покровительствуютъ имъ.

И дѣйствительно, козаки продолжали дѣйствовать за порогами. Татарскій посоль жаловался на нихъ въ 1579 году и требовалъ обуздать ихъ; Баторій заявлялъ, что низовцы—люди свовольные и наказывать ихъ трудно¹⁾, и ограничился приказомъ урядникамъ и шляхтѣ воеводствъ кievскаго, брацлавскаго, подольскаго и волынскаго предотвращать вторженія козаковъ въ татарскіе и турецкіе предѣлы, а крайнимъ старостамъ—не давать козакамъ провизіи и военныхъ снарядовъ; но уже изъ самаго универсала къ шляхтѣ видно, что въ этихъ вторженіяхъ участвовали, кромѣ козаковъ, «не осѣдлые дворяне» и мѣщане и что Баторій, не довѣряя шляхтѣ, не предоставляетъ ей наказывать виновныхъ въ набѣгахъ, а велитъ держать ихъ подъ стражей и ожидать его распоряженій²⁾.

Въ 1582 г. татарскій посоль снова жаловался на козаковъ и въ виду похода турецкаго войска въ Персію, добивался удаленія ихъ съ низовьевъ Днѣпра. Баторій опять отвѣчалъ, что козаки—люди свовольные и что онъ уже давно обуздаль-бы ихъ, если-бы могъ. Посоль грозилъ войною; Баторій отправилъ въ Подолію 22 роты коннаго войска³⁾ въ предупрежденіе вторженія татаръ. Въ томъ-же году низовые козаки ограбили татарскихъ пословъ, возвращавшихся изъ Москвы. Ханъ жаловался и требовалъ удовлетворенія; его посоль говорилъ, что «ханъ уже сидитъ на конѣ», чтобы, въ случаѣ отказа, вторгнуться въ Польшу и что на помощь ему готовы 40 тысячъ турокъ. Баторій отвѣчалъ, что не считаетъ себя обязаннымъ обуздывать козаковъ, людей разныхъ націй, въ числѣ которыхъ есть и татары, а угрозы не боится. И дѣйствительно онъ поручилъ коронному гетману Замойскому собирать войско; къ Замойскому присоединился князь Константинъ Острожскій во главѣ собственныхъ значительныхъ полковъ. Татары приплыли было уже къ Днѣпру и частью своихъ ополченій переправились на другую его сторону; но, узнавъ, что ихъ готово встрѣтить сильное войско,

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 760

²⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, № 5; Albertrandy. Panowanie H. W. Steph. Bat., стр. 410.

³⁾ Kronika Bielskiego, стр. 790.

возвратилась назад¹⁾ и лишь немного спустя ворвались въ Подолью и сильно опустошили ее²⁾.

Расплатившись на этотъ разъ за своевольство козаковъ опустошеніемъ одной области, правительство удвоило надъ ними свое бдительность: король разослалъ письма къ старостамъ и пограничнымъ дворянамъ, королевскіе посланцы прибыли въ Украину, чтобы не допустить новаго похода козаковъ; но удержать ихъ нѣчто не могъ. Въ 1583 г., створившись съ пограничною шляхтою, козаки опустошили молдавское пограничье и вторглись въ турецкія владѣнія. Сперва они разрушили Ягорлыкь, недавно выстроенную близъ польской границы турецкую крѣпость, а потомъ направились подъ давній и богатый турецкій городъ Тегинь (Бендеры), разграбили и сожгли его и вывезли оттуда много добычи и оружія. Встрѣвоженное польское правительство приказало пограничнымъ своимъ войскамъ ловить возвращающихся изъ похода козаковъ; но козаки, бросая пушки, уходили кievскимъ краемъ за московскую границу и лишь нѣкоторые изъ нихъ были схвачены и закованы въ кандалы. Турецкому правительству между тѣмъ дано было знать, что «свольные» люди будутъ строго судимы и что сразу могутъ быть возвращены по принадлежности отбитыя у козаковъ пушки и отнятая у нихъ турецкая добыча. Султанъ удовольствовался такою предупредительностію польскаго правительства, потребовалъ лишь жестокаго наказанія «бендерскимъ злочинцамъ», но при этомъ прибавилъ, что если подобныя нападенія повторятся, то пусть польское правительство прямо готовится къ войнѣ.³⁾

Походъ подъ Бендеры обнаружилъ вскорѣ, что косвеннымъ его участникомъ былъ одинъ изъ родовитыхъ и вліятельныхъ польскихъ дворянъ, Самуиль Зборовскій. Открыта его переписка, не оставлявшая сомнѣній въ соотношеніи его къ бендерскому походу. Королю готовились новыя затрудненія, самой Рѣчи Посполитой грозилъ большой скандалъ: одинъ изъ видныхъ магнатовъ, родственники котораго занимали важныя должности въ государствѣ, имѣлъ быть казненъ по требованію турецкаго правительства. Бато-

1) Albertrandy. Panowanie, стр. 222; Kronika Bielskiego, стр. 793.

2) Belskij, тамъ-же.

3) Albertrandy. Panowanie, стр. 237—239; Bielsk. kr., стр. 795.

рій послѣшилъ замѣть это дѣло, а Зборовскій, чтобы избѣжать смертной казни, самъ отправился въ добровольное изгнаніе ¹⁾).

Выяснилось годъ за годомъ, что въ лицѣ козачества правительство польское имѣеть дѣло съ такимъ сложнымъ и сильнымъ жизненнымъ теченіемъ, котораго не могли остановить никакія запретительныя и барательныя мѣры. Вызванное къ жизни внѣшними условіями страны, опредѣлившимися на безконечное время и постоянно его поддерживавшими, козачество въ самомъ себѣ нашло жизненные соки и сильнѣйшіе стимулы для своего дальнѣйшаго развитія. Его свободный строй, его завѣтное стремленіе стоять на стражѣ родной страны и метить врагамъ, его жизнь полная приключеній и тревогъ и занимаемая имъ обширныя, ни для кого недоступныя пространства влекутъ къ нему людей со всѣхъ сторонъ, и тѣ-же интересы защиты страны и родныхъ щепелищъ склопляютъ на сторону его и привилегированные классы государства, и новыхъ колонизаторовъ Украйны, и ея воеводъ и старостъ, и само правительство польское, не разъ поддерживавшее его и сквозь пальцы смотрѣвшее на его «свовольства», когда отъ нихъ не грозила серьезная опасность странѣ. Но эта опасность, какъ мы видѣли, росла вмѣстѣ съ увеличеніемъ силы и отваги козаковъ. Обуздать ихъ правительство было столь-же безсильно, какъ и остановить постепенный ростъ козачества. Въ послѣднемъ отношеніи оно само связало себѣ навсегда руки вводимыми въ Украйну новыми экономическими и социальными порядками и затянуло такой жизненный узелъ, который могла впоследствии разсѣчь только козачья сабля. Теперь ряды козачества должны были увеличиваться по мѣрѣ того, какъ увеличивалась тягость жизни украиннаго населенія, наступившая съ новыми земельными и общественными порядками. Усиленное стремленіе этого населенія въ ряды козачества и увеличеніе численности этого послѣдняго примѣчается въ особенности въ началѣ 80-хъ годовъ XVI ст., когда, по окончаніи войнъ Рѣчи Посполитой съ московскимъ государствомъ (1582 г.), въ Украйну оказалась масса лицъ, которымъ некуда было пристроиться. Это были организованныя подъ московскую войну роты изъ украинскихъ насельниковъ, по окончаніи войны возвратившіяся въ Украйну: съ возвра-

¹⁾ Albertrandy. Państwo, стр. 249.

щеніемъ изъ похода имъ предетояло обратиться къ мирнымъ занятіямъ, т. е. стать въ зависимое положеніе отъ украинной шляхты, и они прежде другихъ устремлялись на низовья Днѣпра ¹⁾. Положеніе правительства ставилось безвыходнымъ. Съ одной стороны уходившее населеніе разстранявало правильное теченіе экономической жизни страны и мѣшало ея развитію, съ другой всё убѣгающее на промыслы ставило все государство въ непрерывное тревожное состояніе и могли вовлечь Рѣчь Посполитую въ войну съ сильной тогда Турціей. Такое положеніе дѣлъ на Украинѣ вызвало Баторіеву реформу украиннаго козачества.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію свѣдѣній относительно этой реформы, отмѣтимъ тѣ неточности, какія касательно ея допущены въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ по исторіи запорожскаго козачества. Неточности эти касаются самой сущности и времени реформы. Подлинной грамоты Баторія козакамъ, опредѣляющей реформу, не сохранилось, но сохранился въ трехъ копіяхъ универсалъ Богдана Хмельницкаго, въ которомъ между прочимъ цитируется содержаніе жалованной грамоты Баторія, данной будтобы въ 1576 году на имя козачьяго гетмана Якова Богдана и низоваго кошеваго атамана Павлюка ²⁾.

¹⁾ Heidenstein, т. II, стр. 361.

²⁾ Вотъ содержаніе этой грамоты, какъ оно приводится по одному изъ списковъ универсала Хмельницкаго въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго, 1841 г. ч. III, № 1-й. «Его королевская мощь, владѣи козаковъ запорожскихъ до его королевскаго заестату значивую прихильность и рыцарскіе отважныя службы, которыми завязды великіе бусурманскіе погромляющы силы, гордые ихъ прагненіе (жажду) на кровь христіанскую до конца затлужили и нащочу ихъ, на короцу польскую и на народъ благочестивый украинскій рыжкоюу, замкнули и въходъ въ Польшу и Украину заступили, всё ихъ испещеніе силы и нагаіе на народъ христіанскій набѣли грудями своимъ сперли; — якіе ихъ службы нагорюжающы и дабы имъ войска запорожскаго козакамъ для вѣловыхъ ставній гдѣ было прихильность вѣти, также отъ непріятеля раченныхъ своихъ заховуваты и лѣчнты, въ другия долѣгающихъ нуждахъ отпочивокъ маты и всякой пожитокъ ку волѣ своей забираты, а чтобъ также и напередъ заохочени были значиво въ войску службы и противъ непріятелей отчваны своей охоче и неомилво отпоръ чиниты, — надасть его королевская мощь козакамъ низовымъ запорожскимъ вѣкунсте городъ Терехтеяровъ зъ монастыремъ и перевозомъ, опрочъ складового старинного нѣ запорожскаго города Чигирина и запорожскихъ степовъ, ку землямъ чигиринскимъ подой-

Прежде всего замѣтимъ, что эту грамоту пужно относить не къ козакамъ низовымъ, запорожскимъ, въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, а къ козакамъ называвшимся запорожскими при Баторіи, т. е. къ козакамъ украиннымъ вообще, ибо извѣстно, что городъ Трехтемировъ былъ опредѣленъ Баторіемъ, какъ центръ для организованнаго на Украинѣ козачьяго войска изъ 6,000 человекъ. Помимо этого въ текстѣ грамоты есть позднѣйшія добавленія: такъ въ ней значится Чигиринъ, какъ давній складочный запорожскій городъ, а между тѣмъ городъ этотъ вовсе не существовалъ при Баторіи¹⁾. Грамота упоминаетъ еще и о другомъ не существовавшемъ при Баторіи запорожскомъ городкѣ Самарѣ²⁾. Грамота говоритъ о зимовищахъ, по зимовищамъ на Запорожьи въ пору Предцлава Ланц-

инихъ, все земли со всѣма на тѣхъ земляхъ пасажеными мѣстечками, селами и футорами, рыбными по тому берегу въ Дибирѣ долями и иными угодіи; а вширь отъ Дибира на степь, якъ тѣхъ мѣстечокъ, селъ и футоровъ земли здавна находились, и теперь такъ ся тое въ пяхъ завѣданыи мають заховати. Городокъ старинный-же запорожскій Самаръ съ перевозомъ и землями въ гору Дибира по рѣчку Орель, а вширь до самыхъ степовъ ногайскихъ и крымскихъ, а черезъ Дибиръ и пляшы Дибировый и Буговый, якъ изъ вѣковъ бувало по Очаковскіе улусы, и въ гору рѣки Богу по рѣчку Синюху; отъ самарскихъ-же земель черезъ степь до самой рѣки Дону, гдѣ еще за гетмана козацкого Преплава Ланцкорупского козаци запорожскіе свои зѣбовники мѣвали. И же бы тое все непорушно во вѣки при козакахъ запорожскихъ находовало, его королевская мощь тою грамотою своею козакамъ запорожскимъ укрѣпила и утвердила».

¹⁾ Архивъ юго западной Россіи, V ч., I т., № 24. Сохранилась подлинная грамота Сигизмунда III, разрѣшающая «черкасскому старостѣ, князю Александру Вишневецкому, основать городъ на пустошъ урочищѣ, называемомъ Чигиринъ». Эта послѣдняя грамота пожчена 1589 годомъ, значить, выдана была уже три года спустя послѣ смерти Баторіи.

²⁾ Эрнст Лассота, бѣдившій въ 1594 г., по порученію Рудольфа, австрійскаго императора на Запорожье, описывая подробно поселенія не только по Дибирю, но и по его притокамъ, ни слова не говоритъ о Самарѣ и тѣмъ прямо исключаетъ всякую возможность существованія городка Самаръ не только около 1576 года, которымъ помѣщается жалованная козакамъ Баторіева грамота, но и въ 1594 году. Былъ впоследствии запорожскій паланочный городъ подъ этимъ названіемъ при впаденіи рѣки Самары въ Дибиръ; въ данное же время всѣмъ краемъ по лѣвой сторонѣ Дибира до самой рѣки Самары обладали татары, и потому запорожскій городокъ не могъ имѣть тутъ мѣста. Самъ Лассота, на пути къ запорожцамъ высаживающійся и проводящій ночь не далеко отъ устья Самары, не упоминаетъ ни о какомъ поселеніи здѣсь (Tagebuch des Erich von Steblau, стр. 208).

коронскаго, какъ видно изъ всего хода развитія украиннаго козачества, также не могли существовать, и въ этомъ случаѣ то, что имѣло мѣсто на Запорожьѣ въ позднѣйшее время, necessarily на время гораздо болѣе раннее. Наконецъ въ грамотѣ есть прямое противорѣчiе: сначала говорится въ ней, что Баторiй жалуетъ козакамъ тѣ земли по Днѣпру, на которыхъ ихъ поселенiя издавна находились, а затѣмъ сразу земли эти опредѣляются позднѣйшими границами, въ которыхъ во время Баторiа кочевали еще татары¹⁾.

Что означенная грамота не могла быть выдана Баторiемъ козакамъ въ 1576 году, объ этомъ говоритъ еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1577 году Баторiй разослалъ 11-ть писемъ брацлавскому воеводѣ и нѣкоторымъ изъ украинскихъ старостъ и пановъ, съ предложенiемъ организовать стоконные отряды изъ мѣстныхъ жителей для защиты края отъ татарскихъ вторженiй. Король обѣщала плату этимъ милициямъ и отдавалъ на волю организаторовъ устраивать свои отряды или какъ легкую кавалерiю, или какъ гусаровъ²⁾. Само собою разумѣется, что если Баторiй въ 1577 году принимался за такiя средства для защиты отъ татаръ, то козачество въ Украинѣ, какъ особое сословіе съ своихъ гетманомъ, или старшиямъ, еще не существовало и по этому жалованной грамоты отъ Баторiа въ 1576 году имѣть не могло.

Когда собственно произведена Баторiемъ реформа украиннаго козачества, трудно сказать, за неизмѣнимъ на этотъ счетъ опредѣленныхъ указанiй. Даже въ 1581 году украинные козаки не имѣли, кажется, собственной организаціи: поймавъ въ этомъ году на низовьяхъ Днѣпра двухъ крымскихъ царевичей, бѣжавшихъ изъ Крыма отъ преслѣдованiя хана Махметъ Гирея, они препроводили ихъ къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому³⁾. Если-бы въ это время у козаковъ былъ свой урядъ, то плѣнные царевичи были-бы препровождены ими къ своему начальству, а не къ одному изъ украинскихъ старостъ.

Есть нѣкоторыя данныя заключать, что Баторiй не въ одинъ разъ реформировалъ украинное козачество, а постепенно. Бѣльскiй

¹⁾ Миллеръ, историческія сочиненiя о Малороссiи. Разсужденіе о запорожцахъ, стр. 43—44.

²⁾ Albertrandy. H. W. Stephana Batorego, стр. 402.

³⁾ Kronika Bielskego, стр. 780.

въ своей хроникѣ замѣчаетъ, что въ 1578 году Баторій нѣсколько подтянулъ козаковъ (*troche powściągnawszy...*) и назначилъ надъ ними гетманомъ Орнисевскаго ¹⁾, подъ предводительствомъ котораго они въ 1580 г., во время московской войны, опустошали Стародубъ ²⁾. Самъ Баторій былъ вполне доволенъ ихъ службою въ эту войну и въ инструкціяхъ посламъ на сеймики 1583 г. рекомендовалъ раднымъ панамъ козаковъ, какъ людей показавшихъ такия доблести, которымъ и грядущія поволенія должны удивляться. Нужно, заключалъ король, чтобы на нихъ было обращено вниманіе ³⁾. Кажется, что къ 1583 году и нужно отнести окончательное устройство украиннаго козачества.

Данная Баторіемъ козачеству организація находилась въ связи съ тогдашнимъ строемъ управления Украины и послужила къ радикальному измѣненію онаго. До люблинской униі Украина раздѣлялась на 8 староствъ; каждый староста въ своемъ районѣ былъ представителемъ власти судебной, административной и военной. Со времени-же люблинской униі значеніе украинскихъ староствъ начало падать,—власть военная перешла отъ нихъ къ гетманамъ, административная къ воеводамъ, у староствъ осталась только судебная власть. Такой распорядокъ въ управленіи Украиной далъ возможность поставить организуемое козачество внѣ вѣдѣнія воеводъ и староствъ и подчинить его одному гетману.

По реформѣ Баторія, принадлежащими къ свободному козацкому сословію были признаны изъ всего украиннаго населенія только 6 тысячъ семействъ. Семейства эти, записанныя въ особый реестръ, были раздѣлены на 6 равныхъ частей по численности полковъ. На правомъ берегу Днѣпра было 5 полковъ: черкасскій, капшевскій, бѣлоцерковскій, корсунскій и чигиринскій, на лѣвомъ берегу Днѣпра одинъ переяславскій. Каждый полкъ раздѣлялся на сотни, а эти послѣднія на курени, или околицы. Каждая околица, занимая опредѣленную часть земли, должна была поставлять военный отрядъ подъ названіемъ роты. Рота—старинная форма въ украинномъ

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 759.

²⁾ Тамъ-же, стр. 777.

³⁾ Albertrandy, Panowanie H. W. Steph. Bat., стр. 387.

козачьемъ быту: еще въ 1503 году значится Щурова козачья рота въ Черкасахъ ²⁾).

Цѣль Баторіевой реформы была двойная. Во первыхъ, съ точки зрѣнія польскаго правительства необходимо было установить прочный порядокъ въ общественныхъ отношеніяхъ на Украинѣ. Порядокъ этотъ, естественно, предполагался такимъ, какой былъ и въ другихъ частяхъ Рѣчи Посполитой, т. е. прежде свободное украинное населеніе, состоявшее изъ мѣщанъ, бояръ и козаковъ, должно было стать въ зависимое, крѣпостное отношеніе къ шляхетству, которое становилось единственнымъ собственникомъ земли. Но осуществить цѣлкомъ такую мѣру въ Украинѣ было очень затруднительно влѣдствіе энергическаго стремленія украиннаго населенія къ козачеству. Правительство польское, не рассчитывая закрѣпить все украинное населеніе, пыталось сдѣлать это съ значительною его частью; признавъ свободнымъ часть украиннаго населенія, оно тѣмъ легче рассчитывало справиться съ остальными, считая возможнымъ всѣхъ въ вошедшихъ въ 6-ти тысячный ресертъ привести на степень крѣпостныхъ.

Но была и другая цѣль Баторіевой реформы. Татары продолжали быть сосѣдями Польни и въ будущемъ предвидѣлись ихъ опустошительныя вторженія въ предѣлы государства. Мы видѣли, что польское правительство измышляло всякія мѣры, чтобы защитить страну отъ этихъ вторженій. Организуемое Баторіемъ козачество и предполагалось служить такою защитою.

Въ силу важности козачества для обѣихъ указанныхъ цѣлей, ему предоставляются значительныя права и вольности. Козаціе полки, кромѣ земельной собственности, получили право выбирать своихъ военныхъ начальниковъ,—старшинъ, полковниковъ и другихъ; собраніе всего козацкаго войска выбирало одного общаго начальника, утверждаемаго только центральною властью, котораго козаки называли гетманомъ, а правительство признавало только старшимъ ³⁾). Этотъ старшій получалъ верховную власть надъ козаками. Мѣстомъ жительства старшаго и центромъ его управленія былъ городъ Трехтемировъ съ замкомъ и монастыремъ. При гетманѣ, или стар-

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, № 1-й.

²⁾ Пясецкій, Кроніка. Краковъ. Изд. 1870 г., стр. 52.

пемъ были чины генеральныя: эсаулъ (помощникъ гетмана), судья и писарь. Послѣ Баторій въ прежнимъ привилегіямъ прибавилъ еще одну: онъ освободилъ козаковъ отъ апелляціи по судебнымъ дѣламъ въ высшіе польскіе трибуналы и разрѣшилъ имъ учредить въ Батуринѣ свой козацкій трибуналъ¹⁾. Въ Трехтемировѣ долженъ былъ находиться значительный гарнизонъ изъ козаковъ. Двѣ тысячи козаковъ должны были содержать караулы за порогами; остальные-же казаки жили въ своихъ домахъ, обязанные, по первому требованію, безъ проволочки и въ полномъ вооруженіи собираться въ назначенное мѣсто²⁾.

Реформа Баторія, имѣвшая одною изъ главныхъ цѣлей установить въ Украинѣ прочный порядокъ, не привела однако къ желанной для польскаго правительства цѣли. Уже въ 1585 году на варшавскомъ сеймѣ разсуждалось о внутреннихъ безпокойствахъ, происходящихъ отъ своевольныхъ козаковъ³⁾. Не вошедшіе въ 6-ти тысячный реестръ украинскіе поселенники, не желая подчиниться помѣщичьей власти, вступили теперь на путь открытаго непризнанія надъ собою власти Польши. Энергичнѣйшіе изъ нихъ, устремляясь за днѣпровскіе пороги, продолжали жить здѣсь вольно, но прежде занимаясь промыслами и вторженіями въ турецкія и татарскія владѣнія, а когда Баторій около 1585 года отправилъ на пивовья Днѣпра пѣшого Глубоцкаго съ рѣшительнымъ запрещеніемъ находящимся здѣсь козакамъ нападать на турецкія и татарскія владѣнія, то казаки убили Глубоцкаго и бросили его въ Днѣпръ⁴⁾.

Со времени Баторіевой реформы для тѣхъ изъ украинскихъ поселенниковъ, которые избѣгали закрѣпощенія, пребываніе «въ пустыхъ мѣстахъ» за порогами сдѣлалось необходимымъ. Теперь имъ уже нельзя было, какъ прежде, возвращаться въ Украину, потому что тутъ на нихъ естественно должны были смотрѣть, какъ на ослушниковъ правительственныхъ распоряженій. Такимъ образомъ,

1) Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. Изд. 1830 г., т. I, стр. 139—140.

2) Лясецкій. Kronika (изд. краковское 1870), стр. 52.

3) Kronika Bielskiego, стр. 798.

4) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, № 4; Heidenstein, т. II, стр. 362.

Баторіева реформа, разбиная украинныхъ козаковъ на призначныхъ, реестровыхъ, и непризнанныхъ, не вошедшихъ въ реестръ, послужила рѣшительнымъ толчкомъ для дальнѣйшаго развитія и развѣтвленія козачества.

Всѣ непризнанные, какъ протестанты противъ существующаго порядка, были поставлены внѣ государства, внѣ закона. — естественнo, они должны были организоватьса самостоятельно и удалившись туда, куда не достигала государственная власть, создать собственную, ни отъ кого независимую общину. Уходившіе прежде на пивовья Дибяра украинные поселники, соединяясь лишь временно въ извѣстныхъ случаяхъ въ отдѣльныя группы, не связывали себя на долго или на всегда единствомъ цѣли и плана дѣйствій, а также мѣста постояннаго жительства; для нихъ не было отрѣзанъ путь въ населенную Украину, гдѣ нерѣдко оставались ихъ жилища и семьи, и гдѣ общественныя отношенія были урегулированы извѣстнымъ образомъ. Теперь не попавшіе въ реестры и уходившіе изъ закрѣпощаемой Украины козаковать на Запорожье оставались тамъ на всегда, а потому должны были объединиться въ одну постоянную группу, устроить извѣстнымъ образомъ свой бытъ, установить свои нормы для общественныхъ отношеній, составить правильно организованное общество. Такимъ путемъ и при такихъ условіяхъ возникло военное запорожское товариство, не признавая надъ собой власти Польши, вольная запорожская община.

Замѣчательно, что запорожскіе курени, отдѣльныя козачьи группы въ запорожской общинѣ, носили названіе различныхъ поселеній въ западно-русскомъ и южно-русскомъ краѣ. Это обстоятельство въ свою очередь показываетъ, какъ сложилась запорожская община. Группы земляковъ черкасскихъ, каневскихъ, стоблевскихъ и другихъ, уходившихъ за пороги для промысловъ, а иногда и для вторженій въ турецкія и татарскія земли, вслѣдствіе новыхъ распоряженій на Украинѣ, соединялись, какъ отдѣльныя курени, въ необходимую по новымъ условіямъ быта форму одного коша запорожскаго.

Появленіе постоянной козачьей общины за порогами — повая эпоха въ развитіи украиннаго козачества. Съ этого времени оно представляетъ два типа: козачество собственно украинное, городское, реестровое и козачество пивовое, запорожское, состоящее изъ

непризнанных воезаконъ. Последнее, возникшее въ видѣ постоянной общины, отдѣльной со времени Баторіевой реформы, пополняется выходцами не только изъ Украины, но и изъ другихъ южно-русскихъ и западно-русскихъ земель, гдѣ русское населеніе не уживалось съ распорядками польскаго государства. Протестъ противъ этихъ распорядковъ, обнаруживавшійся то въ формѣ движенія населенія изъ русскихъ областей польскаго государства на Запорожье, то въ формѣ бунтовъ противъ помещиковъ, разразился потомъ цѣлымъ рядомъ козачьихъ возстаній, пачавшихся съ возстанія Косинскаго въ 1592 г. Уже въ этомъ первомъ козачьемъ возстаніи козачество въ южныхъ предѣлахъ польскаго государства является дѣломъ общенароднымъ и такимъ оно выступаетъ во все послѣдующее время козачьихъ возстаній.

Хотя реформа Баторія окрестила именемъ запорожскаго все вообще козачество, но отдѣльной запорожской общины до нея не было; реформа Баторія признаетъ лишь 6 тысячъ козаковъ, полки ихъ распредѣлены по территоріи Украины и 2000 изъ нихъ предназначались содержать сторожу отъ татаръ. Не было запорожской общины и вскорѣ послѣ реформы Баторія: самъ гетманъ козачій Михаилъ Ружинскій, трактовавшій въ 1585 году съ однимъ венепціанцемъ, пріязжавшимъ отъ своего правительства въ Польшу по дѣламъ католической церкви, о войнѣ съ турками, перечисляя всѣхъ, кого онъ разсчитывалъ поднять противъ турокъ: донцевъ, волоховъ, болгаръ и сербовъ, ни слова не говорилъ о запорожцахъ, а объ нихъ онъ упомянуть бы неспремѣнно, если бы къ этому времени существовала организованная, обособившаяся отъ остальнаго козачества, запорожская община.

Баторіева реформа, послужившая ближайшимъ стимуломъ къ образованію запорожской общины, послѣдствіями своими опредѣляла и тотъ типъ, по которому должна была сложиться запорожская община. Въ источникахъ, относящихся къ начальной порѣ украиннаго козачества, замѣчается, что на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, козаковали люди изъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ. Извѣстенъ фактъ козакованья Подковы между низовцами. Писецкій въ своей хроникѣ замѣчаетъ, что возаки низовые были люди изъ разныхъ націй¹⁾. Баторій въ переговорахъ съ крымскимъ ханомъ

¹⁾ Albertraudy, Panow. H. W. Steph. Bat., стр. 342.

упоминалъ также, что въ числѣ козаковавшихъ за порогами были татары ¹⁾. Особенно обстоятельныя свѣдѣнія относительно племеннаго состава козаковавшихъ за порогами даетъ Гейденштейнъ. Онъ говоритъ, что «такъ какъ къ низовьямъ Днѣпра прилежали владѣнія разныхъ народовъ: татаръ, турокъ, волоховъ и «земли русско-польскія», то здѣсь вслѣдствіе столкновенія столькихъ враждебныхъ другъ другу народовъ издавна не могло быть спокойно. Неизмѣримая степь по нижнему теченію Днѣпра лежала пезаятою вслѣдствіе непрерывныхъ грабительствъ и тревоги. Слетались сюда для добычи непріятельской всё, которымъ плохо жилось въ отечествѣ или вслѣдствіе бѣдности, или вслѣдствіе несогласій; бѣжали туда и преслѣдуемые закономъ. Прежде, скучая безъ войны, и шляхетная молодежь проникала сюда, нища случая испробовать свое мужество. Собравшіеся на пиру жили главнымъ образомъ рыбною ловлею и грабежемъ. Нападали на того, съ кого надѣялись побольше взять. А такъ какъ значительное большинство ихъ были христіане, то они наибольше живились съ татаръ и турецкихъ купцовъ ²⁾; Польшскіе же неоднократно были сподручны. Вслѣдствіе того, что они занимали низовья Днѣпра, ихъ называли низовцами. Назывались они также и козаками, потому что такъ въ тѣхъ мѣстахъ называютъ и пѣшихъ, и конныхъ, которые собираются на границѣ для грабежа и вторженій въ сосѣднія земли» ³⁾.

Но разноплеменность жившихъ на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, преобладала лишь до люблинской униі; съ этого же времени русскій элементъ здѣсь значительно усилился притокомъ южно-русскаго населенія, преимущественно простата народа,—какъ говорятъ Бѣльскій, «носполитыхъ людей изъ Черкасъ, Канева, Кіева и др. мѣстъ». Баторіева реформа еще болѣе усилила этотъ притокъ на Запорожье и какъ теперь дѣло шло не только о томъ, чтобы временно пользоваться здѣсь промыслами и военною добычей, но и о томъ, чтобы установить опредѣленные устойчивыя нормы для жизни, то теперь всё козаковавшіе за порогами должны были подчиниться извѣстному порядку, при чемъ не русскіе элементы, со-

¹⁾ Тамъ же, стр. 222.

²⁾ Heidenstein, т. II, стр. 361.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 285.

ставившіе незначительное меньшинство, не могли оказать существеннаго вліянія на возниавшій въ Запорожьи общественный строй. Запорожская община должна была сложиться по типу, какой вытекалъ изъ убѣжденій, стремленій и привычекъ русскаго поселенія на Запорожьи. Украинскіе выходцы составляли здѣсь значительное большинство и, естественно, въ устанавливающеяся строѣ примѣняли свои взгляды, руководились своими народными идеалами.

Такииъ образомъ, запорожское козачество возникло подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ тѣхъ самихъ факторовъ, которые создавали и украинное козачество и хотя вторичность формациі, сопровождавшаяся нѣкоторыми частными условіями, о которыхъ мы говорили выше, сообщила запорожской общинѣ особый характеръ, по въ общемъ запорожское козачество было продуктомъ тѣхъ-же самыхъ первичныхъ причинъ, что и козачество украинное.

Привнесенный люблинской униєю въ южно-русскія области новый общественный строй, возвышеніе однихъ классовъ населенія надъ другими, приниженіе и порабощеніе свободнаго населенія степной полосы, заставили это послѣднее искать выхода въ бѣгство; пустыя мѣста за порогами дали пріютъ этимъ бѣглецамъ, а близость татаръ сдѣлала возможнымъ ихъ независимое существованіе здѣсь, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ брать земельные участки, влѣдетіе опасности отъ татаръ, лицамъ шляхетнаго сословія не было разсчета.—Условія мѣста распространенія и сосѣдства татаръ еще частіиѣе опредѣлили бытъ запорожскаго козачества. Покладанныхъ населенныя мѣста, главнымъ образомъ, въ степной полосѣ и являющихся въ степи за Сиблюхой и Орелью въ качествѣ колонизаторовъ приходило сравнительно съ обширностью края не много, а татары были непосредственными сосѣдями. Въ силу приспособленія къ условіямъ мѣста, на порогами должно было найти примѣненіе своеобразное полукочевое колонизаторство. Такиими именно колонизаторами-полукочевливыми мы и видимъ запорожскихъ козаковъ въ первое время существованія запорожской общины. Но самымъ первичнымъ факторомъ въ образованіи запорожскаго козачества было сосѣдство татаръ. Запорожское козачество является преимущественнымъ результатомъ столкновенія двухъ различныхъ племенъ, двухъ несходныхъ культуръ: съ одной стороны племени и культуры славянъ и въ частности южно-руссковъ, съ другой пле-

мени и культуры тюркской и въ частности кочевых татарских ордъ. Эти племена, пройдя каждое вдали другъ отъ друга свою историческую судьбу и очутившись теперь сосѣдями, но будучи различны по расѣ, по внутреннему складу, по образу жизни, неминуемо должны были стать во враждебное другъ къ другу отношеніе. Крымскія орды систематически годъ за годомъ производятъ набѣги на южно-русскія земли. Грабежи и опустошенія въ этихъ земляхъ, естественно, вызываютъ раздраженіе, побуждающее отплачивать своимъ угнетателямъ тѣмъ-же. Встрѣтились двѣ враждебныя другъ другу силы: народъ славянскаго юрпа, осѣдлый и прошедшій уже нѣсколько ступеней культуры, и народъ тюркаго корня, полукочевой, находящійся на ступени примитивной культуры. Каждая изъ силъ, сильная на свой ладъ, въ борьбѣ другъ съ другомъ пускала въ ходъ тѣ средства, какія были въ ея распоряженіи. Татары ордами набѣгаютъ на южную Русь,—осѣдлая Русь выдвигаетъ для борьбы вопновъ-козаковъ; набѣги татаръ продолжаются и отпоръ, приспособленный къ культурѣ, быту и внутреннимъ порядкамъ, существующимъ въ данное время въ государствѣ, усложняется: въ южно-русской козачинѣ, въ процессѣ дальнѣйшаго ея развитія, выдѣляется и складывается въ особый типъ козачество запорожское.

Сосѣдство татаръ и необходимость вести съ ними постоянную борьбу и отражать ихъ нападенія окончательно формировали бытъ и строй запорожскаго козачества. Въ основѣ ихъ конечно должны были лежать тѣ идеалы и привычки, съ какими приходили украинныя насельники на вызовъ Дибера,—отсюда у запорожцевъ свобода и равноправность въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Но не все сложившіеся идеалы могли найти здѣсь примѣненіе, не все склонности и привычки ихъ получать удовлетвореніе при новыхъ условіяхъ мѣста, при непосредственномъ сосѣдствѣ татаръ. Идеалъ семейной жизни, самый дорогой и заветный для украинца, безусловно не могъ быть удерживаемъ запорожцами и они долго и всегда почти представляли собою общество или совѣтъ безбрачныхъ или оставившихъ женъ и дѣтей удальцовъ. Другая, вытекающая изъ предшествующаго осѣдлаго быта, склонность къ земледѣлію, также и по той-же самой причинѣ не находила себѣ мѣста. Запорожскій козакъ, какъ и татаринъ, долженъ былъ жить добычей и промысломъ, охотой и войной, а эти занятія опредѣляли весь складъ и всю обстановку ихъ жизни.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(Продолженіе)¹⁾.

VI.

Визъ по Дибстру.—Плотъ и его устройство.—Навилны рѣки.—Характеръ береговъ.—Побережскія села.—Студеница.—Пристань; положеніе и наружность мѣстечка.—Рынокъ; народное гулянье, ярмарокъ.—Историческія свѣдѣнія о Студеницѣ. Занятія жителей.—Пещеры и древности.

Кто хочет увидѣть самую живописную часть русскаго поддѣстровья, тому слѣдуетъ спуститься внизъ по рѣкѣ отъ Жванца до мѣстечка Студеница. За отсутствіемъ пароходства, или какого бы то ни было правильнаго судоходства, остается одно средство сообщенія—идти на сплавъ, по мѣстному выраженію, т. е. спускаться на плотахъ или галярахъ, на которыхъ сплавляется лѣсъ и другіе товары. При посредствѣ хозяина заѣзда намъ скоро удалось найти куца еврея, согласившагося за нѣсколько рублей доставить насъ въ Студеницу на плоту, который онъ отправлялъ въ Могилевъ.

Въ условленный часъ мы явились на пристань съ пожитками, прихвативши достаточное количество соломы для почлега. Плотъ еще не былъ готовъ къ отъѣзду; впрочемъ мы не были этимъ удивлены, привывши уже къ обычной подольской медлительности: здѣсь каждый откладываетъ до послѣдней возможности всякое дѣло, но уже разъ принявшись за работу, дѣлаетъ ее хорошо, хотя и не торопясь. Даже еврей повидимому утратилъ здѣсь свою обычную

¹⁾ Сл. »Кіевская Старина«, 1884 г., іюльск. кн., стр. 359—391.

торопливость, составляющую одну изъ характерныхъ особенностей ихъ племени; такъ напримѣръ иногда приходится ждать по часу и больше, пока хозяинъ или мишуресь явится за расчетомъ. Здѣсь уже каждый привыкъ къ тому, что если срокъ назначенъ положимъ въ 12 часовъ, то часа въ три или четыре какъ разъ будетъ пора.

Пока пришелъ хозяинъ, пока окачивали нагрузку плота, можно было рассмотреть его устройство до малѣйшихъ подробностей. Плотъ плотъ былъ меньше всѣхъ другихъ, стоявшихъ на пристани, но совершенно одинаковой конструкции. Онъ состоялъ изъ тонкихъ сосновыхъ стволовъ, связанныхъ лыкомъ въ три ряда, одинъ надъ другимъ; посерединѣ положены въ нѣсколько рядовъ тонкія доски, предназначенныя для помѣщенія пассажировъ. На двухъ противоположныхъ сторонахъ плота находится *стерно*-длинное весло, укрѣпленное на столбикѣ такъ, что можетъ поворачиваться вправо и влево, какъ на днѣпровскихъ баркахъ; такое приспособленіе значительно облегчаетъ трудъ для тѣхъ, кто управляетъ плотомъ, избавляя отъ необходимости поворачивать его при постоянныхъ извилинахъ рѣки. Не смотря на такое первобытное устройство, плоты изъ легкаго соснового или буковаго дерева не слишкомъ глубоко сидятъ въ водѣ, даже съ полнымъ грузомъ, и сплавляются съ неизмѣрною скоростью сравнительно съ нашими днѣпровскими плотами.

Наконецъ явился хозяинъ судна съ другимъ евресемъ прикащикомъ, который занялъ должность капитана, и молодымъ парубкомъ—подольяниномъ, замѣнявшимъ собою весь экипажъ. Мы расплатились съ хозяиномъ, кормчій поднялъ якорь, т. е. отвязалъ плотъ отъ столбика, вбитаго въ землю, и плотъ, тихо покачиваясь, вышелъ изъ пристани по направленію къ Хотинѣ. Онъ очень быстро двигался по теченію и вскорѣ прошелъ у подножія хотинской вѣрпости; солнце приближалось къ закату и мы нѣсколько залюбовались прескраснымъ бессарабскимъ берегомъ.

Позади, на фонѣ ярко-голубаго неба, обрисовывалась грандіозная вѣрпость, вся залитая солнечными лучами; за нею видѣлся весь старый городъ съ предмѣстьями, раскинутыми на двухъ горахъ; русскаго города не видно съ Днѣстра. Высокій правый берегъ представляетъ рядъ обнаженныхъ скалъ, выдѣляющихся среди темной зелени кустарниковъ и болѣе свѣтлой зелени травы, покры-

вающих крутой склонъ рѣчной долины. Подольскій берегъ въ этомъ мѣстѣ представляетъ очень пологій спускъ къ рѣкѣ, но уже начиная отъ Хотина, оба берега замѣтно поднимаются и становятся обрывистѣе.

Въ силу особыхъ геологическихъ причинъ, Днѣстръ въ своемъ теченіи прорвалъ громадныя каменныя массы и вырылъ для своего русла узкія, но очень глубокія долины съ крутыми, иногда совсѣмъ отвѣсными берегами. Только изрѣдка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка случайно встрѣтила на пути мягкую почву, берега весьма пологи и горы дальше отходятъ отъ берега. Вслѣдствіе этихъ причинъ теченіе Днѣстра чрезвычайно извилисто; не говоря уже о томъ, что оба берега представляютъ сплошной рядъ мысовъ, раздѣленныхъ болѣе или менѣе глубокими заливами, рѣка часто дѣлаетъ такіе крутые повороты, что приходится плыть водою верстъ 30 и больше, тогда какъ скалистый перешеекъ, раздѣляющій двѣ дуги, имѣетъ не больше трехъ-четырехъ верстъ въ поперечникѣ. Такъ напримѣръ отъ Жвалца до Студеницы сухимъ путемъ отъ 40 до 50 верстъ; между тѣмъ Днѣстръ дѣлаетъ пять такихъ извилицъ, которыя увеличиваютъ это разстояніе почти втрое.—Чтобы не повторяться и избѣжать скучныхъ, растянутыхъ описаній природы, зачастую сходной въ различныхъ мѣстностяхъ подднѣстровья, постараюсь по возможности короче очертить характеръ береговъ.

Чѣмъ дальше внизъ отъ Жвалца, тѣмъ долина Днѣстра становится глубже, такъ что во многихъ мѣстахъ берега достигаютъ болѣе 120 и 150 сажень въ вышину; это продолжается до Могилева; отсюда они нѣсколько понижаются; начиная отъ Ямполья, горы все дальше удаляются отъ рѣки и берега мало по малу принимаютъ степной характеръ.—Иногда одиель изъ береговъ образуетъ пологій склонъ къ рѣкѣ; здѣсь болѣею частью среди зелени садовъ и огородовъ живописно выглядываетъ небольшая сельская церковь, окруженная группою привѣтливыхъ, бѣлыхъ хатъ; обыкновенно село расположено у впаденія въ Днѣстръ какой нибудь рѣчки или просто крупнаго ручья. Но такія мѣста встрѣчаются сравнительно рѣдко: берега по большей части скалисты и представляютъ обнаженіе различныхъ каменныхъ породъ: то разныхъ видовъ третичнаго известняка, то разноцвѣтныхъ породъ глинистыхъ известковыхъ сланцевъ, переходящихъ отъ бѣлаго и желтоватаго цвѣта до

темно-зеленаго или фіолетоваго. Вдоль берега тянется низменная полоса, по которой идетъ проѣзжая дорога; за нею возвышается огромная каменная стѣна, иногда совсѣмъ отвѣсная, представляющая въ верхней своей части ряды отвѣсныхъ скалъ съ поперечными бороздами, которыя придаютъ имъ видъ колоннъ съ карнизами; по временамъ на вершинахъ горъ виднѣются скалы, чрезвычайно на-поминающія своими очертаніями развалины огромныхъ крѣпостей или замковъ съ башнями, бойницами и т. д. Иногда совершенно отвѣсная стѣна, увѣчанная такими замками и колоннами, подходитъ прямо къ рѣкѣ и тогда дорога, идущая вдоль берега, обрывается, затѣмъ рѣка дѣлаетъ поворотъ и такія-же точно скалы появляются на противоположномъ берегу. Очень часто горы прорѣзываются глубокими оврагами, увѣчанными такими-же нависшими каменными карнизами; подъ ними внизу оврага нагромождены целогія осыпи мелкаго камня изъ вывѣтривающихся скалъ, а на днѣ протекаетъ чистый, кристальный источникъ. Иногда группы скалъ представляютъ подобіе гротовъ, воротъ или входа въ пещеру, жертвенника и т. п.; разумѣется по мѣрѣ приближенія къ нимъ прежнее очарованіе исчезаетъ и остается только чувство подавленности передъ этими громадами.

Наконецъ картина постоянно разнообразится огромнымъ количествомъ источниковъ, которыми такъ богаты горы Подолія; иные вырли себѣ очень глубокую долину среди каменистой почвы и выдаютъ въ Днѣстръ, образуя при устьи небольшіе заливы; другіе прорываются изъ отвѣсной скалы и прямо спадаютъ въ рѣку. Часто случается видѣть по два и по три такихъ водопада, одинъ надъ другимъ, въ различныхъ пластахъ горы отъ основанія до вершины.— Вообще берега Днѣстра въ высокой степени живописны, но она ждуть еще своего художника или по крайней мѣрѣ фотографа, который-бы перевесъ ихъ красоты на бумагу. Съ теченіемъ времени горы подольскія мало по малу измѣняютъ свой видъ, какъ вслѣдствіе чрезвычайно быстраго вывѣтриванія мѣстныхъ каменныхъ породъ, такъ и вслѣдствіе еще болѣе быстраго повсемѣстнаго истребленія лѣсовъ, составляющаго одну изъ самыхъ крупныхъ экономическихъ ошибокъ нашего времени и нашего края. Побережье Днѣстра весьма замѣтно страдаетъ отсутствіемъ лѣса, отчего много терлетъ и въ эстетическомъ отношеніи, такъ какъ обнаженные

скалы, едва перемежаемая тощею растительностью, представляют хотя живописный и разнообразный, но мало оживленный пейзажъ.

По словамъ мѣстныхъ жителей лѣса существовали по всюду, еще очень недавно и подверглись истребленію только въ послѣднее время, при чемъ нужно замѣтить, что больше пострадалъ подольскій берегъ,—на бессарабскомъ уцѣлѣли еще мѣстами довольно значительные лѣса, но ихъ вскорѣ ожидаетъ таже участь.

Выше я говорилъ уже объ устройствѣ плота, остается сказать нѣсколько словъ о способѣ его хода. Благодаря чрезвычайно быстрому теченію Днѣстра, воплиъ сохраняющаго въ Подоліи характеръ горной рѣки, плоты сплавляются очень скоро, такъ что въ тихую погоду или при попутномъ вѣтрѣ отъ Жванца до Студеницы, т. е. около 150 верстъ, можно проѣхать въ одни сутки. Такъ мы и рассчитывали, выѣзжая изъ Жванца въ прекрасную погоду; но случилось иначе. При постоянныхъ извилинахъ рѣки, вѣтеръ на каждомъ поворотѣ мѣняетъ направленіе и прибавляетъ плотъ то къ одному, то къ другому берегу; требуется много вниманія и усилій со стороны двухъ борячихъ, чтобы удержать его на срединѣ рѣки. Ни хозяинъ, ни капитанъ нашего судна видимо не отличались предусмотрительностью—качествомъ, столь необходимымъ при судоходствѣ. Здѣсь все дѣлается по пословицѣ: «якъсь-то воно буде», поэтому не были осмотрѣны спаси и исправлены бывшія на плоту неисправности раньше его выхода изъ жванецкаго порта. За то на каждомъ изгибѣ рѣки, когда теченіе становилось сильнѣе и требовалось нѣкоторое усиліе при поворотѣ, то одно, то другое *стертю*, замѣнявшее руль, ломалось въ мѣстѣ своего прикрѣпленія. Нужно было останавливать плотъ или кое-какъ управляться однимъ весломъ, пока другое наскоро прибывалось деревяннымъ гвоздемъ; конечно, такой способъ подчинки очень не проченъ и при новомъ поворотѣ повторяется таже исторія. Разумѣется, все это отнимаетъ много времени и сильно замедляетъ ходъ плота.

Довольно часто на пути встрѣчаются села, расположенныя большею частью при устьи какойнибудь рѣчки или ручья, то на зеленѣющемъ склонѣ горы, окруженныя густыми садами, огородами и швами, то въ глухомъ ущельи, лишенномъ всякой растительности, отчего село, не смотря на свои чистенькія, бѣлыя хаты, имѣетъ грустный, угрюмый видъ. Въ большинствѣ случаевъ въ виду

каждаго подольскаго села на противоположномъ берегу расположено молдованское съ другимъ названіемъ; въ каждомъ своя церковь, у берега стоять двѣ-три душегубки, а иногда даже паромъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что подольскій берегъ повидимому гуще населенъ, по крайней мѣрѣ на своемъ пути мы насчитали на лемъ 16 селеній на одинадцать бессарабскихъ; сверхъ того подольскія села отличаются болѣе опрятной и привлекательной наружностью, чѣмъ молдованскіе. Не знаю, чѣмъ это объяснить: большею-ли степенью зажиточности или племеннымъ характеромъ жителей, или жетѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Къ вечеру вѣтеръ началъ усиливаться и перемѣнилъ направленіе,—изъ попутнаго сдѣлался боковымъ, поднялись большія волны съ бѣлыми гребнями и плоть стало заливать водою; оставалась сухою только небольшая площадка изъ досокъ посреди плота, предназначенная для помѣщенія пассажировъ съ ихъ багажемъ. Пришлось сидѣть почти неподвижно, такъ какъ ходить на площадкѣ было тѣсно, да и страшно, чтобы не залило единственнаго сухого пространства, оставшагося для почлега. Съ заходомъ солнца вся рѣка, на сколько можно глазомъ окинуть, покрылась густымъ облакомъ бѣлыхъ эфемеридъ, представлявшихъ весьма оживленное зрѣлище. Чрезвычайно интересно было наблюдать, какъ эти полупрозрачныя, граціозныя насѣкомыя, легкія и блестящія, какъ сѣтѣйки, кружились въ воздухѣ, гонялись другъ за другомъ и чрезъ какія нибудь четверть часа падали мертвыми, а на ихъ мѣсто, неизвѣстно откуда, появлялись новыя и продолжали ту-же пляску, прекратившуюся только ночью. Пока совсѣмъ стемнѣло, плоть наизъ покрылась сплошнымъ слоемъ мертвыхъ тѣлъ, а какое огромное количество ихъ потонуло въ рѣкѣ. По словамъ нашего кормчаго, мертвыя эфемериды составляютъ прекрасный кормъ для днѣстровской рыбы, которая отъ него быстро жирѣетъ. Къ сожалѣнію поднявшіяся волны помѣшали намъ увидѣть это интересное зрѣлище, такъ какъ съ наступленіемъ сумерекъ рыба цѣлыми стаями выплываетъ на поверхность воды и, подпрыгивая на воздухъ, на лету ловить падающіе труны.

Накоонецъ наступила ночь, вѣтеръ не утихалъ, по капитанъ нашъ рѣшился продолжать путь, не останавливаясь. Становилось холодно, никакихъ видовъ, кромѣ темной ночи, не было и пассажирамъ оставалось только расположиться на почлегъ. Между тѣмъ

кормчій началъ пѣть прекрасныя украинскія пѣсни, одна другой лучше, которыхъ грустные, хотя и чрезвычайно гармоничные мотивы нѣсколько отличаются отъ тѣхъ, какіе мы привыкли слышать на Украинѣ. Не могу сказать, чтобы мотивы подольскихъ пѣсень были лучше остальныхъ украинскихъ напѣвовъ, но въ нихъ есть что-то своеобразное и оригинальное, какой-то особенный оттѣнокъ, составляющій одну изъ этнографическихъ особенностей потомковъ древнихъ Тиверцевъ и Уличей. По своему содержанию пѣсни почти не отличаются отъ тѣхъ, какія сохранились еще у насъ вдали отъ городовъ, въ глухихъ селахъ, куда не проникла еще солдатско-мѣщанская цивилизація. Особенно обратилъ наше вниманіе прекрасный вариантъ пѣсенной пѣсни про Петруся, который сохранился безъ всякихъ искаженій въ текстѣ и копчается иначе, нежели всѣ известныя въ печати варианты.

Наконецъ парубокъ усталъ пѣть. »Теперь расскажи мени яку небудь байку, або казку, попросилъ еврей; я дуже люблю ваши казки«, и кормчій началъ рассказывать малорусскія сказки и басни, очень занимательныя и оригинальныя, исполненные того юмора и тонкой наблюдательности, какими по преимуществу отличается малорусское племя среди другихъ родственныхъ племенъ. Рассказъ затянулся далеко за полночь; наконецъ, не задолго передъ разсвѣтомъ плотъ остановили у берега подъ вѣтромъ и экипажъ расположился на отдыхъ.

На утро оказалось, что идти дальше нѣтъ возможности по причинѣ сильнаго вѣтра свизу; раза два капитанъ пробовалъ отчалить, но плотъ отказывался повиноваться рулю и шель противъ теченія, или кружился на одномъ мѣстѣ, вмѣсто того, чтобы плыть впередъ. Среди бесплодныхъ усилій снова были сломаны оба *стерна* и пришлось остановиться на неопредѣленный срокъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли ночью; это было въ глубинѣ небольшого залива при впаденіи рѣчки Мухни, противъ незначительнаго села Мукаровка, расположеннаго на бессарабскомъ берегу. Въ полу-верстѣ ниже насъ остановился другой плотъ съ вѣсколькими, ѣхавшими на немъ евреями, а нѣсколько выше противъ Мукаровки двѣ галеры, нагруженныя бочками со спиртомъ, употребляли большія усилія, чтобы удержаться на среднѣй рѣкѣ.

Въ этомъ мѣстѣ, при устьи р. Мукши, съ правой ея стороны, упирается въ Дибѣстръ высокій горный кряжъ, самый значительный въ юго-западномъ углу Подоля, извѣстный въ польской литературѣ подъ именемъ Медоборскихъ горъ; отсюда онъ направляется къ сѣверо-западу и у города Сатанова, надъ р. Збручемъ, входитъ въ предѣлы русинской Галиціи. Высокія горы, увѣчанныя въ верхней своей части градіозными, закругленными скалами, нащипанными огромныя колонны съ выступающими впередъ карнизами, очень близко подходятъ къ рѣкѣ и спускаются почти отвѣсно къ узкой береговой полосѣ. Во многихъ мѣстахъ гора изрѣзана болѣе или менѣе глубокими оврагами, на днѣ которыхъ протекаетъ чистый источникъ, или-же возвышаются огромныя скалы, еще не успѣвшія скатиться внизъ; по этимъ оврагамъ только и можно взобраться до половины горы, цѣпляясь за камни и тощіе кустарники; выше является сплошная, отвѣсная стѣпа.

«Одна беда иде и другу за собою веде», говоритъ пословица, такъ случилось и съ нами на этотъ разъ: началось съ того, что спасты были изломаны, вѣтеръ мѣшалъ плыть и предстояла невольная и, что самое неприятное, неопредѣленная остановка. Затѣмъ оказалось, что нашихъ дорожныхъ припасовъ, рассчитанныхъ на одніи сутки, не хватитъ до Студеницы; нужно было позаботиться о будущемъ и мы отправились за покупками въ ближайшее село Тарасовку, расположенное въ глухомъ ущельи на правомъ берегу р. Мукши, верстахъ въ пяти отъ ея устья. Попадѣвшіе на свои компасы, мы не захватили съ собою карты, скоро сбились съ пути и послѣ трехчасоваго странствованія попали въ какое-то другое село, очень бѣдной и непривѣтливой наружности. Но счастью въ немъ нашелся шиннокъ, куда мы тотчасъ-же направили свои усталыя стопы; здѣсь разыгралась любопытная сцена, какія намъ не разъ приходилось видѣть въ наиболѣе глухихъ подолевскихъ селахъ. Если есть въ селѣ шиннокъ, его всегда содержитъ еврей, но иногда, въ силу особыхъ условій онъ не хочетъ показаться хозяиномъ введенія передъ проѣзжими посѣтителеми. Вы входите въ шиннокъ и требуете воды; еврейка, занимающаяся тутъ-же какой нибудь домашней работой, отвѣчаетъ, что она здѣсь не хозяйка, а партирачка, и посылаетъ мальчика позвать хозяина; вскорѣ является крестьянинъ, наливаетъ водку, получаетъ деньги и тутъ-же вру-

часть еврейскѣ, которая даетъ сдачу въ случаѣ надобности. Если нужны какіе нибудь припасы, еврейка охотно удовлетворитъ все ваши требованія въ предѣлахъ возможнаго и даже за довольно умѣренную цѣну. Пока вы остаетесь въ шинкѣ, хозяева и все присутствующіе заводятъ разговоръ и весьма деликатно косвенными вопросами стараются узнать цѣль вашего прибытія въ село. Если въ отвѣтахъ и въ поведеніи посѣтителя не усматривается ничего подозрительнаго, что заставило-бы предполагать переодѣтаго чиновника или ревизора, къ нему скоро привыкають и послѣ двухъ-трехъ визитовъ хозяйка уже, не стѣсняясь, вступаетъ во все свои права и обязанности.

Нѣчто подобное случилось и съ нами на этотъ разъ. Небольшое, пустынное село, затерянное въ глухомъ ущельи между скалъ, очевидно не привыкло къ посѣщеніямъ сюртучныхъ людей; въ кормчѣ встрѣтили насъ очень недоброжелательно и только послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ удалось купить небольшое количество самыхъ скромныхъ припасовъ. Правду сказавши, не стоило за ними ходить въ такую даль и въ такую жару и вѣтеръ по ужасной горной тропинкѣ вдоль ущелья, но *à la guerre comme à la guerre*.

Передъ заходомъ солнца вѣтеръ нѣсколько утихъ и перемѣнить направленіе, плоть кое-какъ исправили и можно было пуститься въ путь. Вечеромъ повторилось тоже, что и наканунѣ: тѣже эфемериды цѣлыми міриадами кружились въ воздухѣ и падали мертвыми. Тѣже самыя пѣсли цѣлы кормчій, но сказокъ уже не разсказывали. Наступилъ шабасъ,—дѣло было въ пятницу,—панъ капитанъ, помолясь Богу, передалъ свою должность кормчему, поручая ему зорко слѣдить за теченіемъ и держаться середины рѣки, а самъ вскорѣ уснулъ и мы не замедлили послѣдовать его примѣру. Одинъ только бѣдный парубокъ долженъ былъ бодрствовать и работать за двоихъ; къ счастью почъ наступила очень тихая, такъ что ему не слишкомъ тяжело было управляться самому, плоть быстро несло по теченію и на разсвѣтѣ, миновавъ небольшой островъ, кажется, изъ наносной земли, поросшій лозою и кустарникомъ,—первый островъ, какой намъ встрѣтился на Двѣстрѣ, мы пристали къ Студеницѣ.

Пристань, въ которой стояло нѣсколько лодокъ, плотовъ и галеръ, находилась въ разстояніи около двухъ верстъ ниже мѣстечка, противъ молдаванскаго села Отакъ (испорченное Атаки). Здѣсь мы

и остановились. Плоть долженъ былъ сплавляться дальне и въ назначенный срокъ прибыть въ Калюсъ или въ Могилевъ, но приказчикъ, предчувствуя вознагражденіе, согласился обождать, пока намъ удастся найти подводу, чтобы перевести нашъ багажъ въ мѣстечко. Маринчукъ оставилъ меня спящаго на плоту, а самъ пошелъ въ мѣстечко отыскивать подводу и квартиру, гдѣ-бы можно было остановиться, такъ какъ мы рассчитывали пробить въ Студеницѣ нѣсколько дней. На бѣду въ этотъ день случился двойной праздникъ: Пресображеніе и суббота; православные жители спѣшили въ церковь, еврейское населеніе собиралось въ синагогу, — никакого толку добиться нельзя: «хочъ сидай та плачь». Послѣ долгихъ поисковъ удалось наконецъ найти еврея, который согласился указать квартиру въ домѣ одного изъ своихъ знакомыхъ; оставалось отыскать подводу, но это оказалось еще труднѣе, такъ какъ по еврейскому закону всѣ домашніи животныя должны отдыхать въ субботу, а крестьянскія лошади еще съ вечера утнаны были въ поле, сами крестьяне спѣшили въ церковь и это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ свойственной подолянцамъ благодушной медлительностью, почти совсѣмъ лишило возможности вести переговоры о подводѣ. Наконецъ удалось кое какъ преодолѣть и это послѣднее препятствіе и условиться съ однимъ изъ крестьянъ, который обѣщалъ въ непродолжительномъ времени выслать на пристань подводу, какъ только лошади воротятся съ поля.

Успокоенный обѣщаніемъ, Маринчукъ далъ задатокъ, воротился на пристань и разбудилъ меня; послѣ чаю, расплатившись съ плотниками, мы остались съ багажемъ на берегу, а плотъ сплылъ съ якоря или вѣрнѣе съ небольшого козла, вбитаго въ землю, и, тихо покачиваясь, вышелъ изъ гавани и скоро скрылся изъ вида.

Наученные горькимъ опытомъ въ продолженіи нашего пребыванія въ Подольѣ, мы уже привыкли къ тому, что значить ожиданіе въ этой благословенной странѣ, и ждали терпѣливо, расположившись на пристани среди чемодановъ и представляя зрѣлище для прохожихъ. Мимо насъ безпрестанно шли люди: то группы крестьянъ подольскихъ и бессарабскихъ, одѣтыхъ въ свои лучшіе костюмы, поспѣшавшіе съ узелками въ рукахъ на храмовой праздникъ въ Студеницу; то евреи въ своихъ бѣлыхъ магіяхъ переправлялись на лодкахъ изъ Отакъ и тоже спѣшили въ синагогу.

Каждый смотрѣлъ на насъ съ любопытствомъ и въ полголоса дѣлать свои замѣчанія. Уже пастухи, верхомъ на лошадяхъ, пригнали весь скотъ въ мѣстечко, уже евреи стали возвращаться изъ синагоги, а подводы все ѣдутъ, какъ ѣдутъ. Наконецъ около полудня Маринчукъ соскучился ожиданіемъ и пошелъ узнать о причинѣ такого замедленія. Дѣло объяснилось просто: хозяинъ ушелъ въ церковь, работнику невѣрно передали распоряженіе на нашу счетъ и онъ не зналъ, куда и зачѣмъ онъ долженъ ѣхать. Въ скоромъ времени появился мой другъ на огромномъ возу, на какихъ здѣсь возятъ снопы, запряженномъ парой очень малыхъ, но крѣпкихъ лошадокъ; мы живо сложили свои вещи, сами усѣлись сверху и мицуть черезъ двадцать торжественно въѣзжали въ Студеницу.

Мѣстечко расположено въ глубокой долинѣ, имѣющей видъ продолговатаго четырехъ-угольника, огаймленаго съ юга р. Диѣстромъ и замкнутого со всѣхъ остальныхъ сторонъ тремя высокими горами. Съ востока возвышается крутая, совершенно лишенная растительности *Бѣлая гора*, самая высокая и обрывистая изъ трехъ горъ. На сѣверъ отъ мѣстечка зеленѣетъ болѣе пологая гора *Монастирисько* или *Ганусиско*, отдѣленная отъ *Бѣлой* глубокимъ оврагомъ. На западѣ тянется гора *Горюшковатая*, отрѣзанная отъ *Монастириська* глубокой долиной, на днѣ которой протекаетъ горная рѣчка Студеница, впадающая въ Диѣстръ въ самомъ мѣстечкѣ.

Видшимъ своимъ видомъ м. Студеница ничѣмъ не отличается отъ другихъ подольскихъ мѣстечекъ. Въѣзжая улица проходитъ сперва черезъ предмѣстье, состоящее изъ большихъ крестьянскихъ хатъ, окруженныхъ густыми, тѣнистыми садами. Предмѣстье отдѣляется отъ самаго мѣстечка рѣчкой Студеницей, настоящей горной рѣчкой, которая въ сухую погоду сворѣе похожа на широкій и быстрый, но не глубокий ручей; только въ случаѣ дождя наполняется водою и тогда течетъ съ невѣроятною быстротою, но черезъ день-два вода спадаетъ и рѣчка становится опять, какъ говорится, куражъ по колѣни. Черезъ рѣчку перекинутъ деревянный мостикъ, за которымъ начинается самое мѣстечко.

На лѣво по главной улицѣ—домъ священника и рядомъ съ нимъ училище, на право приходская церковь, откуда выходили группами крестьяне въ живописныхъ праздничныхъ нарядахъ и расходились въ разные стороны съ узелками въ рукахъ. Наконецъ

мы въѣхали на рынокъ, застроенный въ два ряда еврейскими домами; въ одномъ изъ нихъ мы остановились *на станцію*, какъ здѣсь говорить, т. е. на квартиру и, отдохнувши немного, пошли осматривать мѣстечко.

На срединѣ обширной, продолговатой площади вмѣсто ратуши возвышается каменная корчма, въ противоположность другимъ домамъ; снабженная обширнымъ дворомъ, съ каменной оградой; рядомъ съ корчмой расположена нѣсколько маленькихъ деревянныхъ лавочекъ. На наше счастье день выдалъ праздничный и площадь, переполненная народомъ, представляла весьма оригинальное зрѣлище: по одну сторону, подалеке отъ корчмы важно расхаживали наряженные пожилые евреи съ женами и дочерьми, между тѣмъ какъ молодые собрались въ домъ, гдѣ помѣщалось еврейское училище, и пѣли сначала свои національныя пѣсни, а затѣмъ солдатскія. Вокругъ корчмы размѣстились группами крестьяне, принадлежніе въ храмъ изъ сосѣднихъ селъ, каждый со своими припасами; тутъ поминутно слышались веселыя шутки и остроты, каждый угощалъ пріятеля своимъ обѣдомъ и только водку брали въ корчмѣ. Тутъ мы замѣтили неизвѣстный намъ прежде обычай: у насъ на Украинѣ существуетъ обыкновеніе освящать на Спаса первые яблоки и медъ, между тѣмъ въ Студеницѣ крестьяне приносятъ для посвященія хлѣбъ и жареную рыбу, не смотря на чрезвычайное обиліе фруктовъ въ этой мѣстности. Не знаю, мѣстный-ли это обычай, или распространенный во всемъ Подоліи.

Подъ вечеръ публика у корчмы порядочно выпила и совсѣмъ развеселилась, даже торжественное настроеніе стариковъ исчезло; тутъ и тамъ на площади стали раздаваться рѣзкіе, кракливые женскіе голоса, возлѣ корчмы начались пѣсни и драки. Между тѣмъ какъ евреи послѣ вечерней молитвы сняли праздничныя платья и принялись за домашнія работы, вся площадь была еще покрыта небольшими кучками крестьянъ, переходившихъ отъ корчмы къ винному погребу и обратно; тотъ шелъ съ пріятелемъ выпить литру вина, другой велъ жену *почаствовать* и заботливо держалъ на рукахъ ребенка. Въ толпѣ съ трудомъ можно было отличить подольца отъ молдавана, до такой степени оба типа смѣшались между собою. Въ ближайшихъ къ Днѣстру селахъ, гдѣ населеніе находится въ постоянныхъ сношеніяхъ, подольца по паружности не

многимъ разнятся отъ румыновъ: тѣ же длинныя волосы по плечамъ, только у послѣднихъ преобладаетъ черный цвѣтъ, а у подолянъ болѣе свѣтлый; тотъ-же костюмъ—длинная сорочка на выпускъ, часто доходящая до колѣнъ, красный шерстяной поясъ очень широкій, иногда до полуаршина въ ширину, поверхъ котораго надѣвается другой кожаный поясъ вершка въ два-три шириною, украшенный рядомъ большихъ мѣдныхъ пуговицъ по срединѣ; въ этомъ поясѣ крестьянинъ носить деньги, охотничьи заряды и другія мелкия вещи, которыми особенно дорожить; на ремешкахъ у пояса привѣшены: трубка, ножъ, *кресало*, мѣшочекъ для кремней и трута и т. п. Подобный поясъ составляетъ, кажется, самый драгоценный предметъ роскоши для подольскаго мальчика пастуха, и товарищи съ завистью смотрятъ на счастливца, обладающаго такимъ сокровищемъ. Вообще въ наружности и одеждѣ подольскихъ и бессарабскихъ поднѣстрапскихъ крестьянъ очень много общаго; къ довершенію сходства нужно замѣтить, что многіе жители лѣваго берега Дуѣстра хорошо говорятъ по румынски, а молдаване по украински. На сколько я могъ замѣтить, подоляне отличаются только болѣе оживленнымъ и осмысленнымъ видомъ, болѣе высокими ростомъ и стройной осанкой и вообще показываются развитѣе молдаванъ.

Что касается женщинъ, то онѣ сохранили во всей чистотѣ особенности тѣла и одежды. Подолянки также гораздо красивѣе, выше и стройнѣе молдаванокъ; одежду ихъ составляетъ длинная рубаха съ *полками* и рукавами, расшитыми въ поперечныя полосы чернымъ, желтымъ, краснымъ и др. гарусомъ, «*заплючью*» и шелкомъ; поверхъ узора нашиты рядками блестки и рыба чешуя. Отличительную черту поднѣстровскаго орнамента представляетъ чрезвычайно густой и сложный узоръ изъ домашнихъ липій¹⁾, вполне тождественный въ своихъ основныхъ элементахъ съ орнаментикою приднѣпскихъ славянъ, отъ которой онъ отличается большимъ развитиемъ (формъ и однообразіемъ окраски; каждая полоса шьется *занизуваннямъ*²⁾) и однимъ только цвѣтомъ, иногда съ примѣсью

¹⁾ Особый родъ шитья, при которомъ цвѣтная нитка пронзываетъ полностью параллельно нитямъ ткани, отъ чего узоръ выходитъ какъ-бы вытканымъ.

золота или серебра; кромѣ рукавовъ и *комира* въ женскихъ сорочкахъ вышиваютъ еще двѣ продольныя полоски на пазухѣ и на спинѣ, за то влизу совсѣмъ нѣтъ вышивокъ. Мѣстные этнографы говорятъ, что различныя комбинаціи цвѣтовъ и узоровъ присвоены различнымъ семейнымъ состояніямъ женщины, такъ что опытный этнографъ, не зависимо отъ головного убора, только по вышивкѣ сорочки можетъ отличить дѣвушку отъ *«молодыци»*, вдовы и т. д. Подобно нашимъ селянкамъ здѣсь носятъ черную *«запаску»* только изъ одного куска и съ красной каймой вокругъ, подвязанную узорчатой гарусной *«крайкой»*, вмѣсто передника шерстяной платокъ, сложенный въ косынку, на шеѣ множество коралловъ, а у дѣвушекъ шпурки, вышнанные изъ разноцвѣтнаго мелкаго бисера, — *«сѣянки»* по мѣстному названію (отъ слова *селяти* — низать). Головной уборъ у дѣвушекъ состоитъ изъ цвѣтовъ и лентъ, у *«молодыци»* изъ *«хустки»*, которую повязываютъ очень просто и изящно; пожилыя жевщины надѣваютъ *«намитку»*, выштую золотомъ или серебромъ. Между тѣмъ одежда молдаванокъ отличается отсутствіемъ изящества и въ особенности національнаго отбѣнка: онѣ одѣваются въ темную ситцевую юбку и кофту, на головѣ ситцевый московскаго издѣлія платокъ и только; впрочемъ нѣкоторыя по примѣру подольнокъ носятъ рубаху, выштую чернымъ шелкомъ. Не знаю, чѣмъ объяснить такой упадокъ національнаго вкуса у здѣшнихъ молдаванокъ. Такъ какъ у насъ къ сожалѣнію нѣтъ еще ни одного полнаго собранія народныхъ орнаментовъ и существуетъ понынѣ только двѣ-три болѣе или менѣе удачныя попытки къ изученію народной орнаментики, и то болшею частью ограниченныя весьма узкимъ райономъ, то я не имѣю возможности обставить научными доказательствами свои заключенія. На основаніи личнаго наблюденія народныхъ орнаментовъ среди малороссовъ и румынскихъ колонистовъ новороссійскаго края и затѣмъ среди подольянъ, я увѣренъ, что названный мною подольскимъ орнаментъ, т. е. какъ самый способъ шитья, такъ и рисунки, цѣлкомъ перешелъ къ намъ отъ молдаванъ, а къ этимъ послѣднимъ, кажется, отъ придубайскихъ славянъ. Мы знаемъ, что въ самой Бессарабіи коренные жители вполне удержали свои этнографическія особенности, между тѣмъ какъ молдаване въ Подністровьи почти совсѣмъ оставили свою орнаментиву. Неужели и въ такой глуши сказывается уже вліяніе

городскихъ модъ? Впрочемъ я уже слишкомъ увлекся этнографическими подробностями и злоупотребляю терпѣніемъ читателя; но будь что будетъ, «мы же на предьяя возвратимся», какъ говоритъ почтенный южно-русскій лѣтописецъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ гуляющіе мало по малу разошлись по домамъ, на площади остались только еврейскія дѣти, игравшія на пескѣ, и долго еще раздавался ихъ веселый смѣхъ и своеобразный гортальный говоръ.

Вечеромъ квартира наша наполнилась посѣтителями—сюда явилось почти все еврейское населеніе Студеницы съ жепами и дѣтьми; болѣе почетныя, или тѣ, кто посмѣлѣе, пробрались въ комнаты и безъ церемоніи принялись перебирать и разсматривать всѣ наши вещи до послѣдней мелочи, но не съ любопытствомъ дикарей, а напротивъ съ видомъ знатоковъ. Другіе вытѣзли на завалипку передъ окнами и заспичали насъ вопросами: каждый интересовался узнать, зачѣмъ прибыли двое неизвѣстныхъ людей, расхаживавшихъ по мѣстечку безъ опредѣленной цѣли. Какъ ни старались мы объяснить, что путешествуемъ для собственнаго удовольствія, съ цѣлью познакомиться съ краемъ, посѣтители не могли повѣрить такому простому отвѣту, и мнѣпія раздѣлились: одни думали, что мы собираемъ свѣдѣнія относительно судоходства, и разсказывали о томъ, какъ прошедшею весною въ половодье проѣзжалъ по Днѣстру на пароходѣ адмиралъ Чихачевъ, измѣрившій глубину рѣки; другіе принимали насъ за купцовъ, которые нарочно скрываются, желая выгодиѣ купить, что нужно; иные подозревали въ насъ агентовъ какой нибудь фирмы, явившихся для закупки фосфоритовъ по примѣру австрійскихъ агентовъ, которые два года назадъ проѣхали съ этою цѣлью по всему Днѣстру. Наконецъ одинъ молодой, красивый еврей, выдѣлявшійся между всѣми остальными особенно умнымъ и выразительнымъ лицомъ и интеллигентными вопросами, учитель мѣстной еврейской школы, рѣшилъ, что мы—люди науки, пріѣхавшіе сюда для собиранія какихъ-то научныхъ матеріаловъ, «для практики», какъ онъ выразился, и большинство согласилось съ его мнѣніемъ.

Подъ конецъ намъ уже сильно надоѣли всѣ распросы и безцеремонное поведеніе посѣтителей, изъ которыхъ каждый считать

своимъ долгомъ пересмотрѣть всѣ лежавшія на столѣ вещи: компасы, карты, книги и др. и взять хоть по одной пашироскѣ, такъ что оба мы сильно обрадовались, когда разошлись незваные гости и можно было отдохнуть. Въ слѣдующіе дни такія посѣщенія почти прекратились, только учитель да еще три-четыре еврея приходили каждый вечеръ побесѣдовать на часокъ.

На слѣдующее утро мы предполагали идти въ горы осматривать находящіяся въ нихъ пещеры, но оказалось, что на площади передъ нашими окнами собирается ярмарокъ. Хотя для студеницкихъ жителей это самый обыкновенный ярмарокъ, повторяющійся черезъ двѣ недѣли въ воскресенье, но для насъ онъ представлялъ возможность увидѣть мѣстные продукты, узнать цѣны, а главное—наблюдать нравы и составить себѣ представленіе о производительности округа, для котораго мѣстечко служить центромъ.

Площадь, залитая массой народа, двигающагося во всѣхъ направленияхъ, представляла очень оригинальное зрѣлище. Вокругъ рынка размѣстились въ нѣсколько рядовъ крестьянныя, въ лучшихъ праздничныхъ костюмахъ, съ мѣлками яицъ, фруктовъ, чеснока, съ вѣнками цыбули и другими овощами, нѣкоторые продавали живую птицу,—вообще главными продуктами сельскаго производства были разнаго рода съѣстные припасы; только двѣ-три крестьянки между прочимъ вынесли на продажу нѣсколько запасокъ и поясовъ. Особенно бросается въ глаза огромное количество фруктовъ: яблокъ, грушъ, сливъ и арбузовъ, занявшихъ почти половину площади, и необыкновенная ихъ дешевизна: я покупалъ прекрасныя, большія груши и яблоки самыхъ лучшихъ сортовъ по кошѣйкѣ десятокъ, не торгуясь, а еще давали одну штуку въ придачу, а мѣстные евреи все покупаютъ въ половину дешевле. Не даромъ Студеница, по количеству производимыхъ въ ней фруктовъ, считается садомъ цѣлаго Подоля; все мѣстечко, исключая еврейской квартиры, утопаетъ въ садахъ, изъ которыхъ сухіе плоды расходятся чуть не по всѣмъ городамъ южной Руси.

Посреди площади расположились евреи со своими товарами: дешевыми платками, ситцами, лентами, сережками, грошевыми пряниками и т. д.; продавали молодецкія еврейки, между тѣмъ какъ отцы и матери разсѣвались по площади и ближайшимъ улицамъ между во-

зами, гдѣ стоялъ приведенный для продажи скотъ, и покупали рѣшительно все, что только можно купить. Мушпы метались какъ угорѣлые между группами расположившихся съ товарами крестьянъ, торгуясь самымъ безбожнымъ образомъ, между тѣмъ какъ старыя *бабабусты* съ важнымъ видомъ подходили къ продающимъ, спокойно прицѣпывались къ товарамъ, предлагали невозможную цѣну, уходили, встрѣтивши отказъ, снова возвращались, набавляя полъ гроша, и такъ до безконечности, пока не успѣвали купить желаемого за безцѣнонь.

Среди оживленной толпы, разумѣется, не было недостатка въ меткихъ, остроумныхъ выраженіяхъ и самыхъ отборныхъ ругательствахъ—безконечно разнообразныхъ вариантахъ на одну и ту-же тему, которыми поминутно пересыпался разговоръ на языкахъ: украинскомъ, румынскомъ и даже еврейскомъ, такъ какъ евреи всегда примѣшиваютъ въ свою рѣчь слова и даже цѣлыя фразы изъ мѣстныхъ нарѣчій. Въ густой толпѣ, покрывавшей площадь, сразу замѣчается одна особенность, отсутствіе одного изъ необходимыхъ элементовъ всѣхъ базаровъ и ярмарокъ на Украинѣ—полнѣйшее отсутствіе кобзарей, лирниковъ и даже обыкновенныхъ нищихъ. По словамъ Анастасява-Чужбинскаго и въ его время, т. е. двадцать лѣтъ назадъ, въ Подиѣстровыи не замѣтно было ни лирниковъ, ни кобзарей, но все таки существовали правильно организованныя артели нищихъ, переходившія съ мѣста на мѣсто, теперь же намъ пришлось видѣть ярмарки въ разныхъ мѣстахъ: въ Ярмолипцахъ, Яванцѣ, Студеницѣ, Старой-Уницѣ и др., и нигдѣ не встрѣтилось ни одного нищаго. Не знаю, чѣмъ это объяснить; можетъ быть въ лѣтній сезонъ они уходятъ на заработки въ другія мѣста, какъ Почаевъ, Кіевъ и т. п.—Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ всѣ видѣнные нами въ Подольи ярмарки совершенно сходны между собою; поэтому я останавливаюсь на одномъ изъ нихъ, чтобы впродъ не повторяться.

Около трехъ часовъ по полудни ярмарокъ пережѣнили характеръ: крестьяне распродали все привезенное и удалились въ корчму зашивать *могорычи*, а женщины съ дѣтьми расхаживали между лотками, возлѣ которыхъ сидѣли евреи, успѣвшіе уже расположить только что купленные припасы вмѣстѣ съ своими товарами и про-

дававшие ихъ вдвое дороже. Матери покупали дѣтямъ лакомства, дѣвчатамъ украшенія, торговля шла такъ бойко, что до вечера евреи, вѣроятно, успѣли возвратить съ процентами большую часть денегъ, истраченныхъ ими въ этотъ день.

Часовъ въ пять ярмарокъ началъ разбѣжаться, возлѣ корчмы и винярни остались только студеницкіе граждаде, которые гуляли до ночи, при чемъ произошло нѣсколько ссоръ, обончившихся дракою. Прибывшій на этотъ день урядникъ, которому подвѣдомственно мѣстечко, объяснилъ намъ, что молдаване въ пыномъ видѣ большіе охотники до дракъ, иногда оканчивающихся смертью одного изъ спорящихъ. Потомки храбрыхъ Даковъ повидимому еще не совсѣмъ утратили воинственный характеръ своихъ предковъ. Я не имѣю достаточно матеріаловъ для того, чтобы представить полную исторію Студеницы, поэтому ограничусь нѣсколькими отрывочными свѣдѣніями, встрѣтившимися мнѣ въ историческихъ источникахъ относительно миновавшей судьбы мѣстечка. О времени возникновенія мѣстечка Студеницы мнѣ не удалось найти точныхъ свѣдѣній ни въ польскихъ, ни въ русскихъ источникахъ; правдоподобно, возникло оно одновременно съ другими селами и мѣстечками во время колонизаціи XVI вѣка, а можетъ быть и того раньше. Во всякомъ случаѣ ни въ удѣльный, ни въ литовскій періодъ мы не встрѣчаемъ этого названія. Расположенное въ очень выгодной мѣстности, въ глубокой долинѣ, съ трехъ сторонъ защищенной высокими горами, на берегу судоходной рѣки, образующей здѣсь очень удобную пристань, по срединѣ между главнѣйшими промышленными и торговыми центрами западнаго Подоля, мѣстечко должно было заселиться очень быстро и сдѣлаться торговымъ центромъ для цѣлаго округа. Это значеніе оно удерживаетъ и до настоящаго времени.

Въ первый разъ Студеница упоминается въ источникахъ подъ 1633 г., какъ многолюдное и хорошо укрѣпленное мѣстечко, принадлежавшее брацлавскому воеводѣ, Станиславу Потоцкому. Въ 1633 г. Абассъ-паша съ сильною турецкою арміею вторгнулся въ предѣлы Подоля, но потерпѣлъ пораженіе отъ Конецпольскаго между Каменцемъ и Паневцами (въ концѣ октября), послѣ чего отступилъ обратно въ Молдавію, но на пути осадилъ Студеницу. Городъ защищали сами жители безъ помощи войска; при совер-

шенномъ почти отсутствіи боевыхъ припасовъ оди въ теченіи трехъ дней отражали натискъ всей турецкой арміи. Наконецъ, потерявъ въ штурмахъ болѣе 1000 человекъ, турки сожгли и разграбили городъ и замокъ и удалились за Днѣстръ¹⁾. Въ награду за стойкое сопротивленіе неприятелю сеймъ, конституціею 1635 г., освободилъ жителей отъ всѣхъ податей и повинностей въ теченіи восьми лѣтъ, чтобы облегчить имъ возможность поправиться послѣ погрома и возстаповить разрушенные дома. Съ своей стороны владѣлецъ также надѣлилъ жителей важными льготами. Въ силу полученныхъ привилегій городъ быстро оправился, въ немъ поселились богатые купцы: армяне, греки и валахи, сильно поднявшіе его торговое значеніе. Они застроили рынокъ двухъ-этажными каменными домами въ восточномъ стилѣ, съ балконами, лавками и подвалами, какіе еще сохранились въ Каменцѣ, Могилевѣ и другихъ подольскихъ городахъ, въ которыхъ существовали колоніи восточныхъ купцевъ. Представители всѣхъ этихъ національностей имѣли здѣсь свои церкви, двое хорошо укрѣпленныхъ каменныхъ воротъ охраняли вѣздъ въ мѣстечко; сверхъ того здѣсь существовала переправа черезъ Днѣстръ, состоявшая изъ двухъ паромовъ и облегчавшая сообщеніе съ Молдавіей. Однимъ словомъ жизнь торговая и промышленная процвѣтала въ мѣстечкѣ, и Студеница славилась своими ярмарками, на которыя издавна пріѣзжали купцы съ товарами и собиралось дворянство изъ цѣлаго края²⁾. Далѣе всѣ свѣдѣнія о Студеницѣ обрываются въ продолженіи болѣе 40 лѣтъ. Въ перечнѣ подымной подати подольскаго воеводства за 1678 г. здѣсь значится 20 дымовъ; въ это время мѣстечко принадлежало кievскому воеводѣ Андрею Потоцкому.

Въ 1684 г. въ Могилевѣ приговоренъ козацкою радою и казненъ за бѣгство изъ табора, находившагося въ опасномъ положеніи въ буджацкой степи, гетманъ правобережной Украины, Куницкій. На мѣсто его избранъ Могиленко, признанный и польскимъ правительствомъ и устроившій свою резиденцію въ Немировѣ. Гетманъ этотъ принималъ участіе въ борьбѣ поляковъ съ турками за обла-

¹⁾ Львовская лѣтопись, стр. 275. Kwiatkowski, Dzieje Władysława III, стр. 96.

²⁾ Baliński i Lipiński—Starożytna Polska, т. II, стр. 953, 954.

даніе Подольемъ. Въ 1684 г. онъ во главѣ подвластныхъ ему козаковъ занялъ Студеницу, которая была снабжена укрѣпленіями; но Могиленко извѣстенъ былъ своею нерасторопностію и потому потерпѣлъ неудачу, которую описываетъ такими словами современникъ его гетманъ Самойловичъ въ письмѣ къ полковнику Новицкому: «волоchau оныє, которые позабѣгали были на затыги ляцкіє, натрафили на честь подъ Студеницею зъ дурнымъ Могиленкомъ, гдѣ ихъ всѣхъ зъ мѣстечка въ поле турки камснецкіє зъ татарами и черемисами выманивши, до килька тысячей вытяли; тылько Могиленко зъ тридцатьма или болшей челоувѣками въ лѣсь пѣкоторый удризавши, пришель живо до Немирова». Раздраженныє этѣй неудачей, козаки чуть было не убили Могиленка, а затѣмъ четыре тысячи изъ нихъ оставили польскую службу и ушли на лѣвый берегъ Днѣпра¹⁾.

Не смотря на разноплеменный составъ своего населенія, Студеница всегда живетъ одними интересами съ народонаселеніемъ цѣлаго края. Такъ, во время возстанія крестьянъ, вспыхнувшаго въ Подоліи въ 1702 г. по призыву Самуся и Палія, жители Студеницы приняли въ немъ дѣятельное участіе; узнавъ, что козаки заняли Баръ, студеничане отправили къ нимъ депутацію съ изъявленіемъ готовности примкнуть къ движенію. Депутацію составляли: студеницкій православный священникъ Ава (вѣроятно молдованъ по происхожденію) и представители мѣщанъ: Шафранникъ и Михайло Лысый. По призыву этихъ ютаблей отрядъ козаковъ отправился изъ Бара въ Студеницу; къ нему примкнули многіє жители какъ самой Студеницы, такъ и сосѣдняго мѣстечка Китайгорода, а равно и окрестныхъ селъ; мѣстные шляхтичи и евреи были перебиты или изгнаны, имущество ихъ разграблено. Одинъ изъ евреевъ, Шлѣма Ирхимовичъ, жаловался впоследствии, что возставшіє студеничане разорили его винокуренный заводъ, ограбили имущество и убили сына, трупъ котораго бросили на съѣденіє собакамъ²⁾.

Въ то время Студеница съ прилегающимъ къ ней округомъ принадлежала кіевскому воеводѣ Іосифу Потоцкому, который приобрѣ-

¹⁾ Книга гродская Камснецкая (рукопись кіевского центрального архива) № 3637, лѣсть 42.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 177.

³⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 535, 536.

рѣль громкую извѣстность среди современниковъ необыкновенною жестокостью въ усмиреніи помянутаго крестьянскаго возстанія; зная нравъ своего владѣльца и справедливо опасаясь съ его стороны кровавыхъ репрессалій, принимавшіе участіе въ возстаніи жители Студеницы спаслись бѣгствомъ въ Бессарабію. Сеймикъ подольскій требовалъ неоднократно отъ молдавскаго господаря выдачи этихъ бѣглецовъ, а также возвращенія скота, угнаннаго ими въ Молдавію изъ экономіи Цотоцкаго, но всѣ его представленія остались безъ успѣха¹⁾.

Вскорѣ послѣ усмиренія возстанія Студеницѣ пришлось испытать новое общественное бѣдствіе, поразившее цѣлый край. Послѣ перехода въ унию каменецкаго епископа Іосифа Шумлянскаго, когда началось насильственное обращеніе въ унию всѣхъ православныхъ жителей Подоля, студеницкая церковь, подобно всѣмъ другимъ, была обращена въ униатскую; священникъ Азва ушелъ въ Молдавію, а на его мѣсто назначенъ униатъ Ѳеодоръ Буцко. Но религиозное отступничество не гарантировало отъ шляхетскаго насилія ни церкви, ни священника. 17 мая 1704 г. священникъ Ѳеодоръ Буцко заявилъ передъ урядомъ жалобу на то, что управляющій имѣніемъ Цотоцкаго, шляхтичъ Валентинъ Залескій, по неизвѣстной причинѣ опечатавъ церковь, разогналъ собравшихся для молитвы прихожанъ, а самаго священника осыпалъ бранными словами и угрозами лишить его жизни²⁾.

Отношеніе польскаго дворянства къ униі не измѣнилось въ теченіи всего XVIII ст.; считая эту вѣру только переходною ступеню для перевода жителей въ католичество, шляхтичи не представляли при каждой возможности оскорблять и унижать эту вѣру и насмѣхаться надъ русско-униатскимъ духовенствомъ. Перечисляя многочисленныя факты такого рода, случившіяся между 1758 и 1765 гг., униатскій каменецкій епископъ между прочимъ говоритъ: «Господишъ Огульскій, управляющій студеницкимъ имѣніемъ, безпрестанно ругается надъ русскими священниками; онъ позоритъ ихъ, заявляя публично, что они схизматики и что вѣра ихъ хуже сврейской. Онъ, между прочимъ, приказалъ слугамъ своимъ отнять

¹⁾ Ibid., стр., 560.

²⁾ Ibid., ч. I, т. IV, стр. 237.

лошадь у приходскаго священника села Теремець¹⁾; пахольи его, вскакивая на эту лошадь, гоняли ее то туда, то сюда мимо священника, насмѣхаясь надъ нимъ, пока не искалечили копы²⁾. Правдоподобно, такое положеніе продолжалось до возстановленія православія въ своихъ правахъ во всемъ юго-западномъ краѣ.

Во второй половинѣ XVIII ст. Студеницѣ пришлось испытать послѣднее общественное бѣдствіе, постигшее край. Морозная язва, опустошавшая все Подоліе въ 1770 г., и политическія волненія въ краѣ, случившіяся въ тоже время, посѣтили и Студеницу и уничтожили значительную часть ея населенія. Мѣстечко пришло въ упадокъ; этимъ воспользовались евреи и въ большомъ количествѣ начали селиться здѣсь на мѣсто восточныхъ купцевъ, частью погибшихъ отъ чумы, частью оставившихъ мѣстечко, отъ чего крупная торговля все больше исчезала и замѣнялась мелкими оборотами. Новый владѣлецъ, ушицкій староста Стапиславъ Садовскій, которому досталась Студеница, сдѣлалъ попытку оживить мѣстную торговлю, исклопотавши у сейма въ 1774 г. привиллегію на три ярмарки въ году³⁾. О дальнѣйшей судьбѣ мѣстечка мы не имѣемъ свѣдѣній, — относящіяся къ нему документы должны храниться въ общественныхъ и частныхъ архивахъ. Кажется, оно никогда не пользовалось самоуправленіемъ, по крайней мѣрѣ неизвѣстно, чтобы когданибудь сеймъ выдалъ ему привиллегію на магдебургское право.

Вотъ и все, что удалось мнѣ собрать о бытѣ студеничанъ въ старое, но не совсѣмъ доброе время.

Студеница и въ настоящее время считается самымъ значительнымъ торговымъ центромъ между Жванцемъ и Могилевомъ, но уже отъ армянъ, грековъ и валаховъ не осталось и слѣда: они или выселились отсюда послѣ 1770 года въ другія мѣста, или, можетъ быть, ассимилировались съ мѣстными жителями — украинцами, утративши свой языкъ, обычаи и весь свой этнографическій типъ, подобно тому, какъ это случилось въ Каменцѣ, Могилевѣ и т. д. Отъ старины уцѣлѣли только два-три дома съ балконами и мезо-

¹⁾ Село на рѣкѣ того-же имени, верстаѣ въ пяти къ сѣверо-востоку отъ Студеницы.

²⁾ Аргивъ юго-западной Россіи, ч. I, т. IV, стр. 543.

³⁾ Baliński i Lipiński — loc. cit.

нинами, которые уже не поддерживаются жителями и мало по малу разрушаются.

Въ настоящее время населеніе Студеницы состоитъ изъ евреевъ, которые составляютъ меньшинство и всё безъ исключенія занимаются какою нибудь торговлею (сколько мнѣ удалось замѣтить, большой спеціализации въ этомъ случаѣ нѣтъ: каждый покупаетъ все, что попадется подъ руку и продаетъ, когда представится выгодный случай), и крестьянъ, занимающихся хлѣбопашествомъ и отчасти другими сельскими промыслами. Изъ нихъ наиболѣе доходнымъ является садоводство, такъ какъ при каждой хатѣ находится обширный садъ, съ котораго выручаются порядочныя деньги, не смотря на чрезвычайную дешевизну фруктовъ; сверхъ того многіе изъ крестьянъ имѣютъ еще сады въ горахъ. Другое занятіе, также довольно выгодное, представляетъ разведеніе аниса; почти при каждой хатѣ значительную часть огорода засѣваютъ этимъ растеніемъ, отъ котораго по всей улицѣ разносится сильный, одуряющій запахъ. Зерна аниса закупаются австрійскими винокурами, при посредствѣ мѣстныхъ евреевъ, отъ шести до десяти рублей за корецъ. Впрочемъ крестьяне находятъ, что въ прежнее время промыселъ этотъ приносилъ больше дохода: теперь всё занялось разведеніемъ аниса, а между тѣмъ спросъ на него за послѣдніе годы уменьшился, и приходится продавать зерно по болѣе низкой цѣнѣ, такъ что едва окупаются расходы и трудъ. Анисъ, по мѣстному произношенію *анышъ*, требуетъ большаго ухода: его нужно часто поливать въ первое время послѣ всходовъ и выпалывать раза три-четыре за лѣто. Намъ приходилось еще видѣть на огородахъ небольшія плантаціи табаку, простаго и турецкаго, но здѣсь повидимому его разводятъ больше для собственнаго употребленія, чѣмъ для продажи. Чѣмъ ниже по Днѣстру, тѣмъ чаще попадаются табачныя плантаціи, иногда занимающія довольно значительныя пространства, но вообще эта отрасль промышленности болѣе развита на бессарабскомъ берегу; тутъ сѣются лучшіе сорта турецкаго табаку, который потомъ расходится по всей Россіи и въ продажѣ выдается за турецкій.

Наконецъ изъ мѣстныхъ промысловъ можно еще отмѣтить рыболовство. Впрочемъ въ Студеницѣ, какъ и по всему теченію Днѣстра до самаго лимана, занятіе это не представляетъ правильно

организованнаго промысла и носить больше случайный характер. Въ Днѣстрѣ водятся хорошіе сорта рыбъ: щука, марена, судакъ, сомъ, даже стерлядь и др.; при многочисленности озеръ въ городахъ и мѣстечкахъ спросъ на рыбу весьма значительный и главное постоянный, а между тѣмъ рыбная ловля производится самымъ первобытнымъ образомъ. Нѣтъ настоящихъ рыбаковъ, которые бы ловили рыбу въ надлежащее время и заготовляли на зиму; каждый желающій изъ крестьянъ, запасшись лодкою, можетъ отправиться на рѣку и ловить сколько угодно, въ пятницу вся рыба раскупается евреями и на слѣдующую недѣлю слова нужно отправляться на ловлю. При такихъ порядкахъ рыбная ловля производится во всё время года; рыба не имѣетъ возможности спокойно расти и размножаться, поэтому количество ея изъ года въ годъ уменьшается. Намъ вездѣ приходилось выслушивать жалобы жителей на то, что рыбы становится все меньше, что она уходитъ въ море; одни объясняютъ это тѣмъ, что въ прошедшемъ году по Днѣстру прошелъ пароходъ и наугадъ рыбу, хотя пароходъ прошелъ всего одинъ разъ во время самаго сильнаго разлива, а между тѣмъ галеры и плоты ходятъ цѣлое лѣто, и никто не думаетъ, что они могутъ тревожить водяное населеніе; но мнѣнію другихъ причиною тому являются попытки къ уничтоженію пороговъ, которые будто-бы задерживали огромную массу воды, а съ нею вмѣстѣ и рыбу.—Разумѣется, такіа мнѣнія слишкомъ наивны: дѣло не въ пароходахъ или порогахъ, которые такъ незначительны, что совсѣмъ не могутъ задерживать воду, а въ слишкомъ примитивномъ способѣ рыболовства, которое и двадцать лѣтъ назадъ было въ такомъ-же точно состояніи, судя по описанію Аванасьева-Чужбинскаго. Почти въ такомъ-же состояніи находится этотъ промыселъ и въ нашихъ рѣкахъ, и уже не далеко то время, когда нужно будетъ искусственно разводить рыбу въ садкахъ, какъ это дѣлается уже за границей.— Впрочемъ, часть жалобъ на уменьшеніе количества рыбы можно отнести на счетъ повсемѣстно господствующаго убѣжденія, будто въ старину все было лучше и обильнѣе, чѣмъ теперь.

Просматривая различные источники, относящіеся къ Студеницѣ, мы узнали, что въ *Бьюой горъ* существуетъ огромная пещера, въ которой могли помѣститься 15,000 человекъ. Разумѣется нужно было осмотрѣть ее; хотя авторъ «Очерковъ Днѣстра» не

нащелъ въ ней ничего замѣчательнаго и рѣшилъ, что пещерк не заслуживаетъ вниманія; но вѣдь въ такихъ случаяхъ все зависить отъ субъективнаго впечатлѣнія, поэтому мы взяли проводника и отправились.

Тотчасъ по выходѣ изъ мѣстечка начинается подъемъ на гору, по которому проходить дорога въ с. Бакоту; на право отъ дороги возвышается *Бѣлая* гора, поросшая съ этой стороны дерномъ и усѣянная известковыми скалами, выходящими прямо изъ земли; мало по малу земля сползаетъ въ долину и обнажаетъ залегающія подъ нею каменныя породы. Гора съ этой стороны настолько крута, что подыматься прямо слишкомъ тяжело, нужно идти по тропинкѣ, проложенной пастухами, которая вьется зигзагами по склону горы. Южная сторона *Бѣлой* горы, обращенная къ рѣкѣ, представляетъ въ верхней своей части почти отвѣсный обрывъ съ двумя карнизами, сажель около тридцати въ вышину; нижняя часть имѣетъ болѣе пологій склонъ, образовавшійся изъ осыпи земли и камней съ вершины горы, по стоя на вершинѣ, кажется, будто подъ вами совершенно отвѣсная стѣна, опускающаяся прямо въ Двѣстръ. Со стороны рѣки гора достигаетъ болѣе 70 сажель въ вышину; на всемъ ея протяженіи вдоль берега обнажаются пласты бѣловатаго известняка, залегающаго до самаго основанія горы, отъ котораго она и получила свое названіе.

Въ верхней части горы находится не одна, а цѣлыхъ пять или шесть пещеръ, расположенныхъ въ два ряда другъ подъ другомъ, съ обращенными на югъ выходами. Поднявшись на самую вершину, надо снова спускаться съ обрыва, цѣпляясь за скалы, рискуя при первомъ неосторожномъ шагѣ скатиться въ пропасть и сломать шею; съ каждымъ шагомъ подъ ногами осыпаются мелкіе камни и случается, что скала, за которую хочешь удержаться, начинаетъ очень подозрительно пошатываться, надо скорѣе искать другой опоры; стараешься ступать какъ можно легче и выходишь еще хуже. Отъ непривычки ходить по такимъ крутизнамъ, дѣйствующимъ на нервы самымъ непріятнымъ образомъ, у обоихъ насъ закружилась голова и безъ помощи проводника мы легко могли очутиться внизу раньше и не въ такомъ видѣ, какъ-бы хотѣлось; проводникъ нашъ, мѣстный крестьянинъ, шелъ спокойно, какъ по ровному, по самымъ невѣроятнымъ стремнинамъ, уступая намъ луч-

шія мѣста, и рассказывалъ въ видахъ успокоенія, какъ онъ зимою голяется за лисицами по этимъ горамъ.

Наконецъ, обогнувъ послѣдній и самый опасный утесъ, мы у входа въ щель. Это обширный гротъ, или вѣрнѣе рядъ гротовъ, надъ которыми расположился другой рядъ щелей. Ихъ входъ, обращенный къ югу, большею частью такъ низокъ, что войти въ щель можно только ползкомъ; спустя три-четыре аршина своды постепенно повышаются, такъ что можно уже выпрямиться во весь ростъ, затѣмъ идутъ болѣе или менѣе обширныя камеры и развѣтвляющіеся, извилистые корридоры; средняя высота ихъ отъ 1,30 до 2,50 метровъ; величина щелей отъ 6,35 до 15 метровъ въ длину на 2,50—6,50 метровъ въ ширину, корридоры еще длиннѣе, но гораздо уже. Вообще размѣры гротовъ и щелей незначительны; если даже допустить, что часть ихъ могла обрушиться, то все таки нельзя повѣрить, чтобы въ нихъ могли помѣститься 15,000 человекъ.

Въ настоящее время они служатъ убѣжищемъ для пастуховъ и овецъ, застигнутыхъ непогодю, чѣмъ и объясняется присутствіе въ нихъ угля, зола, остатковъ кукурузы, костей и т. д.,—это пастухи готовили себѣ пищу. Въ зимнее время щели служатъ пріютомъ для лисицъ, зайцевъ и другихъ звѣрей, за которыми охотятся мѣстные жители.

Дно щелей покрываетъ толстый слой мусора и камней, иногда весьма крупныхъ, обрушившихся изъ сводовъ, и по мѣстамъ мягкая почва и щебень, происшедшіе отъ вывѣтриванія той же скальной породы. Раскапывая этотъ наносной слой, намъ удалось отыскать на днѣ десятка два кремневыхъ орудій, довольно грубой отдѣлки; между ними заслуживаютъ вниманія: ножи, скребки и острія, которыя могли служить наконечниками для стрѣлъ. Находка эта чрезвычайно заинтересовала насъ—становилось ясно, что мы попали въ жилище людей каменнаго вѣка; оставалось только продолжать изслѣдованіе. Привнявшись со вниманіемъ осматривать всѣ склоны горы, мы собрали въ короткое время до двухсотъ кремневыхъ отбитыхъ орудій палеолитической эпохи, въ числѣ ихъ наибольшее количество экземпляровъ представляли ножи и скребки—орудіе мирныхъ жителей; боевыхъ орудій—копій, стрѣлъ и т. п. почти не оказалось, но украшеніемъ коллекціи было прекрасно

отполированное кремневое долото, несомнѣнно относящееся къ послѣднему періоду каменнаго вѣка.

Итакъ мы изъ туристовъ случайно сдѣлались археологами и моя завѣтная мечта дѣлать открытія могла наконецъ до нѣкоторой степени осуществиться: можно заняться открытіями въ области археологіи, благо Подолье почти совсѣмъ не обследовано въ этомъ отношеніи. Это занятіе, вносящее новый интересъ въ нашу богатую впечатлѣніями жизнь, такъ понравилось, что мы рѣшились раскопать группу кургановъ, расположенныхъ у самаго обрыва на вершинѣ той-же горы, прямо надъ пещерами. По словамъ старожиловъ, лѣтъ сорокъ назадъ вся гора была покрыта дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ находился огромный могильникъ; въ настоящее время отъ лѣса и слѣда не осталось, а большая часть могилъ раскопана; уцѣлѣла только небольшая группа надъ обрывомъ по причинѣ каменистаго грунта.

Препятствій для раскопки не встрѣтилось и можно было приступить за работу. Впрочемъ на этотъ разъ открытіе было незначительное: всѣ курганы обложены въ нѣсколько рядовъ неотесанными кусками того камня, изъ котораго состоитъ гора; въ каждомъ найдено по два скелета, обращенные головою на западъ, въ склепахъ изъ дубовыхъ брусьевъ, на рукахъ у каждого бронзовыя кольца, на ногахъ сафьянныя башмаки съ острыми носками, совершенно аналогичныя съ тѣми, какіе теперь носятъ татары; другихъ предметовъ не оказалось. Одинъ изъ скелетовъ каждой могилы былъ мужескій, другой принадлежалъ повидимому молодой женщинѣ. Если не считать положенія скелетовъ, то мы не имѣемъ вѣскихъ доказательствъ въ пользу языческаго или христіанскаго погребенія въ курганахъ. Правдоподобно мы имѣли дѣло съ могилами не слишкомъ древними, относящимися, вѣроятно, ко времени турецкаго господства въ Подоліи (въ концѣ XVII ст.), или можетъ быть къ тому времени, когда послѣ Батыева нашествія въ южномъ Подоліи почевала татарская орда, которой поручено было наблюденіе надъ галицѣмъ княжествомъ и съ которою прекрасно уладился мѣстные жители. Разъ заинтересовавшись древностями, мы осмотрѣли глубокой оврагъ, который отрѣзываетъ *Бѣлую* гору отъ *Монастырська* и въ которомъ, какъ сообщили крестьяне, находятъ кости *волетня* (великана); дѣйствительно въ одной изъ стѣнъ

оврага мы замѣтили инкрустированныя въ желтой глинѣ кости мамонта: вѣлыкъ и нѣсколько реберъ, но выпутъ ихъ не было возможности, такъ какъ глина сдѣлалась отъ засухи крѣпкою, какъ камень и даже съ трудомъ поддавалась лому. Во время сильныхъ дождей эти кости въ большомъ количествѣ вымываетъ водою изъ оврага. Вокругъ мамонтовыхъ реберъ разбросано множество кремневыхъ осколковъ, изъ нихъ нѣкоторыя также напоминали отбившыя орудія.

При малочисленности историческихъ извѣстій о Студеницѣ, археологія какъ нельзя болѣе кстати явилась на помощь, чтобы пополнить собою пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ относительно минувшей жизни мѣстечка: теперь, на основаніи случайныхъ находокъ, мы можемъ сказать съ достовѣрностью, что на территоріи нынѣшней Студеницы жили люди еще въ самое отдаленное время, т. е. въ оба періода каменнаго вѣка, и затѣмъ въ удѣльно-вѣчевой или ближайшей послѣ него періодъ. Можетъ быть съ той поры поселеніе существовало непрерывно до того времени, когда начинаютъ о немъ документальныя свѣдѣнія; по лучше воздержимся отъ легкихъ гипотезъ, которыми и безъ того страдаетъ наша литература, и воротимся къ нашему мамонту.

По другую сторону оврага тянется полукруглая гора *Монастырська*, получившая свое названіе отъ бывшаго здѣсь нѣкогда монастыря, въ которомъ хранился чудотворный образъ Богородицы, пользовавшійся большимъ почетомъ не только въ Подоліи, но и въ румынскихъ господарствахъ. Теперь не осталось и слѣда какихъ нибудь развалинъ на мѣстѣ древняго монастыря, разрушеннаго, правдоподобно, во время турецкаго погрома въ концѣ XVII вѣка. У вершины горы беретъ начало источникъ, не замерзающій въ самые сильные морозы; чистая, прозрачная, какъ самый воздухъ, *кирница*, пробѣгая по скальному грунту, весьма живописно спадаетъ съ уступа на уступъ, тихо журча и напоминая небольшою водопадъ, вырвышій въ одномъ мѣстѣ пѣчю въ родѣ резервуара въ скалѣ. Вода этого источника, свѣжая и чрезвычайно пріятная на вкусъ, проведена въ еврейскую *горальню* (винокурню), гдѣ она приводитъ въ движеніе механизмъ.

Разставаясь съ м. Студеницею, оставившею въ насъ самое пріятное воспоминаніе, можно еще упомянуть о томъ, съ какимъ живымъ интересомъ относилось населеніе къ нашимъ археологи-

ческимъ изысканіямъ. Особенно занимали они евреевъ; едва только мы воротимся изъ экскурсіи, какъ въ ту-же минуту комната наполняется евреями, всё съ любопытствомъ разсматриваютъ каждую принесенную древность и, пока мы съ товарищемъ дѣлаемъ необходимые комментаріи одной группѣ, нашъ хозяинъ и его хорошенькая сестра, уже успѣвшіе выспросить все, что нужно, объясняютъ по своему другимъ тоже самое и почти всегда вѣрно. Особенно приводили въ недоумѣніе нашихъ посѣтителей каменные орудія; многіе не хотѣли видѣть въ нихъ ничего, кромѣ простыхъ осколковъ кремня, и для доказательства рѣзали стекло и высѣкали огонь; другіе думали, что мы будемъ добывать изъ нихъ золото. Наконецъ большинство согласилось признать истину только послѣ того, какъ я замѣтилъ, что подобныя орудія упоминаются въ библіи, и учитель подтвердилъ мои слова. Тогда одинъ изъ евреевъ пресерьезно началъ спрашивать, по чемъ можно продать тотъ или другой осколокъ, и ни за что не хотѣлъ повѣрить, что отдѣльные экземпляры не имѣютъ цѣны. «Аже вы собираете кремнички и за провозъ заплатите, то вже-жъ воно на цось потрібне». — Понимая, что мы интересуемся древностями, учитель сообщилъ, что вблизи мѣстечка существуетъ древнее кладбище, на которомъ сохранились каменные памятники съ еврейскими надписями X ст. Къ сожалѣнію мы не могли провѣрить это интересное сообщеніе по незнанію еврейскаго языка и могли только указать адреса гг. Гаркави и Хвольсова, занимающихся послѣдованіемъ подобныхъ памятниковъ.

Н. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Концы XVI главы и 1-й части)¹⁾.

Въ Кіевъ я пріѣхалъ въ самый разгаръ контрактовъ и по затрудненію найти постоянное удобное помѣщеніе остановился у дяди въ Кинь-грусти. Мнѣ тамъ было очень хорошо, каждый день утромъ ѣздилъ я въ городъ, къ обѣду возвращался къ дядѣ, разсказывалъ ему мои путешествія, новости, читалъ газеты.

Бибииковъ принималъ меня весьма любезно и остался очень доволенъ моею просьбой принять на службу подъ его начальствомъ по административному вѣдомству; на прошеніи написалъ: опредѣлить немедленно, и сказалъ, чтобы я съѣздилъ къ правителю канцеляріи Писареву и съ нимъ переговорилъ бы о занятіяхъ на первое время въ канцеляріи до открытія вакансіи на штатную должность.

Писаревъ былъ тогда всемогущимъ человѣкомъ въ администраціи генераль-губернатора; хотя и ходили довольно неблагоприятные слухи о причинахъ его вліянія и на счетъ нравственныхъ его качествъ, тѣмъ не менѣе, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Бибиикова, Писаревъ пользовался въ Кіевѣ большимъ почетомъ и игралъ не послѣднюю роль. Писаревъ былъ очень радъ меня видѣть, наговаривалъ мнѣ много любезностей, съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ о матушкѣ, съ которой познакомился въ деревнѣ, посѣщая родичей своей супруги, и въ за-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“, 1884 г., августовск. кн., стр. 609—626.

ключеніе сказалъ: «не вамъ къ намъ проситься, а вамъ насъ просить на службу. Потрудитесь захватить завтра, опредѣленіе ваше будетъ подписано, а для знакомства съ дѣлами я бы вамъ совѣтовалъ поступить въ секретное отдѣленіе канцеляріи, гдѣ сосредоточены всѣ важныя дѣла подъ моихъ непосредственныхъ наблюденіемъ».

Въ тотъ же день я былъ у Софіи Гавриловны Писаревой съ визитомъ; она приняла меня, какъ стараго знакомаго и близкаго роднаго: братъ ея былъ женатъ на моей старшей сестрѣ. Добрая, превосходная Софія Гавриловна сдѣлала на меня самое благопріятное впечатлѣніе, и съ перваго свиданія мы стали друзьями. Она не отличалась особеннымъ умомъ, воспитаніе ея было также довольно посредственное — институтское прежнихъ лѣтъ, но добродушіе, привѣтливость, чисто женская сердечность и замѣчательно красивая наружность дѣлали ее въ высшей степени симпатичною.

Писаревъ, получившій воспитаніе въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, былъ мнѣ не по сердцу; въ его маленькой фигурѣ, въ его свѣтло голубыхъ, стеклянныхъ глазахъ, свѣтлившихъ умомъ и фальшью, было что-то отталкивающее, антипатичное, но первое впечатлѣніе бываетъ иногда обманчиво, думалъ я.

31 января 1844 года я былъ зачисленъ на службу въ секретное отдѣленіе канцеляріи генералъ-губернатора и для ознакомленія со служебными порядками поступилъ въ распоряженіе М. А. Андреевскаго, завѣдывавшаго политическими дѣлами.

Славный человекъ былъ этотъ Андреевскій. Не получившій высшего образованія, онъ служилъ еще при Левашовѣ и Гурьевѣ, отлично зналъ канцелярскій порядокъ, писалъ дѣловые бумаги кратко, ясно, отчетливо, быстро изучалъ дѣло и давалъ ему вполне законное и справедливое направленіе. Это былъ настоящій труженникъ и главный дѣятель секретнаго отдѣленія. Писаревъ читалъ черновые доклады, исправлялъ редакцію, а иногда и совершенно измѣнялъ проектированныя Андреевскимъ распоряженія и всегда самъ отправлялся съ докладами къ Бибикову.

Какъ я уже сказалъ, въ секретномъ отдѣленіи Писаревъ сосредоточивалъ всѣ важныя и интересныя дѣла; для многочисленныхъ текущихъ

дѣлъ, не представлявшихъ особенной важности, существовала общая канцелярія генераль-губернатора; управляющимъ былъ номинально дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Стоговъ, производилъ дѣла и докладывали Вибикову секретари отдѣленій: хозяйственнаго, суднаго и полицейскаго.

Общая канцелярія помѣщалась въ городскомъ домѣ, противъ дома генераль-губернатора, секретная въ верхнемъ этажѣ занимаемой Писаревымъ квартиры, въ институтскомъ домѣ, такъ какъ Писаревъ состоялъ и правителемъ дѣлъ совѣта института благородныхъ дѣвицъ и потому пользовался обширнымъ казеннымъ помещеніемъ.

Послѣ контрактовъ я нанялъ флигель въ три комнаты съ передней, при домѣ г-жи Марковичевой, въ Типахъ. Моя прислуга состояла изъ лакея, повара и купера; я держалъ дрожжи и пару лошадей. Сдѣлалъ нѣсколько официальныхъ визитовъ, но съ обществомъ не знакомился. Ходилъ каждый день въ канцелярію, просиживалъ въ ней до трехъ часовъ и возвращался домой, захвативъ для просмотра и изученія нѣсколько дѣлъ. Вечера всегда проводилъ дома и, окончивъ служебныя занятія, посвящалъ остальное время музыкѣ. У меня былъ хорошій вѣнскій рояль и много музыкальныхъ идей; я занялся окончаніемъ начатой мною въ Малагѣ фантазіи на еврейскій мотивъ. Изъ нея вышла небольшая, но оригинальная и трогательная по своему грустному колориту увертюра, которую я назвалъ *Noëmi*; она была посвящена памяти моей незабвенной Наимы.

Насталъ вскорѣ великій постъ, я говѣлъ въ лаврѣ, въ церкви на покояхъ. Митрополитъ Филаретъ обласкалъ меня; я заходилъ къ нему часто послѣ обѣды. Простой, на видъ нѣсколько суровый, Филаретъ былъ человекомъ правды и добра, іерархомъ благодуннымъ и мягкосерднымъ, христіаниномъ въ лучшемъ, самомъ высокомъ значеніи этого слова. Его безыскусственная, задушевная рѣчь, его теплая вѣра, твердое упованіе на благость Провидѣнія и устроеніе Господомъ всего ко благу неостъемлемому, къ жизни вѣчной, были такъ убѣдительно, такъ глубоко проникали въ разбитое мое сердце, что я съ истиннымъ наслажденіемъ проводилъ часъ, другой въ бесѣдѣ съ добродѣтельнымъ представителемъ нашей церкви. Въ немъ видѣлъ я не митрополита, а по истинѣ пастыря добраго.

Въ частной жизни своей Филаретъ отличался первобытной христіанской простотой: получая весьма значительное содержаніе, раздавалъ все нищимъ.

Иснѣдывался я у схимника Пароекія; онъ былъ схимонахомъ, жилъ въ лаврѣ, пользовался большимъ уваженіемъ какъ митрополита, такъ и всѣхъ кіевлянъ. Самой строгой жизни, чисто затворнической, Пароекій принималъ иногда привошенія, но въ тотъ-же день отдавалъ всѣ полученныя деньги и вещи бѣднымъ.

Доброе сѣмя, посеянное въ сердце человѣка, приноситъ всегда свой плодъ. Такъ было и со мною. Религіозное чувство, взлелѣянное съ дѣтства во мнѣ несправивной моей матушкой, не уступило критическому взгляду на дѣло вѣры и чтенію антирелигіозныхъ книгъ, не поддавалось наплыву идеи невѣрія.

Въ молитвѣ—утоленіе печали, въ вѣрѣ—надежда и утѣшеніе.

Настала весна, природа оживилась, а съ нею и я какъ-бы ожилъ. Въ дни свободные отъ служебныхъ занятій, я ѣздилъ въ Кіевъ-грусть или отправлялся пѣшкомъ въ отдаленныя окрестности города. Любимымъ моимъ мѣстомъ сдѣлался выдубицкій монастырь, расположенный на высокой горѣ надъ Днѣпромъ; кругомъ густой, тѣнистый лѣсъ, въ оградѣ монастырской келья настоятеля и монаховъ, двѣ церкви, третья въ трапезѣ, и кладбище. Изъ бесѣдки, построенной надъ обрывомъ, чудный видъ на Днѣпръ и на теряющіеся въ отдаленномъ горизонтѣ сосновые лѣса черниговской губерніи, между ними кое-гдѣ мелькаютъ деревушки и хутора съ бѣлыми домиками и колокольнями сельскихъ церквей.

Бывало, придешь въ Выдубицкій и нѣсколько часовъ просидишь въ бесѣдкѣ, или на одной изъ окрестныхъ горъ; съ послѣдней видъ еще лучше, въ чертѣ Днѣпра и синей дали, въ другую сторону разстилается предъ вами Кіевъ, съ его золочеными куполами церквей и высокой лаврской колокольней.

Ѣзжалъ я также въ Голосѣевъ, лѣтнее мѣстопребываніе митрополита. Тамъ Филаретъ велъ жизнь отшельническую и не принималъ почти никого. И имѣлъ дозволеніе бывать въ его церкви и заходить къ нему послѣ обѣдни. Нерѣдко митрополитъ волилъ меня по саду и въ лѣсу,

изъ котораго въ одномъ мѣстѣ открывался чудный видъ на Кіевъ. Посѣщала я иногда и китаевскую пустыль, замѣчательную своимъ мѣстоположеніемъ, необыкновенно роскошной растительностью въ высокихъ деревьяхъ въ обширномъ и дремучемъ лѣсу и прудами изъ ключевой воды. Здѣсь пробѣлываютъ воскъ для церковныхъ свѣчей, а виѣ монастырской ограды около церкви хоронятъ лаврскихъ монаховъ.

На охоту я не ходила, исполняя обѣтъ, данный мною не употребить оружія безъ настоятельной въ немъ надобности.

Личныя мои отношенія съ Писаревыми были очень хороши. Софія Габриловна въ особенности благоволила ко мнѣ, часто приглашала обѣдать. У Писарева проводилъ нѣсколько вечера; въ его кабинетѣ собиралось пять, шесть человекъ, говорили о разныхъ предметахъ часовъ до 10-ты, а въ 10-ть, когда садились за карточный столъ, я уходилъ домой. На путешественника, извѣдившаго всю Европу, въ то время смотрѣли съ уваженіемъ и нѣкотораго рода завистью. Разсказъ мой слушали охотно и съ вниманіемъ, болѣе всего интересовались Паржемъ; объ Испаніи никто не имѣлъ никакого понятія, и заставляли меня часто возвращаться къ этой странѣ.

По службѣ сначала все шло хорошо, я быстро постигъ канцелярскую премудрость и былъ въ состояніи вести и отписывать дѣла вполне удовлетворительно. Мой способъ изложенія очень нравился Писареву, но въ сущности дѣлъ, въ ихъ направленіи и разрѣшеніи мы отчасти расходились, и вскорѣ я убѣдился, что на этомъ пути мы никогда не сойдемся. И неудивительно, въ каждомъ дѣлѣ Писаревъ искалъ личной пользы и находилъ ее. Боль скоро дѣло представляло извѣстный интересъ, можно было быть увѣреннымъ, что оно получитъ направленіе, согласное съ большей или меньшей степенью ходатайства у всемогущаго правителя канцеляріи. Андреевскій смотрѣлъ на это равнодушно и привыкъ исполнять всѣ приказанія Писарева, я же не могъ не возражать, не приходить въ негодованіе въ виду несправедливыхъ послабленій съ одной и ни чѣмъ необъяснимой строгости съ другой стороны.

И говорить нечего, что главную роль въ то время играла политика; обращено было особое вниманіе на ослабленіе и подавленіе польскаго элемента въ краѣ. Общія мѣры въ этомъ отношеніи велѣ-

строго исполнялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ бывали исключенія въ пользу нѣкоторыхъ личностей, которыя трудно было объяснить. Полиція получила значеніе, какого никогда она не имѣла. Всѣ ея члены, начиная отъ исправника и кончая помощникомъ стюкаго или засѣдателемъ полицейскаго управленія, были назначаемы властью генераль-губернатора, мимо губернаторовъ; опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ составляло главное занятіе полицейскаго отдѣленія канцеляріи, но высшія должности давались не иначе, какъ съ соизволенія Писарева. Въ уѣздахъ полиція была всемогуща: ей былъ предоставленъ обширный кругъ дѣятельности и въ вопросахъ политическаго характера совершенный произволь. Все было на откупъ, полицейскіе чиновники составляли значительныя состоянія, и ежели находились личности, которыя, чувствуя себя ни въ чемъ не виновными, не платили полиціи извѣстной дани, то рано или поздно должны были раскаиваться въ этомъ. Посылался доносъ въ Кіевъ, помѣщика вызывали, сажали подъ арестъ, иногда въ крѣпость, допрашивали по нѣскольку мѣсяцевъ въ Кіевѣ, и въ концѣ концовъ все-же приходилось платить, но платили гораздо больше, чѣмъ платили обыкновенно мѣстной полиціи.

При поверхностномъ взглядѣ на администрацію, въ сторонѣ отъ подробностей и тайныхъ причинъ, приводившихъ въ дѣйствіе тѣ или другія мѣры, меня брало крѣпкое раздумье, и я готовъ былъ неоднократно оставить службу въ Кіевѣ, но увѣщанія и просьбы моей матери заставляли меня оставаться.

Бибикова я видѣлъ очень рѣдко, но онъ зналъ, что я занимаюсь, и, встрѣчая меня всегда очень любезно, говорилъ, что мною доволенъ, совѣтовалъ продолжать мои занятія. Иногда мнѣ казалось, что непріятный миражъ разсѣется и получивъ болѣе или менѣе самостоятельное назначеніе, я буду имѣть возможность принести извѣстную пользу. Нерѣдко канцелярская обстановка представлялась мнѣ искусно сплетенной паутиной, которою главный дѣятель опутывалъ главнаго начальника края; но съ другой стороны, зная твердый характеръ, непреклонную волю и замѣчательный умъ Бибикова, я не могъ объяснить себѣ возможности дать себя опутать до такой степени. Рассказывали, что однажды Бибиковъ сказалъ П—ву: «носятся слухи, что вы берете взятки.»

«Не всякому слуху слѣдуетъ вѣрить,» отвѣтилъ П—въ, «говорятъ также, будто ваше вы—ство въ связи съ моею женою. Я этому не вѣрю.» Повѣрялъ и я слухи, носившіеся въ городѣ объ отношеніяхъ Дмитрія Гавриловича къ Софіи Гавриловнѣ, но въ этомъ отношеніи факты совершенно противорѣчали слухамъ: Бибииковъ ухаживалъ тогда за дѣвницей Ш., дочерью начальника арсенала, которая вскорѣ вышла замужъ за какого-то пріѣзжаго чиповника и получивъ въ приданное тридцать тысячъ, уѣхала изъ Кіева. На счетъ приданого дѣлали разные предположенія, иные говорили, что арсеналъ давалъ большія средства, другіе увѣрили, что приданное шло изъ иного источника.

Передъ выходомъ дѣвницы Ш. замужъ, въ Кіевѣ поселилась графиня П., рожденная О—ва, съ двумя незамужними дочерьми. Младшая Елена, брюнетка, была очень хороша собою, и Дмитрій Гавриловичъ сталъ за нею ухаживать, каждый вечеръ отправлялся къ графинѣ на карты виста и любезничалъ съ Еленой Павловной. Старшая сестра Екатерина, блондинка, по подстриженнымъ волосамъ и развязнымъ манерамъ прозывалась козачкомъ, была очень не глупа, ловка и смятатичва.

Чѣмъ больше знакомился я съ дѣлами, тѣмъ безвыходнѣе становилось мое положеніе, проекты моихъ докладовъ были передѣлываемы. Оставалось или подчиниться вполне требованіямъ Писарева, что по правиламъ моимъ было не мыслимо, или оставить занятія въ секретномъ отдѣленіи. Я рѣшился на послѣднее, когда случай доставалъ мнѣ возможность выйти изъ затруднительнаго положенія. Открылась вакансія переводчика при управленіи генераль-губернатора. Мнѣ ее предложили, я съ охотой принялъ.

Начавъ съ обратной стороны медали, такъ какъ она близко меня касалась, я ничего не сказалъ еще о лицевой. Въ короткое время Бибииковъ внушилъ къ себѣ такой страхъ въ польскомъ населеніи края, что тишина и спокойствіе вполнѣ были обезпечены, всѣ распоряженія правительства исполнялись безпрекословно, о враждебныхъ политическихъ проявленіяхъ не могло быть и рѣчи, польскіе помѣщики сидѣли у себя въ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ, пріѣзжали въ Кіевъ на контракты и выборы, вели себя прилично, самые благонадежные изрѣдка получали позволеніе ѣздить за границу, произволь крѣпостнаго права былъ факти-

чески ограниченъ строгими взысканіями за злоупотребленія власти и нѣсколькими благодѣтельными для крестьянъ распоряженіями.

Въ городѣ порядокъ и чистота небывалые, но и здѣсь полиціи предоставленъ такой просторъ, вакимъ она не пользовалась въ другихъ городахъ. Старшій полиціймейстеръ пользовался властью почти неограниченною въ сферѣ своей дѣятельности. Разъѣзжая на тройкѣ, въ сопровожденіи двухъ конныхъ полицейскихъ съ нагайками, онъ чинилъ судъ и расправу непосредственно и имѣлъ сильную поддержку въ генераль-губернаторѣ. По ночамъ постоянно ходилъ обходъ, разъѣзжали конные патрули. Воровство и разбой были явленіями чрезвычайно рѣдкими, можно сказать небывалыми. Жители пользовались полною безопасностью. Цѣны на всѣ предметы потребленія были самыя умѣренныя, монополія преслѣдовалась, базаръ и торговыя помѣщенія содержались превосходно.

Предъ полученіемъ новой должности я ѣздилъ въ деревню и провель тамъ двѣ недѣли въ искренней задушевной бесѣдѣ съ матушкой. Она вставала рано и обыкновенно отираялась съ кускомъ хлѣба завтракать въ садѣ фруктами. Я всегда сопровождалъ ее въ этихъ утреннихъ прогулкахъ, затѣмъ пили всѣ вмѣстѣ чай на балконѣ, обѣдали въ липовой вѣковой аллеѣ, дѣлали прогулки пѣшкомъ по хозяйству, въ старшій садъ, расположенный у села, заходили въ церковную ограду поклониться гробу дѣдушки и бабушки, вечернія молитвы читали также въ саду; цѣлый почти день проводили на воздухѣ. Говорилъ я матушкѣ о моемъ желаніи перемѣнить службу, она упросила меня осгаться въ Кіевѣ, въ полной увѣренности, что трудъ и добросовѣтность рано или поздно будутъ оцѣнены и приведутъ къ хорошимъ результатамъ. Мною и моимъ положеніемъ въ Кіевѣ она была довольна.

Должность переводчика, на которую я былъ назначенъ въ іюлѣ 1844 года, въ то время давала много занятій. Постоянная переписка съ президентомъ Галиціи по политическимъ дѣламъ и объ обобщей выдачѣ русскихъ и австрійскихъ подданныхъ, занимала много времени. По принятому обычаю президентъ писалъ генераль-губернатору по нѣмецки, нужно было дѣлать переводъ и передать въ канцелярію для дальнѣйшихъ распоряженій. Отвѣты писались по французски, къ намъ

присоединялись вопросы, показанія и свѣдѣнія также на французскомъ языкѣ. Сверхъ этого на переводчикѣ лежала обязанность вести всю частную корреспонденцію генераль-губернатора, какъ по русски, такъ и на другихъ языкахъ. Это поставило меня въ непосредственныя отношенія къ Бибикову. Каждый день я долженъ былъ являться къ нему за полученными бумагами и письмами и къ двумъ часамъ изготовлять отвѣты; изъ всѣхъ чиновниковъ я одинъ имѣлъ доступъ въ кабинетъ генераль-губернатора во всякое время, безъ доклада.

Бибиковъ хорошо говорилъ и читалъ по французски и по нѣмецки, во правильно писать не могъ ни на одномъ языкѣ. «Не удивляйтесь этому», сказалъ онъ мнѣ однажды, «меня вѣдь учили на мѣдный грошъ». Въ отпискѣ не было большого затрудненія: спросишь бывало, что отвѣтить, и получивъ опредѣлительное указаніе, дѣло сдѣлаешь скоро и удовлетворительно. — Но въ большомъ затрудненіи бывалъ я на первыхъ порахъ, когда Дмитрій Гавриловичъ желалъ писать собственноручный отвѣтъ. — Какъ извѣстно, онъ лишился подѣ Бородинымъ лѣвой руки и писалъ правой крайне неразборчиво; неправильность орфографіи еще болѣе усложняла трудность разбирать его почеркъ. Напишетъ бывало черновую, прикажетъ исправить и переписать и потомъ уже ишетъ на бѣло. Мѣсяца три долженъ былъ я употребить на то, чтобы разбирать черновые его письма. Затѣмъ все пошло хорошо, и Бибиковъ былъ очень доволенъ моею редакціею и скромностью, довѣрялъ часто самыя важныя корреспонденціи, которыхъ нельзя было вести путемъ официальнымъ.

По прежнему я нигдѣ почти не бывалъ, съ обществомъ не знакомился и слылъ загадочною личностью. Иные считали меня разочарованнымъ, разыгрывающимъ роль Чайлза-Гарольда, другіе просто прохондрикомъ, нелюдямъ, знававшимъ меня прежде думали, что я напускалъ на себя особенную серьезность и важность, чтобы слыть чело-вѣкомъ дѣловымъ и заставить позабыть увлеченія молодости.

Въ Кіевѣ жила тогда графиня Меллина, вдова лѣтъ пятидесяти; у ней была надчерница, очень умная, любезная и развязная дѣвица не первой молодости и не красивой наружности, и сынъ, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, готовившійся къ поступленію въ университетъ, полуидіотъ.

Побывавъ въ Одессѣ, графиня привезла нѣкоторыя свѣдѣнія обо мнѣ. Откуда она уже почерпнула, не знаю, но дѣло въ томъ, что въ ея салонѣ меня возвели въ герои какого-то романа. Въ немъ, если хотите, была доля правды, но все было такъ увеличено и разукрашено въ мою пользу, что я не мало дивился изобрѣтательному воображенію графини. Черезъ одного изъ молодыхъ людей она изъявила желаніе со мною познакомиться. Трудно было отказаться отъ любезнаго приглашенія, я ей сдѣлалъ визитъ, познакомился у ней съ нѣкоторыми дамами, къ нимъ долженъ былъ также побѣхать изъ приличія. Наконецъ Бибиковъ спросилъ меня, отъ чего я нигдѣ не бываю, и совѣтовалъ познакомиться съ графиней П., у которой собирались по вечерамъ. Въ короткое время я былъ уже знакомъ со всѣмъ кіевскимъ обществомъ, не многочисленнымъ, но довольно пріятнымъ. По вечерамъ выходилъ впрочемъ рѣдко изъ дому, предпочитая чтеніе и музыку вечерамъ, на которыхъ болтали о вещахъ мало интересныхъ или играли въ карты. Къ картамъ я никогда не имѣлъ особеннаго расположенія, но провинціальная жизнь у насъ такъ сложилась, что трудно было обойтись безъ этого скучнаго занятія; чтобы составлять партію въ исключительныхъ случаяхъ, когда не доставало партнеровъ, нужно было выучиться преферансу и возобновить мои свѣдѣнія въ вистѣ, и въ этомъ дѣлѣ учителемъ моимъ былъ Андреевскій: послѣ вечернихъ занятій въ канцеляріи онъ обыкновенно заходилъ къ брату П., жившему рядомъ съ канцеляріею, и въ короткое время я постигъ всю премудрость игры въ преферансъ. Сдержанный и хладнокровный я никогда не увлекался, не рисковалъ и былъ всегда почти въ выигрышѣ. Игрывали по маленькой, и проигрышъ или выигрышъ не составлялъ большой разницы въ кошелькѣ.

Въ это время поселился въ Кіевѣ богатый помѣщикъ черниговской губерніи М. О. Судіенко, сынъ Судіенки, бывшаго главноуправляющаго дѣлами и имѣніями князя Безбородко. Умный, хорошо образованный, онъ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Жена его, рожденная Миклашевская, была когда-то красавицей и теперь была еще очень недурна собою, высокая, стройная, добрая и симпатичная женщина. У нихъ было многочисленное се-

мейство; для воспитанія дѣтей они переѣхали въ Кіевъ, и я вскорѣ сталъ ежедневнымъ ихъ посѣтителемъ. Но по вечерамъ и здѣсь нельзя было обойтись безъ картъ. Тотъ-же преферансъ, но уже по большой, по четверти рубля. Мнѣ очень везло, и игра значительно увеличила мои средства; когда узнали, что я играю, не было возможности отказываться отъ партіи, и почти каждый день отъ 10 до 12 часовъ вечера я игралъ. То у П., то у Судіенка, а наконецъ чаще всего у Фундуклея, назначеннаго гражданскимъ губернаторомъ въ Кіевъ. Вице-губернаторомъ былъ Николай Петровичъ Вибиковъ, тоже любитель зеленого стола. Губернскимъ предводителемъ издавна состоялъ графъ Тышкевичъ, весьма ловкій и уживчивый человекъ. Домъ его сохранился на барскую ногу, и онъ жилъ весьма прилично. Открытый домъ составляло семейство Маршицкихъ. Старикъ Маршицкій былъ глупъ, но искателенъ и пользовался расположеніемъ Вибикова, жена его имѣла страсть говорить по французски, но такимъ языкомъ, что слушая ее, всѣ умирали со смѣху. Дмитрій Гавриловичъ часто любилъ забавляться ея слабостью въ этомъ отношеніи и заставлялъ произносить такія фразы, которыя изъ приличія не могутъ быть повторены здѣсь. Дочь ихъ Наталья была довольно простенькая, но видная и любезная дѣвица. Довольно пріятное семейство Проскуры, состоявшее изъ отца и очень умной матери, и двухъ взрослыхъ дочерей. Старшая была замужемъ за Шишкевичемъ, развелась и вышла впоследствии за Мартынова Николая Соломоновича, сосланнаго въ Кіевъ за убійство на дуэли Лермонтова. Меньшая, очень красивая брюнетка, вышла замужъ за Грабнику, тоже не надолго. Комендантомъ былъ назначенъ А. Л. Пенхержевскій, отличный человекъ; старшая дочь его была замужемъ за И. В. Синельниковымъ, дальнимъ моимъ родственникомъ. Вотъ и все кіевское общество тогдашняго времени, исключая военныхъ, ученыхъ и чиновниковъ.

Вскорѣ отдѣленіе иностранной переписки значительно увеличилось молодыми людьми, поступавшими на службу къ генераль-губернатору. Всѣхъ порядочныхъ и образованныхъ отдавали въ мое распоряженіе, и изъ нихъ составила маленькая канцелярія, къ обязанностямъ которой отнесли, сверхъ обыкновенныхъ занятій, чтеніе иностранныхъ

газетъ, запрещенныхъ цензурой, и выписки изъ наиболее интересныхъ статей для генераль-губернатора. Между этими молодыми людьми особеннымъ расположеніемъ моимъ пользовался графъ Эмиль Олизаръ. Сынъ бывшего богатаго польскаго сенатора, приговореннаго къ смертной казни и конфискаціи имущества за мятежъ 1830 года, но ушедшаго передѣтымъ изъ тюрьмы и эмигрировавшаго во Францію, молодой Олизаръ былъ очень недурень собою, хорошо образованъ и очень остроуменъ. Воспитанный съ братомъ Адольфомъ роднымъ дядею, Луисавомъ Олизаромъ, бывшимъ кievскимъ губерньскимъ предводителемъ дворянства, Эмиль, кромѣ самого ограниченаго содержанія отъ дяди, едва достаточнаго для пополненія туалета, не имѣлъ никакихъ средствъ. Желая быть ему возможности полезнымъ, я пригласилъ его занять комнату во флигелѣ, мною занимаемомъ и пользоваться моею прислугой и столомъ. Между нами установились самыя дружескія отношенія, онъ развлекалъ меня своею болтовнею, я заставлялъ его работать серьезно.

Съ января 1845 года я переѣхалъ квартиру и перешелъ въ домъ Бѣлоградскаго въ Липкахъ около дворцоваго сада. У меня былъ въ бель-этажѣ большой залъ, спальня, передняя и буфетъ, Олизаръ помѣстился въ одной изъ комнатъ верхняго этажа. Онъ мнѣ рекомендовалъ въ камердинеры долго служившаго у его родственника, князя Четвертинскаго, негра Франца. Францу было лѣтъ подь сорокъ; вывезенный въ Турцію изъ Дарфура, онъ попалъ въ Одессу, гдѣ Четвертинскій взялъ его къ себѣ, окрестилъ въ католическую религію и женилъ на дочери одного изъ своихъ экономовъ, православнаго исповѣданія. Франць мнѣ очень понравился, былъ особенно внимателенъ, услужливъ и честенъ. Я его искренно любилъ, а онъ привязался ко мнѣ тою привязанностью, которая характеризуетъ негровъ. Пришлось только учить его русскому языку, такъ какъ Франць плохо объяснялся по русски, живя постоянно въ домѣ польскаго магната.

Я отправился въ началѣ января на нѣсколько дней въ деревню къ матушѣ съ тѣмъ, чтобы 12 января быть у Волховской. Дмитрій Гавриловичъ отпустилъ меня съ условіемъ, чтобы 13-го я непрежѣнно возвратился къ его балу.

Свиданье съ матушкой было для меня въ высшей степени пріятно. Она была вполне довольна мною, зная, что я занимаюсь прилежно службой и что Бибиковъ хорошо расположенъ ко мнѣ. Отъ П. я привезъ ей письмо. Вообразите мое удивленіе, когда матушка прочла мнѣ это письмо. Въ немъ отдавалась полная сираведливость моимъ способностямъ и познанимъ, но направленіе настоящей молодежи и мое въ особенности крайне не нравились П.; онъ называлъ насъ утопистами, мечтателями, проводителями новыхъ началъ, не свойственныхъ русской природѣ и нашему общественному строю. Въ заключеніе давалъ совѣтъ женить меня поскорѣе и предлагалъ въ невѣсты дѣвицу К., недавно поселившуюся въ Кіевѣ съ матерью, вдовой генерала отъ инфантеріи.

Не менѣе моего матушка была удивлена этимъ письмомъ; считая П. человѣкомъ очень умнымъ и хорошо къ намъ расположеннымъ, она не знала, что думать о его предложеніи. Я объяснилъ матушкѣ, что П. утопіей называлъ абсолютную честность новаго поколѣнія служащихъ и желаніе искоренить вонедшій въ кровь обычай брать взятки, и что въ этомъ волгросѣ мы никогда не сойдемся съ П. Что касается дѣвицы К., то я очень мало былъ знакомъ съ нею и всего раза три былъ у ея матери. Дѣвицѣ К. едва минуло шестнадцать лѣтъ, воспитывалась она въ лучшемъ частномъ пансіонѣ въ Москвѣ, была мала ростомъ, имѣла великолѣпные темно-сѣрые глаза, роскошные темно-каштановые волосы и прехорошенькій ротикъ; вообще была недурна собой, очень неглупа, разговорчива и любезна. За старшей ея сестрой Екатериной начиналъ ухаживать Бибиковъ послѣ отъѣзда изъ Кіева графини П. Вотъ и все мои отношенія къ дѣвицѣ К., по предложенію П. имѣло причину, которая объяснилась позже. Къ этому господяну я относился недовѣрчиво, и не смотря на его замѣванія, старался держать себя подалше; какое то инстинктивное чувство отталкивало меня отъ него; не могъ дружить я съ отъявленнымъ взяточникомъ; послѣ письма къ матушкѣ, онъ сталъ мнѣ еще болѣе ненавистенъ. Матушка любезно, но уклончиво отвѣчала на письмо П.

Я возвратился въ Кіевъ къ балу Дмитрія Гавриловича. и Бибиковъ былъ очень доволенъ моею аккуратностью.

Графиня П., уѣзжая, купила мѣстечко Чернобыль, значительное

вершеніи акта пятьдесятъ тысячъ, а остальные должна была уплачивать черезъ каждые два года въ извѣстные сроки, до полной выплаты всего капитала. О сдѣлкѣ этой много говорили въ Кіевѣ: увѣряли, что дѣла графини П. въ такомъ положеніи, что она никогда не могла располагать наличною суммою въ пятьдесятъ тысячъ и что деньги эти приобрѣтены какою-то темнымъ путемъ; разсказывали, что П. изъ угожденія своему начальнику устроилъ это дѣло.

Catherine К. вскорѣ вышла замужъ за генерала Л., Бибиковъ, стала ухаживать за ея сестрой.

Ближайшіе мои сотрудники по дѣламъ служебнымъ и другіе молодые люди собирались часто въ моей залѣ и проводили время довольно весело; иногда я угощалъ ихъ обѣдомъ, приготовленнымъ весьма недурно моимъ поваромъ, воспитанникомъ главнаго повара моего отца, изучившаго поваренное искусство на лучшихъ кухняхъ Петербурга, въ томъ числѣ и на Нессельродовской. Въ большой залѣ, которую я занимала, было много тепличныхъ растений, до которыхъ я былъ большой охотникъ: между растеніями, на колоннахъ подъ мраморъ, стояли гипсовые бюсты государя и императрицы. 1-го мая, предъ поѣздкой въ Шулявскую роцку на гулянье, у меня былъ большой обѣдъ; когда онъ кончился, подали шампанское. я всталъ, чтобы предложить тостъ за отсутствовавшихъ дамъ—и мысленно обратился къ матушкѣ. Раздался трескъ, и къ удивленію нашему бюстъ императрицы, расколотый въ длину, свалился на полъ, колонна осталась неповрежденною. Меня словно кольнуло въ сердце, едва устоялъ я на ногахъ. Проспались къ колоннѣ, старались объяснить причину паденія бюста, но она осталась необъяснимою, тѣмъ болѣе, что никто къ нему не подходилъ, и лакеи, разливавшіе вино, находились у противоположнаго конца стола; перешли потомъ къ шуткамъ: болѣе всѣхъ шутилъ Олизаръ, но я былъ не въ духъ и отказался отъ поѣдки за городъ, предоставивъ мой экипажъ въ распоряженіе Олизара. Когда всѣ разѣхались, подходитъ ко мнѣ мой негръ, котораго я очень полюбилъ, и говоритъ: нехорошо, господинъ, можетъ быть несчастіе. Эти слова вѣзались въ мою память, но прошло нѣсколько дней, занятія, развлеченіе, прогулки за городомъ разсѣяли грустное настроеніе духа. поговорили о разбившемся бюстѣ,

какъ о вещи очень обыкновенной, предполагая, что онъ былъ надломленъ, и забыли. 3-го мая получилъ я письмо отъ матушки и совершенно успокоился.

8-го мая передъ вечеромъ приносятъ письмо изъ деревни, адресъ былъ написанъ рукою моего отца. Вскрывши, читаю извѣщеніе о серьезной болѣзни матушки. Опрямелью побѣжалъ я къ Вибикову, получилъ разрѣшеніе уѣхать, и ночью въ дорожной коляскѣ, не смотря на бурю и сильный дождь, мчался на почтовыхъ въ деревню. Взялъ съ собою Франца и неразлучнаго моего Мезора, великозѣвнаго кингчалъса, подареннаго мнѣ дядей Олизара.

Въ 7 часовъ утра я подѣзжалъ уже къ нашей усадьбѣ Отрадѣ; у аллеи, усаженной гигантскими итальянскими тополями, и всталъ и отправился пѣшкомъ въ домъ, отправивъ экипажъ на черный дворъ, чтобы утрешнимъ прїѣздомъ не обезюкомятъ матушку.

Была ранняя весна, въ большемъ подѣздномъ дворѣ цвѣли сирени, левкоя, розы и воздушные жасмины. Солнце свѣтило ярко; послѣ дождя воздухъ былъ необыкновенно чистъ и прозраченъ, благоуханіе распустившихся кустарниковъ заставляло съ наслажденіемъ вдыхать въ себя ароматическую атмосферу майскаго утра. Никогда дворъ этотъ не казался мнѣ такимъ красивымъ, никогда чудный бархатистый деревенскій воздухъ не представлялся мнѣ такимъ прїятнымъ: дышалось легко, но на сердцѣ было тяжело: недоброе предчувствіе овладѣло мною. У крыльца меня встрѣтилъ старый слуга, бывшій моимъ дядькой еще въ пансіонѣ, шестидесятилѣтній Марко. На вопросъ о здоровьи матушки, онъ покачалъ своей сѣдой головой и отвѣтилъ: нехорошо.

Въ домѣ всѣ еще спали, одна сестра Софія встрѣтила меня въ залѣ. Блѣдное ея лице, заплаканные глаза служили дурнымъ предзнаменованіемъ. Она мнѣ рассказала, что матушка лечила на селѣ, что случалось постоянно, больную тифомъ крестьянку, и посѣщала ее ежедневно. Тифозная начала выздоравливать, но матушка заразилась этою опасною болѣзнію; съ первыхъ чиселъ мая чувствовала себя нехорошо, но перемогалась и рассчитывая на свое здоровье (матушка никогда не была больна), употребляла домашнія средства и не хотѣла прибѣгать къ помощи доктора. Когда сдѣлалось

хуже, послали за Фишеромъ въ Яготины и за убѣднымъ врачомъ въ П., но надежды мало. Фишеръ живетъ постоянно въ Отрадѣ, и не скрываетъ опаснаго положенія матушки: болѣзнь приняла дурной оборотъ, показались пятна.

Нѣтъ словъ выразить то грустное, потрясающее впечатлѣнiе, которое испытать я при первомъ взглядѣ на тяжело больную мать мою. Въ нѣсколько дней болѣзнь до того измѣнила ея черты, что она была почти неузнаваема: не было и тѣни дышавшей здоровьемъ, жизненной силой и душевной энергiей женщины. Я осыпалъ поцѣлуями ея исхудалыи, горѣвшія лихорадочнымъ жаромъ руки; какъ ни крѣпился, не могъ выдержать и тихо зарыдалъ. Матушка поцѣловала меня въ лобъ. То было прикосновенiе раскаленнаго желѣза. Сухія, горячечныя губы, тяжелое дыханiе, мутный, неподвижный взглядъ, невнятное произношенiе, не позволяли сомнѣваться въ печальной дѣйствительности. Больше часу однако мы разговаривали съ матушкой о моемъ житьѣ-бытьѣ; все ее интересовало до малѣйшихъ подробностей¹⁾.

Въ 9 часовъ насъ позвали къ утреннему чаю въ столовую. Отецъ былъ очень радъ моему прiѣзду; въ немъ я не нашелъ никакой перемены. Фишеръ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и на вопросъ о положенiи матушки съ грустью покачалъ головой. Сестра Marie разливала чай и казалась совершенно спокойною. Sophie не отходила отъ матушки, проводила все ночи у ея постели, и съ трудомъ можно было унести ее изъ спальни на нѣсколько мгновений.

Мы разговаривали довольно долго, я упросилъ Sophie пойти отдохнуть немного послѣ ночи безъ сна, проведенной у матушки; ее замѣнила сестра Marie. Къ двумъ часамъ матушка забылась, я вышелъ; доложивъ о прiѣздѣ старшей моей сестры Аделаиды съ мужемъ В. Съѣли обѣдать. Обѣдъ прошелъ скучный, грустный. Къ вечеру матушки стало хуже, жаръ усилился, она была въ полномъ безпамятствѣ, но утромъ слѣдующаго дня матушка пришла въ память, горячечное состоянiе исчезло и взглядъ ея просвѣтлѣлъ.

¹⁾ Опускаемъ подробности описанiя смерти матери автора «Записокъ» и излiенiя его скорбнымъ чувствъ.—Ред.

Послѣ полудня матушка значительно ослабѣла, а предѣ вечеромъ ей стало еще хуже, упадокъ силъ былъ такъ великъ, что она съ трудомъ могла произнести нѣсколько невнятныхъ словъ. Часовъ въ восемь, матушка шопотомъ, обращаясь ко мнѣ взорами, сказала: подойди ближе Pierre. Я сталъ на колѣни у ея ногловья, она съ трудомъ положила руку свою на мою голову, уста ея шевелились; произносили-ли они молитву или благословеніе, не знаю; нельзя было разслышать. Но когда я приподнялся, она взглянула на меня такъ жалостно, такъ грустно, что невольно слезы капнули изъ глазъ моихъ. Послѣ меня подходили по очереди мои сестры и цѣловали руку матушки, приблизился и отецъ. Видно было, что матушка желала что-то сказать, но слова замирали на ея устахъ, она продолжала смотрѣть съ сожалѣніемъ на всѣхъ; потомъ взглядъ ея упалъ на сестру Sophie, едва слышнымъ голосомъ проговорила она: бѣдныя дѣти! Эти слова были послѣдними словами матушки. Она впала въ безсознательство; началась агонія. Ранний утромъ 11-го мая матушка тихо скончалась.

Выпосъ въ церковь послѣдовалъ на второй день, похороны на третій.

13-го мая заупокойная обѣдня началась въ 10 часовъ утра; и церковь, и панерть, и окружающая мѣстность какъ въ оградѣ, такъ и внѣ ея полны были народомъ. Къ печальной церемоніи съѣхались всѣ родные, всѣ знакомые, всѣ близкіе и дальніе сосѣди, сошлись крестьяне нашей деревни и окрестныхъ сѣлъ; я никого не видѣлъ, ничего не слышалъ; не могъ оторвать взоровъ отъ драгоценнаго праха обожаемой матери и молился, прося у Бога чуда воскресенія усопшей. Тщетно. По временамъ когда одинъ изъ священниковъ возглашалъ: объ упокоеніи рабы Вожей боярыни Маріи, я выходилъ изъ моего забытѣя и словно подверженный гальваническому удару, опускался на колѣни. Какъ происходило отпѣваніе, какъ понесли гробъ на семейное кладбище и опустили въ могилу, не помню. Припоминаю, что бросивъ горсть земли на гробъ стоявшій въ могилѣ, я долго еще молился и возвратился къ себѣ во флигель пѣлькомъ.

Къ обѣду я не пошелъ, это было выше силъ моихъ. Послѣ обѣда явились ко мнѣ непронемные гости; я сидѣлъ на балконѣ и не могъ

отъ нихъ скрыться. Слышались слова участія, утѣшенія, слова доброй памяти о покойницѣ и все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ; но вообразите мое негодованіе, когда сосѣдъ З., мой дрезденскій товарищъ по квартирѣ подошелъ ко мнѣ съ слѣдующей фразой: «ну, что горевать? все проходитъ; вспомните, что теперь Отрада ваша!»! Во взглядѣ брошенномъ мною З. было столько презрѣнія, что онъ видимо сконфузился и растерялся. Я раскланялся съ посѣтителями и удалился въ свои комнаты, приказавъ Францу никого комнѣ не впускать. Съ тѣхъ поръ З. сталъ мнѣ противенъ, и его возненавидѣлъ.

Вскорѣ всѣ разъѣхались, къ вечеру мы остались одни и по обыкновенію къ чаю собрались въ столовую.

Воспоминанія, проникнутыя глубокою привязанностью къ матушкѣ, оживили нашу бесѣду, и севозъ слезы проговорили мы въ троестъ до поздней ночи. И дѣйствительно было о чемъ вспоминать.

Начиная съ крестьянъ, не было помѣщицы болѣе благодѣтельной и доброй, какъ матушка. Огромные надѣлы землею, издавна розданные крестьянамъ дѣдушкой, оставались неприкосновенными, единственно по настоянію покойницы; разныя угодья, левадки, предоставленныя въ ихъ пользованіе, никогда не отбирались въ пользу экономіи; строго наблюдалась равнооумность барщины: никогда не работали болѣе трехъ дней въ недѣлю, когда-же требовалась усиленная работа во время сѣнокоса или жатвы, переработанные дни засчитывались въ льготные, или оплачивались; подати платила за крестьянъ матушка, ничего съ нихъ не взмскивая, частью процентами съ капитала, оставленнаго на этотъ предметъ дѣдушкой, частью изъ доходовъ имѣнія; лѣсной матеріалъ, кирпичъ и другія принадлежности отпускались безвозмездно для крестьянскихъ построекъ; въ неурожайные годы раздавался хлѣбъ крестьянамъ безвозвратно изъ значительныхъ всегда запасовъ экономіи; были разведены особенные расадники фруктовыхъ деревьевъ для насажденія садовъ въ крестьянскихъ усадьбахъ и привитые хорошіе сорта отдавались бесплатно; заведены улучшенныя породы рабочихъ лошадей и скота, производителей крестьянамъ дарили и лишнимъ приплодомъ въ имѣніи они пользовались за самыя ничтожныя оградки или услуги. Постигнетъ кого семейное горе или болѣзнь, бывало идуть къ матушкѣ за

совѣтомъ и помощью, въ полной увѣренности, что ни въ томъ, ни въ другомъ отказа не будетъ; провинится-ли кто, прибѣгаютъ къ ея защитѣ, къ ея милосердію, и не было призора, чтобы благодѣтельная помянущица не отмѣнила, или не смягчила значительно взыскапія.

Прислуга, или такъ называемые въ то время дворовые люди, пользовались такими удобствами и довольствомъ, что, безъ преувеличенія можно сказать, составляли какъ бы часть семьи помянущицы. Превосходныя отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ, общія для холостыхъ, обильный, сытный столъ, пробу котораго ежедневно приносили матушкѣ, болѣе чѣмъ приличная, барская одежда и ежемѣсячное денежное вознагражденіе были неотъемлемыми принадлежностями каждаго двороваго. Всѣхъ дѣтей многочисленной дворни учили грамотѣ, молитвамъ и матушка каждую недѣлю повѣряла успѣхи учащихся, поощряла лучшихъ ласками и подарками.

И говорить нечего, что крестьяне и дворовые боготворили матушку; какъ не упрекали нашъ народъ въ неблагодарности, мялутенскіе крестьяне и отрадская прислуга служили живымъ протестомъ этому обвиненію, въ то время, когда господство крѣпостнаго права всею тяжестью лежало еще на народѣ; и то правда, что не много находилось такихъ помянущицъ, какъ моя мать.

Что касается семейныхъ отношеній, то матушка всею душой была привязана къ моему отцу и глубоко его любила, но все не была счастлива въ этомъ отношеніи. Подчиняясь волюѣ и желаніямъ моего отца по мѣрѣ возможности, въ нѣкоторой степени доходившей до самопожертвованія, она часто сдерживала всмыльчивость его характера и строгость чисто-военнаго закона. Уступая во всемъ, что не составляло особенной важности, она имѣла твердость проводить свои убѣжденія и правила, не оскорбляя самолюбія главы семейства.—Дѣтьми матушка распоряжалась самостоятельно, наше домашнее воспитаніе и направленіе принадлежали ей вполне, она была главною, можно сказать, единственною руководительницею нашею. Матушка была очень образованною по своему времени женщиной, очень много читала, превосходно писала на двухъ языкахъ. Независимо отъ наукъ, особенно ея вниманіе было обращено на религіозное и нравственное наше развитіе;

кромя постоянныхъ занятій и наставленій, живой примѣръ истинной христіанки и добродѣтельной женщины, какою была матушка, имѣлъ самое благотворное на насъ вліяніе. Правила религіи, нравственности и высокой добродѣтели прихвѣлялись къ дѣлу постоянно, входили въ обычай, въ жизнь семейную.

Содержаніемъ дома, передѣланнаго и значительно увеличеннаго моимъ отцемъ дворовыми принадлежностями и постройками, главнымъ хозяйствомъ во всемъ его объемѣ и декоративной частью сада завѣдывалъ батюшка. Но во всемъ видно было благодѣтельное участіе матушки, ея заботливости, ея ума. Усадьба и домъ содержались въ порядкѣ и чистотѣ, почти нигдѣ небывалой въ то время въ Малороссіи. Домъ былъ какъ полная чаша, ни въ чемъ не было недостатка, но благоразумная расчетливость матушки не допускала ничего лишняго; женское хозяйство и малютенская часть садовъ были предметами ея особыхъ заботъ. Малютенское имѣніе, доставшееся ей отъ отца, было образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не говоря о значительныхъ и красивыхъ постройкахъ и насажденіяхъ усадьбы, хозяйство имѣнія доведено было до той степени совершенства и разнообразія, на которой врядъли стояли другія помѣстья полтавской губерніи. Заводы: солигрянскій, винокуренный, маслобойный, конный, рогатаго скота превосходной породы, тонкорунное овцеводство въ довольно большихъ размѣрахъ, улучшенное хлѣбопашество составляли главные статьи. Пчеловодство по системѣ Прокоповича, огородничество, тканіе ковровъ и холста и другія мелкія отрасли хозяйства также не были упущены изъ виду. Однимъ словомъ все, что могло приносить пользу, постепенно вводилось въ систему хозяйства и достигало надлежащаго развитія и совершенства.

Ближайшихъ родственниковъ у матушки не было, къ дальнимъ она относилась всегда съ сердечнымъ участіемъ и помогала имъ, чѣмъ могла.

Съ посторонними, съ сосѣдями, съ добрыми знакомыми, матушка находилась всегда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Всѣ обращались къ ней за совѣтомъ, за покровительствомъ. Никому, никогда и ни въ чемъ не было отказа. Матушка была общою ходатайницею и пользовалась глубокимъ уваженіемъ лицъ власти имѣвшихъ, всегда почти достигала

исполненія своихъ просьбъ о другихъ. При этомъ необыкновенная снисходительность къ чужимъ недостаткамъ, желаніе и въ дурномъ найти хорошую сторону, объяснить все добрымъ намѣреніемъ, всегдашняя готовность помочь въ случаѣ надобности ставили матушку въ исключительное положеніе. Въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу матушка не допускала насмѣшекъ надъ другими, никогда, ни о комъ не отзывалась дурно. При жизни ея, любви къ ней всѣхъ знавшихъ ее не было границъ; по кончинѣ чувства эти высказались единодушно: неожиданная, преждевременная утрата этой добродѣтельной женщины считалась невознаградимою, носила характеръ общественнаго бѣдствія.

Послѣ девятого дня, со времени кончины матушки, мы разбѣжались. Отецъ съ Sophie и Marie отправился въ П. за сестрою Надею, я въ Кіевъ.

Вибиковъ принялъ большое участіе въ постигшемъ меня несчастіи, разспрашивалъ о батьюнкѣ, о семействѣ и предложилъ мнѣ съѣздить дѣтвомъ къ сестрамъ на нѣсколько педѣль. Это вниманіе глубоко тронуло меня.

Съ особеннымъ прилежаніемъ принялся я за служебныя дѣла, много читалъ, много занимался музыкой, и часто, по вечерамъ, отправлялся за городъ.

Митрополитъ Филаретъ жилъ въ Голоосевѣ, я посѣтилъ его нѣсколько разъ, и простылъ, но проникнутыя высокимъ чувствомъ вѣры рѣчи его, если не утѣшали, то значительно успокаивали меня.

Кончина матушки имѣла большое вліяніе на меня: я грѣвно упалъ духомъ и сильно измѣнился физически. Не забуду, какъ однажды, гуляя въ отдаленной аллеѣ городскаго сада, я встрѣтилъ добраго моего знакомаго Б., у котораго часто обѣдывалъ.

Что съ вами, сказалъ онъ мнѣ, на васъ лица нѣтъ, вы постарѣли нѣсколькими годами, здоровы ли?

Я ему отвѣтилъ, что имѣлъ несчастіе лишиться матери. Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, казалось, не понималъ, что горестное событіе это могло имѣть на меня такое сильное вліяніе. Не смотря на ежедневное усиленное движеніе при посѣщеніи загородныхъ мѣстностей пѣшкомъ, всѣ ночи я проводилъ почти безъ сна. Съ вечера

бывало клонить ко сну, ляжешь, и чрезъ полчаса просыпаешься. Въ одну изъ бессонныхъ ночей надумался я написать симфонію на ковчину матушки.

Въ первой частѣ: *Allegro furioso* я предположилъ въ видѣ интродукціи изобразить ходъ болѣзни; во второй *Adagio* агонію и кончину; въ третьей *Marche funebre* похороны, въ четвертой *Lamentose Alla breve* сѣтованіе, переходящее въ молитву: *Andante religioso*.

Въ теченіи шести недѣль усидчиво трудился я по ночамъ надъ симфоніей. Всѣ части были вполне разработаны, для главныхъ инструментовъ оставалось пополнить оркестровку въ партитурѣ. Композиціей моею я остался совершенно доволенъ, но мотивы были такъ печальны, въ нихъ сказывалась такая глубокая грусть и душевная невзгода, что исполняя на фортепьяно отрывокъ изъ симфоніи, я растравлялъ незажившія еще раны моего сердца. Съ другой стороны, музыка эта возносила меня въ міръ духовный, ставила въ общеніе съ матушкой и подѣ часъ, какъ молитва безъ словъ, какъ изліяніе религіознаго чувства въ формѣ музыкальныхъ идей, успокоивала, умиротворяла меня.

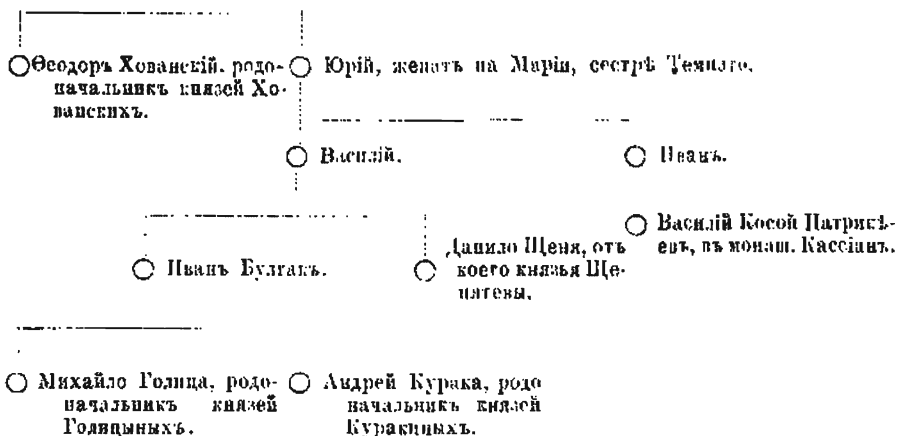
Вскорѣ я окончилъ партитуру симфоніи для оркестра, сдѣлалъ извлеченіе для фортепьяно въ четыре руки и послалъ въ Лейпцигъ для напечатанія. На заглавномъ листѣ, въ вѣнкѣ изъ безсмертниковъ стояло посвященіе: *A toi, âme chérie*. Симфонія озаглавлена: *La mort d'une Sainte*, кончина праведницы.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ происходилъ изъ знатной и родословной фамиліи, производившей свое начало отъ литовскихъ князей Гедиминовичей. Начатки этой фамиліи родятся съ Гедимномъ такимъ образомъ:

- Гедиминъ
- Наримонтъ.
- ⋮
- Патрикій, дѣти коего, братья Патрикѣевы, Оседоръ и Юрій, выѣхавъ изъ Литвы въ Москву, при Василѣ Тихомъ.

Занявъ въ лицѣ своихъ предковъ, съ самаго начала ихъ поселе- нія въ Москвѣ, видное положеніе при дворѣ, князья Куракины крѣпко поддерживали свою фамильную честь. Особенными подвигами ни воен- ными, ни гражданскими, князья Куракины не отличались, но не при- надлежали и къ числу фамилій захудалыхъ; если не шли впередъ, но не уступали ни шагу на поприщѣ тѣхъ нравъ и преимуществъ, которые

были захвачены ихъ предками. Поэтому въ мѣстническихъ счетахъ нми Куракинныхъ встрѣчается очень часто, и отличаются они замѣчательнымъ уворствомъ. Такъ въ 1640 г. князь Ѳеодоръ Семеновичъ Куракинъ мѣстничался съ княземъ Ал. И. Трубецкимъ, не желая быть младшимъ воеводою на южной границѣ московскаго государства для обереганія ея отъ крымскихъ татаръ. Узнавъ о претензіяхъ Куракина, Трубецкой билъ челомъ государю о безчестіи, приводи основанія и случаи, почему ему можно быть больше князя Куракина. Трубецкой аргументировалъ такъ: «Куракины уступаютъ Голицыннымъ, а Голицыны уступаютъ Трубецкимъ, тѣмъ паче Куракины должны уступить Трубецкимъ. *«Да и большіе ваши родители Голицыны съ ихъ родителями съ Трубецкими бывали безслово: и вы-де Куракины съ Голицыными всегда безсловны»*. Аргументамъ Трубецкаго Ѳеодоръ Куракинъ противопоставлялъ свои аргументы, заявляя, что Трубецкіе потеряли свое старшинство измѣною, и ссылаелъ на недошедшій до насъ указъ цари Ивана Грознаго, состоявшійся послѣ отъѣзда князя Андрея Курбскаго и пониженій на 12 мѣстъ цѣлую фамилію за измѣну одного члена. *«А князья Трубецкіе, заявляя Ѳ. Куракинъ, государямъ измѣняли, именно при дѣдѣ дѣда государева великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ отъѣхали въ Литву, а князья Куракины какъ пріѣхали къ великому князю Василію Васильевичу, съ тѣхъ поръ работали и служили государямъ честно и съ измѣнъ никогда не бывали»*.

Заявленіе князя О. Куракина не осталось безъ отвѣта, который на этотъ разъ былъ данъ уже отъ имени государя. Въ царской грамотѣ выставлялись на видъ два обстоятельства: первое, что въ тяжелое смутное время не остались совсѣмъ чистыми и князья Куракины, второе, что по воцареніи дома Романовыхъ, дана полная амнистія за всѣ прошлыя вины. *«Дядя твой И. Куракинъ,—гласила царская грамота, съ польскими и литовскими людьми на разореніе московскому государству соумышль былъ, и съ польскими и литовскими людьми по его совету многа святыхъ Божьихъ церкви обрували и московское государство жгли, и многихъ православныхъ христіанъ побили, и многу христіанскую кровь пролили, а иныхъ православныхъ христіанъ и съ сущими младенцы въ литовскую сторону отвели... А какъ Божіею милостію московское государство отъ литовскихъ людей очистилось, и по волю Божіею на московскомъ государствѣ учились мы, великій государь,... и мы для обновленія нашего государства и для нашего царскаго вѣнца всѣхъ пожаловали, праженія ихъ оныи велили имъ видѣти и опредѣ тѣ ихъ вины никому не вспомянуть. А что пишешь къ намъ въ своей отпискѣ про измѣну князя Андрея Курбскаго и про приговоръ, что которые измѣняютъ, что тѣ измѣною своею многіе мѣсты теряютъ, и тебѣ было о*

томъ къ намъ, великому юсударю, писать неприоуже: прежнихъ великихъ юсударей указы и приговоры вѣдомы больше твоихъ вычетовъ, и знаемъ мы, кому съ кѣмъ ровнять и кому съ кѣмъ быть. Далѣе слѣдуютъ угрозы выдать князя Куракина головою; въ случаѣ же поруки военному дѣлу, царь грозить Куракину смертною казнью. Чѣмъ кончилось это длинное мѣстническое дѣло, неизвѣстно; мы привели его только для того, чтобы показать, какъ князья Куракины блюли свою родовую честь⁴⁾.

Родословіе князей Куракиныхъ въ прямой нисходящей линіи отъ родоначальника князя Андрея Кураки до нашего автора представляется намъ въ такомъ видѣ:

1) Князь Андрей Ивановичъ Куракинъ, сынъ Ивана Булгака, жившій въ первой половинѣ XVI в.

2) Князь Петръ Андреевичъ Куракинъ, современникъ Ивана Грознаго.

3) Князь Андрей Петровичъ Куракинъ, многолѣтній старецъ, бывшій бояриномъ 25 лѣтъ при пяти царяхъ, отъ 1590 по 1615 годъ (Карамз. X, пр. 61).

4) Князь Семень Андреевичъ Куракинъ, бывшій нѣсколько лѣтъ бояриномъ одновременно съ отцомъ.

5) Князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, дѣдъ нашего автора, скончавшійся великимъ постомъ 1682 г.

6) Князь Иванъ Григорьевичъ Куракинъ, отецъ нашего автора, скончавшійся еще не въ старыхъ годахъ, въ смоленскомъ воеводствѣ, въ концѣ того-же 1682 года.

7) Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, авторъ предлагаемыхъ записокъ, вполнѣдствіи русскій посланникъ въ Голландіи, Франціи и Англіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ и ордена св. Андрея Первозваннаго кавалеръ, родился въ Москвѣ 20 іюля 1676 г., скончался въ Нарвѣ 17 октября 1727 г., на 52 году отъ рожденія.

Такимъ образомъ 6 поколѣній отдѣляютъ нашего князя Бориса отъ родоначальника Андрея Кураки и 12 поколѣній отъ Гедимиана (1338 г.) до рожденія князя Бориса, что даетъ въ среднемъ выводѣ по 30 лѣтъ на каждое поколѣніе.

Обращая вниманіе на отличительныя свойства фамиліи Куракиныхъ, кромѣ родовой гордости, трудно указать на что нибудь выдающееся. Быть можетъ это въ нѣкоторой степени зависить отъ недостатка источниковъ. Но если у cadaго рода, считающаго вѣками свою генеало-

⁴⁾ Маркевича. О мѣстничествѣ 470—477. Появится, князь Куракинъ, какъ герой мѣстничества, выводится въ романѣ Загоскина: *Брянскій лѣсъ*.

гю, есть фамильный тниъ, есть свои политическія преданія, то конечно были таковыя и въ родѣ Куракиныхъ. Принимая во вниманіе фамильную гордость, по которой князья Куракины никогда не забывали своего происхождения отъ владѣтельныхъ князей литовскихъ, припоминая, что изъ этого-же литовскаго княжескаго рода происходилъ знаменитый врагъ «іосифлянъ», князь — инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ, мы склонны думать, что князья Куракины принадлежали къ числу такихъ московскихъ политиковъ, которые желали, чтобы государь совѣщался о всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ съ боярами и любилъ *встрѣчу*, то есть противорѣчіе, — чтобы проявленіе онаго со стороны боярскихъ родовъ было ограничено незаконномъ, а неписаннымъ обычаемъ. Политическіе идеалы Куракиныхъ восходили къ тому давнему періоду, когда при дворѣ господствовало еще дружинное начало, когда государь былъ если не *primus inter pares*, то по крайней мѣрѣ не обижался, если бояре, въ качествѣ участниковъ въ управленіи, ему противорѣчили. Конечно этимъ гордымъ преданіямъ не было мѣста среди суроваго абсолютнаго московскаго двора, но они сохранились и при случаѣ давали себѣ знать даже у такого вѣрнопопданнаго человѣка, какимъ былъ нашъ авторъ. Особенною какою либо правительственною спеціальностію Куракины себя не замѣляли: впрочемъ въ московской Руси всякій служилый человѣкъ, по требованію обстоятельствъ, бывалъ и воеводою, и администраторомъ, и дипломатомъ и т. д. Изъ боярскихъ родовъ Куракины питали постоянное сочувствіе къ Голлицынымъ и вражду къ Трубецкимъ, и отчасти къ Долгорукимъ.

Происходя по отцу изъ роду Куракиныхъ (Гедиминовичей), князь Борисъ по матери происходилъ изъ другаго не менѣе славнаго дома князей Одоевскихъ (Рюриковичей). Мать его Феодосія Алексѣевна, урожденная Одоевская, была дочь князя Алексѣя и внука князя Никиты Одоевского, людей родословныхъ и близкихъ къ царскому семейству. Самъ князь Борисъ въ своемъ двукратномъ бракѣ, равно его братья, сестры и дѣти роднился съ самыми знатными русскими фамиліями: Лопухинными, Урусовыми, Стрѣшневыми, Салтыковыми, Апраксинами, Голлицынами, Бутурлиными, и т. д.

Составъ семьи нашего автора былъ таковъ:

Отецъ князь Иванъ † 1682 году.

Дѣти его отъ перваго брака съ Феодосією Алексѣевою, урожд. Одоевскою († 1676 г.):

Михаилъ, б. жевать на Марья Дмитріевна, † 1693 г., оставилъ грехъ дѣтей: Василия, † 1605, Марью, съ 1707 г. въ замужествѣ за Ал. Апраксинимъ, Прасковью.

Марья, въ супружествѣ съ 1592 г. за Иваномъ Степановичемъ Салтыковымъ (уб. въ 1700 г. но въ Нарвѣ).

Борисъ (р. 1676 г.) † 1927 г.)

Отъ 2-го брака съ Марьєю Петровною † 1687 г.

Иванъ р. 1682 г., жевать 1699 г. на Еленѣ Тихоновнѣ Стрѣшневой, ум. съ женою и сыномъ въ отцовомъ 1703 году.

Авторъ Записокъ князь Борисъ въ первомъ бракѣ съ 6 июля 1690 г. имѣлъ Ксепію Феодоровну Лопухину, родную сестру царицы Евдокии Феодоровны, умершую въ февралѣ 1698 г.; во второмъ бракѣ съ ноября 1689 г. имѣлъ кн. Марью Феодоровну Урусову, съ которою жилъ не очень ладно.

Дѣти князя Бориса отъ 1-го брака:

Александръ, род. 1691 г. іюля 31, впоследствии былъ посланникъ во Франціи † 1749 г.

Татьяна, род. 1794. января 1, была впоследствии въ замужествѣ за фельдмаршаломъ княземъ Голлицынымъ.

Дѣти князя Бориса отъ 2-го брака:

Сергѣй, род. въ 1760, умеръ 1½ году.

Екатерина, род. 25 окт. 1701 г., была впоследствии въ замужествѣ за фельдмаршаломъ графомъ Бутурлинымъ.

Изъ этого перечня видно съ одной стороны, съ какими знатными фамиліями родилась семья Куракиныхъ, а съ другой стороны видно и то, что братья князя Бориса были очень не долговѣчны и умирали безъ потомковъ мужескаго пола; почему родовое имѣніе, раздѣленное сначала между тремя братьями, скоро опять сосредоточилось въ рукахъ одного князя Бориса.

Авторъ записокъ князь Борисъ былъ человекъ, одаренный отъ природы хорошими способностями, но болѣзненный, часто страдавшій золотухою и меланхоліею. Быть можетъ, эта самая болѣзненность развила въ немъ наблюдательность и вдумчивость, качества довольно рѣдкія въ то время, сдѣлала его мало-способнымъ къ поприщу военному, но за то предрасположила къ дѣятельности дипломатической. Плодомъ этой наблюдательности и вдумчивости и служить печатаемый нынѣ Записки, веденныя кн. Куракинымъ безъ всякой практической цѣли, исключительно въ интересахъ самопознанія. Въ этомъ отношеніи князь Куракинъ, быть можетъ, единственный человекъ петровскаго времени, который жилъ не день за день, а старался давать себѣ отчетъ въ текущей жизни, какъ своей личной, такъ и общественной.

Записки князя Куракина можно обозначить заглавіемъ: *Семейная хроника и воспоминанія*, хотя конечно онѣ далеко не имѣютъ той полноты и художественности, какими отличается сочиненіе С. Т. Аксакова, извѣстное подъ тѣмъ-же заглавіемъ. Тѣмъ не менѣе это заглавіе очень идетъ къ содержанию записокъ князя Б. Куракина. Много свидѣній,

особенно на первых страницах Записокъ, посвящено семейнымъ отпощеніямъ. Князь Борисъ, какъ видно, былъ вовсе не чуждъ родовой куракинской гордости. Описывая годъ 1707—8 г., какъ его хорошо принимали въ Римѣ и въ Венеціи, Куракинъ заключаетъ: «Истинно похваляюсь, что націи московской нивто чести и славы прежде бытія моего не привнесъ; правда, что себѣ разореніе въ вждивеніи томъ понесъ, однако въ честь и славу государства російскаго, и патри имени своего дому Caributoff Kurakinigh князей наследственныхъ литовскихъ». Таже фамильная гордость князя Бориса слышится въ его сѣтованіи по поволу того, что его родная племянница Марья Михайловна вышла замужъ въ 1707 г. за Александра Апраксина и этимъ, по выраженію князя Бориса, *фамиліи своей уничтоженіе великое сдѣлала, что за такъ низкую фамилію выдана*. Между тѣмъ Апраксина происходили изъ знатнаго, хотя и изъ татарскаго роду, и Александръ Апраксинъ былъ племянникъ царицы Марыи Матвѣевны, второй супруги царя Феодора Алексѣевича.

Но *семейной хроникѣ* отведено сравнительно небольшое мѣсто въ запискахъ князя Бориса; болѣе мѣста занимаютъ *воспоминанія*. Воспоминанія эти двухъ родовъ: они касаются частію общественной жизни Россіи, частію личной жизни князя Бориса.

На общественную жизнь Россіи князь Борисъ смотрѣлъ съ той-же точки зрѣнія, съ какой успокоивъ вѣка смотрѣлъ и доселѣ смотритъ простой подначальный русскій человекъ, и которая довольно характерно высказывается въ народномъ сказаніи о *Юрикѣ Новоселѣ*¹⁾.

Вся многовѣковая жизнь русскаго народа представляется съ этой точки зрѣнія исторіею умощенія податей, налоговъ, оброковъ, сборовъ, пошлинъ и повинностей, начиная съ бѣлчяга хвоста при Юрикѣ Новоселѣ до даней съ живаго и съ мертваго при Петрѣ Великомъ. Время Петра Великаго особенно обильно было измышленіемъ разныхъ способовъ къ собранію доходовъ въ казну, которая крайне нуждалась въ деньгахъ для шведской войны и для другихъ предпріятій государя. Поэтому и князь Куракинъ, хотя лично былъ очень богатымъ человекомъ, особенно получивъ наследство послѣ двухъ умершихъ братьевъ, тѣмъ не менѣе съ любопытствомъ слѣдитъ за финансовою политикою государя, которая тяжело ложилась не на немъ самомъ, а разилъ на его крестьянахъ. Развѣтвіе финансовой политики Петра Великаго представлялось Куракину очень просто: появились *прибыльщики*, люди дворовые изъ крѣпостной интеллигенціи, бывалые,мышленные и догадливые, и стали

¹⁾ Сказаніе о *Юрикѣ-Новоселѣ* сообщено Е. В. Барсовымъ въ *Древней и Новой Россіи* 1879 г., № 9.

выдумывать разные *прибыли*, т. е. способы, откуда-бы получить доходы; иной изобрѣтаетъ источники доходовъ въ орленой бумагѣ, иной въ сборѣ съ инородцевъ, иной въ подати съ бабъ, ульевъ, квартиръ, постоялыхъ дворовъ и т. д. Прибыльщики, люди извѣстные по своимъ господамъ: Алексѣй Курбатовъ, человекъ Бориса Шереметева, Парамонъ Скворцовъ, человекъ Ивана Головина, Степанъ Варавкинъ, человекъ князя Бориса А. Голицына, Алексѣй Нестеровъ, человекъ Хрущова и др., иной не разъ, быть можетъ, стоялъ во время обѣда за стуломъ князя Куракина, или помогалъ ему садиться въ экипажъ; поэтому къ ихъ изобрѣтеніямъ князь Куракинъ не могъ относиться съ особымъ благоговѣніемъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень тщательно отмѣчаетъ, какая въ томъ или другомъ году выдумана новая статья доходовъ, сколько собирается по этой статьѣ, и иногда при маломъ доходѣ какъ будто между строевъ высказывается сомнѣніе, стоитъ-ли доходъ издержекъ взиманія. Какъ видно, реформы Петра Великаго были настолько проникнуты экономическимъ характеромъ и настолько обусловливались состояніемъ русскихъ финансовъ, что друзья реформы, сознательно смотрѣвшіе на современную жизнь и оставившіе свои записки, каковы были князь Куракинъ и Посошковъ, на вопросѣ о казенныхъ прибыляхъ сосредоточиваютъ почти все свое вниманіе.

Но для всякаго человѣка наиболѣе дорога и интересна своя личная жизнь. Князь Куракинъ въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія. Онъ сообщаетъ и объ умноженіи государственныхъ доходовъ, и о другихъ распоряженіяхъ и пріемлюченіяхъ, которыя были въ свое время предметомъ толковъ (напр. о дѣлѣ Талицкаго), но все-таки главнымъ центромъ записокъ князя Куракина остается его собственная личность. Сообщая довольно кратко о своихъ семейныхъ дѣлахъ, князь Куракинъ наиболѣе распространяется о своемъ здоровьѣ и о лѣчсннхъ своихъ недуговъ, а еще болѣе о своей служебной карьерѣ. Такой составъ Записокъ совершенно сообразенъ съ жизнью князя Бориса. Ему некогда было быть хорошимъ семьяниномъ; всю жизнь онъ проводилъ на царской службѣ въ Россіи, или за границею, а домой прѣзжалъ только на побывку. Но отъ себя самого нигуда нельзя уйти: князь Борисъ всюду возилъ съ собою недуги, — золотуху и меланхолю, которые и лѣчилъ при всякой возможности. Лѣчился онъ и въ Москвѣ у дохтура Симона, и дохтура Лаврентія Блаументита, и у Евдокима Помка, и у Карбоварія, и у Видно, и у царскаго лейбъ-медика Арескина, и въ Венеціи у Александра грека, и въ Падувѣ у Калафатія, и въ Римѣ у Гредельта, и въ Карлсбадѣ у Бехера, и въ Амстердамѣ у доктора Хана, и у цирюльника Новавента жида, и въ Ахенѣ у Олива и многихъ другихъ врачей, и,

какъ человекъ болѣзненный, любить толковать и писать о своихъ недугахъ⁴⁾.

Не менѣе, если не болѣе князь Борисъ былъ занятъ своею служебною карьерою. Это и естественно. Если царская служба отрывала его отъ семьи, отъ дому, отъ удобствъ жизни, заставляла его при слабомъ здоровьѣ мыкаться по свѣту, то естественно было желать, чтобы всѣ эти труды и лишенія не пропадали даромъ, а чѣмъ-нибудь вознаграждались.

Карьера князя Бориса шла не ровно. При самомъ рожденіи счастье улыбнулось князю Борису. Онъ былъ крестникомъ царя Θεодора Алексѣевича и всѣ надѣялись, что изъ него выйдетъ впоследствии царскій фаворитъ. Но царь Θεодоръ скоро умеръ, а князь Борисъ росъ хилымъ, болѣзненнымъ мальчикомъ, котораго всѣ считали глухимъ или по крайней мѣрѣ думали, что изъ него пути не будетъ. Съ дѣтства князь Борисъ поступилъ на царскую службу, былъ сначала стольникомъ при царѣ Петрѣ, участвовалъ въ его потѣхахъ и эзерциціяхъ, былъ въ азовскомъ походѣ и наконецъ на 20 году жизни отправленъ былъ въ Италію, для обученія математикѣ и кораблестроенію, гдѣ и пробылъ болѣе года. При хорошихъ способностяхъ князь Борисъ выучился хорошо итальянскому языку и математикѣ съ ея прикладными науками, и удачно выдержалъ экзаменъ предъ царемъ *въ наукахъ навтичныхъ*, въ Воронежѣ, 1697 г. Съ тѣхъ поръ карьера князя Бориса стала выправляться, и стало происходить слово о немъ доброе. Впрочемъ не вдругъ еще онъ напалъ на настоящую дорогу. При тогдашнихъ обстоятельствахъ военная служба была неизбѣжною для знатнаго и молодаго россиянина. И князь Буракинъ волею-неволею состоялъ въ военной службѣ. Онъ былъ и подъ Нарвою, и при взятіи Нотебурга и Ніеншпанца, и при штурмѣ Нарвы, и при полтавской биталіи, бывалъ и въ опасныхъ случаяхъ, командировалъ и надъ ротами и надъ цѣлыми полками. Но военная служба не была профессіею князя Бориса. Онъ былъ слишкомъ болѣзненъ и слишкомъ много заботился о своемъ здоровьѣ для того, чтобы быть хорошимъ воиномъ. Проницательный Петръ замѣтилъ это и предъ полтавской биталіей жестоко бранилъ князя Бориса за то, что онъ не хочетъ служить въ военной службѣ, а старается попасть въ министерство (т. е. въ посланники) и грозилъ ему висѣлицею, если онъ не исполнитъ своего долга при встрѣчѣ съ неприятелемъ. Царскій гнѣвъ

⁴⁾ Въ концѣ издаваемой рукописи приложено *«in parte для ведлнннъ»* поденное описаніе карлсбадскаго леченія, а также отзывъ о болѣзни князя — падуанскаго доктора Балафатія, исторія болѣзни, составленная самимъ княземъ Борисомъ для консилиума московскихъ докторовъ въ 1706 г., описаніе амстердамскаго и азенскаго лѣченія и проч.

до такой степени огорчилъ князя Бориса, что онъ заболѣлъ и шлѣлъ почти въ отчаяніе. «Уже теперь напишу», писалъ князь Борисъ въ послѣдствіи, «что истинно радощенъ былъ смерти, такъ десператъ былъ, и хотя видѣвъ себя всегда бодрѣнно, былъ воздерженъ во всемъ, по тѣхъ часовъ уже нарочно всего вольно во всемъ себя допустилъ, не храни и не жалѣя своего здоровья». За полтавскую баталію, когда всѣ получали чины, деревни, кавалеріи, князь Борисъ не получилъ никакой награды ¹⁾. Вообще средину 1709 г. князь Борисъ считалъ самымъ несчастнымъ временемъ своей службы и въ день своихъ именинъ 24 іюля 1709 г., стоя у ранней обѣди въ мѣвскомъ братскомъ монастырѣ, горько плакалъ, «вспоминая злости дней своихъ житіе».

Свое злоключеніе князь Борисъ приписывалъ наивѣгамъ своего врага, князя Василя Владиміровича Долгорукова, но кажется справедливѣе думать, что самъ государь замѣтилъ, что князь Борисъ вовсе не военный человѣкъ, и на нѣкоторое время опался на него, полагая, что его непоинственность происходитъ отъ лѣности и нерадѣнія. Но не надолго. Проницательный и разсудительный государь убѣдился, что нельзя требовать отъ человѣка того, чего онъ не можетъ дать, и что лучше отправить его на поприще, сообразное съ его природою. Приручивая князя Бориса къ дипломатическому поприщу, Петръ великій высказалъ не только свое обычное умѣнье распознавать людей, но также и свою расчетливость. Государь соображалъ, что богатый князь Куракинъ въ состояніи будетъ поддерживать при иностранныхъ дворахъ блескъ и достоинство русскаго двора, приплачивая къ царскому жалованью не малый процентъ изъ своихъ личныхъ доходовъ. «Послѣ знаменитой полтавской битвы», говоритъ Бергманъ въ исторіи Петра В. (VI, 183 и слѣд.), «жизнь князя Куракина была посвящена дѣламъ дипломатическимъ. Въ томъ-же году Петръ Великій послалъ Куракина въ Ганноверъ къ курфирсту Георгу Людвигу для склоненія его вступить въ союзъ съ Россією, и потомъ въ Брауншвейгъ къ герцогу Антону Ульриху для окончательныхъ переговоровъ о бракѣ царевича Алексѣя Петровича съ принцессою Шарлоттою Христиною Софією».

На ганноверскомъ посольствѣ, т. е. на половинѣ 1710 г. обрываются мемуары князя Куракина.

Для насъ мемуары эти имѣютъ двойной интересъ: общій и такъ сказать спеціальный. Общій интересъ заключается въ томъ, что онѣ

¹⁾ Поэтому совершенно несправедливо сообщается въ исторіи Петра В. Бергманъ (т. VI, стр. 182), «что въ 1709 г. за оказанное въ полтавской битвѣ мужество князь Борисъ Ивановичъ произведенъ въ генералъ-майоры».

любятъ. какъ выработывался въ петровское время типъ русскаго западняка и абсентеиста, любившаго болѣе жить въ западной Европѣ, нежели пребывать въ шѣдрахъ любезнаго отечества. Не обошлось при этомъ и безъ знаменитаго: *Cherchez la femme!*

Какъ самъ Петръ, такъ и его сподвижники церемонной монотонности московскихъ красавицъ предпочитали свободное обхожденіе западныхъ женщинъ со *всякимъ сладкимъ и челоуколюбнымъ приѣмствомъ*. «Въ ту свою бытность (въ Венеціи), пишетъ князь Куракинъ подъ 1707—8 г., былъ наморать (влюбленъ) въ славную хорошеествомъ оную читиденку, — называлась *Signora Francesca Rotta*, которую имѣлъ за метресу, во всю ту свою бытность такъ былъ *inamogato*, что не могъ ни часу безъ нее быть, которая коштowała мнѣ въ тѣ два мѣсяца 1000 червонныхъ ¹⁾. И разстался съ великою плачю и печалью, ажъ до сѣхъ поръ съ сердца моего тотъ алог не можетъ видти, и чаю не видеть. И взялъ на мѣморію ея персону, и обѣщалъ къ ней опять возвратиться. «Между тѣмъ съ своею второю женою Марьею Ѳеодоровною Урусовою князь Борисъ жилъ неладно и даже собирался отправить ея въ монастырь.

Далѣе: вообще заграничные люди, какъ болѣе проникнутые цивилизаціею, казались Борису Куракину гораздо симпатичнѣе, чѣмъ свои земляки и соотечественники. «Къ сему объявлю», писалъ князь Борисъ, «особливую любовь и приѣмность въ чужихъ отъ всѣхъ имѣлъ, нежели въ своихъ краяхъ». О своихъ-же русскихъ сослуживцахъ князь Борисъ, обойденный наградою послѣ полтавской баталіи, отзывался такъ: «хотя и гордо о семъ напишу, однако натура моя сязуетъ объявить, что нѣкоторые высканы именъ рангу генералъ-маіора, но о тѣхъ объявлю предъ собою глухихъ, хурыхъ, безъ показанія всякаго добра и заслуги, и неанасмыхъ не токмо въ другихъ, но и въ томъ дѣлѣ, въ которое и призваны и доныиѣ обрѣтаются, токмо наполненныхъ злости ко всѣмъ, пьянства и завидости, и губленіи какъ ближнихъ, такъ и дальнихъ. Охъ моего плача, охъ моего воздыханія!» и проч.

Наконецъ, какъ человекъ очень богатый, князь Борисъ за границею могъ пользоваться всѣми удобствами для леченія и житейскаго комфорта, какихъ не находилъ внутри Россіи. — Иностранными-же языками, особенно итальянскимъ и французскимъ, князь Борисъ владѣлъ совершенно свободно.

¹⁾ Слѣдовательно вдвое болѣе, чѣмъ сколько за этотъ-же періодъ собиралось квартирной подати со всего московскаго государства. Квартирной подати, по счету Бориса Куракина, собираюсь въ годъ 4,000 р. с., слѣдовало въ два мѣсяца 666 р. с., по тогдашнему курсу 44 червонца.

Болѣе 20 лѣтъ своей жизни князь Борисъ прожилъ за границею и притомъ не по неволѣ, а по своей охотѣ. Печатаемые мемуары, объ- емлющіе едва 4 года разновременной заграничной жизни князя Бориса, показываютъ, какъ зародилась въ немъ эта охота.

Спеціальный для *Кіевской (Старинны* интересъ записокъ князя Бориса опредѣляется тѣмъ, что онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Кіевѣ около времени полтавской баталіи и между прочимъ въ ноябрѣ 1708 г. послѣ пзмѣны Мазепы нарочито былъ посланъ въ Кіевъ, чтобы привезти изъ Кіева въ Глуховъ митрополита Іосифа Кроковскаго, печерскаго архимандрита и другихъ важнѣйшихъ духовныхъ лицъ, для участія въ избраніи новаго гетмана, — обстоятельство доселѣ неизвѣстное въ мѣстной исторіи. Въ Кіевѣ-же послѣ полтавской баталіи князь Борисъ оплакивалъ «злости дней своихъ житіе».

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о литературномъ характерѣ записокъ князя Бориса. Они ведены по годамъ жизни автора; отъ 20 іюля (дня рожденія автора) извѣстнаго года до 20 іюля слѣдующаго года. Въ каждомъ году сначала идутъ личные приключенія автора, затѣмъ замѣтки объ общественной жизни, замѣтки большія частію краткія и отрывочныя; но въ архитектурномъ, такъ сказать, отношеніи построеніе записокъ стройное, однообразное и правильное. Часто дѣлаются ссылки на особыя записи автора (о поѣздкахъ, о дипломатическихъ дѣлахъ, о болѣзняхъ) ¹⁾.

Упомянувъ о стрѣлеческихъ бунтахъ, авторъ замѣчаетъ, что для полнаго описанія ихъ потребна была-бы особая книга. Языкъ мемуаровъ — неправильный, испещренный множествомъ иностранныхъ словъ, иногда несквернанныхъ; наиримѣръ *реbellionъ, акордъ, афронтъ, персона, конфузис, аліансъ* и т. д. Грамматическое построеніе рѣчи также часто невѣрное и неправильное, да и въ самомъ изложеніи часто недостаетъ ясности, связности и толковитости. Вотъ образчикъ:

Того года сдѣлана ближняя канцелярія подь судомъ думнаго дворянина Никиты Зотова. То умно и похвально. О всякихъ дѣль, что со всѣхъ приказовъ по вся недѣли въдомость, что, идѣ чело въ приходѣ денегъ и прочаю, такожде и въ расходѣ, и кому что должно на что расходѣ держать, и всего государства весь расходѣ въ оклады и приходы и всѣ расходѣ съ оклады и безъ окладовъ. Что хотѣлъ сказать авторъ этою тирадою? — Не смотря на несвязность изложенія,

¹⁾ Послѣднія приложены *a parte* при издаваемой рукописи, вторые хранятся върунтво при архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

въ рѣчи автора все-таки кое-гдѣ прорывается бойкое и животрепещущее русское слово. Что касается орфографіи подлинника, то въ немъ, кромѣ особенностей правописанія того времени, есть не мало прямыхъ ошибокъ: удерживаемъ при печатаніи существенное, постоянное, опускаемъ колеблющееся, случайное, примѣняясь въ послѣднемъ случаѣ къ современному русскому правописанію.

Такъ какъ первые источники имѣютъ то свойство, что открываютъ для каждаго изслѣдователя новыя и различныя стороны предмета, то, оставляя дальнѣйшій анализъ записокъ князя Куракина, приглашаемъ любителей русской исторіи непосредственно ознакомиться съ этими совершенно новымъ, доселѣ неизвѣстнымъ, литературнымъ памятникомъ петровскаго времени.

Ф. А. Терновскій.

Записки князя Бориса Ивановича Куракина съ собственноручными приписками и поправками автора, обнимающія періодъ времени съ 1676 г. по 1710 г. Источникъ для исторіи петровскаго времени, совершенно новый, въ нашей литературѣ неизвѣстный. Рукопись покойнаго А. Е. Викторова, завѣдывавшаго отдѣломъ рукописей въ Румянцевскомъ музеѣ.

Отъ сотворенія 7184, отъ воплощенія 1676 г. іюля 20, въ началѣ 7 часу дня, а по астрономическимъ 11-го рожденіе.

Р. В. I. К. К. (Prince Boris Iwanowicz Koribut-Kourakin?)

(Далѣе слѣдуетъ кругообразный рисунокъ, должно полагать гороscopicъ, обозначающій положеніе планетъ при рожденіи князя Бориса).

Въ царствіи царя Оеодора Алексѣевича, которой былъ мнѣ воспріемникомъ²⁾, также и сестра его царевна Екатерина Алексѣевна³⁾. И по рожденіи мать моя⁴⁾ скончалась въ пяти недѣльхъ, которую болѣзнь получила отъ самого моего рожденія. При томъ случѣ по крещенію имѣлъ счастье немалое: какъ бы сподѣвался быть фаворитомъ, только не допустила его смерть, понеже царя Оеодора Алексѣ-

¹⁾ Царю было тогда 15 лѣтъ и 2 мѣсяца, а отъ воцаренія его (1676 года лѣвага 30) прошло только около $\frac{1}{2}$ года. Причиною царевой милости къ роду Куракиннхъ было конечно то, что дядькою молодаго царя былъ ближній бояринъ князь Оеодоръ Куракинъ.

²⁾ Дочь царя Алексѣя Михайловича отъ 1-го брака, по счету 4-я, тогда 19-лѣтняя.

³⁾ Княгиня Оеодосія Алексѣевна Куракина, урожденная Одоеская.

внча 90 годъ не стало ¹⁾. И отъ того времени въ возрастѣ младенчества всегда виѣлъ счастье отъ всѣхъ людей, всегда сподѣваючись во снѣ нѣкоторого впередъ состояніи доброго. Только всегда оставалъ въ болѣзняхъ; первая виѣлъ великую гризю, и оттого трехъ лѣтъ отъ Симона дохтура рѣзанъ былъ; и потомъ на четвертомъ году на плюзнѣ лѣвной ноги также рѣзанъ былъ, гдѣ нарастало мясо дикое, отъ того-жь дохтура.

Житія моего годъ 1-й.

Отъ 1677 года іюля 20 по 1678 годъ іюля 20.

Годъ 2-й.

Отъ 1678 года іюля 20 по 1679 годъ іюля 20.

Годъ 3-й.

Отъ 1679 года іюля 20 по 1680 годъ іюля 20.

Годъ 4-й.

Отъ 1680 года іюля 20 по 1681 годъ іюля 20.

Годъ 5-й.

Отъ 1681 года іюля 20 по 1682 годъ іюля 20.

Годъ 6-й.

Отъ 1682 года іюля 20 по 1683 года іюля 20²⁾.

Того года не стало царя Ѳеодора Алексѣевича послѣ святой недѣли ³⁾, и былъ бунтъ отъ стрѣльцовъ. А прежде того бунту въ великой постѣ не стало дѣда князь Григорья Семеновича. Тогожь году въ бунтѣ были въ великомъ страхованіи, и нѣкоторые дни были въ похоронкахъ, для того что отца князь Ивана Григорьевича тѣ бунтовщики хотѣли убить. Тогожь году отцу князь Ивану Григорьевичу сказано на воеводство въ Смоленскъ. И на выѣздѣ въ тотъ походъ изъ

¹⁾ Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ скончался 27 апрѣля 1682 г., слѣдовательно тогда нашему автору было 5 лѣтъ и 9 лѣтцевъ.

²⁾ Во всѣхъ предыдущихъ цифрахъ есть ошибка на одинъ годъ; авторъ поправляетъ ее, начиная съ слѣдующаго 7-го года своего житія, но именно вслѣдствіе этой поправки одинъ 1682--83 годъ выходитъ въ дублетъ, т. е. считается и 6-я и 7-я годовъ житія князя Бориса Куракина.

³⁾ Государь скончался 27 апрѣля 1682 г., въ четвергъ на Охлпной недѣлѣ, а стрѣльцкіе бунты были 15--17 мая.

Москвы у креста по Троицкой дорогѣ мнѣ пришло великое несчастье: упалъ на скоку съ инаходца, который мнѣ данъ съ копышми государевой. Съ которого спадчи, а одна нога въ стремени завязла. И спалила, ажъ пока сама стала, и такъ всю спину ободрала; ажъ тогъ убой мнѣ не пришелъ къ самой смерти. И того году на царство выбрали царя Петра Алексѣевича¹⁾, и потомъ нѣкоторое малое время спустя тогожъ году выбрали на царство брата Іоанна Алексѣевича²⁾. И съ того за малолѣтствомъ ихъ начела въ управленіи государства царевна Софья Алексѣевна³⁾.—Во всѣ тѣ годы великую тягость имѣлъ отъ каменной болѣзни (т. е. отецъ автора записокъ).

Годъ 7-й.

Отъ 1682 года іюля 20 по 1683 годъ іюля 20.

Того году отца князе Ивана Григорьевича не стало въ Смоленску каменною болѣзью. Имѣлъ я у отца большую любовь предъ другими дѣтьми. И на память той милости при концѣ живота благословилъ образъ Спасителя въ нерукотворенного, которымъ его благословилъ также отецъ, а мой дѣдъ. Тогожъ году, по возвращеніи изъ Смоленска съ тѣломъ его, и погребенъ въ Чудовъ монастырѣ. И матица княгиня Марья Петровна съ полгода спустя родила сына, брата князь Ивана Ивановича, которому день тезоименитства его ноября 13 дня, Іонина Златоустого. А по смерти отца нашего zostалися братъ князь Михайло Ивановичъ, и сестра княгиня Марья Ивановна, и я князь Борисъ. И съ того году въ нашемъ томъ сиротствѣ не оставила насъ и домъ нашъ бабка наша княгиня Ульяна Ивановна Одоевска, супруга князь Алексѣя Никитича, сына князь Никиты Ивановича Одоевскаго, а мать нашей матери княгини Федосьи Алексѣевны. Могу объ ней описать, что она жена была великого разума и въ почтеніи отъ всѣхъ.

Тогожъ году пожалованъ я въ снальники къ царю Петру Алексѣевичу, и началъ того году учиться грамотѣ по словенскій.

Годъ 8-й.

Отъ 1684 года іюля 20 по 1685 годъ іюля 20.

1) 27 апрѣля 1682 года.

2) 23 мая 1682 года.

3) 29 мая 1682 года.

Годъ 9-й.*Отъ 1684 года іюля 20 по 1685 годъ іюля 20.*

Того году не стало матихи нашей, а погребена въ Чудовѣ-жъ монастырѣ. А братъ князь Иванъ Ивановичъ въ сиротствѣ томъ остался въ той же оцекѣ бабки княгини Ульяны Ивановны. И того года окончалъ грамотѣ учитца. По смерти своей матиха наша княгиня Марья Петровна оставила духовную, въ которой написала, что деревни ея припадныя всѣ сыну еѣ-жъ, а нашему брату князь Ивану, а ежели сына еѣ не станеть, а нашего брата, тѣ всѣ деревни палѣ брату князю Михайлу Ивановичу, и мяѣ, и сестрѣ княжнѣ Марьѣ. И та духовная засвидѣтельствована.

Годъ 10-й.*Отъ 1685 года іюля 20 по 1686 годъ іюля 20.*

Того году ходилъ у полать своихъ по подвезямъ и съ тѣхъ подвезей уналъ съ самого верху, такъ расшибся, что съ два часа замертво лежалъ, я отъ тѣхъ побой знаѣть имѣлъ, на исподней губѣ шишку.

Годъ 11-й.*Отъ 1687 года іюля 20 по 1688 годъ іюля 20 ¹⁾.*

Того году первой крымской походъ ²⁾; и гетмана переимѣнили Ивана Самойловича ³⁾.

Годъ 12-й.*Отъ 1688 года іюля 20 по 1689 годъ іюля 20.*

Того году другой крымской походъ ⁴⁾.

Годъ 13-й ⁵⁾.

Того году царь Петръ Алексѣевичъ женился на царикѣ Авдотѣ Ѳедоровнѣ, фамиліи Лопухинныхъ.

¹⁾ Ошибка. Пропущены 1686—87 г., соответствующій 11 году жизни автора. Следовательно 1687—88 годъ соответствуетъ 13-му году жизни автора. Эта ошибка исправится нижеслѣдующимъ выставленіемъ 12 года жизни, безъ соответственной хронологической даты.

²⁾ Отъ мая по августъ 1687 г.

³⁾ 22 іюля 1687 года.

⁴⁾ Отъ 18 сентября 1688 г. по іюль 1689 г.

⁵⁾ См. примѣчаніе къ 11 году жизни.

Того году весь нашъ домъ погорѣлъ, той ночи, что было на по-
весеелье и просили всѣхъ кушать. И въ томъ пожарѣ великій убытокъ
былъ. И такъ великъ пожаръ былъ, что нашихъ три двора сгорѣло:
тотъ дворъ, гдѣ мы жили, другой — Сицкой, третей — загородной Сицкой.

Въ томъ году царь Петръ Алексѣевичъ тайно изъ Преображен-
скаго со всѣмъ дворомъ пошелъ къ Троицѣ отъ ребеллюновъ стрель-
цовъ, и былъ тамъ до осени, для того показавъ Шегловитова при-
вели и голову отсѣкли. А царевна Софья Алексѣевна пошла жить въ
дѣвичей монастырь. И того времени имѣли страхъ великій отъ бунтовъ;
я требують большого вѣденія особую книгу.

Годъ 14 й.

Отъ 1689 года июля 20 по 1690 годъ июля 20.

Того году родился царевичъ Алексѣй Петровичъ передъ масломъ
или въ великій постъ²⁾; тезоименитство его Алексѣя челоуѣка
Божія.

Годъ 15 й.

Отъ 1690 года июля 20 по 1691 годъ июля 20.

Того года царевичъ Александръ Петровичъ родился, и жилъ съ
полгода или съ годъ, и не стало.

Того году была потѣха подъ Семеновскимъ. И всѣ тѣ годы
отъ 9 или 10 году и по сей годъ, имѣлъ великое несчастіе: по вся
годы лежалъ огненной лихорадкою многое время такъ, же уже и въ
людяхъ оставалъ въ такомъ словѣ: come quasi matto (какъ дурака).
И непріемнъ былъ отъ всѣхъ, а наипаче всего a unto gran satisfa-
zione di bere, отъ чего получилъ великіе болѣзни, кровь свою испортилъ
и былъ гораздо толетъ. Тогожь году пришла ко мнѣ болѣзнь въ осень
самую — мѣсяца ноября или октября — чечуйная, которую лѣчилъ Евдо-
кимъ полякъ, сажалъ на кадку шаровъ, которая болѣзнь мнѣ была
вельми трудна. — И того года передъ маслинницею зговорилъ я женитца на
дочери Феодора Абрамовича Лопухина. Уже мнѣ была супругою кня-

²⁾ Дворы, такъ называемые Сицкіе, вѣроятно достались фамліи Куракиныхъ
постѣ вымершаго дому князей Сицкихъ.

³⁾ 18 февраля 1686 года, во вторникъ въ недѣлю, предшествующую ма-
сляницѣ.

гня Ксеіа Ѳедоровна. И передъ маслинницею былъ зговоръ публичнѣй, на которомъ зговорѣ всѣ бояре были, и другія персоны, и дарилъ. И вѣздъ былъ осмью савми: первые—братъ князь Михайло Ивановичъ, да изъ Одоевскихъ князь Юрья; другіе—князь Петръ Голицынъ, да князь Дмитрей Голицынъ; третьи—князь Петръ Долго-рукой, да Матвѣй Пушкинъ; пятые—князь Борисъ Голицынъ, да Петръ Салтыковъ; шестые—князь Петръ Прозоровской, да Василей Салтыковъ; седьмые—князь Михайло Яковлевичъ Черкасской, да Одоевской князь Михайло; осьмые—князь Яковъ Никитичъ Одоевской со мною; на которой церемоніи многіе дары были отъ всѣхъ.

И тогожь году сестра моя Марья Ивановна зговорена за Ивана Степановича Салтыкова.

И тогожь году я женился лѣтомъ послѣ Петрова дни, и помнителнѣй—6 іюля, а вѣнчался въ Преображенскомъ.

И того лѣта послѣ Петрова дни его величество пошелъ въ Переславль со всѣмъ дворомъ. И сентября съ Переславля возвратился, и была потѣха подъ Семевосннцнъ. И я былъ въ ту пору въ рейтирахъ въ ротѣ генерала Гордона.

Того году (Іоакима) патриарха не стало, а на его мѣсто поставили Адріана патриарха.

Годъ 16-й.

Отъ 1691 года іюли 20 по 1692 годъ іюли 20.

Того году сестра Марья Ивановна выдана замужъ въ осень за Ивана Степанова сына Салтыкова; а за нею въ приданое дано деревень: Васисно въ кашинскомъ уѣздѣ, Уварова на Коломне, да волсгоцкая—Вогородское, въ Суздаль Носково, въ Володимерь Подмосковная, Афонасково, Жирятно въ Кромахъ, всего будетъ 500 дворовъ, да приданого на 10 тысячъ. И рядная подписана.

Тогожь году въ осень до самого Рождества Христова бабка княгиня Ульяна Ивановна насъ изволила подѣлнть всѣхъ трехъ братьей, и треть Курская съ вотчинами другими досталася брату князь Михайло Ивановичу, а треть Привннова съ вотчинами другими досталася брату князь Ивану Ивановичу, а треть Порзная съ вотчинами другими досталася мнѣ, которая была всѣхъ хуже и бѣднѣе. И такъ было

бѣдно, ажъ хлѣбъ два года и ветчину покупалъ, и иное многое; также и во всея домовныхъ вещей все мнѣ худое съ жеребья доставалось. А дворы московскіе, что большой на Месницкой съ каменными палатами и что на Срѣтенскій называется Сицкой, все тѣ оба по третямъ имѣлъ; обоихъ дворовъ свои трети я продалъ брату князь Михайлу Ивановичу за 3110 рублевъ, и половину двора спознаго загородного, для того что загородной дворъ тотъ намъ обнимъ достался зъ братомъ князь Михайломъ Ивановичемъ, а брату князь Ивану загородной дворъ достался, что называется Сицкой.

И того году послѣ Рождества Христова бабки княгини Ульяны Ивановны не стало, генваря 4 дня въ ночи, и погребена въ Чудовъ монастырѣ. И потомъ жили вмѣстѣ только до великого поста. И я переѣхалъ въ Китай жить на дворъ свой, который мнѣ пожаловала бабка княгиня Ульяна Ивановна; а переѣхалъ на 1-й недѣлѣ и жить на Вологодскомъ подворьѣ, для того что полаты были не здѣланы. И въ то время жена моя была болна, княгиня Ксенья Федоровна, и лечилъ въ тотъ великой постъ думный дьякъ Митрофанъ Тугариновъ, и сажалъ въ шары, и никакой получила себѣ свободу. И на свѣтлое воскресенье на новоселье въ полаты свое жить, и съ того времени начелъ своимъ домою жить, а братъ князь Михайло Ивановичъ и братъ князь Иванъ остались жить въ домохъ своихъ, на старомъ дворѣ. и въ управленіи братня дому князь Ивана почалъ управлять князь Петръ Ивановичъ Прозоровской.

Годъ 17-й.

Отъ 1692 года іюля 20 по 1693 годъ іюля 20.

Того году потѣха была подѣ Семеновскимъ послѣдняя.

И тогожь году царицы Наталіи Кириловны не стало въ генварѣ мѣсяцѣ.

И на весну того года его величество былъ у города Архангелскаго-вдурогоретъ; а прежде того при матери одинъ разъ былъ. А я въ ту пору былъ въ градусѣ со спальниками, а не съ начальными людьми.

Годъ 18-й.

Отъ 1693 годъ іюля 20 по 1694 годъ іюля 20.

Того году 202 подѣ Кожуховымъ была, пришедъ отъ города. потѣха, гдѣ были взяты и спальники въ ту потѣху комнаты царя Ивана Алексѣевича первой разъ.

И той зны объявлена публично война съ туркомъ; я здѣлялись итти водою на весну. И апрѣля послѣ святой недѣли пошли водою, Московоу рѣкою, и Окою, и Волгою, ажъ до самого Царицына. И въ тотъ походъ я пошелъ въ Семеновскою полку въ первой ротѣ прапорщикамъ, а написанъ прежде того толко за два мѣсяца.

И того году, бывъ подѣ Азовымъ, въ командѣ трехъ генераловъ Лефорта, Гордона, Артамона Головина, да князь Борисъ Алексѣевичъ съ низовою конницею, да съ атамани Фролъ Минаевъ съ козаками, и всего было до 30 тысячъ, и стояли по октябрь первое число, и съ того числа отставили, и не взяли.

Въ которомъ походѣ великое было несчастье на всѣхъ людей отъ турковъ вылазками на шанцы, и всѣхъ побивали, а также болѣзнями, а по отходѣ, какъ степью шли, отъ великой стужи многіе помирали. А мнѣ особливо было несчастье: мѣсяца іюля, или иного, не упомию, турки вышли на вылазку въ самые полдни на генеральство Гордонова стрѣльцевъ, гдѣ работа, было всѣхъ ихъ 4,000, и всѣ шанцы генерала Гордона вырубили и ажъ до самого обозу, и артиллерию тягостную заклепали, а 9 пушекъ полковыхъ повезли въ городъ. И на выручку того посланы были полки отъ генерала Головина стрѣльцкіе, въ томъ же числѣ и нашего Семеновского половина полку; въ которыхъ ротахъ и я знаменемъ бѣлымъ былъ отъ 1-й роты своего regimentу, на которой вылазкѣ въ бою, ажъ до самого вечера, то у мене въ рукахъ знамя пробилы зъ города два разы изъ пушки, и мнѣ кафтанъ подѣ лѣвую пазуху прострѣлили и рубашку, только что мало тѣла не захватило. И на той вылазкѣ Семеновской полкъ первое слово зажили, что добрые саадаты.

А въ томъ-же походѣ тогожь полку братъ князь Михайло Ивановичъ былъ въ 5 ротѣ поручикомъ. И какъ поѣхалъ къ Москвѣ, и на дорогѣ на Сѣверскомъ Донцу брата князь Михайла Ивановича не стало, октября 23 въ ночи съ вечера. И съ тѣломъ его оставленъ былъ Антонъ Бологовъ до зимнего пути; и въ ноябрѣ привезли къ Москвѣ; и погребень у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ. А послѣ его осталась супруга книгиня Мавра Дмитріевна, да сынъ князь Василій, да двѣ дочери — княжна Марья, да княжна Прасковья.

И какъ прїѣхали, перешедъ степь, на Валуйки, и отѣхалъ отъ Валукъ верстъ съ 15, припала мнѣ горячка вельми зла; и до Старого Оскола довели больново, и тутъ лежалъ. И по трехъ дняхъ метали кровь изъ правой руки, ничинъ же получилъ способу и отчаянъ быть къ смерти. Только въ 7-й день въ самомъ безпамятствѣ людязъ своимъ велѣлъ принести воды самой холодной со льдомъ умать, а самъ легъ на постелю и велѣлъ себя поливать въ такомъ самомъ жару, ажъ показавъ пріишло въ безпамятство и заснулъ; и заснувъ пробудился отъ великого холоду, и озябъ; и потомъ велѣлъ себя положить къ печи и окутать, и пришелъ въ великой потъ, и спалъ чуть не цѣлне сутки. И по томъ сну пробудясь, пришелъ въ великую тощету и слабость; а жару и ознобу или какъ лихорадки и огневой больше не слышалъ въ себѣ, только въ великой слабости былъ, такъ что не могъ ходить дни съ четыре; и потомъ имѣлъ великій опетить до яденья. И по осени къ Николнну дни прїѣхалъ въ дождь свой.

И въ прошедшемъ 203 году то все было, возвращеніе изъ подъ Азова съ 1 числа.

Того году почали брать подводы со всего государства для повозокъ съ Москвы полковъ и артиллеріи и другихъ рѣчей.

Годъ 19-й.

Отъ 1694 года іюля 20 по 1695 года іюля 20.

Того года въ зимѣ генваря царя Іоанна Алексѣевича не стало.

Той же зимы родилась дочь княжна Татьяна Борисовна, генваря первого часа, а тезоименитство генваря 12.

И ту зиму жили до самого марта, а въ мартѣ пошли на Воронежъ съ полками подъ командою всѣхъ генерала Алексѣя Шенна. И съ Воронежа послѣ святой недѣли пошли водою подъ Азовъ рѣкою Доломъ стругами. И въ тотъ походъ другой Азовской былъ въ поручикахъ у 1-й роты въ командѣ полковника Чамберса. И потомъ стояли и взяли Азовъ іюля мѣсяца на окортъ, а турокъ всѣхъ выпустили. И потомъ взявъ наши полки, отпустили ввѣрхъ Дономъ до Донецкого; и шли лодками и стругами 6 недѣль.

И того лѣта домъ мой весь погорѣлъ въ мѣсяцѣ маѣ или іюнкѣ.

И племянника моего князь Василья не стало апрѣля мѣсяца.

Годъ 20-й.

Отъ 1695 года іюля 20 по 1696 годъ іюля 20.

Того года взявъ Азовъ, принесть въ подь Азова, октябри первыхъ чиселъ, шлѣ строемъ въ триумфальныя ворота на Каменной мостъ. И въ томъ строю въ Сехеповскомъ полку везли изыбника Яшку на телегѣ роскошна, и кругомъ его стояли палачи, который изыбникъ подь Азовомъ въ первой походѣ и учинилъ вылазку большую, о которой выше описалъ, противъ Гордона. А былъ пароду галадекого, а служилъ въ бомбардирахъ. А передъ тою телегою шлѣ за поручиковъ мы, князь Михайло Голыцынъ да я; а позади насъ приставомъ у того изыбника Василій Соковнинъ, у котораго отъ всѣхъ тѣхъ замковъ ключи были. А господинъ Шениъ ѡхаль, убравшись со всѣми дворянъ верхомъ, и знамена волокли предъ нимъ всѣ швецкіе (турецкія?).

И той осени въ приходѣ изъ подь Азова получилъ я себѣ великую болѣзнь, мѣсяца ноября имѣлъ гипохондрію и меланхолю. Такъ былъ въ домѣ своемъ, что николи радощенъ оставалъ и всегда плакалъ, а причины той ни мало не зналъ, для чего такъ. Также и въ затылкѣ самомъ мозгъ мнѣ тѣснило, и великую мнѣ во всемъ слабость и тощету придавало; такъ было, что чуть живъ ходилъ и до ѡдетити ни мало не имѣлъ. И того ноября дохтуръ Канбоарій началъ лѣчить и ни мало пользы учинилъ, которой металъ руду изъ лѣвой руки отъ мизинца самаго изъ жилы. И послѣ Рождества Христова дайначе припала мнѣ болѣзнь и тѣснила голову и такъ мозгъ слышко было, какъ бы всего сжато было. И отъ Лаврентія я свободы не получилъ.

И генваря мѣсяца обѣ комнаты снальники выбраны на двѣ партіи: одна въ Голландію, а другая въ Италію, сказано ѡхать для наукъ навигаціонныхъ; въ тѣхъ же и мнѣ. И ту зиму збиралсь. И такъ я оставалъ въ болѣзни своей той ажъ по самній февраль. И февраля начель лечить Спиридонъ грекъ, отъ котораго въ квасу привилъ кислые капли трижды, и отъ той меланхоліи получилъ свободу, такъ что къ тому уже не помянулося. А отъ чахотной болѣзни ниже что получилъ, и съ тѣмъ поѡхаль въ Италію, о которомъ пользованіи тамъ покажу ниже.

Того года въ ребеліи Соковнина, Цяклера, Пушкина казнили, которые умыляли бунтъ.

И марта мѣсяца въ первыхъ числахъ поѣхали въ Италію, а путь свой иѣли на Смоленскъ и Литвою, на Могилевъ, на Минскъ, на Варшаву, на Ченстоховъ, на Слезію и на Муравію, на Ульмиацъ, на Вѣну, столицу цесарскую и чрезъ горы въ Венецію. А подъемъ того мнѣ сталъ 1500 червонныхъ, а червонкой кушилъ по 40 алт. и съ алтыномъ и съ полугривною; и такъ кладу на деньги 1900 рублевъ. А проѣзду нашего до Венеціи было мартъ, апрѣль, май и въ іюнѣ пріѣхали.

Годъ 21-й.

Отъ 1696 года іюля 20 по 1697 годъ іюля 20.

И того мѣсяца та мнѣ припала лихорадка, которуя тримала больше шести недѣль, и потомъ свободилея отъ дохтора Александра грека, который живетъ въ Венеціи.

И въ ту бытность мою въ Венеціи по отъѣздѣ моемъ родился сынъ князь Александръ мѣсяца іюля 31 день, а тезоименитство его августа 30 день.

И сентября въ послѣднихъ числахъ поѣхали на кораблѣ по морю, и были въ Далмаціи и доѣхали до Рагужи. Изъ Рагужи въ флягѣ поѣхали чрезъ голфу Венецкую въ Баръ градъ, гдѣ мощи чудотворца Николая, и иѣли въ томъ проѣздѣ великой страхъ, и такъ были въ страхѣ, ажъ не потонули. И за противностію вѣтровъ, отъѣхавъ отъ Рагужи съ 30 верстъ, стояли 12 дней и такъ пришли до такой трудности, что чуть было что стало ѣсть. И бывъ въ Барѣ у чудотворцолыхъ мощей, потомъ были въ Неаполю и въ Римѣ и возвратились въ Венецію, жили до другаго лѣта. И на лѣто опять были на морѣ. И возвратясь во осень мѣсяца октября изъ Венеціи, поѣхали къ Москвѣ чрезъ Вѣну и на Краковъ, а съ Кракова на Киевъ, и въ Киевѣ сподобились видѣть мощи чудотворцевъ печерскихъ.

И въ бытность свою тамъ учился наукъ математическихъ, и выучился арифметики, геометры, теорики 5 книгъ Евклидеса, геометры практики, тригонометры пляны, астрономіи часть да навигаки, навигаки механики, фортификаціи оффенсивы и дефенсивы. И въ свидѣтельство всѣхъ тѣхъ моихъ наукъ отъ мастера и за Венецкого князя рукою сви-

дѣтельствовавшей лести (получилъ). И также нѣкоторую часть въ разговорѣ и читать и писать итальянскаго языка научася доволенъ.

И то все прешедшее было, и возвратились снхъ годовъ¹⁾.

Того году табакъ велено публично продавать и отдать на откупъ Мартину Орлонку, отставному стрѣльцу, который уже былъ въ посадскихъ, и потомъ нѣкоторое время былъ и сосланъ въ ссылку въ Азовъ. А тотъ табакъ былъ отданъ английской компаніи на годъ за 80,000 рублей.

Того году на Воронежѣ зачели строить корабли и флотъ морской завелся, которая команда была вручена окольничему Александру Протасьеву, а послѣ Ѳеодору Алексѣевичу, которые назывались адмиралтейцы; и сначала вдругъ завели съ 40 кораблей, и сдѣлали нѣсколько галеръ, также и нѣсколько судовъ малыхъ, которые потребны для провіанту.

Тогожъ году начались отъ людей боярскихъ и отъ другихъ многіе доводы, и многіе стали сказывать за собою государево слово, которые дѣла были вѣдомы подъ судомъ его милости князь Ѳеодора Юрьевича Ромодановскаго.

Годъ 22-й.

Отъ 1697 года іюля 20 по 1698 годъ іюля 20.

И потомъ 206 г. февраля мѣсяца возвратились, рожденія моего 22 г.

И по пріѣздѣ моемъ къ Москвѣ на 3-й день жсны моей княгини Ксєніи Ѳеодоровны не стало. А болѣзнь ея скорбидина и примала салеваціою и не поднела натура, и такъ мокротою пришла въ горло и задавила. И погребена въ Чудояѣ монастырѣ. И потомъ жилъ на Москвѣ только четыре недѣли и поѣхалъ на Воронежъ для свидѣтельства своихъ наукъ.

И того году его величество поворотился изъ Вѣны за бунтовщиками стрѣльцами, которые хотѣли, пришедъ къ Москвѣ, всѣхъ вырубить. И той осени кругомъ Москвы перевѣшали болѣе 2000 человекъ.

¹⁾ Вѣроятно ко времени пребыванія князя Бориса въ Италиі относятся письмо доктора медицины падуанской академіи Калафатія грека о комплексіи князя Бориса и о потребной для него діетѣ. Письмо это приложено особо въ русскожъ переводѣ и начинается такъ: *Пречестнѣйшему мужу, бывшу 22-хъ лѣтъ и содержащу сложеніе до всею жаркое и мокрое, обаче съ преизобиліемъ жару и проч.*

И прїѣхавъ на Воронежъ свидѣтельствуемъ въ наукахъ навѣщныхъ, и при томъ свидѣтельствѣ нѣкоторое счастье себѣ видѣлъ отъ его величества и отъ всѣхъ, и не такъ сталъ быть приеменъ, какъ прежде того, о чемъ выше являл. И отъ нѣкоторыхъ стало происходить слово о мнѣ доброе и не причитаючи свиаконом или невоздержнымъ, но ко всѣмъ благимъ. И съ Воронежа всѣхъ по свидѣтельству отпустили, а мнѣ и Василью Толочанову велѣно ѣхать подъ Азовъ, въ керченской походѣ.

Того-жъ году сдѣлана ближняя канцелярія подъ судомъ думного дворянина Никиты Зотова. То умно и похвально; отъ всякихъ дѣлъ, что со всѣхъ приказовъ по вся недѣли вѣдомость, что, гдѣ, чево въ приходѣ денегъ и прочего, также и въ расходѣ, и кому что должно на что расходъ держать; и всего государства весь расходъ съ оклады и приходы, и всѣ расходы съ оклады и безъ окладовъ.

Того году началась въ нашемъ государствѣ кавалерія св. Андрея; и первая дана Федору Головнину, другому гетману Мазенѣ.

Тогожъ году состоялся указъ носить платье венгерское, и потомъ спустя съ полгода состоялся указъ носить всѣмъ платье мужское и женское немецкое. И для того были выбраны по воротамъ цѣловальники, чтобъ смотрѣть того, и съ противниковъ указу брали пошляну деньгами, также рѣзали и драли. Однакожь чрезъ три года насилу устались.

Годъ 23-й.

Отъ 1698 года іюля 20 по 1699 годъ іюля 20.

Изъ подъ Азова ходили со всѣми судами на Таганрогъ, и съ Таганрога ходили моремъ въ Керчь, для провожанія нашего посла Украинцова, которой былъ въ Царѣградѣ. А то мѣсто Керчь въ самомъ въ Крыму. И потомъ возвратясь подъ осень, пришли къ Москвѣ октября мѣсяца. А въ томъ морскомъ походѣ былъ я за валецера на галерѣ Шгутбейнагга (Штаубеназа?).

И того лѣта безъ меня домъ мой погорѣлъ; а дѣти были больны оспою и корью чуть не къ самой смерти. И въ октябрѣ возвратясь, и того года зимою предъ маслинницею брата князь Ивана князь Петръ

Прозоровской безъ меня сговорилъ его на дочеря у Тихона Никитича Стрѣшнева. И того лѣта послѣ святой недѣли женился.

Тогожь году ¹⁾ былъ пожаръ на Москвѣ великой, какъ шли послы шведскіе, такъ что весь Китай выгорѣлъ и другіе мѣста въ Губломъ городѣ по Неглинну, и въ Кремль весь домъ государевъ погорѣлъ; и на другой день и колокольня большая, и большой колоколъ подгорѣлъ и упалъ, и расколося, также и Успенской разбился, и другіе колокола попадали, такъ что нибколи такового пожара слышать. И всю святость изъ собору принципальные вынесли вояъ. И такъ было, что земля горѣла. А изъ собору несли все то пѣвкомъ архіерей, и архимандриты, и священники, а посохъ Петра митрополита неся Тихонъ Стрѣшневъ въ Никитской монастырь. И казенный дворецъ весь погорѣлъ, и письма всѣ сгорѣли старинныя; только тѣ остались, которые были въ ящичкахъ у подъячихъ. А другіе приказы всѣ цѣлы.

Того году флотъ морской выступилъ на море Азовское, и ходили подъ Керчь, откуда однею кораблемъ посоль Украинцовъ въ Царьгородъ. И тотъ корабль на другое лѣто возвратился въ Азовъ, а посоль сухимъ путемъ пришелъ. А на томъ кораблѣ былъ капитаномъ Петръ Бамбурхъ, голандецъ.

Того году начались прибыли. Первая выдана человѣкомъ боярскимъ Бориса Шереметева Алексѣемъ Курбатовымъ, которой нынѣ въ дьякахъ и регентомъ въ бурмизской полатѣ или въ ратушѣ, а прежде того сидѣлъ въ Оружейной полатѣ, которой вымыслилъ на Ивановской площади продавать бумагу за ровнѣя величествомъ гербами, и вслѣдствіе приказныя письма между челобитчиковъ и вѣрности писать, какъ о томъ показано въ указѣ. И съ того збору збиралося по всемъ государствѣ съ той бумаги тысячь по 300. И съ того чела почели умножатца прибыли.

И того году въ Москвѣ ночью ворота стали запирацца въ часъ ночи, а отпирацца за часъ до зѣту, также и въ набатъ бить всегда непремѣнно за часъ до зѣту, а съ вечера въ часъ ночи, а не такъ, какъ прежде обычай былъ въ малыя ночи въ часъ ночи, а въ большія въ два часа ночи. А будетъ кто въ ночи похочеть пройти, съ человѣка, съ лошади — по попѣйкѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ 19 іюня.

ЗАПОРОЖСКАЯ РЕЛЯЦІЯ О ПОВѢДѢ НАДѢ ТУРЕЦКИМЪ ФЛОТОМЪ ВЪ ДНѢПРОВСКИХЪ ГИРЛАХЪ ¹⁾.

Въ Коизѣ.

Репортъ отъ войскового старшины Стегайла, которой на нилу Днѣпра съ командою.

Сего теченія 7 д., по посланному къ величости вашей отъ мене съ Камянки репорту, начали по учрежденіямъ, какъ въ ономъ репортѣ значится, станамъ распредѣляться, и оставивъ съ командою господина полковника уманского Малагу въ Камянке, я-жь съ Давыдомъ Логвиновымъ и Тимомею Сукуремъ полковникомъ при нашихъ командахъ вмѣстѣ внизъ Днѣпра отпустились, гдѣ было надлежало намъ расположиться, и не доездя Коняирской плавль, противу широкой плавль, заночевали. Рако-жь, по утру, 8 числа, попали намъ встрѣчь непріятель на двадцаты кораблехъ, пришедшихъ съ Цариграда до Очакова,

¹⁾ Польщаемая реляція относится къ началу первой войны нашей съ Турціею въ царствованію Екатерины II и, кромѣ неизвѣстнаго отдѣльнаго факта, представляетъ любопытный образчикъ запорожскаго военнаго слога. Запорожье всего менѣе страдало канцеляризмомъ; тамъ не любили бумаго-маранья, а только дѣлю. Въ періодъ самостоятельныхъ своихъ дѣйствій запорожцы не огчитывались писменно предъ своимъ начальствомъ и лишь въ крайнихъ случаяхъ давала вѣсть черезъ нарочитыхъ гонцевъ, но теперь они дѣйствовали въ составѣ и по общему плану русской арміи и должны были подчиняться ея порядкамъ. Настоящее донесеніе просто, кратко и вмѣстѣ обстоятельно, а самый фактъ донесеніа ясно говоритъ, что духъ военной отваги не оставлялъ запорожцевъ и въ послѣдніе годы ихъ существованія. — Реляція заимствуется изъ собранія бумагъ А. М. Лазаревскаго. Копія списана кѣмъ-либо изъ слѣдующихъ тогда за ходомъ войны и носитъ на себѣ всѣ признаки документа того времени.

а оттуда слѣдовавшихъ прямо къ Сѣчи, якобы для взятія языка, гдѣ имъ не вступило учиня въ слѣдованію препятствіе; крепкою пушечною баталією и зъ дробного ружья съ нами сразился; и въ оной баталіи, очень дивною всемогущаго Творца провиденцією, укрѣпившаго насъ Божественнымъ своимъ милосердіемъ въ отважной воинской храбрости и счастіемъ нашей всавгустѣйшей монархинѣ и вашей величости, турецкихъ три корабль и очаковской тамбаръ въ негодность разбили: турковъ же имѣвшихся въ оныхъ до двухъ-сотъ смерти предали, а протчихъ водою вытопыли и четыре знамя и черначъ турецкіе, съ протчою корыстю, взяли; въ оныхъ же судахъ турецкихъ пушекъ медныхъ до нѣскольکو въ водѣ и со всѣхъ запасомъ при баталіи затопили, и хотя было надлежало оныя пушки по возможности при всемъ забрать, однако за частую и великою непріятельскою пушечною, зъ состоящихъ по близу насъ и протчихъ турецкихъ кораблей, цалбою, намъ же оскудѣвшимъ въ запасѣ порохомъ и пуляхъ, такъ что уже пришло было нечимъ и себя защищать во водѣ, затопленіе оставили, самьяхъ, взявъ десять турчиновъ въ полонъ, яко болше грозило намъ пѣвующеся близъ Очакова непріятельское вскорѣ нападеніе землею и водою, по показанію взятого нами турецкого языка (которое пѣветъ следовать) для разоренія Сѣчи, за неименіемъ для обороны и пораженія врага разнаго запаса, отъ широкой баталіи ближе къ своимъ мѣстамъ одержать побѣду надъ врагомъ возвратился, и находимся со всѣхъ войскомъ въ Косеницкой плавлѣ, откудова величости вашей турецкого языка десять человекъ, съ турецкими привилегіями, отсылаю; насъ же порохомъ и пулювымъ запасомъ, такожъ и гарматы чаунше зъ станками, безъ которыхъ крайне обойтися не можемъ, ктому жъ еще и прибавленіемъ войска снабдѣть прошу. При сраженіи жъ непріятельскомъ козаковъ нашихъ убито не болше, какъ 11 человекъ, раненыхъ же сколько пѣвется, при семъ представляется.

1769 году іюня 12 д. съ плѣнныхъ командою запорожского войска на низу реки Днѣпра на судахъ турковъ, единъ турчинъ Утайцелго-Усейлъ показать: онъ Усейлъ прибылъ съ протчимъ турецкимъ войскомъ подѣ командою еераскера-султана на ету малыхъ и великихъ судахъ да два галіота, на конхъ по 60 пушекъ. въ Очаковъ, и ее

будетъ назадъ третой мѣсяцъ, какъ на судахъ, четыреѣ затопили-жъ такіе, коихъ всехъ было двадцать, войскажъ турецкіе командированни сераскерь-султаномъ Исмаиломъ отъ Очакова въ Днѣпровіе гирла подъ командою капитана Кизиха для поимки отъ стороны войска запорожского языка, съ темъ, чтобы если они могли того языка подхватить, то прямо-жъ съ приготовленнымъ при Очаковѣ на такихъ же сту судахъ войскожъ итти Днѣпромъ прамомъ къ Сѣчи и учинить нападеніе на запорожскую Сѣчь; и уже для того пришедшіе до Днѣпра татары тысячъ до двухъ конніе на сю сторону хотѣли перевезтись, но перевезлися ли, или нѣтъ, не знаетъ, а между тѣмъ до самихъ Днѣпровыхъ гирлъ чрезъ лиманъ оиъ Сераскерь самъ ихъ перепроваживалъ и знай-довался при нихъ до тѣхъ поръ, покуда сошлись съ запорожскою командою, а какъ у прошедшій понедѣльничъ запорожская команда на идущіе впереди Днѣпромъ суда напала и произвела на ихъ съ ружья и пушечную пальбу и затопила ихъ четыре суда, то оиъ Сераскерь, увидя свой невозможъ, тотъ-часъ приказалъ вѣзмъ судамъ, которыхъ еще запорожская команда не захватила, возвратится въ Очаковъ, а самъ сморопостижно, страшася упреди произшедшей надъ ними победы, побежалъ въ Очаковъ одною санджалкою, и такъ оиѣ при четырехъ судахъ на ибѣтѣ томъ запорожскою командою разбиты и у половъ взяты, а прочіе вытоплены и вырѣзаны, гдѣ и капитана, что называется Кизихъ, зарезано; на коихъ судахъ было по 50 и по 60 человекъ войска и по две пушки съ запасомъ. У въ Очаковѣ, кромѣ сихъ ста судовъ, да двухъ галіотовъ, которые пристать до Очакова по болюшій своей не могутъ и стоять на морѣ, войска еще иѣхоти до десяти тысячей, да на караулѣ у башнѣ только 300 человекъ арнаутъ-конницъ. Войско анадолское ниже Очакова на Жабинскую пристань перевозится многочисленное, которое маршировать будетъ къ Хотину въ состоящемъ противъ Очакова городѣ; отъ крымской стороны на морѣ иѣхоти турецкой 6 полковъ.

Предложеніе гетмана Мазепы кіевскому войту и магистрату 1703 года.

(О не утѣшеніи причта и прихожанъ успенской церкви г. Кіева).

Настоящее предложеніе малороссійскаго гетмана Ивана Степановича Мазепы кіевскому магистрату принадлежитъ въ числу тѣхъ немногихъ уцѣлѣвшихъ документовъ прежняго времени, которые показываютъ отношенія главнаго правителя Малороссіи въ такому общественному учрежденію, которое грамотами польскихъ королей и великихъ князей литовскихъ, подтвержденными потомъ грамотами царскими, въ силу такъ называемаго магдебургскаго права, поставлено было внѣ всякаго контроля какой-бы то ни было власти и въ эпоху польскаго господства изъято было изъ вѣдѣнія воеводъ и старостъ и даже королевскихъ комиссаровъ. Но главный интересъ предложенія не въ этомъ: оно рисуетъ намъ немногими, но весьма крупными чертами положеніе одной церкви и прихода въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. и отношеніе къ нимъ городского самоуправленія, точнѣе злоупотребленія и самоуправство кіевскаго того времени войта, имени котораго къ сожалѣнію назвать не можемъ. Картина крайне неприглядная, особливо для того набожнаго времени!

Церковь Успенія пр. Богородицы на Подолѣ, въ рынкѣ, это та самая, которую сто лѣтъ предъ тѣмъ кіевскіе мѣщане, угнетаемые также войтомъ, тлнувшимъ въ сторону Польши, съ такимъ тщаніемъ и поснѣшностію возстановили изъ развалинъ, отдѣлали съ подобающимъ благолѣпіемъ и превратили въ соборъ градской въ замѣнъ отнятаго тогда униатами собора св. Софій¹⁾. Теперь не преслѣдуютъ православіа католики и униаты, но соборная церковь безъ оконъ, двери ея повреждены, птицы влетаютъ въ отверстія и нарушаютъ благоговѣйный покой молящихся, мѣшаютъ священнодѣйствию. Погостъ церковный, гдѣ кладбище, стиснутъ со всѣхъ сторонъ лавками, и негдѣ уже хоронить мертвыхъ; но три и четыре гроба одинъ надъ другимъ ставятъ въ одной мѣстѣ, а иныхъ умершихъ тѣла ны выгребаютъ в босни ихъ разносить.

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1882 г., январь, стр. 413—417.

Старосты церковные не блюдутъ интересовъ церкви, не заботятся о ней, не даютъ ничего на ся починки, украшенія, по удерживаютъ ея доходы, распоряжаются ими самопроизвольно, безъ вѣдома и согласія причта, церковныя деньги хранить не въ церкви, а у себя на дому и употребляютъ ихъ на собственныя нужды и торговые обороты. А поступають такъ старосты потому, что они не выборные отъ прихода, а поставлены отъ магистрата и злоупотребляютъ, находя въ немъ защиту и поддержку. Церковь, какъ мы знаемъ, соборъ городской и кромѣ прихода пользуется по давнимъ постановленіямъ содержаніемъ изъ городской кассы: при ней настоятель, два викарія и діакопъ, и имъ слѣдуетъ отъ города по сту таларей въ годъ и сукно на одежду, а прислуживаема церковнымъ особое вознагражденіе для поддержанія между прочимъ хорошаго пѣнія; но войтъ и магистратъ ничего священникамъ и діакопу не даютъ, а старосты обсчитываютъ причетниковъ и пѣвцовъ, и церковь остается «изъ сѣнаніи студна». Много набожныхъ прихожанъ, видя такое запустѣніе церкви, желали для поддержанія въ ней порядка и благолѣпія учредить при ней по повсюднему въ то время обычаю *братство* и испросили на это благословеніе митрополита, но войтъ и магистратъ такому добродушному намѣренію ихъ воспрпятствовали и учрежденія братства не допустили, грозя начинателямъ этого дѣла заключеніемъ въ тюрьму и утратою имущества. Настоятель собора протоіерей Григорій Софоновичъ тщетно домогался слѣдуемаго церкви и причту; у него самого отняты грунтъ на предмѣстьи Преваркѣ, который онъ получилъ за свою службу при магистратѣ, и мѣсто для лавки въ рынкѣ; въ замѣнъ ихъ онъ домогался отвода ему близъ церкви мѣста для постройки дома, за арендную плату, но и въ этомъ ему отказано. Видно, что войтъ и магистратъ не уважили требованій самаго митрополита, если этотъ послѣдній не только согласился на принесеніе Софоновичемъ жалобы гетману, но при отиракѣ Софоновича въ Батуринѣ снабдилъ его ходатайственнымъ къ гетману письмомъ. Гетманъ не приказываетъ «строго», какъ въ другихъ случаяхъ, а только предлагаетъ войту и магистрату удовлетворить Софоновича по всѣмъ пунктамъ его жалобы, и не только не грозитъ имъ какими либо карами за неисполненіе его гетманской воли, но желаетъ имъ «добраго здоровья и щастливаго поведенія». Таковы на этотъ случай отношенія гетмана къ полновластному и независимому кievскому магистрату! Но злоупотребленія этого послѣдняго слишкомъ очевидны и мягкой тонъ гетманскаго распорядженія, помимо установленныхъ между ними закономъ и обычаемъ отношеній, можно объяснять частью свойственною Мазепѣ искусною политикою, частью, быть можетъ, недостаточнымъ довѣріемъ къ жалобѣ Софоновича: послѣдній

самъ до принятія священства служилъ въ магистратѣ и, быть можетъ, многія изъ выставленныхъ имъ «долегливостей и обидъ» были послѣдствіемъ личныхъ его столкновеній и счетовъ съ членами магистрата.

Въ приводимомъ документѣ, кромѣ мелкихъ бытовыхъ чертъ, особое вниманіе обращаютъ еще стройность изложенія, правильность и относительная чистота рѣчи и орфографіи.

Мой ласкавый пане войте кіевскій зо всѣмъ майстратомъ тамошнимъ!

Прибывши тутъ до насъ зъ икстаціональныхъ отъ ясне въ Богу пресвищенного его милости отца архієпископа митрополиты кіевского, пана и настыра нашего, листомъ за собою писаннымъ, пречестный отецъ Григорій Сафоновичъ, протопопа Острицкій, подаль намъ сумлику въ разныхъ церковныхъ и своихъ долегливостяхъ и обидахъ, а именно въ тыхъ: ижъ ктитори не такъ, якъ по иншихъ нарохіяхъ, за вѣдомомъ и согласіемъ священническимъ, лечъ безъ согласія и вѣдоми его отца Сафоновича до церкви свято-успенской рынокой кіевской, въ ратушу по власной вашей милости волѣ и хотешію избираются и настановляются, которыи скринку зъ приходами розными церковными не въ церкви и не за ключемъ священническимъ, лечъ приватне въ дому, любъ на крамницѣ держать и оными якъ хотять по своей воли, безъ соизволенія настоящего свещеника дясповають, жадного не сиравляючи до церкви божественной украшенія; ижъ цмиитаръ церковный такъ далеце коморами стиснули, же згола за великою тѣснотою цмиитарною не маинь где и мертвыхъ погрѣбати, поневажъ въ одну яму по три и по чотыри трунны вмѣщаютъ, а инные жертвы тѣла пси выгребаютъ, ижъ глыбоко копати за трунами отнюдь не возможно, и любо просилъ онъ у вашихъ милостей калекротне о отведеи мѣсца на страннопогребельницю, еднакъ прошенію своему не получилъ отъ вашихъ милостей skutecznego совершенства; ижъ юргельтъ дорочный по сто талярей и сукно на одежду, по давныхъ установахъ для повседневного литургисанія, а ни зъ ратуша отъ вашихъ милостей, а ни зъ приходовъ церковныхъ не доходить ему отцу Сафоновичу зъ двома викаріями и третимъ діакономъ со служащими. Ижъ за нераденіемъ и осалымъ недозоромъ непослушныхъ и несогласныхъ ктиторовъ, зъ ратуша установленныхъ, такъ далеце отъ церкви итаство докучаетъ, же зъ великою трудностю

божественная литургія отправується, а то за неаправом оконъ и дверей церковныхъ дѣется. Ижъ многіи побожныи люде желали себѣ за благословеніемъ ясне въ Богу пресвященнаго его милости отца архієпископа митрополита кіевскаго, ку болшому хвалы Божой умноженію, при той святоуспенской церквѣ братство уфундувать, а ваша милость зъ майстратовыми особами тому доброму намѣренію перешкодилесь и исполнить оного не допустилесь, сграшачи тыхъ людей визенемъ и утратою худобы. Ижъ ктитори въ юргелтѣ слугъ церковныхъ кривдять, для чою завше церковь божественная въ сгѣвави вскудна. Ижъ за салѣтру на церковь туюжъ святоуспенскую отъ его отца Софоновича, еще въ свѣцкомъ станѣ застающаго, офѣрованую, не хочеть ваша милость ани грошей, а ни самой салѣтры выдавати, либо окъ за сонзволеніемъ самого вашей милости и всего майстрату, будучи рочнымъ господаремъ, тую салѣтру церкви Божой общать. Ижъ либо ваша милость за значные его отца Софоновича свѣцкіе услуги отвели были ему кгруппѣ до пахана и мѣстце для комори въ ринку, еднакъ куды онъ званіемъ Божиимъ zostалъ священникомъ, теда ваша милость оного отъ того заслуженного и отъ вашихъ милостей паданого кгруппу на Преварцѣ и мѣстца на комору отдалили, на которые кгруппа ложилъ онъ своихъ грошей на млюдесять золотыхъ. Въ якихъ то своихъ и церковныхъ кривдахъ просялъ себѣ тотъ же отецъ Софоновичъ гетманского заступленія. За чымъ мы, поважачи высоце поважную ясне въ Богу пресвященнаго архієпископа нашою встанцію, а до того видячи лвные ему отцу Софоновичу и церквѣ его дѣлаючіеся долегливости, рейментарско по вашихъ милостехъ жадаемъ и пилно приказуемъ, абысте ваша милость въ обираиу и поставовленію ктиторовъ не чинили ему насилія, якожъ абы не въ ратушу, лечь на мѣстцу обыкломъ, такъ якъ по нашихъ парохіахъ, за согласіемъ его отца Софоновича избирано, которіи бы скринку зъ приходами церковными не по домахъ, а ни по коморахъ своихъ, лечь въ церквѣ за единымъ ключемъ своимъ, а другимъ священническимъ держали и грошми церковными безъ вѣдома его отца Софоновича не диспозовали, абысте ваша милость на сгравиопогрѣбательницю для епасенія своек-жъ души иудли порядку мѣского мѣстце где способное отвели. жебы за таковымъ вашмостивнымъ нераденіемъ мертвыхъ тѣлъ пси не пожирали зъ значною Божою образою; абысте вашмостивныхъ юргелтовыхъ доходъ его таларей и сукно на одежду ему отцу Софоновичу и сослужащимъ ему викаріямъ и діякону, по давныхъ

установяхъ, на рокъ зъ ратуша, любъ зъ доходовъ церковныхъ давали; абысте вашюсть приказали и пригрозили ктиторямъ, отъ вашихъ милостей установленымъ, двери и окна церковныи понаправляти, жебы чрезъ тое входу птаство до церкви не имѣло и перешкоды до церковного набоженства не было; абысте вашюсть, Богу и архипастыреви своему противными не будучи, не преткли въ заложению при той церкви святоуспенской братства, поневажъ тое дѣло не до вашюстиной, лечъ до архипастырской власти належить; абысте вашюсть любъ салѣтру самую, любъ гроши за оную отложивши, отдали на церковь святоуспенскую ринковую, кгда не безгрѣшно то будетъ Богови по согласномъ и нашихъ милостей соизволенію обѣщанное удержовати; абысте вашюсть отведеныхъ собою ему отцу Софоновичу за заслуги его свѣцкіе въ майстратѣ вашюстиномъ на урядѣ радецкомъ рененые кгрунтъ на Преварицѣ и мѣстце на комору, якъ не слушне отдавали, такъ знову въ посессію ему привернули, поневажъ онъ тое себѣ у вашюстей заслужилъ, а до того и кошту на килкодесятъ золотныхъ выложилъ въ тотъ помянутый кгрунтъ. При такомъ теды своихъ и церковныхъ обидъ и догослостей предложеню, просилъ насъ тотъ же отецъ Софоновичъ о рейментарское до вашихъ милостей вложеся, за которымъ бы могъ у вашихъ милостей таковой получить ресектъ, абысте вашюсть по близу церкви отвели ему який колвекъ церковный пляцъ, на якомъ бы могъ домъ себѣ построити и въ ономъ близко церкви живучи, належитую церковную кунцу за тотъ пляцъ давати до рукъ ктиторскихъ, которому его прошенію, иле слушности не противному, благоисполнительной нашой не одмовляючи учинности, пишно по вашюстехъ жаднемъ, абысте вашюсть ему отцу Софоновичу приказали где не подалеку церкви для построенія дому удобный пляцъ одвести, а онъ долженъ будетъ, якъ и самъ обѣщаетел, належитую въ годъ на церковь Божую отдавати кунцу.

Що все рейментарско вашюстемъ предложивши, зычимъ самимъ же вашюстемъ доброго отъ Господа Бога здорова и щасливаго поведенія.—Зъ Батурина. Року 1703. Юня 1 дия.

Вашюстемъ всего добра зычливый Иванъ Мазепа, гетманъ и кавалеръ его царского пресвѣтлого величества войска запорожского.

Сообщ. М. А. Андреевскій.

Библиографія.

Н. И. Костомаровъ. Эллины Тавриды. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1884 г.

Въ обширной серіи трудовъ знаменитаго ученаго эта недавно вышедшая пьеса далеко не первый драматическій опытъ. Еще въ началѣ своей дѣятельности Н. И. Костомаровъ написалъ трагедію изъ украинской исторіи — «Переяславска Нчъ». Въ этомъ юническомъ опытѣ онъ рисовалъ страданія и героическіе подвиги своего народа и торжество всепрощающей христіанской любви. Въ «Савѣ Чаломъ» онъ изобразилъ прославленнаго народной пѣсней честолюбца, горько наказаннаго за измену родинѣ. Третья малорусская пьеса его «Загадка» — остроумный эскизъ на основѣ народной бытовой повѣи, гдѣ типы, намѣченные творческимъ инстинктомъ народа, получили полноту, какая дается приемами культурной поэзіи и единичнымъ творчествомъ. Но ближе всего къ драмѣ, вышедшей теперь, подходятъ его сцены изъ римской исторіи «Крестуцій Кордъ». Справедливо находятъ, что бывають обильныя борьбою страстей историческія эпохи, представленія о коихъ лучше всего укладываются въ формы драмы, онъ въ такихъ именно очеркахъ рисовалъ время Тиворіа и положеніе честнаго гражданина и мыслителя среди общества павшаго и развращеннаго. Въ такой-же формѣ изображаетъ онъ теперь одинъ изъ уголковъ исторической жизни далекаго эллинскаго міра.

О жизни крымскихъ эллиновъ исторія знаетъ немного. Орывки древнихъ писателей и случайныя археологическія находки — одни говорятъ о былой жизни, кинувшей на крымскихъ побережьяхъ. Взаимныя отношенія двухъ важнѣйшихъ изъ греческихъ колоній въ Крыму — Пантикапея, впоследствии Воспора, колоніи іонійцевъ, и Херсонеса гераклеяскаго, колоніи дорійцевъ, послужили матеріаломъ для драмы. Въ этомъ

историческомъ эпизодѣ, рассказъ о которомъ сохранился въ сочиненіи императора Константина Порфиророднаго «объ управленіи государствомъ», какъ въ фокусѣ отразились слабыя стороны древне-эллинской политической жизни: эгоизмъ общинъ, бывшихъ независимыми политическими единицами, и отсутствіе между ними прочной связи, слѣдственно и силы. Идея федераціи на національныхъ основахъ была чужда эллинскому міру. Борьбу вели между собой не только государства двухъ различныхъ вѣтвей эллинской націи, какъ Аѳины и Спарта, но и еднокронные лакедемоняне и мессенцы, изъ которыхъ первые обратили послѣднихъ въ рабство.

Многочисленные историческіе факты подтверждаютъ эти общія замѣчанія историка. Греческія общины на протяженіи всей своей жизни враждуютъ другъ съ другомъ и подкапываются другъ подъ друга. Даже когда Дарій и Ксерксъ наводняютъ страну своими полчищами, греки соединяются съ трудомъ. Сиракузы отказываютъ въ помощи, потому что не имъ предоставлено главенство въ союзѣ. Фивы становятся на сторону мидянъ. Когда Александръ соединяетъ силою грековъ для покоренія Азии, лакедемоняне не идутъ на призывъ. Ни одной общинѣ не удается сгруппировать вокругъ себя федераціи другихъ. Спарта, Аѳины, Фивы терпятъ по очереди неудачи въ такихъ попыткахъ. Раздѣленную такимъ образомъ Грецію покоряютъ полу-варварскіе народы и независимость отдѣльныхъ общинъ приводитъ къ порабощенію цѣлой страны. Эллинскія колоніи были политическими тѣлами вполне самостоятельными. Обычаи, вѣрованія, культура,—все это у нихъ общее съ метрополіей, но общи были также и пороки. Эгоистическая борьба общинъ, приведшая къ слабости и порабощенію,—такова сущность исторіи крымскихъ грековъ. На этихъ данныхъ построена и драма «Эллины Тавриды».

Между Воспоромъ и Херсонесомъ—старинная, постоянная вражда. Херсонесскій сенатъ въ награду за доблести протевона Ламаха объявляетъ дочь его Гиккію наслѣдницей отцовскаго сана и послѣ смерти Ламаха назначаетъ протевономъ будущаго супруга Гиккіи. Воспориты, узнавъ объ этомъ, рѣшаются воспользоваться случаемъ для порабощенія Херсонеса и дать Гиккіи въ супруги своего царевича. Для рѣшенія давнишняго спора они предлагаютъ сначала поединокъ между выбранными съ той и съ другой стороны. Такой способъ рѣшенія распри кажется невозможнымъ херсонятамъ, и они посылаютъ спросить совѣта дельфійскаго оракула. Получается отвѣтъ: «бракъ лучше дракъ». Херсонесскій сенатъ обсуждаетъ дѣло. Предъявляются возраженія противъ опасности вступать въ союзъ съ стариннымъ врагомъ и предоставить воспориту власть въ Херсонесѣ. Но большинство склоняется къ прекращенію вра-

жды и рѣшастъ спросить мѣѣнѣ самой Гиккіи. Она высказываетъ готовность принести свои интересы въ жертву интересамъ страны и предлагаетъ предъявить воспоритамъ условія, ограничивающія и парализующія вліяніе ихъ и ихъ царевича въ Херсонесѣ. Съ этими предложеніями послы ѣдутъ въ Воспоргъ, гдѣ въ сенатѣ ихъ предложенія принимаютъ сначала недружелюбно. Но претендентъ на руку Гиккіи, воспоргскій царевичъ Писколай, смотритъ на дѣло иначе. Онъ готовъ принять всѣ условія, какія ему предложатъ, увѣренный, что при помощи хитрости и ума устроить въ Херсонесѣ все по своему желанію, лишь-бы только добраться до власти. Намѣренія его—уничтожить въ Херсонесѣ народоправство и независимость, стать полноправнымъ правителемъ и сдѣлать изъ Херсонеса пригородъ Пантикапей. Тутъ-же у одного изъ херсонесскихъ пословъ онъ вывѣтываетъ хитростью нужныя ему свѣдѣнія о Херсонесѣ. Прибывши въ Херсонесъ онъ слѣдуетъ той-же тактикѣ: соглашается съ тѣми, которые противятся наследственности званія протевона и проситъ позволенія принять херсонесское гражданство, съ тѣми, чтобы быть выбраннымъ въ протевоны только тогда, когда заслужитъ того своими дѣлами. Вместе съ ними принимаютъ херсонесское гражданство два его пособника: Эрпостолей и Стираксъ. Чтобы овладѣть Херсономъ, Писколай придумываетъ слѣдующій планъ: онъ отправляетъ обратно воспоритовъ, привезшихъ свадебные дары, но велитъ имъ, выѣхавши за городъ, отправить дары съ однимъ, а остальнымъ вернуться тайно въ городъ. Этыхъ воиновъ онъ прячетъ въ подземелье, находящееся подъ домомъ протевона, куда покорившіи нѣкогда Херсонесъ тавро-савы сажали непокорныхъ гражданъ. Стираксъ предлагаетъ ввести воспорское войско въ Херсонесъ подъ видомъ торговаго обоза, а Эрпостолей приставляется къ Ламаху въ качествѣ опытнаго врача, чтобы скорѣе съ нимъ покончить. Ламахъ умираетъ въ тотъ день, когда къ Херсонесу приближались второй караванъ съ дарами. Новыхъ пословъ Писколай убѣждаетъ также остаться въ подземельи, а пособникъ его Стираксъ, прикинувшись врагомъ Писколая, входитъ въ дружбу съ протестующими херсонитами, во главѣ которыхъ стоитъ Зеэонъ, племянникъ Ламаха, и убѣждаетъ ихъ идти къ Писколаю и, какъ тайнаго врага, изгнать его изъ Херсонеса. Скрытые воспориты нападутъ на пришедшихъ херсонесскихъ сенаторовъ и перебьютъ ихъ, а покореніе города и борьбу съ народомъ возьметъ на себя войско, пришедшее въ качествѣ торговаго обоза. Этотъ хитрый планъ разстраиваетъ однако случайность. Писколай, вѣроломный во всемъ, преслѣдуетъ случайно служанку Гиккіи, Эрпигонію, увѣряя ее въ своей любви. Гиккія нечаянно становится свидѣтельницей этой сцены и, пылая мстью, засаживаетъ Эрпигонію въ подземную комнату дворца. Эта

комната сообщается съ подземельемъ, въ которомъ сидятъ воспорскіе воины. Эригонія подслушиваетъ тайну заговора и, воспользовавшись минутой, умоляетъ Гиккію выдустить ее на волю, такъ какъ она имѣетъ сообщить ей нѣчто важное. Она открываетъ все Гиккіи, а Гиккія, уже имѣющая доказательства предательства Николая, сообщаетъ все Зевону и сенаторамъ. Когда Стираксъ приходитъ къ Зевону, чтобъ вести херсонесцевъ во дворецъ,—они убиваютъ его. Дворецъ, гдѣ находится Николай и воины, со всѣхъ сторонъ обрываетъ народъ. Зданіе поджигаютъ, Николай защищается, но выданъ своими, сама Гиккія закалываетъ его кинжаломъ. Всѣ бывшіе въ дворцѣ воспорты поспѣваютъ, также какъ и большая часть воиновъ, спрятанныхъ въ обозѣ. Эригонія, за услугу оказанную отечеству, изъ рабыни дѣлается гражданкой. Гиккія отдаетъ свою руку Зевону, котораго народъ избираетъ протевомомъ и, предвидя мечь Воспора, убѣждаетъ херсонесцевъ отдаться подъ покровительство уже всемогущаго Рима.

По психологической обрисовкѣ выдѣляются въ драмѣ три лица: Николай, Стираксъ и Гиккіи.

Характеръ Николая задуманъ и выдержанъ превосходно. Это вѣчный умный человѣкъ и интриганъ исторіи, имя которому то Николай, то Августъ, то Наполеонъ III. Это обманщикъ тѣмъ болѣе опасный, что очень умный. Онъ все понимаетъ—значеніе такихъ или иныхъ правъ, возможныхъ послѣдствій такого или иного ихъ измѣненія, но у него въ душѣ одинъ кумиръ—собственная выгода. Онъ будетъ говорить убѣдительно и разумно, даже съ тѣмъ жаромъ, который можетъ увлечь и очаровать толпу и ложь котораго разгадаетъ только очень чужкое ухо. Онъ готовъ на все уступки, такъ какъ умъ его ихъ предвидитъ. Ему нужна только извѣстная позиція, ставши на которую онъ все измѣнитъ по своему. Энергія, проявляемая имъ въ послѣднихъ сценахъ, не нарушаетъ цѣлостности типа. Люди подобнаго сорта лицемерятъ до послѣдней минуты, пока рассчитываютъ хоть на малѣйшую возможность успѣха. Таковъ Стираксъ, который, будучи взятъ врасплохъ, все-таки сплется провести херсонесцевъ и Гиккію. Но когда гибель неизбежна, когда никакая хитрость, никакая хитрость не разубѣдятъ въ очевидности предательства, тогда эти люди дѣйствуютъ сообразно своему темпераменту. Ихъ охватываетъ или отвага отчаянія, какъ Николая, или припадки панической трусости. Это черты, психологическую вѣрность которыхъ можно прослѣдить, какъ въ лицахъ, замѣченныхъ исторіей, такъ и въ поэтическихъ фикціяхъ. Стираксъ—прислѣшникъ, какіе всегда встречаются при людяхъ типа Николая. Они добровольно берутъ на себя починъ въ преступленіи, досказываютъ и приводятъ въ дѣйствіе то, о

чень думаютъ ихъ патроны и что суфлируютъ ихъ, но чего они сами не сдѣлаютъ или по расчету, или по недостатку отваги. «Ты дополнишь меня, ты поправляешь меня», говорить ему Николай. Образъ Гиккіи носить отблескъ античной красоты. Она слишкомъ благородна и не допускаетъ сначала возможности измѣны, но она честная женщина и гражданка и, когда измѣна обнаруживается, она жертвуетъ всѣмъ и своею любовью прежде всего. Какъ въ обманутой женщинѣ, эта любовь переходитъ у нея въ месть и ненависть тѣмъ съ большею силой, что она вѣрила и любила искренно.

Глубокое знаніе эллинской поэзіи и проникновеніе духомъ древности даютъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ. Этотъ духъ,—лучшее наслѣдіе античнаго міра,—скажемъ между прочимъ, чуждъ нашей образованности, несмотря на господствующую классическую систему. Гдѣ драматическое дѣйствіе подымается до лиризма, проза въ драмѣ сѣвается стихами. Сцена въ храмѣ Діаны, съ ея гимнами съ строфахъ и антистрофахъ, полныхъ, сложныхъ, живописныхъ прилагательныхъ, какъ у древнихъ поэтовъ, свѣжа и поэтична.

Въ стихотвореніяхъ Іереміа Галви (малорусскій псевдонимъ нашего историка) есть набросокъ молодыхъ лѣтъ, озаглавленный «Паптивкапен»; тамъ тѣнь какого-то воспорскаго царя жалуется на то, что тревожатъ его могильный сонъ, разрывая могилу, и умоляетъ пытливаго путника удалиться подальше и не заглядывать во внутренность могильнаго холма. Мы скажемъ совсѣмъ иное. Мы благословимъ эту историческую пыливость и пожелаемъ долгой дѣятельности славному путнику исторіи, вся жизнь котораго полна такого разносторонняго, благодѣтельнаго и плодотворнаго труда.

В. Г—го.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныя земли въ львоберезной Украинѣ XVIII в. (полтавской губерніи).

И. Луницкій. Киевъ. 1884 г.

Судьбы Малороссіи о чень давно стали интересоватъ какъ присяжныхъ ученыхъ, такъ и публику. Двѣ исторіи Малороссіи—Вангышъ-Каменскаго и Маркевича появились раньше, чѣмъ было собрано потребное количество матеріаловъ. Неудивительно, что теперь онѣ имѣютъ почти исключительно библиографическій интересъ, и только приложенные къ нимъ документы не утратили своего значенія и въ настоящее время. Тогда-же извѣстный Бодянской въ редакторскихъ имъ «Чтеніяхъ

мось. общ. исторіи и древн. рос.» издалъ массу цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи Малороссіи. Еще болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлали правительственныя учрежденія—археографическая коммиссія въ Петербургѣ и временная коммиссія въ Кіевѣ, которыя предприняли рядъ специальныхъ изданій, заключающихъ въ себѣ множество новыхъ матеріаловъ. Таковы были «Акты западной Россіи», «Памятникъ» и «Архивъ юго-западной Россіи». Больше всѣхъ потрудился надъ изданіемъ памитипковъ Н. И. Костомаровъ въ Петербургѣ и В. В. Антоновичъ въ Кіевѣ. Изданные ими матеріалы, можно сказать, впервые показали намъ въ истинномъ свѣтѣ судьбы южной Руси. Н. И. Костомаровъ обратилъ особенное вниманіе на судьбы малороссійскаго козачества, а В. В. Антоновичъ по плану, принятому кіевской временной коммиссіей, выбиралъ и издавалъ однородные документы, относящіеся къ тому или иному вопросу внутренней жизни малороссійскаго общества (быту духовенства, городовъ, крестьянства и т. д.).

Нужно впрочемъ замѣтить, что акты южной и западной Россіи не восходятъ никогда къ XVIII вѣку, а архивъ юго-западной Россіи хотя и доставляетъ намъ матеріалы XVIII вѣка, но они относятся исключительно къ юго-западной Руси, т. е. правобережной Украйнѣ. Такимъ образомъ судьбы лѣвобережной Украйны въ XVIII вѣкѣ оставались для насъ по прежнему темными. Такой пробѣлъ въ южно-русской исторіографіи нужно поставить въ связь съ судьбами русской исторической науки вообще, которая въ первой половинѣ текущаго столѣтія въ силу независимости отъ нем обстоятельство почти вовсе не касалась событій недавняго прошлаго. Но вотъ въ 60-хъ и особенно 70-хъ годахъ снала завѣса и съ XVIII вѣка; немедленно появилась масса новыхъ матеріаловъ и изслѣдованій, относящихся къ царствованію первыхъ преемниковъ Петра,—Екатерины, Павла, Александра. Теперь были изданы и нѣкоторые документы для исторіи Малороссіи за это время Судіенкомъ и Лазаревскимъ; этому послѣднему принадлежитъ цѣлый рядъ очерковъ по исторіи малороссійскихъ дворянскихъ родовъ въ связи съ исторіей происхожденія крупной поземельной собственности въ Малороссіи. Онъ же открылъ знаменитую Румянцевскую опись Малороссіи, изъ которой потомъ были издавы незначительные отрывки; въ несчастіе такой драгоценный памятникъ, какъ Румянцевская опись, имѣлъ очень печальную судьбу: добрая половина его, лежавшая въ полтавской казенной палатѣ и обнимающая почти всю нынѣшнюю полтавскую губернію, сгорѣла во время бывшаго тамъ пожара. Черниговскій статистическій комитетъ, въ вѣдѣніе котораго поступила сохранившаяся Румянцевская опись, очевидно не располагалъ въ достаточной степени ни матеріалами, ни

научными для ея изданія средствами. Такъ дѣло продолжалось до 1882 г., когда этотъ памятникъ снова привлекъ къ себѣ вниманіе пзслѣдователей. Въ бібліотекѣ кievскаго университета отыскалась часть Румянцевской описи, обнимающая нѣкоторые уѣзды полтавской и черниговской губерніи. На нее то и обратилъ вниманіе проф. И. В. Лучицкій. Золотоношское земское собраніе поручило ему составить статистическія таблицы по золотоношскому уѣзду на основаніи данныхъ Румянцевской описи, для сравненія ихъ съ современными статистическими цифрами. Таблицы эти, какъ кажется, еще не вышли въ свѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Лучицкій натолкнулся на документы, которыя свидѣтельствовали о существованіи въ лѣвобережной Украинѣ XVIII вѣка общинныхъ земель и угодій. Это было интересное открытіе. Конечно, нельзя сказать, чтобы раньше до пзслѣдованій Лучицкаго никто ничего не зналъ о малорусскихъ общинахъ; всѣмъ было извѣстно, что большая половина нынѣшнихъ селеній харьковской губерніи владѣтъ теперь землей на общинномъ правѣ; описаніе одной изъ такихъ общинъ попало даже въ извѣстный «Сборникъ свѣдѣній о сельской общинѣ», но во всякомъ случаѣ И. В. Лучицкій первый заговорилъ о малорусской общинѣ въ XVII и XVIII вв. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Отеч. Зап.», (1882 г., ноябрь) онъ доказывалъ, что во время заселенія южной части лѣвобережной Украины въ XVII в., въ ней утвердился на первыхъ порахъ общинный распорядокъ, остатки котораго сохранились и въ XVIII в. Это была община первобытнаго типа, безъ передѣловъ и безъ опредѣленнаго срока владѣнія землями; данными для такого вывода послужили И. В. Лучицкому матеріалы Румянцевской описи Малороссіи, хранившіеся въ бібліотекѣ кievскаго университета. Послѣ этого И. В. Лучицкій продолжалъ дѣлать извлеченія изъ Румянцевской описи, и въ результатѣ явился тотъ сборникъ матеріаловъ, заглавіе котораго мы припели въ началѣ. На основаніи этихъ матеріаловъ, а также массы другихъ данныхъ, неизвѣстныхъ публикѣ, И. В. Лучицкій составилъ изслѣдованіе объ общинѣ, общественныхъ земляхъ и тѣхъ способахъ пользованія ими, какіе существовали въ лѣвобережной Украинѣ, начиная съ XVIII вѣка. Это изслѣдованіе появится въ печати послѣ сообщенія его на предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ.

Въ ожиданіи этого реферата мы въ свою очередь не будемъ разбирать пзданныхъ документовъ по существу, а ограничимся только нѣкоторыми общими указаніями.

Почти всѣ документы извлечены изъ связей Румянцевской описи Малороссіи, относящихся къ разнымъ сотнямъ переяславскаго пол-

ка¹⁾), и только одинъ документъ взятъ изъ бумагъ пустынно-николаевскаго монастыря, хранящихся въ полтавской казенной палатѣ. Все это—земельные акты, купчія крѣпости, уступочныя и дарственные записи, межевые акты, мировыя сдѣлки, обмѣнные листы, судебныя дѣла, жалобы; кромѣ ихъ видное мѣсто еще занимаетъ особая серія документовъ—донесенія смотрителей и сотенныхъ правленій объ общественныхъ земляхъ, принадлежащихъ разнымъ селеніямъ. Всѣхъ документовъ 87; изъ нихъ только два относятся къ XVII в., всѣ остальные къ XVIII вѣку.

Изъ 15 уѣздовъ полтавской губерніи изданные документы обнимаютъ только три: переяславскій, пирятинскій и золотоношскій. Это объясняется тѣмъ, что опись лубенскаго, полтавскаго, миргородскаго, гадлицкаго и прилудскаго полковъ погибла, а вмѣстѣ съ нею и данныя объ остальныхъ уѣздахъ.

По содержанію своему напечатанные документы крайне любопытны, ибо захватываютъ малоизвѣстную и совершенно почти не изслѣдованную сторону прошлой жизни малорусскаго народа—общинную земельную организацію въ XVIII вѣкѣ. Каждый изъ приведенныхъ документовъ свидѣтельствуетъ о существованіи въ лѣвобережной Украинѣ общественныхъ земель²⁾.

Правда уже въ «Обозрѣніи румянцовской описи Малороссіи» Лазаревскаго и Константиновича можно было найти нѣкоторые документы, свидѣтельствовавшіе о существованіи общественныхъ земель и угодій въ той-же лѣвобережной Украинѣ (именно въ сѣверной ея части—черниговской губ.); правда, никто не сомнѣвался въ существованіи и значительномъ распространеніи такъ называемыхъ «малороссійскихъ вольницъ», т. е. свободныхъ, никому лично не принадлежавшихъ земель и угодій, или такъ называемыхъ вѣзжихъ лѣсовъ, куда всякій имѣлъ право безпрепятственнаго вѣзда. Но въ сборникѣ И. В. Луцицкаго эти матеріалы собраны въ такомъ значительномъ количествѣ, что даютъ полную возможность опредѣлить значеніе ихъ въ прошлой жизни малорусскаго села. Здѣсь мы встрѣчаемъ всѣ виды общественныхъ земель и

¹⁾ Кромѣ связокъ переяславскаго полка такъ-же поимѣчается значительная часть связокъ кievскаго полка, обнимающая часть уѣздовъ черниговской губерніи.

²⁾ Намъ только кажется, что въ документѣ подъ № 8 (стр. 7) идетъ дѣло не объ общественной землѣ, а о владѣніи нѣсколькихъ сосѣдей, которые выдали *совмѣстную* купчую на свои *личные* участки; образцы такляхъ купчихъ намъ попадались въ рукописныхъ актахъ на земля въ слободской Украинѣ; да и по формѣ этотъ документъ отличается отъ всѣхъ другихъ.

угодій—степь, пахатное поле, выгонъ и толоку, лугъ, дворовыя мѣста, дубровы, озера, чагарники, лозы и болота; мало того, приведены даже вѣдомости¹⁾ о количествѣ земель и угодій, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ селеніямъ; но вѣдомости эти требуютъ спеціальнаго разсмотрѣнія, которое, конечно, будетъ сдѣлано въ изслѣдованіи И. В. Лучицкаго.

Чрезвычайно интересенъ вопросъ о происхожденіи всѣхъ этихъ общинныхъ земель. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ самихъ документахъ. Всѣ онѣ почти такого-же *займочинаго* или старозаймочнаго происхожденія, какъ и большинство козацкихъ земель Слободской Украйны. При многихъ вѣдомостяхъ мы встрѣчаемъ такого рода приписки: «та сѣнокосная земля (каневской сотни) принадлежитъ онымъ козакамъ по давней займъ волностей козацкихъ и по стародавнему безспорному владѣнію; пользуются оною сѣнокосною землею, службу козацкую отправляютъ и повинность къ полку государевой несли и нинѣ несутъ». Въ своей статьѣ (Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVII и XVIII в.), помѣщенной въ одной изъ книжекъ «Кіевской Старины» за прошлый годъ, мы привели нѣкоторые указанія на подобный способъ происхожденія поземельной собственности въ гетманщинѣ; теперь «Сборникъ» И. В. Лучицкаго еще болѣе рельефно подтверждаетъ эту мысль и дѣлаетъ ее еще болѣе убѣдительною. Такого же замѣчательнаго происхожденія была въ большинствѣ случаевъ и личная поземельная собственность, какъ это видно изъ нѣкаго ряда документовъ, приведенныхъ въ «Сборникѣ».

Роль *громады* по отношенію къ общиннымъ землямъ и угодьямъ была очень велика. Сюда принадлежитъ цѣлая серія едва ли не самыхъ интересныхъ документовъ. Мы ихъ считаемъ таковыми потому, что они открываютъ дѣйствительно *новую* сторону народной самодѣятельности. Громада дозволяетъ строить гребли, устраниать хутора на общественной землѣ, отводить въ частное владѣніе общественныя земли, отводить участки земли своимъ членамъ, покупаетъ и продаетъ общественныя

¹⁾ Происхожденіе этихъ вѣдомостей довольно любопытно. Въ первоначальныхъ инструкціяхъ Румянцева не дано было вопроса о количествѣ общевладѣемыхъ земель; очевидно Румянцевъ, знавшій вообще довольно хорошо вѣренныи ему край, считая Малороссію страной личнаго участковаго землевладѣнія; да оно во второй половинѣ XVIII в., какъ видно изъ связей Румянцевской описи, почти такъ и было. Тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ, кромѣ государевыхъ свободныхъ земель, отыскались еще и дврскія, которыми владѣли всѣ члены селенія сообща, и пришлось поставить вопросъ объ этихъ земляхъ; полученные отвѣты и приведены въ «Сборникѣ» И. В. Лучицкаго.

земли, снимаетъ и сдаетъ ихъ въ аренду, уступаетъ и даритъ ихъ и наконецъ разрѣшаетъ ихъ заимку. Все это такія функціи, которыя могутъ принадлежать только настоящему владѣльцу, а таковымъ владѣльцемъ является въ данномъ случаѣ *юридическая единица, т. е. община.*

Нѣсколько менѣе интересны приведенныя въ «Сборникѣ» данныя о способахъ пользованія общественными землями и угодьями. Онѣ, собственно говоря, даютъ намъ очень мало новаго сравнительно съ тѣми фактами, которые были приведены раньше хотя бы въ статьѣ самаго И. В. Лучицкаго, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ». Способъ владѣнія какъ пахатью, такъ и сѣнокосомъ, лѣсами, рыбными ловлями, былъ въ существѣ дѣла одинъ, въ которому болѣе всего, кажется, подходит опредѣленіе «захватный». Приведемъ наиболѣе характерныя указанія. Горшпинское сотенное правленіе доноситъ: «Въ сотнѣ же горшпинской, при селѣ Буромцѣ, поле пахатное, тамъ же выѣстъ съ онымъ и сѣнокосное, по древнему тамо установленію, обще всѣмъ жителямъ, козакамъ и посполитыми ранговыми господина полковника дубенскаго Ивана Петровича Кулибки, употребляютъ, *сколько кому якогю лѣта къ паханію и сѣнокосу надобность укажетъ, и идъ кто себя застинетъ,* тамо ореть либо косить, а собственнаго нѣякого не пмѣется». Въ слѣдственномъ дѣлѣ о захватѣ общественныхъ земель березанской сотни говорится: «въ сотнѣ березанской нивакихъ ограниченій въ свободномъ степену не бывало, но свободно было, якъ козакамъ, такъ мужикамъ, тотъ волній войсковою стень, *иде зотя, кому косить*»; въ жалобѣ козаковъ Памфиленковъ на сотника Гулака читаемъ: «... поле пооралъ и гай порубалъ насъ пеццовъ Памфиленковъ, поволное, *иде всякому обивателю поля пахать и лѣсъ рубить не возбранно.*

Особенное мѣсто занимаютъ среди общественныхъ земель церковныя; ими также распоряжается громада, вмѣстѣ съ братствомъ и титаремъ. Всѣ относящіеся сюда документы довольно однообразны по своему содержанию: громада для церковныхъ нуждъ продаетъ кому нибудь часть церковной земли. Земли эти были пожертвованы на церковь или отдѣльными доброхотами, или цѣлымъ обществомъ. Для уясненія вопроса о происхожденіи церковныхъ земель мы пмѣемъ въ своемъ распоряженіи одинъ любопытный документъ, который охотно сообщаемъ при этомъ случаѣ; это дѣло о прилежаніи къ селамъ Ольшаной и Волинки свободныхъ лановъ и сѣнокосовъ, которіе называются и мирскими», хранящееся въ архивѣ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ, подъ № 3316 (по новому каталогу).

«Къ селамъ Волинки и Ольшаной приказныхъ прилеглихъ лановъ и сѣнокосовъ, кои называються мирскими, взрвало не бывало и нинѣ

не находится, а хоти иѣются при тѣхъ селахъ Волники и Ольшаной пахатніе лани и сѣнокоси, но оніи, какъ совершенно сами, сколько память наша засягаетъ, вѣдаемъ, что едни такіе лани, когда, по давнимъ стариннымъ у Малой Россіи бывшимъ волностямъ, села Волника и Олшаное поселялись, тогда и козаки какъ и во всей Малой Россіи займи въ земляхъ для себе чинили, по той же волности тогдашніе волникскіе и олшанскіе старшины и козаки заняли для снабдѣнія церквей въ Волники лани, а въ Волшаной сѣнокоси, при своихъ паразвіяхъ, отъ тѣхъ поръ даже досель во владѣніи церквей ни отъ кого безырепитственно паходятся; чтожъ на тѣ занятіе землѣ никакихъ письменныхъ документовъ не имѣютъ, потому—что займа въ церквѣяхъ; ибо въ то время еще дачъ, по отшествіи отъ Польши, гетманскихъ и полковничьихъ не бывало, и козаки по грамотамъ многимъ государевымъ своимъ волностями козачіими владѣли и владѣютъ, потому что во всѣхъ грамотахъ, вторіе даются на местности въ Малой Россіи владѣльцомъ, точно сіе докладается—владѣцу владѣть местности съ людьми и угодіми, кромѣ займъ и волностей козачихъ; означеніе-жъ землѣ церковніе встарѣ на церковь заняты и во время владѣнія тѣхъ сель ратушами до ратушъ тогдашнихъ владѣльцовъ не подлежали и нѣкимъ не владѣлись и свободными тѣ земле, лани и сѣнокоси не находились, другіе-жъ поля и сѣнокоси, при тѣхъ-же церквяхъ находячесь, въ давнихъ годахъ на церкви волникскіе, михайловскую и николскую, отъ добротныхъ дателей легованіе, точію каковы были на тѣ поля и сѣнокоси легаціи, оніе во время сторѣнія въ 738 году николской олшанской церкви погорѣли, а сколько села Олшаного, какъ съ насъ мы ижайшіе олшанскіе козаки знать совершенно можемъ, что тѣ поля и сѣнокоси въ недавнихъ временахъ села Олшаного козаками и жителями Олшанки на церковь олшанскую живоначалнія Троици легованіи, а откого оніе легованіе и въ какихъ годахъ, имѣются при церкви олшанской въ записурной книгѣ записи, о копяхъ всѣхъ занятыхъ ланахъ и сѣнокосахъ, ибо и отъ добротныхъ дателей ваданныхъ поляхъ и сѣнокосахъ при томъ довошеніи подъ великое вашей ясновельможности усмотрѣніе сообщенъ обстоятельный реестръ... А сверхъ того и по привамамъ малороссійскимъ, кто за прежнихъ королей какова добра владѣль, таковыиже, хотя бы впрямей никакихъ не чинялъ, силень влчно олдѣть, такъ и по тому резону навсегда во вѣчномъ церковномъ владѣніи оніе добра должны оставаться, ибо не только при тѣхъ волникской и олшанской, но и по Малороссіи въ разныхъ оладѣніяхъ при многихъ церквяхъ, по

прежнимъ займалъ и по разнымъ добродетельныхъ дателей подадимъ, круши ильются и по нинѣ въ спокойномъ владѣнн безборонно переходятся ...

Изъ предложенной краткой характеристики Сборника г. Лучицкаго читатель можетъ убѣдиться, на сколько интересенъ и важенъ матеріалъ, имъ опубликованный. Остается желать, чтобы скорѣе явилось продолженіе матеріаловъ изъ Румянцевской описи хотя-бы, напримеръ, для исторіи происхожденія крупной поземельной собственности, безъ чего самая роль общины останется неясною. Козацкая община въ Малороссіи, едва только народившись, стала уже разрушаться.

Въ заключеніе остается замѣтить, что матеріалы издания сообразно научнымъ требованіямъ и снабжены тремя указателями—личнымъ, географическимъ и предметнымъ.

Дм. Бягалѣй.

*Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 40-й.
Сиб. 1884 года.*

Ни одно, кажется, изъ нашихъ ученыхъ обществъ не развило такъ своей дѣятельности и не ведетъ ее съ такою быстротою, какъ названное историческое общество. Въ громадной массѣ изданныхъ имъ историческихъ матеріаловъ видное мѣсто принадлежатъ дипломатическимъ документамъ, а въ числѣ ихъ нерѣдко попадаются такіе, въ которыхъ содержатся любопытныя свѣдѣнія по исторіи Малороссіи. Только что вышедшій 40-й томъ изданій этого общества дастъ вамъ такія свѣдѣнія въ донесеніяхъ французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона съ 1719 по 1722 годъ.

Не касаясь всего богатаго содержанія вышедшаго тома изданій императорскаго русскаго историческаго общества, мы ограничимся ознакомленіемъ читателей съ тѣми немногими данными по исторіи Малороссіи, которые заключаются въ донесеніяхъ упомянутаго дипломата. Сообщаемыя имъ о Малороссіи свѣдѣнія тѣмъ болышую должны имѣть для насъ цѣну, что Кампредонъ могъ совершенно безпристрастно относиться къ наблюдаемымъ фактамъ, такъ какъ послѣдніе совершенно не касались политическихъ комбинацій и дипломатическихъ интригъ. Правда, его свѣдѣнія довольно сбивчивы, неточны и обнаруживаютъ малое знакомство съ страной, о которой онъ писалъ,—послу французскому ничего напр. не стоитъ смѣшать Хмельницкаго съ Дороненкомъ и поставить одного на мѣсто другаго; но такія погрѣшности легко отличить всякому, кто скольконибудь знакомъ съ общимъ ходомъ событій въ исторіи Малороссіи, а между тѣмъ то, что сообщается Кампредономъ о Малороссіи

находится нерѣдко въ полномъ соответствіи съ другими данными нашей исторіи и съ общей политикой Петра В. относительно подчиненія Малороссіи общему государственному строю.

Сущность передаваемых Кампредомомъ о Малороссіи свѣдѣній складается изъ тѣмъ денежнымъ и натуральнымъ налогамъ и повинностямъ, которыми обремененъ былъ новоприсоединенный край, той эксплуатаціи, какой онъ подвергался со стороны жадныхъ бояръ, и тѣмъ ограничительнымъ мѣрамъ, какія принимались Петромъ въ видахъ ослабленія автономіи Малороссіи и прикрѣпленія ея къ Россіи. Прежде всего въ его «Запискѣ о доходахъ царской казны» находимъ слѣдующія цифровыя данныя о тѣхъ постоянныхъ налогахъ, какіе уплачивало крестьянское населеніе Великой и Малой Россіи за свои жилища и землю:

На военный совѣтъ	25 к.
» адмиралтейство	10 »
» рекрутъ	6 »
» коневодство во всѣхъ губерніяхъ	11
» черепичныя фабрики	3 »
» известковыя печи	3 »
» строительные матеріалы	4 »
» почтовыхъ лошадей	5
» содержаніе канцелярій	1 »
» экстраординарные расходы	1/2 »
	68 1/2 к. ¹⁾

Сказавъ, что царь приказалъ въ 1715 г. сдѣлать новую ревизію для правильнаго взпчанія этихъ податей, посоль замѣчаетъ, что налогъ на избы въ Великороссіи взимается по переписи 1679 г., между тѣмъ какъ въ кievской губерніи (такъ онъ называетъ Малороссію или гетманщину) за основу сборовъ принята перепись 1710 г. Изъ приложенной къ «Запискѣ» росписи доходовъ, сдѣланной, по словамъ Кампредона, въ счетной палатѣ (въ камеръ-коллегіи) въ концѣ 1722 г., узнаемъ, что въ Малороссіи (по Кампредому въ кievской губерніи) числилось 56 городовъ, 1864 мѣщанскихъ дома, 25,815 крестьянскихъ домовъ, и сумма, платимая въ казну, равнялась 114,857 р. въ годъ ²⁾.

Пропорція крестьянскихъ избы, замѣчаетъ посоль, здѣсь слишкомъ мала сравнительно съ количествомъ городовъ. Причина сего заключается въ томъ, что кievская губерніи (т. е. Малороссія) населена болѣе

¹⁾ Сборникъ, стр. 429.
²⁾ Сборникъ, стр. 430—141.

шимъ количествомъ козаковъ, а этотъ народъ, какъ я изложу это ниже, свободенъ отъ постоянныхъ повинностей, такъ что въ приведенной росписи означены лишь тѣ изъбы, которыя въ настоящее время обложены податями¹⁾).

Продолжалъ говорить о доходахъ казны отъ монопольной продажи нитей и табаку, привиллегіяхъ, какими пользовалась въ этомъ отношеніи Малороссія и о томъ, «какъ жадные въ важнѣйшій болре и другія частныя лица совершали безконечное множество мошенничествъ, тайно торгуя черкасскимъ и украинскимъ табакомъ, разводямымъ въ большомъ количествѣ»,²⁾ а равно о подушной подати, посольствѣ переходить къ натуральнымъ доходамъ и тутъ съ особою подробностью распространится о Малороссіи, касаясь, хотя и не совсѣмъ удачно, ея исторіи и современнаго состоянія. «Царь, говоритъ онъ, привлекаетъ изъ своихъ подданныхъ еще другія выгоды, не менѣе значительныя и волюнѣ замѣняющія ему наличные капиталы, такъ какъ въ Россіи изъ нихъ дѣлается тоже употребленіе, на которое въ другихъ странахъ требуются денежные капиталы. Сюда относится прежде всего такъ называемая здѣсь контрибуція, т. е. поставка водданными его царскаго величества людей, въ особенности казаками и червесеами. Они прежде состояли подъ владычествомъ Польши, но потомъ, будучи недовольны ею, перешли подъ власть турокъ и наконецъ отдалісь, впрочемъ на извѣстныхъ условіяхъ, въ подданство царя Алексѣя, отца нынѣ царствующаго государя Петра I. Эти народы, живущіе между Днѣпромъ и Днѣпромъ, называются запорожцами отъ двухъ русскихъ словъ: *за*, обозначающаго «по ту сторону» и *пороги*, т. е. катаракты. Дорошенко, ихъ гетманъ или генераль, фамиліи котораго еще весьма значительна, по роду угадъ недавно со смертію послѣдняго гетмана, отдался подъ покровительство Россіи на слѣдующихъ условіяхъ: Украина будетъ свободна отъ всякаго рода налоговъ, согласно дѣйствующему въ ней магдебургскому праву (какъ видно, смутное понятіе имѣлъ французъ о нѣмецкомъ правѣ), казаки будутъ попрежнему пользоваться всѣми своими старинными привилегіями и полной свободой торговли, въ особенности водкой, пивомъ и медомъ, оптовой и розничной; наконецъ управлять ими будутъ всегда ихъ собственные генералы, но никогда и ни въ какомъ случаѣ не русскіе. На этихъ условіяхъ они съ своей стороны обязывались доставлять царю 60-тысячный корпусъ конницы каждый разъ, какъ онъ потребуетъ таковой».

¹⁾ Сборникъ, стр. 435—5.

²⁾ Сборникъ, стр. 436.

«Это условіе представляло значительную выгоду въ то время, когда въ Россіи не было еще своихъ регулярныхъ войскъ, козаковъ-же и русскіе и поляки считали за лучшую конницу въ мірѣ. Но теперь, когда царь организовалъ свои собственные войска и, слѣдовательно, козаки приносятъ ему мало выгоды, у нихъ стараются незамѣтно отнять всѣ привилегіи. И этого достигнуть непремѣнно, какъ только перестанутъ бояться, что народъ переселится за Днѣпръ и соединится съ своими сосѣдями татарами. Такое переселеніе не только могло-бы имѣть опасныя послѣдствія для владѣній царя, но и обезлюдитъ, обратитъ въ дикую пустыню одну изъ плодороднѣйшихъ странъ Европы. Пастбища тамъ превосходны, и на нихъ содержится болѣе полонныи воловъ и барановъ, употребляемыхъ Москвою и Петербургомъ. Тамъ производится изумительное количество пшеницы и ржи, а земля такъ хороша, что ее никогда не удобряютъ, пахутъ же и засѣваютъ только разъ въ три года, пбо для обѣщанія бываетъ достаточно того зерна, что падаетъ на землю при жатвѣ. Спаржа растетъ во множествѣ несаженная и безъ всякой культуры. Вообще удивительно, что царь прилагаетъ такъ мало заботъ о населеніи страны, такъ счастливо надѣленной природою, какъ превосходнымъ климатомъ, такъ и плодородіемъ почвы; она могла-бы, при хорошей обработкѣ, производить болѣе хлѣба, чѣмъ нужно для всего остальнаго его государства. Но онъ поставилъ себѣ цѣлью, не истребляя козаковъ, ослабить ихъ. Теперь они уже не въ состояніи выставить болѣе тридцати тысячъ конницы, да и въ ту назначили русскихъ полковниковъ, имѣющихъ подъ своей командой по четыре, по шести и до десяти тысячъ человекъ. Назначеніе на этотъ постъ представляеть довѣріе и милость, такъ какъ каждый полковникъ можетъ нажитья съ козаковъ въ годъ до десяти тысячъ рублей, и тѣ не смѣютъ жаловаться, потому что въ ихъ странѣ выстроено теперь двѣ крѣпости и размѣщена въ гарнизонахъ почти вся русская кавалерія. Козаки обязаны также безвозмездно доставлять почтовыхъ лошадей всѣмъ лицамъ, ѣдущимъ съ пашпортами, а скоро у нихъ собираются ввести существующіе уже во всемъ остальномъ государствѣ казенные кабаки. Это значитъ увеличитъ доходы казны, но разоритъ Украйну, первоначальное населеніе которой и безъ того уже уменьшилось на половину вслѣдствіе того, что его принудили, вмѣсто солдатъ, поставлять людей на работы въ Петербургѣ и на Ладозскомъ озерѣ, гдѣ ихъ погибло великое множество: ¹⁾»

П. Голубовскій.

¹⁾ Сборникъ, стр. 449—452.

Фундуши и стипендіи виленскаго учебнаго округа. Справочное пособие. Сост. Н. Юницкій. Ч. 1. Выпускъ первый, Вильна. 1884 г.

Названная книга является въ нашей исторіографіи совершенною новинкою и по основной мысли своей и задачѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія.

Въ предисловіи къ своей довольно объемистой книгѣ г. Юницкій объясняетъ побудительныя причины къ составленію оной и опредѣляетъ двойное—историческое и практическое значеніе своего труда. «Молчечество, говоритъ онъ, всѣхъ фундушевыхъ и стипендіальныхъ капиталовъ въ виленскомъ учебномъ округѣ простирается до 900 тысячъ руб. сереб. Судьба нѣкоторыхъ изъ пожертвованій и содержаніе духовныхъ записей фундаторовъ безъинтересны; они имѣютъ свое историческое значеніе, характеризуютъ духъ времени, направленіе общества и его потребности, рисуютъ намъ задачи воспитателей, требованія ихъ отъ учащихся и самый способъ обученія и содержанія послѣднихъ... Нѣкоторыя изъ пожертвованій сдѣланы еще въ прошедшемъ или въ началѣ настоящаго столѣтія, а переписка о нихъ или подлинныя документы такихъ фундушевыхъ записей (и при томъ до 1832 г. преимущественно на польскомъ языкѣ) находятся въ разныхъ учрежденіяхъ; вслѣдствіе этого справки по дѣламъ о пожертвованіяхъ для всѣхъ лицъ, имѣющихъ къ нимъ то или другое отношеніе, т. е. для служащихъ въ управленіи округа и въ учебныхъ заведеніяхъ, для родителей, опредѣляющихъ своихъ дѣтей въ конвенты или ищущихъ стипендій для учащихся, весьма затруднительны, особенно въ виду того, что нѣкоторыя учрежденія и заведенія, для которыхъ предназначены первоначально фундуши, нынѣ упразднены или переведены въ другія мѣстности, и наконецъ самыя положенія о пожертвованіяхъ съ теченіемъ времени въ силу разныхъ требованій подвергались преобразованіямъ».

Г. Юницкому пришла счастливая мысль «собрать данныя по каждому фундушу, разбросанныя по разнымъ дѣламъ управленія округа и учебныхъ заведеній, въ одно цѣлое, т. е. составить краткія историческія свѣдѣнія о всѣхъ пожертвованіяхъ на воспитаніе юношества, состоящихъ въ распоряженіи виленскаго учебнаго округа, съ указаніемъ въ нихъ главныхъ положеній о каждомъ фундушевомъ капиталѣ», при чемъ, какъ само собою разумѣется, недостатка въ источникахъ для такихъ свѣдѣній быть не могло: они находились и въ дѣлахъ округа, и въ архивахъ учебныхъ заведеній, получались изъ архива министерства народнаго просвѣщенія и изъ печатныхъ сборниковъ того же министерства и учебнаго округа.

Книга г. Юницкаго подраздѣляется на два главные отдѣла. 1) Стипендиі, правительственныя и частныя капиталы, состоящія въ распоряженіи управленія учебнаго округа, и 2) фондуши гимназій, начинающіеся съ разнообразныхъ и многоисленныхъ фондушей гимназій виленской. съ подраздѣленіемъ ихъ на предметы ихъ предназначенія по источникамъ и именамъ жертвователей, преимущественно польскихъ вѣковъ недавняго и весьма отдаленнаго времени.

Изъ книги г. Юницкаго сказать должно, что онъ справился съ своею задачею и огромнымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его распоряженіи, вагъ нельзя лучше: каждый изъ фондушей имѣетъ у него свою обстоятельную исторію; свѣдѣніи о немъ сгруппированы самымъ тщательнымъ образомъ, изложены сжато и ясно, а положенія о нихъ—языкомъ официальныхъ актовъ, устраняющимъ всякую неточность и протекajúщія отсюда недоразумѣнія. Г. Юницкій преслѣдуетъ въ своемъ сборникѣ пока одну лишь практическую цѣль—дать необходимыя справки тѣмъ, кто въ нихъ можетъ имѣть нужду. «Историческія данныя, говоритъ онъ, не могутъ быть тутъ поставлены на первомъ планѣ и должны быть отложены до послѣдней заключительной главы и сгруппированы, какъ конечный результатъ разсмотрѣнной судьбы всѣхъ фондушей». Мы имѣемъ предъ глазами лишь первый выпускъ труда Юницкаго; плана дальнѣйшихъ работъ тутъ нѣтъ; сколько можетъ быть дальнѣйшихъ выпусковъ, когда они выйдутъ, чего будутъ касаться и когда появится упомянутая сейчасъ заключительная глава, остается неизвѣстнымъ. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ждать именно этой главы, такъ какъ въ ней главный историческій интересъ и она, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, «въ извѣстной степени можетъ способствовать полненію исторіи сѣверо-западнаго края, особенно первой половины текущаго столѣтія», точнѣе исторіи образованія въ немъ, которое въ рукахъ анти-правительственной партіи служило самымъ могучимъ факторомъ въ направленіи общей жизни края.

Настоящая попытка привести въ ясность и общую извѣстность многозначительныя средства общественнаго образованія въ край и положенія о нихъ, предпринятая, какъ можно догадываться, по мысли и при поддержкѣ администраціи виленскаго учебнаго округа, по самой практической своей цѣли, должна-бы вызвать подражаніе въ другихъ учебныхъ округахъ, особливо вѣевскомъ и варшавскомъ, по многочисленности въ нихъ фондушевыхъ и цѣлыхъ записей и запутанности нѣкоторыхъ изъ

нихъ. Историческій интересъ положительныхъ о нихъ свѣдѣній понятенъ самъ собой; но кто знаетъ, съ какими трудностями сопряжено бываетъ размысканіе много капитала и пользованіе имъ, особливо при необходимости видоизмѣнить его употребленіе сообразно обстоятельствамъ времени, тотъ пойметъ всю важность сборника, въ родѣ настоящаго, и отдастъ справедливую дань уваженія труду г. Юлицкаго и тѣмъ, по чьей мысли онъ задуманъ и при чьей поддержкѣ выполненъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ КЪ БІОГРАФІИ ВЛАДИМИРА ЛУКИЧА БОРОВИКОВСКАГО.

«Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка».
Гвидиць.

Въ апрѣльской выпускѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ была помѣщена весьма любопытная статья г. Горленка: *Художникъ В. Л. Боровиковскій*—«самый крупный талантъ, какой дала Малороссія русской школѣ живописи». Въ концѣ статьи выражено желаніе, чтобы собранный однимъ изъ потомковъ художника по линіи его брата біографическій о немъ матеріалъ былъ сообщенъ печати. На такой, обращенный ко мнѣ, нижеподписавшемуся, вызовъ почтеннаго автора статьи скажу прежде всего, что еще въ 1868 году представлены мною академіи художествъ, по сообщенному мнѣ на то ея желанію, собранныя мною *Краткія свѣдѣнія къ біографіи академіи художествъ соотвѣтника Влад. Лук. Боровиковскаго*,—какъ матеріалъ къ предполагаемому изданію біографій знаменитыхъ ея художниковъ. За сямъ, такъ какъ мнѣ доселѣ неизвѣстно, какое сдѣлано употребленіе изъ этого матеріала, то, дополнивъ теперь мои *Свѣдѣнія*, дѣлюсь ими съ читателями «Кіевской Старины».

В. Л. Боровиковскій родился въ Миргородѣ, въ 1757 году. Отецъ его, значковый товарищъ *Лука Боровикъ* († 1775), былъ между прочимъ въ числѣ членовъ комиссіи для составленія новаго уложенія, неудовлетворившей ожиданіямъ императрицы. Князь Эри-

ство, въ статьѣ «Боровиковскій. В. А.» въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара, говорятъ, что неизвѣстно, кто былъ его учителемъ въ живописи. Мнѣ положительно извѣстно, что дѣдъ мой, Лука Боровикъ, былъ самъ хорошимъ живописцемъ: я сохраняю икону его работы «св. Дмитрій, митрополитъ ростовскій», замѣчательную и по живописи, и по тому обстоятельству, какъ передавать мнѣ покойный мой отецъ, что она составляетъ вмѣстѣ икону и портретъ святаго (любопытно-бы было сравнить ее съ дѣйствительнымъ портретомъ). Слѣдовательно, Владиміръ Лубичъ могъ получить основательныя начала въ живописи еще отъ отца своего, у котораго онъ выучился также играть на гусляхъ. Живописное искусство было какъ-бы наслѣдственнымъ въ фамиліи Боровиковскихъ, занесенной въ дворянскую родословную книгу бывшаго екатеринославскаго намѣстничества. Братья Луки, Иванъ, и двоюродный, Демьянъ, были также живописцы. Четыре сына Луки все были живописцами. Владиміръ былъ старшимъ изъ нихъ, а мой отецъ, Иванъ, младшимъ. Владиміръ, по обыкновенію тогдашняго времени, поступилъ въ военную службу, но вскорѣ выйдя въ отставку въ чинѣ поручика и поселился въ отцовскомъ домѣ, предався любимому своему искусству. Онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ. Многія церкви въ Малороссіи имѣютъ или имѣли иконы и цѣлыя иконостасы его работы. Весь иконостасъ троицкой миргородской церкви его вѣсти. Есть его подпись на иконахъ: «писалъ 1784 г. Владиміръ Боровиковскій». Не смотря на протекшія уже сто лѣтъ, иконы отличаются прочностью и свѣжестью красокъ, не говоря уже объ искусной живописи: тѣло ангеловъ какъ будто просвѣчиваетъ, воздушное, безплотное; особенно возбуждаютъ удивленіе, на боговыхъ вратахъ алтаря, первосвященники Мелхиседекъ и Ааронъ. Въ приходскую поскресенскую церковь своей родины прислалъ онъ изъ Петербурга превосходную, до сихъ поръ хранимую, плащаницу съ херувимскою пѣнію великой субботы: *Да молчитъ всяка плоть человѣка...*; а въ соборную миргородскую церковь прислалъ двѣ намѣстныя иконы: къ сожалѣнію, слѣшая *ревность не по разуму* въ послѣднее время испортила ихъ *подновкою* лицъ! Жаль, если тамъ участь ожидаетъ и прекрасныя иконы троицкой церкви! *Habent sua fabulae libelli* и иконы! Во многихъ семействахъ здѣшнихъ помѣщичьихъ иконы или портреты работы Боровиковскаго передаются по наслѣд-

ству отъ поколѣвій къ поколѣвію. Живопись считалъ онъ своимъ призваніемъ, а повиноваться ему—своимъ долгомъ, пока, наконецъ, дѣйствительное Божіе призваніе въ лицѣ великой императрицы не указало ему мѣста въ академіи художествъ. Во время путешествія Екатерины въ Крымъ (1787 года) миргородскій предводитель дворянства, извѣстный *Каннистъ*, поручилъ ему написать нѣсколько картинъ, чтобы украсить ими домъ, назначенный для пріема государыни. Двѣ изъ нихъ были особенно примѣчательны: на одной изобразилъ онъ семь мудрецовъ Греціи предъ влигою «Наказа» и Екатерину, въ видѣ Минервы, объясняющую имъ свое твореніе; на другой картинѣ представленъ былъ Петръ I, вспахивающій землю, а вслѣдъ за нимъ Екатерина II, сѣющая сѣмена; два генія, изображавшіе Александра и Константина, боролись эту вспахивую и засѣяную землю. Мысль этихъ картинъ понравилась императрицѣ. Она желала узнать художника и предложила ему ѣхать въ Петербургъ, къ Ламбію (слѣдовательно, ему было тогда не болѣе 30 лѣтъ). Въ столицѣ въ скорое время ученикъ сдѣлался соперникомъ своего учителя Ламбія въ живописи; подружась съ Левецкимъ, заимствовалъ у этого художника все, что казалось ему согласнымъ съ собственнымъ его вкусомъ¹⁾.

Уѣзжая въ Петербургъ, онъ взялъ съ собою малолѣтняго племянника своего, сына единственной сестры своей, бывшей въ замужествѣ за священникомъ, *Антоня Горковскаго*, и воспиталъ его въ кадетскомъ корпусѣ: впоследствии Горковскій былъ артиллерійскимъ полковникомъ, начальникомъ крѣпостной артиллеріи въ Эривани и умеръ въ Петербургѣ. Благодарный племянникъ сохранилъ письма его къ нему, мнѣ потомъ доставшіяся: они рисуютъ Владміра Лукича человѣкомъ души доброй и христіанскихъ убѣжденій. Похвала племянника, что умѣеть цѣнить благодѣянія, онъ проситъ благодарить за нихъ не его, но Виновника *всякаго даянія блага*. Икона, нерукотворенный образъ Спасителя, которою благословилъ онъ любимого своего «Антошу», отпуская его на службу, и которая сопутствовала ему во всѣхъ его походахъ, въ Россію, въ Турцію, на Черномъ и Средиземномъ моряхъ, на Корфу и у береговъ Далмаціи, на Кавказѣ и за Кавказомъ, хранится теперь у меня, и я

¹⁾ Энциклопедич. Лексиконъ Шюшара, т. VI.

дорожу ею не менѣе Горьковского. Владиміръ Лукичъ вызвалъ было къ себѣ въ Петербургъ и меньшаго своего брата, отца моего, который и продолжалъ у него занятія свои въ живописи; но черезъ годъ, по домашнимъ обстоятельствамъ остальныхъ братьевъ, долженъ былъ возвратитъ его на родину. Онъ разсказывалъ, что въ мастерской брата нерѣдко видѣлъ Капниста и Державина, который, «замѣтивъ мою близорукость, подарилъ мнѣ свои очки», ими отецъ дорожилъ во всю свою жизнь. Приступая къ какойнибудь важной или серьезной работѣ, Владиміръ Лукичъ прежде всего отправлялся въ церковь и слушалъ молебенъ. Приготовивъ полотно или доску для иконы, онъ заставлялъ читать вслухъ Евангеліе или житіе святаго, котораго изобразить предполагилъ, и останавливаясь на какомъ-либо текстѣ или мѣстѣ читаемаго, прерывалъ чтеніе, набрасывалъ рисунокъ и затѣмъ давалъ своей идѣ дальнѣйшее осуществленіе. Онъ имѣлъ обыкновеніе каждую субботу по утру раздавать посылную милостыню нищимъ, которые обыкновенно и ожидали такой раздачи на лѣстницѣ его квартиры, и если онъ не видѣлъ кого-либо изъ такихъ обычныхъ своихъ гостей, то поручалъ другому передать подаваніе, предваряя, что онъ-же спроситъ того—получилъ-ли?

По свидѣтельству знавшихъ Владиміра Лукича и посѣщавшихъ его мастерскую онъ былъ «трудолюбивъ до невѣроятности», «Я посидѣлъ у него съ часъ, писалъ о немъ одинъ знакомый, посѣтившій его въ Петербургъ, и между разговорами онъ не переставалъ заниматься работою». «Мнѣ потерять часъ», писалъ Владиміръ Лукичъ къ роднымъ, извиняясь, что не пишетъ къ нимъ особо, «ей, составляетъ великое въ занятіяхъ моихъ устройство!» Посылая племяннику своему билетъ на полученіе «Сына Отечества», онъ пишетъ: «я и не имѣю времени читать его». Любимымъ его чтеніемъ въ немногіе часы досуга были книги духовнаго содержанія, таковы: *О подражаніи Іисусу Христу, Путь ко спасенію, Бесѣды Макарія Египетскаго, сочиненія Дмитрія Ростовскаго и объ истинномъ христіанствѣ Талана Воронскаго*; этими книгами снабдилъ онъ и отца моего, отъ котораго переписалъ они ко мнѣ. Владиміръ Лукичъ писалъ много для церквей, по извѣстнѣ особенно портретами. Онъ писалъ всю императорскую фамилію. Лучшія его иконы находятся въ казанскомъ

соборѣ, *Благовѣщеніе* и *Евангелисты*, на царскихъ вратахъ. Извѣстны прекрасные стихи *Бенедиктова* къ его Благовѣщенію:

Кто сей юный?.....
Кто сія?.....
Этотъ юноша крылатый,
Искушенія глашатай.
Ангелъ, вѣстникъ торжества,
Вѣстникъ тайны воплощенья,
А предъ нимъ, полна смущенья,
Дѣва—матерь Божества!

Въ лицѣ ангела видятъ неземнаго вѣстника неземнаго благовѣстія, а въ лицѣ Маріи читаютъ и ея смущенье, и глубочайшее ея смиреніе и совершенную покорность волѣ Божіей... Простоявъ долго предъ его Благовѣщеніемъ, передавалъ мнѣ почтенный отецъ архимандритъ, и отойдя отъ него, вновь возвращаешься, чтобъ *дочитать* остальное...: такъ многозначительно его выраженіе!

Скончался Владиміръ Лукичъ въ 1825 году, въ Петербургѣ, на 68 году своей жизни, не бывъ никогда женатъ. Онъ « очень боялся, какъ самъ писалъ, оставить свои вещи, картины и иконы, изъ коихъ есть и очень полезныя, на раскупити ». Въ завѣщаніи все движимое имущество свое указывалъ продать и деньги употребить на бѣдныхъ и на поминованіе по церквамъ. Погребень на Смоленскомъ кладбищѣ, въ троицкой церкви котораго весь иконостасъ верхней церкви—его работы. На скромномъ памятникѣ его высѣчены стихи:

Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви
Изъ мертвыхъ воскресенья.
Творецъ! се тварь твоя
Ждетъ отъ Тебя спасенья!

Послѣдній стихъ очень гармонировалъ благочестивому настроенію души художника, какимъ отличался онъ въ жизни. Въ послѣдніе его годы былъ слухъ, что Боровиковскій, вмѣстѣ съ однимъ изъ друзей своихъ, поступаетъ въ монахи въ Кіево-печерскую лавру; но, какъ друга его почему-то принять туда не согласились, то и онъ не привелъ въ исполненіе своего предположенія. Видаю это только, какъ слухъ. Вообще, и какъ художникъ несравненный, и какъ чедовѣкъ хри-

стиавшихъ убѣжденій и самихъ скромныхъ желаній, Владиміръ Лукичъ представляетъ собою замѣчательную личность.

Таковы краткія, добытыя мною, свѣдѣнія о дядѣ моемъ, художникѣ В. Л. Боровиковскомъ. Свѣдѣнія эти, какъ я сказала въ началѣ, еще 16 лѣтъ тому назадъ представлены были мною академіи художествъ; къ нимъ я присоединилъ тогда, какъ миниатюрный портретъ художника, имъ самимъ карандашомъ рисованный и на кампѣ отпечатанный, такъ, въ видѣ особаго приложенія, и *Выписки изъ сохранившихся писемъ его къ роднымъ*: изъ нихъ можно было видѣть, какихъ онъ былъ мыслей, чувствованій и убѣжденій, а слѣдовательно и какого образа жизни, на основаніи того, что talis hominibus fuit oratio, qualis vita, по выраженію Сенеки.

Въ письмахъ своихъ къ роднымъ Владиміръ Лукичъ повторяетъ, что занятія свои живописью считаетъ Божіимъ призваніемъ, а повиноваться оному «съ вѣрностію», какъ выражался онъ, т. е. рачительно и неуклонно, святою своею обязанностію. Такимъ образомъ самыя счастливыя условія: природное дарованіе и основательныя начала, прекрасное убѣжденіе и неустанный трудъ, соединились въ немъ, чтобы произвести изъ него замѣчательнаго художника, неподражаемаго портретиста и вдохновеннаго иконописца, что и выражено мною, полагаю не прсувеличенно, на прилагаемой при семъ, снятой мною копіи съ упомянутаго его портрета ¹⁾, стихомъ Горациа:

... liquidis ille coloribus
Solors nunc hominem ponere, nunc deum.

Hor. od. IV, 7.

Ив. Боровиковскій.

Въ концѣ любезной статьи г. Горленка: *Художникъ В. Л. Боровиковскій* («Кіевской Старины», апрѣль текущаго года) помѣщенъ *Списокъ извѣстныхъ работъ Боровиковскаго*. Его можно пополнить еще слѣдующими, какія встрѣчались мнѣ въ газетныхъ извѣстіяхъ:

1. Соборъ въ Могилевѣ на Дибирѣ во имя праведнаго Іосифа, Обручника Божіей Матери, построенный въ память свиданія Ека-

¹⁾ Къ сожалѣнію, мы не можемъ теперь приложить этого портрета, но надѣемся воспользоваться имъ впоследствии.—Ред.

терины въ семь городѣ съ Іосифомъ II, «украшенъ превосходными иконами работы знаменитаго Боровиковскаго». *Современный Листокъ*, 1867 г., № 22.

2. Въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ (Торжокъ, тверской губерніи) «замѣчательна живопись на иконостасѣ: всѣ иконы его, въ количествѣ 37, написаны въ 1795 году на казенный счетъ съ высочайшаго разрѣшенія академикомъ Боровиковскимъ за 1,600 руб.». *Сынъ Отечества*, 1874 г.

3. «Бабушка съ котикомъ», гдѣ и чей портретъ, мнѣ не извѣстно. «Вѣдь это Боровиковскаго! Chef d'oeuvre, можно сказать». Изъ статьи *Кохановской*: «Провинціальная галлерей портретовъ» въ *Хрестоматіи Галахова*, Т. II.

4. Замѣчательная икона Божіей Матери съ Младенцемъ и ангелами, которую нѣкогда (подписано: «1786 г. писалъ Влад. Боровиковскій») художникъ принесъ одному «высокопросвѣщенному и именитому лицу (вѣроятно, Троицкому) въ даръ любви, — для вдохновеннаго поклоненія». Икону эту недавно г. Лѣсковъ нашелъ гдѣ-то уже въ сараѣ расколотою и буравомъ въ верхней части просверленною, чтобъ надѣвать на гвоздь! Онъ повезъ ее въ Петербургъ для реставраціи (*Харьковскіи Губернскіи Вѣдомости* 1881 г. № 203).

Къ сожалѣнію я немногимъ чѣмъ могу похвалиться изъ произведеній кисти моего дяди, а именно:

1. Упомянутый уже Нерукотворенный образъ Спасителя.
2. Пять небольшихъ иконъ на желѣзныхъ листахъ: Денсусъ и 12 апостоловъ, — прекрасные образцы для иконостасныхъ иконъ.
3. Портретъ императрицы Маріи Феодоровны въ молодыхъ лѣтахъ.
4. Портретъ цесаревича Константина въ молодыхъ лѣтахъ.

Вмѣстѣ съ этими иконами и портретами отецъ мой привезъ отъ брата изъ Петербурга и прекрасную икону работы *Ламіи старшаго*, Богоматерь съ Младенцемъ у столика, на холстѣ.

Гравюры:

1. *Благовѣщеніе*, съ иконъ Казанскаго собора, *Робенсона*, въ книгѣ Кукольника: «Картины Русской Живописи».
2. А. Б. *Куракинъ*, съ портрета, *Кюбера*.

Рисунки:

1. *Евангелисты*, карандашемъ, отпечатанные на камнѣ. образцы, съ которыхъ и писаны Евангелисты для Казанскаго собора, въ 1808 году.

2. *Равноапостольный Владиміръ*, бѣглый рисунокъ перомъ и тушью, но съ нагляднымъ выраженіемъ величія и твердой власти.

Ст. Сов. Ив. Боровиковскій.

7 июля 1884 г.
Хорошь, с. Милушеви.

ОТКРЫТІЕ ДРЕВНИХЪ МОЗАИКЪ КЪ ГЛАВНОМУ КУПОЛУ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОВОРА.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, при м. Евгеніѣ, какъ значителенъ въ составленномъ имъ описаніи киево-софійскаго собора, главный куполъ этого собора былъ росписанъ новою живописью. Она представляла слѣдующія изображенія: въ самомъ днѣ купола Спаситель, благословляющій обѣими руками, и въ облакѣхъ отъ него исходящій Св. Духъ; ниже этого образа, по стѣпкамъ купола, 7 архангеловъ: Михаэль съ мечемъ въ одной рукѣ и знаменемъ въ другой, Гавріиль съ вѣтвію лиліи, Рафаиль съ алавастромъ, Уріиль съ зажженою свѣчей, Салавиль съ четками и Герудиль съ вѣщцемъ; между архангелами огненные языки, ниже архангеловъ—соборъ десяти чиновъ ангельскихъ, окружающихъ и поддерживающихъ престолъ Вседержителя, еще ниже между 12 окнами на простѣпкахъ 12 апостоловъ, стоящіе на 12 ветхозавѣтныхъ и апокалипсическихъ камняхъ (Исх. XXVIII, Апокал. гл. 21). Надъ каждымъ изъ апостоловъ были золотыя звѣзды, въ срединѣ ихъ огненные языки, а надъ ними надписи: *на главѣ ея тыицець отъ дванадцати звѣздъ* (Апокал. гл. 12).

При возобновленіи киево-софійскаго собора въ 1843—1853 г., каменный куполъ вновь росписанъ іеромонахомъ Иринеархомъ по рисунку академика О. Г. Солнцева, которому Высочайше вѣрено было руководство работами по возобновленію собора. Въ это время изображены: въ днѣ купола, вѣсто Вседержителя, Богъ Отецъ въ видѣ ветхаго деньми, надъ нимъ 4 шестокрылатыхъ серафима, 2 ангела, держащихъ разрушительный образъ Спасителя, и 2 ангела,

державныхъ земной паръ; ниже ихъ архангелы: Гавріиль, Рафаиль, Уріиль, Салавіиль, Ісудіиль, Варахіиль и Іереміиль; изображенія 12 апостоловъ между обѣими фонаря переписаны на-ново.

Между тѣмъ изъ описанія путешествія антиохійскаго патріарха Іоазима, посѣщавшаго Кіевъ въ 1653 году, извѣстнымъ стало, что весь куполь кіево-софійскаго собора былъ мозаическій, и что въ половинѣ XVII вѣка въ немъ были изображены: Господь Вседержитель съ ангелами и 12 апостолами и по угламъ (на парусахъ) 4 евангелиста. «Все это, пишетъ спутникъ патріарха діаконъ Павелъ, украшено царственною мозаикой, золотистой, съ удивительными узорами, съ греческими надписями, точно также, какъ и 4 арки, на которыхъ лежатъ куполь»¹⁾.

Когда и къмъ въ первый разъ замалеваны эти мозаики, ибѣтъ извѣстій; князь Голицынъ въ своемъ путешествіи по южной Россіи въ 1807-мъ году пишетъ, что онъ ихъ видѣлъ и ими восхищался. Къ сожалѣнію онъ не наименовалъ изображеній, видѣнныхъ имъ въ куполѣ, такъ что остается сомнѣніе, не относятся-ли его слова только къ мозаическимъ изображеніямъ евангелистовъ на парусахъ и мучениковъ на алтарныхъ аркахъ, между тѣмъ какъ въ куполѣ могли быть уже живописныя изображенія, сдѣланныя раньше, быть можетъ, еще въ 1718 г., при росписаніи стѣнъ собора масляными изображеніями на мѣстахъ бывшихъ здѣсь, но забытыхъ фресовъ.

При высотѣ соборнаго купола до 12 сажени, отъ церковнаго пола трудно было разсмотрѣть, что скрывается подъ масляной живописью купола; видна была только шероховатая поверхность этой живописи и шляпки гвоздей, которыми прикрѣплена древняя штукатурка; но изъ этого можно было заключать только о томъ, что древній куполь уцѣлѣлъ, а не устроены вновь м. Петромъ Мочилою, какъ полагали нѣкоторые. Случайное обстоятельство не только утвердило съ несомнѣностію это предположеніе, но удостовѣрило, что подъ нѣсколькими слоями позднѣйшей живописи сохранились первоначальныя мозаическія изображенія времешъ Мрослава. Въ на-

¹⁾ Это мѣсто въ описаніи путешествія патріарха Макарія, оставленное англійскимъ издателемъ въ арабской подлинникѣ, безъ перевода на англійскій языкъ, переведено для насъ съ арабскаго, при посредствѣ А. П. Муравьева, первымъ драгоманомъ русскаго посольства въ Константинополь г. Ону, въ бытность его въ Кіевѣ.

стоящее лѣто, въ первый разъ со времени обновленія собора въ 1843—45 г., приступлено было къ промывкѣ стѣнной живописи. Устроенные для этой цѣли подмости дали возможность осмотрѣть ближе внутренность главнаго соборнаго купола. Первымъ проникъ туда завѣдывающій въ настоящее время обновленіемъ фресковой живописи въ главной церкви б. кіево-кирилловскаго монастыря, профессоръ изящныхъ искусствъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ А. В. Праховъ, и его сколько просвѣщенный, столько и опытный глазъ привелъ къ предположенію, что подъ малярской живописью этого купола и его позолотой должны скрываться остатки древней мозаики. Дальнѣйшее тщательное изслѣдованіе купола и осторожная прочистка позднѣйшихъ наслоеній въ разныхъ частяхъ высшихъ изображеній вполнѣ подтвердили первоначальную догадку г. Прахова. Древнія мозаическія изображенія оказались во всемъ почти куполѣ, а именно: въ центрѣ купола, въ кругѣ, Господь Вседержитель, поясное изображеніе съ сохранившимися по сторонамъ буквами С и Х; ниже его одинъ цѣльный ангелъ, правѣе его часть другаго ангела; ниже ихъ въ двухъ пролетахъ между окнами два апостола, сохранившіеся приблизительно отъ пояса вверхъ, и надъ однимъ изъ нихъ явственная надпись. Замѣчено притомъ, что повѣйшая живопись не слѣдуетъ древней мозаической. Въ виду столь богатаго неожиданнаго открытія, произведенъ вновь осмотръ купола членами церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи, совмѣстно съ г. Праховымъ и архитекторами—губернскимъ и епархіальнымъ. Церковно-археологическое общество не нашло никакихъ препятствій къ очисткѣ древнихъ мозаическихъ изображеній отъ слоевъ масляной живописи и къ росписанію прочихъ частей согласно съ сохранившимися мозаическими. Постановленіе о семъ общества утверждено высокопреосв. митрополитомъ кіевскимъ Платономъ 20 іюля, и тогда приступлено къ полной очисткѣ древней мозаики подъ руководствомъ проф. Прахова. Открыто уже вполнѣ изображеніе Господа Вседержителя и ангела, съ величественными, идущими до самыхъ ногъ крыльями; оказалось, что оно сохранилось какъ нельзя лучше, во всей цѣльности и свѣжести цвѣтовъ. Сверхъ того, когда очищено отъ слоевъ масляной живописи цѣльное изображеніе пророка Софоніи выше линии иконостаса, на лѣвой отъ зрителя стѣпѣ алтарной дуги, поддерживающей куполь, то подъ

нимъ оказалось мозаическое изображеніе ветхозавѣтнаго Ларона въ первосвященнической одеждѣ, убранной камнями, съ мозаическою надписью: *ὁ ἀγὸς Λαρόν*. Такимъ образомъ вскорѣ можно будетъ видѣть главный куполь древнѣйшаго нашего собора въ томъ видѣ, какъ оставилъ его приснопамятный храмоздатель Ярославъ.

П. Л—въ.

ОТРЫВОЧНЫЯ ЗАМЪТКИ О ЗАПОРОЖСКОЙ СТАРИНѢ.

Встрѣчая въ «Кіевской Старинѣ» время отъ времени снимки старыхъ рисунковъ нашихъ маляровъ прошлаго столѣтія, не можемъ не выразить желанія, чтобы на ея страницы какъ нибудь попали дорогія изображенія, находящіяся въ запорожской покровской церкви, что въ Никополь (Микитиномъ перевозѣ).

Церковь эта стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани и конторы агентства російскаго общества пароходства и торговли. Когда пароходъ дѣлаетъ здѣсь стоянку, путешественнику нельзя отказать себѣ въ удовольствіи любопытства увидѣть своими глазами то, что сохранила церковь изъ запорожской древности. О евангеліи, въ одной серебряной оправѣ втораго 28 фунтовъ и внѣшность котораго вмѣстѣ съ другими вещами была описана священнику церкови изъ «Запискахъ общества исторіи и древностей» 1865 г., всѣ знаютъ и говорятъ, какъ о восьмомъ чудѣ; громадныя буквы печати этого евангелія также извѣстны всѣмъ никопольскимъ жителямъ. Меньше или совсѣмъ ничего не говорятъ они о другихъ рѣдкостяхъ, о которыхъ (увидѣвши ихъ благодаря любезности священника) спѣшу сообщить читателямъ «Кіевской старины». Интересна тутъ и плащаница съ надписью: «Сія плащаница раба Божія Іоанна Гаркуни, куреня Тymoшевскаго»; интересна и кружка, облеенная монетами 1592, 1593, 1594, 1595, 1596, 1598 и 1600 годовъ; интересна и большая золотая медаль, пожалованная императрицею Екатериною II «войска запорожскаго полковнику Коленкѣ за отлично храбрыя противу непріятели поступки», какъ отчеканено на пей; интересна, наконецъ, и «таблица» изъ серебра съ крестомъ по среднѣи и съ надписями: «у семь крестѣ животворящее древо», а также: «сія таблица до храму Покрова

Пресвятія Богородицы сооружена копитомъ всего войска запорожского, а старавіемъ ктитора Павла за атамана кошового Павла Козаціцкого 1747 (?) году, мця октоврія 2 дня. Вѣсу во всей 8 фу: 70 зо: 57».

Но наше вниманіе болыше всего привлекала икона Покрова Божіей Матери, въ верхней части которой палѣво отъ Божіей Матери изображенъ святиель Христовъ Николаѣй, а направо архангель Михаилъ. Подъ послѣдними двумя фигурами впису изображены двѣ группы запорожцевъ въ полной ихъ парадной одеждѣ. Глаза ихъ по правиламъ средневѣковой иконописи обращены къ Божіей Матери; отъ устъ одного изъ нихъ тянется лента вверхъ къ изображенію Богородицы, и на этой лентѣ написано: «молимъ, покрій насъ честнымъ твоимъ покровомъ и избави насъ отъ всякого зла». Если не вся эта икона во всемъ цѣломъ, то по крайней мѣрѣ группы запорожцевъ могли бы быть сфотографированы для ознакомленія любителей старины или съ одеждою запорожцевъ, или со способомъ иконописи на Запорожьи.

Также стоило бы распространить между любителями мѣстныхъ древностей портреты двухъ братьевъ ктиторовъ николевской покровской церкви, оригиналы которыхъ, кажется, находятся въ одесскомъ музеѣ древностей, и на которыхъ двѣ одинаковыя надписи (съ переменною только именъ) гласятъ: «сей патреть снято съ ктитора Ивана Шыяна и поставленъ здѣсь при томъ мѣстѣ, гдѣ труда его всему сообществу на иконостасѣ видны. 1784 года, января 9 числа».

Ничто лучше не переноситъ насъ въ эпоху минувшую, какъ вѣрное изображеніе рисунка тогдашняго времени, и намъ кажется, желаніе наше о воспроизведеніи нѣкоторыхъ изъ николевскихъ древностей заслуживаетъ вниманія нашихъ мѣстныхъ художниковъ.

Запорожскія церкви по болышей части воздвигнуты во имя Покрова Пресвятія Богородицы; въ екатеринославской и херсонской губерніяхъ есть много мѣстечекъ и селъ, носящихъ имя покровскихъ: во всѣхъ ихъ найдете церковь Покрова Божіей Матери, по главной иконѣ которой смѣло можно опредѣлить, кто былъ строителемъ церкви, а слѣдовательно и основателемъ поселенія. Интересно то, что нѣкоторыя церкви замаскировали свое происхожденіе, измѣнивъ свой храмовой праздникъ и названіе. Такъ

единственная¹⁾ до сихъ поръ церковь въ г. Ольбиополѣ (по народному—Орликѣ, а по старымъ документамъ—Орловскомъ шанцѣ) носитъ названiе варваринской. Перебирая старыя книги архива этой церкви, намъ случилось замѣтить на метрической книгѣ 1772 года надпись о томъ, что эта церковь—покровская. Метрики же 90-хъ годовъ уже называютъ ее варваринскою; священникъ, недавно поступившiй на приходъ въ эту церковь, не могъ объяснить, когда она была переименована изъ покровской въ честь св. великомученицы Варвары. Такъ называемая «церковная летопись», по обыкновенiю, состояла изъ книги съ чистыми листами, на первой страницѣ которой написано лишь оглавленiе того содержанiя, какое должно бы было попастьъ въ эту книгу. Но вѣрность записи въ метрической книгѣ подтверждаетъ еще и то обстоятельство, что самая верхняя икона надъ царскими вратами, и, кажется, самая ветхая, есть икона Покрова Пресвятыя Богородицы съ типическими зеленымъ и краснымъ цвѣтомъ одеянiя.

Такую же икону намъ пришлось видѣть въ старой (предназначенной къ закрытiю) церкви, построенной Аонасимомъ Колшакимъ въ с. Аонасьевкѣ, новомосковского уѣзда, екатеринославской губернии. Эта церковь, замѣчательная по своей архитектурѣ, напоминающей новомосковскiй соборъ того-же строителя, позже уже называлась церковью Успенiя. Что она давно была переименована, показывають надписи на одной изъ старыхъ, сохранившихся въ ризѣ чашъ: «1780 году мѣсяца октября 6го дня снѣ чаша сооружена работомъ Божиимъ Васильемъ Бѣнимъ в слободу Аонасьевку до храму Успенiя».

Намъ кажется, что еслибы кто нибудь занялся разборомъ названiй церквей по описанiямъ епархiи екатеринославской и херсонской, то уже изъ самыхъ названiй могъ бы извлечь довольно указанiй относительно того, гдѣ жилали какiе запорожцы; труды гг. Смальковского и Эварлицаго по исторiи Запорожья могли бы служить путеводною нитью при такомъ сводѣ пунктовъ, населенныхъ запорожцами. Если мало осталось письменныхъ документовъ отъ жизни и быта запорожцевъ, то и другiе памятники, указывающiе на ихъ присутствiе, также слѣдовало бы привести въ извѣст-

¹⁾ Другая церковь въ этомъ городѣ теперь лишь строится.

ность. Ниже Вознесенска папр., неподалеку отъ м. Побровскаго, Аваньевскаго уѣзда, на владбищѣ с. Михайловки надъ Бугомъ находится каменный крестъ съ надписью: «Здѣ опочиваетъ рабъ Божій козакъ вѣйска бывшаго запорожскаго низоваго, курныя уманьскаго, Антонъ Кременецкій: преставился 1723 года, апрѣля дня 2. Сей крестъ сооружилъ сынъ его, подполковникъ Кременецкій».

Такихъ памятниковъ тоже слѣдовало бы поискать и составить и имъ списокъ по мѣстности, гдѣ они находятся.

А—въ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СВЯЩЕННИКА О ЖИЗНИ И СЛУЖБѢ ВЪ ВОЕННОМЪ ПОСЕЛЕНІИ.

Мудреное измышленіе приснопамятнаго Аравчесева, въ предѣлахъ великаго Нова-города извѣстное подъ названіемъ поселенія пахатныхъ солдатъ, а у насъ—на югѣ процвѣтавшее, подъ водительствомъ графа отъ поселеній Никитина, подъ наименованіемъ военнаго поселенія, мрачнымъ пятномъ легло на страницахъ бытовой исторіи нашего народа, и исчезло, какъ и появилось, мало для кого примѣтно, какъ явленіе исключительное, оставивъ въ близко знавшихъ оною одни тяжкія думы да грустныя воспоминанія.

Мнѣ Господь судилъ близко познакомиться съ поселеніемъ еще съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства. Отецъ мой священствовалъ въ поселеніи. Поселеніе и загло его,—тихаго, безотвѣтнаго; умеръ онъ, когда ему исполнилось едва 54 года отъ роду, осиротивъ семью безпомощную, безпріютную.

Относиться ко всѣмъ и ко всему безсердечно и безучастно, жить въ свое удовольствіе, да власть свою являть, не стѣсняясь, было неотъемлемою доблестію большей части дѣятелей поселенія. Впрочемъ чего и ждать отъ такихъ лицъ, какими въ большинствѣ запружалось это, воистину несчастное, поселеніе, и гдѣ разумные и добрые дѣятели являлись какъ-то нечаянно, точно по ошибкѣ, и изрѣдка, какъ счастливые дни въ жизни человѣка. Кто-то сказалъ, и не думаемъ, чтобы правду сказалъ: «негодится человѣкъ никуда,—въ поны его». Вотъ о множествѣ служившихъ въ поселеніи со всею справедливостію можно было сказать: непригоденъ человѣкъ ни къ чему въ военной службѣ,—въ поселеніе его.

И кого только не видѣло въ своемъ начальствѣ покойное поселеніе! Тутъ были и генералы отъ тевтоцовъ, которымъ-бы въ пору поварами быть въ родномъ фатерландѣ; тутъ и майоры и ротмистры или изъ той-же, всюду проказящей, нѣмецкой фракціи, или же отъ бурбоновъ, выросшихъ и воспитавшихся на палкахъ, и жившихъ и дышавшихъ только палками и палками; тутъ и вахмистры и ефрейторы часто отъ *нашихъ*, успѣвавшіе и командирамъ угождать и себя не забывать. Точно въ какаѣдоскопѣ проходятъ въ воспоминаніяхъ эти лица, часто и совѣмъ неумѣвшія различать православія отъ кривославія, а то и прямые ненавистники православія, гордые своимъ свободомысліемъ лютеране, съ презрѣніемъ относившіеся къ православной церкви и духовенству, и однакоже не только имѣвшіе вліяніе на ту и другое, но и бывшіе прямыми, непосредственными отцами-командирами церкви и духовенства военно-поселенскаго. Архипастыри православнаго, господствующимъ называемаго, исповѣданія въ отношеніи поселенія были въ роли только страдательной. Они должны были лишь рукополагать сюда тѣхъ, кого имъ уважутъ, назначать на мѣсто, кого представляютъ, удалять, не разсуждая, кого скажутъ удалить. Не только вся отчетность церковная въ поселеніи шла исключительно въ округа и штабы поселеній, но даже к лировыхъ вѣдомостей о служащихъ въ поселеніи причтахъ нельзя было найти у преосвященныхъ архипастырей. Говорю это по личному опыту. Священно и церковно служители, по взгляду и порядкамъ военно-поселенскаго начальства, были тѣже пахатные солдаты, также на смотры являлись, также, какъ и солдаты, солдатскій паскъ и жалованье въ солдатскомъ размѣрѣ отъ окружныхъ казначеевъ получали. Случалось иной разъ годоваго оклада священнику поселенія 9 рублей! Выше и ниже сего дать зависѣло вполнѣ отъ отцевъ-командировъ, не только снабжавшихъ церкви свѣчами по счету, а не по вѣсу, но и забиравшихъ въ свои руки все рѣшительно церковныя доходы. Церковь могла удержать у себя всего три-шесть рублей, да и тѣ на уплату за выдаваемые счетовъ свѣчи для продажи. Въ предотвращеніе за купки старостами свѣчь на сторонѣ, каждая церковь снабжена была образцами свѣчь разной величины, изъ коихъ каждая была прошнурована, и ярлыкъ на шнуркѣ скрѣпленъ казенной печатью и подписью отца-командира. Безъ его воли нельзя было ничего ни

сдѣлать, ни предпринять по церкви и приходу. Мнѣ однажды сдѣлать былъ строжайшій выговоръ за то, что я осмѣлился безъ воли начальства употребить 9 руб. церковныхъ денегъ на устройство жестяной купели для крещенія младенцевъ, и о моей необычайной дерзости публиковалось по всему мѣстному военному поселенію.

Самою главною тяжестію для насъ священниковъ, источникомъ всѣхъ нашихъ болѣзней и трудовъ была обширность приходовъ. Проектъ соединенія приходовъ, проведенный въ позднѣйшее время повсемѣстно, какъ нѣчто новое, благотворное, давно уже зрѣлъ въ мозгахъ учредителей приходовъ, на военномъ положеніи состоявшихъ, и пока созрѣлъ въ головахъ позднѣйшихъ благодѣтелей русской церкви и православнаго народа, уже успѣлъ здѣсь и плоды горькіе принести, плоды, истребить которые такъ трудно нынѣ бѣднымъ и безпомощнымъ дѣлателямъ на духовной ишвѣ бывшихъ военныхъ поселеній.

Чего только не приходилось переиспытать, чтобы удовлетворить всѣмъ нуждамъ многочисленныхъ прихожанъ въ самостоятельномъ и приписномъ приходѣ и не подавать повода къ какимъ либо замѣчаніямъ и выговорамъ со стороны взыскательнаго и придирчиваго начальства!

Случалось, отправляясь въ приписной приходъ, не разъ вываливаться изъ сапеей па окаменѣвшія отъ сильнаго мороза громадные кочки, разбивать грудь и бока и потомъ приступать къ совершенію литургіи; случалось цѣлый день ѣхать туда и обратно только ради напутствования больной женщины и въ вознагражденіе за это получать три кофѣйки, половину изъ которыхъ слѣдовало выдѣлать сиротамъ; случалось до поздняго вечера таяуться медленнымъ шагомъ, съ постоянными остановками, по невылазной грязи для отпѣванія умершаго, родные котораго, отчаявшись въ моемъ пріѣздѣ, рѣшились покойника сами погребсти. Помню, однажды въ воскресный день, совершивъ литургію, я, не отдыхая и не поддѣржывая себя лицемъ, цѣлый день до сумерекъ переходилъ изъ дома въ домъ, тамъ напутствуя умирающаго, тамъ елосвященіе совершая, тамъ воду освящая и под. Крестьяне привыкли жить по командѣ и всѣ свои нужды духовныя пріурочивать къ праздникамъ, а въ приходахъ, куда священникъ только наѣзжаетъ, поневолѣ все собирается къ его пріѣзду. По силѣ-ли священника все одновременно поспети

и всёхъ удовлетворить, о томъ и разсужденій не бывало; отцы командиры задохбили себя, что приходы должны быть по возможности равномѣрны и непременно не меньше 1000 душъ мужскаго пола. Нужно къ тому-же въ иеренгу, по военной выправкѣ, дома перестроить, чтобы, какъ солдаты, нога въ ногу стояли, а тутъ иное древнее село растянулось по каппмъ то невозможнымъ крутоярамъ. И вотъ, частію по этой причинѣ, а частію ради уравниня приходовъ, пошла приписка, а то и ломка селъ. И согнаны бѣдные крестьяне съ роднаго ищелища, бросили дорогія могилы, оставили среди пустыря родной храмъ, при которомъ родились и крестились, въ которомъ изливали скорбь свою въ молитвѣ къ Господу. Бже есть, надбось, многіе, живо помнящіе, какими горькими слезами орошалось тогда родное ищелище. Найдутся и такіе, которымъ придется случалось встрѣчать одинокую почернѣвшую церковь, егранно какъ то и сиротливо стоявшую среди кругомъ распаханнаго поля. Точно ураганъ пролетѣлъ тутъ и снесъ все село, или орда татаръ пронеслась покругъ пустыря: церковь ободрана, окна выбиты, иконостасъ испачканъ пріютившеюся въ бывшемъ святлицѣ птицей. И живо помню одну таковую церковь и съ натуры пишу. Вчужѣ больно сжимается сердце, а каково-же было тѣмъ, кому первовъ такая родною и близкою была?

Чтобы не быть голословнымъ въ томъ, что я говорилъ выше о крайней записности священниковъ въ военныхъ поселеніяхъ отъ ихъ командировъ, и показать, до какой мелочности доходили притязанія этихъ послѣднихъ къ церкви и духовенству, приведу въ заключеніе не нарочно высканшій, но случайно попавшій подъ руку документъ позднѣйшаго времени. Вотъ онъ отъ слова до слова.

Земельная Расписка 5-й волости 1-го округа шимо-подольскаго военного поселенія.

Приходскому священнику х. Соколовки Виктору Мервильскому.

Въ послѣдствіе отзывовъ ссѣ расправы отъ 16-го марта и 10-го апрѣля за № 214 и 302, она я вновь проситъ ваше преодобіе сообщить ей слѣдующія свѣдѣнія о церковныхъ деньгахъ, поступившихъ въ семь году въ пользу соколовской церкви, именно: въ январѣ о приходѣ 2 руб.—списокъ пожертвователямъ; о расходѣ этихъ денегъ на покупку одного пуда крупячестой муки 1-го сорта, для

просфиръ—приговоръ общества; въ февралѣ о приходѣ 1 руб. и о расходѣ его на покупку 20 фунтовъ 1-го сорта муки для просфиръ—приговоръ общества; въ мартѣ о приходѣ 36 руб.—списокъ пожертвователямъ и о расходѣ изъ нихъ 1 руб. на муку 20 фунтовъ 1-го сорта—приговоръ общества; въ апрѣлѣ о приходѣ 2 руб. списокъ и о расходѣ ихъ на покупку муки одного пуда приговоръ общества; въ маѣ о приходѣ 1 руб. списокъ и о расходѣ его на 20 фунтовъ муки 1-го сорта приговоръ общества.—Свѣдѣнія эти, т. е. списки и приговоры препроводить въ двухъ экземплярахъ; списки за вашимъ подписомъ, а приговоры—вашимъ, сельскаго и церковнаго старостъ; свѣдѣнія выше поясненныя крайне необходимы: одинъ экземпляръ для представленія начальнику округа, а одинъ справъ для приложенія документами къ книгамъ окружнаго управленія и справы, на этотъ предметъ заведеннымъ.

8 юля 1861 г., № 565.

С. Маньковка.

Начальникъ волости майоръ Шевченко.

Волостный голова Иванъ Хованъ.

Волостный писаръ Яненко.

И это было послѣ 1858 г., когда военные поселенія считались въ принципѣ упраздненными и доживали свой вѣкъ въ состояніи переходномъ, когда прежніе порядки измѣнялись и дисциплина военная совсѣмъ ослабѣла. Что же могло быть во время самаго такъ сказать террора военно-поселенской власти?

Св. Пр. Павловичъ.

ВЕЛИКІЙ ГРѢШНИКЪ.

(Сказка).

Иерархическая лѣстница угнетателей народныхъ въ періодъ крѣпостнаго права имѣла много степеней. Вершину ея занималъ ясневельможный и просто вельможный панъ—помѣщикъ, или дѣдичъ, средину—масса пановъ и подпанковъ въ разныхъ чинахъ и должностяхъ, начиная отъ жондцы и кончая подписаремъ, на самыхъ низшихъ ступеняхъ стояли: *отаманы*, *осаулы* и *сиаки*. Это были полицейскіе слуги помѣщиковъ и довѣренныхъ отъ ихъ лицъ; они

объявляли распоряженія пана, дѣлали наряды на ту или другую работу, наблюдали надъ выполненіемъ ихъ и исправностью рабочихъ, производили себукцію, по распоряженію пана, а иногда и личную расправу надъ провинившимся. Специальность «сипакъ» состояла въ томъ, что они каждый день съ вечера, а повторительно и раднимъ утромъ обходили все село и подъ окнами каждой крестьянской хаты объявляли заказъ на работу слѣдующаго дня, выклика громко имя рабочаго, названіе и мѣсто работы. Въ глухую полночь, когда все село объято было мертвымъ сномъ, и съ ранней утренней зарей до восхода солнца раздавались то въ томъ, то въ другомъ концѣ села ихъ свирѣпые голоса: «Грицько, Иване, Стспане, Палажко, Оксано, или: молодыци, парубки, хлопчята, выходте завтра на пащину» туда-то, то-то и то-то дѣлать, съ такими-то инструментами и принадлежностями. «Та рано выходте, прибавлялъ иной, бо будете быти». Сипаки-же, вмѣстѣ съ сотскими, были исполнителями всевозможныхъ истязаній и наказаній, какимъ подвергали паны и подпаны неустанно работавшихъ людей за всякія неисправности, промедленія, упущенія и другіе проступки и вины. Отаманы, осаулы и сипаки набирались всегда изъ крестьянъ: освобождаемые за свою службу отъ всякихъ другихъ работъ, получая провизію, иногда и жалованье и отвѣчая своею спиною за всякое послабленіе и недосмотръ, они волей или неволей становились сторонниками пановъ и ближайшими непосредственными гонителями и мучителями народными. Такъ и смотрѣль на нихъ народъ, осыпая ихъ проклятіями; въ глазахъ народа они являлись измѣнниками общими интересамъ, людьми отверженными. Онъ выразилъ это въ многочисленныхъ своихъ пѣсняхъ, сказкахъ и присказкахъ. Нѣкоторыя пѣсни цѣлкомъ посвящены тому или другому изъ этихъ мучителей народныхъ, какъ извѣстная пѣсня: *Никто-жъ мени не докучивъ, якъ той осаули*. Въ помѣщаемой связкѣ воспроизведенъ *сипака*. Въ народномъ языкѣ не было и нѣтъ презрѣннѣе этого имени, какъ и самой профессіи; это извергъ, кровопійца, палачъ. Производимыя имъ ежедневно истязанія въ народномъ представленіи кажутся преступленіемъ болѣе тяжкимъ, нежели разбойничество по профессіи, сопровождаемое цѣлымъ рядомъ убійствъ. Такой именно разбойникъ въ сказкѣ осуждается духовникомъ носить на себѣ двѣнадцать тяжелыхъ камней, которыхъ онъ ника-

кими силами не можетъ снять съ себя, доколѣ какимъ либо особымъ подвигомъ не загладитъ своихъ грѣховъ. Переходя съ мѣста на мѣсто въ теченіи лѣтъ пяти, онъ поадаетъ ночью на кладбище. Туда-же съ пьяныхъ глазъ, по окончаніи дневныхъ истязаній и жестоко напившись, забрелъ «сипака» и сталъ нарушать покой мертвыхъ, воображал, что вытоплетъ спящихъ крестьянъ па панцину. Разбойникъ, который и въ самомъ злодѣйствѣ своемъ не отдѣляется отъ народа и является мстителемъ за его страданія, возмущается такимъ наругательствомъ сипака надъ мертвыми и убиваетъ его; мгновенно спадаютъ съ него камни, и духовникъ объявляетъ ему, что грѣхи его отпущены, тяжкія вины его заглажены предъ Богомъ убійствомъ пароднаго палача. Палачъ неповиннаго народа по народному представленію и есть тотъ великій, точнѣе величайшій грѣшникъ, котораго именемъ озаглавлена предлагаемая сказка; ибо призывая мертвыхъ изъ гробовъ па панскую работу, онъ переноситъ земныя его страданія въ загробную жизнь, лишаетъ его послѣдняго утѣшенія, подаваемого религіею, надежды вѣчнаго упокоенія за временныя скорби и мученія.

Великій грѣшникъ.

Будь собі розбийникъ—розбиваю все людей. Бивъ, бивъ вже, може, годивъ дванадцать. Отто иде разъ полемъ; дивитъся, блищить огонь. «Мабуть чумаки, дума; пиду, побиваю ихъ, заберу рыбу, сіль». Приходить, ажъ дивитъся, мала дитина скака черезъ огонь и говоре: «Це тобі Боже, а це мени Боже, це тобі Боже, а це мени Боже». Виць и пита: «Хто ты такій»? Мовчить. «Отказався, каже, бо вбью». Воно за третімъ разомъ и каже: «Не бий мене, я великий гришникъ». «Що-жъ ты тутъ робишь?» «Богу молюсь». «Який же ты великий гришникъ? Я зъ вечера уродився, о пивночи хрестився, до свита вмеръ и поховали». «Чимъ же ты гришний, якъ ты зъ вечера уродився, въ пивночи хрестився, а до свиту вмеръ и поховали?» пита розбийникъ, а воно ему каже: «Мати, каже, родила и кровь проливала, черезъ то я великий гришникъ». «Ну, якъ же ты такий великий гришникъ, то, значить, я тысячу на тысячу разъ гришничий отъ тебе; скачи-жъ ты тутъ и молись собі Богу, а я пиду до батюшки, нехай покуту пакине, щобъ я спокutowавъ грихи».

Прійшовъ до батюшки, позрастувався. «Хочу, говорить, открытъ вамъ, батюшко, грихи: такъ и такъ—я дванадцать годивъ убивавъ людей, розбивавъ, а теперъ прійшовъ, щобъ вы спасли мою душу отъ грихивъ». Отъ батюшка взявъ и поначецлювавъ ему дванадцять камнивъ. «Носи-жъ, каже, ци камши, поки не отпадутъ, а якъ отпадутъ, то тоди и грихи твои отпадутъ». Носе тай носе, носе тай носе винъ ти камни—годиръ вже може съ пьять; вже отто мотузки повризувались въ тило, бо скризъ поначецлявъ впоперекъ и скризъ. Вже не здужае розбийникъ ходити. «Мабутъ, каже, умру зъ цими каминнями». Ходе винъ день и ничъ, все ходе; каже: «або вму, або спокутую грихъ, пиду въ ночи, куды очи; може ще поччу отпадутъ». Иде, ажъ чуе, десь гамъ и крикъ: «пиду туды, дума, подивлюсь; все одно выирать, разъ мати народила, разъ и вмиратъ». Приходить на кладовище, ажъ тамъ сивака пьялый: папився, ганявъ, ганявъ людей на сели на напцину; прійшовъ ще и мертвихъ калапматить. «А вставайте, кричить, таки-сяки дуня, доки лежать будете, идити на роботу!» та палицею стукъ, стукъ. «А ти чого? загапьявъ жывихъ, та ще и мертвихъ прійшовъ!» Та давай битися; завелись—той того бье, той того, той того, а той того. Цей того якъ жарне каминнямъ, тай убивъ, а каминня й по-отпадало. «Що мени теперъ робить?» дума соби розбийникъ; чипляе камни, отпадають. «Що его робить? пиду, дума, до батюшки; винъ мени сваже, що робить». Приходе. Такъ и такъ каже: «що мени робить?» «Ну, оттожъ», каже батюшка, «отпали отъ тебе твои грихи, та перешли на его; винъ ще грихнѣйшій отъ тебе».

Чигиринскій уѣздъ,
с. Лебодинъ.

Мих. Васильевъ.

ПОПРАВКА КЪ НАДПИСИ НА ИКОНѢ ВЪ СЕЛѢ ЖУКАХЪ.

Въ «Кіевской Старинѣ» 1883 года, за мартъ мѣсяць, была помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ: «*Стигматовый памятникъ нашестію шведовъ на Украйну*» (стр. 688—689). Не имѣя никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что стихи эти дѣйствительно святы покойнымъ профессоромъ Ставровскимъ, какъ свидѣтельство его сына, замѣчу однако, что они воспроизведены не съ

палеографическою точностью; нѣкоторые даже совсѣмъ выпущены, а другіе хотя и существуютъ, но во многомъ не сходны съ подлинными. Имѣвъ случай побывать недавно въ с. Жукахъ (въ разстояніи 10 верстъ отъ Полтавы), я снялъ точную копію этихъ стиховъ (разставивъ лишь знаки препинанія), которую и прошу помѣстить на страницахъ «Кіевской Старины».

Въ цѣлоѣ забвеніи все часъ погрѣбасть,
 О чesомъ намъ писаніе не возвыщаетъ.
 Сего ради судихомъ въ память написать,
 Кто и когда сей образъ дерзнулъ обругати?
 Подостовиъ имени добраго Мазепы,
 Пвашко пришедъ отъ адскаго заклопа.
 Той, оставивъ Господня Христа всероссійска,
 Петра Великаго, той самъ короля Свѣйска
 Приведе съ оружіемъ въ Россію малую,
 Имѣя въ сердцѣ своемъ, коварный, мысль злую.
 О кто исповѣсть тогда пролітія крови,
 Бѣды, страхъ, гоненія и ужасъ суровый!
 Лютры церкви святныя въ турмы превращаху,
 Подножіе и дамы съ иконъ сочиняху;
 Съ иконъ подыгнѣти котлажъ и до грубъ иконы,
 Съ иконъ, увы, помости дѣлали подъ кони.
 Тогда и та икона пострада святая,
 Юже въ дамы пречерта рука проклятая.
 Ликуй убо, стадо красно Христово,
 Имѣя другазъ святыхъ начертанныхъ ново,
 Патріарха съ пророкомъ: тія своя раны
 Предлагающе Богу, сохранять отъ брани
 Благочестиво царство, а императору
 Всероссійскому Петру, на земли и морю,
 Способствовать будутъ во всяческомъ дѣлѣ,
 Соблюдая здравіе его всегда въ цѣлѣ.
 Того врагамъ каменемъ пророкъ сотреть главу,
 Дѣствицею Іаковъ возведетъ и въ славу.

На дерзость проклятую еретическую эпиграмма.

Звѣри устыдѣшася въ ровѣ Давіиала,
 Ісавля патріарху ярость уступила.
 Надъ звѣрей лютіиши и паче Ісава
 На образѣ семъ зрлѣти еретиковъ справа.

На другой сторонѣ этой иконы есть надпись тѣмъ же почеркомъ, которымъ писаны и стихи: «сія икона святая пострадала начертаніе отъ лютровъ и еретиковъ свѣйскихъ року 1709».

Икона эта деревянная, овальной формы, длиною 12, шириною 9 вершковъ, въ настоящее время прибита въ стѣнѣ подлѣ праваго клироса жуковской покровской церкви, а подъ нею на холстѣ въ рамкѣ находятся вышеприведенная надпись и эпиграмма.

Сообщ. В. Е. Бучневичъ.

МЪРЫ ПРОТИВЪ ВЕЧЕРНИЦЪ И КУЛАЧНЫХЪ ВОЕВЪ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ архивѣ одной изъ сельскихъ церквей полтавской губерніи найденъ нами указъ кіевской духовной консисторіи (1719 г.) подѣдомственному ей духовенству, показывающій, какія мѣры принимались тогда къ исправленію народной нравственности въ Малороссіи, а придуманы онѣ главнымъ образомъ въ видахъ отвращенія приближавшейся и потомъ дѣйствительно появившейся моровой язвы, какъ показываетъ другой найденный нами тамъ-же и подъ тою-же почти датою указъ, специально направленный противъ мороваго повѣтрія. Пiousные люди того времени ставили въ непосредственную зависимость общественныя бѣдствія отъ общественныхъ пороковъ и первыя считали прямымъ наказаніемъ за послѣднія. Въ настоящемъ указѣ достойно особаго вниманія то, что къ числу общественныхъ и самыхъ тяжкихъ пороковъ отнесены извѣстныя всякому малороссіянину *вечерницы*, т. е. устраиваемыя испоконъ вѣка по селамъ собранія молодыхъ людей обоаго пола, на которыхъ проводятъ они время въ веселыхъ разговорахъ, преимущественно-же въ пѣніи пѣсень. Тогдашніе правители духовные и свѣтскіе были плохіе этнографы и видѣли въ вечерницахъ величайшее зло, гнѣздилище и источникъ нравственной заразы и преступленій. Позднѣйшія изслѣдованія удостовѣрили до очевидности, что *вечерницы* самыя невинныя собранія, замѣняющія для сельской молодежи все, что придумано для лицъ другихъ классовъ подъ названіемъ всякаго рода собраній, баловъ и вечеровъ, что даже оставаясь почевать вдвоемъ, малорусскій парубокъ и дѣвчина не нарушаютъ границъ невиннаго и дозволеннаго и что всякіе «блудніе грѣхи», упо-

минаемые въ указѣ, происходятъ здѣсь, какъ и въ другихъ клас-сахъ, независимо и помимо собраній. Указъ любопытенъ и по многимъ другимъ бытовымъ особенностямъ и мы приводимъ его цѣликомъ.

Въ року 1719. Всѣмъ обще духовного и мирскаго чина людемъ, начелствующимъ и подначальнымъ, а особливо пречестнымъ отцемъ протопопамъ миргородскому, гадацкому, онопанискому, полтавскому, кобеляцкому, честнымъ отцемъ намѣсникамъ, персамъ и всему причту освященному, где кому о томъ вѣдати надлежитъ, Божїи благословенїи отъ превысочайшаго архиепископа, прошедшаго небеса Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа узичивши, извѣстно творимъ, яжъ зашло къ намъ въ сей консисторїумъ митрополитанской власти духовной премошней ясне велможного его мли наша тетхана, по указу его священнѣйшаго царскаго величества унѣверсалъ, новелѣвающей, даби везде по городахъ, мѣстечкахъ, и селахъ малороссійскихъ поперестали богомерзскихъ молодыхъ людей зборища на вулачки, Богу и человѣкомъ ненавистные гулянія, прозываемыя вечерницы, на которые многие люде молодые и неовстятгливые отъ родителей своихъ, мужеска и женска полу, дѣти по ночамъ кушамы собираются, неисповѣдимыя безчинїи и мерзкия безаконїя творять, справуючи себѣ игри, танци и всякие прїятныя свѣрнаня и воздухъ оскверняюща прѣсей восклицанїи и козлогласованїи, откуду походятъ галасы, зацепки до сваровъ и заводовъ, почему наибарзѣй послѣдуютъ и забойства, а наипаче подь часъ такихъ нечестивыхъ зборовъ разныя дѣлаются ексцесса, яко то блудныя грѣхи, дѣвства растлѣнїя, беззаконное дѣтей прижитїе, отчого презъ тихъ-же беззаконниковъ, уставующихъ свое беззаконїе и мерзкїя дѣла, частые стаютя дѣтогубства, за каковыя уможаивнаея нечестивыя беззаконныя явственно праведнаго гнѣва Божїа чаща на вѣхъ насъ изливается, якоже и теперь, коликолѣтнїи неурожаи хлѣбные, бездождевалыя суша, многие надежи скотовъ, въ людехъ тяжкыя болѣзны, еще больше моромы губительныя язвы и страшное повѣтряное время понесла Малая Россїя и прочая поноситъ многая злосключенїя; сего ради ми таковому богомерзскому чинячемоу беззаконїю весь освященный соборъ духовный заповѣдаючи и по должности нашей премошнему ясневелможного добро-

дѣя нашего рейментарскому согласуючи універсалу, якоже по всѣхъ малороссийскихъ полкахъ уже сѣть розислани, пишно упоминаемъ всѣхъ васъ пречестныхъ отцевъ протопоповъ, со всѣмъ духовенствомъ, и властною консисториумъ митрополитанского кіевскаго приказуемъ, аби есте пречестности ваши всему духовному чину, власти своей протопопской подсуствующему, поприказовани и пакрѣпко пригрозили вишь специффикованимъ богохераскимъ зборомъ вечеряичнимъ отъ сего часу не собиратися и непотребнихъ, пикодячихъ здоровью челоувѣческому, кулачныхъ боевъ не заводити и пѣгдѣ на оные не еходитися, зъ чото не только множайшии здравия своего повреждають, лечь и душа своя часто на той безчянной бойцѣ пзвергають злѣ, чото ради и христинского таковии лишаются належятого погребенія; аще же бы кто учинился противнимъ заповѣдемъ Божіимъ, премоциному указу монаршому, рейментарскому яспенелможного добродѣя універсалу и сему отъ всего духовенства нашего консисторскому выдапому патенту, такового, за первымъ и вторымъ духовнымъ наказаниемъ, повелѣваемъ пречестностямъ вашимъ властною духовною отлучати отъ церкви и отъ сообщения вѣрнихъ, грядеть бо гнѣвъ Господень на сыны противия и не коешить пагуба ихъ, отъ которой всѣхъ православныхъ христанъ, церквѣ святой православной восточной покарюющихея и хранящихъ заповѣди Божія, да сохранить Господь, усердствуемъ. При семь-же еще упоминаемъ пречестности нашей, дабы прежде зъ катедре митрополитанской разославие патенти по премоциомоциѣйному монаршому указу о хожденіи людемъ до церкви и о належитой христинской исповѣди въ церквахъ прочитовани били, а не покарючихея укарать, яко преступниковъ монаршого повелѣния, по написанной вины, дается власть пречестности вашей.

Туть-же докладяемъ еще и подъ неблагословениемъ консисторіи-скимъ приказуемъ и грозимъ, аби въ понеделокъ, въ среду, въ пяттокъ дотоль горѣлки и жадного пащтку не давали, доколь пабоженство въ церквахъ, Божіихъ не отпрайтися, и жебы кождий парохіаннимъ мужеского и женского полу до церкви божественной безъ всякого откляду и домовихъ забавъ ишоль на пабоженство и всѣ соборне молилися Господу Богу, жебы Господь Богъ отвратилъ праведный свой гнѣвъ отъ насъ. А сие зась повинни урядовне перестерегати, жебы въ

пятокъ на торгахъ молоко не тягли и туремнымъ наказаніемъ карати, а для совершенного достовѣрія приказуемъ пречестностямъ вашимъ сей нашъ патентъ въ церквахъ прочитати, а списки по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ до дверей церковныхъ прибавати вездѣ. Даны съ катедрѣ свято софійской митрополитанской киевской 1719-го року, іануаря 30 дня.

Сообщ. А. Маревичъ.

КЪ ПОРТРЕТУ ИПАТІЯ ПОТЪЯ, КІЕВСКАГО УНІАТСКАГО МИТРОПОЛИТА.

Ипатій (въ мѣрѣ Адамъ) Потѣй родился въ 1541 году отъ православныхъ родителей. Отецъ его, Левъ, былъ подскарбіемъ и писаремъ при королѣ Сигизмундѣ I. Въ молодости Адамъ учился въ кальвинской школѣ извѣстнаго въ Литвѣ покровителя протестантизма, князя Николая Радзивила, а послѣ въ краковской академіи. Окончивъ свое образованіе, Адамъ Потѣй поступилъ на службу къ тому же князю Радзивилу и въ это время замѣнилъ отеческой вѣрѣ, сдѣлавшись протестантомъ, каковымъ и оставался приблизительно до 35-лѣтняго возраста своего; но затѣмъ снова возвратился въ православіе, оставивъ службу протестантскому паду. Далѣе онъ былъ писаремъ у короля Сигизмунда-Августа, затѣмъ судьей въ Брестѣ и наконецъ достигъ высокаго достоинства—каштелянства (брестскаго), съ которымъ обыкновенно соединялось званіе сенатора. Жена была Потѣй на дочери князя Федора Острожскаго, князя на Волыни, и имѣлъ отъ нея дѣтей. Благодаря своей учености и знатному положенію, Адамъ Потѣй находился въ дружественномъ отношеніи съ княземъ Константиномъ Острожскимъ, и вотъ, когда въ генварѣ 1593 г. умеръ владимірскій и брестскій епископъ Мелетій Хребтовичъ-Вогурлицскій, князь Острожскій убѣдилъ Потѣя, тогда уже вдоваго, принять духовное званіе и выхлопоталъ для него королевскую грамоту на вакантную епископскую кафедру. Въ томъ же 1593 г. въ соборной усенской церкви г. Владиміра луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, въ присутствіи князя Острожскаго и другихъ знатныхъ волынскихъ дворянъ, торжественно посвятилъ Адама Потѣя въ монашество и далъ ему новое имя *Ипатій*, а вслѣдъ затѣмъ король писалъ къ тогдашнему киев-

скому митрополиту Михаилу Рогозѣ, чтобы онъ немедленно посвятилъ брестскаго каштеляна, >человѣка фамиліи старожитной, способнаго, искуснаго въ греческомъ законѣ и благочестиваго, въ санъ епископа владимірскаго.

Сдѣлавшись епископомъ, Ипатій Потѣй сразу сталъ душою существовавшей уже тогда среди высшаго западно-русскаго духовенства партіи, которая стремилась путемъ подчиненія православной церкви римскому престолу достигнуть такого же почетнаго и вліятельнаго положенія, въ какомъ находились тогда въ Польшѣ католическіе бискупы и прелаты. Когда дѣло замышляемой ими уніи было готово къ практическому осуществленію, Потѣй, совмѣстно съ Терлецкимъ, былъ отправленъ въ 1595 г. въ Римъ и здѣсь, предъ лицомъ самаго папы, оба южно-русскіе владыки отъ себя и отъ имени остальныхъ западно-русскихъ епископовъ торжественно приняли унію или соединеніе западно-русской православной церкви съ римскимъ костеломъ, а по возвращеніи ихъ въ отечество, въ октябрѣ 1596 г., былъ созванъ въ Брестѣ соборъ, на которомъ огромнымъ большинствомъ присутствующихъ уніа эта была отвергнута, а ея виновники—архіереи были осуждены на низложеніе.

Не смотря на это, владыки-уніаты, опираясь на дѣятельную поддержку католическаго духовенства и общества, преимущественно же правительства польскаго, стали насильственно водворять унію и преслѣдовать своихъ противниковъ, православныхъ. Наибольшую жестокостію въ этихъ преслѣдованіяхъ отличался именно Ипатій Потѣй, занявшій по смерти Михаила Рогозы кафедру кievской митрополіи, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ епархіальнымъ владимірскимъ и брестскимъ архіереемъ: онъ схватывалъ непокорявшихся ему православныхъ священниковъ и заключалъ ихъ въ тюрьмы, другимъ непокорнымъ брилъ бороды и головы, третьихъ выгонялъ изъ приходовъ и подвергалъ разнымъ истязаніямъ. Съ особенною яростію Потѣй преслѣдовалъ членовъ православныхъ братствъ вилненскаго и брестскаго и ихъ священниковъ и учителей.

Кромѣ преслѣдованій, Ипатій Потѣй дѣятельно пользовался и другими средствами для водворенія въ юго-западной Руси уніи. Въ 1597 г. онъ отнялъ заведенную незадолго предъ тѣмъ въ г. Брестѣ братскую православную школу и преобразовалъ ее въ уніатскую, а учителемъ къ ней опредѣлилъ привезеннаго имъ изъ

Рима извѣстнаго ученаго уніата, доктора богословія Петра Аркудія, родомъ грека, воспитывавшагося въ римской коллегіи. Это было первое уніатское училище въ западно-русскомъ краѣ. Възлѣдъ за тѣмъ, по отнятіи имъ у виленскаго православнаго братства троицкаго монастыря, Потѣй основалъ при немъ въ 1601 г. уніатскій коллегіумъ или семинарію, первымъ ректоромъ которой былъ нѣкто Петръ Федоровичъ Суреметниковичъ, издавшій въ 1604 г., по порученію Потѣя, книгу подъ заглавіемъ: »Оборона собору осьмаго, флорентійскаго«, направленную противъ издавнаго въ 1598 г. въ г. Острогѣ православнаго сочиненія о томъ-же соборѣ. Наконецъ въ 1609 г. Потѣй основалъ въ г. Владимірѣ при сборной Успенской церкви небольшую уніатскую школу, записавъ на ея содержаніе по 250 злотыхъ ежегодно.

Портретъ Ипатія Потѣя интересенъ, какъ типъ западно-рускаго владыки, магната или пана, отлѣвшагося на мірскихъ »лакомствахъ« и вкусившаго обильныхъ тогда »хлѣбцовъ духовныхъ«. Мы не видимъ здѣсь ни одной изъ тѣхъ чертъ смиренія, кротости, пощенія и подвиговъ, которыя привыкли соединять съ образомъ святителя русской церкви; видимъ напротивъ слѣды пресыщенія, напыщенности, нѣкоторой даже свирѣпости. Во впечатлѣніи видѣн и одѣждѣ перваго уніатскаго владыки, не смотря на нѣсколько лѣтъ отступничества, не видно еще тѣхъ перемѣнъ, на которыя постигнули его преемники: тотъ-же древне-русскій, низенькій, нѣсколько закругленный клобукъ, также архіерейская съ скрыжалями мантия, отрощенные волосы на головѣ, усы и борода, и лишь густой рядъ мелкихъ цуговидцъ на нижнемъ платьѣ, котораго покрой опредѣлить трудно, даетъ поводъ заключать, что какая-то перемѣна въ костюмѣ уже начивалась; по крайней мѣрѣ такого платья, похожаго на тогдашній куштушъ, не замѣтно на современномъ портретѣ епископа Кирилла Терлецкаго, который будеть приложенъ къ слѣдующей книжкѣ. Оба портрета воспроизводятся по оригиналамъ, писаннымъ масляными красками и хранящимся въ портретной залѣ архіерейскаго дома въ г. Холмѣ люблинской губерніи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

отъ сотника голтыянского зъ Москвы полученное. По обѣдѣ были у Василія Федоровича Яворскаго камеръ юнкера, и уже одтоль приехали въ 7-мъ часу пополдни.

6. За оправу двохъ книжокъ: Hugonis Grotii de veritate Religionis Christianae 36 к., Arithmeticae Lambergii 20 к. На перевозъ пошло 11 к. Подать сего числа въ вечеру князю Шаховскому меморіаль о дѣлахъ гетманскихъ, въ коллегіи иностранной имѣющихся, и о своемъ дѣлѣ прошеніе.

7. Былъ у насъ изъ дворца ея высочества государини царевны Екатерины Иоанновны камеръ юнкеръ Василій Федоровичъ Яворскій, гофъ юнкеръ Василій Ивановичъ Толстой, камеръ пажъ князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ, мушкетръ Федоръ Кирилловичъ Белецкій, да Іванъ Алексѣевичъ, бандуристъ бывшій Петра II императора, зъ которыми довольно гуляли и подиши были. На мило до платя даны 2 к.

8. Ради тезоименитства Михаила Івановича Новоторжцова у него обѣдали многіе, въ томъ числѣ и я, да уже поздно одтоль повернулся до квартери, приехалъ зъ Василевскаго острова на графскомъ буярь зъ графскимъ же стрипчимъ Ефимомъ Василевимъ, у котораго тажезъ по приездѣ немного посидѣлъ. На перевозъ пошло 8 к. Писма получены сегозъ числа зъ Глухова отъ ясневелможного и отъ прочихъ.

9. Отосланы писма до папа Полуботка и до пана Якимовича, зъ Глухова жъ присесенные. На перевозъ Алексію даны 3 к.

10. Отдалъ писмо въ коллегіи Василю Василіевичу Степапову, тайному совѣтвику, отъ господина полковника Афанасія Прокофійевича Родицева зъ Глухова присланное. Розышлося на перевозъ и проч. 16 к. Постѣ подди былъ у сына полковника въ домѣ его въ морской пушкарской, зъ Егоромъ Тимофійевичомъ Борисовымъ, поддячимъ коллегіи иностранной, который содержитъ рейстратуру, и оной снѣ полковничій обѣцалъ мнѣ сдѣлать лѣнню, да въ 2 аршина квадратную мѣру.

11. Устиму, графскому квартирмейстеру, даны 15 к. на подонвы до чоботъ моихъ красныхъ, подъ которіе имѣеть онъ дѣлать подонвы и подборъ.

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного подъ числомъ 9-мъ и до ц. Юркевича о пересылкѣ *меморіала* отъ *Шаховскаго*

до п. теста, до жены и до Стефана въ Перегонъ, да другіе письма подъ числомъ 12-мъ до ясновельможного о обидѣ мнѣ, одѣ Соболевскаго дѣючійся, до п. Скоропадскаго и до п. Юркевича о одилцѣ еще писемъ въ Стародубъ и о исправленіи удѣверсалу,—въ Стародубъ до полковника, до обознаго полковаго п. Есимонтовскаго, до п. Андрея Миклашевскаго, до п. Валкевича, до п. Скоруппиной, до п. тещи, до жсны, до п. Григорія Гамалии, до Стефана въ Перегонъ и до писара судового Стефала Косача, включа всё оныя письма къ нему въ подписанный пакетъ.

13. За зроблене чоботъ пришовъ остальные денги заплачены 25 к.; на подбой до тихъ-же чоботъ, на сѣрку, на хлѣбъ бѣлій французкій и проч. 8 к., за поланьярка меду питного 37 к. Вышеобъявленные письма отправлены на почтѣ въ коллегіи иностранной. Въ вечеру были у духовника государыни цесаревны и у пѣвчихъ; потомъ у Григорія Михайлова, слѣпца бандуриста, где довольно пѣто и што, и позно уже одтоль пяніе приехали въ квартиру.

14. Послѣ полдня были у насъ камеръ-юнкеръ государыни цесаревны Петръ Ивановичъ Шуваловъ, да Пимель Василевичъ и человекъ чотіры пѣвчихъ. Послѣ прибылъ и мушкетеръ царевны государыни Федоръ Кириловичъ Бѣлецкой, съ которыми довольно пили и были жестоко пьяны.

15. За хлѣбъ французкій бѣлій 4 к. Сяѣгъ выпалъ и морозить стало гораздъ.

16. Съ поранку превеликій былъ туманъ отъ морозу и на водѣ и на землѣ. Въ коллегіи видѣлся съ п. Полуботкомъ. Розышлося на розницю 12 к.

17. Брига (ледъ) по Невѣ велми шла и весь день и прошлую ночь свѣтъ вполъ; съ квартири никуда не ходилъ я сегодня.

18. Въ почѣ малая Невка, що отъ митнаго двора, а другая, що отъ выборгской стороны, въ день по полдни въ 2-мъ часу стали. Алексію на его пужды 10 к., да у Козми Мкимъ взялъ 20 к.

19. Сего числа чрезъ оныя малые Невки люди переходили, а мы за непоудою никуда съ квартири не ходили, вромѣ что службы въ графской церквѣ слушали. За подшите подошовъ подъ червоныя чоботы даны 16 к.

20. По полуночи въ 2-мъ часу Волная Нева стала, чрезъ которую и начали коло обѣдень люде ходити. Я чрезъ Малую Неву

переходилъ отъ митного двора и бывъ въ коллегіи, писалъ до Уріла и до сотника голтвинского въ Москву. Розышлося на розницу 9 к. За бутылку меду 4 к.

21. Послѣ службы Божой его сіятельство, графъ Головкинъ изволилъ мнѣ говорить, что дѣло мое о деревнѣ подписано и жаловане велено дать. По обѣдѣ былъ у Петра Василіевича и у него просидѣлъ до 10-го часа по полдни зъ Козмою Якимовичемъ, у котораго на Василевскомъ острову и почовалъ. Вигралъ въ карты у бурмистровъ 17 к. За поланкирка меду дано 37 к.

22. Весь день пробавилъ въ коллегіи, дожидаячися Полуботка, которій вчера говорилъ мнѣ, что князь Шаховскій требуетъ, чтобъ я былъ у него. Креземницкому далъ 10 к. Обѣдалъ у тихъ-же бурмистровъ кievскихъ. Извоцику даны 3 к.

23. Писанъ лѣтъ до ясновелможного и отправленъ на ординарной почтѣ. Извоцику даны 3 к.

24. Ради тезоименитства государини царевны Екатерины Иоанновны палено зъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ и всего выпалено зъ 69. Въ вечеру была везде по домамъ въ окошкахъ чрезъ выставлене свѣчъ иллюминація. Я былъ за большою Невскою, а послѣ въ коллегіи; одтоль-же пришедши, засталъ въ кварталѣ нашей Новоторжцова.

25. Грицку, п. Горленка служителю, за поднесенный хлѣбъ отъ него, 30 к., на извоцика 4 к., на оселедцѣ 3 к.

26. Слупали обѣднѣ въ церкви троецкой, где цѣвчіе архирея повгородского сѣбвали и посвященъ архимандритомъ невского монастыря намѣстникъ отецъ Симонъ. За хлѣбъ французскій и за кавиаръ 8 к.

27. Рано былъ въ коллегіи. Послѣ обѣда заездилъ до князя Шаховского, но не засталъ, потомъ былъ у графа Мойсея Ивановича Владиславича. На извоцика пошло 4 к. Въ вечеру были у панича ездовие саржанты государини царевны да Николай Ивановичъ Пузыровскій. Писано письмо до п. Скоропадского зъ посылкою писма К. Б. За пять яблокъ 3 к.

28. За хвостыни коло шен 4 к., на извоцика 8 к. Посѣщалъ Алексія, Славуевого брата, который передъ симъ недомогалъ. Полковника нашего Дурова сипъ прислалъ лѣвнію и въ два аршина

29. За поланкирка меду 37 к., на пзвощика 5 к., на каварь 4 к. Петръ Василіевичъ мимоездомъ отъ графа былъ въ кварталѣ нашей. Послалъ Григорія Кремевицкаго къ Косогову и велѣлъ ему объявить прошеніе, написанное на Восейковыхъ, ежели за сукно награжденія не учинять.

30. Въ сей день торжествовали праздникъ кавалеріи россійской Андрея Первозваннаго и для того всѣ присутствующіе въ С. П. Бурхѣ того ордина кавалеры сѣздились въ дворецъ императорскій, где послѣ обѣдни шли въ большую салу парами, а за ними и сама государыня въ церемониальномъ кавалерскомъ платѣ, и у одного стола съ оними изволила кушать. Кавалеры-же именно были сии: графъ Головкинъ—государственный канцлеръ, графъ Остерманъ—вице-канцлеръ, князь Черкасской, графъ Біронъ—оберъ-камеръгеръ, генераль-фелдмаршалъ графъ Христофоръ фоль-Минихъ и графъ Левенвольдъ—оберъ гофъ-маршалъ, а у другого стола кушали цесаревна и принцесса съ разныхъ чиновъ дамами, у третого-же генерали и другихъ чиновъ мужескъ полкъ. До столу играла камеръмузыка, и дамы сіѣвали, и 5 разъ палили съ пушокъ, кромѣ того что заразъ послѣ обѣдни съ многихъ пушокъ на поздоровленіе кавалерамъ палено. Въ вечеру везде въ окопкахъ свѣчи горѣли. И обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ и одѣ нихъ вечеромъ уже приѣхалъ. За хлѣбъ французскій 4 к., извощикамъ 8 к., пращѣ 10 к.

Декабрь.

1. Былъ въ коллегіи, послѣ у князя Шаховскаго, токмо оного въ домъ не получить. Розышлося на розпицію 6 к.

2. Послѣ полдня въ 3-мъ часу былъ у князя Шаховскаго и писма отдать, передъ симъ отъ Косача писара судебного присланныи, где изволилъ сказать, что и стороны дѣла моего графу Головкину и Петру Василіевичу говорить.

3. Рапо были у графа Головкина и тамъ обѣдни слушали, одтолъ пришедши обѣдали у насъ бурмистры и весь депъ мы въ домъ пробавили. Былъ у напича Адодуровъ, а у мене Искусъ съ женою своею, да и Федоръ Максимовичъ въ вечеру былъ же.

4. Всечерѣ были у бурмистровъ и довольно подпили, а одѣ нихъ захали до господина Сенявина и у него позабавились до позна. Писали писма къ Грехотѣ то аспевеломожного, то пана Скоро-

падського, до Юркевича, въ Стародубъ до жены, до Стефана и до Косача.

5. Положилъ у Новоторжцова въ закладъ три червонихъ и взялъ мѣлкими 6 р. Были зъ Козмою Якимовичемъ у Сенявина, у Яна воскового майстера и у почтъ-мейстера Аша, где взялъ я и боченокъ мѣноговъ, токмо еще за оныя не платилъ. На розницу розшлося 11 к.

6. Гостей принималъ у себе ради именинъ, на которое припятіе розшлося за вино, за рыбу и прочее, до столу купованнос, 8 р., и зъ теми жъ гостми весь день прогуляли и до пана попили. На извожчика 8 к.

7. Ради рождснїя государини принцессы Анны молебствовано и палено зъ крѣпости и въ адмиралтействѣ зъ пушокъ. Сей день нигуда зъ квартири не ходилъ. Черезъ Григорїя Кремезницкого, который сего числа изъ С. П. Бурха одиравался до Глухова, писалъ я до Урїила въ Москву, чтобъ ему исправилъ подорожную на одну почтовую подводу; ему жъ Григорїю даны 10 к.

8. Алексїй на свою потребу взялъ 27 к., на извожика пошло 3 к. Читалъ въ коллегїи сочиненїе грамоты на Перегонъ зъ Дешковичами.

9. Тезоименитство государини принцессы Анны праздновано и по молебствїи палено зъ пушокъ. Сегожъ числа пришли писма зъ Глухова отъ ясновельможного при двохъ листахъ въ коллегїю иностранную и при писмахъ до канцлера и вице-канцлера и до князя Шаховского. Вечеромъ были зъ паномъ Г'орленкомъ у профессора сего математическаго Крафта.

10. Рано вручилъ я два писма графу Головкину отъ гетмана о сербскомъ капитану Колатайчу и о резолюціи на присланные въ коллегїю иностранную зъ прошепїемъ. Алексїю для покупки потребностей къ поезду даны 22 к. По полднѣ вручилъ писма отъ ясновельможного и одъ пана Скоропадскаго князю Шаховскому, который обѣщался еще къ графу Головкину и господину Курбатову за мною инстанціовать (предстательствовать) въ дѣлахъ моихъ; потомъ бызъ у бурмистровъ кїевскихъ. Поданы доношенїя гетманскїе въ коллегїю.

11. Писаны писма зъ Глуховъ до ясновельможного, до пана Скоропадскаго, до пана Юркевича и до пана Забѣлы, судїи евер.,

подъ числомъ 7-мъ; въ Москву до Кремезницкого и до Урія, чтобъ опому Кремезницкому всё помянутые писма, такожъ и пакеть, отъ папа судиѣ зъ Глухова къ нему принесенный, тамъ въ Москвѣ вручили, и оныя писма отправлены въ Москву на почтѣ зъ коллегіи иностранной. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлося на извозчика и проч. 14 к.

12. Рано былъ у князя Шаховского, въ дворцѣ, въ дежурной, где и Петра Василіевича Курбатова засталъ и говорилъ мнѣ князь, что половина дѣла моего сдѣлана. Да князь же послалъ офицера въ Сенатъ, чтобъ отправлено изъ Сената указъ въ коллегію иностранную о рудоконныхъ и салѣтрашныхъ въ Малой Россіи заводахъ, чтобъ 10-й долѣ не взымала. Сего числа было погребеніе генералу лейтенанту князю Семѣну Федоровичу Менцерову въ монастырѣ невскомъ, куда шли и 4 полки салдацкихъ пѣхотныхъ, и за тѣломъ шли генераль фелдмаршалъ графъ Христофоръ фонъ Минихъ и другіе генерали и штабы, и при томъ ходѣ ружье несли всё солдаты обыкновенною погребальною церемонією; а музыка жалобно играла и въ барабаны чрезъ сукно бито. За бутылку меду 4 к.

13. Былъ рано въ домѣ графа Остермана, но не получалъ отдать писма гетманского. На извозчика пошло 4 к. Подарилъ Василію М. Леопіеву казамарь (чернильницу) и пѣсочницу стекляныя, за которые дано 23 к. Послѣ полдня былъ у графа Мойсея Ивановича, который мене своими сапаями и отослалъ на квартиру.

14. Рано подалъ писмо гетмана графу Остерману и въ своемъ дѣлѣ просилъ. Раножъ отвезъ книжку Полуставецъ Новоторжцову, обѣщанный передъ симъ. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлося 6 к.

15. Никуда зъ квартиры не вѣздилъ. Былъ у настъ Алексій, Славуевъ братъ, и обѣдалъ.

16. Былъ въ коллегіи и читалъ сочиненіе грамоты на купленные грунты.

17. Праздновалисмо тезоименитство ясновельможного, а между тѣмъ пришелъ къ намъ господинъ поручикъ Федоръ Ивановичъ Наковалиннъ, на почтѣ одравившійся въ Кіевъ, чрезъ которого писалъ я къ ясновельможному и до папа Скоропадского.

18. Рано были у ея высочества государини цесаревны Елисаветъ Петровны зъ поздравленіемъ рожденіемъ ея высочества и къ ручкѣ пожаловалы. Послѣ полдня изволила ея императорское

величество визитовать высокою своею особою ея высочество государиню цесаревну, а послѣ и у государинѣ царевни ея жъ величество быть изволила. И у бурмистровъ сѣдаль (завтракаль). Розышлося 6 к.

19. На рогожи до обиваца оконъ, на гвоздики и проч. пошло 23 к. Былъ у князя Шаховского, где послѣ полдня былъ и Петр. Вас. Курбатовъ.

20. Пріймывалъ нашъ Горзенко слѣлого зъ дѣвчими меншими цесаревни. Рано былъ я въ коллегіи, где объявилъ мнѣ Петръ Вас., что грамоту о маежности на рапгъ и приговоръ о жалованіи закрѣпили графъ Головкинъ. Былъ я у полковниченка нашего Дурова въ домѣ, а одголь ездять въ домъ полконичій на Василевскомъ острову, будучій въ 21 линіи.

21. Куплено гарусу на лиштвы до опанчи лѣтної за 25 к., да на шитки и мило 2 к. При писемѣ до Урѣила одправленъ пакетъ до пана Юркевича зъ листомъ отъ Полуботка. Сего числа звапніи обѣдалисмо у Петра Василевича Курбатова, ради тезоименитства его, и тамъ доволно удоволствованы.

22. Сей день весь въ квартирѣ пробавилъ, только передъ вечеромъ ездилъ для осмотра квартири, надъ Мойкою, князя Федора Григоріевича Волконского, да на Василевскомъ острову князя Мецкерского умершого.

23. Объявленъ мнѣ приговоръ, подписанный о Персгонѣ руками графа Головкина, дѣйствительного тайного совѣтника Х. В. Миниха, тайного совѣтника Василия Василевича Степанова и канцелярии совѣтника П. В. Курбатова, который приговоръ и записанъ въ рейстратуру подъ симъ числомъ. Сегожъ числа нашъ Андрей Полуботокъ отобралъ грамоты до гетмала и до генерала Наринкыша о возвращеніи себѣ селъ Орловки, Казилонки и Коровниецъ¹⁶¹⁾ и зъ нами пожегпаться. Розышлося 4 к.

¹⁶¹⁾ Села Орловки (новгородъ-сѣверскаго уѣзда) и Казилонки (сосницкаго уѣзда) отданы были Мазею генеральному обозовому Дуину-Борковскому, по смерти котораго Мазея эти села отнялъ у его вдовы для себя. Послѣ изъѣны Мазеи, Павелъ Полуботокъ успѣлъ эти села выпросить себѣ, назвавъ ихъ «изъѣничьями». Черезъ 15—16 лѣтъ дѣти Борковскаго пожаловались Вельяжинову, который и возвратилъ имъ эти села. Здѣсь, какъ виднѣтъ, иностранная коллегія вновь отбираетъ ихъ у Борковскихъ для Полуботковъ. Село Коровницы (ромнскаго уѣзда) отдано было Мазею въ 1689 г. лубенскому полковнику Итальянцу по смерти

24 Розышлося на штофъ водки гдашской 1 р. 50 к., за боченокъ мѣноговъ передъ симъ взятыхъ 1 р. 50 к., за хлѣбъ французскій и на извозника 13 к., за мите рубашокъ 10 к. Сего числа панъ Полуботокъ отехалъ къ Москвѣ.

25. Въ сей день Рождества Христова всепошное и утреню правили въ кварталѣ, а службы Божой слушали въ церкви домовою графа Головкина, и послѣ его и другихъ тутъ случившихся поздравляли; потомъ графъ отехалъ въ дворецъ къ государынѣ, куда также и паничъ съ паломъ Горленкомъ съѣзди. Послѣ обѣда были у господина Курбатова и у господина Стефанова. Писанные письма подъ завтрашнимъ числомъ до ясневѣстнаго съ привѣтствіемъ и съ 2 цедулами о поздравительныхъ писмахъ и объ отвѣтѣ противъ посланной грамоты, взглядомъ требованія на генераль фелдмаршала и проч., да до пана Скоропадского и Юркевича отправлены на почтѣ въ Москву къ Уризу въ письмѣ до него подписанномъ. На извозника розышлося 7 к.

26. Рано съѣзди до князя Черкасского, до господина генерала Ушакова и до Стефана Федоровича Апраксина, а послѣ были зранажь у вице канцлера графа Остермала. Розышлося зрана 9 к.

27. Были рано у князя Шаховского, а потомъ я былъ у графа Савы Владиславича и у Мойсея Ивановича, одтолъ заездилъ къ Алексѣю, Слануевому брату, и въ коллегію. На извозника пошло 4 к. Въ коллегіи видѣлъ подписанный приговоръ о выдачи мнѣ жалованя подъ числомъ сего мѣсяца 22-мъ.

28. Ради рожденія жены моея были у мене гостѣ, для которыхъ принятіи обѣдъ былъ готованъ. Пошло на мясо, медъ, пиво, вино и проч. 4 р. 65 к. Писалъ письмо въ Глуховъ до пана Скоропадского съ цедулою о пол. и оное одправлено съ писмами пана

котораго Мазена отобралъ у дѣтей его Коровицы для племянника Обидовскаго. Послѣ изѣтны Мазены село это выпросилъ себѣ Павелъ Полуботокъ, съ дѣтьми котораго одинъ изъ потомковъ Иляшенка, роменскій сотникъ Семешъ Остаховъ (родопачальникъ Ласкевичей) началъ за Коровицы тяжбу, которую, какъ мы видимъ здѣсь, проигралъ. Это не помѣшало мужу ввучи Остахова, Андрею Политикѣ предьявлять къ Полуботкамъ, въ 1742 г., новый искъ за Коровицы и въ 1749 году искъ этотъ выигравъ. Наслѣдники Полуботокъ—Милорадовичи пыталась было возобновить тяжбу за Коровицы, но по совѣту опытныхъ людей отказались отъ этого, и Коровицы остались у потомковъ Иляшенка.

Андрея Горленка на почтѣ, чрезъ которую и до ясневелможного зъ коллегіи иностранной одправлена грамота о опредѣленіи на мѣсто Лвова, въ судъ еперальный, Івана Сепявина.

29. Рано ездили къ Архіерею новгородскому, но не получили его видѣть; потомъ захвали до бурмистровъ и у оныхъ сѣдали. Послѣ былъ я въ коллегіи и въ квартерѣ у Егора Тимофеева Борисова, который реѣстратуру содержитъ. Купилъ пару запонокъ за 80 к. На извозника 5 к. Зъ сего числа въ почтѣ виехалъ зъ Санктъ Пітербурха князь А. І. Шаховскій въ указаную себѣ до слободскихъ полковъ дорогу.

30. Получены письма зъ Глухова отъ ясневелможного, одъ пана Скоропадского и прочихъ, а при оныхъ и доношенія въ коллегію иностранную подлежащыя.

31. Дано мнѣ жаловане зъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 30 р. денегъ и косякъ лудану ¹⁶²⁾ блажитного въ 14 р. Розмылось на извозниковъ 14 к. Въ вечеру былъ у Петра Василіевича и подаль доношенія гетмапскіе въ коллегію подлежащыя.

Конецъ 1732 году.

Съ Богомъ годъ 1733.

Генварь.

1. Рано поздравляли графа Головкица и потомъ паничъ зъ п. Горленкомъ отехали во дворець, а я слушалъ обѣдни въ церкви троецкой, где архіерей новгородскій зъ прочими служилъ молебствіе, по которого окончаніи палено зъ многихъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Столъ былъ для господъ первѣйшихъ и дамъ во дворцѣ государини, при которого одправленіи палено многажды зъ 15 пушокъ; а въ 8-мъ часу по полудни былъ передъ дворцемъ на Невѣ фейерверкъ и везде по домамъ, а особливо все адмиралтейство убрано было фонарями преизрядно для иллюминаціи. Я послѣ того былъ у Петра Василіевича зъ бурмистрами кievскими до 12 часа. Сегодня посѣщаль мене нашего полковника сынъ Іванъ Александровичъ Дуровъ, зъ которымъ я и во дворцѣ былъ въ салѣ.

¹⁶²⁾ Шерстяная ткань.

Сего-жъ числа розышлось—дано Алексію и козаку Николаю по 50 к., итого 1 р., Петру хлопцю, слугамъ и проч. 50 к., людямъ Петра Василіевича 30 к., Алексію Войничовому 20 к. На хлѣбъ французскій 6 к. Павичу подарилъ купленные передъ симъ заповки.

2. За два календаря петербургскіе 24 к., за два трактаты съ персидскимъ государствомъ російской імперіи 24 к. На извозчика 4 к.

3. Былъ въ коллегіи и видѣлъ сочиненіе грамоты на Перегонъ и протоколы въ мѣсахъ дѣлахъ, тако-жъ грамоту сочиненную до гетмана о присягахъ. На извозчика пошло 10 к., на мясо 12 к. Въ вечеру былъ у преосвященнаго ірландскаго Нероповича, а послѣ у уставщика государыни цесаревны Ивана Петровича.

4. Писано письмо къ Урингу подканцеляристу въ Москву, съ одравою писма-жъ одъ мене до и. Полуботка, съ листами къ нему-же одъ еперала графа фонъ-Вейсбаха и одъ и. Турковского, писара еперального. Взялъ позыкою для переписанія книгу, зовемую »Литописецъ Келейскій« покойнаго преосвященнаго Дмитрія, ростовскаго митрополита,—у Ивана Петровича, уставщика надъ пѣвчими государыни цесаревны, и къ нему о выыченію тоей книги писалъ карту, что по переписанію оную отдать я долженъ. Розыплось на извозчика 7 к., на хлѣбъ бѣлый французскій и свѣчи 9 к.

5. Возили грамоту до подписи къ графу Головкину на Перегонъ написанную, но она сего числа не подписана. Отецъ Адамъ въ 3-мъ часу по полудни въ домѣ архіерея новгородскаго на Василевскомъ острову умре. Куплено мяса за 20 к., на извозчика 3 к. Былъ въ кварталѣ нашей Александръ Гудовичъ, до котораго отъ отца чрезъ прапорщика Арсеніева пристаны писма, но со мною не видѣлся.

6. Въ 12-мъ часу по полуночи отправлено водосвятіе на Цевѣ, противъ зимняго дворца, у мѣста нарочно для того устроеннаго, где и полки квадратами были устроены, и когда водосвятіе окончалось, то по учиненію ракетною сигналу выпалено въ крѣпости и въ адмиралтействѣ съ 41 пушки, а послѣ на лѣду съ 21 пушки поставленныхъ палено-жъ, а потомъ полки бѣглимъ огнемъ и знову съ тыхъ-же пушокъ, а послѣ полки, тако-жъ и третій разъ съ оныхъ же пушокъ и полки выпалили; и тако она церемонія благополучно окончалась. Павичъ (П. Апостоль) обѣдалъ у графа Савы Влади-

славича, а у мене обѣдалъ Иныховъ и принесъ мнѣ копію протоколу о Перегонѣ зъ Демковичами. Извозчику даны 3.

7. Обѣди слушали въ церкви св. апостола Андрея Первозвапного на Василевскомъ острову и обѣдалъ у бурмистровъ кievскихъ, купно зъ Новоторжцовымъ и Леонтьевымъ и ихъ женами. Потомъ былъ у сына полковника нашего старод. Ивана Александровича Дурова и отъ него вышелъ, заходилъ къ Алексѣ, Славуевому брату. Послѣ пришелъ на квартиру уже поздно. На извозника розшлося 10 к. Отца Адама, що у преосвященнаго новгородскаго былъ (Зерникава?), поховано въ невскомъ монастырѣ.

8. Писаны писма одъ мене до ясновельможнаго, до п. Скоропадскаго и до п. Юрковича въ Глуховъ и одиравлены на ординарной почтѣ. На хлѣбъ французскій 8 к., на извозника 3 к.

9. Былъ рано у Петра Василевича, а послѣ въ коллегіи и зъ Кричевцемъ ходилъ по гостинному двору. Розшлося на розницю 11 к.

10. Грамоту отарятую на Перегонъ закрѣпилъ государственный капцлеръ графъ Головкинъ. Сего числа пожегнались зъ преосвященнымъ епископомъ іркуцкимъ отцемъ Інокентіемъ Нероковичемъ, у котораго до поздна гуляли, и уже въ 9-мъ часу по полдни пріехали въ домъ. Розшлося 12 к.

11. Отобралъ въ коллегіи грамоты 4, отворчатую на Перегонъ, да запечатанные до гетмана о опредѣленіи есла на рангъ, о присягахъ и о селѣтрѣ, тако-жь о томъ всемъ и до генерала Нарышкина три грамоты. Былъ рано у Александра Гудовича и у него обѣдалъ. Розшлося на розницю 17 к. Сторожу коллежскому 10 к. Сего числа посланы къ гетману и къ генералу Нарышкину на почтѣ грамоты о вистатченю 800 людей для рубки лѣсу и отведеню лѣсу въ полку черниговскомъ, albo о найму такового-жь лѣсу у поляковъ.

12. Обѣдалъ у капитана гвардіи Ивана Ивановича Косогова и зъ нимъ простившись, былъ у другихъ зъ пожегнаіемъ (для прощанья). Былъ также и въ домъ преосвященнаго новгородскаго за интересомъ пана Лисаневича, но ничего не получилъ. Вечеромъ былъ зъ п. Андр. Горленкомъ у духовника государини цесаревны, зъ нимъ и зъ другими того дому для пожегнаня, где въ квартирѣ слѣпного бандористы (Любистка) жестоко, при жекнганю, попили; тутъ-же былъ и Александръ Ивановичъ Шуваловъ камеръ-юнкеръ.

13. Отобралъ въ коллегіи на пять ямскихъ подводъ прогоновъ до самого Глухова 18 руб. 15 коп., а о дачи зъ ямской канцеляріи подорожной на тѣе подводы послала въ ту канцелярію изъ коллегіи іностранной промеморія, токмо-жъ написано въ подорожной двойные прогоны и для того я нанялъ къ Москвѣ подводы двѣ пары за 7 р. 50 к. Далъ за труды Инихову 4 р., Стражеву 1 р., Борисову 1 р., Повоторящову 2 р., салдатамъ коллежскимъ 1 р., сторожу коллежскому старому 20 к., салдату посланному за подорожною 10 к., коністамъ коллежскимъ на общину ихъ 1 р. Розышлося 5 к. Обѣдалъ сего числа у его сіят. графа Савы Владиславича, который приказалъ отослать мнѣ на дорогу 6 бутелокъ вина краснаго, да поланкерка водки, а самъ изъ своихъ рукъ пожаловалъ чаю фунтъ. Графъ Мойсей Ивановичъ далъ мнѣ вексель въ Москву на 50 р., и потомъ я у оныхъ отобравши писма, пожегнулся и отойшовши былъ въ разныхъ мѣстахъ для отобранія писемъ и пожегваля, въ томъ числѣ и у Ивана Юркевича оберсекретаря, долго въ почъ просидѣлъ. Хлощю его 10 к.

14. Обѣдни слушалъ въ графской церквѣ, а послѣ обѣда отклонился Василию Вас. Степанову, въ котораго домъ московскій приобѣщаль прислать куфу горѣлки, потомъ сидѣлъ не мало у Петра Василіевича.

15. Раво взялъ другую подорожную зъ коллегіи іностранной на проездъ, которую и послалъ чрезъ салдата коллежского въ полицію, которому дано 22 к. для запечатоваля. Покуплено—голову цукру 75 к., чолки валевіи 1 р. 10 к., па золото и кистѣ до грамоты маліоваля 75 к., за кусокъ арапа табаку для папа Ивана Марковича 1 р., для егожъ картузногожъ табаку 1 р., палѣръ 70 к., да два папіры подлѣйшого 42 к., за мелничку для папа Своронадского 1 р. 32 к., за два платки блавитные 90 к., за 500 оселедцовъ копченыхъ 50 к. Для покупки потребностей для дороги 2 р. Въ коллегіи со всѣми пожегнулся учинивши, обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ, а израна отклонился графу Головкину, въ вечеру же Петру Василіевичу, которому и поднесъ за труды 4 кубки сребные, а онъ мнѣ подарилъ кошулю (рубаху) козынцую баранковъ бѣлыхъ. Радіону 50 к.

16. За поланкерка канарсенту 6 р., за два штофа гданской водки 3 р. Зоставилъ при писмѣ меморіаль пану Горленку о дѣ-

лахъ, оставшихся въ коллегіи иностранной. Козмѣ Ікинмовичу вручилъ челобите пана Чернолуцкого и свой интересъ. Обѣдалъ у павича въ кварталѣ, а прежде обѣдали подписались контрактъ. Послѣ, пожек-главшись со всѣми, вѣхалъ въ 3-мъ часу по полудни и заездилъ къ Гудовичу, которому и письмо отъ себе вручилъ о доправцѣ 10 р. денегъ или 5 аршинъ сукна тонкого на адютанту семеновского полку Воейкову; потомъ заехали до отца Василя Щербатского священника, что въ левскомъ монастырѣ, а отъ него прямо прибыли въ ямскую, гдѣ съ паломъ А. Горлепкомъ по доволныхъ розговорахъ пожекгнались и розехались въ полъ 8-го часа по полудни. Пацу Грифскому позичилъ 2 р. При вѣздѣ съ С. П. Бурской квар-терн Василю малару, которій робилъ коло грамоты, да и обѣцалъ портреть государыни, за роботу 1 р. Капрану коллежскому Пет. В. Соболеву 10 к., Дмитру хлопцю 20 к., Петру 10 к., молодикамъ Павла Ивацовича Апостола 40 к., на пиво въ ямской 3 к. Вѣхавши съ ямской, прибыли до Ижоры въ началѣ 12-го часу, одтолъ поехали въ полъ 4-го часа по полуночи о 30 верстѣ.

17. Прибыли въ деревню Вологное, где спочивали, а одтуду въ деревню Чудово помѣщика Путилова въ 110 верстѣ одъ Питера, и тутъ почовали; одтолъ вѣхали по полуночи въ 3-мъ часу и прибыли

18. Въ исходѣ 7-го часа въ деревню Пудину и тутъ обѣдали, о 25 верстѣ отъ Соснинской приставы и отъ ночлегу въ 34 версты; одтолъ вѣхавши, прибыли въ 12 часу до Новгорода, о 45 верстѣ, въ началѣ 5-го пополуднѣ, где на кварталѣ посѣщали мене Васи-лій Федоровичъ Кудримонтовскій да отецъ Ефремъ. На пиво 3 к.

19. Былъ въ церквѣ соборной и видѣлъ тутъ лежащихъ целенныхъ матку и сына князей фундаторовъ с. Софін, той соборной церкви. Розышлося на розные покупки 98 к. Тамъ-же въ Новгороде пообѣдавши кунно съ Василемъ Федоровичемъ на мосіи квар-терѣ, вялѣ росписку у ямщиковъ и одехалъ одтолъ по подни во 2-мъ часу, а прибылъ въ Брѣвницы въ 4-мъ и тутъ стали на ночь о 25 верстѣ; тутъ-же на пиво и проч. 5 к. Одтолъ въ 11-мъ часу передъ полуночю поехали и прибыли.

20. Въ концѣ 8 часа до яму Крестцовъ, о 63 версти, где и обѣдали; тутъ на хлѣбъ, пиво и проч. розышлося 30 к.; тутъ-же зехались съ княгиню Хованскою, которой служитель Иванъ Ивацовъ

Сафлюковъ далъ намъ карты, да тутъ перезели карнаментъ въ другое барилаце не безъ убытку. Одтоль вѣхали въ 1-мъ часу по полудни и прибыли на ночь въ деревню Родвино помѣщика Лва Семіоновича Зіновіева, о 23 версты одъ Крестцовъ; тутъ въ Родвицѣ у крестянина Ефима Василіева куплено блюдо и талѣрка цѣповые за 40 к. На хлѣбъ розышлоь 3 к.

21. Въ 12 часу одтоль вѣхавши, прибыли въ 6-мъ по полуночи до Волдаи, о 36 версть, и тутъ обѣдали. На хлѣбъ и мясо пошло 13 к.; одтоль вѣхали въ 1-мъ часу по полдни и прибыли въ село Юдрово, о 24 версты, и тутъ ночовали; за постоялее дано 2 к.

22. Зъ Едрова вѣхавши въ 4 часу по полуночи, прибыли въ деревню Куженкину, о 27 версть, и тутъ обѣдали. Розышлоь на пиво и проч. 6¹/₂ к. Одтоль вѣхали въ 11 часу и прибыли въ Вышній Волочокъ 5-го часа по полудни; тутъ ночовали, о 47 версть одъ попасу. Розышлоь 6¹/₂ к.

23. Зъ Волочка въ 1-мъ часу по полуночи вѣхавши, прибыли на обѣдъ въ 8-мъ часу въ деревню Каменку князя Якова Василіевича Сибѣрскаго, о 47 версть; тутъ розышлоь на мясо, квасъ и проч. 14 к. Одтоль вѣхавши въ исходѣ 12 часа, прибыли по полдни въ 5 часу до деревни Марисна князя Ивана Алексіевича Долгорукова, о 41 версту отъ попасу обѣднаго; тутъ розышлоь на пиво и проч. 4 к.

24. Во 2-мъ часу вѣхавши зъ ночлегу, прибыли въ Тверь, о 38 версть, и тутъ обѣдали; тутъ-же розышлоь на хлѣбъ и проч. 24¹/₂ к. Одтоль вѣхали въ 2 часу и прибыли до Городиѣ въ 5-мъ часу, о 31 версту, и тутъ ночовали. Розышлоь 3 к.

25. Въ 12 часу почи вѣхавши зъ Городиѣ, прибыли до Клинну въ полъ 8 часа по полуночи, о 55 версть; тутъ на мясо 14 к., тутъ-же обѣдалъ я у воеводи здешнаго Глѣба Прокофіевича Родищева, одъ котораго и писмо къ брату его Афанасію Прокофіевичу въ Глуховъ отобрать, такожъ и чолки валеные; жена оного воеводи именовъ Пазаріевна. На пиво 2¹/₂ к. Зъ Клинну вѣхавши въ 2 часу по полудни, прибыли до Пешокъ въ полъ 6-го часа, за 31 версту.

26. Въ исходѣ 1-го часа по полуночи вѣхавъ зъ Пешокъ, прибыли до Черной въ полнята часа, о 25 версть. Тутъ розышлоь 4 к. Одтоль вѣхавши въ 8-мъ часу, прибыли въ Москву въ исходѣ 11 часа, и тутъ сталъ я вкарторме на Москвитной, на мѣсто по

логодского и кашарского архіерсея, преосвященнаго Веніаміа Сахновскаго; тутъ-же засталъ отца Іова, который былъ діаконъ при покойномъ Кролику. Ездилъ въ домъ графа Савы Владиславича, отдалъ письмо и ключъ съ С. П. Бурха присланные до Ланда, потомъ былъ въ монастырѣ Богоявленскомъ у грека Савы Петровича и отобралъ у него по векселю графа Мойсея Ивановича Владиславича 50 руб. денегъ. Отъ него ездилъ до купчина Деметія Прохоровича и до невѣстки полковничей Катерины Андреевны въ домъ полковничій-же, за Пречистенскіми вороты, у Іліи Обиженнаго будущій. На извозчика пошло 4 к., Алексію дано 4 к., цилюрику 4 к. Съ извозчиками, папьятymi изъ С. П. Бурха, расплатка учинена, на которыхъ пошло всѣхъ денегъ 7 р. 85 к.

27. Рано ездилъ до Урѣла подьящелариста и съ нимъ приехавъ въ коллегію; тутъ кланявся ассесору Семену Ивановичу и письмо подалъ секретарю Ивану Тимофѣевичу Аврамову отъ Повоторжцова. Писана въ Ямскую прошеморія о выдачи мѣнъ на двѣ почтовыхъ, а подъ люде на 3 ямесія подводы. На извозчика пошло 6¹/₂ к. Подьящелу Ямской канцеларіи 8 к., Николаю Евдокимову 1 р. Куплены три футра, завойковое и шляжовое, лисія да попеличое, дано за оныя 36 р. Куплены 12 талѣрокъ, 8 полумисковъ (а до нихъ придано двѣ талѣрки старыхъ и полумисочокъ въ замѣнъ, и въ нихъ вѣсу пудъ, а въ придаточныхъ было 4¹/₂ фунта), дано за то 7 р. 48 к. За двѣ штуцки івановскаго полотна 2 р. 6 к., за полотна сѣтчанаго 30 аршинъ 90 к., за штуку полотна ровнаго 98¹/₂ коп. За оситра въ полтора пуда 1 р. 35 к. За двое дверецъ желѣзныхъ до печей 90 к., за заслонку желѣзную 45 к., за 17 фунтовъ кавяру 1 р. 36 к.

28. Обѣдалъ у полковника Василія Степановича Батурина, где и съ сыномъ его Сергіемъ, солдатомъ ізмайловскаго полку, разговаривали по латинѣ; тутъ же обѣдалъ съ нимъ и сѣвчанинъ Іванъ Івановъ Драній. На извозниковъ пошло 10 к. Вечерялъ у графа Ефима Ивановича Владиславича, купно съ Николаемъ Павловичемъ Крестичемъ, и позабавилися разными разговорами до 12-го часа.

29. Куплены саши съ возиркомъ, дугою и оглоблями за 5 р., за дровни подъ колдѣбу дано 30 к., извозникамъ 26 к. Взялъ писмо у Николая Павловича заемное Трусевичево о доправѣ на пемъ десяти рублевъ. Вечра занялъ денегъ 30 р. у Савы Петровича

Діахра грека. За стонжви и тясму до шабли 2 р. 71 к., за цвѣт-ную тріодь 90 к., на расходъ харчевый и дрова и проч. розпи-лось 1 р. 50 к. Алексію до росмоту за службу его дано 4 р., за кошелек 2¹/₂ к. Павелъ Якимовичъ Якумопло далъ мнѣ на дорогу сира, закусокъ и чотиры рубли денегъ. За канчукъ 5¹/₂ к. Писаль письма до пана Горлепка и до Козми Якимовича въ Санктъ-Петербургъ и отправилъ оныя на почтѣ зъ коллегіи іностранной. За пудъ мила 1 р. 40 к., за 3 золотники кокцинелли 20 к., за 25 аршинъ цвѣлиху пасистого 2 р. 50 к. Всечеру былъ у ассесора Семена Івановича и отобралъ у него писмо къ ясеневельному.

30. Салдатамъ, що привели почту, дало 15 к., за двѣ жестянки табаку 80 к., извощикамъ 12 к. Бувъ у генерални Фамициной Софіи Казимировны и видѣлся зъ дѣтми ся Адресмъ Юревичемъ и Евдокією Юревною въ домъ ихъ за Пречистенскими вороты; бувъ же и у отца Мины Григоріевича, ключара усеневого, который мнѣ и полсіюми подарилъ; у него же видѣлся зъ секретаремъ Сем-помъ Перфіліевымъ и бывшимъ генерала Кортчина адютантомъ Иваномъ Даниловымъ Докторовымъ. За пиво на дорогѣ 20 к., за тюмъ китаю 7 р., за двѣ куницы 3 р. Сего числа вѣхалъ изъ Москвы на почтѣ и переехалъ до свѣта три станы почтовые.

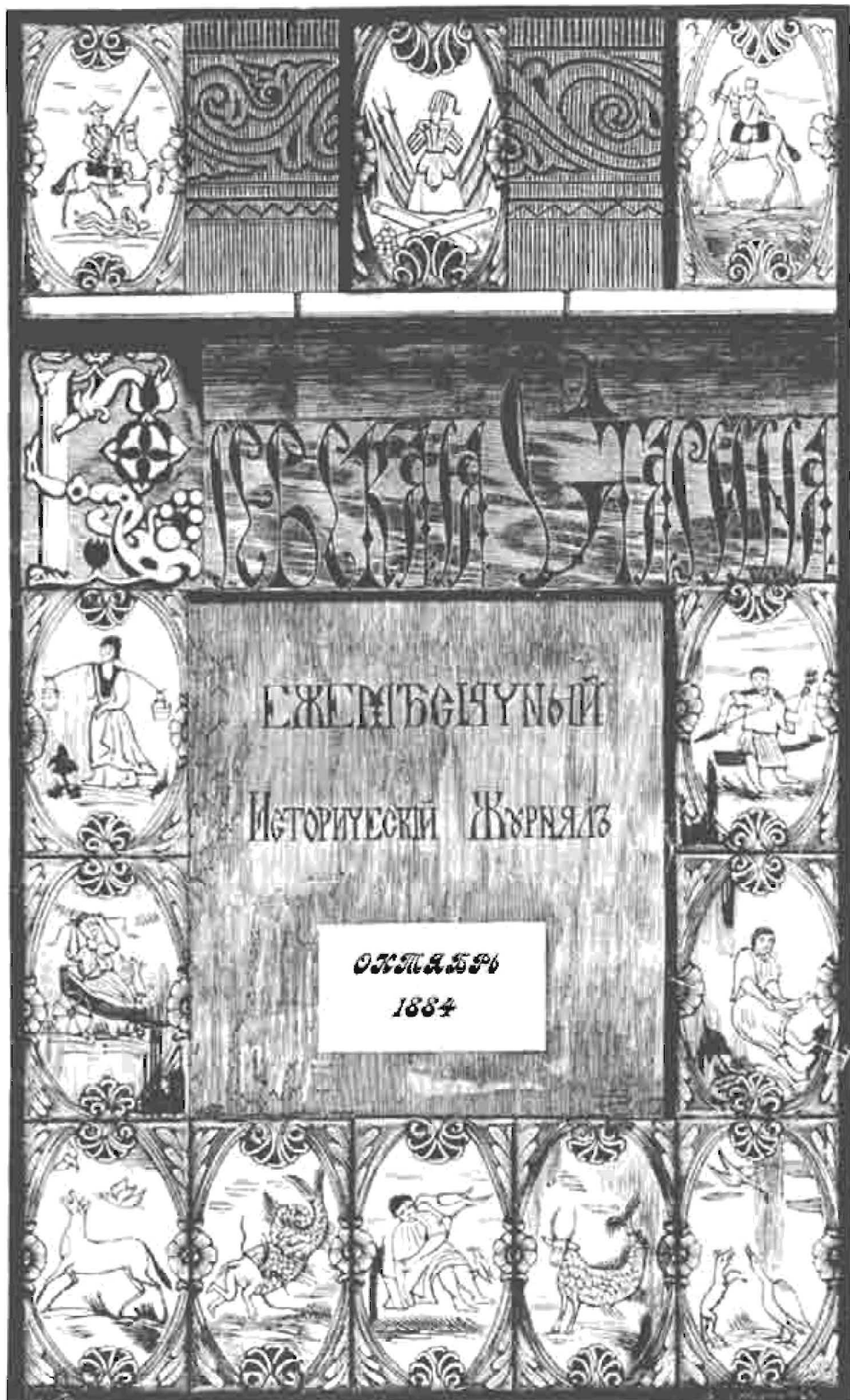
31. Свѣтомъ зъ Ликова, где станъ ночтовой, вѣхавъ, прибылъ до Добрыхъ, а одтоль до Калуги; зъ Калуги около вечерепъ вѣ-ехавъ и обехавъ обозъ пана Полуботка, ~~вѣхалъ~~ ~~почю~~ ~~Духвинѣ~~ и прибылъ свѣтомъ до Беліова.

Февраль.

1. Зъ Беліова рано вѣхавъ, прибылъ около полднѣ до Болхова; одтоль, ради того, что пьяный случился почтарь и что стала бить метель, принужденъ, захавши въ сторону до села Логны помѣщи-ковъ графа Платона Мусина Пушкина и князя Григорія Волкон-ского, тутъ почовать, и уже одтоль

2. Свѣтомъ вѣхавъ, прибылъ до Глотова, а одтоль до Карачева въ 12-мъ часу пополдни; тутъ розмышлось 4 к. Зъ Карачева въ на-чалѣ 3-го часа вѣхавъ, прибылъ до Сомова смеркомъ, а одтоль до Часпки, и тутъ ради метелици принужденъ почовать.

3. Зъ Часпки въ 6-мъ часу пополудни прибылъ на почту Любошевскую въ 2-мъ часу по полдни, а одтоль до Сѣвска въ 8-мъ

СЕДМЬСЛУЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

Октябрь
1884

СОДЕРЖАНИЕ.

Октябрь, 1884 г.

	стр.
О продолженіи изданія «Кіевской Старины» въ 1885 г.	
I. ПИНОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ. Въ исторія южнѣ-русской литературы XVII вѣка. Н. Ф. Сумцова	183
II. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О КІЕВѢ. Л. Л.-ва.	227
III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОЛОДИЯ. (Продолженіе). Н. М.	234
IV. СОФРОНІЙ ДОБРАШЕВИЧЪ, АРХИМАНДРИТЪ НОВОЙ СЕРБІИ. Архипастырца Арсенія	276
V. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ВОЗНІКНОВЕНІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ШТУНДЫ НА ЮГѢ РОССІИ	305
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Извѣстіе о возведеніи Сявела Степановича Пшчыскаго. 1731—1785 г. Изданіе публичнаго общества исторіи и древностей рос. пражского университета, подъ ред. дѣлств. члена Никола Попова. Москва. 1884 г. IV—561. — В. Я.—б) Русская историческая библіотека, издаваемая архипастырцескою компаніею, томъ сьмьмъ. С.-Петербургъ, 1884 г.—О. Л.—в) О родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. 1871 г., 8°. 157 стр. Связаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ 1884 г., 8°. 131 стр.—А. Лазаревскою.—г) Суликовскій Архивъ—факсимильна бумажка Суликовъ, Сворупъ и Войцеховичей. Кіевъ 1884 г. Издатель А. Лазаревскій.—В. А.	321
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) VI Археологическій съѣздъ въ Одессѣ.—б) Два случая изъ борьбы крестьянъ съ еврейями за аренду казенныхъ земель.—С.—в) Несколько словъ о земляхъ Котляревскаго въ г. Полтавѣ.—Сообщ. В. Е. Бунивичъ.—г) Лаксантація мѣновбратскихъ мѣнзавѣтъ конца XVII в. д) Дополнительное свиданіе о бывшихъ на ладожскомъ каналѣ козакахъ.—Сообщ. Дм. Башалтѣ.—е) Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ.—В. Горленка.—ж) Въ портрету Карла Терлецкаго. з) Поправка и объясненіе.	337
VIII. ДЪВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (Продолженіе).	97—113
XI. ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Карла Терлецкаго.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

ПОДПИСКА

на ежемѣсячный историческій
журналъ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ КІЕВѢ.

1884-й годъ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и подъ тою-же редакціею.

По трехлѣтнему опыту нашего изданія, наши постоянные читатели могли удостовѣриться, что оно остается вѣрнымъ той скромной задачѣ, которую намѣтало для себя при самомъ началѣ, т. е. разработкѣ мѣстной исторіи. Но самая мысль о необходимости спеціальной разработкѣ южно-русской исторіи для пополненія и расширенія нашей общей исторической науки возникла сравнительно недавно и призывается въ обществѣ, да и въ самой наукѣ туго и медленно. Успѣхъ нашего изданія стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ и укрѣпленіемъ этой мысли въ сознаніи общества и дѣятелей науки. Въ какой мѣрѣ способствовало этому само наше изданіе, судить не намъ; но мы не могли не видѣть въ теченіи трехъ

лѣтъ возрастающаго сочувствія и довѣрія къ нашему труду, обогащавшихъ портфель редакціи новыми статьями и матеріалами, а отсюда заключаемъ, что и самый трудъ нашъ не безуспѣшенъ. Успѣхъ этотъ идетъ, правда, медленно, въ размѣрахъ скромныхъ; но успѣха быстрого мы и не ищемъ, а въ самой постепенности его усматриваемъ залогъ его прочности.

Съ такими мыслями мы приступаемъ къ началу новаго, четвертаго года изданія, выражая живѣйшую нашу благодарность всѣмъ постояннымъ и случайнымъ нашимъ сотрудникамъ и надежду, что они не оставятъ насъ своимъ сочувствіемъ и поддержкою и въ наступающемъ году.

Подписная цѣна за 12 выжижекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 р. 50 к. На заграничную пересылку прибавляется 1 р.

Гр. иногородные обращаются исключительно къ редакціи «Кіевской Старины», *Кіевъ, Трехъ-святительская ул., д. № 8-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 г. высылаются редакціею по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

ОКТЯВРЬ.

1884 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київ, 29-го септембра 1884 года.

Кирилль Терлецкій,
ЕПИСКОПЪ ЛУЦКІЙ И ОСТРОЖСКІЙ † 1607 г

ИННОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

Въ Малороссіи въ XVII столѣтіи весьма немногія лица пользовались столь обширною и почетною извѣстностью, какъ кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель. Ему писали письма московскій царь и патриархъ, гетманы искали у него совѣта и посредничества. Высшія духовныя лица, кіевскій митрополитъ и черниговскій архіепископъ, дорожили его расположеніемъ. Ученые иностранцы являлись къ нему съ поклономъ или вступали съ нимъ въ дружескую переписку. Безъ преувеличенія, Гизель долгое время былъ въ Малороссіи духовнымъ свѣточемъ, общепризнаннымъ руководителемъ по пути истины, правды, любви къ ближнему. Историкъ южно-русской церкви и историкъ южно-русской литературы съ одинаковымъ интересомъ останавливаются на Гизелѣ, первый, потому что Гизель участвовалъ во многихъ важныхъ церковныхъ событіяхъ XVII столѣтія, второй потому, что «Синопись» Гизеля имѣла влияние на развитіе русской исторіографіи, потому еще, что въ «Мирѣ» Гизеля до известной степени обнаруживаются умонастроеніе и нравственный характеръ эпохи.

Гизель принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ въ нашей исторіи иностранцевъ, которые, поселившись въ Россіи, отдали ей весь свой умственный трудъ, всю свою энергію посвятили на пользу своего новаго отечества. Въ Малороссіи въ XVII ст. было два такихъ иностранца, Иннокентій Гизель и Адамъ Зернишаль; оба вѣмцы, оба приняли православіе, и тотъ и другой цвсали въ защиту православія.

Иннокентій Гізель родився въ Пруссіи, въ реформатскомъ исповѣданіи, и тамъ-же получилъ первоначальное образование. Въ молодые годы онъ пришель въ Кіевъ и здѣсь принялъ православіе. Какія обстоятельства привели Гізеля въ Украйну, что побудило его принять православіе, когда произошла переѣвна еѣропеловѣданія, — все это вопросы открытые, на которые древніе акты и лѣтописи не даютъ никакого отвѣта. Молодость Гізеля покрыта такими-же густымъ мракомъ неизвѣстности, какъ молодость знаменитыхъ его современниковъ, Барановича и Галатовскаго. Гізеля могла привести въ Малороссію жажда познаній, стремленіе ознакомиться съ православіемъ среди прямихъ его послѣдователей и исповѣдниковъ, стремленіе ознакомиться вообще съ религіозными исповѣданіями въ южной и западной Русіи, исповѣданіями разнообразными и многочисленными, съ разными сектантскими оттѣнками. Могъ Гізель явиться въ Украйну, какъ простой, мирный поселенець. Что нѣмецкія поселенія были въ Малороссіи уже въ XVI и XVII ст., доказываетъ современный малорусскій языкъ, въ лексическомъ составѣ котораго нѣмецкія слова составляютъ значительный процентъ. Какія-бы одлаво обстоятельства ни привели Гізеля въ Малороссію, для Малороссіи человекъ этотъ оказался дорогимъ приобретеніемъ. Онъ слился душой съ пріотивнымъ его народомъ, принялъ его вѣру и сталъ служить своему новому отечеству честно и усердно.

Въ столь бурную эпоху, какъ XVII вѣкъ въ Малороссіи, въ періодъ военной и религіозной борьбы, можно было выдвинуться или подвигами военными или трудами богословскими. Неизвѣстныя намъ обстоятельства, а можетъ быть личныя склонности и душевныя свойства Гізеля привели его на этотъ послѣдній путь, доставившій ему впоследствии столь славную извѣстность; онъ принялъ монашество, получавъ, вѣроятно, при этомъ имя Иннокентіе, вмѣсто имени, полученнаго при крещеніи, которое осталось неизвѣстнымъ, и пошелъ въ науку.

Особеннымъ счастьемъ для Гізеля было то, что онъ пришель въ Малороссію въ эпоху наибольшаго религіозно-умственного ея возбужденія и когда судьбы южно-русской церкви находились въ рукахъ такого высоко-даровитаго, энергическаго и просвѣщеннаго дѣятеля, какимъ былъ Петръ Могила, сперва печерскій архиман-

дрить, потомъ кievскій митрополитъ. Имѣя въ виду учредить въ Кіевѣ коллегію и нуждаясь въ знающихъ и способныхъ учителяхъ, Петръ Могила избралъ вѣсколько способныхъ молодыхъ людей и послалъ ихъ на свой счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ учительству. Къ числу этихъ людей принадлежалъ Иннокентій Гизель, на что имѣется цѣльное документальное указаніе. Гаврииль Долецкій, который самъ учился въ кievо-братскомъ училищѣ, въ концѣ семнадцатаго вѣка писалъ къ новгородскому митрополиту Іову: «Пославъ Петръ Могила отъ себя капитула кievскія въ Царьградъ къ св. патриарху, испроси отъ него благословеніе завести школы въ Кіевѣ латвскихъ и польскихъ училищъ и прежде избравъ монаховъ угодныхъ, разослалъ въ разные государетва ради наукъ, между которыми были покойникъ Иннокентій Гизель». Неизвѣстно, кто были товарищи Гизеля по заграничному путешествію; митрополитъ Макарій полагаетъ, довольно гадательно, что, кромя Гизеля, за границу были отправлены Софроній Почаскій, Платій Оксеновичъ Старуничъ и Юсіфъ Кононовичъ Горбачій ¹⁾. Это были «люди, испытанные въ святомъ восточномъ православіи, искусные въ знавіи свободныхъ наукъ и благочестивые», какъ засвидѣтельствовалъ самъ митрополитъ Песаія Копинскій, со всѣмъ духовенствомъ, въ своемъ письменномъ удостовѣреніи отъ 5 января 1632 г. Неизвѣстно, въ какихъ заграничныхъ университетехъ учился Гизель, сколько времени онъ провелъ на западѣ и какія познанія вынесъ отсюда ²⁾. По его «Синодесу», въ которомъ онъ обнаружилъ наклонность къ дѣятельности исторіографа, и «Мпру», въ которомъ онъ трактуетъ о правахъ и обязанностяхъ христіанина, можно заключить, что Гизель, кромя богословія, слушалъ за границей исторію и юриспруденцію. Понятно, что пройденная имъ въ молодости школа по тому времени не могла быть иною, какъ только схоластическою, и Гизель во всю жизнь не могъ отрѣшиться отъ вынесеннаго изъ нея догматизма, формализма, неумѣренной наклонности къ мелочнымъ де-

¹⁾ Макарій, Ист. рус. ц., т. XI, стр. 409.

²⁾ Св. Дмитрій Ростовскій захѣталъ въ своей «Парамидѣ», что Гизель учился «въ разныхъ школахъ, до которыхъ я черезъ моря путешествовалъ». (Сочин. III. 626). Можно думать, что Гизель былъ въ Австрію.

фіяціямъ. Весьма возможно, что схоластическая западно-европейская школа, гдѣ преобладало полемическое богословіе, содѣйствовала развитію въ Гизелѣ наклонности къ брашной и рѣзкой полемикѣ. Если однимъ южно-русскимъ ученымъ, наиримѣрь, скромному Барановичу, не нравилась рѣзкость полемическаго тона и диалектическій задоръ Гизеля, то другимъ, напр., Петру Могилѣ, эти свойства Гизеля пришлись по вкусу. Самъ Петръ Могила любилъ сильное и крѣпкое слово въ спорѣ съ латвно-уніатами, любилъ выбрать своего противника по вѣрѣ «дурнемъ» или «толсто-брюхимъ», какъ видно изъ его «Ізвѣста». Петръ Могила оцѣнилъ въ Иннокентіи Гизелѣ его богословскія познанія, его литературную бѣловѣстность, его ревность о православіи и предоставилъ ему мѣсто сначала учителя, потомъ профессора, наконецъ ректора коллегіи. Въ званіи ректора кievской коллегіи Гизель долженъ былъ принимать дѣятельное участіе въ ученой борьбѣ съ католиками и уніатами. Еще при жизни Петра Могилы иезуитъ Николаи Циховичъ вызвалъ Гизеля на публичныя религіозныя пренія, которыя продолжались три дня ¹⁾. Во время кончины Петра Могилы и избранія Сильвестра Коссова въ кievскіе митрополиты, т. е. въ началѣ 1647 г., Иннокентій Гизель состоялъ игуменомъ братскаго монастыря и ректоромъ кievской коллегіи, какъ видно изъ его подписи подъ актомъ избранія митрополита Сильвестра Коссова ²⁾. Петръ Могила передъ кончиной своей смотрѣлъ на Гизеля, какъ на главнаго покровителя коллегіи и не задолго до смерти поручилъ ему устроить всѣ стараніи на улучшеніе этого дорогаго учрежденія. Гизель свято исполнялъ завѣтъ своего знаменитаго покровителя. Онъ пользовался всякимъ благоприятнымъ обстоятельствомъ, чтобы поднять значеніе коллегіи въ педагогическомъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Такъ, онъ привлечъ въ число ея преподавателей талантливаго Барановича; при немъ здѣсь учились Галатовскій, Славинецкій, Сатановскій, вѣроятно, Симеонъ Полоцкій. Въ 1649 г. царь вызвалъ на службу въ Москву ученыхъ кievскихъ инокъ, Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго. По этому поводу Гизель писалъ царю 8 іюня 1649 г.: «По желанію нашему приличное время

¹⁾ Страдомскій, «Лазарь Барановичъ» въ Ж. М. Н. Пр., т. LXXV, стр. 55.

²⁾ Архивъ вѣст.-западной Россіи, II. 346.

обрѣтаемъ, егда царское ваше величество отъ нашего собора учителей себѣ на богоугодную службу призываетъ». Онъ писалъ царю, что на содержаніе коллегии средства давалъ сначала ея учредитель Петръ Могила, а послѣ его смерти иѣкоторые благородные и благочестивые люди; такъ какъ во время начавшихся войнъ Хмельницкаго одни благотворители были убиты, другіе обдѣли, то братія братскаго монастыря обращается къ общему благодѣтелю царю съ просьбой о помощи ¹⁾. Такъ началъ свои сношенія съ Москвою Гизель; впоследствии эти сношенія были очень часты, по разнымъ поводамъ, монастырско-хозяйственнымъ и политическимъ. Ближайшее знакомство Гизеля съ царемъ произошло въ іюль 1654 г. Въ этомъ году Гизель состоялъ игуменомъ николевскаго монастыря и былъ посланъ къ царю отъ митрополита и всего малорусскаго духовенства съ просьбой объ утвержденіи правъ привилегій, данныхъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ отъ польскихъ королей. Онъ представилъ царю грамоты митрополита Сильвестра Коссова, печереваго архимандрита Іосифа Тризича, черниговскаго епископа Зосимы Прокоповича, игумена кіево-архангельскаго златоверхаго монастыря Феодосія Василевича, наместника кіевского братскаго монастыря Феодосія Софоновича, съ рекомендательными и одобрительными письмами Богдана Хмельницкаго и Пв. Выговскаго. Въ грамотахъ заключались большею частью просьбы объ утвержденіи правъ на маѣвности, о выдачѣ жалованья, иконъ, ризъ, книгъ. Эта высокая миссія Гизели показываетъ, какимъ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ онъ пользовался среди малорусскаго духовенства. Что гетманъ Богданъ Хмельницкій и генеральный писарь Выговскій также съ большимъ уваженіемъ отяосились къ николевскому игумену, видно изъ данныхъ ими Гизелю одобрительныхъ грамотъ: «Пречестный господинъ отецъ Иннокентій Кизель, писалъ Богданъ Хмельницкій царю, игумену николевскій, бывшии учителемъ монастыря братскаго училищъ кіевскихъ, послужити много церкви Божіей ученіемъ и за вѣру много пострадалъ, и много имѣнія монастырскаго ляхи и литва разграбили ²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. III, № 323.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, X., 717, 755, 736.

Въ чемъ состояли главныя желанія малорусскаго духовенства и его уполномоченнаго Гизеля, видно изъ статей, которыя представлялъ Гизель царю отъ имени митрополита Сильвестра. Въ статьяхъ излагались просьбы: 1) чтобы государь позволилъ утвердить вольности и привилегіи малорусскаго духовенства, дарованныя великими князьями кіевскими и польскими королями; 2) чтобы малорусское духовенство не было отдалено отъ послушанія константинопольскому патриарху; 3) чтобы кіевскій митрополитъ, епископы, архимандриты, игумены пребывали до смерти каждый при своей должности, а преемники на мѣста ихъ поступали по вольному избранію духовныхъ и мірянъ, и чтобы московскихъ духовныхъ за ревизію и на всякія начальства въ Малороссію государь не присылалъ; 4) чтобы признало было за кіевскимъ митрополитомъ право безапелляціоннаго суда надъ духовными лицами и впадатое духовенство не отсылалось изъ Великороссію; 5) чтобы православные въ Литвѣ и на Волиши свободно могли спосылаться съ кіевскимъ митрополитомъ, какъ своимъ пастыремъ; 6) чтобы церкви и монастыри были возвращены неправильно отнятыя у нихъ имѣнія и въ замѣнъ имѣній, оставшихся въ Литвѣ и на Волиши, даны были другія имѣнія вблизи Кіева; 7) чтобы никого изъ малорусскихъ духовныхъ лицъ насильно не тягали въ Москву, а если кому изъ нихъ случится по дѣламъ быть въ Великороссіи, то чтобы они не были тамъ задерживаемы.

Представляя государю всѣ эти статьи въ русскомъ станѣ подъ Смоленскомъ, Гизель говорилъ: «кіевскій митрополитъ бьетъ съ нами челомъ вашему царскому величеству о всѣхъ вольностяхъ и правахъ, по наибольше о первой вольности, которая служитъ корнемъ всѣхъ нашихъ вольностей и правъ, о послушаніи вашему верховнѣйшему пастырю константинопольскому, до котораго насъ и право Божіе чрезъ св. ап. Андрея и законы св. отецъ прилучили и солючили»...

Московскому правительству именно эта «первая» вольность малорусскаго духовенства особенно не нравилась. Вполнѣ забрать въ руки малорусское духовенство, устранить малорусскія особенности религіознаго быта можно было не иначе, какъ перешагнувъ или испровергнувъ эту «первую» вольность. Малорусское посольство предстало передъ царемъ въ іюль 1654 г.; но уже въ

мартѣ этого года царемъ было объявлено роковое для малорусскаго духовенства рѣшеніе: «а митрополиту кievскому, также и инымъ духовнымъ Малыя Россіи быть подь благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго»¹⁾. Практическое осуществленіе этого рѣшенія было лишь вопросомъ времени; московское правительство могло его отложить до поры до времени, но не могло и не хотѣло оттянуть: этого требовалъ самый ходъ церковно-историческихъ событій, это вытекало изъ всего политическаго строя московскаго государства. Для московскихъ людей XVII ст. просьба малороссіянъ о сохраненіи вольностей должна была звучать очень странно, и самое слово «вольность» должно было представляться чѣмъ то еретическимъ.

Посольство малорусское къ царю не имѣло успѣха. Главныя статьи были отклонены. Царь обещалъ Гизелю обсудить ихъ, по возвращеніи въ Москву. Кіевскому воеводѣ была послана царская грамота, чтобы онъ не вступалъ въ духовныя дѣла. Государь пожаловалъ Гизеля и кмѣтъ съ нимъ прибывшаго подь Смоленскъ Клементія Старуничя (мужена видубицкаго монастыря) соболями и девами. Кромѣ того, съ Гизелемъ отравлены были въ Кіевъ митрополиту Сильвестру сорокъ соболей во сто рублей, епископу Досимѣ и печерскому архимандриту Юсифу по сороку соболей, въ семьдесятъ рублей каждый сорокъ, да въ монастыри златоверхомихайловскій и видубицкій на церковное строеніе по сороку соболей, въ пятьдесятъ рублей каждый²⁾.

Въ 1656 году Иннокентій Гизель получалъ высокій санъ архимандрита кievо-печерской лавры,³⁾ въ которомъ пробылъ двадцать семь лѣтъ, до самой своей кончины. Печерская лавра, какъ главнѣйшій константинопольскаго патріарха, не зависѣла отъ кievскаго митрополита; ея пастырь былъ властнымъ, вліятельнымъ, ии отъ того въ Малороссіи независимымъ лицомъ; въ его рукахъ находились громадныя монастырскія маестности; печерскій архимандритъ участвовалъ во всѣхъ важныхъ церковныхъ событіяхъ въ Малороссіи. Московское и польское правительства одинаково соз-

¹⁾ Макарій. Пет. рус. п., т. XII, стр. 83.

²⁾ Тамъ-же., т. XII, стр. 82.

³⁾ Архивъ юго-западной Россіи. II. 346.

павали его нравственную силу въ край и въ смутныя эпохи съодинали его на свою сторону посылкой тайныхъ агентовъ или подарками, причѣмъ успѣхъ имѣло лишь правительство московское. На высокой постѣ печерскаго архимандрита возводились люди всегда достойные, соединившіе благочестіе съ образованностью. Необходимость серіознаго научнаго и литературнаго развитія печерскаго архимандрита обусловливалась тѣмъ, что ему часто приходилось вести литературную борьбу съ католиками и униатами, давать одобреніе и разрѣшеніе на печатаніе въ лаврской типографіи книгъ, послѣ предварительнаго просмотра рукописи, удовлетворять любознательности пріѣзжавшихъ въ Кіевъ ученыхъ иностранцевъ. При избраніи архимандрита печерскаго имѣли также въ виду, чтобы кандидатъ на это высокое званіе былъ человѣкъ дѣятельный, хозяйственный, расчетливый, съ яснымъ практическимъ умомъ, такъ какъ только такой человѣкъ могъ достаточно хорошо завѣдывать обширнымъ лаврскимъ имуществомъ и отстаивать его неприкосновенность отъ многочисленныхъ соебѣдъ. Всѣми этими качествами Гизель обладалъ вполне. Это былъ человѣкъ умный, хорошо образованный и въ добавокъ «письменный». Онъ могъ выдержать ученый диспутъ съ католиками, могъ составить богословское полемическое сочиненіе. Кроме того, это былъ человѣкъ яснаго пракческаго ума. Свободный отъ увязительнаго корыстолюбія, ни разу не обнаруживъ желанія захватить чужую собственность, какъ-бы плохо она ни лежала на лаврскихъ земельныхъ границахъ, Гизель твердо и энергично отстаивалъ неприкосновенность и цѣлость лаврскихъ мастностей и отстаивалъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что своею непосредственно съ царемъ и сумѣлъ обратить его вниманіе и благотворительность на лавру.

Въ XVII и отчасти въ XVIII ст. печерская архимандрія считалась ближайшей ступенью къ кіевской митрополичьей кафедрѣ. Многіе печерскіе архимандриты удостоены были званія митрополита кіевского; напримѣръ, Петръ Могила, Варлаамъ Ясвскій, Іосифъ Брокоскій, Тимоней Щербацкій. Черезъ годъ послѣ избранія Гизеля архимандритомъ печерской лавры, онъ выставленъ былъ кіевскимъ духовенствомъ, какъ самый достойный кандидатъ на мѣсто кіевского митрополита, послѣ смерти Сильвестра Коссова. Заявляя объ этомъ царскому послу Кикину, кіевское духовенство высказывало

лось въ томъ смыслѣ, чтобы Гизель, по избраніи, былъ рукоположенъ московскимъ патріархомъ и состоялъ подъ властью послѣдняго. Трудно судить, насколько искренно было послѣднее заявленіе. Подъ Смоленскомъ въ 1654 г., въ Кіевѣ въ 1666 г., вообще неоднократно Гизель выражалъ свое и всего духовенства желаніе остаться въ зависѣмости исключительно отъ константинопольскаго патріарха. Какъ-бы ни было, 18 ноября 1657 г. состоялся предварительный съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для избранія митрополита. На съѣздъ прибыли только-что избранный въ гетманы Выговскій, затѣмъ черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ, вилненскій архимандритъ Іосифъ Тукальскій, черниговскій архимандритъ Іосифъ Мендериновъ и намѣстники львовскаго и перемышльскаго епископовъ. На съѣздѣ не было многихъ духовныхъ лицъ, не было епископовъ,—Арсенія Желиборскаго, Діонисія Балабана, ни самаго Гизеля, не было ни однова кіевскаго архимандрита, ни одного кіевского игумена. Не явились на съѣздъ и царскіе воеводы. Но мѣстнѣ митрополита Макарія, кіевское духовенство потому уклонялось отъ участія въ съѣздѣ, что не рассчитывало на избраніе въ митрополиты Гизеля ¹⁾. На съѣздѣ выбрали на кіевскую митрополию Діонисія Балабана, Іосифа Тукальскаго и Арсенія Желиборскаго, но ни на комъ окончательно не остановились и отложили выборы до 6 декабря. Весьма возможно, что Гизель самъ не пожелалъ конкурировать съ малорусскими іерархами въ достиженіе митрополіацкаго сана и добровольно уклонился отъ избранія на постъ митрополита, чтобы сохранить расположеніе духовенства и правительства. Ему нельзя было не видѣть, какъ съ одной стороны все южно-русское духовенство усиливалось оставаться подъ духовнымъ главенствомъ константинопольскаго патріарха и какъ съ другой правительство московское неуклонно стремилось къ подчиненію малорусскаго духовенства московскому патріарху, и впрочемъ пѣтъ удивительнаго, если Гизель не пожелалъ впасть между наковальней и молотомъ и благоразумно предпочелъ ограничиться печерскою архимандріей, которая въ матеріальномъ отношеніи была лучше обставлена, чѣмъ самая митрополія. На съѣздѣ 6 декабря въ кіевскіе митрополиты избранъ былъ луцкій епископъ Діонисій Балабанъ.

¹⁾ Макарій, Ист. рус. и, т. XII, стр. 541.

Что Гизель добровольно могъ уклониться отъ кандидатуры въ митрополиты, на это указываетъ еще и то, что онъ остался въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Лазаремъ Барановичемъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ созваніи съѣздовъ, а при избраніи митрополитомъ Діонисія не сталъ въ враждебныя или холодныя отношенія и къ этому послѣднему, чего не могло-бы случиться, если-бы Гизель имѣлъ серьезныя домогательства занять митрополитчій столъ и былъ кѣмъ либо отстраненъ отъ того, на что онъ имѣлъ весьма солидное право по своему іерархическому положенію и образовательному цензу.

Новоизбранный митрополитъ Діонисій скоро оставилъ Киевъ, передавшись вмѣстѣ съ гетманомъ Выговскимъ Польпѣ, по гадяцкому договору. Какъ извѣстно, договоръ этотъ сулилъ Малороссіи великія и богатые милости: свободу вѣроисповѣданія, свободу печати, административную и политическую автономію. Осторожный и благоразумный Гизель не повѣрилъ широкимъ польскимъ обѣщаніямъ. «Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, писалъ кіевскій воевода къ царю, тебѣ, великому государю, служить вѣрно, и гетману и полковникамъ говорить, не боясь отъ нихъ ничего». Ніжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ въ письмѣ своемъ отъ 25 мая 1659 г. къ боярину князю А. Н. Трубецкому, командовавшему московскими войсками въ Малороссіи, между прочимъ извѣщалъ его: «митрополитъ кіевскій и всѣ владыки и архимандриты, какъ Тукальскій, Василевичъ (игумень слудскій) и протопопы въкаторже до Варшавы къ королю на сеймъ поѣхали, на вѣчное собраніе. Только отецъ Гизель, игумень межиторскій отецъ Варнава и отецъ Клементій Старушникъ, игумень выдубицкій, непоколебимо стоять: а отецъ Барановичъ тако-жъ въ печерскомъ монастырѣ всмоленъ»¹⁾.

Не смотря на очевидную готовность Гизеля служить московскому государству, его обитель и принадлежавшія ей обширныя маестности много страдали отъ великорусскихъ ратныхъ людей. Стоявшее въ г. Киевѣ и Малороссіи московское войско поступало здѣсь какъ-бы въ непріятельской странѣ: недостатокъ дисциплины и крайняя бѣдность влекли его къ грабежу и кражамъ, а отъ нихъ доставалось нерѣдко и управляемой Гизелемъ обители печерской.

¹⁾ Мазарій. Ист. рус. к., т. XII, стр. 553.

«Обидъ и насилій нашихъ, писалъ Гизель 16 іюня 1661 г. въ царю, яке ратные люди кіевскіе разными временами обители святой петерской починили, и описати намъ невозможно. Сіе есть многимъ извѣстно, что многіе прежде ютчицы и хutory пресвятой Богородицы отъ нихъ естъ разорены, церкви разрушены, престолы опровержены, тайлы святыхъ съ сосудомъ пометаны, священники обнажены, вноки за вью связаны, біены, порублены, а иные и на смерть побиты, и подданные наши отъ убожества и пожитвогъ своихъ разорены, а иные помучены и поичены, а иные руки и ноги отбъчены, прочіи-же на смерть побиты. Также и въ самой святой обители и въ большецъ хлѣбные запасы, которыхъ себѣ на 2400 рублевъ рещи съѣдемъ, сильно потравлены, кромѣ запасовъ съ нашего мѣстечка покманы. Отселѣ намъ вѣдомо естъ, что по изволенію начальныхъ своихъ ратные люди то чинять, и по нашему челобитью ихъ не наказуютъ и уравы святой не чинять»¹⁾.

И тѣмъ не менѣе Гизель искренно и усердно служилъ интересамъ московскаго государства и былъ вѣренъ царю. Своимъ авторитетнымъ словомъ онъ склонялъ малороссіянъ на сторону Москвы, утѣшалъ и убѣждалъ самаго Дорошенка «не мыслить о подданствѣ бусурманамъ, которые истребленіе христіанъ по закону своему во спасеніе себѣ въѣняютъ, и уговаривалъ его покортися православному монарху московскому»²⁾. Когда московскія войска терпѣли недостатокъ въ провіантѣ или долгое время не получали жалованья, что случалось нерѣдко и доводило ратныхъ людей до нищенскаго состоянія, Гизель оказывалъ имъ пособіе или давалъ взаимны деньги царскимъ воеводамъ, которыя потомъ уплачивались царской казною³⁾. При благопріятномъ случаѣ, Гизель оберегалъ честь и доброе имя Москвы. Такъ въ 1669 г. онъ, по просьбѣ царя, выслалъ въ Москву пасквиль, составленный въ Польшѣ на московское государство. Вручая пасквиль подьячему Максиму Алексеѣву для доставки въ Москву, онъ не сказалъ ему, что это за книга, чтобы, какъ онъ писалъ въ Москву, «о той книгѣ не было явно». Когда по этому дѣлу пріѣхалъ въ Кіевъ подьячій Михаилъ Савинъ.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. V, № 69.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рус., т. XII, стр. 15.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. XII, № 119.

то Гизель сказалъ ему, что онъ давно хотѣлъ отослать пасквиль къ царю, но не посмѣлъ отправить, чтобы въ Москвѣ его, Гизеля, не сочли авторомъ пасквиля ¹⁾. Гизель увѣдомлялъ московское правительство объ интригахъ поляковъ, отсылалъ въ Москву польскіе «прелестные» листы, знакомилъ царя и воеводъ съ внутреннимъ состояніемъ Малороссіи.

Расположеніе къ Москвѣ вліятельнаго и популярнаго Иннокентія Гизеля имѣло большое значеніе, и наиболѣе опытные московскіе политики понимали это значеніе и старались закрѣпить московскія симпатіи печерскаго архимандрита царскимъ жалованьемъ. «Да будетъ извѣстно, писалъ Тяпкинъ Царю въ 1667 г., что печерскій архимандритъ съ Тупальскимъ великую любовь между собою и въ народѣ силу имѣютъ. Хорошо было-бы обвеселить архимандрита милостивою государевою грамотою и троимъ боярскимъ писаніемъ, котораго онъ безмѣрно желаетъ; также-бы описать и къ прочимъ игуменамъ и братіи киевскихъ монастырей, потому что черезъ нихъ можетъ всякое дѣло состояться, согласное и развратное ²⁾».

Но услужливость Гизеля Москвѣ имѣла строго опредѣленныя границы. Она кончалась тамъ, гдѣ начинались крупныя малорусскіе національныя интересы. Въ сохраненіи вольностей малорусскаго духовенства Гизель былъ твердъ. Въ 1666 г. онъ рѣшительно заявилъ московскому послу Іоаннъ Леонтьевичу, что, въ случаѣ назначенія въ Кіевъ митрополитомъ великоросса, о чемъ просилъ въ Москвѣ гетманъ Брюховецкій, онъ, собравъ старцевъ, запретя въ монастырѣ ³⁾. Въ томъ-же году, 3 мая, въ печерской лаврѣ былъ обѣдъ; обѣдали московскій посолъ Фроловъ, епископъ Меодій, Иннокентій Гизель, много другихъ духовныхъ лицъ, киевскій полковникъ Дворецкій. Послѣ обѣда пошли въ архимандріячью келью и здѣсь пили здоровье бояръ и окольничихъ. На предложеніе Фролова выпить за здоровье гетмана, духовенство крикнуло: «онъ намъ злодѣй, а не добродѣтель; бывши въ Москвѣ, онъ великому государю былъ челомъ и въ статьяхъ подалъ, чтобы въ Кіевѣ былъ москов-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 39.

²⁾ Сазолевъ, Ист. Россіи, т. XII, стр. 17.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VI, № 147.

скому митрополиту, и этимъ онъ насъ ставитъ передъ великимъ государемъ какъ-бы невѣрными-¹⁾.

Отношеніе московскаго правительства къ Гизелю опредѣлялось степенью услужливости послѣдняго. Въ Москвѣ знали, что Гизель вовсе не расположенъ подчиняться московскому патриарху, знали, что онъ не продастъ малорусскія вольности ни за какія сороки соболей, и потому не совсѣмъ ему довѣряли и не выдвигали его на первое іерархическое мѣсто въ Малороссіи, кievскую митрополию. Московское правительство не могло однако не цѣнить въ лицѣ Гизеля своего полезнаго и вліятельнаго сторонника. Гизель получалъ большія награды и подарки отъ царя. Такъ въ 1669 г. царь прислалъ печерской лаврѣ черезъ боярина Козловскаго пять сороковъ соболей и пятьсотъ червонныхъ золотыхъ²⁾. Московское правительство объявило Гизелю безопасное убѣжище, въ случаѣ турецкаго нашествія. Такъ въ августѣ 1674 г. Гизель просилъ царя позволить ему, въ случаѣ турецкаго нападенія на Кіевъ, перевезти лаврскія драгоценности въ Путивль или въ другое безопасное мѣсто, по указанію царя. Въ отвѣтной грамотѣ царь разрѣшилъ перевезти лаврское золото и серебро, въ случаѣ турецкаго нашествія, изъ печерскаго монастыря въ г. Кіевъ. Кіевскому воеводѣ князю Трубецкому былъ посланъ при этомъ приказъ «печерскаго архимандрита принять съ учтивостью»³⁾. Повидному, печерскій архимандритъ разсчитывалъ, что царь дастъ лаврѣ одинъ изъ близлежащихъ къ малорусской границѣ великорусскихъ монастырей. 8 марта 1680 г. Гизель отправилъ въ Москву посольство изъ старцевъ Памсія, Варлаама Меньскаго и писаря Ивана Армашенна съ просьбой къ царю пожаловать лаврѣ какой-либо монастырь въ Брянскѣ или въ Трубчевскѣ, гдѣ-бы печерскій архимандритъ могъ-бы поселиться, въ случаѣ неприятельскаго нашествія⁴⁾. Въ 1681 г. царь Феодоръ Алексѣевичъ почтилъ Гизеля тѣмъ, что выслалъ ему въ подарокъ «Обѣдъ душевный», книгу Симеона Полоцкаго, которая одновременно была послана гетману

¹⁾ Соловьевъ, т. XI, стр. 216; Акты южн. и запод. Россіи, т. VI, № 103.

²⁾ Акты южн. и запод. Россіи, т. VIII, № 71.

³⁾ Тамъ-же, т. XI, № 169.

⁴⁾ Моск. Архивъ Мин. Ив. Д., Малор. дѣло, связка 52.

Самойловичу, Лазарю Барановичу и Варлааму Ясичскому¹⁾. После смерти царя Теодора, молодые цари Иоаннъ и Петръ (вѣриже, правительница царица Софья) были благосклонны къ Гизелю. Такъ, въ 1683 г. они выслали въ киево-печерскую лавру священныя одежды, чтобы здѣсь поминали царя Теодора, и Гизель въ письмѣ отъ 20 августа 1683 г. благодарилъ царей за ихъ подарокъ лаврѣ²⁾.

Бывъ открытымъ сторонникомъ Москвы, хотя въ извѣстныхъ границахъ, и пользуясь ея расположеніемъ, Гизель тѣмъ самымъ затруднял и усложнял свои мѣстные отношенія къ выдающимся лицамъ малорусской старшины и духовенства, но поддерживалъ оныя, если не всегда съ успѣхомъ, то всегда съ достоинствомъ и искусствомъ.

Къ несчастному митрополиту Іосифу Тухальскому Гизель питалъ дружеское расположеніе и во мѣрѣ своихъ силъ поддерживалъ его. «Изъ давнихъ лѣтъ мнѣ и всѣмъ есть се достовѣрно, писалъ Гизель къ царю 20 марта 1669 г., что преосвященный Іосифъ Нелюбовичъ-Тухальскій, иде отъ православныхъ прежде лѣтъ пяти въ архіепископа и митрополита кіевскаго избранъ, а сего году сватѣйшимъ Меодіемъ, патриархомъ константинопольскимъ присланною сакрою и экзаршествомъ благословешъ, мужъ мудрый, благочестивый, во всемъ искусный, православія преславный ревнитель, вѣры святая восточная столбъ непоколебимый, нашему же ц.-п. величеству отъ всего сердца временныхъ и вѣчныхъ благъ желатель и работати вѣчно добротехень... А преосвященнаго митрополита Іосифа за его ревность ко православію и весь чинъ здѣшній благоволять... Никому онъ ни въ чемъ не виноватъ, развѣ что твердый охраненіа православія тицатель; во всемъ-бо своемъ вѣку за сіе до-нынѣ гонимъ бывалъ много отъ иновѣрныхъ и враждою Тетериною страдалъ, отъ престола своего епископівъ бѣлорусской и отъ прочихъ монастырей православныхъ, аще и привлія на нь отъ королевскаго величества имѣлъ, отторженъ безъ вины, и его монастыри и церкви на унію и римскую вѣру насиліемъ вьаты и на самого тяжкія грозы были и для чего здѣ на Украйнѣ, идѣ-же еще православіе не искоренилось, отъѣхати понужденъ, и

¹⁾ Моск. Архивъ Мин. Ин. Д., Малорос. д., связка 56 и 57.

²⁾ Тамъ-же, связка 60.

не согласуя ннымъ на унию соизволяющимъ за тѣсноду... Досто-
вѣрно-бо есть намъ его по Божѣ житіе и надѣемся, что и тѣмъ
козакъ шатости и съ турки соединитися не похотятъ, егда сей
митрополитъ въ Кіевѣ по своему сану сидѣть будетъ, который и
вашему царскому величеству не безпотребель обращается: зѣло-бо
мужъ сей въ ученіяхъ и подвигахъ изъ древнихъ лѣтъ честенъ и
знаемъ, во всякихъ говеніяхъ и иноувѣрныхъ нравахъ искусенъ и
разсудителенъ¹⁾. О любви Гизеля къ Губальскому писали и вос-
води кіевскіе въ Москву. Въ томъ-же 1669 г., въ апрѣлѣ Гизель
снова просилъ царя призвать Губальскаго кіевскимъ митрополитомъ²⁾.
Но ходатайства Гизеля не имѣли успѣха. Въ Москвѣ не знали
ни прощенія, ни снисхожденія. Здѣсь признавали только наличную
услугу и расплачивались за нее соболями.

При гетманѣ Брюховецкомъ блюстителемъ митрополитчьеи ка-
недры былъ свѣже-посвященный въ Москвѣ изъ протопопа вѣдани-
нскаго въ епископы мстиславскіе Меодій Филимоновичъ, человекъ
умный, но крайне пронырливый, насквозь пропитанный ложью,
честолюбецъ и интригавъ первой руки. Между Гизелемъ съ одной
стороны и Меодіемъ и Брюховецкимъ съ другой существовали
п्राждебныя отношенія. Гизель сильно недолгоблывалъ выскочку
Меодія и старался посадить на его блюстительское мѣсто своего
талантливаго друга Лазаря Барановича; но наоравленные къ тому
попытки кіевскаго духовенства не имѣли успѣха. Епископъ Ме-
одій, по своему обыкновению, постарался повредить Гизелю пу-
темъ доноса и обвиненія его въ сношеніи съ Дорошенкою. На до-
просъ боярина Шереметева, Гизель съ достоинствомъ отвѣтилъ,
что дѣйствительно писалъ чигиринскому гетману, но лишь о томъ,
чтобы оны воспретили козакамъ грабить имѣнія печерскаго мона-
стыря. Брюховецкій притѣснвалъ Гизеля грубымъ образомъ. Съ
его вѣдома и соизвѣненія козакъ грабили лаврскія села, били мо-
настырскихъ крестьянъ, уводили коней и воловъ, безчестили мо-
наховъ. Архимандритъ просилъ у него защиты; но просьбы его
были пренебрежены, и потому оны перестали молиться за гетмана.
Но когда Брюховецкому понадобилось помириться съ епископомъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 30.

²⁾ Тамъ-же, т. IX, № 41.

Меодіємъ, оиъ съ просьбой о посредничествѣ обратился къ Иннокентію Гизелю ¹⁾. Съ паденіемъ Брюховецкаго и Меодія, въ характерѣ которыхъ было много сходныхъ чертъ холопства и жестокости, съ устраненіемъ съ историческаго поприща этихъ худородныхъ дѣателей, Гизель вдохнулъ свободно. Новый мѣстооблюстителъ вѣевской митрополія Лазарь Барановичъ былъ некрепкій другъ Гизеля; замѣнившій въ гетманствѣ Брюховецкаго Демьянъ Многогрѣшный нравственно зависѣлъ отъ архіепископа Лазаря и въ значительной степени слѣдовалъ его указаніямъ, а слѣдующій затѣмъ гетманъ Самойловичъ самъ прошехоталъ изъ духовнаго званія, уважалъ духовенство и покровительствовалъ монастырямъ.

Многолѣтняя дружба Гизеля и Барановича ни разу не была нарушена. Былъ одинъ моментъ, когда Барановичъ, подбиваемый совѣтами погородь-сѣверскаго архимандрита Михаила Лежайскаго, хотѣлъ отнять у лавры нѣкоторыя села. Это было въ концѣ 1670 г. Гизель въ письмѣ отъ 10 января 1671 г. жаловался по этому поводу А. С. Матвѣеву на Лежайскаго ²⁾. Но это недоразумѣніе кончилось благополучно и несколько не повредило дружбѣ Гизеля и Барановича. Гизель, отстаивая права лавры на разныхъ мѣстностяхъ, очень осторожно обходилъ тѣ пункты, гдѣ можно было столкнуться съ Барановичемъ. Такъ, въ 1669 г. 15 апрѣля Гизель просилъ царя признать за печерской лаврой ея древнее право владѣнія черниговской успенской церковью и козгородь-сѣверскіе епископскіе монастыремъ съ относящимися къ нимъ угодьями. «Тѣ предѣлы, писалъ Гизель въ своей челобитной, отъ печерскаго монастыря отняли лихи, а вынѣ владѣтьъ нмъ отенъ архіепископъ Лазарь Барановичъ и отъ него архимандритъ (т. е. оиъ Гизель) не хочеть тѣхъ предѣловъ отнимать до смерти его, для его любви, а по его смерти, чтобы никому не отдавало, только монастырю петерскому и чтобы ц. и. величество грамотою подтвердило: ³⁾. Между Гизелемъ и Барановичемъ шла частая переписка. Барановичъ сообщалъ ему все свои душевныя желанія и мысли. Въ печати извѣстно 25 его писемъ къ печерскому архимандриту, и это лишь незначи-

¹⁾ Соболевъ, Ист. Рос., т. XII, стр. 22, 41.

²⁾ Акты вѣской и земной Россіи, т. IX, № 85.

³⁾ Тамъ-же, т. VIII, № 48, стр. 148.

тельная часть того, что было написано архіепископомъ Лазаремъ Гизелю. Есть основаніе думать, что Цивилитій Гизель благотворилъ Барановичу еще въ то время, когда завѣдывалъ коллегіей, а Барановичъ былъ здѣсь преподавателемъ. Барановичъ смотрѣлъ на печереваго архимандрита, какъ на своего благодѣтеля. «Къ вамъ особенно, писалъ онъ Гизелю въ июлѣ 1669 г., какъ къ давнишнему и единственному моему благодѣтелю, съ шокорнѣйшею моею просьбою и со слезами обращаюсь»¹⁾. «Въ знакъ благодарности моея его милости отцу архимандриту, писалъ Барановичъ Варлааму Невскому, а паче во славу св. мученика Цивилитія, я навѣсалъ житіе его, изобразишь въ общихъ чертахъ обстоятельства его мученичества»²⁾. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ столкновеніи Гизели съ игуменомъ выдубицкимъ Феодосіемъ Углицкимъ изъ-за маетностей, архіепископъ Лазарь рѣшительно сталъ на сторону печереваго архимандрита. «Сильно жалуется на васъ и жалобу вливаетъ на бумагу, писалъ Барановичъ Углицкому, прелюбимый отецъ нашъ архимандритъ печерскій, будто на на лаврскихъ поляхъ приказываете битъ до крови, обирать и истязать поселявъ, не довольствуясь тѣмъ, чѣмъ довольствовались наши предѣшники... Не нужно говорить-вамъ, вы и сами знаете хорошо, какая особа въ церкви Божіей отецъ архимандритъ и сколько оказала онъ ей услугъ. Не прибавляйте къ скорбямъ его попомъ скорбей, но, какия, не Апостолу, днръ со земли, имѣйте его особенно съ лицезъ, заслуженнымъ въ церкви Божіей. Отецъ архимандритъ шипеть, что онъ не желаетъ чужаго. Давно сказано: услуги старшему». Въ другомъ письмѣ отъ 2 октября 1674 г. Барановичъ писалъ Углицкому: «Сводилъ я васъ на святой миръ съ отцомъ архимандритомъ печерскимъ, думая, что вы смиритесь предъ нимъ, какъ предъ старшимъ и заслуженнѣйшимъ въ церкви Божіей; и хотя вы отчасти смирились было, но теперь изъ этого зина такой вывелъ прѣвсній укусъ, что если вы и шипите его вдоволь днъ отца архимандрита³⁾, то онъ, не хотя пить его, раз-

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 88.

²⁾ Тамъ-же, стр. 94.

³⁾ Намекъ на закорючній обѣщанъ, обѣщаній въ томъ, что вознена, убоже, своего прѣтеля или гонит, черезъ васъ шдтъ за его зороче.

судить писать ко мнѣ, омочивши перо въ слезы, что славу его, достойно имъ снисканную своею ученостью, благочестіемъ и заслугами въ святой церкви, въ предъ знатыми лицами рубите въ клочки. Безъ сожалѣнія я не могъ читать столь жалостнаго письма; да кто-бы изъ насъ православныхъ не почтѣлъ такую знаменитую и высокую въ церкви Божіей особу?«... Корыстолюбивыя замашки Углицкаго вывели наконецъ изъ терѣнія архіепископа Лазаря, который въ званіи блюстителя митрополитчѣй каедры былъ духовнымъ начальникомъ выдубицкаго игумена и отъ совѣтовъ и наставленій могъ перейти къ приказанію и даже наказанію. Лазарь послалъ Углицкому рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ: «принадлежащее (по завѣщанію) печерской обители вы забываете себѣ. Не знаю, угоденъ-ли будетъ при этомъ постъ вашъ?... Защищать собственность нашего монастыря вы можете невозбранно, но не обижая никого», и въ добавокъ къ письму наложилъ на Углицкаго запрещеніе. Углицкій смирился ¹⁾).

Барановичъ цѣнилъ въ Гизелѣ главнымъ образомъ его ученость. «Безъ лести слажу, милостивый благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю, что кромѣ пречестности твоей нѣтъ у насъ другаго для этого дѣла (т. е. борьбы съ католиками) Аристотеля»... Архіепископъ Лазарь охотно отдавалъ свои литературныя произведенія Иннокентію Гизелю на разсмотрѣніе и исправленіе. Такъ, посылая «Трубы», а потомъ «Лютню» въ лаврскую типографію, Барановичъ просилъ печерскаго архимандрита на досугѣ пересмотрѣть тетради. «Если, по усмотрѣнію вашему, писалъ онъ, угодно будетъ что выбросить, то я охотно готовъ повиноваться и очень благодаренъ буду за ваше предостереженіе». Съ подобнаго рода просьбой Барановичъ обращался и къ другимъ кievскимъ игуменамъ. Что Иннокентій Гизель, печатавъ въ лаврской типографіи «Трубы» Барановича, предварительно ихъ просматривалъ и исправлялъ, свидѣтельствуетъ самъ Барановичъ. «За орошеніе евангельскаго сѣмени, писалъ онъ Гизелю, и истребленіе куколя пренного благодаренъ вамъ: покорѣннѣе прошу и впредъ не оставлять, потому что трудъ мой долженъ подлежать суду церкви, и за то я буду вамъ весьма признателевъ» ²⁾).

¹⁾ Письма Лазаря Барановича, стр. 178, 193, 194, 197.

²⁾ Тамъ-же, стр. 74—75.

Пользуясь благоразумными совѣтами печерскаго архимандрита, архіепископъ Лазарь давалъ въ свою очередь ему весьма полезныя совѣты, побуждалъ его къ литературной дѣятельности и отчасти даже дѣйствовалъ на ея направленіе. Барановичъ былъ человѣкъ въ высшей степени дѣятельный и энергическій. Въ его слабости тѣлѣ скрывалась большая сила воли. Работая перомъ и живымъ словомъ, онъ призывалъ къ научной и литературной дѣятельности Гизеля, Галатовскаго, Софоновича, Зеринскаго. Такъ, Барановичъ убѣдилъ Гизеля составить возраженіе на сочиненіе Боймы «Stara wiaga», направленное противъ православія. «Держайте, благодѣтель мой, писалъ онъ Гизелю 31 августа 1668 г., совѣтую вамъ выдруковать *) Бойму, хотя-бы изъ Кіева, безъ кія; побьютъ его порядочно и кій порфіріянскаго дерева †); вдоволь испортится у него крови; пусть только благополучно дѣло кончится». Гизель составилъ свое возраженіе Боймѣ при неустаннымъ побужденіи со стороны архіепископа Лазаря. Тотъ-же Барановичъ побудилъ Гизеля издать въ свѣтъ главное его сочиненіе «Миръ съ Богомъ» и затѣмъ расположилъ въ пользу этого сочиненія московскаго царя и патріарха. Узнавъ о томъ, что Гизель готовится къ печати «Миръ», Барановичъ писалъ ему: «Будемъ распеиваться, если книга о покаяніи не будетъ издава. Теперь во Израилѣ немного учителей... У васъ есть своя типографія и, по настоящему бѣдственному времени, дѣло это полезно... Теперь, когда открывается случай, пречестность важна по предусмотрительности своей не оставьте воспользоваться имъ, чтобы предупредить народъ отъ ошибокъ. А намъ, прежде нежели ляжемъ въ могилу, дай Богъ радоваться о первенцахъ печерской типографіи. Пусть себѣ записки терзаются, а я вижу, что Россія подвигается впередъ. Мое мнѣніе о русскыхъ такое, что настанетъ время, когда они не будутъ нуждаться въ сторонней помощи и даже будутъ пренебрегать ею» ‡). Когда «Миръ» былъ напечатанъ и отправленъ въ Мо-

*) Выдруковать—любить палками, отъ слова друкъ; выдруковать—напечатать, отъ слова друкарни; у Барановича выходитъ каламбуръ, въ смыслѣ побить Бойму сочиненіемъ, какъ палкой.

†) Въ діалектѣ порфіріянскаго дерева въ назывался рядъ доказательствъ.

‡) Письма Лазаря Барановича, стр. 30 и 49.

свю через печерскаго старца Кирилла, Барановичъ писалъ къ царю 31 марта 1669 г.: «Юже книгу душеполезную отъ шема и святыхъ учителей собранную отъ мнротворецъ съ малостию прияти изволь». 4-го июня были посланы Барановичу и Гизелю царскія грамоты съ повѣщеніемъ, что «Миръ» государемъ принятъ милостиво. «И мы, великій государь, наше царское величество, писали царь къ Барановичу, тому блажителю (Автоіевиыхъ шецерь) Кириллу велѣли надѣти нашего ц. и. величества пресвѣтлая очи и книгу у него прицали и, пожаловавъ его нашего царскаго величества жазованьемъ, велѣли одуевати въ кіево-печерскій монастирь къ Писноветію Гизелю, не задержавъ». Гизелю даны 200 руб., 200 четвертей ржи и утвердительная грамота на нѣсколько вновь приобретенныхъ монастырскихъ маестностей. Гизель благодарилъ царя за его милостивое принятіе «Мира» и за жалованье. 28 октября 1669 г. послана къ Кіеву къ Гизелю царская грамота, съ обіщаніемъ царскаго покровительства относительно царя, посланы были зря этотъ и деньги на сооруженіе монастырской колокольни¹⁾.

Свѣтлымъ и отряднымъ проявленіемъ общественной жизни въ Малороссіи въ XVII вѣкѣ, преимущественно во второй его половинѣ, было взаимное учение и литературное содѣйствіе писателей, напр., Лазаря Барановича, Писноветія Гизеля и Іоаннскія Галатовскаго, Лазаря Барановича и Феодосія Софоновича, Дмитрія Туптала и Стефана Яворскаго. Литературная общительность отчасти обуславливалась тѣмъ, что всѣ эти писатели, со включеніемъ сюда и бѣлорусса Силеона Полоцкаго, были учениками одного и того-же высшего учебнаго заведенія, шевской волости, учились здѣсь почти въ одно и то-же время и, во выходѣ ихъ въ свѣтъ, іерархическое ихъ положеніе было довольно сходно. Другая причина ихъ духовнаго единенія и взаимной поддержки кроется въ томъ, что главный врагъ ихъ былъ одинъ и тотъ-же, — возмущающій католицизмъ. Что въ особенности должно было вызывать духовное единеніе между южно-русскими писателями второй половины XVII ст., — это неистощимая еще нескра національнаго малорусскаго самосознанія. Они отдѣлялись довольно рѣзкой

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VIII, №№ 23 и 22; т. IX, № 26.

чейной самобытности отъ вельборусскихъ того времени людей. Въ духовномъ отношеніи они ничего не заимствовали отъ нихъ, напротивъ, по причинамъ крайняго культурнаго ихъ убожества, сами удѣляли имъ часть своихъ познаній и служили для нихъ учителями. Естественно, они имѣли поводъ и основаніе гордиться своей управленскою наукою и литературой, и каждый изъ нихъ долженъ былъ дорожить представителями этой науки, разъ самъ причислялъ себя къ таковымъ; отсюда квиннымъ образомъ происходила вратственная солидарность южно-русскихъ писателей, обмѣнъ мекли и важная поддержка. Какъ ни слабо было національное ихъ самосознаніе, все таки оно въ нихъ теплилось, согрѣвало ихъ, утѣшало ихъ въ духовно-нравственномъ отношеніи, удвоило ихъ силы въ борьбѣ съ врагами православной вѣры, обезпечивало за ними значительную степень научнаго и литературнаго вліянія на современниковъ и вращало къ литературному пообтѣжанію.

Образаясь за сизъ въ общественной дѣятельности Иннокентія Гизеля въ многоразличныхъ ея проявленіяхъ и опредѣленіи ея относительно пріотвннанаго его народа, мы должны связать, что можемъ судить объ этомъ лишь приблизительно вѣрно. Ни одна соціологъ не открыла еще томныхъ способъ извѣрять историческое значеніе общественнаго дѣятеля. Историкъ приходится старательно собирать разномобразные обрывки и обломки мнпувшаго, тщательно ихъ сошоставлять, сравнивать, углубляться въ мнпвшее змслью, согрѣвать мерзлую старину своимъ чувствомъ, лспать поддержку въ своемъ собственномъ, дисциплинированномъ въ научнохъ смелель воображеніи и отгадывать то, что скрыто доумзгательными памятками, и также путемъ, на основаніи старинныхъ актовъ, продуманныхъ и прочувствованныхъ, создавать вѣрную дѣйствительности картину прошлой жизни, по крайней мѣрѣ, установить рядъ бытовыхъ фактовъ въ ихъ послѣдовательной организациской связи. Такъ и въ данномъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуя и этимъ труднымъ и не всегда вѣрнымъ путемъ въ выясненіи мало извѣстной досель личности Иннокентія Гизеля, нельзя не видѣть, какія великія и существенныя услуги оказали ему Малороссіи своєю дѣятельностью политическою, просвѣтительною, литературною и филантропическою.

Услуги Гизеля, какъ политическаго дѣятеля, весьма разнообразны: въ этомъ отношеніи онъ широко пользовался своимъ высокимъ положеніемъ и близостію къ царю и возвышалъ свой голосъ за страну, которую считалъ родною, каждый разъ, когда къ этому представлялся поводъ или случай. Выбѣгъ съ другомъ своимъ Барановичемъ и недругомъ Месодиємъ Филимоновичемъ, Гизель ходатайствовалъ передъ царемъ, чтобы Кіевъ не былъ возвращенъ Польшѣ по авдруссовскому договору и чтобы великорусскіе ратные люди не опустошали малорусскихъ сель и монастырей ¹⁾. Ходатайствовалъ онъ и о томъ, чтобы на «сѣздахъ и договорахъ (москвичей съ поляками) Украина не была забыта». Такому ходатайству Гизеля въ Москвѣ былъ приданъ частный характеръ, и царь отиѣталъ ему, что боярину Аванасію Нащокину предписано «съ прележаніемъ о всемъ говорить (съ королевскими послами) и вся требованія св. лавры исполнить» ²⁾; но Гизелю совѣтъ не того хотѣлось. Какъ Барановичъ и Многогрѣшный, и онъ, прибѣгая къ такой просьбѣ, имѣлъ въ виду, чтобы на московско-польскіе сѣзды о заключеніи мирнаго договора были допущены малорусскіе послы; но такое допущеніе не вращилось москвичамъ и въ особенноти было нежелательно полякамъ; поляки рѣшительно отклоняли вопросъ объ участіи малорусскихъ пословъ. Въ 1669 г. Гизель просилъ царя, чтобы малорусскихъ «духовныхъ людей воеводы не судили, въ чѣмъ и въ тюрьму не сажали» ³⁾. 30 ноября 1679 г. онъ обращается къ царю Федору Алексѣевичу по поводу универсала польскаго короля, приглашавшаго православныхъ въ Люблинъ для «нѣкотораго съ униатами разговора» ⁴⁾. Какъ извѣстно, православные очень недовѣрчиво отнеслись къ устроенному униатами люблинскому собору и уклонились отъ участія въ немъ.

Не менѣе почтенна просвѣтительная дѣятельность Гизеля, хотя объ ней мы имѣемъ болѣе общія, нежели фактическія свѣдѣнія.

Дмитрій Туптало въ рѣчи своей, сказанной въ память и похвалу Иннокентія Гизеля, годъ спустя послѣ его смерти, замѣ-

¹⁾ Соловьевъ, т. XII, 141; Моск. Арх. Ман. Пв. Д. Малорос. д., св. 50.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 26.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. VIII, № 43, стр. 148.

⁴⁾ Моск. Архивъ М. Пв. Дѣль. Малорос. дѣла, связка 53.

тиль, что «его учительныхъ словесъ послушающи немощные, яко лекарствомъ подвержиались». Гизель, какъ всѣ современныя ему выдающіяся духовныя лица, говорилъ проповѣди. Проповѣдываніе слова Божія одно время даже было для него служебной обязанностью, какъ профессора, потомъ ректора коллегіи. По словамъ св. Дмитрія Ростовскаго, Гизель «съ кафедры простиралъ цѣлый неводъ проповѣди слова Божія о царствіи Божіи и тѣмъ ловилъ людей въ смиреніе и набожность» ¹⁾. Кажется впрочемъ, что Гизель не чувствовалъ въ себѣ расположенія къ дѣятельности проповѣдника и, съ переходомъ на высокую степень печерскаго архимандрита, совсѣмъ бросилъ проповѣдь. «Пусть кто речеть, говоритъ Дмитрій Туптало, что въ Богѣ усоншіи настырь, взойдя на влстительствы, а особливо въ сей святой высокой обители (т. е. лаврѣ), чести, не восходилъ уже на кафедру, не сказывалъ проповѣдей; такому отвѣтвую: больше тотъ ловець премудрый Христовъ уловилъ самимъ своимъ добрымъ дѣломъ, нежели кто словомъ; больше тотъ научилъ набожнымъ своимъ житіемъ, нежели кто мудрою проповѣдью» ²⁾... Что Гизель не дорожилъ своимъ проповѣданіемъ, видно изъ того, что онъ не напечаталъ ни одной проповѣди. Такъ какъ и въ рукописи не сохранилось ни одной его проповѣди, то нѣтъ возможности опредѣлить характера его проповѣдей, ихъ составъ, къ кому онѣ были обращены, сколько ихъ было, по какимъ образцамъ были составлены и насколько были понятны народу,—были-ли это схоластическія казанья, сухія и безцвѣтныя, какъ казанья Лазаря Барановича, или въ нихъ пробивалась живая струя современности, и онѣ по содержанию и изложенію подходили къ тѣмъ сильнымъ проповѣдямъ, драгоценнымъ остаткомъ которыхъ представляется превосходное «Слово во время бездождія и глада» ³⁾. Если принять во вниманіе, что Гизель получалъ образованіе въ схоластическихъ академіяхъ, то вѣроятнѣе будетъ предположить, что его проповѣди болѣе походили на проповѣди Барановича, чѣмъ на единственное въ своемъ родѣ «Слово о бездождіи».

¹⁾ Св. Дмитрій, м. ростовскій, сочиненія. Изд. 5, т. III, стр. 627.

²⁾ Тамъ же, стр. 628.

³⁾ Бѣлозерскій, южно-русскія лѣтописи, стр. 141.

Завѣдывая лучшей въ Малороссіи типографіей и лаврской бібліотекой, архимандритъ Иннокентій содѣйствовалъ современнымъ ему малорусскимъ писателямъ, Радвиловскому, Барановичу, Зерникаву въ ихъ литературныхъ и научныхъ работахъ; онъ снабжалъ ихъ нужными книгами и облегчалъ наборъ и печатаніе ихъ сочиненій. Нужно сказать, что типографія лаврская работала весьма медленно, и безъ содѣйствія Гизеля печатаніе сочиненія, особенно объемистаго, въ родѣ «Огородка» Радвиловскаго, «Меча» и «Трубы» Барановича, могло затянуться на многіе годы. Медленность въ наборѣ и печатаніи происходила отъ малаго числа типографическихъ ставковъ и отъ того, что въ смутное время козацкихъ войнъ наборщики часто разбѣгались ⁴⁾. Что Гизель снабжалъ людей науки книгами, видно изъ автобіографіи Адама Зерникава.

Адамъ Зерникавъ, родомъ нѣмецъ, по вѣроисповѣданію лютеранинъ, въ молодыхъ лѣтахъ объѣхалъ Германію, Англію, Голландію, Францію, Италію, Австрію, повсемѣстно занимался въ бібліотекахъ и слушалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ. Онъ приобрѣлъ большія свѣдѣнія по богословію, исторіи и филологіи. Натура крайне подвижная, благородный идеализмъ съ теплымъ религіознымъ чувствомъ, съ стремленіемъ принести пользу своими познаніями, въ добавокъ человѣкъ довольно честолюбивый, Зерникавъ переехалъ въ Польшу, потомъ въ Литву, наконецъ въ Малороссію. Здѣсь онъ былъ обласканъ черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ, принялъ, по его совѣту, православіе и поступилъ на службу въ сѣмѣну. Принявъ православіе въ Черниговѣ въ 1680 г., Зерникавъ отправился въ Кіевъ съ цѣлью познакомиться съ Иннокентіемъ Гизелемъ, «объ учености и добротѣ котораго онъ много слышалъ», какъ отмѣчено въ его автобіографіи. Что по ознакомленіи съ Гизелемъ Зерникавъ убѣдился въ его учености и добротѣ, видно изъ того, что, по возвращеніи въ Черниговъ, онъ началъ писать для Гизеля сочиненіе объ исхожденіи св. Духа, «De processione Spiritus S. » ⁵⁾. Когда Зерникавъ чувствовалъ недостатокъ въ книжныхъ пособіяхъ, не могъ отыскать необходимыхъ книгъ въ Батуринѣ вла Черниговѣ, онъ заходилъ

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, т. IX, № 38.

⁵⁾ Труды Гиз. дук. свѣд. 1860 г., т. III, стр. 187.

ихъ съ Кіевъ, куда ѣздилъ за книгами, прочитывалъ здѣсь то, что ему было пужно, и даже забиралъ съ собою книги въ Батуринъ¹⁾, гдѣ постоянно жилъ при гетманскомъ дворѣ. Можно думать, что Зеринскава снабжала книгами не кто другой, какъ просвѣщенный архимандритъ печерскій.

Въ исторіи южно-русской литературы Гизелю нельзя отвести много мѣста. Онъ не много писалъ, и его литературное вліяніе на современниковъ и на послѣдующія поколѣнія незначительно. Вскорѣ по вступленіи его на печерскую архимандрію, въ 1661 году, съ его благословенія и подъ его наблюденіемъ издавъ былъ Печерскій Патерикъ. Но замѣчанію архіепископа Филарета, въ этомъ изданіи патерика сильно испорченъ текстъ древнихъ повѣствователей²⁾. Вторично Патерикъ Печерскій издавъ былъ при Гизелѣ въ 1678 г.³⁾. Главнымъ произведеніемъ Гизеля, по объему книги и степени самостоятельности въ ея обработкѣ, представляется «Миръ съ Богомъ челоуѣку», изданный въ Кіевѣ въ 1669 г., вторично такъ-же въ 1671 г. «Сочиненіе не сильное», говоритъ о «Мирѣ архіепископъ Филаретъ⁴⁾, вѣроятно, съ догматической точки зрѣнія. Нельзя однако не признать за нимъ значительнаго интереса въ историко-литературномъ и историко-бытовомъ отношеніяхъ.

«Миръ съ Богомъ челоуѣку» (въ л., 666 страницъ⁵⁾) посвященъ царю Алексею Михайловичу. Въ началѣ книги находится вѣрша въ честь царя, царскій гербъ и прозаическое посвященіе книги царю. Любопытная особенность въ изображеніи царскаго герба состоитъ въ томъ, что подъ двуглавымъ орломъ изображенъ царь въ рыцарскомъ костюмѣ, за царемъ ибійско; передъ царемъ бѣгунціе поляки и татары въ ихъ національномъ вооруженіи. Замѣтивъ въ посвященіи о томъ, что царь защищаетъ печерскую лавру, Гизель въ особенности хвалитъ его за благоутробность. «Твоего царскаго

¹⁾ Труды кiev. дух. акад. 1860. III. 195.

²⁾ Филаретъ, Обзоръ р. дух. литер. I. 285.

³⁾ Wiszniewski, Hist. liter. polski., т. VIII, стр. 273.

⁴⁾ Филаретъ, Обзоръ рус. дух. литер. I, стр. 285.

⁵⁾ Мы пользовались экземпляромъ «Мира», находящимся въ библіотекѣ харьковской духовной семинаріи. Экземпляръ этотъ принадлежалъ некогда Стефану Яворскому и заключаетъ въ себѣ нѣсколько отрывковъ, сдѣланныхъ рукой автора.

пресвѣтлаго величества всещедрыхъ даяній безчисленные суть свидѣтели, всякаго чина утѣшенныя люди, иже изобильную милостивую отъ твоея десницы пріемше, веселымъ лицемъ возвращаются».

Въ предисловіи къ читателю Иннокентій Гизель говоритъ: «Извѣстно есть то всѣмъ, яко сія лютая многогѣтная въ Малой Россіи брань праведнымъ судомъ Божиимъ за наши грѣхи на насъ наведена есть... Егда Господу Богу примиримся, абіе и брани сице отъ иноплеманныхъ на насъ напесенныя, яко-же и междособныя престануть, и вся тварь, яже за обиду Божию мстящися на насъ воевала, ко примиренію съ нами преклонится. Во вся мимошедшая лютая времена воевало на насъ небо, еже вредящими своими плавегами многіи болѣзни и пагубы на насъ испущало; воевала и земля обычныхъ намъ плодовъ возбраненіемъ и сѣмни умаленіемъ; воевала и вода презашшимъ своимъ изліяніемъ и всякихъ плодовъ рыбныхъ недеяніемъ; воевалъ и воздухъ овогда сушами, овогда градами, бурями и безмѣрными мокротами; воевалъ и огнь частымъ градомъ и странъ пожженіемъ. Нынѣ-же егда къ Господу Богу обратимся, вся стихія въ пользу намъ и въ успѣхъ пособствовать будутъ, и будетъ во всей твари тишина велия и миръ многъ любящимъ законъ Божій возсіветъ... Сихъ блаженствъ дабы удобнѣе всякъ человекъ достигнути могъ, се мы... предлагаемъ сію книгу, яже поучаетъ всякаго чину человекъ къ искорененію грѣховъ и очищенію совѣсти»... Иннокентій Гизель, составлявшій свой трудъ, между прочимъ, и по латинскимъ источникамъ, предумотрѣлъ то обстоятельство, что его произведеніе можетъ быть принято православными не совсѣмъ благосклонно. Чтобы не смущать читателя, авторъ не дѣлаетъ въ своемъ сочиненіи указаній и ссылокъ на латинскихъ авторовъ и въ предисловіи къ читателю пріобрѣтаетъ къ слѣдующей оговоркѣ: «А где остается намъ съ таковымъ читателемъ слово имѣти, иже-бы восхотѣлъ, отъ коего либо подвиженія, въ чесомъ-ли буди, сему ученію прекословити. Сицеваго читателя молимъ, дабы еще что ново и странно въ сей книгѣ имѣтися ему будетъ, не абіе ся того ради отвращать и противленіемъ церкви святой то напрасно именоваль...; ибо еще что и новое здѣ обрѣталося, съ вѣрою православною соглашается... Аще-же что и отъ внѣшнихъ учителей взято быти обращается, молимъ, да того ради никто-же сего ученія возмущается; ибо не токмо въ

иновѣрныхъ, но и въ еллинскихъ ученiяхъ иногда истинныя и здравому разуму служащiя повѣсти, яко злато посреде бѣлата, обрѣтаются». Оговорка эта, можно думать, сдѣлана не столько относительно малороссiянъ, которые давно уже привыкли пользоваться «вѣднiями учителями» для своихъ ученыхъ и литературныхъ цѣлей, а главнымъ образомъ, если не исключительно, сдѣлана авторомъ изъ вниманiя къ великорусскимъ читателямъ, для которыхъ все «вѣднiе»; все католическое и протестантское, тѣмъ болѣе языческое греко-римское, было полно ереси и потому считалось ни къ чему не пригоднымъ. Оговорку эту въ Москвѣ не долго признавали правильной, и въ 1690 г. патриархъ Юакимъ отнесъ «Миръ съ Богомъ человѣку» въ число зловредныхъ кievскихъ «новотворныхъ» книгъ.

Нельзя сказать, чтобы московская точка зрѣнiя на «Миръ» Гизеля была ошибочной. Нужно было имѣть свѣтлый философскiй умъ и глубокiя богословскiя свѣдѣнiя, нужно было имѣть опору, такъ сказать, въ мѣстной строго-ортодоксальной богословской литературѣ, каковой, какъ извѣстно, не было ни въ сѣверной, ни въ южной Россiи, чтобы не подчиняться «вѣднiямъ учителямъ» въ толкованiи религиозныхъ предметовъ и въ рѣшенiи спорныхъ церковныхъ вопросовъ, и Гизель значительно имъ подчинился, въ ущербъ даже чистотѣ православнаго греко-восточнаго вѣроученiя. Подчиненiе Гизеля латинскимъ писателямъ обнаруживается уже на первыхъ страницахъ его объемистаго труда, въ разсужденiи о покаянiи.

Восточная церковь всегда учила, что благодать Божiя дѣйствуетъ въ таинствахъ непостижимо для ума человѣческаго и независимо отъ воли священнослужителя, отъ какаго-либо обряда или изреченiя. Она не замыкала благодатную силу таинства къ томъ или другому обрядовому явленiю, давая остальнымъ, съ нимъ сопрягающимся явленiямъ значенiе только украшенiй и расчлениенiй его. Далѣе, по ученiю восточной церкви, священнослужитель не отдѣляется отъ тѣхъ, надъ которыми таинство совершается; онъ не «распорядитель и не хозяинъ въ домѣ благодати, но слуга ея»¹⁾. Римская церковь и въ ученiе о совершенiи та-

¹⁾ Руководство для сельскихъ пастырей, 1864 г., стр. 245.

инства внесла начало еднородной абсолютной силы и власти. По мудрованіямъ латинскихъ схоластиковъ, каждый обрядъ, какъ опредѣленное дѣло, долженъ возпавать и логически развиваться изъ одной мысли, изъ одного положенія. Въ каждой строгой системѣ существенное—это положеніе, опредѣленіе; все остальное только поясненіе, доводы, доказательства или упрощеніе славнаго положенія; то же самое и въ обрядѣ; вся сущность его и вся сила благодати должна заключаться въ одномъ главномъ дѣйствии его. Такимъ образомъ свобода и непостижимость благодати уничтожены схоластикой; божественная сила прикована, по произволу ея, къ одному только дѣйствию въ обрядѣ; цѣлый обрядъ пересталъ быть таинственнымъ божественнымъ учрежденіемъ и сталъ въ подчиненіе разуму. Что-же именно служить сущностью въ обрядахъ таинства? Въ каждый обрядъ, говорили схоластики, входятъ непременно опредѣленное, ему только принадлежащее вещество, *матерію*, и слова, равно и дѣйствія, которыя даютъ матеріи опредѣленное употребленіе, *форму*. Напр., въ таинствѣ крещенія матерія—вода, а форма—обливаніе ея произнесеніемъ известныхъ словъ; въ таинствѣ евхаристіи матерія—хлѣбъ и вино, а форма—произнесеніемъ священникомъ слова Спасителя: *пріимите, ядите... пиите отъ нея...* Въ стремленіи найти въ каждомъ таинствѣ матерію и форму схоластыки доходили до смѣшнаго; такъ въ таинствѣ брака одинъ схоластикъ матеріей считалъ взаимное расположеніе жениха и невесты, другіе—тѣла ихъ.

Южно-русская церковь приняла схоластическое толкованіе религиозныхъ обрядовъ и таинствъ, преимущественно въ то время, когда исполненіе православныхъ церковныхъ обрядовъ поступило въ руки питомцевъ западной схоластики, Петра Могила и его помощниковъ и сотрудниковъ. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ впервые въ южно-русской церковной литературѣ появляются въ сочиненіи С. Косова «О мистеріяхъ або тайнахъ» 1635 года; но вполне они развиты въ приложеніи къ чинамъ южно-русской церкви Петромъ Могилою въ «Летоѣ» 1644 г. Положенія о матеріи и формѣ таинствъ вошли въ «Требникъ» Петра Могила и получили общее признаніе. Положенія эти принималъ Барановичъ и Галатовскій. Галатовскій изложилъ ихъ въ «Ключѣ Разумствія», въ казань на Богоявленіе Господне.

Инокентій Гизель починає своє сочиненіє тѣмъ, что различаетъ въ таинствахъ покаянія матерію и форму. На страницѣ 104 читаемъ: «вѣдати подобаетъ, яко до коєждо тайны святой церковной потребны суть сія четири: *матерія*, или вещь, предложешая къ святянь, *форма*, или образъ совершенія гоа святяни, *служитель*, или дѣйствующій св. тайну и *пріемлюцій*». Вообще Гизель крайне дробитъ церковныя установленія на части, наприкладъ, усматриваетъ въ неповѣданіи грѣховъ 12 свойства: таинственность, смиреніе, простоту, вѣрность, послушаніе и проч.

«Миръ» раздѣляется на три большія части: 1) о покаяніи вообще, 2) о кающемся и 3) о духовникѣ.

Въ первой части Гизель говоритъ о грѣхѣ вообще, о раздѣленіи грѣха на смерный и простительный, о соотвѣщеніи вѣдѣствіе неадекватнаго созвонія, похваленія, незаавленія о грѣхѣ другаго лица и т. п., о такъ называемыхъ «опрестностяхъ» грѣха: кто? что? гдѣ? когда? какии образои? Въ этомъ отдѣлѣ есть небольшая глава: «нако грѣхъ иногда можетъ и грѣхомъ не быти». Шесть вещей есть, ихъ-же ради грѣхъ не почитается за грѣхъ: неможеніе, невѣдѣніе, скудость разсужденія, вина благословная, разрѣшеніе и нужда. Неможеніе освобождаетъ отъ грѣха: не восирающаихъ вещи чуждая, егда нѣтъ доволства; не чтунныхъ обичнаго правила во время велиаго недуга; не постиащихъ во время слабости; не слушающихъ въ праздника божественной литургии, егда нѣтъ священника, и проч. Невѣдѣніе разумеется здѣсь невольное... яко аще-бы кто у варварь сый дѣлати хотѣлъ въ праздникъ, не могій вѣдати о праздникѣ. Скудость разсужденія освобождаетъ отъ грѣха дѣло злое отротать, изумденныхъ, спящихъ, иногда же и злыо пьяныхъ малое пѣкое нестроеніе. Вина благословная освобождаетъ отъ грѣха тогда, егда кто въ коемъ случаѣ творить противу заповѣди или установленія человеческого, токующи той уставъ по разуму, яко въ такомъ случаѣ не обязуется; яко-же егда бы кто противу уставу церковнаго яль рыбу въ постъ великій, ради недуга къ тому привуждающаго. Разрѣшеніе-же знаменуется адѣ благословеніе архіерейское, данное въ коемъ случаѣ на твореніе безъ грѣха, противу уставу человеческого церковнаго, таковаго, варвай уставъ толкованіе-бы имѣлъ по недоумѣнію, аще обязуется или не обязуется въ таковомъ случаѣ. Последніи нужда

свобождаетъ отъ грѣха въ дѣлахъ смертныхъ сихъ: въ неправедномъ взятіи и удержаніи вещей чуждыхъ, еже бываетъ въ послѣдней нуждѣ, ея-же ради не могли-бы кто отнюдь живота соблюсти, вице-бы чуждаго у себѣ не имѣль и тѣмъ себя не живиль. Понеже въ послѣдней нуждѣ вся суть обща, по разумѣнію учителей. И въ убійствѣ, еже бываетъ въ праведномъ защищеніи живота или своего ближняго; но и въ защищеніи имѣній: любо сихъ самихъ лучше есть отщитися, веже убити». Иннокентій Гизель смотрѣлъ на человѣка глазами истиннаго христіанина, проникнутаго евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. При всей строгости требованій относительно исполненія нравственныхъ правилъ, обнаруживаемой въ «Мирѣ», живой человѣкъ не принесень въ жертву отвлеченной идеѣ религиозно-нравственнаго долга и принятъ во вниманіе экономическія и въ тѣсномъ смыслѣ слова физическія условія его существованія, которыя, разумѣется, могутъ быть подчасъ такъ тяжки, что человѣкъ невольно впадаетъ въ проступокъ или въ прегрѣшеніе. Весьма характерны слова Гизеля, что «въ послѣдней нуждѣ вся суть обща». Изъ какихъ-бы «учителей» онъ не почерпнулъ свой христіанско-юридическій взглядъ на значеніе и происхожденіе преступленія, взглядъ этотъ дѣлаетъ честь южно-русскому ученому. Нужно замѣтить, что мягкое, гуманное отношеніе къ человѣку вообще, къ бѣдняку въ частности проявляется во многихъ мѣстахъ «Мира»,—доказательство, что человѣколюбіе Иннокентія Гизеля не было явленіемъ случайнымъ, вапущнымъ, вызваннымъ только-что прочитанной хорошей книгой.

При перечисленіи грѣховъ противъ богословскихъ добродѣтелей (вѣры, надежды и любви), противъ десяти заповѣдей Божіихъ и противъ церковныхъ заповѣдей, Гизель преимущественно говоритъ о послѣдней категоріи грѣховъ. Противъ церковныхъ правилъ погрѣшаютъ тѣ, которые не слушаютъ литургіи въ дни святыхъ, не соблюдаютъ постовъ, не почитаютъ духовныхъ, не даютъ священникамъ «варошіальныхъ рочныхъ доходовъ», уклоняются отъ исповѣди и причастія, не молятся за влаетей, бракосочетаются въ запрещенные дни, отнимаютъ у церквей и монастырей ихъ имущество. Не всегда, однако, нарушеніе церковныхъ правилъ является грѣхомъ. Такъ по словамъ Гизеля, «вѣдати подобаетъ, яко отъ обязанности сей первыя заповѣди церковныя (посѣщеніе цер-

ковной службы) свободы суть... слуги, стерегущіе общія дѣлости (т. е. казенное и общественное имущество), служащіи божьимъ и питающіи отрочать, ихъ-же безбѣднѣ въ дому оставити не могутъ; такжеже, иже сами слабости ради здравія своего къ церкви прійти не могутъ, или не идутъ ради убѣжанія отъ смертошаснаго воздуха; любь ради далекаго разстоянія мѣста, закупъ-же и ради великаго и долгаго неугодія воздушнаго, яко-же ради дожда долгаго и зѣлваго, снѣга, вихра и проч.; не повинны-же суть и тми рабы, иже повелѣніемъ господій своихъ принуждени бывають во время божественной литургіи работати что велие, или аще и малое, но въ часомъ повинуются, да избѣдуть сваровъ и вазазаній жестокыхъ; тогда-же согрѣшають господіе, яко о спасеніи рабъ своихъ не брегуть: свободни суть постѣди и таковыи убогін, иже не имуть одѣянія, въ пемъ-же бы изъ дому возмогли ити къ церкви»... Въ особенностіи характеризують гуманную и просвѣщенную личность Гизеля слѣдующія его слова: «Вѣдати подобаетъ, яко изряднѣйшія гвны, иже непостыжнхъ освобождаютъ отъ грѣха, суть сія: лѣта, немощь, должность или трудъ, скудость, любовь и благословеніе. Лѣта освобождаютъ отъ поста дѣтей, ибо дѣтямъ, по отлученіи отъ сосецъ, предъ седмыи лѣтомъ (т. е. до семи лѣтъ) ослаба въ постѣ бываеть; по седьмомъ-же лѣтѣ не тако; обаче къ аденію единою на день не зѣло обязуются даже до коликонадесять лѣтъ, занеже требуютъ часто, а немвого ясти, ради стяжанія подобающаго возраста... Лѣта такжеже освобождаютъ отъ поста и старыхъ, занеже старыи прислушавшаго ко посту брашна не возмогають единою пріятого, слабости ради стомаха своего, во утробѣ иствити и претерпѣти, но требуютъ часто и мало ясти (старость начивается съ 70 лѣтняго возраста). Немощь, сіе есть недугъ, и слабое здравіе освобождаютъ отъ поста: и того ради, иже болѣзнь главы или стомаха терпятъ, свободными суть... Зѣлъ-же ослаба въ постѣ бываеть женамъ неспраднымъ и доящимъ сосцы своими отрочать, иже требуютъ пици не токмо ради себе, но и ради отрочать. Должность палежаная освобождаеть такжеже отъ поста; яковыя должности суть учителей труждающихся въ словѣ и ученіи, крѣзошанъ усердствующихъ и проч.; о нихъ-же, егда-бы извѣстно было, яко не возмогли-бы своея должности по достоянію исполнати, храняще постъ, тогда дѣла ради настоящаго могутъ мало пости-

тиса и дважды на день". Незданъ-же трудъ явѣ тяжелъ отъ поста свободасть, а таковой есть художниковъ, сице въ дѣлѣ древа, явже желѣза и камеле, труждающихся; таковже земледѣльцевъ, скудельниковъ, златарей, ткацелей, сапожниковъ, усмарей и тѣмъ, подобныхъ; но убо не прочтелей, ни иконописцевъ, ни книжныхъ писателей и иныхъ таковыхъ, легкій трудъ имущихъ... Скудость свободасть отъ поста тогда, егда во время постное много бранна, крохѣ испостнаго, не можно-бы обрѣсти; безъ бранна-же стерпѣти того часа отнудъ не удобно-бы было, развѣ съ печаліемъ живота или здравія; таковже аще-бы кто у еретиковъ или невѣрныхъ нужду имѣлъ черезъ храненіе поста изъяснитися, яко есть православный или христіанинъ, и было-бы то съ бѣдою узъ, мученій, смерти или пагубы имѣній; тогда яко-же церковь не обязуетъ до таковая бѣды, сице не обязуетъ и до поста... Здѣ-же разумѣется и скудость убогихъ таковыхъ, яже, по дворахъ бранна просяще, единымъ малымъ пріятіемъ насытитися не могутъ; сице-вѣмъ не воображается удвоити свое укрѣпленіе, дондеже насытятся... Любовь... аще-бы пришлецъ былъ издалече, утружденный и укрѣпленія тѣлеснаго зѣло требующъ, по не смѣлъ-бы подкрѣпитися въ постъ, да же бы самъ дому господинъ съ немъ ялъ, быда-бо господивъ и дважды на день моль-бы ищущу пріяти; до любви-же прислушаетъ поста икогда не хранити и ради убѣжанія домашніа крахмла и распри, якова бывааетъ между мужемъ и женой, аще-бы едиль отъ нихъ постилъ, другому не позволяющу. Наконецъ благословеніе, испрошенное у старѣйшины духовнаго цархіерея или священника) можетъ кося ради вины свободити отъ поста скарженнаго... аще вина есть сомнительная и неизвѣстная... Въ разсужденіи о постѣ Гизель требуетъ, чтобы лица, имѣющія скуть и рабовъ, давали имъ во время поста «бранно угодное и прислушанное, дабы ея укрѣпили и постъ поспети могли» и чтобы не-сильно не принуждали ихъ поститься, но сщловали ихъ къ тому добрымъ и ласковымъ словомъ. Въ объясненіи священникамъ, чего должны они требовать отъ кающагося грѣшника, также проводится, такъ сказать, нравически гуманнѣйшій взглядъ на человѣка. Такъ въ случаѣ членовредительства виновный долженъ лечити на свой счетъ пострадавшаго и затѣмъ вознаградити его деньгами или землями или обезпечити его на всю жизнь, если несчастный ему

средъ лишль его возможности трудомъ добывать средства къ жизни; въ случаѣ насилія дѣвушки виновный или долженъ взять ее себѣ въ жены или дать ей приданое, съ которымъ она могла бы выйти за другаго мужчину.

Въ разнообразныхъ религіозно-нравственныхъ наставленіяхъ, наполняющихъ «Миръ», открываются нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ южно-русскаго народа въ XVII ст. Въ историко-бытовыхъ отношеніяхъ интересъ представляютъ заключающіеся во второй части «Мира» перечисленія грѣховъ духовныхъ лицъ, пановъ, крестьянъ, судей, купцовъ, ремесленниковъ, врачей, учителей и проч. т. и. Архіереи согрѣшаютъ, когда смотрятъ на епископское званіе, какъ на средство для достиженія корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ цѣлей, когда «не суть учительны ни сами черезъ себе, ниже черезъ иныхъ умныхъ и богобоязливыхъ учителей и проповѣдниковъ слова Божія», если не созываютъ соборныхъ свирѣпальныхъ соборовъ для осужденія церковныхъ дѣлъ, «чесому ради потреба иже-бы на всяко дѣло соборъ помѣстный имѣти», если не обязываютъ епархій, рукополагаятъ недостойныхъ лицъ въ священники, шцуть «безмолвнаго себе гдѣ на единѣ жилиа... еже есть противу естественнаго закона, ниже обвѣзуютъ предпочитати добро общее надъ уединенное». Главными грѣхами священниковъ поставлены рѣдкое и небрежное исполненіе церковныхъ службъ и церковныхъ требъ. Проповѣдники согрѣшаютъ, когда не облачаютъ въ грѣхахъ (безъ именовація лицъ) тѣхъ, преступивъ которыхъ ясно обнаружилась, когда въ угоду мірекимъ людямъ сурово облачаютъ духовенство, когда говорятъ о ложныхъ чудесахъ. Вообще, духовныя лица согрѣшаютъ, когда церковное имущество расточаютъ, употребляя его «на сласти или преизбытокъ въ пицѣ и одеждѣ», когда вмѣшиваются въ мірскія дѣла, предаются вѣяветву и плясѣ. Родители согрѣшаютъ, когда для дѣченія большихъ дѣтей приглашаютъ бабъ чарующихъ или шепчущихъ, не обуздываютъ въ дѣтахъ дурныхъ наклонностей, не обучаютъ дѣтей грамотѣ или ремеслу, насильно заставляютъ вступитъ въ бракъ, принуждаютъ въ посяженію въ иночествѣ, отказываются содержать и воспитывать дѣтей, прижитыхъ внѣ законнаго брака («отъ любодѣнія рожденных»). Грѣхи государственныхъ правителей: обложеніе народа большиннми налогами и податями съ

своекорыстной цѣлью, отягощеніе народа подводной и постоянной повинностями, стѣсненіе свободы въ куплѣ и продажѣ, присвоеніе имущества церковнаго, вдовъ, сиротъ, больницъ, небрежность относительно безопасности путешественниковъ отъ разбойниковъ и исправности мостовъ, насиліе въ заключеніи браковъ, присужденіе смертной казни безъ суда и проч. т. п. Грѣхи царскихъ совѣтниковъ: небрежность въ защитѣ отечества отъ враговъ, растрата общественныхъ денегъ, нарушеніе народныхъ вольностей и старинныхъ крѣпостныхъ актовъ безъ дозволенія высшей власти, неправильное установленіе цѣвъ на съѣстные продукты, постановленіе въ чиновники людей лѣстныхъ и корыстолюбивыхъ и проч. т. п. Въ пространномъ перечисленіи грѣховъ судей, писарей, кошовъ, купцовъ, ремесленниковъ, учителей и проч. можно остановиться на слѣдующемъ: плѣнникамъ запрещается проклинать день своего рожденія и своихъ родителей; запрещается, въ случаѣ женитьбы на чужбинѣ, бросать жену и дѣтей въ невѣрной странѣ; воины согрѣшаютъ, причиняя наряду насиліе, когда «бьютъ, мучатъ, взимаютъ цудомъ новозпиковъ и труждаютъ ихъ долго; когда военачальники въ корыстныхъ цѣляхъ удерживаютъ солдатское жалованье, уменьшаютъ продовольствіе». Бупцы согрѣшаютъ, между прочимъ, въ томъ случаѣ, когда продаютъ еретическія книги, иконы «блудическія, напиранія въ украшенію лицъ женамъ» и проч. т. п. и когда снабжаютъ чужеземцевъ оружіемъ. Плотники и каменщики согрѣшаютъ, когда берутся строить еврейскій или языческій храмъ. Врачи согрѣшаютъ, когда прибѣгаютъ къ волшебствіямъ или заговорамъ во время болѣзни зубовъ и кровозеченія, когда вытрапляютъ плодъ или даютъ средства къ возбужденію половой дѣятельности; аптекаря согрѣшаютъ, когда ошлябуются въ притѣвленіи лѣкарства, держать испорченный товаръ, продаютъ его выше надлежащей стоимости, по предварительному соглашенію съ врачами. На 426 страницѣ Гизель говоритъ, что «простые», т. е. неграмотные должны знать символъ вѣры, молитву Господню и десять заповѣдей. «Мнози-же обрѣтаются, замѣчаетъ онъ, иже и состарѣшася уже, а не умѣютъ положить на себѣ креста святаго». Это—слишкомъ рѣзкое и не основательное замѣчаніе. По свидѣтельству Павла александскаго, посѣтившаго Россію въ половинѣ XVII ст., въ Малороссіи большинство народа, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ, знало на

память не только молитвы, но даже церковный порядокъ службы и пѣнія, и не только мужчины, но даже женщины и дѣвочки. Священники брали на себя обученіе сиротъ и не позволяли имъ оставаться въ невѣжествѣ¹⁾.

Изъ отдѣльныхъ церковно-бытовыхъ мелочей, отмѣченныхъ въ «Мирѣ», не лишено интереса высказанное на 154 страницѣ требованіе, чтобы женихъ при бракосочетаніи имѣлъ не менѣе 14 лѣтъ, а невѣста 12 лѣтъ. Этотъ возрастъ признавъ достаточнымъ и по половой зрѣлости.

Направленное противъ іезуита Войны сочиненіе Гизеля «О истинной вѣрѣ» написано по настоянію Лазаря Барановича. Въ ряду сочиненій противъ католиковъ трудъ Гизеля вращается въ позднихъ по времени и поидиому къ слабымъ по внутреннему достоинству. Древнѣйшимъ юго и западно-русскимъ сочиненіемъ противъ католиковъ считается «На обличеніе и на поразженіе ляхамъ и латынамъ» XV вѣка²⁾; если не считать противо-латинскихъ сочиненій русскихъ митрополитовъ до-могильскаго періода. Къ 1578—1580 годамъ относится сборникъ полемическихъ сочиненій противъ жидовъ, протестантовъ и магометанъ, составленный въ супрасльскомъ монастырѣ, а нынѣ хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, въ древлехранительницѣ Помодина³⁾. Съ возникновеніемъ въ южной Россіи униѣ, т. е. съ конца шестнадцатаго столѣтія, южно-русская противо-латинская литература сильно разрастается. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія противъ католичества писали священникъ острожскій Василій, наставникъ львовской братской школы, потомъ эврейскій явленскій проповѣдникъ Стефанъ Златый, затѣмъ Христофоръ Броцкій,—человѣкъ глубокаго ума, типичный мажорсеѣвинецъ по языку Іоаннъ Вышенскій, талантливый Мелетій Сморгонскій, труженникъ науки Захарія Кошчетенскій. Въ концѣ XVII в. главнымъ литературнымъ противникомъ латино-униатовъ выступилъ Пётръ Могила. Для позднѣйшихъ писателей, Барановича, Галатов-

¹⁾ Русинскій, Религіи униѣ бытъ русская, стр. 177.

²⁾ А. Волковъ, Обзоръ древне-русскаго полемическаго сочиненія противъ латинцевъ XI—XV вв., 1875 г., стр. 155—175.

³⁾ А. Павловъ, въ «Чтеніяхъ въ Общ. пет. и дрв. рос.» 1879. I, стр. 41.

скаго и Гизеля поле обвинительнаго богословія было достаточно расчищено, и они съ успѣхомъ трудились на немъ. Главнымъ дѣятелемъ въ области религіозной полемики во второй половинѣ XVII ст. былъ Барановичъ, который и самъ работалъ въ этой области, и привлекъ къ полемикѣ Галатовскаго и Гизеля. Сочиненіе «О истинной вѣрѣ» было готово въ 1671 г. Барановичъ ознакомился съ нимъ въ рукописи, и оно ему не совсѣмъ понравилось. Не нравилась ему именно рѣзкость полемическаго тона. «Сочиненіе предостойное! писалъ Барановичъ Гизелю 13 мая 1671 г. Не стыдно пречестности твоей и подписаться своимъ именемъ подъ произведеніемъ своимъ. Надобно только слогъ смягчить, тѣмъ болѣе, что самый предметъ настоятельно этого требуетъ; пусть себѣ они сердятся на авторовъ, откуда это заимствовано, а колкостей не примѣшываютъ; самый предметъ доведеть до безенія противника; нѣсколько рѣзкій слогъ можетъ повредить нашимъ православнымъ въ тамошнихъ краяхъ». Въ письмѣ отъ 13 августа 1671 г. Барановичъ замѣтилъ Гизелю: «хорошо заключеніе (т. е. сочиненіе), но оскорбительно; лучше подражать Христу: научитесь отъ Меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ (Матѣ. II, 39)». Гизель хотѣлъ присоединить свое сочиненіе къ «Новой Мѣрѣ» Барановича и издать ихъ вмѣстѣ; но Барановичъ этому воспротивился. «Мѣрѣ никакъ невозможно трудъ пречестности твоей соединить съ моимъ трудомъ, писалъ онъ Гизелю. Если-бы это была часть, то можно-бы было и присоединить; но такое превосходное и полное сочиненіе, во всей справедливости, достойно и праведно, прилично и для церкви полезно издать въ свѣтъ во всемъ его составѣ»¹⁾ Изъ того обстоятельства, что Гизель свое сочиненіе желалъ присоединить къ «Новой Мѣрѣ» Барановича, видно, что оно также было написано на польскомъ языкѣ. О сочиненіи Гизеля упоминаетъ архіепископъ Филаретъ и Внновентій, причемъ первый называетъ его сочиненіемъ слабымъ²⁾. Не видно однако, чтобы кто либо въ дѣйствительности прочиталъ это сочиненіе. Такъ Филаретъ не приводитъ ни познато замѣчаній, ни рода похвалы, не указываетъ на величину книги, не касается ея

¹⁾ Письма Евзри Барановича, стр. 144, 153.

²⁾ Филаретъ, обзоръ в. дух. лит. т. I, стр. 285.

содержанія. Сколько намъ извѣстно по каталогамъ и по личнымъ и письменнымъ справкамъ, сочиненіе Гизеля «Объ истинной вѣрѣ» не оказывается ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Харьковѣ. То обстоятельство, что изъ современниковъ Гизеля никто не упоминаетъ «Объ истинной вѣрѣ», какъ о сочиненіи вышедшемъ уже въ свѣтъ, что неизвѣстно ни одного латинскаго возраженія на это сочиненіе, ни одной ссылки на него православнаго автора, въ связи съ тѣмъ, что новѣйшіе изслѣдователи польской и малорусской литературы упоминаютъ лишь названіе этой книги, и самой книги не находится въ такихъ богатыхъ южно-русскими старопечатными книгами бібліотекахъ, какъ бібліотеки Румянцевскаго музея, кіевской духовной академіи и харьковской духовной семинаріи, все это въ совокупности можетъ привести къ той мысли, что Гизель призналъ слабость своего сочиненія или излишнюю рѣзкость полемическаго тона и не далъ ему хода. Разумѣется, предположеніе это остается только предположеніемъ, вѣроятнымъ до нѣкоторой степени, по изложеннымъ выше соображеніямъ. Нельзя, напримѣръ, отрицать возможности того, что сочиненіе Гизеля благополучно появилось на свѣтъ, быть можетъ, въ весьма маломъ количествѣ экземпляровъ, и, какъ сочиненіе ничѣмъ особеннымъ не выдающееся въ ряду религіозно-полемическихъ сочиненій, не было читаемо, было забыто, и потому могло сохраниться въ одномъ, двухъ, трехъ экземплярахъ, покоящихся въ какихъ нибудь старинныхъ польскихъ бібліотекахъ. Разнообразный и обширный составъ южно-русской бібліографіи прежнихъ временъ до сихъ поръ, какъ извѣстно, не опредѣленъ даже простымъ перечнемъ названій.

Въ исторіи русской исторической литературы имя Иннокентія Гизеля не можетъ быть пройдено молчаніемъ. Трудъ его «Синодичесъ» былъ въ старинное время единственнымъ учебникомъ исторіи. Въ основаніе «Синодичеса» лежатъ хроника Феодосія Софоновича о событіяхъ въ Россіи до 1290 г., составленная по кіевской и волынской лѣтописямъ; въ хроникѣ этой прибавлены краткія извѣстія о послѣдующихъ событіяхъ Россіи и потомъ краткая хроника Польши и Литвы, взятая изъ Стрыйковскаго ¹⁾. Последнее

¹⁾ Флагаретъ, Обзоръ р. д. литер., т. I, стр. 234.

добавленіе сохранилось въ рукописи въ библиотекѣ московскаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Въ рукописи этой находится 1) «кronика о земли польской» (отъ Леха до 1673 г.), составленная большею частью по Бѣльскому и 2) «кronика о початку и названіи Литвы», составленная главнымъ образомъ по Стрыйковскому; событія здѣсь доведены до 1529 г. «Синописецъ» Гизеля есть передѣлка хроники Софоновича, съ дополненіями. До исторіи Ломоносова «Синописецъ» Гизеля, за невѣдѣніемъ другихъ, былъ классическимъ сочиненіемъ. Было много изданій «Синописца», въ 1674, 1676, 1680, 1718, 1810 годахъ. Последнее изданіе (1810) сдѣлано академіей наукъ¹⁾. Св. Дмитрій ростовскій приложилъ «Синописецъ» Гизеля къ своей лѣтописи, въ концѣ ея, безъ измѣненій²⁾.

Въ началѣ «Синописца» говорится о Ноѣ и трехъ его сыновьяхъ, Симѣ, Хамѣ и Иафетѣ, о происхожденіи славянъ отъ Иафета, а самаго названія ихъ отъ славы, потому что съ древнихъ временъ прославились своими военными подвигами; затѣмъ слѣдуетъ глава о вольности славянской, гдѣ говорится, что славяне помогали Филиппу Македонскому и сыну его Александру Великому и отъ послѣдняго получили «привиллегіи или грамоту, на пергаментѣ златомъ написанную, въ Александріи, вольности и земли имъ утверждающую, въ 310 г. до Рождества Христова». Затѣмъ говорится, что Октавіанъ Августъ уважалъ славянъ за ихъ храбрость и впоследствии «князь пѣкій славенороссійскій Одопачеръ войною доставъ Рима, держалъ его подъ властью своею 30 лѣтъ»... Въ слѣдъ затѣмъ идетъ краткое сообщеніе объ Азій, Африкѣ и Европѣ. «Еще есть, говорится здѣсь, и четвертая часть вселенныя Америка, яже нарицается новый свѣтъ; но яко сія послѣди прочихъ новоизобрѣтена, сего ради безъ описанія оставляется». Послѣ этой небольшой вставки слѣдуетъ краткая глава о происхожденіи названія Россія: русскіе, по мнѣнію однихъ, отъ г. Русы, что близъ Новгорода, по мнѣнію другихъ, отъ рѣки Росы, отъ русыхъ волосъ, по мнѣнію Стрыйковскаго, принятому авторомъ Синописца, отъ слова «разсѣпаніе», потому что они поселились на обширномъ пространствѣ, далѣе глава о народѣ сарматскомъ (поляки, русскіе, литовцы), глава

¹⁾ Wiszniewski, Hist. liter. polsk., т. VIII, стр. 401.

²⁾ Св. Дмитрій Ростовскій, Сочиненія, т. III, въ концѣ, стр. 1—143.

о народѣ роксоланскомъ (то же русскіе), съ производствомъ козаконъ отъ полководца Козака, побѣдившаго татаръ, татаръ отъ Тартара, Литвы отъ царскаго сына Литваса, Москвы отъ сына Тафтоа Мосоха, глава о мѣстоположеніи и величійи Москвы, краткія главы о хазарахъ и кимврахъ. Замѣтивъ далѣе о преславномъ, верховномъ и всего народа російскаго главномъ градѣ Кіевѣ, Гизель говоритъ о Кіѣ, Щесѣ и Хоривѣ, призваніи варяжскихъ князей въ Новгородъ, покореніи ими южной Россіи, о княженіи Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Ярополка, Владиміра, о крещеніи послѣдняго. Въ исторію княженія Владиміра вставлены двѣ любопытныя главы, составленныя по Кромеру и Стрѣйковскому, глава объ пдлахъ (Шерунъ, Волось, Похвистъ, Ладо, Дель, Полель, Купало, Коляда, Слядь или Ослядь, Корша или Хорсь, Дашубъ или Дажбъ, Стриб(огъ), Семаргль, Маквишъ), и глава объ обливаніи водою въ Великъ-день. Главы эти интересны для мѣтолога. Основываясь на Кромерѣ, Гизель прибавляетъ кое-что и отъ себя. Любопытно, наприм., подробное описаніе купальскихъ огней и обливанія водою въ Свѣтлое Воскресеніе. Любопытно указаніе, что колядки начинали пѣть наканунѣ праздника Рождества Христова, 24 декабря, и при этомъ сереряживались. Отдѣлъ Синописа о Владимірѣ одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ книгѣ. Здѣсь, между прочимъ, насчитывается пять крещеній русскихъ; пятое совершено Владиміромъ. Здѣсь-же говорится о Десятинной церкви въ Кіевѣ. Затѣмъ слѣдуютъ главы о княженіи Святополка, Ярослава, Изяслава, Всеволода, Святополка II, Владиміра Мономаха, Мстислава и др., до нашествія Батя. Замѣтивъ о нашествіи татаръ и разореніи пещерской лавры, Гизель некорѣ переходитъ къ Дмитрію Донскому и подробно говоритъ о Куликовской битвѣ. Повѣствованіе о княженіи Дмитрія составляетъ почти треть книги. Сказавъ о гибели Мамая, Гизель переходитъ къ исторіи кievскаго княжества, сначала подъ турецкимъ вѣдомъ, потомъ подъ властью Литвы. Гизель говоритъ, что «грѣхъ ради человѣческихъ», по поущенію Божію, кievское княженіе было обращено въ воеводства, перечисляетъ въ хронологическомъ порядкѣ воеводъ кievскихъ, поставленныхъ польскими королями, витѣвато и мимоходомъ замѣчаетъ о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ въ 1654 г., о кончинѣ царя Алексѣя Михайловича и затѣмъ сразу переходитъ къ турецкимъ походамъ подъ Чв-

гаряць, которые полагають самостоятелно, какъ современникъ. «Синописецъ» заканчивается подробнымъ сообщеніемъ о силѣ московскихъ и козацкихъ войскъ, прибывшихъ въ Кіеву въ 1679 г., на оборону святыхъ мѣстъ кіевскихъ отъ грозившаго турецкаго нашествія.

Разсмотрѣніе «Синописца» приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Малороссіи отведено въ немъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ Великороссіи, причемъ въ исторіи московскаго государства пропущены молчаніемъ цѣлыя великія движенія и царствованія, напр., правленіе Ивана III, правленіе Ивана IV, упоминаю о такихъ событіяхъ, какъ покореніе Новгорода, направленіе боюслужебныхъ князей при Поконѣ. 2) Историческія событія въ московскомъ государствѣ поставлены въ «Синописецѣ» такъ, что должны дополнять собой или разъяснять событія малорусской исторіи. 3) Авторъ «Синописца» любитъ малороссіянъ и уважаетъ великороссіянъ; онъ гордится силой Москвы и съ большимъ почтеніемъ отзывается о московскихъ царяхъ; въ то же время онъ питаетъ вражду къ бусурманамъ татарамъ. 4) Авторъ «Синописца» очень рѣдко говоритъ о Польшѣ и полякахъ, не обнаруживая враждебнаго къ нимъ отношенія. 5) Съ вѣнцовой стороны «Синописецъ», за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Гизель говоритъ о царѣ, отличается обиліемъ фактовъ и изложеніемъ спокойнымъ, простымъ и яснымъ.

Общій выводъ о «Синописецѣ» тотъ, что въ Малороссіи въ XVII и XVIII ст. это была полезная книга. Относительно развитія и укрѣпленія національнаго чувства, «Синописецъ», разумется, не могъ спорить съ козацкой кроникой, въ родѣ «Черниговской лѣтописи»; но такія кронички были рѣдкостью, составляли фамильное достояніе и очень немногіе могли читать ихъ. Синописецъ-же былъ общедоступной книгой. Его можно было найти въ монастырской библіотекѣ, можно было купить у странствующаго книжнаго торговца. Въ Великороссіи «Синописецъ» долженъ былъ представляться книгой менѣе интересной и менѣе полезной, чѣмъ въ Малороссіи, и нужно только удивляться его продолжительной популярности въ Москвѣ. Въ немъ было мало московскаго содержанія. «Синописецъ», какъ учебникъ, въ Великороссіи представляется явленіемъ настолько-же неудовлетворительнымъ, какъ, напримѣръ, учебникъ Пловайскаго по русской исторіи нынѣ въ Малороссіи. Въ этомъ учебникѣ, какъ

известно, о Болотниковѣ говорится болѣе, чѣмъ о Ковалевичѣ Сагайдачкомъ, о великомъ князѣ Василіѣ Правовичѣ рѣчь идетъ на нѣсколькихъ страницахъ крупнымъ шрифтомъ, а о Петрѣ Могилѣ въ нѣсколькихъ строкахъ скромнымъ петитомъ. Какъ великороссіане въ началѣ XVIII ст. не усматривали въ «Синописеѣ» ни одного слова о патріархѣ Никонѣ, такъ современное южно-русское учащееся юношество, одолевъ объемистую русскую исторію Шломайекаго, остается въ полномъ невѣдѣніи того, что въ южной Россіи въ XVII ст. былъ, напр., такой энергическій и честный защитникъ православія, какъ Іоаннъ Вишневскій, такой филологъ, какъ Самво Берында, такіе крупные политическіе и литературные дѣятели, какъ Барановичъ, Галатовскій. Гизель, была такая героическая личность, какъ закоронскій кошевой Пванъ Сѣрко, остается въ невѣдѣніи того, что такое историческая дума народная. Не будемъ-же строго осуждать «Синописецъ» за односторонность, тѣмъ болѣе, что не знаемъ, для кого собственно предназначалась эта книга, какъ великъ долженъ былъ быть районъ ея распространенія, въ первоначальной мысли автора. Можетъ быть, Синописецъ предназначался авторомъ только для Малороссіи: въ такомъ случаѣ вопросъ о неполнотѣ и односторонности устраняется самъ собой.

О добротѣ сердца и благотворительности Гизеля сохранились весьма похвальные отзывы его современниковъ, Зеринкава, Радивиловскаго и Туптала. Зеринкавъ свидѣтельствуетъ, что о добротѣ Гизеля много говорилъ въ обществѣ ⁴⁾. Антошій Радивиловскій сборникъ своихъ проповѣдей «Огородокъ Маріи Богородицы» (1676 г.) посвятилъ Гизелю. Въ предисловіи къ Гизелю онъ говоритъ: «Мнялячому мѣѣ, кому бы-мъ сей начатокъ працы моеѣ по преблагословенной Маріи Богородици, патронци нашеѣ, мѣѣ приписати и офѣровати, висоце въ Богу препелебный отче архимандрита печерскій, отче, пастыру, патроне и добродѣю моеѣ великій, пришла на память една сеутендія римского красомовца, который такъ мощь: невдячный есть, который, взявши добродѣйство, не признавается до опато, же взялъ... А такъ во первыхъ, абымъ ся не показалъ нездичнымъ въ непризнаваня взятыхъ добродѣйствъ, признаваю, жемъ досытъ великихъ въ сей святой печерской обители дозналъ отъ пре-

⁴⁾ Труды кіевской духовной академіи 1860, т. III, стр. 187.

велебности твоей благодѣяній. Если уважаю мешчаня моего въ обители сей святой печерской початокъ, тои ни на чомъ вышомъ не быль заложень, тылко на щегульной по преблагословенной Дѣвѣ Маріи Богородици ласкъ и добродѣйствъ превелебности твоей, который мене ненотребного раба въ злихъ военянихъ небезпечныи часы, якъ ласкавыи отецъ сына своего, до себе пригорнувши, зависель мнѣ гоиные при любви своей отеческой высвѣдчати рачиль добротыности... Если припомню себѣ, презъ лѣтъ уже то лохъ двадцать, въ обители св. печерской мешчане мое, признаваю, же не было того дня, которого быль твоей отеческой не доспалъ къ себѣ любви и ласки. Что справовало, жесь мене недостойнаго раба своего межю честную св. великой обители печерской полчиныи братію, напередъ учиниль проповѣдываемоу слова Божого и братомъ соборнымъ, а потохъ нахѣтникомъ?—Особливая любовь и ласка превелебности твоей. Что справовало при томъ, жесь не хотѣль, абы и сія моя подлая прада была въ цѣску невѣдомости людской загребена, але которые-мъ словеса, якъ тутъ при быности твоей въ святой великой чудотворной обители печерской, такъ я въ вышнихъ киевскихъ обителяхъ святыхъ съ катедры до людей проповѣдалъ, абы тое типомъ изображенное свѣту оказало бжло? Справовала то особливая къ мнѣ любовь и ласка превелебности твоей; бо гдѣ-бы въ томъ любви и ласки отеческой твоей ко мнѣ не было, я быль ся самъ, будучи подлон науки, явколи того не важиль, чого и высокои науки люде заледво ея важать... Правдатель хотячому мнѣ сей Огородокъ маріанскій превелебности твоей, добродѣви моему, приписать. стануло въ очи великое превелебности твоей смиреніе, которое съ великими твоими добродѣйствыи къ мнѣ оказанными вачачи, чинило мнѣ встрѣтъ, приводячи на память тое, же отъ людей на семь свѣтъ жадной не потребуешь славы, памятуючи на слова Господни: славы отъ человекъ не приеблю; але по долгой спориць смиренія твоего съ добродѣйствами, триумфуютъ величія твои къ мнѣ освѣдченныи добродѣйства... Иноиеть Аристотелесь, же есть въ Сципции жродлю *микстанишъ виру*, въ которомъ гди будетъ погружено птаство умерлое оживеть, и кто-жь не признаеть, же естесь таковымъ жродломъ превелебность твоя? бо якъ въ ономъ жродлѣ вода птаство умерлое оживляетъ, такъ милосердіе твое невдзпыхъ и утраленныхъ людей, яко то вдовъ, сиротъ, пришельцовъ, неволь-

никомъ, недостаткомъ и голодомъ зморенныхъ власне оживляеть... Не единъ бо азъ людей утрапленныхъ, отъ неприятели азъ добръ власныхъ вытнаний и азъ всего обнаженный, не маючи гдѣ приклонити главы, въ кievской области отъ зима, наготы и гладу умерты мускълъ, иды бы его превелебность твоя добродѣйствомъ своимъ не притулялъ, не прешталь, не приодѣлъ и не надарилъ»¹⁾. По словамъ св. Димитрія Ростовскаго, Иннокентій Гизель «крини вмѣниа насаждалъ обильно въ полѣ, въ рукахъ убогихъ, плодовиый былъ милостиви раздаватель.: такъ былъ милостивъ къ убогимъ, что его другимъ Иоанномъ Милостивымъ называли. То его было украшеніе—широкаго ушедрити; то его была утѣха—алчущаго капонти; то его крини—нагаго одѣти... Сей то былъ отецъ сиротамъ, что и найменьшаго не презрѣлъ, во ласковымъ своимъ нань окомъ прызрѣлъ; сей то былъ пастыръ овцамъ, что и найподлѣбней овечкѣ промышлялъ довольное прокормленіе; сей то былъ благодѣтель, отъ котораго много тицама не отошлъ рукама»²⁾.

18 ноября 1683 года скончался Гизель³⁾. Самуиль Величко въ своей Лѣтописи замѣтилъ: «нарочитый и знаменитый Иннокентій Гизель, архимандритъ кievо-печерскій, мужъ премудрый, столпъ благочестія святаго поколелебимъ, свѣтло церковное, чрезъ научіе смертное стаснуло»⁴⁾. 28 ноября 1683 г. гетманъ Самойловичъ уведомилъ московское правительство о кончинѣ Иннокентія Гизеля и просилъ разрѣшить избрать для лавры новаго архимандрита⁵⁾. Въ концѣ того-же 1683 г. патріархъ Іоакимъ писалъ

¹⁾ Антоній Радивяловскій, «Фгородокъ Марія Богородици». Второе посвященіе (первое обращено въ Богородицѣ). Одинъ экземпляръ «Фгородка» находится въ фундаментальной библиотекѣ харьковскаго университета; одинъ экземпляръ въ харьковской духовной семинаріи.

²⁾ Св. Димитрій, митрополитъ ростовскій, Сочиненія. изд. 5, т. III, стр. 651.

³⁾ Позднѣе слово Димитрія Туптала Гизелю, проканесенное годъ спустя послѣ его кончины, помѣчено 24 февраля 1685 г. Вѣроятно по этой причинѣ въ нѣкоторыхъ исторіяхъ литературы, напр. въ «Обзорѣ» Филарета, годомъ смерти Гизеля поставленъ 1684. Но цифра эта невѣрна. По многочисленнымъ и достовернымъ свидѣтельствамъ, Гизель скончался въ ноябрѣ 1683 г.; свидѣтельства эти: «Лѣтопись» С. Велички, «Черкасская лѣтопись» Бѣлозерскаго, грамоты гетмана и патріарха.

⁴⁾ С. Величко, Лѣтопись, т. II, стр. 530.

⁵⁾ Московскій Архивъ Мин. Ив. Д. Малорос. дѣла, связи 60—61.

гетману: «Егда наша мѣрность писаніе любве твоея пріять, кое намъ извѣстное вѣдѣніе сотворило о отшествіи ко Богу жизни сея Иннокентія Гизеля, кієво-печерскаго архимандрита, иже добродѣтельный мужъ и нашей мѣрности любезенъ бѣ, абіе жалѣваемъ по немъ содержажомся»¹⁾. Патріархъ послалъ свое благословеніе на избраніе новаго архимандрита. Избраніа удостоился игумень кієво-псковьскаго мапастыря, Варлаамъ Ясвнскій.

Годъ спустя послѣ кончины Иннокентія Гизеля, Дмитрій Туптало въ кієво-печерской лаврѣ сказалъ въ память его похвальное слово, или «Пирамиду», весьма пространное, обильное текстами изъ св. писанія и разными схоластическими сравненіями и угодобленіями. «Такому человѣку, говорили проповѣдникъ, въ Божѣ успѣшему господину отцу Иннокентію Гизелю..., отцу и пастырю нашему родоцю нывѣ отираваемъ память, котораго память не отидеть, а имя его и въ послѣдующіе вѣки жити будетъ, котораго мудрость и постороннимъ извѣстна, а за добрыя свои дѣла въ устахъ всѣхъ имѣетъ хвалу. Тутъ и ты, смерть, не берешь, ибо «унованіе его безсмертіа исполнено». И ты, время, своимъ забвѣніа зубами такого человѣка не взгривешь памяти, ибо «въ память вѣчную будетъ праведникъ»...

Н. В. Сумцовъ.

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи. Ч. I, т. V, стр. 211.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О КІЕВѢ.

1. О началѣ богоявленскаго братскаго монастыря и кіевской духовной академіи.

Исторіографъ Миллеръ и В. Рубанъ въ «Старинѣ и Новизнѣ» 1773 года заявили, что константинопольскій патриархъ Іеремія II во время путешествія своего изъ Москвы чрезъ Кіевъ благословилъ кіевскую школу, существовавшую при кіево-подольской богоявленской церкви и возвысилъ ее, что школа эта въ 1614 году сгорѣла, а въ 1615 году перешла во дворъ, подаренный ей Анной Лозкиной-Гулѣвичной, женой маршала мозырскаго. Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, митрополитъ Евгеній начало кіевской духовной академіи положилъ въ 1589 году. Ему послѣдовали іеромонахъ (въ послѣдствіи московскій митрополитъ) Макарій и В. Аскоченскій, каждый въ своей исторіи кіевской академіи. Но Михаилъ А. Максимовичъ въ «Запискахъ о первыхъ временахъ кіевского богоявленскаго братства», изданныхъ въ 1865 году, не призналъ достовѣрнымъ существованіе ни кіевского братства съ его церковью, ни кіевской школы до 1615 г., т. е. до записи Лозкиной-Гулѣвичевой, которою она свой собственный дворъ и землю въ Кіевѣ записала и на вѣкъ отказала подъ монастырь *старонинніи патриархтеской*, подъ школу дѣтей казѣ дворянскихъ, талъ и мѣщанскихъ и сверхъ того подъ гостиницу. Свое заключеніе М. А. Максимовичъ основывалъ на томъ, что въ того-временной письменности не видно богоявленской въ Кіевѣ церкви, при которой находилась-бы братская школа, и что купчая крѣпость 1594 г. на проданный братскому монастырю кіевскимъ земляникомъ Андреемъ Обуховымъ Сверщовскій дворъ на

Подолѣ и сѣножать на Оболови не сохранились въ подлинникѣ, а только упоминаются въ царской грамотѣ 1694 года. Въ слѣдъ за тѣмъ преосвященный м. Макарій въ X томѣ «Исторіи Русской Церкви» отказался отъ прежняго мнѣнія о началѣ кievской академіи, высказаннаго имъ въ юношескомъ его трудѣ—исторіи этой академіи, согласившись съ мнѣніемъ Максимовича. Мнѣніе Максимовича принялъ и С. Т. Голубевъ въ своемъ изслѣдованіи о Петрѣ Могилѣ. Приурочивая основаніе кievской школы къ 1615 году, Максимовичъ и м. Макарій относятъ къ тому-же году и заложеніе первой богоявленской церкви братскаго монастыря, а строителемъ ея призываютъ гетмана Петра Сагайдачнаго, основываясь на Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ 1789 г., заимствовавшемъ это свидѣніе изъ не сохранившагося стараго братскаго синодика. Но при всемъ уваженіи къ памяти такого точнаго изслѣдователя старшимъ, какииъ были покойныиъ М. А. Максимовичъ, мы позволяемъ себѣ усомниться въ вѣрности его выводовъ по сему предмету, въ особенности въ виду нѣкоторыхъ указавій, бывшихъ неизвѣстными ему.

Начнемъ съ вопроса о началѣ богоявленской церкви. Съ мнѣніемъ Максимовича о построеніи первой богоявленской церкви Сагайдачичемъ надлежало бы согласиться тѣмъ болѣе, что создателемъ не только этой церкви, но и обители кievо-братской богоявленской, призналъ того-же Сагайдачнаго и антиохійскій патріархъ Павсій въ своей грамотѣ, данной послѣ посѣщенія Кіева въ 1649 году¹⁾ Но «письмо духовныхъ и мірскихъ браій» къ царю Михаилу Федоровичу отъ 10 апрѣля 1625 г., сохраняющееся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, приводитъ къ нѣсколько иному рѣшенію. Въ этомъ письмѣ кievскіе братчики просятъ царя «о милости на украшеніе своей церкви Богоявленія Господня, Благоушченія и преподобныхъ Антонія и Феодосія печерскихъ, возведенной уже до верха съ помощію его царскихъ даровъ, но пребывающей еще безъ покрова и иконостаса украшенія». Изъ этого документа прежде всего слѣдуетъ, что сооруженная при Сагайдачичемъ богоявленская церковь окончена не задолго до его кончины, послѣдовавшей въ 1632 году, и что Сагайдачичъ былъ не единственныиъ, а только однимъ изъ главныхъ жертвователей на со-

¹⁾ Печат. кievской коллеціи, Т. II, стр. 189.

оруженіе этой церкви. Если-же кіево-братская богоявленская церковь въ 1625 году была еще безъ покрова и верха, то во вторыхъ слѣдуетъ, что ее нужно отличать отъ той богоявленской церкви, которую посѣщали іерусалимскій патріархъ Теофанъ въ 1620 г. и въ которой онъ совершилъ посвященіе Псаин Копиаскаго въ санъ епископа перемысльскаго, а Іова Борцакаго въ санъ митрополита кіевскаго. Нововець естественно возникаетъ вопросъ, когда же построена первая богоявленская церковь, старѣйшая сооруженной при Сагайдачномъ? Безъ сомнѣнія не въ 1615 году, ибо не могла же она обветшать такъ скоро, что менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ потребовалось замѣнить ее новою церковью. По всей вѣроятности это была та богоявленская церковь, о священникѣ которой упомянуто въ описи кіевскаго замка, составленной въ 1555 году. При сей же церкви могла существовать въ концѣ XVI вѣка и та школа, которую благословилъ въ 1589 году патріархъ константинопольскій Іеремія. А что патріархъ Іеремія II дѣйствительно былъ въ Кіевѣ, какъ свидѣтельствуетъ исторіографъ Миллеръ, подтвержденіе сему находимъ въ описаніи путешествія антиохійскаго патріарха Макарія, составленнаго слугакомъ его діакономъ Павломъ. Послѣдній пишетъ, что въ 1654 году, бывши въ софійскомъ домѣ кіевскаго митрополита Сильвестра Косова вмѣстѣ съ патріархомъ, онъ издѣль здѣсь портретъ константинопольскаго патріарха *Іеремія* во весь ростъ, съ красивыхъ лицемъ и бородою, между портретами alexандрійскаго патріарха Мелетія и іерусалимскаго Теофана. При этомъ онъ говоритъ, что всѣ эти четыре патріарха пріѣзжали въ Кіевъ непосредственно одинъ за другимъ и что въ Кіевѣ издревле ведется обычай списывать портретъ всякаго патріарха, посѣтившаго эту страну, для того чтобы сохранить память о немъ на вѣчныя времена. Да и трудно представить, чтобы патріархъ Іеремія II, путешествовавшій въ Россію преимущественно для сбора милостынь въ пользу своей патріархіи, не посѣтилъ Кіева, главнаго города богатой козацкой страны, между тѣмъ какъ останавливался въ Вильнѣ и Брестѣ и 4 мѣсяца прожилъ въ Замошѣ. Нельзя также отвергать и свидѣтельства выписи изъ кіевскихъ гроческихъ книгъ о существованіи кіево-братскаго монастыря въ 1594 году, приведенной на справку въ царской грамотѣ 1694 года, потому только, что выпись эта не дошла до насъ въ подлинникѣ. Доста-

точно и того, что до насъ дошла въ подлинникѣ царская грамота, въ которой приведена эта выпись, такъ какъ безъ подлежащей провѣрки выпись не могла быть помѣщена въ царской грамотѣ. Но всякомъ случаѣ грамота эта болѣе заслуживаетъ вѣроятія, чѣмъ свидѣтельство утраченнаго братскаго синодика о создателѣ богоявленской церкви, переданное въ Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ 1799 года, которому всѣ вѣрили, не исключая и М. А. Максимовича. Наполеонъ въ самой записи Гальшмы Лозкиной-Гулевичевой 1615 года находятъ довольно ясныя намеки на существованіе и братской школы и патриаршеской при ней ставропигіи раньше этого времени. Въ записи этой сама жертвовательница пишетъ, что она свой собственный дворъ отдала подъ монастырь *ставропигіи патриаршеской* и что она *тогда* ввела въ этотъ дворъ іеромонаха Песаю Купинскаго и другихъ монашествующихъ, ввела и школу. Спрашивается, о какой патриаршеской ставропигіи говорится здѣсь? Неужели о той, которая дана братской обители іерусалимскимъ патриархомъ Теофаномъ спустя пять лѣтъ послѣ сего? Но прибытіе его въ Россію не могли предугадывать ни Гулевичева-Лозкина, ни кто-либо изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ г. Кіевѣ. Гдѣ были доселѣ и откуда являлся здѣсь цѣлой корпораціей Песаю Купинскій и прочіе монашествующіе, чтобы принять въ свое вѣдѣніе жертвуемой Лозкиной-Гулевичевой дворъ? Лозкина-Гулевичева не отгрызаетъ школу, не собираетъ дѣтей желающихъ только учиться, а *тогда*, по учиненіи записи, *ввела* въ свой дворъ *школу*. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ имѣющей еще составиться школѣ, а о школѣ готовой, существующей уже съ наличнымъ составомъ учащихся и учащихся, которые только переводятся изъ одного помѣщенія въ другое. Итакъ хотя въ записи Гальшмы Гулевичевой-Лозкиной не упоминается о братской или богоявленской церкви и существовавшей при ней обители, но такъ какъ школы въ то время существовали и могли отрываться только при церквяхъ, а равно и монашествующіе, въ составѣ братства, могли имѣть пребываніе также только при церквяхъ; то слѣдуетъ признать вполне достовернымъ сообщенное исторіографомъ Миллеромъ и принятое имъ по повѣствованію Евгеніемъ извѣстіе, что кіево-братская обитель, съ братскою при ней школою, существовала раньше 1615 года, что знаніе этой школы действительно егорѣло въ 1614 году и что Лозкина-

Гулевичева своею запискою не создала что нибудь новое относительно братской обители и школы, а только поддержала ихъ существованіе и усилила ихъ средства, пожертвовавъ въ ихъ собственность свой дворъ съ готовыми помѣщеніями, замѣнившими собою прежнія уничтоженныя пожаромъ. Самое умолчаніе о церкви въ этой записки уже предполагаетъ ея существованіе; иначе надлежало-бы сказать, что церковь строится или будетъ построена вслѣдъ за открытіемъ школы в переселеніемъ монашествующихъ, которые не могли существовать безъ церкви. Относъ затѣмъ первое историческое извѣстіе о существованіи кіевской братской школы къ 1589 году, когда ее благословилъ и возвысилъ константинопольскій патріархъ Іеремія, слѣдуетъ въ этомъ-же 1589 году положить и начало кіевской академіи, возникшей изъ этой школы. Слѣдовательно въ 1889 г. въ сентябрѣ или въ октябрѣ, кіевская духовная академія можетъ праздновать 300-лѣтіе своего существованія.

Не совсѣмъ ясна исторія и имяе существующей каменной богоявленской церкви кіево-братскаго монастыря. Но общепринятому мнѣнію она сооружена въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка бывшимъ малороссійскимъ гетманомъ Иваномъ Мазепою; но это мнѣніе основывается болѣе на преданіи. Единственное письменное свидѣніе, на которое ссылались описатели Кіева, заключается въ Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ 1799 года, гдѣ сказано, что огромная, каменная, богоявленская церковь братскаго монастыря построена въ 1693 году. Имя создателя этого храма не упомянуто ни здѣсь, ни въ другихъ сочиненіяхъ, касающихся Кіева. Похилѣвичъ первый неясно называлъ Мазепу строителемъ братской богоявленской церкви въ «Описаніи церквей и монастырей г. Кіева», означивъ временемъ построенія ея 1693 годъ, показанный въ Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ, но слѣлать это голословно. Костомаровъ въ своей монографіи о «Мазепѣ», составивши на Кіевскій Мѣсяцесловъ 1799 года и на Похилѣвича, сказалъ, что братская богоявленская церковь и большая церковь кіево-печерскаго монастыря построены Иваномъ Мазепою въ 1690 году. Такимъ образомъ строеніе братской богоявленской церкви приписывается Мазепѣ лишь по преданію, а годъ означается приблизительно. Также по преданію, безъ современныхъ письменныхъ указавій, предначалось ему и построеніе нижняго этажа стараго академическаго корпуса, въ которомъ имѣе помѣ-

щается музей академіи. Но что приписывалось Мазепѣ однимъ преданіемъ, то можно теперь подтвердить и письменными, современными документами. Въ Моск. архивѣ министерства иностр. дѣлъ (Малор. д. 1693 г. № ⁹⁰¹/₁₃₃) хранится письмо Мазепы къ царямъ Іоанну и Петру отъ 21 мая 1693 года, относящееся къ построенію церкви братской в кіево-ніколаевской, въ которомъ указаны и строитель и мастеръ этихъ церквей. Въ письмѣ этомъ Мазепа пишетъ, что «москвичъ, каменнаго дѣла мастеръ, Іосифъ Дмитріевъ обязался выставить ему двѣ каменные церкви—одну въ монастырѣ братскомъ, а другую въ пустынскомъ св. Николая и получилъ по условію всѣ деньги 5000 рублей, борошно и солонину, а дѣло церкви еще не окончено и много не приведено до своего совершенства, и потому просилъ выслать сего мастера въ Кіевъ, такъ какъ по слухамъ онъ хочетъ ѣхать на работу въ Смоленскъ». Изъ этого письма видно, что каменная богоявленская церковь кіево-братскаго монастыря строителемъ своимъ имѣла несомнѣнно Ивана Мазепу и что она окончена около 1693 года. Единственное свидѣтельство изъ прошлаго столѣтія о построеніи Мазепою нижняго этажа стараго академическаго корпуса находится въ старой описи кіево-михайловскаго монастыря, гдѣ сказано, что «митрополитъ кіевскій Гафайль Заборовскій истощилъ имѣніе свое на созиданіе кіевскихъ училищъ, аже на *древнелъ Мазепы гетмана основаніи* красно архитектуромъ ввоземцемъ совершилъ». Изъ словенія-же стараго академическаго корпуса въ высѣшемъ его состояніи съ первоначальнымъ его видомъ, сохранившимся въ бібліотекѣ кіево-софійскаго собора, на гравюрѣ 1700—1703 г., изданной при ректорѣ Клячннскомъ, можно усмотрѣть, что Мазепою устроены для академіи не одностаяный, а двухъ-этажный корпусъ, и что митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ преобразована только средняя часть верхняго этажа, въ которой устроены залъ, съ хорами на двухъ сторонахъ, и пристроена конгрегоціонная церковь съ куполомъ, а двѣ комнаты между церковью и заломъ и двѣ комнаты съ западной стороны, въ коихъ въ одной въ 1837 году помѣщена лѣстница, служившій до 1869 года классными аудиторіями, остались въ первобытномъ своемъ состояніи, кромѣ задѣлки окошекъ въ южной стѣнѣ, сдѣланой въ 1868 году, при ректорѣ архимандритѣ Филаретѣ.

2. О преобразованіи бывшаго въ Кіевѣ на Подолѣ доминиканскаго костела св. Николая въ православную церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла.

Изъ «Описанія кіево-софійскаго собора» митрополита Евгенія и изъ «Историческаго извѣстія о мѣстности, занимаемой нынѣ кіевскою духовною семинаріей» Е. М. Крыжановскаго извѣстно, что зданіе нынѣшней петро-павловской церкви кіевской духовной семинаріи, бывший доминиканскій костель св. Николая, отдано въ 1691 году, со всѣми принадлежавшими къ нему угодіями, митрополиту кіевскому Варлааму Ясинскому, по его просьбѣ; съ пособіемъ отъ казны запустѣлое костельное зданіе преобразовано въ церковь св. апостоловъ Петра и Павла, съ придѣломъ во имя Алексія, чело-вѣка Божія, но въ окончательномъ совершенномъ видѣ оно приведено только въ положеніи XVIII вѣка, когда въ 1744 году императрица Елисавета Петровна пожаловала 2,500 рублей для устройства въ этой церкви новаго придѣла во имя св. Захарія и Елизаветы и для построенія двухэтажной каменной колокольни. Свѣдѣнія эти можно еще пополнить сохранившимися въ моск. архивѣ министерства иностран. дѣлъ (Книга дѣлъ, до кіев. митрополіи относящихся 1681—1690 г.) письмомъ митрополита Варлаама Ясинскаго къ царю Петру Алексѣевичу по сему предмету. Въ этомъ письмѣ митрополитъ проситъ царя отдать «сему находящійся въ нижнемъ Кіевѣ, посре-дѣ града, доминиканскій костель каменный, запустѣлый и по многу разоренный, который у ляховъ былъ заложень во имя св. Николая». «А понеже, пишетъ онъ, въ Кіевѣ есть много церквей св. Николая, а нѣтъ церкви ангела монаршаго, первоверховаго апостола Петра, тоже нѣтъ церкви Алексѣя, Божія чело-вѣка, ангела благо-вѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Петровича, того ради быо чело-вѣкъ, да по изволенью монаршему будетъ съ того костела церковь Петра и Павла съ придѣломъ Алексѣя чело-вѣка Божія». Къ сему митрополитъ Варлаамъ добавлялъ, что «ниже безчестно и ниже неправедно есть, дабы съ того костела построена церковь, понеже тотъ костель созданъ весь изъ церковнаго каменія и кирпича отъ ляховъ, разбирающихъ въ Вышгородѣ церковь каменную св. Бориса и Гліба». Въ 1695 г. июля 3 дня, указомъ на имя гетмана Ма-

зены, велѣно въ прежней дачѣ 500 рублей прибавить изъ казны 200 рублей «на совершеніе церкви каменной св. верховныхъ апостоловъ Петра и Павла и придѣла Алексѣя челоуѣка Божіа и на иконостасъ въ ту же церковь». Такимъ образомъ превращеніе зданія доминиканскаго костела въ православную церковь не было присвоеніемъ чужой собственности, а дѣломъ справедливости, возвращеніемъ зданія тѣмъ, кому принадлежалъ древній его матеріалъ. Нынѣшній придѣлъ св. Захаріи и Елисаветы не существуетъ уже въ семинарской петро-павловской церкви: въ 1860 году онъ пересвященъ во имя св. Алексѣя челоуѣка Божіа, а придѣлъ алексѣевскій, составлявшій отдѣльную, малую и теплую церковь въ сѣверовосточномъ углу, утраченъ по устройствѣ мечей въ большой петро-павловской церкви.

3. Возобновленіе кіево-софійскаго собора въ концѣ XVII в. и судьба кіевскихъ церквей св. Василия и Екатерины.

Приведеніе кіево-софійскаго собора въ настоящій внѣшній видъ, съ постройкою 2-го этажа на низкихъ папертияхъ съ сѣверной и южной стороны и 6-ти новыхъ куполовъ въ дополненіе къ 5-ти древнимъ, долгое время приписывалось митрополиту Петру Могилѣ. Не давно открытый видъ софійскаго собора въ гравюрѣ 1657 года ваглядно убѣдилъ, что переформировка паружной его части совершилась уже послѣ митрополита Петра Могилы, умершаго въ 1647 г. Въ свое время, именно на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, въ нашемъ рефератѣ о кіево-софійскомъ соборѣ разъяснено и доказано, что преобразование это состоялось въ концѣ XVII вѣка, на средства царей Іоанна и Петра и при участіи гетмана И. Мазепы. Еще болѣе увѣняется это дѣло документами, находящимися въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ нихъ видно, что митрополитъ Гедевъ, князь Четвертинскій первый началъ хлопотать о приведеніи своего кафедральнаго храма въ лучший видъ послѣ его запустѣнія въ безытность въ Кіевѣ митрополитовъ съ 1651 по 1685 гадъ. Воспользовавшись значительными царскими милостыями лично для себя при поставленіи своемъ въ санъ митрополита, совершившемся въ Москвѣ, онъ не мало получилъ ихъ и для кіево-софійскаго собора по при-

битія изъ Москвы въ Кіевъ. Такъ въ 1686 г., по его просьбѣ, чрезъ намѣстника софійскаго Страхавскаго, царями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами пожалованы: 1) священныя сосуды къ жертвеннику—позиръ, дискосъ, два блюда, звѣзла и джиза серебряныя, рѣзные, визолоченныя, вѣсомъ 4 фунта, съ изображеніями святицъ; въ нихъ даны воздухъ и покровы бархатныя алма съ четвероконовными крестами, навязанными на нихъ жемчугомъ, обитыя по краямъ золотистымъ кружевомъ и подбитыя атласомъ; 2) бархатный покровъ на гробъ великаго князя Ярослава Владиміровича, длиною 3 аршина и шириной 1¹/₄ аршина, съ нашитымъ по срединѣ крестомъ изъ серебрянаго кружева; 3) два серебряныя визолоченныя дикирій и грибирій, вѣсомъ 2 фунта 5 золотниковъ; 4) мѣдное паякадыло вѣсомъ 23 пуда и 5) одежда черчататаго атласу, съ крестомъ изъ серебрянаго кружева, на престолъ великаго алтара. Въ 1688 году по царскому указу отправленъ былъ изъ Москвы въ Кіевъ колокольного дѣла царскій мастеръ Федоръ Леонтьевъ для перелитія разбитаго софійскаго колокола съ добавленіемъ къ нему 55 пудовъ мѣди къ 172 пудамъ, оказавшимся въ разбитомъ колоколѣ. Когда отлитый колоколъ оказался тонкимъ и вновь разбился, то посланный вновь изъ Москвы мастеръ вылилъ колоколъ уже въ 406 пудовъ съ употребленіемъ на это добавочной казеной мѣды изъ разорванныхъ пушекъ и шпалей. Въ то же время митрополитъ Гедесонъ просилъ у царей пособія на возобновленіе самаго храма св. Софіи и разрѣшенія разобрать и употребить на постройку его «двѣ церкви каменные, гораздо худыя, что стоятъ пусты въ городѣ, св. Еватерини и св. Василія», а по царскому указу отъ 12 октября 1688 года повелѣно было «боярину Бутурлину съ товарищи осмотрѣть церкви св. Софіи, измѣрить длину и ширину, и поперекъ и въ вышину, и двери и окна и въ немъ всякое строенье и худые и опалые мѣста въ немъ описать вменпо и учинить той церкви и всему строенью и худымъ мѣстамъ чертежъ и на чертежѣ подписать, да той прислать къ намъ великимъ государямъ въ приказъ Малыхъ Россій безъ мотанья» (М. арх. м. ип. т. Дѣла кiev. митр., л. 40, 56, 84, 179 и 214).

Спустя три года послѣ сего плуменья кievо-михайловскаго дѣвичьяго монастыря просила (ibid., л. 215—219) объ отдамѣ подъ свой монастырь каменной трехсвятительской церкви. По этому поводу по-

вымъ царскимъ указомъ подтверждено было о доставленіи описи и чертежей св. Софіи; но были-ли онѣ доставлены тогда, остается неизвѣстнымъ. Преемникъ м. Гедсона, митрополитъ Варлаамъ Яснинскій въ 1691 г. испрашивая себѣ *помурную* дань, шедшую прежде на бискупскій костель св. Николая, называетъ себя еще «долженствующимъ строити свято-софійскую церковь». Но въ 1699 г. грамотою государевою попеченіе о строеніи церкви св. Софіи поручено кievской ратушѣ. Бывшій въ 1701 г. въ Кіевѣ, проѣздомъ въ Іерусалимъ, московскій священникъ Лукьяновъ не упоминаетъ о какихъ либо работахъ въ софійскомъ соборѣ, а говоритъ, что «церковь св. Софіи зѣло хороша и образовата, да въ ней строенья ничего нѣтъ, пусто, иконъ нѣтъ, а старое въ ней письмо митрополитъ извѣстью замазаль». Въ 1706 году митрополитъ Варлаамъ Яснинскій въ грамотѣ своей, данной выдубицкому монастырю, свидѣтельствовалъ уже, что «благодатію Божією, по милости его царскаго величества и прирѣніемъ патронскимъ рейментарскимъ ясновельможного, его милости, пана гетмана и кавалера обитель свято-софійская есть значю обновлена въ своемъ украшеніи еяи часы, такъ церковномъ, яко и господарскомъ». Итакъ можно полагать, что наружное обновленіе софійскаго нашего храма началось въ 1690 году и окончено въ 1701 году, а внутреннее его украшеніе продолжалось за тѣмъ до 1706 года ¹⁾.

Что касается церквей трезвятительской и екатерининской, разобрать которыя, съ употребленіемъ ихъ матеріала на подѣлки въ софійскомъ соборѣ, просилъ разрѣшенія митрополитъ Гедсонъ, то ихъ миновала эта участь, такъ какъ митрополитъ Варлаамъ Яснинскій, вскорѣ по вступленіи своемъ на кievскую кафедру, хлопоталъ уже не о разобраніи, а о возстановленіи этихъ церквей. Въ 3-мъ пунктѣ своей просьбы онъ просилъ у царей дать ему «къ досмот-

¹⁾ Производителемъ работъ по преобразованію софійскаго собора въ наступившій его наружный видъ былъ вѣроятно тотъ-же московскій каменнаго дѣла мастеръ, который строилъ на счетъ Мазелы церкви п. братскаго и шевельскомъ монастырѣ, что подтверждается и самымъ характеромъ ихъ архитектуры. Онъ то заложилъ арки въ вѣнцахъ папертяхъ собора, наставлялъ веревки стѣжъ на сѣверной и южной папертяхъ, поставилъ штыи на западной и восточной стѣнахъ, соорудилъ контрфорсы и возвелъ 6 новыхъ куполовъ, по 3 на сѣверной и южной стѣнахъ.

рѣшіе и въ строеніе въ верхнемъ Кіевѣ церковь каменную за-
пустѣлую и по много разоренную, идѣже св. Владмиръ три на-
чальныхъ идола сокруши, созданную во имя ангела его св. Ва-
силья и равноапостольныхъ Григоріа Богослова и Іоанна Злато-
устаго, заступниковъ всѣмъ россиямъ; и чтобы таможе въ верхнемъ
градѣ Кіевѣ развалинную церковь каменную св. великомученицы
Екатерины благоволила пѣчаіемъ и надвиженіемъ царскими *во-
сстановили и обновили* въ тезоименитство той святой царицы, дѣ-
вицы Екатерины, благоверной царицы и великой князяв Екате-
рины Алексѣевны». При этомъ прописано, что «церковь трехъ свя-
тителей стоитъ пуста, обнищала и утѣшена житными анбарами:
анбары эти съ западной стороны церкви, да анбаръ въ 11 сажень
отъ алтаря 3 сажени съ аршиномъ; съ лѣвой стороны анбаръ подлѣ
самоѣ церкви, а отъ полуденныхъ дверей до анбара 17 сажень» (*ibid.*
л. 4). Въ прошеніи игуменіи кіево-михайловскаго монастыря Агаѳин—
1688 г. значится, что «трехсвятительская церковь стоитъ безъ
главъ, которыя порушились». Просьба митрополита Варлаама
относительно трехсвятительской церкви⁴⁾ была удовлетворена и цер-
ковь ему отдана съ очищеніемъ ея отъ житныхъ анбаровъ по гра-
мотѣ отъ 28 сентября 1691 года, а Варлаамъ, возобновивши ее,
устроилъ при ней мужской монастырь, который въ 1787 году
упраздненъ съ обращеніемъ церкви въ приходскую, каковою она
считается и нынѣ. Что касается церкви св. великомученицы Екате-
рины, то дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна, но по всей вѣроят-
ности остатки ея стѣнъ и фундаментовъ скрывались подъ валомъ
до 1832 года, а въ этомъ году они открыты Лохвицкимъ и стали
извѣстны подъ именемъ остатковъ церкви св. *Ирины*. Впрочемъ
слѣды древней каменной церкви можно было примѣтить въ недав-
нее время еще ближе къ софійскому собору, при самоѣ выходѣ

4) На мѣстѣ этой церкви, гдѣ стоялъ Перувъ, при св. Владмирѣ была
грублена деревянная церковь во имя св. Василья: въ 1184 г. эта церковь заѣмъ-
лена каменною въ тоже имя, сооруженною Святославомъ II Всеволодовичемъ.
По челобитью игумена кіево-богоявленскаго монастыря, церковь всеволодская въ
1638 г. приписана къ есау монастырю съ дворами, кучными людьми и землями,
показавшими ей слѣдъ отъ великаго каменнаго скела вышней Братской Бершаговки.
Въ 1651 году она обгорѣла и въ 1682 г. обращена въ дворъ возводи съ 9-ю
житными анбарами.

нѣзъ кожныхъ воротъ его ограды, что подъ башней; теперь они накрыты мостовою. Могла быть и здѣсь обтѣлывающаяся церковь св. Еватеріи. Лассота въ 1594 г. видѣлъ церковь св. Еватеріи въ развалинахъ, близъ св. Софіи; а діаконъ Павелъ, сопутствовавшій антиохійскому патриарху Іоанну, въ 1655 г. видѣлъ вокругъ софійскаго собора развалины многихъ церквей. Вероятно это были еще развалины церквей Богородицы Пирогощей, Симеона въ Кошаревѣ кондѣ, Андреевской или Ячмина монастыря, Вотчей-Федоровской, св. Іоанна, св. Спаса и св. Никиты.

4 О дѣвичьемъ монастырѣ при кіево-михайловскомъ мужскомъ монастырѣ.

Что женскій или дѣвичій монастырь былъ въ XVII вѣкѣ при кіево-михайловскомъ монастырѣ и что въ 1712 году онъ по указу Петра I-го перемѣщенъ на Подоль—въ іорданскій богословскій монастырь, это не подлежитъ сомнѣнію. Описатели Кіева въ сему добавляют, что онъ находится по лѣвую сторону соборной михайловской церкви, гдѣ теперь братскій корпусъ, и назывался Богословскимъ, имѣя особую деревянную церковь, вмѣсто которой, во упраздненіи женскаго здѣсь монастыря, построена каменная церковь во имя св. Іоанна Богослова по правую сторону михайловской соборной. О женскомъ или царицкомъ монастырѣ при михайловскомъ монастырѣ, въ которомъ жили дочь и племянница митрополита Іова Борецкаго, упоминается въ его завѣщаніи 1631 года, но монастырь этотъ здѣсь называется женскимъ михайловскимъ, а не *Богословскимъ*. Изъ хранящейся-же въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ прѣсбы игуменіи Агаѳіи становится вѣдѣстнымъ, что до 1688 г. въ злато-верхо-михайловскомъ монастырѣ не было даже особой церкви для монахинь, а ходили онѣ для слушанія богослуженія въ общую михайловскую церковь, что конечно было не удобно во многихъ отношеніяхъ. Прѣсму игуменіи кіево-михайловскаго дѣвичьяго монастыря Агаѳіи, прибывши въ Москву

*) Въ завѣщаніи митрополита Гедона Четвертинскаго 1689 г. михайловскому дѣвичьему монастырю, въ числѣ прочихъ дѣлъ, назначено 100 золотыхъ.

съ 3 старицами и 20-ю служками, просила царей о переселеніи своего монастыря на иное мѣсто. Прописывая, что онѣ терпятъ большое угнѣтеніе отъ игумена Сильвестра и братіи 15 человекъ, ходя въ михайловскую церковь и работая въ огородахъ и на поляхъ монастырскихъ, монахини просили дать имъ отсутствующую церковь трехъ-святителей (Малор. дѣла 1683 г. № 584). Въ отвѣтъ на эту просьбу было затребовано отъ кievскаго воеводи свидѣніе о состояніи этой церкви, но была-ли окончателна просьба удовлетворена, изъ дѣла не видно. Между тѣмъ изъ уцѣлѣвшихъ въ архивѣ кiev. консисторіи нѣкоторыхъ бумагъ видно, что спустя еще около 20-ти лѣтъ шло дѣло лишь о перенесеніи михайловскаго дѣвичьяго монастыря на иное мѣсто. Въ 1706 году Петръ I-й, будучи въ Кіевѣ по пути въ Польшу, и въ день Рождества Христова слѣдуя изъ Печерска въ Старый Городъ, усмотрѣлъ значительное количество дѣснаго матеріала, приготовленнаго на горѣ, между Печерскою и городомъ, для устройства михайловскаго дѣвичьяго монастыря, имѣвшаго переселиться на ту гору. На какой именно горѣ предположено было устроить этотъ монастырь, изъ бумагъ не видно, но по всей вѣроятности это была мѣстность ивѣшняго института благородныхъ дѣвицъ, ибо другой горы между Печерскою и Старымъ Городомъ нѣтъ, а въ государевомъ саду монахинямъ безъ увазу конечно невозможно было селиться. Государь, пріѣхавши къ генералу Андрею Гультцу, б. губернатору, призвалъ вечеромъ къ себѣ переяславскаго епископа (вѣроятно Захарію Корниловича, викарія кievскаго митрополита), софійскаго намѣстника Іоаннiя Сенютовича и другихъ лицъ, въ томъ числѣ и блорусскаго епископа Сильвестра, при всѣхъ великороссійскихъ полковникахъ приказалъ не строить тамъ монастыря, а монахинь размѣстить по прочимъ монастырямъ, повелѣвъ тогда-же не постригать молодыхъ женщинъ въ монахини. Когда послѣ полтавской битвы государь пріѣхалъ во второй разъ въ Кіевъ, Іоаннiй Сенютовичъ, въ то время уже игуменъ михайловскаго золотоверхаго монастыря, съ вѣдома и благословенія митрополита, подалъ государю по дѣлу о жепескомъ монастырѣ челобитную, на обѣдѣ въ архіерейскомъ домѣ; государь, принявъ челобитную, удивился, что доселѣ не приведенъ въ исполненіе его указъ объ упраздненіи михайловскаго дѣвичьяго монастыря и приказалъ князю Дмитрію (Голицыну), согласясь съ пре-

освященнымъ, исполнить Высочайшее о семъ повелѣніе. За тѣмъ предъ праздникомъ Рождества Христова полученъ изъ Курска отъ того-же князя приказъ кіевскому коменданту, чтобы онъ немедленно, до праздника, всѣхъ черницъ михайловскихъ вывелъ въ іорданскій монастырь. Приказъ былъ исполненъ, монахини переведены, при чемъ имъ даны келіи въ замѣлъ ихъ прежнихъ келій съ тѣмъ, чтобы жили онѣ здѣсь подъ вѣдѣніемъ одной начальницы. Переселяясь, монахини вывели съ собою всю церковную утварь и взяли сундучекъ съ немалою суммою монастырской казны, а монастырь, по словамъ игумена, оставили впускъ въ разореніе, не заявивши даже архипастырю о своемъ переселеніи. Черезъ нѣсколько дней, игумень Іоанникій, освѣдомясь какъ о семъ, такъ и о расхищеніи разными лицами оставшагося въ монастырѣ строенія, просилъ коменданта приставить къ монастырскимъ зданіямъ караулъ; за тѣмъ въ теченіи всего дальнѣйшаго времени зимы «черницы безпрепятственно вывозили изъ своихъ келій все свое, разбирая даже бывшія свои келіи, а иныя продавали то солдатамъ, то въ михайловскій мужской монастырь, а отъ келій, отказанныхъ монастырю по умершихъ монахиняхъ отрывали окна, двери и замки». По наступленіи весны игумень Іоанникій, съ дозволенія князя, присоединилъ мѣстность дѣвичьяго монастыря къ своему мужскому михайловскому монастырю, снявши ограду, раздѣлявшую оба эти монастыри. Оказалась теперь и церковь въ дѣвичьемъ монастырѣ, которая съ благословенія митрополита взята въ пользу печерскаго коменданта Николая Криня; за это обѣщано доставить въ монастырь полтретя-ста осмакъ вапны, но обѣщаніе не исполнено подъ предлогомъ, что это была церковь не монашеская, а государева¹⁾. «Звоничка, бывшая на брамѣ, разобрана и звонцы перевезены на михайловскую монастырскую звоницу. Гетманскіе деньги отецъ епископъ (Захарія Корниловичъ) упросилъ отдать въ михайловскій мужской монастырь на томъ основаніи, что бывший гетманъ (Мазепа) имѣлъ дать для этого монастыря на *deus usus* (иконостасъ) тысячъ десять». Такъ объяснялъ игумень михайловскаго монастыря Іоанникій Сенютовичъ въ 1714 году въ отвѣтъ своемъ на

¹⁾ Вѣроятно это была домовая церковь, устроенная при келіяхъ игуменіи изъ какой-либо военно-походной церкви.

челобитъе, поданное митрополиту Іоасафу Кроковскому монахи-
нями бывшаго михайловскаго монастыря. Послѣднія, каеъ видно
изъ ихъ челобитья, переселились въ іорданскій монастырь въ числѣ
20-ти стариць, а ихъ начальницы (намѣстница Θεодосія и госпожа
Анастасія) ¹⁾, забравши книги, серебро и всю церковную утварь,
перешли на жительство въ кіево-флоровскій монастырь и кромѣ того
взяли съ собою 200 золотыхъ, оставшихся отъ надѣлу. Коренныя
монахини іорданскаго монастыря попрекали переселенныхъ тѣмъ,
что они заняли у нихъ 15 келій и не принесли съ собою ничего
изъ имущества бывшаго михайловскаго монастыря; почему эти по-
слѣднія просили или отдать утварь бывшей ихъ обители іорданскому
монастырю или всѣхъ ихъ перемѣстить въ кіево-флоровскій мона-
стырь, а кромѣ того, чтобы михайловскій намѣстникъ уплатилъ имъ
500 золотыхъ за келіи умершихъ инокинь. Просительницамъ дано
300 золотыхъ, 9 червонцевъ, богослужебныя книги и священно-
служительскія обличенія; но они вновь просили объ отдачѣ имъ
и 5-ти бывшихъ въ ихъ монастырѣ колоколовъ, заявляя, что всѣ
эти колокола, кромѣ одного государскаго, пріобрѣтены ихъ собствен-
нымъ стараніемъ. Результатъ послѣдней просьбы неизвѣстенъ; но
самая просьба о колоколахъ, въ числѣ которыхъ упоминается одинъ
государскій, и то, что богослужебныя книги были московскаго изда-
нія, показываетъ, что у монахинь михайловскихъ была послѣ 1688 г.
своя особая церковь, устроенная игуменьей Агаѳіею съ помощію
жертвъ изъ Москвы отъ царскихъ щедротъ. Церковь была устроена
въ честь царевны Софіи и посвящена имени св. мучениць Софіи,
Вѣры, Надежды и Любви.

Іорданскій богословскій монастырь, въ который переселены
монахини михайловскаго дѣвичьяго монастыря, нѣкоторые смѣшива-
ютъ съ іорданскимъ николаевскимъ женскимъ монастыремъ, при-
знавая два эти монастыря за одинъ то богословскій, то николаев-
скій. Но въ Плоской части Кіево-Подола, подъ горою, не доѣзжая

¹⁾ По реестру значится, что въ флоровскомъ монастырѣ поселились съ на-
мѣстницей Θεодосіей 2 послушницы, а за монастыремъ 5-ть. Въ флоровскій мо-
настырь изъ утвари поступило, кромѣ богослужебныхъ книгъ, 3 серебряные
кресты, серебряное кадало, 3 Евангелія, 3 серебряныя чаши съ принадлежностями,
16 ризъ священническихъ, 13 стижарей, хоругви, подрясники, воздухи и проч.

кирилловскаго монастыря, въ прошломъ столѣтіи существовали не одинъ, а два монастыря женскіе—николаевскій и богословскій. Николаевскій дѣлается извѣстнымъ гораздо раньше богословскаго. Первое упоминаніе о церкви св. Николая іорданскаго встрѣчается въ грамотѣ Сигизмунда III, по которой въ 1605 г. церковь св. Николая іорданскаго съ угодіями привисана къ кирилловскому монастырю по просьбѣ игумена Василія Красовскаго; затѣмъ о ней-же говорится въ выписи изъ трибунальскихъ книгъ кіевскаго воеводства 1618 г. и въ выписи изъ земскихъ книгъ кіевскаго воеводства 1626 г., по случаю разграниченія земель печерскаго монастыря и притиско-николаевской церкви отъ угодій кирилловскаго монастыря, гдѣ сказано, что добро и земли св. Николая іорданскаго во время запустѣнія захвачены беззаконно. Іорданскому женскому монастырю, въ числѣ прочихъ четырехъ кіевскихъ монастырей, митрополитъ Гедeonъ, князь Четвертинскій въ 1689 г. завѣщалъ 100 золотыхъ. Въ іорданскомъ николаевскомъ женскомъ монастырѣ жили сестры святителя Дмитрія ростовскаго, бывшаго прежде игуменомъ кіево-кирилловскаго монастыря: *Нанфілія*, *Феаромія* и *Нараскеса*, преемствуи одна другой въ санѣ игуменіи; послѣдняя изъ нихъ скончалась здѣсь въ 1710 году. Въ первой четверти XVIII вѣка дѣлается извѣстнымъ, кромѣ іорданскаго николаевскаго, и богословскій, также женскій монастырь¹⁾. Онъ значится и въ вѣдомости о монастыряхъ кіевской епархіи за 1756 годъ.

По всей вѣроятности онъ основанъ монахинями кіево-михайловскаго женскаго монастыря, когда онѣ, по его упраздненіи, испросили себѣ возвращеніе церковной утвари и капитала; а въ такомъ случаѣ начало его нужно полагать около 1710 года. По свидѣтельству Новгородцева бывшая въ немъ деревянная церковь во имя св. Іоанна Богослова устроена каменнымъ копитомъ. Монастыря іорданскій и богословскій показаны на планѣ Кіева 1745 г. съ 2-мя церквами въ каждомъ изъ нихъ: іорданскій въ сторону Подола, а богословскій въ сторону кирилловскаго монастыря, рядомъ одинъ подлѣ другаго; но предвѣію ихъ раздѣлялъ только

¹⁾ Въ первый разъ упоминаютъ онъ въ циркулярѣ архієпископа кіевскаго Варлаама Ванатовича въ 1724 году, которымъ настоятелямъ монастырей и претоломъ кіевской епархіи извѣщались о совершившемся коронованіи императрицы Екатерины I-й.

ручей, текущій изъ горы. Іорданскій богословскій монастырь по указу св. синода отъ 10 декабря 1789 года переведенъ въ золотопольскій монастырь ильшней полтавской епархіи, а иконостасъ церкви этого монастыря поступилъ въ кіево-софійскій соборъ въ особый на его хорахъ богословскій придѣлъ. Николаевскій женскій монастырь просуществовалъ до 1808 года и въ этомъ году упраздненъ. Въ немъ была деревянная церковь во имя св. Николая о 3-хъ куполахъ, на камennomъ фундаментѣ, достаточно украшенная внутри и снаружи. Она обращена въ приходскую, но въ 1821 г. сгорѣла отъ соседняго кирпичнаго завода, а вмѣсто ея сдѣлана приходскою Дмитріевская церковь, служившая трапезною монастырскою, существующая и нынѣ въ ветхомъ видѣ. На мѣстности николаевского монастыря уцѣлѣли доселѣ фундаменты древней кирпичной кладки, сходной съ кладкой XI и XII вѣка; они болѣею частью завалены глиной обвалившейся горы. Вѣроятно, это остатки церкви св. Николая, существовавшей до XVII вѣка. Можеть-быть, при ней-то существовалъ и тотъ женскій монастырь св. Николая, въ которомъ постриглась мать преподобнаго Омодосія печерскаго. Наименованіе іорданскаго усвоено бывшему здѣсь женскому монастырю по всей вѣроятности отъ того, что, во свидѣтельствоу мерскаго владѣно на 97 году протоіерея о. Іоакима Пигатовича, въ день Богоявленія изъ этого монастыря совершался, при участіи мѣщанствующихъ кирпичоваго монастыря, крестный ходъ, для освященія воды, на лежавшее противъ сего монастыря на Оболонѣ озеро, которое и теперь называется также іорданскимъ.

5. О церкви св. Симеона въ Копыревѣ концѣ.

Въ XII вѣкѣ существовала въ Кіевѣ церковь св. Симеона въ *Копыревѣ концѣ*, при которой былъ и мужескій монастырь. Созданіе этого монастыря и его церкви въ лѣтописи приписывается *Олегу Святоволоичу* и *Святославу Ярославичу* — черниговскимъ князьямъ. Стараясь указать его мѣстность, одни изъ описателей кіевскихъ древностей ставятъ прямо вопросъ о мѣстѣ церкви св. Симеона и разрѣшаютъ его на основаніи историческимъ свидѣтельствомъ объ этой церкви; другіе рѣшаютъ прежде вопросъ о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева и уже мѣстностью Копырева конца

опредѣляютъ мѣсто церкви св. Симеона, бывшей въ Копыревѣ концѣ. Къ послѣднимъ принадлежатъ покойный Закревскій, издавшій описаніе Кіева въ 2-хъ большихъ томахъ, и П. А. Лашкаревъ, помѣстившій въ Трудахъ вѣд. дух. академіи за 1879 годъ статью: *Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева*. Закревскій, полагая, что Копыревъ конецъ былъ тамъ, гдѣ Глубочица соединяется съ Кожемяками, ставилъ Подольскія ворота на житнемъ базарѣ, въ промежуткѣ между горами Киселевской и Скавской, а церковь св. Симеона на мѣстѣ нынѣшней кресто-воздвиженской, что на Кожемякахъ церкви, хотя чрезъ нѣсколько странствъ сказала, что монастырь св. Симеона могъ быть ниже андреевской церкви, гдѣ Берлинскій въ началѣ нынѣшняго вѣка видѣлъ остатки древняго цецня. Такимъ образомъ у него вышло два Копыревыхъ конца—одинъ на Кожемякахъ, а другой на андреевской горѣ. П. А. Лашкаревъ утверждаетъ, что Копыревъ конецъ былъ не на Подолѣ, а на Кудрявской горѣ, которая составляетъ сѣверо-западную часть старокіевской возвышенности, и отсюда заключаетъ, будто здѣсь, на этой-же горѣ, не вдалекѣ отъ жидовскихъ и евльвовскихъ воротъ, находилась церковь св. Симеона.

Не смотря на разность выводовъ, основанія у Закревскаго и Лашкарева одни и тѣже. Сказанія ипатьской лѣтописи о томъ, что Всеволодъ Ольговичъ, прибывши изъ Вышгорода къ Кіеву въ 1140 г., сталъ зажигать дворы въ Копыревѣ концѣ; что при нашествіи Юрія Долгорукаго на Кіевъ въ 1151 году, участвовавшіе въ защитѣ Кіева берендѣи стояли съ своими вожами и стадами «межи дѣбрыми отъ Олеговой могилы въ огородъ св. Іоанна», котораго церковь была изъ Копыревѣ концѣ; что въ 1162 году ранешаго въ борбѣ у Кіева Пыляслава Давидовича отвезли къ монастырю св. Симеона, какъ есть въ Копыревѣ концѣ; что тѣло убитаго кіевлянами въ 1147 году Игоря Ольговича отвезено изъ церкви св. Михаила на конецъ града, въ монастырь св. Симеона, и наконецъ что подольскія ворота, которыми Романъ Галицкій въ 1202 году въѣхалъ въ Кіевъ, были въ Копыреви концѣ. Но Всеволодъ Ольговичъ, слѣдуя изъ Вышгорода, могъ подойти къ Кіеву и чрезъ Подоль у горы Выхальницы и Бренчалкомъ у бывшихъ лядскихъ воротъ, какъ подопель Батый, и всего меньше «дѣбрыми у Кудрявской горы», куда почти не было путей и гдѣ ихъ не укази-

ваетъ лѣтопись. Церковь св. Іоанна была въ Копыревѣ концѣ, но огородъ св. Іоанна могъ быть и въ другомъ мѣстѣ, какъ и теперь огороды церквей и монастырей не всегда бывають при самихъ церквахъ и монастыряхъ: огородъ не погостъ церковный, который всегда въ одной мѣстности съ церковью. Игоря Ольговича отвезли въ монастырь св. Симеона—въ Копыревъ конецъ потому, что это былъ монастырь *отній* черниговскихъ князей, къ роду коихъ принадлежалъ Игорь Ольговичъ; по той-же самой причинѣ отвезли туда и раненнаго на р. Лыбеди Изяслава Давидовича, происходившаго изъ того-же рода, а не потому, будто этотъ монастырь былъ ближе прочихъ къ р. Лыбеди. Наконецъ, чтобы правильно понимать смыслъ словъ лѣтописи о вступленіи Романа Галицкаго въ Кіевъ подольскими воротами, бывшими въ Копыревѣ концѣ, не нужно забывать, что въ древности городомъ назывался не весь нынѣшній Кіевъ, а только Старый Кіевъ, который находился на срединной, старокіевской возвышенности и былъ укрѣпленъ валами, что въ валахъ этихъ было нѣсколько воротъ и что подольскими воротами назывались не тѣ ворота, которыя будто вели въ Подолье изъ Глубочицы, Оболонья или Крепятина, а тѣ, которыми съѣзжали въ Подолье изъ Стараго города или выѣзжали изъ Подола на Старый Городъ. Потому разрѣшеніе вопроса о томъ, въ какой части Стараго Кіева Романъ Галицій въѣхалъ въ Кіевъ въ 1202 г., зависитъ въ свою очередь отъ разрѣшенія того, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева, а это-то пока остается неизвѣстнымъ. И такъ всѣ приведенныя у Закревскаго и повторенныя г. Лашкаревымъ свидетельства лѣтописи не рѣшаютъ вопроса о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ Кіева. Изъ нихъ нѣсколько не слѣдуетъ, чтобы Копыревымъ концемъ называлась сѣверо-западная часть старокіевской возвышенности, извѣстная теперь подъ именемъ Кудрявской горы; изъ нихъ видно только, что Копыревъ конецъ былъ на одной изъ оковечностей Стараго Кіева и что въ Копыревѣ концѣ были подольскія ворота къ церкви св. Симеона.

Гораздо яснѣе историческія указанія на то, гдѣ стояла церковь св. Симеона и гдѣ были подольскія ворота. Изъ нихъ важнѣе всего свидетельство Кальцефовскаго въ его «Тератургимѣ». Упомянувъ о древнихъ старокіевскихъ церквахъ св. Моханла златоверхого, св. Феодора, св. Василия и Десятинной, онъ говоритъ: *Cerkiew s.*

Symeona nad samym Kijowem (т. е. надъ Подоломъ, который въ XVII вѣкѣ носилъ названіе города, когда Старый Кіевъ былъ почти безлюденъ), а *drugie mogilami leżą podobnie na wieki przymaione. Z tych bram, mimo zamek na wysokiej górze erigowanu, spuscie sie do oplakanego Kijowa*, роніеваж старого teraznieyszy za ledwie inicjia godzien (т. е. церковь св. Симеона надъ самымъ Кіевомъ, а прозія церкви лежать могилами прикрития, вахпсь, на вѣки. Отсюду чрезъ ворота, мимо замка, устроеннаго на високой горѣ, спуститься въ Кіеву, достоиному плача, ибо настоящій едва-ли достоний имени прежняго). Соответственио сему указанію мѣстности церкви св. Симеона, она такъ означена и на приложенномъ къ Тератургимѣ чертахѣ Кіева—подѣ Десятинной церкви, правѣи отъ нея, т. е. на сѣверной окраинѣ нынѣшней адресской церкви. Съ наименьшею точностью здѣсь-же, а не въ другомъ законѣ либо мѣстѣ, указана церковь св. Симеона въ выписи изъ киевскихъ градскихъ книгъ 1633 года и въ житіи св. Владимира, помѣщенномъ въ «Искѣ» по списку, сдѣланному въ Круничъ-Полѣ 1675 года. Въ выписи сказано: «дня 17 июля его милость отецъ Могила церкви св. Софійи зъ слободаны, а также въ местечку церквей три—першую св. Николы, названную Десятинною, другую св. Симеона водле брими менжое, на горе лежащую, а третю св. Василия, названнаго нагорнаго, подѣ себе заторнулъ». Въ житіи Владимира говорится: «св. Андрей первоуказанный, пришедши на горы кіевскія, благословилъ ихъ и крестъ святой на нихъ, идѣже теперь церковь св. Симеона стоитъ, поставилъ». А самое мѣсто, гдѣ по преданію св. Андрей поставилъ крестъ, опредѣляется въ густынской лѣтописи 1670 года, въ которой сказано: «св. Андрей, првшедъ идѣже нынѣ горы кіевскія, ихъ же благословилъ и крестъ на нихъ водрузил, недалеко нынѣшней брими, отъ толудни». — Кажется, что и положеніе подольскихъ воротъ или брами, которыми проѣзжали изъ Старога Кіева на Подоль, достаточно опредѣлено въ вышеприведенныхъ свидѣльствахъ Кальшофійскаго, киевскихъ градскихъ книгъ и густынской лѣтописи: ворота эти стояли подѣ Десятинной церкви и того мѣста, гдѣ по преданію св. Андрей водрузилъ крестъ, а дорога отъ нихъ шла на Подоль мимо литовскаго замка, стоявшаго на нынѣшней флоревской горѣ. Но желавшихъ еще точнѣе и наглядно знати ихъ мѣсто отсылаемъ въ хранящемуся въ славномъ:

московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ плану Кіева, составленному въ 1693 году въ обширномъ размѣрѣ. На этомъ планѣ ворота кіевскія не только означены, но даже нарисованы съ юго-восточной стороны Десятинной церкви. Онѣ значатся тамъ-же и на планѣ Кіева 1744 года, падающемъ въ С.-Петербургѣ, въ главномъ инженерномъ управленіи. Оба эти плана составлены военными инженерами по всѣмъ правиламъ съемки и не даютъ никакого повода смѣшивать Выхляльницу съ Кудрявскою горой и Андреевскій спускъ на Подоль выдавать за Кудрявскій взвозъ, что можно было дѣлать, толкуя такъ и иначе чертежъ монаха Кальнофойскаго. Впрочемъ такія толкованія плана Кальнофойскаго можно было дѣлать только повѣривъ Закревскому, будто по рассказамъ старыхъ кіевлянъ, слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ, Андреевскаго спуска на Подоль не было до построения андреевской церкви въ 1744 году и будто до того времени ѣздили съ Старого Кіева на Подоль только по одному Кудрявскому взвозу. Мало-ли чего не написали Закревскій въ своемъ описаніи Кіева? Онъ и горы представлялъ, соединивши Киселевку и Выхляльницу въ одну гору, тогда какъ онѣ стояли отдѣльно одна отъ другой уже въ половинѣ XVI вѣка, во время составленія описи кіевского замка королевскими комиссарами.

Итакъ изъ историческихъ свидѣтельствъ и плановъ г. Кіева ясно до очевидности, что церковь св. Симеона стояла не надъ Кожмаками, а надъ Подоломъ, на югъ отъ Десятинной церкви, подлѣ такъ называемыхъ кіевскихъ воротъ, которыми слѣзжали на Подоль изъ Старого Кіева и выѣзжали въ оный изъ Подола. Здѣсь еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, ниже андреевской церкви, по свидѣтельству Берлинскаго, видны были остатки древняго кирпичнаго цоколя; здѣсь-же, при пониженіи горы Выхляльницы съемкой земли на $5\frac{1}{2}$ сажень въ 1616 году, открыта пещера въ 3 сажени длины и 1 сажень ширины съ надписью на стѣнѣ «Павель», какъ значится о сѣхъ въ современной записи въ рукописной книгѣ: *Кроника Кронора* и русскѣмъ переводѣ. Эта пещера подвижника не сомнѣнно свидѣтельствуетъ, что близъ нея существовалъ монастырь, который и дѣйствительно былъ при церкви св. Симеона въ Новоревѣ концѣ.

Съ разрѣшеніемъ вопроса о мѣстѣ церкви св. Симеона самъ собою разрѣшается и вопросъ о томъ, гдѣ былъ Копыревъ конецъ и что имъ называлось въ древности. Копыревъ конецъ, въ которомъ находилась церковь св. Симеона съ монастыремъ при ней, былъ не на сѣверо-западной, а на сѣверо-восточной сторонѣ Старога Города; имъ называлась не Кудрявская покатая гора, а высокая и крутая сѣверо-восточная оконечность старо-кіевской возвышенности, которая въ XVI еще вѣкъ носила названіе горы «Водыхальницъ». Это гора, выдающаяся въ видѣ мыса между Подоломъ и Гоцчарями какъ разъ противъ Киселевки; отъ послѣдней она отдѣляется такъ называемымъ теперь Андреевскимъ спускомъ. Заключивавшій ее бугоръ, какъ замѣтили въ 1555-мъ году королевскіе комиссары, высотой своей превосходитъ гору Киселевску, на которой стоялъ литовскій замокъ, а такая высота бугра вполне соответствовала названію «Копыревъ конецъ»: т. е. конецъ копырчащійся, подымающійся, надущійся. Въ этомъ смыслѣ и теперь понимается слово «копыряться» въ малороссійскомъ нарѣчій, напр. въ пословицѣ: «копырница, якъ шкурлатъ на огни», т. е. вздувается, какъ барашья кожа на огнѣ.

Если-же церковь св. Симеона находилась на горѣ Водыхальницѣ, а не на Кудрявской горѣ; то въ чье имя на этой послѣдней создава была церковь, древніе фундаменты которой открыты въ 1878 году искателями кладовъ? На Старомъ Кіевѣ, кромя церквей, которыхъ мѣста болѣе или менѣе извѣстны, были еще церкви св. Спаса, Никиты, св. Іоанна, Екатерины, св. Феодора и Воздвиженія честнаго Креста, коихъ мѣстности еще не опредѣлены. Последняя изъ нихъ, церковь Воздвиженія Креста Господня, построена, какъ извѣстно изъ лѣтописей, около 1215 года княземъ Мстиславомъ Мстиславичемъ, который и погребенъ въ ней въ 1228 году. Свидѣтельства о мѣстѣ, гдѣ она находилась, различны и не сходятся между собою. Церковь съ этимъ именемъ упоминается въ южно-русскомъ лѣтописцѣ, принадлежавшемъ М. А. Максимовичу; тамъ сказано, что она «стоитъ ось полудня, вшедши (съ Подола) на гору, подлѣ которой брама кіевская». Съ этимъ согласно свидѣтельство Синодуса, что св. Андрей водрузилъ крестъ на мѣстѣ, «идѣже нынѣ (1674 г.) церковь Воздвиженія Креста Господня». Въ грамотѣ Владислава IV, данной игумену кіево-братскаго монастыря

Океевичу въ 1638 году, церковь Воздвиженія честнаго Креста называется стоящею «на горной фундаціи». На основаніи этихъ свидѣтельств слѣдовало-бы признать, что Мстиславова воздвиженская церковь стояла бывъ Десятинной церкви, гдѣ назначалъ ей мѣсто и Берлинскій, выше колодца, бывшаго еще въ недавнее время предъ андреевскою церковью. Но изъ «протестаціи» 1616 г. (Кіев. Ев. Вѣд. 1873 г., стр. 357) видно, что церковь Воздвиженія честнаго Креста была въ софійской *слободѣ*, что когда она обвалилась, то священникъ перенесъ на гору и послѣ него жилъ также на горѣ, при церкви св. Василія, другой священникъ—Филиппъ, а въ 1616 г. уже не было и слѣда церкви Воздвиженія. Изъ сопоставленія этого свидѣтельства съ приведенными выше необходимо заключить, что 1) упоминаемая въ нихъ и существовавшая въ XVII вѣкѣ подлѣ Десятинной церкви церковь Воздвиженія была не первоначальная воздвиженская церковь, а какая-то вновь сооруженная и по всей вѣроятности деревянная, какъ можно видѣть изъ путешествія священника Лукьянова въ 1700 году; 2) что каменная, отъ времени обвалившаяся, воздвиженская церковь находилась не на горѣ, а вдали отъ церкви св. Василія (подлѣ трехсвятительской), именно въ софійской слободѣ, хотя на нѣсколько возвышенной мѣстности. Въ какой-же части Стараго Кіева могла быть эта мѣстность? Земельная угодія кресто-воздвиженской церкви, присоединенныя къ церкви св. Василія, въ 1638 году переданы братскому монастырю по грамотѣ Владислава IV, а въ этой грамотѣ приводятся выписи изъ гроденскихъ книгъ кіевского воеводства за 1593 г., изъ которой видно, что эти угодія находились съ западной стороны Кіева — отъ р. Бобръце въ Кіеву, простираясь «къ валу, гдѣ стояла *старая* церковь Воздвиженія честнаго Креста», и шли по обѣ стороны дороги, «по *Яцкову* между», т. е. граничили съ землями Яцкова доминиканскаго монастыря, основаннаго въ Кіевѣ Яцкомъ Одровонкомъ (Памятники Кіев. Ком. Т. II, стр. 292). Изъ грамоты Сигизмунда I-го, данной кіево-михайловскому монастырю, видно, что за львовскими воротами, между ними и Кудрявцемъ, шло такъ называемыя *пробитыя* валь. Остатки вала на Кудрявской горѣ видны и теперь въблизи той мѣстности, на которой въ 1878 году открыты остатки фундаментовъ древней церкви. По соображенію этихъ историческихъ указаній и того, что Кудрявская гора отдалена отъ трехсвятитель-

ской церкви, что она не составляет особой какой-либо горы, а есть только склонъ старокіевской возвышенности, что уровень ея значительно ниже той мѣстности, на которой стоитъ трехсвятительская церковь и въ XVII вѣкѣ эта мѣстность дѣйствительно входила въ составъ ерѣмійской слободы, нужно признать, что открытые въ 1878 году на кудряской митрополичьей усадьбѣ фундаменты принадлежатъ церкви Воздвиженія честнаго Креста, созданной въ началѣ XIII вѣка галицкимъ княземъ Мстиславомъ Мстиславовичемъ Удалымъ, убитымъ на р. Калкѣ въ 1228 году.

6. О мѣстности р. Почайны.

Почайной называется нынѣ небольшой ручей, протекающій по кievскому Оболонью въ направленіи отъ запада къ востоку; въ половинѣ своего теченія онъ образуетъ, въ видѣ озера, бассейнъ воды около 20 сажень длины и ширины и по выходѣ изъ негопадаетъ въ заливъ Дибѣра, между его косой и набережной улицей Кіево-Подола. Каково было направленіе Почайны въ древности и какова была ея длина, мнѣнія о семъ не одинаковы. Одни полагаютъ, что Почайна нѣкогда протекала по самому Подолу и впадала въ Дибѣръ близъ рождественской церкви; другіе думаютъ, что Дибѣръ нынѣ течетъ у Кіева по древнему руслу Почайны, оставивши свое старое русло, которое находилось ближе къ чернятовскому берегу; иные наконецъ того мнѣнія, что Почайна не простиралась дальше ннѣшняго своего впаденія въ Дибѣръ выше Турца. Которое-же мнѣніе ближе къ истинѣ?

Изъ древней нашей лѣтописи видно, что во времена княгини Ольги Почайна служила приставью для судовъ, приходящихъ по Дибѣру къ Кіеву, чѣмъ то въ родѣ константинопольскаго Золотого Рога, съ которымъ сравнила его сажа Ольга, сказавши послѣмъ греческаго императора, что она пошлетъ ему дары только тогда, если онъ постоитъ у нея въ Почайнѣ столько времени, сколько она простояла у него въ Судѣ (Золотомъ Рогѣ). По свидѣтельству тойже лѣтописи у Подола—на ручаѣ стояла церковь св. Іліи, въ которой присягали крещеные кievляне при Игорѣ, заключая договоръ съ греками, и ручаѣ, по которому влекли

въ Дѣбярѣ низверженнаго при Владимірѣ Перуна, протекала противъ Боричева ввоза, т. е. противъ рождественской и трисвятельской церквей; изъ коихъ одна была началомъ, а другая концемъ Боричева ввоза. Безъ сомнѣній въ обоихъ случаяхъ въ летописи вѣдетъ рѣчь о Почайнѣ, такъ какъ никакой другой ручей здѣсь не извѣстенъ ни въ древнее, ни въ новое время. Крещеніе кіевлянъ по древней летописи совершилось въ Дѣбярѣ, по хроникамъ XIV и XVII вѣка въ Почайнѣ, близъ того мѣста, гдѣ въ XIV вѣкѣ стояла на Старомъ Кіевѣ церковь св. Петра, а въ XV церковь св. мученикъ (Бориса и Глѣба) у Турова. Берлинскій, умершій въ 1840 году и прожившій въ Кіевѣ 60 лѣтъ, въ своемъ описаніи Кіева говоритъ, что Почайна еще въ началѣ XVIII вѣка составляла довольно глубокую рѣчку, которая, отдѣляясь отъ Дѣбюра узкою косою, соединялась съ Дѣбюромъ ниже Крещатики. Закревскій, позднѣйшій описатель Кіева, родившійся въ 1805 г. и прожившій въ Кіевѣ 30 лѣтъ, слышалъ тоже отъ старожиловъ Кіева и самъ, какъ очевидецъ, удостовѣряетъ, что коса, отдѣляющая Почайну отъ Дѣбюра, въ 1814 году начиналась противъ кузницъ, стоявшихъ по дѣбюровскому берегу, ниже рождественской церкви, что коса эта имѣла въ длину до 60, а въ ширину около 7 сажень, отъ Подола-же отстояла на 40 сажень и что остатокъ этой косы совершенно снесенъ во время разлива Дѣбюра въ 1829 году. Такія, довольно сходныя между собою, свидѣтельства двухъ кіевскихъ старожиловъ воишь подтверждаются планомъ г. Кіева 1693 г., хранящимся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

На этомъ планѣ, на который нанесенъ Дѣбярѣ со всѣми его рукавами и притоками у Кіева, Почайна представлена протекающею по восточной окраинѣ Подола, отдѣляясь отъ Дѣбюра песчаною косою, которая начиналась противъ нынѣшней борисоглѣбской улицы и оканчивалась нѣсколько ниже крещатицкаго источника. Въ концѣ борисоглѣбской улицы, противъ стоявшей здѣсь Духовской церкви, былъ перекинутъ мостъ съ набережной черезъ Почайну на косу, а путь по косѣ противъ рождественской церкви сворачивалъ на другой мостъ, устроенный съ косы чрезъ Дѣбярѣ къ противоположному черниговскому берегу.

Причины исчезновенія Почайны можно видѣть изъ «Описаніе Кіева: Берлинскаго. Основываясь на бывшемъ въ его рукахъ предписаніи кіевской губернской канцеляріи кіевскому магистрату около 1710—1718 года, онъ говоритъ, что во время турецкой войны этого времени баржи съ грузами, приходившія изъ Брацка рѣкою Десной, для предохраненія отъ льдинъ заводились на зимовье въ вершину Почайны и тамъ причаливались къ деревяннымъ плѣтямъ, сдѣланнымъ для укрѣпленія береговъ, почему мѣсто ихъ стоянны названо «*Прищюкой*». Для сокращенія прохода изъ Десны черезъ Дибрѣ въ Почайну, прокопанъ былъ тогда-же противъ Обоюны каналъ въ материкѣ, отдѣлявшемъ Почайну отъ Дибрѣ: между тѣмъ къ этому каналу устремилось главное теченіе Дибрѣ, такъ что срѣзало большую часть косы, находившейся между двумя рѣками, оставивъ отъ нея лишь верхнюю часть, прилегающую къ сѣверной сторонѣ Обоюны, и нижнюю у устья Почайны, отъ Духовской церкви до крепатицкаго источника. Смывши постепенно и нижнюю часть косы, Дибрѣ совершенно поглотилъ Почайну, и за тѣмъ сталъ напоромъ своимъ отмыкать материкъ самага Подола: уничтожено такимъ образомъ до 300 домовъ постепеннымъ отмыканьемъ берега Подола, пока не положенъ этому предѣлъ по всему его протяженію отъ канавы до крепатицкаго источника устройствомъ около 1840 г. набережной изъ туровъ и фашишова.

Представленное Берлинскимъ объясненіе убавленія и наконецъ совершеннаго поглощенія Почайны Дибромъ подтверждается сохранившимся въ С.-Петербургѣ въ главномъ инженерномъ управленіи планомъ г. Кіева 1745 г., составленнымъ въ огромномъ размѣрѣ при кіевской инженерной командѣ. На этомъ планѣ означены подъ № 64 Духовскія ворота противъ борисоглѣбской улицы, съ поясненіемъ, что здѣсь переправляются въ Подолье черезъ Дибрѣ, а на особой наклейкѣ подъ № 100 означено мѣсто въ верховьѣ Почайны, гдѣ затоплены байдаки для отвода стремленія Дибрѣ отъ кіевского берега на противоположную (черниговскую) луговую сторону. При этомъ отмѣчено, что гдѣ нѣтъ мельницъ, тамъ вода пробѣгаетъ 40 саженой въ 3 минуты, а въблизи мельницъ отъ 30 до 90 саженой въ тотъ-же промежутокъ и что рѣка у этого берега годъ отъ году становится глубже.

Но не помогли и затопленные байдаки. Тогда важнеры придумали для отвода Днѣпра отъ кievскаго берега прорыть материкъ, отдѣлявшій отъ Днѣпра рѣчку Чарторию: но вышла отъ сего новая бѣда: Днѣпръ устремился съ такою силою по каналу въ Чарторию, что явилось опаснiе, какъ-бы Днѣпръ совсѣмъ не ушелъ отъ Кіева къ черниговскому берегу. Вотъ съ этого-то времени и началось пруженiе прохода изъ Чарторіи, которое продолжается до нынѣ съ слабымъ успѣхомъ для дѣла и съ большими затратами для казны, хотя не безъ выгоды для производителей работъ, съ поводу которыхъ образовалась въ Кіевѣ поговорка, будто самая лучшая рыба ловится въ Чарторіѣ.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ становится довольно яснымъ и опредѣленнымъ положеніе р. Почайны въ древности: она, выходя изъ Обозонья, протекала не посреди Подола, а по восточной его окраинѣ и впадала въ Днѣпръ ниже Крещатика; у риждественской церкви устье ея представляло собою какъ-бы заливъ Днѣпра, весьма удобный для судоходной пристави. Хотя Почайна была ближе къ городу, чѣмъ Днѣпръ; но какъ она была всегда наполнена большими и малыми судами, приходившими до Днѣпру; то естественно, что крещеніе кievлянъ съ большимъ удобствомъ могло совершиться въ Днѣпрѣ, гдѣ оно и дѣйствительно происходило по сказанію нашей лѣтописи.

П. Л.—въ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(Продолженіе)¹⁾.

VII.

Дорога въ г. Бакоту.—Расположеніе села.—Манастирское; пещеры.—Вѣдьмъ и знахарск.—Преданіе о царѣ Фармазоу.—Мѣстныя промыслы.—Историческія свѣдѣнія о Бакотѣ.—Вѣдьмы и знахарь.

Подвигаясь дальнѣе внизъ по Днѣстру, верстахъ въ 5—6 къ сѣверо-востоку отъ Студеницы встрѣчаемъ древнюю столицу галлицкаго Поннзья, теперь село Бакоту.

Блжайшая дорога изъ Студеницы въ Бакоту идетъ сухимъ путемъ, поэтому мы вошли въ согласіе съ однимъ изъ крестьянъ, съ которымъ успѣли познакомиться и который пообѣщавшись доставить насъ вмѣстѣ съ пожитками въ Бакоту, а затѣмъ въ Старую Ушицу. Въ назначенное время, часовъ около шести утра, хозяинъ подводы зашелъ освѣдомиться, собираемся-ли мы въ путь и, увидѣвъ, что мы уже совсѣмъ готовы, отправился домой запрягать лошадей. Такая аккуратность, разумѣется, удивила насъ несказанно, давая поводъ надѣяться, что на этотъ разъ по крайней мѣрѣ намъ не придется имѣть дѣло съ традиціонной подольской медлительностію. Не тутъ-то было! Проходить часъ, другой, а подводы все нѣтъ какъ нѣтъ; мы ждемъ съ минуты на минуту, стараясь какъ-нибудь убить время. Наконецъ часовъ въ одиннадцать, потерявъ терпѣніе, рѣшаемся идти пѣшкомъ въ Бакоту, оставивъ вещи на квартирѣ. На улицѣ встрѣтила насъ мать нашего возницы, весьма благодушно

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1884 г., сентябрьск. кн., стр. 53—51.

объяснившая промедленіе своего сына тѣмъ, что онъ «доварюе мамалыгу и черезъ те нивы грохи ѿ сплзлився»; сверхъ того онъ долженъ у всѣхъ мѣстныхъ евреевъ забрать письма и порученія къ бакотскимъ и ушницкимъ купцамъ. При этомъ съ особенной ясностью припомнилась намъ трагическая судьба Подольской земли въ удѣльное до-лиховское время, когда здѣшній народъ пропустилъ собственное историческое развитіе, доваривая мамалыгу. Уже за мѣстечкомъ догнала насъ подвода, запряженная парой немовѣрно малыхъ лошадокъ, съ яспой примѣсью турецкой породы (слѣды турецкой культуры XVIII в.), по наружному виду чрезвычайно похожихъ на крысъ, и мы уже спокойно могли пуститься въ путь.

Тотъ-часъ по выходѣ изъ мѣстечка, миновавъ «юралію», дорога сначала довольно круго подымается въ гору вдоль оврага, въ которомъ найдены мамонтовые кости, затѣмъ извивается по свѣршимъ, болѣе пологимъ склонамъ *Билой юры* и наконецъ выходитъ на довольно возвышенную, слегка волнистую равнину. Вправо отъ дороги тянется высокій диѣстровскій берегъ, влево все дальше и дальше отходятъ зеленѣющія горы и дорога вьется среди свѣже вспаханныхъ полей, на которыхъ при солнечномъ свѣтѣ блестятъ тысячи кремневыхъ осколковъ; послѣ особенно удачнаго сбора кремневыхъ орудій на вспаханныхъ поляхъ *Билой юры*, любопытство наше, какъ археологовъ, было сильно возбуждено; въ каждомъ крениѣ намъ чудилось орудіе и мы съженихувно жалѣли, что время не позволяетъ намъ встать съ воза и обойти всѣ нивы, хотя для осмотра ихъ потребовалось-бы нѣсколько дней. По мѣрѣ приближенія къ Бакотѣ мѣстность постепенно понижается и по обѣ стороны дороги, на сколько глазъ хватятъ, тянутся сплошныя, необозримыя плантаціи кукурузы почти въ человѣческой ростъ, при чемъ отдѣльныя нивы едва раздѣляются между собою самыми узкими тропинками.

Наконецъ дорогу пересѣкаетъ маленькая горная рѣчка, или скорѣе ручей, Теремка, которую свободно переѣзжаютъ и переходятъ въ бродъ; по другую сторону ея лежитъ самое село Бакота. Кажется, ручей получилъ свое названіе отъ села Теремець, расположеннаго по его теченію нѣсколько выше Бакоты; здѣсь, правдоподобно, находился загородный княжескій теремъ въ то время, какъ Бакота была стольнымъ городомъ; по крайней мѣрѣ существуетъ

въ южной Русѣ вѣсколько сель съ такимъ именемъ, расположенныхъ вблизи древнихъ княжескихъ столицъ.

Ильбишняя Бакота расположена, подобно Студеницѣ, при впаденіи р. Теремки въ Днѣстръ въ глубинѣ весьма значительнаго днѣстровскаго залива; глубокая долина, по которой раскинулось село, окаймлена съ запада пологими склонами и ручьемъ Теремкой; на сѣверѣ тянется амфитеатромъ довольно крутая, поросшая гощехт. дерномъ гора, на вершинѣ которой, вѣроятно, находилась древняя Бакота. У подножія этой горы, среди густыхъ садовъ и огородовъ раскинулось небольшое село, состоящее изъ двухъ-трехъ рядовъ хатъ, вытянутыхъ вдоль днѣстровскаго берега; посреди села выдвигаются въ зелени три купола маленькой деревянной церкви настоящей украинской архитектуры; протавъ церкви усадьба мѣстнаго помѣщика съ огромнымъ фруктовымъ садомъ. Глубокой оврагъ отдѣляетъ село и обаяющую его гору отъ третьей горы, защищающей Бакоту съ востока, и подходит къ самому берегу Днѣстра. Последняя гора представляетъ большое сходство съ *Бѣлою горю* въ Студеницѣ, какъ по своему ильбишнему виду, такъ и по другимъ особенностямъ; это самая высокая изъ окрестныхъ горъ (по недавно сдѣланнымъ измѣреніямъ она достигаетъ 72 сажень надъ уровнемъ Днѣстра); она состоитъ изъ той-же самой известковой породы, что и студеницкія горы, и такъ-же называется *Бѣлою горю*. Югозападный склонъ, обращенный къ Днѣстру, чрезвычайно обрывистый; верхняя его половина представляетъ почти ольбсную стѣну, съ навѣсами по мѣстамъ скалами, которыя вскорѣ должны обрушиться; ближе къ основанію горы спускъ становится болѣе отлогимъ, благодаря осипямъ вывѣтривающагося камня сверху. Вершина и остальные склоны *Бѣлой горы*, такъ-же какъ и въ Студеницѣ, покрыты неглубокимъ слоемъ наносной земли, поросшимъ травою или воздѣлываемымъ подъ пахоть, при чемъ каменная подпочва зачастую обнажается на поверхности земли. Чтобы войти на *Бѣлую гору*, приходится сначала подыматься по оврагу, вырытому въ скальномъ грунтѣ дождевою водою; его русло, представляющее рядъ уступовъ, даетъ въ общемъ естественныя ступеньки, значительно облегчающія довольно крутой подъемъ; дальше въ гору зигзагами вьются тропинки, проложенныя пастухами. На вершинѣ горы видѣется курганъ, еще издали привлекшій наше вниманіе; тотчасъ

являлось желаніе его раскопать и вмѣстѣ съ тѣмъ невольная надежда, что это могла какого-нибудь князя, похороненнаго при-мѣрно въ такомъ костюмѣ, въ какомъ лѣтописи рисуетъ Давида Галицкаго, въ гостяхъ у венгерскаго короля или, можетъ быть, здѣсь погребенъ самъ Милѣй, народный предводитель, которому признательные галичане насыпали высокую могилу на самомъ видномъ и неприступномъ мѣстѣ Баготы... Какъ-бы то ни было, курганъ надо было раскопать.

Зная изъ рѣсскихъ и польскихъ историковъ кое-что о ми-нувшей жизни Баготы, мы знали такъ-же, что въ Бѣлой горѣ находится довольно извѣстная пещера; были сверхъ того указанія на существованіе похороннаго поля близъ села. Въ виду высокаго историко-археологическаго интереса, заключающагося въ этихъ свѣдѣніяхъ, рѣшено было обратиться къ мѣстному помѣщику, г. Шиманскому съ просьбой о содѣйствіи и указаніяхъ при осмотрѣ на-званныхъ памятниковъ древности.

Г. Шиманскій, не смотря на свои занятія хозяйствомъ, съ величайшей любезностью дозволилъ намъ произвести на его землѣ какія угодно раскопки, самъ помогъ отыскать проводника и рабочи-хъ и весьма обязательно сообщилъ все, что зналъ о мѣстныхъ древностяхъ и достопримѣчательностяхъ, о бытѣ, характерѣ и за-вѣтностяхъ населенія и т. д. Оказалось, что въ селѣ и на поляхъ до-вольно часто встрѣчаются старинныя, болѣею частью польскія мо-неты; почти при каждой постройкѣ находятя человѣческія кости и черепа, но о похоронномъ полѣ въ собственномъ его смыслѣ ничего неизвѣстно. Вмѣсто него г. Ш. указалъ намъ на окраинѣ села камень, повидимому искусственно здѣсь положенный и поль-зующійся у жителей суевѣрнымъ уваженіемъ. Подъ этимъ камнемъ, по рассказамъ сельянъ, долженъ находиться кладъ, зачатый своимъ владѣльцемъ; съ своей стороны, приученные къ преданіямъ о кла-дахъ, мы рассчитывали найти здѣсь слѣды древняго, быть можетъ языческаго погребенія.

Проводникъ и рабочіе весьма неохотно указывали дорогу, нѣ-сколько разъ останавливались, увѣряя, что ничего особеннаго мы не увидимъ, камень самый обыкновенный и т. д. Тоже самое по-вторяли встрѣчные сельяне, узнавъ отъ нашихъ людей, куда мы идемъ; наконецъ, вида наше упрямство, публика рѣшилась подѣй-

ствовать на насъ страхомъ: принявъсь рассказывать, какъ въ сколько времени назалъ одинъ изъ крестьянъ, живущій вблизи отъ таинственнаго камня, задумалъ открыть спрятанный подъ нимъ кладъ. Какъ принято въ такихъ случаяхъ, тсвою ночью принялся онъ за работу, но едва только подвдлъ камень и скатилъ съ мѣста, какъ его поразила невидимая сила: судорога свела всё его члены, такъ что онъ едва пользкомъ добрался до хаты и тотчасъ заболѣлъ: около года оставался онъ безъ движенія и почти безъ пищи и сталъ уже готовиться къ смерти. Навонецъ одинъ знахарь посовѣтовалъ больному положить обратно заклятый камень, бывшій причиною несчастья. Будучи слишкомъ слабъ, чтобы самому выполнить приказаніе, крестьянинъ пригласилъ на помощь нѣсколькихъ пріятелей, которые привели его къ роковому мѣсту и принялись поднимать камень. Тутъ-же присутвовалъ упомянутый знахарь и распорядился церемонією; когда камень былъ поднятъ и оставалось только поставить его на старомъ мѣстѣ и въ прежнемъ положеніи, знахарь приказалъ больному помогать по мѣрѣ силы, или хотя держаться за камень рукою. Едва окончилось видруженіе святыни, какъ силы возвратились къ больному—онъ могъ расправиться и уже безъ посторонней помощи воротился въ хату, а вскорѣ и совсемъ выздоровѣлъ. Съ тѣхъ поръ камень пользуется религіознымъ уваженіемъ и никто не рѣшается его тронуть съ мѣста.

Рассказъ этотъ, съ незначительными вариантами, повторялся всѣми встрѣяными крестьянами; мало по малу общественное мнѣніе стало враждебно настраиваться противъ невѣдомыхъ пришельцевъ, рѣшившихся нарушить неприкосновенность святыни; въ публикѣ громко начали раздаваться замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «отъ-такъ в вамъ буде, що носи до головы притягне». Мы пробовали отлучиваться въ отвѣтъ на подобныя замѣчанія и кое какъ, черезъ чужіе дворы и перелазы, вышли на край села близъ устья Теремки; здѣсь на открытомъ мѣстѣ, на склонѣ небольшого холма, среди поля или выгона увидѣли мы наконецъ чудесный камень. Видъ его дѣйствительно не представлялъ ничего замѣчательнаго—просто глыба мѣтнаго известняка, весьма неправильной формы и безъ малѣйшихъ слѣдовъ отдѣлки; положеніе его мало подавало надежды на какую нибудь находку, но желаніе открыть похоронное поле было слишкомъ велико и мы рѣшились приступить къ раскопкѣ.

Между тѣмъ вышелъ хозяинъ сосѣдней хаты—тотъ самый крестьянинъ, который заплатилъ за похищеніе на неприкосновенность камня, и самъ началъ рассказывать извѣстную уже намъ исторію. Подъ вліяніемъ-ли суевѣрнаго страха, или неодобрительнаго шопота окружающей публики, рабочіе на отрѣзъ отказались копать. Въ первый разъ еще намъ пришлось столкнуться съ такимъ глубокимъ суевѣріемъ и нужно было-бы оставить свое намѣреніе, если-бы Маринчукъ, съ свойственной ему находчивостью, не побѣдилъ сопротивленія, побожившись, что мы принимаемъ на себя весь грѣхъ и отвѣтственность за него. Только тогда рабочіе, хотя и неохотно, принялись за дѣло, вѣроятно съ тайной надеждой, что невидимая сила поварааетъ дерзкихъ прашельцевъ. Впрочемъ раскопка не увѣчалась успѣхомъ. Подняли домами грозный камень, оказавшійся довольно значительнаго объема, такъ что нужно было удивляться, какъ, не смотря на большую легкость известняка, одинъ человѣкъ могъ сдвинуть его съ мѣста; вѣроятно нашъ владопскартель просто подорвался и это и была поразившая его невидимая сила. Подъ означеннымъ камнемъ оказалось нѣсколько другихъ поменьше и затѣмъ, на глубинѣ около аршина, во всѣ стороны пошла скальная подпочва,—дальше вести раскопку не было нужды. Такимъ образомъ похоронное поле оказалось фикціею; видя, что мы остались невредимы, публика нѣсколько ободрилась, но все таки насмѣшливо посматривала, радуясь нашей неудачѣ и вѣроятно соображая, что кладъ, не для насъ положенный, по мѣрѣ приближенія къ нему, глубже уходитъ въ землю.

Какъ-бы то ни было, не отчаяваясь послѣ первой неудачи, мы рѣшились попытать счастья въ другомъ мѣстѣ и отправились раскапывать курганъ, видѣвшійся на вершинѣ *Бѣлой горы*.

Нужно было снова пройти село во всю его длину и затѣмъ подыматься по стѣнкамъ оврага. Взобравшись на гору, намъ удалось найти вблизи кургана два-три кремневые ножа и такое-же отбивное долото, ясно палеолитической эпохи. Эта, по видимому, незначительная находка сразу подняла упавшій духъ бѣдныхъ археологовъ и они съ новой энергіей приступили къ предварительному осмотру и провѣрѣ кургана. Хотя величина его незначительна—всего около аршина въ вышину, но видѣвъ онъ издали, благодаря своему положенію на самой вершинѣ горы, почти на краю обрыва;

курганъ выложенъ въ два яруса довольно большими камнями неправильной формы.

Въ самой насыпи кургана, за исключеніемъ скелета въ сидячемъ положеніи и разбитаго глинянаго сосуда, по величинѣ и формѣ чрезвычайно похожаго на нашу «покрышку», ничего больше не найдено. Ниже скелета начинался скальный грунтъ; такимъ образомъ и на этотъ разъ надежды наши не оправдались: могила не могла принадлежать лицу богатому или съ высокими общественнымъ положеніемъ и, за исключеніемъ черепа и нѣкоторыхъ костей, не давала матеріала для сколько нибудь точнаго опредѣленія эпохи.

Одновременно съ этимъ насъ ожидало еще одно разочарованіе. Пока Маринчукъ слѣдилъ за раскопкой, его вѣрный спутникъ, мучимый страстью къ коллекционерству, отправился на поиски каменныхъ орудій, но и въ этомъ отношеніи жатва была не велика—мѣтъ попались всего три-четыре обломка кремневыхъ ножей и скребковъ, и только. Блуждая по горѣ, я замѣтилъ невдалекѣ отъ кургана многочисленную группу маленькихъ, продолговатыхъ холмиковъ, сложенныхъ изъ камня и поросшихъ сверху травой; раскинутые на большое пространство, холмики чрезвычайно напоминали могилы, сходство довершила покрывавшая ихъ растительность—трава и полевые цвѣты, встрѣчающіеся по преимуществу на кладбищахъ.—Вотъ это и есть настоящее похоронное поле, подумалъ я и съ восторгомъ принялся раскапывать одинъ изъ курганчиковъ, не смотря на убѣжденія рабочихъ, что никакихъ могилъ здѣсь нѣтъ. Однако и на этотъ разъ рабочіе были правы: дѣйствительно, раскопавши въ разныхъ мѣстахъ три-четыре насыпи, мы не нашли ничего похожаго на могилы, просто кучи камней, набросанныхъ на поверхности земли, и ничего больше; правда, въ землѣ, наполнявшей промежутки между камнями, попадались нѣрѣдка обломки костей и кремневыхъ осколковъ, но было ясно, что они попали сюда случайно или вмѣстѣ съ землей.

Происхожденіе этихъ насыпей объясняется весьма просто: въ прежнее время вершина горы распаивалась для посѣвовъ, причемъ крестьяне сбрасывали въ сторону все попадавшіеся подъ плугъ камни, какъ это дѣлается повсюду въ горныхъ мѣстностяхъ; теперь эти поля оставлены подъ пастбища и курганчики начинаютъ по-

крываться землей, что придает имъ еще больше сходства съ моплями.

Я позволяю себѣ остановиться на этихъ неинтересныхъ подробностяхъ единственно изъ желанія предостеречь отъ ошибки археолога, который захотѣлъ-бы искать похоронныхъ полей въ окрестности Бакоты: если такія поля существуютъ здѣсь, то ихъ надо искать въ другомъ направленіи, дальше отъ дѣстровскаго берега. Мы-же, послѣ всѣхъ понесенныхъ неудачъ, рѣшили покончить съ этими поисками, тѣмъ болѣе, что оставшееся время едва дозволяло осмотрѣть пещеру и прилегающее къ ней древнее урочище Монастырнское.

Пещера находится шагахъ въ пятьдесятъ къ югу отъ кургана, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ горы. Ея корридоры, очевидно искусственно вырубленные въ скалѣ, или по крайней мѣрѣ подѣланные, винтообразно спускаются внизъ въ видѣ громадной спирали въ два оборота, расширяющейся къ низу на подобіе улитки, при чемъ и самый ходъ становится шире. Входъ въ пещеру открывается въ видѣ колодца въ лагорной площадкѣ, на которой въ этомъ мѣстѣ незначительный слой чернозема покрываетъ скалу. Вышина всей пещеры достигаетъ до десяти сажень въ обоихъ оборотахъ; значительная часть поля въ верхнемъ оборотѣ провалилась, поэтому крестьянскіе мальчишки, которые часто лезутъ въ пещеру, набросали здѣсь противъ входа кучу камней, на которую прыгаютъ сверху: взрослый человекъ можетъ достать до нея, ухватившись обѣими руками за края входнаго отверстия, или-же долженъ спуститься сюда по канату и дальше продолжать путь по крутому спуску, держась руками за противоположныя стѣны корридора. Вообще спускаться по канату удобнѣе и безопаснѣе для человека непривычнаго или не обладающаго особенно крѣпкими нервами, такъ какъ широкой пижнѣй конецъ выходитъ прямо въ отвѣсной скалѣ на Дибетръ, надъ урочищемъ Монастырнскомъ, и сверхъ того боковая стѣнка въ началѣ второго оборота выпала и представляетъ открытое отверстіе надъ пропастью. Здѣсь уже канать необходимъ для человека непривычнаго, потому что можно держаться только за одну стѣнку, а между тѣмъ достаточно только слегка оступиться, чтобы потерять равновѣсіе и очутиться вану. Глядя сверху въ отверстіе, прямо подъ вами на страшной глубинѣ видѣется Дибетръ—

земли не видно, такъ какъ береговая полоса и осыпи у подножія горы слишкомъ незначительны,—подобный видъ, разумѣется, не можетъ придать храбрости зрителю. Несомнѣнно, что въ древности пещера была обширнѣе и представляла больше удобствъ для жилья, но съ теченіемъ времени она мало по малу обрушивается, по причинамъ вывѣтриванія известковой скальной породы и, подобно всѣмъ подольскимъ пещерамъ, становится все меньше и неприступнѣе.

Мы можемъ только догадываться съ большей или меньшей вѣроятностью о происхожденіи и первоначальномъ назначеніи баютской пещеры въ древнѣйшую пору, но извѣстно, что въ послѣдствіи, уже въ историческія времена, она составляла часть христіанскаго монастыря, лежавшаго вѣроятно у подошвы горы и соединявшагося вѣкогда съ пещерою ступеньками, вырубленными въ скалѣ; этимъ объясняется ея внутреннее расположеніе. Въ нижнемъ оборотѣ спирали замѣчаются двѣ небольшія келіи съ нѣсколькими выпуклыми сводами, высѣченныя въ скалѣ одна надъ другою съ правой и съ лѣвой стороны; размѣры келій весьма незначительны: около девяти футовъ длины, четыре фута ширины и около шести вышины; сверхъ того онѣ наполнены до половины заиссеной сверху рыхлой наносной землею. При самомъ концѣ послѣдняго оборота, нѣсколько ниже означенныхъ келій, замѣчаются съ каждой стороны пещеры по двѣ глубокія зарубки въ стѣнѣ, расположенныя другъ противъ друга, которыя очевидно закладывались досками, представляя возможность постройки третьей келіи на половину деревянной, на половину каменной; въ серединѣ ея, въ лѣвой стѣнѣ вырубленная небольшая ниша, которая могла служить изголовьемъ, правда не очень мягкимъ, но для отшельника другаго и не полагается.

Отверстіе пещеры выходитъ прямо на урочище «Монастырьско», съ которымъ она, очевидно, находилась въ связи въ прежнее время, теперь-же по причинѣ сильныхъ обваловъ прекратилась возможность сообщенія между двумя частями древняго монастыря. Прямо спуститься съ горы нѣтъ никакой возможности; чтобы попасть на «Монастырьско», нужно возвращаться прежнею дорогою въ село, отъ котораго урочище отдѣляется тонкимъ, болотистымъ лугомъ.

Спускаясь вдоль оврага, крестьяне рассказали намъ связанное съ нимъ преданіе о прежнемъ папѣ, которому принадлежала Ба-

кота, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія; къ сожалѣнію, я забылъ его имя. Панъ этотъ былъ медикъ, большой оригиналъ, одаренный какою-то сверхъестественной силой, по мнѣнію современниковъ, которыхъ онъ поражалъ своими оригинальными выходками. Такъ напримѣръ, не желая жить въ селѣ среди людей, панъ поселился въ оврагѣ, при началѣ *Воллой торы*; къ одной изъ стѣнъ оврага онъ пристроилъ домъ, такъ что нависшій утесъ образовалъ плоскую крышу, на которой онъ посадилъ виноградникъ. Вокругъ дома, къ удивленію всѣхъ окрестныхъ жителей, панъ развелъ огромный фруктовый садъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ на обнаженномъ почти известковомъ грунтѣ; это предпріятіе потребовало, конечно, много знаній, терпѣнія и самаго упорнаго труда; неудивительно поэтому, что сверхъестественное населеніе Бакоты приписывало успѣхъ сверхъестественнымъ силамъ. Изъ разныхъ мѣстъ пріѣзжали къ доктору больные, прогуливались въ его височихъ садахъ и часто жили здѣсь во все время лѣченія.

Память народная сохраняла много разсказовъ, въ которыхъ бывшій панъ является лицомъ полумифическимъ. Такъ напримѣръ разсказываютъ, что панъ всегда ходилъ пѣшкомъ, не стѣсняясь разстояніемъ, и ходилъ съ немовѣрной быстротой; напримѣръ, если ему нужно было отправиться въ Каменецъ, онъ посылалъ кучера съ лошадей и экипажемъ почтовой дорогой, а самъ шелъ напрямикъ, черезъ горы и рѣки, и пѣшкомъ посѣщалъ всегда раньше кучера, и т. п. Въ одну изъ такихъ экскурсій зимою, его захватила вьюга и онъ замерзъ на путѣ. Какъ-бы то ни было, это повидимому была не столько выдающаяся личность для своего времени и окружающей среды, что какъ современники, такъ и потомки не могли считать его обыкновеннымъ человекомъ и видѣли въ немъ нѣчто въ родѣ волшебника или «характерника», какъ у насъ называютъ вародъ, — «фармазонъ бувъ покойный панъ», прибавилъ разсказчикъ.

По смерти *пана фармазона* его оригинальное жилище было оставлено наследникамъ и мало по малу приходило въ разрушеніе; садъ и виноградникъ, разведенные съ такимъ трудомъ, тоже не многимъ пережили своего владѣльца—всдорѣ они были вырублены бакотскими жителями на разные хозяйственные нужды. Показываютъ еще мѣсто, гдѣ стоялъ домъ и садъ, но отъ нихъ уже не со-

хранилось и са́йда: чего не успѣли разрушить люди, то доводила дождевая вода, уносящая даже наносную почву изъ оврага, такъ что теперь остался только чистый скальный грунтъ.

Минова оврагъ и болото, подходимъ къ самому берегу Днѣстра; у подножія *Бѣлой горы* берегъ на столько возвышенъ, что не заливается даже весной,—это и есть «Монастырсько». Урочище занимаетъ пространство до двухъ десятковъ, поросшее густымъ бурьяномъ почти въ человѣческой ростъ и заваленное глыбами камней, которыя въ продолженіи столѣтій обрушивались съ горы. Противъ пещеры сохранились слѣды стѣны, явно двѣлопической постройки; стѣна тянется по прямой линіи отъ огромнаго утеса, лежащаго уже въ водѣ, почти до самаго подножія горы. Не вдалекѣ отъ стѣны расположены горизонтально въ разныхъ мѣстахъ три плоскія продолговатыя плиты изъ того-же известняка, похожія на надгробныя плиты, но безъ всякихъ слѣдовъ надписей, очень толстыя и плохо отесанныя. Въмѣстѣ съ пещерой и остатками стѣны это все, что осталось отъ древняго монастыря.

По осматривая со вниманіемъ разсѣянные на полянѣ камни, мы встрѣтили нѣчто несравненно болѣе интересное и неожиданное,—цѣлое открытіе въ археологическомъ отношеніи. Среди множества скалъ разной величины и самой неправильной формы, свалившихся съ горы, вниманіе мое привлекли попадавшіяся мѣстами группы камней, какъ будто бы искусственно расположенныя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ монастырской стѣны. Расположенныя на самомъ берегу рѣки, противъ пещеры, обращенной выходомъ на юго-западъ (характерный признакъ жилищъ каменнаго вѣка), вблизи которой вдобавокъ попадаются каменные орудія, подобныя группы нѣсколько вводили на мысль о мегалитахъ.

Правда, этого рода сооруженій еще ~~не~~ извѣстно въ Россіи; но если существуютъ ясныя мегалитическія памятники въ Херсонціи, то еще вѣроятнѣе встрѣтить ихъ въ Подоліи. Вѣдь отрытія и толковаго описанія двухъ-трехъ подобныхъ памятниковъ достаточно, чтобы пролить яркій свѣтъ на состояніе этого вопроса въ наукѣ, а при этомъ удобномъ случаѣ и самому прославиться и получить извѣстность въ археологическомъ мѣрѣ—перспектива, конечно слишкомъ заманчивая для нашего брата, но въ тоже время требующая большой осторожности при оцѣнкѣ и опредѣленіи па-

мятниковъ. Такъ думалъ я, сидя въ перѣшительности на одномъ изъ камней и соображая, слѣдуетъ-ли его промѣрять и опредѣлять его отношеніе къ другимъ, или не стоитъ.

Восклицаніе моего друга вызвало меня изъ задумчивости. Не смотря на свой скептицизмъ по вопросу о мегалитахъ, Маринчукъ въ этомъ отношеніи оказался счастливѣе меня. Я нашелъ его въ почтительномъ созерцаніи передъ скалой около сажени въ вышину, очень явственно описанной въ видѣ не совсѣмъ правильной пирамиды, стоящей на основаніи; на ея фасѣ, обращенномъ къ рѣкѣ, глубокими и весьма грубыми чертами вырѣзанъ рисунокъ, изображающій двѣ человѣческія фигуры. Одна, около аршина вышины, представляетъ человѣка, идущаго на лѣво.—ступни обѣихъ ногъ обращены въ эту сторону, но голова и туловище представлены *en face*, руки разставлены въ обѣ стороны, грудь и животъ очерчены одной линіей,—очевидно первобытный художникъ не совладалъ съ трудной задачей представить дѣлую человѣческую фигуру въ профиль. Впрочемъ нужно отдать ему справедливость, фигура эта отдѣлана съ нѣкоторыми подробностями; на рѣзахъ сдѣланы пальцы, шея вѣтъ, за-то на головѣ волосы на подобіе лучей или сіянія. Рядомъ съ этой стоитъ другая фигура болѣе грубой отдѣлки и значительно меньше первой: головы ихъ на одномъ уровнѣ, а ноги второй какъ-бы стоятъ на протянутой лѣвой рукѣ первой: второй человѣкъ весь представляетъ *en face*, руки безъ пальцевъ, ноги зашнурованы прозь на подобіе полозьевъ; онъ какъ будто издали слѣдуетъ за первымъ. Между головами вырѣзанъ маленькій крестъ, сдѣланный, повидимому, другой рукой и въ познѣйшее время, вѣроятно жившими здѣсь монахами.

Какъ по положенію фигуръ, такъ и по характеру выполненія эта картинка должна быть отнесена къ древнѣйшей порѣ человѣческой культуры, къ разряду рисунковъ на скалахъ, причисляемыхъ нѣкоторыми археологами къ числу украшеній мегалитическихъ памятниковъ. Итакъ, не оставалось больше сомнѣній, сдѣлано наконецъ открытіе, вознаграждавшее насъ за неудачу цѣлаго дня; оставалось только продолжать изслѣдованіе терена. На той-же полянѣ замѣтны еще три пирамиды, подобныя первой, но опрокинутыя и безъ рисунковъ, по крайней мѣрѣ на трехъ открытыхъ сторонахъ не замѣтно никакихъ изображеній, а подальше камень, чтобы осмо-

трьѣ обращенную къ землѣ грань, мы не могли по причинѣ ихъ огромности. Наконецъ къ тому-же разряду памятниковъ можно отнести громадный утесъ, упирающійся острымъ концемъ въ дно рѣки, а другимъ краемъ прилегающій къ берегу; его окружаетъ и поддерживаетъ группа камней меньшихъ размѣровъ, такъ что можно на него вылѣзть, не замочивши ногъ. Положеніе этой скалы ясно указываетъ на то, что она не могла, оборвавшись съ горы, сама докатиться сюда и стать такъ безъ посторонней помощи; очевидно, здѣсь дѣло искусственной постановки. Поверхность утеса покрыта множествомъ круглыхъ углубленій, на подобіе чашекъ разной величины; одно изъ нихъ продолговатое имѣетъ видъ какъ-бы человѣческой стопы. Эти чашки, выдолбленныя повидному человѣческими руками, еще болѣе подтверждаютъ догадку объ отдѣлкѣ и поставкѣ утеса еще въ доисторическія времена. Позже, во время существованія здѣсь монастыря, онъ могъ исполнять другое назначеніе, чѣмъ служить алтаремъ для принесенія жертвъ душамъ умершихъ; можетъ быть онъ составлялъ передовой выступъ монастырской ограды, такъ какъ къ нему прямо примыкаетъ конецъ фундамента древней стѣны.

Какъ бы то ни было, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ остатками двухъ различныхъ эпохъ. Правдоподобно, естественная скальная пещера могла служить жилищемъ для людей каменнаго вѣка, оставившихъ слѣды своего пребыванія въ видѣ каменныхъ орудій, разсѣянныхъ на поверхности *Бѣлой горы*¹⁾; чашечный камень, пирамиду съ рисункомъ и другіе искусственно отдѣланные и поставленные камни можно, кажется, съ достовѣрностью признать памятниками искусства и религіи этихъ людей. Много вѣковъ протекло съ того времени, пока христіанскіе монахи воспользовались готовой пещерой, поддѣлали ее и приспособили согласно своимъ потребностямъ, такимъ образомъ она вошла въ составъ православнаго монастыря: что же касается памятниковъ язычества, то они частью уцѣлѣли, частью, вѣроятно, употреблены на хозяйственныя

¹⁾ Кромѣ отбитыхъ кремневыхъ орудій здѣсь попадаются иногда и полированныя, — г. Шляжскій показывалъ намъ найденный на поляхъ Бѣлой горы фрагментъ прекрасно отполированной булавки изъ зеленоватого глянчатого сланиа, заставляющаго съ горушки вблѣзая села.

пужды монаховъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы вспомнимъ, что началомъ для огромнаго большинства нашихъ скальныхъ монастырей и монастырскихъ пещеръ послужили уже готовые пещеры, служившія приютомъ первобытному человѣку въ до-историческую пору.

Наслоеніе позднѣйшаго времени предоставляютъ основаніе циклопической ⁴⁾ стѣны и келии—это несомнѣнно остатки христіанскаго монастыря, существовавшаго здѣсь въ средніе вѣка, но мы не можемъ опредѣлить время его основанія по недостатку точныхъ историческихъ свидѣтельствъ.

Что касается кургана, то судя по характеру погребенія и по отбѣлкѣ найденнаго при скелетѣ сосуда, его нужно отнести къ концу языческаго курганнаго періода, прямо предшествовавшаго введенію христіанства въ юго-западной Руси.

Вотъ и все, что удалось намъ собрать о древнѣйшей, до-исторической Бакотѣ,—немногимъ полнѣе будутъ наши свѣдѣнія о ней и въ позднѣйшую пору по малочисленности историческихъ данныхъ. До насъ дошло такъ мало документальныхъ свидѣтельствъ о Бакотѣ и между ними встрѣчаются такіе огромные пробѣлы, иногда въ цѣлое столѣтіе и больше, что нѣтъ возможности составить сколько нибудь цѣльную картину жизни этого города. Поэтому ограничусь только нѣсколькими характерными эпизодами, которые сохранили намъ лѣтописи.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о времени возникновенія и первоначальной судьбѣ Бакоты. Первое лѣтописное извѣстіе о ней встрѣчается довольно поздно, въ 1240 году, когда Бакота является уже однимъ изъ важныхъ центровъ Галицкаго княжества, едва-ли не самымъ значительнымъ городомъ Галицкаго Подонья, южнѣйшаго Подолія. Поэтому можно предполагать, что городъ этотъ возникъ гораздо раньше, если къ половинѣ

⁴⁾ Считаю необходимою оговориться относительно термина циклопическій, который я принимаю въ смыслѣ архитектурномъ, безъ хронологическаго отбѣлка. Дѣло въ томъ, что въ южной и западной Европѣ циклопическія постройки относятся къ весьма глубокой древности, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, сравнительно недавнимъ. И въ настоящее время крестьяне въ подольскихъ селахъ обсыпаютъ свои усадьбы циклопическими стѣнами (т. е. сложенными изъ крупныхъ и мелкихъ камней безъ цемента).

XIII в. успѣлъ достигнуть выдающагося значенія. Впрочемъ столпцы часто мѣнялись въ Галицкомъ княжествѣ.

Первая половина XIII вѣка и совпадающая съ нею первая половина княженія Даниіла Романовича была едва-ли не самымъ тяжелымъ и смутнымъ временемъ въ исторіи Галицкой земли за весь удѣльный періодъ. Между тѣмъ какъ другія южно-русскія области успѣли во времени татарскаго нашествія болѣе или менѣе уложиться въ тѣ или другія рамки, выработать извѣстныя формы внутреннихъ и внешнихъ отношеній, въ Галицкой землѣ все еще шла упорная борьба между различными общественными элементами,—то глухая и скрытая, то ясно прорывавшаяся наружу въ формѣ борьбы княжеской власти съ различными партіями: народной, боярской, иноземной и т. д. То могущественнымъ князьямъ, какъ Владиміръ Володаревичъ и Романъ Мстиславичъ, удавалось, устранивши всѣхъ соперниковъ, подавить всѣ протестующіе элементы, или, выражаясь словами лѣтописца, «погнѣши пчелъ, вкусити меду», то при малѣйшемъ ослабленіи центральной власти партіи эти снова оживали. Болѣе сильная брала перевѣсъ надъ остальными, изгоняла несимпатичныхъ ей князей и правителей, а иногда даже казнила ихъ и призывала другихъ по своему выбору; бояре захватывали власть въ свои руки и распоряжались крѣпко по своему усмотрѣнію. Во время одной изъ такихъ смутъ, самой продолжительной, случившейся по смерти Романа, въ малолѣтство его сыновей, главнѣйшими заправилами были представители боярской партіи: Володиславъ, Судиславъ, Жировславъ и другіе—всѣ, кому удавалось на время создать себѣ сильную партію. Молодые Романовичи принуждены были воспитываться за предѣлами своего княжества и затѣмъ, съ помощью иноземныхъ покровителей, завоевывать обратно отцовское наслѣдство.

Василько Романовичъ скоро сжился съ мирнымъ волыцкимъ населеніемъ, но Даниілу пришлось очень тяжело со своими галичанами. Съ неутомимой энергіей и настойчивостью этотъ предприимчивый князь долженъ былъ по мелочамъ,—городъ за городомъ, округъ за округомъ, приводить подъ свою власть наслѣдственные отцовскія владѣнія. Большая половина его жизни ушла на то, чтобы округлить свой удѣлъ, но такъ какъ Даниілъ дѣйствовалъ репрессивными мѣрами и не дѣлалъ уступокъ ни одной изъ партій,

то при малѣйшемъ удобномъ случаѣ все шло врозь и приходилось снова обращаться къ иноземной помощи и наемной дружинѣ. Повидимому спокойствіе уже начинало водворяться въ Галицкой землѣ, какъ вдругъ татарское нашествіе 1240 года сразу разрушило плоды многолѣтнихъ усилій и ясно доказало всю непрочность вынужденнаго наружнаго спокойствія среди подавленныхъ элементовъ. Нужно было начинать все дѣло сначала.

Съ приближеніемъ Батгя, какъ извѣстно, страшная паника распространялась въ русскихъ земляхъ: всѣ, кто только могъ, бѣжали, куда глаза глядятъ, отъ грознаго завоевателя; это было общее *saute qui peut*. Ничего еще не зная о погромѣ сѣверо-западной Руси, Данилъ отправился по дѣламъ въ Венгрію. Здѣсь уже онъ услышалъ отъ бѣглецовъ вѣсть о приближеніи татаръ, но не возвратился въ свою землю, чтобы приготовить средства къ ея защитѣ, а напротивъ удалился въ Польшу, гдѣ и оставался со всѣмъ своимъ семействомъ, пока татары не вышли изъ русскихъ предѣловъ. Галицкая земля была спасена отъ конечнаго разоренія только благодаря находчивости тысяцкаго Дмитрія. Общественное мнѣніе не могло простить этого галицкому князю и при его возвращеніи нѣкоторые князья отказывались открыть передъ нимъ ворота своихъ городовъ. Но несомнѣнно всѣми этими обстоятельствами лучше всего съумѣла воспользоваться боярская партія.

Пользуясь отсутствіемъ князя, бояре по удаленіи татаръ захватили власть въ свои руки и попытались овладѣть въ свою пользу разными областями Галицкой земли: «Данила княземъ собѣ называху, а самъ всю землю держаху». При этомъ львовую часть захватили по взаимному соглашенію двое самыхъ сильныхъ въ то время бояръ: Григорій Васильевичъ воеважило въ горной Перемышльской области, а другой, Доброславъ вѣшедь въ Бакоту, все Повпыье пріяя, безъ князя повеления». Всѣмъ остальнымъ на братію досталось только Подгорье. Изъ лѣтописнаго текста можно, кажется, заключить, что въ данное время Бакота была центромъ Повпыья, если Доброславъ избралъ ее своею резиденціей и отсюда «все Повпыье пріяя». Занявши край, названный бояре съ группою своихъ приверженцевъ начинаютъ въ немъ хозяйничать по своему усмотрѣнію: «и бысть мятежь великъ въ землѣ и грабежь отъ нихъ», замѣчаетъ лѣтописецъ. Такъ Доброславъ раздаетъ цѣлме округи

людямъ незнатнаго происхожденія и черниговскимъ боярамъ, очевидно рассчитывая найтн въ нихъ поддержку противъ мѣстнаго боярства, и смѣется надъ приказаніями возвратившагося князя. Простой народъ повидному больше симпатизировалъ новымъ правителямъ, нежели своимъ князьямъ и устраивалъ имъ торжественныя встрѣчи.

Вскорѣ однако между ними произошло столкновение, такъ какъ Доброславъ, не довольствуясь Подольемъ, пожелалъ овладѣть и Горами. Данилъ Романовичъ воспользовался раздоромъ своихъ правителей—оба они въ одиночку были схвачены и заточены.

Послѣ того въ 1241 г., Данилъ послалъ въ Бакоту своего печатника Курила для разслѣдованія боярскаго интриги—«вписати грабительства нечестивыхъ бояръ»; посланный успѣлъ «утишити землю», неизвестно впрочемъ какими мѣрами. Въ это самое время къ Бакотѣ подступилъ одинъ изъ претендентовъ на Галицкій столъ. Ростиславъ Михайловичъ черниговскій, со своими союзниками Болоховскими князьями и съ горстью правившихъ его сторону галичанъ, Ростиславъ пытался склонить на свою сторону и Курила, но послѣдній сперва отвѣчалъ ему укорами, а затѣмъ выступилъ съ пѣхотою изъ города и, обративъ въ бѣгство черниговскаго претендента, удержалъ Бакоту за своимъ княземъ. Данилъ въ томъ же году опустошалъ Болоховскую землю, въ наказаніе за оказанную Ростиславу поддержку, послѣ чего поѣхалъ въ Бакоту и Колошу, «хотя уставити землю»; очевидно эти города были главными центрами внутренняго броженія, охватившаго все Подолье.

Вѣроятно ему удалось административными мѣрами на нѣкоторое время водворить порядокъ въ краѣ; но спокойствіе было непрочное, потому что уже въ 1255 г., когда татары, пользуясь отсутствіемъ великаго князя, вторглись въ Подолье и подошли къ Бакотѣ, Милѣй (вѣроятно, представитель городского вѣча) тотчасъ «приложися къ нимъ», за что татары назначили его своимъ баскакомъ въ той-же Бакотѣ. Узнавъ о случившемся, Данилъ, занятый походомъ на Литву, послалъ въ Бакоту своего сына Льва съ отрядомъ войска. Левъ занялъ Бакоту гарнизономъ, самого Милѣя, захвативъ въ раслохъ, взялъ въ плѣнъ и привелъ къ отцу; но очевидно онъ имѣлъ дѣло съ ловкимъ противникомъ. Милѣй въ самое непродол-

зительное время успѣлъ войти въ довѣренность молодого, энергичнаго князя и такъ расположилъ его въ свою пользу, что, не смотря на компрометирующія его обстоятельства, Левъ Давидовичъ поручился передъ отцемъ въ его вѣрности. Самъ Давидъ, не привыкшій стѣсняться съ боярами, пошелъ на уступку: онъ не только далъ свободу Милѣю, но и возвратилъ ему его прежнее положеніе, рассчитывая вѣрнотво милостью расположить его къ себѣ и приобрести въ его лицѣ вѣрнаго слугу и проводника своихъ интересовъ. Милѣй возвратился въ Бакоту, но не оправдалъ довѣрія великаго князя, а напротивъ, при новомъ приближеніи татаръ, измѣнилъ своей клятвѣ и слалъ имъ Бакоту.

Цривдоподобно бакотскихъ жителей и ихъ представителя прельщала участь болоховцевъ, которые платили татарамъ дань хлѣбомъ, но за то пользовались полнѣйшей свободой и покоемъ и не имѣли надъ собою никакихъ бояръ и князей, кромѣ выборныхъ атамановъ.

На этомъ обрываются наши свѣдѣнія о Бакотѣ и наступаетъ продолжительный пробѣлъ почти въ цѣлое столѣтіе.

Въ шестидесятыхъ годахъ XIV вѣка, завоевавши юго-западную Русь у татаръ, (послѣ 1362 года) великій князь литовскій Ольгердъ, по своему обыкновенію, началъ раздавать на ленныхъ правахъ удѣлы своимъ родственникамъ, въ томъ числѣ подольская земля отдана во владѣніе четыремъ его племянникамъ, братьямъ Коріатовичамъ. При занятіи края новыми владѣльцами оказалось, что въ цѣломъ Подоліи не осталось ни одного укрѣпленнаго города: «а въ тотъ часъ въ подольской землѣ не было ни одинъ городъ, ни деревомъ рубленый, ни каменемъ будованный», такъ какъ всѣ укрѣпленія еще раньше были срыты и уничтожены татарскими темниками. Поэтому Коріатовичи прежде всего занялись постройкой новыхъ укрѣпленій для обороны края. Первыми были укрѣплены пайболѣе важные центры Подолія: Смотричъ и Камелець на рѣкѣ Смотричѣ и Бакота на Днѣстрѣ. «И на первое (Коріатовичи) нашли собѣ тверзю на рѣцѣ Смотричи и тутъ собі нарядили городъ Смотричъ. Въ другомъ мѣстѣ были черицы въ горѣ и въ томъ мѣстѣ нарядили городъ Бакоту», т. е. оградилъ фортификаціями существовавшіе еще раньше города. Такимъ образомъ Бакота является однимъ изъ трехъ главнѣйшихъ центровъ Подолія при Коріатовичахъ.

Вслѣдъ за тѣмъ князья, по соглашенію съ народоваселеніемъ, перестали платить татарамъ собираемую съ жителей дань и стали взимать ее въ свою пользу, за что обязывались охранять ихъ отъ нападенія непріятеля. Осѣвшись въ краѣ, новые князья по литовскому обычаю начинаютъ раздавать земли разнымъ лицамъ на условіяхъ ленной зависимости; при этомъ Бакота въ 1383 г. отдана во владѣніе пѣкоему Немирѣ.

При послѣднемъ изъ четырехъ братьевъ, князѣмъ Теодорѣмъ Коріатовичѣмъ, подольская земля перестала было повиноваться великому князю Витовту и пыталась даже совсѣмъ отдѣлиться отъ Литвы, чего конечно Витовтъ не могъ спокойно допустить. Узнавъ о приближеніи великаго князя съ литовскими силами, Коріатовичъ поставилъ въ городахъ гарнизоны изъ волоховъ, а самъ отправился за помощію въ Венгрію; между тѣмъ Витовтъ успѣлъ захватить воеводу Нестака, которому князь Теодоръ поручилъ защиту края, овладѣлъ всѣми укрѣпленными городами и посадилъ въ нихъ своихъ старостъ. Вскорѣ всѣ эти города, въ томъ числѣ и Бакоту, Витовтъ уступилъ королю Ягайлу за двадцать тысячъ, а король въ свою очередь, вѣроятно нуждаясь въ деньгахъ, заложилъ ихъ за ту-же сумму пану Спытку изъ Мельштына, съ обязательствомъ отбывать военную службу въ пользу Витовта, а не короля.

Вскорѣ Спытко погибъ въ одномъ изъ походовъ великаго князя противъ татаръ. Такъ какъ его вдова и малолѣтніе наслѣдники не могли надлежащимъ образомъ защищать край отъ татарскихъ вторженій, то великій князь литовскій, по предложенію короля, выкупилъ обратно проданную имъ юго-западную половину подольской земли и образовалъ изъ нея особое староство, которое оудалъ въ управленіе дворянину Грановскому. Вскорѣ отваго Грановскій былъ смѣщенъ и послѣ него въ непродолжительное время смѣнялись одинъ за другимъ четыре старосты литовскаго происхожденія. Послѣдній изъ нихъ, панъ Долгирдъ, до смерти Витовта управлялъ подольскими городами, имѣя резиденцію въ Камепцѣ; но по смерти великаго князя, когда польскій элементъ получилъ перевѣсъ во внутренней политикѣ, польскіе паны, давно уже съ завистью смотрѣвшіе на богатые подольскія земли, хитростью схватили Долгирда, разграбили его имущество и забрали въ свои руки всѣ города, составлявшіе подольское староство.

Послѣ того Бакота вмѣстѣ съ другими городами, кажется, вошла въ составъ королевскихъ имѣній; это можно заключить изъ различныхъ люстрацій, которыя впрочемъ ни однимъ словомъ не упоминаютъ о замкѣ или какихъ-бы то ни было укрѣпленіяхъ въ Бакотѣ. Вѣроятно укрѣпленіе, воздвигнутое здѣсь при Кориатовичахъ, просуществовало недолго.

Во второй половинѣ XVIII ст. Бакота, уже какъ село, вошла въ составъ Уницкаго староства и въ некоторое время находилась во владѣніи каменецкихъ базилианъ, но около 1774 года она обращена въ отдѣльное староство, приносящее чистаго дохода 1900 золотыхъ польскихъ.

Вотъ и все, что удалось собрать по желаніямъ объ одномъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ важныхъ центровъ Подоля въ былыя времена.

Въ настоящее время это—небольшое и повидимому не слишкомъ богатое село съ маленькой, старинной церковью, мало отличающаеся своею наружностью отъ прочихъ подоляскихъ селъ; только недостатокъ лѣса въ окрестностяхъ Бакоты, не смотря на присутствіе садовъ при каждой хатѣ, сообщаетъ селу грустный, какъ-бы сосредоточенный видъ—точно оно склонилось надъ рѣкою у подножія горъ и задумалось надъ превратностями судьбы, припоминая, сколько важныхъ историческихъ событій видѣли эти горы, сколько поколѣній самыхъ различныхъ племенъ и эпохъ прошли по нимъ; каждая эпоха приносила поочередно свои интересы и свою культуру, но отъ нихъ не сохранилось и слѣда ни на поляхъ бакотскихъ, ни въ народной памяти, ни въ историческихъ матеріалахъ.

Впрочемъ все пережитое не могло не оставить слѣда въ характерѣ и физиономіи мѣстнаго населенія. Дѣйствительно постороннему человѣку сразу бросается въ глаза чрезвычайная сдержанность и осторожность, даже недоувѣрчивость въ отношеніи ко всему чужому. Подобное настроеніе является, вѣроятно, отголоскомъ вѣковыхъ традицій; выражается оно чрезвычайнымъ развитіемъ въ народѣ суевѣрія, находящаго поддержку въ многочисленномъ классѣ всевозможныхъ знахарей и знахарокъ, вѣдьмъ, ворожекъ и т. п., которые на всѣ лады эксплуатируютъ довѣріе и благосостояніе населенія не только на мѣстѣ, но и далеко за предѣлами своего уѣзда. По словамъ г. Шманскаго, едва-ли не половина бакотскихъ жителей, кромѣ обычныхъ крестьянскихъ промысловъ, занимаются въ

большей или меньшей степени некроманціей; особенно крупный процентъ въ этомъ отволеніи падаетъ на женскую половину населенія, при чемъ занятія, кажется, строго дѣлятся по специальностямъ: одніе гадаютъ на бартахъ, другіе иными способами; есть спеціалистки, которыя лѣчатъ и заговариваютъ болѣзни, открываютъ воровъ, посылаютъ и отгоняютъ всевозможныя несчастья, разлучаютъ супруговъ и влюбленныхъ и наоборотъ возвращаютъ любовь посредствомъ приворотнаго зелья; иныя промышляютъ п ядами, въ особенности чрезвычайно сильными наркотиками изъ мѣстной флоры, тщательно скрывая свой секретъ. Особенно многочисленную практику имѣютъ двѣ послѣднія категоріи,—очевидно роль человѣческой страдаетъ сильною потребностью жить лирической жизнью и въ тоже время наносить вредъ своимъ подругамъ; наиболѣе обширной и, какъ говорятъ, заслуженной извѣстностью пользуется за свои приворотныя средства одна изъ самыхъ старыхъ знахарокъ, которую все считаютъ вѣдьмой; она даетъ какой-то цвѣтокъ, который сразу возвращаетъ своему обладателю утраченную любовь или поселаетъ новое чувство въ симпатичной ему особѣ, и другой цвѣтокъ, уничтожающій немедленно всякую симпатію. Къ этой женщинѣ пріѣзжаютъ въ большомъ количествѣ даже изъ другихъ уѣздовъ не только люди изъ необразованныхъ классовъ, но зачастую даже представители интеллигенціи въ краѣ; вѣра въ могущество бакоетской «вѣдьмы» такъ сильна, что напримѣръ жена, оставившая мужа для кого нибудь другаго, узнавъ, что мужъ ея побывалъ въ Баботѣ, спѣшитъ возвратиться къ нему сама, не дожидаясь неизбежнаго дѣйствія зачарованнаго цвѣтка. Но случаются также весьма трагическіе эпизоды, происходящіе изъ личной вражды. Такъ напримѣръ одна крестьянка, желая отомстить за что-то своему знакомому, запаслась у знахарки зельемъ и подвесла его въ чаркѣ горѣлки, отъ которой несчастный крестьянинъ упалъ замертво и затѣмъ на всю жизнь остался помѣшаннымъ. Не удивительно, что такія ловкія особы успѣваютъ собрать себѣ порядочное состояніе на счетъ чужаго легконѣрія; однако суевѣрный страхъ обезпечиваетъ ихъ имуществомъ отъ всякихъ покушеній среди мѣстнаго населенія. Впрочемъ нѣсколько лѣтъ назадъ случилось провешестіе, сильно взволновавшее всю Баботу. Вблизи села проживали нѣсколько человѣкъ великороссовъ, кажется, артель рабочихъ или огородниковъ, что-то въ этомъ

родѣ. Не успѣвъ еще проникнуться мѣстными суевѣрїями и провѣдавъ о богатствѣ знахарокъ, русскіе неоднократно похвалялись передъ ними и однажды ночью явились къ одной изъ самыхъ состоятельныхъ, и связавши ее, ограбили на весьма крупную сумму. Участники преступленія вскорѣ были открыты и задержаны, правда при содѣйствїи полицейской власти, а не сверхъ-естественныхъ силъ, и хотя ихъ не постигло никакое сверхъ-естественное наказаніе, однако послѣднее обстоятельство ни жазо не поколебало въ крестьянахъ увѣренности въ могущество ихъ вѣдьмъ.

Подобная возведенная въ систему эксплуатація народнаго невежества съ одной стороны и такое глубокое суевѣрїе съ другой, разумѣется, не могутъ быть дѣломъ одного дня, они создаются весьма продолжительнымъ временемъ, можетъ быть цѣлыми вѣками. При этомъ нельзя обойти молчаніемъ существующее въ польской исторической литературѣ мнѣніе, будто для отравленія Барвары Радзивилловны, жены короля Сигизмунда Августа, была вызвана знахарка изъ подольской земли; нѣкоторые лица изъ мѣстной польской интеллигенціи увѣряютъ даже, что такая отравительница не могла быть вызвана изъ инаго мѣста, кромѣ Бакоты. Конечно, фактъ этотъ не доказанъ и его можно оспаривать въ частныхъ случаяхъ, но во всякомъ случаѣ онъ можетъ служить яснымъ доказательствомъ тому, что и въ старину въ подольской землѣ было чрезвычайно развито «виденство» и знахарство во всѣхъ его видахъ и что главнымъ ихъ центромъ считается Бакота.

Н. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОФРОНИЙ ДОБРАШЕВИЧЪ, АРХИМАНДРИТЪ НОВОЙ СЕРВІИ.

Мы намѣрены сообщить свидѣнія объ этой личности и въ связи съ тѣмъ о судьбѣ новосербскаго преображенскаго монастыря на основаніи просмотрѣнныхъ вами подлинныхъ документовъ въ архивѣ святѣйшаго синода.

Новою Сербією, какъ извѣстно, названо въ указѣ императрицы Елисаветы Петровны отъ декабря 1751 года пространство мало до того населенной земли, такъ называемаго «Двѣаго Поля»; оно предназначено было для поселенія сербскихъ выходцевъ изъ Венгріи, жившихъ тамъ на турецкомъ пограничьи, съ обязательствомъ военной службы, но уже съ 1740 годовъ постепенно преобразуемыхъ въ мирныхъ поселянъ. Новая Сербія простиралась на востокѣ отъ праваго берега Дибра до Сипюхи, на сѣверѣ граничила съ Польшею, на югѣ соприкасалась съ владѣніями Запорожской Сѣчи. Хотя по смыслу указа бывшіе тамъ до сего жители должны были выселиться въ другія мѣста (не указано, какія), но они остались ¹⁾ и включены были въ составъ военныхъ сербскихъ поселеній. И самыя эти поселенія были сербскими только по преобладающему въ нихъ начальствующему элементу изъ сер-

¹⁾ Изъ справки сенатской канцеляріи, съ отъѣзда пажуберъ-подполковника де-Боскета на запросъ синода въ февралѣ 1752 г., видно, что въ 1745 г. тамъ были церкви—одна въ Казанскѣ Петровской, одна въ Мониуринѣ Роговѣ, въ Крыловѣ Іоаннѣ, въ Стецкѣ одна, въ Вестеровѣ одна, въ мѣстечкѣ Цыбуленѣ одна, въ селѣ Уховѣ одна, въ селѣ Гаванцовѣ одна, въ селѣ Табуричѣ одна и Брюковѣ одна. Всѣ эти и другія поселенія завлѣкли тогда отъ казаческаго

бовъ; на самомъ-же дѣлѣ, какъ и въ указѣ обозначалось, этотъ округъ данъ «приходящимъ народамъ—сербскому, македонскому, болгарскому и волосскому».

Австрійской службы полковникъ, теперь русскій генералъ майоръ Иванъ Самойловичъ Хорватъ въ 1752 году съ своими единоземцами занялъ отведенныя мѣста, какъ главный пачальникъ всего новозаводимаго поселенія, и при рѣкѣ Большой Выси, близъ польской границы, устроилъ шалецъ, родъ крѣпости, съ поселеніемъ, кои и составили Новомиргородъ, названный такъ потому, что мѣстность причислялась прежде къ малороссійскому миргородскому полку. Новомиргородъ сдѣлался резиденціею Хорвата и центромъ управленія всего поселенія. Сербовъ и «другихъ единокрѣпныхъ народовъ», то есть болгаръ и волоховъ, недостаточно оказалось для заселенія; но права и льготы, какъ и «вольности», восполняли этотъ недостатокъ привлеченіемъ жителей изъ малороссійскихъ русскаго и польскаго государствъ, польскихъ шляхтичей, раскольниковъ, евреевъ и проч.

23 марта 1753 года правительствующій сенатъ сообщилъ въ синодъ вѣдѣніемъ слѣдующее.

«Правительствующему сенату генералъ майоръ Хорватъ поданнымъ доношеніемъ представлялъ: понеже де нахѣреніе сво предпринято въ Новой Сербіи при поселеніи первой роты, гдѣ и овъ свое жилище съ фамиліею взялъ, по обѣщанію своему изъ собственнаго ево кошту построить монастырь каменный во имя Николая Чудотворца, къ чему еще прошедшей осени архитекторъ подраженъ, и матеріалами потребными чрезъ проходящую зиму, дабы въ работу съ ближающею весною вступить, заготовляется, въ которомъ монастырѣ къ ревности православнаго извѣстнаго, водъ высочайшее ея императорскаго величества милосердіе и вѣчное подданство изъ другихъ державъ прибѣгающаго народа, кой

гетманскаго управленія... «Выше означеннаго де церква уновательно состоитъ въ славнѣи кіевскаго митрополита. А понеже де отъ 1745 году повинѣ нователью въ тѣхъ завѣтровскихъ мѣстахъ церквей еще итѣкальнѣе построено, по какому числу, о томъ у него подпольовника де-Баскета извѣстія не имѣется». О мѣстности и распредѣленіи ротъ Новой Сербіи см. статью священника *Вислава Никшичъ-Борова* «Очерка александрійскаго уѣзда, сербской губерніи» (въ Херувск. Епарх. Вѣдомостяхъ, за 1876 годъ).— А.

черезъ то со всеѣмъ своимъ усердіемъ поощрять въ православное отечество къ выѣзду еще лучше будетъ, не инымъ-бы, какъ токмо изъ того православнаго націона, монахомъ, іеромонахомъ и духовнымъ начальнымъ властямъ и управителямъ быть: на что потребно отъ святѣйшаго правительствующаго синода благословеніе и указъ получить, чтобъ быть во ономъ архимандріи. И выпѣ на первый случай изъ того-жь народа предъ недавнимъ временемъ выѣхавшаго изъ святой афонской горы Іоанна Предотечева монастыря, называемаго Діонисіево, греческой націи, архимандрита Іоакима Ралова учредить, который къ тому желанію свое имѣеть и притомъ еще пользу высокому интересу учинить въ приглашеніи и подзовѣ на поселеніе въ Новую Сербію скртымъ и пскуепымъ въ томъ образомъ изъ потребныхъ мѣстъ надобнаго православнаго народа (отбывши подъ секретомъ въ прежній свой монастырь) дѣйствительно общается. А пока онъ съ святыхъ горъ прибудеть, чтобъ смотрѣніе кому около вновь того заводимаго монастыря имѣть, и то на кого положить можно, сербославенской націи находящагося здѣсь, въ Москвѣ, предъ вѣсколькимъ временемъ выѣхавшаго въ Россію игумена Афонасія Малутиновича опредѣлить-бы. Того ради правительствующаго сената онъ генераль майоръ Хорватъ просилъ въ началѣ того дѣла и реченнаго архимандрита въ оной монастырь о благословеніи, и что дѣйствительно онъ уже увѣреннымъ остался, въ томъ безъ разглашенія о немъ подъ секретомъ къ присягѣ привести: о опредѣленіи-жь въ тотъ монастырь и реченнаго игумена, который-бы въ строеніи того смотрѣніе свое и прилѣжность имѣлъ, и выѣзжающихъ изъ тѣхъ націй для пребыванія въ тотъ монастырь монаховъ содержать до прибытія архимандрита (о которомъ-бы ему игумену знать не дано было) могъ, святѣйшему правительствующему синоду сообщитъ. А какъ-бы оной монастырь при новости и началѣ еще въ тѣхъ мѣстахъ поселенія и въ недостаточности чтобъ милостынею содержать отъ вновь выѣзжающаго народа, и чтобъ въ немъущемъ себе пропитаніи и нуждѣ при собраніи въ ономъ братіи въ первомъ случаѣ не признавали, и хочай малое къ содержанію себе удовольствіемъ помилваніе имѣли, милостивое разсужденіе и разсмотрѣніе учинить, и какъ вновь начинающійся къ прибѣжищу иностраннаго православнаго

народа духовнымъ чинамъ монастырь всѣми потребными церковными книгами опредѣлить снабдить.

Правительствующій сенатъ приказали сообщать вѣдѣніемъ въ святѣйшій правительствующій синодъ, что предписанное генерала-маіора Хорвата представленіе признавать за весьма полезное и удобное дѣло. Для того святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ по тому сво генерала-маіора Хорвата представленію какъ о построеніи того монастыря и о бытіи въ ономъ архимандритѣ и о учрежденіи на первой случай выѣхавшаго изъ афонской горы архимандрита Іоакима Ралова, такъ и о порученіи вынѣ въ смотрѣніе того монастыря игумену Афанасію Милутиновичу, на объявленномъ отъ него Хорвата основаніи, подлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе учинить, и ево генерала-маіора, и еще кого по духовной командѣ слѣдовать будетъ, указами снабдить непродолжительно. Припомъ же тотъ монастырь и церковными книгами, сколько какихъ потребно, отъ святѣйшаго правительствующаго синода снабдить, и означеннаго игумена указомъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода безъ умедленія туда отправить. А что касается содержанія того монастыря хотя малыхъ чѣмъ, дабы по новостіи тамошняго мѣста въ неимущемъ пропитаніи и нуждѣ при собраніи во ономъ братіи въ первомъ случаѣ не признавалъ: того ради какъ оному игумену, такъ и по началѣ прибытія во оной монастырь монаховъ на содержаніе ихъ надлежащею ругою за высочайшее ея императорскаго величества здравіе отпускатъ денежной казны изъ опредѣленной въ генералу-маіору Глебову на сербовъ суммы до тысячи рублей въ годъ. И святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ о томъ вѣдать учинить; а Хорвату посланы указы. Марта 23 дня 1753 года».

Игуменъ Афанасій Милутиновичъ былъ уже извѣстенъ синоду и по сообщеніямъ военной коллегіи, и по собственнымъ касательно его распоряженіямъ. Еще 7-го января 1752 года коллегія сообщила, на основаніи прошенія Милутиновичева, что «онъ по усердію своему ко всероссійской имперіи, будучи въ введенскомъ славносербскомъ монастырѣ въ афонскихъ горахъ, въ 1741 году вышедшихъ изъ турецкаго плѣну россійскихъ солдатъ трехъ человѣкъ своимъ немалымъ коштомъ въ Константинополь къ бывшему тогда посломъ графу Румянцеву отвезъ, по за то себѣ никакаго награж-

денія не получалъ; да и сверхъ того еще онъ между сербскимъ народомъ своимъ ревностными внушеніями къ пользѣ и славѣ Россійскія имперіи услуги показывалъ. И хотя де онъ потомъ сербскими офицерами на имѣющее между сербскимъ и валахейскимъ народомъ въ Арадѣ порозжее архіерейское мѣсто и избранъ былъ, однакожь со стороны римскаго императорскаго двора въ томъ подѣ разными претекстами отказано. И тако де онъ, видя православной христіанской вѣры развращеніе, принялъ свое желаніе прибѣгнуть въ здѣшнюю имперію, дабы вѣчно іеромонашескую жизнь свою въ покойномъ благочестіи окончить. И коллегія рекомендуетъ его прележно святѣйшему синоду».

Въ капцеларіи синода Милутиновичъ показалъ о себѣ, что онъ—сербянинъ, родился въ цесарской области, въ губерніи темяшварской, гдѣ по желанію своему пресвященнымъ Викентіемъ митрополитомъ постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеродіакона, и жительствовалъ при немъ по 725 году, а въ томъ году по смерти его пресвященства пришелъ во авоецкую гору, гдѣ и принятъ въ братство во введенскій хиландарскій монастырь, и тамъ 732 года пресвященнымъ Стефаномъ, митрополитомъ іерійскимъ, посвященъ въ іеромонаха, а въ 741 году пришедшихъ въ тотъ монастырь изъ турецкаго плону російскихъ солдатъ трехъ человекъ своимъ немалымъ коштомъ вывезъ въ Константинополь къ бывшему послу, графу Румянцеву. И послѣ того и самъ онъ въ 742 году былъ въ Россіи для собранія милостыни на тотъ монастырь, и собрано было 600 рублей и отослано съ оказіею въ тотъ монастырь. Самъ же за несносными безпокойствами отъ турокъ въ монастырь не возвратился, а остался въ Сербіи при патриархѣ Арсеніи, и между тѣмъ сербскими господами избранъ былъ въ архіерейство, но со стороны римскаго императорскаго двора отказано, а вступилъ въ то достоинство уніатъ»... По распоряженію синода былъ онъ 22 генваря 1753 года отпращенъ въ московскую епархію къ митрополиту Платону, который помѣстивъ его сперва въ Чудовъ монастырь, потомъ въ грощной лаврѣ «съ нѣкоторымъ респектомъ» въ янцѣ и содержаніи. Когда же 8 марта Иванъ Шевичъ съ штабъ и оберъ-офицерами своими, бывши въ Москвѣ, подавъ синоду доносъ, что Милутиновичъ «чинитъ непристойныя разглашенія и пришедшимъ

съ Шеввчемъ въ Россію офицерамъ развращенія», то синодъ перевелъ его въ Петербургъ на троицкое подворье (отъ 13 марта).

5 апрѣля 1753 года синодъ сообщилъ сенату, что онъ «представленіе генерала-майора Хорвата о построеніи въ Новой Сербіи по обѣщанію ево собственнымъ коштѣмъ, для пребыванія выѣзжающихъ изъ повелѣнныхъ надей монаховъ и ради лучшаго выѣзду тамошняго народа, каменнаго монастыря признаваетъ за весьма полезное и удобное дѣло, а посему опредѣлить поднести ея императорскому величеству исподданнѣйшій докладъ». Самыи докладъ есть повтореніе прошенія Хорвата и справки съ отношенія коллегіи.

Тогда же, должно быть, и Милутиновичъ отправленъ былъ въ Новую Сербію въ распоряженіе Хорвата; но послѣдній, какъ видно, изъ случайнаго въ 1759 году упоминанія «за непостоянное житіе и подозрительное обращеніе съ гайдамаками» выслалъ его очень скоро (не позже 1755 года). Затѣмъ имѣется сообщеніе сената синоду: «отъ 6 мая 1756 года Хорватъ донесъ, что «пока не получая дозволенія о монастырѣ, онъ началъ каменную соборную церковь въ Новомиргородѣ, но что если выйдетъ дозволеніе, то немедленно приступитъ къ постройкѣ монастыря, а между тѣмъ настоятелемъ будущаго монастыря желаетъ имѣть архимандрита Софронія, который и отправленъ имъ въ Петербургъ. А генерал-лейтенантъ Глебовъ присланнымъ же отъ 27 марта репортѣмъ объявилъ, что оной архимандритъ Софроній сербской націи выѣхалъ въ 755 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ изъ турецкой области зитрополь валевакской *) свято-николаевскаго монастыря, желая въ вѣнчомъ ея императорскаго величества подданствѣ въ Новой Сербіи остаться и поэтому генералъ-лейтенантъ Хорватъ требовалъ привести его къ присягѣ и поручить ему устройство въ новомиргородскомъ шаниѣ монастыря»... Но какъ уже предположено было имѣть архимандрита Іоакима Ракова, да и о монастырѣ рѣшенія не было, то рѣшили отправить его въ Петербургъ. Сенатъ просилъ привести его къ присягѣ и впредь до рѣшенія дѣла о монастырѣ, позачинитъ ему, по возвращеніи въ Новую Сербію, служить въ приходскихъ

*) Валаво—городъ въ вѣнчскомъ королевствѣ Сербіи-ѣт., на сѣверѣ отъ Ужана, на рѣкѣ Валяветъ Водубоф.

церквахъ, считался архимандритомъ монастыря, который Хорватъ вознамѣрился устроить.

Въ журналѣ синода отъ 1 іюля 1756 года записано опредѣленіе: 1) привести означеннаго архимандрита Софронія къ присягѣ на вѣрность; 2) взять съ него сказку, сколько есть монаховъ въ Новой Сербіи; 3) отпустить его въ Новую Сербію и дозволить служить въ приходскихъ церквахъ; 4) въ какомомъ монастырѣ на первый случай довольно судится быть архимандритъ одинъ, іеромонаховъ четыре, іеродіакона три, монашествующихъ и другихъ чиновъ до пятнадцати человѣкъ; а на содержаніе тысячу рублевъ.

Требуемая сказка подана Софроніемъ 3 іюля 1756 г. и въ ней показано слѣдующее: «Во оной новонаселенной въ Россіи Сербіи, коя поселеніе имѣетъ близъ Миргорода, состоящаго въ кіевской губерніи, прибывшихъ изъ серблянъ монашествующихъ нынѣ находится іеромонаховъ: изъ монастырей крушдольскаго Прохоръ, изъ Ораховицы Псаія, Леонтій, Захарія, Арсеній, Дмитрій, да изъ сербской деревни Далъ¹⁾ бѣлый діаконъ Павелъ. И изъ оныхъ нынѣ обывають іеромонахъ Прохоръ да діаконъ Павелъ въ Миргородѣ для ученія дѣтей въ школахъ магистрами, іеромонахи-жъ Псаія въ кіево-братскомъ, Леонтій въ кіево-межигорскомъ, Захарія въ кіево-греческомъ, Дмитрій въ заднѣпровскомъ городищномъ монастыряхъ для пропитанія по позволенію преосвященнаго Тихоося, митрополита кіевского, Арсеній въ Миргородѣ при нандурскомъ полку, а Іезекиль въ Миргородѣ-жъ при полковомъ священникѣ Петрѣ, который имѣется у Хорвата».

Послѣ сего синодъ положилъ привести въ исполненіе свое опредѣленіе отъ 1 іюля и выветѣ отчислить Новую Сербію отъ кіевской епархіи въ переяславскую. Указомъ 5 іюля 1756 года дано знать Іоанну, епископу переяславскому и бориспольскому, что ему подищева Новая Сербія, то есть вѣрность св. Елизаветы съ двадцатью тремя слободами Новой Сербіи.

Того-же числа опредѣлено «видать Софронію изъ синодальной ризницы въ Москвѣ архимандричью шапку изъ находящихся въ пожиткахъ послѣ духовныхъ переселъ, коя бы не превосходила цѣнныи свыше ста рублевъ», а 25 іюля: «въ разсужденіи его иностран-

¹⁾ Далъ—известно при Дунаѣ, въ Сербіи.

ства дать наперстный крестъ серебряный съ дѣпочкою, и на покупку онаго употребить до тридцати рублевъ¹⁾, равно выдать для предполагаемаго монастыря десять паръ облаченій священническихъ и дѣвонскихъ и тридцать четыре богослужебныхъ книги, кои и помечованы.

Предъ выѣздомъ Софроній просилъ синодъ подтвердительной себѣ грамоты на архимандрію и согласно требованію подалъ о себѣ 2 августа 1756 года сказку, въ которой изъяснялъ: «природою де онъ Софроній обрѣтающагося въ Цесаріи города (Осека¹⁾), въ монашество постриженъ въ Цесаріи жъ, въ монастырѣ называемомъ Крушедолѣ, въ 1740 году; въ бытность въ томъ монастырѣ произведенъ во іеродіакона Георгіемъ Поповичемъ, митрополитомъ темешварскимъ, въ томъ-же году, и во іеромонаха Павломъ Пенатовичемъ, епископомъ плашскимъ²⁾, а въ коемъ году, о томъ де онъ архимандритъ Софроній отъ того епископа, да и о постриженіи де въ монашество отъ духовника своего, означеннаго монастыря Крушедола архимандрита Аѳанасія Величкова письменныя аттестациі имѣеть, на іеродіаконскій-же чинъ аттестациі тамо не дается. И въ томъ де монастырѣ Крушедолѣ обывалъ онъ Софроній до 747 г., а во ономъ взятъ онъ ко Іоанну Георгіевичу, епископу осекскому, у коего де бывши въ священнослуженіи чрезъ четыре года по своему желанію, а по увольненію онаго епископа Іоанна, отлучася отъ него, приѣхалъ въ турецкую область, въ вышеупомявенной валецкой епархіи свято-ніколаевскій монастырь, гдѣ де такоужъ въ священнослуженіи іеромонахомъ пребывалъ до 753 года, а въ томъ де году декабря 25 числа произведенъ онъ Софроній въ тотъ свято-ніколаевскій монастырь архимандритомъ преосвященнымъ Павсіемъ, митрополитомъ валецкимъ, о чемъ де отъ того митрополита за рукою его и свидѣтельствующая о томъ его Софронія во архимандрита произведеніи грамота дана, кою де такоужъ и вышеупомянутыя аттестациі оригинальныя имѣеть при себѣ, и ежели де повелѣно будетъ, то де онъ архимандритъ Софроній святѣйшему правительствующему синоду объявить имѣеть неотменно».

¹⁾ Осека, это городъ Ессекъ, древняя Mutisia. Осека переводилась въѣдича.

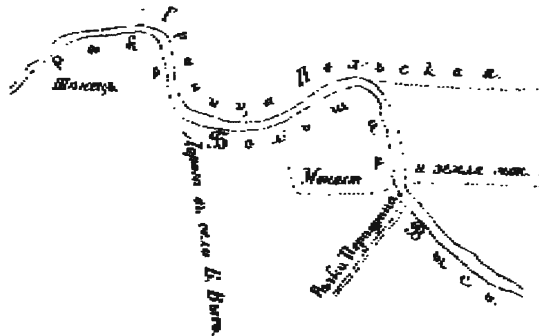
²⁾ Плаша, по вѣсткамъ Кармылатъ, въ Крѳоніи.

18 августа св. синодъ выдалъ ему грамоту, сущность которой въ слѣдующихъ начальныхъ строкахъ:

«Благословили мы свят. прав. всероссійскій синодъ выѣхавшему въ Россію изъ турецкой области, митрополѣмъ валеиской святопикомаевскаго монастыря архимандриту Софронію въ Новой Сербіи, состоящей въ кіевской губерніи, до воспослѣдованія о построеніи тамо монастыря высочайшаго ея императорскаго величества указа въ приходскихъ находящихся во оной церквахъ священнослуженію по чиноположенію святаго восточнаго грекороссійскія церкви отправлять, наружный на переѣхъ крестъ носить, архимандричью шапку и налицу въ служеніи, также и мантию и жезлъ, по обычаю малороссійскихъ архимандритовъ, употреблять, нижеслѣдующаго ради о немъ Софроніѣ обстоятельства. Сего 1756 года іюня 21 дня сообщено, что онъ прислалъ отъ Хорвата... и проч. Въ заключеніи грамоты внушается Софронію покорность епархіальному архіерею. Подписали грамоту: смиренный Сильвестръ, архіепископъ салтнербургскій и шлютенбургскій и архимандритъ александровскаго троицкаго монастыря. Смиренный Димитрій, епископъ разанскій и муромскій. Смиренный Веніаминъ, епископъ тверскій и кашинскій. Аонасій, архимандритъ свято-троицкія лавры. Варлаамъ, архимандритъ донской».

По предположенію епископа Іоанна изъ тысячи рублей ежегодной милостыни на монастырь архимандритъ имѣлъ получать 350 р., 4 іеромонаха по 35 р., 3 діакона по 26 р., 15 человекамъ -служальскимъ» довольно было по 14 р., -предая прочее на разсужденіе его архимандрита». Довося объ этомъ синоду, преосвященный увѣдомилъ, что Хорватъ выдалъ Софронію ирвинтающуюся сумму, какъ на сентябрьскую треть 1756, такъ и на весь 1757 г.

При семъ сообщенъ былъ и планъ новомыргородекаго поселенія и отводной монастырю земли съ поясненіемъ, что монастырь отъ шанца будетъ въ трехъ верстахъ; земли пахатной и сѣнокосной 370 десятинъ, да къ тому изъ лѣсныхъ угодьевъ для пасѣки монастырю изъ полковаго лѣсу изъ Чуты 200 десятинъ. Планъ:

Отъ 27 генваря 1759 года епископъ Гервасій, преемникъ Иоанна, донесъ синоду, что 11 генваря настоящаго года архимандритъ Софроній Добрашевичъ доложилъ ему о намѣреніи своемъ «для проживающихъ въ Новой Сербіи и приходящихъ монаховъ къ привлекчѣйшему имъ житію въ избранномъ имъ архимандритомъ Софроніемъ въ лѣсѣ прозываемомъ Чутою до состроенія предбудущаго въ Новой Сербіи монастыря подворье, въ которомъ и церковь во имя Преображенія Господня, постройтъ, о чемъ вмѣстѣ благословеніе и покойнаго антецессора моего, преосвященнаго Иоанна, епископа переяславскаго, и дозволеніе состоящаго при гусарскихъ полкахъ главнаго командира генераль-лейтенанта Пвана Самойловича Хорвата». Гервасій говоритъ, что далъ свое благословеніе особенно въ виду непристойности жить монахамъ въ Миргородѣ среди свѣтскихъ персонъ.

Дозволеніе Хорвата выражено было въ двухъ письменныхъ *салюгардіяхъ*: одною, выданною 20 генваря 1757 года на имя іеромонаха Исаака съ тремя другими монахами, дозволялось построить «скитокъ» въ Черномъ лѣсѣ, при рѣчкѣ Рудой, въ дачахъ гусарскаго хорвата полка седмойнадесятъ роты, въ шанцѣ дмитровскомъ, и ради служенія церковь; другою, отъ 8 марта того-же 1757 года, выданною монаху Іакинѣу съ другими, позволялось пользоваться лѣсомъ и землею по отводу командировъ роты и строиться въ Чутѣ, если найдутъ способное къ тому мѣсто.

И вотъ монахи, предположивъ сначала строгиться въ Черномъ лѣсѣ, перешли въ Чуту и задумали основаться на мѣстѣ бывшей пасѣки николаевскаго пустынно-медвѣдовскаго монастыря (въ 20

верстахъ отъ Чигривна), неизвѣстно когда заведенной, но теперь (можетъ быть изъ божиш гайдамакъ или по приказу начальства при основаніи Новой Сербш) брошенной и запустѣлой. Найдя тутъ препятствіе, о которомъ будетъ рѣчь далѣе, они воротились къ Черному лѣсу.

Строить долго впрочемъ не пришлось; уже въ іюль 1759 г. Софроній доносъ преосвященному Гервасію о воспослѣдовавшемъ отъ Хорвата запрещеніи строиться и разореніи построекъ. Гервасій напугавъ старача нѣсколько рѣзкою извѣстою къ Хорвату, на которое получилъ (отъ 5 октября) отвѣтъ. Въ послѣднемъ Хорватъ жалѣется, что «такъ безразсмотрительно, не учиня напередъ споменія», преосвященный наосъ ему огорченіе. Далѣе овъ пишетъ: «строеніе какъ было, такъ и остается; да и можно-ли думать такъ, когда самъ я о построеніи монастыря того неспросилъ благословеніе отъ автесесора вашего и въ отведенной по шесочайшему соизволенію и узаконенію изъ капитанской сына моего дачи землю опредѣлялъ, и къ зачатію того деньгами, къ продовольствію монастыря мельницею ¹⁾, а къ тому и данными салвогардіями и къ помощи оного вызванными съ Польши нѣсколькими семьями снабдилъ, гдѣ то подворье въ обзаводствѣ своемъ и начало взяло; но за препорученіемъ оного помянутому архимандриту Софронію, по беспокойному ево жительству, какъ монахи за крайнимъ отъ него притѣвленіемъ и побоями неоднократно разогнаны, такъ и сколько пчелы в прочаго, что до ихъ пропитанія и отъ добрыхотныхъ дателей присвокуплено, истреблено и распродано. Не можете-ль ваше преосвященство изъ той ево беззудной жалобы познать напосмыхъ и лживыхъ клеветъ? Какая-жь ему причина быть могла изъ опредѣленнаго столь выгоднаго мѣста то подворье перенести на другое, гдѣ для многихъ причинъ и опасностей, чего до откровенности духовенству и не слѣдуетъ ²⁾, тѣмъ монахамъ и людямъ быть отнюдь невозможно, и въ то мое въ Салтцгербургъ отбытіе воспользоваться у вашего преосвященства? И ваше преосвященство въ то мое отбытіе, учиня

¹⁾ Мельница, данная монастырю, находилась на р. Истудль, при вышней деревнѣ Христофоровѣ.

²⁾ Т. е. чего, откровенно говоря, духовенству и не подобаетъ; разумѣть дружбу съ гайдамаками, какъ еще не хало находилось въ Чугѣ.

будто не зная оного, только за извѣстіе ко мнѣ письмо изъ Новую Сербію отправили, а оныя съ того учинилася было здѣсь самовластнымъ, а потому и удержанъ офицерами¹⁾ отъ самоуправства въ выборѣ земель и дачъ, кои точно разграничены между полками и ротами до послѣдняго человѣка. Ссылаюсь на совѣтъ самого архимандрита Софронія, не чрезъ меня ли оныя высочайшею милостию пользуетея, и могъ ли бы оныя по своему въ прежнихъ мѣстахъ обдержанію здѣсь то получить?... Елико жъ принадлежитъ до ево жалованья, оное ему на первый годъ 400 рублей, а на другой 500 рублей выдано, а на нынѣшній годъ не произведено по причинѣ неимѣнія въ новосербской суммъ денегъ, почему и воинскіе въ корпусѣ чины за два и за три года жалованья не получили. Въ этомъ же письмѣ Хорватъ тонко намекаетъ, что забота о гражданскомъ благосостояніи края лежитъ на немъ, Хорватѣ, а не на его пресвященствѣ.

При обоюдномъ раздраженіи оба правителя, свѣтскій и духовный, не пришли къ соглашенію. Хорватъ еще разъ (9 декабря) писалъ преосв. Гервасію, съ поясненіемъ, что первая салвогардія дана малороссійскимъ монахамъ, коихъ архимандритъ разогналъ, что «въ Чутѣ нѣкакъ удержаться не можно отъ гайдамакъ», что и въ Черпояхъ тѣсѣ монахи укрывали гайдамакъ и оружіе, что Софроній такой же ненадежный и непостоянный человѣкъ, какъ и бывшій тутъ прежде игуменъ Милутинновичъ, и просилъ отправить его куда нибудь въ глубь Россіи. Не получивъ отвѣта, Хорватъ послалъ жалобу въ сенатъ, а послѣдній въ началѣ февраля 1760 г., сообщилъ синоду вѣдѣніемъ о донесеніи Хорвата, что «пресвященныи Гервасій, епископъ переяславскій, письмомъ своимъ, по нараснымъ и ложнымъ извѣстіямъ архимандрита Софронія, безъ всякаго перво споменія и усмотрѣнія справедливости, почитаетъ сво генерала-лейтенанта противникомъ противу Бога и огорчителемъ Его, и другіе ко обезславленію имени сво Хорвата термьями включитъ, и разорителемъ храма Божія почеть и подвель правило²⁾, служащее

¹⁾ Имена, подполковникъ Алексѣй Константиновъ далъ Софронію знать чрезъ письмо, отъ 6 апрѣля 1759 г., что до прѣѣзда Хорвата къ С.-Петербургу сіи не должны предозвать пострѣкъ.

²⁾ Пресвященныи въ дѣявномъ ессѣи пасыѣ привелъ 24 правило IV вселенскаго собора и 13 пр. VII всел., по которымъ разорители церквей, если они духовные, подлежатъ изгнѣженію, а если хіраки, тѣ отлученію.

ко отлученію за то отъ церкви: съ котораго ево преосвященнаго и съ отвѣтнаго на то отъ него генерала писемъ на разсмотрѣніе приложилъ при томъ доношеніи копїи и просилъ по онымъ рѣшеніямъ. Приказали: о томъ въ святѣйшій правительствующій синодъ сообщить вѣдѣніе, показавъ во ономъ, что, по данной реченному генералу-лейтенанту Хорвату, за подписаніемъ собственными ея имп. величества руки, привилегїи, подъ Новую Сербїю отведенная земля, съ поселяемымъ на оной повелѣнныхъ нацевъ народомъ, въ вѣдомствѣ ево генерала-лейтенанта состоитъ, кой о умноженіи тамъ народа стараніе свое прилагать долженъ, и прилагаетъ; для котораго поселяемаго народа онъ о построеніи тамъ и монастыря представлялъ и выбралъ удобное мѣсто, а между тѣмъ монастырь теперь начать строиться на новомъ мѣстѣ въ Черномъ лѣсѣ, и потому, предупреждая неурядки, воспретилъ то дѣлать».

Въ этомъ донесеніи Хорватъ изволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторую неточность, сказавши, что архимандритъ вмѣсто избраннаго мѣста, то есть близъ Новомиргорода, началъ самовольно строиться въ Черномъ лѣсѣ, и вовсе умолчавши о своихъ салвогардіяхъ.

Отъ 14 февраля 1760 года синодъ потребовалъ отъ Гервасїа разслѣдовать, точно-ли на новомъ мѣстѣ строится монастырь. Но еще 6-го февраля отпущенъ Софроній въ Петербургъ «для лучшаго изъясненія о своихъ обѣдахъ отъ генерала Хорвата и доставленія обстоятельнѣйшихъ разговоровъ по тому своему дѣлу»; и отъ того-же числа епископомъ Гервасїемъ послано донесеніе синоду такого содержанія.

«Епархїи моеї переяславской, Новой Сербїи архимандритъ Софроній Добрянскій, мнѣ жившаго 1759 года генваря 14 дня, подавшимъ мнѣ доношеніемъ представилъ: минушаго 1757 года находившїйся въ Новой Сербїи при лѣсѣ Черномъ монахи даннымъ генералу лейтенанту Хорвату доношеніемъ просили для приличнѣйшаго приходящихъ и проживающихъ при лѣсѣ, называемомъ Чутѣ, монаховъ прожитія подворье, до будущаго въ Новой Сербїи монастыря, и въ томъ подворьѣ церковь во имя Преображенія Свасова соорудить; по которому де доношенію отъ него генерала Хорвата въ Чутѣ либо въ Черномъ лѣсахъ подворье и церковь соорудить и дозволено, якоже о дозволеніи и двѣ салвогардіи за это-жъ генерала рукою даны. А въ дополненіи де къ сооруденію

того подворья и церкви въ лѣсѣ Чорномъ о выдачѣ грамоты на испрошеніе милостыни въ моему антецессору, преосвященному Іоанну; отъ него-жъ писано, съ прошеніемъ выдачи книги; да и самъ де онъ генералъ пятьдесятъ рублей на заложеніе церкви зъ вазначейства и мельницу поблизу того подворья, имѣвагося быть, находившуюся даъ. И полеже де ему архимандритъ съ монахами при немъ публющимся въ Новомъ Миргородѣ жить между мірскими цезапристойно, указомъ-же де ея императорскаго величества, изъ святѣйшаго правительствующаго синода ко миѣ проплага 1757 г. отъ ноября 17 состоявшимся, между прочимъ гелѣно, что касается до имѣваго быть въ Новой Сербіи ему архимандритъ зъ братією жителства, о томъ подлежащее разсмотрѣніе в арличное къ монашескому обращенію распоряженіе миѣ учинить: того ради, представивъ онъ салвогардіи генерала Хорвата, дозволющій на состроение подворья и въ немъ церкви, просить моего на то благословенія. На основаніи таковыхъ обстоятельствъ благословеніе на заложеніе воспоминаемой церкви отъ мене дано ему архимандритъ того-жъ 1759 года генваря, и о томъ тогда-жъ какъ и вашему святѣйшеству отренортовано, такъ и къ воспоминаемому генералу лейтенанту Хорвату о вспоможеніи въ состроеніи оной церкви писано. Истекшаго-же 1758 года іюля 20 онъ-же архимандритъ Софроній чрезъ поданное миѣ доношеніе объявилъ: въ томъ де 1759 г. доношеніемъ, поданнымъ миѣ, онъ архимандритъ просилъ благословенія на заложеніе церкви подъ Чорнымъ лѣсомъ при рѣчкѣ Рудой ¹⁾, и хотя де, по тому доношенію получивъ онъ отъ мене благословеніе, церковь Спасова Преображенія заложилъ было, къ состроенію оной уконтрактовалъ обыкновенно мастеровъ ²⁾ и по надлежащему влх деньгами и харчю снабдилъ; но предвзянутый де генералъ Хорватъ, возвратяся того-жъ года изъ Санктпетербурга, не только заложеніе оное разорилъ чрезъ капитана Христа

¹⁾ Мѣстность не при самой рѣчкѣ, а верста въ семи отъ ней, и въ верстѣ отъ р. Ингульца. Руда упомянута для опредѣленности, какъ влѣкала всего теченія не больше десяти верстъ, тогда какъ Ингулецъ—больше 250. Руда впадаетъ въ Ингулецъ.

²⁾ Это «бывшій житель Цибулева Ярѣва съ лохотняками». На подворьѣ еще каляя таты Іосифъ и Романъ Соловьяки и Трохимъ Гапчаръ.

Герничъ¹⁾, майстеровъ его архимандрита съ монахами и жившихъ при томъ подворья до шести и болѣе хатъ людей разогналъ, луку²⁾, принадлежавшую къ тому подворью, отнявъ, священику ламца Дмитровскаго на хуторъ опредѣлилъ³⁾, во уничтожая уже свои салвогардіи и свое въ высоко правительствующій сенатъ представленіе, божьмъ просилъ о бытіи въ Новой Сербш монастырю и въ немъ архимандритъ зъ братією опредѣленія, чтобъ ни единаго въ томъ подворьи монаха не было, приказалъ, чѣмъ де въ такое онъ архимандритъ привелъ зъ монахами своимъ разореніе, что и насѣянный тамо хлѣбъ до двадцати двей въ пустошь и спашъ оставить принуждены. Наконецъ-же де, не довольствуясь и толкими привлюченіями обидъ, за собственные его архимандрита деньги наемнаго человѣка для присмотрѣнія и частбы света къ прожитію его архимандрита и братіи имѣющагося, въ услуженіе свое онъ генералъ насильно взялъ, и что безъ надлежащаго смотрѣнія скотъ оставленъ, сомнительно, чтобъ въ цѣлости доселѣ быть могъ. И понеже де, чтобъ по благословенію моему заложенной вимъ архимандритомъ церкви строеніе привести въ совершеніе, при коей до пребудущаго монастыря состроенія можно-бъ съ монахами въ согласіи монашескія регулы прожить, препятствуется отъ генерала Хорвата: того ради онъ архимандритъ просилъ моего ему зъ братією въ приключаемыхъ отъ него генерала Хорвата обидяхъ защищенія, а о прекращеніи тѣхъ обидъ и о состроеніи къ прожитію ему зъ братією церкви, которая зъ благословенія моего уже и заложена, къ вашему святѣйшеству отъ мене представленія. По второму архимандриты довошевію за должность мою въ томъ-же

¹⁾ Христо (Христофоръ) Герничъ есть основатель деревни Христофоровки, повнѣи существующей. Софроній послѣ (въ слухѣ) показалъ, что Герничъ повелѣлъ Солошачамъ и Гвичару отставаться въ своиъ хатахъ «за пореку и обязательство рѣбыть лавшану ему капиталу».

²⁾ Лука — малороссійское названіе лука, весной заливаемаго водою; эта лука находилась близъ сятаго подворья.

³⁾ Въ послѣдствіи въ своихъ неоднократныхъ показаніяхъ на эаресахъ зъ капцеларія саянда, Софроній сознавался, что «сторонностію о томъ заупѣдженіи его». Можетъ быть священикъ Даниль и простиралъ свои виды на монастырскую дачу и по примѣру Гернича, огниваго мельницю, думалъ овладѣть тѣмъ мѣстомъ для своего хутора, но не видю, чтобы Хорватъ дарилъ ему или обѣщалъ подарить монастырскую землю и постройки.

759 годѣ іюля дня хотя къ предвоспомянутому генералу Хорвату съ прописаніемъ предвосписанныхъ приключасмыхъ отъ его генерала архимандритѣ обидѣ и съ объявленіемъ недобраго за то преслѣдованія и писалъ, съ совѣтованіемъ и о имени нашего Спасителя прошеніемъ какъ о томъ, чтобъ оны генераль отъ приключенія обидѣ попресталъ, такъ и заложеной церкви къ прожитію архимандриты съ братією строенію не препатствовали; но что тогожь года октября 12 присланнымъ оны генераль Хорватъ ко мнѣ письмомъ объявлялъ, якобы архимандритъ на его представлялъ мнѣ неправедно. Съ опредѣленія моего въ моей консисторіи архимандритъ противъ того письма отвѣты далъ, и яко отъ его архимандриты Софронія отвѣтовъ виновенъ оны Софроній не okazaемъ, напротивъжъ того, каковы ему обиды приключены отъ генерала Хорвата, совершенно изъяснилъ: то по такимъ обстоятельствамъ, хотя объ той жалобѣ архимандриты Софронія вышему святѣйшеству и надлежало отъ мене представить, но и еще я предпринялъ въ разсужденіе себѣ, не приметъ-ли оны генераль въ раскаяніе себѣ того, сколь оны безвинно архимандрита и братію изобиждаетъ, и не оставитъ-ли ихъ въ покоѣ? И въ такомъ будучи я разсужденія, вторично къ нему генералу писалъ съ приличнымъ его чести совѣтованіемъ и о имени Спасителя нашего прошеніемъ объ томъ-же чрезъ него архимандрита Софронія. А понеже оны архимандритъ Софроній, за возвращеніемъ своимъ въ катедру, настоящаго 1760 г. января 9 дня чрезъ поданное мнѣ доношеніе объявлялъ: 1) Когда де оны минушаго 759 года декабря 1 въ Новую Сербію отъ моей катедры къ дому ¹⁾ своему прибылъ и приказалъ бывшему при немъ монаху Неаин ворота къ уѣзду отворить, то въ томъ дворѣ его учрежденные караульные три гарнизонные гранодеры Лазарь Марковичъ, Ілія Николычъ и Сладое Стефановичъ, высочивъ съ избы его съ ружьемъ, къ тому уѣзду въ дворъ его архимандриту не допустили, а сказали, что предписанный генераль пуцать ево въ дворъ не велѣлъ. Потомъ де выйшовъ съ той-же избы къ нему на улицу каштанъ Алексій Звѣца, потому-жъ сказавъ, и пополтъ о пріѣздѣ его къ дому своему генералу доложить. А оны де архи-

¹⁾ То есть въ Новокаргородѣ, гдѣ архимандритъ изъ своего жалованія пріобрѣлъ хѣсто за 100 р. и лотевую избу за 120 рублей.

мандритъ, дожидаяся извѣстія, чрезъ немалое время на улицѣ хололъ претерпѣвалъ; а потомъ де чрезъ посланнаго отъ него архимандрита въ главную тамошнюю канцелярію іеромонаха Захарію полковой канцеляріи премьеръ майоръ Николай Цветиновичъ сказалъ, чтобъ онъ архимандритъ на какой ни есть квартирѣ, пока отспортовано будетъ генералу, стать, для чего принужденъ онъ архимандритъ стоять съ прошенія своего въ дворѣ тамо жительства гусарина Михаила Кипляды, дожидаясь резолюціи чрезъ двѣ девять. 2) Полеже де чрезъ показанное время никакой резолюціи не было ему, то того-жъ декабря 9 онъ самъ къ генералу за полученіемъ извѣстія, съ какой причины ему въ домъ свой уѣздъ караульными возбраненъ, занятъ принужденъ; и когда де явился, то генералъ въ строгостию точно ему сказалъ, что въ Новой Сербіи монастырю быть вовсе отказано, и заложеной имъ архимандритомъ въ подворьѣ церкви быть крайне нельзя, понеже де тамо лежащая земля всѣ отведена на роты; пускай де архіерей въ Малой Россіи отведетъ землю и соорудитъ ему монастырь: онъ же генералъ въ Новой Сербіи ничего дать не имѣеть. 3) Когда онъ архимандритъ іеродиаконъ Геннадій спросилъ о данной ему по указу ея императорскаго величества изъ святѣйшаго правительствующаго синода архимандритчой ризницѣ, которая имъ въ домѣ его оставлена, гдѣ она находится, то онъ Геннадій сказалъ, что въ дому его архимандриты, а съ приказу генерала, въ церковь *) шавца новомиргородскаго еще до прѣѣзду его въ Новую Сербію отсюда забрата. 4) Въ оной-же де архимандритчой ризницѣ, изъ святѣйшаго правительствующаго синода данной, каковы и его собственныя **) книги находились, и тѣ тогдажъ съ тѣєю ризницею забраны въ восписавшую шавца миргородскаго церковь. Выясняя, что Хорватъ «безвинно выѣбывель» архимандрита изъ Новой Сербіи, просвященникъ просить защиты.

Въ журналѣ св. Синода отъ 7 апрѣля 1760 года записано предположенное имъ опредѣленіе: «какъ Софроній выслать Хорва-

*) Эта церковь Рождства Пресвятой Богородицы, заложена въ 1752 г. деревнянин; уродилась въ 1825 году по распоряженію военнаго начальства.

**) Изъ собственнаго письма его пишущему эти строки дѣлаются слова: «Ризницѣ о Юлианной Вѣрѣ» Дмитрія ростовскаго, съ запискою, что «сія книга принадлежала Софронію Дебравскому, архимандриту Новой Сербіи».

тожь, то дабы ему по иностранству своему не претерпѣвать нужды здѣсь, впродъ до разсмотрѣнія выѣтъ пребываніе въ ставропигіальномъ новоспаскомъ монастырѣ въ Москвѣ съ прилѣчнымъ по его иностранству респектомъ». А по сказкѣ 11 апрѣля Софроній показаль: «изъ Санктпетербурга по отправленіи своемъ въ Новую Сербію выѣхаль онъ архимандритъ 1756 году въ августѣ мѣсяцѣ, а приѣхаль туда въ октябрѣ мѣсяцѣ того-жь 1756 года, в явася находящемуся тамо генералу-лейтенанту Хорвату, жительство сталъ выѣтъ въ Миргородѣ, и потомъ по еялѣ даанныхъ отъ помянутого генерала-лейтенанта Хорвата о построєніи церкви и для жительства ему архимандриту съ монашествующими свѣтовъ дву салвогардіи, по первой въ седмойнадесятъ ротѣ въ шанцѣ дмитровскомъ, по второй въ лѣсѣ Чутѣ, гдѣ способное мѣсто взберуть, ѣздиль онъ архимандритъ въ Переяславль для полученія отъ бываго преосвященнаго Іоанна, епископа переяславскаго, на то благословенія, но, за послѣдовавшею его преосвященства тогда кончилоу, того благословенія отъ него не получиль, а просиль де о томъ уже выѣшшаго преосвященнаго Гервасія епископа, который де и благословиль ему архимандриту то церковное строєніе начинать по второй салвогардіи въ лѣсѣ Чутѣ, для того, что де онъ архимандритъ увѣдомилъ, что то, по первой салвогардіи подъ церковное строєніе назначеннос, мѣсто означенный Хорватъ, при отъѣздѣ своемъ въ Санктпетербургъ въ 1758 году, отдалъ той седмойнадесятъ роты шанца дмитровскаго попу Данилѣ на хуторъ, почему де онъ архимандритъ по приѣздѣ своемъ изъ Переяславля въ Новую Сербію по означенной второй салвогардіи въ тотъ лѣсъ Чуту ѣздиль и къ строєнію церковному способное мѣсто смотрѣль. А какъ потомъ де для завладыванія церкви съ поднашивамъ приѣхаль, то вестеровской роты капитанъ Мерцанъ, объявля ему, что въ той Чутѣ послѣ уже данной отъ Хорвата салвогардіи поселена ихъ рота, съ стоявшею тамо командою той церкви заложить не допустиль. Чего де ради онъ архимандритъ по первой салвогардіи, не объявля помянутому Хорвату, за отбытємъ ея въ Санктпетербургъ, а помянутой дмитровской роты отъ командировъ, по еялѣ данной салвогардіи, вспоможенія не требуя, за бывшею въ томъ тогда нуждою, заложиль церковь въ дачѣ дмитровской подъ Чернижегъ лѣсомъ, на Уховкѣ, за рѣчкою Рудою, въ разстояніи отъ дмитровской роты въ пяти верстахъ, кѣ-рое де

мѣсто самъ онъ Хорватъ на подворье имъ опредѣлилъ. И хотя де помянутый попъ Данила въ томъ ему препятствовалъ и ево архимандрита бранилъ, однако онъ архимандритъ нанялъ работныхъ людей оное строеніе производить; точю за разногашіемъ, по приказанію Хорватову, работныхъ людей то строеніе нынѣ оставлено. И такъ по первой салвогартіи зачатая подъ Чернымъ лѣсомъ церковь строеніемъ оставлена, а по второй въ Чутѣ за означеннымъ недопущеніемъ и не зачата».

Изъ выставленныхъ документовъ все-таки не выясняется надлежащимъ образомъ причина разлада Хорвата въ новосербскимъ архимандритомъ, имъ-же Хорватомъ, можно сказать, созданнымъ; въ связи съ этимъ разладомъ стоитъ стремленіе Хорвата основать въ Новой Сербіи отдѣльную епископскую кафедру и имѣть «своего единонаціональнаго епископа». Самая побѣда его въ Санктпетербургѣ въ 1758 году предпринята была, между прочимъ, съ цѣлію достигнуть учрежденія новосербской епархіи и предоставленія кафедры вызванному имъ для того бывшему далматскому епископу Симеону Концаревичу¹⁾, и онъ имѣлъ въ томъ успѣхъ по крайней мѣрѣ въ сенатѣ. Ибо правительствующій сенатъ вѣдѣніемъ отъ 30 марта 1759 года сообщилъ синоду, что «по доношенію генераль-лейтенанта Хорвата, коимъ представлялъ о прибывшемъ сюда изъ Венгріи, княженія Славоніи, епархіи папскаго славонской, экзархъ Геннадій Васичъ, который объявилъ письменное прошеніе, что онъ желаетъ остаться въ вѣчномъ ея имп. величества подданствѣ въ Новой Сербіи при выѣхавшемъ сюда изъ Далмаціи епископѣ Симеонѣ Концаревичѣ... При чемъ Хорватъ, по нѣкоторымъ въ пользу ея имп. величества интереса причинамъ, представлялъ за нужное означеннаго экзарха въ Новой Сербіи удержатъ, и для того его при означенномъ епископѣ Концаревичѣ оставить, дабы онъ иногда во время отлучки оного епископа изъ Новой Сербіи, а притомъ, и по старости лѣтъ его, въ управленіи духовенства и надсмотрѣніи церквей быть могъ. Приказали: означеннаго экзарха Геннадія, по представленію Хорвата и по собственному его желанію, отправить въ Новую Сербію и до будущаго объ немъ опредѣленія быть ему тамъ при писме-

¹⁾ О немъ см. статью Погова въ «Православномъ Обзорѣннѣ» 1872 года, за мартъ мѣсяцъ. Ср. о немъ-же въ «Стражничѣ» 1872 года, за сентябрь.

помянутомъ епископѣ Концаревичѣ, а для его содержания за выѣздъ сюда въ награжденіе выдать ему сто рублей изъ штатсъ-конторы¹⁾. А чтобъ онъ Геннадій въ бытность въ Новой Сербіи, за отлучкою иногда епископа Концаревича или и по старости его, исправлять могъ по званію своему должность, о томъ на разсмотрѣніе сообщить въ святѣйшій правительствующій синодъ. И святѣйшій правительствующій синодъ да благоволитъ учавствъ о томъ по ея имп. величества указу.

Итакъ въ сенатѣ не усматривалось препятствій къ исполненію предложенія Хорвата; но синодъ вѣдѣніемъ отъ 3 мая 1759 г. сообщилъ сенату, что «въ показанной Новой Сербіи епархіи не учреждено, и оной безъ изъявнота ея имп. величества указа учредить не возможно, а поселенныя въ той Новой Сербіи слободы и священно-церковно-служители святѣйшимъ синодомъ въ 1756 году, по близости мѣсторасстояніи, по духовнымъ дѣламъ въ вѣдомство и управленіе переяславскаго преосвященнаго архіерея поручены. Чего для, также и что помянутый епископъ Концаревичъ самъ отъ бытія тамо отрёкся и другихъ ради вивослопій, ему Концаревичу не во оной Новой Сербіи, но до изъемаго разсмотрѣнія... въ кіево-печерской лаврѣ²⁾ быть опредѣлено, и слѣдственно и тому экзарху быть въ той Новой Сербіи несходственно».

Хорватъ съ своей стороны не ослабѣвалъ, и вотъ состоялся формальный приговоръ офндеровъ новосербскаго корпуса въ такой слѣд.

«1760 года февраля 28 дня новосербскаго корпуса гусарскаго Хорвата и учрежденнаго отъ того пономыргородскаго гарнизона и пандурскаго пѣхотнаго полковъ штабъ и оберъ-офицеры, будучи въ собраніи въ главномъ отъ новосербскаго корпуса мѣстѣ, въ штацѣ воюмиргородскомъ, и имѣя всякъ въ ротѣхъ учивенныи, въ силу всевысочайшей ея имп. величества изъявной привилегіи и указомъ, командующимъ новосербскимъ корпусомъ, господиномъ генераль-лейтенантомъ Иваномъ Самойловичемъ Хорватомъ о офундованіи

¹⁾ Выражался по званіи своему—изъ государственнаго казначейства.

²⁾ Но жилъ въ петропавловскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ 20 августа 1769 года; погребенъ въ монастырской церкви (выѣздъ селаварской, гдѣ и понырь выдѣлается надгробіе ему).

въ здѣшнихъ заднѣрскихъ мѣстахъ сего, по вызову съ иностранныхъ государствъ, въ Новую Сербію въ службу и вѣчное ея имп. величества подданство вышедшаго вольнаго народа и духовенства и въ строгія Божіихъ церквей довольныя наставленія и распоряженія, разсуждая силу оныхъ и пужность поселявшемуся народу и духовенству, согласно приговорили:

1) Понеже съ какою силою и основаніемъ сей православной иностранной вольной народъ издавна, по вызову римскихъ императоровъ и по снабженію привилегією подданнымъ и фазаламъ ¹⁾, въ первой службѣ съ отпа, дѣда и прадѣда находился и своихъ единонаціональныхъ епископовъ имѣть, а наконецъ, за притѣсненіемъ народа и епископовъ въ уни и другія въ отчужду привилегіи включеніи, какъ въ 1749 году, по окончаніи тогда всѣхъ военныхъ дѣйствій, отъ римскаго двора резкорпорация ²⁾ объявлена и народъ вольнымъ остался ³⁾, то въ началѣ означенной господниъ генераль-лейтенантъ, а съ нимъ, сво-же предводительствомъ и стараніемъ, и прочей народъ, по единовѣрью, во всеславяую ея имп. величества російскую имперію, при немъ-же господивѣ генераль-лейтенантъ, оставляя свои иждивенія и съ какою крайнею нуждою и разореніемъ выѣхали, а другія, подражая тому, омослѣ прибыли и прибываютъ, и въ вѣчное ея имп. величества подданство подверглись, и въ сныи отечества приняты, и въ здѣшнихъ степныхъ мѣстахъ, по той всевысочайшей ея имп. величества импной привилегіи, поселены, и какъ тою-же привилегією и особыми ея имп. величества указами о содержаніи въ корпусѣ новосербскихъ церквей и духовенства по произволу народа подтверждено, о томъ и на какомъ оному основаніи оставаться конфирмовано, выслинмъ правительствамъ извѣство.

1) Вѣроятно вассалатъ, то есть дворянству.

2) То есть расформированіе военного корпуса и приведеніе устройства страны въ общій видъ гражданскаго управленія; въ австрійскомъ официальномъ говорѣ это называлось «Provincialisirung, Incorporations—Geschäft». Ясно и безпристрастно изложено все это дѣло, какъ и обстоятельства выселенія сербовъ Марошско-тиссацкы въ Россію, въ сочиненіи *Schwieher's: Politische Geschichte der Serben in Ungarn*. Budapest, 1880.

3) То есть народу позволено было вѣнчивъ правительствамъ выселиться, если не хотятъ подчиняться новому устройству своего быта.

2) За помощію-жь Всевышняго, въ какомъ въ новосербскомъ корпусѣ, въ славѣ и пользѣ отечества, видимою вѣчнымъ плодѣ процвѣтаетъ и во обширности по-ротно поселеніемъ, зачавъ отъ Днябра болѣе дву сотъ верстѣ по-надъ польскою границею и отъ турецкой стороны не въ дальнемъ разстояніи, во всегдашней службѣ въ защищеніи и обдержаніи границы остаемся; изъ коего ¹⁾ хоть по новости, однакъ и при арміи немалое число предъ неприятелемъ въ службѣ находится. А къ тому господиномъ генераль-лейтенантомъ Хорватомъ съ корпуса и вповѣ два полковы гусарскіе, македонской и болгарской, полки формируются. И во всемъ новосербскомъ корпусѣ всѣ сорокъ шанцовъ офундованы и во оныхъ Божіихъ церквей, въ конхъ в служеніе есть, двадцать девять имѣется, и къ тому и прочіе строеніемъ начаты, а и къ другимъ принадлежащіе матеріалы заготовлены. А сверхъ тѣхъ означеннымъ господиномъ генераль-лейтенантомъ къ строенію въ шанцѣ новомиргородскомъ изъ собственного кошта каменной соборной церкви всѣ принадлежащіе матеріалы заготовлены и мастеровые люди подряжены, и въ наступающее лѣто конечно строеніемъ начнется.

3) Намъ-же веѣмъ и до послѣдняго служащаго съ фамиліями и поселенцами чувствительно остается, сколько тѣмъ командующимъ господиномъ генераль-лейтенантомъ Хорватомъ о выгодахъ и полезныхъ ко умноженію сего вѣчного плода производствахъ, и въ вызовѣ и умноженіи народа и духовенства, есть трудовъ и прележанія, а запротиву того и въ просвѣтѣ отъ народа, съ представленія ево къ той выгоду и обдержанію, съ высочайшаго ея императорскаго величества матернаго милосердія, и полезными отъ высочайшаго правительства резолюціями спадѣвались: такъ и нынѣ весь сей шострашный народъ имѣеть такую горячность и истинное желаніе, чтобъ въ Новой Сербіи, въ началѣ, къ прославленію величества Божія и къ распространенію всемілостивѣйшей монархической славы, бытъ особой епархіи и при ней едипонаціональному, по всевысочайшей привилегіи, епископу (какіе и въ прежнихъ мѣстахъ всегда изъ такихъ едипонаціональныхъ имѣлъ), какъ для лучшаго поощренія къ выходу народа, такъ и къ одержанію въ корпусѣ

¹⁾ Разумѣется новосербскій корпусъ. «Хоть по новости» — толи съ незнакомаго вѣдѣна.

духовенства и наблюдении церквей и догматовъ, тѣмъ паче, что выходящее духовенство, лишаясь въ прежнихъ мѣстахъ, та псевдободнымъ опять ¹⁾ отпускомъ, всего своего имущества, только для единовѣрія, столько при проходѣ чрезъ два и три государства претерпѣваютъ разоренія и въ крайней нищетѣ и бѣдности сюда прибываютъ, то и отсель принужденными остаются ѣздить, по небольшому отъ Новои Сѣрыи разстоянью, въ епархіальнымъ епископамъ въ полученію въ священнодѣйствію благословеніи и другихъ уснновительныхъ наставленій... И за нескорымъ, по тому дальнему разстоянью, надобного полученіемъ всегдашніи священникамъ, кои только отъ народа и содержатся, въ епархіальныи консисторіи бывають отлучки, излишніи въ проѣздахъ убытки и волокиты, а за отлучками и что рота отъ роты въ неблизкихъ разстояніяхъ, часто случается народу и въ преподаваніи по христіанской должности тѣрѣ и во исправленіи надобного упущеніе.

4) По вызову-жъ означеннаго господина генераль-лейтенанта Хорвата и въ бытность его въ прошломъ 1759 году въ Санктпетербургѣ прибылъ въ Новую Сербію съ Цесаріи, съ княженія Славоніи, бывший тамо при покойномъ преосвященномъ Софроніи ²⁾, епископъ епархіи паучако-славонійской, первымъ по немъ къ произведенію въ чинъ епископства, акархъ Геннадій Васильевичъ (которой въ равномъ чинѣ противъ здѣшнихъ архимандритовъ состоитъ), и отсель отправленъ былъ въ Санктпетербургъ ко оному господину генераль-лейтенанту Хорвату, а по возвращеніи оттоль для извѣстнаго дѣла ³⁾ посланъ былъ въ Цесарію, гдѣ хотъ ему

¹⁾ Уже въ августѣ 1752 года императрица Марія Терезія издала указъ (Römal-Patent) противъ тайныхъ вербованій и эмиграцій, при коихъ предложень былъ смыслъ лишь, иномъ дано дозволеніе переѣхъ въ русскую службу... Въ 1754 году, на просьбу русскихъ посла о препятствованіи желающимъ выѣзжаться, отвѣчено, что позволается выѣхъ только немцамъ и швейцарцамъ съновьямъ уже переселившимся, а необходимые для изъ услугъ прѣлостные люди (Knechten) могутъ отправлять къ до польской границы, отсюда будутъ возвращены. *Schickler*, стр. 134—143.

²⁾ Софроній умеръ въ 1757 г., гдѣ видно изъ дальней Генваріевъ сказки о себѣ въ Службѣ.

³⁾ Имено—добыть документъ и засвидѣтельствованіи о своемъ знаніи, какъ-бы послѣ и представленіи при еказѣ, и въ коніицъ вѣдостей при дѣлѣ (аб-

епископскій чинъ даванъ былъ, но онъ, не хотя своего бытія въ Новосербіи, въ вѣчномъ ся императорскаго величества подданствѣ, желанія оставить, сюда возвратился и нынѣ здѣсь находится, и собственное желаніе имѣеть оставаться въ Новой Сербіи при церквахъ и духовенствѣ въ епископскомъ чинѣ.

б) Посему для описанныхъ тяжестныхъ народу, а наче духовенству обстоятельствъ... какъ всѣ военнослужащіе чины, такъ и поселенцы и ихъ фамиліи искренно просятъ о бытіи тому, остающемуся нынѣ въ чинѣ архимандритчьемъ экарху, ичестному отцу Генвадію (какъ онъ единаціональнѣй), при новосербскихъ церквахъ и духовенствѣ епископомъ, и по немъ другимъ...

б) До предбудущаго-жъ монастыря построенія (къ чему и онъ экархъ Генвадіѣ, за полученіемъ по всевысочайшему ея императорскаго величества матернему милосердію того епископского чина, прилежные труды, старательство и впоеченіе прилвчать обязуется) можетъ онъ епископскимъ чиномъ и въ показанной, въ шавцѣ новоугорородской, каменной соборной церкви или и въ другихъ при вознусѣ церквахъ все потребное исполнять, понеже и монастырь въ самой близости того шавца форштата построець будетъ... подъ которой, тожъ и на подворье и хуторъ къ содержанію для монастыря и братіи надлежащей экономіи, изъ опредѣленныхъ народу общественныхъ земель дать... (а подворье уже начато и фундуется), а кому дозволить ихъ при подворьи и хуторѣ, на опредѣленныхъ отъ народа земляхъ, выкупаемыхъ изъ Польши, позашедшихъ *) туда въ прошлыхъ годѣхъ, бѣлыхъ росіейскихъ подданныхъ, малоросіянъ, кои тамъ въ услугахъ у поляковъ напрасно пропадають, для всякихъ монастырскихъ нуждъ, хотя до пятидесяти дворокъ населить.

7) На содержаніе-жъ онаго монастыря епископа, братіи послушниковъ и другихъ служителей, также ево епархіальной консисторіи велѣмъ къ исправности оной потребнымъ, ко опредѣленной,

которымъ—въ переводѣ съ ихъскныхъ подданныхъ). Это—грамота Софронія Генвадію и свидѣтельства свѣтскихъ чиновъ о Генвадіѣ.

*) Государствъ офицерамъ новосербскаго корпуса простятельно было не знать, что въ малоросіянѣ не зашла въ кievскую, вельнскую и подольскую земли изъ русскаго государства «въ прошлыхъ годѣхъ», а была тамъ коренными жителями.

по ея императорскому величеству указамъ, въ ежегодную дачу на содержаніе монашескаго здѣсь духовенства, къ тысячѣ рублямъ, по резолю, что при епископѣ ево сану многіе духовные чины прибавятся и что сей монастырь противъ другихъ въ Россіи монастырей ни съ какихъ деревень и маестностей, кромѣ добродѣтельныхъ дателей, доходовъ имѣть не будетъ, съ высочайшей ея императорскаго величества милости и за многолѣтнее ея императорскаго величества здравіе, по крайней необходимости, къ той тысячѣ еще тысячу рублевъ опредѣлить и ту дачу по двѣ тысячи рублевъ ежегодно имъ производить изъ новосербской суммы.

8) Приговоръ къ представленію, куда надлежитъ, и ко испрошенію по оному высочайшей конфирмаціи подать вышереченному господину генераль лейтенанту Хорвату; а какъ и самъ Геннадій слѣдуетъ въ Санктпетербургъ, то депутатомъ при немъ опредѣлить быть находящемуся нынѣ въ Санктпетербургѣ по другимъ во корпусу дѣламъ порутчика Константина Вайду.

Иностранники:

Андреашъ Никорциъ
Василій Тотовичъ
Андронатеѣ Доше
Лазарь Іовичъ
Степанъ Вушчъ
Николай Константиновъ
Василій Рлстичъ
Михаилъ Барнатичъ
Иванъ Стоявъ
Петръ Германъ
Георгій Юрьевъ
Николай Тика
Константиъ Турубижанъ
Сидоръ Якшичъ
Дмитрій Софроніевичъ
Гаврилъ Богдановичъ
Михайла Цветиновичъ.

Порутчики:

Павезъ Ердели

Михаилъ Бабичъ
Иванъ Карачуиъ
Іосифъ Адлемовской
Константиъ Шахаловичъ
Марко Николитъ
Максимъ Чорба
Самонъ Хорватъ
Сава Барьямовичъ
Константиъ Георгіевъ
Еремей Горвасій
Сава Станосвичъ
Иванъ Пиваровичъ
Капитанъ лейтенантъ Арсеній
Чарноевичъ.

Капитаны:

Стефанъ Пвлчевичъ
Георгіе Цилчевичъ
Георгій Поповичъ
Дмитрей Мержалъ
Павель Здрохлей

Петръ Божичъ
Алекса Сѣвка
Григорій Булацель
Симонъ Вуковичъ
Иванъ Радковичъ.

Примеръ Малоры:

Лазарь Сербуль
Николай Шветиновичъ
Федоръ Чорба
Подполковникъ Алексій Кон-
стантиновъ.

Приговоръ этотъ сообщенъ былъ изъ сената синоду, которому представилъ и Геннадій свои документы. Изъ синода отъ 6 іюня 1760 послѣдовала преосвященному Гервасію записка: «подлинно-ли съ двадцать девять церквей въ Новой Сербіи имѣется, и оныя съ надлежащаго-ль архіерейскаго благословенія строены?» — Епископъ Гервасій отъ 8 ноября того-же года донесъ, что «въ Новой Сербіи, въ двухъ протопопійхъ пандурскаго и гусарскаго полковъ церквей, съ надлежащаго архіерейскаго благословенія строенныхъ и въ коихъ священнослуженіе производится, двадцать шесть имѣется; кромѣ того въ протопопій гусарскаго полку три съ моего благословенія заложены, а на заложеніе двохъ благословеніе дано. Кромѣ того въ протопопій гусарскаго полку въ шашкѣ Федваръ безъ надлежащаго архіерейскаго благословенія въ 1757 году якобы тамо бывшій ротнымъ командиромъ, кой въ Пруссіи при арміи умре (а какъ ему имя и рангъ и прозваніе — неизвѣстно), будучи во признаніи и иностранствѣ, церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла заложена и уже теперь въ окончаніе приходитъ».

Святѣйшій синодъ, не считая нужнымъ учреждать особой епархіи для столь малаго числа церквей, опредѣлилъ: «когда ко учрежденію тамо новой епархіи совершенная потреба будетъ настоять, тогда св. синодъ безъ дальняго разсмотрѣнія не оставитъ поступить, какъ святыми правилами и духовнымъ регламентомъ узаконено». Въ связи съ этимъ постановлено именующагося экзархомъ Геннадія Васича «по важнымъ резонамъ» изъ Россіи удалить, архимандрита Софронія вновь отправить въ Новую Сербію и поручить ему достроить заложенную имъ церковь на ежегодный остатокъ въ 232 рубля изъ отпускаемой на монастырь съ братією суммы въ тысячу рублей, а генералъ-лейтенанту Хорвату дать знать, чтобъ онъ не вмѣшивался въ духовныя дѣла и не отрѣшалъ духовенства своею властію.

Софроній въ августѣ 1760 поѣхалъ на ирещнее мѣсто, но что дѣло у него съ Хорватомъ не ладилось, видно изъ донесенія преосвященнаго Гervasія отъ 8 февраля 1761 года. Гervasій писалъ въ синодъ: «извѣсти Хорвата о Софроніѣ о неуживчивости неословательны, а о перевеленіи его на другое, по требованію господина генералъ-лейтенанта, плутръ Россіи мѣсто не нахожу ровнымъ и предаю то почтеннѣйше на высокое ваше святейшества благоусмотрѣніе и волю».

Хорватъ удержалъ при себѣ Гелвадія Васича и, по личному донесенію новомиргородскаго протопопа Петра Булгача Гervasію, военное начальство отговаривалось разными резовами отъ высылки его. Преосвященный Гervasій представилъ объ этомъ въ синодъ, который въ іюлѣ 1762 года повелѣлъ преосвященному «не допускать Гелвадія до священнослуженія».

У Софронія продолжались распри съ военнымъ начальствомъ, особенно на счетъ получія опредѣленныхъ на постройку денегъ, которыя и послѣ удаленія Хорвата въ 1763 году и преобразованія Новой Сербіи не выдавались исправно или и вовсе не выдавались отъ коменданта крѣпости св. Елисаветы, озывавшагося исполученіемъ указовъ. Софроній строилъ не только келліи, но и церкви на свое жалованье, и въ февралѣ 1766 года преосвященный Гervasій донесъ Синоду, что та церковь, не смотря на ирещенія архимандриту и задержки въ полученіи денегъ, сверхъ ожиданія вышла «велика и коштовна, строеніемъ dokonчена, кромѣ только, что гонтою глава не побита».—Вѣроятно въ этомъ-же году и освящена церковь самымъ преосвященнымъ Гervasіемъ; но письменныхъ документовъ объ этомъ не имѣется. Церковь, кромѣ главнаго престола во имя Преображенія Господня, имѣла и предѣльный—въ честь св. Николая.

Но вотъ къ осени того-же года получается официальное уведомленіе, что коммиссія о церковныхъ имѣніяхъ, вѣдство епископіи св. комендантомъ крѣпости св. Елисаветы, рѣшила «монастырю изъ Новой Сербіи быть надобности не предвидится»... Послѣ обычной иерархической переписки съ синодомъ, въ мартѣ 1767 года состоялось опредѣленіе: «архимандрита Софронія, по его вностраниству, сравнить съ грузинскими архимандритами и выдать ему ежегодно по семидесяти рублей изъ доходовъ коллегіи экономіи,

а застроенной церкви быть приходскою; если-же ей быть не для бога, то упразднить; монаховъ распределить по монастырямъ кievской епархіи, а архимандритъ можетъ избрать жительство въ какомъ либо монастырѣ въ Кіевѣ или Москвѣ, по желанію».

Между тѣмъ надъ архимандритомъ страсялся новая бѣда. Преосвященный Гервасій получилъ отъ него (отъ 12 мая 1767) доносеніе о постигшемъ его несчастіи и самъ представилъ синоду, что «марта 31 дня противъ 1 апрѣля, нападши на дворъ его, ночью какъ-бы въ третьемъ часу, пять человекъ неизвѣстныя разбойники съ ружьемъ и набѣжавъ въ избу, его архимандриту подхватили и обнажа до нага, завернувши назадъ руки, заняли, а потомъ, взявъ стоявшій въ избѣ его архимандриты собственныи обухъ, начали бить немилосердно по головѣ, по плечамъ и по рукамъ, и тѣмъ попробывали ему до крови во многихъ мѣстахъ голову, и лѣвую руку перебили такъ, что оную и дѣйствовать вовсе не можетъ; а на ноги надѣвъ сапоги мужицкіе, жаръ за голенища сыпали и по келіи его въ тѣхъ сапогахъ водили, и тѣмъ ноги жгли, спрашиваясь денегъ. Но какъ де въ его не было болѣе трехъ рублей, то и тѣ послѣдніе и все въ него имѣвшоеся бѣдное имущество до рубанки забравъ и не утѣряясь, еще и горше мучили, сѣрку на плечи сыпали и палили. Отъ котораго де бою и мученія онъ взнемогая, принужденъ былъ въ нечувственности сказать невинно на другую вдову старуху, не поодаль его подворья жительствовавшую, якобы въ нее его деньги, въ рассужденіи, не оставятъ-ли его мучить. Но оныя безчеловѣчныя мучители и тутъ его не оставя, нага водили къ той женщицѣ и тамо казъ его, такъ и оную женщицну мучили. И ежели-бы не почувствовавъ человекъ, тамо случившійся, и не устранилъ гвалтовнымъ на нхъ нападеніемъ, то бы и въ смерть его архимандрита и оную старуху умучили».

А отъ 30 іюня того-же года, увѣдомляе изъ указа о рѣшеніи синода касательно его, архимандрита, Софроній прислалъ преосвященному Гервасію такое прошеніе: «молю представить въ синодъ... учинить со мною милосердіе, чтобъ по прежнему повелѣнію было мнѣ оставаться при состроенной здѣсь въ новороссійской губерніи моимъ трудомъ, за полученное на себе жалованье, церкви и подворья по смерти моею, и вмѣстѣ продолжать то трех-

сотрублевое прежнее жалованье». Въ представленіи отъ себя Гервасій слезно ходатайствовалъ за добраго старца, страдальца и казѣку. Просьба и ходатайство уважены; уважомъ отъ 25 ноября 1768 года дано званіе преосвященному Гервасію, что архимандритъ Софроній впредъ получать свое жалованье изъ киевской губернской канцеляріи, о чемъ и посланы туда указы изъ коллегіи.

О дальнѣйшей судьбѣ Софроніи можетъ быть и есть какія письменныя увазанія, но мы ихъ не знаемъ; слышали только, что помонастырская церковь сдѣлалась приходскою с. Уховки, ставшей 1770 года ставлицею бугскаго козачьяго войска, что придѣлъ св. Николая въ 1781 году проданъ обществомъ уховскимъ въ Дмитровку за 200 рублей и тамъ передѣланъ въ кладбищенскую церковь, во имя тогоже святителя, что стекавшіеся «въ монастырь» окрестные жители на праздникъ Преображенія выдали архимандрита, котораго на носилкахъ провожали въ церковь, и что по смерти архимандрита домъ его, построенный изъ крѣпкаго и толстаго дубоваго и липоваго лѣсу, проданъ въ деревню Константиновку помѣщику Константину Харитонову. Самая церковь стояла на мѣстѣ до 1831 года, хотя Уховка еще въ 1825 году, по случаю устройства военныхъ поселеній, переведена въ алениковскій уѣздъ; при церкви оставался священникъ (Несторъ Назаревскій), къ которому, какъ-бы въкоему пустышнику, стекались окрестные жители на исповѣдь и для духовныхъ наставленій. Въ 1831 году онъ переведенъ въ село Знаменку, а церковь разобрана по распоряженію военнаго начальства.

Архимандритъ Арсеній.

МАТЕРІАЛЫ

для історіі вознікнення і распаўсюджвання штунды на ўсходзе Расіі.

Вельмі нядаўняе час, блagodаря шчасливой выпадковасці, нам прыйшлося азнаёміцца з афіцыйнаю перапіскаю, прайшоўваюся паміж ніжшымі і вышшымі, духоўнымі і сьвѣтскімі ўладамі па дѣлу вознікнення і распаўсюджвання ў 60-х і 70-х гадах на ўсходзе Расіі, сперва паміж нямецкімі колоністамі, а потым і ў праваслаўным малорусскім насельніцтве, рэлігійнага ўчэння, ставілага адказнаю пад імям штунды.

Перапіска гэта доволі ясна і паслядоўна прадставіла нам абставіны першапачатковага з'яўлення і распаўсюджвання штундзінскага ўчэння і прытом далёка не ў тым выглядзе, каго выдзгаліся яны доселі ў нашай пэчатцы. Вознікненне штунды лічылася ў нас доселі з'яўленнем мясцінаў, самародным і прыписвалася обыкновенно то пробуджэнню рэлігійнага сямства ў насам народзе пасля асвободжэння яго ад хрысціянскага залежнасці і пры супрацьстаянню яго з пратэстантызмам; то нерадзінню или невѣжеству нашых святшчыннікаў і іх вымагацельствам за ісправленне трыбаў, то другім менш важным і такжэ домашнім, такжэ слазат, прычынам. Но нікто не дугадывался, што прычыны адступлення некаторых ад сроды малорусскага народа ад вѣры іх аццѣв нужно іскаць вѣд гэтага народа, вѣковаю кроваваю бораьбою доказанага сваю непоколебимую преданность ей, і вѣд яе пастырей

съ которыми иногда не было у него разрыва, доводящаго до отступленія отъ церкви. Между тѣмъ бывшая у насъ въ рукахъ переписка до очевидности удостовѣряетъ, что штунда занесена къ намъ извнѣ, что первоначально она появилась въ средѣ нѣмецкихъ колонистовъ херсонской губерніи, что и тамъ она была явленіемъ новымъ, при томъ заноснымъ и что послѣдователи этой секты изъ нѣмцевъ не менѣе чуждаются своихъ крѣхъ и исторію, какъ и принявшіе ея ученіе православные чуждаются своей церкви и духовенства. Переписка уясняетъ также, что штунда есть собственно баптизмъ, что въ духѣ этой секты—прозелитизмъ, что послѣдователи этой секты имѣли въ Гамбургѣ особую школу для приготовленія проповѣдниковъ баптизма и что первые миссіонеры этого ученія, принесшіе оное на югъ Россіи, вышли отсюда. Они явились въ херсонскія нѣмецкія колоніи, бывъ посланы туда съ спеціальною цѣлію распространенія своей ереси. Переписка указываетъ имена первыхъ проповѣдниковъ штунды. Это были: Онкенъ, берлинскій книгопродавецъ, и его сотрудники: Ондра, Прицкау, фонъ-Шульцъ, Либигъ и соврацельные имъ изъ херсонскихъ колонистовъ: Вилеръ, Гибнеръ, Эбдингеръ, Маберъ и другіе. Изъ этихъ послѣднихъ Гибнеръ и Эбдингеръ, съ помощію Прицкау, увлекли въ свою секту изъ среды бывшихъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ малороссіянъ первыхъ послѣдователей и ярыхъ проповѣдниковъ новаго ученія: Ратушнаго, Болобана и Рябошапку, отъ которыхъ штунда стала распространяться въ губерніяхъ херсонской, таврической и кievской.

Въ виду совершенной новосты свѣдѣній, даваемыхъ просмотрѣною нами перепискою, и несомнѣнной важности ихъ для правильнаго пониманія штунды, мы предлагаемъ эти свѣдѣнія здѣсь—въ сжатомъ, но точномъ извлеченіи, не подвергая ихъ обработкѣ, но расположивъ по времени появленія тѣхъ бумагъ, изъ которыхъ они извлечены, и лишь немногими словами устанавливая внѣшнюю между ними связь.

П. Л—въ.

По свѣдѣніяхъ, которыя излагаетъ благочинный херсонской епархіи, священникъ Кириакъ, въ своемъ донесеніи пресвященному Дмитрію, архіепископу херсонскому отъ 22 октября 1867 г., штунда открылась первоначально между колониатами лютеранскаго исповѣданія. «Во всѣхъ лютеранскихъ колоніяхъ, пишетъ о. Кириакъ, существуетъ обычай въ послѣобѣденное время воскресныхъ дней собираться для чтенія св. писанія и для разсужденія о дѣлахъ благочестія. Волѣе 10 лѣтъ тому назадъ въ эти частныя собранія, называемыя штунде—stunden, вкралось заблужденіе. Стали утверждать, что Богу можно угождать духомъ, а духъ свободенъ и потому молитва должна быть свободна. Молитва-же (богослуженіе) лютеранской церкви заключается въ извѣстныхъ границахъ, совершается по извѣстному чиноположенію и при томъ только пасторомъ, которому одному предоставлено и право проповѣдывать, чѣмъ стѣснена самая молитва, не имѣетъ свободы. Напротивъ, въ нашихъ собраніяхъ, говорятъ они, существуетъ полная свобода. Здѣсь молитва, чтеніе, пѣніе и проповѣдь не заключаются въ извѣстныхъ границахъ, не совершаются по одному и тому-же чиноположенію, а дѣйствующимъ лицомъ можетъ быть каждый членъ общества и даже женщины, за исключеніемъ проповѣди, которая не дозволяется жеванцамъ. На основаніи такого учетованія сектанты придаютъ болѣе важности и святости своимъ собраніямъ въ домахъ, нежели собраніямъ для молитвы и богослуженія въ кирхахъ. Члены этого общества могутъ бывать и не бывать въ кирхѣ, но если кто изъ нихъ пропуститъ собраніе нѣсколько разъ сряду, безъ уважительныхъ причинъ, то таковой исключается изъ общества».

«Нѣсколько позже стали прибавлять, что члены ихъ общества получаютъ просвѣщеніе свыше и сопріячны св. Духу. Всѣхъ же находящихся въ сего общества, какъ лютеранъ, такъ и лицъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, эти сектанты считаютъ непросвѣщенными свыше и неприятыми св. Духа, а потому смотрятъ на нихъ свысока и съ презрѣніемъ. Между сектантами сего рода нѣтъ ни старшихъ, ни младшихъ, а всѣ другъ другу равны и именуются братьями, и само общество называется братствомъ. На каждомъ изъ членовъ братства лежитъ обязанность привлекать въ свое общество какъ люте-

равъ, таѣ и лицъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, чего вовсе нѣтъ ни въ характерѣ, ни въ правлахъ мѣтнаго лютеранства. Однимъ изъ главныхъ требованій отъ сектанта—воздержаніе отъ употребленія горячихъ напитковъ виѣ своего дома».

«Это ученіе въ 40 годахъ существовало уже въ нѣмецкихъ колоніяхъ Бессарабіи, а въ херсонской губерніи первоначально появилось въ колоніи Рорбахъ, соедѣней съ деревнями Основой и близкой къ мѣстностямъ с. Игнатовки и с. Ряснопольа: отсюда оно стало быстро распространяться между лютеранскими колоніями такъ, что въ настоящее время (въ 1867 г.) почти нѣтъ ни одной колоніи въ губерніи, гдѣ не было-бы послѣдователей этой секты. Лютеранскіе пасторы принимаютъ мѣры къ превращенію раскола, но старанія ихъ остаются безуспѣшными».

Свѣдѣнія эти, какъ принимается въ своемъ репортѣ о. Киріакъ, сообщены ему однимъ лютеранскимъ пасторомъ, котораго онъ не называетъ (но не Боневемиферомъ, пасторомъ колоніи Рорбахъ, которому обыкновенно приписываютъ участіе въ распространеніи штунды).

Болѣе определенныя свѣдѣнія о мѣстѣ, въ которомъ впервые обнаружена штунда и изъ котораго была занесена, а также о первыхъ ея проповѣдникахъ, находясь въ протоколѣ, составленномъ приставомъ 5-го стана херсонскаго уѣзда Тарасъвичемъ, 22 іюля 1872 г. По свѣдѣніямъ этого протокола, копія котораго въ свое время была представлена повороцейскому генералъ-губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ, новая секта лютеранская появилась въ 1864 году—въ колоніи Новой-Данцигъ, а сюда занесена изъ жемчуженскихъ колоній молочанскаго округа, екатеринославской губерніи. Въ томъ-же году для склоненія обратившихся къ возвращенію въ лютеранскую и въ римско-католическую вѣру и для производства о нихъ докладія были командированы въ колоніи дѣйств. стат. сов. Брунь и адъютантъ повороцейскаго генералъ-губернатора, подполковникъ баронъ фонъ-дербъ-остекъ-Сакевъ. Въ сентябрѣ того-же года главныя распространители и тайные руководители штунды, въ числѣ 5-ти человекъ колонистовъ Новой-Данцига, и между ними Карлъ Эдвигеръ и Францъ Ливовскій, были высланы за границу безвозвратно, но послѣдніе два 1-го декабря того-же года прибыли

опять въ Новый-Давцигъ съ турецкими паспортами. По полученіи объ этомъ свѣдѣній Эдлингеръ и Липовскій, по распоряженію гражданскаго начальства, были представлены въ херсонское губернское правленіе для ссылки въ Сибирь. Въ то же время вновь обнаруженные въ колоніи Новый-Давцигъ распространители новой секты—8 человѣкъ мѣстныхъ колонистовъ, и въ числѣ ихъ Георгій Клуудъ, по Высочайшему повелѣнію 4-го января 1865 года, были высланы за границу, но предъ отправленіемъ туда они, а также Михель Филкъ, дали подписку въ томъ, что чистосердечно сознаютъ свое заблужденіе, съ полнымъ раскаяніемъ возвращаются къ настоящей своей религіи, обязываясь не только не переходить вновь въ расколъ, но еще способствовать искорененію такового и потому просить о помилованіи ихъ и объ оставленіи на жительствѣ въ Новомъ-Давцигѣ. Такую-же подписку дали Эдлингеръ и Липовскій при слѣдованіи чрезъ Новый-Давцигъ въ Сибирь. Почему общество колонистовъ Нового-Давцига, составивъ преговоръ объ этомъ, пошло съ ходатайствомъ о помилованіи совратившихся я, въ слѣдствіе ходатайства высшаго начальства, Государь Императоръ въ 19 день мая 1865 года Всемилостивѣйше соизволилъ на прощеніе и оставленіе на прежнемъ жительствѣ всѣхъ отреннихся отъ анабаптизма. Такихъ образомъ всѣ названные колонисты были возвращены съ пути своего слѣдованія за границу и въ Сибирь. Изъ нихъ Эдлингеръ и другіе потомъ выехали за границу добровольно, а Францъ Липовскій, Михель Филкъ и Георгій Клуудъ остались на жительствѣ въ Новомъ-Давцигѣ. Нѣсколько лѣтъ въ образѣ ихъ жили не замѣчалося ничего подозрительнаго; но въ послѣдніе два года (1871 и 1872 г.) ихъ стали вновь подозрѣвать въ принадлежности къ анабаптизму и въ тотъ-же періодъ времени анабаптистское ученіе стало распространяться между православными крестьянами въ д. Константиновцѣ турьевской волости, въ с. Песнахъ базицковской волости и въ с. Полтанкѣ. Наконецъ Францъ Липовскій, Михель Филкъ и Георгій Клуудъ торжественно заявили себя самими рынами послѣдователями анабаптизма. Такъ, напримѣръ, Липовскій открыто ходитъ по домамъ въ Новомъ-Давцигѣ и созвращаетъ въ расколъ, а Филкъ также открыто принимаетъ у себя на дому раскольщиковъ въ

нѣмцевъ и православныхъ. 8 мая 1872 года староста колоніи Новий-Давцигъ, Филиппъ Дингаутъ, освѣдомляе, что на хуторъ Штейнгаутъ прибылъ къ Михелю Филку какой-то неизвѣстный иностранецъ, намеревающійся совершити въ р. Ингуль перекрещиваніе присоединившихся къ расколу, — совѣстно съ сотскимъ Андреемъ Метомъ и попятими изъ поселенія нѣмцевъ, съ приглашеннымъ старостою сесѣдней деревни Потапомъ Самолюкомъ и съ православными крестьянами отправившись на хуторъ къ дому Филка, гдѣ оказалось много сектантовъ и среди нихъ прусскій подданный Вильгельмъ Шульцъ что-то проповѣдывалъ. Отправивъ Шульца, какъ неизвѣстную личность, въ богодавскую сельскую расправу, Дингаутъ и Самолюкъ пошли къ дому Липовскаго, чтобы узнать, не скрывается-ли у него какой-либо иностранецъ, но дочь Липовскаго Доротея, 21 года, заперши дверь на замокъ, въ домъ не пустила. Послѣ того хотя отперти дверь, но въ домъ никто не оказалось, кромѣ самого Липовскаго. Въ первыхъ числахъ іюня приѣхалъ къ Липовскому какой-то неизвѣстный нѣмецъ, который вмѣстѣ съ Шульцемъ совершилъ 11 и 13 іюня перекрещиваніе 16 душъ колонистовъ Нового-Давцига, а затѣмъ этотъ неизвѣстный нѣмецъ, вмѣстѣ съ Шульцемъ, отвезея въ г. Николаевъ. Францъ Липовскій объявляе, что совершавшій перекрещиваніе нѣмецъ былъ аriansитъ Карлъ Ундра, жительствующій въ одной изъ западныхъ губерній, что онъ давно уже въ с. Раштадтѣ аriansитскаго уѣзда избранъ сектантами въ званіе проповѣдника и еще за два года предъ симъ былъ въ Новомъ-Давцигѣ. Въ началѣ іюня Липовскій, вмѣстѣ съ односельцами Христіаномъ Клювъ и Іоанномъ Пудвилемъ, бывъ въ с. Старомъ-Давцигѣ одесскаго уѣзда и встрѣтивъ тамъ у аriansитовъ Карла Ундру, пригласили его въ хуторъ Штейнгаутъ и привезли его туда. При этомъ Липовскій заявляе ставовому представу, что въ с. Старомъ-Давцигѣ лишается распоряженіе новороссійскаго генераль-губернатора, чтобы послѣдователей этой секты не трогать и предоставлять имъ свободу дѣятвій.

Въ февралѣ 1868 г. проживавшій близь Николаева въ колоніи Ландау, березанской волости, колонистъ Христофоръ Фишеръ привезъ новороссійскому генераль-губернатору жалобу, что еге односельцы, об-

внѣвъ его въ отступленіи отъ вѣры, въ генварѣ того года, въ числѣ около 20 человекъ направи на него въ дорогѣ, потащили къ сельскому старостѣ Шульцу на допросъ, отняли Новый Заветъ, осуждали, обругали и повели къ ибстовому священнику (Pfarrer), который сказалъ, что мѣривалъ воспрещается читать св. писаніе. Когда-же оиъ Фишеръ объявилъ, что обѣдно и крестъ не считается заповѣдью, то Шульцъ отозвалъ, что прикажетъ съча его дотолѣ, пока оиъ не оставитъ своихъ глупостей. Потомъ посадили его на телегу и повезли къ тому ибсту, гдѣ стоялъ крестъ: тамъ стали бить его палками по головѣ, затѣмъ понесли въ отцовскій домъ и требовали, чтобы отецъ билъ его. Когда-же отецъ отказался бить, то, поставивъ сына подъ крестомъ, сказали, что будутъ выгонять изъ него діавола, обили съ головы до ногъ водою и поднимая вверхъ, ударили нѣсколько разъ о землю и били кулаками, при чемъ осыпали насмѣнками и ругательствами въ теченіи 3-хъ часовъ. Затѣмъ отнесли въ холодную комнату, гдѣ мокрая одежда обмерзала на немъ, хотѣли потомъ привязать къ столбу и снова колотили, пока оиъ не ошуетился на землю. Когда-же оиъ, Фишеръ попросилъ пить, то насильно влили воды въ ротъ и били веревками такъ, что оиъ въ теченіи 10 часовъ оставался безъ чувствъ. Затѣмъ повели къ священнику и заставили насильно принять причастіе. По донесанію произведенному смотрителемъ колоній, оказалось, что колонистамъ дѣйствительно нанесены побои за чтеніе Нового Завета, но не въ такой степени, какъ значилось въ его жалобѣ. Окружной и сельской власти колоніи сдѣланъ по сему случаю внушеніе.

Въ 1869 г. херсонскій губернаторъ доложилъ новороссійскому генералъ-губернатору, что иностранецъ изъ Гамбурга Олкенъ проѣзжалъ по херсонскому уѣзду съ цѣлію поддержать баптизмъ въ колоніяхъ и отправленъ въ таурическую губернію, но отъ таурического губернатора свидѣній о проѣздѣ Олкена не доставлено. Високоудетскимъ 3-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи получено свидѣніе, что Карлъ Ондра распространяетъ ученіе баптистовъ между православными жителями южной Россіи, а главный настоятель секты баптистовъ изъ Гамбурга Олкенъ издастъ миссіонерскую газету, въ которой намечалось включеніе изъ отчета баптиста,

дѣствующаго въ южной Россіи, гдѣ подтверждаются успѣхи промоталды въ средѣ южно-русскаго православнаго населенія и говорится, что совращенные устриваютъ свою кашлицу и что крещеніе и богослуженіе по обряду баптистовъ совершается открыто.

13 іюня 1870 г. ливбектальскій окружной приказъ представлялъ въ комитетъ колоній иностранца Ондру, анабаптистскаго проповѣдника, съ заявленіемъ, что онъ проповѣдывалъ въ колоніи Гофвунсбургъ, основанной колонистами на собственной землѣ, и что въ слѣдствіе его проповѣди нѣсколько душъ колонистовъ 10-го іюня присоединились къ этой сектѣ и пожелали креститься. Комитетъ препроводилъ Ондру въ одесское полицейское управленіе для поступленія съ нимъ по закону: по полицейское управленіе, ссылаясь на то, что предварительное слѣдствіе по дѣлахъ о совращеніи изъ христіанской вѣры начинается не иначе, какъ по требованію духовнаго начальства (ст. 1006 устав. угол. судобр.), возвратило Ондру комитету, а комитетъ отдалъ его на поручительство двумъ жителямъ г. Одессы—хортицкому жезанту Вилеру и австрійскому подданному Клаверу и сообщилъ прѣбству евангелическо-лютеранскихъ жервей южной Россіи Вейльгу о пропасахъ Ондры, какъ составляющей отступленіе отъ лютеранской вѣры. Но какъ въ предложеніи г. исправляющаго должность новороссійскаго генералъ-губернатора Бутурлина отъ 10 іюня 1870 г. было сказано, что иностранцу Ондрѣ, если-бы онъ пожелалъ выѣхать за границу, можетъ быть это дозволено, буде не предвидится препятствій: то комитетъ не препятствовалъ Ондрѣ удалиться изъ г. Одессы на мѣсто его жительства въ с. Роговку, волынской губерніи¹⁾...

Александрійскій исправникъ довелъ Кошебу, что въ селахъ близкихъ колонистовъ лютеранскаго веновданія, тринадцатой волости, позвалъ прусско-подданный Отто-Вельгельмъ Шумаль съ цѣлю распространять ученіе баптистовъ между колонистами, для чего принималъ въ своей квартирѣ всѣхъ желающихъ слышать его проповѣдь, объявляя, что онъ нахѣреть распространить это ученіе со всею энергіею и сожалѣть только о томъ, что по неказанію русскаго языка не можетъ

¹⁾ Дошелъ повѣст. комитетъ на стр. 103-ой южн. Россіи генералъ-губернатора Кошебу отъ 30 августа 1871 г., № 2,913.

начать пропаганду и между русскими. А въ ижеиѣ пастора евангелическо-лютеранскаго прихода Штрауса къ екатеринславскому губернатору отъ 22 февраля 1873 года прописано, что «около 3-хъ недѣль назадъ тому старшина с. Вилкера доставилъ къ нему, пастору Штраусу, странствующаго проповѣдника, который, собравъ всѣхъ жителей этой деревни, проповѣдывалъ имъ евангеліе. Проповѣдникъ этотъ показалъ паспортъ, въ которомъ значилось, что онъ прусско-подданный пасторъ Шульцъ, самъ-же онъ говорилъ, что онъ не пасторъ, а элессаръ секты баптистовъ и прибылъ въ Россію именно за тѣмъ, чтобы упражнять преездивающъ въ пользу своей секты, утверждая, что каждому дано право проповѣдывать. На вопросъ Штрауса: относится-ли его ученіе къ православнои церкви, Шульцъ отвѣтилъ, что въ окрестностяхъ г. Одессы онъ проповѣдывалъ и въ собраніи православныхъ. Въ билетѣ Шульца значилось, что онъ выданъ 8 февраля 1869 г. волынскимъ губернаторомъ на свободное прожитіе въ русскаи имперіи въ теченіи слѣдующаго года, на основаніи оставленнаго при немъ правительственнаго указа, выданнаго прусскимъ консуломъ въ Аккерманѣ 5-го сентября 1868 г., мѣсто рожденія его Кеннебергъ, женатъ. 38 лѣтъ, средняго роста, волосы темные, глаза голубые, носъ обыкновенный. Хотя пасторъ Штраусъ чрезъ волостного старшину предложилъ всѣмъ деревенскимъ старостамъ наблюдать, чтобы проповѣдь Шульца не повторалась въ районѣ его прихода, но Шульцъ все таки проповѣдывалъ въ селѣ Бѣлорашъ—въ колонизовкахъ долѣ и успѣлъ привлечь нѣсколько людей въ частную домъ. Потомъ онъ перешелъ въ землю дворянскихъ колонизовъ, гдѣ проповѣдывалъ нѣсколько дѣй недѣль. Своимъ ученіемъ онъ нарушилъ согласіе многихъ сельскихъ въ разнхъ мѣстахъ и снова попалъ въ прусскаи приходъ, гдѣ билтъ повелѣлъ арестовать. Чувствуя его были дерзки, по его словамъ и «Его Величество принадлежитъ къ сектѣ баптистовъ» и «каждо въ семь дѣлъ слышатся только Бога, не обращая вниманія на порядки, установленные людьми». Въ ученіи своемъ онъ доуничалъ пренебрежительное отношеніе къ существующимъ порядкамъ и насѣнилъ многъ церковнымъ ученіемъ и таласкиани.—Министеръ внутреннихъ дѣлъ, признавъ дѣятельность Шульца вредною, намѣлъ необходимымъ выслать его изъ Россіи, о чемъ далъ

знать новороссійскому генераль-губернатору отъ 5-го іюня 1873 года. Въ слѣдствіе чего Шульцъ пріеprовожденъ херсонскимъ губернаторомъ въ одесскую градоначальницу на дальнѣйшее распоряженіе.

Въ 1871 г. въ мартѣ с.-петербургская евангелическо-лютеранская консисторія донесла министру внутреннихъ дѣлъ, что въ колоніи Альтъ-Данцигъ баптисты завладѣли домомъ, выстроеннымъ для лютеранской школы и слушаютъ здѣсь проповѣди баптистскаго проповѣдника Прицкау, обучающагося въ Гамбургѣ, а въ ноябрѣ того-же года евангелическо-лютеранская консисторія сообщила новороссійскому генераль-губернатору Коцебу, что въ колоніи Альтъ-Данцигъ баптисты увлекли въ свою секту жену коловизета Икова Вормбахера и оврестили ее, для чего призывая были въ Одессѣ ибито Шульцъ, которому главныя образы содѣйствовали учитель Прицкау. — 22 октября 1872 г. поселенцы с. Альтъ-Данцигъ елисаветградскаго уѣзда Юганъ Прицкау совершилъ крещеніе надъ дѣтницами колоковизами Людвикомъ Вагнеромъ, Іосифомъ Энтелемъ и его женой Агатой, а становаму приставу Прицкау объявилъ, что ему положительно извѣстно, что въ старо-данцигскомъ сельскомъ управленіи ибѣтеп распоряженіе генераль-губернатора о томъ, чтобы баптистовъ не преслѣдовать. Поводъ такия думать возмѣялъ Прицкау изъ того, что когда нѣсколько поселенъ колоніи Данцау одесскаго уѣзда, сообратившихся изъ католичества въ баптизмъ, обратилъсь къ ген. Коцебу съ жалобой на преслѣдованія, какия они подвергаются со стороны духовенства и поселенъ римско-католическаго исповѣданія, то Коцебу отъ 6-го мая 1872 г. далъ знать херсонскому губернатору, что секта баптистовъ можетъ быть терпима и не должна быть преслѣдуема, доколь иослѣдователи ея будутъ исполнять гражданскія обязанности, а жалобникамъ въ тоже время была дана выхъвка о селъ изъ канцеляріи генераль-губернатора ¹⁾. Въ 1873 г. Юганъ Прицкау подалъ прошеніе херсонскому губернатору, въ которомъ утверждалъ, что братство баптистовъ не есть какаа иибудь вредная секта, и представляла икзъясненіе ибросновѣданія баптистовъ,

¹⁾ Херсонскій губернаторъ разъяснилъ Прицкау а Лиубовскому, что все такъ: они не иають права преслѣдовать.

просили исходатайствовать свободу изъ релігій и предохранить ихъ отъ притѣсненій.

По допесевію русскаго вице-консула въ г. Тульчѣ министерству иностранныхъ исповѣданій въ 1870 году, балтветы, выгнанные изъ Россіи за прозелитизмъ, поселились въ Добруджѣ. Устроивъ здѣсь колонію Каталузі, они не перестаютъ вести дѣятельныя сношенія съ своими единомышленниками въ Россіи. Въ колоніяхъ южнаго края они въ особенности хлопочутъ о пропагандѣ между русскими населеніемъ, толкуя ихъ свателіе. Изъ колоній они перешли въ Одессу, гдѣ образовали общину. Главныя бѣгатыскіе дѣятели: Валеръ, Овдра и другіе. Характеръ ихъ дѣятельности довольно видѣнъ изъ вышеслѣдующей переписки ихъ между собою, сообщенной г. вице-консуломъ Юзефовичемъ императорскому генералъ-губернатору Кокебу въ 1870 году.

Письмо № 1¹⁾. Валера къ Клуцкту.

Одесса, 20 мая 1870 г.

Дорогой братъ во І. Христѣ Клуцкты!

Нынѣ былъ у меня братъ Ланіе изъ Плоква, посланный братомъ Лезромъ частью для передачи мнѣ одного сообщенія, а частью для того, чтобы получить отъ меня совѣтъ въ весьма важномъ обстоятельствѣ, и именно, когда вы съ Израилемъ *) вновь перешли изъ заграницы въ Россію, то постѣдній безъ всякаго повода жестоко и открыто атакуетъ одному врагу нашего общества, притворившемуся собратомъ, кто онъ, что съ нимъ случилось и какими способомъ онъ перешелъ за границу. Я не постыгаю, что побудило этого молодого человѣка расказать слою исторію этому человѣку, чуждому для меня и для тебя. Постѣдствіемъ сего было то, что этотъ человѣкъ вездѣ говоритъ о селѣ и всѣ колоніи это знаютъ, такъ что неминуемо будетъ слѣдствіе. Тогда братьямъ придется дати показанія, и каковъ будетъ конецъ—Сибирь.—Сколько я не уговаривалъ молодого человѣка держать языкъ за зубами и никому не сообщать ни о чемъ, но онъ вездѣ проболтался, и мы теперь подвергнемся чрезъ него не только смѣду, но и изгнанію.

*) Рѣчь плетъ о ялдовѣхъ еврей. еврашанозъ Рабшпанзонъ въ балтезѣхъ и увелечивающъ вѣднанами-балтистами въ Добруджу.

Въ случаѣ производства дознанія мы полагали-бы устроить дѣло такъ: тотчасъ по полученіи сего письма вашей колоніи слѣдуетъ постановить общественный приговоръ, будто мальчуганъ, бывший въ Пловцѣ и т. д., есть турецко-подданный и колонистъ вашей колоніи (желательно, чтобы на всякій случай онъ переимѣнилъ свою фамилію). Этотъ общественный приговоръ долженъ быть засвидѣтельствованъ пашей—російскимъ консуломъ. Когда-же здѣшній инспекторъ потребуетъ отъ турецкихъ властей, то этотъ документъ можетъ быть высланъ въ оправданіе собратій, иначе дѣло можетъ выйти плохо. Сообщите мнѣ по полученіи сего, снабженъ-ли Наравль турецкимъ паспортомъ и привалъ-ли другу фамилію. Въ Любомірѣ, гдѣ Наравль находился сначала у *Рабошинки*, уже былъ произведенъ строгій допросъ и будетъ слѣдствіе. Всѣмъ вамъ придется плохо; но кто могъ предполагать, что изъедемъ дѣло съ такимъ легкомысленнымъ болтуномъ? Пожалуй, его потребуютъ обратно и съ нимъ нестѣплено будетъ строгаѣше по закону, что конечно ему не понравится. Онъ вообще любитъ говорить въ кого, отъ чего нужно его отучить.

Я спросилъ васъ писать также и *Лейеру*, чтобы успокоить людей, которые слишкомъ уже гревоятся. Такъ какъ братъ *Авустъ-Либель* не находится тамъ, то я прощу васъ о слѣдующемъ: сестра *Шлиссъ* мнѣ сказала, что тамъ есть еще много нѣмецкихъ трактатовъ, которые не были прочтены или, лучше сказать, не были распространены. Если таковыхъ есть довольно, то не можете-ли мнѣ ихъ доставить? Еще одно: *Флюкель* проситъ меня распространить его русскія пѣсни. Но здѣсь вотъ препятствіе — цензура не пропускаетъ; однако не можете-ли доставить мнѣ около 400 экзем.? Увѣдомьте меня относительно этихъ пунктовъ. Адресуйте нѣмецкіе трактаты купцу *Карлу Шутцу* въ Одессѣ для передачи *Г. В.* Ближайте всѣмъ дѣтямъ о Господѣ, которые меня знаютъ. Съ самой Пасхи я нездоровъ и вѣроятно отправлюсь въ госпиталь. Съ вами во *І. Христѣ* соединенный

И. Вилеръ (Wieler).

Письмо № 2. Либера къ Либану.

Одесса, 13 іюля 1870 г.

Миръ вамъ дорогой братъ о *І. Христѣ*!

Только что получили для васъ письмо отъ брата *Прицкау*, доставить которое онъ проситъ. Я намѣренъ быть самъ пріѣхать въ *Кита-луй*, но дѣла все еще не позволяютъ мнѣ этого, и потому, не имѣя воз-

возможности лично вручить вамъ письмо, и принужденъ доставить его вамъ обыкновеннымъ путемъ. Братъ Циммерманъ опять у насъ и я еще не знаю, что выйдетъ изъ всего этого дѣла. Площиче въ недоумѣніи, такъ какъ пасторы будго угрожаютъ доносомъ, направленнымъ въ особенности на брата Лейера, который своей оппозиціей для нихъ бѣзпохъ на глазу и теперь они думаютъ, что настало время разъ навсегда ему отъѣхать. Пасторъ Вельмеръ объявлялъ его во всѣхъ колоніяхъ дурнымъ человѣкомъ и не будъ Оберъ-Шулдъ собратомъ и не поддержи его инспекторъ, вышло-бы дурно. Я тоже долженъ осторожно держаться въ этомъ дѣлѣ, но я вѣрляю себя Богу.

Отъ гомеопатической аптеки вамъ придется поверять 25 рублей, потому что она была назначена другому, отъ котораго и получилъ деньги, чтобы заплатить за нее. Теперь я нибу возвратитъ эти деньги, а тамошня не выдаетъ ему этой аптеки и не высылаетъ ее.

Здѣсь въ Одессѣ дѣло идетъ печально. Мейеръ состоитъ старшиною у братьевъ и меня преслѣдуетъ. Писать вамъ обстоятельнѣе о ходѣ спора не хочу пачкать бумагу. Очень желательно, чтобы вы прибыли сюда, разсмотрѣли дѣло и вѣли, гдѣ нужно, измѣненія. Непріязнь Шлика и назевъ на себѣ тѣмъ, что не хотѣлъ съ ничъ принять причастія прежде, чѣмъ его дѣло будетъ рѣшено общественнымъ приговоромъ, хотя и не подавалъ голоса за его исключеніе. Словомъ здѣсь *бантитское* движеніе принимаетъ очень неудовлетворительный видъ и отецъ мора-бы что нибудъ сдѣлать. Если только имѣете возможность прибыть сюда, то поставьте это себѣ неизрѣнимымъ долгомъ. Какъ-бы желательно, чтобы отсюда я получилъ русскія книги ибней отъ Флоренс. Онъ полагаель, что я могъ-бы получить лятъ отъ васъ. Прислать-ли вамъ прежде денегъ? Сколько стонть тамъ 100 экземпляровъ, считая по 10 коп. за экземпляръ? Сколько прислать денегъ? Отправлены-ли для меня немецкіе трактаты. Кланитесь всѣмъ сестрамъ, меня знающимъ и незнающимъ. Съ вами въ Богѣ соединенный

Г. Вилеръ.

Адресъ: Г-ну Вилеру, на углу Прохоровской и Стенной улицъ, домъ Ткаченконой, № 46. Одесса.

P. S. Поклонъ брату Клуидту. Русскія книги ибней не должны быть отправлены нарочитомъ попому, что здѣсь цензура не пропускаетъ русскіихъ книгъ религіознаго содержания, отпечатанныхъ заграничей.

Письмо № 3. Фрицу изъ Либиту.

Альтъ-Давицъ. 2 іюля 1870 г.

Добрый братъ Либитъ!

По прѣздѣ въ Одессу я получилъ твое и брата Фрица письма. Я полагаю, что письмо мое въ Фрицу было потеряно, такъ какъ столько времени я тщетно ждалъ отвѣта. Тебѣ же съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у тебя, я нѣсколько разъ писалъ, но, какъ видно изъ твоего письма, этихъ писемъ ты не получилъ. Что касается семейства Шмидъ, то я напомнилъ имъ отдать свои билеты на званіе членовъ; но они говорятъ, что таковыхъ не получали. О случившемся съ нимъ было сообщеніе въ засѣданіи общины и рѣшено его не исключать, я же одинъ былъ противъ этого рѣшенія. Что ты думаешь, дорогой братъ, о подобномъ случаѣ? Насколько мнѣ извѣстно, въ Германіи такой грѣхъ строго наказывается. Впрочемъ здѣсь это былъ особенный случай. Братъ Шмидъ объявилъ, что онъ имѣлъ уже раскаяніе и такъ какъ въ Одессѣ не было общины, то онъ отерилъ это своей женой, и они вмѣстѣ молились о прощеніи грѣха. Это поощрило его и другихъ, имѣющихъ съ нимъ связь. Если бы его не исключали, то спрашивается, на сколько времени? Такъ какъ мы исключаемъ до тѣхъ поръ, пока послѣдуетъ раскаяніе, а ишь ему вѣрили, что онъ имѣлъ уже раскаяніе, потому исключить его было бы напрасно. При всемъ томъ я нахожу, что слишкомъ легко такъ дѣлать, и сознаюсь, что это во 1-хъ произведетъ дурное вліяніе, а во 2-хъ что многіе на будущее время будутъ на это ссылаться. Я право не зналъ, что дѣлать и предложилъ отсрочить дѣло, пока у когонибудь найдемъ совѣтъ, но собратія желали кончить это дѣло и такъ сдѣлали.

Тебѣ вѣчно неизвѣстно, что теперь въ Одессѣ есть самостоятельная община. Во время моего проѣзда здѣсь (въ Одессѣ) были крещены 4 брата, а въ Анненнѣ близъ Одессы еще нѣсколько. Затѣмъ братъ Ондра, который былъ у насъ о Троицѣ, при проѣздѣ еще нѣсколькихъ крестить, такъ что тамъ есть уже порядочное число и они выбрали пресвитеромъ (Hovstedes) своего брата Майера (Maier), который также живетъ въ Одессѣ в двухъ діаконствъ—брата Вунна и нѣкоего Бильбрута. Мы здѣсь имѣли пыльное празднество въ праздникъ Троицы. Подробности коего ты узнаешь изъ Миссіоннаго Листка. Много братій изъ ближнихъ и дальнихъ имѣтъ прибыли сюда и между прочимъ и

братъ *Ондра*. Собрание было мѣсто въ церкви, такъ какъ это всегда бываетъ теперь; поющіе стояли у алтаря и надъ конецъ проѣли еще нѣсколько пѣсней. На второй день Троицы и праздновать свой бракъ въ школѣ и въ молитвенномъ домѣ. Обрядъ былъ совершенъ братомъ *Ондрой* въ присутствіи многихъ свидѣтелей. Слѣдовательно съ Троицы и женатый человѣкъ и вѣю сожительство съ своею женою *Доротеею Гидса*, дочерью здѣшняго брата *Гидса*, въ домѣ школы.

Цѣпа русская община уже порядочно увеличилась и мы насчитываемъ до 70 членовъ.

Получилъ-ли братъ *Клуиди* мое письмо? Клянусь тебѣ, твой желѣ и всей общинѣ. Присовокулюю, что ты обрадуешь отвѣтнымъ письмомъ твоего собрата.

Г. Пritzkau (Pritzkau).

Письмо N° 4. Клуиди къ Вилеру.

Катау, 4 августа 1870 г.

Дорогой во Христѣ братъ Вилеръ!

Только что получилъ ваше письмо съ мнѣніемъ, чтобы братъ *Нарамъ* остался здѣсь, но получилъ очень поздно: уже три недѣли назадъ тому онъ взятъ отсюда. *Плоцкіе* братья отправили сюда человека, снабженнаго нужными деньгами, который взялъ его, чтобы доставить въ ваши руки въ Одессу. Я надеялся, что выслать его въ Россію по общественному приговору не идетъ, потому что здѣсь не существуетъ общественныхъ приговоровъ, здѣсь сельская община не имѣетъ никакихъ правъ. А принять *Нарамъ* было бы очень легко потому, что здѣсь въ Турціи для этого не нужно никакого общественнаго приговора. Надѣюсь скоро выехать въ *Молдавію* и отсюда вышлю вамъ въ *Плоцкѣ* русскія книги пѣсней, которыя вы доставите въ Одессу. Такимъ способомъ я уже везъ въ Россію книги. Затѣмъ я вамъ сообщу, какъ вы должны вменять деньги.

О братъ *Б. А. Либма* я не могу писать вамъ многого, такъ какъ отъ него уже 6 недѣль не имѣемъ свѣдѣній.

Пря сень посылаю вамъ маленький листикъ съ трактатами. Въ случаѣ понадобится вамъ еще таксымы, пришлите сюда; мы можемъ выслать сколько угодно. Сообщите намъ поскорѣе, какъ вышло дѣло съ Парсилемъ. Кланяйтесь всѣмъ дѣтямъ Господнимъ и особенно брату Мейеру. Загѣмъ желаемъ вамъ Божіей помощи. Вамъ преданный братъ

Г. Кундт.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Библиографія.

Известіе о походженіи Симеона Степановича Пущевича. 1731—1785 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей росс. при московскомъ университетѣ, подъ ред. бывшаго члена Им. Империц. Моск. 1884 г. IV+561.

Важность вопроса о колонизаціи въ русской исторіи достаточно опредѣлена появленіемъ въ свѣтъ ряда серьезныхъ изслѣдованій, касающихся разныхъ областей нашего отечества, и лишь по отношенію къ новороссійскому краю онъ не дождался еще разносторонняго разсмотрѣнія. Только въ самое послѣднее время обращено вниманіе на народную колонизацію Новороссіи и только теперь эта сторона дѣла стала на очередь; болѣе разработана колонизація иностранная, но и тутъ найдется не мало пробѣловъ, на столько существенно-важныхъ, что самая оцінка колонизаціоннаго движенія можетъ довольно круто измѣниться, когда лягутъ дополненія фактическія. Превіе изслѣдователи не охотно выходили изъ круга матеріаловъ официальныхъ, не всегда и пун даже пользуются въ нихъ настоящей полнотѣ и съ желательной тщательностью, матеріалы же частнаго характера совсѣмъ почти не затронуты. Тѣмъ цѣннѣе книга, заглавіе которой выписано нами въ началѣ статьи, и тѣмъ важнѣе для юга Россіи заслуга московскаго общества исторіи и древностей, издавшаго ее. «Извѣстіе о походженіи С. С. Пущевича» заключаетъ въ себѣ автобіографію одного изъ участнковъ сербской колонизаціи прошлаго столѣтія и по своимъ достоинствамъ представляетъ матеріалъ большой повизны. Наврасно было бы требовать достоинствъ литературныхъ отъ автора, въ зрѣломъ уже возрастѣ нагнувшагося русскому языку и совсѣмъ не подготовленнаго къ литературнымъ занятіямъ: разсказъ мпелорѣчавъ и останавливается слишкомъ долго на личныя

обстоятельствах жизни повѣствователя, но тамъ, гдѣ рѣчь касается Новой Сербіи, Хорвата и его отоменій и дѣлъ, словомъ фактовъ и личностей историческихъ, именно эта словоохотливость обращается въ достоинство: съ полной открытостью раскрываетъ авторъ нашу домашнюю сторону выселенія и быта колонистовъ и показываетъ руководителей дѣла во всей ихъ природной наготѣ, а при случаѣ и про свои «похождения» повѣствуетъ съ такою свѣтлою простотою, которой хотя и нельзя завидовать, но за которую надо быть благодарныхъ ему. Честность и добросовѣстность—качества, несомнѣнно отличающія трудъ Пишчевича, и даже въ неблагопріятныхъ отзывахъ его о Хоратахъ, съ которыми водились у него личные неудовольствія, трудно заподозрѣть правдивость его: онъ не умѣетъ сойти съ фактической почвы и никогда не покидаетъ того наивнаго отношенія къ своему труду, которымъ запечатлѣна вся его книга.

Допросимъ же нашего автора—колонизатора о томъ, какія побужденія заставили его оставить австрійскую службу и перебраться въ Россію? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ категорически—ясно: «болѣе ничто не побудило во мнѣ желаніе просить ашита, какъ что только хочу еще свѣтъ видѣть и свое счастье даль пробовать» (91 стр.). О побужденіяхъ другого порядка и рѣчи быть не можетъ. Впрочемъ, Пишчевичъ говоритъ о своей любви къ новому отечеству, Россіи, но какъ своеобразно понималъ онъ эту любовь, показываетъ передаваемая имъ исторія «черногорской комиссіи». Дѣло было вотъ въ чемъ. Черногорскій владыка Василій Петровичъ, прибывшій за мѣсяцемъ въ Москву, соблаждался выгодностью славянской колонизаціи въ Россіи и, не думая даль, подалъ въ сенатъ прозьбу о переселеніи въ Россію черногорцевъ, утѣрявъ, что своимъ призывомъ къ выходу изъ Россіи можетъ поднять весь народъ черногорскій. Поль едина лишь условіемъ—казенной ассигновки. По этому замвленію и составлена была черногорская комиссія, въ составъ которой вошелъ также Пишчевичъ. Какъ же выполнилъ свое обѣщаніе черногорскій владыка и какъ дѣйствовали эта комиссія? Вызовъ владыки на мѣсть встрѣченъ былъ чрезвычайно недоброжелательно. Владыка, рассказываетъ Пишчевичъ, «видя, что его прозьбу не послушали, а дѣло такое безъ согласія народа самъ собою зачать, которое исполнить должно, то и началъ приглашать своихъ свойственниковъ и некоторыхъ поповъ, что вдовцами были, даль имъ благословеніе обрить бороны, награды денгами и назначивъ ихъ чинами офицерскими и тѣмъ привлечь на свою сторону». И членовъ оппозиціи старался онъ привлечь разными средствами: одному обѣщавъ небывалый чинъ и громадную власть, другому ссватать сестру; одному,

успѣхъ оказался плохой. Между тѣмъ члены коммисіи подкололи черногорцевъ на австрійскихъ карантинныхъ. Глава ея, майоръ Слесанъ Петровичъ, убѣдившись въ безуспѣшности дѣла, завелъ сношенія съ сподвижкомъ города Карловицъ, Иваномъ Валевичемъ, и выѣстъ съ нимъ соорудить такой прозѣкъ: въ Карловицѣ и окрестностяхъ его проживало довольное число такъ называемыхъ бетировъ, т. е. людей, пришедшихъ изъ разныхъ мѣстъ на заработки и оставшихся здѣсь подолгу, иногда по цѣлому году; рѣшено было тайно уговорить ихъ выселиться въ Россію подъ именемъ черногорцевъ, а Валевичъ, какъ сподвижкъ, обѣщале выдать имъ свидѣтельства, что они — выходцы изъ Черногоріи. Сказано — сдѣлано. Набралось человекъ пятьдесятъ. Петровичъ тотчасъ объ этихъ черногорцахъ представилъ русскому послу въ Вѣнѣ и выхлопоталъ для нихъ паспорта; но на бѣду двое бетировъ съ дороги бѣжали, явились въ Петроварденъ и объявили, какъ дѣло было; тогда пришла очередь Валевича выселиться и колонизовать наши степи; снесая голову, явился онъ къ Пинчевичу и со слезами, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, просилъ помочь ему; тотъ сначала отказалъ, не желая вытѣкаться въ дѣло столь деликатнаго свойства, но потомъ, слышавши на ходатайство казого-то важнаго лица, которое по имени не называется, послалъ Валевича въ Вѣну, откуда тотъ, переодѣвшись вунцомъ — грекомъ, успѣлъ бѣжать въ Россію. Но и самъ Пинчевичъ дѣйствовалъ въ Митровицѣ въ томъ же направленіи и съ подобнымъ успѣхомъ. Мнѣ, говоритъ онъ, велъ та неограниченность довольно была еще прежде извѣстна, а при томъ были на некоторыхъ мѣстахъ по границе цесарской люди также, кои доводились мнѣ несколько въ свойстве, а кому и другіе знаемые добрые приятели, и своихъ я знать на ково положитца можно, то и наполю и такovýchъ, что по приятельски мнѣ въ моемъ предпріятіи учинили помощь. И чрезъ оныхъ (продолжаетъ онъ) секретно на ту сторону (р. Саны) въ турецкую сторону, въ лежащія по границе на реке Саве мѣста далъ о себѣ знать, что захожусь я въ городъ Митровице, дожидаясь для приему приходящихъ черногорцевъ, и что въ томъ числѣ будетъ можно подъ именемъ тѣхъ черногорцевъ принять и другіихъ людей, вышедшихъ изъ турецкой области къ себе въ камницу, для чего ежели кто желаетъ, то чтобы выходили и являлись на учрежденномъ по границе цесарскомъ барзале, где кому способно, откуда приедены будутъ въ карантинъ и тамъ вено содержаныи будутъ отъ меня имъ давано. Меня, замѣчаетъ Пинчевичъ, въ сему предпріятію ничто болше не побудило, какъ только одна редкость и усердіе къ моей принаде, и темъ оказать услугу Россіи (кою уже и своимъ отечествомъ называю и потомковъ своихъ въ ономъ въ пользу оставить намеренъ), то

для того приложилъ я свой трудъ и старанне, чтобы сей случай учпнуть полезнымъ и вывести людей въ Россію» (стр. 257—258). Такимъ способомъ набралось у Пинчевича 62 челоуѣка, кромѣ того ему прислано изъ Триеста 27 лже-черногорцевъ, а что это были за люди, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «...всево воръ наголо и пиявци прегоріе; наволочъ го такаа была, что хуже сискать нигде не можно: между нимиъ были оружейные лѣсовые пастолции разбойники» и т. д. (стр. 261).

Познакомившись съ способами переселенія славянъ въ Россію, посмотримъ теперь на ихъ жизнь-бытїе на новыхъ мѣстахъ. Появившись въ Россіи, руководителю движенія первымъ дѣломъ перессорился: ни Шевичъ, ни Райко-Прерадовичъ не соглашались вступить подъ начальство Хорвата. Ссылаюсь на то, что въ австрійской службѣ было выше что не службѣ, и въ этомъ смыслѣ сдѣлали представленіе начальству. Хорватъ, желая удержать первенство за собою, самъ указываетъ на свои заслуги, какъ зачинщика переселенія, и порочитъ соотечественниковъ, утверждая, напр., что Райко вывелъ въ Россію только одну свою семью... Судили—рядили о сербахъ въ сенатѣ, и рѣшили расселить ихъ себою. Тогда Хорватъ подсылаетъ въ Кіевъ своихъ офицеровъ, подъ предлогомъ закупки сукна на поляхъ, а на дѣлѣ для того, чтобы стороною подговаривать людей Шевича и Прерадовича переходить къ нему, Хорвату; оный удаленъ отчасти, но Хорвату помѣшало то, что путь была не дозволенна военная волтегїя, въ подчиненіи у которой не пожелалъ онъ быть.

Сочиненіе Пинчевича знакомитъ съ Хорватомъ ближе, чѣмъ съ другими руководителями сербскаго движенія, такъ какъ съ нимъ авторъ нашъ входитъ въ разнообразныя отношенія—служебныя и частныя. Послѣ побѣды въ Венгрію для закупки лошадей русскому двору, Пинчевичъ, исполнивъ порученіе, проживалъ въкоторое время въ Петербургѣ, въ ожиданіи награды, мысль о концѣ занимала его вообще болѣе всего другаго, и весь празднуетъ, хотя и веселую для него жизнь: посѣщать придворные балы, навѣщавался къ сивыногѣ міра, разбѣжать въ придворной каретѣ. Хорватъ, бывшій также въ Петербургѣ, узнавъ о Пинчевичѣ и постарался привлечь его къ службѣ къ себѣ, и тотъ, послѣ продолжительнаго уперства, соглашавшись обѣщавшемъ ему подполковничья чинъ, сталъ наконцѣ на кантулякии. Вспротивъ у Пинчевича 400 р. на дорогу, Хорватъ выѣзжалъ въ Новую Сербію, оставивъ Пинчевича хлопотать по своимъ дѣламъ. Прѣзая въ Петербургъ еще для мѣсца, Пинчевичъ также отправился въ путь, въ сопровожденіи одного ватмистра Хорвата. И вотъ что рассказывалъ ему ватмистръ дорбегомъ о своемъ начальникѣ: «ви де сударь отъ Хорвата обманутъ,

ибо онъ, какъ приехать въ Новую Сербію, сѣлся, и я слышлъ часто, гдѣ онъ за столомъ объ васъ говорить, какъ онъ васъ умѣлъ словами привесть на словъ руку, и какъ еще завидовалъ тому, что вы на придворной каретѣ съ людьми къ нему приехали и что вскоре вы того елишижка лишились и принуждены были на свои деньги карету возлукъ себѣ нанять, и деньги издерживать, да и о деньгахъ упоминалъ и говорилъ часто съ капитаномъ Букакеломъ и поручикомъ Вайдою, какъ хитро они умѣли выманить изъ васъ деньги на дорогу, какие деньги мало не надобно было, а только да для того зѣланы, чтобъ васъ лыпить оныхъ» (стр. 397). Узнавъ Пишчевичъ и о судьбѣ черногорцевъ: Хорвату удалось добыть указъ о поступленіи подъ свою команду «черногорцевъ» и вмѣстѣ съ ними Пишчевича, а такъ какъ многіе изъ нихъ не рѣшались отправиться въ Новую Сербію безъ Пишчевича, то Хорватъ «штрафовалъ ихъ палками, и въ колодезъ забросъ привезъ въ Новую Сербію» (ibid.); другіе не захотѣли совсѣмъ оставаться въ Россіи и оставили ее. Приведенныхъ же съ собою Хорватъ опредѣлялъ частію въ македонскій гузарскій полкъ, частію въ такъ называемый миргородскій гарнизонъ, представилъ въ сенатъ, что послѣдній сформированъ изъ людей, выведенныхъ изъ Венгріи «дворянскому Пваломъ Хорватомъ», которому, въ награду за то, выршивалъ подполковничій чинъ; этотъ «дворянинъ» былъ никто иной, какъ шестилѣтній сынъ самаго Хорвата; тотъ же чинъ за такой же выводъ нѣсколькихъ соотсѣбовъ получили и два другихъ сына его, старшему изъ коихъ считалось всего 12 лѣтъ. По приѣздѣ въ резиденцію Хорвата, Новомиргородъ, Пишчевичу никакими средствами не удалось получить своего долга. Подъ рукою, отъ одного служащаго онъ узнаеть, что Хорватъ вообще имѣеть обыкновеніе вытягивать деньги у тѣхъ изъ подчиненныхъ, у кого они податны, и дѣлаетъ это за тѣмъ, что безденежные люди повороче и уличивше; выходя изъ той же мысли, онъ завелъ агентовъ для доставки вещей на обмундировку: все принадлежности амуніціи доставлялись изъ Австріи въ три дорогахъ, и саль начальства Новой Сербіи не оставался въ убытокъ. Все это разсказывалъ Пишчевичу нѣкто майоръ Шматъ, начальникъ «разсчетной комиссіи», въ которую поступали все суммы—какъ на выездъ войскъ переселенцевъ, такъ и на содержаніе поселенія: «она да то есть самая пренесодима глубина Хорвата возвестна», объяснилъ Шматъ.

Пишчевичу очень хотѣлось назначеніи въ дѣйствующую армію, но Хорватъ поручилъ ему формированіе новаго болгарскаго полка и за это отаркавалъ за Кременчугъ, въ мѣстечко Манжелевъ. Полкъ формировался изъ кѣмъ шимъ, какъ австрійскими и прусскими дезертирами

на польской Украинѣ. «Я съ этими людьми съ перваго зачала превеликое мученіе и трудъ имѣлъ», рассказываетъ Пшчевичъ; «всю то было стропливо, развращено, пьяно и всякой день происходили между ими и съ обывателями драки и сори, и таковое то сборище людей было, которіе по несколько разъ изъ одного государства въ друге переходили и служили и вотомъ уходили, а на постѣлохъ дошли въ Россію и ко мнѣ въ команду» (стр. 416). Не лучше было и недавно сформированный македонскій полкъ: «а въ македонскомъ полку слуху я», повѣствуетъ Пшчевичъ, «что происходить очень дурно и дѣлались тои зныи чрезвычайно великие побѣги, къ чему они способъ имѣли, какъ Дибиръ замерзъ, и уводили лошадей, а другіе пѣшкомъ уносили мушкеры и амунисию съ собою въ Польшу за границу» (стр. 428). Такимъ образомъ бѣжало въ Польшу изъ одного македонскаго полка болѣе 200 человекъ, съ амунисией и съ ружьями (стр. 424).

Вотъ картинка, представляющая обращеніе Хорвата съ подвластными. Миргородскій гарнизонъ, сформированный, какъ мы ведали, шестилѣтнимъ Иваномъ Хорватомъ, не получалъ ни жалованья, ни провіанта. Истощивъ терпѣніе, голодные и позунагіе, «черногорцы» рѣшились обратиться лично къ Хорвагу съ просьбою облегчить существованіе ихъ, и съ этою цѣлю собрались всею вередъ городомъ. Хорвагъ узнавъ объ этомъ и велѣлъ стрѣлять въ толпу изъ мушекъ картечью: нѣсколько человекъ остались убитыми, остальные бѣжали; одни изъ труновъ, по приказу Хорвата, выставлены были возлѣ большой дороги, на колеса; другіе же изъ тѣхъ людей содержали иныхъ въ железахъ, а иныхъ нудливо безъ милосердія съѣхъ батожьемъ, а одного, бивъ кнутомъ, сослалъ въ ссылку въ Сибирь, и тѣхъ изъ застрашилъ, что они ужь остались, яко рабы, подъ его властью, и довелъ до того и въ такой страхъ, что никто ни вчемъ и ни о какой своей нуждѣ говорить не смѣлъ и повиновался всякъ его власти въ великомъ рабѣиствениемъ» (стр. 425). Другая сцена: Хорвагъ поставилъ подъ караулъ одного прапорщика, Чаки; спустя нѣкоторое время послѣ арестованія его, Хорвагъ проходилъ мимо караулки во уличѣ, Чаки вышелъ къ нему и просилъ освободить его; въ отвѣтъ на просьбу, Хорвагъ нанесъ ему нѣсколько пощечинъ, ногою схватилъ за волосы, таскать по землѣ, толкать ногами и наконецъ недовольный и всѣмъ этиамъ, приказалъ барабанщикамъ привести шалокъ и, раздѣвъ офицера, неумилосердно наказалъ его палками (ibid.). Передадимъ еще исторію съ дипломатическимъ отлѣнкомъ: быть можетъ, она напомнитъ читателю упреки, дѣлаемые запорожцямъ, въ непониманіи и неуваженіи международнаго права. Услышавъ, что влоль границы, какъ не разъ это бывало и прежде, небольшой польскій отрядъ дѣлаетъ

объѣздъ, Хорватъ снаряжаетъ сотню гусарь въ пограничный явенецъ и привязываетъ, при первомъ его распоряженіи, напасть на поляковъ; отъправляется туда и самъ онъ, велитъ готовить объѣздъ, на который приглашается и польскаго полковника, начальствовавшаго этимъ отрядомъ; когда тотъ явился, люди его пустили лошадей на траву, а сами—кто легъ спать, кто дождался начальника; вдругъ, по приказанію Хорвата, нападаютъ на нихъ гусары и открываютъ пальбу. Разумѣется, сраженіе вышло побѣдоносно для Хорвата: многіе изъ поляковъ убиты, другіе, кто успѣлъ, бѣжали, гость-полковникъ арестованъ и отвезенъ въ Новомиргородъ. Хорватъ донесъ сенату (онъ подчинился непосредственно сенату), что поляки напали на гусарь, что тѣ вынуждены были обороняться и—одуѣли.

Изложеннаго считаемъ достаточнымъ для того, чтобы поставить на очередь вопросъ о зпochenіи иностранной колонизаціи въ Новороссіи или, вѣрнѣе, военныхъ поселеній Хорвата, Шевича и Прерадовича. Мы видѣли, что сербскіе колонизаторы, съ томъ числѣмъ и самъ Пшчечевичъ, были ничѣмъ вымыслъ, какъ авантюристамъ въ самомъ грубомъ смислѣ слова. Для того чтобы показать, какъ они ловили фортуны, расскажемъ въ заключеніе еще слѣдующую исторію, передаваемую нами авторомъ. Когда пришелъ въ Новую Сербію манифестъ о кончилиѣ императрицы Елисаветы Петровны, Хорватъ не медля отправляется въ Петербургъ и тамъ, развѣдывая, кто у новаго государя въ силѣ, начинаетъ дѣлать визиты; кончается тѣмъ, что онъ вручаетъ по уѣщанью золота камерднеру государя и адъютанту его Гудовичу; къ душевному его прискорбію, оба они въ тотъ-же день передали все золото самому государю: государь приказалъ сдѣлать Хорвату публичный выговоръ, возвратитъ ему деньги и выслать изъ Петербурга. Три года спустя наряжено было надъ нимъ сдѣдствіе и Хорватъ, какъ извѣстно, сосланъ. Но думать, что въ данномъ случаѣ исторія могла-бы не ограничивать своего суда только личностями, руководившими дѣломъ. Дѣйствительно, что сдѣлано военными поселеніями для обереженія границъ—главной цѣли, ради которой учреждались они: Что добраго внесли сербы, черногорцы и пр. въ социальный бытъ Новороссіи? Какіе слѣды ихъ уцѣлѣли до насъ, кроми нѣсколькихъ десятковъ разорванныхъ и разоряющихся потонковъ ихъ? Наконецъ, гдѣ слѣды этнографическихъ особенностей сербовъ въ населеніи юга Россіи? Все пошлово въ русскомъ населеніи, все забыто имъ. Поселеніе Хорвата и его товарищей просуществовало какой-нибудь десятковъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ переформировано и скоро котомъ

ство шлояѣ съ общими порядками имперіи. Спрашивается, не была-ли простыя педоразумѣніемъ славянская и вообще иностранная колонизація въ Новороссіи? Пора-бы отвѣчать уже на эти вопросы.

В. Я.

Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою комиссіею, томъ осмый. С.-Петербургъ, 1884 г.

Новый томъ Исторической Библіотеки заключаетъ въ себѣ памятники самаго разнообразнаго содержанія. На первомъ планѣ помѣщены весьма интересныя документы, извеченныя профессоромъ новороссійскаго университета Ѳ. Н. Успенскимъ изъ разныхъ архивовъ и библіотекъ итальянскихъ: римскихъ, флорентійскихъ, венеціанскихъ и др. Изъ нихъ всего болѣе заслуживаютъ вниманія письма и донесенія о первомъ самозванцѣ и вообще о событіяхъ смутной эпохи въ московскомъ государствѣ. Далѣе слѣдуютъ матеріалы, добытыя въ русскихъ государственныхъ архивахъ: акты о выѣздахъ въ Россію иностранцевъ купцевъ, врачей, аптекарей, мастеровъ и т. под. (1600—1640 гг.); акты относящіеся къ исторіи Сибири съ 1625 по 1630 г., а также вѣдомость о ясачныхъ, десятинныхъ, денежныхъ, хлѣбныхъ и соляныхъ доходахъ и расходахъ въ слоборскихъ городахъ въ 1698 и 1699 гг.; акты о возобновеніи с. Олонца, истребленнаго пожаромъ 1668 г.; челобитныя разныхъ московскихъ дворянъ (конца XVII в.) о дозволеніи имъ писаться двойными провинціями. Кроме того новый томъ Исторической Библіотеки заключаетъ въ себѣ нѣсколько драгоценныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, о которыхъ скажемъ подробнѣе. Подъ № 13 помѣщено произведеніе, бывшее въ Малороссійскомъ Привазѣ въ 1676—1677 гг. дѣло объ убіеніи одного новгородсверскаго мѣщанина Ивана Москаленка стрѣльцемъ Остапкой Кузьминныхъ, бѣжавшимъ въ Москву гонимомъ изъ Кіева. Убіеніе произошло вслѣдствіе ссоры изъ-за подводъ, которыхъ Кузьминъ требовалъ въ большемъ прогнѣ положеннаго количества. Этотъ случай послужилъ новгородсверскому сотнику и тамошнимъ мѣщанамъ и козакамъ поводъ жаловаться царю Федору Алексѣевичу о безчинствахъ, производимыхъ въ малороссійскихъ городахъ московскими гонцами. «Отъ многихъ гонцовъ (жаловались они) и отъ всякихъ проѣзжихъ породъ московской людей многы намъ нѣтъ. Они воевоушіемъ своимъ насъ, холопей и спрота твоихъ, ни во что ставятъ, дворники наши разоряютъ и насъ въ городѣ и на дорогѣ, въ провозахъ възвѣзъ, до смерти убиваютъ». За новгородсверскихъ козаковъ и мѣщанъ

вступился также гетманъ Самойловичъ и, препроводивъ въ Москву стрѣльца Кутзьмина, просилъ, чтобы послѣдній не былъ оставленъ безъ «достойнаго наказанія за свое безчынное дѣло». Московское правительство и само не мирволило своевольцажъ: по приговору бояръ и по указу великаго государя, стрѣлецъ Остапка Кутзьминъ, за убійство въ пьяномъ видѣ «черкашенина», битъ кнутомъ на козлѣ и давъ на поруки. А къ гетману извѣстительной о семь грамоты посылать не приказано: «велико поощрять, что гетманъ учинить у себя убойцѣ-жъ Глухова города черкашенину Давыду Навроцкому, что оиъ убилъ московскаго емщика, и что о томъ окупить». Вообще дѣло это представляеть любопытный образецъ тѣхъ стольковеній, какия часто происходили въ Малороссіи въ XVII в. между мѣстнымъ населеніемъ и людьми «шорды московской».

№ 15-й заключаетъ въ себѣ полную опись движимаго имущества, принадлежавшаго гетману Павлу Самойловичу и его сыновьямъ Григорію и Якову и кофискованнаго послѣ изложенія гетмана по случаю обвиненія его съ сыновьями якобы въ государственной вѣднѣ. Чтобы судить о томъ, какъ велико было это имущество достаточно сказать, что настоящая его опись занимаетъ кѣльяхъ восемь печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Размѣръ этого имущества соответствовала его громадная кѣйность. Это гдѣ знаменитые «скарбы» Самойловича, которые, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, оиъ «зырять впевакими способамъ», которыми оиъ никакъ «не могъ насытитися» и «мачючи нахѣю» на нихъ, «о жадной южъ перелѣиѣ панства своего не помышлялъ»¹⁾. И точно. Итъ числа и мѣры различнымъ драгоценностямъ, каковыи владѣли когда-то пышный гетманъ—пововичъ и его сыновья: золотые и серебряные кубки, кружки, четвертины, братины, чарки, достоканы, чаши, блюда, носы, цѣпи, жемчугъ, кзейкоты и перстни со множествомъ драгоценныхъ камней—все это въ описи перечисляется сотнями отдѣльныхъ предметовъ, а общій вѣсъ опредѣляется десятками пудовъ. Въ числѣ этихъ драгоценностей было не мало образцовыхъ произведеній тогдашняго художества: таковы напр. кубокъ—«корабль, съ лица и въ серединѣ, и поддонокъ, и щола золоченыя сплошь, шарусъ окрапентъ красною да зеленою красками, въ серединѣ семь перугнъ челоуѣчьныхъ съ рукаемъ, а въ юрмѣ 2 пупечки на колесахъ» и много, много другихъ металлическихъ издѣлій «съ личивыми» челоуѣчьскими. Укажемъ и на другіе предметы, свидѣтельствующіе объ извѣстности, чисто европейскомъ комфортѣ гетмана-роскошника и его дѣтей. Въ часть

1) Летопись Саявъ., издавіе 1878 г., стр. 169--170.

них искусства часто упоминаются часы серебряные (варшавские), часы медные стальные, часы серебряные столовые и часы железные боевые; зеркала разной величины и отдѣлки, мыла турецкія и греческія; гребни чернаховые; шахматы костяные; ящики «съ оплечков» и коробки «съ разными лекарствами»; кружева нѣмецкія и какое-то «цери заморское съ зеркаломъ, что по нѣмецки называютъ висоръ»; не есть-ли это (ср. Fischer, вѣрь?) картины нѣмецкія и другія; портреты самихъ Сажойловичей; многочисленныя кареты, колясы, сапоги плетеныя золотомъ (Сравн. отзывъ лѣтописца: «съ великою помпю (гетманъ) ѣздить: безъ кареты и за мѣсто не поѣхалъ, а ни самъ, а ни сыноше его, и у войсву все въ каретѣ») и пр. Къ чести пашаго гетмана и его сыновей полковниковъ нужно сказать, что имъ не чужды были интересы науки и высшаго знанія: въ числѣ ихъ искусства находимъ болѣе 200 томовъ книгъ, изъ коихъ было 89 книгъ славянской и русской печати и письма, а остальное число (152) составляли книги польскія, латинскія. Не чужды имъ были и высшія эстетическія развлеченія, напр. музыка. И лѣтописецъ упоминаетъ, что гетманъ съ сыновыми любилъ забавляться «музыкаю—поэтиамаи»¹⁾. И полпино, въ числѣ ихъ искусства мы находимъ нѣсколько различныхъ музыкальных инструментовъ: 6 *любовкордобозъ*, 2 *органъ*, *цимбалы нѣмецкіе* и наконецъ національный малороссійскій инструментъ—*бандуру* съ розныхъ деревъ, колосами составную, съ кости, о семи струнахъ». Вообще замѣтить, что описъ искусства Сажойловичей представляеть драгоценный матеріалъ для изученія домашнего быта и всего житейскаго обихода богатой малороссійской семьи XVII столѣтія.

Наконецъ, послѣдній (179) № новаго тома «Исторической Библиотеки» составляютъ акты о посольствѣ царскаго эротинна Ив. Желебужскаго, отправленнаго въ 1657 г. въ селмиградскому князю Георгію Равочію и кіевскому козацкому полковнику Антону Ждановичу. Они содержатъ въ себѣ нѣсколько новыхъ лавинъ о дѣятельности Богдана Хмельницкаго въ послѣдній годъ его жизни и въ особенности выясняютъ характеръ его отношеній къ селмиградскому князю и общіе изъ записекъ уничтоживъ польское государство и раздѣлить между собою его земли. Этотъ-же документъ подтверждаетъ извѣстіе письма Выговскаго къ военнѣ Зюзину о дѣѣ смерти Богдана Хмельницкаго 27 іюля, а не въ половинѣ августа, какъ о томъ сообщаютъ подробнѣиши козацкіи лѣтописци.

О. Л.

¹⁾ *Возможны, польск. розутову — являе переложные органъ.*

*О родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Киевъ, 1871 г., 8°
157 стр. Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей.
Киевъ, 1884 г., 8° 131 стр.*

Объ вышеп изданы гр. Гр. А. Милорадовичемъ, владѣльцемъ одного изъ значительныхъ частныхъ архивовъ въ Малороссіи. Въ этихъ книжкахъ на ряду съ биографическими очерками дѣятельныхъ лицъ, принадлежащихъ къ роду Милорадовичей, напечатано не мало и фамиліальныхъ бумагъ, въ полномъ ихъ видѣ.—Милорадовичи вышли изъ Сербіи при Петрѣ В. и тогда-же два брата изъ нихъ, Михаилъ и Гавріилъ, были назначены, послѣдовательно одинъ за другимъ, гадичинскими полковниками. Въ названныхъ книжкахъ напечатаны биографическіе очерки и бумаги Михаила Милорадовича и его потомковъ. Материаловъ для бытовой исторіи Малороссіи по настоящее время издано такъ мало, что всякое изданіе фамиліальныхъ бумагъ, представляющихъ собою наиболее цѣнный матеріалъ для изанія общаго и частнаго быта нашихъ предковъ, заслуживаетъ полной благодарности. Напечатанныя въ книжкахъ графа Милорадовича бумаги относятся впрочемъ преимущественно къ концу XVIII в. и поэтому мѣстный интересъ ихъ не особенно великъ; бумагъ, относящихся къ первой половинѣ того-же вѣка, не много; но за то нѣкоторые изъ нихъ представляютъ драгоцѣнныя черты изъ тогдашняго быта. Въ этомъ отношеніи особенно интересна записка бунчуковаго товарища Степана Милорадовича о томъ, какое онъ далъ приданное за свою дочь Софью, при выдачѣ ея замужъ за Якова Каневского. Записка эта относится въ 1739 г., когда Малороссіей правилъ А. И. Румянцевъ, а его фактическимъ соврателемъ былъ генеральный писарь Безбородко. Значеніе послѣдняго такъ велико было въ это время, что все иваніе илюстей у Румянцева, должны были въ то-же время кланяться и Безбородкѣ.—Перечисляя движимость, данную Каневскому, Степанъ Милорадовичъ замѣчаетъ, что «промысла» зятю какое-нибудь мѣстечко, онъ далъ Румянцеву «пару перхovýchъ коней, одинъ сивоябловатый, а другой—гнѣдой, цѣною въ 70 рублей; а ману А. Безбородку далъ соболій мѣхъ, купленный у Фелора Гамалѣи за 75 руб.». Выходить, что Безбородкѣ за ходатайство о мѣстѣ нужно было поднести подарокъ такой-же цѣности, какъ и самому Румянцеву.

Кромѣ бумагъ, напечатанныхъ въ названныхъ двухъ книжкахъ, въ архивѣ гр. Милорадовича сохраняется еще значительное количество юридическихъ актовъ, преимущественно относящихся къ тѣмъ мѣст-

ностямъ Малороссіи, гдѣ находились имѣнія вѣстнаго Павла Подуботка, значительная часть которыхъ перешла потомъ, по брѣву, къ Милорадовичамъ. Особенно много актовъ сохраняется въ архивѣ графа Милорадовича, относящихся къ м. Любечу и тѣмъ поселеніямъ, которыя при польскомъ владычествѣ принадлежали къ любецкому староству, а потомъ входили въ составъ любецкой сотни, самой обширной въ черниговскомъ полку. Многие изъ этихъ актовъ относятся къ XVI в. и уже поэтому составляютъ дорогой матеріалъ для исторіи малороссійскаго землевладѣнія, такъ какъ бумага, относящихся къ исторіи Малороссіи зѣваго берега Днѣпра за время предшествовавшее эпохѣ Хмельницкаго, сохранилось очень мало. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ уже напечатаны въ монографіи гр. Милорадовича о Любечѣ (Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и др. 1871 г., кн. 2), но гораздо большая ихъ часть хранится еще въ рукописяхъ. Нельзя не пожелать, чтобы владѣлецъ ихъ, извѣстный своею любовью къ мѣстной старинѣ, продолжалъ-бы изданіе хранящихся у него историческихъ и юридическихъ актовъ и при томъ не въ отрывочномъ видѣ, а систематическими сборниками, матеріаловъ для которыхъ у него найдется не на одну томъ.

А. Лазаревскій.

Сулимовскій Архивъ—фамильные бумаги Сулимъ, Скорунъ и Войцеховичей. Кіевъ, 1884 г. Издатель А. Лазаревскій.

Въ составъ этого изданія вошли фамильные документы трехъ названныхъ въ заглавіи малороссійскихъ дворянскихъ родовъ. Самая многочисленная группа (109 номеровъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ самая интересная какъ по времени (она восходитъ до первой половины XVII столѣтія), такъ и по полнотѣ—это документы рода Сулимъ, члены котораго занимали важные должности въ козацкомъ войскѣ и находились въ семейныхъ и личныхъ связяхъ съ многочисленными знатными, современными имъ родами малороссійскихъ старшинъ. Документы Скорунъ (63 номера) и Войцеховичей (11 номеровъ) хотя охватываютъ нѣсколько менѣе значительный промежутокъ времени и относятся къ менѣе выдававшимся родамъ, представляютъ однако матеріалъ исполненный весьма цѣнными данными для внутренней бытовой исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII и въ XVIII столѣтіи.

Выборъ документовъ для изданія произведенъ весьма умѣло—нѣтъ номера, который-бы не представлялъ той или другой существенной черты для обрисовки бытовой исторіи страны; иначе конечно и не могло случиться, такъ какъ издатель А. М. Лазаренскій, извѣстный многочисленными трудами по исторіи Малороссіи, по всей справедливости долженъ быть признаванъ лучшимъ знатокомъ малороссійской исторіи и древностей XVII и XVIII столѣтій.

Не ограничиваясь матеріаломъ сундичевского архива, издатель пополнял коллекцію нѣкоторыми документами, заимствованными частью изъ собственной богатой коллекціи актовъ, частью изъ малоизвѣстныхъ археографическихъ изданій (например «Україне зрраву» Пржыленскаго. Львовъ. 1842). Затѣмъ въ началѣ изданія приложена весьма цѣнная монографія, въ которой разсказана генеалогія и сведены біографіи лицъ, принадлежавшихъ ко всемъ тремъ названнымъ родамъ. Изданіе иллюстрировано пятью фамильными портретами, сохранившимися вмѣстѣ съ архивомъ въ домѣ Войцеховичей, наследниковъ Сулимъ.

Документы въ генеалогіи Сулимъ начинаются съ перваго извѣстнаго ихъ предка, запорожскаго гетмана, Ивана Сулимы (1628—1635); сыновья его и дальнѣйшіе потомки умѣютъ средѣ всехъ смуть и превратностей, которымъ подвергалась судьба страны въ XVII столѣтіи, не только сохранить выдающееся положеніе въ козацествѣ, но и значительно упрочить его какъ приобретениемъ многочисленныхъ земель и помѣстій, такъ и родственными связями съ большинствомъ мѣстныхъ знатныхъ родовъ. Когда въ XVIII столѣтіи Малороссія достигла наконецъ единства и общество стало слагаться въ болѣе правильныя нормальныя формы, Сулимы заняли выдающееся положеніе среди дворянской знати и въ концѣ столѣтія весьма отзывчиво вступили на новый путь служебной карьеры, въ которому умѣли во время подготовиться должнымъ образомъ. Въ числѣ послѣднихъ представителей рода, упоминаемыхъ въ документахъ, мы встрѣчаемъ: генералъ-майора Акимъ Семеновича, его сыновей: Павла Акимовича, доктора философіи геттингенскаго университета и Акимъ Акимовича, получившаго образованіе въ московскомъ университетѣ, наконецъ харьковскаго епископа Христофора Сулиму.

Данія, относящіяся къ роду Скорупъ, обнимаютъ собственно только 2 поколѣнія, жившія въ XVIII столѣтіи—документы относятся къ родоначальнику Григорію Скорупъ, выходцу изъ Бѣлоруссін, составившему огромное состояніе удачными торговыми оборотами въ Стародубѣ и по-

томъ скупою земель, и къ его сыну Павлу, занимавшему уже почетное мѣсто среди козацкой старшины.

Кромѣ данныхъ генеалогическихъ въ сулимовскомъ архивѣ мы находимъ многочисленныя данныя для восстановления внутренняго быта въ Малороссіи и для описки общественныхъ отношеній, особенно того сословія, которое, пробившись въ началѣ въ ряды козацкой старшины, составило потомъ малороссійское дворянство. Мы встрѣчаемъ многочисленныя документы, указывающіе на постепенное скопленіе поземельной собственности въ рукахъ знатныхъ фамилій. — Это жалованные и подтверждаемые гетманскіе универсалы, кучіи крѣпости, вѣловыя записи, акты раздѣльные и т. д. Затѣмъ встрѣчаемъ рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о постоянныхъ и усиленныхъ заботахъ старшинъ о томъ, чтобы добыть для своего рода признание въ дворянствѣ: обь этомъ хлопочутъ не только Сулимы, происходившіе правдоподобно отъ бояръ любечскаго замка, но и Скоруны, дворянское происхождение которыхъ болѣе чѣмъ сомнительно; тѣ и другіе прибѣгаютъ ко всевозможнымъ связямъ и сношеніямъ для того, чтобы добыть себѣ дворянство. Сулимы пытаются связать свой родъ съ гербовною легендою польскаго герба «Сулима» и такимъ путемъ вывести свой родъ отъ предполагаемыхъ предковъ — германскихъ рыцарей, затѣмъ они ссылаются на коблиціацію польскими сеймомъ 1659 года и даже совершаютъ попытку переименовать своего предка запорожскаго гетмана — въ кавалеры польскаго королевства. Въ свою очередь Павелъ Скоруна предпринимаетъ продолжительныя, хотя и безплодныя поиски въ книгахъ люблинскаго трибунала съ цѣлью отыскать дворянскіе документы своего рода, подаетъ челобитную русскому правительству обь утвержденіи его въ дворянствѣ и наконецъ добивается займѣтной цѣли путемъ долговременной службы.

Весьма интересны документы, свидѣтельствующіе о семейныхъ отношеніяхъ въ средѣ малороссійскихъ старшинъ XVIII столѣтія; онѣ болѣе всего извѣствуютъ изъ многочисленной переписки между родственниками и указываютъ тѣ отношенія, которыя сложились между супругами, старшими и младшими поколѣвіями, а также между родственниками во всѣхъ степеняхъ родства. Вообще семейныя узы являются довольно крѣпкими, хотя нѣсколько формальными; проблемъ болѣе глубокаго, задушевнаго чувства весьма рѣдко встрѣчаются въ перепискѣ, но болшей

части она носитъ характеръ исключительно дѣловой и ограничивается взаимнымъ сообщеніемъ новостей, порученіями и т. п. Брава заключаются, какъ нажется, главнымъ образомъ изъ побужденій экономическихъ и не всегда бывають удачны; какъ прихѣрь распри между супругами мы встрѣчаемъ скандальную тяжбу бунчуковаго товарища Заборовскаго съ женою (№ 177). — Распри братьевъ между собою составляютъ довольно частое явленіе; образцомъ такого семейнаго раздора можетъ служить жалоба вдовы Пвана Сулмы на сына ея Ивана за притѣсенія, испытываемыя отъ него какъ матерью, такъ и другими членами семейства (№ 41).

Весьма интересную группу данныхъ представляютъ документы, относящіеся къ исторіи просвѣщенія: мы видимъ постоянныя заботы родителей о томъ, чтобы быть дѣтямъ возможно хороше по своему времени воспитаніе. Не щадя средствъ, зажиточные люди крѣпятся домашнихъ воспитателей и учителей, отдають дочерей въ пансіоны, основанные въ Малороссіи иностранцами, отсылають сыновей учиться въ столицы и за границу, зорко слѣдятъ за ходомъ ихъ воспитанія и гордятся ихъ успѣхами. Слѣдуя духу времени, подъ конецъ XVIII столѣтія они стараются званіе превосходство своего образованія пристрастіемъ къ французскому языку, который употребляютъ для переписки, даже въ интимныхъ сношеніяхъ между ближайшими родственниками и въ дневникахъ, которые ведутъ по видимому исключительно для себя. Такое пристрастіе является тѣмъ болѣе страннымъ, что вообще авторы писемъ и записокъ не владѣють свободно французскимъ языкомъ, дѣлають грубыя ошибки какъ въ оборотахъ рѣчи, такъ и въ правописаніи, иногда, за недостаткомъ словъ и выраженій, исищраютъ свой текстъ самыми странными комбинаціями словъ французскихъ, русскихъ, малороссійскихъ и латинскихъ или полагають поводъ къ самымъ комическимъ невольнымъ каламбурамъ. Лучшій прихѣрь такого рода галломанія представляетъ дневникъ Анны Семёновича Сулмы, напечатанный подъ 109 номеромъ.

Вообще затруднительно было-бы перечислить многочисленныя бытовныя черты, разсѣяанныя въ документахъ «Сулмовскаго архива»: документы эти читаются съ большимъ интересомъ и въ значительной мѣрѣ дополняютъ скудный запасъ свѣдѣній, издавна имѣющихъ относительно внутренней бытовой исторіи Малороссіи XVII—XIII столѣтій; они воз-

становляють живо и съ полною историческою правдою картину жизни столь еще недавней и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ исчезнувшей и мало извѣстной.—Нъ этомъ отношеніи «Суламовскій Архивъ» стоить на равнѣ съ лучшими, доселѣ извѣстными намъ источниками, каковы «Записки Якова Марковича» и «Матеріалы для отечественной исторіи Су-дѣнка».

В. А.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

VI АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ОДЕССѢ.

Съ 15 по 30 августа настоящаго года, какъ извѣстно, происходили въ Одессѣ занятія VI археологическаго съѣзда. Каждый изъ такихъ съѣздовъ безспорно имѣетъ большое значеніе для русской науки и слѣдовательно въ полной мѣрѣ заслуживаетъ вниманіе всего просвѣщеннаго общества. Но одесскій съѣздъ для насъ, жителей южной Россіи, имѣетъ преимущественное значеніе, такъ какъ большинство работъ этого, какъ и другихъ съѣздовъ, въ силу установленнаго обычая, посвящается мѣстной археологій и исторіи. Этой частью своихъ занятій закончившійся съѣздъ въ то-же время совпадаетъ съ программю нашего журнала, а потому мы считаемъ умѣстнымъ хотя въ общихъ чертахъ ознакомить читателей съ его занятіями.

Прежде всего мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько критическихъ замѣчаній, побуждаемые къ тому единственно желаніемъ всевозможнаго успѣха будущимъ съѣздамъ. Не касаясь формальной и декоративной, такъ сказать, стороны съѣзда, — церемоніи открытія и закрытія съѣзда, числа и званія съѣзжавшихъ, взаимныхъ привѣтствій, чувствованій, развлеченій и т. д., скажемъ сначала нѣсколько словъ о программѣ съѣзда. Еще на третьемъ съѣздѣ въ Кіевѣ, ровно десять лѣтъ тому назадъ, нѣсколько первыхъ засѣданій было посвящено обсужденію вопросовъ: что такое археологія, каковы ея задачи, какова должна быть программа преподаванія этой науки

въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и проч. Г. Забѣлины и гр. Уваровъ читали объ этомъ отдѣльные рефераты, нѣсколько другихъ лицъ принимали участіе въ преніяхъ. Мнѣнія оказались самыя различныя, ни къ какимъ выводамъ не пришли, а съѣзды и по сіе время блуждаютъ въ безграничномъ морѣ «древностей» и «памятниковъ». Между тѣмъ такой хаосъ въ пониманіи объема археологіи весьма невыгодно отражается, какъ на успѣхахъ самой науки, такъ и съ практической стороны—на занятіяхъ съѣздовъ. На одесскомъ напр. съѣздѣ читалось, какъ увидимъ ниже, нѣсколько такихъ рефератовъ, которые не имѣютъ ровно никакого отношенія ни къ археологіи, ни къ съѣзду. Если гг. члены ученаго комитета съѣзда допустили эти рефераты къ чтенію, то сдѣлали это, вѣроятно, изъ нежеланія показаться узкими въ пониманіи объема археологической науки. Приведемъ дѣленіе VI съѣзда по секціямъ. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленій: 1) обще-археологическіе вопросы, 2) памятники первобытныя, 3) памятники языческіе, 4) памятники классическіе, 5) памятники общественнаго и домашняго быта, 6) памятники юридическіе, 7) памятники искусствъ и художествъ, 8) памятники письменности въ языкѣ, 9) памятники исторической географіи и этнографіи, 10) памятники византійскіе, 11) памятники восточныя. Посмотримъ теперь, какіе рефераты иногда слѣдовали надъ именами разныхъ «памятниковъ». Выпишемъ нѣсколько заглавій: «Историческій очеркъ г. Одессы отъ 1794—1803 г.»; «Матеріалы къ исторіи землевладѣнія въ прилуковскомъ уѣздѣ», «О баллиадахъ по Геродоту», «О неизданномъ греческомъ текстѣ, имѣющемъ отношеніе къ русской исторіи», «О ереси много-жидовствующихъ», «Къ хронологіи войнъ Святослава», «О происхожденіи современнаго общиннаго землевладѣнія въ Россіи», «О заселеніи оренбургскаго края» и т. д. и т. д. Если все это археологія, то что-же останется на долю исторіи?..

Намъ кажется, что необходимо прежде всего заняться разработкой яснаго представленія объ объемѣ и задачахъ археологіи,—по крайней мѣрѣ отнюдь не игнорировать какой-бы то ни было работы по этому предмету¹⁾,—этѣмъ одно изъ двухъ или сдѣлать

¹⁾ На VI съѣздѣ почему-то не состоялось чтеніе реф. г. Грота: о положеніи археологіи въ ряду другихъ наукъ (заглавіе приблизительное). Посоваривали,

занятія съѣздовъ до предѣловъ этого объема, или измѣнить названіе, а вслѣдствіе этого вѣроятво и организацію съѣздовъ.

Помимо неопредѣленности въ пониманіи объема археологій весьма неблагопріятво отзывается на серьезности занятій съѣзда и то особое отношеніе къ нему нѣкоторыхъ его членовъ, которое стало проглядывать въ послѣднее время. Не приготовивъ для съѣзда чего либо новаго и цѣннаго въ научномъ отношеніи и пресаясь на съѣздѣ, быть можетъ, въ виду пріятныхъ встрѣчь, свиданій, свободнаго и вмѣстѣ полезнаго время-провожденія, пріѣхавшіе какъ-бы для прогулки депутаты и недепутаты почему-то считаютъ для себя дѣломъ неподходящимъ быть только слушателями и судьями читаемыхъ докладовъ, а стараются во что-бы то ни стало сами что нибудь сообщить. И вотъ одинъ напр. *докладываетъ со словъ знакомаго доктора, родомъ эста*, о нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ эстовъ, при чемъ на всѣ вопросы, кловившіеся къ выясненію значенія обычаяхъ, отвѣчаетъ крайне спутавно; другой читаетъ *по корректурнымъ листамъ главу изъ имѣющаго выити въ свѣтъ третьяго тома своей исторіи*, — какъ знаменитый романистъ читаетъ гдѣ либо въ салонѣ главу изъ приготовляемой повѣсти, позволяя избранной публикѣ предакусить, такъ сказать, наслажденіе, но вызываетъ лишь выраженіе недружбія и справедливое замѣчаніе, что не только ничего новаго и самостоятельнаго въ прочтанномъ не находится, но упущены и добытыя другими историческія данныя по избранному сюжету; третій *повторяетъ напечатанную ранѣе статью*, точнѣе лекцію о славянскихъ переводахъ евангелія; четвертый *около часу излагаетъ «краткую біографію Готфрида Велькера»*, нѣмца филолога, и вызываетъ замѣчаніе одного изъ оппонентовъ, что Велькеръ—филологъ и что самое имя археологій было ему неважно. Если все это позволительно гг. депутатамъ, то разумѣется необходимо допустить и г. Троицкаго читать «о символикѣ на епископской палицѣ», г-ну Будде доказывать, что церковно-славянскій языкъ есть кабинетное измышленіе «великаго филолога» св. Керилла, г-ну Селъванову дѣлать веселыя «дополненія», г. Добро-

что учедый камютетъ пнзвво убюблесъ стрпцательсваго взгляда г. Грета на археологій; стльнелсь-же онъ ко прпчннай отвлеченности его воззрѣній.

скому предлагать такіа туманные замѣчанія о славянскомъ языкѣ въ которыхъ и самъ онъ едва-ли что видѣлъ, г-ну А. Иванову опять распинаться за извѣстныя «теоріи» правописанія «грѣческихъ» словъ, г-ну Препедло впродолженіе получаса рассказывать о томъ, что по изслѣдованіи острова Березани тамъ ничего не найдено в пр. и пр. Вообще можно сказать, что если-бы профильтровать все прочитанное, то не менѣе половины рефератовъ отошло-бы къ осадкамъ.

А между тѣмъ масса подобнаго рода чтеній (не допущено свыше 30) беретъ непронзводительно весьма много времени; сѣзды наши тянутся чрезвычайно долго, чего нигдѣ, кромѣ Россіи, не дѣлается. Многие члены одесскаго сѣзда, не будучи въ состояніи бросать своихъ обычныхъ занятій на столь продолжительное время, принуждены были уѣхать, не дождавшись конца.

Все сказанное, повявво, не исключаетъ и большихъ заслугъ бывшаго сѣзда для отечественной археологіи и исторіи. Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ намъ разсмотрѣть подробнѣе работу сѣзда, поэтому мы ограничимся только перечнемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся къ югу Россіи.

Всѣхъ рефератовъ этого рода было прочтано около тридцати. Изъ нихъ около третьей части относилось къ «памятникамъ классическимъ», т. е. къ исторіи греческихъ колоній на сѣверныхъ побережьяхъ Червасаго и Азовскаго морей. Работы эти касались большею частію того или другаго частнаго вопроса изъ жизни эллиноскифскаго міра. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: проф. *Юревича* «Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія», *Люберсовскаго* «О калливидахъ по Геродоту», *Латышевса* «Государственное устройство Херсонсса» и «О календаряхъ Ольвіи, Тираса и Херсонсса», *Подшивалова* «Нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Восточнаго Римскаго Имперійскаго по лалладарнымъ и нумизматическимъ памятникамъ», *Мищенкова* «Легенды о царскихъ свѣтахъ у Геродота» и *Андріевскаго М.* «О приполтійской Скифій».

Неравненно болѣе интересны тѣ рефераты, которые относятся къ доисторической эпохѣ нашего края. Первое мѣсто между ними можно отвести докладамъ В. Б. Антоновича. Одинъ изъ докладовъ касался изслѣдованныхъ авторомъ скальныхъ пещеръ въ бассейнѣ р. Днѣстра. Пещеры оказались двухъ родовъ—естественныя

и искусственныя; первыя, судя по открытымъ внутри ихъ костямъ и отбивнымъ каменнымъ орудіямъ, найденнымъ близъ нихъ, служили, по мнѣнію референта, жилищемъ человѣку еще въ палеолитическій періодъ; такія пещеры состоятъ или изъ извѣстныхъ корридоровъ, идущихъ то горизонтально, то вверхъ и внизъ, какъ въ пещерѣ между селами Нѣгавымъ и Заруднымъ, или изъ ряда камеръ, соединенныхъ короткими переходами, какова напр. пещера у м. Студеницы¹⁾; близъ послѣдней, въ промонѣ, вмѣстѣ съ кремневыми отбивными орудіями найдены и кости мамонта, что еще болѣе подтверждаетъ мнѣніе референта. Второго типа пещеры представляли изъ себя цѣлыя монастыри и свидѣтельствуютъ о развитіи въ этой мѣстности пустынножительства уже въ первые вѣка по принятіи христіанства. На стѣнахъ камеръ попадаются рисунки, барельефы и надписи разныхъ временъ. Второй рефератъ проф. Антоновича относился къ раскопкамъ кургановъ, произведеннымъ имъ въ порѣчьяхъ Днѣстра, Буга и Ингула. На одномъ изъ типовъ могилъ не былъ древнѣе желѣзнаго вѣка. По даннымъ, добытымъ изъ этихъ раскопокъ, есть возможность прибавить къ извѣстнымъ доселѣ нѣкоторые новые виды погребенныхъ типовъ.

Въ связи съ рефератами профессора Антоновича стоятъ доклады члена краковской академіи наукъ, польскаго археолога г. Оссовскаго. Г. Оссовскій извѣстенъ своими изслѣдованіями въ разныхъ мѣстахъ; онъ дѣлалъ раскопки въ верхнемъ бассейнѣ Днѣстра и въ окрестностяхъ Кракова, въ Галиціи, а также у насъ на Волынѣ и въ вѣлецкой губерніи. На основаніи раскопокъ по верхнему Днѣстру онъ оспаривалъ мнѣніе профессора Антоновича о слѣдахъ жизни человѣческой, въ изслѣдованныхъ послѣднихъ пещерахъ, въ палеолитическій періодъ; изслѣдованныя-же имъ пещеры около с. Ойцова и г. Кракова дали ему возможность представить вниманію археологовъ весьма остроумный «опытъ хронологической классификаціи каменнаго вѣка». Изслѣдованныя г. Оссовскимъ пещеры имѣли въ себѣ на днѣ напластованія въ три слоя; каждый изъ слоевъ былъ особаго состава и заключалъ соотвѣтственныя издѣлія рукъ человѣческихъ, при чемъ по всѣмъ признакамъ нижній слой былъ самый древній, затѣмъ слѣдовалъ средний

¹⁾ Объ этомъ см. между прочимъ «Путевые очерки Подоля», «Кіевская Старина», 1884 г., сентябр. выд., стр.

и наконецъ верхній. Г. Оссовскій предложилъ первый слой назвать *манинскимъ* (по имени пещеры), второй *сыверно-краковскимъ* и третій *милловскимъ*, и найденныя въ каждомъ словъ вещи принять за типы для трехъ различныхъ по древности эпохъ каменнаго вѣка въ восточной Европѣ. Прочтанный г. Оссовскимъ рефератъ по основной мысли своей, научнымъ приѣмамъ и ясности изложенія представлялъ высокой интересъ, а работы его по изслѣдованію верхняго Двѣстра, дополняя развѣдки В. В. Антоновича, помогутъ составить полную картину доисторическаго быта искони нераздѣльнаго русскаго края.

Непосредственно за изслѣдованіями профессора Антоновича, по важности затронутаго вопроса, слѣдуетъ поставить рефератъ г-жи Мельникъ: «Слѣды мегалитическихъ построекъ на сѣверѣ херсонской губерніи». До сихъ поръ существованіе этихъ построекъ констатировано въ западной Европѣ, въ Крыму, на Кавказѣ и въ Малой Азіи. Если поэтому г-жа Мельникъ удастся доказать, что ею были наблюдаемы дѣйствительно остатки мегалитическихъ сооружений, то область находенія ихъ расширится, присоединивъ къ себѣ югъ Россіи; а такое расширеніе дастъ новыя данныя для теоріи расселенія племенъ. Референтка представила сначала географическій обзоръ наблюдаемой мѣстности. Карпатская каменная гряда, простираясь на востокъ, то залегаетъ подъ поверхностью земли, то высовывается изъ подъ нея, образуя пороги на рр. Двѣстрѣ, Бугѣ и Днѣпрѣ. Въ бассейнѣ р. Ингульца, между гранитными обнаженіями, г-жа Мельникъ замѣтила нѣсколько группъ громадныхъ камней, которые повидимому носятъ въ своемъ расположеніи слѣды рукъ человѣческихъ; такія группы ей попадались на сѣверѣ херсонской губерніи воокрѣ селеній: Спасова, Камуровки, Пироговки, Дубовой, Лещевки, Чечелѣвки, Лядова и Нагорьявъ. Референтка не настаиваетъ на своемъ открытіи, предоставляя будущимъ изслѣдованіямъ подтвердить или отвергнуть ея мнѣніе; тѣмъ не менѣе вопросъ, затронутый ею, весьма важенъ въ наукѣ русскои археологіи. Вотъ почему къ реферату г-жи Мельникъ весьма сочувственно относилась столь уважаемыя ученые, какъ г. Андучинъ и графъ Уваровъ.

Кромѣ приведенныхъ работъ, по тому-же отдѣлу было представлено на съѣздъ и еще нѣсколько докладовъ. Изъ нихъ достойны

упоминанія рефераты: 1. *Зальскаго* «о древностяхъ кубанской области (авторъ нашелъ слѣды дольменовъ и на Кубани), гр. Бобринскаго «о курганахъ близь м. Смѣлы» и нѣсколько докладовъ г. Самоквасова о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ равныхъ мѣстахъ. Почтенный Д. Я. Самоквасовъ прочелъ и еще рефератъ, подъ заглавіемъ: «Простѣйшія формы общественныхъ отношеній», которому однако лучше было-бы остаться въ его портфель.

Въ городу Одессѣ относилось два реферата: г. Орлова, депутата отъ московскаго архива министерства юстиціи, подъ заглавіемъ: «Историческій очеркъ г. Одессы отъ 1794—1803 г.г.» и г. Маркевича—«Одесса въ народной поэзіи». Первый рефератъ представлялъ сухой экстрактъ весьма обстоятельнаго и вмѣстѣ весьма сырого труда, ближе подходящаго къ летописи, чѣмъ къ исторіи. Авторъ шагъ за шагомъ, изъ мѣсяца въ мѣсяць, слѣдитъ за смѣною разныхъ должностныхъ лицъ, за застройкой отдѣльныхъ частей города, отмѣчаетъ появленіе церквей, молитвенныхъ домовъ и проч., словомъ, много матеріала и никакой обработки.

Болѣе живой характеръ носилъ рефератъ г. Маркевича. Изъ него оказывается, что Одесса только по мимолетному впечатлѣнію международный городъ, что предмѣстья ея, которыя несравненно болѣе самаго города, населены сплошь русскими народомъ, и именно въ значительномъ большинствѣ малороссами, какъ и вся Новороссія. Извѣстно, что область нынѣшней Новороссіи весьма знакома малорусскому племени, которое и въ XVIII вѣкѣ составляло преобладающій элементъ въ колонизаціи края. Естественно, что народная поэзія Новороссіи имѣетъ основной характеръ южно-русскій, потому что всегда была въ тѣснѣйшей связи съ остальнымъ народно-поэтическимъ міромъ остальной части малорусскаго племени; вотъ почему пѣсни, сложенные въ Новороссіи, разошлись по всей Украинѣ и даже Галиціи. Авторъ пользовался какъ печатнымъ, такъ и рукописнымъ пѣсеннымъ матеріаломъ и извлекъ изъ него все, что только заключало въ себѣ указанія или хоть намеки на Одессу.

Собственно взглядъ народа на Одессу не представляетъ ничего неожиданнаго. Это, по пѣснямъ, городъ бойкій, разгульный, гдѣ такъ-же легко прокутиться, какъ и обогатиться. Отмѣтимъ любопытную мелочь, свидѣтельствующую о мѣрахъ, какія принимались властями для усвоенія народомъ имени Одессы, вмѣсто мѣстечка Хаджи-

бей, изъ котораго она возникла; при въѣздѣ мужика въ городъ его спрашивали у заставы: куда ѣдетъ? и если ѣлавій отвѣчалъ: въ Хаджибей, то его сѣкли, приговаривая: въ Одессу, въ Одессу.

Остаются наконецъ рефераты, относящіеся къ болѣе поздней исторіи южной Россіи. Непосредственно къ этому предмету относились чтенія г.г. Лучицкаго, Багалѣя, Эварницкаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Г. Лучицкимъ было прочитано два реферата. Одинъ имѣлъ цѣлью ознакомить публику съ современными формами общиннаго землевладѣнія въ районѣ непосредственнаго наблюденія автора, именно въ уѣздахъ: золотоношскомъ, части кременчугскаго, части лубенскаго и переяславскаго; другой былъ направленъ къ доказательству существованія общины въ Малороссіи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Вѣроятно оба эти реферата появятся въ печати раньше выхода изъ свѣтъ «Трудовъ» VI сѣзда, а потому мы не будемъ передавать ихъ содержанія; скажемъ только, что ими видимо интересовались многіе изъ членовъ сѣзда.

Не меньше интереса возбудилъ собою и рефератъ г. Багалѣя о колонизаціи слободской Украины въ XVII и XVIII вѣкахъ. Авторъ давно занимается этимъ вопросомъ и, какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», не упускаетъ изъ виду ни одного труда, имѣющаго съ нимъ какую-бы то ни было связь. Въ настоящемъ случаѣ чтеніе г. Багалѣя представляло итогъ его занятій. Очертивъ кратко состояніе края въ періодъ до и послѣ татарскій, вплоть до XVIII-го вѣка, въ каковому времени изъ этого края исчезло почти все населеніе, референтъ затѣмъ показалъ, каковымъ способомъ край былъ населенъ. Червасы приходили по приглашенію правительства партиями и строили соединенными силами городъ, который и служилъ потомъ центромъ извѣстной мѣстности. Вокругъ города росли маленькія поселенія подъ именемъ слободъ, откуда и названіе Слободской Украины. Слободы окружались хуторами. Свободная заимка земель была главнымъ стимуломъ колонизаціи. Заимка имѣла или общинный, или личный характеръ. Часто попадается заимка полковая, сотенная и т. д.; сотня, полкъ, какъ юридическая единица, получаетъ жалованную грамоту на занятія земли и потомъ дѣлитъ ихъ между слободами, деревнями, хуторами и проч. На ряду съ общинной очень рано появляется личная поземельная собственность, ро-

дившаяся изъ частной землѣ, изъ раздѣла общественной земли, по покупке, захвату; послѣднимъ путемъ образовалась крупная собственность дворянъ и монастырей.

Г. Эварницкій явился на съѣздъ, вооруженный громадной коллекціей, составленною имъ въ продолженіе трехъ-лѣтняго изученія Запорожья. Онъ нѣсколько разъ предпринималъ туда долгія поѣздки, разными способами переправлялся черезъ пороги и прекрасно изучилъ топографію края. Въ нѣсколькихъ книжкахъ «Кіевской Старины» за текущій годъ печатались его статьи объ этомъ предметѣ. На съѣздѣ г. Эварницкій демонстрировалъ свою коллекцію и въ видѣ комментарий къ ней или рассказывалъ разные эпизоды изъ своихъ путешествій, или «вспоминалъ» нѣкоторые моменты изъ исторіи запорожскаго воячества. Публика съ живѣйшимъ интересомъ слушала сообщенія г. Эварницкаго и осматривала его коллекціи.

Если прибавить вагонецъ реферата г. Перетятковича о переселеніи малорусскихъ громадъ въ орелбургскій край и рефератъ г. Крилова «старинѣ Донской Области», то будутъ исчерпаны всѣ важнѣйшіе труды, такъ или иначе относившіеся къ южной Россіи. Что касается многихъ другихъ рефератовъ, то, оставаясь въ предѣлахъ намѣченнаго для этой замѣтки плана, мы можемъ сказать только, что съ особеннымъ интересомъ съѣздъ относился къ рефератамъ гг. Уварова, гг. Анучина, Ковалевскаго, Леонтовича, Головацкаго, Кондакова, Прахова и весьма немногихъ другихъ.

Въ заключеніе не можемъ не сказать нѣсколько словъ объ археологической выставкѣ, бывшей при съѣздѣ: цѣлыхъ двѣ залы были заняты снимками съ фресокъ кіевскихъ, — св. Софіи, кирилловскаго и михайловскаго монастырей, доставленныхъ г. Праховымъ. Умѣлое расположеніе вещей, безукоризненное ихъ исполненіе, важность предмета и занимательность объясненій почтеннаго экспонента дѣлали эту часть выставки весьма любопытной. Третья, самая большая зала, амбизала въ себѣ множество въ высшей степени интересныхъ вещей. Особенное вниманіе публики обращали на себя коллекціи Эварницкаго, Поля пученой комиссіи, бывшей въ Константинополь. Коллекціи г. Эварницкаго, какъ и г. Поля страдали нѣкоторой бессистемностью, что затрудняло знакомство съ ними; тотъ же недостатокъ имѣла и богатая коллекція князя Путятяна. Коллекція константинопольской комиссіи, состоявшая въ большинствѣ

изъ разнаго рода снимковъ, фотографій и проч. отличалась особеннымъ обиліемъ и интересомъ. Остальное содержаніе выставки состояло изъ мелкихъ коллекцій разныхъ лицъ, представившихъ изъ въ подтвержденіе въ своимъ рефератамъ.

ДВА СЛУЧАЯ ИЗЪ ВОРЪВЫ КРЕСТЬЯНЪ СЪ ЕВРЕЯМИ ЗА АРЕНДУ КАЗЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

За послѣдніе 10—15 лѣтъ еврей все болѣе и болѣе стали наводнять южно-русскую деревню и, конечно, жить на ея счетъ. Здѣсь они захватили въ свои руки торговлю и присосадились къ самому корню крестьянскаго благосостоянія—къ землѣ. Послѣднюю еврей особенно полюбилъ и потому всемирно старается какъ можно цѣпче, прочѣе прикрѣпиться къ крестьянской «кормлицѣ». Способъ-же для этого—аренда некрестьянскихъ земель, лежащихъ вблизи того села, гдѣ еврей ведетъ свою торговлю, гдѣ онъ отлично уже знаетъ каждаго обывателя, его семью, его нужду, его слабости, словомъ гдѣ онъ видитъ все насквозь. Чтобы заарендовать такую землю, еврей не стоитъ за цѣпой, увѣренный заранѣе въ томъ, что всякая надбавка въ цѣнѣ будетъ вдвое и втрое оплачена нуждающимися въ землѣ крестьянами. Конкуренція съ евреемъ въ такихъ дѣлахъ не только для каждаго въ частности крестьянина, но и для цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ была физически невозможна и всегда почти и вездѣ оканчивалась въ пользу еврея. На сторонѣ его были валучный капиталъ, всегда готовый кредитъ, ловкость, изворотливость, знаніе законовъ и всякихъ формальностей, невѣдомыхъ обыкновенно крестьянамъ. Если въ аренду сдавались земли частныя, владѣльцы ихъ предпочитали еврея крестьянину, какъ болѣе состоятельнаго плательщика, могущаго притомъ быть полезнымъ имъ во многихъ другихъ хозяйственныхъ операціяхъ; при отдачѣ-же казенныхъ земель распорядители ихъ вовсе не имѣли побужденій и даже возможности поддерживать крестьянъ и, исполнивъ разныя формальности, считали свое дѣло законченнымъ.

Ни тѣмъ, ни другимъ дѣла не было до того, а инымъ въ голову не приходило, что еврей-сѣмщикъ чужой земли въ сущности не арендаторъ-земледѣлецъ, что система его аренды основана не на землѣ и земледѣльческихъ выгодахъ, а на эксплуатаціи че-

ловѣка и человѣческихъ отношеній, что еврей по двойной и тройной цѣнѣ отдастъ по частямъ заарендованную землю тѣмъ-же крестьянамъ, у которыхъ отбилъ аренду, опутывая ихъ разнаго рода обязательствами въ свою пользу, и что практикуемая ими при этомъ средства въ одной сторонѣ усиливаютъ мѣру разоренія деревни, собираютъ процессъ обѣдненія ея, а съ другой—разжигаютъ ненависть къ нему-же, еврею, среди населенія, всеспособнаго тѣмъ-же оружіемъ бороться съ нимъ.

Что оставалось дѣлать крестьянамъ, для которыхъ земля была единственнымъ источникомъ и содержанія и оплаты казенныхъ налоговъ и повинностей? Не будучи въ состояніи конкурировать съ евреями на торгахъ, при отдачѣ въ аренду казенныхъ земель, крестьяне хотя и знали, что казенныя земли безъ торговъ арендовать нельзя,—тѣмъ не менѣе были убѣждены, что начальство можетъ и должно оградить ихъ отъ еврейской эксплуатаціи въ этомъ дѣлѣ, измѣнивъ для этого законъ. Много жалобъ и просьбъ въ этомъ родѣ подавалось крестьянами, куда слѣдовало, пока онѣ достигли своей цѣли; о двухъ изъ нихъ мы хотимъ привести здѣсь архивную справку, рисующую неслыханное положеніе нашего крестьянства на югѣ Россіи въ борьбѣ съ еврейскою эксплуатаціею.

2-го октября 1872 года повѣренные крестьянъ с. Калиновки александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи, подали новороссійскому и бессарабскому генералъ-губератору прошеніе, въ которомъ объясняли, что арендаторъ лежащей близъ ихъ села казенной земли, еврей Янкель Бромбергъ, «привелъ крестьянъ въ крайнее стѣсненіе». Крестьянская земля, писали они, постояннымъ употребленіемъ въ пахоть «пришла уже въ совершенное истощеніе», в крестьянѣ вынуждены снимать подъ носѣвы землю у Бромберга, а онъ назначаетъ плату весьма возвышенную и несообразную противъ арендной. Чтобы избавиться отъ этого, «наше общество, заключали просители, за лучшее почло обратиться въ правительственнымъ властямъ съ просьбою объ оставленіи той земли за нами, съ уплатою казнѣ суммы вдвое большей противъ платимой Бромбергомъ аренды, но съ тѣмъ, дабы помкнутая земля оставлена была за обществомъ безъ торговъ»; если-же сдѣлать этого нельзя, то «покорнѣйше и усиленнѣйше» просимъ по крайней мѣрѣ назначить повые торги.

Нужно замѣтить, что въ участкѣ оброчной статьи, о которой хлопотали крестьяне, заключалось 1580 десятинъ земли, и Бромбергъ арендовалъ ее по 1 р. 17 к. за десятину, крестьяне-же предлагали по 2 р. 50 коп.

Получивъ упомянутое прошеніе, генераль-губернаторъ (Коцебу) тотъ-часъ препроводилъ его къ министру государственныхъ имуществъ (Валуеву), замолвивъ и съ своей стороны слово въ пользу крестьянъ. Но въ министерствѣ взглянули на дѣло иначе и въ просьбѣ крестьянамъ отказали. Казенныя земли, отвѣчало министерство, по закону отдаются не иначе, какъ съ торговъ; кромѣ того оно подвело справку, что калиновцамъ отведенъ надѣлъ по 5,26 десятинъ на душу, тогда какъ норма надѣла въ александрійскомъ уѣздѣ въ 3^{1/2}—4^{1/2} десятинъ на душу, и пришло къ заключенію, что калиновскіе крестьяне не могутъ нуждаться въ землѣ. Хотя срокъ аренды Бромберга, писало въ заключеніе министерство, кончается въ 1874 г., и можно-бы назначить тогда торги; но статья должна быть оставлена за Бромбергомъ вновь на 12 лѣтъ, такъ какъ онъ устроилъ на землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, что по контракту даетъ ему право оставить статью за собою.

Отвѣтъ этотъ, для объявленія крестьянамъ, генераль-губернаторъ Коцебу препроводилъ харьковскому губернатору Абазѣ. Между тѣмъ послѣдній не нашелъ возможнымъ покончить на томъ дѣло и 19 іюня 1873 г. за № 2899 писалъ генераль-губернатору, что не смотря на отказъ министерства, онъ считаетъ своею обязанностью въ данномъ случаѣ помочь крестьянамъ избавиться отъ тяжелой зависимости Бромберга. Вотъ какъ мотивировалъ Абаза свое заступничество за крестьянъ. Душевыя надѣлы въ 5,26 десятинъ не такъ значительны, чтобы, за обеспеченіемъ самыхъ насущныхъ потребностей крестьянина и уплатою лежащихъ на немъ повинностей, могли предоставить ему средство распространить свое хозяйство и улучшить свой бытъ. Поэтому крестьяне вездѣ, гдѣ только представляется возможность, снимаютъ землю у частныхъ владѣльцевъ и арендаторовъ казенныхъ земель, платя за это высокія цѣны. Предоставленіе казенныхъ земель прежнимъ оброчо-содержателямъ на дальнѣйшіе и притомъ продолжительные сроки обусловливается случаемъ, если оброчо-содержатель устроитъ на арендуемой землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, и если предложенныя

имъ условія будутъ признаны выгодными. Правда, купецъ Бромбергъ, за которымъ предполагается оставить статью на 12 лѣтъ, съ платою по 3 р. 60 к. за десятину, оставляетъ въ пользу казны небольшой домъ съ загономъ, сараемъ, амбаромъ, клѣною и молотилкою, оцѣненными въ 2500 р., въ томъ числѣ молотилка 600 р.; но если принять въ соображеніе, что постройки эти въ теченіи 12-ти лѣтъ придутъ въ ветхость, что молотилка вещь совершенно для казны ненужная и что стоимость всѣхъ построекъ (1900 руб., за исключеніемъ молотилки) почти покроется въ теченіи 12 лѣтъ разностью между платою, объявленою Бромбергомъ и предлагаемою крестьянами (послѣдніе уже давали по 3 р. 70 коп. за десятину), то предложенныя Бромбергомъ условія не могутъ быть признаны для казны выгодными, и съ большею вѣроятностію можно допустить, что при торгахъ была-бы достигнута цѣна гораздо выше объявленной Бромбергомъ, тѣмъ болѣе, что крестьяне селенія Калиновки, для которыхъ земля крайне необходима, не допустили-бы искусственнаго установленія цѣны, что, какъ извѣстно, на торгахъ бываетъ.

Назначеніе при такихъ обстоятельствахъ торжовъ не нарушило-бы, даже по буквѣ, обязательства казны предъ арендаторомъ, обусловленнаго признаваніемъ со стороны министерства предложенія его выгоднымъ.

Имѣя въ виду все это и необходимость дать калиновскимъ крестьянамъ возможность выйти изъ разорительной для нихъ зависимости отъ оброкосодержателя Бромберга, я, заключаая губернаторъ, позволяю себѣ возобновить ходатайство мое въ пользу сихъ крестьянъ, покорнѣйше прося ваше превосходительство поддержать и съ своей стороны ходатайство это предъ министерствомъ.

Высегъ съ тѣмъ Абаза представилъ просьбу крестьянъ другаго села—Покровскаго, одинаковаго характера съ просьбою калиновцевъ, и просилъ дать и ей законный ходъ.

По объѣмъ просьбамъ г.-г. Коцебу не замедлили съестись съ министромъ государственныхъ имуществъ.

Послѣ отказа въ просьбѣ калиновцевъ, писалъ Коцебу министру, «я не считалъ-бы себя вправѣ вновь возвращаться къ этому вопросу, если-бы не былъ къ тому побуждаемъ необходимостью ограждать поселянъ по мѣрѣ имѣющихся во власти правительства спосо-

бовъ отъ безпощадной эксплуатаціи, которой они нынѣ подвергаются со стороны евреевъ—арендаторовъ.

Не только калиновскіе, но и многіе другіе крестьяне неоднократно обращались къ генераль-губернатору съ жалобами на евреевъ арендаторовъ земель, требующихъ съ нихъ плату за пахатную землю почти вдвое противъ платимой ими въ казну. Калиновскіе и другіе крестьяне хотя и надѣлены по 5 и болѣе десятинъ на душу, но, съ возрастаніемъ населенія и съ развитіемъ ихъ хозяйства, этотъ надѣлъ оказывается недостаточнымъ, и потому большая часть ихъ по необходимости арендуетъ сосѣднія казенныя или частныя земли. Видя подобное положеніе крестьянъ, евреи перехватываютъ въ аренду съ торговъ казенныя участки и отдають ихъ потомъ поселянамъ по возвышенной цѣнѣ, крайне для нихъ обременительной. Сами-же поселяне, за весьма рѣдкими исключеніями, не могутъ конкурировать съ евреями на торгахъ, главнѣйшимъ образомъ потому, что евреи возвышаютъ цѣны до чрезвычайной степени—въ расчетѣ, что такъ или иначе они выручатъ изъ потомъ съ поселянъ, которымъ земли эти необходимы».

Въ виду положеннаго генераль-губернаторъ вновь просилъ или отдать оброчную калиновскую статью безъ торговъ крестьянамъ, или-же въ крайнемъ случаѣ назначить на нее торги, но не отдавать безъ оныхъ Бромбергу.

Другая представленная въ министерство ген. губ. Консубу просьба представляла слѣдующее дѣло. Близъ села Покровскаго пахотилось казенной земли 756 десятинъ, которую арендовалъ купецъ Хаимъ Слободской съ платою по 84 коп. за десятину въ годъ. Въ контрактѣ, заключенномъ имъ съ казною, было также оговорено, что если онъ устроитъ на означенной землѣ хозяйственныя и промышленныя заведенія, то земля эта можетъ быть предоставлена ему на дальнѣйшій 12-ти лѣтній срокъ.

Слободской дѣйствительно сдѣлалъ нѣкоторыя постройки и, опираясь на букву контракта, желалъ оставить статью за собою безъ торговъ на новый срокъ, съ платою по 2 р. 48 к. за десятину. На это уже согласилось мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ; но крестьяне села Покровскаго просили оставить ту статью за ними, съ платою по 2 р. 60 коп. отъ десятины.

По собраннѣмъ губернаторомъ Абазою справкамъ оказалось, что покровскіе крестьяне арендовали землю у Слободскаго на слѣдующихъ условїяхъ: они должны были вспахать, посеять, снать, сложить и свезти третью часть урожая Слободскому и, кромѣ того, за каждую десятину вспахать для него по 3 сажени. По цѣнѣ всей работы крестьянъ и по стоимости затрачиваемаго зерна выходило, что они платили Слободскому за десятину *минимум* 7 р. 50 коп.!

Конечно, Кодебу имѣлъ полное право назвать такой способъ аренды безпощаднымъ, жидовскимъ. И вотъ, чтобы пособить крестьянамъ, онъ проситъ назначить торги и отрицаетъ право Слободскаго оставить статью за собою безъ торговъ, такъ какъ постройки его, какъ малоцѣнная (на 226 р. 80 к.), не могли быть приняты въ расчетъ, да къ тому-же они и не соответствовали тѣмъ хозяйственнымъ и промышленнымъ заведенїямъ, возведеніе которыхъ давало-бы ему право, по смыслу контракта, оставлять статью за собою безъ торговъ.

Въ концѣ 1873 года отъ министерства получено было распоряженіе о назначенїи торговъ на калиновскую и покровскую статьи, и обѣ они остались за крестьянскими обществами. Но мы видѣли, что крестьяне могли добиться этого результата только благодаря дружному и энергичному заступничеству за интересы ихъ такихъ сильныхъ лицъ, какъ губернаторъ и генераль-губернаторъ, видѣли также, что даже само министерство тормозило это дѣло... Къ счастью подобные случаи не мыслимы теперь, когда, наоборотъ, то-же министерство заявило, что казенныя земли, служа однимъ изъ источниковъ государственнаго дохода, должны составлять вмѣстѣ съ тѣмъ и одно изъ средствъ къ увеличенію земледѣльческой производительности страны и доставлять возможность устройства или расширенїя своего хозяйства лицамъ, имѣющимъ недостаточное количество земли¹⁾.

С—ъ.

¹⁾ Циркуляръ министра государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаря Острѣвскаго, отъ 20 іюля 1881 г., о порядкѣ отдачи въ аренду оброчныхъ статей.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДОМИКѢ КОТЛЯРЕВСКАГО ВЪ Г. ПОЛТАВѢ.

Въ статьѣ: «Изъ бумагъ Н. П. Котляревскаго», помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» за май мѣсяцъ 1883 года (стр. 146—154), авторъ ея, В. Горленко, въ заключеніи своей статьи, по поводу разсказа С. П. Кагранова о томъ, что «домикъ Котляревскаго, далеко измѣненный, давно уже перешедшій въ десятныя руки, и теперь еще существуетъ»,—говоритъ о немъ слѣдующее: «этотъ воспитательный *larsus linguae* теперь двойная ложь: домикъ сломанъ, а на мѣстѣ его стоитъ поливная уродливой новой постройкой».

Сообщеніе г. Горленка въ свою очередь невярно; очевидно, онъ довѣрился кому-либо изъ мѣстныхъ разсказчиковъ и передаетъ чужое, столько-же невярное, сколько и голословное извѣстіе. Смѣемъ увѣрить г. Горленка, что на томъ мѣстѣ, гдѣ находился прежде и находится въ настоящее время домикъ Котляревскаго, никогда пивной не было и быть не могло, что видно изъ нижеслѣдующей краткой исторіи этого домика.

Домикъ этотъ, какъ извѣстно, находится за соборомъ, надъ самымъ обрывомъ, идущимъ на Подоль, противъ такъ называемаго *раската* и существовавшей во время полтавской битвы крѣпости. Во времена Петра I онъ принадлежалъ купцу Папченку, потомъ г-жѣ Куровой, отъ которой достался дѣду Котляревскаго. Въ этомъ домѣ Котляревскій родился (29 августа 1769 года) и тамъ-же умеръ (29 октября 1838 года¹⁾). Такъ какъ Котляревскій не имѣлъ особенно близкихъ родственниковъ, то, по духовному завѣщанію, самый домъ перешелъ въ руки его экономки, вдовы унтеръ-офицера Веклевичевой. Послѣ ея смерти, онъ отдавался подъ построй, и въ немъ помѣщалась часть солдатъ мѣстной гарнизонной команды. Въ настоящее время домикъ Котляревскаго, нѣсколько разъ уже перепроданный, принадлежитъ отставному подполковнику Алексѣю Кузнецову, купленъ имъ въ августѣ 1880 года у жены губер. секретаря Авдотьи Михайловны Сажимовской и совершенно передѣланъ въ 1881 году. Домикъ, гдѣ жилъ Котляревскій, заключалъ въ себѣ

¹⁾ «Воскресный Дозугъ» 1869 года, № 313, стр. 796.

пять комнатъ съ кухней. На *сеоложкѣ* этого дома и доселѣ сохранилась надпись, вырѣзанная церковными буквами: «Создана домъ сей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, 1705 року, 30 августа».

Сообщ. В. Е. Бучневичъ.

ЛЯМЕНТАЦIЯ КИЕВО-БРАТСКИХЪ МОНАХОВЪ КОНЦА XVII В.

Въ рукописныхъ сборникахъ нашего времени перѣдко можно встрѣтить то краткiя замѣтки, то болѣе или менѣе простиравшия изложенiя мыслей и чувствъ по поводу какого либо общественнаго или частнаго бѣдствiя или порока. Замѣтки такого рода писались въ прозѣ и въ стихахъ и не всегда въ видѣ сатиры для общаго употребленiя; иногда снѣ писались какъ-бы для памяти, являлись, какъ потребность философствующаго ума или-же лирическаго излитiя. Замѣтки краткiя можно находить на поляхъ и обложкахъ книгъ, не только дошедшихъ, но и черновыкъ, на оборотѣ яковъ и на отдѣльныхъ листахъ, закладываемыхъ въ книгу. Въ видѣ снѣзавать всегда наблюдательная мысль, возбужденное такъ или иначе чувство и не рѣдко отыщутся то крупныя общественныя, то мелкiе факты частной жизни, характеризующiе нравы и обычаи извѣстнаго времени и извѣстной среды. Случайно обретенныя на поляхъ и обложкахъ книгъ замѣтки бывають подъ часъ дѣйствио сажить книгу. Много интересныя замѣтки, нашла въ двѣ-три строки, находили мы на книжкѣ библiотеки кiево-печерской лавры.

Изъ числа такихъ замѣтокъ откосится и та, произвольное заставио которой мы привели въ началѣ. Это не жалоба, не памфлетъ или сатира, предназначаемая для обращенiя въ публикѣ; это такъ сказать замѣтка про себя, или скорбное излитiе наболѣвшей души. На языкѣ современноио трудно даже прибрать для нею подходящее названiе, и мы по необходимости прибѣгли къ тому термину, который часто употреблялся въ южно-русскомъ книжномъ языкѣ прежняго времени именво въ смыслѣ излитiя душевной скорби.

Цѣнная въ историческомъ отношенiи, эта замѣтка, какъ видно изъ ея содержания, писана кѣмъ-то изъ монаховъ кiево-братскаго монастыря, а тогдашнiе монахи были по большей части учителями кiево-могилевской коллегии. Она найдена нами въ обрывкахъ бумаги архива кiевской консисторiи, на отдѣльномъ листѣ, въ видѣ червельки. Замѣтка имѣеть оченъ опредѣленное содержанiе, по которому легко угадать приблизительно время ея составленiя. Въ ней упоминается о разоренiи польскою войскою службы Псковъ явѣнiя кiевской коллегии Новоселовъ, а это явѣло мѣсто въ 1671 г. (Памятникъ кiевской епархiи, т. II, стр. 268) и падаетъ на послѣднiе годы ректорства въ коллегии и настоятельства въ кiево-братскомъ монастырѣ архимандрита Варлаама Явскаго, впоследствии кiевского

митрополита. Записка рисуетъ непріятное состояніе, преимущественно въ катедральномъ отношеніи, и коллегіи, и монастыря и составляетъ какъ-бы обвинительный актъ противъ ректора и вмѣстѣ архимандрита. Обвиненіе изложено по пунктамъ, а ему предшествуетъ общее патетическое выраженіе скорби и плача, хоть тѣмъ-же духомъ проникаютъ и нѣкоторые отдѣльные пункты. Къ сожалѣнію, записка не учтѣла вполнѣ и обрывается на 18-мъ пунктѣ. Конечно, записка была читана въ тѣсномъ кружкѣ братія. Быть можетъ, она была потомъ оформлена и получала дѣловое назначеніе и, если это случилось спустя годъ или болѣе послѣ упомянутого въ ней разоренія Новосельскъ, то не въ этомъ-ли лежатъ разгадка того, что Варлаамъ Ясневскій въ 1678 г. отказался отъ ректорства и настоятельства и избралъ скромное положеніе проповѣдника въ кіево-печерской лаврѣ¹⁾? Насколько Варлаамъ Ясневскій былъ виновенъ въ тѣмъ неурядицѣ, какіе положены въ запискѣ, судить объ этомъ трудно. Извѣстны труды его по восстановленію коллегіи, разрушенной въ 1665 г., извѣстно его окружное посланіе, которыми онъ призываетъ всю страну поддерживать матеріальное существованіе дорогого училища послѣ того, какъ главный источникъ его содержанія—и. Новосельки было разорено полковникомъ Пивохъ²⁾. Но самое это разореніе, вѣрно или не вѣрно, пунктомъ 7-мъ предлагаемой записки ставится въ влву непредусмотрительности ректора-архимандрита. Въ то страшное время, окрещенное именемъ Великой Руины, трудно было разобрать, кто правъ, кто виноватъ; страна была возмущена и поколеблена въ самыхъ основахъ своихъ, возставалъ братъ на брата, отецъ на сына, сосѣди разжигали страсти, ловили рыбу въ мутной водѣ. Шла ожесточенная борьба изъ-за митрополіи, было два и три митрополита, а Кіевъ все таки въ это время и долго спустя не имѣлъ главы въ дѣлахъ церковныхъ. Не въ силахъ Ясневскаго было удержать утѣчу лавроу кіево-могилинской коллегіи среди бушевавшихъ вокругъ волнъ политической и церковной буря. Приводимая замечанія, давая фактическія данныя о бѣдственномъ состояніи коллегіи и братства того времени, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ намъ тогдашняго ректора Варлаама Ясневскаго совмѣстъ не такихъ, каковыя представляютъ намъ его историка кіевской академіи.

Ламентація написана на польскомъ языкѣ съ прачѣсью фразъ латинскихъ; мы приводимъ ее въ русскомъ переводѣ. Наистинно преобладаніе въ то время польскаго языка въ шкولѣ и жизни на всемъ прострѣствѣ киево-русскихъ областей; польщизна и латынь ясно оставили явста рѣчи родной.

«Кажется что сама земля виши, камни нашего монастыря готовы воззвать съ одялжъ польскимъ постоумъ: говорить или молчать? Но пусть молчатъ камни и земля, чтобы не явились они предъ Богомъ

¹⁾ См. Описание кіево-софійскаго собора митр. Евгенія, стр. 268.

²⁾ Кіевъ съ его дров. гч., Асколезскаго, ч. I, стр. 202.

человѣчнѣе насъ. Заговоримъ ми кровавыми слезами, чтобы небо не сказало намъ: псы безгласныя, что-же вы молчите? Говоримъ по этому, или лучше наша скорбь тяжкая говоритъ за насъ*.

ПУНКТЫ:

1) Даютъ отцу ректору деньги на молебны и сорокоусты, но ни молебновъ, ни сорокоустовъ не бываетъ. Будеть-ли Богъ благословлять за то монастырь насъ?

2) Подначальная братія не имѣетъ добраго примѣра.

3) Вымышляетъ (ректоръ-настоятель) крайнее убожество и говорить: потому я умалчиваю о деньгахъ, чтобы люди давали жертвы на монастырь. А деньги, какъ во всякомъ общежитномъ монастырѣ, должны-бы были въ *наказаніи*; но ихъ тамъ нѣтъ и братія не имѣетъ необходимыхъ на время зимы шубъ или кожуховъ, а есть такіе, что и сапогъ не имѣютъ.

4) Въ школахъ порядка, да и науки мало, а это потому, что забываетъ Паллада безъ вина (*friget sine cereo Pallas*), какъ читаемъ въ письмѣ его милости отца Архипастыря ¹⁾. Порціи ²⁾ учителямъ для ихъ поддержанія нѣтъ, столь часто бываетъ плохой (*trageza blaha*), учителя не имѣютъ самаго необходимаго, а это возбуждаетъ въ нихъ болѣе скорбь, нежели рвеніе къ наукѣ.

5) Нѣкоторые изъ братіи, глядя на старшаго, не часто объявляютъ церковныя пороки, а все это дѣлается за отсутствіемъ порядка, который есть душа всего.

6) Въ общинахъ соборы бываютъ, а у насъ ихъ нѣтъ. Но и короли имѣютъ своихъ совѣтниковъ.

7) Что Новоселки погибли, не удивляйся: ибо отецъ ректоръ, разгнѣвавшись и удаливши хорошаго намѣстника, который хорошо обходился съ наемъ Пивомъ, послалъ въ Новоселки на городничество какого-то забіяку съ другими, которые, въ пьяномъ видѣ гоняясь по полю съ ружьями, вызывали на войну людей Пива, а по ихъ примѣру и ихъ «подданные» омазды тѣхъ кобили.

¹⁾ Вѣроятно Лазаря Барановича, управлявшаго тогда кievскою жупраніею.

²⁾ Конечно вѣдочной, давать которую въ трапезѣ было общинѣ обычаемъ въ монастыряхъ.

8) Братія на общей радѣ совѣтовала оставить разоренныя Новоселки до наступленія покоя, но онъ (т. е. ректоръ), какъ всегда, отвергая совѣты другихъ, возстановлялъ ихъ точно въ огнѣ (въ самый разгаръ войны), и не удивительно, что во время этой реставраціи погибли и подданные и воины.

9) Тамъ въ Новоселкахъ устроилъ онъ какое-то *заточеніе* и разсердившись на монаховъ, туда ихъ посылалъ. Такъ, въ гнѣвѣ послалъ онъ туда дѣвона, а намѣстника и другаго священника посылалъ по какимъ-то погребамъ, и они тамъ убиты¹⁾.

10) Рождественники его продажею цитей и свупщинамъ владѣють.

11) Студенты в рождественники что либо утратятъ,—ничего; пусть же чернецъ утратитъ, готовъ камнями его побить.

12) Студентовъ монастырскимъ коштомъ въ Польшу отпращиваетъ (для высшаго образованія?), а о тѣхъ, что трудятся (учителяхъ), забываетъ; между тѣмъ философы говорятъ, что прежде о себѣ надо заботиться, чѣмъ о чужомъ (*prius est ad se, quam ad aliud*) и, конечно, иной и здѣсь научился-бы, если-бы учителя были поощряемы.

13) Богослуженіе, а за тѣмъ и обѣдъ бывають иногда подъ вечеръ, а это никакъ не можетъ согласоваться съ порядками школы.

14) Митра Могила заложена еще въ то время, когда Новоселки не были разорены; но братскій монастырь не получалъ въ то время хлѣба, какъ прочіе монастыри.

15) Медомъ инникують въ самокъ монастырь и сюда приходятъ пять мірскіе люди обоего пола.

16) Колодезь среди монастыря, а къ нему по воду также ходитъ разный полъ.

17) Мірляне радягъ веѣмъ въ монастырь, а хорошо-бы то дѣлать, не жѣлая праведнаго съ грѣшнымъ.

18) Которые учались, тѣхъ хочеть искоренить въ братствѣ, а хочеть двѣ *szkottry* (?).

¹⁾ Но это-ли были намѣстникъ Мелетій Николаевичъ, іерей Инокентій Мужиковскій и іерей Лазарь, которые убиты за Бѣлгородкой и надъ которыми Испанскій генералъ провозвѣдъ?—Видѣть съ его зр. уч. ч. I, стр. 262.

Записей для прихода и расхода, который ведется въ другихъ монастыряхъ, мы никогда не видали. За прошлый годъ считалось двѣ тысячи (?), но никакого регистра на тѣ деньги не было. *Права* (грамоты, универсалы, купчія и пр.), которые тщательно собирали многіе ректора, въ его управленіе...

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СВѢДѢНІЕ О БЫВШИХЪ НА ЛАДОЖСКОМЪ КАНАЛѢ КОЗАКАХЪ ¹⁾.

Спецификація полку гадляцкаго сотнѣ полковой гадляцкой Ивана Пырятинскаго сотника, коликое число, по указу его императорскаго величества, послано въ первый канальный ладожскій походъ на работу козаковъ самихъ господарей, сколько наемныхъ и въ этомъ походѣ сколько и кто и въ которыхъ мѣстахъ на пути и при работѣ волею Божіею померло, а сколько по отпуску въ дома своя пришло, о томъ ниже сего значить.

Року 1721 въ мѣсяцъ февраль 3 дня въ походъ ладожскій выходило всѣхъ козаковъ сотнѣ полковой гадляцкой Ивана Пырятинскаго господарей и наемныхъ 122

Туда идучи, всѣ въ цѣлости дошли на каналъ, ни одинъ изъ нихъ не умеръ, а дошедши на означенное мѣсце, на самой работѣ въ сей сотнѣ полковой гадляцкой померло самихъ господарей на мѣстцу . . . 25

Той-же сотнѣ, повернувшись къ домамъ, померло на пути самихъ господарей 10

Повернувшись къ домамъ той-же сотнѣ козаковъ самихъ наемныхъ на пути померло 11

Той-же сотнѣ полковой гадляцкой господарѣ саміе за мертвыхъ 6

Оставшіеся на пути боліе 6

и того 52

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1864 г., майск. кв., стр. 117—122. «Объясненіе полковника Черныя о работахъ козаковъ въ ладожскомъ каналѣ».

Сотникъ полковой гадацкѣи Иванъ Пѣратинскій.

Спецификація полку гадацкаго сотни полковой гадацкой Ивана Пѣратинскаго сотника, коликое число по указу его императорскаго высочества послано было друиого походу въ Табоу до канальной работы козаковъ самыхъ господарей, а сколько наемныхъ козаковъ и въ томъ походы сколько и кто въ которыхъ мѣстахъ на пути и при работѣ волею Божіею померло, а сколько по отпуску въ дома своя пришло, въ томъ нижеи значить.

Въ рову 1722 влишло было козаковъ въ походы ладоскѣи зо всей сотнѣ полковой гадацкой Ивана Пѣратинскаго господарей зъ наемными 129

На работѣ умерло господарей 10

— — — наемныхъ 4

На пути умерло господарей 4

— — — наемныхъ 7

За болѣзнью на пути осталось господарей 3

— — — наемныхъ 2

30

1-й походы 1721 февраля 3 дня, послано было козаковъ господарей и наемныхъ 82

Умерло при канальной работѣ господарей 6

— — — наемныхъ 1

На обратномъ пути умерло господарей 11

— — — наемныхъ 11

На пути безвѣстно где дѣлись господаи 3

32

2-й походы 1722 г. февраля 15 дня. Всего господарей и наемныхъ отправилось 148

На пути до канала умерло господарей 2

— — — наемныхъ 1

При работѣ умерло господарей 19

— — — наемныхъ 9

На обратномъ пути умерло господарей 2

— — — — — наемныхъ	3
Безвѣстно пропавшихъ господарей.	2
	38

Сотня оношанская.

Въ 1-й походъ всѣхъ вышло 232

На пути умерло господарей	2
На работъ умерло господарей	26
— — — — — наемныхъ	5
На обратномъ пути господарей.	14
— — — — — наемныхъ	7
За болѣзнію осталось на пути господарей.	6
— — — — — наемныхъ	6
	62

2-я сотня сотника Василія Селецкаго.

2-й походъ всѣхъ вышло 266.

На пути безвѣстно пропавшихъ наемныхъ.	1
На работъ умерло господарей	16
— — — — — наемныхъ	12
На обратномъ пути умерло господарей	2
— — — — — наемныхъ.	8
За болѣзнію осталось въ дорогѣ господарей.	11
— — — — — наемныхъ	9
	59

1 я сотня зенковская.

Въ 1-й походъ ладожскій вышло 90.

На пути умерло наемныхъ	1
На работъ умерло господарей	20
На пути умерло господарей.	12
— — — — — наемныхъ	2
	35

Во 2-й походъ всѣхъ вышло 79.

На работъ умерло господарей	9
— — — — — наемныхъ	15

На возвратномъ пути умерло господарей	2
— — — — — наемныхъ	2
За болѣзнію на пути осталось наемныхъ	1
	<hr/>
	29

2-я сотня зенковская.

Въ 1-й ладожскій походъ вышло 137.

Умерло на работѣ господарей	24
— — — — — наемныхъ	10
На пути умершихъ господарей	13
— — — — — наемныхъ	8
Безвѣстко пропавшихъ на пути господарей	2
	<hr/>
	57

Во 2-й походъ вышло 172.

Умершихъ на работѣ господарей	18
— — — — — наемныхъ	8
На пути умерло господарей	20
— — — — — наемныхъ	1
Больныхъ на пути осталось господарей	3
	<hr/>
	50

Сотня рашавская.

Въ 1-й походъ вышло 20, а возвратилось 13.

Во 1-й — — — 35 — — — 30.

Сотня груньская.

Въ 1-й походъ вышло 105, а возвратилось 79.

Во 2-й — — — 111 — — — 91.

Веприцкая сотня.

Въ 1-й походъ вышло 32, а возвратилось 25.

Во 2-й — — — 39 — — — 31.

Сотня куземинская.

Въ 1-й походъ вышло 98, а возвратилось 54.

Во 2-й — — — 68 — — — 52.

Сотня лютенская.

Въ 1-й походъ вышло 70, а возвратилось 42.
 Во 2-й — — 107 — — 86.

Сотня ковалювская.

Въ 1-й походъ вышло 100, а возвратилось 67.
 Во 2-й — — 100 — — 85.

Сотня номиншанская.

Въ 1-й походъ вышло 96, а возвратилось 72.
 Во 2-й — — 146 — — 99.

Собщи. Дм. Багалій.

РАСПРОДАЖА ВЪ ВИШНЕВЕЦКОМЪ ЗАМКЪ.

(Корреспонденція «Кіевской Старинки»).

Назначенная на 11 сентября распродажа древностей Вишневецкаго замка была остановлена неисполненіемъ какихъ-то формальностей и началась только 13-го. Приѣхавши въ Вишневецъ на другой день, я засталъ ее еще въ самомъ началѣ.

Мѣстечко Вишневецъ находится въ 20 верстахъ отъ Кременца и въ 40 отъ послѣдней къ Радзивилову станціи юго-западной желѣзной дороги Рудни. Дорога къ нему чрезъ живописный Кременецъ. Почаевъ лежитъ отсюда верстъ на 20 въ сторону.

Вишневецкій замокъ стоитъ на возвышенности. Одною стороною онъ потонулъ въ зелени парка, а съ другой закрытъ развалинами католическаго монастыря, стоящими близъ него. Мѣстечко расположено внизу и по склонамъ возвышенности.

Зданіе замка носитъ чисто царственный характеръ. Выстроенное въ 2^{1/2} этажа покоемъ, оно занимаетъ сплошь одну сторону двора и часть двухъ другихъ. Противъ фасада замка, по другую сторону, дворъ окаймленъ одноэтажнымъ хозяйственнымъ корпусомъ. Вкопанныя въ земли муртары и цушки окружаютъ дворъ. Фронтонъ сѣрой громады замка украшенъ гербомъ. Шумъ деревьевъ парка одинъ нарушаетъ тишину и покой обширнаго зеленаго двора.

Дворецъ построенъ во вкусѣ новаго Лувра и Версаля. Его изящныя, строгія линии напоминаютъ планы законодателя архитектурнаго вкуса начала XVIII вѣка Мансара; онъ выстроенъ послѣднимъ изъ князей Вишневецкихъ Михаиломъ Сервациемъ въ 1720 г. на мѣсто стараго замка, сожженного татарами въ концѣ XVII столѣтія. Этотъ князь былъ самъ хорошій архитекторъ и по собственному плану строилъ свой замокъ, также какъ и нѣсколько другихъ, воздвигнутыхъ имъ на Волыни.

По другую сторону замка, выходящую въ садъ, лежатъ терраса, кончающаяся обрывомъ и укрѣпленная контрфорсами. Внизу ея—массы зелени нижняго сада, среди котораго пріотылаея маленькая деревянная церковь. Въ просвѣты видны дома обширнаго мѣстечка, длинная усаженная деревьями плотина, рѣка Горинь, называющаяся узкой лентой, и холмы противоположной стороны, покрытые уходящими за горизонтъ лѣсами. Въ паркѣ—вѣковые липы и дубы, каштановыя чащи, души елей, стройныя аллеи тополея, все заглохшее и заросшее и сливающееся съ безконечнымъ лѣсомъ. Зеленъ деревьевъ повисла подъ мелкимъ, «какъ сквозь сито», дождемъ. На всемъ умирающія краски осени. Только высокія чайныя розы на террасѣ храбро борются съ наступающимъ холодомъ и бодро повернули къ свѣту головки своихъ очаровательныхъ, крупныхъ цвѣтковъ.

Первая комната при входѣ въ замокъ—сѣни колоссальной вышины. Стѣны ихъ покрыты сплошь маленькими изразцами съ синими рисунками на бѣломъ фонѣ. Анфилады залъ и комнатъ нижняго и верхняго этажа тянутся по обѣимъ сторонамъ.

Внутри дворецъ носитъ нежилой видъ. Послѣдніе годы онъ былъ необитаемъ, а нѣкоторое отсутствіе его объясняется его исторіей. Въ прежнемъ видѣ можно было видѣть замокъ въ концѣ 50-хъ годовъ, когда онъ принадлежалъ Мишникамъ. Въ это время два брата Мишники раздѣлились имѣніями, и одинъ изъ нихъ, живущій и теперь въ Парижѣ, вывезъ изъ Вишневца массу произведеній искусства. Тамъ были яхажоры и бронзы, старинный, драгоценный фарфоръ, серебряныя и золотыя серьгаы и, что безконечно цѣннѣе, произведенія высокаго искусства: картины кисти Гольбейна, Ванъ-Дика, Рембрандта и 2000 томовъ библіотеки.

Мишиекъ былъ тонкій знатокъ и самъ рисовалъ прекрасно, судя по копиямъ его съ Верне—старшаго, сохранившимся въ замкѣ. Онъ избралъ вещи умѣло. Слѣдующая владѣлица Вышневецъ, княгиня Абамякъ вывезла также не мало, продавая нѣкоторые графу Плятеру. Отъ него, лѣтъ семь назадъ, Вышневецъ перешелъ къ пѣвѣвшему владѣльцу г. Толли.

Несмотря на разсказанную исторію, замокъ былъ на столько перепаленъ предметами искусства, что не мало ихъ осталось и до сихъ поръ. Много старинной, художественной мебели, представляющей таковой контрактъ съ современнымъ безвкусиемъ и выштонистію, не мало интересной «утвари», и главное—обширныя собранія фамильныхъ портретовъ, къ которымъ остались равнодушны всѣ смѣнявшіеся владѣльцы Вышневецъ.

Важнѣйшую часть ихъ, кромя уродливаго собранія портретовъ польскихъ королей и еще болѣе безобразной галлерей изображеній монаховъ какого-то монастыря, составляютъ портреты князей Вышневецкихъ и Мишиковъ. Галлерей Мишиковъ составлялась разновременно и въ нѣкоторыхъ экземплярахъ представляетъ копии, часто очень плохія. Многія лица этой фамиліи были рисованы великими художниками, какъ Гольбейнъ и Ванъ-Дикъ, но эти портреты вывезены изъ Вышневецъ. Упомянутое о нихъ сохранилось въ слѣскѣ предметовъ, вывезенныхъ Мишикомъ. Къ этой-же коллекціи прилегаютъ портреты лицъ, трагическая судьба которыхъ сообщила такую громкую извѣстность фамиліи Мишиковъ: Марини, сѣ отца и матери и Самозванца, проживавшаго когда-то въ Вышневецѣ. Оригиналы этихъ портретовъ отданы г. Толли въ московскій музей наследника Цесаревича. Изображенія, находящіяся теперь въ Вышневецѣ, суть копии, но копии современныхъ портретамъ. Въ «зеркальной залѣ Мишиковъ» сохранилась еще любопытная картина, изображающая вѣнчанье Марини и Самозванца.

На второмъ этажѣ замка, за королевскими комнатами, есть зала, лежащая въ самой срединѣ зданія. Изъ оконъ ея открывается далекій видъ на лѣса и паркъ, а одною изъ дверей она примыкаетъ къ библиотекѣ. Это зала князей Вышневецкихъ.

Стѣны залы увѣшаны портретами лицъ этой фамиліи. Всѣ портреты одинаковыхъ размѣра и формы (удлиненный овалъ) боль-

шад часть изображенныхъ лицъ писана въ ростъ. Всѣхъ портретовъ около 20.

Нельзя сказать съ достовѣрностью, которые изъ нихъ писаны съ натуры. Многие носятъ отпечатокъ какъ-бы одной и той-же кисти и можетъ быть сдѣланы по заказу одного изъ князей Вишневецкихъ, по какому-нибудь исчезнувшему оригиналу. Но если-бы это было и такъ,—они не теряютъ своей исторической цѣнности, такъ какъ это единственные сохранившіяся изображенія лицъ этого рода.

Здѣсь люди, носившіе всѣ титулы и почести: воеводы волынскіе, кіевскіе, послы въ Турцію, воины и полководцы, до короля включительно. Вотъ православный князь Дмитрій Вишневецкій, черкасскій и каневскій староста, строитель Сѣчи и «повелитель острововъ запорожскихъ». Онъ изображенъ такимъ-же юнцомъ, какъ вѣчно юною будетъ въ народной лѣснѣ его память, память полумифическаго Байды, героя и мученика... Михаило, отецъ Іеремія, Константъ, воевода русскій, совращенный проповѣдью іезуита Нагаюса и,—на ряду съ другими, по кого ищешь прежде всѣхъ,—«пышный» Іеремія. Знаменитый противникъ Хмельницкаго, талантливый и храбрый защитникъ неправаго дѣла, сынъ, проклятый матерью, неистовый мучитель возставшихъ хлоповъ, онъ смотритъ спокойно и гордо. Лицо его не носитъ слѣдовъ отличавшей его жестокости. Это человѣкъ принципа, безобразнаго шляхетскаго принципа, а не страсти. Рядомъ съ нимъ энергическая фигура вѣчно любимой имъ жены Грисельды, дочери Томъ Замоискаго. Изъ женскихъ портретовъ обращаетъ на себя еще вниманіе портретъ дочери австрійскаго императора Генриетты, бывшей въ замужествѣ за Вишневецкимъ. Наружность короля Михаила безцвѣтна, какъ и его царствованіе. Послѣдній изъ Вишневецкихъ, тоже Михаилъ, изображенъ въ нѣсколькихъ видахъ. Въ залѣ Вишневецкихъ два большихъ его портрета, но самый лучший, носящій всѣ признаки письма съ натуры, виситъ въ другой залѣ.

Нѣсколько портретовъ и картинъ, изъюющихъ интересъ для южно-русской исторіи, встрѣтилось еще въ Вишневлѣ. Таковы портреты крымскаго хана Керимъ-Гирея и молдаванскаго господара Іеремія Могилы (1593—1607), дяди Петра Могилы и отца матери Іеремія Вишневецкаго, Регины или Равны. Изъ картинъ отмѣтимъ

картину—планъ битвы подъ Хотинемъ и двѣ сцены изъ побѣды Елизаветы II по Днѣпру: встрѣча съ Францомъ австрійскимъ и Станиславомъ-Августомъ и иллюминація Канена. Обѣ—оригиналы Першля.

Изъ предметовъ чисто художественнаго значенія въ Вишневецѣ осталась картина Пальмы—старшаго «Три граціи», сильно вытертая, и гдѣ живопись затмѣвается великолепной рѣзной рамой, и порицать Станислава-Августа, работы венеціанской художницы Розальды, переселившейся въ Парижъ и соперничавшей съ «Лагуромъ». Что касается до «Рубенса» (портретъ старика, писанный, якобы, съ Іоанна Скарпи, во время пріѣзда художника въ Краковъ), то это то, что на техническомъ языкѣ любителей, называется чистѣйшей *croûte*.

Но истиннымъ перломъ вишневецкихъ коллекцій слѣдуетъ признать четыре фрески, названныя въ каталогѣ и объявленныя «китайскими картинами». Это,—скажемъ на ухо составителю каталога,—фрески въ китайской манерѣ Франсуа Буше, его *Chinoiserie*, созданныя съ ума XVIII вѣка. Двѣ изъ нихъ изображаютъ бытовныя сцены: семья китайцевъ у костра, китайскій концертъ, двѣ другія—птицы домашнихъ, лѣсныхъ и тропическихъ. Необыкновенная изящность рисунка, ажурныя переклеты блѣдной зелени, деревья и цвѣты, не встрѣчающіеся въ природѣ, но правдоподобныя въ изысканныхъ краскахъ «живописца грацій», китайскія бесѣдки, сообщившія глубину картинамъ и все непередаваемое кокетство маэстро—выдаютъ Буше. «Китай, фантастическая область, о которой грезили XVIII вѣка, была странною химерою, въ которую Буше любилъ переноситься воображеніемъ. Онъ наслаждался своей мечтой, забывался въ ней и подлѣ кисти придворнаго живописца г-жи Помпадуръ, Китай превращался въ одну изъ уголковъ страны Рококо»¹⁾.

Изъ предметовъ, возбуждающихъ специально польскій интересъ, есть въ замкѣ портретъ диктатора 1831 г. Хлоницкаго, работы Родаковскаго. Нѣсколько алмазельныхъ видовъ Варшавы, пользующагося большою извѣстностью польскаго акварелиста Фогеля, обманули наши ожиданія.

¹⁾ Edm. de Goncourt. L'Art du XVIII siècle.

Библиотека и архивъ замка еще запечатаны и недоступны къ осмотру. Одна изъ залъ въ замкѣ пазыпается залю Форгача. Въ ней умеръ венгерскій графъ Форгачъ, пользовавшійся гостепріимствомъ князей Вишневецкихъ. По завѣщанію его сюда перевезены изъ его венгерскаго замка его портретъ, каминъ съ стоявшимъ на немъ фарфоромъ и большая изразцовая печь.

Пробывъ въ Вишневецѣ всего два дня, я былъ свидѣтелемъ только начала распродажи. Вслѣдствіе выраженной г. Толли готовности уступить предметы, имѣющіе историческое значеніе, какому нибудь общественному кievскому хранилищу, я предпринялъ поѣздку, чтобъ осмѣтнуть эти предметы. Указаны мною портреты и картины историческаго значенія, о которыхъ говорено выше.

Въ Вишневецѣ я засталъ нѣсколько антикваріевъ паршавскихъ и вѣнскихъ. Въ еврейской корчмѣ «у Хаима Чернаго», гдѣ мы всѣ ютились, по вечерамъ происходили бесѣды о стихахъ и школахъ, не совсѣмъ обычныя для обиталища Хаима. При мнѣ куплена была какимъ-то польскимъ помещикомъ королевская мебель, — бронзы и часы антикваріазы и шли переговоры о драгоценныхъ стѣнныхъ вышивкахъ и картинахъ. Какой-то «знатокъ» изъ Кіева бережно упаковывалъ купленные предметы. Заглянувъ въ ящикъ, я увидѣлъ «портфель неувѣстнаго гетмана» въ андреевской лентѣ (!) и «закапывающуюся Лукрецію», смотря на которую невольно приходило на умъ — отчего это закапывается ова, а не царившій ее художникъ?

В. Горленко.

КЪ ПОРТРЕТУ КИРИЛЛА ТЕРЛЕЦКАГО.

Въ генварской книгѣ нашего журнала за 1882 г. была помѣщена подробная статья о Терлецкомъ; здѣсь-же напомнимъ читателямъ лишь главнѣйшія біографическія его черты.

Кириллъ Семеновичъ Терлецкій происходилъ изъ обѣднѣвшей отрасли нѣкогда знатнаго русско-шляхетскаго рода, имѣвшаго свои помѣстья въ перемишльскомъ повѣтѣ въ Галиціи (с. Терлю, Любоховъ и др.). Правдоподобно, родиной Терлецкаго можно считать винскую область въ Полѣсьи, гдѣ онъ въ г. Пинскѣ первоначально

былъ священникомъ замковой церкви св. Дмитрія, при чемъ, по свидѣтельству Іоанна Вышепскаго, былъ такъ небогатъ, что въ качествѣ слуги «только дьячка за собою волочилъ, которому кержамами пирожными заплату чинилъ». О предшествовавшемъ періодѣ жизни Терлецкаго, главное же о его образованіи не имѣется никакихъ свѣдѣній; то лишь достоверно извѣстно, что онъ не былъ обученъ латинскому языку, на которомъ исключительно преподавались науки въ тогдашнихъ школахъ. Въ всякомъ случаѣ онъ видимо былъ человѣкъ весьма способный и обладалъ кое-какими богословскими и юридическими познаніями, приобретенными путемъ вчитанности. Что же касается нравственной характеристики личности Терлецкаго, то наиболѣе выдающимися чертами его характера нужно признать: хитрость, изворотливость и склонность къ извѣстнымъ и провѣснымъ; не даромъ тогдашній ливонскій митрополитъ Михаилъ Рагоза въ одномъ письмѣ даетъ ему мѣткое прозвище «*райского змія*» и «*коварной лисицы*»; кромѣ того, это былъ человѣкъ безмѣрно честолюбивый, злопамятный и мстительный до жестокости.

Въ 1572—73 гг. Терлецкій изъ протопопа прямо возводится въ санъ епископа пивскаго и гуровскаго, при чемъ онъ получаетъ эту кафедру не по избранію насомыхъ, какъ то бывало до того времени въ юго-западной Руси, а по назначенію со стороны «назовъ радъ», правящихъ тогда польскимъ государствомъ въ междучарствіе послѣ смерти Сигизмунда-Августа и бѣгства изъ Польши короля Генриха. Но пивская архіерейская кафедра была довольно бѣдла, и потому Терлецкій, при первой-же открывшейся возможности, выпросилъ себѣ (въ 1585 г.) у короля Стефана Баторія одну изъ самыхъ богатыхъ южно-русскихъ епархій, именно луцкую и остроженскую. И въ Пинскѣ, и въ Луцкѣ Терлецкій озвameновалъ свое управленіе преимущественно заботами о своихъ архіерейскихъ правахъ и исправности епископскихъ имѣній, разоренныхъ и даже черѣдко отчужденныхъ его предшественниками. Для возстановленія своихъ владѣльческихъ правъ, Кирилль Терлецкій велъ безпрестанныя судебныя тяжбы и кромѣ того весьма часто предпринималъ вооруженныя наѣзды на имѣнія противниковъ, осаждалъ ихъ замки, разорялъ села, при чемъ черѣдко лично предводительствовалъ своими гайдуками и позволялъ имъ совершать разные жестокости и насилія. Пользуясь богатыми доходами своей

епископъ, Кирилль Терлецкій жилъ не какъ духовное лице, а какъ жили магнаты того времени, въ полномъ довольствѣ и роскоши, держалъ въ епископскомъ замкѣ многочисленную толпу слугъ, имѣлъ собственныя пуньи и отрядъ вооруженныхъ гайдуковъ, всегда готовыхъ на войну съ врагами своего владыки. Въ короткое время онъ скопилъ большія богатства, занималъ деньги знатнѣйшимъ сапожникамъ, въ родѣ, напр., князя Константина Острожскаго, имѣлъ сильную протекцію при королевскомъ дворѣ и пользовался особеннымъ покровительствомъ самого короля Стефана Баторія. Всецѣло преданный мірскимъ благамъ, Терлецкій былъ совершенно равнодушенъ къ своему архиепископскому долгу, предавался излишествамъ богатаго пана и не считалъ нужнымъ сдерживать прихоти и увлеченія своей широкой натуры: современники обвиняли его въ цѣломъ рядѣ позорныхъ преступленій—невоздержаніи, чужеложествѣ, тайныхъ убійствахъ и отравкахъ, а въ 1594 г. владыка публично, на судѣ, былъ обвиняемъ въ изнасилованіи крестьянской дѣвушки, хотя обвиненіе это признано было недоказаннымъ.

Когда въ польскихъ правительственныхъ сферахъ и въ средѣ высшаго западно-русскаго духовенства созрѣла мысль о церковной уніи, Терлецкій немедленно примкнулъ къ уніятской партіи и по-видимому былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ ея сторонниковъ. Онъ велъ тайные переговоры съ польскимъ правительствомъ и высшимъ католическимъ духовенствомъ объ условіяхъ введенія на Руси уніи и вмѣстѣ съ владимірскимъ владыкою Иваницемъ Потѣмъ ѣздилъ въ 1595 г. въ Римъ къ папѣ (откуда вывезъ, между прочимъ, коллекцію картинъ соблазнительнаго содержанія). Но во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Терлецкаго не видно и тѣмъ искреннѣе убѣжденія въ истинности уніи и пользы ея для западно-русской церкви, а проглядываютъ одни лишь своскорыстные расчеты о личныхъ выгодахъ, сопряженныхъ съ церковнымъ переворотомъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что когда уніи была наконецъ провозглашена на Брестскомъ соборѣ и официально признана со стороны правительства, Терлецкій, равно какъ и другіе архіереи, привившіе унію вмѣстѣ съ Рагозой и Потѣмъ и въ началѣ по-видимому ревновавшіе о ней, скоро какъ-бы забыли о ея существованіи, не проявляли никакой заботливости объ ея упроченіи и спо-

войно проживали въ своихъ епархіяхъ, пользуясь церковными имѣніями, кавія на всю ихъ жизнь обезпечилъ за ними король.

Всю остальную часть своей жизни Кирилль Терлецкій провель, предаваясь прежнимъ излюбленнымъ занятіямъ: тѣжбаамъ, наѣздамъ на сосѣдскія имѣнія и заботамъ о личномъ обогащеніи. Онъ умеръ въ маѣ 1607 г. и былъ похороненъ въ лудской соборной церкви св. Іоанна Богослова.

ПОПРАВКА И ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ въ «Запискахъ князя Б. П. Куракина», на стр. 127, въ строкѣ 5-й снизу напечатано: «А въ томъ морскомъ походѣ былъ я за валантера на галерѣ Шаутбейнахта», при чемъ редактировавшимъ эти «Записки» покойнымъ профессоромъ Ф. А. Терновскимъ, рядомъ съ этимъ послѣднимъ словомъ въ скобкахъ поставлены съ вопросительнымъ знакомъ слова: *фамилія Шаубенахта?*

Считаемъ нужнымъ поводу сдѣлать необходимую поправку и объясненіе. Слово: *шаубенахта* означало чинъ младшаго морскаго генерала, соответствующій нынѣшнему чину контръ-адмирала. Чинъ шаубенахта взятъ былъ съ голландскаго флота, принятаго Петромъ В. въ образецъ. По голландски *Shant bis nacht* значить: *смотри ночью*; названіе это присвоено шаубенахту потому, что онъ всегда почти находился на передовомъ кораблѣ флота и долженъ былъ длительно смотрѣть впередъ, особенно ночью. Петръ В. самъ имѣлъ этотъ чинъ, бывший въ нашемъ флотѣ до начала царствованія Елисаветы Петровны.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступили въ продажу вновь вышедшія книжки:

Сулдировскій Архивъ. Фамиліиыя бумаги Сулдиъ, Скороуль и Войцеховичей XVII—XVIII в., съ пятью портретами. Изд. *А. М. Лазаревскій*. Кіевъ. 1884 г. Ц. 2 р.—Выписывающіе изъ редакціи «Кіевской Старины», за пересылку не платятъ.

Исторія южно-русской литературы въ XVII ст. Вып. I-й. Лаварь Варановичъ. И. Ѳ. Сулицова. Харьковъ. 1884. Ц. 1 р. 50 к.—Продается въ книжныхъ магазинахъ «Вѣстника Европы» и «Новаго Времени», въ Петербургѣ и Хавкина и Ив. Куколевскаго въ Харьковѣ.

Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. И. И. Петрова. Кіевъ. 1884. Ц. 3 р., на пересылку за 2 ф. Складъ издавія у автора, проф. И. И. Петрова (Кіевъ, Ильинская улица, д. № 4). Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. М. Чистовича. Ч. II-я. Слб. 1884 г.

Вышелъ № 8 (августъ) «Вѣстий Слб. Слав. благотвор. Общества». Подписка на «Вѣстія» принимается въ помѣщеніи Общества, площадь Александринскаго театра, № 7-й. Подписная цѣна на годъ за 12 кн. два руб. съ доставкой и пересылкой.

Учреждается въ Харьковѣ Общественная Библіотека по уставу, утвержденному Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 16 июня с. г. Желажущіе содѣйствовать этому учрежденію приглашаются свои пожертвованія деньгами и книжками адресовать на имя Бориса Ивановича Филонова. Харьковъ. Благовѣщенская ул., собств. д. № 15.

часу. Зъ Сѣвска вѣхавъ въ 9 часу, прибылъ до Товстодубовской почты въ часу 5-мъ пополудни, а одголь въ 8-мъ до Есмани.

4. Въ Есмани службы Божой выслушавъ и пообѣдавъ (где розышлоь на розницу 12 к.), прибылъ до Глухова въ 1-мъ часу по полдни и тутъ заразъ пошоль до двора ясновельможного, где засталъ еще при концу обѣда; тутъ же засталъ ихъ милостей: пана Павла Апостола, полковника миргородского (который недавно оженившись въ Смоленску на дочерѣ тамошнего шляхтича Никола Юрьевича Анделарта (Энгельгардта) именемъ Федорѣ, сюда въ сихъ дняхъ прибылъ), пана Петра Апостола, полковника лубенского зъ напею, пана Скоропадского, Богдана Ивановича Пасека и прочихъ многихъ; вручилъ ясновельможному 2 грамоты о присягахъ и о селѣтрѣ и партикулярныя писма, такожъ и другия, до которыхъ писма поотдавалъ. Вечеряли въ домѣ ясновельможного многіе, въ томъ числѣ и я. Тутъ же получилъ я вѣдомость, что сынъ мой Петръ представился въ Стародубѣ прошлаго генваря 18, болѣзнію на болячку подѣ горломъ.

5. Рапо былъ у господина генерала Нарышкина и вручилъ его превосходительству грамоты 2, о томъ же, что и гетману. Сегожъ числа писаны писма до архидіакона катедры кievской и до отца-брата въ Козелець и посланъ чай одъ преосвященнаго іркутского; одправлены писма и до Славуя.

6. Былъ у господина Пасека, потомъ у полковника лубенского на Бѣлополовцѣ ¹⁶²⁾ и у пана обозного генералнаго; всчеромъ — у пана Бороздни, судіи генералнаго. Сегожъ числа вручилъ писма господиву Мяннину и господину полковнику Радицеву отдавъ чолки, отъ брата его Глѣба Прокофiевича, воеводы клинского, присланныя.

7. При суплѣцѣ моей ясновельможному презентовалъ грамоту, даную миѣ на Череговъ для записавъ оной въ войск. епер. канцелярiи и для выдачи миѣ подлугъ оной унiверсалю. Обѣдалъ у пана полковника лубенского. Розышлоь 7 к.

8. Подалъ суплѣку на опредѣленіе миѣ деревень удостоенныхъ о унiверсалѣ, чтобъ владѣть ними до получения указа и подтвержденія противъ посланнаго въ коллегію іностранную удостоенія.

¹⁶²⁾ Предмѣстье г. Глухова.

Въ Москвѣ за притупей лосиній 40 к., за перчатки 60 к., за тертушку мушкетерской галки 4 к.

9. Писалъ письмо до пана дядка въ Козелець за жителемъ кievского полку села Борокъ Юскомъ Слѣпченкомъ. Отъ Москви до Глухова на двѣ почтовые лошади розышло 5 р. 46 к. Сего числа прибылъ панъ Игнатъ Данченко съ возками моими съ Москви до Глухова. Паней полковниковой лубенской дана жестянка табаку.

10. Зоставлена у ясновельможного книжка рукописная моя разговоровъ генерала Паткуля съ министромъ Герцомъ въ царствіи мертвыхъ, а поручена въ диспозицію пана Скоропадского, чтобъ не завалилась. Отобралъ у пана Скоропадского дукать и облѣгкъ, а ему надлежитъ переслать реверсъ его. Былъ въ банѣ пана Федора Савича ¹⁶⁴). Розышло 8 к.

11. Вручилъ господину генералу Нарышкину грамоту въ дѣлѣ моемъ о ранговой маестности и у господина генерала обѣдалъ. Писалъ письма до жены и до Стефана и отправилъ передомъ чрезъ Алексія при двохъ саняхъ. Емужъ Алексію даны на дорогу 20 в. Асауленку, що когдася ратовалъ мене, 10 к. Розышло еще 9 к.

12. Отобралъ універсалъ на маестности съ канцеляріи, выданный на Перегонъ съ Дешковичами. Обѣдалъ у пана Якова Марковича съ панею его и дѣтми ¹⁶⁵). На припряжи до саней и проч. пошло 8 к. Отецъ Пясецкій, намѣстникъ братскій, былъ рано у мене въ кварталѣ. Писано письмо до господина Курбатова въ С. П. Бурхъ съ объявленіемъ о женитбѣ пана полковника миргородского и съ благодарствіемъ за показанную мнѣ тамъ милость и благодѣяніе. Левасоду даны 10 к. и платокъ.

13. Писаны письма въ С. П. Бурхъ до пана Павла Апостола, до пана Андрея Горленка, до Козми Якимовича Кричевца, съ включеніемъ ему и письма до Петра Василіевича Курбатова; писано до Калесива локая, съ включеніемъ письма отъ Андрея Гудовича до сына его Александра, а все подъ датою 6 числа сего мѣсяца. Писано въ Москву до Урилы, до Николая Павловича о доправленныхъ на Трусевичу 10 р. и до Якумола, а тые письма одправлены на почтѣ чрезъ Игната Данченка, въ Москву послан-

¹⁶⁴) Сынъ генеральнаго писаря Семена Савича.

¹⁶⁵) Авторъ »Дневныхъ Записокъ с.

ного. Емужь писмо до графа Гаврила Владиславича належное вручено. Обѣдалъ я у ясновельможного и по обѣдѣ пожекгнавшись его ясновельможности и прочіимъ отклонившись, вѣхалъ зъ Глухова въ началѣ 5-го часа пополудни и прибылъ въ Новгородокъ

14, въ шестомъ часу пополуночи; тутъ засталъ я одного пана сотника толко. Тутъ же отданы 20 р. вдовѣ Новгородского, одъ сына ея отца Юва, съ С. П. Бурха присланные. Зъ Новгородна вѣхавъ въ 11-мъ часу предъ полуднемъ, прибылъ до Гримячого въ полъ 5 часа, а одтолъ до Перегону въ 8 часу пополдни и тутъ засталъ жену зъ сномъ Василкомъ.

15. Весь день прожилъ въ Перегонѣ и передъ обѣдомъ ездилъ для осмотра построенного на Бѣлявицѣ млина, а по обѣдѣ былъ на футорѣ Васляювцѣ. На пиво и медъ 9 к.

16. Одъ шинкаря чаусовского Ноздри отобралъ денегъ рублей 19 и ему въ оныхъ до паракунку далъ росписку.

17. Вѣхалъ зъ Перегону и обѣдалъ у пана Григорія Гамалии въ Борщовѣ, где изъ поручникомъ ингермоландского полку Яковомъ Любимичомъ Поляпскимъ познался. По обѣдѣ былъ въ банѣ и позно уже одтолъ вѣхавши, прибылъ о полночи до Стародуба.

18. Подъ часъ обѣденъ былъ у полковника и по службѣ у негожь былъ, а обѣдалъ у пана тестя; у мене зась въ домѣ вечеряли панъ тестъ и Ромашъ Яненко глуховскій ¹⁶⁶).

19. У мене были многіе, чего для весь день пробавилъ въ домѣ, толко вечеромъ былъ у полковника и подалъ листъ ясновельможного въ моемъ интересѣ о ранговой маетности и о Куровѣ и Чубаровѣ.

20. Церый разъ заездилъ въ канцелярію новопостроенную и тутъ засталъ полковника зъ всею старшиною; одтолъ былъ у кали-

¹⁶⁶) Ромашъ Яненко — глуховской мѣщанинъ, который женявшись на дочери Петра Демьяновича Уманца (сынъ глуховскаго протопопа и ввукъ гѣжискаго полковника Филиппа Уманца) и получивъ часть тестовскихъ земель около села Есмани, поселялъ здѣсь слободу (теперешнее село Яновка), и разбогатѣвъ, при Апостолѣ былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. У Яненка было двѣ дочери, изъ которыхъ одну, Праскэвю, онъ выдалъ за Осипа Григоревича Туманскаго, а другую, Евфимію, за польскаго шляхтича Василія Романовскаго, который въ 1756 г. былъ келеймейстеромъ гетманскаго двора. Сынъ этого Романовскаго — Николай имѣлъ чинъ уже ротмистра; отъ отца онъ получалъ глуховское село Студенокъ (часть имѣній Петра Уманца), да женявшись на дочери Кирилла Осиповича Закревскаго

тана надъ салдатами городъ содержащими команду имѣющаго, потому у пана Стефана Ширая¹⁶⁷⁾. Матцѣ Аннушкиной даны 20 к.

21. Былъ въ канцеляріи, а первой у полковника; потомъ въ домѣ былъ у мене присланный отъ пана Андрея Миклашевскаго панъ Колленскій и отобралъ у мене денги 300 р., а 100 р. себѣ позыкою удержалъ, а на оныя далъ обліжкѣ во отдачи тихъ денегъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ остальныхъ чисель; о томъ же писалъ и письмо до пана Андрея Миклашевскаго, на что соизволеніе отъ него получилъ.

22. Музыканту отданы остальные за дворъ купленный денги 18 р. 32 к., а прежде дано ему 20 р. и осмачку жита въ 1 р. 68 к. Итакъ уже ему все уплачено. Посланы при писмѣ до его мил. п. Скоропадскаго купчая на грунта глуховскіе, отъ дочерей пана Андрея Миклашевскаго данная, и двѣ раздѣлочныя писма чрезъ козака значевого Афанаса Десятковскаго; чрезъ тогожъ писалъ и до пана Юркевича и послалъ пашпортъ. Розышлося на розницу 4 к.

23. Отправлены плотники, присланные отъ пана Скоропадскаго для осмотра будинковъ пана Федора Ширая, и чрезъ нихъ же дано отвѣтное писмо. Алексію кухару данъ 1 р. 50 к. на его нужды, да двѣ штучки китаю блакитного въ ценѣ 1 р. 40 к.

24. Получилъ писма двѣ отъ пана Скоропадскаго чрезъ служителя госпожи Толстой, да до пана Скоропадскаго жъ писалъ инстанціалное писмо за асауломъ. Писалъ чрезъ него жъ и до пана сотника глуховскаго. Розышлося сими двумя на розницу 18 к. Господинъ полковникъ далъ мнѣ два стога сѣна, которые на степу показаны чрезъ армаша.

25. Были въ обѣдни у Вознесенія Господня; тамъ же и молебенъ правили, где полковникъ объявилъ мнѣ о поездѣ своемъ до Глухова, куда и отехалъ онъ послѣ обѣда. Розышлося на розницу 75 к.

26. Параскевія Александровна полковниковна дала денги для заплаты за табакерку 1 р. 95 к., которую дѣлалъ чеканщикъ въ Глуховѣ.

Еленѣ, купилъ на деньги послѣдней, въ м. Салтыковой Дѣвнцѣ и въ д. Крачковкѣ—1311 крестьянъ обоего пола. Всего у него было крестьянъ 1644 обоего пола.

¹⁶⁷⁾ Степанъ Спиридоновичъ Ширай—отецъ Федора. См. примѣч. 133.

27. Писаль письмо до п. Горленка въ С.П.Бурхъ о попу перелюбскомъ, который содержится въ канцеляриі полковой стародубовской. Данъ 1 р. на галіонокъ паней. За 4 безмены лоу 80 к. Віехалъ по полдни зъ Стародуба до Перегону, куда прибылъ въ 9-мъ часу. Дали въ дворѣ на потреби 10 к., Василевъ 10 к.

28. Вчора надъ отцемъ Стефаномъ Филиповичемъ, священникомъ городскимъ (села Городица) было маслосвятіе. Къ нему сего числа послалъ чаю и сахару. Десять свѣчъ прислалъ Іванъ, погарскій шафаръ (сборщикъ податей) гребельный. Были у мене войты куровскій и чубаровскій зъ громадами.

Мартъ.

1. Прислалъ п. Григорій Гамалія, просячи на именины жены своей до Борцова, куда отпустилъ жену, а самъ остался въ Перегонѣ.

2. Ездилъ до монастыря чолнского и тамъ ночовалъ. Розышлося на розницю 14 к. Писаны письма до п. сотника ічанского (Стороженка) и до Лисаневича, въ Ічню.

3. Зъ монастыря чолнского приехалъ на обѣдъ въ Перегонъ, где засталъ Круковскую. У Івана Цілогузенка отобралъ за пенку денегъ 5 р. Сего числа по полдни представился священникъ церкви Воздвиженія Честного Креста городиской отецъ Стефанъ Ігнатіевъ Филимоновичъ осмдесятолѣтній, который былъ родомъ зъ Уманѣ и священствовалъ при помянутой церкви болѣе сорока лѣтъ. Для помянокъ въ домъ того умершого священника ставъ горѣлки и денегъ 1 р.

4. Погребали тогожь отца Стефана въ церкви городиской, на которомъ погребеніи былъ протопопъ погарскій отецъ Петръ Кибалчичъ зъ другими священниками. У мспе обѣдали п. Григорій Гамалія, п. Дзевулскій съ сожителницею, п. Григорій Антоновъ Гамалія и п. Косачъ, сотникъ бакланскій. За медъ и пиво у Івана шафара дано 96 к. Въ Перегонѣ-жь у мене былъ и поруччикъ інгермоланского полку г. Полянскій.

5. Данъ 1 р. матерѣ Наума Евдокименка до рощоту, за взятые у тихъ казанъ и трубы мѣдныя. Подрядилъ на цѣлый годъ жителей села Любца за десять возъ для вожена зъ ихъ лѣсу дровъ на футоръ мой, а одъ всякаго воза давать по 30 к.; и того въ

годъ вынесеть 3 р., которымъ любецкимъ жителямъ и даны 1 р. 50 к., а другіе такіе-жъ денги должны имъ отдатися въ полгода, и сей контрактъ здѣланъ зъ цѣлою околицею и отъ нихъ взято писмо. Да сего-жъ числа даны 3 р. того-жъ села Любца жителямъ Кондрату Степанову, Андрею Иванову Протченку и Данилѣ Подорожному на сто дубовъ на шулы, которіе должны оны выстачить, на что дали отъ сего и карту. Покроевъ мнѣ кунтишь зъ сукна французскаго кравцами погарскими, до которого дано на шовкъ 5 к. За 20 локоть полотна дано 26 к. для подбойки слугамъ.

6. Висхалъ зъ Перегону и прибывъ въ Борщевъ, первой былъ у поруччика Полянского, потомъ зъ нимъ вмѣстѣ обѣдали у п. Григорія Гамалин, куда прибылъ и п. Дзевулскій, и по обѣдѣ гуляли тамъ-же, а послѣ въ ночь до позна у поруччика при стрелбѣ, и жестоко были пьяны.

7. Мойсею Оршавѣ шевцю даны сафанъ и козелъ для шити чоботъ мнѣ, а паней черевиковъ, да и старые сапоги червоные даны ему-жъ для переробленя. Въ Борщовѣ у п. Григорія-жъ, поспѣданю, послѣ знову были у поруччика и у него помприли драгуна зъ атаманомъ чаусовскимъ Сосновскимъ, за которого въ доплатку положилъ я своихъ 1 р. 33¹/₂ к., а оцъ заплатилъ своихъ 3 р., потомъ одголь отехалъ, жестоко поднимшии и прибыли въ Случокъ, гдѣ и ночовали у Антова Хоменка.

8. Прибылъ коло обѣденъ въ Стародубъ и сегодня вечеромъ, послѣ лавѣ, посѣщали мы обоє невѣстку полковничую Катерину Андріевну, прибывшую изъ Москвы позавчера. Целюрику 3 к., на потреби до жупановъ челяднихъ и дѣвкамъ 10 к.

9. За офарбоване сукна челяди на черкески, да за 20 аршинъ крашенины дано фарбейнику 1 р. 40 к., икляру за направу де чого 5 к. Жорону Мойсею случковскому въ задатокъ на грунтъ 2 р. да Рубану 1 р. Писана челобитная и писма до отца архимандрита Романа, до отца Іларіона Негребецкого, типографін пачаллика, и до отца Іоуля Савицкого, писаря кієво-печерской лавры, подъ датою сего мѣсяца 5 числа о обидѣ мнѣ показанпой отъ Гавріила, намѣстника монастыря чолнского; также писалъ и до Козми Іакимовича Кричевца.

10. Заплатены цехметру ткацкому за полотно передъ сямъ паней тканное ровно 2 р. Бондарямъ, що направляли бочки до пива,

меду и до лавнѣ дано 60 к. Сего числа зъ челобитною и писмомъ отправленъ Семенъ Діоминъ до Кіева, чрезъ котораго и до сотника козелецкаго Алексія о дачи ему козака до Кіева писано; да ему-жь Семену данъ и пашпортъ. Полковникъ прїѣхалъ въ Стародубъ зъ Глухова ввечерѣ.

11. Былъ рано у маіора інгермоландскаго драгунскаго полку Михаила Петровича Пущина, а потомъ у полковника нашего; послѣ-же обѣднѣ обѣдали у полковника обще зъ маіоромъ. У мене-жь въ вечеру были п.п. Иванъ Миклашевскій, Скорупа, Ширай, Марко Марковичъ, Горленко и проч.

12. Посланы до Перегона къ Стефану на расходъ дворовый 2 р. Кравцямъ за работу дано 10 к., слѣсарю 4 к., за 2 штуки крашенины 42 к. На розницу пошло 15 к.

13. За 18 локоть шнурка штучковаго дано 72 к., Алексію на его потребности 22 к., Крашениннику 10 к. На розницу пошло 12 к. Куплено сукна зеленого 11 локоть по 18 шаговъ, и того дано 3 р. 96 к. За крашенину и за фарбоване двохъ матерій крашениннику еще 82 к.

14. За пудъ соли бѣлой 40 к. За медъ и пиво у Ляшихи набранное 42 к.

15. Ивану Данченку за вино, братое у него прошлаго году 1731 на крестины Петрусевы, заплатилъ 6 р.

16. За 18 локоть полотна лняного дано 36 к. За возъ лучины 12 к. Писано писмо до сотника варвинскаго п. Себастьяновича ¹⁶⁸⁾ о стадиннѣ.

17. За 20 штукочъ вялой рыбы Лаврину дано 30 к. Ему-жь за набраніе безъ мене панею розныя вещи 2 р. 49 к. Золотаревъ Антону въ позыку даны 30 к.

18. Обѣдали мы у паней матки, а послѣ обѣда у мене былъ

¹⁶⁸⁾ Матвѣй Андреевичъ Себастьяновичъ, внукъ прилуцкаго обознаго Василія Севастьяновича (1674 г.) родоначальника Себастьяновичей, въ настоящее время уже выхершихъ. Себастьяновичамъ принадлежали слѣдующія имѣнія въ прилуцкомъ уѣздѣ: село Гурбинцы и деревня Игнатовка (съ 1674 г.), село Гриновка (съ 1709 г.) и село Брагены, поселенное въ началѣ XVIII в. отцомъ Матвѣя Себастьяновича — Андреемъ, бывшимъ полковымъ писаремъ. Имѣнія Себастьяновичей перешли въ большей части къ Брежнскимъ, по женитьбѣ одного изъ нихъ на дочери Ивана Андреевича Себастьяновича.

первей отецъ Патермуфій, городничій лиціцкій ¹⁶⁹⁾ и подарилъ мнѣ книжечку Полуставецъ, а послѣ были майоръ Пуцинъ съ женою и поручикъ Поляскій и вечеряли у мене-жъ. За судацкого вина 2 гарцы 80 к.

19. За двѣ шапки молодецкіе Василю и Иваню 70 к. За простій шнурокъ да на нитки и на шовкъ 20 к. Кравцамъ стародубовскимъ 12 к.

20. Писано въ одвѣтъ до п. Пасека ¹⁷⁰⁾ о его дѣлахъ въ судѣ полковомъ имѣючихся, о Гойскомъ и мелнику печеницкомъ. Розышлося на розницу 19 к. Панюй даны 1 р. 40 к.

21. Маиринѣ на серпанки и на чоботы 30 к. За зроблене свѣчь и ставниковъ до Городища до двора нашего 62 к. На пятки, свѣчки и проч. 18 к. На медъ и пиво 6 к. За оправу книжки Тестаменту 20 к. За пудъ лою 90 к.

22. За полсть до ризъ 7 к. За бантайровій пузментъ до ризъ-же за 26 локоть 1 р. 4 к. За три штучки крашевины 47½ к. Сего числа исповѣдались и причащались обое. Розышлося на розницу 1 р. 20 к. Съ Лянихомъ расплата учинена за дуклю, бранную на погребеніе Петрусевѣ, и за хустку, да за шнурокъ до куптуша молодецкого 2 р. 98 к. На корку и шовкъ 4 к.

23. Кравцамъ стародубовскимъ 12 к. Расплата учинена съ кравцемъ Евтушкомъ; за розную прежнюю работу дано ему 43 к. да за Алексія ему-жъ заплачено 40 к. За зроблене мнѣ двохъ шапокъ и третей панян дано Максиму шапошнику 1 р. 5 к. На шовкъ, шнурокъ и свѣчки 11 к.

24. Свѣчарцѣ, що лоіови свѣчи дѣлала, 12 к. Отець Патермуфій, городничій лиціцкій прислалъ куфу пива чрезъ своего служителя, которому и подводчикамъ дано 36 к. Сотники волоскіи, гарцовскій и пятовскій ¹⁷¹⁾ принесли 3 гусей, 4 курей и полтори копи

¹⁶⁹⁾ Лищичская волость (села Лищичи—суражскаго уѣзда) принадлежала кievской лаврѣ и управлялась, какъ и другія, монахами-городничими.

¹⁷⁰⁾ Богданъ Ивановичъ Пассекъ—одинъ изъ членовъ генеральнаго суда, отецъ извѣстнаго бѣлорускаго генераль-губернатора Петра В. Пассека.

¹⁷¹⁾ Села Гарцовъ и Пятовскъ—стародубскаго уѣзда. Какъ видно, въ это время еще существовала особые сотники > волоскіе <, вѣдавшіе тѣхъ > волоковъ <, которые, заходя въ Малороссію съ конца XVI в. съ военными отрядами, оставались здѣсь и селились частью между мѣстнымъ народомъ, а частью отдѣльными селами.

яедъ. Панъ сотникъ топальскій 5 паръ оробковъ. Писалъ до п. обозного, полковника стародубовскаго и послалъ указъ ясневелможного, присланный по челобитю п. Валкевича на полковника Дурова Розышло съ розницю 20 к.

25. Въ сей день Свѣтлаго Воскресенія и Благовѣщенія на всенощномъ были въ церквѣ нашей приходской; службы Божой слушалъ въ соборѣ и былъ у полковника, обѣдали у паней матки. Послѣ обѣда были у полковника-жъ, да у маіора Пущина, а послѣ знову у паней матки.

26. Кравцамъ погарскимъ за роботу двохъ кунтушовъ паней да мнѣ кунтуша и кафтана и за пошите кунтуша-жъ, да за ризы 2 р. 10 к. Сего числа весь день гуляли у полковника, а послѣ вечеромъ были у п. Федора Ширая, где капитанъ гваріѣзонный съ офицерами інгермоландскаго полку поссорился. Сего-жъ числа привезень мнѣ одъ п. Борковского, при писмѣ, казанъ мѣдный съ трубами, въ которомъ со всемъ вѣсу 53 фунта. Майстратовые и цехы приходили съ хлѣбомъ святочнымъ, въ томъ числѣ одъ двохъ цеховъ положено 45 к.

27. Весь день были въ домѣ и обѣдали у мене поручикъ и прапорщикъ гваріѣзонные. Вечеру былъ у п. Стефана Ширая съ хлѣбомъ.

28. Обѣдали и весь день гуляли у п. Григорія Скорупы. Черезъ прошедшіе святочные дни розышло съ священникамъ, дякамъ и прочимъ поздравителямъ 3 р. 50 к. Сего-жъ числа присланы черезъ козача Козла отъ шинкара чаусовскаго Ноздри шинковухъ денегъ 5 р.

29. Стефанъ съ войтами перегоновскимъ и чубаровскимъ приѣздили съ поклономъ святочнымъ и положили мнѣ 1 р. 20 к. Да Стефанъ привезъ осѣнныхъ денегъ 3 р. 50 к. и съ шлякву перегонскаго 1 р. Тимохъ коваль за добой сина его положилъ 50 к. Запложено за два гарца вина крымскаго, що передъ симъ на вѣру брали, 80 к. Сего-жъ числа отехалъ до Лищичъ и конѣ здѣлали причину подъ Кустичами, а потомъ прибылъ въ Лищичи и тамъ

»Вологаны« поселено въ первой половинѣ XVII село Волосковичи въ Сосницкомъ уѣздѣ; ими-же должно быть поселено и стародубское село Кустичи Вологитины, т. е. Кустичи волошскіе, названное такъ въ отлічіе отъ другаго стародубскаго села—Кустичъ Бряновыхъ, поселеннаго должно быть выходцами изъ Брянска.

ночовалъ, да туда-жь прибыли п.п. Якимовичъ, асаулъ полковный и Михайло Голембiовскій зъ женами.

30. Тамъ-же въ Лищичахъ обѣдали, а по обѣдѣ возвратился въ Стародубъ.

31. Рано былъ у полковника и видѣлся въ первый разъ зъ полковницею, прибывшею зъ Москвы сего мѣсяца 29 дня позно.

Априль.

1. Были на крестинахъ въ домѣ паней Березовской, у пана Марка Марковича, сына подскарбіевого, которому сынъ родился Иванъ, 28 числа прошедшого мѣсяца, а оному восприемниками были панъ Федоръ Ширай и панъ Скоруппина; тамъ дано бабѣ 10 к. Сегожь числа возвратившійся зъ Кіева Семень привезъ ко мнѣ писма отъ отца Негребецкого и писаря печерского отвѣтвіе въ дѣлѣ о намѣстнику чолнекомъ, такожь отъ архидіакона софійского.

2. Писаны писма въ Глуховъ за п. Лисаневичемъ до п. Скоропадского и до п. Юркевича зъ комплементомъ. Емужь данъ 1 р. За возъ уголя дано 14 к. Да взято у Федора Инченка железа 3 каменѣ и 5 фунтовъ.

3. Писаны писма до Уріяла подканцеляриста въ Москву, да до Николая Павловича Крестича; при писмѣ посланы 10 р. денегъ, у Трусевича доправленныхъ и одправлены для пересылки до п. Юркевича; такожь и до п. Скоропадского писаль зъ посылкою листа одъ п. Валкевича. Сегожь числа дано срѣбро Антону золотарю на роблене килѣха (чаши) вѣсомъ 21 лотъ и 3 золотника. Да емужь до прежде данныхъ въ позіку 30-ти копѣекъ дано 20 к. въ заработокъ.

4. Писано до графини въ Топаль о выдачи цыганки и зъ тѣмъ писмомъ посланъ Антонъ Довъ. Вчора вечеромъ былъ я на квартерѣ у поручика інгермонладского полку Ігната Михайловича, зъ которымъ довольно посидѣлъ и розговоровалъ, а сего числа былъ у п. Авдрея Миллашевского. За медь, у Ляшкихъ передъ симъ братьей, 17 к.

5. Вѣхалъ зъ Стародуба къ Архиповцѣ¹⁷²⁾ для розыску въ дѣлѣ о млиніхъ козаковъ Рубаленковъ и прибылъ въ 9 часу до Буды, маестности п. Корецкого тестя моего. Въ домѣ при отездѣ дано

¹⁷²⁾ Село новгородъ-сѣверскаго уѣзда.

25 к. Одтоль віехавъ въ 2 часу по полдни, прибылъ въ Архиповку въ 7-мъ часу и тутъ первой заехалъ до п. Пекалицкого, потомъ сталъ квартирою у священника архиповского отца Григорія Холинского.

6. Начали производить слѣдствіе и ездили для осмотра греблѣ Рубайленковъ и подтопленныхъ грунтовъ архиповскихъ. Обѣдалъ въ квартирѣ.

7. Обѣдали у п. Пекалицкого, да сегожь числа и Мовчанъ допрашиванъ по дѣлу Рубайленковъ оуніверсалахъ и о протчемъ.

8. По службѣ окончили и подписали слѣдствіе и обѣдали у п. Косовича, где подарено мене и хусткою, потомъ отехали до п. Славуцкого въ Леоновку¹¹³⁾, у которого и ночоваль.

9. Рано одтоль віехавши, немного позабавился въ Курковичахъ, а оттуду посхавши, заездилъ въ дворъ п. Микашевского понуровский, да и въ Буду, и приехалъ надъ вечери въ Стародубъ; въ той поездѣ розышло 36 к.

10. До Стефана писано о Петроку и о протчемъ и до егожь послалъ денегъ 1 р. на расходъ дворовый. Получилъ писма зъ С. П. Бурха одъ п. Горленка, при которыхъ и одъ графа Гаврила Владиславича до жены его присланное вручилъ п. Кровницкому, при своемъ особливомъ писмѣ.

11. Розышло на розницу 23 к.

12. Куплено свить двѣ для Параски и для баби, и запаску, дано 94 к.

13. Розышло на розницу 50 к.

14. За зроблене ключика до клевѣкорда, которій подарилъ мяѣ п. Искрицкій, дано 6 к. Давъ до оковни ящикъ на каламаръ, за которого роботу заплачено свѣцарю 8 к., на желѣзо 2 в.

15. Принималъ у себе гварізонныхъ капитана, поручика и прапорщика зъ женами. Розышло на мясо 26 к., на вино 86 к., за медъ 38 к., на сало до платя и на проч. 5 к. Ввечерѣ были зъ поручикомъ Поляевымъ у кума Никифора на крестинахъ и дано одъ папеш 30 к., одъ мене 50 в.

16. Писано до п. Юркевича подъ вчерашнимъ числомъ, о томъ, чтобъ далъ вѣдомость, кто зъ Печерского былъ зъ свѣточнымъ при-

¹¹³⁾ Деревня стародубскаго уѣзда.

вѣтствіемъ въ Глуховѣ, и включенъ пакетныя для отсылки къ Москвѣ одъ маіора Пуцина. Дано свѣцарю въ заработокъ 20 к. Умовленъ слюсарь дѣлать карабиновъ пару за 6 р., а особливо на мосіонъ давать же конты; которому взадатокъ и данъ 1 р.

17. За 9 мѣховъ сѣчки 13 к., за курицю 3 к., на медь 2 к., Макринѣ на полотно 24 к.

18. Были у мене на обѣдѣ невѣстка полковничая и дочка, такожъ князь Яковъ Александровичъ Щетинъ, капраль ризского драгунского полку. Розышлося на розницю 5 к. Привезено зъ Перегону денегъ шинковыхъ 6 р., одъ шинкаря перегонской Марьи Олейницы рублей 3, а прежде о святкахъ отъ еиѣ привезенъ 1 р. отъ куровского шинкаря Харитона паламаря 2 р. отъ чубаров-свого шинкаря Степана Клесунового 1 р.

19. Шевчисѣ, що у пана тестя въ дворѣ живетт, дано 24 к., на мясо 10 к., на медь 4 к.

20. Даны въ нараву Евдашки, слюсара погарского, сыну, шабля, круцики, замковъ 2 нѣмецкихъ отъ дверей, замковъ одъ скринь; и емужъ дано до заработку 50 к., кромѣ зайшлихъ прежде за него 1 р. 30 к. За пошите свиты Парасцѣ 6 к. Даны тратись цехмистру ткацкому обруси, за которые одъ локтя по 8 к., полотна—одно по 2 осмаки въ 20 пасомъ, другое въ 18 пасомъ, по 1-й к. одъ локтя. Дана отцу Алексію цукру голова и чаю. Маляру за обмалюване доски до карети 4 к.

21. На мясо и проч. 19 к. Ковалямъ, що оковали коляску открытую, 50 к. Обѣдалъ у насъ сотникъ полковный Галецкій, а послѣ я мился въ лазнѣ у отца Алексія Халкидонского, потомъ у панаи тещи былъ. На медь 9 к.

22. Обѣдали у полковника нашего зъ маіоромъ Пуцинымъ и другими офицерами інгермонландского полку. На мясо дано 10 к. Одправленъ въ Перегонъ мельникъ печениковскій Иванъ, чрезъ которого писалъ я до Стефана.

23. Обѣдали у мене панаи матка, да три поруччика інгермоландского цолку Полянскій, Толбузинъ и Порошинъ и весь день у мене пробавили, а вечеромъ былъ я на Березовициѣ¹⁷⁴⁾ и тамъ видѣлся зъ п. Андреемъ Миклашевскимъ и паниею его, зъ Корса-

¹⁷⁴⁾ Хуторъ около г. Стародуба, принадлежавшій Миклашевскимъ.

комъ и сestroю его, и велми пьяный отгуду пріехалъ. Розышлось на мясо и проч. 29 к. На пиво и медъ 25 к. На вино 20 к.

24. Весь день пролежалъ зъ похмеля и никуда не выходилъ зъ дому, только заездилъ ко мнѣ пожегнатыя поручивъ Полянскій.

25. Былъ въ канцеляріи и на майстратѣ, а обѣдалъ въ домѣ купно зъ панею маткою.

26. Панѣ Иванова Борознича была у мене въ домѣ и Пузириха за своимъ дѣлами. Дано за три барыи (вальки) до колясогъ 6 к. Антону Дону данъ 1 р. за псалтирь и на дорогу.

27. Данъ рубль 1 Василию на покушку его нуждъ, да куплено 4 колеса и двѣ оглоблѣ, дано 14 к.

28. По отправленію въ соборѣ молебствія благодарственнаго о коронаціи ея імператорскаго величества, обѣдали приватно у полковника, а послѣ былъ я зъ женою у маіора господина Пушкина и у п. Федора Ширая. На мясо дано 12 к., на пиво 4 к.

29. Панъ Федоръ Ширай, отезжая въ Глуховъ, заездилъ ко мнѣ и простился. Послѣ обѣда былъ у мене маіоръ Щупинъ зъ маіоршею, поручики Бунаковъ и Бурдаковъ да прапорщикъ Скоратинъ и п. Скорупца и долго пробавились. На вино пошло 40 к.

30. Рано былъ у мене Василь Ромаковичъ, зъ которымъ довольно разговаровали о скупленныхъ въ Случку мужикахъ и о прочемъ; онъ же подаль мнѣ и писма одъ п. Покорского старого. Прибылъ въ Стародубъ г. генераль квартермѣйстеръ лейтенантъ фонъ Штофель для занимаія лагеровъ для войскъ въ полку старод. Отъ отца Варсонофія, намѣстника свѣнскаго, прислалъ мнѣ служатель его, финжалъ фарфуровый и мисочку болшіе, гостинца. Розышлось на розницу 5 к., за виправу лисицѣ 3 к.

Май.

1. Писано писмо подъ вчерашнею датою до г. Пасека въ Глуховъ, зъ благодарствіемъ за неоставленіе корреспонденціею. За обмалюване клевикорда 12 к.; еще 3 к. Писаны писма въ Глуховъ подъ датою прошлаго апр. 27, до п. Скоропадского, до п. Юркевича, и подъ нынѣшнею—до п. Лисаевича.

2. Обѣдали у мене п. тестъ и поручикъ Бунаковъ, а послѣ обѣда былъ я у г. фонъ Штофеля, потомъ у капитана Петровского. Отправлено писмо до отца Варсонофія, намѣстника свѣнскаго, чрезъ

служителя его съ благодарствіемъ за неоставленіе въ визитѣ и за присылку чашокъ.

3. Въ обѣднѣ были у праздника въ церквѣ Вознесенія Господня, а потомъ заездили до п. Скоруппы, а обѣдали у мене капитанъ Петровскій съ женою, послѣ обѣдажъ былъ у менежъ г. генераль лейтнантъ квартирмейстеръ фонъ Штофель. На мясо и проч. пошло 19 к., на вино 20, на пиво и медъ 19 к. Сего числа противъ завтрашнего, по полуночи въ 1-мъ часу, учинился пожаръ въ городѣ Стародубѣ, одъ которого многіе дома, въ томъ числѣ и войсковой дворъ и ратушь згорѣли, а иные, отбороняючи одъ пожара, поломали.

4. У насъ обѣдали п. Валкевичъ и пацѣ Тимофіева Жоравкова, которая изъ своими пожитками одъ пожару въ домъ нашъ ввезлася.

5. На мясо пошло 16 к. Кровь пуцаль зашкурную. Дано цѣлюрику 4 к. Посланы писма и крѣпости до п. Скоропадского такожъ писма до п. Юркевича чрезъ Гриневича, сторожа полкового.

6. Нигдѣ съ дому не бываль, ради случившейся слабости. На мясо 6 к.

7. Хлопцю полотна на испулю 9, к. на діоготь 5 к.

8. Послѣ раннего обѣда отехалъ къ Катапиискому монастыру и по дорогѣ былъ въ Нижніомъ и видѣлись съ панею Андріевою, потомъ у графинѣ въ Топалѣ и тамъ одѣвши, полдень поехали до монастыря и прибыли туда позно, где дали намъ келію у отца Дружины и вечеромъ видѣлся съ отцомъ архимандритомъ тамошнимъ—Давидомъ.

9. По одслушанной позной службѣ, обѣдали въ трапезѣ, а потомъ гуляли въ келіяхъ архимандричихъ, послѣ же и за монастыремъ надъ ліодовнсю, а далѣе пожегнавшись, отехали я съ женою до п. Василія Велинсого въ Манюки ¹⁷⁸⁾, а прочіе на Топаль. Въ переездѣ до монастыря и въ монастырѣ розышлося 1 р. 50 к.

¹⁷⁸⁾ Село Манюки, новозыбковскаго уѣзда, въ 1708 г., отдано было съ разрѣшенія Мазепы, стародубскому хоружему Федору Скоробогатому, по смерти котораго вдова его продала Манюки генеральному писарю Савичу. Шлеминицкѣ Скоробогатаго Василій Велинскій, получивъ урядъ стародубскаго хоружества, сталъ спаривать Манюки у Савича, по послѣдній не обращалъ вниманія на этотъ споръ, пока не попалъ, по Цалуботковскому дѣлу, въ петропавловскую крѣпость; восполь-

10. Въ Манюкахъ обѣдали, где хозяинъ подарилъ сыну моему лисицу, а тудажъ по обѣдѣ прибыли отецъ архимандритъ Давидъ и панъ Скоруппина зъ п. Искрицкимъ и сожительницею его. Отецъ же архимандритъ подарилъ мнѣ и сыну двѣ книжки латинскіе. Отдоль одехавши, ночовали въ Кривцѣ, въ дворѣ п. Федора Савича.

11. По ранномъ обѣдѣ зъ Кривца виѣхали и прибыли коло обѣда въ Тональ и тамъ позабавились годинъ нѣсколко, отехали до Медведова, где такожъ забавльшись нѣсколко часовъ, поехали прямо до Стародуба и прибыли въ домъ о 12-мъ часу по полунощномъ. Умовлень столъ робить и дано въ задатокъ 20 к.

12. Весь день пробавляъ въ домѣ маляра, уговоренного маліювать тарадайку, и дано ему въ задатокъ 50 к.

13. Въ сей день Пентикостія (цятидесятницы) набоженства слушали въ церквѣ Святого Духа и обѣдали у панси-матки, а вечеромъ въ домѣ и прибѣрались для принятія гостей.

14. Послѣ набоженства были въ домѣ моемъ на обѣдѣ полковникъ зъ женою своею, п. Скорупца зъ женою же и прочіе мужеска и женска полу. Пошло на мясо 75 к., кухару 60 к. За пол-ока бѣлого соку 15 к., за сулейку черного соку 20 к. Капитану Петровскому даны 2 р. За лой Бразкупу давній 40 к.

15, 16, 17—пробавили канцелярскими дѣлами.

18. Вибравшись послѣ полдня, виѣхаль зъ Стародуба до Перегону и заехалъ первой до Левенки, а послѣ прибылъ о полночи въ Перегонъ.

19. Весь день пробавляъ въ Перегонѣ и былъ на Беявицѣ и на футорѣ Василювскомъ.

20. Обѣдали и весь день пробавили въ Борщевѣ у п. Григорія Гамалин, а оттоль отехавши были за Ворою и осматривали грунту зъ Лукинцями розеханного, тамъ же и жита посѣянаго осматривали; а ввечеру были у мене Леонтія Галецкій зъ женою и вечеряли.

21. Обѣдали мы у Леонтія Галецкого, а послѣ обѣда приехалъ ко мнѣ атаманъ погарскій и другіе. На нитки фарбованные дано

заваньясь этимъ моментомъ, Велинскій поѣхаль за Манюками въ Петербургъ и здѣсь по мировой съ Савичемъ, писанной 25 сентября 1725 г., въ крѣпости, добили, что Манюки были отданы ему, какъ наслѣдство его дяди.

6 в. Сего числа отобралъ я у Ноздры, шинкаря чаусовскаго, шинковхъ грошей рублей 12, и квитанція ему дана. Да у Стефана старосты перегонскаго 3 р. за коня Триносенкомъ приведеннаго, злодѣйскаго.

22. Приѣздилъ ко мнѣ Петко съ женою въ Перегонъ, и принесъ сома свѣжого, такожь былъ попъ николаевскій села Любца, волости дворцовой Артемонъ Федосіевъ о пропажи 28 брусомъ его дубовыхъ. П. Леонть Галецкій далъ на 26 осмачомъ жита обліггъ. Сего числа Мойсея Жорова побилъ Романовичъ въ Случку. Віехалъ съ Перегону послѣ полдня и тамъ при віездѣ дано 20 в. Ночовалъ въ Случку у бурмистра Хоменка.

23. Оттоль рано віехалъ, прибылъ въ Стародубъ рано и былъ у полковника, которій поехалъ на встрѣчу генерала маіора Артемія Григоріевича Загряжскаго. Дано малярю, малюющему таратайку, еще 60 к., да слесарю, которій штурмами дѣлаеть, еще 1 р. Студентамъ 10 к. Отобрано у ткацкаго цехмистра полотно, которое ткалось въ 20 пасомъ локотъ $71\frac{1}{2}$. Писано писмо до Константія, брата сотника золотоношскаго, стороны г. генерала лейтнанта квартирмейстра Федора фонъ Штофеля.

24. Петру Триносенку данъ въ заплату службы его годовои, що наняли его до двора Куровци, 1 р., а передъ симъ даны емужъ дворовые чоботы. Сего числа заведенъ караулъ въ дворъ п. Миклашевскаго, где полковникъ стоялъ, и оттоль полковникъ віехалъ въ Андриенковъ дворъ за городъ, а оный дворъ очищенъ и занятъ въ квартеру г. генералу Загряжскому.

25. Отданы 15 р. п. Федору Шираю, которые онъ давалъ мнѣ въ С. П. Бурхъ на покупки, а паней Скоруппиной отданыжъ 2 р. У Федора Янченка взялъ 5 р. въ задатокъ на пенку. Нанялъ работниковъ до направки коморы, котормъ давать на день по 8 к. и харчъ, и уже даны имъ 16 в. По полдни въ 4-мъ часу приехалъ въ Стародубъ г. генералъ маіоръ и кавалеръ и воинскій инспекторъ Артемій Григоріевичъ Загряжскій и сталъ въ дворъ п. Андрея Миклашевскаго. Отдана моя пенка въ важницю, которой заважено 7 берковецъ и два пуды, и отдана на руки Федору Янченку по 5 р. берковецъ, итого за 36 р.

26. Получилъ вчорайшого числа указъ съ суда войскаго енералнаго о поездѣ въ села монастыря новгородскаго. Даны малярю

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ неизменно 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день раздается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное получеіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ четко написанной адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполучеіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ озвонъ изъ княжескихъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже получеіа или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если въ жалобѣ предложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о переизмѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такою разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За переизмѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятидесять коп.*, а при переизмѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопеечныя маркі.*

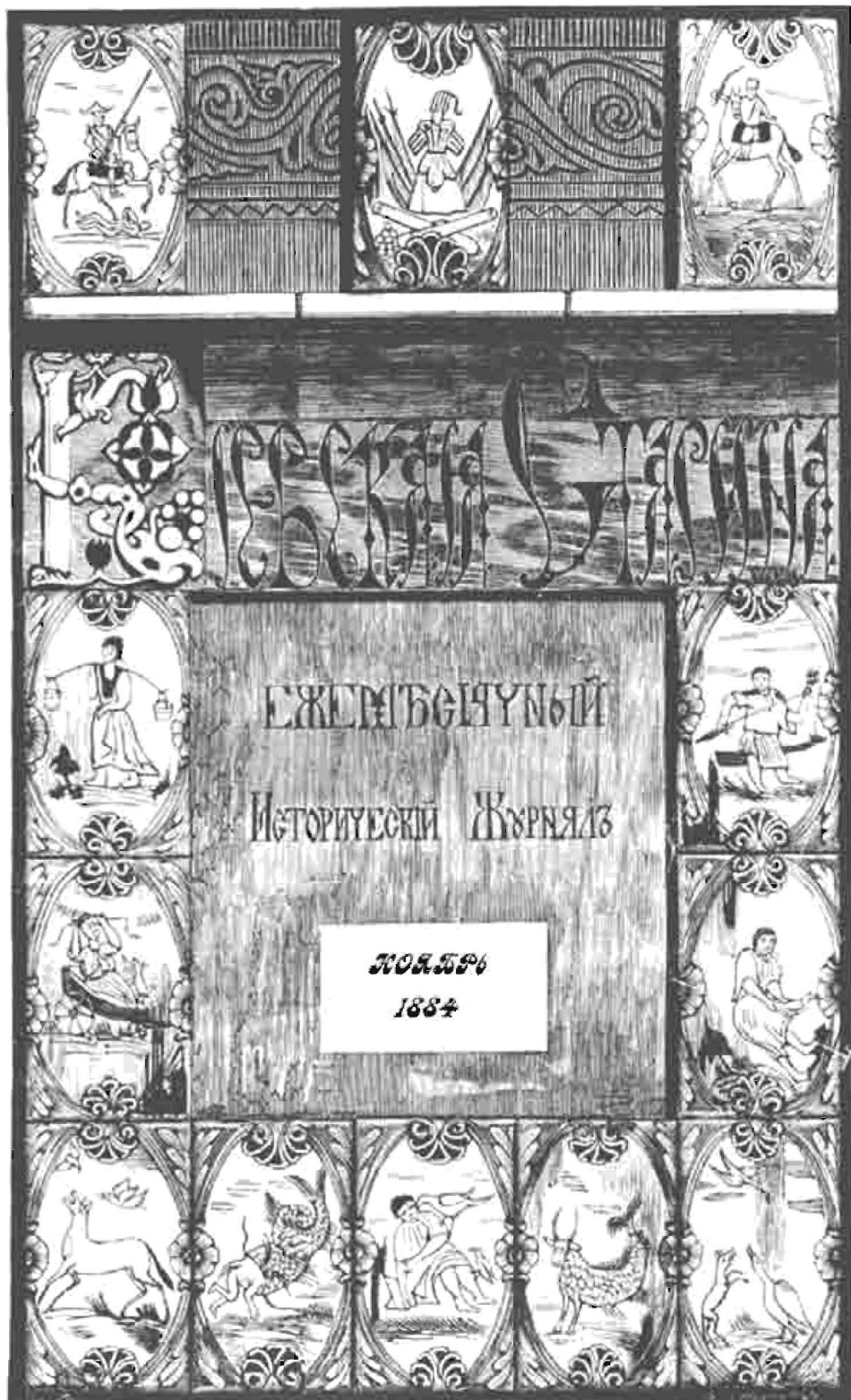
Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Треть-святытельская улица, № 8-й*), въ княжескихъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Дантера, Дьяконова и Малецкого въ Кіевѣ и др.

Подателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, общаются редакція.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно четкой периллѣ, безъ особнхъ поправокъ, и непременно съ полами, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно сбирати съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затѣрялись какія либо книжки «Кіевской Старины» предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1884 г.

	СТР.
I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ. (Историко-этнографическія замѣтки). <i>(Продолженіе)</i> . И. Житецкаго	371
II. ЦЕРКОВЬ И ВИЗАНТІЙСТВО. Ор. Миллера	419
III. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА А. Я. СТОРОЖЕНКА	447
IV. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА. (Род. 1676 г. ум. 1727 г.). <i>(Продолженіе)</i>	478
V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПИТУНДЫ НА ЮГѢ РОССИИ. <i>(Продолженіе)</i> . П. Л—ва	499
VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Д. Я. Самоквасовъ. Исторія русскаго права. Вып. II. Происхожденіе славянъ. Происхожденіе русскіхъ славянъ. Варшава. 1884 г.—М.—б) Исторія университета св. Владиміра. Сост. орд. проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Т. 1. Кіевъ. 1884 г.— <i>К. Цыбульскаго</i> .—в) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть вторая. С.-Петербургъ. 1884 г.— <i>И. Малишевскаго</i> .—г) Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія. Выпускъ I. Лазарь Барановичъ. П. О. Сумцова. Харьковъ. 1885 г.— <i>О. П.</i>	509
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи газетно-журнальнаго дѣла въ Кіевѣ.— <i>В. Науменка</i> .—б) Давно забытая древнѣйшая кіевская святыня.—в) Сосѣдственно-пріятельское письмо Богдана Хмельницкаго къ царю Алексію Михайловичу.—г) Изъ письма въ редакцію о ибменко-хотлацкой итундѣ.— <i>Бориса П—скаго</i> .—д) Еще объ одномъ портретѣ князя Боровиковаго.— <i>В. Чевижевскаго</i> .—е) Изъ народныхъ разсказовъ о кладѣ.— <i>О. Р. К—во</i> .—ж) Оtvѣтъ малороссійскихъ козаковъ украинскимъ слобожанамъ.—з) Савраджика. (Пѣсня).— <i>Сообщ. Алексѣй Гробиши</i>	529
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) <i>(Продолженіе)</i>	113—128
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старинны“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ. Открыта подписка на 1885 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

Н О Я В Р Ъ .

1884 г.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПОДПИСКА
на ежемѣсячный историческій
ЖУРНАЛЬ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“
ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ КІЕВѢ.

1885-й годъ.
(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналь «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и подъ тою-же редакціею.

По трехъ-лѣтнему опыту нашего изданія наши постоянные читатели могли удостовѣриться, что оно остается вѣрнымъ той скромной задачѣ, которую намѣтило для себя при самомъ началѣ, т. е. разработкѣ мѣстной исторіи. Но самая мысль о необходимости спеціальной разработки южно-русской исторіи для пополненія и расширенія нашей общей исторической науки возникла сравнительно недавно и прививается въ обществѣ, да и въ самой наукѣ туго и медленно. Успѣхъ нашего изданія стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ и укрѣпленіемъ этой мысли въ сознаніи общества и дѣятелей науки. Въ какой мѣрѣ способствовало этому само наше изданіе, судить не намъ; но мы не могли не видѣть въ теченіи трехъ

II.

лѣтъ возрастающаго сочувствія и довѣрія къ нашему труду, обогащавшихъ портфель редакціи новыми статьями и матеріалами, а отсюда заключаемъ, что и самый трудъ нашъ не безуспѣшенъ. Успѣхъ этотъ идетъ, правда, медленно, въ размѣрахъ скромныхъ; но успѣха быстрого мы и не ищемъ, а въ самой постепенности его усматриваемъ залогъ его прочности.

Съ такими мыслями мы приступаемъ къ началу новаго, четвертаго года изданія, выражая живѣйшую нашу благодарность всѣмъ постояннымъ и случайнымъ нашимъ сотрудникамъ и надежду, что они не оставятъ насъ своимъ сочувствіемъ и поддержкою и въ наступающемъ году.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 р. 50 к. На заграничную пересылку прибавляется 1 р.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію «*Кіевской Старины*», *Кіевъ Трехъ-священительская ул., д. № 8-й*. Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 г. высылаются редакціею по той-же цѣнѣ.

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе)¹⁾.

ГЛАВА 5-я.

Иностранцы въ южной Россіи XII—XVI в.

Литово-польское завладѣніе южно-русской страной, вліяніе котораго на социальнo-бытовыя формы кореннаго населенія мы уже видѣли, имѣло и другое, не менѣе важное значеніе: *при подчиненіи южной Руси иноземной власти усилилась инородческая колонизація на ея территоріи*. Кромѣ представителей политико-административной власти въ краѣ — литовцевъ-поляковъ, въ предѣлах южной Руси началось переселеніе и другихъ инородцевъ: нѣмцевъ, евреевъ, молдаво-валаховъ и пр. Особенно сильна была такая колонизація въ польской половинѣ. Хотя въ эпоху татарщины Галиція, какъ провинція болѣе отдаленная отъ татаръ и болѣе самостоятельная (особенно при Даниилѣ Галицкомъ), потеряла туземнаго населенія менѣе другихъ южно-русскихъ областей и въ то-же время вознаграждала эти потери привлеченіемъ населенія изъ другихъ сосѣднихъ странъ; но много мѣстъ даже и здѣсь обезлюдѣло и оставалось пустою²⁾, благодаря тому, что татары не переставали

¹⁾ Сл. «Кіевскую Старину» 1884 г., сентябрьск. кн., стр. 1—26.

²⁾ Съ водвореніемъ поляковъ въ краѣ во второй половинѣ XIV, даже въ XV в. пустыя мѣста находились напр. въ долинѣ Суходоль на Свискѣ, окрестно-

врываться отдельными группами въ край и дѣлать опустошенія. Польша, въ интересахъ прежде всего экономическихъ (что формулировалось тогда словами: «ижь бы люди осѣдали и платы бы наши намъ ся повышались»¹⁾), стремилась всегда повысить плотность населенія и потому открывала двери въ свою страну для иноземныхъ поселеній, вслѣдствіе чего иноземная колонизація земельвѣдѣльческая, торгово-промышленная и даже земледѣльческая, широко волною вливалась въ теченіи всего польскаго періода въ западную половину южной Россіи въ видѣ поляковъ, прѣмцевъ, молдованъ и пр. Однако собственно соціально-политическія причины имѣли сравнительно малое значеніе на ростъ иноземной колонизаціи въ литовско-польской половинѣ: этимъ путемъ въ первое время поселялись на южнорусской территоріи лишь литовцы и татары, и только во вторую половину періода, когда влияние Польши сдѣлалось ощутительно для политической судьбы края, увеличивается инородческая колонизація, какъ въ разнообразіи представляемыхъ народностей, такъ и въ количествѣ самыхъ переселенцевъ.

Но въ дѣлѣ инородческой колонизаціи литовско-польскаго періода рядомъ съ политическими причинами стояли и другія, не менѣе важныя; главныя изъ нихъ: *религіозная пропаганда* и *торговля страны*. Оставляя пока разборъ первой²⁾ изъ этихъ двухъ причинъ, мы скажемъ, и то только нѣсколько словъ, о второй.

Какъ извѣстно, южную Русь въ то время пересѣкали два главныхъ торговыхъ пути: одинъ по Березинѣ и Днѣпру, а другой

стл Вербжа до устья Щарки (въ Днѣстръ) и по этой рѣкѣ дѣлами жили, окрестности р. Созань, впадающей въ Днѣстръ ок. Самбора, околицы ок. Пустрыня и надъ р. Утеранъ ажъ по Коломию... Также на Подольѣ вездѣ опустѣвшія села, корчмы и дворы». Szaran., «Rus» et saet., стр. 52—53.

¹⁾ Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. II, стр. 72.

²⁾ Какъ въ «литовско-польскій», такъ и въ предшествовавшій «лѣтописный» періодъ немаловажнымъ условіемъ вообще въ этнологической жизни южноруссовъ было *влияніе религіозное*, какъ по самому своему ученію, духу, такъ и по явочисленнымъ представителямъ различныхъ религіозныхъ пропагаторовъ; но мы, въ интересахъ цѣльности и единства вопроса, религіозную сторону южнорусской жизни (за все время съ IX и по XVIII в.) рассмотримъ въ той главѣ, когда ролягія получаетъ въ край политическую роль и представляется не отдельными лицами или сословнымъ разрядамъ, а цѣлымъ народомъ, и когда она является однимъ изъ главныхъ мотивовъ борьбы за національную самостоятельность.

по Бугу и Днѣстру¹⁾. Сѣверныя оконечности обонхъ путей, находясь въ непосредственномъ владѣніи пѣмцкихъ рыцарей, сливались съ Балтійскимъ моремъ, тогда охваченнымъ торговлей ганзейскихъ городовъ, а южныя, проходя черезъ область кочевыхъ татаръ Новороссіи, примыкали къ Черному морю, на которомъ торговыми монополистами были тогда итальянцы—генуэзцы и венеціане. Взаимное перемѣщеніе товаровъ ганзейскихъ городовъ и балтійскихъ пѣмцевъ съ сѣвера на югъ и татарскихъ и итальянскихъ съ юга на сѣверъ—представляетъ преобладающій видъ торговли. Къ безрешиднѣпровскому и днѣстровско-бугскому торговымъ путямъ примыкали въ роли подвозныхъ дорогъ болѣе второстепенныя рѣчныя или сухопутныя пути—изъ Венгріи, Седмиградіи, изъ Польши, Великаго Новгорода, Москвы и пр. Кромѣ того проходила еще черезъ страну съ запада на востокъ большая торговая дорога изъ Азіи въ Европу. Такимъ образомъ, указанныя пути дѣлали южную Русь торговой страной для всѣхъ обрѣзающихъ ее народностей: на югѣ, кромѣ итальянцевъ и татаръ—греки (позже турки), молдаво-валахи и венгры, а на сѣверѣ, помимо пѣмцевъ, поляки, западно и сѣверноруссы (новгородцы и москвичи). Каждая изъ странъ перечисленныхъ народностей принимала участіе, какъ въ лицѣ своихъ торговыхъ представителей, такъ и цуевая въ торговый оборотъ предметы производства своей страны²⁾.

Значительная часть товаровъ переходила черезъ страну, по часть оставалась на пути, какъ въ виду существованія въ средѣ обитателей запроса на привозимые предметы, такъ отчасти благодаря искусственнымъ мѣрамъ. Правительство южной Руси, глав-

¹⁾ Шаран., стр. 146, 196.

²⁾ Изъ Молдавіи или: рогатый скотъ, лошади, овцы, бѣлки, кожа; изъ Седмиградіи серебро въ оправѣ, воскъ и куны мѣха; изъ Венгріи вина, изъ Греціи рыба и «грѣцкій квасъ»; изъ Азіи и Татаріи—хлопокъ, ладанъ, лимоны, малвазія (родъ вина), шелковыя матеріи, конская сбруя, конры и вообще такъ называемыя *татарскіе товары* (Szagan., стр. 104—106); отсюда-же, а позже изъ Азіи, черезъ посредство Цареграда—восточныя издѣлія изъ кожи: сафьялъ, «тижки и тебенки» и восточныя пряности: перецъ, дзидзиваръ и шафранъ (Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. I, 1407); изъ Москвы «коштовныя товары», отъ Балтійскихъ пѣмцевъ сукна и проч. товары (Шаран., стр. 196); изъ Польши—соль.

нымъ образомъ польское, видѣло въ торговлѣ не только средство удовлетворенія потребностей населенія и обогащенія городскихъ классовъ, но и одну изъ прибыльныхъ статей фиска, поэтому не переставало заботиться о ходѣ торговли. Заботы правительства касались удобствъ передвиженія ¹⁾ и безопасности провозимыхъ товаровъ ²⁾, привлеченія внутрь страны иностранныхъ торговцевъ ³⁾ и *регулярованія торговли*. Последняя мѣра выражалась въ опредѣленіи торговыхъ путей ⁴⁾, по которымъ должны были двигаться торговые караваны, и въ обозначеніи торговыхъ пунктовъ, гдѣ перевозимые черезъ страну товары обязательно должны были продаваться въ теченіи опредѣленнаго срока и лишь по истеченіи его передвигаться дальше ⁵⁾. Вся торговля находилась въ рукахъ иностранцевъ ⁶⁾: нѣмцевъ, армянъ, евреевъ, молдаванъ, татаръ и пр.

Туземное населеніе въ это время часть своихъ силъ, оставшихся болѣе или менѣе свободными отъ производства предметовъ

¹⁾ Такъ, въ видахъ безпретятвеннаго сообщенія по рѣкамъ, большія рѣки на Русѣ и въ Польшѣ, наприм. Днѣстръ, Бугъ, Санъ, Вислокъ и т. д. исключались изъ частнаго владѣнія; на рѣкахъ, протекающихъ черезъ частныя земли, запрещалось, подъ угрозою потерн всего имущества, частнымъ владѣльцамъ устраивать безъ разрѣшенія короля заставы и ставилось необходимымъ условіемъ оставленіе прохода для судовъ.—Szapan. «Rus» et caet., стр. 42.

²⁾ Ibid., стр. 147.

³⁾ Ibid., стр. 145—146.

⁴⁾ Въ 1345 г. кор. Казиміръ опредѣлялъ, напр., дороги, которыми купцы изъ нѣмецкихъ городовъ могли-бы ѣздить безопасно и безпретятвенно въ Русѣ и въ Польшу, именно такая дорога шла черезъ Казиміръ и Люблинъ до Владиміра, черезъ Врестъ до Судоміра, также обозначена дорога изъ Торуня въ Венгрію и обратно.—Шаран., стр. 197.

⁵⁾ Со времени русскихъ князей дано было такое исключительное право на склады товаровъ: Львову, Луцку, Володиміру. Польскіе короли подтверждаютъ эти привилегіи. Въ 1365 г. издана была привилегія, чтобы купцы, перевозившіе товары изъ Венгріи, не являлись Кросва, города на галицкомъ Подгорьѣ.

⁶⁾ На сколько торговли въ южной Русѣ овладѣли иностранцы, видно изъ того, что на Русѣ ходила монета польская, русская, чешская и даже венгерская, какъ равнозначущія деньги. (Szapan. «Rus», стр. 108—109). Пошлина (мыто) собиралась: отъ нѣмецкаго веза—четыре гроша, отъ «армянскаго веза» шесть грошей.—Акты относящіяся къ исторіи южной Русси, т. I, стр. 30—32.

первой необходимости, должно было отдавать съ одной стороны на самоохраненіе отъ вѣншихъ враговъ (татарь, поляковъ, нѣмцевъ, молдаво-валаховъ и пр.), которые постоянно врывались во внутрь страны,—съ другой на борьбу (правда, пассивную, въ видѣ безпрестанныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто) съ высшими классами противъ ихъ стремленій къ экономическому, политическому и соціальному порабощенію низшихъ слоевъ. Производительность страны понизилась, даже сравнительно съ до-татарскимъ періодомъ, и вѣншая *оввозная* торговля, которая преобладала въ лѣтописный періодъ, пришла въ упадокъ. Особенно это можно сказать о времени непосредственно слѣдующемъ за татарскимъ нашествіемъ; но чѣмъ дальше отъ начала періода, тѣмъ ростъ производительности страны увеличивается и предметами вывоза являются уже не только сырые продукты, какъ кожи, мѣха, воскъ, медь, сало, масло, лѣсъ и т. п., но и предметы ремесленного производства: такъ изъ г. Львова вывозились косы, ножи, плуги, пояса, сукна, полотно¹⁾; изъ Кіева: луки, стрѣлы, сагайдаки, сѣдла, разные металлическія издѣлія²⁾ и пр. Производящимъ населеніемъ въ странѣ являлись какъ иностранцы, особенно нѣмцы³⁾, такъ и южно-руссъ; первые преобладали въ западной-польской половинѣ, вторые въ восточной-литовской.

Торговля транзитная, а равно и вывозная и внутренняя привлекала въ южную Русь многочисленныхъ инопоземцевъ, которые, само собою разумѣется, скоплялись главнымъ образомъ въ тѣхъ городахъ, которые служили центромъ торговой дѣятельности. Таковыми городами можно назвать Львовъ, Кросно, Черновицы, Каменецъ-Подольскій, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Кіевъ и др. Въ этихъ городахъ существовали цѣлыя колоніи нѣмцевъ, армянь, евреевъ и пр.

Такимъ образомъ, путемъ политическаго завладѣнія страной, путемъ торговой предпріимчивости и промышленной дѣятельности въ южной Руси въ литовско-польскій періодъ скопилось множество инородческихъ элементовъ; здѣсь проживали: татары, литовцы, поляки, молдаво-валахи, венгры, нѣмцы, армяне, евреи, итальянцы, турки, греки, цыгане, сарацины, чехи, западно и сѣверно-руссъ.

¹⁾ Szaran. «Rys» et caet., стр. 104.

²⁾ Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., Кіевъ и пр., стр. 35—37.

³⁾ Szaran. «Rys» et caet., стр. 104—105.

Одни изъ этихъ инородцевъ явились въ край преимущественно по политическимъ тенденціямъ—это татары, литовцы и поляки; другихъ привлекла сюда торгово-промышленная дѣятельность, таковы: нѣмцы, армяне, евреи, итальянцы, греки, западно и сѣверно-руссы; въ поселеніи третьихъ можно отмѣтить тѣ и другіе мотивы, напр. у молдаво-валаховъ, венгровъ и турокъ. Распредѣленіе иноземнаго населенія по территоріи южной Руси было далеко неравномѣрно: польская половина болѣе обильна была иностранцами, чѣмъ литовская; города включали въ число своего населенія болѣе значительный % иноземцевъ, чѣмъ села: въ послѣднихъ находились главнымъ образомъ поселенія только нѣмцевъ и поляковъ и лишь въ незначительномъ числѣ другія народности. Наконецъ, отношеніе различныхъ инородцевъ къ туземцамъ было не одинаково: тогда какъ одни поддавались вліянію кореннаго населенія, ассимилировались съ нимъ, какъ сѣверно и западно-руссы, литовцы и отчасти татары,—другіе, напротивъ, подчиняли своему вліянію южно-руссовъ, какъ поляки и нѣмцы; третьи наконецъ нейтрализировались во взаимныхъ этнологическихъ воздѣйствіяхъ,—армяне, евреи. Помимо такихъ, болѣе или менѣе однородныхъ особенностей, каждая народность имѣла свои индивидуальныя оригинальности—во времени вселенія въ край, въ самыхъ поселеніяхъ, въ этнологическихъ отношеніяхъ къ коренному населенію, что мы и укажемъ при разсмотрѣніи каждой народности отдѣльно.

Съ XIII ст. въ южной Россіи, какъ извѣстно, поселились *татаро-монголы*. Самое близкое къ истинѣ мнѣніе о происхожденіи татаро-монголовъ—мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ нихъ этнографическій конгломератъ, въ основу котораго легли монголы, какъ господствующая родовая орда, а массу составили разные подчиненные народы тюркскаго племени. Сами монголы принадлежатъ къ алтайской группѣ народовъ, представителей которой мы видимъ съ одной стороны въ финскомъ племени, съ другой—въ китайцахъ. Первоначальное мѣсто ихъ жительства было въ центральной монгольской возвышенности отъ южныхъ сибирскихъ горъ до границъ Китая. Въ извѣстномъ отношеніи монголы были народъ цивилизованный, именно съ замѣтнымъ отпечаткомъ китайской культуры. Въ XIII ст. движеніе монгольской орды, захватывавшее на пути изъ Азии разныя народности, достигло предѣловъ южной Руси, гдѣ смѣшалось и

поглотило половцевъ и остатки печенѣговъ¹⁾. Кромѣ воинственныхъ отрядовъ, которые (съ 1237 по 1243 г.) опустошали южную Русь, значительная масса татарскихъ кочевниковъ поселилась въ степяхъ по восточной и южной окраинамъ, въ теперешнихъ малорусскихъ губерніяхъ: херсонской, скатеринославской, таврической, воронежской, Области войска донскаго, почти во всей харьковской, и отчасти хурской, полтавской, черниговской, въ южныхъ частяхъ кievской, подольской губерній и вѣроятно въ аккерманскомъ уѣздѣ бессарабской (въ Буджакѣ).

Послѣ такъ называемаго паденія Золотой Орды образовались между другими двѣ орды: погайская и крымская. Первая возникла въ 1260 г. на лѣвой сторонѣ Днѣпра, вторая гораздо позже (между 1407 и 1411 гг.)—на правой²⁾. Но ранѣе этого здѣсь существовало съ перваго времени нѣсколько отдѣльныхъ ордъ, подъ начальствомъ особыхъ темниковъ, которые наблюдали за покорностью завоеванныхъ странъ³⁾. Такъ въ Низовьѣ образовался обширный улусъ, извѣстный съ XIV ст. подъ именемъ Подольскаго, темники котораго представляли собою верховную власть надъ южно-русскою страной⁴⁾. Отсюда-же, изъ степей, выходили конные отряды татаръ и опустошали изъ года въ годъ то ту, то другую часть южно-русской страны до конца разсматриваемаго періода. Власть татаръ, какъ извѣстно, опредѣлилась не одинаково для всей страны: такъ болоховскіе города, извѣстные подъ именемъ городовъ, «сидящихъ за татарами» или «людей татарскихъ»⁵⁾, были въ непосредственномъ управленіи татаръ; прочія-же области управлялись черезъ посредство русскихъ князей, и ихъ зависимость реально выражалась въ посылкѣ военной помощи татарамъ⁶⁾ и въ платѣ дани, называвшейся «татарщина»⁷⁾ или «ордынщина». Всѣ эти вышнія условія связи татаръ-полюбовъ-съ-татарами-сближали ихъ

¹⁾ Пловайскій, стр. 399.

²⁾ Геряновъ, см. выше.

³⁾ Пловайскій, стр. 399.

⁴⁾ Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 146—147.

⁵⁾ Шапск. лѣтоп., стр. 555.

⁶⁾ Шапск. лѣт., стр. 578, 585, 588 и др.

⁷⁾ Акты, относящіяся къ исторіи южной руси, т. I, 1501 г., стр. 343.

взаимно: частые набѣги татарскихъ шаекъ, при которыхъ неизбѣжно было взятіе туземнаго населенія въ плѣны, перемѣщали часть населенія изъ внутреннихъ областей страны въ среду кочевниковъ, особенно послѣдняя участь постигала женщинъ и ремесленниковъ¹⁾, а собираніе данн обратно вызывало первыя поселенія татаръ внутри страны, среди южно-руссовъ; это были баскаки, которые проживали во всѣхъ областяхъ южной Руси, напр. въ Кіевѣ, въ Давыдъ-Городѣ мпсской губерніи²⁾, въ подольскихъ городахъ и пр. Другой путь для сближенія и потомъ для поселенія татаръ среди южно-руссовъ были совмѣстныя войны: кромѣ указанныхъ уже случаевъ соединенія южно-русскихъ военныхъ силъ съ татарскими, по требованію послѣднихъ, было и обратное явленіе, что татары приглашались на помощь русскими и литовскими князьями³⁾. Обычай приглашенія татаръ для временной помощи перешелъ рано въ содержаніе постоянной стражи изъ татаръ въ городахъ; такъ полки татарскіе служили на дворѣ Льва и въ столичномъ городѣ: «того князя яко прибочная стража поселилася около замку»⁴⁾. Аналогичное положеніе занимали частію и воспо-плѣнные татары: такъ часть татаръ, плѣненныхъ Витовтомъ, образовала изъ себя военные отряды, которые исполняли опредѣленныя военныя обязанности⁵⁾, почему начальники ихъ надѣлены были землями наравнѣ съ прочими землянами страны⁶⁾, а въ XVI ст. они были уравнины въ

1) Шараневичъ, стр. 172, 326. — Рубриковъ, посоль франц. короля, и его товарищи (1255 г.) слышали, что татары «гнѣхъ жителей, которые не въ состояніи болѣе давать золото и серебро, угоняли въ неволю со всѣми ихъ семействами и заставляли пасты свои стада. Татарскія кочевья наполнялись подобными толпами плѣнниковъ изъ разныхъ народовъ, по видуному болѣе всего русскими людьми». — Илов., стр. 402.

2) Арх. Анатолій, «Воспомяваніе о древнежъ православіи западной Руси», 1867 г., стр. 25.

3) Пнастк. лѣт., 1280 г., стр. 581. Шараневичъ, 1852 г., стр. 100, 119, 172. — Chodeniecki, «Historija stołecznego Królestwa Galicyi i Lodomeryi miasta Lwowa. Lwów, 1865 г., стр. 43. Акты, относ. къ ист. южной Россіи, т. 2, 1533 г., стр. 327.

4) Шараневичъ, стр. 119.

5) Ibid., стр. 326.

6) Акты южной Россіи, т. II. № 113, стр. 142. т. V, № 3, стр. 360—363

правахъ со шляхетствомъ¹⁾; но другая часть изъ тѣхъ-же татаръ по мѣсту поселенія и по своимъ занятіямъ (извозъ, огородничество, красильство)²⁾ по отношенію къ администраціи сравнилась съ городскими или сельскими жителями южной Россіи³⁾. Поселялись татары внутри страны и по инымъ мотивамъ, напр. какъ непосредственные участники въ тогдашней южно-русской торговлѣ; этого типа татаръ мы находимъ въ Кіевѣ⁴⁾, Львовѣ, Кременцѣ⁵⁾ и другихъ городахъ, лежащихъ на пути транзита товаровъ изъ Азіи въ Европу. Районъ поселеній татаръ на территоріи южной Руси не опредѣлялся какими либо областями; ихъ можно было встрѣтить вездѣ: кромѣ указанныхъ уже выше мѣстъ, поселенія татаръ были въ землѣ берестейской⁶⁾, на Волини (въ Острогѣ), а также въ Подоліи⁷⁾. Число внутри живущихъ татаръ въ литовско-польскій періодъ было довольно значительно: такъ однихъ потомковъ татаръ поселенныхъ Витовтомъ въ XVI в. было болѣе 10,000 семействъ. На значительность контингента татаръ указываютъ и неоднократныя упоминанія въ актовомъ матеріалѣ о проживавшихъ внутри литовскаго княжества татарахъ⁸⁾ и между прочимъ актъ о воспрещеніи жєницѣнамъ вступать въ сожитіе съ жидами, турками и татарами⁹⁾, о томъ-же говоритъ и фактъ возмущенія кіевлянъ въ 1455 г. противъ проживающихъ въ городѣ татаръ¹⁰⁾. Совмѣстная вѣковая жизнь татаръ съ южно-руссами вела, само собою разумѣется, къ ихъ взаимному влиянію, выразившемуся между прочимъ въ ассимиляціи первыхъ. Свидѣтелями послѣдняго явленія между прочимъ служатъ нѣкоторыя южно-русскія фамиліи, родоначальниками которыхъ были татары. Кромѣ фамилій Шаблов-

1) Акты южн. Россіи, т. I, стр. 178; Бершадскій, стр. 292, 293.

2) Бершадскій, стр. 392—3.

3) Антоновичъ, Исторія Великаго княжества Литовскаго, стр. 111.

4) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв. кн., стр. 37.

5) Шпаревичъ, стр. 198, 385.

6) Ibid., стр. 288, Букольникъ, стр. 44.

7) Антоновичъ, Исторія Великаго княжества Литовскаго, стр. 111.

8) Акты южн. Россіи, т. I, стр. 142; т. III, стр. 125.

9) Ibid., т. III, стр. 20.

10) Шпаревичъ, стр. 441.

скихъ ¹⁾, Глинскихъ ²⁾, Кобизычей, Фыцовъ, о татарскомъ происхожденіи которыхъ мы уже говорили, можно указать еще обрусѣвшихъ татаръ среди городского и сельскаго сословія: напр. мѣщане г. Бреста—Щасные-Богусевичи ³⁾, Иванъ Татарчанинъ въ г. Пинскѣ ⁴⁾, Марко Татаринъ въ селѣ Бобровичахъ пинскаго повѣта ⁵⁾. Извѣстно также, что часть Витовтовыхъ татаръ приняла христіанство и сжилась съ туземцами ⁶⁾. Сближеніе между южно-руссами и татарами приняло послѣ вѣковаго сосѣдства и болѣе широкое вліяніе: оно коснулось и татарскаго населенія, кочевавшаго по южной границѣ страны, что рельефно замѣтно на такъ называемой «Подольской Ордѣ»: проживавши здѣсь до 1362 г., когда остатки ихъ удалились въ Крымъ, подольскіе татары зажили осѣдлою жизнью, стали заниматься земледѣіемъ, а главное—приняли славяно-русскій языкъ ⁷⁾. Нѣтъ основанія предполагать аналогичнаго вліянія на татаръ, кочевавшихъ на границахъ съ Кіевщиной, въ южныхъ и юго-восточныхъ предѣлахъ древней Сѣверской земли, гдѣ кочевья орды были перемежныя, но въ извѣстномъ вліяніи осѣдлаго населенія нельзя отказать и здѣсь, тѣмъ болѣе, что татары ко 2-й половинѣ XV в. начали не только возвращаться къ пастушескому быту, но среди нихъ появились даже задатки гражданскихъ стремленій ⁸⁾. Дальнѣйшему сближенію южно-руссовъ съ татарами поставили препятствіе турки, которые, подчинивъ своей верховной власти южно-русскихъ татаръ, сдѣлали ихъ въ то же время ревностными послѣдователями Магомета.

¹⁾ Акты, т. V, № 5, стр. 350—363.

²⁾ Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., кн., стр. 21—22.

³⁾ Акты, изд. въ Вильнѣ, т. VI, стр. 272—3.

⁴⁾ «Писцов. кн.», ч. 1, стр. 69.

⁵⁾ Ibid., ч. 2, стр. 121.

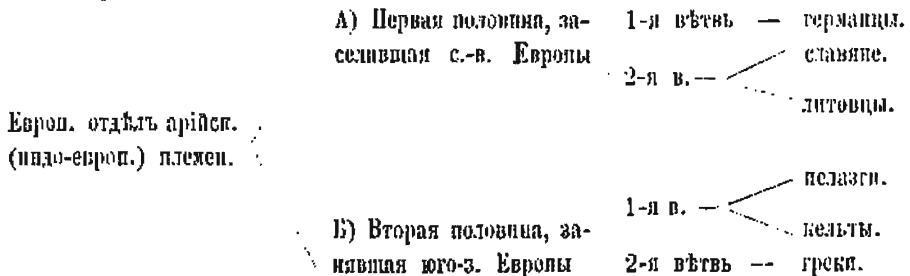
⁶⁾ Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 111.

⁷⁾ Стрыйковскій, путешествуя спустя 200 лѣтъ послѣ удаленія татаръ изъ Подолія по берегамъ Дуная, встрѣчалъ въ Добруджѣ и около Слизстріи татарское осѣдлое и земледѣльческое населеніе, большинство котораго говорило еще на славянскомъ языкѣ. И вотъ между этими татарами сохранилось преданіе, которое объясняетъ причину своихъ бытовыхъ особенностей тѣмъ, что предки ихъ жили вѣкъми долго въ Подоліи. — Антоновичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 144—149.

⁸⁾ Жатецкій II., стр. 286.

Далеко глубже и шире, чѣмъ у татаръ, произошло сближеніе съ южно-руссами *литовцевъ*. По выводамъ сравнительной филологіи изъ всѣхъ неславянскихъ народовъ Европы литовцы ближе всѣхъ стоятъ къ славянскому племени ¹⁾: они принадлежатъ не только къ одной съ славянами индо-европейской семьѣ, но даже и къ одной вѣтви—«славяно-литовской». Первоначальная исторія жизни литовскаго племени темна еще болѣе, чѣмъ славянъ, и сравнительная филологія утверждаетъ только, что періодъ европейской жизни его никакъ не меньше, чѣмъ послѣднихъ, и что, по всей вѣроятности, и самое отдѣленіе славянъ отъ литовцевъ произошло уже на европейской территоріи. Съ давняго времени литовцы жили въ той-же приблизительно области ²⁾, что и въ историческое время, соудья такимъ образомъ постоянно съ славяно-руссами, и хотя по скуднымъ свидѣніямъ византійцевъ-римлянъ та ними можно прослѣдить до времени Геродота, по историческимъ пародомъ они дѣлаются лишь съ X в., когда съ ними начинаютъ сталкиваться южно-русскіе славяне. Сначала литовцы выступаютъ въ страдательной роли, что мы уже и видѣли въ «лѣтописномъ періодѣ», но XIII—XIV в. роль ихъ измѣняется: ихъ власти подпадаютъ всѣ осѣдлые народы сѣверо-западной и южной Россіи. (Около этого времени литовцы подраздѣлялись на 8 этнографическихкихъ группъ: востовъ, ливовъ (летголовъ), жемгалу (*semigalia*), корсь (куроны), жмудь, литву, пруссовъ и ятвяговъ ³⁾). Для южной

¹⁾ Близость литовцевъ къ славянамъ обыкновенно представляется при пособіи слѣдующей таблицы:

²⁾ Напр. у Птоломеев галинды и судены, эти два колѣна пруссовъ, помѣшаны въ сосѣдствѣ съ венедами.

³⁾ Алтоповичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 5; Шатск. лѣт., стр. 492, 503, 526, 531, 540, 544, 537—8, 549, 551—2, 561, 574, 577, 579, 580, 590 и др.

Россіи имѣли значеніе главнымъ образомъ три вѣтви: жмудь, литва и ятвяги. Жмудь и литва обитали въ центрѣ поселеній литовскаго племени, именно первая на низьемъ теченіи Нѣмана и на его притокахъ: Дубиссѣ и Невяжѣ и на поморіи, у его устья, а вторая на среднемъ теченіи Нѣмана и на его притокаѣ Виліи ¹⁾; поселенія-же ятвяговъ, примыгая къ южнымъ окраинамъ собственной Литвы, врѣзывались узкимъ клиномъ между славянскими племенами: мазовшанами и дреговичами, достигая до западнаго Буга, вверхъ по теченію этой рѣки, до сѣверныхъ предѣловъ волипскаго княжества ²⁾; именно они занимали пространство между двумя большими рѣками—на сѣверѣ Нѣманомъ, на югѣ Наревомъ, на с.-з. до верховьевъ Ленки и Нетты, на востокъ до верховья Нарва и полосы лѣсовъ, идущей на югъ и сѣверъ отъ истоковъ этой рѣки ³⁾. Всѣ свѣдѣнія о литовцахъ показываютъ, что они находились въ періодѣ первобытнаго проживанія, подчиняясь въ своихъ бытовыхъ особенностяхъ исключительно вліянію природы: у нихъ не оказывается даже и зародыша государственности ⁴⁾, отмѣчаемаго, между прочимъ, возникновеніемъ городовъ. Какъ мы уже видѣли раньше, съ самаго начала объединенія русско-славянскихъ племенъ, южные пограничныя поселенія литовцевъ начинаютъ посѣщаться русскимъ войскомъ; посѣщенія эти постепенно усиливаются, а вездѣ за войскомъ сюда стремится и русская колонизація изъ южно-русскихъ предѣловъ. Отъ столкновеній съ южно-русскими терпятъ прежде всего ятвяги: они уступаютъ часть своей территоріи побѣдителямъ, идутъ въ глубь страны въ область лѣсовъ и болотъ и, видимо, количественно уменьшаются. Съ конца XII ст. литовцы начинаютъ терпѣть давленіе и въ своихъ сѣверныхъ предѣлахъ новыхъ соседей—пѣмцевъ, которые устремились сюда съ неудержимой энергіей религіозныхъ неофитовъ ⁵⁾ и къ концу XIII ст. успѣли подчинить себѣ съ одной стороны—пруссавъ, съ другой—латышей и жемга-

¹⁾ Антоновичъ, ib.

²⁾ Антоновичъ, стр. 6.

³⁾ «Этнографическій сборникъ», 1858 г., вып. III; «Замѣтки о западной части гродненской губерніи, стр. 73.

⁴⁾ Антоновичъ, стр. 7—8.

⁵⁾ Ibid., стр. 15.

ловъ ¹⁾). Но центральныя племена—литва и жмудь, находившіяся въѣ района завоевательныхъ опустошеній славяно-русовъ и нѣмцевъ, успѣли создать за это время вокругъ себя болѣе или менѣе прочный государственный строй ²⁾, благодаря которому, они не только даютъ отпоръ нѣмцамъ, но и начинаютъ нападать на южно-русовъ. Являясь сюда сначала въ качествѣ союзниковъ при междоусобицхъ войнахъ князей, они со второй половины XII ст. начинаютъ занимать то положеніе относительно южной Руси, какое на юго-востокѣ принадлежало половцамъ ³⁾. Нашествіе монголовъ послужило на пользу литовцамъ: сосѣди славяно-русы заслонили собой ихъ отъ опустошенія монголовъ, которымъ препятствіе къ тому-же ставила еще и природа страны—лѣса и болота, а обезсиленные въ это время южно-русы не могли уже ставить препятствій для движенія литовцевъ на югъ ⁴⁾. Такимъ путемъ литовцы выступили изъ понѣмскихъ земель и подчинили себѣ въ теченіи одного вѣка (1250—1350) всю сѣверо и юго-западную Русь, такъ что Литва въ это время простиралась отъ моря Балтійскаго до Чернаго, отъ Вуга до Смоленска ⁵⁾. Основнымъ ядромъ литовскаго государства съ первой половины XIII ст. служила Черная Русь съ городами: Новгородкомъ, Гродномъ, Слонимомъ, Волковышскомъ, т. е. земли кривичей, и къ нему уже съ XIV в. стали приставать разныя южно-русскія области, и около 1340 или 1341 г. вся южная Русь соединилась подъ властію литовскихъ князей ⁶⁾, со второй половины XIV ст. за Литвой укрѣплены: княжества туровское, брянское, чернигово-сѣверское, волынское, кіевское съ частью Подолія ⁷⁾, а около XV в. границы раздвинулись до устьевъ Днѣпра

¹⁾ Ibid., стр. 17.

²⁾ Дашкевичъ, стр. 113.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Пляно-Варининъ утверждаетъ, что на пути изъ Волыни въ Кіевъ (1245 г.) онъ находился въ постоянной опасности отъ литовцевъ, которые часто нападаютъ на русскую землю. Антоновичъ, стр. 25.

⁵⁾ Первольфъ, стр. 17, «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ», Спб. 1865 г., стр. XXVI.

⁶⁾ Смирновъ, «Споръ Литвы съ Польшей», стр. 21.

⁷⁾ Антоновичъ, «Истор. Вал. кн. Лит.», стр. 7; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. V, стр. 29.

и Днѣстра ¹⁾). Но въ обширномъ районѣ великаго княжества литовскаго собственно литовцы занимали земли только на верхнемъ Нѣманѣ ²⁾, именно оба берега нижней Визы и нижняго Нѣмана до Юрбургга, а оттуда правый берегъ послѣдняго, иначе часть вынѣшней виленской, ковенской и сувалкской губерній ³⁾; въ подчиненной-же южной Руси изъ литовцевъ паходились по городамъ литовскіе памѣтники (князья, воеводы, старосты) ⁴⁾ и литовскіе гарнизоны ⁵⁾, и вообще большая часть должностей въ русскихъ областяхъ была замѣщена природными литовцами ⁶⁾. Трудно на основаніи отрывочныхъ данныхъ установить фактъ колонизаціи южно-русской страны литовской народнои массой; но по всеѣмъ видимостямъ такая колонизація была, хотя и не въ широкихъ размѣрахъ; на это, между прочимъ, указываютъ такіа названія поселеній, какъ Jadvigi, Прусье, Литовка, Прусаны, Старый Литвиновъ—въ Галиціи; Пруски, Литовщиновъ кременецкаго уѣзда, Пруски въ острожскомъ, Жмудча въ ковельскомъ, Литва въ луцкомъ, Жмудь въ холмскомъ ⁷⁾ и пр.; и очень возможно, что значительная часть изъ нихъ была поселеніями плѣнныхъ литовцевъ, что нерѣдко было въ началѣ періода. Кроме плѣна, были и другіе пути переселенія въ южную Русь: такъ напр. Тройденъ во второй половинѣ XIII в., ограждая границы своихъ земель со стороны Волыни, по-

¹⁾ Антоповичъ, «Исторія Велико-Литовскаго княжества», стр. 150.

²⁾ Перюльфъ, стр. 17, Антоповичъ, 156.

³⁾ Кукольникъ, стр. 25.

⁴⁾ Такъ въ Кіевѣ ок. 1470 г. былъ первый кіевскій воеводою лятвинъ католикъ Мартынъ Яневичъ Гаштольдъ (Антоповичъ, «Кіевская Старина», стр. 25); Черниговомъ и Трубчевскомъ управлялъ при Ольгердѣ Дмитрій Ольгердовичъ старшій, другой Дмитрій Корнубутъ Ольгердъ младшій получилъ Брѣвскъ и Новгородъ-Сѣверскъ, въ качествѣ князя Стародуба сѣверскаго, упоминается племянникъ Ольгердъ Патрикій Наримунтовичъ (Голубевъ стр. 201). Около этого же времени вся Подоль перешла въ руки братьевъ Коріатовичей.

⁵⁾ Въ XIV ст. Лобартъ, завоевавши часть Галиціи, «засадилъ въ литовскіе города свои залогы» (Шараневичъ, стр. 425); логично предполагать, что когда Витовтъ послалъ Івана Ольгимунтовича въ Кіевъ и далъ ему «держати Кіевъ» въ 1396 г., то вѣроятно при немъ была и литовская «злого», на которую онъ и опирался въ своемъ правленіи.

⁶⁾ Документы при книгѣ Шараневича, LXXVI, стр. 283.

⁷⁾ Дашкевичъ, стр. 89.

селил въ русскихъ пограничныхъ городахъ колонистовъ прусско-литовскаго племени¹⁾; въ минскомъ староствѣ были литовскія поселенія: литва князя Чарторыйскаго²⁾ это очевидно, были поселенцы на землянскомъ участкѣ, а г. Мозырь нѣкоторое время служилъ своего рода Сибирью литовскою, куда ссылали всѣхъ преступниковъ³⁾. Но главный путь для колонизаціи южной Россіи литовцами было вселеніе въ край литовскаго дворянства. Распредѣляясь по странѣ неравномѣрно, какъ мы уже говорили выше, литовско-дворянская колонизація захватывала не только заселенные пункты, но она быстро подвигалась и въ области, опустошенныя татарами и вновь заселенныя южно-русскимъ населеніемъ⁴⁾. При феодально-аристократическомъ строѣ литовскаго общества въ ту эпоху, пребываніе въ южной Россіи литовскихъ представителей въ видѣ князей, старостъ, а также поземельныхъ владѣльцевъ сопровождалось поселеніемъ здѣсь значительнаго контингента литовскаго простолюдинья, въ видѣ двора, слугъ, земледѣльцевъ и т. п. Такъ съ поселеніемъ въ Подоліи братьевъ Коріатовичей сюда направились толпы колонистовъ изъ сѣверныхъ областей Литвы⁵⁾, и весьма вѣроятно предположеніе, что литовское поселеніе размѣстилось въ подольскихъ городахъ, которые были построены Коріатовичами, какъ Смотричъ, Бакота, Каменецъ⁶⁾; аналогичное-же происхожденіе, можно думать, имѣли и тѣ литовцы, которые въ XVI в. оказываются въ кievской землѣ⁷⁾. Скучность указаній на поселенія литовцевъ среди южно-руссовъ объясняется еще тѣмъ, что они рано теряютъ свои рѣзкія національныя оригинальности и сливаются съ кореннымъ населеніемъ. Ранѣе другихъ исчезаютъ *ятвяги*, какъ ближайшіе сосѣди южно-руссовъ, съ которыми больше всего происходило враждебныхъ и дружескихъ столкновеній; именно ятвяги

¹⁾ Антоновичъ, «Исторія Великаго княжества Литовскаго», стр. 36; Платск. лѣт., стр. 577--579.

²⁾ «Писцовая книга», т. 1, стр. X.

³⁾ Анатолий арх., «Воспоминаніе», стр. 12.

⁴⁾ Жытецкій, стр. 285—286.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Сяпрловъ, стр. 41.

⁷⁾ Акты, относящіяся къ западной Россіи т. II, 1507, № 30, стр. 34.

сходятъ со страницъ источниковъ уже въ 1282 г. ¹⁾); они частію переселились въ глубь литовской страны, а частію расплылись въ средѣ новыхъ на Подлясѣ польскихъ и южно-русскихъ колонистовъ. Та-же судьба постигла, только позже, и всѣ другіе литовскіе элементы, обитавшіе между южно-руссами. Долгія взаимныя военныя отношенія то враждебныя ²⁾, то союзныя ³⁾, торговыя сношенія ⁴⁾, и главнымъ образомъ вѣковая совмѣстная жизнь, вызвавшая семейныя связи ⁵⁾, и принятіе христіанства ⁶⁾ отъ русскихъ, сблизило литовцевъ и южно-руссковъ. Сблизеніе это состояло въ культурномъ подчиненіи первыхъ послѣднимъ, что выразилось ярко въ принятіи литовцами русскаго языка, который вошелъ во всеобщее употребленіе отъ княжескаго двorca до хижины земледѣльца; русскій языкъ для литовцевъ сдѣлался языкомъ дипломатическимъ, судебнымъ, а главное семейнымъ ⁶⁾. Въ концѣ разсматриваемаго періода литовскій этнологическій элементъ теряетъ свое индивидуальное существованіе въ южной Россіи.

Совершенно иная судьба сложилась для *поляковъ*. Въ началѣ разсматриваемаго періода поляки обитаютъ какъ сосѣди внѣ внутренней жизни южной Россіи, потомъ получаютъ вліяніе въ западной половинѣ края, а къ концу періода расширяютъ свое значеніе до крайнихъ восточныхъ и южныхъ предѣловъ южной Руси. Самымъ сосѣднимъ мѣстомъ къ поселеніямъ поляковъ (ляховъ) было такъ

¹⁾ Истечановеніе ятвяговъ въ періодъ выступленія на историческую сцену другихъ литовскихъ отраслей было главнымъ поводомъ къ появленію мнѣнія, что они народъ отличный отъ литовцевъ: такъ ихъ считала за отрасль сарматовъ, тождественную съ янсоматами (племя яцыгма), которая забрела съ Дона въ Подлесье до IV в. по Р. Х. — *Этнографическій сборникъ*, т. II и «Замѣтки о западной части гродненской губерніи, стр. 73.

²⁾ Напр., годы войнъ южно-руссковъ съ литовцами по Ипатск. лѣт., 1227, 1241, 1248, 1251, 1252, 1253, 1276, 12, 77 и др.

³⁾ Ипатск. лѣт., 1249, 1252 и т. д.

⁴⁾ «Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ», «Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи», 1862 г., стр. 181.

⁵⁾ Извѣстно, напр., что 16 русскихъ князей были въ замужествѣ за князьями Литовскими и 15 литовскихъ князей были выданы за князей русскихъ. *Ibid.*, августъ, стр. 25.

⁶⁾ *Ibid.*, стр. 181.

⁷⁾ *Ibid.*, стр. 128—188.

называемое Подлясье, что теперь сѣдлецкая губернія и часть гродненской, и эта область южно-руссовъ естественно раньше другихъ частей увидѣла польскую власть и польское населеніе, затѣмъ подчиняется польской власти Галиція и позже другихъ (въ 1434 г.) Подоля. Последнія двѣ области южной Руси, принадлежа къ польскимъ владѣніямъ, входили въ составъ Малой Польши подъ именемъ трехъ воеводствъ: белзскаго, русскаго и подольскаго. Воины въ теченіи всего періода переходила нѣсколько разъ отъ литовцевъ къ полякамъ и обратно, то по частямъ, то цѣликомъ, пока наконецъ не произошло въ концѣ періода окончательнаго политическо-административнаго сліянія Литвы съ Польшей, когда политическая власть Польши охватила и всѣ прочія части южной Руси. Политическое завладѣніе у поляковъ шло параллельно съ этнографическимъ воздѣйствіемъ. Дѣло въ томъ, что тогда Польша по интеллектуальному и политическому развитію стояла выше южно-русскихъ провинцій, ослабленныхъ духовно-историческими невгодами; въ то-же время она была, сравнительно съ южно-русскими и литовскими областями, густо населена, и въ обществѣ польскомъ произошло уже то сословно-экономическое неравенство, которое выражается въ обѣдненіи массы населенія, и потому въ Польшѣ уже назрѣли социально-экономическія потребности выселенія части своего населенія безъ ослабленія своего политическаго строя и этнографическаго единства. Но съ запада, сѣвера и даже съ сѣверо-востока Польшу окружало крѣпкое кольцо тевтонскихъ поселеній, могущественныхъ нравственною и политическою силою, и потому естественно, что у нея явилась политическая миссія въ подчиненіи себѣ ослабленныхъ предшествовавшими событіями южно-русскихъ, богатыхъ природными дарами областей, куда она могла постоянно и постепенно съ пользою для центральной страны сбивать часть своего населенія. И послѣднее дѣйствительно сразу хлынуло значительною волною въ южно-русскій край въ разнообразныхъ видахъ: сюда стремились польскіе дворяне (шляхта), сюда вели свои товары польскіе торговцы, или мѣщане, переселялись и бѣжали польскіе крестьяне, сюда-же направлялось и польское войско. Польское населеніе наполняло замки, переселяло города и примѣшивалось къ кореннымъ обитателямъ въ сельскихъ поселеніяхъ. Политическая, административная и даже экономическая сила переходила къ польскому населенію. Прежде всѣхъ, конечно;

являлось въ край польское войско: оно окружало польскихъ князей ¹⁾ и позже польскихъ намѣстниковъ ²⁾ въ странѣ. Велѣдъ за войскомъ является въ странѣ польское шляхетство: короли польскіе съ цѣлью обезпеченія границъ и увеличенія дохода короны отъ увеличенія населенія раздавали въ награду за военныя заслуги земли, и въ числѣ получавшихъ земельныя награды были, конечно, польскіе шляхтичи ³⁾. Сначала раздавались и цѣлые повѣты и отдѣльныя села на лепномъ правѣ ⁴⁾ (которые, впрочемъ, скоро переходили въ потомственное «дѣдичное» владѣніе), подъ условіемъ, чтобы лица, получившія лены, служили на войнѣ съ условленнымъ числомъ «лучниковъ», «копейниковъ» или «рыцарей конныхъ» ⁵⁾. При этомъ перѣдко земли отбирались отъ прежнихъ русскихъ владѣльцевъ и раздавались полякамъ ⁶⁾. Другимъ побужденіемъ при раздачѣ земель была временная пужда королей въ деньгахъ, когда послѣдніе подъ

¹⁾ Въ 1327 г. Болеславъ Тройденовичъ, первый князь польскій въ Галиціи, окружилъ себя иноземнымъ войскомъ, въ составъ котораго входилъ главнымъ образомъ поляки; въ 1366 г. Казиміръ, «яко знами своей верховной власти», по словамъ Шараневича, «оставилъ засаду польскую въ Владимірѣ, а подля где которыхъ жерель п въ Луцку» (Шараневичъ, 123); въ 1385 г. въ г. Дрогоичинѣ была «залого» Мазовецкая. *Ibid.*, 241.

²⁾ Въ 1446 г. Теодоръ Буцацій, староста подольскій, занялъ замки литовскіе на Подольѣ: Меджабожье и Хвѣльникъ и засадялъ ихъ *коронными полками*. *Ibid.*, стр. 416.

³⁾ *Szarani. «Rus»* стр. 45—47. Такъ Казиміръ «какому-то Накославу и его потомкамъ въ мужской и женской линіи отдалъ городъ Решанъ съ цѣлымъ его повѣтомъ, какъ оны были обозначены еще при русскихъ князьяхъ, со всѣми селами, «свободами», «ужитками» и пр.

⁴⁾ На такомъ правѣ «*czoszowski obwód*» имѣлъ съ городомъ отдалъ былъ Якову Накославу, дѣдичу изъ Стожковъ; самборскій повѣтъ Спятку изъ Мелитина, шчебрешинскій повѣтъ братьямъ Гурайскимъ, жидачевскія земли роду Ходоровскихъ, перемысльскій повѣтъ роду Быбельскихъ и проч. — *Szaraniewicz, «Rus»*, стр. 56—57.

⁵⁾ Въ XV в. на Подольѣ осылао много рыцарей польскаго происхожденія, «надѣлены добрами». Шараневичъ, 132, 347.

⁶⁾ Шараневичъ, 367. Напримѣръ, при Ягеллѣ, по смерти волискаго намѣстника Федушка, по происхожденію русскаго князя, его русскія «дѣдичныя» области были раздѣлены и достались польскимъ войтамъ и «русская земля прибрѣла нѣсколько крупныхъ, принадлежащихъ польской народности дѣдачей». *Ibid.*, стр. 368.

залогъ за занятія деньги отдавали цѣлые города ¹⁾, въ которые и переселялись польскіе владѣльцы ²⁾.

Третій путь для вселенія въ страну шляхты представлялся въ полученіи разныхъ должностей, съ которыми связывалось также владѣніе землями, ссалами и разными доходами ³⁾. Помимо указанныхъ путей польское шляхетство по личнымъ экономическимъ побужденіямъ стремилось въ край южно-русскій, который манилъ ихъ своими природными богатствами ⁴⁾, особенно такіе благодатные уголки, какъ Подолье и Подиѣстровье, гдѣ польскіе шляхтичи стремились пріобрѣсти не одни должности, но и недвижимыя имѣнія. Въ числѣ средствъ для реализованія своихъ стремленій были браки поляковъ съ дочерьми коренныхъ владѣльцевъ или владѣтельныхъ шляхтичей ⁵⁾.

Въ XV в. въ предѣлахъ польской Руси обитало уже много семействъ польскихъ и частію ополяченныхъ туземцевъ ⁶⁾, изъ нихъ болѣе крупныя были дворяне мало-польскіе, а мелко-помѣстные мазовецкіе; послѣдніе концентрируются на меньшихъ участкахъ, главнымъ образомъ въ близкомъ соседствѣ (въ древнихъ червец-

¹⁾ Такимъ образомъ, былъ отданъ во владѣніе Петру изъ Шамотуль г. Яворовъ; замки Львова, Галича и Жидачева находились въ залоговомъ владѣніи до выкупа въ рукахъ Одровонжей, а Каменца-Под. въ рукахъ Буцацкихъ и т. д. Szaran. «Rus.», стр. 48.

²⁾ Въ 1393 г. Ягайло за 20,000 грошей города Подоліи передалъ пану Спиткоми, воеводѣ краковскому, который и переселился въ Подолье въ числѣ первыхъ польскихъ владѣльцевъ. Шараневичъ, стр. 286.

³⁾ Въ 1390 г. Ягайло, взявши города Витольда—Городно, Брестъ, Каменецъ полбскій и пр., поручилъ управленіе ими польскимъ шляхтичамъ; Брестъ отданъ былъ Глицъ-Роговскому, Каменецъ Зяморату Москаржовскому (Шараневичъ, стр. 277). Тоже повторилось и въ Подоліи. Ibid., стр. 327.

⁴⁾ Слзашкевичъ, стр. 12.

⁵⁾ Такъ князя Рациборскіе изъ Силезіи сдѣлались владѣльцами Яворона, получивъ въ приданое за дочерью Винцента изъ Шамотуль; такое-же происхожденіе владѣній въ край Мышковскихъ и др. Szaran., «Rus.», стр. 20, 21 и 22.

⁶⁾ Напримѣръ фамиліи: Chodecz, Тарлы, Сѣлянскіе, Гербурты, Гудуанки, Ходоровскіе, Кердѣсвичи, Лопатя, Гольшанскіе (Szaran. «Rus.», 10—11), Одровонжи, Струсы, Лицкоронскіе, Гумбикіе, Кожуховскіе; Дыковскіе, Замойскіе, Каменецкіе, Буцацкіе, Бржескіе, Язловецкіе, Лицкоронскіе, Ходенціе, Меленцкіе, Претвичи, Потоцкіе, Шафранцы, Фрлек, Силевскіе, Олесницкіе и мн. др.—Слзашкевичъ, стр. 12, 76, 111, 118.

скихъ городахъ); польское дворянство, особенно знатное, являлось въ край, по обыкновенію со своимъ дворомъ, перѣдко весьма многочисленнымъ ¹⁾).

Второй слой польскаго населенія, явившійся въ край въ этомъ періодѣ, представляли *польскіе горожане*. Города, какъ торгово-промышленные центры, въ то время представляли главные доходныя статьи государства и потому они обратили на себя преимущественное вниманіе польскихъ властей: старые города расширялись, населялись новымъ, болѣе активнымъ населеніемъ, многія села обращались въ города, основывались также и новые города, и всѣ они надѣлялись льготами и правами; добиваясь роста городовъ и городского населенія, польская власть предоставляла непосредственнымъ заботы, подъ условіемъ разныхъ льготъ (магдеб. права) и экономическихъ выгодъ, своимъ намѣстникамъ, частнымъ владѣльцамъ, монастырямъ и пр. Естественно, что быстро растущіе города колонизировались новымъ приплывъ населеніемъ, среди котораго численное превосходство принадлежало полякамъ. Кромѣ городовъ Львова, Галича, Каменца, въ которыхъ польское населеніе было несомнѣнно, его нужно предполагать и во всѣхъ тѣхъ городахъ, которые въ разсматриваемый періодъ получили магдебургское право или вновь основались ²⁾).

Польское населеніе жило въ самыхъ городахъ, а также селось вокругъ городовъ—въ предмѣстьяхъ, потому что вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ города надѣлялись разными угодьями: лѣсами, полями, водами и пр., и войты поселяли на дарованныхъ пустошахъ колонистовъ, по большей части прибывшихъ изъ Польши ³⁾).

¹⁾ Напримѣръ, *Спитки* сопровождалъ на Подолье великокняжій дворъ; при немъ состояли дворяне: жарналокъ Верпартъ, Проковъ писарь (notarius), Преслакъ скарбинъ (thesaurarius), Николай чапаниъ (pincerna) и явленыхъ павовъ польскихъ на его дворѣ, помножъ многочисленной польской прислуги. Шараневичъ, стр. 287; Силашкевичъ, стр. 17.

²⁾ Это города: Жидачевъ, Новый Самборъ, Дрогобычъ, Красно, Стрый, Сياتишъ, Червогородокъ, Холмъ, Бужескъ, Тереховъ, Белзь, Кузиковъ, Дунаевъ, Глиняны, Краснополье, Радиминъ, Дубежко, Тирова, Грубшиевъ, Красноставъ, Соколь (Шараневичъ, стр. 352, 383—384), Сятричъ, Брацлавъ (Силашкевичъ, стр. 36, 77) и т. д.

³⁾ Шараневичъ, стр. 385.

Въ городахъ-же поселялись и польскіе торговцы, хотя они въ числѣ и въ богатствѣ уступали другимъ иноземцамъ, какъ иѣмцы и армяне.

Существовало въ предѣлахъ южной Руси и польское *сельское населеніе*. Дѣло въ томъ, что съ присоединеніемъ къ Польнѣ обширныхъ и богатѣйшихъ земель южно-русскихъ и съ переходомъ большинства этихъ земель въ частное владѣніе, потребовалось и большее количество рабочихъ рукъ для ихъ эксплуатаціи, между тѣмъ этой потребности не могли удовлетворить коренные обитатели—южноруссы, такъ какъ южно-русская страна была менѣе густо населена, чѣмъ Польша, въ тому-же населеніе постоянно рѣдѣло вълѣдствіе войнъ и татарскихъ набѣговъ, и потому естественно, что въ южную Русь явился запросъ на иноземныя рабочія силы и этимъ открылся доступъ для польскихъ крестьянъ: «сюда тянуло польское крестьянство, привлекаемое обѣщаніемъ широкихъ льготъ, свободы и такъ называемой *солны*»¹⁾.

Не удивительно поэтому, что во второй половинѣ XV в., когда рабочее населеніе съ распростертыми объятіями принималось землевладѣльцами въ южно-русскихъ предѣлахъ, польскіе крестьяне охотно бросали свои старыя мѣста и стремились въ южную Русь искать новыхъ поселеній и свободы. Эмиграція эта принимала такіе широкіе размѣры, что въ «Велико-Польнѣ» пустѣли цѣлыя села: «оставался только помѣщикъ и хаушникъ, кмети шли на Подолье и Украину. Даже солданы, корчмары, млышары, крестьяне-собственники брели искать счастья на южныхъ земляхъ Руси»²⁾. (Особенно богато было польскимъ сельскимъ населеніемъ Подлясье, которое врѣзывалось въ среду польскихъ поселеній и естественно постоянно и ранѣе другихъ областей (съ первой половины XIV ст.) населялось польскими крестьянами³⁾; были также

¹⁾ Przyborowskiego, «Włocianie u nas i gdzie indziej. Szkice historyczne, 1881 г. Wilno. стр. 94.

²⁾ Ibid.

³⁾ Жители польскихъ областей. говоритъ г. Шараневичъ, а именно люблинской и судомірской... ужитковали отъ тогда (съ первой половины XIV ст.) глубокимъ суокоемъ. Выкореняючи дѣся, посѣлились тутъ, трудилися земледѣліемъ и привели тѣмъ околицы въ цвѣтущее состояніе. Такъ поляки обочъ русскаго

польскіе крестьяне и въ галицкой области и въ Подоліи ¹⁾), и даже и въ польскихъ владѣніяхъ въ Литвѣ, на Волини и Украинѣ ²⁾). Въ литовской половинѣ южной Руси находимъ мы значительное количество поляковъ и въ числѣ горожанъ, особенно на Волини. Какъ въ городахъ польско-русскихъ провинцій поляки имѣли отдѣльно отъ южно-руссовъ и другихъ народностей своего особаго бургомистра и радцевъ, такъ было и въ нѣкоторыхъ городахъ Волини, напримѣръ въ Брестѣ ³⁾), въ Луцкѣ ⁴⁾); были поляки также въ Кременцѣ ⁵⁾), Ровно ⁶⁾), въ Кіевѣ, хотя въ послѣднемъ городѣ, кажется, одни польскіе купцы ⁷⁾). Поселенію какъ польскихъ крестьянъ, такъ и польскихъ ремесленниковъ и купцовъ въ литовской половинѣ южной Руси едва-ли встрѣчались какія-нибудь формальныя препятствія. Нѣсколько иныя обстоятельства сопровождали здѣсь поселеніе дворянскаго класса—шляхты. Проникать въ предѣлы Литовскаго Княжества польско-шляхетскій элементъ началъ главнымъ образомъ со времени политическаго соединенія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ при Ягайтѣ. Сюда явилось польско-католическое духовенство во вновь учрежденныя «парахины», тогда-же поляки начали получать должности и велико-княжескіе уряды ⁸⁾), хотя еще и при Витовтѣ въ литовскую Русь переселялись поляки съ разными привилегіями ⁹⁾). Но какъ польское духовенство, такъ и польскіе дворяне являлись въ край со своими политико-религіозными и социальными

винкали члхъ разъ слубше въ стороны Падбужанскъ». Шараневичъ, стр. 138; П. Житецкій, стр. 274—275, Антоновичъ «Исторія Великаго Княжества Литовскаго», стр. 110.

¹⁾ Przyborowski, стр. 94, П. Житецкій, стр. 278, Szaran. «Rys», стр. 55—59.

²⁾ Ibid.

³⁾ Акты, издавныя виленской комиссіей, т. VI, стр. 26—27, 47—48.

⁴⁾ Многие судебные акты изъ этого города начинаются словами: «скадовалися нахъ во вѣтъ мѣста Луцкаго и вси мѣщане—лихове и «русъ».—Акты, относящіяся къ Западной Руси, т. I, стр. 110.

⁵⁾ Шараневичъ, стр. 395.

⁶⁾ Szaran., стр. 600.

⁷⁾ Антоновичъ, Ист. Вел. кн. Лит., стр. 37.

⁸⁾ Шараневичъ, стр. 271, 348.

⁹⁾ Бобровский, Часть 1-я. «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края, стр. XLVIII.

традиціями, которые противорѣчили порядкамъ южной Руси, а потому скоро явился протестъ противъ этого класса поляковъ, слѣды котораго отчетливо видны въ ограниченіи поземельныхъ польскихъ владѣній и административныхъ должностей. При самомъ заключеніи политической уніи въ 1386 г. было, между прочимъ, условлено, чтобы житель Литовскаго Княжества не имѣлъ права занимать должности и селиться въ Польнѣ, а поляки въ Литовскомъ Княжествѣ¹⁾; потомъ аналогичныя ограниченія съ литовской стороны постаповлялись постоянно въ теченіи всего періода²⁾ и даже занесены въ позднѣйшіе статуты послѣ люблинской уніи³⁾. Но это нѣсколько только сдерживало поселенія въ южной Руси поляковъ: польское землевладѣніе въ краѣ могло утверждаться путемъ браковъ, а потомъ и въ тѣ промежутки, когда части литовско-русскихъ областей подпадали полякамъ, что случалось перѣдко въ предѣлахъ Волыни; здѣсь прежде всего и больше всего появился польскій дворянско-землевладѣльческій классъ, отсюда уже польско-дворянская колонизація шла и далѣе на востокъ—въ области Кіевщины, лѣво-бережной Украины и пр. Интенсивность вообще польской колонизаціи въ странѣ въ общихъ чертахъ можетъ быть измѣрена расширеніемъ католицизма, увеличеніемъ католическихъ епархій и монастырей, такъ какъ католицизмъ шелъ въ странѣ рядомъ съ разселеніемъ поляковъ, и въ этомъ отношеніи мы находимъ довольно вѣрныя указанія. Напримѣръ въ Подоліи уже около 1375 г., по мнѣнію г. Симашкевича, была католическая епископія⁴⁾, ибо въ это время достаточно увеличилось число католиковъ пере-

¹⁾ Ibid., стр. XI.

²⁾ Въ 1457 г. Казиміръ подтвердилъ, что во всѣхъ земляхъ Литовскаго Княжества ни должностей и достоинствъ, ни имѣній не будутъ получать чужеземцы, а только природные жители здѣшнихъ областей—русьи да литвини. Потомъ это подтверждено въ 1569 г.—Максимовичъ, т. I, стр. 153, въ 1507 г. Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. II, стр. 34.

³⁾ Въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г., раздѣлъ 3-й, въ артикулѣ 12 постановлено, чтобы не раздавать достоинствъ, имѣній и староствъ чужеземцамъ, заграничникамъ и соседямъ великихъ князей литовскихъ, но все это давать «только Литвѣ, Русѣ, Жюди, родичамъ старожитимъ».—Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ города Вильна, Трокъ и пр., стр. XVIII—XIX.

⁴⁾ Симашкевичъ, стр. 20.

селившимися сюда польскими семействами, и было уже тогда въ подольской епископiи «три парахвiи»: въ Каменецѣ, Смотричѣ и Червоногородѣ ¹⁾; въ 1450 г. возникла парахвiя въ м. Зиньковѣ лети-чевскаго повѣта, на самомъ сѣверо-восточномъ концѣ Подолiи ²⁾; около половины XVI в. въ Подолiи уже было восемь католическихъ парафiй ³⁾ и самый отдаленный брацлавскiй повѣтъ имѣлъ католическiй костель: католицизмъ и его епископiи въ тоже время показываютъ, что польское населенiе было и въ тѣхъ областяхъ, которыя не подчинились еще непосредственно польской коронѣ, именно за предѣлами Галицiи и Подолiи: такъ мы знаемъ, что въ XVI в., кромѣ львовской, галицкой и каменецкой епископiи, были еще луцкая, перемышльская, холмская и кiевская ⁴⁾).

Такимъ образомъ, въ литово-польскiй періодъ поляки несомнѣнно жили на всей обитаемой тогда южно-русскими территорiи, но только не въ одинаковомъ количествѣ: % поляковъ чувствительно попижался съ запада на востокъ.

Аналогичное, въ смыслѣ сохраненiя своей національной оригинальности съ поляками, положенiе заняли въ литовско-польскiй періодъ *нѣмцы*. Съ концомъ XII и началомъ XIII ст. на сѣверо-западныхъ окраинахъ земли литовской поселились пѣмцы и немедленно проявили завоевательную тенденцію подъ видомъ религіозной пропаганды католицизма. Но эти религіозные пѣмецкіе рыцаривоины по профессiи, имѣя связь и поддержку себѣ во всемъ католическомъ мірѣ и живя у побережьевъ Балтiйскаго моря, естественно оказались хозяевами балтiйской торговли. И потому понятно, что устремляясь въ страну язычниковъ литовцевъ съ оружіемъ въ рукахъ, они являлись въ христiанскiя области сначала поляковъ, а потомъ литовцевъ и южно-руссовъ вхѣстѣ съ товарами и коммерческими счетами. Сношенiя южно-русскихъ областей мирнаго торговаго характера съ нѣмецкимъ орденомъ завязываются очень рано, особенно съ городомъ Торунемъ, и эти связи идутъ параллельно съ сношенiями съ ганзейскими городами ⁵⁾). Этими путемъ

¹⁾ Ibid., стр. 36.

²⁾ Ibid., стр. 63.

³⁾ Ibid., стр. 93.

⁴⁾ Ibid., стр. 25.

⁵⁾ Шправевичъ, стр. 121, 149

прежде всего нѣмецкое населеніе переходило въ южную Русь, и можно думать, что приливъ нѣмцевъ торговцевъ былъ значителенъ, ибо помимо того, что южная Русь лежала на торговой дорогѣ отъ нѣмцевъ къ Черноморью и въ Татарію и представляла естественный рынокъ, здѣсь еще искусственно создавались условія для увеличенія этого вида населенія: и русскіе князья до татаръ и въ періодъ татарскій, и особенно польскіе короли, а частію и литовскіе великіе князья приглашали нѣмецкихъ торговцевъ въ южно-русскія владѣнія, обеспечивали имъ безопасность личную и имущественную, учреждали для нихъ разныя привилегіи ¹⁾). Нѣмецкіе торговцы появились за этотъ періодъ во всѣхъ болѣе или менѣе участвующихъ въ торговлѣ южно-русскихъ городахъ, а въ нѣкоторыхъ, напр. во Львовѣ, совершенно монополизировали торговлю ²⁾). Тогда же въ городахъ усилился и другой типъ нѣмцевъ ремесленниковъ. Началось поселеніе ихъ, какъ мы уже знаемъ, еще въ лѣтописный періодъ, теперь же оно, съ подчиненіемъ Галицкой Руси Польскѣ усилилось ³⁾), и скоро главная роль въ промышленности края стала принадлежать имъ ⁴⁾). Рядомъ съ торгово-промышленнымъ населеніемъ по южно-русскимъ городамъ жили еще нѣмцы въ видѣ войска. Какъ прежде въ войскахъ галицко-русскихъ князей, такъ еще больше въ войскахъ польскихъ королей всегда было много нѣмецкаго элемента ⁵⁾)—это между прочимъ наемное войско, известное

¹⁾ Ibid., стр. 135, 145—146, 219.

²⁾ Смирновъ, стр. 107; Шараневичъ, стр. 152. Съ 1496 году въ многихъ привилегіяхъ на магдебургское право южно-русскимъ (литовскимъ) городамъ говорится о новыхъ колонистахъ (*advencae*), очевидно нѣмцахъ, такъ какъ войтами такихъ городовъ, напр. Вѣльска, назначаются нѣмцы; они-же вѣстѣ съ шведами описываются откупщиками таможенныхъ пошлинъ, и въ рукахъ нѣмцевъ поступаютъ нѣкоторые изъ конфискованныхъ доходовъ и дворовъ еврейскихъ. Бернадскій стр. 100.

³⁾ Вызывали ремесленниковъ нѣмецкихъ въ край какъ южно-русскіе князья, такъ и польскіе короли.—Смирновъ, стр. 107; Шараневичъ, стр. 152. Chodeniński, стр. 45.

⁴⁾ Szaran., «Rus», стр., 104—106.

⁵⁾ Такъ въ войскѣ перваго князя польскаго Болеслава Тройденевича было много нѣмцевъ, которыхъ мы находимъ подъ двумя знаменами «Пѣйцевъ» и «Сплезапцевъ» (Шараневичъ, стр. 158). Въ 1497 г. въ войскѣ короля Ява, когда онъ ходилъ на молдаванъ, находились пруссаки.—Szaran., стр. 66.

подъ именемъ жолнеровъ. Оставляя въ завоеванныхъ на Руси городахъ свои гарнизоны, короли польскіе часто поселяли тамъ именно *нѣмецкое войско*¹⁾). Большинство изъ нѣмецкаго гарнизона, по минованіи надобности въ немъ, удалялось, но нѣкоторая часть оставалась здѣсь навсегда. Такъ существуетъ мнѣніе, что «нѣмцы во Львовѣ суть потомками королевскихъ жолдаковъ, которымъ будто-бы король по первомъ уже завоеваніи Львова повѣрилъ стражу городскую»²⁾). Указаннаго типа нѣмецкое населеніе проживало во всѣхъ городахъ западной половины южной Руси, а также въ значительной части восточной, напр. въ г. Бѣльскѣ³⁾, Луцкѣ⁴⁾, Кременцѣ⁵⁾, Ровно⁶⁾ и пр. Не находимъ въ этотъ періодъ нѣмцевъ только въ подлѣпровскихъ городахъ, хотя направленіе торговли заставляетъ предполагать ихъ и въ такихъ торговыхъ центрахъ, какъ Кіевъ. Нѣмцы-горожане, кромѣ отправленія военныхъ обязанностей и помимо занятій торговлею и ремеслами, занимались еще земледѣіемъ, такъ какъ города, падѣленные правомъ магдебургскимъ, всегда владѣли виѣ городскихъ поселеній «лѣнами», «пустошами», лѣсами и пр. Сверхъ того нѣмцы, въ качествѣ частныхъ лицъ, рано начали пріобрѣтать земельную собственность, и во второй половинѣ XV в. въ земляхъ русскіихъ было уже много виѣ городскихъ поселеній осѣдлыхъ нѣмцевъ, которые покупкою или черезъ закладъ владѣли земельными имуществами⁷⁾; въ восточ-

¹⁾ Въ 1340 г. Казиміръ въ русскіихъ городахъ (Переяслѣ, Любачевѣ, Туставѣ, Галичѣ, Тереволѣ и Львовѣ) «оставилъ для обозначенія новаго порядка *нѣмецку засаду*»; во время Владислава Опольскаго «задога, зложена съ Силезановъ, всажена была по головныхъ городахъ русскіихъ» (Szaran., стр. 158, 252). Въ 1342 г. Казиміръ Великій «zaprowadził do Lwowa osadę niemieców, którzy wojskowo pod chorągiewami jego służyli» (Chodzeniecky, стр. 38); по Зилороничу нѣмецкое войско, въ это время поселенное, равнялось 1200 лицамъ мужскаго пола. — Шараневичъ, стр. 152.

²⁾ Ibid., стр. 199. Казиміръ многокъ нѣмцевъ изъ львовскаго войска... «jako wysłużonych żołnierzy na żyzne pola zaprowadził. — Chodzeniecky, стр. 42, 70.

³⁾ Акты западной Россіи, т. III, 1563 г., стр. 127.

⁴⁾ Шараневичъ, стр. 340.

⁵⁾ Ibid., стр. 345.

⁶⁾ Szaranewicz, «Rys», стр. 100.

⁷⁾ Ibid., стр. 38. Наприлѣрѣ, въ Ходоровѣ есть лань нѣмца Kotbu въ «Kąkolnikach», упоминается «słodownia» нѣмца Альберта; также были нѣмцы въ

ной Галиціи въ разныхъ краяхъ поселились вѣмцы, рядомъ съ шляхтою, на мелкихъ грунтахъ (лапахъ) и вѣмцамъ-же тогда отдавали перѣдко въ аренду опустѣвшіе двory давнихъ бояръ русскихъ, превративши ихъ въ фольварки ¹⁾. Скоро въ польской Руси вѣмцы появляются и въ числѣ крупныхъ земельныхъ собственников ²⁾. Но важнѣе всего, что въ литовско-польскій періодъ положено было начало той *сельской* вѣмецкой колонизаціи, которая въ южной Россіи практиковалась особенно въ XVIII в. и которая была главнымъ путемъ для вѣмецкой здѣсь колонизаціи. Желая увеличить народонаселеніе, заселить пустопорожня и оставленные (благодаря набѣгамъ татаръ, литвы и молдаво-валаховъ) жителями земли и развить государственное богатство, короли, равно какъ и монастыри и богатая шляхта старались привлечь въ польскія владѣнія иностранцевъ колонистовъ, издавая въ то-же время для нихъ совершенно-отдѣльное льготное положеніе. Вѣмецкіе крестьяне и мѣщане, страдавшіе въ западной Европѣ подъ феодальнымъ гнетомъ, цѣлыми массами устремлялись въ сосѣднія богато-одаренныя природою земли. Главнымъ образомъ переселялись въ южную Русь вѣмцы изъ Силезіи или изъ земель Швецкаго Ордена ³⁾. Особенно богато было переселенцами время Казимира Великаго. Заселеніе шло въ двухъ видахъ: или выдавалась частному лицу привилегія на заселеніе села или на устройство замка ⁴⁾, или колонисты приглашались непосредственно къ поселенію на томъ или другомъ

селахъ около Галича.—Ульрихъ изъ Ялаузи, Дитрихъ Кромеровскій, былъ фольваркъ въ Жидачахъ Эрнестъ изъ Срокъ и его-же нация въ Лапахъ. Ibid., стр. 77,

¹⁾ Ibid., стр. 78.

²⁾ Таими были, напр., дѣдичи или тенетаріи—Николай Казимъ изъ Бабчица, Штекеръ изъ Срокъ, Конрадъ изъ Вратиславицы, Гунтеръ изъ Вукачевки, Тобіашъ Куната изъ Семенова, Мартинъ Майзелъ изъ Старой Бобркы, Эрнестъ изъ Јашки, Кавель Шаврала, Граць и т. д. «Rysz» Szaran., стр. 38.

³⁾ Шараневичъ, стр. 199.

⁴⁾ Напр. Казиміръ выдалъ въ 1336 г. прислелію вѣмцу Бертальду Шенвальдъ на основаніе села Родимо на 40 лапахъ. Аналогично-же происхожденіе изъ силезурской округѣ мѣстечка Фельнгитвиъ, заложенное въ 1382 г., при королѣ центро-польской Людовикѣ фамиліей Гербуртовъ изъ Силезіи. Ibid., стр. 119, 234.

участкѣ¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ различались поселенцы на обрабатываемыхъ уже земляхъ («grządnym gruncie»), или на земляхъ, которыя нужно было еще выкорчевывать: различіе заключалось въ числѣ льготныхъ годовъ отъ повинностей, которыя давались вообще на 8—20 лѣтъ²⁾. Отдѣльныя нѣмецкія колоніи были разбросаны по всей области польской Руси, но особенное обиліе ихъ было на Подгорьѣ, на склонахъ и равнинахъ прикарпатскихъ. Сельская, нѣмецкая колонизація въ это время существовала въ южной Руси исключительно въ ея польской половинѣ; въ литовской-же части можно предполагать нѣмецкія колоніи развѣ по сѣверной границѣ³⁾.

Конечно, въ то смутное время, когда страна страдала отъ нападений и въ краѣ не хватало средства для обезпеченія мирной дѣятельности, страдало на ряду съ прочимъ населеніемъ и нѣмецкое⁴⁾, почему иногда по частямъ и оставляло южно-русскіе предѣлы,—особенно это можно сказать о торговомъ классѣ; но скоро выгоды соціально-экономическія, а равно и разныя льготы и привилегіи съ избыткомъ пополняли убыль⁵⁾. Кромѣ торговыхъ при-

¹⁾ Такъ Казиміръ призывалъ нѣмецкихъ колонистовъ нарочито, а тѣхъ, которые добровольно приходили, благословно принималъ, надѣлялъ ихъ «занами» и «обшарами» и заохочивалъ разными способами до корчешагья лѣзовъ, высунувшаго болотъ и основанія новыхъ селъ или обновленію запустѣлыхъ. Шаран., *ibid.*, стр. 199.

²⁾ Szaran., «Русь», стр. 94.

³⁾ Антоновичъ, «Исторія великаго княжества литовскаго», стр. 110.

⁴⁾ Такъ въ 1376 г. войска литовскія, жудекія и русскія соединились съ волынцами и подѣлавшись на загоны, перешли Савъ, опустошили нѣкое Подгорье и въ длину и въ ширь, города и села, а прежде всего костелы были сожжены, мирные жители—туземцы и колонисты, которые въ великомъ числѣ поселились на Подгорья... были истреблены. Шараневичъ, стр. 218.

⁵⁾ Напр., въ 1343 г. Дмитрій Детко, князьстникъ русскихъ князей, даетъ знать о томъ купцамъ города Торуня, что страна успокоена и чтобы какъ прежде за русскихъ князей, такъ и теперь приходили въ русскія области и ничего не опасались. Ссылаясь на давнишнія права, данныя имъ нѣмецкимъ купцамъ еще предшественниками его русскими князьями, обезпечиваетъ Дмитрій тѣмъ торунскимъ жителямъ, которые-бы захотѣли поселиться во Львовѣ съ обыкновенною головою платою, «дѣдлтетво» (*hereditatem liberam*) давнихъ, за русскихъ князей приобретенныхъ и приобретаемыхъ имуществъ, съ взятіемъ однако тѣхъ потерь, которыя купцы нѣмецкихъ городовъ... во время внутрешнихъ неурядищъ понесли, Шараневичъ, стр. 162.

виллегій, пѣмцы, поселяясь въ южно-русскихъ владѣніяхъ, распоряжался на основаніи своего нѣмецкаго права и дѣлались полными хозяевами земли. Такимъ образомъ нѣмецкое населеніе росло и прибрѣтало силу въ странѣ, особенно-же въ большихъ городахъ, какъ во Львовѣ¹⁾ и Галичѣ, которые за это время совершенно оиѣмечились²⁾. Значеніе нѣмцевъ не ограничилось торгово-промышленною областью, гдѣ они были главными хозяевами, но коснулось и сферъ административно-юридической и религіозной. Изъ среды нѣмцевъ очень часто попадаются лица въ средѣ краевой администраціи³⁾; юридическіе акты писались также на половину по нѣмецки⁴⁾; даже проповѣди въ костелахъ шли на двухъ языкахъ—польскомъ и нѣмецкомъ⁵⁾. Однако и господствовавшая въ польской Руси нѣмецкая стихія въ теченіи всего литовско-польскаго періода, къ концу періода начала уступать мѣсто польской, и эта уступка зависѣла не отъ одного численнаго возрастанія поляковъ, но и отъ этнографическаго подчиненія послѣдними нѣмцевъ; если въ началѣ періода, пока еще въ западной половинѣ южной Руси, были этнологически, политически и культурно сильны южно-русскіе элемент-

1) Во Львовѣ, по выраженію г. Шараневича, «нѣмецкія родины множились въ теченіи времени и выдавали житію горожанъ львовскихъ черезъ многія лѣта характеръ нѣмецкой стихіи» (Шараневичъ, стр. 199). Нѣмцахъ Львовъ обязалъ учрежденіемъ «ustanowień gminnych, składów handlowych i cechów rzemieślniczych» (Chodzeniecki, стр. 40).

2) Златоровичъ, писатель XVIII в., дѣлитъ исторію Галича на 3 періода: русскій до 1340 г., *нѣмецкій* до 1548 и потомъ уже польскій до присоединенія къ Австріи.

3) Тамъ въ XV в. судьей былъ Петръ Голоубецъ изъ Земноводы или Доброводы; послѣ него и судья Яна землемъ судьей былъ тоже нѣмецъ Гуштеръ изъ Сениавы, потомъ видпѣя нѣмцевъ въ числѣ должностныхъ лицъ городекихъ во Львовѣ: Копрадъ Стеныхера, Бартоломея Гакеля, Петра и Матвѣя Голдаста, Мартина Вассерди-Брода, Ильяшанъ Чомберга, Станислава Каарреча и т. д. Szaran., «Rys», стр. 38, Chodzeniecki, стр. 27.

4) Chodzeniecki, стр. 83. Великій князь волынской Дячирій Любартовичъ пишетъ грамоту на нѣмецкомъ языкѣ.—Шараневичъ, стр. 152.

5) Ibid., стр. 83.

ты, можно замѣтить сближеніе нѣмецкое черезъ брачныя союзы съ послѣдними¹⁾, то позже аналогичное сближеніе произошло съ поляками: совмѣстное жительство, аналогичность привилегированнаго положенія и идептячность религіозная (католичество) у нѣмцевъ съ поляками сближали эти двѣ народности, а политическія преимущества поляковъ давали имъ силу надъ нѣмцами и подчиняли ихъ: послѣдовали, какъ всегда, семейныя связи, а вслѣдъ затѣмъ принятіе нѣмцами польскихъ обычаевъ, одежды и пр. и численность нѣмцевъ черезъ это ассимилированіе съ поляками видимо уменьшилась²⁾. Впрочемъ такое слияніе можно отмѣтить лишь въ городахъ, можно его еще предполагать въ земледѣльческомъ классѣ, но въ сельской массѣ нѣмцы стояли изолированно по своимъ бытовымъ оригинальностямъ.

По социальному положенію въ южной Руси къ нѣмцамъ близко стояли *армяне*. Хотя послѣдніе могли являться, какъ отдѣльными лица въ краѣ рано, уже въ XI в., когда они были между соседними румынами³⁾; но собственно переселеніе армянъ въ южную Русь началось въ концѣ XIII в., когда, по завоеваніи Арменія татарами, значительная часть ихъ перешла въ Старый Крымъ (Эски-Крымъ) и оттуда въ Червоную Русь⁴⁾; сюда-же они проникли черезъ Константинополь и Молдаво-Валахію. Переселеніе шло постоянно и незамѣтно, но были и переселенія большими группами: такъ значительныя переселенія армянъ въ южную Русь можно предполагать около 1342 и 1418 гг., и хотя есть мнѣніе, что въ первое время они могли поселиться отдѣльными самостоятельными поселеніями, какими напр. въ Подоліи могли быть деревни «Ормяне» и «Ормянки», лежація недалеко отъ г. Каменца⁵⁾; но вѣроятнѣе всего, что армяне непосредственно прежде всего появились

1) Шараневичъ, стр. 39.

2) Ibid., стр. 83.

3) Палаузовъ, «Румынскія государства—Валахія и Молдавія». Сиб. 1859 г. стр. 20.

4) Смирновъ. «Исторія Галицкаго», стр. III.

5) Палаузовъ, Румын. госп., стр. 20.

6) Слешкевичъ, «Римское католичество и его іерархія въ Подоліи». Каз. Под. 1872 г. стр., 227.

въ городахъ, куда тянуло ихъ преобладающее занятіе—торговля. Въ литовско-польскій періодъ армяне находились въ Галиціи въ гг. Львовѣ¹⁾, въ Галичѣ, Изловцѣ и въ Снятынѣ²⁾; на Волини въ Кремепцѣ, Луцкѣ, Ровно и пр.³⁾; въ Подоліи въ Камепцѣ, въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, Балтѣ⁴⁾; въ Кіевщинѣ—именно въ Кіевѣ⁵⁾. Въ городахъ армянскія поселенія тогда составляли отдѣльныя колоніи или кварталы, напр. во Львовѣ⁶⁾, но часто они жили вмѣстѣ съ южно-руссами. Судя по количеству церквей, число армянъ было значительно; такъ армянскія церкви въ предѣлахъ только Подоліи были въ Камепцѣ, въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, Балтѣ⁷⁾; съ 1363 г. армяне имѣли своего епископа, который жилъ во Львовѣ⁸⁾. Благодаря особенному характеру того времени, когда постоянная борьба дѣлала почти всѣхъ обитателей воинами, часть и армянъ находилась въ войскахъ русскихъ князей и позже—польскихъ королей⁹⁾; но преобладающее и даже исключительное ихъ занятіе была торговля внутри русскихъ городовъ и съ разными странами: такъ черезъ нихъ происходила связь съ восточными землями¹⁰⁾; имъ тоже можно привнести торговныя сношенія Россіи съ Крымомъ, а также съ Константинополемъ. Скоро армяне въ городахъ Галиціи и польскихъ провинціяхъ Волини и Подоліи, а можетъ быть и въ Кіевщинѣ стали представлять большую и вліятельную часть торговаго населенія, скопили въ своихъ рукахъ большія богатства и приобрѣли значительныя привилегіи, и на ряду съ нѣмцами явились владѣль-

¹⁾ Шараневичъ, стр. 138.

²⁾ Ibid., стр. 198.

³⁾ Акты западной Россіи, т. III, 1563 г., стр. 127; Шараневичъ, стр. 100, 340, 395.

⁴⁾ Сидашкевичъ, Рилск. католичество и пр., стр. 227.

⁵⁾ Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв. кн., стр. 37.

⁶⁾ Szagall. «Czys», стр. 41—32. По словамъ Хедевецкаго Львовъ раздѣлялся на три части, изъ которыхъ восточную занимали русскіе, южную жиды, а сѣверную татары и армяне. Chod., стр. 23.

⁷⁾ Сидашкевичъ, *ibid.*

⁸⁾ Шараневичъ, стр. 198.

⁹⁾ Chodeniecki, стр. 26, 32.

¹⁰⁾ Шараневичъ, стр. 145.

цами земельных угодій и сель¹⁾); съ тѣмъ вмѣстѣ они достигли довольно высокаго значенія въ краѣ²⁾). Нѣтъ у насъ данныхъ, указывающихъ на этнографическое смѣшеніе армянъ съ *красвыми* народностями южной Россіи, но есть факты, наводящіе на мысль объ изолированномъ ихъ положеніи: кромѣ самостоятельной церковной іерархіи и отдѣльности поселеній въ нѣкоторыхъ городахъ, армяне имѣли въ большихъ городахъ свой отдѣльный судъ³⁾ и составляли изъ себя отдѣльное высшее городское общество; такъ напр. во Львовѣ армяне самостоятельно принимали французскаго посла де-Лануа, давали для него балъ съ танцами и поднесли ему цѣнныя подарки⁴⁾).

Упадокъ общей жизни въ странѣ въ эпоху татарщины пропорціонально ослабилъ *еврейское населеніе*, и хотя нѣтъ данныхъ для утвержденія, что еврейское населеніе въ періодъ грозной татарщины исчезло совершенно на территоріи южной Руси, но несомнѣнно, что новое и болѣе обильное заселеніе евреями южной Руси произошло въ періодъ литовско-польскій и сопровождалось переходомъ этого края подъ власть Польши и что какъ густота населенія, такъ и значеніе здѣсь евреевъ было гораздо ощутительнѣе, чѣмъ въ предшествовавшій періодъ. Въ составѣ еврейскаго населенія теперь различаются рельефно двѣ этнографическія группы: евреи-караимы и евреи-талмудисты, или раввинисты. Первые переселялись постепенно, отдѣльными единицами въ южную Русь, изъ Крыма въ XIII, XIV в.⁵⁾, а въ 1363 г., послѣ похода Ольгерда въ Крымъ, караимы въ значительномъ числѣ семей вышли изъ Крыма, были гостеприимно приняты литовскими князьями и поселились сначала въ Трочахъ, а оттуда уже перешли въ волынскіе города, главнымъ образомъ въ Луцкъ⁶⁾, откуда еще позже расселились на западъ—въ Галицію, и на востокъ—въ Придѣбурье.

1) Szaran., «Rys», стр. 37. Антоновичъ, «Кіевскія Старина» 1882 г., изв. кн., стр. 37.

2) Такъ армянинъ Иванъ изъ Львова «*o dostrępie godności królewskiej-go powiernika*». Szaran. «Rys», стр. 37.

3) Смирновъ, стр. III.

4) «Путешествіе де Лануа». «Вѣстникъ зап. Россіи» 1861 г., стр. 44.

5) «Славянскій Сборникъ», т. II, стр. 74—75.

6) Шараневичъ, стр. 230.

Главное занятіе евреевъ-каранмовъ была торговля, но ни своєю численностью, ни своимъ вліяніемъ каранмы не имѣли для страны того значенія, какое приобрѣли евреи-талмудисты, переселившіеся въ страну изъ западной Европы, главнымъ образомъ изъ Германіи¹⁾. Съ начала и до конца періода шло переселеніе евреевъ, хотя и не съ равной силой; замѣтно, что оно увеличивается съ XIV в. во время усиленія и расширенія литовскаго государства на востокъ и польскаго—на западъ южной Руси. Особеннымъ покровительствомъ еврейской колонизаціи отмѣчены въ польскомъ королевствѣ Казиміръ Великій, а въ литовскомъ—Витовтъ и Ягелло²⁾. Общее направленіе колонизаціи съ запада на востокъ: чѣмъ восточнѣе область южной Руси, тѣмъ позже появляются въ ней евреи, такъ что напр. во Владиміръ-Галицкомъ евреи уже были въ 1288 г.³⁾, тогда какъ въ Пинскѣ они появляются лишь въ началѣ XVI ст.⁴⁾. Прежде всего евреи поселялись въ городахъ, особенно замѣтныхъ торгово-промышленной дѣятельностью, изъ нихъ потомъ переходили въ мелкіе населенныя и богатія поселенія, пока наконецъ не достигали и деревень. Въ XIV в. евреи были во многихъ городахъ галицкой Руси: во Львовѣ⁵⁾, Володиміръ⁶⁾, Галичѣ и пр.; на Волыни въ Брестѣ, Луцкѣ⁷⁾, Кобринѣ⁸⁾ и пр.; въ XIV в. находимъ уже ихъ въ Подоліи: въ Каменцѣ⁹⁾, Смотричѣ и пр., въ Кіевщинѣ, именно въ г. Кіевѣ¹⁰⁾, а въ XVI в. и въ Пинскѣ, Клецкѣ и пр.; такъ что къ началу XVI в. можно указать еврейскія поселенія даже по лѣвую сторону Днѣпра, напр. въ Путивлѣ¹¹⁾. Что касается общей численности евреевъ, то сравнительно она была не велика: напр. въ г. Кобринѣ, принадлежавшемъ къ берестейскому воеводству, особенно обильномъ тогда евреями, послѣднихъ въ 1563 г. было

1) «Славянскій Сборникъ», т. II, стр. 74—75.

2) Ibid.

3) «Ипатск. Лѣт.», стр. 606.

4) Бершадскій, стр. 347.

5) Шаравеничъ, стр. 198.

6) «Ипатск. Лѣт.», стр. 606.

7) Бершадскій, стр. 200.

8) Акты, издаваемые виленьскою комиссіей, т. V, 1388 г., стр. 153, 157.

9) Szaran. «Rus» et caet, стр. 37.

10) Бершадскій, стр. 261, 345, 408.

11) Ibid., стр. 254.

всего 30 семействъ, да за рѣкою Муховцомъ еще 4 семьи¹⁾; въ мѣстечкѣ Дубочинѣ 19 семей²⁾, въ м. Городцѣ, въ 20 верстахъ отъ Кобрина, 3 семьи³⁾; около того-же времени въ г. Пинскѣ мужчинъ евреевъ было всего 39 человекъ⁴⁾. По расчету г. Бернадскаго въ предѣлахъ литовскаго княжества во второй половинѣ XV в. было евреевъ всѣхъ половъ и возрастовъ отъ 10 до 12,000 человекъ⁵⁾; немногимъ гуще еврейское населеніе было и въ южно-русскихъ провинціяхъ Польши. Какъ горожане, евреи несомнѣнно принимали участіе въ торговлѣ⁶⁾, но видно, что въ то время сильная конкуренція нѣмцевъ, армянъ, венеціанъ и пр. инородцевъ не давала простора еврейству, и оно специализировало свою дѣятельность на *арендаторство* или откупахъ и *ростовничество*; по крайней мѣрѣ актовой матеріалъ особенно отлѣняется въ еврействѣ эти занятія. Евреи были арендаторами *мельницъ*⁷⁾, *таможень* («мыто»⁸⁾ и *кабаковъ* («кашница»⁹⁾, «*соляныя пошмины*»¹⁰⁾, перевозовъ¹¹⁾ и т. п. доходныхъ статей. Еще многочисленнѣе указанія на ростовническую дѣятельность евреевъ съ XIV по XVI в.¹²⁾ Однако, одновременно мы видимъ евреевъ въ качествѣ владѣльцевъ поземельной собственности¹³⁾ и даже болѣе—занимающихся земледѣліемъ¹⁴⁾.

1) «Ревизія кобринской эконومی», стр. 14.

2) Ibid., стр. 136—145.

3) Ibid., стр. 261—263.

4) «Пинцовая книга», стр. III.

5) Бернадскій, стр. 331—335.

6) Ibid., стр. 283, 408; Chodonecki, стр. 26.

7) «Археографическій Сборникъ» 1582 г., стр. 56; Акты, изданные виленьской комис., т. V, стр. 153; т. VI, стр. 33.

8) «Ревизія кобринской эконومی», стр. IV, 14, 135—145; Акты, изданные виленьской комис., т. VI, стр. 67; т. V, стр. 12—14, 153; Szaran., стр. 35—36.

9) Акты, изданные виленьской комис., т. III, стр. 157, 114, 419.

10) Бернадскій, стр. 245—246, 402—404.

11) Въ статутѣ польскаго короля Казимира III, данномъ въ Влеспцѣ въ 1347 г., стр. 82, находится специальная статья о «Лихвѣ жидовской». Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. I. Спб. № 2, стр. 13; тоже самое стр. 20, № 27; Бернадскій, стр. 238, 408—409.

12) Бернадскій, стр. 239, 404—406.

13) Такъ въ 1563 г. пѣтъ 130 уволокъ пахатной городской земли въ г. Клобняхъ «евреи обрабатываютъ 8 уволокъ». «Ревизія кобринской эконومی,

Землевлдѣльцами евреи дѣлались или благодаря пожалованію за личныя услуги королю и князьямъ¹⁾, или по праву мѣщанъ²⁾, или черезъ покупку³⁾, но чаще земля дѣлалась ихъ собственностью за долги. Есть указанія, что евреи занимались и ремеслами⁴⁾, хотя по мнѣнію г. Бершадскаго послѣднее занятіе можно найти главнымъ образомъ у литовскихъ евреевъ, такъ какъ польскіе евреи «нашия, или ремесла жадного не робятъ, только торгуютъ»⁵⁾. Но въ общемъ евреи въ то время представляли *денежную аристократію* въ странѣ, изъ среды которой уже тогда выдѣлялись видные капиталисты; напр. во Львовѣ жидъ Шахио, Болчко, Потко, жидъ и жидовка Йорданы⁶⁾; въ Луцкѣ—Цѣханъ Левановичъ, Тенько Глухій; въ Брестѣ—братья Янковичи, Рабяповичи; въ Кіевѣ—Насаль, Шуминичъ, Рижко и т. д.⁷⁾. Скопленія металлическихъ богатствъ въ рукахъ евреевъ вызывали правительство, какъ польское, такъ и литовское, въ періоды финансовыхъ затрудненій облагать евреевъ денежными повинностями въ значительно большемъ размѣрѣ, чѣмъ прочее населеніе⁸⁾. Съ другой стороны къ евреямъ нерѣдко при-

стр. IV. Около того же времени ииискіе жиды—Лейзаръ Марковичъ съ братьями няѣли свою землю въ селѣ Поспинахъ, полученную ими отъ бояръ... Воловичей *отъ золота*. При повожъ изхѣреніи земли ихъ были отобраны, и жиды получивъ наравнѣ съ остальными мѣщалами съ чиншевой платой уволови. «Иисцовая книга», т. I, стр. 103. Тоже самое повторилось и въ селѣ Качахъ.—*Ibid.*, стр. 127; Бершадскій, стр. 239, 407.

¹⁾ Бершадскій, стр. 367, 404, 406.

²⁾ «Иисцовая книга», т. I, стр. 103.

³⁾ *Ibid.*, стр. 103, 127, 406.

⁴⁾ Бершадскій, стр. 238, 409.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 407.

⁶⁾ Szaran. «Rys» et caet., стр. 351, 361.

⁷⁾ Бершадскій, стр. 398.

⁸⁾ Напр. въ 1456 г. и въ 1472 г. въ польской Руси, въ виду укрѣпленія провинцій, была сдѣлана чрезвычайный сборъ по два гроша отъ каждой гривны стоимости объявленныхъ капиталовъ, а съ евреевъ по 4 гроша (Szaran. «Rys», стр. 36); или въ 1568 г. собрана была специальная денежная подать со всѣхъ «жидовъ», въ вѣнствѣ Великаго Княжества Литовскаго всѣмъ кающихъ... съ мужичинъ, женскаго пола и дѣтей». Собраніе грам. и актовъ городовъ Вильны, Трокъ и

бѣгали при денежныхъ затрудненіяхъ, какъ государственные сапожники, такъ и князья и короли ¹⁾). Последнее обстоятельство въ связи съ развивающеюся замкнутостью еврейской общины ²⁾ помогало къ созданію среди самого еврейства меньшинства аристократіи и рядовой бѣдности ³⁾). Такая организація еврейства пренятствуетъ уясненію соціально-политическаго положенія евреевъ въ южно-русскомъ обществѣ въ литовско-польскій періодъ: евреевъ въ этотъ періодъ то призываютъ и надѣляютъ особыми привилегіями, сравнительно съ кореннымъ населеніемъ ⁴⁾, то ограничивали въ мѣстахъ поселенія ⁵⁾, то поголовно изгоняли изъ страны ⁶⁾). Нужно замѣтить, что изъ всѣхъ ивородцевъ въ литовско-польскій періодъ евреи болѣе другихъ органически слились съ страной, хотя и не повсюду и не во все время они занимали одинаковое положеніе: многое въ ихъ соціальномъ положеніи зависѣло отъ общихъ сословныхъ распоряженій, а равно и отъ мѣстныхъ (напр. городскихъ) привилегій. Съ начала періода, когда еще въ южной Руси не организовалось сословное распределеніе и когда сами евреи не выставили еще рѣзко своихъ этнографическихъ и соціальныхъ оригинальностей, — они, какъ и прочіе ивородцы, являются въ краѣ людьми вольными, свободными подданными великокняжескими и подчиняются непосредственно князьямъ или королю и установленнымъ отъ него властямъ; но потомъ постепенно евреи по мѣсту жительства и по занятіямъ примыкаютъ къ мѣщанамъ, но въ личныхъ правахъ сравниваются со шляхтою ⁷⁾ и вромѣ того пользуются и некоторыми отдѣль-

нр., стр. 171, а въ 1577 г. объявлено о взносѣ евреями податей исключительно золотомъ монетою». Акты, относящіяся къ исторіи западнаго края, т. III, стр. 221.

¹⁾ Бершадскій, стр. 254, 261

²⁾ Бершадскій, стр. 230, 264, 336—337, 343, 345—348, 383.

³⁾ Ibid., стр. 396—401.

⁴⁾ Акты, относящіяся къ исторіи западнаго края, т. 2-й, стр. 221. Акты, издаваемые вил. воя., т. V, стр. 151.

⁵⁾ Акты, относящіяся къ исторіи западнаго края, т. 3-й, стр. 296.

⁶⁾ Ibid., т. 2, стр. 30; Бершадскій, стр. 250—264.

⁷⁾ Акты, относящіяся къ исторіи западнаго края, т. 2, стр. 4; т. 1,

пыми привилегіями, какъ подсудность евреямъ земскому праву ¹⁾, отдѣльность валагаемыхъ повинностей ²⁾, автономность еврейскихъ общинъ и пр. Въ польскихъ провинціяхъ южной Руси положеніе евреямъ было менѣе благоприятно: тамъ существовало гордое шляхетство, которое дѣлило власть административно-политическую съ королями, а потому евреи, какъ сильные конкуренты по богатству, поддерживая королей, пользовались въ это время ненавистью шляхты, которая на своихъ сеймахъ выражала ее въ видѣ разныхъ, перѣдко оскорбительныхъ ограниченій еврейскихъ правъ, напр. относительно костюма, украшеній и пр. Къ концу періода враждебность къ евреямъ замѣчается и въ литовской половинѣ ³⁾ не только въ высшемъ классѣ, но и въ мелкомъ мѣщанствѣ ⁴⁾, замѣтны даже слѣды и этнографическаго сближенія съ южно-русскимъ населеніемъ, выражавшагося въ перемѣнѣ іудейства на православіе и папатолицизмъ. Случаевъ этого рода указывается значительное количество, но всѣ они относятся не къ рядовому еврейству, а къ богатой группѣ откупщиковъ ⁵⁾, которые получали черезъ это преимущества, сравнительно со своими единоовѣрцами. Видно, что и здѣсь побуждали ассимилироваться привилегіи и матеріальныя выгоды; особенно это замѣтно въ періодъ изгнанія евреямъ изъ Литвы (1495—1503), когда въ южной Руси появилось множество откупщиковъ изъ «новокрещенныхъ» ⁶⁾. Такого типа евреи, конечно, сливались съ вмѣстимъ классами южно-русскаго общества. Что касается еврейской массы, то вліяніе южно-руссовъ коснулось ея со стороны оффиціального языка, который у евреямъ, по крайней мѣрѣ въ Литвѣ, былъ русскій ⁷⁾ и фамильных прозвищъ; фамиліи Зубецъ, Рабинъ, Глухій, Момотлавскій, Кравчикъ, Самотыка, Ризко,

1) Ibid., т. II, стр. 221.

2) Агты, изд. вил. кол., т. V, стр. 137—138.

3) Бернадскій, стр. 415.

4) Ibid., стр. 416.

5) Ibid., стр. 254, 260; были впрочемъ переходы въ христіанство евреямъ и среди землевладельцевъ, но не вгруппы. Агты, отъсншіеся къ исторіи западной Россіи, т. I, стр. 174.

6) Ibid., стр. 261.

7) Ibid., стр. 394—395.

Сирота, Козакъ и т. д. были весьма распространены между евреями и носятъ несомнѣнныя черты южно-русской народности.

Къ народамъ, посѣщавшимъ южную Русь и поселявшимся здѣсь по торговымъ мотивамъ, принадлежали *итальянцы*, именно генуэзцы и венеціанцы, до появленія турокъ въ Европѣ овладѣвшіе морскою торговлею на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Монголо-татары не поставили имъ преграды: они прежде другихъ завязали торговыя сношенія съ кочевыми властителями и проникли со своими товарами и съ художникамъ-мастерами въ глубь европейской Татаріи, въ столицу на Ахтубѣ, г. Сарай, гдѣ въ 40 — 50 годахъ находили, да и теперь еще находятъ монеты и разныя издѣлія итальянцевъ и гдѣ остатки построекъ носятъ несомнѣнныя слѣды работы итальянскихъ ремесленниковъ. Но центральною областью торговой дѣятельности итальянцевъ оставалось по прежнему сѣверное побережье Азовскаго и Чернаго морей. Въ XIV ст., по договору (1313 г.) съ ханомъ Узбекомъ, венеціанцы утвердились окончательно въ г. Тамъ (гдѣ теперь Азовъ); по раньше ихъ на сѣверо-восточныя оконечности Азовскаго моря проникли генуэзцы, которые имѣли свои факторіи и поселенія, какъ по восточному берегу Азовскаго моря¹⁾ (Тамаль), такъ и по всему сѣверному побережью Чернаго моря, главнымъ образомъ у устьевъ рѣкъ, а также на Крымскомъ полуостровѣ²⁾. Указанные пункты постоянно были заняты колоніями итальянскими, которыя безпрестанно находились въ сообщеніи со своею метрополіею³⁾. Торговый обмѣнъ итальянцы, конечно, вели и съ прибрежными татарами, но это не ставило имъ препятствія подниматься вверхъ по рѣкамъ и проникать въ глубь южной Руси. Скучные источники изъ интересующей насъ эпохи указываютъ на пребываніе генуэзцевъ и венеціанцевъ (или просто «Влаховъ») какъ въ восточной, такъ и въ западной половинѣ страны. Такъ въ Кіевѣ,

¹⁾ Брунъ, стр. 205- -206. 213, 223.

²⁾ «Путешествіе де-Лануа», «Вѣстникъ Западной Россіи», стр. 47.

³⁾ На пребываніе итальянцевъ въ значительномъ числѣ на побережьяхъ Азовскаго и Чернаго морей указываетъ между прочимъ обиліе морскихъ раковъ съ этихъ мѣстъ, которыя находятся въ наше время въ итальянскую бібліотеку

напр., геспузэцы имѣли на Подольѣ свой торговый дворъ¹⁾; такіе-же дворы находились и по всему Дибетру—въ гг. Аккерманѣ, Бендерахъ, Сорокахъ, Хотинѣ²⁾ и, конечно, въ Подоліи и Галиціи³⁾; можно предполагать итальянцевъ и въ городахъ сѣверной Волыни, такъ какъ есть указанія, что они проживали въ центральныхъ областяхъ литовскаго княжества, напр. въ г. Вильпѣ⁴⁾. Какъ видно по судебнымъ актамъ, итальянцы, по крайней мѣрѣ въ Галиціи, являются не только въ видѣ торговцевъ, но и какъ арендаторы соляныхъ копей русскихъ или заставъ, и даже хозяевами земельныхъ участковъ. Такъ Христофоръ Wlach de S-to Romulo арендовалъ заставу львовскую и русскія соляныя копи въ Дрогобычу; Niccolaj de Stradom арендовалъ заставу городскую, а Wlach Samuъ приобрѣлъ «тенутное» село Лубны, которое прежде было отчиной фамиліи Ходечъ⁵⁾ и т. д. Но пришвъ населенія изъ Италіи въ южную Россію и самыя сношенія между этими странами прекратились съ завоеваніемъ турками Константинополя, а съ подчиненіемъ крымской орды турецкимъ султанахъ при Менгли-Гирей положенъ былъ конецъ итальянскимъ поселеніямъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ: Менгли-Гирей съ помощью турокъ овладѣлъ всеми итальянскими колоніями и постройками; укрѣпленія ихъ частью были разрушены, а частью заняты татарами⁶⁾.

Молдавско-валашки съ XIII в.⁷⁾ сосѣдять съ южно-руссами; они занимають съ этого времени область отъ Дибетра и далѣе на западъ до венгерскихъ поселеній и на югъ отъ южныхъ предѣловъ галицкихъ южно-руссовъ до Чернаго моря. Эта территория пережила всѣ перипетіи той этнографической сутолочи, какую мы очертили

какъ: у Бруна такихъ картъ особенно 8 въ промежуткѣ съ 1318—1497 г.; Брунгъ, стр. 74—77).

¹⁾ Антоновичъ, «Кіевская Старина», стр. 37—42.

²⁾ Ibid., 32.

³⁾ Szaran. «Rus» et caet., стр. 35.

⁴⁾ Акты, относящіеся къ исторіи зап. Россіи, т. III, 1563 г., стр. 127.

⁵⁾ Szaran. «Rus» et caet., стр. 38—39.

⁶⁾ Антоновичъ, «Исторія В. Кн. Лит.», стр. 22.

⁷⁾ Существуетъ однако мнѣніе, что «волохи» еще до татаръ обитали внутри страны между южно-руссами, что шарвардъ «Бесоловскіе князья»

по отношенію къ южно-руссамъ въ доисторической и лѣтописный періоды со своими, конечно, особенностями. Въ завоевательный періодъ Рима страна молдаво-валаховъ входила въ составъ римской имперіи подъ именемъ Дакии, и сюда направлена была римская колонизація; позже здѣсь мы видимъ и готовъ, гунновъ, обровъ, болгаръ, венгровъ, а равно печенѣговъ и половцевъ,—въ лѣтописный періодъ въ Подиѣстровіѣ являются поселенія южныхъ славяно-руссовъ, которыя доходятъ до Чернаго моря; съ нашествіемъ монголовъ и сюда проникають татары, а вслѣдъ за тѣмъ во второй половинѣ XIII ст. поселяются и теперешніе обитатели—валахи и молдаване. Они вышли сюда изъ прикарпатскихъ горъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ валахи обитали гораздо раньше IX в.¹⁾ Валахи переселились изъ вакаранскаго удѣла Венгріи во время нашествія монголовъ на Венгрію²⁾, а молдаване полуостольѣемъ позже изъ мармаронскаго удѣла³⁾ и заняли прилегающія къ южной Россіи пространства, такъ что въ непосредственномъ соприкосновеніи съ южно-руссами находились только поселенія молдаванъ. При отлѣченіи нами выше смѣнъ народностей, изъ которыхъ каждая оставляла послѣ себя несомнѣнно часть своего населенія и слѣды своей этнологической оригинальности, дожившихъ до нашей эпохи обитателей Молдаво-Валахи нужно представлять не цѣльною въ генеалогическомъ отношеніи народностью, а этнографическимъ конгломератомъ, въ которомъ видное мѣсто занимало романское наследіе, сохранившееся въ названіи румыновъ, общемъ для молдаванъ и валаховъ. Ошибочно было бы предполагать, что переселеніе двухъ народностей совершалось въ одинъ разъ: отлѣченные факты указываютъ вѣроятнѣе всего на переселеніе правящихъ классовъ и утвержденіе политико-административной власти молдаво-валаховъ въ по-диѣстровской области, гдѣ существовали уже румынскія поселенія. Роскошные дуга должны всегда быть привлекательнымъ для этого народа, который вель въ то

были волонскаго происхожденія.— *А. С. Петрушевичъ*. Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскую страну въ времена св. Кирилла и Мефодія, Львовъ, 1882 г., стр. 50 и др.

1) Ibid., стр. 43—46.

2) Балаузовъ, стр. 22.

3) Ibid., стр. 63.

время скотоводо-пастушескую жизнь ¹⁾ въ горахъ Трансильваніи и Марморона, и совершенно естественно, что они спускались въ богатую растительностью долины и разселялись здѣсь въ теченіи многихъ лѣтъ. Сначала «валахи» обитали между южно-руссамъ, пока, размножившись, не вытѣснили давнихъ господъ ²⁾, отбросивъ ихъ поселенія на сѣверъ и сѣверо-востокъ, и не основали самостоятельнаго государства Молдавіи, которое въ первое время, имѣя своихъ отдѣльныхъ воеводъ, признавало верховную власть венгерскаго короля. Окрѣпши на новомъ мѣстѣ, валахо-молдавы, или сами, а не то и въ союзѣ съ татарами, дѣлали частые набѣги на есѣднія южно-русскія поселенія ³⁾. Но это не мѣняло однако существованію мирныхъ отношеній между южно-руссамъ и молдаво-валахами, а съ тѣмъ вмѣстѣ прибыванію поселеній послѣднихъ въ южной Россіи. Между прочимъ молдаво-валаховъ мы находимъ въ войскѣ литово-русскихъ князей: такъ Коріятовичи, переходя въ Венгрію, оборону своихъ городовъ въ Подоліи оставили южно-руссамъ и «валахамъ» ⁴⁾, а въ 1432 г. литовское войско противъ поляковъ, предводительствуемое Оедоромъ Острожскимъ, состояло изъ южно-руссовъ, «валаховъ», бессарабовъ и татаръ ⁵⁾. Въ 1422 г. князь г. Каменца литовскаго въ числѣ провожатыхъ де-Лануа находился 2 татарина, 16 руссіянъ и «валаховъ» ⁶⁾. Однако, гораздо болѣе притливъ волопскаго населенія въ страну происходилъ черезъ торговля сношенія. Молдаво-Валахія съ XIV ст. была посред-

¹⁾ Шараневичъ, стр. 185.

²⁾ Сознаніе о томъ, что «волохи» знали территорію, прежде заселенную южно-русскими, видно, жило въ населеніи и веренно къ польской власти: такъ въ 1424 г. Ягайло, убѣждая Сигизмунда идти въ Молдавію и Бессарабію, говорить: «волохи вдерлися въ край и вытѣснивши давнихъ и правопитныхъ жителей русенювъ», поселились въ угодной и плодородной землѣ. Шараневичъ, стр. 341.

³⁾ Въ 1436 г. Брацлавъ былъ взятъ молдавацами (Шараневичъ, стр. 392); въ 1448 г. молдаване и татары напали на подольскую землю (стр. 420). въ 1475 г. молдаване нападаютъ на южную Русь въѣзеть съ татарами и турками. Szaran. «Rys» et caet., стр. 45 и т. д., стр. 109; Сивашевичъ, стр. 369; Chodonecki, стр. 68, 78.

⁴⁾ Шараневичъ, стр. 282.

⁵⁾ Ibid., стр. 376.

⁶⁾ Путешествіе де-Лануа, стр. 46.

ницею въ торговлѣ южной Россіи съ Чернымъ моремъ и Венгріей ¹⁾, при чемъ въ передвиженіи товаровъ принимали участіе и валахо-молдаване, которые и проживали въ южной Руси по своимъ торговымъ дѣламъ. Такихъ торговцевъ изъ валаховъ мы находимъ во Львовѣ ²⁾, Кіевѣ ³⁾, въ Кременціѣ и въ другихъ городахъ ⁴⁾; здѣсь молдаво-валахскіе купцы поселялись надолго и выстраивали на городскихъ земляхъ свои дома ⁵⁾. Кроме того были поселенія въ южной Руси молдаво-валаховъ не торговцевъ: напримѣръ въ 1388 г., по грамотѣ польскаго короля Владислава-Ягелла Ольгердовича, г. Галичь съ волостью былъ отданъ молдавскому воеводѣ Петру ⁶⁾ въ обезпеченіе денежнаго займа ⁷⁾; около 1456 г. молдавейскій канцлеръ (logothet) Михаилъ съ братьями Давидомъ и Дюмой «z sądą godziną swą i z dworgom» вынелъ изъ Молдавіи, а Казиміръ выдалъ ему привилегію на поселеніе въ г. Каменцѣ или въ городахъ Коломыѣ и Дрогобычѣ на Покутѣ, на приобрѣтеніе собственности, веденіе торговли и пр. ⁸⁾. Вообще въ польскій періодъ молдавскіе дворяне (бояре) получали отъ правительства земельныя владѣнія въ южной Россіи, и поселенія ихъ въ ту пору можно предполагать на территоріи теперешней южной Руси въ хотицкомъ уѣздѣ Бессарабин, въ Вуковицѣ, Галиціи и отчасти въ юго-западной части подольской губерніи, хотя отдѣльные случаи поселенія ихъ видны и въ восточной части южной Руси, напримѣръ фамилія «Влахи» встрѣчается въ XVI ст. среди горожанъ пшевскихъ ⁹⁾. Съ XIV ст. выходцы изъ Молдавіи и Валахіи стали селиться значительными

¹⁾ «Купцы сировалили výroбы пшевскихъ по-балтійскихъ городовъ на Русь и черезъ Русь въ Молдавію до Сучавы, и оттолѣ въ землю угорскую и татарскую и наоборотъ гандель съ Татаріей и съ угорскими краями шель таковыя черезъ Молдавію до Львова, а оттолѣ до пшевскихъ прибалтійскихъ городовъ». — Шараневичъ, стр. 322.

²⁾ Szaran. «Rys» et caet., стр. 106.

³⁾ Антоновичъ, «Кіевскія Старина» 1882 г., июль, стр. 27--37.

⁴⁾ Шараневичъ, стр. 395.

⁵⁾ Szaran. «Rys» et caet., стр. 106.

⁶⁾ Акты, относящіяся къ ист. западной Россіи, т. I, стр. 22.

⁷⁾ Szaran. «Rys» et caet., стр. 45. Въ 1396 г. въ с. Ступинцѣ около Самбора жилъ воевода молдавскій, *ibid.*, стр. 58.

⁸⁾ «Пшеванскіе кн.», т. I.

поселеніями въ южной части галицкихъ Карпатъ, гдѣ они пользовались особымъ *волонскимъ правомъ*.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ народностей другія націи имѣли незначительное количество своихъ представителей въ южной Россіи, и о нихъ сохранилось немного свѣдѣній. Къ такимъ народностямъ принадлежатъ: сарацины, венгры, турки, греки, сѣверо и западно-русссы, чехи, сербы, цыгане и остатки прежнихъ южно-русскихъ кочевниковъ, какъ половцы, «черкасы» и печенѣги. Поселенія позднѣйшихъ можно предполагать въ карпатскихъ горахъ, на Цукутьѣ и въ Буковинѣ, именно тамъ, гдѣ теперь обитаютъ *гуцулы*. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ мнѣніи, что гуцулы—потомки древнихъ *узовъ* или лѣтописныхъ торковъ¹⁾ въ смыслѣ этнографическаго слѣнія ихъ съ давно обитавшими южными славяно-руссами. Если въ теперешнемъ названіи карпатскихъ горцевъ трудно узнать лѣтописныхъ узовъ (печенѣговъ), то слѣды поселенія другаго сроднаго съ ними народа—черкасы²⁾ (т. е. одного изъ прикавказскихъ подувочевыхъ народовъ) сохранились прежде всего, какъ въ названіи южно-руссовъ, которыхъ москвичи именовали до конца XVIII в. «черкасами», такъ и въ г. Черкасахъ (кіевск. губ.), гдѣ по преданію при Витовтѣ были поселены цѣлѣнные «ятигорскіе черкасы»³⁾. Что касается *половцевъ*, то мы ихъ встрѣчаемъ въ началѣ этого періода въ средѣ войска южно-русскихъ князей⁴⁾. Кромѣ половцевъ, еще прежде, до монголовъ, служившихъ въ войскахъ князей, можно предполагать, что часть ихъ переселилась въ періодъ самаго нашествія въ галицкую область⁵⁾, гдѣ они постепенно калѣ-

¹⁾ *Виндленецъ*, «Гуцулы, обитатели восточной отрасли Карп. горъ», стр. 18—23.

²⁾ Въ 1545 г. жители г. Канева объявили чиновникамъ, обременявшимъ украинскіе замки такое преданіе: «отъ початку Черкасы и Канева, уходя по велику тягъ рѣкъомъ возни были каневцями, бо яко князь великій литовскій Гедиминъ (сѣвшивъ съ Витовтомъ), завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ, и Черкасы *Патиморскіи*, и привелши черкасовъ часть съ княземъ ихъ, посадилъ ихъ на Сѣпорождѣ (въ бассейнѣ р. Сулы), а иныхъ на Дибирѣ, гдѣ теперь Черкасы сядятъ». — *Автописецъ*, «Петорія В. Кн. Лит.», стр. 65.

³⁾ «Ипатьск. лѣт.», 1243 г., стр. 528, 1249 г., стр. 533, 1251 г., стр. 538, 1252 г., стр. 542, 1253 г., стр. 543.

⁴⁾ Г. Шараневичъ водитъ половцевъ въ болоховскихъ князьяхъ: «Болоховскіе князи, говоритъ онъ, были и всего болоховскаго племени, которіи зрунившись обстали въ областяхъ межи Дибиромъ и Богомъ». — Шараневичъ, стр. 104.

бы растворились въ средѣ окружающаго населенія. Позже, въ эпоху польско-литовскаго владычества мы уже не встрѣчаемъ половцевъ. Наоборотъ, другой народъ кочеваго типа—*сарацины* появился въ предѣлахъ южно-русскихъ именно во второй половинѣ періода. Они прикочевали къ намъ изъ Молдавіи, гдѣ они появились въ началѣ XV в. ¹⁾ изъ Турціи и тогда-же перенли и въ южную Русь.

Кромѣ указанныхъ народностей азіатско-восточнаго происхожденія (печенѣги, черкесы, половцы и цыгане), къ этому циклу нужно отнести еще *сарацины* (или суражцы). Хотя мы встрѣчаемся съ этимъ народомъ еще въ лѣтописный періодъ, однако трудно опредѣленно сказать, какой изъ восточныхъ народовъ нужно разумѣть подъ этимъ именемъ. Въ одномъ случаѣ сарацинами называются татары ²⁾, въ другомъ—арабскіе купцы ³⁾; г. Смирновъ сарацинъ отождествляетъ съ суражцами и считаетъ ихъ жителями торговаго города Судака (Sudaja) или древне-русскаго Суража близъ г. Балаклавы въ Крыму ⁴⁾, а Ходенецкій сарацинъ отождествляетъ съ турками ⁵⁾. Кажется, названіе «сарацины» по южно-русскимъ источникамъ литовско-польскаго періода носитъ то неопредѣленное содержаніе, какое въ наше время названіе ибьмы въ устахъ южно-русскаго простолюдинъ; сарацинами назывались тогда едва-ли не разные представители восточныхъ народовъ. Извѣстія о сарацинахъ, а равно и о суражцахъ относятся къ XIII и XIV вв., въ позднѣйшихъ-же источникахъ они или скрываются подъ другими

¹⁾ Малазювъ, стр. 19—20.

²⁾ Курфюрстъ бранденбургскій Лидовикъ въ письмѣ къ магистру ибьмсаго ордена 1556 г. говоритъ, что литовцы вмѣстѣ съ сарацинами (т. е. татарами) и русинами напали на землю короля польскаго (Шараневичъ, стр. 179). Де-Лануа въ своемъ путешествіи называлъ сарацинами татаръ. Въспикъ вѣдъ западной Россіи, стр. 45.

³⁾ «Левъ, обившии городъ Львовъ, населилъ его купцами изъ востока—сарацинами и изъ галлейскихъ городовъ прабывшими ибьжана», и г. Шараневичъ считаетъ этихъ сарацинъ арабами... «Сарацинъ, т. е. *арабы* купецъ, прабывшій зъ востока».—Шараневичъ, стр. 145.

⁴⁾ По Смирнову Судакъ въ то время былъ складомъ товаровъ, везенныхъ изъ Азии въ Европу, а потому естественно, что суражцы прозывали тогда во Львовѣ, Владимірѣ, Луцкѣ—городахъ, которые принимали участіе въ азіатской торговлѣ.—Смирновъ. «Исторія галицкаго княжества».

⁵⁾ Chodenecki, стр. 27.

названіями, или-же дѣйствительно болѣе не проникаютъ въ предѣлы южной Руси, благодаря туркамъ и подчиненнымъ имъ крымцамъ, порвавшимъ сношенія Востока съ Европою. Хотя сарацины (подъ которыми въ этомъ случаѣ разумѣются татары) мы видимъ и въ южно-русскихъ войскахъ¹⁾, но исключительное занятіе ихъ была торговая дѣятельность. Съ этою цѣлью они проживали въ Луцкѣ, Владимірѣ, Львовѣ и другихъ торговыхъ городахъ. Въ послѣднемъ городѣ ихъ именемъ называлась долго улица, теперешняя Заравенская; здѣсь они жили вмѣстѣ съ евреями и разомъ съ послѣдними изгнаны были за городъ «за хульниа рѣчи противъ Христа и похищеніе христіанскихъ дѣтей²⁾). Численность ихъ была невелика въ южной Руси, да едва-ли сарацины въ большинствѣ случаевъ не были временными обитателями.

Сарацины смѣнили нѣкоторымъ образомъ *турки*, которые со второй половины XV в. начинаютъ вліять на судьбы южной Руси. Около 1475 г. они завоевали Кафу, Килию, Вѣлгородъ, почти всю Бессарабію и подчинили себѣ крымскихъ татаръ³⁾, и съ того времени сношенія съ татарами и молдаванами стали дѣлать набѣги или набѣды на Галицію и Подолію. Но почти одновременно съ турецкими солдатами въ южной Руси являются турецкіе купцы, которыхъ мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ⁴⁾ и въ другихъ литовско-русскихъ городахъ княжества⁵⁾, а равно и въ польско-русскихъ.

Изъ западно-европейскихъ народовъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ уже выше, продолжали обитать въ южной Россіи прежде всего *венгры*. Знакомые намъ уже по лѣтописному періоду *венгры* или *уры* теперь имѣли вліяніе на судьбы южно-русскаго населенія, и то только на Галицію, въ теченіе весьма непродолжительнаго времени: именно, въ концѣ XIV в. (1374) они на нѣкоторое время политически соединились съ Польшей и завладѣли черезъ нею Галиціей⁶⁾. Съ момента политическаго завладѣнія венграми галиціей

1) Шараневичъ, стр. 179; Chodonecki, стр. 32.

2) Chodonecki, стр. 27.

3) Szaran. «Kys», стр. 45; Chodonecki, стр. 60.

4) Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., кн. I, стр. 37.

5) Акты, относ. къ з. Р., т. III, стр. 20; Акты вил. ком., т. V, стр. 12—14.

6) Еще ранѣе черезъ династическій бракъ между 5-ти-лѣтнимъ сыномъ венгерскаго короля Андрея и 2-хъ-лѣтней дочерью краковскаго князя Лешко, Гали-

Русью при Людовикѣ венгерскомъ, войска угорскія, состоявшія изъ венгровъ и силезцевъ, смѣнили въ городахъ и замкахъ польскіе гарнизоны, именно въ Кременцѣ, Олескѣ, Лопатинѣ, Снятинѣ, Рогожнѣ, въ Перемишлѣ, Ярославлѣ, Городкѣ, Тереховлѣ, Галичѣ и обонхъ замкахъ г. Львова ¹⁾. Тогда-же много городовъ и областей, а также мѣстечекъ и селъ на Руси рождено было угорскимъ на-
памъ ²⁾, и такимъ образомъ явились здѣсь венгерскіе землевла-
дѣльцы; позже, въ 1383 г., Ядвига, въ качествѣ королевы Венгріи,
Галиціи и Лодомеріи, выдала грамоту одному изъ венгерскихъ вои-
новъ на владѣніе селомъ въ саподкой землѣ ³⁾, такъ что венгер-
скіе этнографическіе элементы мы должны предполагать, хотя и въ
незначительномъ количествѣ, въ галицкомъ высшемъ землевладѣль-
ческомъ классѣ и, какъ остатки венгерскихъ гарнизоновъ, между
горожанами.

Въ литовско-польскій періодъ продолжали посѣщать южную
Русь греки; они проникали, между прочимъ, въ Кіевъ ⁴⁾; были не-
сомнѣнно и во Львовѣ, гдѣ искали себѣ убійцица многіе жители
Константинополя по разрушеніи его турками ⁵⁾. Появленіе въ юж-
ныхъ степяхъ монголовъ и процвѣтаніе на Черномъ морѣ итальян-
ской торговли ослабили значеніе грековъ въ южно-русской торговлѣ;
одновременно съ этимъ ослабѣло вліяніе ихъ на религіозно-культур-
ную жизнь южно-руссовъ: здѣсь ихъ смѣнили католики—пѣмцы и
православные—*сербы*. Послѣднихъ мы встрѣчаемъ въ польскій пері-
одъ въ числѣ землевладѣльцевъ южной Руси; но главный контин-
гентъ сербы, какъ раньше болгары, дали въ среду русскаго духо-

ція составила въ теченіи 2—3 дѣтъ часть венгерскаго королевства; въ XIV в. при
Людовикѣ Венгерскомъ повторилось политическое господство венгровъ. Указанные
историческіе моменты въ жизни Галиціи имѣютъ то значеніе, что на нихъ венгры
основывали всегда свои политическія притязанія на эту южно-русскую область и
какъ увидимъ, предъявляли ихъ и въ концѣ XVIII в., чѣмъ и облегчили легализи-
рованіе отпаденія этой части южной Руси отъ ея восточной половины присоеди-
неніемъ Галиціи къ австрійской монархіи.

¹⁾ Шараневичъ, стр. 233.

²⁾ Ibid., стр. 234.

³⁾ Сяпрровъ, II г.

⁴⁾ Антоновичъ, «Кіевская Старина», стр. 37.

⁵⁾ Szaran. «Rys» et caet., стр. 95, 105; Chodonecki, стр. 56.

вѣстѣя, и потому вліяніе сербовъ въ этотъ періодъ ограничилось областью церкви и богослужебнаго языка ¹⁾. Гораздо шире было вліяніе въ южной Руси другаго славянскаго народа—*чеховъ*. Этотъ славянскій народъ въ рассматриваемое время игралъ въ западной Европѣ роль весьма аналогичную съ тою, какая въ XVIII в. стала принадлежать швейцарцамъ, именно, чехи доставляли своимъ сосѣдямъ, нѣмцамъ, уграмъ, полякамъ и южно-руссамъ наемныя войска. Чешскія «роты» встрѣчаются, какъ въ польской, такъ и въ литовской половинѣ южной Руси и являютя здѣсь, такъ сказать, организаторами регулярнаго войска ²⁾. Но здѣсь, въ южно-русскомъ войскѣ, чехи, какъ и другіе вонны, принимали участіе и въ администраціи страны: такъ въ 1327 г. при Бодеславѣ въ г. Львовѣ разныя должности отданы были полякамъ, нѣмцамъ и чехамъ ³⁾, а также, вѣроятно, получали изъ рукъ королей и земельныя участки. Къ концу періода вліяніе чеховъ расширяется: они принимаютъ участіе въ культурно-религіозной жизни страны, и слѣды этого остались какъ въ духовной литературѣ южной Руси, такъ и въ языкѣ юридическо-административномъ.

Гораздо труднѣе, чѣмъ по отношенію ко всемъ другимъ народностямъ, указать элементы *сѣверо-западныхъ* и *сѣверо-восточныхъ славянъ* въ средѣ южно-руссовъ, что завѣсть какъ отъ бѣдности письменныхъ памятниковъ у этихъ народовъ, такъ еще болѣе отъ родственной близости ихъ съ туземцами, которая мѣшаетъ ихъ выдѣленію. Еще раньше (см. гл. IV), при разсмотрѣніи этнографическаго состава высшаго землевладѣльческаго сословія литовской Руси, мы уже указали на присутствіе западно и сѣверно-руссовъ между землянами, но они несомнѣнно были и внѣ этой сферы; такъ встрѣчаемъ новгородскихъ купцовъ въ галицкихъ и волыньскихъ городахъ ⁴⁾, московскихъ купцовъ—въ Кіевѣ ⁵⁾ (черезъ который шла

¹⁾ Первольфъ, стр. 277—282.

²⁾ «Ипатск. лѣт.», стр. 488; Первольфъ, стр. 163; Шараневичъ, стр. 152, 234

³⁾ Chodenecki, стр. 53.

⁴⁾ Первольфъ, стр. 251—252.

⁵⁾ Шараневичъ, стр. 115.

⁶⁾ Антоновичъ, «Кіевскія Старины», стр. 37; *Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. V, стр. 223.

дорога изъ Москвы въ Константинополь) и въ другихъ литовскихъ городахъ ¹⁾). Но самое сильное общеніе южно-руссовъ съ сѣверно-руссами было на сѣверо-восточныхъ границахъ, гдѣ поселеніе тѣхъ и другихъ соприкасалось и гдѣ происходили непрерывныя взаимныя сношенія ²⁾, чего мы и коснемся въ слѣдующей главѣ.

И. Житецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Букольникъ, стр. 65; Соловьевъ, т. V, стр. 219—220.

²⁾ Акты относит. къ ист. западной Россіи, т. I, гг. 1456, 1486, 1492, стр. 71 и слѣд.; т. II, г. 1509, стр. 60, 62, 66, 143; 1534 г., стр. 327.

ЦЕРКОВЬ и ВИЗАНТИЙСТВО ¹⁾.

Одно только невѣжество можетъ сближать церковь, т. е. строгое и логическое развѣтленіе начала христіанскаго, съ обществами, признающими, но не воплощающими его. *Хомяковъ.*

(Памяти Ф. А. Терновскаго и по адресу В. С. Соловьева).

Что не помнить того единодушнаго горестнаго участія, какимъ ознаменовались въ Кіевѣ проводы въ безвременную могилу ученаго, имя котораго до тѣхъ поръ оставалось едва-ли не для большинства нашего общества если и не совсѣмъ незнакомымъ, то мало и смутно извѣстнымъ. На профессоръ духовныхъ академій привыкли у насъ смотрѣть, какъ на такихъ спеціалистовъ особаго поворота, которые рѣшительно составляютъ для общества отрѣзанный ломоть. Правда, покойный Терновскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и профессоромъ университета, но вѣдь онъ читалъ и въ немъ опять такую «мертвую спеціальность», какъ церковная исторія! Вѣдь и для большинства тѣхъ, которые, казалось-бы, такъ единодушно—осмысленно проводжали въ могилу Достоевскаго, остается вовсе непонятнымъ, какову

¹⁾ Извѣстный нашъ мыслитель, В. С. Соловьевъ своею эксцентричною, хотя и строго проводимою и поддерживаемою мыслию о необходимости для насъ новой уніи съ Римомъ, въ видахъ оживленія и умироточенія нашей церкви, давно вызывалъ и насъ на отвѣтъ, такъ какъ эту мысль онъ рѣшительно подрывалъ значеніемъ той вѣковой борьбы нашего народа съ панствомъ, которая составляетъ славный жизненный нервъ его исторіи и въ большей части ее наполняетъ. Тутъ не

громадную силу не только составляла въ прошедшемъ, но и должна будетъ составлять въ будущемъ именно *церковь* во всей чистотѣ ея кореннаго отличія отъ *государства*, хотя авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ» усиленно налегалъ на это въ самыхъ зрѣлыхъ своихъ трудахъ. Большинство читателей видѣло въ этомъ у знаменитаго романиста-психолога только болѣзненную причуду, которая должна быть просто устранена изъ его произведеній. Но если вопросъ о *церкви* непосредственно связанъ съ официальнымъ положеніемъ автора, то ему окончательно трудно дожидаться вниманія большинства. Вниманіе это можетъ быть возбуждено только какою-нибудь слухомъ о разладѣ автора съ официальнымъ его положеніемъ, о внесеніи имъ въ свой трудъ чего-то будто совсѣмъ посторонняго, тѣмъ только и способнаго возбудить общественный интересъ. Покойный Ф. А. Терновскій, независимо отъ официального своего положенія и обстоятельствъ своей служебной карьеры, заслуживаетъ полнаго вниманія общества какъ ученый, который жнѣйшимъ образомъ принималъ къ сердцу вопросъ о церкви во всей ея чистотѣ.

Въ некрологѣ Ф. А. Терновскаго въ «Новомъ Времени» оказалась важная опечатка—пропускъ: въ перечнѣ трудовъ покойнаго не приведенъ послѣдній и самый важный его трудъ: «Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ», трудъ, появившійся, какъ извѣстно, въ Кіевѣ въ 1883 г., и на обложкѣ коего мы чита-

однакожъ было-бы намъ, стои на строго исторической, притомъ ограниченной почвѣ, возразить г. Соловьеву, витянутому въ широкій области отвлеченныхъ уясвленій. Тѣмъ охотнѣе даемъ мы ябго настоящей статьѣ уважаемаго О. О. Миллера, какъ попыткѣ принципиальнаго разрѣшенія того вопроса о свободѣ и независимости церкви, ея цѣльности и единствѣ, который ходячъ событій выдвинутъ былъ съ собою сплю въ исторіи западно-русской церкви и категорически, вопреки толкованію г. Соловьева, разрѣшенъ въ памятную эпоху введенія униі (См. въ август. кн. Кіев. Стар. 1884 г. ст. О. П. Денискаго: Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII ст.). Не смотря на подборъ фактовъ, ограниченный лишь излюбленною идеею автора, не смотря на узкія рамки, въ какія представляется истинный союзъ церкви съ государствомъ, и неточность нѣкоторыхъ его выводовъ, напр. объ участіи вѣно-логическаго коллегія въ развитіи идеи цезарео-папизма, статья эта послужитъ, надѣемся, новымъ опроверженіемъ той искусственно созданной мысли объ униі съ Рплемъ, прижнненіе которой въ исторіи нашего народа стоило ему такой тяжелой борьбы, страданій и цѣлыхъ потоковъ крови.

Р е д.

емъ: приготавлиется къ печати *синхронистическое изложене византійской и славяно-русской церковной исторіи отъ 842 по 1453 г.* Неожиданная смерть на 46 году жизни помѣшала автору издать это продолженіе своего труда. Если оно сохранилось, какъ надобно думать, въ его бумагахъ, то рано или поздно оно появится на свѣтъ Божій. А пока лучшею данью покойному будетъ—постараться выяснитъ существенныя черты той капитальной части его труда, которая появилась еще при его жизни. Это очень кстати и потому, что трудъ покойнаго даетъ основаніе отвѣтить на вопросъ, недавно поднятый В. С. Соловьевымъ въ «Извѣстіяхъ Славянскаго Общества», съ такой стороны, которой, кажется, не касался никто изъ его возражателей.

Какъ видно изъ посмертныхъ отзывовъ о Терновскомъ и какъ не трудно заключить изъ его собственнаго труда, покойный былъ *человѣкъ* въ настоящемъ смыслѣ этого слова. По мнѣнію нѣкоторыхъ, слово *человѣкъ* должно быть устранимо, какъ опасный соблазнъ, изъ государственной сферы, по мнѣнію другихъ, едва ли не такимъ-же соблазномъ служить оно и въ сферѣ церковной. Прочтите напримѣръ сочиненія—неоспоримо талантливаго г. Леонтьева: «Византизмъ и Славянство» и «Налич новыя христіане», и вы убѣдитесь въ послѣднемъ (набросокъ отвѣта г. Леонтьеву можно найти въ женской книжкѣ Достоевскаго)⁴⁾. Терновскій былъ другаго мнѣнія—и, встрѣчая въ строѣ восточной имперіи черты, повинныя на себѣ отпечатокъ нечеловѣческой, прямо признавалъ ихъ нехристіанскими, хотя-бы тѣ, въ вѣкъ оный проявлялись, официально идеальны въ свое время «благовѣрными» и «благочестивѣйшими». Какъ боролся человѣчества въ его христіанскомъ, *обязательномъ* смыслѣ, покойный не могъ быть причастенъ тому фарисейству, тому религіозному лицемерію, которое каждагодно осуждается въ церкви за внутреннюю великаго вторника чтеніемъ евангелія отъ Матѳея: «горе вамъ книжники и фарисеи лицемеры» (гл. XXIII). Онъ понимаетъ, что фарисейство ведетъ къ тому, что прямо надо назвать, *horribile dicta*, религіозной безнравственностью. Въ этомъ отношеніи онъ прямо сходится съ Хомяковымъ въ его

⁴⁾ Въ 1 т. Полнаго Собранія его сочиненій.

такъ мало у насъ сдѣланныхъ «Запискахъ о всемірной исторіи» (т. III и IV полнаго собранія сочиненій Хомякова).

«Язычество признало побѣду христіанства, но не умерло, говорить Терповскій; напротивъ того оно вопло въ христіанское общество со всѣми своими страстями и пороками. При наплывѣ въ христіанское общество людей, которые принимали новую вѣру только потому, что это было выгодно, нравственные идеалы христіанства помутнились. Не было мучителей, не было костровъ и лютокъ звѣрей, къ которымъ можно было-бы броситься, чтобы стяжать вѣнецъ мученической, но за то не было и вѣнца» (стр. 62—63).

О томъ, каковыя образомъ переходъ въ христіанство могъ стать *выгоднымъ*, и о пагубномъ дѣйствиіи обращенія христіанства въ государственную религію такъ убѣдительно говорилъ Хомяковъ, и остается только удивляться, что Терповскій не ссылался на него.

«Признаваніе ученія апостольскаго, читаемъ мы въ «Запискахъ» Хомякова, вѣрою государственною имѣло важныя послѣдствія, мало и даже едва-ли замѣченныя историческою критикою. Древній Римъ назначалъ себѣ боговъ, признавая себя дѣйствительно единственнымъ богомъ для всѣхъ гражданъ. Такова привычка, почему не было возмущенія противъ введенія христіанства императорами... Императоръ, какъ представитель имперіи, имѣлъ законное право назначить новаго и отставить старыхъ боговъ. Оеодосій пользовался тѣмъ-же правомъ и дѣйствовалъ, самъ того не замѣчая, въ томъ-же нехристіанскомъ смыслѣ. Высокое понятіе о личной вѣрѣ, свободно образующей святую общину, исчезло въ понятіи государственной религіи, обязательной извнѣ... Не то государство есть христіанское, которое признаетъ христіанство, но то, которое признается христіанствомъ; ибо не церковь благословляется государствомъ, но государство церковью... Имперія, объявляя себя христіанскою, присвоила себѣ право, не принадлежащее ей, и давала себѣ безъ согласія церкви (т. е. не только епископовъ, но и внутренняго смысла церкви) мнимое освященіе церковное. Такимъ образомъ вѣра выступала какъ видимая порука за весь государственный строй, чуждый вѣрѣ и завѣщанный міромъ языческимъ... глубокія требованія христіанства отъ міра гражданскаго были усилены императорскою властію и идея государства истинно христіанскаго исчезала изъ

сознанія, изъ воображенія, изъ надеждъ и, такъ сказать, изъ истинноктовъ человѣческихъ» (487—48).

Уши, закрытыя для проповѣди евангельской, открылись убѣжденію императорскаго голоса, и прежніе христіане—мученики исчезли въ толпѣ новыхъ христіанъ льстецовъ... Обращеніе Константины продолило на многіе вѣка существованіе византійской имперіи, но имперія не спаслась отъ гибели, потому что сама (т. е. какъ государство) она не приняла христіанства (479). Мертвое тѣло эллино-римлянина давило христіанина» (564).

Сначала церковь усиленно заботилась о томъ, чтобы христіанство) принималось волюй свободно, но внутреннему убѣжденію, чтобы переходъ въ него не соединился ни съ какими житейскими выгодами. Объ этомъ обстоятельно говорится въ недавно напечатанномъ прекрасномъ трудѣ одного изъ питомцевъ московской духовной академіи, г. Гинарисова: «О свободѣ совѣсти въ древней церкви». Авторъ только нѣсколько увлекается, стараясь свалить всю вину развитія поощрительнаго начала на свѣтскую власть, тогда какъ и сама церковная іерархія мало по малу стала выказывать готовность прибѣгать не только къ поощреніямъ, но и къ преслѣдованіямъ за вѣру. «Христіанскій міръ (говорить Терповскій) заботился не столько объ очищеніи себя отъ моральной языческой порчи, сколько о расширеніи своихъ предѣловъ на счетъ языческаго міра и объ окончательномъ, хотя-бы даже насильственномъ, подавленіи сего послѣдняго» (102). Не долго продолжалась та пора, памятникомъ которой остались золотыя слова «христіанскаго Цицерона» — Дактанція: «къ религіи нельзя принуждать. Ничего нѣтъ столь добровольнаго, какъ религія. Религія—дѣлю по преимуществу добровольное, и нѣтъ никакой необходимости, которая заставила-бы кого либо чтить то, чего онъ не хочетъ. Можно только притвориться, но нельзя въ самомъ дѣлѣ захотѣть насильно» (103). Въ томъ-же духѣ высказывался и св. Григорій Богословъ: «я признаю законнымъ не принуждать, а убѣждать, и нахожу это болѣе полезнымъ, какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кого приводимъ къ Богу. Невольное, сдерживаемое силою, какъ стрѣла, оставленная тетивою и мочучей рукою... при первомъ удобномъ случаѣ презираетъ сдерживающую силу. А добровольное всегда твердо, потому что связано неразрѣпными узами любви». Но образъ мше-

лей св. Григорія, по замѣчанію Терповскаго, далеко не всѣми православными были раздѣляемъ (125). Такіе, согласные съ нимъ и съ Лактанціемъ, настоящіе церковные дѣятели, какъ Василій Великіе и Іоаннъ Златоусты, все болѣе и болѣе становились рѣдкими. Христіанскій призывъ человечества къ свободному, внутреннему единству находилъ слишкомъ сильный отпоръ въ томъ началѣ единства внѣшняго, принудительнаго, которое воплотилось въ міродержавномъ Римѣ, этомъ уиѣщаніи зданія, возведеннаго классическою древностью. Какъ богатымъ, по слову Христову, трудно войти въ царство небесное, такъ и цѣлые сыны классической культуры не легко попадали въ тѣ спасительныя сѣти, которыми смиреннѣе галлѣйскимъ ловцамъ предстояло уловить вселенную. Но не даромъ совершилось чудо Пятидесятницы, не даромъ вѣлическіе, пренебрегаемые греко-римскимъ міромъ, варвары услышали апостоловъ проповѣдующими на всевозможныхъ, отверженныхъ имъ языкахъ. Эти-то варвары главнымъ образомъ и восприняли то цѣлое вино, которое трудно-бы было вмѣстить мѣхамъ старымъ.

Если мы припомнимъ, говорятъ Терповскій, изъ какихъ сложныхъ элементовъ сложилась іерархія и церковная литература въ своемъ золотомъ вѣкѣ, если мы припомнимъ, что Оригенъ, Авлакій, Кириллъ, Автоній, Пахомій и др. были египтяне, Савелій—уроженецъ Кириецъ, Ефремы, Осодоръ, Іоаннъ Златоустъ, Осодоръ—сирійцы, Василій Великій, Григорій Кесарійскій—армяне, Григорій Богословъ—армяно-каппадокіецъ, то мы поймемъ, какимъ осудѣниемъ въ церковной литературѣ и жизни должна была отозваться монополія іерархическаго и богословскаго авторитета, усвоеннаго собою греками съ VII ст. Благодаря этой узкой національной исключительности (такъ знакомой намъ изъ исторіи болгарскаго вопроса и такъ несообразной съ универсальнымъ характеромъ христіанства) церковная жизнь византійской имперіи стояла ниже гражданской, которая постоянно освѣжалась отъ притока другихъ національностей, болѣе грубыхъ, но менѣе изжившихся (406). Ради этой-то узкой національной исключительности покойный митрополитъ Макарій въ своей исторіи русской церкви и называетъ грековъ «нѣмцами древней Руси». Съ этой національною исключительностью Византіи вовсе не согласовалось великое дѣло славянскихъ первоучителей, потому-то едва-ли и вѣстьхъ грековъ, во всякомъ случаѣ

находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстной славянской стихіи. Если дѣло это и допущено было Византіею въ политическихъ видахъ, какъ средство отвлечь славянъ отъ церковнаго подчиненія западу, то не даромъ уже въ X вѣкѣ Черноризцу Храбру пришлось защищать это дѣло отъ предубѣжденныхъ въ своей исключительности грековъ. Но вѣдь эти византійскіе греки сами себя величали *Ромеями*, вѣдь государственнѣмъ языкомъ Византіи были латынь: обѣ стихіи классическаго міра сляпались въ имперію, не даромъ называвшейся восточною *римскою*. На это давно уже обращено вниманіе В. П. Ламанскимъ, хотя нашъ многоуважаемый славистъ и не выводитъ отсюда всего того, что, казалось-бы, должно быть выведено. Дѣло въ томъ, что хотя недавно пасть приглашали «призвать къ себѣ Рюрика изъ Рима», но на самомъ дѣлѣ подобнаго рода «Рюрика» давно уже проникъ къ намъ чрезъ Византію, и намъ не только не нужно обзаведиться новыми, а нужно напротивъ того совершенно раздѣлаться съ прежнимъ—съ римскою стихіею византійства. Эта римская стихія сказалась уже, какъ положительно утверждалъ Хомяковъ, въ самомъ провозглашеніи христіанства государственною религіею со всеѣмъ его неудобнымъ для церкви сабдетіями. Въ этомъ провозглашеніи, какъ и въ дальнѣйшемъ внимательствѣ въ дѣла церкви, слышался императоръ—полтифекель, и не даромъ такой ловкій оппортунистъ, какъ Соофанъ Провоповичъ, счелъ полезнымъ указать на это Петру, обзаводившемуся съ другой стороны графами римской имперіи¹⁾. Между тѣмъ считавшіе себя опекунами и покровителями церкви византійскіе императоры плохо величавались въ богослужебной стихіи: «елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь». Можно-ли признать «облеченіемъ во Христа» Осодосіи Великаго, если въ силу его приказанія (можетъ быть слишкомъ усердно выполненнаго) убито было въ неподрождѣ нѣсколько тысячъ солдатовъ, и Амвросій Медиоланскій, какъ прямой представитель церкви, долженъ былъ

¹⁾ Крайне тяжелое впечатлѣніе произвелъ на насъ газетный отчетъ о депутатѣ въ петербургской духовной академіи, на которомъ будто-бы проводилась мысль о *народности* въ направленіи Соофана. Уже *не народень-ли* послѣ этого и Ст. Яворскій, котораго «Камень Вѣры» привѣялъ подъ защиту прамые іезуиты?! Или не въ сретяческихъ-ли труздахъ должно отвести диссертацію Ю. О. Самарина?!

воспретить ему входъ во храмъ. Но тотъ-же Феодосій съ другой стороны, по замѣчанію Терновскаго, обнародовалъ свое исповѣданіе вѣры, какъ обязательное для всѣхъ подданныхъ, въ указѣ, имѣвшемъ тонъ военнаго деспотизма: «мы желаемъ, чтобы всѣ подвластные намъ народы, содержали вѣру, преданную римлянамъ св. апостоломъ Петромъ» (121). Последнее-же слово его было: «я на враговъ Иисуса Христа смотрю, какъ на своихъ собственныхъ» (129), другими-же словами, онъ готовъ былъ и ихъ избивать, какъ тѣхъ, которыхъ велѣтъ избить въ царствѣ. За это-то у нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, допускавшихъ такое смѣшеніе Божьяго съ кесаревымъ, Феодосій величается царемъ всехвалнымъ, оставившимъ по себѣ приношающую славу (134).

Можно-ли считать «облекшимся во Христа» Юстиніана, если при усмиреніи бунта въ Константинополѣ воины его избили до 30,000 византийцевъ, виноватыхъ и правыхъ (269), а для отлученія императора отъ церкви только не нашлось второго Амвросія?

Можно-ли признать «облекшимся во Христа» Льва Оракіанна, возведеннаго на престолъ Аспаромъ и приказаннаго потомъ умертвить этого самаго Аспара вмѣстѣ съ двумя его сыновьями? Между тѣмъ, такъ какъ Аспаръ былъ аrianинъ, а Левъ строго православный и другъ духовенства, то исторія воцаренія Льва и его отношеній къ Аспару излагается у церковныхъ писателей въ благоприятномъ для императора видѣ (237).

Дѣло въ томъ, что духъ Амвросія Медианскаго и Василия Великаго, какъ и духъ Лактанція и Григорія Богослова, этихъ прямыхъ дѣятелей *церкви* или настоящаго *православія*, постепенно осуждали не только на римскомъ западѣ, но и на греко-римскомъ востокѣ. Между тѣмъ съ кровавою памятью Льва Оракіанна связанъ установленный при немъ въ пятницу Пасхи праздникъ Живоноснаго источника, подобно тому, какъ съ немецше кровавою памятью болѣе поздняго и политически знаменитаго государя связанъ праздникъ всемірнаго Вседвижевія Животворящаго Креста съ его умилительнымъ богослуженіемъ. Когда церковь оглашается нѣніемъ тропаря: «спаси Господи люди твоя и благослови достоиніе твое, побѣды благовѣрному императору нашему на сопротивныя даруя», невольно приходитъ на память, что тропарь этотъ шѣлся предъ Иракліемъ, который освободилъ изъ персидскаго плѣна и слова во-

друзиль на поклоненіе вѣрнымъ крестъ Господень (при немъ и установленъ праздникъ Воздвиженія), но царствованіе котораго началось съ того, что онъ велѣлъ отсѣчь своему предшественнику Фокѣ руки и ноги, а затѣмъ изрѣзать его живымъ на куски! Говорить-ли о томъ, какъ вдова Праклія и его сынъ, по опредѣленію благовѣрнаго синклита, отправлены были въ ссылку—она съ урѣзаньемъ языка, а онъ съ урѣзаньемъ носа? Вспоминать-ли о Константинѣ Погонатѣ, урѣзанномъ носы своимъ двумъ братьямъ и послѣ этого продолжавшемъ, какъ-бы въ насмѣшку, въ теченіи 12 лѣтъ титуловать ихъ августами, или о послѣднемъ Праклідѣ Юстиніанѣ, по прозвищу Ринотметѣ, снова водворившемся послѣ своего сверженія съ престола и кесарѣченія и оставившемъ по себѣ такую память, что каждый разъ, когда онъ снималъ золотой покровъ съ своего изувѣченнаго носа для того, чтобы омыть и провѣтрить его,—это было предѣстиемъ казни кого-либо изъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ царскихъ лиходѣевъ (398). Греческій историкъ Папарригопудо увѣряетъ, будто греки заимствовали обычай членоотсѣченія у сѣверныхъ варваровъ. «Напротивъ, замѣчаетъ Терновскій, мы, сѣверные варвары, учились у грековъ жестокой казни отсѣченія,—и притомъ если въ русской исторіи и были отдѣльные случаи отсѣпленія, то они ничтожны сравнительно съ тѣми отсѣпленіями въ громадномъ размѣрѣ, какія были совершаемы греческими императорами¹⁾. Василій Болгаробойца отсѣпилъ 20,000 болгаръ, а Константинъ Мономахъ 800 русскихъ (408).

Какъ-бы ни-было, но вѣсти отступники духа вѣры и благочестія величались «благовѣрными» и «благочестивѣйшими». Ихъ изображенія торжественно носились по улицамъ для народнаго поклоненія. Когда изображенія императора Фоки и его жены принесены были въ Римъ, то папа Григорій поставилъ ихъ въ церкви св. Кесарія въ латеранскомъ дворцѣ. Сохранились два письма папы въ Фокѣ, въ которыхъ онъ осмѣляетъ его лѣтними похвалами, жалуясь на грубое обращеніе императора Мавршія—того самаго, котораго Фока, свергнувъ съ престола, казнилъ, предвирительно-же заставилъ быть очевидцемъ казни родныхъ сыновей (356). Тотъ-же Фока особеннымъ образомъ увѣчилъ и выставилъ на поруганіе отсѣченными

¹⁾ Это еще ранѣе замѣчено было П. П. Кестомаровымъ.

члены подданныхъ, удержавшихъ царя въ нѣяствѣ, кончили-же тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, что самъ разрѣзанъ былъ на куски и преданъ такому-же поруганію Праклісмъ.

Что-же поддерживало обаяніе власти и положенія въ сферѣ церковной этихъ прямыхъ подражателей Тиверія и Нерона, какъ не сохраненіе за ними стараго языческаго апофеоза?

Изъ одной диссертациі, недавно защищенной въ петербургской духовной академіи, говорится: «языческій Римъ оставилъ въ наслѣдство Риму христіанскому культъ императоровъ, который былъ обставленъ вѣщными приемами, заимствованными отъ персовъ» (стало быть приемами также нехристіанскаго происхожденія). Но авторъ счелъ себя обязаннымъ прибавить, что «культъ былъ смягченъ и видоизмѣненъ подъ вліяніемъ христіанскихъ идей». «Христіанства», продолжаетъ онъ, въ лицѣ Тертуліана и др., возставало противъ такого культа до тѣхъ поръ, пока онъ выражался въ апофеозѣ императоровъ. Но затѣ скоро рѣшено было, что культъ есть только способъ почтенія верховной власти, отцы церкви не могли противъ него возражать». Почему-же? и какъ будто-бы вовсе не возражали? Какъ-же тогда Василиій Великій на угрозы префекта Модеста за то, что онъ *не держится одной авры съ царемъ*, возражалъ: «для меня важно быть въ обществѣ съ вами правителями (почему и не такъ? и вы—Вожія тварь), впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ обществѣ со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ, потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою» (см. у Терновскаго стр. 114). «Христіанами, утверждаетъ г. Скабалаповичъ, допущенъ былъ взглядъ, что императоръ есть человекъ, стоящій непосредственно за Богомъ, который получилъ отъ Бога то, чѣмъ владѣеть, и который ниже одного Бога». Но какъ-же тогда церковь приглашала и императоровъ на ряду со всеми вѣрующими обращаться къ предстательству передъ Богомъ угодниковъ, хотя-бы эти угодники были *представящіе престолюды*? Но одно дѣло—церковь, другое—византійствующіе іерархи, имя-же имъ было легионъ. «На императора, говоритъ далѣе г. Скабалаповичъ, перенесена была извѣстная степень божественнаго величія, выразившаяся во вѣщныхъ формахъ и наименованіяхъ, остатки которыхъ замѣчаются и въ XI вѣкѣ. Къ императору прилагаются эпитеты, указывающіе на его святость и божественность... Императору отдава-

лось почитавіе богоравное (*ἰσθθῆος*), выражавшееся въ поклоненіи (*προσκύνησις*) и въ славословіяхъ (*εὐχαῖραι*)... Поклоненіе состояло въ наклоненіи головы до самой земли и цѣлованія руки, славословія заключались въ многолѣтіяхъ, къ которымъ присовокуплялись хвалебныя эпиграфы; въ этихъ славословіяхъ даже въ XI в., по свидѣтельству папы Льва IV, удерживалась отчасти латинская терминологія... Царь при торжественныхъ приемахъ возсѣдалъ на серебряномъ тронѣ, отдѣленномъ отъ прострательства, предназначавшагося для публички, завѣсой, которая, когда нужно было, поднималась и опускалась... Открытіе и закрытіе завѣсы сопровождалось славословіями¹⁾.

Книга, изъ которой приведены эти выдержки, своею фактической стороною вполне подтверждаетъ воззрѣнія Терновскаго, хотя авторъ и не позволяетъ себѣ отзываться, подобно покойному киевскому профессору, съ прямымъ осужденіемъ о томъ, съ чѣмъ никакъ не мирится живое христіанское чувство.

Мы слышали угрозы свѣтской власти Василию Великому за то, что онъ «держится не одной вѣры съ царемъ». Св. Василий необходимо устоялъ противъ угрозъ царя—аріанина. Но была пелоса, когда и самъ Константинъ Великій, считая православныхъ уже достаточно удовлетворенными постановленіями никейскаго собора, ждать отъ нихъ вѣкоторыхъ уступокъ аріанамъ (не даромъ же и исторіей его была въ дунѣ аріанизмъ), но встрѣтивъ сопротивленіе православныхъ принятію въ общеніе аріанъ, опять прибѣгъ къ репрессивнымъ мѣрамъ, вынудивъ цѣлю научить, что опредѣленіемъ самодержца, направленнымъ къ защитѣ истины, противиться не должно (24).

Когда-же императоры пропагандировали своими декретами не ересь, а православіе, и соединяли такую пропаганду съ угрозами, то едва-ли не большинство духовенства уже не считало такого подкрѣпленія вѣры государственнымъ авторитетомъ ни дерзновеннымъ, ни хотя-бы только пещинскимъ.

«Къ законамъ противъ еретиковъ, говорятъ безъ всякаго цоризанія Созоменъ, Осодосій Великій присовокупилъ и тяжкія наказанія, не приводя ихъ однакоже въ исполненіе, потому что хо-

¹⁾ Скабаланиовича, Виз. госуд. и церковь въ XI в., стр. 144--147.

тѣмъ не наказывать подданныхъ, а только пострѣщать ихъ, чтобы они одинаково съ нимъ мыслили о Богѣ» (129—130).

Самъ патріархъ въ лицѣ впоследствии ставшаго еретикомъ (страшная пропія рока!) Песторія такимъ образомъ обратился въ 428 г. къ императору: «Дай мнѣ землю, очищенную отъ еретиковъ, и я тебѣ дамъ за это небо. Помоги мнѣ истребить еретиковъ, и я помогу тебѣ истребить персовъ» (157).

Эго была, говоритъ Герновскій, обратная сторона или, лучше сказать, неудачное примѣненіе той высокой идеи о *единствѣ человечества*, которой не знало язычество и которая была принесена христіанствомъ» (234).

Но если язычество не знало единства въ смыслѣ всечеловѣческаго братства, то оно вѣдь завершилось единой римской державой. По распаденіи ея на двѣ части и сокрушеніи ея такъ называемыми варварами на западѣ, она вездѣ завѣщала новому Риму въ лицѣ его христіанскихъ первосвященниковъ свои преданія міроваго владычества, какъ будто теперь духовнаго, въ сущности-же снабженнаго всѣми припудительными атрибутами стараго государственнаго пачала, а потому и доходившаго до всевозможныхъ ужасовъ и преступленій. На востокѣ-же уцѣлѣло само государство во всей полнотѣ своего римскаго строя, и въ силу міродержавныхъ преданій Рима византійскіе государи смотрѣли на свою имперію, какъ на единое тѣло для единаго христіанскаго духа, а на себя, какъ на единыхъ царей всего христіанства, съ принятіемъ котораго должна была соединяться зависимость отъ ихъ верховной власти всякихъ другихъ «тавъ называемыхъ» царей. Таовъ смотрѣлъ на дѣло тотъ цареградскій патріархъ, который упрекала великаго князя Василія Дмитріевича, что при немъ перестали у насъ поминать на ектеніяхъ византійскаго императора. «Какъ будто можно признавать церковь и не признавать царя», писалъ онъ въ своемъ любознательномъ посланіи, на которое обратилъ вниманіе В. П. Ламанскій, не сдѣлавшій однако и тутъ, какъ мнѣ кажется, всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые слѣдовало-бы сдѣлать. Выводы эти привели-бы опять къ тому, что къ намъ черезъ Византію давно уже пропісаль Римъ, что хотя мы порою старались раздѣлаться съ нимъ, по обща-тельно раздѣлаться не могли, такъ что въ новомъ усиленномъ признаніи Рима не представляется намъ ни малѣйшей надобности.

«Бога бойтеса, царя чтите», приводилъ патриархъ нашему великому князю слова апостола Петра, приводилъ, толкуя: не сказать «царей, а царя» — нѣ томъ будто-бы смыслѣ, что всего и можете и должны быть одинъ царь на весь крещеный мѣръ. Выходило, значить, что какъ Богъ одинъ, такъ и царь одинъ, т. е. исключительное право на царскую власть имѣеть тотъ византійскій царь, который, по словамъ г. Скабалаповича, «стоялъ непосредственно за Богомъ», на котораго «перенесена была извѣстная (и, какъ видно, не малая) степень божественнаго величія». Вѣдь это своего рода противень папы, какъ намѣстника Иисуса Христа! Но *pontifex maximus* не сразу воскресъ въ лицѣ епископовъ римскихъ. Терновскій указывалъ на то, что папа Григорій Великій, по поводу притязаній константинопольскаго патриарха Иоанна Постыяна величаться вселенскимъ, въ письмахъ къ императору Маврикію старался показать, какая опасность угрожаетъ церкви отъ главенства одного епископа надъ всеми прочими. «Прочь всѣ титула, питающія тщеславіе и нарушающія любовь», писалъ онъ александрійскому патриарху, когда тотъ обратился къ нему съ тѣмъ-же титуломъ вселенскаго. Долго многіе изъ цань представляли только смѣлый отпоръ императорамъ въ ихъ стремленія «наскакивать на церковь Божию». Употребляю поидѣйшнее выраженіе западно-русскихъ епископовъ въ ихъ посланіи къ патриарху цареградекому по поводу независимаго отъ него избранія въ митрополиты Григорія Цимвлага. Этими «наскакиваніемъ» всегда тяготилась лучшіе церковные дѣятели въ самой Византіи. и вотъ, можетъ быть, главная причина того уваженія на востокъ къ кафедрѣ римской, на которое указывалъ въ своихъ статьяхъ В. С. Соловьевъ. Но если цареградскіе патриархи, кафедра которыхъ находилась прямо на глазахъ у престола царскаго, рѣдко отваживались самостоятельнымъ образомъ дѣйствій навлекать на себя гнѣвъ «святыхъ» по своему положенію царей, то и римскіе папы не всегда-же пользовались тѣмъ удобствомъ, какое имъ представляло отсутствіе волеи ихъ кафедры императорскаго престола. Тотъ-же папа Григорій, какъ видѣли мы, счелъ-же возможнымъ и нужнымъ внести въ храмъ изображенія императора Фоки и его супруги. Съ другой стороны они издавна уже стали пользоваться тѣмъ-же удобствомъ своего положенія съ цѣлью мало по малу развить свою собственную власть до такого-же міродержавнаго и придудительнаго значенія, какимъ

запечатлѣна была власть императорская. Выйдя на этотъ путь, папство ознаменовало себя такими дѣйствіями, которыя при идеѣ происхожденія папской власти чрезъ апостола Петра отъ самаго Христа представляются окончательною мерзостью запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Ковчилось-же тѣмъ, что Западъ дошелъ до возведенія въ догматъ папской непогрѣшимости, тогда какъ на христіанскомъ востокѣ постоянно оставалось только непобѣжденнымъ церковью *фактомъ* такъ называемое *цезареопапство*.

«Юстиніанъ, говоритъ Терновскій, былъ самымъ крупнымъ представителемъ того отношенія государства къ церкви, которое извѣстно подъ характернымъ именемъ *цезареопапства*... Если царь есть помазанникъ Божій, избранный и вдохновляемый самимъ Богомъ, то понятно, что царскія полномочія простираются и на область дѣлъ религіозныхъ. 1) Царь можетъ и долженъ покровительствовать церкви въ лицѣ ея служителей. 2) Царю принадлежало право... замѣщать высшія іерархическія должности.—Духовныя лица иногда возставали противъ такого участія императора въ дѣлахъ церковныхъ, но неудачно и неосновательно, ибо это былъ другой логическій выводъ изъ того-же принципа, въ силу котораго императоръ покровительствовалъ церкви и ущедрялъ ея служителей (т. е. допустивъ одно, логически пришлось допустить и другое). 3) Іерархія господствующей церкви всегда стремилась направлять царскій мечъ на враговъ и противниковъ церкви и на непослушныхъ овецъ, не хотѣвшихъ войти *во дворъ овчій*... Но такъ какъ царь... *не безъ ума мечъ носить*, то понятно, что онъ долженъ былъ... опредѣлить законность притязаній іерархій и установить надлежащую имъ мѣру. Это по необходимости вовлекало царя въ участіе въ догматическихъ спорахъ. Онъ долженъ былъ становиться такъ сказать третейскимъ судьей между іерархіею господствующей церкви и еретиками... За царемъ оставалось право обнародовать своими указами обязательную для всѣхъ подданныхъ норму православнаго выраженія и заключительное рѣшеніе по догматическому вопросу» (282—284).

Желая сдѣлать уступку монофизитамъ и державшему ихъ сторону папѣ, Юстиніанъ потребовалъ осужденія трехъ умеренныхъ церковныхъ писателей, устоявшихъ однако-же передъ судомъ халкидонскаго собора.

... «Въ средѣ православныхъ, говоритъ Терновскій, *осужденіе трехъ главъ* было принято съ большимъ неудовольствіемъ, какъ выраженіе личнаго произвола императора». «Къ чему послужить осужденіе наше, говорили западные богословы, если умершіе не могутъ исправиться въ своихъ заблужденіяхъ? Но и къ чему намъ вести войну съ умершими?» ... Въ восточной половинѣ имперіи Юстиніанъ нашелъ болѣе сочувствія или по крайней мѣрѣ меньше противоборства своимъ планамъ. Право царской власти выѣшваться въ догматическіе споры закрѣплено было тамъ долговременною практикою. Но и папа было сдался, а потомъ оицъ отказался отъ своего согласія. Оставалось созвать вселенскій соборъ, въ Италіи, какъ желалъ папа; но императоръ настоялъ на болѣе сподручномъ Константинополѣ. «Соборъ состоялся безъ папы и разумѣется велъ свои совѣщанія безъ разногласія и затрудненій по программѣ изложенной въ грамотѣ императора». *Три главы* были осуждены, а равно и знаменитый Оригенъ. Императоръ сталъ ссылатъ епископовъ, не согласившихся на осужденіе трехъ главъ; оицъ вздаться эдиктъ въ монофизитскомъ духѣ, а патріарха Евтихія, возставшаго противъ этого, отправилъ въ ссылку (299—300).

Евтихій заплатился за то, что не хотѣлъ признать «союза государства съ церковью» въ томъ смыслѣ, какъ понималъ императоръ Юстиніанъ. Въ томъ-же смыслѣ понималъ этотъ «союзъ» и императоръ Конста, когда издалъ тишь: «восприецаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ каволикамъ спорить впрעדъ какими-бы то ни было образомъ объ одной волѣ или одпомъ дѣйствии, двухъ дѣйствиахъ или двухъ хотѣнїяхъ». Горячо возсталъ противъ тища римскій папа Феодоръ. На соборѣ въ Римѣ оицъ отлучилъ отъ церкви константинопольскаго патріарха Павла, по совѣту котораго изданъ былъ тишь (393—384). Но папа при этомъ уже выказалъ всю полноту притязаній римскаго престола на непосредственное и исключительное общеніе со Христомъ, дерзнувъ подписать актъ отлученія Кровію Христовою! За папу Феодора заплатился преемникъ его Мартинъ Исповѣдникъ, раздѣлившій участь другаго исповѣдника, св. Максима, принадлежавшаго уже не западу, а востоку. То были возставшіе съ разныхъ концовъ христіанскаго міра дружные исповѣдники истинной церковности, не мирившіеся съ Юстиніановскимъ пониманіемъ союза между церковью и государствомъ.

Но вотъ въ силу того-же союза новыи Юстиніанъ, такъ называемый Ринотметъ, потребовалъ отъ патріарха, чтобы онъ совершилъ молитвословіе на разрушеніе храма Богоматери, на мѣстѣ котораго императору захотѣлось соорудить фонтанъ. Патріархъ сперва отказался, но потомъ прочелъ молитву, оканчивающуюся словами: «Слава Богу терпящему всегда нынѣ и причесно» и т. д. (393).

Надо думать, что въ «силу юстиніановскаго союза» случилось и то, что хотя бракъ императора Праклія съ Мартиною былъ незаконенъ по причинѣ близкаго родства, и патріархъ Сергій настойчиво умолялъ царя отказаться отъ этого брака, дѣло кончилось тѣмъ, что, видя непреклонность императора, тотъ-же патріархъ самъ пересвѣчалъ его съ Мартиною (380); позже Константъ VI возненавидѣлъ жену свою Марію по навету своей матери Прины, желавшей правестъ сына во всеобщую ненависть, и привудилъ жену постричься, самъ-же беззаконно женился на Θεодогѣ кубукуларіи (фрейлинѣ Прины) и вѣнчалъ ее на царство. Придворный іерей Іосифъ своершилъ царское браковѣнчаніе, а патріархъ Тарасій заблагоразсудилъ покрыть снисхожденіемъ и молчаніемъ совершившійся фактъ... Въ концѣ концовъ приверженцы Прины (монахи) достигли своего желанія: царь по милости матери потерялъ власть и зрѣніе, а Прина осталась единоподдержавною...

Проявленіемъ того-же несчастиваго союза церкви служить съ государствомъ наконецъ и то, что при руководствѣ свнуха монаха Іоанна престарѣлая Зоя могла вступить въ бракъ съ молодымъ красавцемъ Михаиломъ Пафлагономъ и возвести его на престолъ императорскій, погубивъ съ его вѣдома своего супруга Романа Аргира, а патріархъ Алексій могъ рѣшиться ихъ обвинять «послѣ того какъ проѣты были страсти Господни», т. е. послѣ утрени великой Пятницы! Разсказавъ объ этомъ, даже осторожный и уклончивый г. Скабалановичъ выразился такимъ образомъ: «вступленіе на престолъ Михаила Пафлагона было большимъ скандаломъ даже для византійцевъ». Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ возможнымъ, объясняя союзничество патріарха съ Зоєю въ ея подлѣйшіе черныя дни, утверждать, что «и по сану, и по *характеру* онъ былъ защитникомъ справедливости и законности».

*) Византійское государство и церковь въ XI в., стр. 31 и 372.

«Союзъ церкви и государства» понимался, еще и въ иномъ смыслѣ, именно томъ, что церковь нуждается въ государственной защитѣ отъ своихъ враговъ и что государи обязаны удовлетворять эту ея пужду. Левъ III (иконоборецъ) пачаль съ того, что сталъ принуждать ко крещенію евреевъ и монтавиновъ; первые крестились лицемерно, вторые спасались отъ принужденія самоожженіемъ. Быть можетъ, замѣчаетъ Терновскій, этими дѣйствіями Левъ III хотѣлъ упрочить за собою репутацію государя православиѣйшаго и благочестивѣйшаго, которая пужна была ему для проведенія церковной реформы (439).

При Михаилѣ I (противникѣ иконоборства) иноки возобладали при царскомъ дворѣ... но ихъ внушенію еретикамъ павликіаламъ законоположена смертная казнь, какому-то Николаю Эксоціониту за хуленіе противъ св. иконъ отрѣзанъ языкъ (489). Не менѣе характерно и то, что монахи обвиняли оставлепшаго патріарха Іоанна Грамматика, яко-бы онъ выкололъ глаза у иѣкоего иконнаго изображенія, и требовали, чтобы онъ самъ былъ ослѣпленъ. Императрица Теодора смягчила казнь въ томъ смыслѣ, что онъ получилъ 200 ударовъ бича. Затѣмъ при Осодорѣ послѣдовало кровавое гоненіе на павликіапъ, во время котораго пестреблено было различными родами смерти до 100,000 сихъ еретиковъ (498).

Но замѣчанію Терновскаго, вѣкъ иконоборцевъ былъ сравнительно легче для павликіапъ. Иконоборцы, занятые борьбою съ православными, мало обращали вниманія на еретиковъ, а ревнители православія, извѣдавъ собственнымъ опытомъ, что они сами могутъ поцасть въ число преслѣдуемыхъ, припоминали евангельское нареченіе о томъ, что не должно восторгать пивель, чтобы вмѣстѣ съ ними не восторгнуть и пшеницы. Такъ рассуждали по крайней мѣрѣ разумѣйшіе изъ ревнителей православія, напримѣръ Осодоръ Студить, говорившій, что не должно убивать еретиковъ (525). Но онъ-же высказался въ иномъ духѣ по поводу смерти иконоборца Льва V-го, убитаго въ дворцовомъ храмѣ во время утренняго богослуженія въ самый день Рождества Христова 820 г. (Заговорщики вошли подъ видомъ священниковъ и разсѣли императора по частямъ). «Отступнику надлежало именно такимъ образомъ лишиться жизни, писалъ Осодоръ Студить... обнаженному божественные храмы надлежало въ храмѣ Господнемъ увидѣть обнаженные

противъ него мечи; разрушавшему божественный жертвенникъ слѣдовало не получить пощады у жертвенника» (484).

Были на греко-римскомъ востокѣ и кандидаты въ Равальяки— въ родѣ того монаха, который въ 871 г. бросился съ ножемъ на императора Никифора, какъ на друга еретиковъ (476). Тотъ-же духъ проявлялся по временамъ и въ самой массѣ народной. Такъ при императорѣ Анастасіѣ Диррахитѣ въ Константинополѣ было народное возмущеніе по поводу того, что императоръ будто-бы хотѣлъ, согласно обычаю восточныхъ городовъ, присоединить къ трисвятой пѣсни слова: *распныйся за ны, помилуй насъ...* Бунтовщики *требовали другаго царя римской имперіи...* сожгли домъ эвсѣнарха Марина (предполагаемаго совѣтника императора), разграбили его казну... въ домѣ Марина нашли какого-то восточнаго монаха и, схвативъ его, убили и носили голову его на копьѣ съ крикомъ: *«вотъ наставникъ противъ св. Троицы»* (253).

Послѣ всего этого, кажется, ясно, что Іосифъ Волоцкій имѣлъ основаніе въ своемъ ратованіи противъ «жидовствующихъ» ссылаться на ту кровавую практику византійскую, которая вовсе однакоже не убѣждала его противниковъ, проникнутыхъ истиннымъ духомъ Христовымъ заволжскихъ старцевъ. Своего рода историческое основаніе Волоцкій игумень пожалуй имѣлъ и на то, чтобы въ своемъ «Просвѣтителѣ» признавать «градскій законъ» византійскихъ государей столь-же «бог вдохновеннымъ», какъ каноны церковныя, хотя при этомъ онъ и перетолковывалъ—искажалъ того, на кого ссылался, Никола Черногорца. Но если Іосифъ имѣлъ основанія въ *византійствѣ*, то вовсе не имѣлъ ихъ въ *церкви*, какъ исповѣдывалась она Василіями Великими, Григоріями Богословами, Іоаннами Златоустами, и продолжала исповѣдываться у насъ на Руси Ниломъ Сорскимъ, его послѣдователями заволжскими старцами и троицкимъ игуменомъ Артеміемъ.

Когда Геннадій новгородскій помогъ Іосифу тѣмъ, что сослался еще и на испанскую инквизицію, то онъ только подпустилъ въ дѣвно намъ знакомый восточно-римскій, т. е. византійскій источникъ еще подрѣзательную струю изъ источника западно-римскаго или папскаго. Виоцфдствіи-же изъ этого послѣдняго влились къ намъ еще и новыя струи чрезъ нѣкоторыхъ питомцевъ позднѣйшей кіево-могилянскон школы, позднѣйшей Академіи. Какъ-бы искупленіемъ

этого ея грѣха и является отчасти трудъ ея современнаго намъ профессора, такъ преждевременно сю утраченнаго, трудъ, находящійся въ связи съ тою здоровою струею церковной жизни юго-западной Руси, которая сказалась тамъ въ дѣятельности церковныхъ братствъ и ея литературной защитѣ Христофоромъ Бронскимъ. Другая струя сказалась въ «Папезскомъ духѣ» Симеона Полоцкаго, даже и пробавлявшагося одною латынью, сказалась и въ написанномъ имъ отъ имени патриарха Іоакима «Жезлѣ Правленія» и въ уставѣ московской славяно-греко-латинской академіи съ ея курсами «de contractibus diabolicis» (т. е. объ истребленіи колдуновъ огнемъ и мечемъ), а равно и съ учрежденнымъ при ней инквизиціоннымъ трибуналомъ, съ его «*да сожжеться*» за измѣну православію, и наказаніемъ меньшей степени, но все-же государственнымъ наказаніемъ за измѣну *латинству* (что особенно замѣчательно). Не ясно-ли, что мы уже призывали къ себѣ духовныхъ Варяговъ не только чрезъ Византію, но даже и прямо изъ Ватикана. Этотъ прямой призывъ совершился на самомъ рубежѣ древней и новой Руси и въ силу его, какъ разъ передъ петровской реформой, мы стали наконецъ причастны, хотя и въ сравнительно слабой степени, такимъ мерзостямъ западной жизни, какъ кровавое истребленіе предполагаемыхъ колдуновъ и вѣдьмъ и св. инквизиція. Говорю: западной жизни вообще, такъ какъ процессы колдуновъ процвѣтали и у протестантовъ, да и инквизиціонные костры, какъ недавно напомнилъ въ своемъ отвѣтѣ В. С. Соловьеву почтенный А. А. Кирѣевъ, соблазнили-же самаго Кальвина, ислѣдствіе чего игумень Артемій и имѣлъ политѣйшее основаніе проповѣдывать религиозную терпимость и лютеранъ.

Указывая намъ на необходимость живительнаго общенія съ западною церковью, насъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли, будто-бы наша русская церковь была совершенно безплодна—произвела лишь одинъ расколъ. Это самая легкомысленная напраслица про нашу святую церковь. Въ нашей церкви сохранялось такъ долго, и было заглушено только при усиленномъ приливѣ вліяній римскихъ, древнее церковное начало вѣротерпимости, издавна подавленное въ Византіи римскою-же закваскою ея государственной жизни, то начало вѣротерпимости, которое на западѣ вытекало изъ философскаго индифферентизма. Въ нашей церкви крѣпко держались преданія проповѣди

Кирилло-Меодіевской съ ея прямо апостольскими пріемами, которые еще такъ недавно сказались у насъ на глазахъ, въ лицѣ такого преемника цѣлаго рода святыхъ предшественниковъ, какимъ былъ въ Сибири покойный московскій митрополитъ Иннокентій. Въ нашей церкви раздался еще въ XIII в. горячій голосъ противъ избіенія колдуновъ и вѣдьмъ, во имя не какихъ нибудь доводовъ разума, а во имя челоуѣколюбивой боязни напрасной крови, тогда какъ на Западѣ юридическая систематизація этого дѣла оставалась предметомъ самаго челоуѣкоубійственнаго соперovanja между католиками и протестантами. Самъ увлскающійся виновникъ напраслины на нашу церковную жизнь и радѣтель ея обновленія при помощи Запада высказался, какъ извѣстно, однажды въ публичной лекціи противъ смертной казни—и высказался не какъ философъ, а какъ вѣрующій челоуѣкъ. Но вѣдь онъ въ этомъ случаѣ, на зло столь многимъ ученымъ защитникамъ смертной казни, не переводящимся и до сихъ поръ на Западѣ, только вторилъ старо-русскому князю. Этотъ старо-русскій князь, на зло византійскому праву и благодаря св. Кириллу и Меодію, давшимъ ему вмѣстѣ съ его народомъ непосредственный доступъ къ евангелію, умудрился сердцемъ въ свой варварскій вѣкъ до великихъ словъ: «ни права, ни крива не убивайте и не повелѣвайте убити; аще будетъ и повиненъ смерти, души-же не погубяете ни на коя-же христіанцы».

Вмѣсто того, чтобы указывать нашей церкви на политическіе примѣры Гостомысла и Истра I-го, нужно только оживить въ ней ея-же собственный древній духъ—духъ, противный развившемуся въ ней отъ византійско-римской прививки «презлomu осифлянству» (какъ выразился князь Курбскій). Предстоящій въ будущемъ году тысячелѣтній юбилей св. Меодія, скорѣе всего другаго, слѣдовало бы ознаменовать оживленіемъ духа кирилло-меодіевскаго, онъ-же и духъ настоящаго православія, или просто *церкви*, какъ говорил Хомяковъ, т. е. церкви во всей ея чистотѣ и безпримѣности. Только на почвѣ древней соборной церкви, чуждой и папства, и цезареопапства, можетъ произойти настоящее соединеніе церквей. Всякое стремленіе согласить съ соборнымъ началомъ единоличную верховную власть надъ церковью является только возобновленіемъ тѣхъ противоположенныхъ сдѣлокъ между духовнымъ единствомъ христіанскаго міра и языческимъ началомъ міродержавства, во главѣ

которыхъ надо поставить Юстиніановскій, такъ называемый «союзъ между государствомъ и церковью».

Что такое на самомъ дѣлѣ этотъ пресловутый «союзъ», окончательно выясняется у Терновскаго во главѣ объ иконоборцахъ. Приводя мнѣніе о нихъ современнаго греческаго историка, сочувственное противодѣйствию иконоборныхъ императоровъ влерикалажъ, покойный авторъ замѣчаетъ: «старинные русскіе государи Папарригопуло не читали... тѣмъ не менѣе и они становились иногда на точку зрѣнія иконоборныхъ императоровъ. «Нигдѣ-же обрѣцеша, еже не раззоритися царству отъ поновъ владому», разсуждаетъ Иванъ Грозный (514). Уже въ наше время самъ Хомяковъ признавалъ императоровъ иконоборцевъ сильными ревностью и духомъ, признавалъ, что на ихъ сторонѣ были не только войско и вещественныя силы, но «едва-ли также и не чистота намѣреній». Только Хомяковъ былъ дальновиднѣе, а потому и справедливѣе современнаго греческаго историка и лично заинтересованнаго въ дѣлѣ царя Ивана Васильевича, указывая на то, что иконоборцы возставали не только противъ такъ называемыхъ «влерикаловъ», но и противъ самаго народа церковнаго, для котораго издавна «икона сдѣлалась предметомъ любви, уваженія и почтительнаго поклоненія», а въ темной массѣ и предметомъ идолопоклонства, въ чемъ справедливо и усмотрѣно было императорами иконоборцами уклоненіе отъ христіанства. Но ихъ ошибка, по замѣчанію Хомякова, заключалась въ томъ, что «вмѣсто убѣжденія и ученія они въ дѣлѣ исправленія духовнаго вооружились властью... Духовенство возстало противъ незаконнаго употребленія свѣтской власти, къ которой (безпристрастно оговаривается Хомяковъ) оно само часто незаконно прибѣгало»... «Во всемъ движеніи иконоборства, продолжаетъ нашъ неумышленный въ своемъ судѣ историкъ, выражалось стремленіе императоровъ сдѣлаться судьями церкви и занять мѣсто, принадлежавшее по праву императорамъ древняго Рима, поставивъ святую государственнаго выше святини церкви» (Соч. Хомякова IV, 605). Въ такомъ-же духѣ, какъ видѣли мы, императоры нерѣдко поступали и прежде не безъ своего рода поощренія со стороны самаго искавшаго въ нихъ духовенства; но въ вопросѣ о почитаніи иконъ, они—и къ тому-же самыя энергичныя и талантливыя изъ нихъ, зашли уже такъ далеко, что вызвали наконецъ отпоръ духовенства, сильнаго

тѣмъ, что оно опиралось на церковный народъ. Въ сущности и Терновскій смотрѣлъ совершенно также, не соглашаясь съ греческимъ историкомъ во мнѣніи, будто-бы окончательная побѣда государственной власти надъ церковною обезпечила-бы Византіи долгое и счастливое будущее. «Мы русскіе, говоритъ онъ, пережившіе реформу Петра, знаемъ, что и превращеніе церкви въ *вѣдомство православнаго исповѣданія* имѣетъ тоже нѣкоторыя неудобства». (507). Взаимныя «наскокиванія» — кто кого перетянетъ — вотъ къ чему всегда сводился и не могъ не сводиться такъ называемый только «*союзъ государства съ церковью*».

Между тѣмъ его, повидимому, принимаетъ за чистую монету и ставитъ это выраженіе безъ кавычекъ, вовсе не ссылаясь на его изобрѣтателя Юстиніана, авторъ той диссертациі, недавно защищавшейся въ петербургской духовной академіи, о которой уже говорено было выше. Но въ ней-же и оказывается, что «способъ обнаруженія вліянія какъ съ той, такъ и съ другой стороны во многихъ случаяхъ шель въ разрѣзъ съ каноническими правилами, неканоничность его признавалась и высказывалась современниками, тѣмъ не менѣе фактъ продолжалъ существовать». Но если такъ, то зачѣмъ же и называть «союзомъ» то, что на самомъ дѣлѣ заключалось во взаимныхъ *наскокиваніяхъ*, въ силу чего этотъ фактъ и являлся не каноническимъ, тогда какъ настоящій *союзъ* или *миръ*, въ смислѣ воздаванія *божью Богу и кесарю Кесарю*, признанъ и узаконенъ самимъ Христомъ.

До особаго рода *союза*, яко-бы способнаго водворить въ христіанствѣ миръ, договорился В. С. Соловьевъ въ одной изъ своихъ статей въ «Извѣстіяхъ Славянскаго Общества» (Іюль). Это союзъ между императоромъ и самимъ папою, иначе между Византіей и Римомъ. Приѣмъ, придуманный для этого г. Соловьевымъ, заключается въ томъ, что какъ папа, такъ и императоръ, производятся имъ непосредственно отъ самаго Христа — папа отъ его первосвященническаго, императоръ отъ его царственнаго значенія. Но вѣдь подобнаго рода мірской дѣлежъ духовныхъ функцій Спасителя міра на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ бессознательное, но тѣмъ не менѣе возмутительное кощунство. Впрочемъ со стороны г. Соловьева это вполне логично: признавая необходимость единоначалія съ точки зрѣнія римской, онъ долженъ его признать и съ точки зрѣнія

византійской—потому что она та-же римская, одинаковымъ образомъ унаслѣдованная отъ *Рима языческаго*. Безсозпательно г. Соловьевъ, подъ вліяніемъ, надо думать, ловко напущеннаго на него со стороны тумана, святотатственно совершаетъ подмѣну языческаго Рима Христомъ, какъ мнимымъ источникомъ того мірскаго единовластія, безъ котораго будто-бы не можетъ обойтись церковь. Нашъ вѣрующій философъ, къ великому прискорбію своихъ искреннихъ почитателей, обнаруживаетъ жалкое невѣріе въ то единство возрожденнаго во Христѣ человечества, котораго, по словамъ Терповскаго, не зналъ языческій міръ—единство духовное, братское, единство свободной вселенской общины, крѣпкою связью которой является непосредственно самъ Христосъ. Бѣдный В. С. Соловьевъ, все болѣе и болѣе увлекается какою-то злою силою по пути Чаадаева ¹⁾. Онъ никакъ не хочетъ понять, что столь справедливо огорчающее его раздѣленіе во вселенской церкви именно тѣмъ-то и причислено, что она издавна уже перестала полагаться на силу самаго духа Христова, а захотѣла матеріализовать эту силу въ унаслѣдованныхъ отъ языческаго міра двухъ видахъ единоначалія—цапѣ и императорѣ, которые такъ долго тягались между собою изъ за власти, но нашли наконецъ своего миротворца въ лицѣ г. Соловьева. Не желая понять, что вся бѣда церкви въ неосиленномъ ею до конца *язычествѣ*, г. Соловьевъ при всемъ своемъ ратоборствѣ за христіанство въ средѣ философовъ, *язычествуетъ*. Нѣчто подобное произошло въ свое время съ Іосифомъ Волоцкимъ. Онъ, какъ извѣстно, всю свою дѣятельность направлялъ противъ *жидовствующихъ*, а заволжскіе старцы, видя, что онъ не только ихъ обличаетъ, но и стремится ихъ истребить, какъ Илья истребилъ жрецовъ Вааловыхъ, указывали ему на то, что чуждый духу повозавѣтной любви онъ и самъ *субботствуетъ*. Не худо-бы г. Соловьеву, вмѣсто того, чтобы къ удовольствію многихъ чужаки принижать лашу церковь,—вспомнить этотъ поучительный примѣръ изъ ея исторіи.

Кое чему могъ-бы онъ научиться и у раскола—этого, по его словамъ, единственнаго плода нашей многовѣковой церковной жизни. Онъ могъ-бы научиться у его послѣдователей цѣнить соборное на-

¹⁾ Наконецъ-то появлялся въ «Русскомъ Архивѣ» отвѣтное письмо къ нему Пушкина, объ открытіи котораго въ бумагахъ ходилъ уже слухъ.

чало, «вѣрить въ которое, по словамъ г. Соловьева, никто не обязанъ» Дѣло въ томъ, что соборъ для него—это только епископскій сонмъ или синодъ, и онъ не хочетъ знать о служащемъ окончательною санкціею для соборовъ единодушномъ признаніи ихъ міромъ—народомъ церковнымъ. Въ этомъ-то церковномъ единомыслии—порожденіи братскаго согласія и любви и заключается, какъ училъ Хомяковъ, то «непремѣнное ручательство истины», которое вовсе уже не пужается въ единоличной санкціи христіанскаго первосвященника или христіанскаго царя.

Въ письмѣ своемъ въ редакцію «Извѣстій славянскаго общества» въ отвѣтъ на возраженія г. Кирѣева (въ іюльскомъ №) г. Соловьевъ уже прямо становится на противоположную точку зрѣнія, находя «страннымъ» то понятіе, по которому «существованіе церкви обусловлено, какъ онъ выражается, правомъ всѣхъ мірянъ подавать свой рѣшающій голосъ въ церковныхъ дѣлахъ». Это нѣсколько напоминаетъ то, что было замѣчено покойнымъ митрополитомъ Макаріемъ въ его «Исторіи русской церкви» относительно защиты Христофоромъ Бронскимъ широкаго значенія юго-западныхъ братствъ. Только покойный церковный историкъ все-же не рѣшился признать учатіе въ дѣлахъ вѣры мірянъ за «прямое отрицаніе церкви», какъ выразился г. Соловьевъ въ своей послѣдней статьѣ. Употребивъ слово *право*, онъ придалъ всему дѣлу особый юридическій оттѣнокъ, вовсе не существующій у Хомякова. Это смущающее г. Соловьева *право* всѣхъ мірянъ, по дальнѣйшему ложному толкованію имъ того «страннаго» понятія, на которое онъ возстаетъ, заключается въ томъ, что они могли подавать свой рѣшающій голосъ на вселенскихъ соборахъ чрезъ епископовъ, какъ своихъ уполномоченныхъ». Между тѣмъ у Хомякова (которому въ сущности и возражаетъ г. Соловьевъ, только не рѣшается возражать прямо) дѣло представляется далеко не такъ. «Соборъ, говоритъ онъ, былъ не власть, а голосъ... Общее мнѣніе было судьею самаго собора, а соборъ только выраженіемъ духовнаго и правственнаго единства»¹⁾. То есть такъ оно было *въ принципѣ* на христіанскомъ востоцѣ. Чистота принципа на дѣлѣ могла нарушаться принудительнымъ вмѣшательствомъ въ область соборной жизни ви-

¹⁾ Соч. Хомякова, т. IV, стр. 552 и 555.

зантійскихъ императоровъ, но такое внимательство церковью никогда не признавалось за *право*. На западѣ дѣло вообще представлялось въ иномъ видѣ—съ тою примѣсью *юридическихъ* понятій, которая сказалась и въ образѣ выраженія западничающаго г. Соловьева. «На западѣ, говоритъ Хомяковъ, тѣ-же соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на западѣ приговоромъ» (стр. 707). И это-то и имѣло тѣ послѣдствія, которыми соблазняется г. Соловьевъ. «Западъ, договариваетъ тотъ-же Хомяковъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу—владыкѣ древнѣйшаго и почетнѣйшаго изъ западныхъ престоловъ»... (957). Вотъ какимъ образомъ выражается по поводу этого г. Соловьевъ въ своей послѣдней статьѣ: «Католики, признающіе въ папѣ видимаго главу своей церкви, не могутъ отдѣлять его отъ этой церкви, ибо это по ихъ понятіямъ значило-бы обезглавить церковное тѣло». Но опъ въ своемъ качествѣ вселенскаго миротворца держится правила: «*sum cuique*». Сочувствуя папѣ, онъ готовъ сочувствовать и императору. Въ этомъ послѣднемъ, по словамъ В. С. Соловьева, «восточное христіанство сосредоточило свое единство, его единовластію оно предоставило виднѣешее представительство церкви, признавъ императора «варужнымъ архіереемъ», какъ называлъ себя Константинъ Великій». Г. Соловьевъ считаетъ необходимымъ этотъ принципъ, говоря: «въ области церковно-политической мы стоимъ за самостоятельную власть христіанскаго царя и его особое значеніе въ церкви. Но у него не видно, чтобы этотъ принципъ былъ единодушно признанный церковью догматъ; г. Соловьеву какъ будто-бы хочется обратиться въ догматъ—тогда-бы вышло совсѣмъ ужъ по римски—императоръ околчательно сталъ-бы противнемъ папы. И тутъ опять тому, кто корялъ нашу церковь порожденнымъ ею расколомъ, не худо-бы вслушаться въ отзывъ древне церковныхъ возрѣвѣй, уцѣлѣвшій въ тѣхъ словахъ, съ какими обратился протопопъ Аввакумъ къ царю Оеодору Алексѣевичу: «дитятко красное церковное». Настоящія христіанскія отношенія царя къ церкви—отношенія емповнія: царь въ ея глазахъ тотъ старшій сынъ, на котораго воз-

лагаетъ она усиленныя заботы о благополучіи прочихъ своихъ дѣтей. Въ первоначальной церкви общее благополучіе достигалось тѣмъ, что у многочисленнаго общества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее... Не было между ними никого бѣднаго, ибо всѣ владѣльцы помѣстьевъ или домовъ, продавая оныя, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду»¹⁾. Такимъ образомъ постоянно творилось, такъ сказать, чудо умноженія хлѣбовъ—въ томъ иносказательномъ смыслѣ, въ какомъ обобщаетъ его гр. Л. Н. Толстой²⁾. Количество достоянія въ христіанской общинѣ оставалось тоже, что и до крещенія ея членовъ, по этому достоянію хватало теперь на всѣхъ. Но по мѣрѣ того, какъ христіанская община все болѣе и болѣе обращалась въ цѣлый христіанскій міръ при помощи тѣхъ государственныхъ поощрительныхъ преимуществъ, на пагубность которыхъ указываетъ Терновскій, то тѣмъ самымъ стала поддерживаться въ новокрещенныхъ мѣшающее имъ вполнѣ возлюбитъ ближняго старое языческое стремленіе къ большому куску для себя—и то нравственное чудо, въ силу котораго наличнаго хлѣба всегда достаетъ на всѣхъ, становилось опять не возможнымъ. Но тутъ-то и открывалось передъ христіанскимъ царемъ, если онъ дѣйствительно былъ сыномъ церкви, задача возможнаго исправленія, при помощи государственной власти, того общественнаго зла, которое вызвано было въ христіанскомъ мірѣ имѣнательствомъ того-же государственнаго начала. И нѣкоторые изъ византійскихъ царей въ самомъ дѣлѣ являлись «красными дитятками церковными», когда заглаживали грѣхи своихъ предшественниковъ тѣмъ, что умѣряли и ограничивали рабство, развивали и ограждали крестьянскую собственность, благопріятно встрѣчали ту «варвар-

1) Дѣяній апост. гл. IV, стр. 32, 34 и 35.

2) Ссылаясь на неизданное, но столь многимъ уже извѣстное сочиненіе нашего знаменитаго писателя, я далеко отъ того, чтобы соглашаться съ его часто произвольными отношеніями къ Евангелію. Мнѣ только кстади припомянулось его глубокомысленное символизированіе чуда умноженія хлѣбовъ. Символизированіе евангельскихъ фактовъ само по себѣ, какъ извѣстно, составляетъ приѣмъ далеко не новый и нерѣдко употреблявшійся церковными писателями. Намъ русскимъ достаточно вспомнить при этомъ Кирилла Туровскаго.

скую», съ классической точки зрѣнія, стихію славянскую, отъ притока которой въ восточной имперіи завелось и поддерживалось тѣми-же императорами противодѣйствующее общественному неравенству общиное устройство. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ иконоборцевъ оказали болѣе услугъ церкви, чѣмъ цѣлое множество императоровъ, строго православныхъ въ своемъ догматствованіи. «Дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ и нашъ Мономахъ, когда внушалъ своимъ дѣтямъ: «вдову и сироту оправдате сами и не вдавайте сильнымъ погубити челоуѣка». Преимущественно передъ всѣми византійскими государями «дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ тотъ-же старорусскій князь, когда тѣмъ-же своимъ дѣтямъ внушалъ: «ни права, ни крива не убивайте», не смотря на то, что пришлое къ намъ изъ Греціи духовенство старалось убѣдить еще равноапостольнаго Владиміра, что вовсе не грѣхъ казнить смертью разбойниковъ. Въ этомъ случаѣ духовенство руководилось византійскими государственными воззрѣніями, а князья Владиміръ святой и Владиміръ Мономахъ въ своемъ страхѣ пролитія всякой крови руководились тѣмъ чистымъ церковнымъ началомъ, которымъ руководился еще и царь Иванъ Васильевичъ III, такъ долго колеблясь казнить смертью еретиковъ, не смотря на внушенія Волоцкаго игумена съ его мнимой, «боговдохновенностью» гражданскаго закона, и новгородскаго архіепископа съ его примѣромъ «испанскаго короля». «Дитятками красными церковными» были московскіе государи и тогда, когда сами выступали истцами за загубленнаго господиноу крестьянина, если у него не оказывалось близкой родни, вообще доуспали право жалобы крестьянъ на своихъ господъ, отмѣненное только при либеральной ученицѣ французскихъ энциклопедистовъ Екатерины II ¹⁾. «Дитяткомъ краснымъ церковнымъ» былъ наконецъ и государь Александръ Николаевичъ, являясь, по многосказаншимъ словамъ своего воспитателя-христианина, «челоуѣкомъ на

¹⁾ Намъ между тѣхъ недавно опять прожужжали уши о томъ, какъ мы имъ облазаны, по поводу юбилея Дидро! Впрочемъ нѣкоторые утверждаютъ, будто право жалобы отнято еще уложеніемъ Алексѣя Михайловича (перетолковывая его), тогда какъ на это право указываетъ самъ враждебный московскимъ порядкамъ Котлинскій.

тронъ», потому-то и рѣшившимъ заставить господъ отказаться отъ челоуѣкоубійственнаго крѣпостнаго права, тогда какъ по философскимъ воззрѣніямъ Вольтера, ихъ можно было только *приласить* это сдѣлать, но никакъ *не заставить*.

Такіе высокіе образцы воплощенія истиннаго союза церкви съ государствомъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимался онъ вселенскими учителями церкви, даетъ намъ наша собственная исторія. Какъ далеко отступаютъ отъ нихъ всякіе нынѣшніе ученые толки о «союзѣ государства съ церковью» въ юстиніановскомъ смыслѣ и необходимости окончательнаго сочетанія Византіи съ Римомъ! Мы впрочемъ не сомнѣваемся, что если-бы этимъ толкамъ суждено было перейти когда-либо въ дѣло, они могли-бы развѣ обратиться насъ въ повальное бѣгство—но не окольнымъ путемъ въ папскій Римъ, со всѣми его мірскими сквернами, а прямымъ возвратнымъ путемъ въ лоно древней апостольской церкви.

Ор. Миллеръ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА А. Я. СТОРОЖЕНКА.

ВОЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КАВАЛЕРІИ ВЪ ХЕРСОНСКОЙ И ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ.

Помѣщаемый ниже краткій очеркъ исторіи военныхъ поселеній въ Новороссіи имѣетъ извѣстную цѣну, какъ историческій матеріалъ, представляя воспоминанія человѣка, десять лѣтъ прослужившаго подъ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Витта, командира 3-го резервнаго поселеннаго кавалерійскаго корпуса. Первоначально артиллеристъ, Андрей Яковлевичъ Стороженко въ 1818 г. былъ зачисленъ по кавалеріи съ назначеніемъ въ 3-й резервный корпусъ во фронтъ; въ 1823 году графъ Аркачевъ, главный начальникъ по военнымъ поселеніямъ, назначилъ Андрея Яковлевича въ штабъ начальника военного поселенія въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ, на мѣсто майора Голчарова, удаленнаго отъ должности за злоупотребленія по службѣ и въ особенности казеннымъ суммамъ. Одновременно съ назначеніемъ Андрей Яковлевичъ получалъ отъ графа Аркачева инструкцію, указывавшую ему, съ чего онъ долженъ былъ начать исполненіе новой его должности, и характеризующую до нѣкоторой степени самаго Аркачева и его отношенія къ излюбленному его дѣтищу—военнымъ поселеніямъ. Инструкція начинается слѣдующимъ рядомъ вопросовъ, на которые Аркачевъ обращаетъ вниманіе вновь назначеннаго штабъ-офицера.

- 1) Всѣ-ли дѣла въ сохранности и нѣтъ-ли утерянныхъ бумагъ?
- 2) Учреждены-ли Архивъ, сданы-ли дѣла прежнихъ лѣтъ въ оный и въ должномъ ли порядкѣ?
- 3) Со времени утвержденія образованія дивизіоннаго штаба, исполняется-ли порядокъ въ ономъ предписанный по всѣмъ частямъ управленія?
- 4) Чиновники, утвержденные штатомъ назначивые, при тѣхъ-ли должностяхъ, кои имъ опредѣлены?

5) Какія именно дѣла остаются не исполненными, разумѣя, какъ предписанія моя, такъ и представленія къ генераль-лейтенанту графу Витту сдѣланныя и по какой причинѣ?

6) Въ какомъ положеніи типографія и наблюдается-ли тотъ порядокъ, который для нея въ образованіи предписать?

7) Нѣтъ-ли какихъ безпорядковъ вообще по управленію штаба, въ чемъ именно они заключаются и кто онымъ виновенъ?

«Приведа все въ извѣстность, продолжаетъ Аракчеевъ, извольте мнѣ донести по каждому вопросу здѣсь предложенному, имѣя въ виду, что я требую ясности и прямое изложеніе истины безъ всякихъ лишннихъ оговорокъ. При чемъ прилагайте реестръ не рѣшенимъ дѣламъ съ означеніемъ, присмѣете-ли вы на себя окончаніе оныхъ, и къ какому именно времени, и вообще приведеніе въ порядокъ упущенныхъ, ежели бы таковыя существовали».

«Маіору-же Гончарову, заключая строгій начальникъ, исправляющему нынѣ должность дежурнаго штабъ-офицера, вы обязаны дать въ пріемъ штаба письменное свидѣтельство, и въ свидѣтельствѣ семъ означить всѣ несправности, какія окажутся по дѣламъ штаба, а мнѣ представить съ онаго копію.—Послѣ сего все то, что означено будетъ въ выданномъ вамъ свидѣтельствѣ, останется уже на вашей отвѣтственности и взыщется съ васъ однимъ по законамъ».

Инструкція дана въ Харьковѣ.

Однимъ изъ первыхъ приказаній графа Витта его новому штабъ-офицеру было арестовать маіора Гончарова и отправить его въ Петербургъ на судъ. Гончаровъ обвинялся главнымъ образомъ въ растратѣ или лучше сказать въ присвоеніи 229,695 руб. казенныхъ денегъ. Въ сохранившейся по этому дѣлу перепискѣ между нимъ и графомъ Виттомъ оба они взаимно уличаютъ другъ друга въ злоупотребленіяхъ. Въ одномъ изъ писемъ Гончаровъ утверждаетъ, что отчетъ о суммѣ на одинъ милліонъ пятьсотъ семьдесятъ три тысячи рублѣй, находившейся въ распоряженіи графа Витта, сдѣланъ неправильно, безъ доказательствъ и «нѣтъ полныхъ на расходъ сѣ документовъ». «Я оный подписалъ, пишетъ онъ Витту, изъ одного только къ вамъ уваженія, хотя и звалъ всю сего отчета слабую силу къ увѣренію начальства въ истинномъ расходованіи столь значительной суммы; поступокъ таковой должно почитать уже свыше погрѣшности... и я полагаю, что вы не были-бы изъяты отъ отвѣтственности, предписанной воинскимъ уставомъ, если-бы я официально довелъ это до свѣдѣнія начальства».

Въ 1830 г. Андрей Яковлевичъ Стороженко былъ назначенъ членомъ аудиторіата главнаго штаба по военному поселенію и въ концѣ того-же года за «усердіе къ службѣ» получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ членомъ комитета составленія штатовъ. Начальникъ главнаго штаба военныхъ поселеній Клейнмихель поручалъ Андрею Яковлевичу разсмотрѣть, исправить и дополнить сочиненіе полковника Бибисагаго: «Искусство верховой

ъзды». Это порученіе было выполнено съ успѣхомъ и доставило исполнителю похвалу и награду.

Въ «Запискахъ» своихъ Андрей Яковлевичъ нѣсколько рѣзко говоритъ о дѣятельности графа Аракчеева, но, какъ онъ самъ оговаривается въ концѣ Записокъ, это не «желчь человѣка, котораго онъ (Аракчеевъ) гналъ, а безпристрастное отношеніе лица, близко знавшаго дѣятельность Аракчеева по отношенію къ военнымъ поселеніямъ». Къ сожалѣнію, до насъ не дошли собственноручныя письма Аракчеева, о которыхъ упоминаетъ авторъ помѣщаемыхъ за сичъ «Записокъ».

Н. С—ко.

Я не пишу исторіи военныхъ поселеній вообще, ни отдѣльно такъ называвшагося военного поселенія херсонской и екатеринославской губерній при началѣ его; но излагаю о послѣднемъ то, что вѣздалось въ моей памяти.

Мысль императора Александра о военныхъ поселеніяхъ въ Россіи имѣла основаніями сбереженіе расходовъ на войско и водвореніе вояновъ въ вѣдрахъ семействъ своихъ.

Прихѣры этому мы читаемъ въ исторіи Рима; видимъ въ австрійскихъ провинціяхъ, на границахъ имперіи отъ востока. Были военныя поселенія также и у насъ въ новороссійскомъ краѣ, обращенныя потомъ въ «крестьянскій бытъ». Въ послѣдствіи-же, еще предъ 1812 годомъ вновь поселятъ у насъ, въ видѣ опыта, баталіонъ елецкаго пѣхотнаго полка уже въ могилевской губерніи, въ мстиславскомъ уѣздѣ.

По какой причинѣ избрана для сего Бѣлоруссія, страна бѣдная во всемъ, — мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что при всѣхъ изживеніяхъ правительства, при всѣхъ усиліяхъ поселеннаго начальства завести тамъ хлѣбопашество, разчистить и удобрить для этого поля, завести скотоводство, не удавалось. Знаю также и то, что военные въ Бѣлоруссіи поселяне всегда вуждались въ пропитаніи и не могли-бы даже существовать безъ казенной помощи, между тѣмъ какъ дома для нихъ и необходимыя для управленій помѣщенія дорого стоили, не говоря уже о напрасныхъ издержкахъ, происходившихъ отъ перемѣнъ въ распоряженіяхъ.

Почти во всей Бѣлоруссіи тончая, пещаная почва земли покрыта камнями. Чтобы очистить отъ нихъ пашни для военныхъ поселянъ,

приказано было собирать и отвозить камни въ довольно отдаленныя мѣста; — дѣлалось это наймомъ. Въ послѣдствіи, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось развить хлѣбопашество, вздумалось выстроить всѣ штабные строенія. Для фундаментовъ потребовались камни; а какъ они были свезены какъ выше сказано, то опять занимались и люди и подводы, перевозить ихъ на прежнее мѣсто.

Такія и подобныя сими перевозками и переносками строеній обходились дорого; за всѣмъ тѣмъ, однакожь, главный видъ военными поселеніями начальникъ графъ Аракчеевъ, въ годовыхъ отчетныхъ, объявляемыхъ печатными приказами, всегда хвалился сбереженіемъ казны и дѣлаемою имъ экономіею противу смѣтъ, имъ-же самимъ утверждаемыхъ.

О такого рода сбереженіяхъ, или капиталыхъ я скажу ниже; теперь-же, чтобы не прерывать предпринятаго мною разсказа о кавалерійскихъ поселеніяхъ въ ново-россійскомъ краѣ, коснусь только о поселеніяхъ вообще.

Нашествіе французовъ разрушило поселеніе елецкаго баталіона.

Послѣ Вѣнскаго конгресса, 1815 года, Государь снова обратился къ рѣшительной дѣятельности по водворенію войскъ на постоянныхъ жилищахъ въ опредѣленныхъ для сего округахъ.

Говорятъ, что бывшій наставникомъ его, извѣстный Лагарпъ, первый подалъ ему идею столь обширнаго и благотѣльнаго во многихъ видахъ предпріятія. Миръ Европы позволялъ начать, или лучше продолжать оное.

Выполненіе задуманнаго плана поручено было всеильному довѣріемъ Государя, крутому дикою волею, неутомимому графу Аракчееву, и поселеніе въ новгородской губерніи началось иѣхотнымъ полкомъ его имени.

У меня есть печатная тетрадка, на заглавномъ листѣ копей вытиснено: „Положеніе о поселеніи одного иѣхотнаго баталіона. — *Здѣлано въ селѣ Грузинъ; — на рѣкѣ Волховѣ*“. Тетрадка эта начинается знакомъ параграфа съ № 1-мъ тако:

§ 1-й. »Военный поселенникъ есть хозяинъ дома и земли; а дабы отличить прилежнаго отъ нерадиваго, послѣдній, по удостовѣренію

«главнаго надъ военными поселеніями начальника, лишается всей нажитой имъ собственности и ссылается въ Сибирь на поселеніе».

Это написано самимъ графомъ Аракчеевымъ; изъ сего можно заключить какъ о степени образованія его, такъ и о мѣрахъ, какія онъ принималъ по данной ему неограниченной власти.

Дѣлнія графа Аракчеева описаны мною особо, при чемъ приложены какъ упоминаемая здѣсь тетрадка, такъ и другіе факты, а сверхъ того весьма любопытный литературный журналъ, издававшийся при новгородскомъ военномъ поселеніи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ графа Аракчеева.

Журналъ этотъ по статьямъ своимъ, безграмотности писавшихъ ихъ, есть диво дивное въ современную намъ эпоху, и еслибъ онъ не былъ печатный, подобно тетрадкѣ, сдѣланной въ селѣ Грузинѣ, на рѣкѣ Волховѣ, то конечно никто-бы не повѣрилъ существованію его.

Приступимъ теперь къ предмету, который я намѣренъ представить въ краткихъ очеркахъ.

Военное поселеніе въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ началось двумя уланскими дивизіями, украинскою и бугскою, состоявшими подъ командою генераль-лейтенанта графа Витя, и тотчасъ поступило подъ главное начальство графа Аракчеева.

Полки украинской дивизіи были до того козачьими, сформированными по проекту графа Витя на Украинѣ въ войну 1812 года.

Въ составъ полковъ бугской дивизіи поступило по три эскадрона изъ этихъ полковъ украинскихъ, другая-же половина пополнена бугскими козаками, издавна обитающими по рѣкѣ Бугу, кои имѣли своего войсковаго атамана и правленіе, подобное установленному въ донскомъ войскѣ.

Въ украинскіе полки также поступали для приведенія ихъ въ полное состояніе часть бугскихъ козаковъ, жившихъ на границѣ кievской губерніи, въ Червоноѣль, по рѣкамъ Тясминѣ и Синюхѣ. и жители поселенныхъ прежде бывшихъ гусарскихъ полковъ, нерегулярныхъ, обращенныхъ потомъ въ регулярные.

Бугскіе козаки, служившіе въ войны турецкую и французскую и привыкшіе къ вольной козацкой жизни, бунтовались при переименованіи

ихъ въ уланы; не были довольны тѣмъ и свободные поселяне, помнившіе свое гусарство.

Надобно было укротить неповиновеніе доказывающихъ древнія права свои и привилегіи, выслуженныя ими на войнахъ, для чего необходимы были строгія мѣры, коими укрощено наконецъ буйство этой вольницы. Такія мѣры всегда бывають неразлучны съ примѣрными наказаніями виновныхъ.

Признаваемыхъ зачинщиками неповиновенія топяли сквозь строй; многіе, въ томъ числѣ штабъ и оберъ-офицеры бывшаго бугскаго войска сосланы въ Сибирь, что хотя прекратило сопротивленіе явное, но не могло расположить умы въ пользу военныхъ поселеній. Смуты, страхъ, недовѣрчивость изображались на фізіономіяхъ мрачныхъ, проклинавшихъ въ тайнѣ уланину.

Новое поселеніе раздѣлялось на округи полковъ, коимъ даны были Высочайшія грамоты, заключающія въ себѣ благодѣтельную мысль Государя: что округу военныхъ поселящъ даются земли имъ занимаемыя со всѣми угодіями; что жители округа не будутъ платить никакихъ государственныхъ податей, а только содержать будутъ водворяемый въ ономъ полкъ, который укомплектовываться будетъ впродъ изъ жителей округа, и со временемъ въ составъ его войдутъ сыны и внуки поселящъ настоящихъ ховяевъ; слѣдовательно, состоящіе на службѣ не будутъ разлучаться съ семействами своими, среди коихъ пріобрѣтутъ успокоеніе и привѣтіе въ старости.

Эти простыя основанія военныхъ поселеній требовали благоразумнаго развитія ихъ; требовали отъ мѣстнаго начальства самоотверженія, постоянныхъ трудовъ, добра нравственнаго, совѣтливой отчетливости въ дѣйствіяхъ и твердой воли на пути всдущемъ къ прямой цѣли; начальникъ долженъ былъ подавать собою примѣръ подчиненнымъ, начинавшимъ новое для каждаго изъ нихъ дѣло.

У насъ едва-ли не всё зависитъ отъ командира; честность и благодушіе его разнамаютъ на помощниковъ и нисходятъ до вахмистра поселеннаго эскадрона.

Въ исполненіи службы военной необходимъ строгій порядокъ, дисциплина и точность; въ исполненіи-же семейныхъ и хозяйственныхъ

обязанностей сверхъ того нужна еще и снисходительность управляющаго поселенцами, хотя они и называются военными.—Хозяйство не фрунтъ. Послѣдній имѣть на все установленныя правила, а первое можно подчинить имъ только приблизительно.

Хлѣбопашецъ пріобрѣтаетъ нужныя ему свѣдѣнія изъ преданій, изъ собственныхъ опытовъ, ксихъ строевые офицеры, вышедшіе съ полками на поселеніе, имѣть не могли, равно какъ не имѣло ихъ и высшее начальство; слѣдовательно все относящееся къ хозяйству шло на обумъ. Поелику же наружный поринокъ и устройство гораздо легче, нежели внутреннее распоряженіе, то и начали рыть каналы, проводить дороги, дѣлать жостики, красить ворота, устраивать по одному образцу плуги, воловую упряжь, бороны и проч.

Работы эти производились военными поселенцами, хозяевами, кои отрывались отъ хлѣбопашества, теряли охоту къ домоводству, ожидали безпрестанныхъ перемѣнъ и не были увѣрены въ своей собственности.

Выгоды военнаго поселенія кавалеріи весьма просты. Положимъ, какъ это и предполагалось, что полковой округъ военнаго поселенія заключалъ въ себѣ 7,000 душъ мужскаго пола. Казенныя подати, по 10 руб. съ души, составляютъ 70,000 руб., продовольствіе людей и лошадей въ полку, по сложнымъ справочнымъ цѣнамъ, стоитъ казнѣ 160,000 р.; а какъ округъ продовольствуетъ полкъ, то, по простому разсчету, казна имѣетъ выгоды 90,000 р. въ годъ отъ округа.

Въ послѣдствіи времени признало нужнымъ имѣть въ округѣ 10,000 мужскаго пола, дабы онъ могъ снабжать полкъ и людьми для укомплектовыванія его. И тутъ казна имѣетъ выгоды 60,000 р. отъ округа, не говоря о другихъ оброчныхъ статьяхъ, напримѣръ о рыбныхъ ловляхъ, перевозахъ, мельницахъ и проч.—Дѣло кажется ясное; но вышло иначе.

Тотчасъ по введѣ полковъ въ округи предписано было составить изъ осѣдлыхъ поселенцевъ три поселенные эскадрона, въ кои поступили хозяева, три резервные эскадрона изъ помощниковъ ихъ, и

устроить кантонистскіе эскадроны изъ мальчиковъ отъ 10-ти до 18-ти лѣтъ.

Всѣхъ этихъ людей приказано обмундировать и вооружить, что повело къ издержкамъ. Сверхъ того предписано было строить полковые штабы и комитеты, манежи, цейхаузы и тому подобныя строенія; это усугубило издвигеніе, конечно далеко превышающее сбереженіе отъ продовольствія полковъ. Нужны-ли были такія постройки или нѣтъ, тутъ дѣло условное; но обмундировывать и вооружать цѣлую популяцію,—кажется, нужды не было, въ чемъ черезъ 10 лѣтъ само правительство удостовѣрилось. Между тѣмъ сколько горя, сколько напозокъ перенесли бѣдные люди, на коняхъ натянули узкіе мундиры и давъ имъ сабли, пики и пистолеты, учили стойкѣ, маршированію и какъ употреблять оружіе, могшее обратится въ послѣдствіи и для собственной ихъ защиты.

Впрочемъ люди привыкають ко всему; самыя невыгоды усваиваются до того, что, какъ говорятъ старо-служивые, когда у гусарь отминая длинные, по большей части прививаемые на вискахъ локоны, они обрѣзывали ихъ со слезами. Такъ было, если вѣрить разсказамъ, и съ пудрою; подобное тому я самъ видѣлъ и въ военномъ поселеніи.

Послѣ отмины обмундированія и вооруженія, объѣзжал округи, я перемѣнял лошадей въ Ровномъ. Селеніе это имѣетъ болѣе 2,000 душъ; оно состоитъ въ округѣ бывшаго 1-го украинскаго уланскаго полка. Пока закладывали мнѣ лошадей близъ эскадроннаго комитета, собралось туда много поселянкъ-хозяевъ; я разспрашивалъ ихъ съ обыкновеннымъ моимъ участіемъ о хозяйствѣ, объ урожаяхъ; спрашивать, довольны-ли они своимъ положеніемъ, нѣтъ ли жалобъ, просьбъ, и все они единогласно просили меня объ одной милости: оставить молодымъ парнямъ мундиры, ибо въ мужицкомъ де платья и потанцовать какъ-то не ловко, да и дѣвки не такъ то любятъ.

Я сказалъ выше, что все зависитъ отъ начальника. Если-бы графъ Витъ, введя полки въ свои округи и нашедши изобиліе во всемъ, пріобрѣтенное въ привольной ихъ жизни, устремилъ вниманіе на часть хозяйственную, то она пошла-бы самымъ удовлетворитель-

нѣйшимъ образомъ. Но поселеніе казалось ему забавою, наружное устройство — дѣломъ.

Напримѣръ: велѣно было бѣлять не только пшбы, обмываемыя безпрестанно дождемъ, но даже заборы и хлѣвы; велѣно было по сигнальной трубѣ, чтобы каждый хозяинъ, его помощникъ и кантонисты становились по фронтъ передъ своими домами при проѣздѣ начальника.

Предписано было устроить полковыя и эскадронныя школы для обученія кантонистовъ, то есть всѣхъ мальчиковъ безъ изъятія: читать, писать, арифметическимъ правиламъ и вытверживать на память такое множество пунктовъ, относящихся къ субординаціи, въ томъ числѣ всѣ Суворовскія поговорки, что дѣти были совершенно отрываемы отъ хозяйства, ни въ чемъ не помогали родителямъ, отвыкали отъ самыхъ необходимыхъ трудовъ хлѣбопашества.

Наконецъ заведены были женскія школы. Дѣвчонокъ одѣли въ круглыя платья полкового цвѣта, и военныя дамы сдѣлались директрисами этихъ институтовъ.—Матери плакали, посылали дѣвокъ въ школу; и было чего, ибо кончившая ученіе приносила въ домъ не помощь, а развратъ и непослушаніе власти родительской.

Полковые командиры изъ угожденія высшему начальству выдумывали разныя предѣлки съ кантонистами. Учили ихъ карусельной ѣздѣ, на маленькихъ лошадахъ, для сего именно покупаемыхъ; в бригадный генераль, управлявшій потомъ округами кирасирскихъ полковъ, Степанъ Семеновичъ Храповицкій простеръ угожденіе себѣ и туманеніе начальства до такой степени, что его кантонистская школа въ Елисаветградѣ знала не только всѣ стихотворенія, а особенно басни, написанныя нашими писателями, но могла состязаться съ любимъ кадетскимъ корпусомъ въ свѣдѣніяхъ математическихъ, кои самому Храповицкому извѣстны были только какъ номенклатура наукъ, о которыхъ онъ читалъ въ журналахъ.

Графъ Витъ восхищался всѣмъ этимъ. Храповицкій, въ видѣ нечесаннаго сибарита, въ халатѣ и порткахъ, встрѣчалъ его кантонистскою поэзіею, и не выходя изъ костюма, представлявшаго лишь лицетворенію въ немъ, получалъ награды за отличіе по службѣ. Правда, иногда надѣвалъ онъ предъ графомъ Витомъ мундирный скюртукъ,

когда сей послѣдній прїѣзжалъ къ нему съ Собанскою (?); но предъ фрун-
томъ я никогда его не видывалъ.

Графъ Витъ производилъ самъ баталіонныя ученія кавтонистамъ,
подкоманднымъ Храповицкому, коими командовали тѣ же кавтонисты.
Прошу-же заставить послѣ того 14-лѣтняго баталіоннаго командира
работать въ полѣ, а математика пасти скотъ!

Въ 1827 году мнѣ случилось ѣхать въ Одессу. Физіономія вез-
наго меня на одной станціи поселенина показала мнѣ весьма зна-
коюю. Спрашиваю: кто онъ? и получаю въ отвѣтъ, что онъ прова-
ніемъ Балавъ, учившій алгебры въ школѣ Храповицкаго, и что те-
перь, не разумѣя хозяйства, принужденъ наняться на почтовой станціи
за ящика. Изъ пріемовъ его тотчасъ можно было замѣтить, что онъ
взялся не за свое дѣло, ибо на 4-ой верстѣ отъ станціи, вѣрно укла-
дывая въ умъ Невтонову формулу, опрокинулъ меня въ бугракъ.

Въ мысли, что полки должны и ремонтироваться лошадьми изъ
конскихъ заводовъ, заведенныхъ и содержащихся во всякомъ округѣ,
поставлено было искупить для каждаго округа 345 кобылъ матокъ
и 27 жеребцовъ. Числомъ этимъ опредѣлялся полковой лошадный
заводъ. 115 молодыхъ лошадей изъ ежегоднаго приплода должны
были поступать въ полковой ремонтъ; остальной-же затѣмъ приплодъ
долженъ былъ обращаться въ матки, или въ продажу, за излишен-
ствомъ отъ укомплектованія полка и завода.

За дѣло это принялись съ жаромъ. Казна денегъ не жалѣла.
Болѣе 1,000 кобылъ, называемыхъ матками, куплено было въ одно
лѣто, равно болѣе 100 жеребцовъ.

Всякій вообразить себѣ, можно-ли было искупить вдругъ такое
число кобылъ годныхъ для приплода. Жеребцовъ купили преимуще-
ственно въ заводѣ графини Орловой. Покупали ихъ также въ Англіи
и Даніи, и думали, что заводы въ первый годъ покажутъ результатъ
самый удовлетворительнѣйшій, ибо херсонскія степи, удобныя строенія
для зимовки заводовъ, изобиліе сѣна и овса, представляли все удоб-
ства въ исполненіи этого плана. При томъ-же напечатана была ин-
струкція дивизионнымъ и полковымъ комитетамъ, какихъ жеребцовъ и
матокъ они принимать должны отъ поставлявшихъ ихъ по формаль-

нымъ контрактамъ. Въ инструкціи этой опредѣлялась и отвѣтственность, какъ за годность заводскихъ лошадей, такъ и за число приплода, установленное въ ономъ.

Коннозаводство вообще трудно и въ маломъ размѣрѣ. Степной помѣщикъ, охотникъ къ лошадямъ, знатокъ и рачительный хозяинъ, не шадя ничего ни на жеребцовъ, ни на приобретеніе породистыхъ матокъ, едва и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ доводитъ конный заводъ до того, что ремонтъ свой продаетъ ежегодно кавалерійскимъ ремонтерамъ для гвардіи и арміи, цѣною отъ 250 до 500 руб. ассигн. Комплектъ такихъ заводовъ рѣдко бываетъ выше 50 матокъ; — какими же образомъ можно требовать всѣхъ этихъ условій отъ полковаго командира, или отъ комитетовъ, дивизионнаго, бригадныхъ и полковыхъ, когда между членами ихъ никто не бывалъ заводчикомъ и когда въ-рѣдный заводъ полковому командиру состоитъ изъ 345 кобылъ, купленныхъ, какъ случилось? Но, вмѣстѣ съ укомплектованіемъ заводовъ военнаго поселенія, на другой годъ потребовался и сообразный съ видами приплодъ. Въ случаѣ же неудовлетворительности онаго, полковій командиръ и свидѣтельствовавшіе привадеиныхъ кобылъ и жеребцовъ постановленіемъ графа Аракчеева подвергались отвѣтственности.

Хотя въ отвращеніе сего полковые командиры недостающее число жеребитъ и покупали для комплекта мужичьихъ жеребенковъ, рублей по 15, за всѣмъ тѣмъ однакожь, по истеченіи 4-хъ лѣтъ, когда пришлось пополнять своими ремонтами строевыхъ лошадей въ полкахъ, число лошадей своихъ заводовъ оказалось недостаточнымъ, не говоря уже о томъ, что купленные мужичіе жеребята не выросли выше одного аршина, 14 вершковъ.

Тутъ пошла разборка, а какъ притомъ полки у насъ сформированы по шерстямъ лошадей, то нужно было, чтобы отъ гнѣдыхъ кобылъ непременно родились гнѣдые лошади, отъ сѣрыхъ сѣрыя, и такъ далѣе. Этого не случалось. Начали передавать изъ полка въ полкъ ремонты по шерстямъ. Полковые командиры лошадей другъ отъ друга не принимали. Начались изслѣдованія, медиаторства, повѣрки; но все было напрасно. Полки лошадьми своихъ заводовъ не укомплектовыва-

лись; графъ-же Аракчеевъ, предвидѣвшій уже вину въ подобныхъ случаяхъ, предписалъ остановить жалованье у полковыхъ командировъ и у всѣхъ членовъ комитетовъ. Мѣра эта однакожь не пособила дѣлу, а только научила разнымъ хитростямъ.

Правда, что весьма красивъ полкъ во фрунтѣ, посаженный на одношерстныхъ лошадяхъ; еще красивѣе дивизія въ массѣ, сформированная по положенію изъ полковъ на лошадяхъ гнѣдыхъ, сѣрыхъ, рыжихъ и воронныхъ; но роскошь эта возможна не въ полкахъ поселенныхъ, кои должимъ ремонтироваться изъ своихъ заводовъ. Тутъ надобно имѣть въ виду одну главнѣйшую выгоду,—сбереженіе казны и чтобы полки имѣли лошадей добрыхъ, не по шерстямъ, ибо нельзя ничѣмъ пособить тому, что въ заводѣ гнѣдой масти будутъ родиться разношерстные жеребята, что будетъ происходить и въ другихъ, хотя тоже одностныхъ заводахъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ поселены были украинская и бугская дивизіи, были города и мѣстечки. Въ нихъ преимущественно расположили дивизионныя и полковые штабы. Это оживило скудную впрочемъ торговлю въ краю недавно заселенномъ; но графу Аракчееву, видящему вещи съ своей точки зрѣнія, имѣвшему основаніе въ воображаемомъ имъ порядкѣ второй кадетскій корпусъ, гдѣ онъ былъ офицеромъ и учителемъ, и Стрѣльную мызу, откуда началось его возвышеніе, вздумалось выгнать купечество и мѣщанство изъ городовъ и мѣстечекъ, дабы выстроить въ нихъ по плану поселянскіе дома и поимѣщенія для лицъ и управленій военнаго поселенія.

Не знаю, въ чѣмъ мѣшала ему люди торгующіе;—изгнаніе-же ихъ сопряжено было съ большими расходами, ибо казна заплатила за всѣ ихъ строенія, кои потомъ сломаны и уничтожены.

Планированіе городовъ также стоило не мало. Положено было въ дивизионныхъ штабахъ устроить обширныя площади, я напримѣръ: городъ Миргородъ, бывшій некогда губернскимъ, дивизионный начальникъ Трошчяскій до того допланировалъ, что по пустырямъ и по огромному плацу, среди бѣлаго дня, бѣгали волки. Нивелиціи плаца представляла тутъ насыпь, коей одна сторона была выше крыши дома полковаго командира.

Правда, что открылись виды необытной пустыни, и одинъ только деревянный замокъ славнаго нѣбогда Текели, въ которомъ онъ проживалъ съ старшиною Запорожья, имъ-же въ послѣдствіи уничтоженнаго, являя ональннй видъ, напоминалъ старину и тѣ времена, когда земляки Текели, словаки, сербы, болгары, молдаване и русины поселилась въ обширномъ новороссійскомъ краю, изъ коихъ составились воинскіе полки гусарскіе, не требовавшіе никакихъ казенныхъ издержекъ (?!), а воевавшіе со славою въ арміяхъ нашихъ противу турокъ и татаръ. Они, какъ выше сказано, обратились потомъ въ полки регулярной кавалеріи, а жители, содержавшіе и укомплектовывавшіе ихъ, въ хлѣбопашцевъ; и теперь осталась только на память мѣстная пѣсня:

«Ой сербіяне, гусарине, годи сербовати;

«Озьми серпъ, иди въ степъ шениченку жати.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, извѣстный генералъ Хорватъ вывелъ изъ австрійскихъ владѣній и изъ Сербіи славянскихъ поселенцевъ и водворилъ ихъ на жительство между Бременчугомъ и Елисаветградомъ. Около Миргорода и Елисаветграда понынѣ многія селенія, гдѣ поселилась украинская уланская дивизія, называются ротами; другія-же носятъ тѣ самыя названія, какія даны имъ переселившимися изъ Венгріи и Славоніи по мѣсту жительства своихъ оставленной ими родины; наприхѣръ вышедшіе изъ селъ Вуковаря, Федоваря, назвали и тутъ тѣмъ-же именами занятыя ими мѣста юдъ жилища свои. Обстоятельство это наводитъ на мысль, что одинакіи названія селъ и городовъ, въ разныхъ мѣстахъ, обитаемыхъ славянскими племенами, вѣроятно произошли отъ подобнаго рода переселеній.

Не излишнимъ считаю здѣсь также замѣтить, что и во второй еще половинѣ 18-го столѣтія крымская татарская орда жгла и грабила окрестности Елисаветграда.

Стремясь къ своему рода порядку, графъ Аракчеевъ постановилъ: ограничить число корчемъ поселенія, для прекращенія, какъ думалъ онъ, пьянства. По его волѣ винныя откупщики при торгахъ въ Петербургѣ ограничивались въ условіяхъ своихъ имѣть по одному только шинку въ каждомъ селеніи военно-поселянскаго вѣдомства. Этимъ уменьшились казенные доходы, но нисколько не уменьшилось воображаемое

имъ пьянство, — ибо въ херсонской губерніи существуетъ особая привиллегія на продажу питей; откунамъ подлежатъ только города и бывшія казенныя селенія; а какъ послѣднія бывають въ самой тѣсной смежности съ помѣщичьими деревнями, то мѣра имѣть одну только корчму или шинокъ въ военно-поселянскихъ деревняхъ не повела ни къ чему. Помѣщики умножили во владѣніяхъ своихъ число шинковъ, и только увеличилось слѣдствіе и суды за корчемство поселянъ военныхъ, такъ что не было округа, въ которомъ-бы было менѣе 500 человекъ подсудимыхъ за тайный переносъ, или перевозъ горячихъ напитковъ.

Этого графу Аракчееву растолковать было невозможно; онъ мѣрлялъ все на свой новгородскій аршинъ, не внимая тому, что всѣ великороссійскія губерніи съ незапамятныхъ временъ подчинены монополіи и казенной продажѣ горькаго вина, тогда какъ въ южной Россіи на вольнокуреніе и на продажу водки существуютъ особыя привилегіи.

По водвореніи полковъ въ округахъ военныхъ поселеній оказалось невозможнымъ, чтобы каждый хозяинъ кормилъ и состоящаго на службѣ улана и лошадь его изъ собственныхъ своихъ запасовъ. Обозались также необходимыми и запасныя хлѣбныя магазины. Объ этомъ начали думать, начали писать разные проекты; но какъ ни кружились въ области невѣденія, должны были обратиться къ роду барщины, то есть установили общественныя посѣвы, и чтобы каждый округъ военного поселенія накапывалъ полную годовую пропорцію сѣна для полка, на удобнѣйшихъ сѣнокосныхъ степяхъ, общамъ нарядомъ косарей и гребцовъ.

Мѣра сія и мнѣ кажется самую лучшую, но она измѣнила основаніе царской грамоты, по которой поселенно хозяева увольнялись отъ всѣхъ податей и казенныхъ работъ.

Въ явскольکو лѣтъ дознаво опытомъ, что осьмая часть хлѣбныхъ запасовъ истребляется мышами; а потому осьмою частью должно было увеличить и ежегодный сборъ ихъ, что увеличило и самыя работы. Все-бы это ничего при урожаѣ, но съ 1823-го года начались неурожаи въ новороссійскомъ краѣ; налетѣла съ Азіи всеистребляющая саранча, и съ 1824 на 1825 годъ поселенно такъ оскудѣли въ продовольствіи

себя и своего скота, что послѣдній погибалъ тысячами. Дѣлать подвозы сѣна или содомы изъ другихъ сосѣднихъ губерній было невозможно, ибо въ степныхъ мѣстахъ въ сухія лѣта степи выгораютъ до того, что на нихъ нельзя пасты скота, какъ невозможно возить сѣна, ибо покажѣсть его довезешь за 200 верстъ, употребленные для перевозки воли съѣдятъ все везомое ими.

Въ такомъ бѣдственномъ положеніи весь оставшійся поселянскій скотъ и овецъ начальство принуждено было перегнать въ кіевскую и подольскую губерніи. Половина скота отошла за кормъ; сверхъ того казна понесла весьма значительныя издержки на продовольствіе людей, и черезъ такое бѣдствіе поселяне обѣднѣли.

Долго графъ Аракчеевъ называлъ саранчу кониками; долго упорствовалъ въ томъ, что она съѣстъ нѣсколько травянокъ, а цапнуть, что все истребила. Наконецъ лично удостовѣрился, что эти коники пожрали даже солдатскія шинели одного егерскаго баталіона, наряженнаго для истребленія ихъ.

Не взирая на столь неблагоприятныя обстоятельства, Государь настаивалъ, чтобы и третью кирасирскую дивизію ввести въ опредѣленные для нея округи. Здѣсь я однакожь долженъ сказать, что будучи въ селѣ Грузинѣ съ отчетами у графа Аракчеева, я самъ слышалъ отъ него, что по проэктамъ графа Витя Государь торопится изволить поселить тяжелую кавалерію; что онъ (графъ Аракчеевъ) всегда противился этому и что ему кажется, — надобно-бы прежде осмотрѣться, сдѣлать огромныя запасы фуража и тогда уже, пожалуй, пусть себѣ селить кирасировъ графъ Витя. «Я только слѣпой исполнитель монаршей воли, говорилъ графъ Аракчеевъ, по скажу по совѣти, что всякое дѣло требуетъ опытовъ въ малыхъ размѣрахъ; впрочемъ по мнѣ хоть волкъ траву естъ, лишь-бы мое новгородское поселеніе шло хорошо». Тутъ оказывается уже явное недоброхотство его къ графу Виту, что подтверждается и самыми дѣйствіями.

Въ началѣ 1824-года графъ Аракчеевъ предварилъ графа Витя, что осенью 1825 года, согласно съ представленіемъ сего послѣдняго, онъ долженъ ввести непременно кирасировъ въ свои округи, не взирая на то, что запасы хлѣба и сѣна были весьма скудны. Другой на мѣстѣ

графа Витя представилъ-бы рѣшительно о совершенной невозможности выполнить проэктъ свой, въ чемъ встрѣтились препятствія, отъ него вовсе не зависящія; но онъ, не углубляясь въ дѣло, не думалъ о послѣдствіяхъ, надѣясь на авось, ждалъ 1825 года съ обыкновенною своею беззаботливостію, не читалъ вовсе предварительныхъ напоминаній графа Аракчеева о приготовленіи всего къ принятію въ округа кирасирскихъ полковъ; и скакалъ изъ Одесса въ Крымъ, или въ Петербургъ, по подорожной *по высочайшему повелѣнію изъ курьерскихъ*, которую не показывалъ на петербургской заставѣ, замѣнилъ ее другою, въ коей не было уже высочайшаго повелѣнія, имъ самимъ присвоеннаго, и проѣздомъ черезъ кирасирскіе округа любовался возводимыми въ оныхъ генераломъ Храповицкимъ, не безъ пользы для себя, строеніями. О графѣ Витѣ можно сказать, что онъ проводилъ жизнь въ козачкѣ, со счастьемъ сопутствующимъ вездѣ легкія головы.

Съ 1824 года на 1825 сдѣланы были между тѣмъ въ херсонскомъ военномъ поселеніи вообще огромные посѣвы озимаго хлѣба. Самалъ благоприятная весна позволила сдѣлать такіе-же посѣвы овса; травы росли, какихъ и старожилы не запомнятъ; лѣто было самое прекрасное, и къ осени 1825 года, ко времени назначеннаго вступленія кирасирскихъ полковъ въ свои округа, въ послѣднихъ собраны были такіе запасы фуража и хлѣба, для какихъ нужны-бы были въ другихъ мѣстахъ нѣсколько-лѣтніе урожаи.

Въ новороссійскомъ краѣ всегда бываетъ: если неурожай, то по немѣтнію запасовъ голодъ и безкормица для скота вдругъ нагрянутъ на безпечныхъ жителей, избыліе-же всего въ годы урожайныя превосходить всякое вѣроятіе. Напримѣръ: въ 1825 году въ нѣкоторыхъ округахъ кирасирскихъ овесъ выдалъ 20-ю зерно, а скирда сѣна въ 1,000 пудовъ накаливалась на 8-ми десятинахъ.

Графъ Аракчеевъ, судя по новгородской губерніи, не вѣрилъ сдѣланнымъ въ одинъ годъ запасамъ для кирасиръ, какъ прежде не вѣрилъ саранчѣ, но далъ между тѣмъ повелѣніе 3-й кирасирской дивизіи идти на свое поселеніе. Этимъ хотѣлъ уничтожить графа Витя; когда-же кирасирскіе полки вступили въ свои округа, предписалъ дивизионному, бригадному и полковому комендантамъ принять запасы

фуража и донести прямо себѣ, будетъ-ли ихъ достаточно на два года, подѣ строгою отвѣтственностію за всякую неаккуратность въ донесеніи. Сверхъ того прислалъ чиновниковъ и архитекторовъ освидѣтельствовать запасы и постройки и обо всемъ также донести ему лично.

Все это и всеми было выполнено. Графиня вѣдомости о хлѣбѣ и сѣнѣ, равно свидѣтельство о постройкахъ, поразили ожидавшаго всеѣмъ другихъ донесеній, всеяльнаго, злаго временищика.

Графъ Витъ торжествовалъ, не участвовавши во всемъ этомъ ничѣмъ, кромѣ счастья; и государь императоръ изъявилъ обѣянъ имъ особенную свою признательность.

Нужнымъ считаю вспомнить здѣсь мимоходомъ о катастрофѣ, при объявленіи въ 1821-мъ году высочайшихъ грамотъ въ округахъ, назначенныхъ для поселенія кирасиръ.

Многія селенія этихъ округовъ заключали въ себѣ старообрядцевъ, вышедшихъ изъ Великороссіи отъ преслѣдованія раскола ихъ. Въ послѣдствіи они несли козачью службу, подѣ именемъ новодонцевъ.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Крыма и распространеніемъ границы нашей въ турецкихъ владѣніяхъ, бывшее прежде пограничнымъ разнаго наименованія войско содѣлалось не нужнымъ и обращено, какъ сказано мною выше, въ поселянъ хлѣбонашцевъ.

Помянутыя старообрядческія селенія, узнавши, что ихъ дѣлаютъ кирасирами, просили оставить имъ прежнее наименованіе новодонцевъ и одѣтъ пожалуй хоть по кирасирски. Графъ Аракчеевъ, не внимая просьбамъ ихъ, предписалъ объявить поселеніямъ высочайшія грамоты и привести ихъ къ присягѣ. Раскольники возопяли противу сего, не принимали грамотъ и прогивались всему съ дикимъ изступленіемъ. Объ этомъ допесено было графу Аракчеву, равнобрно какъ и о томъ, что названіе людей этихъ новодошцами отыратитъ бунтъ. Съ мѣсяць ожидался отвѣтъ его, какъ между тѣмъ раскольники снеслись съ единовѣрцами своими, поселявшимися въ черняговской губерніи, въ Вѣлоруссіи, въ Литвѣ и даже въ Пруссіи. Съ разныхъ мѣстъ прибывали къ нимъ на почтовыхъ ихъ апостолы, кои еще болѣе утвердили между ними рѣшительное неповиновеніе. Наконецъ полученъ отъ

вѣтъ графа Аракчеева, конимъ предписывалось употребить все мѣры къ понужденію раскольниковъ повиноваться высочайшей волѣ.

Въ исполненіе сего въ главнѣйшемъ селеніи ихъ, *Зыбкой*, собрано было 6 пѣхотныхъ баталіоновъ, дабы утратить неповинующихся; но это не произвело на нихъ никакого вліянія; они не внимали, ни угрозамъ, ни увѣщаніямъ. Вѣглые и укрываемые ими поны ихъ, по большей части розстрѣлы, напрасно были употреблены начальствомъ для вразумленія фанатиковъ.

Надобно было наконецъ приступить къ мѣрамъ дѣйствительнѣйшимъ. Въ половинѣ генваря мѣсяца 1822 года, по дачной улицѣ селенія Зыбкой выстроили въ двѣ шеренги пѣхотные баталіоны, приготовленные къ экзекуціи надъ неповинующимися поселянами. Послѣдніе собраны были за шеренгами солдатъ; ихъ уговаривали повиноваться. Одинъ баталіонный командиръ вошелъ въ толпу ихъ и когда началъ говорить, старикъ съ четками, прибывшій въ Зыбку въ видѣ апостола съ черниговской губерніи, ударилъ его палкою по головѣ такъ, что штабъ-офицера этого вынесли изъ толпы замертво.

Пробовалъ говорить къ нимъ съ далека и генераль-маіоръ Храповицкій, начальствовавшій экзекуціею, но слышны были только крики: «не прихажь, не прихажь грамоты».

Послѣ сего объявлено было бунтующимъ, что кто изъ нихъ не хочетъ повиноваться, пусть идетъ сквозь строй. Вдругъ все почти начали раздѣваться и кидались въ шеренги; палочные удары сыпались, многіе не могли уже ходить, кѣкоторые, стиснувъ зубами жѣдній крестъ свой, съ дикимъ самоотверженіемъ переносили удары и отъ изнеможенія падали почти мертвыми. Смотрѣвшія на это бабы кричали смѣло идущимъ сквозь строй: «иди родямой! будешь святымъ мученикомъ». Когда-же человекъ 9 умерло въ шеренгахъ, начало темнѣть, у меня душа замерла отъ ужаса; я бросился въ толпу, сталъ на колѣни въ грязи и умолялъ безумныхъ о повинованіи. Не помню, что говорилъ я, но меня никто пальцемъ не тронулъ; помню только, что вошедшіе за мною штабъ и оберъ-офицеры ставили насильно кобляющихся на право и такимъ образомъ успѣли спасти готовыхъ уже погибнуть.

Ночь прекратила экзекуцію. Болѣе 200 человѣкамъ избитымъ пустили кровь; зачинщикамъ, кои прежде взяты были подъ арестъ, обрили бороды, что исполнили и надъ другими, болѣе кричащими. Ночью начали приходить лѣкаторые къ генералу Храповицкому съ повинными головами, поутру-же всѣ выполнили присягу, и везшіе насъ въ Бременцугъ пѣли пѣсни, какъ будто ничего не было. Таковъ народъ русскій! Малороссійскія селенія присягали со смиреніемъ и покорностію. Катастрофа эта останется на всегда въ моей памяти.

Съ этихъ поръ округи военного поселенія кирасиръ приготовлялись принять свои полки. Заласы, какъ выше сказано, были до избытка, конскіе заводы учредились, какъ и въ уланскихъ округахъ.

Мнѣ кажется, что не стоило гонять людей сквозь строй за то, что они хотѣли имѣть прежнее названіе козодонцевъ, и что носившіе бороды, не поступавшіе яи въ эскадроны хозяевъ, ни въ резервные, просили о сохраненіи имъ бородъ, въ коихъ они видѣли что то религіозное.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что когда въ послѣдствіи поручено мнѣ было объѣхать мѣста, лежація по рѣкѣ Орели, въ полтавской губерніи, гдѣ предполагалось также военное поселеніе, и представить мнѣніе мое по сему предмету, я написалъ между прочимъ, подъ вліяніемъ вѣтковской катастрофы, что хотя и можно было-бы поселить по Орели пѣхоту, ибо для кавалеріи тамъ нѣтъ никакихъ удобствъ, но, во избѣжаніе бунтовъ и смуть, нужно-бы дать названіе поселяемымъ тамъ полкамъ: пѣшихъ малороссійскихъ стрѣлковъ, въ воспоминаніе носившихъ такое наименованіе стрѣлковъ, сформированныхъ въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II-ой въ кievской губерніи генераль-поручикомъ Андреемъ Яковлевичемъ Леванидовымъ. Въ полки эти, какъ говорятъ, малороссіяне постунали охотно, и съ плачемъ оставляли службу, когда расформировали ихъ по возшествіи на престолъ императора Павла. Народныя названія, народныя повѣрья въ подобныхъ случаяхъ имѣли магическую силу и вліяніе на людей всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ, не испорченныхъ космополитизмомъ.

Въ первые годы поселенія кирасиръ, когда начали укомплектовывать полки людьми изъ своихъ округовъ, оказалось, что ростъ кирасира не производится по заказу; что въ округахъ не было столько молодыхъ людей семи-вершковыхъ, коиими можно-бы было укомплектовывать кирасиръ, равношрлю, какъ произошло это и съ коекими заводами, въ коихъ отъ огромныхъ жеребцовъ и большихъ матокъ рождалось болѣе третьей части недомѣрковъ. Одни эти два предмета служили уже очевиднымъ доказательствомъ необдуманности въ предпріятіи селить тяжелую кавалерію, когда и уланскія поселенія, относительно ремонтированныхъ полковъ изъ своихъ заводовъ, при соблюденіи одношерстности въ лошадяхъ, потребовали измѣненій въ порядкѣ такового ремонтированія.

Въ прежнее время не только въ иррегулярной кавалеріи, но и въ регулярной не было полковъ одностаяныхъ; слѣдовательно и ремонтированіе, изъ своихъ-ли заводовъ или покушкою, не представляло настоящихъ неудобствъ и затрудненій. Притомъ-же поселенные полки были подобны козачьимъ; служили въ нихъ люди всякаго роста, какіе гдѣ родились, лишь-бы только были здороваго тѣлосложенія; поэтому затѣливыя вновь военныя поселенія были идеальными, не прочными въ первоначальныхъ своихъ основаніяхъ, отъ чего по истеченіи 10 лѣтъ все въ нихъ такъ измѣнилось, что не осталось и тѣни первоначальныхъ предположеній.

Они однакожъ въ новороссійскомъ краѣ принесли ту пользу, что открыли почти третью часть народонаселенія не записанную въ ревизскія сказки, слѣдовательно и не платившую никакихъ податей; что бродяжество уничтожилось и что по перемѣреніи земель оказались во всѣхъ военно-поселянскихъ усадьбахъ едва по десяти десятинъ земли на мужескую ревизскую душу, когда до того считалось земли далеко болѣе нужной пропорціи. Напримѣръ: въ осадѣ Петриковѣ, нынѣшней Новой Прагѣ съ окрестными деревнями, при объявленіи оной штабомъ малороссійскаго кирасирскаго полка, показано было гражданскимъ вѣдомствомъ только 2,000 душъ мужескаго пола и слѣшкомъ 20,000 десятинъ земли, а вышло мужескаго пола болѣе 4,000 душъ, земли-же менѣе 20,000 десятинъ.

Какъ-бы то ни было, все-же поселеніе на югѣ въ степныхъ мѣстахъ было похоже на дѣло, ибо изобиліе хлѣба, а тѣмъ болѣе сѣна, коего обить невозможно, представляло возможность кормить людей и лошадей въ поселяемыхъ полкахъ; но въ новгородскомъ и могилевскомъ поселеніяхъ даже и прокормить людей было нечѣмъ. При томъ же поселенные тамъ пѣхотные полки заключали въ себѣ людей постигнувшихъ въ рекруты изъ разныхъ губерній; многіе изъ нихъ обращены попомъ въ хозяева, оставленные нѣкоторыми жаны на мѣстахъ родины были вынуждены къ мужьямъ своимъ, и уроженцы полтавской, херсонской и екатеринославской губерній сдѣлались хлѣбопашцами на новгородскихъ тундрахъ и болотахъ.

Есть-ли тутъ какое нибудь соображеніе и можно-ли требовать отъ оравшаго плугомъ въ восемь воловъ жирную, тучную землю, чтобы онъ вдругъ научился или привыкъ орать одноконною сошкомъ и удабривать землю навозомъ, безъ котораго сѣверная, песчаная почва совсѣмъ не родить?

Но возшествіи на престолъ нынѣ царствующаго государя императора Николая Павловича сперва отмѣнили обмундированіе и вооруженіе военныхъ поселенцевъ; потомъ полки начали укомплектовываться рекрутами изъ разныхъ губерній обширной Россіи; потомъ полковые ремонты начали покушаться, а наконецъ округи военныхъ поселеній совершенно отдѣлились отъ полковъ своихъ. Поселяне сдѣлались по прежнему простыми хлѣбопашцами и кормили только костольцевъ—приходящихъ на квартиры въ округи полки армейской кавалеріи.

Съ симъ раздѣлялось также и начальствованіе, то есть полковый командиръ не управляетъ уже вмѣстѣ и округомъ, какъ было сперва; дивизионный и бригадные начальники не вмѣшиваются въ хозяйственное распорядженіе по поселеніямъ, которое управляется особыми властями, и стало завѣсть только отъ корпуснаго командира.

Такія и въ столь короткое время перемѣны разительны для наблюдающаго ходъ дѣлъ въ эпоху, въ которую намъ жить пришлось.

Въ Австріи въ 250 лѣтъ поселенія все тѣ-же; у насъ они и 10 лѣтъ не удержались.

Напрасно графъ Аракчеевъ издалъ 27 книгъ законоположеній для военнаго поселенія; напрасно даны были Высочайшія грамоты, коими постановлялось водворять войско на постоянныхъ жилищахъ; напрасно гоняли сквозь строй домагавшихся носить бороды; напрасны были издвигенія на обмундированіе и вооруженіе всѣхъ военныхъ поселеній безъ изыатія; все это уничтожено, и аракеевскія законоположенія содѣлались едва-ли къ чему нибудь пригодными.

Онъ повторялъ, что первѣйшимъ условіемъ въ каждомъ дѣлѣ должно быть постоянство и сколь возможно твердая правила. Онъ-же всегда говаривалъ, что Австрія одѣла большую часть войскъ своихъ въ красные штаны, что и неудобно и дорого; до протекли столѣтія и цѣль штановъ остался все тотъ-же, поелику на фабрикахъ выдѣлывается красное сукно и съ отмѣною этого фабриканты понесли-бы убытки.

Послѣ сего, какъ онъ смотрѣлъ на Россію, знало-ли правительство, коего онъ былъ главнѣйшимъ двигателемъ во все почти царствованіе императора Александра? И каково было ему видѣть, сидя въ своемъ Грузинѣ, смежномъ съ ожесточенными имъ противу себя военными поселеніями, что 27 томовъ пандектовъ его, кои онъ считалъ также прочными, какъ Юстиніановы, обречены были на сѣденіе моллю въ архивахъ, называемыхъ имъ библіотеками! Каково было потомъ въ 1831 году, то есть спустя 5 лѣтъ послѣ удаленія своего отъ дѣлъ государственныхъ по названію, бѣжать отъ ярости взбунтовавшихся тѣхъ-же военныхъ поселеній, кои не могли далѣе сносить заведенныхъ имъ порядковъ, или лучше сказать стѣсненій, предавали смерти имъ же установленныхъ начальниковъ! Каково было наконецъ видѣть себя оставленнымъ даже своими приближенными!

Впрочемъ должно сказать здѣсь нѣчто и въ похвалу его страшнаго характера, какъ выдержаннаго имъ до конца жизни.—Бывавшіе у него и жившіе съ нимъ въ Грузинѣ никогда не слыхали ни одного слова ни о военныхъ поселеніяхъ, ни о какихъ либо дѣлахъ, ни управленіяхъ, кои отъ него нѣкогда проистекали, ни о правительствѣ, ни о Петербургѣ; такъ, какъ будто-бы онъ вѣчно былъ не болѣе простаго новгородскаго помѣщика.

Не излишнимъ считаю сказать здѣсь и то, что австрійскія поселенія учреждены для сокращенія государственныхъ расходовъ, и правительство смотритъ на нихъ съ этой точки зрѣнiя. У насъ была та-же самая цѣль, но наши военныя поселенія и начались уже расходами. А сколько между тѣмъ писано было о сбереженiяхъ!

Тутъ я долженъ поговорить нѣсколько подробнѣе о выше сказанныхъ мною вскользь сбереженiяхъ и капиталахъ: графъ Аракчеевъ считалъ ввѣренныя ему поселенія какою-то какъ-бы отдѣльною частью въ государствѣ; вѣтъ расчеты съ правительствомъ и ежегодно требовалъ отъ государственнаго контролера барона Камменгаузена очистительной квитанціи въ правильности расходовъ и движеніи суммъ. О квитанціяхъ объявляемо было имъ въ печатныхъ приказахъ по военнымъ поселенiямъ. Трудно отгадать, кому онъ не вѣрилъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ Государя, а еще труднѣе сказать, кого онъ желалъ обмануть, себя-ли, или правительство, слѣдующаго образа экономіею.

Выше объяснено, что военные поселяне, вмѣсто платежа казенныхъ податей, продовольствовали людей и лошадей поселенныхъ полковъ. Графъ Аракчеевъ требовалъ изъ казны за это продовольствіе ежегодно полной суммы по существовавшимъ справочнымъ цѣнамъ на провіантъ и фуражъ. Изъ этого производились имъ расходы, остаточныя-же суммы зачислялись въ экономическій капиталъ военныхъ поселеній, иначе: суммы перекладывались такъ сказать изъ одного кармана въ другой.

Правительство предполагавшее сдѣлать сбереженіе на продовольствіи, возложивъ оное на военныхъ поселянъ, платившихъ прежде въ годъ отъ души по 10-ти руб. податей, увидѣло не только ущербъ въ общихъ государственныхъ подушныхъ доходахъ, но еще отдѣляло и по военному министерству забираемыхъ графомъ Аракчеевымъ деньги на выше означенное продовольствіе поселенныхъ войскъ, на которое ояъ старался возвысить цѣны, чтобы увеличить поступающіе въ распоряженіе его капиталы.

Можно-ли въ подобной операціи добратъся какого нибудь толку? Можно-ли объяснить цѣль въ этихъ, можно сказать, частныхъ видахъ челоуѣка первѣйшаго въ государствѣ, по силѣ и вѣрѣ въ него монаршей, и можно-ли не расходующя имъ деньги назвать экономіею?

Сверхъ того онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе, дабы еще и подати съ малороссійскихъ козаковъ, простиравшіяся въ годъ выше 7 руб. асс., обращаемы были также на военныя поселенія, изъ коихъ были также значительныя остатки отъ расходовъ, что равномѣрно почиталось имъ экономіею-же. Изъ такихъ и подобныхъ тому суммъ, завсѣвшихъ совершенно отъ его воли, онъ скопилъ 32 милліона, кои отданы имъ въ кредитныя установленія для приращенія процентами. Если-бы онъ совсѣмъ ничего не издерживалъ, что собственно отъ него зависѣло, то означенный капиталъ могъ бы быть и въ двое большимъ. Есть-ли тутъ какая либо заслуга?

Къ сему надобно еще прибавить расходъ по бюджету военного министерства: на обмундированіе и вооруженіе военныхъ поселеній, на жалованье и другія довольствія генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ поселенныхъ войскъ на ремонтированіе полковъ лошадыми, на содержаніе въ округахъ госпиталей и на прочія подобныя снѣхъ изживенія, изъ чего выйдетъ, что вмѣсто всякихъ сбереженій военныя поселенія поглощали милліоны, коихъ произвольная часть считалась какимъ то не прикосновеннымъ экономическимъ капиталомъ, отданнымъ въ руки графу Аракчееву. Сверхъ того онъ постановилъ, дабы всѣ артельныя деньги изъ полковъ и всякаго рода командъ, равномѣрно какъ всѣ неопредѣленные доходы съ округовъ военныхъ поселеній, присылались въ штабъ его для причисленія къ суммамъ военныхъ поселеній. Какалъ арбитральность въ дѣйствіяхъ и даже въ распоряженіи бѣдною собственностію солдата, скоплагою липеніемъ его и безъ того весьма скуднаго жалованья! Прежде солдатъ, прослужившій 25 лѣтъ и скопившій артельныхъ денегъ нѣсколько десятковъ рублей, выходилъ въ чистую отставку, имѣлъ право взять ихъ какъ свою собственность, на которую онъ или сыскалъ себѣ пріютъ, или принесъ вспомошествованіе въ свою семью сложеными имъ деньгами; въ военномъ-же поселеніи всѣ нижніе чины, выходя изъ округа, лишались артельныхъ своихъ денегъ.

Къ стати упомянуть здѣсь о госпиталяхъ по округамъ и объ издержкахъ комиссаріатскаго департамента на больныхъ въ военныхъ поселеніяхъ, коихъ число, а слѣдовательно и расходъ, ничѣмъ не ограничивались. Итакъ бугской уланской дивизіи полковныя командиры нѣ-

сколько лѣтъ ерду показывали множество больныхъ и требовали, согласно постановленію графа Аракчеева, по 50 коп. асс. на каждого больнаго. Расходы эти сдѣлались наконецъ весьма значительными; объ этомъ поступили доносы, и въ 1827 году дивизіонный, бригадный и всѣ 4 полковныхъ командира преданы военному суду. Счастье ихъ, что бывшій дивизіонный начальникъ, человѣкъ истинно честный, скопивши бережливостію въ теченіи 50-лѣтней своей службы значительный капиталъ, умеръ и что казна забрала оставшееся послѣ его имущество на пополненіе вышесказанныхъ неретребованныхъ денегъ; иначе всѣ эти генералы и полковые командиры за злоупотребленіе, указанное постановленіемъ графа Аракчеева, которое совсѣмъ не почиталось ими противузаконнымъ, были-бы наказаны, какъ виновные въ растратѣ казенныхъ суммъ.

Вмѣстѣ съ чрезвычайною строгостію возникаетъ и поползновеніе ко злу. Когда я вступилъ въ управленіе штабомъ военныхъ поселеній херсонской и скатеринославской губерній, то нашелъ, что однихъ денегъ, долженствовавшихъ храниться въ штабѣ, недоставало до 400,000 руб. асс. Ихъ забралъ и издержалъ графъ Витъ и частью разстратилъ управлявшій штабомъ адъютантъ его майоръ Гончаровъ. Подобныя разстраты оказались и въ нѣкоторыхъ полкахъ, гдѣ порошніе казенные ящики были однакомъ подъ часами, то есть, часовой стоялъ у выкрашенныхъ фургоновъ.

Всѣ эти недостатки однакомъ въ мое управленіе пополнены. Я вовсе не доносилъ объ нихъ; мнѣ казалось ужаснымъ быть причиною несчастія многихъ; но каково было мое положеніе!—Одинъ Богъ знаетъ. Онъ и помогъ мнѣ привести все въ порядокъ. Я сдалъ штабъ и всѣ суммы въ три дни въ совершенной исправности; но не прошло и года, какъ заведенная мною машина по прежнему разстроилась, и послѣдствіемъ того были военные суды, коимъ во время мое, благодаря пекущемуся обо мнѣ Провидѣнію, никто не подвергся. Вотъ самая лучшая для меня награда за труды и самоотверженіе; другой-же я никакой не получалъ, не желалъ и не жалѣю о томъ

Нѣкоторые аракеевскіе распоряжки были однако-же и полезны; на-примѣръ: составленіе въ поселенныхъ полкахъ офицерскаго вспомо-гатель-

наго капитала, отчетливость суммъ, подчиненная правиламъ, въ возведеніяхъ казенныхъ строеній, улучшение оброчныхъ статей и тѣмъ подобныя мѣлочи; но за симъ тотчасъ слѣдовала фискальность денежная, прѣостертая иль до того, что по его смѣнѣ оказалось, что, начиная съ корпуснаго командира графа Вита до поселенныхъ эскадронныхъ командировъ, почти у всѣхъ остановлено было жалованье и столовныя деньги за разныя упушенія, часто совсѣмъ невинныя.

Въ теченіи 5-ти лѣтъ въ военномъ поселеніи херсонской и екатеринославской губерній никто не получалъ никакихъ награжденій, что доказывается печатными приказами по военнымъ поселеніямъ, въ коихъ графъ Аракчеевъ торжественно объявлялъ о наградахъ, полученныхъ служащими подъ его начальствомъ; касательно-же херсонскаго поселенія въ одномъ только талонѣ приказѣ 1824 г. значится, что изъ перваго бугскаго уляскаго полка корветъ Курисъ назначенъ къ главному начальнику надъ военными поселеніями въ должность адъютанта.

Это графъ Аракчеевъ почиталъ наградою, каковой конечно сдвали желалъ кто.

Вотъ какъ зазнаются временщики! Между тѣмъ у рѣдкихъ не были замараны кондуктныя списки, ибо всякая вина была виловата, и слѣдствіемъ не было конца. Довольно уведомить для примѣра одишъ, или два случая въ этомъ родѣ.

Одинъ изъ командировъ поселенныхъ и резервныхъ въ полку эскадроновъ помѣстивъ въ двувѣдѣльномъ донесеніи о происшествіяхъ, что жена дьячка изъ сосѣдняго помѣщичьяго селенія, будучи на сватьбѣ во вѣренномъ ему округѣ, возвращаясь съ оной домой пьяная, упала съ крутаго берега въ рѣку Синюху и утонула. Графъ Аракчеевъ предписалъ: посадить означеннаго командира на 3 дни подъ арестъ на гауптвахтѣ, со внесеніемъ штрафа сего въ формулярный его списокъ за то, какъ значилось въ печатномъ приказѣ, что въ округѣ опасныя мѣста не были обгорожены.

Прошу обгородить берегъ рѣки, протекающей почти по цѣлому округу!

А это какъ покажется?

Графъ Аракчеевъ, по масштабу новгородскихъ своихъ поселеній, предписалъ производить между деревнями херсонскаго военнаго поселенія конные патрули. На это ему представляли, что деревни, разбѣяныя въ степяхъ, лежатъ одна отъ другой, часто слишкомъ въ дальнемъ разстоянн и что въ зимнее время могутъ случаться съ патрулями весьма несчастныя происшествія, а особенно во время степныхъ вьюговъ и мятелей. Отвѣта отъ него на такое представленіе не было; между тѣмъ въ одномъ округѣ два патрульные пропали безъ вѣсти; были-ли они съѣдены волками, или занесены снѣгомъ въ какой нибудь глубокой балкѣ (оврагѣ), слѣдствіемъ не открыто; но за это происшествіе онъ предписалъ арестовать полковаго, дивизионнаго и эскадроннаго командировъ, также со внесеніемъ штрафа въ формуляры ихъ. Такая ни съ чѣмъ несообразная строгость отнимала охоту у всѣхъ служить въ поселенныхъ войскахъ. Графъ Аракчеевъ зналъ это и испросилъ именныи Высочайшій указъ, чтобы штабъ и оберъ-офицеры, вышедшіе въ отставку изъ поселенныхъ полковъ, не иначе были-бы вновь принимаемы на службу, какъ въ тѣ-же самые полки, въ коихъ служили.

Такая мѣра не могла привлечь порядочныхъ людей къ общакому успокоенію. Всѣ лучшіе офицеры, а особенно тѣ, кои имѣли какой нибудь кусокъ насущнаго хлѣба, оставили службу на всегда; остающіеся-же въ оной по необходимости были жалкіе, слѣпые исполнители дикой воли. Истинное честолюбіе и благородство исчезало; не было никакого соревнованія и во всемъ проявлялся обманъ требуемою наружностью мнимаго порядка. Преслѣдованія сближаютъ и безправственныхъ. Трудно было видѣть истину. Всѣ, начиная съ графа Витя, тщательно старались укрывать и происшествія, и недостатки сумъ въ полкахъ, не рѣдко случавшіеся (какъ видно изъ сказаннаго мною выше объ оказавшихся недостаткахъ при пріемѣ моемъ штаба), и даже злоупотребленія, ибо каждый видѣлъ въ высшемъ начальникѣ одно желаніе карать за самыя неумышленныя ошибки.

Относительно графа Витя я долженъ сказать, что онъ былъ человекомъ сердца добраго, способностей ума необыкновенныхъ; былъ вѣжливъ и ласковъ въ обхожденіи съ подчиненными; никогда не выходилъ изъ себя и даже рѣдко сердился; но былъ вѣтренъ, невѣрокъ ни въ

словахъ, ни въ дѣйствіяхъ; впрочемъ онъ зналъ кавалерійскій фронтъ, умѣлъ дать образованіе и направленіе кавалерійскимъ полкамъ, а всего болѣе умѣлъ представить ввѣренныя ему части въ прекрасномъ видѣ; умѣлъ, какъ говорится, продать товаръ лицомъ. Наука въ настоящую эпоху не бездѣльная. Государь всегда имъ былъ доволенъ, а поелику сверхъ того онъ употреблялся и для наблюденія за духомъ въ войскахъ, и между помѣщиками, особенно въ польскихъ губерніяхъ, то казался весьма быть нужнымъ государю, что отвращало отъ него грозу и желаніе уничтожить его, выказывавшееся въ прищипкахъ и придиркахъ къ нему со стороны графа Аракчеева. Тутъ можно еще прибавить, вспомнивши о графѣ Витѣ, что есть люди, кои охотнѣе и лучше занимаются тѣмъ, что не относится къ прямой ихъ обязанности, нежели тѣмъ, что въ сущности составляетъ ее.

Страшно вспомнить аракчеевское время! Кто не служилъ подъ непосредственнымъ его начальствомъ, кто не испыталъ такихъ безпрерывныхъ опасеній, какія окружали обреченныхъ въ жертву злой несправедливости, тотъ не можетъ себѣ вообразить страха, доводящаго до отчаянія. Помню я, какъ привѣздъ фельдшера, а они скакали безпрестанно, приводилъ меня въ трепетъ, ибо каждая аракчеевская бумага заключала въ себѣ штрафы, выговоры и угрозы. Восемь лѣтъ я не зналъ никакихъ радостей, да едва-ли кто зналъ ихъ и во всемъ херсонскомъ военномъ поселеніи; не было никакого отдыха. вѣчное многотѣліе и неувѣренность, какъ будетъ принята и самая правда. Штабъ главнаго надъ военными поселеніями начальника съ начальникомъ его были орудіями нравственной пытки. Мнѣ кажется, что главнѣйшія занглія чиновниковъ этого штаба были—искать упущеній, дабы прислужиться тѣмъ графу Аракчееву. Онъ до того былъ ненавидимъ у насъ, что когда присягали на вѣрность нынѣ царствующему государю императору, то военные поселенцы и солдаты въ полкахъ кричали: Господи, избавятъ-ли насъ новый царь отъ лютаго этого главнаго начальника! Не лзя описать всеобщей радости, когда получено извѣстіе, что онъ уволенъ въ безсрочный отпускъ за границу. Объ этомъ онъ объявилъ въ печатномъ своемъ приказѣ по военнымъ поселеніямъ въ началѣ 1826 года; и хотя написалъ въ ономъ съ дерзостію, что го-

сударь императоръ пожаловалъ ему 40,000 руб. асс. на дорогу, но что оиъ, заложивши серебро свое, можетъ обойтись и безъ этой милости, но это не обратило на себя у насъ ничьего вниманія. Такъ было подавлено всякое разсужденіе. Потому уже начали говорить о такомъ неслыханномъ дерзновеніи.

Послѣ Аракчеева херсонское военное поселеніе начало отдыхать. Если-бы графъ Витъ въ 1827 году не предложилъ снабдить армію, шедшую противу турокъ, провіантомъ изъ запасовъ военно-поселянскихъ и если-бы отяготительная перевозка хлѣба этого не разорила военныхъ поселеній, — они пошли-бы быстрымъ шагомъ къ истинному улучшенію своего матеріальнаго быта.

Давно уже не проѣзжалъ я военными поселеніями херсонской губерніи и не знаю, что тамъ дѣлается; но слыша, что тамъ заводятъ казенныхъ испанскихъ овецъ, сѣютъ цѣлыми округами, или барщиной, пшеницу для продажи въ Одессѣ, не могу не удивляться, какъ далеко еще у насъ мысль объ общей пользѣ даже въ высшихъ сановникахъ. Во первыхъ: подобнаго рода монополія стѣсняетъ херсонскихъ помѣщиковъ въ продажѣ ими въ одесское портѣ пшеницы и шерсти, а это и составляетъ единственный ихъ доходъ, единственное средство уплачивать казенныя подати, ибо крестьяннѣ въ весьма рѣдкихъ имѣніяхъ въ состояніи вносить оныя; во вторыхъ сами военные поселеніе могли-бы продавать означенные продукты по мѣрѣ хозяйства каждаго, если-бы вмѣсто казенныхъ засѣвовъ мѣстныя власти захотѣли ихъ сѣять пшеницы болѣе обыкновеннаго и убѣдили-бы ихъ въ попечительности своей подачею и облегченіемъ средствъ для удобнѣйшей продажи въ Одессѣ-же.

Самою важнѣйшею задачею есть улучшеніе частныхъ хозяйствъ хлѣбопашцевъ; — тутъ нужно поощреніе, пособіе, направленіе и наблюденіе за ходомъ и развитіемъ сельской промышленности со стороны управляющихъ, чего ни какъ не лзя согласить съ монополіею, ясно выказывающеюся въ сѣяніи огромнаго количества пшеницы и заведеніи казеннаго-же овцеводства.

Но, не говоря уже о военныхъ поселеніяхъ, представимъ себѣ провинцію, въ которой было-бы 12 богатей помѣщиковъ, имѣющихъ по

10,000 душъ, какъ это существуетъ приблизительно въ 12 округахъ военныхъ поселеній херсонской губерніи. Не были-ли бы они 12-ью монополиями въ отношеніи къ 1,000 мѣлкопомѣстныхъ владѣльцевъ, и могли-ли бы сіи послѣдніе сдѣлаться съ ними въ продажѣ своихъ продуктовъ въ одномъ и томъ-же пунктѣ? А подобный взглядъ на общую пользу не убѣждаетъ-ли въ томъ, что при такомъ неравенствѣ средствъ одной половины производителей хлѣбопашества къ другой общее благосостояніе или улучшеніе въ краю будетъ идти весьма медленно, что доказывается и самою продажей пшеницы въ Одессѣ, которой количество, при настоящемъ требованіи едва-ли не всей Европы, нуждающейся въ хлѣбѣ, не превышаетъ нѣсколькихъ милліоновъ четвертей. Правда, что такой привозъ весьма значителенъ, но большая часть его привезена съ подольской и кіевской губерній; судя-же по пространству земель въ губерніяхъ херсонской и екатеринославской, можно-бы ожидать изъ нихъ только самыхъ больше означенной пропорціи, если-бы частные земледѣльцы удостовѣрились, что богатство ихъ заключается въ сколь можно большихъ пшеничныхъ засѣвахъ зерномъ лучшаго качества, и если-бы это не было въ рукахъ однихъ помѣщиковъ и военно-поселянскаго начальства, понимающаго превратно богатство округовъ военнаго поселенія и заботящагося преимущественно о посѣвахъ общественныхъ. Напрасно мы начали воображать Одессу житницею Европы. Она дѣйствительно могла-бы быть таковою, еслибы годовой вывозъ пшеницы за границу былъ не 3,000,000, а 30 милліоновъ четвертей, ибо въ одной Франціи можно считать до 10 милліоновъ народа не имѣющаго хлѣба, не говоря уже объ Англіи и Ирландіи, гдѣ тысячи умираютъ съ голоду.

Дабы все упомянутое мною въ этихъ краткихъ очеркахъ военнаго поселенія херсонской и екатеринославской губерній о графѣ Аракчевѣ не показалось желчью чловѣка, котораго онъ гвалъ, я долженъ сказать, что напротивъ олъ всегда благоволилъ ко мнѣ, удостоивалъ и продолжительными разговорами и собственноручными письмами, хранящимися у меня. Онъ избралъ меня въ управляющіе штабомъ военныхъ поселеній херсонской и екатеринославской губерній, съ назначеніемъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, съ тѣмъ, какъ написано въ повелѣвіи мнѣ

его по сему предмету, чтобы я привелъ въ порядокъ дѣла, денежную отчетность, и даль-бы соответственное направленіе по всѣмъ частямъ, доведеннымъ до крайняго разстройства. Что я оправдывалъ его выборъ, свидѣтельствуютъ въ томъ и письма его и многія формальныя бумаги.

Правда, что кромѣ денежныхъ пособій и опредѣленія дѣтей моихъ на казенное содержаніе: сына въ казескій корпусъ, а дочери въ патріотическій институтъ, онъ не испрашивалъ мнѣ никакихъ наградъ, но это происходило не отъ того, чтобы онъ не желалъ награждать меня, а изъ упорства его—не давать ничего служащихъ подъ командою графа Вига, дабы выставить въ глазахъ государя, что у насъ не дѣлается ничего добраго.

Повторяю, страшно вспомнить времена Аракчеевскія; но если въ послѣдствіи мнѣ казалось все легкимъ по службѣ, это было по сравненію тяжелыхъ трудовъ и испытаній, перенесенныхъ мною подъ его начальствомъ. Какъ непожѣрная строгость, такъ и послабленіе едвали не равно портятъ дѣло; первая однакожь производитъ дѣловыхъ людей, а послѣдняя трутней, кои бывають терпимы однимъ ирѣучившимъ ихъ къ лѣви начальникомъ, и негодными для другаго. Правила служебнаго воспитанія видны въ человѣкѣ на великомъ занимаемомъ имъ мѣстѣ, и если свыкшіи съ строгимъ порядкомъ не озлобленъ несправедливостями, или по свойству своего характера, или по великодушію, то онъ всегда останется нужнымъ и полезнымъ во всякомъ положеніи; служившіе-же при невнимательныхъ начальникахъ сами не будутъ знать, къ чему они способны, хотя-бы и много лѣтъ слышали похвалы его своимъ способностямъ. Истинная вѣра въ мнѣніе проистекаетъ только изъ порядка строгаго и вѣстѣ съ тѣмъ снисходительно соблюдаемаго высшимъ начальникомъ, умѣющихъ избирать людей и слѣдить за ихъ занятіями. Такой начальникъ, можно сказать, даритъ правительству полезныхъ чиновниковъ.

Варшава.

26 марта
7 апрѣля - 1842 г.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ
КНЯЗЯ БОРИСА ІВАНОВИЧА КУРАКИНА.
(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

(Продолженіе)¹⁾.

Годъ 24-й.

Отъ 1699 года іюля 20 по 1700 годъ іюля 20.

Октября сговорилъ жениться у княгини Ѳеклы Семеновны Урусовой на дочери, которая нынѣ мнѣ супругою княгиня Марья Ѳедоровна, и въ ноябрѣ предъ вѣговѣньемъ женился.. И той зимы написанъ былъ въ полкъ семеновскій въ поручики въ 5-ю роту. И въ августѣ мѣсяцѣ предъ походомъ Ругодивскимъ написали въ 4-ю роту капитаномъ. И того августа мѣсяца пошли подъ Нарву.

Того году царедворцевъ всѣхъ смотрѣли, и взяли, которые молодые, къ пѣхотнымъ полкамъ въ офицеры, и всѣхъ лучшихъ фамилій тутъ написали.

Того году князь Никита Репнинъ посланъ въ Казань и во весь низъ набирать вольницу въ солдаты, также и даточныхъ, которые начаты брать и на Москвѣ, съ 50 дворовъ человекъ. И тамъ бывъ, набралъ 15,000 человекъ и привелъ къ Москвѣ; и какъ пріѣхалъ, того времени пожалованъ въ генералы.

¹⁾ См. сентябрск. кн. «Кіевской Старины» 1884 г., стр. 104—129.

Того году въ зимѣ брали даточныхъ съ 50 дворовъ человекъ, дворовыхъ людей, а не крестьянъ; и сказано всякому чину воли въ солдаты идти,—коли хочеть, тогда поди, и многіе изъ домовъ шли.

Того году заведены школы математическіе.

Того году завели школы латинскія, которые мастера взяты чернецъ изъ Кіева.

Годъ 25-й.

Отъ 1700 года іюля 20 по 1701 годъ іюля 20.

И того году въ сентябрѣ стояли подъ Нарвою. И съ приходу я имѣлъ великое несчастіе; какъ перебрались за рѣку, и въ ту пору за нѣкоторой лѣсъ, взятый на дрова, заповѣдной знакомца моего Мещерского били кнудомъ, да двухъ новаровъ, и себѣ видѣлъ великій афронтъ, и сидѣлъ за арестомъ сутки.

И того года сынъ родился князь Сергѣй. И умре полутора году.

И ноября 20 числа несчастье великое было, гдѣ весь обозъ потеряли, и пришедъ шведскій всѣхъ отбалъ и артиллерію и обозъ и все взяли. Въ томъ числѣ зятя Ивана Степановича ¹⁾ убили. И пришедъ къ Москвѣ жили до весны, а весною пошли въ Новгородъ.

Того года Адриана патріарха не стало ²⁾; и на его мѣсто выбрали архіерея рязанскій, родомъ полякъ, Яворскій, который только вмѣсто патріарха церковъ соборную правилъ. И править по се число.

Тогожь году у всѣхъ монастырей отписаны вотчины и всякіе доходы, кромя того, что отъ церкви въ монастырской приказъ, который подъ судомъ Ивана Мусина-Пушкина. А черникамъ велѣно давать равную часть всѣхъ, какъ архимандриту, такъ и простымъ, денегъ и хлѣба и иной пици. И той казны всей собиралось тысячъ по сту и по двѣсти государю за расходами монастырскими ³⁾.

Того года начали брать запросной хлѣбъ; брали по вся годы, какъ службы были.

¹⁾ Салтыкова, мужа сестры князя Бориса, Марьи Ивановны, урожденной Куракиной.

²⁾ † 15 октября 1700.

³⁾ Указы отъ 31 января и 11 марта 1701 г.

Годъ 26-й.

Отъ 1701 года іюля 20 по 1702 годъ іюля 20.

Того лѣта пошли въ Новгородъ и жили по великій постъ. А я былъ отпущенъ въ осень на время къ Москвѣ, и прїѣхавъ занемогъ, и былъ чирей большой подъ пазухою, который прорѣзали, и тамъ въ болѣзни своей оставалъ ажъ по самое Рождество. И въ ту зиму въ нѣкоторомъ несчастїи былъ *делла mio корте*, сподѣваюсь—отъ той причины оставаючи въ меланхолїи и болѣзни получилъ. И потомъ предъ масляницею поѣхалъ въ Новгородъ. И въ великій постъ наши полки взяли къ Москвѣ къ празднику. И поживъ съ мѣсяць пошли пополамъ полки: одной половины полка къ городу Архангельскому съ его величествомъ, а другой половины полки съ майорами въ Новгородъ съ Ильина дня, въ которой половинѣ и я былъ. И потомъ изъ Новгорода мы пошли водою въ Ладогу подъ командою генераль-майора Брюса. И пришедъ съ артиллерїею, дожидалися его величества съ половиною съ тѣми полками. А онъ шель отъ города Архангельскаго прямо на Олонецкое озеро, и Олонецкимъ озеромъ въ Свирь рѣку, и Свирю въ Ладожское озеро, а съ устья Ладожскаго озера сухимъ путемъ въ Ладогу; а нѣкоторые судни и озеромъ прошли. Изъ Ладоги пошли сухимъ путемъ и озеромъ подъ Орѣшекъ или подъ Нотебургъ по шведски.

Того году былъ одинъ дьячокъ или-бы писецъ, Талицкій звался, который сдѣлалъ пасквиль или княгу поносную его величеству и государству, и хотѣлъ напечатать. И сказывали про него, что человекъ гораздо былъ уменъ и читатель книгъ. И въ то время по нѣкоторомъ долгомъ времени держанъ и четвертованъ. А прежде былъ сдѣланъ столпъ на площади, на которомъ онъ сидѣлъ и его курили, и потомъ снявъ четвертовали; также и другихъ товарищевъ. Въ томъ ему согласнъ былъ архїерей тамбовскій, и съ того санъ архїерейскій сняли и послали въ заключенье; а снимали всѣмъ соборомъ. И въ то мѣсто иного архїерея не поставляли, а отдали оное епарху воронежскому ¹⁾.

¹⁾ Ошибка: тамбовская епархїя причислена къ рязанской и отдана въ управленіе м. Степану Яворскому.

Того году князь Борисъ Алексѣевичъ Голлицинъ разбиралъ все государство, рейтарскихъ полковъ и недорослей, и набралъ 16 полковъ тысячныхъ драгунъ. И къ нимъ изъ стольниковъ, изъ стряпчихъ, изъ жильцовъ, изъ дворянъ изъ разряду выбрано въ полковники и во всѣ офицеры начальныхъ людей и отданы въ команду фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметьеву. Того году первое сталъ писаться фельдмаршалъ въ нашеиъ государствѣ и первый малтійскій кавалеръ.

Того году были во всю Европу патенты напечатаны за позволеніе его величества, объявляя всѣмъ народамъ христіанскимъ коеждой ни есть вѣры, какъ офицерамъ для службы и всякому шляхетству, такъ и всѣмъ чинамъ и даже до купцовъ и ремесленниковъ, кто похочетъ быть въ государство московское въ службу, а другіе для промысловъ жить, — свободно ѣхать и въѣхать волѣстно, и какъ и въ другихъ окрестныхъ и коея нибудь вѣры для себя похотятъ строить школы и кирхи, будетъ позволено; а офицерамъ, которые будутъ въ службу, нѣкоторыми пунктами со удовольствомъ объявлено.

Того году кликали въ матросы малыхъ ребятъ, и набрако съ 3,000 человекъ.

Годъ 27-й.

Отъ 1702 года юли 20 по 1703 годъ юли 20.

Того году въ нашеиъ государствѣ первой чинъ восприялъ графъ римскій Александръ Даниловичъ Меншиковъ, другой—Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, графъ цезарскій, а не римскаго государства.

И въ семь году по указу со всего государства велено четвертую часть отъ вѣсу колоколовъ отъ всѣхъ церквей и монастырей, гдѣ собрано было многое число тысячъ мѣди, отъ которой учинено чаю съ 300 пушекъ, и со 100 мортировъ всякихъ рукъ, и еще въ остаткѣ не малое число.

И того году заказано большихъ колоколовъ лить и на малыхъ безъ указа; отъ того времени и колокольный рядъ запустилъ.

Того году слюзы почато дѣлать отъ Воронежа, чтобъ въ Оку проходу водяному быть чрезъ Иванъ—озеро; и было въ годъ работниковъ по 10,000 и больше, а дѣлали съ семь лѣтъ, не знаю, ежели совершилось. Было то дѣло подъ командою князя Матвѣя Гагарина.

Того года начато слюзы дѣлать въ торжокскомъ уѣздѣ, чтобъ изъ Волги Тверцою вверхъ, а изъ Тверцы во Мсту, а Мстою въ Новгородъ и въ самое море Балтійское, — отъ моря Каспійскаго въ море Балтійское. Дѣлали съ четыре года работниковъ 20,000. Все то подъ командою князя Матвѣя Гагаряна.

Сего года начался орденъ давать за услуги отъ царскаго величества, — крестъ св. Андрея съ черною финифтью на голубой лентѣ; также и на платѣ на лѣвомъ плечѣ тѣ кавалеріи начали носить шитыя veski, — гдѣ надпись кругомъ того: *за вѣру и вѣрность*.

Того года вольно почали отпущать въ европейскія государства для науки.

И того года въ осень октября мѣсяца взяли на аккордъ ¹⁾. Въ ту пору ѣхалъ озеромъ въ баталіи съ майоромъ Мейромъ, и были въ великомъ страхѣ отъ погоды водяной на озерѣ. И какъ пріѣхали къ Переволокъ, и въ ту пору команда у Мейра отнята и приказана мнѣ вмѣсто майора; и командириль двѣ недѣли. И перетаща лодку, въ ту ночь ходили на другую сторону рѣки съ его величествомъ, стояла гдѣ въ городкѣ шведовъ цѣлая компанія инфантеріи. И въ той партіи и ходилъ за майора, и потомъ какъ былъ приступилъ въ вечеру къ генераль-майору Чамберсу съ лѣстницами приступными, и съ тѣми лѣстницами пробылъ у него ажъ до самаго пристуна, и въ переѣздахъ въ день съ берегу на берегъ въ лодкѣ видѣлъ нѣкоторый не малый страхъ. И взявъ на аккордъ Шлюссельбургъ, по нашему названный, все полки пошли въ Новгородъ и во Псковъ; и изъ Новгорода тѣ отпущены съ артилерією, которые были на приступѣ, а которые не были, тѣ все оставлены зимовать; только жъ однако отпущали къ Москвѣ. И я также былъ отпущенъ къ Москвѣ, и жилъ всю зиму на Москвѣ. И былъ въ несчастѣ отъ болѣзни на лѣвой ногѣ великаго чирья, и также въ секретномъ своемъ несчастѣ и въ меланхоліи оставалъ всегда, отъ чего видѣлъ великую болѣзнь. И на шестой недѣлѣ пріѣхалъ въ Новгородъ. И той весны пошли на святой недѣлѣ въ Шлюссельбургъ въ самую водополь; и пришли въ Шлюссельбургъ, а его величество былъ тутъ задолго до праздника. И потомъ изъ

¹⁾ Нотебургъ, переименованный Шлюссельбургомъ, 14 октября.

Шлюссельбурга пошли подъ Нотебургъ ¹⁾), нынѣ сдѣланъ пониже Санктъ-Петербурга. И апрѣля или мая мѣсяца того-же года въ три дня взяли на акордъ. И первые шанцы подъ тотъ городъ былъ я посланъ заводить отъ семеновскаго молку, и въ томъ случаѣ видѣлъ нѣкоторой великій случай и страшливой: какъ заводили шанцы, стрѣльба была великая и многихъ побивали, инженера того, которой былъ посланъ съ нами для той работы, передъ свѣтомъ убили. И въ томъ-же походѣ еще городъ не сдался, царское величество самъ пошелъ на лодкахъ, и при немъ 4 компаніи преображенскихъ, 4 — семеновскихъ; и шли на лодкахъ мимо города, а плыли ночью, и отъ города была по насъ стрѣльба. И въ томъ походѣ были первой разъ на морѣ; и на островахъ побрали много скотины. А надъ четырьмя ротами я командирилъ майоромъ наказнымъ. И по взятіи того города на акордъ начали дѣлать Санктъ-Петербургъ ²⁾), и того-же лѣта къ осени сдѣлали, и сдѣлавъ тутъ, оставя гарнизонъ, а сами все пошли къ Москвѣ.

Того году заведена канцелярія интермоландская подъ судомъ губернатора Александра Даниловича Меншикова, на дворѣ его въ Семеновскомъ. А къ той канцеляріи подсудны розныя канцеляріи, отъ людей боярскихъ вымыслены. Первая канцелярія рыбная,—все воды, которые ни были во дворцѣ, у патриарха, у властей, у монастырей, у помѣщиковъ и всѣхъ, что ни есть; взяты на государя; также и которые рѣчка и малые, и тѣ все взяты и даны на откупъ; а нигдѣ никому во всемъ государствѣ безъ откупу ловить рыбы не велѣно, кромѣ саженихъ прудовъ. Съ которыхъ сбразосъ промысловъ и со откуповъ тысячь по сту.

Того году взяли даточныхъ другихъ со ета дворовъ по человѣку, изъ дворовыхъ-же.

Того году дочь княжна Катерина родилась октября 25 дня послѣ вечерень, а тезоименитство ноябрю 24 Екатерины мученицы.

Того году заведена въ оружейной полатѣ цѣна; и начали дѣлать монету, полтвинники, полуполтвинники, гривеники, полугривеники. А

¹⁾ Ошибка. Нужно было сказать: *Ніеншанцъ*.

²⁾ 16 мая.

на денежномъ дворѣ почали дѣлать мелкія деньги, серебряныя копѣйки, какъ старинныя денежки и меньше, — такъ вѣсомъ во 100 руб. всего по полъ сема фунта; также нѣкоторую часть и мѣди подмѣшивать. Также былъ сказанъ указъ, чтобъ старыя деньги приносить въ казну, а вмѣсто того давали новыми деньгами на сто рублейъ по 10 рублейъ, а потомъ давали и по 12 рублейъ. И того-же времени денежки завели дѣлать мѣдныя красной мѣди, какъ подди венеціе. Только-же вскорѣ потомъ въ товарахъ чужестранныхъ начала прибывать цѣна, а въ своихъ по прежнему все стояла. И указъ былъ записанъ: будетъ кто ста-нетъ деньги въ землю хоронить, а кто про то доведетъ, — деньги вы-нетъ, и тѣхъ денегъ доводчику треть, а доставляюща на государя.

Въ семь году по дѣлу славного противника къ имени царскому величеству Талецкого, который написалъ великія книги противъ его величества, тутъ-же приличенъ былъ бискупъ тамбовскій, который былъ позволенъ взять къ суду въ Преображенское и къ розыску. Однакожъ всѣмъ коллежіемъ духовнымъ учинить того воспретили¹⁾. Для чего былъ соборъ по прошенію царского величества, чтобъ санъ съ оного снять; токмо оное не учинилося. И его величество и на остатокъ про-силь, чтобъ того епископа подъ запрещеніе послать, и послать въ одинъ монастырь.

Того году начала брать работниковъ къ дѣламъ городовымъ со всего государства, которыхъ нанимали рублейъ по 20. А были они на работѣ въ Шлюссельбургѣ, въ Санктъ-Петербургѣ, въ Нарвѣ. И до-нцияѣ берутъ по вся годы съ 10 дворовъ, и также не ровно, и болше имѣть, которыхъ половина новорачиваются въ дома.

Того году заведены школы разныхъ языковъ учиться и, просто назвать, академія и кавалерскихъ наукъ, на лошадахъ и на шпагахъ и балдирѣ, и музыкѣ, инженерству.

Годъ 28 й.

Отъ 1703 года іюля 20 по 1704 годъ іюля 20.

И того году въ осень пришли къ Москвѣ и шли строемъ, а я въ ту пору ногами заболѣлъ и остался, ѣхалъ все позади одинъ и до

¹⁾ Обстоятельство, доселѣ совершенно невѣдѣнное въ русской церковной исторіи.

самой Москвы. И той зимы между всѣми видѣлъ себѣ нѣкоторое счастье, а наипаче десусхаета ¹⁾). И на Стрѣтеневъ день мнѣ сказали въ преображенскомъ въ майоры въ семеновской полкъ. На второй недѣль пошла въ Новгородъ и въ С.-Петербургъ, а въ С.-Петербургъ пришли къ вербному воскресенью.

И пришла ко мнѣ вѣдомость о братѣ князь Иванѣ Ивановичѣ, что марта 25 числа не стало въ пути, не дохавъ троицкого монастыря, за сколько веретъ не могу знать; и погребенъ въ Чудовъ монастырѣ, и потомъ апрѣля мѣсяца жены его княгини Алены Тихоновны не стало-жь; и послѣ-жь ей спустя съ 10 дней, чаю мая первыхъ чиселъ—сына брата, а моего племянника князь Александра Ивановича не стало, который былъ взятъ жить въ домъ къ Тихону Никитичу, для того что ему былъ дѣдъ.—И въ наслѣдствіяхъ деревень и всего дому остался я во всемъ; и того лѣта все то за мною справлено.

И изъ подъ Петербурга пошелъ той весны подъ Нарву. И пришелъ подъ Нарву были ажъ до самого августа. И августа мѣсяца 9 числа ходили на приступъ. И я былъ посланъ и ходилъ майоромъ на тотъ приступъ. И въ ту пору былъ приступъ въ самой полдень, и взяли городъ однѣми шпатами въ ³/₄ часа. И предъ тѣмъ приступомъ исповѣдывался и причастился св. Таинъ, въ которой заповѣди отъ отца духовного долженствовалъ быть всегда помнить и исполнять; и нынѣ Господа Бога прошу въ томъ зостать воздержаніи и заповѣди исполнить. И въ ту пору видѣлъ себѣ нѣкоторое счастье, хотя и при смертномъ часу быть, и отъ его величества нѣкоторую аморъ видѣлъ, также и отъ губернатора. И въ ноябрѣ съ половиною полкомъ семеновскимъ былъ я отпущенъ,—и съ артиллерією въ командѣ моею, что было дано, отпущенъ къ Москвѣ.

Того году весь разрядъ разбиралъ его величество, и молодыхъ, которые годились, въ офицеры, а другихъ всѣхъ молодыхъ въ кадеты, а изъ кадетовъ въ драгуны; а знатныхъ всѣхъ къ дѣламъ для сбора новыхъ прибылей, а другихъ оставляли въ службѣ для розысковъ, которыхъ сподѣвались остаться съ 2,000 человекъ. И потомъ разбиралъ

¹⁾ Со стороны его величества.

его величество недорослей знатныхъ самыхъ персонъ, которыхъ выбрали съ 500 или съ 600 человекъ, и написали въ саадаты въ преображенской полкъ и семеновской, — и служатъ, съ которыхъ объявлю фамиліи знатныхъ: князь Голицынъ, князь Черкасской, князь Хованской, князь Лобановъ, Шереметевъ, также и иные фамиліи знатныхъ, князей Урусовыхъ, изъ которыхъ одного подъ Нарвою убили.

Тогожь года выдалъ прибыль человекъ боярской Ивана Головина, Парамонъ Скворцовъ: объ уляхъ, мостахъ, о перевозахъ, и о свадьбахъ съ некрещеныхъ, какъ съ жордвы, съ черемисы, съ татаръ, съ уфимцовъ, и съ другихъ такихъ низовыхъ подобныхъ тѣмъ жителей. И по его доношенію та канцелярія учинена и отдана ему, только медовой сборъ: которые были въ дворцѣ, тѣ всѣ взяты въ ту канцелярію, также изъ монастырей, также и которые борты были откупные, тѣ всѣ взяты въ ту канцелярію; а у помѣщиковъ, у вотчинниковъ, и у ихъ крестьянъ, и во всемъ низу, у которыхъ есть бортные уходы или во дворѣхъ ульи, со всякаго улья или борта пошлякъ государю по 5 копѣекъ, а будетъ кому печѣмъ такъ платить деньгами, дай медомъ по цѣнѣ вмѣсто денегъ. Тѣхъ денегъ собирается въ годъ тысячь по 10.

Тогожь году канцелярія уставлена съ постоянныхъ дворовъ, съ угловъ наемныхъ жителей мастеровыхъ, какъ на Москвѣ, такъ и въ городѣхъ со всего пошляны, также-бы и на Москвѣ и по дорогамъ и въ городѣхъ нагдѣ никому не ставовится кромѣ постоянныхъ дворовъ или по заморскому, въ корчмѣ; а тѣ-бъ дворы всѣ были подъ именемъ государыни, и съ того всѣ пошляны. И тѣхъ сборовъ въ годъ 4,000 рублей, а что впредь будетъ, знать не можежъ.

Тогожь году канцелярія уставлена банналъ съ московскихъ жителей, и въ государствѣ во всемъ, съ бояръ и съ полатныхъ людей съ бани по 3 рубля; а съ стольниковъ и со всякаго шляхетства съ бани по 1 рублю, и съ поповыхъ, и съ посадскихъ, и со всѣхъ городскихъ вездѣ жителей, и по деревнямъ, и прикащиковыхъ и съ крестьянскихъ и бобыльскихъ съ бани по 5 алтынъ. И той казны собирается въ годъ 40,000 рублей.

Канцелярія тогожь году уставлена жытная: конскія площадки, съ мостовъ, съ перевозовъ, съ позему съ пролубного, съ ледакольного, съ

погребного, съ трубного или съ печи, и съ иныхъ мелочей собирается въ годъ 50,000 рублей.

Тогожъ году начали монеты дѣлать рублевыя, полтинники, полу-полтинники, гривеяники, полугривеяники, алтынники, также копѣйки мѣдныя и деньги мѣдныя.

Того году начались школы математическія и другихъ наукъ и артеи: какъ шляпы дѣлать, сукна, кожи на лосиновую стать, штукартныя фигуры изъ гипсу, архитектурую полаты строить.

Того году матросы посланы въ Голландію учиться, гдѣ оттуда ѣздили въ Индію, въ Турки, въ Ост-Индію и въ другія государства; по всему свѣту разсѣяны были.

Тогожъ году въ канцеляріи посольской, какъ въ титлахъ государевыхъ, такъ и въ другихъ, преименность учинилась; также гарма съ прибавкою учинена, при которой почали крестъ св. Андрея ставить.

Того года торговые корабли отъ города государства російскаго начали ходить, и изъ тѣхъ два были взяты въ полонъ отъ француза, о чемъ прошено отъ Андрея Матвѣева, токмо того не учинилося.

Того году начата играть комедія нѣмецкая, и комедіанты были привезены изъ Гамбурга.

Того году брали въ матросы или въ солдаты каравану морскаго изъ ящичковъ; и набрано было всѣхъ 12,000.

Канцелярія низовая, судъ весь казанскаго дворца взять, всѣхъ уѣздовъ мордва, и черемиса, и татары, и всѣ оброчныя статьи взяты изъ прибыли, которыя то выдали человекъ князя Бориса Алексѣевича Голицына Степанъ Варакинъ, да Хрущова Алексѣй Нестеровъ; а въ Базани въ правленіи всѣхъ тѣхъ другіе тые ихъ братья, и по другимъ низовымъ мѣстамъ.

И того году лѣтомъ царевны Софьи Алексѣевны не стало въ дѣвичьѣ монастырѣ монахою. А потомъ изъ монастыря всѣхъ взяла; только оставили Екатерину.

Годъ 29-й.

Отъ 1704 года іюля 20 по 1705 года іюля 20.

И въ декабрѣ за пять дней до Рождества пришли къ Москвѣ и шли въ Москву строемъ. А я шелъ и велъ семеновской полкъ. И

жили ту зиму благополучно, только внутренній секретъ и печаль мнѣ умножалася, которая стала быть публична, и ктому во многой меланхолии оставалъ и въ болѣзни. И отъ того явно мнѣ показалася отъ печали болѣзнь: прежде масляницы въ февралѣ мѣсяцѣ объявилеся по лбу и по всему тѣлу болѣзни скорбутики пятна такія, какъ были на ногахъ.

И того времени по прошенію его величество меня оставилъ на Москвѣ; и жилъ на Москвѣ великій постъ и послѣ св. недѣли по самой постъ Петровъ. И лечился весь великой постъ и по самой своей отъѣздъ отъ Лаврентья дохтура¹⁾; и больше 30 разъ принималъ проносное лѣкарство и также всѣ 8 недѣль пилъ декоктъ; и кромя того мало что пилъ, развѣ мало чаю и чтобъ не съ сахаромъ и горячій. И сидѣлъ въ банькѣ 18 разъ отъ лекаря рыбника. И тѣ 8 недѣль такъ былъ въ заперти, что ли мало слышалъ воздуха. И предъ празднокомъ въ субботу великую пускалъ кровь изъ правой руки такъ много, что двожды меня оморокъ ошибалъ; и въ самой былъ тощатъ и худобъ такъ, что николи въ такой худобѣ и безмощствѣ не бывалъ. И іюля первыхъ чиселъ поѣхалъ; и какъ выѣхалъ изъ Москвы верстъ съ пять, и ночевалъ тутъ, также и другой день до обѣда стоялъ, а смотрѣлъ того, чтобъ повернуться назадъ въ домъ, для того что при томъ выѣздѣ была великая калторациа, какъ-бы начала лихорадка, и въ той опасности былъ.

И въ томъ своемъ лѣченіи непрестанно былъ запоръ на низъ; одинъ разъ такъ случилось, что съ пятеры сутки операціи не было, и на 5-й день съ позволенія медика поставили клистирь, и первый разъ то учинилъ отъ рожденія своего, который такъ сильно дѣйствовалъ, что николи такъ ни отъ какихъ проносныхъ лѣкарствъ видѣлъ и всю такъ матерію выметало, что безъ всякаго труда и тощеты, не такъ какъ въ проносномъ лекарствѣ.

¹⁾ Къ этому времени относится письмо на латинскомъ языкѣ, датированное 5 февраля 1705 г. на Москвѣ, каковое «подаво было въ копеліи докторской на Москвѣ дохтурамъ Лаврентію Блюментросту, Арескияну, Бидло». Копія съ этого письма въ русскомъ переводѣ a parte.

И потомъ прѣѣхалъ въ Полоцкъ и въ Вильню. И изъ Вильнию іюля мѣсяца, въ навечеріи ангела своего, получилъ указъ ѣхать за море для леченія отъ своей болѣзни цынготной. И того мѣсяца поѣхалъ моремъ въ Кенигсбергъ, гдѣ видѣлъ себѣ великое несчастіе, и чуть назадъ не поворотился, и много случаевъ такихъ мнѣ тутъ было, что неутѣшно плакалъ и непрестанно въ великой меланхоліи оставалъ и не радъ былъ, что самовольно такъ поѣхалъ; а бытности моей на Москвѣ царское величество мнѣ позволялъ хотя-бы годъ жить, только я такъ рано прѣѣхалъ для отъѣзда зиморского своею волею.

Особливо жъ отъ Кенигсберга до Кольберга въ томъ моемъ проѣздѣ была великая причина страшливая, для того что на томъ Балтичкомъ морѣ тутъ на проѣздѣ всегда ходило два военныхъ корабля шведскихъ и осматривали. И для того страхованія отъ непріятеля имѣлъ я надѣяніе ни что иное, токмо отъ реентовъ въ Кенигсбергѣ данъ мнѣ для проѣзду наппортъ, въ которомъ написанъ италіянскомъ, а не русскимъ; и ѣхалъ будто изъ Венгеръ, а имя Францишка Даміати. И при Вожіей помощи тотъ свой путь отправилъ, хотя и въ страхѣ и въ задержаніи великихъ противныхъ вѣтровъ 12 днями. И прѣѣхалъ до Кольберга, а съ Кольберга до Берлина, а отъ Берлина до Дреадена, а отъ Дреадена до Карлсбада, гдѣ прѣѣхавъ и лечился въ водахъ горячихъ.

И о той бытности во всемъ моемъ воляжѣ покажетъ особливою книгою, которая названа *Воляжъ и обо леченіи въ Карлсбадѣ*, при семъ особливимъ-же описаніемъ. А какъ та моя болѣзнь съ начатку началась и умножилась, обо всея здѣсь покажетъ описаніемъ моимъ дискрету моему, которыя были подаваемы господамъ дохтурамъ, придаючи имъ въ консиліе, съ которого писема видѣвъ о мнѣ и разсуждали и придали въ разсужденіи, что та болѣзнь моя скорбюдика или похондрія и меленхолія и близится къ лецрѣ, которая называется по словенски проказа. А въ Карлсбадѣ докторъ лечилъ, которой назывался Бейхеръ¹⁾.

1) Описаніе карлсбадскаго лѣченія у дохтура Бейхера приложено особливо *апарте*. Мы не будемъ выписывать всего журнала лѣченія князя Куракина, такъ какъ это было интересно только для самаго больного, и то въ свое время. Вы-

Того году начали наши торговые ѣздить въ Голландію, въ Гамбургъ и другіе мѣста отъ городу Архангельскаго.

Того года отданы на откупъ карты, тавлеи, шахматы, юла, кости и всякіе игры денежныя, что не явя тѣхъ инструментовъ и заплата пошлину не играли, а заплата пошлину, вольно играть. На откупу первой годъ дано 10,000 рублей.

Тогожъ году дворець взялъ весь въ банную канцелярію; а взялъ на себя Василій Ершовъ, человекъ князь Михайло Яковлевича Черкаскаго, да Яковъ Акиншинъ, человекъ князь Петра Голицына, а взяли всѣ дворцовыя волости изъ прибыли въ полтора, что плачивали прежде сего. Также и по всѣмъ волостямъ, гдѣ бывали прикащики, послали людей болрекихъ, побравъ изъ домовъ, для лучшей прибыли и собранія казны. Тутъ-же въ одну канцелярію всѣ взяты и конскіе заводы и конюшенной дворъ.

А на дворець по комнатамъ на пищу роздано деньгами и сами на себя закупали и справляли столъ. Также и его величества столъ отданъ за 60,000 ординарн, кромѣ публичныхъ столовъ.

Того году Паткуль патенты печатныя выдалъ во всей Германіи о вольности во вѣздѣ и отвѣздѣ форестеромъ въ государство российское, также и всѣхъ религій вольною экзерциціею. Только вскорѣ, какъ былъ въ Саксоніи, напротивъ отзывалъ, чтобъ онымъ патентамъ не вѣрили.

Того году со всего государства сдѣлали... салдаты, съ 25 дворовъ человекъ, которымъ жить въ тѣхъ городахъ, и тамъ отставнымъ начальнымъ людямъ, которые за ранами, за болѣзнями, и съ ними всѣхъ полковъ отставные салдаты, и тѣхъ они учать. А будетъ и тѣхъ салдаты возмутъ на службу, и на то мѣсто повинно тому помѣщику дать другихъ своихъ крестьянъ.

пишемъ только общій итогъ лѣченія. «Всего во всѣ куры пять воды 17 дней, воды 514 стакановъ, а поносъ было 182 раза. И на брюкѣ, и на рукавъ, и на спинѣ были пятна, только убыло мало. А въ себѣ видѣлъ легость, и въ персонѣ хорошъ, не сухъ; и также апетитъ до ѣжи». — «Особливе объявляю какъ ту воду пьешь, не должно сидѣть, а все должно ходить, потѣмѣть, покажѣтъ операцию сдѣлаеть».

Тогожь году отъ прибылей состоялся указъ о соли: а велено соль всю продавать на государя, а промышленникамъ солянымъ давать за пудъ—Строгокову и другимъ, которые варятъ,—въ Нижнемъ по гривнѣ, а изъ Нижняго все станутъ продавать и по разнымъ мѣстамъ раздавать на государя.

И первый годъ въ Москвѣ стали продавать по полуполтинѣ, а въ Новгородѣ, на прикладъ, и въ другихъ дальнихъ мѣстахъ по 10 алтынъ и больше. А та соль также была вѣдома канцеляріею особо или столомъ въ похѣстномъ приказѣ подъ судомъ Автамона Иванова думного дьяка.

Того году выдана прибыль: у города Архангельскаго велено быть реенту одному, который осматриваетъ всѣ товары на лицо, вынимаячи изъ кораблей по обычаю заморскому, и даетъ свидѣтельствоваанныя листы; а не такъ, какъ прежде до сего бывало, кто что напишетъ по росписи, тому и вѣрили, и пошлины на Москвѣ съ купца и съ продавца цѣльнаго товару, а то, что врознь продать, по 5 копѣекъ, и съ обоихъ будетъ по гривнѣ.

Того году брали въ салдаты изъ крестьянъ съ московскаго уѣзду не съ дворовъ, всѣхъ поголовно молодыхъ. Также на другой годъ тѣмъ-же обычаемъ изъ другихъ уѣздовъ, которые отъ Москвы въ разстояніи за 120 верстъ.

Того года ваяли къ польскому походу двоимъ лошади со всего государства, первые съ 90 дворовъ лошади, въ другорядъ съ 85 дворовъ лошадь съ хомутами и съ телѣгами. А цѣна была положена въ 9 рублевъ, а выше что можно. И воеводы со всѣхъ городовъ сами въ полкъ приводили.

Того году указъ состоялся брить бороды. И почали брить всѣ во всемъ государствѣ. А будетъ кто не похочетъ брить, на годъ платить по 30 рублевъ въ казну.

И тогожь году начато камни возить для мостовъ каменныхъ съ дворовъ крестьянскихъ. И арсеналъ большой артиллеріи къ совершенію не приведенъ, только вымурованъ. И большой усненскій колоколъ поставленъ.

Годъ 30-й.

Отъ 1705 года іюля 20 по 1706 годъ іюля 20.

Того году три дня спустя получилъ указъ отъ его величества объ отъѣздѣ моемъ за море для леченія въ Карлсбадъ. И пріѣхавъ лечился, о чемъ всея томъ выше описалъ. Только въ пріѣздѣ того времени въ Польшу видѣлъ милость его величества, также и отъ губернатора; а отъ людей всѣхъ и отъ народу не такъ.

Особливе тутъ объявлю въ сей описанной моей книжкѣ явленны вновь прибыли, которыя въ царство его величества учинены съ 900,000, которыхъ николи сборовъ бывало. А особливе вновь по приказамъ судьи многія вновь учинили прибыли, какъ въ печатномъ приказѣ липнія пошлины положены; также и въ помѣстномъ и въ судномъ приказѣ, коли не бывало того;—также я въ розрядѣ вся Украина въ окладѣ и слободы на оброкъ положены, только нѣкоторыя для службы береговой оставлены; также и въ земскомъ приказѣ мостовые съ загородныхъ дворовъ, также и стрѣлецкихъ земель. Которыхъ всѣхъ новыхъ сборовъ сподѣвалось всѣхъ на все милліонъ, albo съ 1¹/₂. На что прошу мнѣ въ томъ неподозрѣнія, что не подлинно описалъ: однако каждый можетъ выразумѣть, что се мое описаніе было въ отлученіи отъ своихъ краевъ. И кому долженствую я то явно положить, каждый доходъ подъ статьями своими. А о сборѣ салдатъ явно о томъ кладу, что всѣхъ съ начала войны шведской съ вольяцею и съ даточными 15,000 человекъ, кромѣ вынѣшнихъ салдатъ отправляемыхъ, которые называются безмѣнные...

Сего лѣта дѣтей своихъ посадилъ учиться грамотѣ нѣмецкого языка, которому мастеру плата была со всемъ 100 рублевъ.

А изъ Карлсбада въ октябрѣ мѣсяцѣ послѣднихъ чиселъ поѣхалъ чрезъ Лейпцигъ въ Амстердамъ, гдѣ пріѣхавъ жилъ во всей Голландіи ноябрь, декабрь, генварь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь.

И въ апрѣлѣ началъ лечиться еще отъ доктора Хика въ Амстердамѣ и цилюрика Боновента жида, у которого и жилъ въ домѣ 5 недѣль. А за леченье 100 червонныхъ. А лечилъ оный—сажалъ 24 раза въ пары, и пилъ декоктъ, ни что другое, а паче всѣхъ учинилъ

способъ, больше нежели другіе ¹⁾). И вышедъ изъ того леченія, въ іюнь мѣсяцъ поѣхалъ, возвращающись до Москвы. И въ томъ проѣздѣ былъ въ Дюссельдорфѣ при Рейнѣ, гдѣ резидуетъ пфальцграфъ Палатинскій. И оттозь прямою почтою до Лейпцига, которою ѣхалъ сперва, а потомъ въ Бреславль, и жилъ тутъ недѣль съ 6.

Сего году царевичъ въ бомбардирскую роту взятъ въ салдаты.

Тогожь году печерскій монастырь въ Кіевѣ фортификованъ, также и Брянскъ.

Того году изъ Польши изъ войскъ въ Гроднѣ Андрей Виниусъ поѣхалъ въ Голландію, и живетъ тамъ безъ позволенія государева, и безъ пашпорта, остави домъ и дѣтей; а голландцы не выдаютъ.

Того году король французскій далъ царскому величеству маста въ бытность Андрея Матвѣева. И грамота чрезъ того посланника прислана.

Въ томъ году костель езуитской построенъ каменной.

Тогожь году съ Москвы многихъ фамилій знатныхъ перевезли жить въ С.-Петербургу и въ Нарву.

Годъ 31-й.

Отъ 1706 года іюль 20 по 1707 годъ іюль 20.

А изъ Бреславля въ августѣ чрезъ Франкфуртъ, на Гданскъ и на Кенигсбергъ, и чрезъ Литву на Гродно, на Новогородкъ, на Слуцкъ, на Петроковъ, на Черняговъ, а съ Чернигова на Глуховъ, на Рыльскъ, на орловскую деревню, и прямо къ Москвѣ, гдѣ пріѣхалъ въ октябрѣ мѣсяцъ и жилъ въ Ильинѣ 10 дней. Поворотись къ Москвѣ, объявился Петру Шафирову, который сказалъ, что указъ есть о мнѣ, когда явлюсь, чтобы явиться царскому величеству, или въ Польшѣ князю Меншикову. И вскорѣ по трехъ дняхъ на почтѣ поѣхалъ въ С.-Петербургу до царского величества.

Несчастливой свой пріѣздъ видѣлъ. По пріѣздѣ моемъ тотчасъ мнѣ объявлено *comeccho molti spropositi sono stati della me* ²⁾), которые

¹⁾ Журналь леченія въ Амстердажѣ также записанъ особо въ концѣ рукописе, аларте.

²⁾ Сколь многія глупыя рѣчи говорены были обо мнѣ.

были мнѣ поносы и стыдны; на все государство diceuono: qualche cosa extraordinaria! ¹⁾.

И отъ того произошли съ тещею великія ссоры и на дворъ къ себѣ жить не принялъ и отдалъ къ матери. И чрезъ отца духовного Наума много въ томъ было интригъ всякихъ, весьма былъ въ томъ намѣренія *pregar il suo M. dimetter in monasterio* ²⁾.

Однакожъ все то понесъ съ великою противностію себѣ всякій поносъ и стыдъ и управилъ себя въ путь свой, а ее оставилъ *della sua madre* ³⁾. И палець оставилъ отъ своего владѣнія, и прикащику ни о какихъ дѣлахъ въ домъ мой не писать и отписокъ не принимать.

Того году сговорена въ февралѣ мѣсяцѣ племянница моя, братня дочь князь Михайла Ивановича, княжна Марья Михайловна за Петрова сына за Апраксина за Александра, за племянника Ѳедора Апраксина. А приданное ей дано деревень въ саранскомъ уѣздѣ Куря, въ тверскомъ ¹/₃ Никулина и съ другими, половиною Чернышова, Троицкое въ саранскомъ-же уѣздѣ; только всего будетъ съ 1,000 дворовъ (сельцо Гурьево и ¹/₃ села Никулина Городица, въ московскомъ уѣздѣ и ¹/₂ сельца Чернышова; въ саранскомъ уѣздѣ село Куря, Алада тожъ, село Ивановское, село Троицкое). И все то отдала вдругъ во владѣніе, а непорядку всему тому учинилась чрезъ царевича сибирского, и то учинила невѣтка княгиня Мавра Дмитревна въ моемъ отлученіи, безъ всякаго совѣту всѣхъ своихъ сродниковъ. Первое фамиліи своей уничтоженіе великое сдѣлала, что за такъ низкую фамилію выдана; второе— что всѣ такъ деревни вдругъ отдала, то наче всего непорядочно учинено, а конецъ въ томъ противность показала, что прежде того времени ничего о томъ не объявила. А женился въ маѣ мѣсяцѣ.

Того году король шведскій, которыхъ солдатъ и драгунъ московскихъ побралъ въ полонъ, увеселя ихъ много и давъ денегъ, послалъ въ руссійское государство съ 200 человекъ, и при нихъ своихъ шведовъ для увѣренія нѣсколько человекъ, жечь города многіе. И того году отъ тѣхъ выжженъ Вѣлгородъ, Сумы, и на Москвѣ не малое число,

¹⁾ Говорили: какое дѣло необыкновенное!

²⁾ Просилъ свою жену отойти въ монастырь.

³⁾ У ее матери.

по многихъ городахъ хватали тѣхъ русскихъ солдатъ и шведовъ; и были казнены. Также въ бытность въ Польнѣ той войны слышалъ, что многіе отбѣжали изъ офицеровъ служить, иные подъ польскіе хоролгвіи, а другіе подъ шведа; а именно кто, знать не могъ о томъ.

Того году князь Меншиковъ учиненъ дукомъ Ингрією, суврономъ во своемъ владѣтельствѣ.

Головкинъ Гаврило учиненъ отъ цезаря графомъ и дипломату взяли.

Федоръ Апраксинъ—адмираломъ первымъ надъ всѣмъ флотомъ морскимъ.

Петръ Шафировъ—президентомъ государственной канцеляріи.

Князь Матвѣй Гагаринъ—въ сибирскомъ приказѣ.

Тогожъ года велено министру нашему Урбаху при дворѣ венецкомъ искать того случая, что тогожъ года отъ цезаря учиненъ княземъ имперскимъ и дипломата дана.

Сего году король Августъ отсталъ и учинилъ миръ съ королемъ шведскимъ, а корону польскую отдалъ Лещинскому Станиславу. И потомъ вси Рѣчь Посполита припала подъ протекцію къ царскому величеству.

Того году часы переимены на Москвѣ ходить по астрономецки, 12 съ половины дня и до полуночи; также и часы игральные на церкви того году поставлены на Чистомъ Прудѣ.

Того году царское величество самъ учиненъ полковникомъ отъ преображенского полку гвардіи первой въ Кіевѣ.

* Того году флотъ морской выступилъ въ море Балтійское.

И по пріѣздѣ порядочную пріємность видѣлъ, токмо уже по томъ пріемѣ и былъ, и въ ту свою бытность подарилъ его лавцетомъ, который купилъ въ Берлинѣ. И пріѣхавъ жилъ только до Рождества, то есть 4 недѣли, а потомъ вскорѣ чрезъ почту поѣхалъ въ Жолкву, гдѣ станъ земній былъ царского величества. (Осенью царское величество ходилъ изъ подъ С.-Петербурга подъ Выборгъ и раззора назадъ возвратились, людей нежного потеряли, только лошадей переморили довольно: и того году на Москвѣ царское величество не былъ). И поѣхалъ съ Москвы на вечеръ въ самое Рождество Христово, и

ѣхалъ на почтѣ чрезъ Кіевъ ажъ до самой Жолквы, гдѣ пріѣхавъ получилъ великую милость царскаго величества и отъ князя Меншикова, и отъ всѣхъ прочихъ министровъ, что николи того не видалъ. И жилъ три недѣли. Вскорѣ былъ отправленъ въ Римъ къ паневскому двору министромъ безъ всякаго характера, только въ грамотѣ крѣдѣціальной написано: *комнатный господинъ и подполковникъ отъ гвардіи*. И въ ту мою бытность въ Жолквѣ сказано въ подполковники къ гвардіи Семеновскаго полку; а окладъ жалованья учиненъ близко 10,000 рублей, выше полковника другихъ полковъ. А въ посылку римскую дано мнѣ 1000 червонныхъ, да на переводчика 100 червонныхъ Веселовскому Абраму, котораго взялъ изъ Вѣны отъ Гезина. И поѣхалъ отъ полку своего въ Римъ, взявъ съ собою только одного человѣка Федора Агаркова. И ѣхалъ на Краковъ, на Вѣну, на Венецію, на Вололю, на Флоренцію, гдѣ былъ въ томъ проѣздѣ у Грандула, отдавалъ визиту. Гдѣ былъ принятъ съ великимъ почтеніемъ отъ него самаго, и что имѣлъ съ нимъ разговоръ, то писано въ писаніи дѣлъ римскихъ; а стоялъ и съ нимъ говорилъ въ шляпахъ; и потомъ имѣлъ великіе рыгалы випъ и цукровъ, какъ обыкновенно вѣзмъ князьямъ отъ крови такъ чинить. И потомъ пріѣхалъ въ Римъ по ихъ календарю апрѣля первое число; и въ Римѣ былъ апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, а въ октябрѣ 20 числа поѣхалъ, возвращающагося во отечество.

Теперь буду описывать римскую свою бытность, которую похвально напишу, что никогда никто московской націи въ пріѣзности такого голору и порядкомъ не былъ принятъ. Гдѣ во всѣхъ церемоніяхъ такъ установилъ, какъ къ чести царскому величеству, такъ и къ своей персонѣ, какъ и другихъ прочихъ министровъ европейскихъ и князей осанки принимаютъ. И былъ на аудіенціи, цѣловалъ у папы ногу, также и на всѣхъ аудіенціяхъ ногу цѣловалъ¹⁾. И потомъ кардина-

¹⁾ Папою былъ тогда Климентъ XI. Въ *Исторіи Петра В.* Бергшана (т. II, стр. 205 русскаго перевода) читается: въ «Римѣ князь Куракинъ возбуждалъ папу Климента XI бросить громы свои на побѣдоноснаго короля еретика. Но это значили всѣ подобныя попытки противъ такого монарха, какимъ былъ Карлъ XII!»

ламъ отдавалъ визиты, гдѣ и мнѣ всѣ оныя отдали визиты, всѣхъ съ 18 человекъ. И потомъ имѣлъ рыгалы цукорами и другими галантерейными (и о всемъ томъ пространно писалъ въ писаніи моей книги вояжу италіанскаго, также и дѣлъ римскихъ). А по отъѣздѣ самому папа послалъ со мною крестъ съ мощми до государя царевича, также въ ту свою бытность получилъ письмо за рукою самою царскому величеству. И всѣ тѣ свои дѣла отиравилъ со всякимъ порядкомъ, и, чаю, выгодность своему патрону, на что было..... не призналъ Станислава за короля польскаго, то все удержалъ, хотя много себя и противниковъ видѣлъ. Также великую пріемность и склонность самого папы видѣлъ, гдѣ на остатку экстраординарную честь видѣлъ, что остатній вечеръ прислалъ брата своего родного отдать визиту и дать отъ своей партіи визиту,—которой персону себя презентуетъ дукъ или князь... Во всю свою бытность ту римскую и въ проѣздѣ италіанскій по самый пріѣздъ въ Гамбургъ прожилъ самихъ своихъ денегъ съ 4,000 ефимковъ, то будетъ 3,600 рублей,—по 30 алтынъ ефимокъ былъ; и для того того году 1707 продалъ деревню въ Суздаль село Глиница; взято 2,000 рублей.

Въ ту свою бытность въ Римѣ и во всю италіанскую бытность при помощи Божіей не имѣлъ никакой болѣзни. Только имѣлъ всякія пятна по лицу и для того лечился отъ дохтура въ Римѣ, котораго имя Грецельтъ (въ книгѣ описанія вояжу моего), который пурговалъ. И потому шелъ броды свиперовъ, для чего увидѣлъ не малую пользу, и всѣ тѣ пятна гораздо были умалены; и матерію худую выбило въ голову, гдѣ были великія шишки, чрезъ которые шла матерія, была и кровь. И во всея себя видѣлъ великую легость и апечить до здорovia (sic).

О податяхъ должеть-бы былъ писать, котораго году сколько взято съ крестьянъ деньгами, хлѣбомъ, работниками, извоцниками, лошадыми, даточными какъ съ дворовыхъ, такъ и съ крестьянъ. Только о всемъ семъ забылъ писать; чтобъ еще вдвое количествомъ сей книги написать, то оставляю. Генерально можно сказать: со всякаго письменнаго двора крестьянскаго сходилося слишкомъ по 16 рублей. Кто о томъ хочеть вѣдать, можетъ увѣдать съ указовъ въ канцеляріяхъ.

Сего лѣта начали Москву фортификавать вокругъ господиномъ инженеромъ московскимъ Василемъ Корчминнымъ. Гдѣ было со всѣхъ уѣздовъ многое число работниковъ собрано. И въ то лѣто все то окончали. И поны, и посадскіе работали. И все будетъ подлиннѣе описано впредь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югѣ Россіи.

(Продолженіе) ¹⁾.

Распространеніе штунды между православнымъ населеніемъ ново-россійскаго края.

Первое свѣдѣніе о появленіи баптизма подъ именемъ штунды между православнымъ сельскимъ населеніемъ херсонской губерніи относится къ 1865 году. Въ январѣ сего года преосвященному Димитрію было доложено благочиннымъ словесно, что въ деревнѣ Основѣ раскопольскаго прихода нѣкоторые православные подозрѣваются въ принадлежности къ нѣмецкой сектѣ. Въ февралѣ 1865 г. волостное правленіе дознало, что въ домѣ Рыгушскаго уже 4 года собираются для чтенія священнаго писанія и пѣнія духовныхъ пѣсней, и что въ послѣднемъ собраніи было 26 мужчинъ и 6 женщинъ. Въ февралѣ 1866 г. получено преосвященнымъ Димитріемъ уже формальное донесеніе благочиннаго о существованіи нѣмецкой секты между православными. Сократившіеся были до того скрытны, что говѣли прежде другихъ въ великій постъ, имѣли въ домахъ иконы и не нарушали постовъ открыто. Въ 1867 г. сектанты выступили открыто и въ Раскопѣ ихъ, по донесенію благочиннаго, было уже мужчинъ 33, женщинъ 21. По донесенію одесскаго исправника отъ 16 февраля 1867 г. въ мѣстечкѣ Игнатовкѣ одесскаго уѣзда, въ мѣ-

¹⁾ См. «Кіевская Старина» 1884 г, октябрь, стр. 305—321.

стечкѣ Рыснополѣ и въ деревнѣ Основѣ того-же уѣзда начали собираться общества въ первой мѣстности изъ 15 лицъ, кромѣ малолѣтнихъ, во второй изъ 5 семействъ и въ третьей изъ 14 семействъ, читая и толкуя въ своихъ собраніяхъ евангеліе подъ руководствомъ лютеранскихъ раскольниковъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ сосѣдней колоніи Рорбахъ. Посѣщающіе эти собранія крестьяне перестали ходить въ православную церковь, не почитаютъ св. иконъ и не исполняютъ никакихъ обрядовъ православной церкви. Виновицами распространенія этого раскола между православными признали крестьяне деревни Основы Ратушные, которые и арестованы. Мѣстнымъ священникомъ въ мѣстечкѣ Рыснополѣ въ это время былъ грекъ, который, не умѣя выразиться по русски, не рѣшался употребить жѣры увѣщанія для вразумленія совращенныхъ. На его мѣсто въ мѣстечко Рыснополь, по распоряженію преосвященнаго Димитрія, назначенъ священникъ Промысловъ, обучавшійся только въ низшихъ духовныхъ училищахъ, и ему вѣрено въ обязанность вести воскресныя чтенія и бесѣды. Хотя братья Ратушные были подвергнуты аресту, но собранія совращенныхъ въ такъ называемый штундизмъ тѣмъ не менѣе продолжались и въ 1868 г. въ домѣ Михайла Ратушнаго, куда приходили и нѣмцы-колонисты¹⁾. Тотъ-же Ратушный, въ сообществѣ съ жителями мѣстечка Игнатовки, крестьянами Герасимомъ Витенкомъ (Болобаномъ) и Александромъ Капустянымъ пропагандировали баптистское ученіе, подражая колонистамъ не только въ способѣ ученія, но также въ походкѣ, жестакъ и въ одеждѣ. Въ томъ-же 1867 г. секта такъ называемыхъ штундистовъ появилась еще въ хуторѣ Николаевскомъ аняньевского уѣзда, принадлежащемъ полковнику Казарянову. Насадителемъ этой секты здѣсь былъ мѣщанинъ Адамъ Войсаровскій, къ которому присоединились или правильнѣе сказать имъ совращены: причисляющійся въ аняньевскіе мѣщане Даніилъ Кондрацкій римско-католическаго исповѣданія, причисляющіеся въ одесскіе мѣщане Андрей Войсаровскій и Сильвестръ Войсаровскій, одесскіе мѣщане—Григорій Яворскій, Илія Бондерскій,

¹⁾ Довесеніе одесскаго исправника херсовскому губернатору отъ 16 февраля 1867 года, № 27. Отношеніе преосвященнаго Димитрія къ новороссійскому генералъ-губернатору отъ 14 марта 1868 г.

Илія Долженко, Михай Зайченко, Яковъ Меншинъ, рядовой, обучавшій дѣтей—Левъ Поповъ, бывший дворовый челоуѣкъ Василій Ивановъ, николаевскій мѣщанинъ Иванъ Гавриловъ и крестьяне Яковъ Осиптяжскій, Яковъ Ткаченко, Аванасій Черепъ. У каждаго изъ нихъ при обыскѣ въ домахъ найдено евангеліе въ русскомъ переводѣ и псалмы, не посвядѣтельствоваанные къ печати русской цензурой. Сектанты собирались въ домъ Аванасія Войсаровскаго, отвергали обряды церковные, таинства, почитаніе мощей и иконъ. Становой приставъ запретилъ собранія и воспретилъ рядовому Попову обучать дѣтей¹⁾.

Не менѣе дѣятельнымъ, чѣмъ Ратушный, пропагаторомъ баптизма явился въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсонской губерніи Рябошапка, крестьянинъ д. Любомірки. Даровитый отъ природы, онъ самъ выучился читать и сдѣлался отличнымъ мельникомъ, вузнецомъ и слѣсаремъ. Первоначально и долго служилъ при любомірской экономіи; съ 1865 по 1867 годъ онъ и крестьянинъ Максимъ Кравченко были на заработкахъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ ананьевскаго уѣзда и въ теченіи этого времени не соблюдали никакихъ обрядовъ православной церкви. По возвращеніи въ Любомірку въ 1867 году они застали въ мѣстной экономіи колонистовъ елисаветградскаго уѣзда, Мартина Гюбнера лютеранскаго исповѣданія и Христофора Эдингера реформатскаго исповѣданія, которые посѣщали домъ Рябошапки будто для сличенія русскаго перевода съ нѣмецкимъ, сему-же содѣйствовалъ и Іогаъ Прицкау, пріѣзжавшій изъ колоніи Адель-Даницгъ. Съ тѣхъ поръ Рябошапка самъ сталъ проповѣдникомъ баптистскихъ убѣжденій, собиралъ тайно въ своемъ домѣ православныхъ крестьянъ сначала въ маломъ количествѣ, а въ послѣдствіи въ числѣ 75 душъ обою пола. Въ 1867 году Рябошапка былъ арестованъ за толкованіе евангелія въ превратномъ смыслѣ въ своемъ домѣ при народномъ собраніи и отправленъ въ станovouю квартиру, а оттуда сперва въ Елисаветградъ, а потомъ въ г. Вознесенскъ, гдѣ освобожденъ судебнымъ слѣдователемъ. Въ 1868 году за тоже вновь былъ арестованъ и отправленъ къ священнику для убѣщанія, а

¹⁾ Донесеніе ананьевскаго исправника херсонскому губернатору 14 іюля 1867 года № 2,289.

потомъ доставленъ въ ольшанское волостное правленіе и здѣсь, по выдержаніи въ теченіи 7-ми недѣль подъ арестомъ, освобожденъ по просьбѣ ольшанскаго священника Лобачевского, у котораго предъ своимъ освобожденіемъ исповѣдывался и причащался. На вопросъ, почему онъ не исповѣдывается у своего любомірскаго священника, Рябошапка отвѣчалъ: «Ольшанскій священникъ дуже розумный, а тамъ еще пошло на переکورъ, а по слову Божію не нужно исповѣдываться у священника». — Въ декабрѣ 1869 г. Иваномъ Рябошапкой обращенъ въ секту баптистовъ изъ іудейства житель м. Криваго-Рога балтскаго уѣзда Сруль (Израиль) Циммерманъ 16-ти лѣтъ, работавшій вмѣстѣ съ Рябошапкою у бобринецкаго мѣщанина Юся Глинсберга. Проживши у Рябошапки около 2 недѣль, онъ отвезенъ былъ въ д. Глиницюу къ нѣмцу, а оттуда неизвѣстно куда. На жалобу отца и брата Циммерманъ Рябошапка отвѣчалъ незнаніемъ о томъ, гдѣ находится Сруль Циммерманъ. Между тѣмъ этотъ еврей очутился въ Добруджѣ, и тамошніе сектаны хотѣли снабдить его турецкимъ паспортомъ (Донесеніе херсонскаго губернатора генераль-губернатору отъ 7 іюля 1870 года). Помощникомъ Рябошапки въ пропагандѣ былъ Михаилъ Кравченко, который двукратно, — въ 1867 и 1868 г., былъ арестованъ за толкованіе евангелія въ собраніяхъ и послѣ увѣщанія, едѣльнаго священникомъ, былъ посылаемъ лимогорскимъ волостнымъ правленіемъ копать капаы. Пропаганда Рябошапки въ 1869 и 1870 г. развилась уже такъ, что онъ имѣлъ послѣдователей своего ученія не въ одной Любомірѣ, но и въ другихъ селахъ элисаветградскаго уѣзда, а именно: въ д. Карловкѣ, Обозовкѣ, Игнатовкѣ, Язелевкѣ, Лысой Горѣ, Николевкѣ, Помошной, Песчаномъ Бродѣ и Глипяпой и образовалъ новыхъ себѣ сотрудниковъ въ крестьянинѣ д. Карловки Ефіиѣ Цымбалѣ, который пріинялъ крещеніе отъ Абрама Унгера и разлѣзжалъ по деревнямъ вмѣстѣ съ совратившимъ его Яномъ Прицкау (изъ колоніи Альтъ-Данцигъ), и въ крестьянахъ деревни Обозовки — Вѣтрченкѣ и Марченкѣ¹⁾. Въ ноябрѣ 1870 года Рябошапка обращался къ г. генераль-губернатору Коцебу съ просьбой о дозволеніи ему съ 45 душами

¹⁾ Донесеніе полковника Дембровскаго воевороссійскому генераль-губернатору Коцебу отъ 17 декабря 1870 г.

своихъ послѣдователей выселиться куда нибудь въ степи и построить тамъ свою школу; но прошеніе это оставлено безъ удовлетворенія. Предположеніе ген. Коцебу выселить малорусскихъ баптистовъ изъ херсонской губерніи на Кавказъ, согласно новому прошенію Рябошапки, не имѣло успѣха, такъ какъ Его Императорское Высочество, бывшій кавказскій намістникъ не соизволилъ на сіе, не желая умножать и безъ того большое число сектантовъ на Кавказѣ.—Рябошапка, отвергнувъ крещеніе дѣтей, ввелъ и въ своей общинѣ крещеніе въ совершенномъ возрастѣ и раздаваніе хлѣба и вина въ замѣнъ таинства причащенія. Для успѣха пропаганды было распространено мнѣніе, будто всякій поступающій въ «братство друзей Божіихъ», какъ называли себя новые баптисты, долженъ скоро разбогатѣть, и притомъ увѣряли, что если онъ положитъ въ школы или въ молитвенномъ домѣ известную сумму денегъ съ вечера, то къ утру она непременно удвоится. Достиженіемъ этого чрезъ добавленіе къ положеннымъ деньгамъ денегъ жертвуемыхъ отъ общины привлечено въ это братство нѣсколько простодушныхъ крестьянъ¹⁾.

Въ с. Игнатовкѣ и д. Основѣ одесскаго уѣзда секта баптистовъ или штундистовъ въ теченіе 1870 года возросла съ 48 до 219 душъ. Главными руководителями секты оставались тотъ-же Михаилъ Ратушный, проживающій въ с. Игнатовѣ Герасимъ Винтанъ, онъ-же Волобанъ, и Александръ Капустянъ. Изъ нихъ Волобанъ оказался крестьяниномъ с. Чаплинки, таррацанскаго уѣзда, кievской губерніи, проживающимъ безъ письменнаго вида. Женившись на вдовѣ хѣтскаго крестьянина, онъ и ея дѣтей совратилъ въ свою секту. Въ рянопольскомъ волостномъ правленіи оказался отзывъ чаплинскаго волостнаго правленія, въ которомъ значилось, что Волобанъ считается на поручительство до рѣшенія дѣла о выпускѣ фальшиваго 10-рублеваго кредитнаго бѣлета, и чаплинское волостное правленіе просило не стѣснять Волобана въ проживательствѣ его въ рянопольской волости. Хотя уже было предложено выслать Волобана въ кievскую губернію и сообщено было кievскому губернатору объ учрежденіи надъ нимъ надзора относительно его религіозныхъ мыслей, но онъ, испросивъ себѣ у исправника

¹⁾ Донесеніе г. Коцебу отъ того-же полковника.

дозволеніе остаться на 4 дня въ с. Игнатовѣ, тайно ушелъ въ кievскую губернію для испрошенія себѣ паспорта. Въ то-же время въ д. Основѣ въ числѣ арестованныхъ на молитвенномъ собраніи оказались: одинъ крестьянинъ таврической губерніи, одинъ черниговской губерніи, значительное число крестьянъ изъ херсонскаго уѣзда, изъ с. Николаева, г. Аккермана и другихъ мѣстъ. Штундисты одесскаго уѣзда вынесли иконы изъ своихъ домовъ и отдали въ приходскую церковь, изъ православной церкви стали относиться съ пренебреженіемъ и дошли до такой дерзости, что стали свистать при крестныхъ ходахъ и нарушать благоговѣніе¹⁾. Еще болѣе дерзкое отношеніе къ православной церкви проявилось въ 1872 г. между совращенными, изъ коихъ крестьянинъ с. Гладосъ Петръ, по фамиліи Французъ, изрубилъ топоромъ икону Николая Чудотворца, а крестьяне д. Константиновки херсонскаго уѣзда въ числѣ 6 человекъ открыто глумились надъ православною похоронною процессією и другими обрядами православной церкви, за что впрочемъ были наказаны розгами по рѣшенію сельскаго схода. Въ Константиновкѣ въ этомъ году было уже до 60 штундистовъ; они-же совратили и нѣсколько крестьянъ с. Покровскаго, которые, собираясь въ домъ крестьянина Лукьяна Гайдамаки, читали между прочимъ книгу: «Привошеніе православнымъ христіанамъ», переведенную съ нѣмецкаго языка и изданную съ дозволенія цензуры.

Пропаганда баптистскихъ эмиссаровъ въ свою очередь не прекращалась какъ между нѣмецкими колонистами, такъ и между православнымъ сельскимъ населеніемъ. Такъ въ январѣ 1872 года въ д. Данду одесскаго уѣзда были задержаны Христіанъ Фишеръ и саксонскій подданный Карлъ Кенегъ, проживавшій въ колоніи Новый-Данцигъ херсонскаго уѣзда, которые соврашали мѣстныхъ колонистовъ въ баптизмъ, а въ февралѣ 1872 г. Христіанъ и Михайлъ Фишеры съ колонистомъ с. Хортицы, екатеринославской губерніи, Вилеромъ, прибыли въ с. Рорбахъ одесскаго уѣзда, гдѣ Вилеръ въ домахъ Якова Губера и Неприха Штоллера толковалъ св. писаніе на русскомъ языкѣ, при чемъ находились и крестьяне православнаго исповѣданія, съ ко-

¹⁾ Донесеніе херсонскаго губернатора г. министру внутреннихъ дѣлъ въ июлѣ 1870 года.

торыми Вилеръ входилъ въ объясненіе и давалъ имъ причастіе. Это были крестьяне изъ д. Основы и м. Игнатовки, которые въ числѣ 12 человѣкъ пріѣхали сюда съ женами и между которыми находились Михаилъ Ратушный и Александръ Капустянь, привлеченные еще въ 1871 году къ предварительному слѣдствію судебнымъ слѣдователемъ 2 участка одесскаго уѣзда за распространеніе ереси. При задержаніи Вилера въ колоніи Рорбахъ у него найдены: записная книжка, дневникъ, *брошюра объ ученіи баптистовъ* и прошеніе на имя министра внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи ему и его единомышленникамъ собираться для чтенія слова Божія и образовать братство. Ратушный и Капустянь сознались, что они и 48 человѣкъ изъ с. Игнатовки и д. Основы приняли второе крещеніе отъ крестьянина д. Любомирки Ивана Рябошапки 8 іюля 1871 года¹⁾.

Такиимъ образомъ ученіе сектантовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «штундистовъ», образовалось не на русской почвѣ и принесено въ Россію изъ Германіи, именно изъ Гамбурга, въ которомъ, по частныхъ свѣдѣніямъ бывшаго новороссійскаго генераль-губернатора П. Е. Коцебу, подтвердившимся теперь волюта наведенными нами въ Берлигѣ справками, берлинскій купецъ Онкель устроилъ даже семинарію для образованія миссіонеровъ баптизма. Насадителями этого ученія сперва между нѣмцами колонистами на Воляни и въ новороссійскомъ краѣ, а потомъ и между православными русскими населеніемъ были иностранцы, вышедшіе изъ Гамбурга: Ондра, Прицау, Отто-Вильгельмъ Шульцъ, Карлъ Эдлингеръ, Францъ Ляновскій, Михель Филкъ и наконецъ самъ Онкель, который проѣхалъ херсонскую и таврическую губерніи. Ихъ дѣятельными сотрудниками оказались изъ мѣстныхъ колонистовъ Георгій Клуудтъ, Майеръ, Либигъ и болѣе всего хортицкій менонитъ Вилеръ.

Противъ заносаго характера полвившейся у насъ штунды возражаетъ авторъ рецензіи на октябрскую книжку «Кіевской Старины» въ № 224 «Кіевлянина», приписывая такой взглядъ нашъ малому знакомству нашему съ литературой настоящаго предмета. Мы бы просили автора сказать, изъ чего-же состоитъ у насъ литература этого пред-

¹⁾ Донесеніе херсонскаго губернатора новороссійскому генераль-губернатору 15 марта 1842 г. № 69.

мета? Неужели изъ указанныхъ ихъ статей въ № 56 и послѣдующихъ «Кіевлянина» за 1884 г., по видимому принадлежащихъ его же перу и заключающихъ въ себѣ лишь перебалтываніе того, что содержится въ появившейся около того-же времени брошюрѣ г. Ушинскаго «О причинахъ появленія ученій штундистовъ»? Но самъ Ушинскій ученіе г. наз. русскихъ штундистовъ смѣшалъ съ ученіемъ лютеранъ, совращеніе православныхъ въ секту принимаетъ позаимствованію лютеранскихъ мѣній въ собраніяхъ г. н. *штунде*, какъ будто малороссы могли тутъ что либо понимать, не зная ни слова по нѣмецки. Правда Ушинскій въ своей брошюрѣ упомянулъ о появленіи въ нѣмецкихъ колоніяхъ херсонской губерніи баптистскихъ эмиссаровъ и административной высылкѣ ихъ, но сказалъ это голословно, безъ указанія, откуда они вышли и куда ушли, чему и кого учили и въ какихъ именно колоніяхъ, онъ не назвалъ даже ни одного изъ нихъ по имени. Причиной сего то, что ему было сказано нами не больше этого. Не могъ дальше пойти и черпавшій свои свѣдѣнія изъ Ушинскаго авторъ статей «Кіевлянина» въ № 56 и слѣдующихъ. И тотъ и другой причину распространенія у насъ баптизма хотять видѣть въ крайне неудовлетворительныхъ отношеніяхъ между сельскимъ духовенствомъ и крестьянами. Мы-бы просили ихъ сказать, какой процентъ приходовъ съ такими отношеніями въ общемъ числѣ приходовъ кіевской епархіи и дѣйствительно-ли эти отношенія были неудовлетворительны въ тѣхъ именно приходохъ, въ которыхъ перѣе всего появилась секта, т. е. въ с. Чаплинкѣ, Косляковѣ и Плюсковѣ? Мы съ своей стороны заявляемъ, что ни прежде, ни послѣ ни на одного изъ священниковъ этихъ приходовъ не поступило никакой жалобы ни къ духовному, ни къ гражданскому начальству. Если полагать причину болѣзни лишь въ мѣстности, гдѣ она появляется, то пришлось бы сказать, что холера появилась въ Ліонѣ, въ Марсели, Парижѣ, въ Римѣ потому только, что она нашла тамъ для себя почву, а не потому, что она занесена туда людьми и вещами изъ за моря. Раньше, чѣмъ у насъ, баптизмъ распространился въ другихъ странахъ и въ Соединенныхъ Американскихъ штатахъ баптистовъ выѣ до 1,009,000, въ Великобританіи и Ирландіи до 280,000, въ Западной Индіи до 36,000, въ Германіи до 31,000; неужели и тамъ причиною этого только болѣе или менѣе не удовлетворительныя отношенія духовенства къ прихожанамъ?

П. Л.—въ.

Библиографія.

Д. Я. Самоковсовъ. Исторія русскаго права. Вып. II. Происхожденіе славянъ. Происхожденіе русскихъ славянъ. Варшава. 1884 г. Стр. X, 145.

Два вышедшихъ въ свѣтъ выпуска «Исторіи русскаго права» составляютъ собственно введеніе въ «Исторію», такъ какъ они посвящены общимъ вопросамъ славяно-русской исторіи, оцѣнкѣ различныхъ мнѣній и теорій о началахъ славянскихъ народовъ и въ частности русскаго, обоснованію собственныхъ воззрѣній автора. Раскопки и другіе способы изслѣдованія русской и славянской старины привели автора еще въ первомъ выпускѣ его «Исторіи» къ тому убѣжденію, что господствующее въ исторической литературѣ направленіе крайне неблагоприятно для разъясненія началъ русской исторіи вообще и древнѣйшаго политико-юридическаго быта русскихъ въ частности. Точно также и во II выпускѣ авторъ пытается исправить основныя положенія русской исторической науки касательно начальныхъ моментовъ славянской и русской исторіи. Онъ ни за что не соглашается начинать славянскую исторію сказаніями Юрнанда и Провонія о славянахъ и антахъ, старается отодвинуть возможно глубже въ древность начатки историческаго существованія славянскихъ народовъ. Занимавшіе въ VI в. по Рождествѣ Христовомъ обширныя земли славянскіе народы -- венеты, анты, славяне -- должны были имѣть здѣсь своихъ предковъ; предками этими были, по его убѣжденію, не кто иные, какъ геродотовы скифы и сарматы. Многолюдное скифское населеніе нашего юга не могло же исчезнуть безслѣдно; оно, по мнѣнію г. Самоковсова, только мѣнило свое имя на протяжении десяти вѣковъ, пока не появилось на исторической аренѣ подъ именемъ славянъ. Скифы-сарматы, геты, даки, роксоланы, аланы, гуны,

болгары, козары, венецы, славяне, анты, — все это представители одного и того же этнографического типа, скифского, или славянского. Многократно геродотовых скифов авторъ называетъ то предками славянъ, то праславянами. Туранство скифовъ авторъ отрицаетъ рѣшительно, равно какъ и смѣшанный этнографическій характеръ скифскаго населенія южной Россіи. Понятіе скифовъ онъ сравнительно съ Геродотомъ расширяетъ; къ скифскому типу принадлежали, по его словамъ, кромѣ авхатовъ, катіаровъ, трасіеюсовъ и парлатовъ, «еще слѣдующія племена: тапры, сарматы, вудины, скифы приуральскіе, невры, агаирысы и геты».

Окончательному рѣшенію вопроса о происхожденіи славянъ и русскихъ славянъ авторъ придаетъ большое значеніе. По его мнѣнію, безъ рѣшенія этого вопроса нельзя шагу сдѣлать въ области исторіи русскаго права. «Пока основные вопросы славяно-русской исторіи не рѣшены наукою положительно, до тѣхъ поръ научная разработка древнѣйшаго періода исторіи русскаго права, по нашему мнѣнію, невозможна. Возможность научной разработки въ положительномъ направленіи славяно-русскаго права, какъ вопроса годнаго въ славяно-русской исторіи, тѣсно связана съ отвѣтомъ на общій, исходный вопросъ науки о происхожденіи славяно-русовъ, положительнымъ рѣшеніемъ котораго обуславливается начало (sic) русской исторіи, средства ея познанія и направленіе изысканій по частнымъ вопросамъ».

Такимъ образомъ вопросъ о народности геродотовыхъ скифовъ, или, что тоже, объ этнографическомъ единствѣ скифовъ и славянъ составляетъ для автора исходный пунктъ въ историческихъ изысканіяхъ русскаго права; съ этимъ вопросомъ ему необходимо порѣшить окончательно, прежде чѣмъ вступить собственно на почву русскаго права.

Дѣйствительно, авторъ высказываетъ свои заключенія въ самомъ рѣшительномъ, категорическомъ тонѣ, какъ будто-бы послѣ II выпуска его «Исторіи русскаго права» всѣ подобныя вопросы должны быть сданы въ архивъ, и изслѣдователи обязаны отираться отъ возрѣній автора, какъ отъ несомнѣнной истины. «Сравнивая этнографическіе признаки славянъ языческой эпохи съ такими-же признаками скифовъ эпохи Геродота, мы *нашли* между ними очень много общаго, мы *убѣдились*, что въ этнографическомъ отношеніи славяне языческой эпохи стоятъ *несравненно* ближе къ европейскимъ скивамъ эпохи Геродота, нежели къ древнимъ грекамъ, римлянамъ, кельтамъ, германцамъ и даже литовцамъ. Мы *встрѣтили* также въ сказаніяхъ древнихъ историковъ и географовъ *прямые* свидѣтельства о единствѣ происхожденія скифовъ и славянъ... Такимъ образомъ сравнительная этнографія, свидѣтельства древнихъ

историковъ и географовъ и содержаніе скиѣскихъ и славянскихъ могилъ доказали намъ ближайшее, непосредственное родство между скиѣми и славянами. Скиѣи эпохи Геродота по отношенію къ позднѣйшимъ славянскимъ народностямъ являются праславянами». На стр. 51—52 также мысль выражена еще рѣшительнѣе. На всемъ протяженіи отъ Геродота до перваго русскаго лѣтописца авторъ находитъ *«несомнѣнные доказательства ближайшаго родства европейскихъ скиѣовъ эпохи Геродота съ позднѣйшими славянами. Но если такъ, если действительно европейская Скиѣиѣ эпохи Геродота была природною славянскихъ народовъ, а скиѣи того времени были прямыми предками славянъ, то и пр. и пр.»*. Первоначально единая скиѣская народность выдѣлила изъ себя, по мнѣнію г. Самоковасова, мало по малу, подъ вліяніемъ окружающихъ условій, отдѣльныя этнографическія группы, или новыя народности; терминъ *скиѣи* теряетъ съ этого времени прежній этнографическій смыслъ, хотя подъ нимъ продолжаютъ подразумѣваться все-же народы родственные, происходящіе отъ одного предка. «Племена каждой новой народности», замѣчаетъ авторъ (стр. 62), «въ отличіе другъ отъ друга и отъ общаго предка называются новыми племенами. Эти новыя общія (?) народныя названія: кимвры, тевтоны, германцы, эсты, литовцы, даки, венеты, анты, славяне и пр., замѣняютъ собою древнее имя ихъ общаго предка, скиѣовъ, теряющее опредѣленный этнографическій смыслъ и въ новой исторіи выходящее изъ употребленія».

Къ сожалѣнію, аргументація автора далеко не отвѣчаетъ аподиктическому тону изложенія. Чего либо поваго для доказательства родства славянъ съ Геродотовыми скиѣами мы не находимъ у г. Самоковасова; за то встрѣчаемся здѣсь съ очень старыми ошибками, съ недостаточнымъ усвоеніемъ литературы предмета, съ совершенно бездоказательными увѣреніями.

* Прежде всего замѣтимъ, что въ ученomъ изслѣдованіи не совсѣмъ умиѣстно обращеніе съ главнѣйшимъ источникомъ, съ Геродотомъ, черезъ устарѣвшій и далеко не безгрѣшный переводъ Мартынова. Не говоря уже объ отдѣльныхъ неточностяхъ стараго перевода, достаточно замѣтить, что со времени Мартынова критика сдѣлала значительные успѣхи въ восстановленіи текста. Разумѣется, еще менѣе удовлетвори- тельны пригѣчанія Мартынова, которыми также авторъ не прочь воспользоваться¹⁾. Вслѣдъ за Мартыновымъ г. Самоковасовъ повторяетъ неправильное чтеніе τὸς βασιλέας (IV, 6, стр. 29) вмѣсто τῶ βασιλέος и противопо-

1) *Географію* Страбона авторъ цитируетъ всегда въ переводѣ г. Мещенка (М. 1879 г.), хотя нигдѣ на это не указываетъ.

ставляетъ паралатовъ, какъ особый народъ, остальнымъ скиѣамъ; паралаты для него только другое имя царскихъ скиѣовъ; самое это названіе обозначаетъ будто бы *приморское* племя: авторъ неправильно смѣшиваетъ это имя съ греческими формами *paraliotai*, *paraloi*, *paralioi*. IV, 60 (а не 55, какъ у г. Самоквасова) «но всѣмъ святынямъ» вмѣсто «для вѣкъ боговъ»; начало 5 главы (стр. 29), главы 99 и 100 (стр. 25, 26) переводится неточно и др.

Вопреки Геродоту авторъ причисляетъ къ одному съ скиѣами этнографическому типу тавровъ, сарматовъ, вудинговъ и др. (см. *выше*). Вѣдь меланхлены — не скиѣи, равно какъ и невры (IV, 105—107), хотя и имѣютъ скиѣскіе обычаи; не скиѣи также тавры; человѣческія жертвы у тавровъ (IV, 59) авторъ (стр. 63) невѣрно производитъ отъ грековъ. Вопреки Геродоту помѣщаетъ почему-то переселеніе паралатовъ въ черноморскія степи въ VII в. до Рождества Христова (стр. 18, 28), тогда какъ у историка паралаты нигдѣ отдѣльно отъ каліаровъ и др. не упоминаются. На стр. 14 Геродоту приписывается представленіе о *верхней* Азии, какого на самомъ дѣлѣ у историка не находится. Равнымъ образомъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы раздѣлять увѣренность автора, будто «за пять вѣковъ до Рождества Христова всѣ племена *Царской Скиѣи* (?) за исключеніемъ грековъ и греко-скиѣовъ имѣли *одинъ* языкъ, *одну* религію (*и поклоненіе тамимасадасъ у царскихъ скиѣовъ?!*), одинаковые нравы и обычаи (*развѣ Геродотъ не отличаетъ ясно въ этомъ отношеніи, наприм., тавровъ или массагетовъ отъ скиѣовъ?*), одинаковую домашнюю и общественную обстановку» (*какую же?*).

Географическія, лингвистическія, археологическія и др. доказательства, какими пользуется г. Самоквасовъ, весьма сомнительной убѣдительности. Въ Борисенѣ автору слышится русская Березня; скиѣскій *paranos* звучитъ для него въ славянскомъ *papa*. Казалось, съ большимъ-бы основаніемъ Борисененсъ можно разложить на греческія слова *borcios* и *sthenos*; въ греческомъ-же языкѣ есть цѣлый рядъ словъ, общихъ по корню съ *papa*: *pappas*, *pappos*, *pappago* и мн. др.

Причемъ-же въ обоихъ случаяхъ непремѣнно славянскій языкъ? Этнографическими данными по способу г. Самоквасова можно доказать родство геродотовыхъ скиѣовъ съ какимъ угодно народомъ. Воннелъ, трудъ котораго вовсе не упоминается, сближаетъ скиѣовъ съ древними германцами, Нейманъ съ монголами и т. п. Авторитетъ въ области краниологій, К. Е. Веръ находитъ наиболѣе близкими къ такъ называемымъ скиѣскимъ черепамъ башкирскіе. Г. Самоквасовъ ничего не говоритъ о географическихъ объясненіяхъ Кнперта, о сближеніяхъ Вс. Миллера

между скинами и осетинами. Относительно народности гуиновъ онъ ограничивается упоминаніемъ статей г. Иловайскаго, сторонника славинства гуиновъ, обходя молчаніемъ критику профессора В. Г. Васильевскаго, по нашему мнѣнію, окончательно сокрушающаго выводы профессора Иловайскаго. Г. Васильевскій имѣетъ въ этомъ вопросѣ авторитетнаго союзника въ лицѣ Вамбери, известнаго знатока турецко-татарскихъ языковъ; вопросомъ о народности гуиновъ онъ занимается въ своемъ новомъ трудѣ: *Der Ursprung d. Magyaren*. (Leipz. 1882).

Надѣемся, читатель согласится съ нами, что подобными приемами нельзя доказать что либо, хотя доказывать можно все. Выводы автора имѣютъ значеніе гипотезы, обставленной весьма недостаточно. Между тѣмъ вторая глава труда (*Происхожденіе русскихъ славянъ*) исходитъ изъ этихъ положеній, какъ безусловно вѣрныхъ, съ прибавкою впрочемъ новаго предположенія, что лѣтописные волохи не кто иные, какъ римляне, потѣснившіе славянъ на Дунаѣ во II в. по Р. Х. На стр. 121 авторъ замѣчаетъ: «если мы, соотвѣтственно изложеннымъ выше свидѣтельствамъ древней исторіи, географіи и этнографіи, допустимъ происхожденіе славянъ отъ скиновъ, исконнъ занимавшихъ прионційскія и придунайскія области, и признаемъ историческую достовѣрность свидѣтельства русской лѣтописи о колонизаціи славянъ изъ областей придунайскихъ въ центральныя области Европы, вслѣдствіе завоеванія древней Дакии римлянами, то фактъ присутствія римскихъ монетъ въ славянской землѣ центральной Европы можетъ быть объясненъ не такъ, какъ его объясняютъ сказанные изслѣдователи: римскія монеты могли быть занесены туда не римлянами, а гето-дакійскими племенами, въ эпоху владычества римлянъ въ Дакии выселившимися за Карпаты въ центральныя области Европы и получившимъ тамъ имена польскихъ и русскихъ славянъ». Понятно, разъ главная посылка умозаключенія не болѣе, какъ субъективное предположеніе, — а таковымъ она является у автора, — окончательный выводъ не имѣетъ серьезнаго значенія. Поэтому существующее теперь въ наукѣ объясненіе присутствія римскихъ монетъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ торговыми сношеніями римлянъ съ этими пунктами остается не поколебленнымъ увѣреніемъ автора, что монеты эти занесены самими славянами въ ихъ подлившія мѣста жительства. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что критическая оцѣнка трудовъ Садовскаго и др., предлагаемая авторомъ, содержитъ въ себѣ не мало остроумныхъ замѣчаній.

Слѣдовательно та простая схема образованія славянъ и русскихъ славянъ, какую рисуетъ себѣ г. Самоубасовъ, оказывается на самомъ дѣлѣ весьма проблематической, а состоитъ она въ слѣдующемъ: могуществу

скивоєвъ нанесенъ смертельный ударъ Филиппомъ Македонскимъ (399 г. до Р. Х.). Овладѣніе скивоєвъ повело за собою передвиженіе сарматовъ по сю сторону Дона; послѣ Митридата сарматы подъ именами бастарповъ, роксолантъ, ячиговъ, перешедши черезъ Днѣбрь, соединяются съ скивскими племенами, гетами и даками и во II в. до Р. Х. образуютъ сильное скивское государство. Но столкновенія съ римскимъ могуществомъ кончаются во II в. по Р. Хр (106 г.) паденіемъ скивскаго царства и превращеніемъ его въ провинцію Дакію. Подъ давленіемъ римлянъ скиво-сармато-гето-дакійскія племена покинули свою прародину, разселились по рѣкамъ Вислѣ съ притоками, Днѣбру съ притоками, Олѣ, Западной Двинѣ и Волхову. Эти-то племена и являются въ позднѣйшей исторіи подъ именемъ славянъ.

Такова простая по построенію, но вовсе не доказанная гипотеза г. Самоквасова.

М.

Исторія университета св. Владиміра. Сост. орд. проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Т. 1. Университетъ св. Владиміра въ царствованіе Императора Николая I. Кіевъ. 1884 г.

Эта объемистая книга, свыше 700 страницъ въ большую осьмуху, плодъ двухлѣтней усидчивой работы даровитѣйшаго профессора, открываетъ собою длинный рядъ тѣхъ изданій, которыя задуманы и приготовлены университетомъ св. Владиміра въ знаменательному дню празднованія 50-лѣтняго его существованія, 8-му сентябрю сего года. Едва-ли чѣмъ либо другимъ университетъ св. Владиміра могъ такъ ослзательно и прочно отмѣтить пятидесятилѣтній періодъ своей просвѣтительной дѣятельности, какъ рядомъ такихъ солидныхъ изданій, въ которыхъ эта дѣятельность разработана всесторонне, выяснена до мельчайшихъ подробностей. Это богатое приращеніе въ исторіи нашего просвѣщенія, драгоценный вкладъ въ науку отъ того учрежденія, которое носитъ названіе святилища наукъ. Сколько можемъ припомнить, ни одно изъ нашихъ ученыхъ и учебныхъ учреждений не потрудилося столько на пользу науки, празднуя юбилей болѣе или менѣе продолжительнаго своего существованія.

Составленная профессоромъ Владимірскимъ-Будановымъ исторія университета св. Владиміра въ ряду юбилейныхъ изданій занимаетъ безспорно самое видное мѣсто какъ по предмету труда, такъ и по научной его обработкѣ. Слѣдующій за нею «Біографическій Словарь» про-

фессоровъ есть трудъ такъ сказать коллективный, прочіи заданія дають болѣе или менѣе обстоятельную исторію вспомогательныхъ учреждений при университетѣ св. Владимира.

Переходя къ обзору этого труда, начнемъ съ выраженія нашего искреннаго сожалѣнія, что такой даровитый профессоръ, обладающій столь свѣтлымъ умомъ и такимъ глубокимъ критическимъ талантомъ, не начерталъ полной исторіи юнаго еще университета за все время 50-лѣтнаго его существованія, а лишь одну ея часть, не обнимающую и половины пятидесятилѣтія. Свѣтъ брошенный на весь пройденный университетомъ путь могъ-бы отразиться и на ту, по крайней мѣрѣ ближайшую часть пути, которая лежитъ предъ нимъ впереди, и это могло-бы ему ходить *во свѣтъ истины, а не якоже зеркаломъ въ тьмѣни*. Но творити книги мнози нсть конца... могъ-бы сказать почтенный профессоръ и указать на свою внушительную по объему и содержанію книгу.

Это 1-й томъ исторіи университета св. Владимира, обнимающій собою время его существованія съ 1833 по 1855 г. Авторъ заканчиваетъ этотъ 1-й томъ исторіи университета царствованіемъ императора Николая Павловича, конечно, потому, что новое царствованіе началось новыми вѣдѣніями, рѣшительнымъ образомъ отразившимися на жизни университета прежде, чѣмъ ояъ получилъ новый уставъ. Изданный томъ подраздѣляется на три эпохи... Названіе, можетъ быть, нѣсколько громкое хотя-бы и для свѣтлицца наукъ, но вѣдь-не въ названіи сила. Эпоха I обнимаетъ время 1833—1842 г. и начиная съ открытія университета трактуетъ о первоначальномъ его устройствѣ по особому спеціальному его уставу и первыхъ годахъ его жизни, включая временный перерывъ 1839 г., возстановленіе университета и постройку его зданій. Эпоха II отъ 1842 до 1849 г., гдѣ авторъ излагаетъ примѣненіе къ университету «германскаго университетскаго строя» на основаніи новаго обще-университетскаго устава 1842 г. и жизнь университета по началамъ этого устава. Эпоха III отъ 1849 до 1855 г., носящая общее заглавіе *реакціи*, представляетъ рѣзкое отклоненіе въ жизни университета отъ его первоначальнаго и послѣдующаго строя, вызванное цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ узаконеній и особенно мѣстныхъ распоряженій, при наличности прежняго устава, и отлѣченное пониженіемъ уровня университетской науки вообще и въ частности научнаго и нравственнаго уровня въ воспитывающемся юношествѣ. Эпохи подраздѣляются на главы, эти въ свою очередь на отдѣльныя, часто обширныя трактаты, рисующіе формальное внѣшнее построеніе университетской жизни по извѣстному, законодательною властію опредѣленному плану, внутреннее

ея теченіе и развитіе въ извѣстныхъ рамкахъ, съ подробнымъ изображеніемъ ихъ въ общемъ ходѣ управленія, въ строѣ и составѣ факультетовъ, въ служебной и частной научной дѣятельности профессоровъ, въ нормальномъ положеніи студентовъ, ихъ составѣ и числѣ, учебныхъ ихъ занятійхъ, въ надзорѣ за ними, образѣ ихъ жизни и поведеніи. Обширному тому своей исторіи авторъ предпосылаетъ пространное, на 57 страницахъ, введеніе, въ которомъ излагаетъ состояніе общественнаго образованія въ юго-западной Руси до открытія университета св. Владиміра, начиная свой обзоръ съ той системы образованія, которая установлена была въ этомъ краѣ еще въ періодъ польскаго въ немъ владычества 1773—1793 г., и слѣдя ея развитіе и усиленіе здѣсь подъ русскимъ владычествомъ съ 1793 и до 1831 г. Томъ заканчивается восемью приложеніями, по объему равняющимися введенію и заключающими въ себѣ документальное перечисленіе финансовыхъ средствъ университета и цифровыя данныя о срокахъ службы ректоровъ, проректоровъ и декановъ, о числѣ получившихъ степени доктора и магистра и пр., заканчивающіяся двумя общими таблицами всѣхъ студентовъ 1834—1862 г. и 1862—1884 г.

Надо отдать полную справедливость автору этого обширнаго и замѣчательнаго по своимъ ученымъ и литературнымъ достоинствамъ труда. Г. Владимірскій-Будановъ выполнилъ данное ему совѣтомъ университета св. Владиміра порученіе, можно сказать, блестящимъ образомъ, и университетъ имѣетъ теперь если далеко не за все время своего существованія, то за половину его полную, проникнутую глубокимъ пониманіемъ цѣлаго и частей, солидную и вмѣстѣ живую, правдивую и безпристрастную свою исторію. Мы не можемъ, конечно, въ предѣлахъ библиографической замѣтки ознакомить нашихъ читателей съ частнѣйшимъ содержаніемъ такой объемистой исторіи, да и нѣтъ, кажется, въ томъ особой надобности. Масса свѣдѣній извлечена изъ нея мѣстными газетами по поводу праздновавшагося пятидесятилѣтія университета; читатели находили въ нихъ множество отрывковъ большихъ и малыхъ, перепечатанныхъ цѣлкомъ и этимъ путемъ отчасти ознакомилась и со многими добытыми авторомъ свѣдѣніями и съ его взглядами и способомъ изложенія. Намъ остается сказать о достоинствахъ этого труда въ цѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать тѣ желанія, вызываемыя существомъ избраннаго авторомъ предмета удовольствованія которымъ мы, къ сожалѣнію нашему, не нашли въ его трудѣ.

Первымъ выдающимся достоинствомъ составленной г. Владимірскимъ-Будановымъ Исторіи Университета св. Владиміра надо считать то, что, приступая къ объясненію факта возникновенія университета въ

въ данную пору въ здѣшней мѣстности, онъ не началъ такъ сказать съ самаго факта, не остановился на обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ, не ограничился и изложеніемъ обстоятельствъ ближайшихъ, вызвавшихъ его появленіе, но углубился въ ту отдаленную эпоху общественнаго образованія въ здѣшнемъ краѣ, о которой, по справедливому его замѣчанію, мы имѣемъ болѣе смутныя представленія, чѣмъ о временахъ Владиміра Мономаха. Иначе, конечно, нельзя было-бы ни уяснить ту цѣль, какая указывалась университету св. Владиміра правительственнымъ актомъ о его учрежденіи, ни имѣть точной критерій для сужденія о послѣдующей судьбѣ и жизни университета. Изслѣдовать положеніе народнаго образованія въ краѣ въ эпоху предшествовавшую учрежденію университета въ Кіевѣ было тѣмъ болѣе необходимо, что съ этимъ послѣднимъ фактомъ связана была отиѣна господствовавшей дотолѣ системы общественнаго воспитанія и замѣна оной новою, во главѣ которой ставился учреждаемый университетъ. Г. Владимірскій-Будановъ тщательно собралъ данныя о положеніи образованія въ краѣ, разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, пополнилъ ихъ свѣдѣніями изъ архива главнаго дѣятеля той эпохи гр. О. Чацаго, архива временскаго лицея и визитаторскаго, провѣрилъ все критически, сопоставилъ съ отѣвами своего предшественника по исторіи университета В. Я. Шульгина и далъ впервые довольно полную и строго обдуманную картину общественнаго воспитанія въ томъ краѣ, для котораго предназначался ново-учреждаемый университетъ. Открывается нѣчто невѣроятное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное и совершившееся едва не на нашихъ глазахъ: на всемъ пространствѣ древнѣйшихъ русскихъ областей, съ 1793 г. возвращенныхъ отъ Польши въ Россію, до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, дѣйствовала безъ малѣйшаго воспащенія, напротивъ открыто признаваемая и поддерживаемая русскимъ правительствомъ того времени система польскаго образованія, установленная правительствомъ Рѣчи Посполитой въ періодъ раздѣловъ Польши,—польская по духу и цѣли, по составу главныхъ и ближайшихъ руководителей, по языку обученія, по всему строю, постановкѣ и обстановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла; русскій языкъ, въ качествѣ необязательнаго, едва былъ терпимъ въ учебныхъ заведеніяхъ того времени, преподаваніе его поручалось учителямъ другихъ предметовъ—полякамъ и уніатамъ и даже отставному прусскому солдату; православные ученики слушали Законъ Божій у ксендаовъ, дѣти русскихъ не могли подать прошенія иначе, какъ на польскомъ языкѣ. Полонизація края шла быстрыми шагами, унаслѣдованная отъ Польши система общественнаго образованія, руководимая такими замѣчательными дѣятелями александровской эпохи, какъ князь Чарто-

рыжскій и графъ Чацкій, достигла полного своего развитія въ заверше-
ніи цѣлаго рядъ польскихъ школъ созданіемъ временецкаго лицея, при-
влечшаго къ себѣ громадныя денежныя жертвы и симпатіи всего поль-
скаго шляхетства въ предѣлахъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Конецная
цѣль ея была воскресеніе Польши въ ея прежнихъ конституціонныхъ
формахъ в предѣлахъ и эта цѣль была уже такъ близко. Но возстаніе
1831 г. все разрушило. Ученики такъ нѣжно дѣлѣнныхъ школъ ушли
въ повстаніе, опустѣвшія школы, по распоряженію правительства, за-
крыты, выѣсто ихъ созданъ рядъ другихъ школъ на новыхъ началахъ,
а пзъ временецкаго лицея образованъ кievскій университетъ. Этотъ по-
слѣдній является такимъ образомъ не продуктомъ прежней, но началомъ
новой жизни въ краѣ, новой политики прозрѣвшаго правительства, но-
вой системы народнаго образованія, совершенно противоположной пре-
жней польской. Замѣчанію прежняго историка университета, что новое
зданіе начали съ крыши, г. Владимірскій-Вудановъ противопоставляетъ,
что иначе нельзя было-бы приготовить учителей и воспитателей въ
духѣ новой системы. Каждый въ своемъ родѣ правъ. Послѣдній при-
бавляетъ: «открытіемъ университета въ Кіевѣ мы не поспѣшили, а
скорѣе опоздали на четверть вѣка». Не гораздо-ли болѣе? Мысль о не-
обходимости университета созрѣла въ населеніи лѣвой стороны Днѣпра
еще въ концѣ 1-й половины прошлаго столѣтія и ходатайства объ учре-
жденіи онаго возбуждаемы были много разъ, хотя мѣстомъ для него
указывался не одинъ Кіевъ, но иногда Глуховъ, Батуринъ, даже Новго-
родъ-Сѣверскъ. Нѣтъ сомнѣнія, что будь такое ходатайство во время
удовлетворено, кievскій университетъ имѣлъ-бы другой характеръ, другую
роль, пришедшая къ намъ отъ Польши система образованія не вышла
бы для себя мѣста, польскіе просвѣтители и польское юпошество въ
окрѣпшемъ русскомъ университетѣ очутились-бы въ иной роли и самый
этотъ университетъ не былъ-бы обреченъ на ту Сизифову въ нѣкото-
ромъ смыслѣ работу, казанъ указана ему при учрежденіи его въ 1834 г.
Во всякомъ случаѣ можно пожалѣть о томъ, что авторъ не углубилъ
свою экскурсію въ область прошлаго, не расширилъ сферы предвари-
тельныхъ своихъ изслѣдованій. Безъ этого вслушительная часть его
труда, едва-ли не наиболѣе важная, кажется какъ-бы страничкою, вырван-
ною изъ исторіи нашего просвѣщенія, нашей государственной и обще-
ственной жизни, и не понятными представляются въ ней и наша близору-
кость и равнодушіе къ дѣлу народнаго образованія въ возвращенныхъ
отъ Польши русскихъ областяхъ, и это широкое хозяйничанье въ рус-
скомъ краѣ польско-шляхетскаго элемента, равно какъ и наше внезап-
ное просвѣтлѣніе послѣ событій 1831 г. и болѣе пассивное, чѣмъ

сознательное стремленіе поставить здѣсь просвѣщеніе на новыхъ началахъ.

Весь дальнѣйшій трудъ г. Владимірскаго-Буданова представляетъ собою стройное, послѣдовательное, разработанное всесторонне и во всѣхъ подробностяхъ изложеніе постепеннаго устройства университета св. Владиміра и развитія его внутренней жизни съ тѣми неизбѣжными колебаніями, какія вызываемы были въ ней то мѣстными условіями, въ какія онъ поставленъ былъ при самомъ учрежденіи, то общимъ ходомъ нашей жизни и распоряженіями высшаго правительства, своеобразно при-мѣняемымъ на мѣстѣ. Словойный тонъ изложенія, не доходящій до сухости и не возвышающійся до пафоса, копотливый подборъ данныхъ, строгая ихъ провѣрка и пскусная группировка, наконецъ безпристрастная, чуждая преувеличенія и рѣзкости оцѣнка фактовъ—таковы главными достоинства труда почтеннаго профессора. Въ каждой изъ трехъ очерченныхъ эпохъ, онъ отъ изображенія формальнаго строя и дѣятельности университета переходитъ къ характеристикѣ его дѣятелей, оцѣнкѣ ихъ трудовъ, занятій самихъ студентовъ, опредѣленію научнаго уровня тѣхъ и другихъ, знакомитъ съ ихъ частнымъ, домашнимъ бытомъ. Много прекрасныхъ страницъ посвящено имъ въ особенности первымъ годамъ университетской жизни и такимъ свѣтлымъ ея дѣятелямъ, какъ Брадке, Максимовичъ, Новицкій, Невольинъ, Богородскій и пр., много мѣткихъ словъ удѣлено другимъ второстепеннымъ дѣятелямъ. Последняя эпоха, — періодъ реакціи, очерчена авторомъ съ замѣчательною правдивостію и безпристрастіемъ. Эта глава въ трудѣ исторична въ особенности поучительна. Правда, она оставляетъ въ читателѣ тяжелое впечатлѣніе, что чувствовалъ и самъ авторъ, стараясь оговориться въ концѣ; но не слѣдуетъ, конечно, закрывать глазъ предъ печальною ошибкою весьма недавняго времени.

Закончимъ нашъ бѣглый обзоръ вышедшаго I тома Исторіи университета св. Владиміра краткимъ замѣчаніемъ о томъ, что почтенный авторъ, какъ намъ кажется, не достаточно удѣлилъ вниманія связи университета св. Владиміра съ общою и мѣстною жизнью и въ частности той спеціальной задачѣ, какаа указана ему при самомъ его возникновеніи, не выяснивъ, въ какой мѣрѣ достигалась эта задача и въ чемъ выразилось вліяніе университета на мѣстную жизнь. Этому помѣшала, конечно, не одна обширность труда, но и то, что самая эта задача скоро затерялась въ общемъ ходѣ нашихъ дѣлъ и университета св. Владиміра долженъ былъ войти въ общу съ другими своими собратами колею, отличаясь отъ нихъ лишь однимъ названіемъ. Н. Цыбульскій.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть вторая. С.-Петербургъ. 1884 г.

Въ свое время мы приѣхствовали появленіе первой части «Очерка западно-русской церкви», изд. въ 1882 г. Вторая часть, отличающаяся тѣмъ же, какъ и первая, достоинствами ученаго труда, представляетъ еще болѣе интереса по обилію содержанія, по возрастающему жизненному значенію обнимаемыхъ ею явленій и событій, по богатству, разнообразію, отчасти и новости источниковъ. Она обнимаетъ время съ конца XVI в., когда въ западно-русской церкви зачалось раздѣленіе, произведенное униєю, началась непрерывная, напряженная борьба этой церкви съ униатскою и латино-польскою пропагандою, — до 60-хъ годовъ XVIII в., на которыхъ кончается торжество пропаганды и съ которыхъ для западно-русской церкви настаетъ лучшее время — время возрата утратъ, понесенныхъ ею въ двухъ-вѣковой почти борьбѣ за свое существованіе.

Первая глава настоящаго труда представляетъ очеркъ главныхъ явленій и событій въ жизни западно-русской церкви, вмѣстѣ съ характеристикою главныхъ историческихъ дѣятелей, постепенно выступавшихъ на борьбу за свое дѣло съ той и другой стороны, а также съ обзоромъ литературной полемики православной и латино-униатской. За время съ конца XVI до начала XVIII в., въ этой общей части «Очерка» резюмируется почти только то, что уже довольно извѣстно по этому предмету, но резюмируется съ такою полнотою и отчетливостію, какія только и возможны въ трудѣ, основанномъ на самостоятельномъ и глубокомъ изученіи источниковъ, памятниковъ и ученыхъ изслѣдованій другихъ по тому-же предмету. Не останавливаясь на частныхъ фактахъ, мѣстами требовавшихъ, кажется, большаго разъясненія, позволимъ себѣ высказать, что могъ-бы быть полнѣе выясненъ и такой общаго значенія фактъ, что Кіевъ съ *первыхъ-же годовъ* борьбы западно-русской церкви съ латино-униатскою пропагандою оказывается пунктомъ, наименѣе доступнымъ этой послѣдней, а вслѣдъ затѣмъ и наиболѣе спланнымъ, въ смыслѣ опорнаго пункта для всей западно-русской церкви въ ея борьбѣ съ пропагандою. Въ одномъ мѣстѣ историкъ замѣчаетъ, что опорною Кіеву въ начальное время унии служило то, что кіевскимъ воеводой былъ Константинъ Острожскій; это, конечно, справедливо. Но думаемъ, что главнѣйшею *опорою* Кіеву служило не воеводство Острожскаго, который и не бывалъ тогда въ Кіевѣ, и живя на Волыни, не могъ помѣшать захватамъ и безчыннѣямъ Поцѣи и Терлецкаго, — въ

его собственных княжеских владѣнiяхъ. Несравненно болѣе могучиѣ опоры имѣлъ Кіевъ съ одной стороны въ своемъ прошломъ, какого не имѣли ни Вильна, ни другой какой-либо пунктъ во всей западной Россіи, съ другой стороны—въ живой, наличной связѣ народа, уже слагавшейся для Кіева и южной Руси подъ знаменемъ козачества. Вотъ почему Поцѣй и Рутскій, самоуправствовавшіе повсюду, не смѣли показать глазъ въ Кіевъ, хотя и помышляли о томъ. Въ 1610 году офиціалъ Поцѣя Антоній Грековичъ вышелъ полупобѣдителемъ изъ столкновенiя съ кievскимъ духовенствомъ, не нашедшимъ достаточно сильной защиты отъ дерзкаго офиціала ни въ кievскомъ магистратѣ, ни въ дворянахъ кievской земли, собравшихся тогда на съѣздъ. Не то ждало его по угрозамъ отъ Запорожья, откуда гетманъ Тискиневичъ писалъ отъ имени козаковъ кievскому подвоеводѣ, что «мы за нашу восточную церковь и за нашу вѣру готовы голову положить», а относительно самаго Грековича предупреждалъ, что уже дано распоряженіе «гдѣ колъбекъ его зрубати,—такъ убити, якъ пса» (Арх. ю.-з. и зап. Россіи, т. II, № 36, 37, 41).

Затѣмъ не нужно идти къ событіямъ 1620 г. и слѣдующихъ эпохъ, выдвигающимъ значеніе народной силы, какъ преобладающей надъ всею совокупностію другихъ силъ западно-русской церкви въ ея борьбѣ съ латинско-уніатскою пропагандою и ея союзницею Рѣчью Посполитою. Признается эта сила и авторомъ «Очерка», но, кажется намъ, не во всей полнотѣ ея значенiя. Новымъ и существенно важнымъ научнымъ приобритеніемъ въ первомъ отдѣлѣ «Очерка» слѣдуетъ признать ту часть отдѣла, гдѣ сообщаются во многомъ новыя данныя о мѣрахъ и дѣйствіяхъ русскаго правительства на защиту православныхъ западной Россіи послѣ-петровскаго времени. Особенно интересны сообщенiя объ этихъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ за время Елисаветы Петровны, принявшей дѣла о зарубежныхъ православныхъ подъ свое особое покровительство. Въ это время настойчивѣе становится и участіе въ этихъ дѣлахъ св. синода, по главѣ котораго находился Амвросій Юшkevичъ, не только уроженецъ западно-русскій, но и бывший страдалецъ отъ уніатовъ. Тамъ не менѣе характеръ русской политики въ этихъ дѣлахъ представляетъ довольно печальныя черты, выступающія въ обстоятельномъ обзорѣ ея, сдѣланномъ авторомъ по документальнымъ источникамъ, которые вновь именуется или прилагаются въ извлеченіяхъ¹⁾. Достаточно упомянуть, что защитникомъ обидимыхъ православныхъ былъ долгое время резидентъ отъ русскаго правительства полякъ и католикъ Голембiовскій, симпатія котораго была почти всегда на сторонѣ обидчиковъ, а не защищаемыхъ.

¹⁾ Изъ архивовъ синодальнаго и бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ.

Не менѣе интересна въ новыхъ сообщеніяхъ г. Чистовича картина внутреннихъ нестроений въ средѣ самой западно-русской церкви даннаго времени, напоминающихъ тѣ нестроенія, въ какихъ она застигнута была при началѣ униі и отъ какихъ не успѣла излечиться въ цѣлые вѣка страданій. Тяжесть впечатлѣнія, производимаго этою картиною, уравновѣшивается впрочемъ еще болѣе печальною картиною деморализаціи въ средѣ латинно-униатской, латинно-польской, наиболѣе яркимъ выраженіемъ которой служить поощреніе фанатиками пропаганды, особенно іезуитами, всякаго безчестія и неистовства учащейся во всѣхъ школахъ молодежи по отношенію къ схизматикамъ. Фанатики пропаганды, болѣе и болѣе проникаясь, по собственному выраженію ихъ, «страхомъ отъ схизматической державы», заступающей за схизматиковъ, подвластныхъ Польшѣ, стѣпили, не разбирая средствъ, кончать дѣло пропаганды, чтобы окончить его, пока эта держава не проявитъ новой силы, пока держится надъ западною Русью власть Польши, ея сеймовъ, прелатовъ и пановъ. Но они не успѣли окончить своего дѣла. При видимомъ торжествѣ пропаганды, успѣвшей отнять у православія всѣ епископскія кафедръ, кромѣ одной бѣлорусской, отнять сотни церквей и монастырей и т. под., въ представителяхъ пропаганды не разъ сказывается тяжелое сознаніе, что успѣхи ея непрочны и призрачны, что если паны русскіе въ значительной части олатинены и ополячены, то народъ и въ униі не любитъ латинства, да и самую унию держитъ болѣе наружно, уступая принужденію, но въ тайнѣ хравитъ преданія своего «благочестія» и надежду на возвращеніе къ нему. Оно началось съ 60-хъ годовъ XVIII в., а съ тѣмъ вмѣстѣ начался и новый послѣдній періодъ отдѣльнаго существованія западно-русской церкви.

Во второй главѣ «Очерка» излагается частная исторія епархій западно-русской церкви, начиная съ кievской митрополіи и ея епархій, простиравшейся на разные участки Литвы, Бѣлоруссіи и польской Украины, далѣе епархій: смоленской и черниговской, бѣлорусской, владимиро-брестской, луцкой, холмской, львовской и перемышльской. Исторія кафедръ и епархій повсюду иллюстрируется замѣтками о городахъ и областяхъ, составлявшихъ епархіи; авторъ даетъ краткія біографіи и характеристич. лицъ, занимавшихъ кафедръ, свѣдѣнія о монастыряхъ, церквяхъ, братствахъ, школахъ, болѣе замѣчательныхъ настоятеляхъ монастырей и инокахъ, также строителяхъ и благотворителяхъ монастырей и цѣлыхъ фамилійхъ изъ высшей аристократіи и дворянства русскаго, бывшихъ православными и потомъ отпадшихъ въ латинство. Эта глава «Очерка» представляетъ первый опытъ сжатаго, но достаточно полнаго свода данныхъ мѣстной исторіи епархіальныхъ областей западно-

русской церкви, составленнаго съ помощію большаго запаса источниковъ и пособій. Зависимость отъ послѣднихъ отражается мѣстами на повтореніи чужихъ ошибокъ или предположеній, еще недоказанныхъ ¹⁾). Борьба съ униєю и латинствомъ, составляющая наиболѣе общее и характеристическое явленіе въ судьбѣ всей западно-русской церкви въ данный періодъ, составляетъ такое-же явленіе и въ судьбѣ каждой изъ частей ея, представляемыхъ епархіями. Почти вездѣ одни и тѣ-же приемы атаки со стороны униі и латинства на достояніе православной церкви и способъ самообороны со стороны послѣдней; почти вездѣ одинъ и тотъ-же исходъ борьбы. Какъ при началѣ описываемаго періода первыми подавшими на унию изъ среды православнаго кляра были іерархи, а первыми принявшими унию и латинство изъ среды мірянъ были паны и дворяне, такъ было это и потомъ въ большинствѣ епархій. Православіе тверже и долѣе держится тамъ, гдѣ существовали братства, органы церковнаго представительства въ среднемъ сословіи, и гдѣ сильнѣе были союзы народнаго представительства въ формѣ тѣхъ-же братствъ, сельскихъ общинъ и военно-союзнаго бытоваго учрежденія, какъ козачество. Этими обстоятельствами, въ связи съ политической судьбою края, объясняются и различія въ частной судьбѣ той или другой епархіи, при аналогическихъ чертахъ общей судьбы ихъ, какъ судьбы всей западно-русской церкви.

Такъ кievская митрополія, пользуясь сравнительно независимымъ положеніемъ подъ охраною козачества еще и до присоединенія къ Малороссіи и послѣ того, успѣла сохранить достоиніе православія не только въ полосахъ лѣвобережной Украины, принадлежавшихъ къ ея епархіи, но и на всей пограничной полосѣ правобережной или польской Украины, памятниками чего и служатъ монастыри кievской епархіи, сохранившіеся доселѣ только въ этой полосѣ ея. Въ этомъ-то маломъ останкѣ православныхъ въ польской Украинѣ завязался, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ «Очерка», въ царствованіе Екаторины II узелъ воссоединенія униатовъ Малороссіи съ православною церковію». Всецѣло устояли въ православіи епархіи черниговская, какъ вся принадлежавшая восточной Украинѣ, и большая часть смоленской, какъ сперва пограничной, потомъ отошедшей къ Россіи. Пограничностію положенія, большою сплошностію русскаго населенія и живучестію могоидевскаго братства

¹⁾ Такъ напр. въ одномъ листѣ къ учителямъ кievо-братской школы домогилевскаго времени причисляется Мелетій Смотрицкій и Исая Копивскій. Ниже говорится о будто-бы данномъ въ 1588 г. патриархомъ Іеремію Констатиному Острожскому благословеніи завести типографію въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

обусловливалась сохранность и могилевской православной каедръ. Иная была судьба остальныхъ семи каедръ и епархій западно-русской церкви, представляющая однакоже въ частнѣйшихъ отлччяхъ этой судьбы по каждой изъ епархій вліяніе особенныхъ мѣстныхъ условий, какъ особеннаго отраженія общихъ условий исторической жизни всей западно-русской церкви. Для примѣра напомнимъ судьбу луцкой епархій, въ которой существованіе православной каедръ было насильственно прервано, по отсутствію защиты для нея. Такою защитой для нея и вообще для православія въ край имѣло быть волынское дворянство, которое въ первое десятилѣтіе уніи чаще и энергичнѣе дворянствъ другихъ областей возвышаетъ голосъ за право церкви православной, которое обѣщало особенную свою опеку и новооснованному луцкому братству и даже представляло болѣе численную часть въ общемъ составѣ братствъ. И однакоже это братство довольно скоро и безслѣдно исчезло, не найдя въ дворянствѣ такой искренней и твердой опоры, какое имѣло братство львовское и виленское въ среднемъ сословіи и кievское въ козачествѣ со времени Сагайдачнаго, и не будучи въ состояніи держаться силами средняго сословія, очень слабого въ Луцкѣ, въ сравненіи съ городскими сословіями Львова, Перемышля и Вильны. Впрочемъ лучшій и всецѣло искренній поборникъ православія изъ волынскихъ дворянъ Лаврентій Древинскій понималъ, что сильнѣйшую опору православія представляютъ именно братства, какъ союзы лицъ средняго и болѣе близкаго къ народу сословія, посему и самъ являлся въ число членовъ почти всѣхъ важнѣйшихъ братствъ, понималъ онъ и то, что за всѣми другими охранительными силами церкви остается въ запасѣ наиболѣе общая и несокрушимая сила народа, организующаяся въ силу могучую и грозную подъ знаменемъ козачества. Для Луцка и сосѣдней Волыни оскудѣла сила братства, сложившаяся здѣсь не столько изъ средняго сословія, сколько изъ дворянскаго, а общенародная сила, организованная въ козачествѣ, имѣла свои центры далеко отсюда. Поэтому-то пало безвременно и братство, упала за нимъ и православная каедра. Въ Львовѣ-же и Перемышлѣ братства, хотя на короткое время, а все таки пережили отпаденіе въ унію іерархій и іерархическихъ каедръ, а главное—и перейдя въ унію, братства эти (особенно львовское) остались хранителями началъ народно-церковной самобытности, не смотря на то, что дворянство и тамъ, какъ на Волыни, постепенно поотпадало въ латинство и оноличилось.

Въ очеркѣ исторіи монастырей и монашества по епархіямъ слѣдуетъ отмѣтить одно общее явленіе, отчетливѣе характеризуемое авторомъ въ слѣдующей III-й главѣ подъ рубрикой: «Западно-русскіе монастыри» (стр. 355—359). Въ первыя десятилѣтія борьбы западно-рус-

своей церкви съ нововозникшею униєю и латинскою пропагандою, возста-
 новлявшей общежитіе во многихъ изъ прежнихъ монастырей, основа-
 лось немало новыхъ монастырей и общежитій въ нихъ. Эти-же деся-
 тилѣтія довольно богаты именами знаменитыхъ иноковъ, учителей ино-
 чества, какъ Іовъ внягининскій, Іовъ почаевскій и др. Но такой возбуж-
 денный духъ истиннаго монашества держится не особенно долго, и са-
 мыя имена примѣрныхъ иноковъ и руководителей иночества становятся
 все рѣже и рѣже. Это поворотное движеніе къ упадку иноческаго духа,
 оскудѣнію истиннаго монашества замѣчается уже къ концу XVIII вѣка,
 а еще болѣе въ XVIII вѣкѣ до самаго конца періода, охватываемаго «Очер-
 комъ». Чѣмъ объяснить это явленіе? Естественно, что новость опасно-
 стей, съ униєю наставшихъ для церкви, способствовала возбужденію и
 подъему духовныхъ силъ въ церкви, въ лицѣ болѣе воспримчивыхъ и
 преданныхъ членовъ ея, облежавшихся въ иночество и глубоко проник-
 ныхся общимъ высшимъ интересомъ церкви — интересомъ защиты ея,
 св. вѣры, преданій, уставовъ. Этотъ интересъ и указывается обыкно-
 венно, какъ высшій интересъ, во имя котораго основываются новые мо-
 настыри и получаютъ богатія «наданья» отъ создателей и патроновъ.
 Но почему-же этотъ интересъ, продолжавшій существовать во весь опи-
 сываемый періодъ, не продолжалъ удерживать свое начальное воспита-
 тельное вліяніе на западно-русское монашество, а съ тѣмъ вмѣстѣ удер-
 живать послѣднее на прежнемъ подъемѣ духовномъ и даже вліять на
 дальнѣйшее возвышеніе нравственнаго духа его?.. Не вдаваясь въ болѣе
 общее сужденіе по этому вопросу, можемъ до нѣкоторой степени объ-
 яснить нравственный упадокъ западно-русскаго монашества, примѣтный
 особенно къ половинѣ XVIII вѣка, такими обстоятельствами временнаго
 характера, какъ отливъ очень многихъ и часто наилучшихъ силъ его
 въ сѣверную Русь, усилившійся особенно съ начала XVIII вѣка, раз-
 стройство общаго порядка въ западно-русской церкви, причиненное ей
 бѣдствіями времени, затруднившее надзоръ, дисциплину, поощрявшее
 распущенность, бродячничество, при усиленіи, въ ущербъ началамъ мо-
 настырскаго общежитія, интересовъ личнаго стяжанія, находившихъ те-
 перь деморализующее поощреніе съ одной стороны въ безнаказанности
 отъ далекой или совсѣмъ отсутствующей власти іерархической, съ дру-
 гой стороны въ самой неувѣренности, что принадлежащее монастырю
 сегодня не будетъ завтра захвачено врагами православія изъ униатовъ,
 польскихъ пановъ и т. п.

Въ третьей главѣ «Очерка» изображается *внутреннее состояніе*
западно-русской церкви. Называя общую характеристикою внутренняго
 состоянія западно-русской церкви въ данный періодъ, авторъ справед-

ливо утверждаетъ, что не смотря на крайній замѣшательства и стѣсненія, порожденныя для нея унией, православіе еще прочно держалось въ ней во все продолженіе XVII вѣка, и что болѣе рѣшительный поворотъ къ уни и усиленіе въ русскихъ областяхъ польскаго элемента произошло въ концѣ XVII вѣка, послѣ такъ называемаго вѣчнаго мира съ Польшею и, прибавимъ мы, послѣ прутскаго договора 1712 года. Ибо если вѣчный миръ 1686 г., крайне непріятный полякамъ, пробудилъ въ нихъ страшный фанатизмъ; то прутскій договоръ оставлялъ просторъ дѣйствіямъ этого фанатизма, встрѣчавшимъ постоянный и сильный отпоръ только въ тѣсно связанной съ Кіевомъ полосѣ польской Украины по Днѣпру, гдѣ поэтому униа, торжествующая на всемъ пространствѣ западной Россіи, не успѣла пустить глубокихъ корней. Въ связи съ такою судьбою православія въ борьбѣ его съ унией и латинскою пропагандою опредѣлилось и все внутреннее состояніе западно-русской церкви. Очеркъ этого состоянія, при всей сжатости (на 43 страницахъ) охватываетъ все наиболѣе великое и существенное, начиная съ высшаго управленія до приходскихъ церквей и бѣлаго духовенства. Особенно наглядное явленіе времени представляютъ соборы, какъ общіе, такъ и мѣстныя или епархіальныя. Тѣ и другіе прекратились впрочемъ уже съ конца XVII вѣка, потому что вскорѣ затѣмъ уже некому было созывать соборы въ подвластныхъ Польшѣ предѣлахъ западно-русской церкви, а съ учрежденіемъ святѣйшаго синода прекратилась возможность созывать соборы и для кіевской митрополіи. Обстоятельствами времени обусловливалось также широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Міряне участвовали въ соборныхъ совѣщаніяхъ: кіевское духовенство и шляхетство вольными голосами избирали митрополита, каковой порядокъ прекратился съ 1722 года, когда архіепископъ Кіева избранъ былъ святѣйшимъ синодомъ. Братства выбирали настоятелей братскихъ монастырей; братія кіево-печерскаго монастыря и прочихъ ставропигіальныхъ монастырей выбирали себѣ архимандритовъ. Но послѣ того, какъ дворянство мало по малу перешло въ латинство, участіе мірянъ въ духовныхъ дѣлахъ ограничивалось патронатствомъ пановъ надъ церквями и духовенствомъ, которое стало очень тяжкимъ для послѣднихъ при патронахъ полякахъ или ополчавшихся русскихъ. Въ слѣдующей затѣмъ рѣчи о братствахъ выясняются особенно отношенія ихъ къ іерархіи. Полнѣе говорится далѣе о духовномъ просвѣщеніи, братскихъ школахъ, кіевской академіи, кіевскихъ ученыхъ и проч. Обычно повторяемыя свѣдѣнія о школахъ, учителяхъ и ученыхъ западно-русской церкви съ конца XVI вѣка могли-бы быть въ настоящее время пополнены указаніемъ на Венецію, откуда, вслѣдъ за греками, выносили образованіе и русскіе, особенно галицкіе.

Заслуживала бы упоминанія мысль о *духовныхъ семинаріяхъ* при кафедрѣхъ и монастыряхъ, не одинъ разъ заявленная волинскими дворянами на сѣздахъ ихъ еще въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка, хотя и оставшаяся безъ осуществленія, если впрочемъ не признать вліянія этой мысли на школьныя учрежденія Елисаветы Гудевичъ и самаго Петра Могилы. Достояна также памяти забытая въ «Очеркѣ» мысль Петра Могилы объ учрежденіи (въ никольскомъ монастырѣ) особаго братства ученыхъ иноковъ, не разъ поднимаемая потомъ и въ сѣверной Руси, но потомъ заглушая. Въ общей судьбѣ просвѣщенія долженъ быть отмѣченнымъ стояціи въ связи съ общею судьбою западно-русской церкви фактъ оскудѣвіи въ ея предѣлахъ ученыхъ иноковъ къ половинѣ XVIII в., вслѣдствіе упадка братскихъ школъ и монастырей, а потомъ сильнаго отлива кіевскихъ ученыхъ иноковъ въ сѣверную Русь. Не останавливался на другихъ вообще интересныхъ статьяхъ этой главы, прибавимъ только, что въ рѣчи объ управленіи она могла-бы быть пополнена замѣчаніями о консисторіяхъ и протопопіяхъ, а въ рѣчи о приходскихъ церквяхъ и духовенствѣ замѣчаніями объ обычаяхъ выбора приходскихъ священниковъ приходскими общинами, мѣстами еще державшемся и въ подвластныхъ Польшѣ областяхъ западно-русской церкви.

Въ послѣдней главѣ, подъ заглавіемъ: *западно-русская церковная унія*, представленъ сперва общій очеркъ внутренняго устройства униатской церкви и ея отношеній къ латинству въ историческомъ развитіи ихъ, а затѣмъ очеркъ исторіи униатской митрополіи и униатскихъ епархій съ каталогами униатскихъ іерарховъ. Въ русской церковно-исторической литературѣ это есть именно *первый* опытъ цѣльнаго историческаго очерка униатской церкви, составленнаго весьма основательно, съ вѣрными и выразительными характеристиками вознѣвавшихъ явленій въ быту и судьбѣ униатской церкви. Свѣдѣніи, заимствованныя изъ печатныхъ изданій русскихъ и особенно галицко-русскихъ и другихъ, пополнены во многомъ съ помощію архива униатскихъ митрополитовъ. Особенное вниманіе удѣлено исторіею освѣщенію отношеній латинства къ униі, сперва какъ будто только дружескихъ, потомъ пренебрежительныхъ, даже угнетательныхъ, рассчитанныхъ на поглощеніе униі латинствомъ, что, какъ извѣстно, было сообразно еще съ печальною мыслию о ней іезуита Поссевина, называвшаго проецируемую имъ унию «мостомъ къ латинству», еще болѣе сообразовалось съ польскими видами на колонизацію Руси и наконецъ просто съ эгоистически-корыстными видами латинно-польскихъ прелатовъ и всендзовъ, лабомившихся на уцѣлѣвшія въ униатской церкви имѣнія, десятинныя и проч. За то такое отношеніе

польскаго латинства къ униі помогло потомъ и дѣлу воссоединенія униатовъ съ православною церковію.

Краткими замѣчаніями нашими объ «Очеркѣ исторіи западно-русской церкви» мы хотѣли дать только общее представленіе объ этомъ въ высокой степени почтенномъ и полезномъ трудѣ, обработанномъ съ богатымъ запасомъ знанія и таланта, сказывающагося въ самомъ умѣньи— въ сжатомъ очеркѣ обнять, опредѣлить и выяснить все главное и существенное.

И. Малышевскій.

Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія. Выпускъ I. Лазарь Барановичъ. Н. О. Сумцова. Харьковъ, 1884 г. 183 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Выписанное заглавіе принадлежитъ книгѣ молодаго харьковскаго ученаго, съ трудами котораго по исторіи южнорусской литературы знакомы читатели «Кіевской Старины». Авторъ задался цѣлью подготовить почву для полной, систематической исторіи южнорусской литературы XVII в., которая въ настоящее время невозможна еще по малоизвѣстности и незначительной обработкѣ матеріала. «Имѣя въ виду упростить ходъ научной работы посредствомъ раздѣленія ея на части, я рѣшился, говоритъ авторъ въ предисловіи, издавать свое сочиненіе по исторіи южно-русской литературы XVII в. выпусками различной величины, отъ 3 до 14 печатныхъ листовъ, смотря по историко-культурной важности писателя и по количеству и качеству научныхъ источниковъ и пособій. Каждый выпускъ долженъ заключать въ себѣ полную и цѣльную характеристику того или другаго южнорусскаго писателя XVII в., съ разъясненіемъ современной ему литературной и бытовой обстановки». Первый выпускъ посвященъ дѣятельности Лазаря Барановича, второй и третій составятъ статьи объ Іоанникіи Галитовскомъ и Иннокентіи Гизелѣ, напечатанныя въ нашемъ журналѣ.

Нельзя не одобрить выбора автора, обратившагося съ своимъ изслѣдованіемъ именно къ XVII в., времени въ высшей степени замѣчательному, какъ въ исторіи южнорусской литературы, такъ и вообще въ жизни Малороссіи. Для литературы южнорусской 2-я половина XVII столѣтія была временемъ полнаго разцвѣта, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ такихъ именъ, какъ Барановичъ, Галитовскій, Радивилловскій, Гизель, св. Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій и проч. Со стороны внутренняго состоянія Малороссіи это былъ періодъ, когда борьба политическая перестала

быть удѣломъ народныхъ массъ и перешла въ высшіе классы населенія. Вышедши вслѣдствіе разныхъ причинъ изъ состоянія броженія, народъ равнодушно смотрѣлъ на то, кому онъ будетъ принадлежать *de jure*, лишь-бы не были задѣваемы самыя насущныя его нужды; онъ поэтому какъ-бы не замѣтилъ разлома Украины по Андрусовскому миру и оставался инертнымъ при всѣхъ возбужденіяхъ сверху. Для высшаго класса, старшины и духовенства, напротивъ, это было время разочарованія въ московской опекѣ и напряженной борьбы за основы малорусской жизни въ виду правительственныхъ ограниченій. Въ этой борьбѣ принималъ участіе каждый сознававшій положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе человѣкъ образованный. Вотъ почему разсматривать малорусскаго писателя XVIII вѣка только со стороны его литературной дѣятельности значить совершенно обезоруживать его и отказываться отъ пониманія его личности и значенія. Тѣмъ болѣе это справедливо относительно такихъ высокихъ въ тогдашней общественной іерархіи лицъ, какъ черниговскій архіепископъ, печерскій архимандритъ и т. п. Правъ по этому г. Сумцовъ, излагая біографіи избранныхъ имъ писателей «съ разъясненіемъ современной имъ литературной и бытовой обстановки».

Обратимся теперь къ характеристикѣ Лазаря Барановича, какъ она представляется въ книгѣ г. Сумцова. По принятому авторомъ мнѣнію покойнаго протоіерея Страдохскаго, весьма вѣроятному, Барановичъ родился въ 1593 г. (по черниговской лѣтописи въ 1620), т. е. прожилъ ровно сто лѣтъ (умеръ въ сентябрѣ 1693 г.). Невольное благоговѣніе возбуждаетъ эта долгая жизнь, свидѣтельница и участница столько бѣдъ и радостей роднаго края! Барановичъ вполне сознательно пережилъ время пробужденія малорусскаго народа при Сагайдачннхъ, его борьбу и торжество при Хмельницкомъ, видѣлъ во очію и испыталъ результаты этой борьбы при рядѣ преемниковъ Хмельницкаго до Мазепы включительно и умеръ съ яснымъ сознаніемъ того, куда направляется дальнѣйшій путь народной жизни. Нельзя не дорожить всѣмъ, что перелумалъ и высказалъ такой человѣкъ, а высказалъ онъ много, потому что имѣлъ возможность многое видѣть и знать. Лазарь Барановичъ родился въ Черниговщинѣ, воспитаніе получалъ въ кіевской школѣ боголюбленскаго братства, хотя въ «Старомъ костелѣ» Галатовскаго говорится, что Барановичъ развилъ свой умъ въ виленской, кіевской и вилншской академіяхъ. Въ сороковыхъ гг. XVIII столѣтія онъ состоялъ преподавателемъ въ моголянской академіи, а съ 1650 года ея ректоромъ, хотя не долго. Въ 1652—57 г. Барановичъ былъ по очереди игуменомъ купятицкаго, кіево-кирилловскаго и дятеловскаго монастырей. По одобреніемъ грамотамъ митрополита Сильвестра Коссова и гетмана Бог-

дана Хмельницького онъ весною 1657 г. былъ хиротонисанъ въ Яссахъ во епископа черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго и въ этомъ санѣ оставался до смерти, при чемъ два раза былъ блюстителемъ митрополической кievской кафедрѣ, а въ 1666 году на известномъ нивоновскомъ соборѣ въ Москвѣ получалъ отъ трехъ патріарховъ и царя грамоту, именовавшую его архіепископомъ. Вотъ *curriculum vitae* арх. Лазаря. Занимая важный постъ архіепископа черниговскаго, Барановичъ естественно долженъ былъ имѣть большое вліяніе на дѣла лѣвобережной Малороссіи; особенно выдающуюся роль онъ игралъ при гетманѣ Д. Многогребинномъ, который былъ его креатурой. И надо отдать справедливость такту и патриотизму, съ которымъ Барановичъ умѣлъ держаться честно и стойко между двумя противоположными элементами — современнымъ малорусскимъ обществомъ и московскимъ правительствомъ. Покорность московской власти безъ излишняго униженія, стремленіе и умѣнье лаской и заискиваніемъ оградить не только свои личныя, но и общественно-народныя интересы, — вотъ сущность его отношенія къ Москвѣ. Но не въ этомъ центрѣ тяжести дѣятельности Барановича, гораздо важнѣе его внутренняя дѣятельность, какъ администратора епархіи и духовнаго писателя. Какъ литераторъ, онъ былъ душою патриотическаго кружка писателей и ученыхъ, инициаторомъ, энергическимъ дѣятелемъ и прагматикомъ; кромѣ разнаго рода сочиненій, онъ велъ переписку со многими современными учеными и политическими дѣятелями, основалъ и поддерживалъ собственную типографію сначала въ Новгородъ Сѣверскій, потомъ въ Черниговѣ. Г. Сумцовъ приводитъ любопытный перечень книгъ, изданныхъ въ этихъ двухъ типографіяхъ за все время ихъ существованія; оказывается, что при жизни Барановича онѣ выпустили до 50 изданій и болѣе сотни послѣ его смерти. Что касается общераспространеннаго мнѣнія (между прочимъ и Н. И. Костомарова), что писанія Барановича, особенно его проповѣди, представляютъ схоластическій наборъ словъ, безъ внутренняго смысла и содержанія, то съ нимъ соглашается отчасти и авторъ разбираемой книги. Особенная же заслуга г. Сумцова состоитъ въ томъ, что онъ всесторонне изслѣдовалъ сочиненія Барановича на польскомъ языкѣ, которыя до сего времени незаслуженно игнорировались. «Лютня» Барановича несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ далеко не чуждъ поэтическаго таланта, хотя весьма часто зерна истинной поэзіи пересыпались массою пустаго рвмоплетства, что однако оправдывается отчасти духомъ времени. Вообще въ книгѣ г. Сумцова личность Лазаря Барановича выступаетъ рельефно, со всѣми ея достоинствами и недостатками.

В. Н.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

КЪ ИСТОРИИ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНАГО ДѢЛА ВЪ КІЕВѢ.

Остапавляваясь надъ протекшей культурной жизнью Кіева, не разъ задаешься вопросомъ: отъ чего Кіевъ, въ которомъ такъ много традицій широкой культурной дѣятельности съ самыхъ отдаленныхъ временъ, даже въ нынѣшнемъ столѣтіи столь долгое время не имѣлъ ни одного печатнаго органа, который служилъ-бы выразителемъ его культурной жизни, умственной и нравственной его фізіономіи, когда Харьковъ, этотъ сравнительно очень юный братъ Кіева, имѣлъ такого выразителя еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ видѣ журнала «Украинскій Вѣстникъ» (основаннаго въ 1817 г.). Какъ извѣстно, первыми печатными органами въ Кіевѣ были: духовно-нравственный журналъ «Воскресное Чтеніе», основанный при кіевской духовной академіи въ 1837 г., и «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», появившіяся спустя лѣтъ десять; но и спустя еще болѣе десяти лѣтъ къ нимъ не прибавилось ни одного какого бы то ни было періодическаго изданія. Невольно является при этомъ вопросъ: неужели даже такое крупное событіе, какъ основаніе университета, несомнѣнно измѣнившее и конечно къ лучшему условія культурной жизни города и всего края, не вызвало въ обществѣ потребности въ созданіи мѣстнаго учено-литературнаго органа? Вѣдь съ открытіемъ университета въ Кіевѣ, не говоря уже объ общемъ

подъемъ умственныхъ силъ въ краѣ, долженъ былъ сказаться на-
плывъ учено-литературныхъ элементовъ, для которыхъ въ такомъ
органиѣ не могъ не чувствоваться недостатокъ.

На этотъ вопросъ, котораго, на сколько намъ извѣстно, никто
не затронулъ ни въ рѣчахъ, ни въ статьяхъ по случаю пятидеся-
тилѣтняго юбилея кievскаго университета, между тѣмъ какъ для
указанія значенія открытія университета въ краѣ былъ, помимо
другихъ, еще и этотъ поводъ, нѣкоторый отвѣтъ мы нашли въ
доставшейся намъ части бумагъ М. А. Максимовича, перваго рек-
тора кievскаго университета. Изъ нихъ мы узнаемъ, что попытка
основать въ Кіевѣ нѣчто въ родѣ журнала была сдѣлана сейчасъ-
же послѣ открытія университета. Принадлежала-ли инициатива этого
дѣла университету, былъ-ли онъ приглашенъ къ участию въ немъ,
или только принять въ расчетъ какъ рабочая сила и какъ под-
писчикъ, отвѣта на это въ нашихъ бумагахъ не находимъ. Тѣмъ
не менѣе мы ознакомимъ съ ними читателей «Кіевской Старины»,
въ надеждѣ вызвать болѣе подробныя разъясненія названной по-
пытки у лицъ, а главное учреждений, въ которыхъ должны хра-
ниться обстоятельныя данныя по этому дѣлу.

2-го мая 1835 года, за № 10,378, М. А. Максимовичъ полу-
чилъ отъ исправлявшаго должность гражданскаго губернатора
Пенкина слѣдующее приглашеніе на печатномъ бланкѣ.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Г. кievскій военный, подольскій и волынскій генераль-гу-
бернаторъ, убѣждаясь пользами и потребностями высочайше ввѣрен-
ныхъ управленію его сіятельства губерній, предполагаетъ искровить
соизволеніе государя императора на изданіе въ Кіевѣ журнала. Жур-
наль сей, кромѣ сообщенія жителямъ ввѣренныхъ его сіятельству
губерній необходимыхъ для быта каждаго мѣстныхъ свѣдѣній, предпо-
лагаетъ извѣщать ихъ, сколь возможно поспѣшнѣе, о всѣхъ распоряженіяхъ
правительства, въ особенности ко ввѣреннымъ его сіятельству губерніямъ
относящихся, о замѣчательныхъ произведеніяхъ отечественной литературы, о
новѣйшихъ событіяхъ вѣка, направленія современнаго просвѣщенія и откры-
тіяхъ, совершающихся въ области наукъ, искусствъ и промышленности».

«Журналъ сей, издаваясь въ пользу кievскаго общества для помощи бѣднымъ, имѣеть вмѣстѣ цѣль и благотворенія».

«Но какъ изданіе, при заведеніи для сего типографіи, требуетъ значительныхъ издержекъ, которыя должны покрываться подписною суммою, то г. военный губернаторъ о такомъ своемъ предположеніи предложить извоилъ предварительно мнѣ о приглашеніи подписчиковъ на сей предметъ».

«Бывъ увѣренъ, что ваше высочордіе не откажетесь отъ пріятія участія въ семъ общепольномъ предпріятіи, а равно и пригласить подвѣдомственныхъ вамъ чиновниковъ къ подпискѣ на сей журналъ, я обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою почтить меня скорѣйшимъ увѣдомленіемъ, съ приложеніемъ и самого листа о числѣ подписчиковъ на сей журналъ, для представленія о томъ его сіятельству».

«Для лучшаго-же усмотрѣнія предметовъ, имѣющихъ помѣщаться въ журналѣ, прилагаю при семъ одинъ экземпляръ конспекта сего изданія, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ».....

Въ бумагахъ М. А. Максимовича сохранился и самый конспектъ этого журнала въ двухъ экземплярахъ; изъ нихъ одинъ печатный, за подписью правителя канцеляріи А. Покровскаго, а другой рукописный, неизвѣстно, ранѣе или позже печатнаго составленный, но имѣющій нѣкоторыя характерныя отличія въ содержаніи. Изъ этого рукописнаго конспекта мы узнаемъ, что предполагавшійся журналъ долженъ былъ называться «Кievскія Новости». Приводимъ текстъ печатнаго конспекта съ добавками по рукописному.

КОНСПЕКТЪ ЖУРНАЛА, ПРЕДПОЛАГАЕМАГО ИЗДАВАТЬ
ВЪ КІЕВѢ.

Журналъ сей предполагается издавать въ пользу кievскаго общества для помощи бѣднымъ.

Содержаніе: 1-е) Краткія извѣстія о высочайшихъ повелѣніяхъ и указахъ, и о распоряженіяхъ правительства въ отношеніи къ 3-мъ губерніямъ: кievской, волынской и подольской.

2) Извѣстія о награжденіяхъ и опредѣленіяхъ на мѣста первыхъ 4-хъ классовъ и о награжденіяхъ и опредѣленіяхъ по 3-мъ означеннымъ губерніямъ чиновниковъ, классныя мѣста занимающихъ.

3) Извѣстія о замѣчательныхъ происшествіяхъ въ Россіи и особенно въ означенныхъ губерніяхъ.

4) Извѣстія о контрактахъ, ярмаркахъ и вообще статистическія свѣдѣнія о помянутыхъ губерніяхъ.

5) Историческія, археологическія открытія и современныя статистическія замѣчанія собственно о Кіевѣ.

6) Извѣстія о кіевскомъ учебномъ округѣ и объ университетѣ св. Владиміра съ конспектами читаемыхъ въ ономъ лекцій.

7) Новости политическія изъ лучшихъ иностранныхъ газетъ и журналовъ (въ рукописномъ конспектѣ прибавлено еще: «монархическаго направленія»), точно такъ, какъ новости ея печатаются въ С.-Петербургскихъ газетахъ и журналахъ.

8) Извѣстія о замѣчательнѣйшихъ книгахъ, вновь выходящихъ, какъ російскихъ, такъ и иностранныхъ, въ особенности, если оныя относятся къ губерніямъ кіевской, подольской и волынской.

9) Извѣстія о новыхъ открытіяхъ, сколько нибудь замѣчательныхъ, по части наукъ, искусствъ и промышленности».

(Въ рукописномъ конспектѣ вслѣдъ за симъ прибавлено: «Фельетонъ журнала»).

Журналъ сей будетъ выходить два раза въ недѣлю на большихъ листахъ, въ три колонны такой печати, какъ «Сѣверная Пчела». Цѣна за годовое изданіе 25 рублей ассигнаціями; съ пересылкою въ другія города и разноскою по домамъ въ Кіевѣ—30 руб. ассигнаціями».

Далѣе указывается, что къ журналу будутъ издаваться приложенія со всякими объясненіями и извѣстіями, а въ рукописномъ конспектѣ, сверхъ того, сказано, что «черезъ каждыя двѣ недѣли предполагается издавать къ сему журналу литературныя прибавленія книжками». Содержаніе этихъ послѣднихъ слѣдующее: «Разныя статьи въ прозѣ и стихахъ во всѣхъ родахъ отечественной литературы, статьи переводныя изъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и журналовъ, разныя литературныя извѣстія и пр.»

И такъ, вотъ въ какомъ видѣ и вотъ по какой программѣ предполагалось первое періодически-литературное изданіе въ Кіевѣ. Если даже предположить, что починъ въ этомъ дѣлѣ исключительно принадлежалъ бывшему тогда генералъ-губернатору графу Вас. Вас. Левашову, то и въ такомъ случаѣ нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что самая мысль у графа появилась подъ вліяніемъ недавно совершившагося факта открытія университета св. Владиміра, учено-литературныя силы котораго могли служить залогомъ успѣха сего предпріятія. Что мысль объ основаніи журнала не была плодомъ мимолетной фантазіи графа, доказывается другимъ документомъ, сохранившимся въ бумагахъ М. А. Максимовича, а именно: мѣсяць спустя, 4-го іюня 1835 года за № 13,405, Максимовичъ опять получилъ отъ того-же исправляющаго должность гражданскаго губерпатора Пенкина отношеніе слѣдующаго содержанія:

«Отъ 2-го минувшаго мѣсяца, № 10,378, я имѣлъ честь извѣстить ваше высочордіе о предположеніи г. кіевскаго военнаго губерпатора испросить соизволеніе государя императора на изданіе въ Кіевѣ журнала и вмѣстѣ съ тѣмъ просить васъ извѣстить меня о числѣ подписчиковъ на сей журналъ изъ подвѣдомственныхъ вамъ чиновниковъ. Бывъ обязанъ представить въ скоромъ времени его сіятельству, г. военному губерпатору свѣдѣніе объ успѣхѣхъ дѣйствій въ семъ общепольномъ предпріятіи, я вновь обращаюсь къ вашему высочордію съ вкорнѣйшею просьбою почтить меня увѣдомленіемъ о числѣ подвѣдомственныхъ на упомянутый журналъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ... и проч.

Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобъ опредѣлить, каковъ былъ результатъ подписки вообще, но по университету въ частности его нельзя назвать блистательнымъ: на сохранившемся въ бумагахъ Максимовича подлинномъ подписномъ листѣ красуется всего восемь подписчиковъ: М. Максимовичъ, А. Петровъ, Ф. Лепцъ (3 экземпляра, изъ которыхъ два для благороднаго пансіона и для кіевской гимназіи), С. Выжескій, Фр. Моховичъ и К. Невольнъ.

Какой былъ дальнѣйшій ходъ этого литературнаго предпріятія, неизвѣстно. Что оно не осуществилось, объ этомъ во всякомъ случаѣ можно пожалѣть. При хорошей и правильной постановкѣ дѣла изъ проектировавшагося тогда изданія въ теченіи полустолѣтія могъ-бы выработаться такой солидный органъ, до котораго Кіеву и теперь

еще далеко. Но кажется, что именно такой постановки не имѣло это дѣло въ самомъ началѣ; и едвали не въ этомъ была причина постигнутой его неудачи. Какъ видѣли уже мы изъ приведенной переписки, журналъ предназначался «въ пользу кievскаго общества для помощи бѣднымъ», а подписчики привлекались посредствомъ официальныхъ сношеній и подписныхъ листовъ; отсюда не трудно заключить, что и сотрудники вербовались тѣмъ-же путемъ, и что имъ предоставлялась благородная роль быть благотворителями бѣдныхъ. Не мудрено, что такое изданіе не могло осуществиться. Если мысль объ немъ принадлежала тогдашнему генераль-губернатору графу Левашеву, то съ выходомъ его въ 1836 г. она должна была заглотнуть, ибо послѣ него на короткое время былъ генераль-губернаторомъ графъ Гурьевъ, не задававшійся такими высокими цѣлями, а за тѣмъ въ управленіе краемъ вступилъ Д. Г. Бибииковъ, предпочитавшій другія средства для регулированія жизни края. Кажется, что единственнымъ слѣдомъ этой литературной попытки было изданіе Максимовичемъ трехъ книжекъ «Кievлянина» съ промежутками въ два-три года и болѣе. По крайней мѣрѣ въ содержаніи этого Альманаха есть значительное сходство съ тѣми приложеніями, какія проектировались къ журналу «Кievскія Новости».

Во всякомъ случаѣ для исторіи просвѣщенія Кіева мы можемъ отмѣтить тотъ фактъ, что сейчасъ-же послѣ открытія университета въ Кіевѣ явилась въ немъ попытка основать литературный органъ «Кievскія Новости», и что объ этой неудавшейся попыткѣ теперь, черезъ 50 лѣтъ, приходится сообщить «Кievской Старинѣ».

В. Науменно.

ДАВНО ЗАБЫТАЯ ДРЕВНѢЙШАЯ КІЕВСКАЯ СВАТЫНЯ.

Это глава св. Климента, епископа римскаго, принесенная Владиміромъ изъ Херсонеса въ Кіевъ. Сохранилась-ли она и гдѣ именно теперь находится? Ставимъ этотъ вопросъ безъ надежды дать на него сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ, ставимъ для того, чтобы привлечь къ нему вниманіе нашихъ археологовъ и историковъ и вызвать со стороны ихъ попытки если не къ положительному разрѣшенію этого вопроса, то по крайней мѣрѣ къ

открытію какихъ либо слѣдовъ нахождения гдѣ либо, въ то или другое время, этой древнѣйшей христіанской и въ частности нашей кievской святыни. Утрачена-ли она навсегда безвозвратно, когда именно утрачена или хранится гдѣ нибудь безъ имени, ипкъмъ не признаваемая—вогъ сущность вопроса, который мы ставимъ теперь.

Вопросъ этотъ, какъ намъ положительно извѣстно, предлагалъ въ послѣдніе годы своей жизни святитель Филаретъ, митрополитъ московскій, митрополиту кievскому Арсенію, но не получилъ желаемого отвѣта. Вопросомъ этимъ болѣе двухъ лѣтъ занятъ профессоръ оксфордскаго университета *Тозеръ* (H. I. Tozer), тщетно пока напрягая всѣ средства своей учености къ его разрѣшенію. Этотъ вопросъ поставленъ намъ лицами, близко стоящими къ почтенному профессору и желающими помочь разрѣшенію принятой имъ на себя задачи. Гдѣ-же и спрашивать о главѣ св. Климента, какъ не тамъ, куда она была перенесена и гдѣ хранилась въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ? Но—увы!—мы, отдаленные потомки хранившихъ и чтившихъ эту первую христіанскую святыню на русской землѣ менѣе, быть можетъ, знаемъ о судьбѣ ея, чѣмъ почтенный изыскатель, живущій отъ насъ за морями.

Сгруппируемъ доступныя намъ скудныя историческія данныя о св. Климентѣ и его главѣ, чтобы яснѣе былъ вопросъ, который мы ставимъ на разрѣшеніе специалистовъ.

Св. Климентъ, папа римскій, во время гоненія на христіанъ въ самомъ Римѣ, при императорѣ Троянѣ, въ 94 г. по Р. Хр. былъ сосланъ въ древній Херсонесъ Таврическій, въ находившіяся тамъ римскія каменоломни и, найдя здѣсь до 2000 христіанъ, въ большинствѣ, вѣроятно, сосланныхъ, какъ и онъ, съ такимъ усердіемъ и ревностію распространялъ здѣсь христіанство, что привлекъ сюда новое гоненіе со стороны азыческаго Рима, во время котораго и самъ брошенъ былъ (въ 100 г.) въ море съ навязаннымъ на шею тяжелымъ камнемъ. Тѣло его волнами моря выброшено на берегъ и, бывъ погребено въ Херсонесѣ, въ гробницѣ изъ бѣлаго мрамора, стало предметомъ благоговѣйнаго поклоненія мѣстныхъ и другихъ христіанъ, во множествѣ стекавшихся ко гробу св. Климента 25 ноября, въ день его кончины, а имя его

вскорѣ стало чествоваться во всей христіанской церкви Запада и Востока.

Но протекло семь столѣтій, Херсонесъ переиспыталъ много превратностей, смѣнились его владѣтели и населеніе, самая церковь, въ которой погребены его останки, была подмыта волнами моря, и когда св. Кирилль, первоучитель славянской, въ 861 г., по пути въ хозарямъ, прибылъ въ Херсонесъ, никто изъ тамошнихъ жителей не могъ отвѣтить на его вопросъ о мѣстѣ погребенія св. Климента. Только послѣ долгихъ распросовъ, съ помощію архіепископа херсонскаго, удалось ему отыскать мощи священно-мученика. Онъ выпросилъ ихъ для себя, оставивъ на мѣстѣ главу Климентову, долго странствовалъ съ ними для проповѣди Христовой вѣры и только по прибытіи въ Римъ въ концѣ 867 или началѣ сѣдующаго года принесъ ихъ въ даръ папѣ Адріану II.

Когда спустя около 130 лѣтъ Херсонесомъ овладѣлъ князь кievскій Владиміръ, принявшій здѣсь св. крещеніе, глава св. Климента, сохранявшаяся здѣсь до того времени въ подобающемъ чествованіи, была взята имъ въ числѣ прочей христіанской святыни и по принесеніи ея въ Кіевъ положена въ повосооруженной Владиміромъ Десятинной церкви *). Она хранилась здѣсь при Ярославѣ Мудромъ, съ именемъ котораго связаны нѣкоторые любопытныя свидѣнія о погребеніи Климента и перенесеніи главы его въ Кіевъ, подтверждающія и дополняющія краткое упоминаніе объ этомъ нашей лѣтописи. Дѣло въ томъ, что на дочери Ярослава Аннѣ въ сороковыхъ годахъ XI ст. сватался король французскій Генрихъ, и для переговоровъ по этому дѣлу ко двору Ярослава было отправлено изъ Франціи посольство, во главѣ котораго находился епископъ шалонскій *Рогерій*, первый суффраганъ реймской митрополи. При отправленіи этого послѣдняго въ Россію, нѣкто Ольдерикъ, настоятель церкви св. Маріи въ Реймсѣ, просилъ его развѣдать, въ тѣхъ-ли странахъ находится Херсонъ, въ которомъ,

*) Лѣтописецъ въ такихъ словахъ говоритъ объ этомъ: «Володимерь-же, князь царицю и Настаса, и попы курсунскія, мощи св. Климента и Фива, ученика его, и пойма сосуды дерковныя и иконы на благословенье себѣ» (Ипатьев. лѣтоп., стр. 79). Очевидно слово *мощи* употреблено здѣсь въ. головы, какъ цѣлое въ своей части.

какъ извѣстно было ему по слуху, почивали мощи св. Климента (Ист. госуд. рос. Карамзина, т. III, гл. 2, примѣч. 42). Любопытство Ольдерика было удовлетворено больше, чѣмъ онъ могъ того ожидать. Возвратившись Рогерій передалъ ему, что, будучи въ Кіевѣ, онъ самъ видѣлъ тамъ главу св. Климента и ученика его Фива, которыя показывалъ ему великій князь кіевскій Ярославъ. Показывая эту святиню, Ярославъ, по словамъ Рогерія, произнесъ: «Мы сами нѣкогда были тамъ (въ Херсонесѣ) на богомоленіи и принесли ихъ оттуда», изъ чего можно заключать, что Ярославъ былъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Владиміромъ въ Херсонесѣ, во время его крещенія (ему могло быть тогда 12—14 лѣтъ). При этомъ Ярославъ пояснилъ, что во 1-хъ брошенное въ море тѣло св. Климента ежегодно въ день его рожденія чудесно всплывало въ гробницѣ на поверхность моря и привлекало массы молящихся, во 2-хъ что оно было вынута изъ моря папою Юліемъ, бывшимъ въ Херсонесѣ для подавленія проникшей туда арианской ереси,—вынута по повелѣнію Божію, для чего и самое море на ту пору разверзлось и открыло чудесную гробницу, въ 3-хъ что похоронивъ въ особо построенной на берегу церкви нетлѣнные останки, папа Юлій часть ихъ припесъ въ Римъ и что въ то время, когда эту часть торжественно встрѣчали въ Римѣ, на морѣ у Херсонеса всплыла самая гробница, а подъ нею открылся островъ, на которомъ жители устроили церковь въ честь св. Климента и подплывали къ ней на лодкѣ¹⁾.

Въ обширной Десятицной церкви, въ которой хранилась глава св. Климента, самимъ-ли Владиміромъ или сыномъ его Ярославомъ быть, кажется, устроенъ придѣлъ во имя священно-мученика, ибо Дитмаръ, писатель XI в., говоря о Десятинной церкви, называетъ ее церковью св. Климента; а быть можетъ церковь называлась такъ и по преобладающему значенію хранившейся въ ней святини и

¹⁾ Разсказъ этотъ приводится въ жизнеописаніи Киррала и Меодія, въ изданіи Болландистовъ *Acta Sanctorum*, причѣмъ замѣчается, что онъ изложенъ Ольдерикомъ въ видѣ замѣтки на поляхъ рукописнаго сборника сказаній о страданіяхъ мучениковъ (въ томъ числѣ св. Климента), присланнаго издателимъ изъ С. Омера. Быть можетъ, эта рукопись и доселѣ хранится въ музеѣ Болландистовъ въ Бельгіи, и любопытный текстъ приписки, сдѣланной на ней Ольдерикомъ, могъ бы быть восстановленъ во всей точности.

тогда это названіе говоритъ объ особомъ чествованіи этой святѣи кіевлянами.

Что мощи св. Климента, въ видѣ его главы, не были забыты здѣсь, какъ нѣкогда въ Херсонесѣ, и что глава эта была въ памяти не однихъ кіевлянъ, видно изъ слѣдующаго памятнаго въ лѣтописяхъ нашей церкви событія. Въ 1145 г., въ правленіе великаго князя Изяслава, кіевскій митрополитъ Михаилъ II, родомъ грекъ, какъ и всѣ его предшественники, за исключеніемъ одного лишь Иларіона, самовольно оставилъ Кіевъ и удалился въ Грецію, гдѣ и умеръ спустя два года. Великій князь созвалъ 6 русскихъ епископовъ и предложилъ имъ избрать митрополита изъ русскихъ и посвятить его на мѣстѣ, не обращаясь въ Царьградъ, откуда, конечно, прислали бы опять грека. Со стороны Нифонта новгородскаго предъявленъ былъ протестъ, что этимъ нарушается связь съ церковію константинопольскою; прочіе епископы недоумѣвали, достаточенъ-ли ихъ соборъ для посвященія митрополита. Тогда «Онофрій черниговскій рече: Азъ свѣде, достоинъ вы поставити, а глава у насъ есть св. Климента, якоже ставятъ греци рукою святого Ивана». Епископы, конечно, разсуждали, что глава важнѣе руки, «и тако сцадавше главою св. Климента поставиша митрополитомъ» игумена зарубскаго монастыря Кліма (Ипатск. лѣтоп., стр. 241 и 242).

Но посвященный такимъ образомъ митрополитъ, спустя 9 лѣтъ, низложенъ присланнымъ изъ Царьграда грекомъ Константиномъ, и затѣмъ идутъ опять митрополиты исключительно почти греки вплоть до раздѣленія русской церкви на двѣ митрополіи въ началѣ XV ст. Вскорѣ начались тѣ памятные для Кіева опустошенія и разоренія отъ своихъ и чужихъ, которыя лишили его прежняго величія и значенія. Въ 1169 г. онъ понесъ жесточайшее разореніе отъ полчищъ Андрея Боголюбскаго, котораго сынъ Мстиславъ забралъ при этомъ драгоцѣнныя иконы, ризы, книги и даже колокола. Въ 1204 г. тоже произвелъ Рюрикъ Ростиславичъ съ черниговскими князьями Ольговичами; они забрали, кромѣ драгоцѣнностей церковныхъ, самаа одежды великихъ князей, висѣвшія въ храмахъ. Въ 1240 г. Кіевъ до тла разоренъ былъ Батыемъ, причемъ Десятинная церковь, въ которой хранилась глава Климента, была разрушена совершенно, за исключеніемъ одного южнаго предѣла. Въ началѣ XIV в. Кіевъ подпалъ подъ власть великихъ князей литовскихъ, а въ концѣ

XV в. вновь разоренъ Эдигеемъ, послѣ чего совершенно уже опустѣлъ. Между тѣмъ еще послѣ нашествїа Батїа великіе князья русскіе избрали своею резиденціею сперва Владимірѣ на Клязьмѣ, а потомъ Москву. Митрополиты греки потянулись за ними. Продолжая называться кїевскими, они мало жили въ Кїевѣ и если навѣщали оный, то больше для того, чтобы захватить уцѣлѣвшїе тамъ священныя и цѣнныя предметы и увезти ихъ во Владимірѣ или Москву.

Среди такихъ политическихъ потрясенїй и церковныхъ нестроенїй, постигавшихъ Кїевъ въ теченїе цѣлыхъ столѣтїй, утратилась древнѣйшая христіанская и первая его святыня—глава св. Климента, и съ половины XII в. мы не встрѣчаемъ уже нигдѣ и никакихъ объ ней упоминанїй. Теперь, по прошествїи столькихъ вѣковъ, трудно даже найти какую либо руководящую нить для новыхъ попытокъ къ ея отысканїю. Не могла она затеряться отъ небреженїа, ибо это была святыня такъ сказать первостепенной важности. Не могла она подвергнуться уничтоженїю при разоренїи Кїева русскими князьями, ибо такіе разорители чтїли святыню и старались лишь захватить ее съ собою, а если-бы это случилось, оно было-бы отмѣчено въ лѣтописи. Едва-ли также она подверглась уничтоженїю при нападенїи татаръ. Ихъ набѣги не были совершенною нечаянностію и давали возможность скрывать все наиболѣе цѣнное и священное; притомъ татаръ и вовсе не интересовали такіе предметы, какъ черепа и кости. Сохранились-же, какъ увидимъ сейчасъ, и послѣ татаръ многіе, еще болѣе древніе и священныя предметы. Гораздо вѣроятнѣе поэтому, что глава св. Климента, наравнѣ съ этими предметами, стала жертвою той мирной и тайной экспроприаціи, которую въ широкихъ размѣрахъ практиковали послѣдніе митрополиты—греки, странствовавшїе лишь чрезъ Кїевъ по обширной своей паствѣ до Галича и Львова, но жившїе всегда въ Москвѣ. Въ этой экспроприаціи особенное усердіе показали послѣдній митрополитъ изъ грековъ—Фотїй, присланный изъ Царьграда для всей Россїи, а не собственно для Кїева, какъ того домогался великій князь литовскїй Витовтъ. Рѣшившїе положить предѣлъ тому нестроенїю въ церковныхъ дѣлахъ вїажества, которыя причинялись этими странствованїями митрополитовъ, Витовтъ потребовалъ отъ собора подвластныхъ ему епископовъ изложенїа Фотїа и по-

ставленiя на мѣсто его особаго митрополита для Кiева, помимо цареградскаго патрiарха и независимо отъ Москвы, и вотъ что между прочимъ писалъ онъ по этому поводу о Фотiѣ и его предмѣстникахъ: «и въ наше время нѣкоторые митрополиты чужеземцы... разграбляли имущество церковное и въ чужiя страны вывозили и отчуждали; они расхитили и въ чужую землю вывезли драгоценности нашей церкви и святыя мощи, какъ то: орудiя страданiй Христовыхъ, жезлъ пр. Богородицы, ея хламиду и сандали, разныя иконы въ золотыхъ ризахъ, яшмовыя чаши, обдѣланныя золотомъ и украшенныя драгоценными камнями и великое множество другихъ великой цѣны и даже выше всякой цѣны сокровищъ, которыя стяжали и въ даръ Богу и Матери Божiей принесли когда-то великiе князья земли русской»¹⁾). Какъ извѣстно, Витовтъ настоялъ на своемъ, и новый митрополитъ собственно для Кiева былъ избранъ, но этого можно было опасаться и гораздо раньше, съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовало политическое раздѣленiе Россiи на двѣ половины. Чужеземные представители русской церкви могли заранѣе предпринимать противъ этого мѣры; для нихъ безразлично, можетъ быть, было, гдѣ-бы ни жить: въ Кiевѣ, или Москвѣ, но вовсе не безразлично было, пользоваться-ли доходами всей русской церкви, или только половины оной. Между тѣмъ въ вопросѣ о поставленiи особаго митрополита для Кiева глава св. Климента, какъ мы уже видѣли, послужила однажды самымъ рѣшительнымъ образомъ. Кто знаетъ, не въ предупрежденiе-ли именно случая, бывшаго при Изяславѣ, глава св. Климента тайно вывезена къмъ либо изъ послѣднихъ митрополитовъ въ Москву? Вывезенiй въ такихъ видахъ долженъ былъ и хранить ее въ секретѣ отъ другихъ, а за смертiю или выбытiемъ его она могла остаться навсегда безъ имени и названiя.

Итакъ, если гдѣ можно еще искать главы св. Климента, то развѣ въ Москвѣ, въ числѣ тѣхъ безыменныхъ главъ, которыя хранятся въ кремлевскихъ соборахъ. Если-бы нашлись хотя слабыя историческiя указанiя на принадлежность которойнибудь изъ нихъ св. Клименту, они могли-бы быть подкрѣплены другимъ путемъ.

¹⁾ Specimen Ecclesiae Ruthenicae etc. Appendix, pag. 50.

Съ помощію исторіи можетъ быть опредѣлена національность Кли-
мента (его считаютъ обыкновенно грекомъ) и возрастъ, въ кото-
ромъ онъ умеръ, а съ помощію краниологіи по черепу можно опре-
дѣлить хотя общія расовыя черты и уже съ болышею опредѣлен-
ностію возрастъ того, кому принадлежалъ изслѣдуемый черепъ.
Трудно, конечно, поручиться, что поиски въ указанномъ направле-
ніи приведутъ къ какому либо положительному результату; но дол-
жны-же мы наконецъ побѣдить наше въковое равнодушіе къ судьбѣ
первой нашей святыни,—она заслуживаетъ самыхъ усердныхъ и
тщательныхъ поисковъ.

СОСѢДСТВЕННО-ПРІЯТЕЛЬСКОЕ ПИСЬМО БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙ- ЛОВИЧУ ¹⁾.

Божею милостию великого господара великого князя Іоанна
Казимера, короля польского, великого князя литовского, руского,
пруского, мазовецкаго, жомонтскаго, иньфлянтскаго, сивѣрскаго,
черънитовскаго, шведскаго, вандалскаго и иныхъ многихъ госпо-
дарствъ господаря, обладателя, его королевскаго величества, Бог-
данъ Хмельницкій, гетманъ во всѣмъ войскомъ запорожскимъ.

Божию милостию великому государу цару и великому князю
Алексѣю Михайловичу, всея Русьскіей самодержавцу, владимирскому,
московскому, повогородскому, цару казанскому, цару астраханскому,
цару сибирскому, государу цесовскому и великому князю твѣр-
скому, югорскому, чермскому, вятскому, болгарскому и иныхъ госпо-
дарствъ, великому князю Новгородъ, цизовскія земли, резанскому,
ростовскому, ярославскому, белоозерскому, удорскому, обдорскому,
ковѣдйскому и всея сивѣрныя страны повелителю и государу,

¹⁾ На выставкѣ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, въ одной изъ ви-
тринъ, въ коллекціи, если не ошибаемся, г. Куриса мы видѣли подлинникъ
письма, текстъ котораго воспроизводимъ здѣсь по копіи, сообщенной намъ В. Б.
Автоноличемъ. По содержанию своему письмо это не представляетъ явнго интереса,
кромѣ краткаго упоминанія о какомъ-то движеніи казаковъ, обезпокоившемъ москво-
вскаго царя; по любознательной формѣ письменнаго сношенія будущаго подданнаго съ вла-
дѣтелемъ сосѣдней страны, этотъ такъ сказать дипломатическій этикетъ полуказа-

иверскія земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинскія земли, черкасскихъ, игорскихъ князей и иныхъ многихъ господарствъ господарю и обладателю, вашему царскому величеству чоломъ бемъ.

Маючи потребы свои въ панствахъ вашего царского величества, Іоанъ Тафралий, мужъ значный, до одана низкого чоломъ бита вашему царскому величеству идетъ, за которимъ причину нашу вносимъ, кгда будетъ поворочатъ зъ государства вашего царского величества, безпѣчный здоровья своего будучи доброволне всюды пропусчоный. Дано намъ ведомости, яко-бы ваше царское величество мѣлъ разумѣти о неприязни нашей, о которой мы не мыслили и теперъ не мыслимо и ведлугъ давньныхъ часовъ въ приязни зостаемъ, а на тотъ часъ любосмо и войска наши были порушили, теды толко для потребы хана его милости татарского, а не на иный явий замысль. На тотъ часъ съ поклономъ нашимъ въ ласку вашего царского величества пилю се отдаемъ. Данъ въ Чигирине дня 11 юля 1741.

Валому царскому величеству приятели зичливы и служити готовы: Богданъ Хмельницкій, гетмакъ, зъ войскомъ его королевской милости запороземъ.

Божею милостию великому господарю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Россіи самодержцу, владимирскому, московскому, новгородскому, царю казанскому, царю астраханскому, царю сибирскому, господарю исковскому, великому князю тверскому, югорскому, пермскому, вятскому, болгарскому и иныхъ господарствъ, и великому князю Цовагорода, низовскіе земли, рязанскому, ростовскому, ярославскому, белоозерскому, кедорскому, обдорскому, кундифскому и всея сивѣрныя страны повелителю и господарю иверскія земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинскія земли, черкасскихъ, игорскихъ князей и иныхъ многихъ господарствъ господарю и обладателю, вашему царскому величеству сия грамота до рукъ натѣжитъ.

висямаго, связаннаго лви: двнастически и особымъ договоромъ, повелителя Мало-россіи съ оубошиязъ въ своемъ державствѣ, многотлутельнымъ московскимъ царемъ. Хмельницкій выписываетъ полный его титулъ, какъ на томъ настаивали всегда московскіе послы, и не только въ началѣ письма, но и на адресѣ, противопоставляя ему негдѣ пространный титулъ своего суверена. — Ред.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ О НѢМЕЦКО-ХОХЛАЦКОЙ ШТУНДѢ.

По прочтеніи напечатанной въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» сего года статьи «Матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія штунды на югѣ Россіи» мнѣ вспомнилось слѣдующее:

Въ 1865 году, проживая въ г. Екатеринославѣ, я былъ знакомъ съ бывшимъ тогда судебнымъ слѣдователемъ, покойнымъ Мих. Вас. Жученкомъ. Онъ мнѣ тогда, помню, показывалъ дѣло о совращеніи какихъ-то двухъ парубковъ малороссовъ какимъ-то нѣмцемъ-колонистомъ въ «евангельскую» вѣру. Мнѣ теперь припоминается, что этотъ совратитель назывался не то Миллёръ, не то Виллеръ.

Я тогда впервые натолкнулся на сектантовъ-малороссовъ, и въ общихъ чертахъ мнѣ памятно читанное мною дознаніе какого-то становаго пристава о семь «совращеніи», находившееся подъ дѣломъ у судебного слѣдователя. Вотъ сущность дознанія объ одномъ изъ совращенныхъ:

Какой-то молодой (18—20 л.) парень малороссъ, служа въ наймахъ у нѣмцевъ колонистовъ, выучился грамотѣ, сталъ читать евангеліе, воздерживаться отъ сквернословія, отъ употребленія вина, куренія табаку, отъ всякихъ игривъ, пересталъ ходить въ церковь, сталъ отрицать святость иконы и наконецъ нѣмцемъ (Миллеромъ или Виллеромъ—не припомню хорошо) *окрещенъ въ р. Днѣпръ, противъ острова Хортицы, около колоніи Нидерхортицкъ, въ евангельскую вѣру*. Эту часть дознанія, или, лучше сказать, сознанія я хорошо помню. Помню еще такіа слова допрашиваемаго, записанныя въ дознаніе: «былъ вѣры православной, а теперь евангельской, въ которую вступилъ добровольно, и никакія мученія не заставятъ меня переимѣнить эту вѣру».

Что случилось съ этимъ и еще другимъ совращеннымъ и ихъ совратителемъ, я не знаю.

Настоящая моя замѣтка не будетъ лишнею для исторіи штунды, какъ указаніе неизвѣстнаго матеріала—судебнаго дѣла въ Екатеринославѣ въ 1865 г. Фактъ, разсказанный мною, доказываетъ, что въ 1865 году это новое вѣроученіе—штунда прививалось не только

къ нѣмцамъ, херсонскимъ колонистамъ, по имѣло послѣдователей и между потомками запорожцевъ, изъ коихъ одного «мудрый ни-мець», по «на Сичи картопельку садить», крестилъ въ р. Днѣпрѣ около той-же Хортицы, первой запорожской Сѣчи, въ новую вѣру.

Съ той поры, когда я впервые натолкнулся въ выше разсказанномъ случаѣ на сектатовъ малороссовъ, это самое сектантство приняло широкіе размѣры: на Днѣпро-днѣстрянскомъ югѣ Россіи распространилась *штунда*; на Дону, куда меня забросила судьба, я нашелъ хохловъ хлыстовъ, шалопутовъ и наконецъ еще какую то секту, извѣстную здѣсь подъ названіемъ «сухая любовь».

Случайный, а вовсе не спеціальнѣй наблюдатель различныхъ явленій окружающей меня жизни, я тѣмъ не менѣе сочту своимъ долгомъ подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины» тѣмъ, что узнаю объ этихъ по-донскихъ сектантахъ хохлахъ.

Борись П—скій.

Г. Павловскъ-впоровскій.

9 октября 1884 г.

ЕЩЕ ОБЪ ОДНОМЪ ПОРТРЕТѢ КИСТИ БОРОВИКОВСКАГО.

Въ апрѣльской книгѣ «Кіевской Старины», въ статьѣ объ извѣстномъ малороссійскомъ художникѣ Боровиковскомъ, приложено списокъ его картинъ, находящихся у разныхъ лицъ и преимущественно мужскихъ портретовъ. Въ этомъ перечнѣ, какъ и въ свѣдѣніяхъ о картинахъ Боровиковскаго, помѣщенныхъ въ послѣдующихъ книгахъ почтеннаго журнала, мы не встрѣтили извѣстнаго намъ портрета, безспорно принадлежащаго кисти Боровиковскаго. О принадлежности видѣннаго нами портрета кисти Боровиковскаго высказали свое заключеніе и напи мѣстные художники гг. В. П. Андріевскій и въ особенности Н. Л. Сладковскій, произведенія котораго на послѣдней художественной выставкѣ въ С.-Петербургѣ такъ счастливо выдѣлялись; подтверждается это и временемъ его написанія и свидѣтельствомъ собственника его; надпись автора отъ времени испортилась.

Портретъ, о которомъ мы нашли нужнымъ сообщить въ до-
полненіе къ имѣющимъ уже свѣдѣніямъ о произведеніяхъ Бо-
ровиковскаго, принадлежитъ къ числу портретовъ женскихъ и
есть портретъ матери проживающаго въ г. Херсонѣ отставнаго
генераль-лейтенанта г. Калагеорги. Портретъ написанъ въ 1797
году, размѣръ его — въ натуральную величину; почти до ко-
лѣнъ портретъ представляетъ собою женщину, въ расплывѣтѣ моло-
дости, блондинку, съ пышными, красиво сложенными на головѣ
волосами; большіе голубые глаза глядятъ, точно живые: черты лица
мягкія, правильныя, замѣчательно тонкія и въ общемъ типъ лица—
поразительной красоты. Костюмъ крайне простъ; но съ богатымъ
жемчужнымъ уборомъ на рукахъ и шеѣ. Детали рисунка удиви-
тельны; колоритъ картины въ общемъ и въ частностяхъ поражаетъ
своей жизненностью выраженія и мягкостью кисти, если можно
такъ выразиться. Словомъ, чѣмъ больше всматриваешься въ пор-
третъ, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, производимое картиной. Портретъ
г-жи Калагеорги написанъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ она и проживала.
Какъ извѣстно, у Боровиковскаго встрѣчается очень мало женскихъ
портретовъ, а между тѣмъ они-то болѣе всего подходятъ къ его
мягкой кисти, если судить объ этомъ по знакомому намъ женскому
его портрету. Въ настоящее время описанный портретъ отправленъ
г. Калагеорги въ Москву въ извѣстную картинную галерею Третья-
кова, такъ какъ назначается въ продажу. Для почитателей таланта
малоросса-художника Боровиковскаго указанный нами портретъ—
цѣнная и высоко-художественная вещь.

Херсонъ,
11 октября 1884 г.

В. Чеважевскій.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ О КЛАДѢ ¹⁾.

Въ октябрьской книгѣ «Кіевской Старины» г. К. М. расска-
зываетъ про «закрытый» кладъ, который, по словамъ мѣстныхъ
крестьянъ, находится возлѣ с. Бакоты, подольской губерніи. Читая
эту статью, мы припомнили два разсказа, касающіеся того-же «за-
крытія», которые мы слышали въ новоградволинскомъ уѣздѣ, во-

¹⁾ Подъ этимъ заглавіемъ свѣдимъ одностороння сообщенія трехъ различныхъ
корреспондентовъ. — Р с д.

льнской губерніи. Вообще, малороссы, по непонятной причинѣ, весьма любятъ говорить о кладахъ; они даже точно указываютъ на ихъ мѣсто нахождения, но при этомъ прибавляютъ, что нечего даже пытаться найти которыйнибудь изъ нихъ, потому что всѣ они «замовлены». При этомъ непременно, для поясненія, будетъ приведенъ рассказъ, отзывающійся небывальщиною. Вотъ двѣ изъ такихъ небывальщинъ.

«Була тутай недалечко богата удова, а у неи три сыны; тилько вона жадного зъ нихъ не любила. Отъ якось вона й заслабла, чуе, що вже пора вмирати. Оце вона й думае: «не стане мене на свити, усе мое добро достанется сынамъ; нехай-же никому, лишнь, якъ имъ не достанется». Въ ночи узяла вона котель, де були гроши, понесла у лѣхъ, да й «замовила» дѣри, щобъ не можна було никому туда войти. Пишла зновъ у хату, застогнала, да на другій день и вмерла. А сыны заразъ до котла. Бачать на томъ мисти нема ничего. Шукали, шукали—ни, таь-таки й нема, якъ у води згнуло. Отъ вони й забули про нѣго. Тилько щось треба було до лѣху; еденъ сынъ и пишовъ. Отчинивъ винъ дѣри; а щось якъ штовхане ёго, то винъ ажъ впавъ, мало що не вмеръ. Видъ того часу не можна, навить, подступитися до лѣху, бо треба натрапити таку «мову», щобъ заразъ дѣри одчинились. А якъ ты ёго натрапишь?

А то ще такъ було у насъ. Оравъ еденъ чоловяга поле. Йде, да й гукае на коней. Тилько—цвягъ! Що це таке? Глянувъ винъ, ажъ тамъ цила скриня, мабутъ зъ грошима. Отъ винъ нахилився; самъ трясется—хоче вхопити. Тилько що винъ руку до нѣго—то заразъ у землю. Мучився винъ, мучився; зновъ пиднявся, скриня зновъ на верси. А, бисово навожденіе! Постоявъ винъ трохи, а потимъ якъ не грохис на землю, а самъ хапае. Де тамъ!! Скриня ще лишне пишла до низу. Пишовъ винъ до села, розказавъ людемъ, що діється. Уси ходили й бачили тую скриню, а не еденъ не вхопивъ: «бо е така мова».

Аналогичны рассказы о запорожскихъ кладахъ. Вотъ два слышанные нами отъ двухъ женщинъ въ Екатеринославѣ.

— Запорожськи клады скризъ закляти: скільки-бъ людей ихъ не копало,—не даються! Мій чоловікъ самъ ходивъ. Отъ выкопали

вони такъ якъ великій погребъ,—увійшли; ну, а взяти нічого не можна! Треба одмолитися стільки рокивъ, на скільки винъ заклятый.

Отъ и у Потѣмкину саду с, саме тамъ, де каминня велике: и що-празника вони й виходять,—саме підъ Великъ-день!

Зъ нашихъ одинъ разъ одважилося чоловіка чотыри; мени тоди ще лять 12 було (теперь разсказчицѣ лѣтъ 40), я у Ковалихи служила: отъ и пішли вони, одинъ жонатый, трое холостыхъ, зъ ломами, зъ лопатами, саме у Велику Ничъ. Отъ зачали бити ломами; що стукнуть, то *оно* й гуде! Вони дали копають: отъ-отъ чують,—вже близько, добре чують, що залізна скриня. Ажъ коли *оно* виходить, та й сило на другому каменю недалеко одъ ихъ, та й дивиться, а дали й заговорило:

— Копаєте, каже: а чи-жъ вы принесли голову, щобъ туды покласти?» (Значить, щобъ замість кладу та голову чоловічу ёму покласти, тоди *оно* й дасть; а безъ того зроду не вистнуть!).

Вони й полякалися на смерть,—покидали й лопи й лопаты, та й повтикали. Звистпо, дурни: треба було-бъ розпитати: яку то ёму треба голову,—чи христіянську, чи яку другу?...

— Та вжежъ звичайно имъ христіянську треба! (сурово перебиваєть другая).

— Може *оно* такъ и думало (продолжаєть первая), щобъ одинъ зъ ихъ чотырѣхъ лигъ туды, а щобъ трѣхъ скриня досталася; а вони й полякалися! Та й позаганяло-жъ ихъ: чи то зъ переляку, чи тагъ, а до дому тильки одинъ добрався; другихъ ледве одшукали: хто підъ тыномъ, а хто й по за тыномъ! Та й тяжко вси переболіли,—тагъ покаличило ихъ *оно*!

Рядомъ съ такими-жс, но со всѣмъ въ иномъ родѣ можно слышать рассказы въ населеніи кіевской губерніи. Въ теперешнихъ уѣздахъ звенигородскомъ, уманскомъ, капевскомъ и другихъ, бывшихъ театромъ кровавыхъ событій «Уманщина», «Коліцщина», рассказы окладахъ приурочиваются къ могиламъ, во множествѣ разбросаннымъ по полямъ и съ которыми связаны въ народѣ преданія о дѣйствительныхъ лицахъ и происшествіяхъ, въ большей части уже затемнившіяся и совсѣмъ вымирающія. Могили эти траг.

туются и какъ хранилища владовъ, которые въ болѣе или менѣе близкое время дѣйствительно были въ нихъ находимы.

Про одну изъ такихъ могилъ, стоящую и теперь на поляхъ м. Рыжановки, звенигородскаго уѣзда, намъ пришлось слышать слѣдующій рассказъ, не заключающій уже въ себѣ ничего невѣроятнаго, отзывающійся напротивъ полною реальностію, съ примѣсю неизбѣжной ироніи надъ польскимъ паномъ. На этой могилѣ, рассказывали намъ, стоялъ когда-то простой, деревянный, со временемъ уже старый крестъ, и стоялъ онъ какъ-то необыкновенно: нѣсколько сбоку, на скатѣ могилы.

— Глухие хлопы! воскликнулъ новый панъ рыжановскій Д., увидя этотъ крестъ при объѣздѣ полей; не умѣли даже креста поставить. На такомъ мѣстѣ стоитъ добрую фигуру выставить. И рѣшилъ поставить новый большой крестъ уже на верхушкѣ могилы.

Скоро къ работѣ приступили и уже снесли старый крестъ. А вокругъ той могилы все поле было засѣяно бураками и на «вартѣ» ходилъ ночью сторожъ, на тотъ разъ молодой, здоровый парень изъ м. же Рыжановки. Въ ночь послѣ того, какъ старый крестъ сняли, обходи поля своего пана, натолкнулся онъ на стоявшій на дорогѣ, не вдалекѣ отъ могилы, возъ, запряженный парюю большихъ круторогихъ воловъ; возъ-же былъ кованный, вѣрнкій, настоящій чумацкій, а на немъ сидѣло трое людей: бѣлый, какъ мѣсяцъ, старикъ, другой человѣкъ среднихъ лѣтъ и молодая женщина.

— Здорови були! А що це вы за люди? спросилъ сторожъ.

— Поздоровъ Боже и тебе! отвѣчали неизвѣстные. Та мы оце їдемо здалека, воли притомились, такъ отъ мы й стали собі трохи попасати скотину...

— Ну, то пасить-же, люди добри, добродушно сказалъ имъ сторожъ, та напасши и їдьте собі зъ Богомъ, бо панъ нашъ лютий, такъ щобъ мени часомъ чого не було, якъ дочуеця, що я позволивъ комусь отуть попасати межъ бураками.

— Не бійся, чоловіче. Мы тутечки трохи постоимо, та й поїдемо собі, а буракивъ а ни трошки не зачепимъ.

— Ну, то щасливо зоставатця, сказалъ сторожъ и пошелъ дальше обходить поля.

Ночь была «глухая», еще съ вечера дождикъ «накрапавъ». Пока сторожъ, обойдя поля, вернулся къ мѣсту, гдѣ «попасали»

проѣзжіе люди, воза уже не было; но и въ темнотѣ сторожъ разглядѣлъ двѣ глубокия борозды, шедшія по засѣянному полю отъ дороги къ могилѣ. Что за диво? Взглянулъ сторожъ на могилу, а тамъ чуть-чуть блеститъ огонекъ. Приходитъ туда и что-же видитъ? Мѣсто, гдѣ стоялъ крестъ, разрыто, а старикъ и другой, что былъ съ нимъ, человекъ берутъ шапками изъ ямы что-то блестящее и несутъ на возъ...

— А что же вы, люди добри? Казали, что тильно попасете, тай поидете, а вы ось что поробили? Та же мене панъ прибье, якъ побачить оци слиды на буракахъ.

— Мовчи, чоловиче, отвѣтилъ ему старикъ, и николи никому не кажи, що ты тутъ бачивъ.

Съ этими словами онъ вытянулъ изъ за голенища длинный ножъ...

— А якъ будешъ мовчати, то отъ тоби: пидставляй жмени, продолжалъ старикъ и далъ парню три добрыхъ пригорщни золота... Парень обѣщаль молчать и дѣйствительно сдержаль свое слово.

На другой день, объѣзжая свои поля, рыжановскій панъ замѣтилъ слѣды врѣзавшихся въ мягкую землю колесъ, поѣхаль по нимъ къ могилѣ, но увидѣлъ лишь яму, пустой казанъ и нѣсколько золотыхъ монетъ, случайно покинутыхъ «добрыми людьми». Панъ понялъ, что тутъ вырытъ кѣмъ-то кладъ.

Кипулись въ сторожу. Тотъ: «ничого не знаю, никого не бачивъ»... Что ни дѣлалъ съ нимъ панъ—и просилъ и грозилъ, и жестоко драгъ, такъ ничего и не узналъ.—Долго послѣ этого панъ, разсказывая кому нибудь про этотъ случай, обыкновенно прибавлялъ: «покусалъ мѣ дябелъ ѣшижа поставиць!»

А сторожъ скоро послѣ того тайкомъ удраль куда-то на Кавказъ, на вольныя мѣста; тамъ на деньги, данныя ему старикомъ (ихъ было тысячъ три) построилъ домъ, завелъ хозяйство, женился и зажилъ припѣваючи. Спустя-же нѣкоторое время онъ снова вернулся въ Рыжановку, явился къ священнику, разсказалъ ему всю эту исторію, далъ 100 руб. на церковь, по 50 р. священникамъ (ихъ въ м. Рыжановкѣ было и есть двое), взялъ съ собою свою старуху мать и снова уѣхаль на свое новое мѣстожительство.

— Такъ-то, заключилъ разскащикъ, панъ нашъ выставивъ свою фигуру заместь святого хреста! А хрестъ той ще добрый бувъ, тилько шо зъ боку поставленный бувъ. Ставивъ, кажуть, козакъ якійсь, випорожець, чи що.

О. Р. К—й.

ОТВѢТЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ УКРАИНСКИМЪ СЛОВОЖАНАМЪ¹⁾.

(Найденный въ Глуховскомъ Архивѣ).

Дѣялось за гетмана Павлюка
1688 года мая дня...

Що тамъ за бисъ гарчать?... курнявать, гавкать ставъ,
Гуде мовъ рій джмеливъ, мовъ гедзь теля напавъ...
Крычать, мовъ са живить завина ухватыла,
Або объ землю бье когось печиста сыла?...

Эге! сежъ изъ степивъ украинскихъ сей гуль!
Завився тамъ якійсь зъ дощу въ болоти муль...
Мовъ чайки въ осоци, мовъ жабы при болоти,
Знай—квзакують: ква, ква!—нема имъ билншъ роботы.

Що жъ се?... яка тамъ тварь мемекое: мы, мы!...
Ахъ трисця жъ въ ёго ма!—ривняютьца зъ людьми!...
Не тилько жъ бо зъ людьми, а наветь зъ козаками.
Ахъ, племя гаспидське! та мыжъ васъ пагаями!
Що вы швергочете? по якому сей крикъ?
Нимотâ бисова! Чи е у васъ лзыкъ?

« Мы, кажуть, мы, мы, мы, —мы Малороссіане,
« Украинци зъ степивъ, и славни Слобожане.
« Зъ сусликою идемъ до васъ своихъ батькивъ,
« Козацьком старшини и зацныхъ козакивъ;

¹⁾ Польщаемое стихотвореніе по своему складу и языку принадлежать концу XVIII ст. и представляет большое сходство съ тѣми вѣршами на Пасху и Рождество, которыя будто были говорены черноморцами Петербургу. Это памфлетъ, написанный кѣмъ-то изъ гетманцевъ по адресу слобожанъ и характеризуетъ отношенія, какия въ послѣднее время существовали между умирившею метрополією и реформировавшею на иной ладъ ея колонією, т. е. Гезащиною и Слободскою

«Щобъ вы таки дали и памъ явую раду;
 «Безъ пастуха жъ не быть и намъ таки, якъ стаду.
 «Не мало жъ насъ такихъ,—изъ нашихъ хуторивъ,
 «Що зъ вамижъ ризали и туркивъ и лякивъ.
 «Чимъ мы не козаки?—Мы носимъ оселедьци,
 «И цюкнемъ шаблею, коли де доведетця,
 «Ни шабель, ни рушницъ не впустимо изъ рукъ;
 «Намъ тилько побажить,, де тихъ шукать гадюкъ,
 «Що хочуть скоптовать козацькою одваги?...
 «А вже мы зваримъ имъ густой дуже браги...
 «Мы щиро служимъ вамъ, не такъ якъ наймиты;
 «Вы жъ зъ насъ глузуете: мы все въ васъ хамуты.
 «Що все бачъ возимъ вамъ, и гинемъ при обози,
 «Въ снигахъ, и въ болотахъ, на сонци й на морози.
 «Вы живитесь соби, де на война грабижъ,
 «А намъ же що зъ того?—Все ѝжъ одинъ кулишъ!
 «Не довижъ памъ ходять и голимъ всімъ и босымъ:
 «Пышитъ насъ въ козаки,—вельможность вашу просимъ!» .

Глянъ, поганъ що верзе!—Плюгавци! вонъ, азась!..

До козакивъ вашъ братъ николи не ривнайсь!

Такъ чванилась, и дулась жабалуха,

Хотила стать воломъ, та й трепнула псяюха.

Одъ жабалухи сей соби-бъ вамъ прикладъ взять,

Та й билитъ до козакивъ себе бъ вамъ не ривнять.

Чимъ же вы чванитесь?—«Отъ! мы то слобожаны!»

Вы—такъ соби щось—атъ!... не хрещени цыганы!...

Кортить ихъ въ козаки!... Чи зъ розумомъ ся ричь?...

Не ривня вамъ козакъ, не ривня вамъ и Сичъ.

Украиною. Происходявшіе между нѣян съ половины XVIII ст. посемельные споры и могли, какъ кажется, быть поводомъ къ написанію этого памфлета, построенъ-же онъ на каивъ прошлаго той и другой стороны, сущность котораго въ томъ, что слобожане со времени своего выселенія въ степи отстали отъ предковскаго военнаго ремесла и стали *хльборобами* и *гречкосѣями*, между тѣмъ какъ гетманцы продолжали еще *козаковити*. Въ этожъ весь букетъ памфлета, составленіе котораго авторъ переноситъ ко временамъ Навлюка, т. е. выселенія слобожанъ. Рукопись, съ которой печатается стихотвореніе, начала нынѣшняго столѣтія и мы удерживаемъ ея заглавіе; принадлежащее, конечно, переписчику, а не автору. — Р е л.

Паслудство, пастухи, бездомни волоцюги!
 Якомъ зъ васъ намъ ждаты противъ поганъ услуги?
 Васъ заразы нападе перерва й перелякъ,
 Якъ тилько де спотка васъ видьма, вовкулакъ.
 А якъ де на кони побачите вы ляха,
 То прудче всихъ зайцивъ розбязьтесь одъ страха.
 На що вамъ на себе ждаты туркивъ и татаръ?
 Жыдивскій наймитъ васъ потре всихъ на сухаръ...
 Васъ баба помеломъ звоюе, вочергою;
 Батигъ здаеця вамъ громовою стрѣлюю.
 Отъ, бачите сами, вамъ не приставъ сей гамъ.
 Не горло треба дратъ, а вгамоватця вамъ.
 Пасить соби овецъ, орите, чумакуйте;
 А лизты въ козаки и думать не турбуйтесь.
 Селите слободы,—але платитъ намъ чиншъ!
 А ня?—дакъ изъ степивъ позгонимъ васъ: кишъ, кишъ!...
 Коли жъ вы хочете у насъ быть наймитами,
 То справимъ всимъ штаны зъ широкими матнями,
 Реминни очкури, реминни й постолы,
 И пришвы на зиму,—щобъ боси не були...
 А що тамъ дали пише,
 Конецъ одъели мыши.

САВРАДИМКА ¹⁾.

(Пѣсня).

Ой поѣхавъ Саврадимъ
 У поле орати
 Ёго жинка, Саврадимка,
 До корчмы гуляти.
 Гуляла, гуляла
 Тай нагулялася,
 Наварила борщу, кашу,
 У поле попхалася.

¹⁾ Записана въ Балаклеевскомъ сахарномъ заводѣ, черкаскаго уѣзда, кievской губерніи, отъ двухъ крестьянскихъ дѣвушекъ.

Ходила, блукала,
 Милого шукала;
 Подивися, Саврадиме
 Яка мила стала!
 А ни жива, ни здорова,
 И зъ личенька спала.

Ой прихавъ Саврадимъ,
 Изъ поля до дому,
 Та поставивъ свою милу
 На житню солому.

Ила вона, ѱла,
 Захотила пити,
 Запрягае въ бороцу
 Иде волочити.

Выпрягае зъ бороны,
 Запрягае въ рало:
 Гей, собъ! моя мила,
 Щежъ до дому рано.

Выпрягае зъ рала,
 Запрягае въ бѣду:
 Гей, собъ! моя мила,
 Я до дому ѱду.

Выпрягае зъ бѣды,
 Запряга въ колясу:
 Гей, собъ! моя мила,
 Поидемъ до лясу.

Поидемъ до лясу,
 Та наберемъ лому;
 Та наберемъ лому
 Поидемъ до дому.

А прихавъ до дому,
 А въ двори доцова калюжа,
 Розсердилася жена
 Та на свого мужа.

Полизла на пичъ,
 Лягла та й нездужа.

«Ой увставай, мила,
 Привязъ тобі пива».

— «Ой не встану, Саврадиме;
 Я не твоя мила!»

— «Ой уставай, моя мила,
Я прывизъ горилки».

— «Ой не встану, Саврадиме,
Шукай соби жинки»

— «Ой уставай, мила,
Прывизъ тоби меду».

— «Ой не встану, Саврадиме,
Головки не звезду».

— «Ой уставай, моя мила,
Я прывизъ дубины,
Ни товстои, ни тонкои,
До билои спини».

Ой устала Саврадимка,
Наче не лежала,
Та й обияла Саврадима
Та й поцилувала.

«Ой дай тоби, Боже,
Здоровьячка зъ неба,
Ой, що ты догадався,
Чого мени треба».

Ой дай тоби, Боже,
Здоровьячка зъ неба,
Що придбавъ дитину,
Та носити треба.

Ой умеръ Саврадимъ
Та й на лавци лежить,
Его жинка, Саврадимка,
По горилку бижить.

И горилку несе,
И музыки веде;
Ой теперь я, Саврадиме,
Не боюся тебе!

Заграйте музыки,
А я округнуся.
Ой теперь я сама,
Саврадима не боюся.

Собщ. Алексѣй Грабина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

ДѢТСКІЙ „РОДНИКЪ.“ ЖУРНАЛЪ

Въ 1885 году (4-й годъ изданія) «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 100 и болѣе страницъ большаго формата, со многими рисунками, съ музыкальными приложениями и съ отдѣломъ смѣси, въ которомъ помѣщаются мелкія статьи, загадки, задачи, игры и проч. и проч.

Выборъ статей въ «Родникѣ» принаровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Редакція даетъ главнымъ образомъ оригинальныя статьи изъ русской жизни и природы. Всѣ, даже мелкія статьи научнаго содержанія редактируются специалистами.

Приложение къ «Роднику», педагогическій сборникъ «Воспитаніе и Оученіе» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ нихъ помѣщаются статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и библіографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

Премія къ „РОДНИКУ“ 1885 года

будетъ заключаться въ альбомѣ, 12 оригинальныхъ картинъ по русской исторіи художника А. Золцова, исполненныхъ геліотипіей въ Вѣнѣ, у Ангерера и Гешля. Картины эти будутъ разосланы и подписчикамъ отдѣльно отъ журнала, всѣ сразу, въ красивомъ конвертѣ, съ первымъ № «Родника» 1885 г.

Крошѣ того, въ видѣ дароваго приложенія къ «Роднику» 1885 г., будетъ данъ «Литературный альбомъ» изъ 12 оригинальныхъ картинъ художника Н. Н. Каразина къ стихотвореніямъ русскихъ классиковъ. Къ каждому № будетъ предлагаться по одной такой картинкѣ.

Журналъ «Родникъ» Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи рекомендованъ, какъ весьма полезный для женскихъ институтовъ и гимназій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Особымъ Отдѣломъ сего Комитета допущенъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1885 г. остаются прежнія:

На годъ, съ доставкою и пересылкою, за 12 книгъ «Родника» съ отдѣльною премією—5 р. блей.

Тоже, съ приложеніемъ 3-хъ книгъ педагогическаго сборника «Воспитаніе и Обученіе»—6 рублей.

Адресъ главной конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, № 4.

Большой ежемѣсячный научно-литературн. журналъ

годъ 2-й. „КОЛОСЬЯ“ 2-й годъ.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры, въ объемѣ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ *каждый мѣсяцъ* (12 книгъ въ годъ).

Въ изданіи до сихъ поръ принимали участіе около 70 сотрудниковъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны публикѣ.

Въ истекшемъ году было помѣщено нѣсколько большихъ оригинальныхъ романовъ («Погасшая искра», «Гдѣ счастье?» и др.), болѣе десяти большихъ повѣстей («Актриса Уранова-Сандунова», «На ложной дорогѣ», «Невѣста Бѣлаго Генерала», «Неудавшаяся королева», «Невѣняемая грѣшница» и др.), болѣе пяти драмъ и комедій («Графъ Чалыцкій», «Разбитая жизнь», «Роковая клятва», «Северо Торелли», и др.), нѣсколько большихъ поэмъ въ стихахъ («Буреломъ», «Сергій Лярскій», «Смертосносная гора» и пр., и около 25 небольшихъ рассказовъ и очерковъ. По отдѣламъ: научному, историческому и критическому и по текущимъ вопросамъ публицистики было помѣщено нѣсколько статей въ каждой книгѣ.

Въ будущемъ году редакція намѣрена продолжать свое дѣло въ томъ-же духѣ, какъ и теперь, стремясь дать публикѣ самый обширный, разнообразный и полезный матеріалъ для чтенія. Изъ всѣхъ большихъ журналовъ за нынѣшній годъ ни одинъ не далъ такъ много оригинальной баллетристики, какъ «Колосья» которые вообще избѣгаютъ переводнаго балласта. При всемъ этомъ «Колосья» остаются *самыми доступными по цѣнѣ* журналомъ изъ всѣхъ другихъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій.

Подписная цѣна на журналъ «Колосья» въ 1885 году:

На годъ (съ пересылкою и доставкою) **8 р.**

На полгода **5 »**

ОТЪ КОНТОРЫ. Принимая во вниманіе желаніе многихъ новыхъ подписчиковъ имѣть въ своей домашней библиотекѣ журналъ съ самаго его основанія, редакція рѣшилась отпечатать *второе изданіе* 12 книгъ перваго (1884) года, которыя и будутъ высланы подписчикамъ немедленно по полученіи подписныхъ

денегъ, при чемъ цѣна за эти 12 книгъ назначастся значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, предлагающихъ *ТРИ РУБ.* къ годовой платѣ 8 руб. (всего 11 руб.).

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ журнала «*Молосья*» (уголъ Б. Садовой и Большой Итальянской, домъ Крафта), куда адресуются и письма иногородныхъ.

Редакторъ-издатель И. А. Баталинъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА.“

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государини Императрицы Маріи Феодоровны и рекомендованъ начальствами подлежащихъ вѣдомствъ для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, для женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи, для духовныхъ семинарій и училищъ и для библиотекъ военныхъ гимназій и прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Біографія замѣчательныхъ людей; 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданія разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разные эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинками, распадался на двѣ половины, изъ которыхъ первая составила-бы вполне пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочли-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользою.

Къ отдѣлу для Семейнаго чтенія, какъ и въ 1884 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ руководствъ*, а къ отдѣлу для дѣтей—*рисунки техническихъ искусствъ и различныя шутки и занятія*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла «Семейныхъ Вечеровъ»* будетъ разослана въ видѣ *преміи олеографія*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Полный журналъ (24 книжки). безъ доставки 10 р. съ доставкою 11 р. — к.
 Отдѣлъ для дѣтей (12 книжекъ) „ „ 5 р. „ „ 5 р. 50 к.
 Отдѣлъ для семейнаго чтенія юном. (12кн.) „ „ 5 р. „ „ 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не мѣся, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разрочка допускается: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ. А для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разрочка допускается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи «Семейные Вечера», С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, домъ № 14, кварт. № 9.

За весь годъ, начиная съ 1874, имѣются съ небольшою количествомъ полныя экземпляры съ архомитрографированной картинкой.

Редакторъ-Издательница С. Кашпирева.

„ВОКРУГЪ СВѢТА“.

Журналъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ будетъ выходить съ 1-го января 1885 г. въ раздѣлѣ 2-хъ печатныхъ листовъ, со многими роскошными гравюрами, рисунками и иллюстраціями, исполненными лучшими русскими и иностранными художниками и гравированными въ Парижѣ, Римѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. 50 ЛЛ годоваго изданія составятъ два объемистыхъ тома, могущіе служить украшеніемъ гостиной и выходящіе въ свѣтъ около 300 большихъ рисунковъ и портретовъ и нѣсколько законченныхъ иллюстрированныхъ романовъ.

Въ журналѣ примутъ участіе: 1) въ художественномъ отдѣлѣ: Рю, Морель, Монкетт, Кастелл, Фера, Каразинъ, Рачковъ и Вадимовъ; 2) въ литературномъ: Э. Бусенаръ, Мокъ-Гуханъ, Н. Н. Каразинъ, В. И. Пеляровичъ-Данченко. С. В. Максимовъ, Ф. Н. Пржевальскій, Рада-Бай, Пясецкій, М. Воръ и многіе другіе.

ТЕКСТЪ ЖУРНАЛА

будетъ состоять: изъ интересныхъ романовъ, изображающихъ приключенія въ разныхъ частяхъ свѣта, съ роскошными иллюстраціями; повѣстей и рассказовъ, рисующихъ жизнь различныхъ народовъ и племенъ; небольшихъ, законченныхъ, беллетристическихъ очерковъ съ рисунками; исторіи знаменитыхъ путешествій и открытій, мореходства, кораблекрушеній, экспедицій, морскихъ сраженій; популярно-научныхъ статей, рассказанныхъ живымъ языкомъ, раскрывающихъ тайны природы,

подземнаго міра, небеснаго пространства, нѣдръ земли и океановъ. Кромѣ того журналъ будетъ давать интересныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ всего свѣта, описанія городовъ, корреспонденціи изъ отдаленныхъ окраинъ; отчеты объ экспедиціяхъ, путешествіяхъ, научныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; новѣстія о судахъ, находящихся въ плаваніи; всѣ виды спорта и смясь.

Подписная цѣна: **3** р. с. въ годъ съ перес. и доставкой; **2** р. въ $\frac{1}{4}$ г. съ пр. и дос.

Иногородные подписчики адресуютъ исключительно въ редакцію журнала „**ВОКРУГЪ СВѢТА**“: Москва, Каретный рядъ, д. Шлякъ. Для городскихъ: въ конторѣ объявленій Печковской (Петровскій ливн) и въ редакціи. Для учащихъ допускается разсрочка: 1 руб. въ 3 мѣсяца.

Редакторъ-издатель **М. Вернеръ**.

1885 г. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ г. 1885.

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.“

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Редакторъ-издатель **П. И. ПОЛЕВОЙ**.

Въ 1885 году годовые подписчики „Живописнаго Обзорія“ получаютъ:

- I. 52 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, каждый по хвѣе двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.
- II. 12 ежемѣсячныхъ минименъ, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, уборнаго шрифта.
- III. 12 ежемѣсячныхъ номеровъ «Парижскихъ модъ».
- IV. Бесплатную премію — художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра; — подробностк въ № 1). Желавшіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Во избѣжаніе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка ихъ *страховыми посылками* — прочно упакованными и зашитыми въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ — 80 к. и трехъ — 1 руб. — Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бандерольнымъ способомъ, но, въ случаѣ пропажи или порчи ея въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкою и пересылкою.		безъ доставки и пересылки.	
За годъ	8 р. — к.	За годъ	6 р. 50 к.
За полгода	4 р. 50 к.	За полгода	4 р. — к.

Подписка заграницею: за годъ—12 руб., за полгода—6 руб.

Адресъ Конторы Редаціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЕ
ЛИТЕРАТОРЫ:

Н. А. Ахшарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, Н. Ф. Василевскій (Бувна), П. П. Васильевъ, П. И. Вейябергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, И. О. Горбуновъ, Г. С. Дестунисъ (профессоръ), Л. Зволяревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кружловъ, П. И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, И. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ. М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митурчъ, Д. Л. Михалевскій, Д. П. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. П. Пономаревъ, Л. Рускинъ, А. Соковнинъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. X. Симонова, К. И. Соборникъ (псевдонимъ), С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава), П. Трояницкій, М. Б. Цибрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. П. Шолгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шишовко, В. Ю. Юрьевъ, А. П. Яхонтовъ и многіе другіе.

„РУССКІЙ АРХИВЪ.“

1885 года.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ, историческое изданіе преимущественно XVIII и XIX столѣтій, будетъ выходить въ 1885 году двѣнадцать разъ въ годъ, книжками отъ 7 до 10 листовъ вполнѣ четкаго шрифта, съ приложеніями, портретами и рисунками.

Русскій Архивъ, выходя уже третье десятилѣтіе, по прибытости къ особымъ заявленіямъ и многообидящимъ посуламъ. Основанный въ 1863 году, въ эпоху возбужденія народныхъ силъ, онъ остается вѣрнѣе основной своей мысли—служить Русскому самосознанію посредствомъ ближайшаго знакомства съ недавнпрошедшими событіями и въ отечественной старинѣ отыскивать корни нынѣшней дѣятельности; но при этомъ въ Русскомъ Архивѣ не допускается пристрастнаго освѣщенія историческихъ лицъ и событій, въ угоду господствующему направленію современности, такъ какъ содержаніемъ своимъ онъ долженъ имѣть цѣлу и для времени будущаго.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ—**ДЕВЯТЬ** рублей. Для Германіи—**ОДИННАДЦАТЬ** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**ДВѢНАДЦАТЬ** рублей.

Подписка принимается **ВЪ МОСКВѢ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, куда обращаются явгородные подписчики; **ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ**—на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и «Новаго Времени» и на Васильевскомъ островѣ, 2 л., д. 2-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича.

Лица подписавшіяся на Русскій Архивъ 1885 года въ главной его конторѣ до 15 ноября 1884 года получаютъ бесплатно книжку новаго изданія Стихотвореній О. И. Тютчева. Тѣмъ изъ новыхъ подписчиковъ, которые желаютъ познакомиться съ содержаніемъ Русскаго Архива за прошлые годъ, выдается особая книжка: *Предметная роспись Русскаго Архива за двадцать лѣтъ 1863—1882.*

Полное собраніе Русскаго Архива за первые двадцать два года изданія можно имѣть не иначе, какъ собирая его отдѣльными книгамъ. Полнаго экземпляра всѣхъ годовыхъ изданій нѣтъ на продажу и въ конторѣ Русскаго Архива. Въ особенности трудно находимы первые годы.

Контора Русскаго Архива можетъ принять на себя отысканіе и составленіе полной коллекціи всѣхъ годовъ по цѣнѣ

полтораста руб. съ пересылкою.

Въ настоящее время въ запасѣ имѣются только слѣдующія годовыя изданія: 1874, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 г., продаются по 6 р. за полный годъ (кромя 1881 года, который продается по 8 р.). За пересылку каждаго годоваго изданія прилагается 50 коп.

Главная контора Русскаго Архива находится въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175 мѣ.

Составитель и издатель Русскаго Архива П. Бартевъ.

Въ книжномъ магазинѣ А. Л. Васильева,
КОММИСІОНЕРА МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА МИН. ИН. ДѢЛЪ.

Москва, Стрѣст. бульваръ, д. Мусина-Пушкина

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- 1) Изъ Исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Московскаго періода, Д. Цѣтѣева. М. 1884. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.
- 2) **Макиавелли**, какъ политическій мыслитель. Ч. I: систематическое изложеніе политич. ученія Макиавелли; ч. II: какъ и при какихъ условіяхъ сложились философскія и политическія воззрѣнія Макиавелли; ч. III: мѣсто, занимаемое Макиавелли въ исторіи политическ. ученія. А. С. Алексѣева. М. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
- 3) Причитанія сѣвернаго края, собранныя Е. В. Барсовымъ, 2 ч. Ч. 1: плачи похоронные, надгробные и надмогильные; ч. 2: плачи завоенные, рекрутскіе и солдатскіе. М. 1872 и 1882 г. Ц. 4 р. 50 к. съ пер. 5 р. 50 к.
- 4) Переписка Государствен. Канцлера Гр. Н. П. Румянцева съ московскими учеными, съ предисловіемъ, прилѣчаніями и указателемъ Е. В. Барсова. М. 1882 г. Ц. 3 р.
- 5) **Биографическій словарь** профессоръ и преподавателей московскаго университета 1755—1855 гг. 2 ч. М. 1855 г. Ц. 7 р.
- 6) **Народныя пѣсни** Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. О. Головацкимъ. Ч. 1: Думы и думки; ч. 2: обрядныя пѣсни; ч. 3: два отд. изъясненія и дополненія. М. 1878 г. Ц. 12 р., съ пер. 13 р.
- 7) **Сочиненія Д. И. Иловайскаго** съ портретомъ автора. Исторія рязанскаго княжества съ картой, Екатерины Романовна Дашкова, графъ Яковъ Сиверсъ. М. 1884 г. Ц. 3 р. 50 к.
- 8) **Свѣтскіе Архіерейскіе чиновники** въ древней Руси, Н. Каптерова. М. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.
- 9) **Общественный строй Англіи** въ концѣ среднихъ вѣковъ, М. Ковалевскаго. М. 1880 г. Ц. 3 р.
- 10) **Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ**, В. Миллера. М. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к.
- 11) **Осетинскіе этюды**, В. Миллера, 2 ч. Ч. 1: осетянскіе тексты; ч. 2: Исслѣдованія. М. 1882 г. Ц. 5 р.
- 12) **Лѣтописи русской литературы** и древности, Н. Тихонравова; 5 т. М. 1859—63 г. Ц. 15 р.
- 13) **Памятники отреченной русской литературы**, Н. Тихонравова; 2 т. М. 1863 г. Ц. 8 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ

еще 40 к., золотару 4 к., слѣдцу 2 к. Розышлось 5 к. Сего числа первый разъ были въ новой за городомъ канцеляріи. Зъ Федоромъ Яиченкомъ сошлись на пенку по 5 р. и уже по порохунку отошло къ намъ за медь покупній и железо 20 р.; а на немъ еще осталось 16 р. Писаны письма до сотника новгородского и до сотника воронежского п. Ивана Холодовича, подлугъ увазу суда енералного присланного. За обшите пасковъ зелсныхъ Карноуху 4 к.

27. Обѣдалъ вмѣстѣ зъ п.п. Гамаліями у п. тестя, а по обѣдѣ былъ у полковника нашего. Рано послѣ службы былъ у енерала зъ прочіими. Розышлось на розницу 14 к.

28. До коморы куплено тертиць за 30 к. Пошло дранѣ За роботу поденщикамъ еще въ доплату дано 32 к. Обѣдали у отца Патермуфія, городничого лицницкого, и сегожь числа прибылъ панъ Юркевичъ въ Стародубъ.

29. Енералу отнеслъ рыбы щукъ 20. Куплено діотту до Перегону за 20 к. Бабѣ досмотруючої дитины 20 к. На розницу пошло 10 к. Віехалъ зъ Стародуба около вечерень и прибывши до Левенки, тутъ и ночоваль.

30. Віехалъ зъ Левенки рано и прибылъ предъ полуднемъ до Борщова, где и обѣдалъ, а одтоль о полдни прибылъ въ Перегонъ, а дитину Галю привезли вечеромъ.

31. Данъ въ Случокъ на шинѣ станъ горѣлки Ісаку Мигаліонку. Петру, маляру стародубскому, сину Михайла Лисого маляра, на покунку фарбъ до маліованя фурманокъ, колясокъ и протч. даны 2 р. Писано письмо до п. сотника варвинского о выдачи стаднины моеї моимъ же посланнымъ, которымъ и подорожная дана.

Мѣсяцъ іюнь.

1. Послѣ обѣда віехалъ зъ Перегону и попасоваль коло Ковпинки, а потомъ прибылъ позно до Новгородка и сталъ квартероу у сотника.

2. Писалъ до полковника и до п. тестя о порушенію зъ Глухова п. обозного енералного. Далъ гончару задатку на поливаніе миски 20 к. Розышлось на розницу 5 к. За 13 фунтовъ желѣза 20 к. Ковалямъ и стелмаху 8 к.

3. За рыбу 6 к., на зеля, перець и оливу 6 к. Розышлось на розницу 10½ к. Михайлу Нестеренку, п. тестя родному брату, зъ

Бабы ¹⁷⁶⁾, сотнѣ полку чернѣговского менской' козаку, даны 20 к. Писалъ письма до полковника о Маршалену, до жены, до тестя о работникахъ, бывшихъ въ Брянску, и до Стефана, такожь до атамана погарского, чтобъ зраховаль (посчиталь) старосту и обехавши грунтъ, здѣлалъ мапу (чертежь).

4. Куплены въ Новгородку 20 мисоѣ за 10 к., талѣрокъ 50 за 20 к., даны Гаевичу въ Нѣжина 10 к., за 6 ящиковъ 15 к. Писано письмо до п. Чуйкевича о присилцѣ писемъ на фугоръ Михайловского, въ Пекаровѣ ¹⁷⁷⁾ мѣ записанный. Мужикамъ левенскимъ Калимону Жайворонку и Данилу Бистереву зятю, которые были на работѣ въ Брянску и пошли на плитахъ до Переволочной, дано въ займы 20 к.

5. Въ Новгородку за рыбу карасѣ 3 к. Писано письмо до п. обозного енерального съ прошеніемъ прощенія, что не могли его дожидатся въ Новгородку. Тамъ же вручилъ сотнику наказному Демяну Пестереву облѣжки Литвинковы на Ивана Василенка, значевого товарища въ Богдановцѣ. Віехали съ Новгородка и переѣхавъ Десну, обѣдали въ полѣ о 7 верстѣ, а по полдни одтолъ віехавши, прибыли завременно въ дворъ Дмитровскій спасого новгородского монастыря и тутъ сыскавши Дмитровского и съ Вовны ¹⁷⁸⁾ войтовъ допрашивали.

6. Посилали по войтовъ глазовского, пигаревского и жиховского и допрашивали ихъ по силѣ указу суда енерального, и опись въ дворцѣ Дмитровскомъ чинена всѣхъ движимостей.

7. Писаны письма до жены и до Стефана въ домъ, и до сотника наказного новгородского о присилцѣ выписки съ ревизіальныхъ книгъ о селахъ монастырскихъ, да до Данила Зіневича посланъ отвѣтъ. Поехалъ Егоръ Андріевъ Немчиновъ, графскій прикащикъ, въ Глуховъ.

8. По полдни одправленъ Антонъ Донъ въ Глуховъ съ письмами, а письма писаны въ С. П. Бурхъ до п. Горленка подѣ числомъ іюня 5, до Новоторжцева и Маркелловича Леонтева подѣ числомъ іюля 2, до Ивана Александровича Дурова подѣ числомъ апр. 18, до Кириака Андріевича Кондратовича подѣ числомъ мая 30, до графовъ Гаврила и Мойсея Владиславичовъ мая 30, въ Москву до

¹⁷⁶⁾ Село сосницкаго уѣзда.

¹⁷⁷⁾ С. Пекаревъ; сосницкаго уѣзда. См. слѣд. стран., стр. 4 и 5.

¹⁷⁸⁾ С. Вовна новгородсѣверскаго уѣзда.

Урила Иванова мая 30, въ Глуховъ до п. Скоропадского, до п. Пасека и Лукомского подь числомъ іюня 7, да чрезъ тогожь Дона посланы писма до подскарбія п. Маркевича и обозного зъ пунктами и до сотника новомлинского о футорѣ Михайловского, записанномъ мнѣ за долгъ въ Пекаровѣ. Дано Антону Дону 25 к.

9. Писано въ Новгородокъ по Маджугу и по Захарченка, да о дѣлѣ, почему теперь продается на торгахъ збоже. Віехали зъ Дмитровки послѣ полдня и не доезжая Жихова, ось зломалась, чего для въ Жиховѣ и заночовали въ дворѣ Петра ткача; тутъ подробили двѣ оси, за вторые дано 3 к.

10. Прибыли въ Пироговку и тутъ обѣдни слушали, а по полдни ездили къ мельници Ігната Котляра, а сами стояли въ домѣ сына его Василя Котляренка.

11. Объявленъ указъ пироговцямъ и приказано, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу Головкину. Зъ Пироговки о полдни віехали и заездили въ футоръ, который у монастыря одкуповуеть путивецъ Борошновъ; послѣ въ слободку Красичну Юркевичовъ и въ Гуту ¹⁷⁹⁾ ихъ же, потомъ прибыли въ Жиховъ и тутъ ночовали. Вечеромъ прибылъ зъ Глухова Е. Немчиновъ.

12. Объявленъ указъ жиховцямъ, чтобъ надлежали и всякое послушенство отдавали графу его сїятелству Головкину. И сего дня прибыли воспать до Дмитровки.

13. Пантелеймонъ Юркевичъ привезъ мнѣ шила штукъ разныхъ числомъ 23, да кубокъ стеклянный, зъ которыхъ три штуки п. Холодовичу сотнику воронежскому даны.

14. Село монастырское, Вовну отказали отъ монастыря и отдали во владѣніе графу Головкину.

15. Послано чрезъ новгородцівъ писмо писанное до Стефана Чорновского, старости поповского, о прибытіи его въ Новгородокъ. Сего числа совсѣмъ окончивши порученную намъ комисію, розехались зъ Дмитровки, а отправа дѣла зъ доношеніемъ въ судъ енеральный вручена канцеляристѣ войсковому Григорію Лизаневичу. Прибыли мы зъ п. сотникомъ воронежскимъ въ Новгородокъ.

¹⁷⁹⁾ Красична и Гута деревни новгородсѣверскаго уѣзда. Д. Гута возникла изъ стеклянаго завода (—гута), гдѣ и выдѣлывалось то стекло, о которомъ говорится подь числомъ 13-мъ.

16. Обѣдали у Стефана Маджуги, а послѣ обѣда были и въ монастырѣ, одкуду и одехаль сотникъ воронежскій. За рыбу 8 к., за миски поливаемые въ доплатку прежде даннаго задатку еще дано 10 к. Цилюрику 3 к.

17. Писано до Стефана и одправлена на подводѣ въ Перегонъ посуда, а именно мисокъ деревяныхъ 20, талѣровъ 50, мисокъ поливаемыхъ 14, приставокъ чотыри, горшкѣ одинъ зъ кришкою, шила сношвовъ 21, ящиковъ 5, рыбы язиновъ 3, ляцовъ 2, судаекъ 1. Писаны писма до п. Своропадского и до писаря Черняховского въ Глуховъ, а въ Стародубъ до писаря судового и до Семперовича. За пугалию въ Новгородку купленную дано 70 к., за сушки 12 к. Яковъ Литвишко уступилъ мнѣ пудъ мѣди, за которую доплачено 4 р. Віехалъ я зъ Новгородка послѣ вечерень и ночоваль въ полѣ за Мамикиномъ о милю.

18. Передъ обѣдомъ прибылъ въ Перегонъ и писалъ въ Новгородокъ и до паней въ Стародубъ, чтобъ привезли до Перегону.

19. Былъ на футорѣ, и одтоль поворочаючомуся, пришло извѣстіе, что Остапъ Косикъ жену свою убилъ, о которого сиску и о убитой осудѣ посланъ ордеръ до сотника погарского зъ урядомъ. Привезена мѣдь зъ Новгородка, у Литвишка купленная, 40 фунтовъ, тавожъ и сушки. Дано маляру еще 10 к.

20. Осматривали тѣло убитой и велѣли описать пожитки, да и церкви осматривали жъ и иконостасу, чтобъ иконостасъ дѣлать, а цереву поправить. Взялъ у Ноздры за станъ горѣлки 2 р. 20 к. Сего числа зъ лукинцами розехали поле за Ворою и онымъ перегонского часть грунта уступлена за Могилою Дѣвкою, при бытности атамана городского погарского.

21. Тѣжъ лучинци подали мнѣ прошеніе о томъ грунтѣ, на который обѣцано имъ отъ мене и писмо. Врученъ домъ въ опеку Косиковъ Якову Козлу, козаку городискому, и емужъ вручены облѣги всѣ и давные и сего-годные Косиковые для доправки денегъ.

22. Віехалъ рано зъ Перегону и въ Борщовѣ задержалъ мене п. Григорій (Гамалѣя), ради прибытія къ сему п. Яна Квитки, полковниченка харьковскаго, а одтоль поежавъ послѣ полдня и прибылъ въ Случокъ, видѣлся зъ Романовичомъ и розговоръ зъ нимъ имѣлъ; послѣ прибылъ еще завременно до Левенки и тутъ ночоваль.

23. Пообѣдавши, съ Левенки вѣхалъ и прибылъ до Стародуба; подано доношеніе въ канцелярію полковую о коняхъ, у Романовича взятыхъ въ снаши пшеници.

24. Прибылъ въ Стародубъ п. Иванъ Квитка и обѣдали вмѣстѣ у паней тещи купно съ п. Иваномъ Гамаліею. Обослао насъ узваромъ отъ п. Искрицкого ради рожденія дочери его Татіаны. Розышлось на розницу 27 к. Свѣцару дано 6 к. Одехалъ п. Григорій Юркевичъ, писарь полковой стародубскій, въ Глуховъ.

25. По полученной вѣдомости о слабости дочери Ганны, отехала жена до Перегону. Дано за вичинеку вовка и лисици 13 к. Розышлось 5 к. Лукирцѣ за мите кафтана бѣлого 10 к.

26. Обѣдали у мене п. Иванъ Квитка, обозный полку харьковскаго и п. Иванъ Гамалія юдиновскій, съ которымъ довольно пили, послѣ были у генерала квартермейстера фонъ Штофеля. Розышлось на покупку травы и проч. 27 к. На вино пошло 1 р. 40 к. За зроблене канчука на тростѣ Пицолцѣ дано 10 к.

27. Было молебствіе съ пушечною стрѣлкою и при обѣду генерала стрѣляно съ пушекъ и мѣловаго оружія. Былъ у мене п. Яковъ Полуботокъ и синь полковника полку олонецкаго драгунскаго, Лесли Юрія Федоровича, Давидъ.

28. Были крестины у п. Искрицкого дочери новорожденной Татіаны. Восприемниками были полковникъ Гаврило Ивановичъ Давидовъ съ панею тещею моею, и п. Иванъ Миклашевскій съ полковницею Дуровою. Розышлось на крестинахъ 30 к.

29. Обѣдни слушали у церкви Петра и Павла, а обѣдали въ домѣ. Розышлось 9 к. Алексію на его потребности даны 10 к.

30. Обѣдали дома, где и п. Федоръ Ширай обѣдалъ же. На мясо и проч. пошло 14 к. Свѣцару 3 к. за направу стула. Отехалъ п. обозный нашъ въ домъ свой.

Мѣсяцъ юль.

1. Слушали обѣдн въ церкви вознесенской. Послѣ былъ я у полковника. На мясо пошло 13 к. Сего числа г. генералъ Загряжской подъ Лищичи для смотра полковъ отехалъ. Принесъ теачъ серветъ 80 локоть, локоть отъ работы по 2 к., да полотна семдесятъ 1 локоть, отъ работы за локоть по вопѣйкѣ; и того 2 р. 31 к. Сего числа отдана мѣдъ въ работу Карлу Савеліеву, котляру, а

именно ломаной разной мѣди 57 ф., да казанокъ зъ желѣзомъ чотиры фунта, и того 61 фунтъ зъ желѣзомъ. Посланы ярезъ Осипа Булахова два рубли до Степана въ Перегонъ на дворовые расходы и пять сотъ цвяшковъ. За вичинку чотирыхъ габелковъ 16 к. Отехали обое мы до Левенки и тамъ ночовали.

2). За стюажку черную для жены, за шнурокъ до запасокъ, за шовку лоть и на стружки дано 30½ к. Присланъ столъ и ложка одъ п. Мануила Зиневича, дозорци (смотрителя) ропского. Былъ у мене г. генераль лейтнантъ квартирмейстеръ фонъ Штофель и позабавилъся чрезъ нѣсколко годинъ. Въ Перегонъ посланы пара шоръ, два столики, ослонъ и старая тартайка зъ двома колесами, 3 хомуты зъ 3-мя дугами.

3. Розышлося на розницу 15 к., за мясную руру зъ печенею...

4. Мазяру на золото 8 к., за вичинку 10 овчиновъ бѣлыхъ полковника Веревкина 10 к. Обѣдалъ у полковника. Вчора по полдни отехала полковничая невѣстка Катерина Андріевна зъ Стародуба. Вчорашняго числа обѣдалъ у мене п. Иванъ Булавва бунчуковый и комисаръ полку черніговского.

5. Былъ зъ рана у мене п. Селецкій, сотника полку нѣжинского дѣвицого братъ, такожъ отецъ Иванъ, священникъ духовскій, которому дано 10 к., паламару 2 к., крашенинику за офарбоване полотва на крашенину 44 аршинъ дано 44 к., за крашенины 7 аршинъ 20 к.

6. Лучанѣ послѣ обѣда одправилися, котрымъ дапо на 2 куптушы сукна да двѣ штучки китаю и штучку крашенины; Дацку Никитенку за Степана Кочержицского 8 ф. р. На дорогу имъ 20 к., да ему жъ Дацку коня сивого, дубенского дапо.

7. Васат. 8 числа отехалъ въ Семіоновку и едучи чрезъ Янжуловку, былъ тамъ въ дворѣ Шпетенковомъ. Бабѣ даны 10 к. Прибылъ до Семіоновки позно.

9. Былъ въ обозѣ его м. п. обозного войскового еперального и тамъ обѣдалъ, и по обѣдѣ п. обозный отехалъ до Курозна, а я позабавилъ у разныхъ п.п. бунчуковыхъ до смерку и уже позно прибылъ на квартиру до атамана семіоновского.

10. Рано пріехалъ ко мнѣ п. Борковскій, которому и тестаментъ меншій я отдалъ, а онъ мнѣ свой далъ же и провожалъ менежъ онъ и п. Полубтовъ. Отехавши зъ Семіоновки по полдни,

заездилъ до Желѣзнаго Мосту ¹²⁰⁾ и тамъ Григорія Яворскаго велѣлъ наказать за матку, потомъ прибылъ въ Курковичи.

11. Прибылъ тудажь п. Пекалицкій и отецъ Григорій Хомиинскій, священникъ архиповскій, въ котораго дѣлъ писано письмо до асаулиной Яворской.

12. Тамъ въ Архиповичахъ мешкающіи расколщики, называющіеся Неклюдовы и Россрии, Фома 1 р., Андрей 50 к., да зъ Лузка мужикъ 32 к., да еще другіе 22 к. Сторговаль дворъ тамъ же у Архипа Ломаки зъ двома сѣвожатми за 20 р.; даны ему тогдажь 2 р., а послѣ въ Стародубѣ 4 р. Сѣгожь числа прибылъ въ Стародубъ.

13. За траву 6 к., за 12 дощоеъ липовковыхъ 29 к., крашенинику 20 к. Розышлоъ на розницу 4 к.

14. Ткачу за работу 3 р., за канчукъ 12 к., за вино 40 к.

15. Былъ у полковника олонецкаго полку Юрія Федоровича Лесли. Дано бандуристамъ 20 к. Дароваль канчукъ на тростинѣ капитану олопецкагожь полку Семену Федоровичу Лесли.

16. За мясо 16 к., за траву 10 к. Косилку Остапу дробнихъ 1 р.

17. Его м. п. обозный енералный зъ ассистенцію былъ у мене въ домѣ. Сего числа Петрошу даны 20 к., которому родился синь Иванъ. Взято вина 3 1/2 гарца. Віехалъ я зъ Стародуба и прибылъ въ Случокъ, тамъ и ночоваль.

18. Обѣдалъ у п. Григорія въ Борцовѣ; послѣ прибыли въ Перегонъ.

19. Былъ на футорѣ.

20. Одправлена экспедиція въ Глуховъ въ дѣлъ Рубайленковъ черезъ ихъ же и писалъ до п. Юркевича. Ивану Храповскому погарскому за Павлиа заплочено 1 р. 30 к.

21. Получилъ письмо черезъ войта бозкаго ¹²¹⁾ Ничипора Черняіова одъ п. Федора Марковича и къ немужь отвѣтоваль. Обѣдали у мене въ Перегонѣ п. Иванъ Квітка, обозный полку харковскаго, зъ сотникомъ ізюмскаго полку города Царя Борисова, да п. Григорій Гамалія зъ панею. На мясо пошло 30 к., на муку 10 к., за калачи 4 к. Бабѣ дѣтячої даны 50 к.

¹²⁰⁾ Село новгородсверскаго уѣзда.

¹²¹⁾ Д. Бозская стародубскаго уѣзда.

22. Тяжъ обѣдали, що и вчера. За вино въ Погарѣ купленное 1 р. Прясцѣ господинѣ 25 к. и на запаску, за медь 60 к., на мясо въ Погарѣ 28 к., за медь 60 к., на калачи 5 к., на свѣчи 5 к. Сегожъ числа вечеромъ прибылъ на фѹторъ Василювку,

23. Обѣдали сегожъ числа на Василювцѣ у мене Федоръ Марковичъ, Якимъ Тропчій и Лука Марковичъ и розговаровали о разныхъ рѣчахъ и грунтахъ, а по обѣдѣ и я ихъ провожалъ до Бозкои.

24. Обездили грунта и по разныхъ контроверсіяхъ обѣдали у менежъ.

25. Приходили въ помиркованію и не заключа розехались. Прошлой ночѣ побрали сѣно, на моей сѣножати купленное. Обѣдалъ я у Марковичовъ зъ товарищи, отъ нихъ прибылъ въ Перегопъ, где засталъ сотника бакланского п. Косача.

26. Одписовалъ до п. Корсака о сѣножати дарневской Москаленна. При вїездѣ зъ Перегону далъ Мойсею Оршавѣ на расплатку за вино и на другіе потребности 3 р. Самъ по обѣдѣ прибылъ до Стародуба, а жена отехала до Левенки.

27. На траву и проч. 6 к. Отвѣтное письмо послано до сотника погарского о курѣнчикахъ. Василю Янджулу далъ реестръ о покупахъ въ Густинѣ¹⁰²⁾, а до Стефана писалъ о виселии чотирохъ вуфѣ горялки въ Семіоновку.

28. Карпу кухару далъ 1 р. и четвертку жита. Архицу Ломацѣ еще даны чотири рубли за дворъ купленный. На мясо 12 к.

29. У отца Івана духовского была свадьба, которого и зятя его обослано зъ дому моего дробыною, хлѣбомъ и водкою. На мясо 18 к., на другую розницю розышлося 14 к. За столъ зъ Кривця привезенный дано 30 к. сверхъ прежнихъ 20 копѣекъ.

30. Данъ квить індуктовий одѣ Павла Каленикова на пять вуфѣ. Прибылъ на ночь въ Левенку. На чаплики и мило 3 к.

31. Обѣдалъ и дніовалъ и ночовалъ въ Левенци.

Мѣсяцъ августъ.

1. Приехалъ зъ Левенки въ Стародубъ и одиравилъ въ Семіоновку вуфу горялки при писмѣ до Василя Янджула и въ немужъ квить на 5 вуфѣ індуктовий и подорожную людянь при горѣлцѣ

¹⁰²⁾ Въ густинскомъ монастырѣ, прядуцкаго уѣзда, гдѣ въ это время была ярмарка.

одправленнымъ. Да посланы писма до п. обозного еeneralного и Борковскаго. Дано вравцямъ 15. Розышлоь 5 к.

2. Слѣцару дано 10 к. Розышлоь 6 в. Въ Случокъ Жорову дано барило горилки въ 66 вартъ цеховыхъ.

3. Писаны писма въ Глуховъ до п. Скоропадскаго и Юркевича зъ посмлею челобитной о млинахъ на Ворѣ. Послано до Перегона желѣза 18 фунтовъ, у Янченка взятого. Взято 40 фунтовъ лоу у Брезкуна. Дано на гноти 3 к. Евдашцѣному сыну на желѣзо до столовъ 5 копѣекъ. Паней 20 к., за роблене свѣчь 10 к.

4. Дано до паней шапки на повсть, на баволну и шовкъ 10 в. Розышлоь 12 к. За вино Рибнику 40 к.

5. Степану рымару 1 р.

6. Прислано отъ одного чоловика 2 ляци, отъ Василя Котляревича 10 ляцовъ, одъ хоружого Данченка щукъ 9. Розышлоь на розницю 64 копѣйки. Сповѣдался и коммуниѣковаль. Обѣдали у полеовнива и отехали на ночь въ Левенку. Максиму шалочнику за зроблене шапки паней и Василевѣ 20 копѣекъ, за лучину и проч. 14 копѣекъ.

7. Обѣдали въ Левенцѣ, а по обѣдѣ вѣехали наши п. тестъ и теца и жена къ Киеву. Женѣ на дорогу даны 8 р. Я возвратился въ Стародубъ. Посланы козаки за нашими вслѣдъ.

8. Обѣдали у мене Данченко хоружій да Хомѣвскій и Багинскій. Куплена да неплачена фляша вина у п. Середи бурмиистра. Розышлоь на розницю 12 копѣекъ.

9. Розисковали по дѣлу Соколова. Былъ у маіора корпусу меклембургскаго Лепела. Куріеръ прибѣгъ до п. обозного съ походу отъ генерала Загражскаго.

10. За роботу цѣны корпуса меклембургскаго драгуну 50 копѣекъ. За два фунты корки лимонной 24 копѣйки. За сѣно 5 к.

11. Петру маляру 40 копѣекъ. Розышлоь на розницю 21 к. Полученъ указъ о виступленіи въ походъ до Мигновичъ.

12. Позичилъ п. Ивану Квитцѣ, обозному полеовому харковскому 30 р. За прироблене дилля до коляски 15 копѣекъ.

13. Даны цехмистру ткацкому Минѣ Григоріеву 4 основы на полотна, а платить за роботу отъ локтя по осмаку, да не достало втоку пяти фунтовъ. Приехалъ еeneralъ Кейтъ... Дано на потреби до кафтана перешиваючогосъ 13 в.

14. Писано до п. Івана Гамалѣи въ Юдиновъ и послано цукру голова, да за негожь перенялся за гарнецъ вина платити копу Греку. Приехалъ п. обозный енералный. Розышлоь на медъ и прочее 13 к. Алексію 4 к.

15. П. обозный енералный съ командою своею переходилъ черезъ городъ. Обѣдалъ одинъ, а вечеряли два Гамаліи лохвицкіи.

16. Обѣдали Гамаліи, а послѣ обѣда Троцкій и Лука Марковичъ были, и другіе гостѣ гуляли съ музыкаю. Алексѣй Алексіевичъ Мажаевъ изъ московского полку поручикъ былъ у менежь и долго въ ночь трактовали о грунтахъ Доболской (?) съ Троцкимъ.

17. За брусницѣ 90 к., за соль 14 к. Лукирцѣ 12 к., на мило 2 к.

18. За Ярмолу п. Григорія Гамаліи заплатилъ 8 р. П. Александрю (Корецкому) швагру своему позичилъ въ дорогу въ войско 30 р. Розышлоь 9 к.

19. За виписѣ подписку (помощнику писара) ратушному 50 к., за мясо 36 к. Офѣцери обѣдали; маляра Петра сестрѣ дѣвчинѣ 20 к. Цехмистру твацкому за работу скатертей 3 р.

20. Самому маляру Петру 40 к. Розышлоь на розницю 27 к.

21. Данъ Япченку цукоръ 51¹/₂ фунта за долгъ 10 р., и за желѣзо отойшло 35 к. За мясо и кури 12 к.

22. Ничего. Числа 33. За мясо и на другій расходъ 25 к. Сибѣнару дано 10 к., передъ симъ емужь 10 к.

24. За пару стрименъ 30 к., за работу отъ направи лихтаровъ мосенжнихъ мекленбурцю 20 к. Договорилъ расколщика оправлять книги до церкви левенской пять, давать 1 р. 80 к., а дано задатку 50 к. За медъ Ляшисѣ заплачено 30 к., за пудъ соли 40 к.

25. Обѣдалъ у полковника, а послѣ отехалъ въ Левенку и тамъ въ лазнѣ мился, а одтоль прибыли въ Случокъ на ночь до п. Коменка.

26. Слушали обѣднѣ въ Суходолѣ, а одтоль прибыли на обѣдъ до Борщова, въ Борщова въ Перегонъ съ п. Федоромъ (Шираемъ) швагромъ.

27. Былъ въ Городищѣ и за Ворою и на Бѣлавицѣ. На мясо 24 к.

28. Писаны письма въ Глуховъ чрезъ Коменка до п. Скоропадского, до судіи енералного Борозны и до Юркевича, и въ Почепъ за Кобузикомъ ковалемъ до поруччика Полянского, до Лукина и до сотника наказного Губчица.

29. Ездилъ до Курова и тутъ приходила до мене громада.

30. Былъ въ Василювцѣ.

31. Сими днями розыщлось на розницу 45 к. Обослала Галецкая родинами за внука Петра.

Мѣсяцъ септєврій.

1. На вечерню отехалъ до Погари, и тамъ ночовалъ въ домѣ Панюшки.

2. По службѣ заходилъ до п. Григорія Черняка, а послѣ ко мнѣ и онъ и канцеляристъ Ливандовскій, да поручикъ Козма Савватіевичъ Глотовъ пришли и обѣдали и долго гуляли, потомъ были у войта и ночовалъ въ Погарѣ на той же квартирѣ. На мясо и кури 10 к.

3. Получилъ письма зъ С. П. Бурха. На мясо пошло 17 к. Отехалъ зъ Погарѣ передъ обѣдомъ и пообѣдавши въ Перегонѣ, отехали на ночь до Василювки.

4. Въ Василювцѣ обездели грунтъ между Чубаровомъ и Суворовомъ и въ Исаевцѣ были.

5. Надъ вечера вѣхали зъ Василювки въ Перегонъ. Дано на мясо 10 к.

6. Въ вечерѣ пришла вѣдомость о пріездѣ нашихъ зъ Кіева въ Буду.

7. Рано отехалъ п. Федоръ швагеръ, чрезъ которого и до жены о пріездѣ ея сюда въ Перегонъ писалъ, да писалъ противъ письма полковничого, что развѣ завтра вѣду до Стародуба. Сего числа зъ Ровнищымъ да старостою евдоконскимъ да изъ луеинцами о спорныхъ грунтахъ договоръ заключили.

8. Пріехала панѣ въ Перегонъ; ездили въ Суворовъ до церкви, я по обѣдѣ былъ въ Чубаровѣ, послѣ въ Погарѣ и приказовалъ, якъ дворъ купленный у Сороки строити.

9. Надъ вечера вѣхалъ зъ Перегону и прибылъ коло полночи въ Левепку и тутъ ночовалъ.

10. Рано вѣхавъ оттуду, прибылъ въ Стародубъ, а послѣ обѣда у полковника своего былъ и отъ него къ генералу ходилъ.

11. Генералъ Кейтъ и два полки пѣхотни, первый московскій и бутирскій, вышли въ походъ до Переясловля. На мясо 21 к.

Слюсару за подѣлане муштука и проч. 16 к. Вечерялъ у маіора чернѣговскаго полку Петра Ивановича Стрешнева зъ п. тестемъ.

12. Тогожъ маіора обослали водкою, вишніовкою и хлѣбомъ и двое вартъ ему подарилъ, а послѣ обѣда онъ же былъ въ домѣ моемъ, которому сирь и два кавуна поднесъ, а онъ мнѣ далъ часть »Розговоровъ въ государствѣ мертвыхъ«. Простаясь, отехалъ въ Буду п. тестя, где и ночоваль. Сего числа два полки пѣхотныхъ, чернѣговскій и суздальскій, пошли зъ Стародуба.

13. Данъ рондзикъ до переправи Пинцолцѣ и смужъ дано 20 к. За мясо расплаченось 12 к., за медъ 12 к., за лихтарнѣ 2 к., за рогами 12 к.

14. Петрошъ отпущенъ на время въ Перегонъ, которому дано на его нужду 20 к.

15. За мясо 6 к.

16. За мясо 7 к.

17. Отобрано у ткацкаго цехмистра двѣ штуки полотна, въ которыхъ по 77 локоть. За мясо 12 к. Обѣдали у мене панѣ теща, капитанъ Корнилий Трофимовичъ Шалигинъ зъ женою своею Василисою Андреевною и асаулъ зъ асаулкою. За медъ 8 к.

18. За мясо 6 к. Золотарю 56 к. за вичищене сребра отъ евангелія.

19. На рыбу 10 к. Шевцю 9 к. Кравцю 9 к., за Часловець 40 к. Аксамиту до евангелія левенской 3 четверти, за который надлежитъ 1 р. 20 к. У Федора Янченка взято пудъ желѣза и 3 фунти.

20. На мясо 12 к., за медъ 8 к. Золотарю, которому данъ рондзикъ до передѣлованія, дано 10 к. На крашенину до юпки 4 в., молодыкамъ на баню 2 к., Алексію на его нужды 15 к.

21. На розницю 4 к. Костантій приехалъ въ Стародубъ.

22. Розышлось на розницю 16 к.

23. Обѣдали у мене меклембургскаго корпуса пѣхотный маіоръ Лешель и отъ кавалеріи капитанъ Цибетъ. На мясо еще 23 к.

24. Прибылъ капитанъ Максимовичъ. На мясо и кури пошло 17 к. Дано кравцю на шовкъ 10 к. Дано еще інтролѣгатору 1 р.

25. Взято у Федора Янченка 500 грибовъ, которіе отосланы Славую по 7 к., за полтрета лотя штамету 55 к. На нитки до епанчи 3 к. За подшиты вовками епанчи 25 к., на нитки 5 к.

26. Бондарю 16 к. Взято у Осипа Булахова 4 р., должные имъ Яружному за нитѣ. Былъ у капитана Цибета и у поручика Ліоне. Програлъ 50 к. Розышлося на розницю 11 к.

27. Рубайленки лубку меду принесли. Розышлося на розницѣ 18 к. Дано Карпоуху за перешиване епанчи 22 к. До сего числа у Серединомъ дворѣ набрали 21 фляшу вина. Отехалъ Максимовичъ и я вѣхалъ въ Стародуба до Перегону.

28. По обѣдѣ зъ Левенки вѣхавши, прибылъ въ Перегонъ на ночь.

29. Позно вѣхали къ Мглину, ночовали въ Погарѣ; тутъ писано письмо до сотника погарского о визиченню деревнѣ. За медъ и пиво 49 к., на свѣчи и діоготь 6 к.

30. Обѣдали у Гетуна. На стенжки пняек 30 к. Назадъ прибыли въ Перегонъ на ночь.

Мѣсяцъ октоврій.

1. Отехалъ въ монастырь чолнскій и видѣлся въ Погарѣ зъ маіоромъ Виттевомъ.

2. Учинено рѣшеніе о намѣстнику чолнскомъ Гаврилу за мою обиду. Помѣнялся я табакерками зъ отцемъ Варсонофіемъ, которій зъ другими черицами былъ у мене въ наметѣ (палатѣ).

3. Розехалися зъ монастыря чолнского и обѣдалъ въ Романовцѣ. Отдоль заездилъ до Стечни и видѣлся зъ тамошнимъ ігуменомъ Гавриломъ Великошапкою, куда надехали и отецъ Варсонофій зъ товарищи, а я заразы отехалъ и прибылъ ночью въ Перегонъ.

4. Былъ на Василювцѣ и возвратился на ночь въ Перегонъ.

5. Пришло извѣстіе, что отецъ Варсонофій зъ товарищи прибылъ въ Ісаевку и для того отехалъ на Василювку и тамъ ночоваль.

6. Рано прибылъ въ дворець ісаевскій и тамъ послѣ чаю ездили по спорныхъ грунтахъ по-надъ Бозкою и Черемошною, тамъ же пообѣдавши отехали ко мнѣ всѣ въ Перегонъ, где и ночовали.

7. Ездили къ обѣднѣ въ Городище, а послѣ того обѣдали у мене-зъ въ Перегонѣ, а по обѣдѣ подарили отца Варсонофія хусткою и кошелкомъ и они коло вечерень отехали.

8. Дніовалъ въ Перегонѣ.

9. Вѣхалъ зъ Перегону и прибылъ до Стародуба.

10. Росплата учинена зъ Федоромъ Янченкомъ за повунки, на ярмарку десятовскомъ ¹⁸³⁾ справованные и за проч. 30 р. 48 к.

11. Остапу Качану на покупку дерева для роблена полува-ретки дано 30 к.

12. Въ 11 часу по полуднѣ пожаръ былъ, згорѣлъ дворъ Чер-няковъ. По сее число на розную подробицу розышлося 1 р. 70 к.

13. За два кожухи мужеский и женский даны 80 к. Прислалъ Валкевичъ возовъ 10 сѣна, а ему позычено пять копѣ драгѣ. Былъ я у маіора Лепела и долго сидѣлъ въ ночь.

14. Ездилъ до Левенки, заплатилъ за 20 кафель 40 к., да за мясо прошлыми часы и за лой взиманный у Брезкуна 1 рубль 35 к. За 5 бочокъ соляныхъ 10 к., на рогожи 12 к. Розышлося на розницу 7 к.

16. Розышлося на розницу 21 к., за пудъ салахому 86 к. Пришолъ указъ всѣмъ въ походъ.

17. Писаны писма до отца Варсонофія, свинского намѣстника и отца городничого лицидеого зъ ктазетами. Алексію даны 3 к. За подкурене пари соболей 20 к. Максиму. Взялъ у Федора Янченка 50 р. Дано за сто оселедцовъ 35 к.

18. Дано Алексію 3 р. Розышлося на розницу 7 к.

19. Ивану лучанскому на чоботы 22 к., на рукавицѣ 10 к., на розницу 7 к.

20. Кравцамъ 20 к., на розницу 8 к.

21. Крестили дита служителя полковничого Мивиты, сына Андрея. Данъ кумѣ 1 р. Попу, бабцѣ, дявону и цаламару 41 к. Въ доплату покойному Стефану римару за роботу 32 к. Вечеромъ былъ у капитана Цибетъ и лейтинанта Ліоне. Сего числа снѣгъ выпавъ.

22. Заплатилъ графу Гаврилу 50 р. и послалъ чрезъ Данила, писара его. За два чопы до винницѣ Качановскому данъ 1 р., у Жорова за горилку взятій. Привезены книги зъ Санктптербурха. По-слано писмо до Лишня о покупцѣ 20 пудъ меду.

23. Взялъ 100 р. у Михайла Словинского на жито, подря-дившись четверку по 50 к. Панъ Екимовичъ, асаулъ полковный ста-родубовскій, пожекгнался, въ походъ отходя. Програлъ въ карты 37 к., да еще пошло 3 к.

¹⁸³⁾ Ярмарка въ г. Стародубѣ въ десятую послѣ Пасхи пятницу.

24. Далъ Робаковскому на повузу жита 24 р., служителю, родинный хлѣбъ одъ панѣ Чернолузской привозившему, 10 ъ., а родился у ея сынъ Петръ сего 21 числа.

25. Данъ рубль інтролѣгатору (переплетчику) до порахунку. На мясо 4 к. Одехалъ зъ Стародуба Василій Федоровичъ Милликовъ. Вечеряли у насъ Искрицкій зъ женою.

26. Подметное письмо на полковника сискано и спалено. На рыбу дано 10 к. Былъ капитанъ Блюхеръ у мене и панъ тесть, и обѣдали, также капитанъ Ленку.

27. Полковнику черезъ Якова цилюрика позыченъ Военный Уставъ, а п. Искрицкому мовца полскій. Розышлося на розницю 45 к., на мясо 15 к. Былъ у мене капитанъ Ленку въ вечери.

28. Остапу Кочану дано на деревню для дѣланя коляски 30 к., черицю зъ Святыхъ Горъ 1 р. На мясо и на розницю пошло 28 к. Даны Брезкуну двѣ яловицѣ.

29. Далъ інтролѣгатору 50 к. Далъ Балдовскому на жито 20 осмачокъ 32 руб. Максиму шапочнику 20 к. Петрошу данъ 1 р.

30. Взято у Лашихи полрубля. Панѣ дано на стержви 40 к. Дано за воя капитану Цибету 15 р.

31. Взято у Ноздри 10 р. Дано за направи парива 50 к. Війшли меклембурци.

Мѣсяцъ нояврїй.

1. Послалъ въ Мглинъ на медъ чрезъ Дениса Лишня 10 р. Дано крашенинику за фарбоване крашенины 45 к., за мясо 8 к.

2. Писару судовому Косачу за дворъ сорокинской погарскій ad interim 20 р. Взялъ у погарцовъ на воней до порахунку: у Куровского Грица Пахоменка 8 р. 57 к., перегонского Сидора Сѣдковского 10 р., чубаровского Василя Кизенка 4 р. Дано за медъ и пиво 15 к. Кравцямъ на нитки 5 к.

3. Писаны письма въ Глуховъ до п. дядка и до п.п. Пасека и Скоропадского за нихъ же и отправлены чрезъ козака одъ п. дядка присиланного, которому на дорогу дано 5 к.

4. Золотару Ивану за позолоту до рондзика и шаблѣ данъ червонецъ и еще часть золота, томуужъ золотару на живое сѣбро 30 к. Вчера и сего дня за мясо 20 к. Антону Дону, посланному

въ дѣлѣ п. Іана Миклашевскаго зъ инструкціею по Сейновича даны 50 к. На розницу розышлося 15 к.

5. vacat. 6. Писалъ письмо зъ газетами до отца Варсонофія, намѣстника свипскаго, и о одилцѣ онога писма къ атаману. Дано Чубѣ за чинбу зайцовъ и куницѣ 9 к. На нитки до подшиваня шлямоваго кунтуша 3 к. Обѣдалъ у полковника, а послѣ былъ у г. совѣтника адмиралтейскаго, скуповуючого пенку, Андрея Федоровича Хруцова, котораго сожителница Анна Александровна зъ Колтовска, а потомъ были у Спасибенка на весѣлѣ.

7. Рано былъ у капитана меклембургскаго Ланку. Золотару Ивану за камушокъ, въ перстень вправленный, дапо 10 к. Розышлося на розницу 6 к. Семенко, сынъ п. Іана Гамалія юдиновскаго умре. Въ вечерѣ былъ у мене помянутый г. Хруцовъ зъ женою.

8. На куры 16 к. Дякону почепскому Петровскому позичены 40 к. Пугачевскому даны 10 к. Обѣдалъ у полковника для воспоминанія пранятія имъ полковой команды.

9. Шевскому цехмистру за работу 4 парь чобогъ 16 к. Ивану Лучанскому на рукавици 10 к. Лаврину за рыбу 9 к.

10. Алексію даны 2 р. За падло живодерамъ 5 к. За панчошки мнѣ и Василковѣ 17 к. Евтуху кравцю за работу 20 к. Золотару Сергію до поракунку за работу данъ 1 р. Взято у Парфененка 20 пудовъ меду въ 12 локошкахъ, которые и посланы въ Перегопъ.

11. Обѣдали у насъ полковникъ панъ, г. Хруцовъ зъ женою и провіи, а послѣ обѣда были на веселю у Гомяниці. За поните кунтуша—шубы дано 23 к.

12. Вечеромъ былъ кучно зъ Василевичемъ у капитана Ланка и выгранъ тамъ въ карты 1 р. 60 к.

13. Обѣдали и весь день пробавили у п. Демяновичевой, а вечеряли дома. Прошлыми днями розышлося на мясо и прочее.

14. Весь день пролежавъ, до сего-жъ дня былъ у меня Гомяниці зъ женою своєю и зъ новобрачными зъ хлѣбомъ и подарками, которымъ дано 1 р., да былъ-же Никита Андриановичъ. Музикамъ 20 к.

15. Весь день пролежалъ дома; обѣдалъ зъ нами Іскритскій и взялъ книгу Пупфендорфъ, а у п. тестя Вадоменуумъ медікумъ.

Отъ редакціи.

Журналъ «Кіевская Старина» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и до *дома* 3-го числа слается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* анкета журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одно изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже получена или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

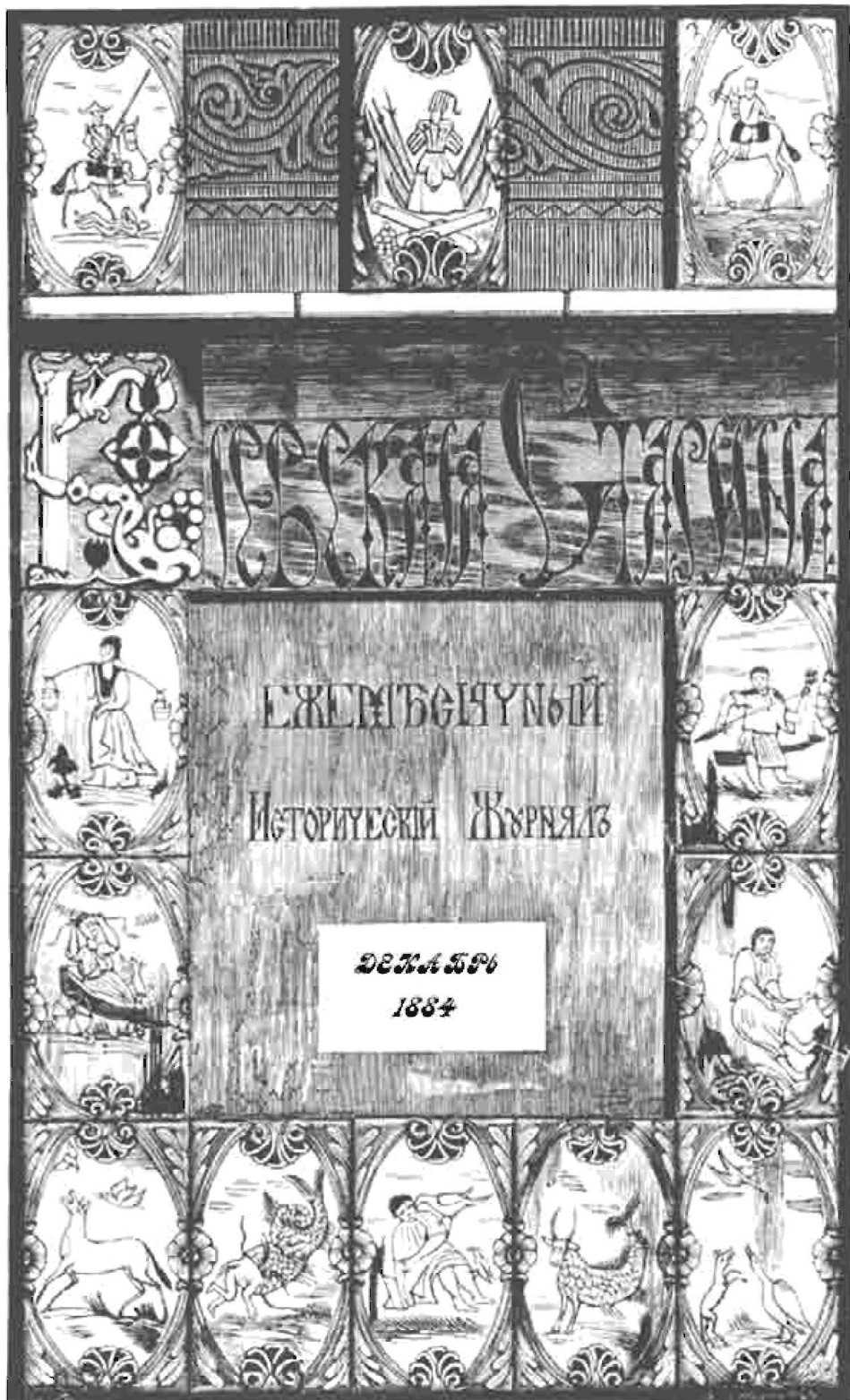
Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся изъ *небольшомъ* числѣ экземпляры 1882, 1883 и 1884 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (Кіевъ, *Трезг-сохтительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Дантера, Дыконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, общаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особиыхъ поमारокъ, и непременно съ полами, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ явленія.

Въ Конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на 1885 г. на издающуюся во Львовѣ газету „ДѢЛО“. Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

СЕМИБЛЮНЬИ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМА 586
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1884 г.

I. СОФІЯ—ПРЕМУДРОСТЬ БОЖІЯ ВЪ ИКОНОГРАФІИ СЪВѢРА И ЮГА РОССІИ. П. Л—ва	стр. 555
II. ЕВРЕЙСКІЙ ДОКУМЕНТЪ О ПОСОЛЬСТВАХЪ СВ. ВЛАДИМИРА ДЛѢ ИСПЫТАНІЯ ВЪРЪ. Іоны Берхина	585
III. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (<i>Продолженіе</i>). И. Ле- вицкаго	586
IV. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВА- НОВИЧА КУРАКИНА. (<i>Окончаніе</i>).	621
V. КОБЗАРИ И ДИРКОВНИКИ. (<i>Окончаніе</i>). В. Горленка	639
VI. БОПЛЬ МАЗЕНЫ. Сообщ. С. Н. И.	658
VII. ПИСЬМА ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ Г. И. ЛИСАВЕНЧУ	673
VIII. ДОКЛАДЪ ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II 1781 ГОДА. Сообщ. А. Ф. Кистяковскій	693
IX. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Французскій этюдъ о мазень .—В. Горленка.— б) Архивъ юго-зап. Россіи, изд. врем. комиссіею для разбора дре- внихъ актовъ. Часть первая Томъ VI. Акты о церковно-религозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Русѣ (1322—1648). Кіевъ, 1883.— И. Каманина.—в) А. А. Федотовъ-Человскій. Акты греческаго нѣ- жинскаго братства. Кіевъ, 1884 года.—П. А.—г) Историч. матеріалы изъ архива кiev. губ. правленія. Выпускъ 7-й. Сост. ред. К. Г. Вѣ- домостей, А. Андріевскій. Кіевъ. 1884 годъ.—Л. Цыбульскаго	704
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Два эпизода изъ слѣдательской дѣл- тельности А. П. Стороженка.—Н. Стороженка.—б) Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетманской чести.—А. Андр.—в) Любопытный сбор- никъ документовъ въ Гадячѣ.—Николай Бакал.—г) Еще нѣс- колько словъ объ ялустествѣ пр. Ириши Фальковского.—А. Ти- това.—д) Эпизодъ изъ авторско-издательской дѣятельности Т. Г. Шев- ченка.—е) Памятникъ прежнихъ отношеній пасомыхъ къ своему архи- пастырю.—В. А.—ж) Заговоры на просо и шеницу.—Сообщ. Н. И.—з) Ура безъ двухъ буквъ.—Ивана П. Сивченка.—и) Б. М. Мариевичъ въ роли сельскаго педагога.—Б. Д—ра.—і) Пѣсня о сербѣ.—Сообщ. В. Истремовъ	724
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ. ОБЪЯВЛЕНІЯ. БИБЛИОГР. ИЗВѢЩЕНІЕ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старинны“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначи- тельное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ. Открыта подписка на 1885 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ X.

ДЕКАБРЬ.

1884

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Г. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київ, 30-го декабря 1884 года.

О ПОДПИСКѢ

на ежемѣсячный историческій журналъ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

НА 1885 Г. (IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1885 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ трехъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроникн, дневники, воспоминанія, рассказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также бібліографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Для будущаго 1885 г. имѣются, между прочими, слѣдующіе матеріалы и статьи: Комитетъ изысканія кіевскихъ древностей, проф. В. В. Антоновича, Историко-критическій разборъ польскаго романа Сепькевича: «Богданъ Хмельницкій», *его-же*, Прилуцкій асаулъ Мовчанъ и его записная книжка, *его-же*, Записки львовскаго капоника XVII ст. Юзефовича, переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Антоновича, Андрей Яковлевичъ Стороженко (біо-

фическій очеркъ), *Н. В. Стороженка*, Очеркъ исторіи юго-западной Руси по соч. о. С. Качалы, *К. М.*, Романовское староство и судьба его жителей (переводъ съ польскаго), *его-же*, Характеристика южно-русской литературы XVII ст., *И. О. Сумцова*, Поѣздка на Запорожье, съ 17 снимками запорожскихъ древностей, *Д. И. Эвирницкаго*, Этнографическіе очерки, *В. П. Горленка*, Дунайцы, *А. А. Скальковскаго*, Козацкій полковникъ Богупъ, сподвижникъ Хмельницкаго, историческая повѣсть д-ра *А. І.* (переводъ съ польскаго), Малороссія послѣ 1654 г., историческій очеркъ, *Я. И. Ш.*, Матеріалы для исторіи штунды на юго-западѣ Россіи, *П. Л—ва*, и проч. Сверхъ того окончены будутъ: Путевые очерки Подолія, *К. М.*, Старосвѣтскіе батюшки и матушки, пов. *И. С. Левицкаго*, Смѣна народностей въ южной Руси, *И. Житецкаго*, и Дневникъ *П. Ханенки*.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к., за границу 11 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію «Кіевской Старины», Кіевъ, Трехсвятительская ул., д. № 8-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **О. Г. Лебединцевъ.**

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА X. 1884 г.

Сентябрь, 1884 г.

	СТР.
I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (Продолженіе). Ир. Житецкаго.	1
II. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА. (Окончаніе). П.	27
III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІА. Н. М.	53
IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. (Конецъ XVI главы и 1-й части)	82
V. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІА КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА. (Род. 1676 г., ум. 1727 г.). Съ предисловіемъ ум. проф. Ф. А. Терновскаго	104
VI. ЗАПОРОЖСКАЯ РЕЛЯЦІА О ПОВѢДѢ НАДЪ ТУРЕЦКИМЪ ФЛОТОМЪ ВЪ ДНѢПРОВСКИХЪ ГИРЛАХЪ.	129
VII. ПРЕДЛОЖЕНІЕ ГЕТМАНА МАЗЕНЫ КІЕВСКОМУ ВОЙТУ И МАГИСТРАТУ 1703 ГОДА. (О не утѣшеніи причта и прихожанъ успенской церкви г. Кіева). Сообщ. М. А. Андреевскій	132
VIII. БИБЛІОГРАФІА. а) П. И. Костомаровъ. Эялины Тавриды. Историческая драма въ 5 дѣйствій. Сиб. 1884 г.—В. Г.—ко.—б) Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в. (полтавской губерніи). И. Лучицкій. Кіевъ. 1884 г.—Дж. Багалъя.—в) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 40-й. Сиб. 1884 г.—П. Голубовскаго.—г) Фондуши и стипендіи виленскаго учебнаго округа. Справочное пособіе. Сост. Н. Юняцкій. Ч. 1. Выпускъ первый, Вильна. 1884 г.	137
IX. ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ: а) Краткія свѣдѣнія къ біографіи Владиміра Луквича Боровиковскаго.—Ис. Боровиковскіи.—б) Открытіе древ-	

- нихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ киево-софійскаго собора.—II. Л—ва.—в) Отрывочныя замѣтки о запорожской старинѣ.—А—ва.— Изъ воспоминаній священника о жизни и службѣ въ военномъ поселеніи.—Св. *Пр. Павловича*.—г) Великій грѣшникъ. (Сказка).— Сообщ. *Мих. Васильевъ*.—д) Поправка къ надписи на иконѣ въ селѣ Жукахъ.—Сообщ. *В. Е. Бучневичъ*.—е) Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи.—Сообщ. *А. Миркевичъ*.—ж) Къ портрету Ипатія Потѣя, киевскаго уніатскаго митрополита 155
- X. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАЩЕНКА. (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями *А. М. Лазаревскаго*. (Приложеніе) 81—96
- ПРИЛОЖЕНІЕ.—Портретъ Ипатія Потѣя, киевскаго уніатскаго митрополита.

Октябрь, 1884 г.

- О продолженіи изданія «Кіевской Старины» въ 1885 г.
- I. ИННОКЕНТІЙ ГИЗЕЛЬ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVIII вѣка). *Н. Ф. Сумцова*. 183
- II. ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О КІЕВѢ. П. Л—ва. 227
- III. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. (*Продолженіе*). *Н. М.* 254
- IV. СОФРОНІЙ ДОБРАШЕВИЧЪ, АРХИМАНДРИТЪ НОВОЙ СЕРБІИ. Архимандрита *Арсенія* 276
- V. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ШТУНДЫ НА ЮГѢ РОССИИ 305
- VI. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Извѣстіе о походеніи Слѣзона Степановича Пишчевича. 1731—1785 г. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей рос. при московскомъ университетѣ, подъ ред. дѣйств. члена Николая Попова. Москва, 1884 г. IV+561.—*В. Я.*—б) Русская историческая бібліотека, издаваемая археографическою комиссіею, томъ осьмій. С.-Петербургъ, 1884 г.—*О. Л.*—в) О родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. 1871 г., 8°. 157 стр. Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей. Кіевъ, 1884 г., 8°. 131 стр.—*А. Лазаревскаго*.—г) Сулимовскій Архивъ—фамиліальныя бужаги Сулими, Скорупня и Войцеховичей. Кіевъ, 1884 г. Издатель *А. Лазаревскій*.—*В. А.* 321
- VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) VI Археологическій съѣздъ въ Одессѣ.— б) Два случая изъ борьбы крестьянъ съ евреями за аренду казенныхъ земель.—*С—ва.*—в) Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ г. Полтавѣ.—Сообщ. *В. Е. Бучневичъ*.—г) Лимитація киево-братскихъ монастырей конца XVIII в. д) Дополнительное свидѣніе о

бывшихъ на ладожскомъ каналѣ козакагъ. — Сообщ. <i>Дж. Бакильй.</i> —	
е) Распродажа въ Вышневецкомъ замкѣ. — <i>В. Горленка.</i> — ж) Къ портрету Кирилла Терлецкаго. з) Поправка и объясненіе.	337
УШ. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (<i>Продолженіе</i>).	97—113
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Кирилла Терлецкаго.	

Ноябрь, 1884 г.

I. СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (<i>Продолженіе</i>). И. Житецкаго	371
II. ЦЕРКОВЬ И ВИЗАНТИЙСТВО. Ор. Миллера	419
III. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА А. Я. СТОРОЖЕНКА	447
IV. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА. (Род. 1676 г. ум. 1727 г.). (<i>Продолженіе</i>)	478
V. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ШТУПДЫ НА ЮГѢ РОССИИ. (<i>Продолженіе</i>). П. Л—ва	499
VI. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Д. Я. Самоковсовъ. Исторія русскаго права. Вып. II. Происхожденіе славянъ. Происхожденіе русскіихъ славянъ. Варшава. 1884 г. — <i>М.</i> — б) Исторія университета св. Владиміра. Сост. орд. проф. М. Ф. Владимірскій-Вудановъ. Т. I. Кіевъ, 1884 г. — <i>К. Пыбульскаго.</i> — в) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Частовича. Часть вторая. С. Петербургъ. 1884 г. — <i>Н. Мальшевскаго.</i> — г) Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія. Выпускъ I. Лазарь Баряновичъ. П. О. Сумцова. Харьковъ. 1885 г. — <i>О. И.</i>	509
VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи газетно-журнальнаго дѣла въ Кіевѣ. — <i>В. Мауменка.</i> — б) Давно забытая древнѣйшая кіевская свѣтъя. — в) Сосѣдственно-пріятельское письмо Богдана Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу. — г) Изъ письма въ редакцію о иѣмецко-хозяиной штундѣ. — <i>Бориса П—скаго.</i> — д) Еще объ одной портретѣ кисти Боровиковскаго. — <i>В. Чеважевскаго.</i> — е) Изъ народныхъ разсказовъ о кладѣ. — <i>О. Р. К—во</i> — ж) Отвѣтъ малороссійскихъ козаковъ украинскіихъ слобожанягъ. — з) Савраджика. (Пѣсня). — Сообщ. <i>Алекскій Грабини</i>	529
VIII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.) (<i>Продолженіе</i>).	113—128
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Декабрь, 1884 г.

	СТР.
I. СОФІЯ—ПРЕМУДРОСТЬ БОЖІЯ ВЪ ИКОНОГРАФІИ СЪВѢРА И ЮГА РОССІИ. П. Л—ва	555
II. ЕВРЕЙСКІЙ ДОКУМЕНТЪ О ПОСОЛЬСТВАХЪ СВ. ВЛАДИМИРА ДЛЯ ИЩЫТАНІЯ ВЪРЪ. Іоны Беркина.	585
III. СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ. (Повѣсть изъ быта укра- инскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). (Продолженіе). И. Ле- вицкаго	586
IV. СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВА- НОВИЧА КУРАКИНА. (Окончаніе).	621
V. КОБЗАРИ И ЛИРНИКИ. (Окончаніе). В. Горленка.	639
VI. ВОПЛЬ МАЗЕПЫ. Сообщ. С. Н. И.	658
VII. ПИСЬМА ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ Г. И. ЛИСАНКВИЧУ.	673
VIII. ДОКЛАДЪ ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II 1781 ГОДА. Сообщ. А. Ѡ. Кистяновскій.	693
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Французскій этюдъ о Мазепѣ. — В. Горленка. — б) Архивъ юго-зап. Россіи, изд. врем. комиссіею для разбора дре- внихъ актовъ. Часть первая. Томъ VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648). Кіевъ, 1883. — Н. Каманина. — в) А. А. Осдотовъ-Ческовскій. Акты греческаго вѣ- ликобратства. Кіевъ, 1884 года. — В. А. — г) Историч. матеріалы изъ архива кiev. губ. правленія. Выпускъ 7-й. Сост. ред. К. Г. Вѣ- домостей, А. Андріевскій. Кіевъ. 1884 годъ. — К. Цыбульская	704
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Два эпизода изъ слѣдовательской дѣя- тельности А. П. Стороженка. — Н. Стороженка. — б) Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетманской чести. — Ал. Андр. — в) Любопытный сбор- никъ документовъ въ Гадячѣ. — Николая Бакия. — г) Еще нѣс- колько словъ объ имуществѣ пр. Ираиды Фальковскаго. — А. Ти- това. — д) Эпизодъ изъ авторско-издательской дѣятельности Т. Г. Шен- чевка. — е) Памятникъ прежнихъ отношеній пасомыхъ къ своему архи- епастырю. — В. А. — ж) Заговоры на просо и пшеницу. — Сообщ. Н. Н. — з) Ура безъ двухъ буквъ. — Ивана П. Савченка. — в) Б. М. Марковичъ въ роли сельскаго педагога. — Б. Д—ри. — і) Пѣсня о сербѣ. — Сообщ. В. Истребовъ.	724
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ. ОБЪЯВЛЕНІЯ. БІБЛІОГР. ИЗВѢЩЕНІЕ.	

СОФІЯ—ПРЕМУДРОСТЬ БОЖІЯ ВЪ ИКОНОГРАФІИ СЪВѢРА И ЮГА РОССІИ.

Икона Софіи-премудрости Божіей, не встрѣчающаяся на православноѣмъ востокѣ и неизвѣстная православному западу, существуетъ во многихъ церквахъ Россіи, а преимущественно въ тѣхъ, которыя посвящены имени Софіи-премудрости Божіей. Отличаясь нѣкоторыми частностями въ своемъ составѣ, она имѣетъ два главныхъ вида или типа, въ иконахъ *новгородской* и *кіевской*.

Съ *новгородской* иконой Софіи-премудрости Божіей сходны иконы того же имени, находящіяся въ архангельскомъ и вологодскомъ софійскихъ соборахъ. Съ *кіевской* иконой сего имени сходна храмовая икона тобольскаго софійскаго собора. Всѣ прочія иконы Софіи-премудрости Божіей, находящіяся въ различныхъ храмахъ Новгорода, Москвы и другихъ великороссійскихъ городовъ, представляютъ собою варианты храмовой иконы новгородскаго софійскаго собора съ разными добавленіями, иногда довольно неудачными. Находя извѣстнымъ вдаваться въ исчисленіе оттѣнковъ иконы Софіи-премудрости Божіей, измышленныхъ нашими иконописцами XVI и XVII вѣка, остановимъ вниманіе на двухъ главныхъ ея видахъ: на храмовыхъ иконахъ новгородскаго и кіевского каедральныхъ соборовъ.

Въ новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей на первомъ планѣ представляется челоѣкообразная фигура юношескаго возраста, подобная ангелу, съ длинными, раздѣленными на двое волосами, спускающимися до плечъ въ видѣ локоновъ, и съ большими крыльями. Вся фигура и ея крылья краснаго или огненнаго цвѣта. Одѣта

она въ царскій хитонъ или саккосъ, съ омофоромъ и бармами поверхъ саккоса; на головѣ ея вѣнецъ съ городами, въ правой рукѣ длинный жезлъ съ крестомъ всерху, а въ лѣвой—свитокъ. Она возсѣдаетъ на византійской подушкѣ золотого престола, который поддерживается 7-ю столбиками и 4 ножками, ноги ея покоятся на малой круглой подушкѣ. По сторонамъ огнесрачной фигуры, на отдѣльныхъ квадратныхъ подставкахъ, предстоятъ въ наклонномъ положеніи: справа св. Дѣва съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на кругломъ дискѣ, держимомъ у груди обѣими руками; съ лѣвой стороны—св. Іоаннъ Предтеча въ власяницѣ и хламидѣ, съ поднятой для моленія правой и съ опущенной внѣзь лѣвой рукой, которою онъ держитъ развернутый свитокъ. Надъ головой огнесрачной фигуры, въ маломъ кругѣ, на лучезарной звѣздѣ, поясной образъ Спасителя, который благословляетъ обѣими руками на обѣ стороны. Вше Спасителя, во всю ширину иконы, радуга украшенная рядомъ звѣздъ, а посреди ея—престоль, на которомъ лежитъ книга; предъ престоломъ скамейка съ приклоненными къ престолу восьми-конечнымъ крестомъ и копьемъ—орудіями Христовыхъ страданій.

Кіевская икона Софіи-премудрости Божіей изображаетъ св. Дѣву съ воздѣтыми горѣ руками и съ младенцемъ Іисусомъ въ ея лонѣ. Св. Дѣва стоитъ подѣ 7-столбною сѣбью или ротондою на серповидной лувѣ, поддерживаемой облакомъ, подѣ коимъ большой амвоиъ о 7-ступеняхъ. На первой, нижней ступени амвона написано Вѣра, на 2-й Надежда, 3-й Любовь, 4-й Чистота, 5-й Смирніе, 6-й Благодать, на 7-й Слава. По ступенямъ того-же амвона стоятъ праотцы и пророки: справа—Моисей, Ааронъ и царь Давидъ; слѣва—Исаія, Іереміа, Іезекииль и Даниилъ, каждый съ символическимъ знакомъ и хартіей въ рукѣ. На 7-столбахъ ротонды, въ кругахъ подѣ кащителямъ коринтскаго ордена, изображены въ иѣникахъ эмблемы 7 даровъ св. Духа съ соответствующими надписями изъ Апокалипсиса. По карнизу сѣни строчная надпись: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столбовъ семь». Надъ сѣбною или ротондою изображены въ лучахъ: Богъ Отецъ благословляющій и подѣ нимъ св. Духъ, въ видѣ голубя, въ свѣтозарномъ облакѣ. По сторонамъ отъ Бога Отца 7 крылатыхъ ангеловъ, поддерживаемыхъ облаками, справа: Михаилъ, Уриилъ и Рафаилъ; слѣва—

Гавріилъ, Салафіилъ, Іегудіилъ и Варахіилъ съ символическими знаками въ рукахъ.

О новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей имѣется уже довольно полное изслѣдованіе г. Филимонова, помѣщенное въ Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства за 1874 годъ. Г. Филимоновъ въ своемъ изслѣдованіи 1) говоритъ, что существованіе иконографическихъ элементовъ этой иконы усматривается еще въ XI вѣкѣ и полагасть, что новгородская икона Софіи есть одна изъ древнѣйшихъ по составу иконъ въ Россіи и сама собою древнѣйшая редакція иконъ этого имени; 2) признавая эту икону символическою, онъ утверждаетъ, что въ ней олицетворена премудрость въ видѣ *женноподобной фигуры*, иначе сказать богини, а все прочее въ этой иконѣ составляетъ дополненіе, сдѣланное уже въ смыслѣ христіанской церкви для выраженія того, что Христосъ есть божественная премудрость. Что въ составъ новгородской Софіи вошли элементы иконописи XI вѣка, это очевидно для всякаго сколько нибудь знакомаго съ иконописными формами восточной церкви, но гдѣ именно взяты эти элементы и когда изъ нихъ образовалась икона, получившая въ Новгородѣ названіе Софіи-премудрости Божіей,—на этотъ естественный вопросъ у г. Филимонова нѣтъ хотя сколько нибудь близкаго отвѣта. Если-бы эта икона произошла въ XI вѣкѣ или раньше XI вѣка, то по всей вѣроятности она могла бы сохраниться и въ церквахъ восточныхъ, по крайней мѣрѣ могли бы сохраниться о ней какія-нибудь извѣстія у греческихъ или у нашихъ писателей. Но ни иконъ сего рода, ни извѣстій о нихъ не было и нѣтъ до XVI вѣка. Очевидно, что новгородская икона Софіи-премудрости Божіей не изъ древнѣйшихъ иконъ въ Россіи. Что касается происхожденія центральной фигуры на новгородской иконѣ Софіи-премудрости Божіей, то, намъ кажется, трудно представить, чтобы кто нибудь изъ христіанъ XI вѣка дерзнулъ изображеніе какой нибудь музы или языческой богини выдавать за ликъ святой, достойный имѣть мѣсто въ храмѣ христіанскомъ. Всякая попытка въ этомъ смыслѣ была-бы отвергнута на востокѣ, такъ какъ символическія изображенія воспрещены VI вселенскимъ соборомъ, почему воспрещено было даже символическое изображеніе Христа въ видѣ агнца. Несомнѣнно, что икона Софіи-премудрости Божіей впервые стала извѣстной только у насъ въ Россіи,

и первое извѣстіе о пей относится къ 1528 году, когда новгородскій архіепископъ, въ послѣдствіи московскій митрополитъ, Макарій расположилъ въ новомъ порядкѣ иконы икопостаса въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ. Въ Москвѣ центральная фигура новгородской иконы Софіи, изображающая Спасителя въ видѣ ангела съ крыльями, появляется въ половинѣ XVI вѣка, когда послѣ пожара, опустошившаго московскія церкви, иконники, вызванные митрополитомъ Макаріемъ изъ Новгорода, стали писать въ московскихъ церквяхъ иконы въ такъ называемыхъ притчахъ, олицетворяя въ нихъ содержаніе нѣкоторыхъ церковныхъ стиховъ. Таковыми были изображенія: 1) *Богъ Отецъ въ видѣ ветхаго дѣла*, 2) *Троицкое дѣланіе*, 3) *Ночи Бога отъ дѣлъ своихъ*, 4) *Сынъ пречистый*, гдѣ Господь Иисусъ Христосъ изображенъ возсѣдающимъ на херувимахъ съ крестомъ въ лонѣ Отца; 5) *Богъ Саваоѣъ, изливающей изъ сосуда на Христа, стоящаго въ херувимѣхъ на крылѣхъ*, 6) *Дуга святый въ видѣ юлубя* и 7) о Адамовомъ сотвореніи, гдѣ *Сынъ Божій* представленъ *въ видѣ ангела съ крыльями*. Появленіе такихъ изображеній было новостію для Москвы и произвело даже волненіе въ народѣ подъ влияніемъ рѣчей дьяка Висковатого. Висковатый «о тѣхъ иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопиалъ и возмущалъ народъ православныхъ крестьянъ, въ соблазнъ и поношеніе многимъ», утверждая, что иконники «поставили свои мудрорадія, толкующе отъ притчъ». Особенно ему казалось несообразнымъ изображеніе Сына Божія въ видѣ ангела съ крыльями. Онъ думалъ даже, не скрывается ли въ изображеніи Сына Божія *въ видѣ ангела съ крыльями* еретическая мысль, будто Сынъ Божій принадлежитъ къ числу служебныхъ духовъ. Митрополитъ отвѣчалъ Висковатому, что живописцы изображаютъ Сына Божія въ видѣ ангела по пророчеству о немъ Исаіи, который называетъ Его *Ангеломъ велика совета, Богомъ критикимъ* и проч., и что они писали по древнимъ образцамъ Аона, Греціи, Новгорода.

Ссылка м. Макарія на новгородскіе образцы показываетъ, что онъ разумѣлъ здѣсь новгородскую икону Софіи-премудрости Божіей, которой не могъ не знать, бывши предъ тѣмъ новгородскимъ архіепископомъ. Если изображеніе Сына Божія въ видѣ крылатого ангела, которое составляетъ главную фигуру въ новгородской иконѣ Софіи, не было извѣстно въ московской Руси до половины XVI в.,

если появленіемъ своимъ въ Москвѣ оно возбудило даже толки и недоумѣнія; то нѣтъ сомнѣнія, что икона эта не особенно древняго происхожденія. Откуда-же взяты и какъ перенесли къ намъ тѣ византийскіе элементы, изъ которыхъ составлена новгородская икона Софій-премудрости Божіей?

Въ этой иконѣ можно различать двѣ главныя части: 1) центральную фигуру въ видѣ огненного ангела съ крыльями и 2) дополненія къ ней, состоящія изъ дуги, престола, книги на немъ и изъ двухъ фигуръ, находящихся вправо и влѣво отъ центральной фигуры—Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи. То, что составляетъ въ этой иконѣ дополненіе, мы встрѣтили въ описаніи мозаикъ константинопольской Софій, едѣлаиномъ при послѣдней реставраціи Зальценбергомъ. Здѣсь сказано: если идти съ запада къ востоку внутри храма св. Софій, то на дугѣ 2-й пары главныхъ устоевъ представляется медальонъ въ 6-вершковой рамѣ изъ радужныхъ цвѣтовъ, а въ медальонѣ золотой, на низкихъ ножкахъ, стоить подъ синимъ покровомъ, отороченнымъ бѣлой бахромой; на столѣ—золотая книга въ красноватомъ переплетѣ, а поверхъ книги золотой крестъ пзъ трехъ перекладинъ, изъ коихъ средняя длиннѣе прочихъ двухъ. По спускамъ дуги, вправо—цѣльная фигура Іоанна Предтечи съ длинными, спускающимися по плечамъ волосами и съ раздвоенной бородой, въ одеждѣ изъ бурой косматой кожи, прикрытой платомъ свѣтлаго цвѣта, перекинутымъ чрезъ плечо; влѣво, на сѣверномъ устоѣ, противъ Іоанна Предтечи—Дѣва Марія съ простертыми впередъ дланями. Обѣ фигуры представлены въ движеніи къ центру». И такъ здѣсь, на одной изъ аркъ константинопольской Софій, почти все, чѣмъ обставленъ ликъ огнезрачной крылатой фигуры на иконѣ новгородской Софій. Недостааетъ только медальона съ ликомъ благословляющаго Спасителя. Но какъ извѣстно, что Спаситель въ этомъ видѣ всегда, въ древности, помещался на плафонѣ свода, между дугой конхи и дугой восточной пары устоевъ, и по всей вѣроятности былъ также изображенъ и на плафонѣ константинопольскаго Софійскаго храма, то для царградскаго иконника интересно было скопировать и этотъ ликъ, чтобы помѣстить его подъ радужной дугой медальона, измѣнивъ только положеніе фигуры Спасителя изъ горизонтальнаго въ прямое. Перенеся все это на доску или на полотно, оставалось еще чѣмъ-

нибудь наполнить пустое пространство въ средній арки. Естественно, въ престолѣ съ книгой на немъ усматривалось изображеніе премудрости Божіей, по златый престолъ и разноцвѣтная дуга вмѣстѣ могли воспроизвести въ воображеніи иконопика символическій лѣвъ, описанный въ 4-й главѣ Апокалипсиса такъ: *«и видѣхъ иного ангела крылка, сходяща съ небесе, и дуга надъ главою его яко солнце, и нозѣ его яко столбы огненны (гл. 10, ст. 1); се престолъ стояше на беси и на престолъ сядящъ. И сядящъ бѣ подобенъ видѣніемъ камени іапису и сардинови, и бѣ дуга окрестъ престола подобна видѣніемъ смарагдови (гл. 4, ст. 2). Видѣніе Даліла могло напомнить изографу видѣнный пророкомъ престолъ Ветхаго денъми, *аки пламень огненный (7, 9)*, и припомнить ему сродное видѣніе тайновидца Іоанна, которому видѣлся *на облацяхъ сядящъ — подобенъ Сыну человеческому, и мѣяя на главѣ своей вѣнцы златъ (Апок. 14, 14)*. Если изографъ знакомъ былъ съ памятниками христіанской древности, то ему могло быть безъизвѣстнымъ, что на древнихъ христіанскихъ саркофагахъ между фигурами трехъ отроковъ, брошенныхъ въ вавилонскую печь, помѣщалось четвертое лице, одной рукой благословляющее, а въ другой держащее свитокъ, которое при иллюстраціи красками должно было представляться огненнымъ, какъ отражавшее на себѣ лучи пылавшаго въ печи пламени. Изографъ стараго времени, безъ сомнѣнія, зналъ церковныя службы, поэтому ему, конечно, также извѣстна была церковная лѣснь праздника Срѣтенія Господня: *«На престолѣ неизреченнымъ сядящъ со Отцемъ и божественнымъ Духомъ благоволихъ еси родитися на земли отъ отрововицы, неускусомужныя твоя Матере»*. Нельзя также думать, чтобы знакомый съ востокомъ и съ иконографіей св. Софіи константинопольской изографъ не зналъ, что Софія, которой посвященъ знаменитый Юстиніановъ храмъ, есть воплощенная премудрость, Сынь Божій, Іисусъ Христосъ, предвозвѣщенный у пророковъ подъ именемъ *ангела велика соотъи, властелина, Ели-же начальство на рамьхъ Ели. (Иса. 9, 6. 7)*. Такимъ образомъ у церковнаго изографа могли быть въ виду всѣ элементы, усматриваемые въ деталяхъ центральной огнезричной фигуры на новгородской иконѣ Софіи—премудрости Божіей, а потому не было ему никакой надобности обращаться къ античнымъ, языческимъ элементамъ для представленія воплощенной премудрости Божіей въ образѣ болѣе выразительномъ, чѣмъ книга на златомъ престолѣ,*

находившаяся вверху арки Софійскаго храма. Желая представить эту премудрость въ живомъ, воодушевленномъ образѣ, оны пользовался не языческими, а библейскими элементами и олицетворил ее въ видѣ ангела съ жезломъ въ одной и съ свиткомъ въ другой рукѣ. Такъ какъ чудное отроча, сынъ будущаго вѣка, у пророка называется не только ангеломъ велика совѣта, но и *властиномъ, княземъ мира, владычествомъ коего на раменахъ Ею* (Иса. IX, 6—7) и коего царствованію на престолѣ Давида пѣтъ предѣла; то икографъ, соотвѣтственно сему, одѣлъ его въ царскую одежду, возложилъ на главу его вѣнецъ, а на плечи царскія бармы и посадилъ на царскомъ, огневрачномъ престолѣ. Отъ огневрачнаго престола огненный отблескъ долженъ былъ отразиться не только на фигурѣ возсѣдающаго ангела, но и на близкихъ къ нему ликахъ Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи. Шесть ангеловъ, благоговѣнно преклонившихъ по обѣ стороны стола, на которомъ вверху арки лежитъ книга, обычный символъ премудрости, составляютъ дополненіе картины, которое, вѣроятно, было нѣкогда на той-же аркѣ въ храмѣ Софій, но не уцѣлѣло до нашего времени. Таково по нашему мнѣнію происхожденіе и таковъ смыслъ новгородской иконы Софій—премудрости Божіей. Въ центрѣ ея находится не античное, а библейское олицетвореніе премудрости. Это не женское, но и не мужское лице; это не св. Дѣва, а воплощенная премудрость, Господь Іисусъ Христосъ въ видѣ ангела поваго завѣта, облеченный атрибутами царской власти, а рамой этой картинѣ служатъ изображенія, скопированныя съ одной изъ аркъ константинопольскаго храма св. Софій.—Вопросъ о томъ, когда составлена новгородская икона Софій, разрѣшается отчасти временемъ самыхъ мозаикъ на 2-й этажъ цареградской Софій. Мозаики эти принадлежатъ императору Іоанну Палеологу (1355—1424 г.). Онъ исправлялъ ветхости Юстиніанова храма и добавилъ въ немъ нѣсколько мозаическихъ изображеній, которыя отличаются отъ древнѣйшихъ VI вѣка мозаикъ менѣе строгими позами фигуръ, меньшимъ совершенствомъ въ ихъ выполненіи и характеромъ самаго шрифта подписей на фигурахъ Божіей Матери и Іоанна, переходящихъ въ скоропись. Подъ фигурой Божіей Матери здѣсь—на слухъ арки изображенъ и самъ императоръ Іоаннъ Палеологъ. Слѣдовательно новгородская икона Софій могла быть составлена не раньше 2-й

половины XIV в. и не позже 1-й половины XV вѣка, въ которомъ Константинополь взятъ турками. Этимъ временемъ, довольно позднимъ въ иконографіи византійской, объясняется и *осьмиконечіе* креста, приклоненнаго въ клигѣ, лежащей поверхъ престола на аркѣ. Изображеніе такого креста имѣется въ Аѳонскомъ Ватопедскомъ монастырѣ на иконѣ св. апостоловъ Петра и Павла, съ подписью, что икона эта есть приношеніе Андроника, благочестиваго царя Палеолога (1282—1341 г.). Тамъ-же находится большой запрестольный осьми-конечный крестъ, бывший у насъ въ Россіи не малое время при Иванѣ Васильевичѣ IV и слывшій подъ именемъ креста Константинова, но никакъ не принадлежащій его времени, и который по всей вѣроятности послужилъ поводомъ къ особенному чествованію осьми-конечнаго креста въ сѣверо-восточной Руси, дошедшему у раскольниковъ до порицанія древнѣйшаго креста, четвероконечнаго. Изображеніе апостола Петра съ ключами на андрониковой иконѣ показываетъ достаточно, что какъ эта икона, такъ и изображенный на ней 8-конечный крестъ не чисто византійскаго происхожденія, а составлены подъ вліяніемъ западнаго, италіанскаго искусства. Въ Новгородѣ икона Софіи, какъ сказано выше, была уже въ 1528 году, когда новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ сдѣлано перестроеніе иконостаса новгородскаго софійскаго собора и новое размѣщеніе въ немъ иконъ. Но замѣчательно, что новгородская лѣтопись, передавая извѣстіе объ этомъ, не причисляетъ икону Софіи къ цареградскимъ иконамъ. Установленіе новгородскимъ архіепископомъ Геспадіемъ въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ нарочитаго празднества только въ день Успенія Божіей Матери, съ крестнымъ ходомъ изъ всѣхъ новгородскихъ церквей и отъѣздомъ подобныхъ торжествъ съ крестными ходами, бывшихъ дотолѣ во всѣ дванадцатые праздники, послужило въ XVI вѣкѣ основаніемъ считать день Успенія Божіей Матери храмовымъ праздникомъ новгородскаго софійскаго собора и дало поводъ видѣть уже на иконѣ Софіи-премудрости Божіей не ангела, а жемчужный идеаль пріснодѣвства Божіей Матери. Затѣмъ являются въ Новгородѣ и толкованія Софіи-премудрости Божіей, въ которыхъ говорится, что образъ премудрости Божіей Софіи «проявляетъ собою Пресвятая Богородица не изглаголазнаго дѣвства чистоту; имать же дѣвство лице дѣвче огненно... и надъ главою имѣеть Христа

и на высотѣ простерты небеса». Детали огневидной фигуры, сидящей на престолѣ, какъ то: царскій вѣнецъ, огненные крылья, свитокъ, препоясаніе, семь столбовъ престола, подножный камень толкуются также въ примѣненіи къ дѣвству вообще и къ дѣвству Пресвятыя Богородицы въ частности. Но въ службѣ Успенію Божіей Матери, совершаемой въ повгородскомъ софійскомъ храмѣ въ этотъ праздникъ, между пѣснями въ честь Успенію Богородицы помѣщено немало стихирь, въ которыхъ понятіе о Софій-премудрости Божіей двоятся: подъ нею разумѣется то Иисусъ Христосъ—Упостасное Слово Божіе, то Богоматерь въ отношеніи къ тайнѣ воплощенія и своему присподѣвству.

Кіевской иконы Софій-премудрости Божіей г. Филимоновъ усвояетъ позднѣйшее происхожденіе, относя составъ ея лишь къ XVIII в. Положимъ, что древнихъ иконъ, совершенно сходныхъ съ кіево-софійскою, не сохранилось у насъ въ Россіи, и находящаяся нынѣ въ числѣ намѣстныхъ иконъ храмовая икона кіево-софійскаго собора дѣйствительно принадлежитъ половинѣ XVIII вѣка. Но въ московской Благовѣщенской церкви на Березкахъ, по сообщенію самаго-же г. Филимопова, до 1849 года была замѣчательная икона Софій-премудрости Божіей кіевского митрополита Варлаама Ясинскаго не позже 1707 года, въ которомъ онъ умеръ, сторѣвшая въ Гуслицкомъ монастырѣ вмѣстѣ съ другими древними иконами, собранными туда изъ московскихъ церквей. Совершенно сходная съ кіевскою, храмовая икона Тобольскаго софійскаго собора принадлежитъ XVII вѣку. Сопровождавшій антиохійскаго патріарха Макарія въ 1654 г. діаконовъ Павелъ видѣлъ въ кіево-софійскомъ соборѣ храмовую икону Софій-премудрости Божіей, которая по его описанію, въ главномъ совершенно сходна съ нынѣ находящеюся на томъ-же мѣстѣ. Извѣстно также, что еще раньше сего митрополитъ кіевскій Петръ Могила послалъ царю Михаилу Оедоровичу на благословеніе икону Софій-премудрости Божіей. Наконецъ, авторъ синодальной рукописи, приводимой г. Филимоновымъ, монахъ Ефимій XVII вѣка, сказавши, что приличнѣе писать св. Софію воплощеннаго Христа Бога, добавилъ: «якоже и видится пишемый образъ св. Софійи, по пророчеству мудраго ~~Благовѣщаго, еста~~ и муну вънутрь Христа и столты седмъ и надъ столпами Духъ ~~Свѣтлый~~ въ голубини образъ». Хотя монахъ Ефимій, конечно, имѣлъ при

этомъ въ виду не кіевскую икону, а новгородскія такъ называемыя крестныя иконы Софіи-премудрости Божіей, изъ коихъ одна находится въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ, а другая въ крестовоздвиженской церкви Юрьева монастыря, а также новгородскую софійскую икону, извѣстную подъ названіемъ «Отрыгну сердце мое»; по замѣчаніе его въ равной мѣрѣ можно относить и къ кіевской иконѣ Софіи. Кромѣ того, архитектурная часть вышеупомянутыхъ новгородскихъ иконъ, а въ особенности крестной, таже, что и въ кіевской иконѣ Софіи; почему эти иконы можно считать особыми редакціями кіевской. Новгородскія иконы отличаются отъ кіевской иконы Софіи только тѣмъ, что на нихъ Спаситель изображенъ не въ лонѣ Богоматери, а на крестѣ, изображеніе Бога Отца вверху св. Духа замѣняется образомъ благословляющаго обѣими руками Спасителя и святые стоятъ группами не по ступенямъ семи-столпной сѣни, а по ея бокамъ, однѣ надъ другими¹⁾. На иконѣ «Отрыгну сердце мое» есть почти все, что и въ кіевской: только Спаситель представленъ не въ видѣ младенца, а въ совершенномъ возрастѣ, воссѣдающимъ на тронѣ между двумя архангелами, подобно Богоматери на Влахернской иконѣ, и пѣтъ 7-столпной сѣни. Въ особенности замѣчательно, что на послѣдней иконѣ изъ устъ Спасителя испадають внизъ на пораженныхъ людей лучи, которые оканчиваются надписью: «людіе предъ тобою падуть въ сердце врагъ царевыхъ»; ибо нѣчто подобное сему, по описанію діакона антиохійскаго Павла, въ XVII в. было и на кіевской иконѣ св. Софіи, именно: на ней, подъ семи-столпною сѣнію, былъ изображенъ «драконъ, держащій лукъ и стрѣлы, а вокругъ его персѣяне съ луками и стрѣлами и группа франковъ съ пушками и мушкетами», т. е. было изображено сатанино воинство, воинствующее на церковь. По его же описанію на одной изъ сѣверныхъ дверей кіево-софійскаго собора были изображены Софія и св. Духъ, отъ котораго падають лучи на церковь, и представляла борьба персѣяль съ франками, которые стрѣляютъ изъ пушекъ и мушкетовъ противъ франковъ, вооруженныхъ луками. При такомъ сходствѣ съ кіевской иконой Софіи новгородскихъ иконъ тогоже имени, котормя г. Филимо-

¹⁾ На иконѣ новгородскаго Юрьева монастыря есть и символы 7-ми даровъ св. Духа, и Вѣра, Надежда, Любовь.

новъ относить къ XVI в., надлежало-бы къ тому-же XVI в. причислить и первую изъ нихъ, т. е. кievскую. Но есть основаніе думать, что кievская икона Софiи-премудрости Божіей еще древнѣе, потому что входящiе въ составъ ея элементы находятся на иконахъ того-же имени древнѣйшихъ XVI вѣка. Такъ храмъ, украшенный 7 колоннами, съ Богоматерью и Предвѣчнымъ при ней Младенцемъ въ кругѣ, изображенъ на иконѣ Премудрости, принадлежащей графу Уварову¹⁾ и относящейся къ XV в.; все отличіе ея отъ кievской иконы состоитъ въ томъ, что храмъ этотъ не въ видѣ сѣни, а въ формѣ древней базилики; въ семи кругахъ, выше главы Богоматери, не 7 даровъ св. Духа, а 7 духовъ въ три ряда, одинъ надъ другимъ, и Богоматерь не стоитъ, а сидитъ на тронѣ, выраво отъ колопнады. Такъ графу Вантi во Франціи принадлежитъ русская икона XV вѣка, содержаніе коей «Премудрость созда себѣ домъ», «зробленная», какъ гласитъ надпись на ней, повелѣніемъ благовѣрнаго князя Осодора Иваловича Ярославича, пипскаго князя, за которымъ была дочь кievскаго князя Симеона Ольельковича († 1471 г.)²⁾. Въ константинопольской патріаршей церкви, на 2-й колоннѣ отъ алтаря, находится поступившая сюда съ Аѳона или изъ константинопольской сербской церкви 1521 года, икона Премудрости, на коей Божія Матерь изображена съ младенцемъ Исусомъ на рукахъ, съ предстоящими ей по правую сторону Соломономъ и Давидомъ, а по лѣвую Давидомъ и Исаіею, изъ коихъ у каждаго въ рукѣ свитокъ и на свиткѣ Соломона слова: *Премудрость созда себѣ домъ* и проч. Изображеніе Божіей Матери съ младенцемъ Исусомъ, не держимымъ на рукахъ, а только предъявляемымъ міру въ ся лопѣ, было въ употребленіи и на печатяхъ константинопольскихъ патріарховъ, какъ символъ каѳедральнаго ихъ храма Премудрости Божіей, въ центрѣ котораго, на запрестольной стѣнѣ, находилось такое-же мозаическое изображеніе, уцѣлѣвшее до нынѣшняго времени. Такое-же изображеніе употреблялось и употребляется нынѣ на печатяхъ кievскихъ митрополитовъ, съ добавленіемъ семъ-столпной сѣни.

¹⁾ Древности, изд. Моск. археол. общ. Москва 1867 г. сент.—окт.

²⁾ *Melanges d'Archéologie* въ статьѣ г. Флямполова о Софiи-премудрости Божіей.—Вѣстн. древне-рус. искусства, 1874 г. 1—3.

Послѣ этихъ историческихъ указаній на древность главныхъ составныхъ частей кіевской иконы Софіи-премудрости Божіей еще остается открытымъ вопросъ, которая икона этого имени древнѣе, кіевская или новгородская.

На кіевской иконѣ, изображающей Иисуса Христа въ лонѣ св. Дѣвы, выражено воплощеніе Сына Божія. Но, всмотрѣвшись внимательно въ составъ этой иконы въ томъ видѣ, какъ она была въ XVII вѣкѣ, нужно признать, что въ пей вмѣстѣ съ тайной премудрости, явленной въ воплощеніи Сына Божія отъ Дѣвы, представлено и апокалипсическое видѣніе о борьбѣ сѣмени жены съ дракономъ. Въ Апокалипсисѣ тайновидецъ пишетъ, что въ видѣніи ему показалась на небѣ *«жена облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнчикъ изъ 12 звѣздъ. Предъ этой женой, которой надлежало родить, былъ драконъ съ 7 головами и съ 9 рогами. Жена родила Сына, которому надлежало пасти весь народъ жезломъ жезлытымъ. Драконъ преслѣдуетъ жену, которая родила Сына, и даны женѣ два крыла, чтобы она летѣла въ пустыню. И вступилъ драконъ въ брань съ прочими отъ сѣмени жены, сохраняющими заповѣди Божія и имѣющими свидѣтельство Христово»* (Апок. XII, 1, 3, 5, 13, 14, 17).

Все сказанное въ этихъ стихахъ 12 главы Апокалипсиса дѣйствительно было на кіево-софійской иконѣ Софіи-премудрости Божіей. Хотя въ нынѣ существующей иконѣ сего имени недостаетъ вѣнца изъ 12 звѣздъ вокругъ главы Богоматери, нѣтъ уже и 7-главаго дракона, но такой вѣнецъ сохранился на древнѣйшей ея копіи—храмовой иконѣ тобольскаго софійскаго собора и въ рельефномъ изображеніи той-же Софіи-премудрости Божіей на окладѣ евангелія, подареннаго кіево-софійскому собору пресвященнымъ Стефаномъ, митрополитомъ рязанскимъ, въ 1703 году. Седмиглавый драконъ, какъ выше упомянуто, былъ на кіево-софійской иконѣ ниже 7-столпной сѣли, при обзорѣніи кіево-софійскаго собора въ 1653 г. діакономъ Павломъ. Тотъ-же 7-главый драконъ находился подъ ногами Божіей Матери, изображенной въ видѣ крылатой жены съ младенцемъ въ лонѣ, на кіевской иконѣ Софіи конца XVII в., бывшей въ московской церкви на Встрѣжкахъ.

Итакъ мы приходимъ къ слѣд. заключеніямъ: 1) Ни въ новгородской, ни въ кіевской иконѣ Софіи-премудрости Божіей нѣтъ

никакихъ античныхъ элементовъ, заимствованныхъ изъ греческаго или римскаго языческаго міра, и потому отвергаемъ предположеніе, будто центральная фигура въ иконѣ Софїи-премудрости Божіей первоначально была олицетвореніемъ идеи мудрости вообще, въ видѣ дѣвы или музы. 2) Въ новгородской и въ кіевской иконѣ Софїи главное лице есть Сынъ Божій Іисусъ Христосъ, воплощенная премудрость Божія, второе лице св. Троицы; разность лишь въ томъ, что на новгородской иконѣ Онъ представляетъ въ видѣ ангела великаго собѣта, а на кіевской—въ видѣ младенца, покоющагося въ лонѣ св. Дѣвы. 3) Составъ той и другой иконы XVI вѣка, а ихъ элементы принадлежатъ болѣе древнему времени. 4) Кіевская икона Софїи съ младенцемъ Іисусомъ въ лонѣ Божіей матери, стоящей посреди седмистолной сѣни, образовалась не подъ западнымъ, а подъ библейскимъ вліяніемъ. 5) Сличеніе новгородской иконы Софїи-премудрости Божіей съ кіевскою иконою того-же имени нисколько не дастъ повода согласиться съ г. Филимоновымъ, что во время появленія этихъ иконъ, въ XVI вѣкѣ, преобладало православіе на сѣверѣ болѣе, чѣмъ на югѣ Россіи.

П. Л—въ.

ЕВРЕЙСКІЙ ДОКУМЕНТЪ

О ПОСОЛЬСТВАХЪ СВ. ВЛАДИМИРА ДЛѢ ИСПЫТАНІЯ ВѢРЬ.

Бывшій одесскій генералъ-губернаторъ и предсѣдатель одесскаго археологическаго общества князь Воронцовъ предложилъ въ 1839 г. еваторійскимъ караимамъ (черезъ симферопольскаго губернатора Муромцева) нѣсколько вопросовъ, касавшихся ихъ происхожденія, времени переселенія въ Крымъ и пр. Еваторійскіе караимы обратились къ своему общественному учителю Аврааму Фирковичу, изучавшему караимскія древности и долго путешествовавшему по Востоку, съ просьбой отыскать у древнѣйшихъ караимскихъ общинъ Крыма рукописи, надгробныя надписи и другіе документы, могущіе служить отвѣтомъ на предложенныя вопросы.

Согласно съ этой просьбой, Фирковичъ предпринялъ тогда свое первое путешествіе по Крыму и Кавказу, во время котораго онъ собралъ коллекцію изъ 110 различныхъ документовъ. Въ 1856 году Авраамъ Фирковичъ, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Гаврииломъ Фирковичемъ, совершилъ второе путешествіе по Крыму, а въ 1863 году одинъ старшій Фирковичъ—по Востоку.

Плодомъ всѣхъ этихъ путешествій, неутомимыхъ трудовъ, стараний и расходовъ было огромное собраніе рукописей священныхъ книгъ, разныхъ караимскихъ и раввинскихъ писателей, масса приписокъ и свитковъ съ надгробныхъ памятниковъ — неоцѣнимый матеріалъ для исторіи еврейской литературы, библейской хронологіи, семитической палеографіи и древней этнографіи южной Рос-

сін ¹⁾). Большая часть этого собранія составляетъ теперь собственность С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотеки и одно изъ лучшихъ ся сокровищъ, особенно восточнаго отдѣла ²⁾).

Въ бытность свою на Кавказѣ, въ 1840—41 г., А. Фирковичъ узналъ отъ стараго раввина въ Дербентѣ, что евреи близъ-лежащаго села Маржелисъ съ давняго времени скрыли въ южной стѣнѣ своей старой синагоги нѣкоторые историческіе документы; послѣ долгихъ поисковъ, Фирковичу наконецъ удалось открыть въ ноябрѣ 1840 г. пергаменный свитокъ въ 13 вершковъ длины и 3 1/2 ширины ³⁾; на этомъ свиткѣ, составляющемъ теперь собственность Императорской Публичной Библіотеки, находится слѣдующая приписка: ⁴⁾

«Когда я пришелъ въ село Тагъ-Базаръ, вблизи Дербента, то нашелъ у Маръ-Иосифа ⁵⁾, сына Бахши, текстъ путешествій Іегуды, сына Моисея Мизрахы, скопированный Авраамомъ, сыномъ Симхи Гасфарды, съ приписки къ древнему свитку пятикнижія въ Гамаданѣ. Я скопировалъ (это) для себя въ 5273 г. по сотвореніи (1513 по Р. Х.) во вторникъ, 5-го числа мѣсяца Сиванъ» ⁶⁾

Затѣмъ слѣдуетъ приписка вышеупомянутаго Авраама, сына Симхи Гасфарды, слѣдующаго содержания:

«Я—одинъ изъ вѣрпо предавшихъ Израилю ⁷⁾ Авраамъ, сынъ Маръ-Симхи изъ города Сафарадъ (⁸⁾; Босфоръ, Керчь; см. ниже) изъ царствъ братьевъ нашихъ, благочестивыхъ прозелитовъ Хазаръ, былъ въ 1682 г. послѣ изгнанія нашего, т. е. 4746 г. по сотворе-

¹⁾ 18 еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма проф. Хвольсона (въ I томѣ Сборника статей по еврейской исторіи и литературы), Спб. 1866 г., стр. 1—2; см. также отчетъ д-ра Штерна.—Записки одес. об. ист. и древ. ч. I, стр. 640—49. Одесса. 1844 г.

²⁾ Прилож. къ «Гашарелю». 1863 г., № 24; «День». 1870 г., № 8.

³⁾ Хвольсонъ, *ibid.*, стр. 68.

⁴⁾ Обычай писцовъ дѣлать приписки къ переписываемыхъ ими книгамъ, какъ извѣстно, существовалъ и у насъ; см. напр. Опис. рук. Румян. муз., л. 721, 725 и 727; Описаніе слав. рук. мос. синод. биб., л. 184.; Опис. рук. Рус. муз., л. 465 и друг. Щановъ, Рус. расколъ старообряд. Казань, 1859 г., стр. 16, прил. 2; архіеп. Макарія, Истор. рус. церкви, IV, 269.

⁵⁾ Титулъ у евреевъ.

⁶⁾ Хвольсонъ, *ibid.*, стр. 69.

⁷⁾ Подражаніе II книгѣ царствъ, стр. 20, 19.

ниъ, по эрѣ, по которой считаютъ братья наши, евреи города Матархи (986 г. по Р. Х.) въ то время, когда послѣ князя Рошъ Мешехъ (*רֹשׁ מֶשֶׁחַ*) изъ города Цювъ (Кіевъ¹⁾) приплы къ государю нашему, хазарскому князю Давиду, развѣдывать о дѣлахъ религіи—отправася имъ (Давидомъ) въ Персію и Мидію купить для хазарскихъ общинъ старья (*סִפְרָא*) пятикнижія, книги пророковъ и агиографовъ. Въ Эламъ, т. е. (*כְּנָז*) Испагани, слыхаль я, что въ Шушанъ, т. е. Гамаданъ, находится старыи свитокъ пятикнижія; и когда я туда пришелъ, то братья наши, сыны Израиля, показали мнѣ его среди большаго собранія. Въ концѣ свитка написанъ былъ рассказъ о путешествіяхъ почтспанаго Іегуды корректора. Они говорили мнѣ, что отецъ его первый изобрѣлъ (еврейскіе) гласныи знаки и акценты, чтобы облегчить обученіе питомцевъ чтенію писанія (св.). Я просилъ ихъ продать мнѣ этотъ свитокъ, но они на это не согласились. Я скопировалъ упомянутый рассказъ слово въ слово,—такъ какъ я глубоко цѣнилъ слова корректора... Его благочестивыи заслуги да сохранятъ меня, дабы Богъ привелъ меня живаго и благополучно домой, аминь²⁾.

1) Нужно замѣтить, что другіе древнѣйшіе писатели иностранцы, упоминающіе Кіевъ, еще болѣе коверкаютъ это имя; такъ напр. Sinamus пишетъ Kіowā, Дятмаръ—Cuienwa, Kitawa и Kitana; Адамъ Бремен.—Chiva; другіе пишутъ Chios, Kiawos, Kujawah, Kuah. (Захаревскій. Описание Кіева. М. 1868 г., стр. 8).

2) Хвалюсья, *ibid*, текстъ и переводъ, стр. 69—71, вѣмец. изданіе, стр. 54; Orient, 1841 г., № 33 (по неточному списку; еврейскій журналъ Гакармель ч. II, № 40, стр. 329 (не вся переписана)).

Какъ извѣстно, Святославъ одержалъ рядъ побѣдъ надъ хазарами (Итопись по Лаврен. списку, изд. 1872 г. стр. 83—4) и, какъ обыкновенно выражаются, уничтожилъ хазарское царство. Но это вѣрно только отчасти. На сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, особенно въ Крыму, отдаленномъ отъ Кіева, степями и кочевымъ народомъ, хазаре и долго послѣ Святослава существовала, какъ отдѣльный народъ (Гретцъ. Исторія евреевъ, V, 290, изд. 1883 года); Бестужевъ—Рюминъ, Рус. исторія. I, от. II, 79; Каралзинъ, II, 21, прим. 24); это подтверждается словами Нестора: «Жидове хазарстви придоша», а также однимъ еврейскимъ источникомъ, приведеннымъ у Гретца (*ibid*, V, 455); Гретцъ не безъ основанія говоритъ, что хазарскій царственный домъ съ высшей аристократіей обиталъ въ Пеналію только въ 1016 (*ibid*), а можетъ быть еще позже. Это независимое положеніе хазаръ продолжалось даже и послѣ Мстислава Тмутаркапскаго, на что есть ясныи доказательства въ нашей летописи (Соловьевъ, II,

Затѣмъ въ свиткѣ слѣдуетъ приписка самаго Іегуды корректора, которая уже не относится къ предмету нашей статьи, и потому мы ее и не приведемъ; замѣтимъ только, что самый подлинникъ, съ котораго Авраамъ, сынъ Симхи, скопировалъ рассказъ Іегуды, тоже отыскавъ (въ Дербентѣ) и съ 1864 года составляетъ собственность императорской публичной библіотеки. Прогнвъ подлинности вышеприведенной приписки Авраама, ясно говорящей, что Владиміръ святой отправилъ пословъ къ хозарамъ для испытанія ихъ вѣры, особенно вооружается д—ръ А. Гаркави¹⁾. Мы намѣрены въ настоящей статьѣ подвергнуть критической оцѣнкѣ главные возраженія Гаркави противъ подлинности этого документа. Мы не беремся окончательно опровергнуть ихъ: вопросъ на столько сложенъ, доказательства неподлинности документа, благодаря замѣчательной эрудиціи Гаркави, такъ хорошо обставлены, что это врядъ ли и возможно сдѣлать въ одной небольшой статьѣ. Мы только жееаемъ такъ сказать понатнуть безусловную якобы вѣрность возраженій Гаркави, его будто-бы неопровержимыя доказательства подложности документа²⁾.

Главные возраженія Гаркави сводятся къ слѣдующему:

1) Всѣ еврейскіе писатели, какъ раввинскіе, такъ и караимскіе, всегда подразумѣвали подъ именемъ Сафарадъ () только Испанію³⁾.

29; Костомаровъ, Рус. исторія, I, 42) и имѣя самостоятельныя политическія сношенія съ Византіей (Созовьевъ, *ibid*; Карам. II, 96, прим. 145). Пачо-Карпини упоминаетъ еще нѣсколько разъ о хозарахъ (Карам. IV, 44, прим. 4). Объ упоминаемомъ въ нашей документѣ князѣ Давидѣ говорится еще въ одной изъ приписокъ коллекціи Фирковича, приведенной у Хвольсона (*ibid.*, стр. 75), на основаніи которой мы можемъ заключить, что онъ былъ хазарскимъ княземъ еще въ время второго похода Святослава (969г.).

²⁾ Въ Извѣстіяхъ императорскаго русскаго археологическаго общества, т. VIII, стр. 499—516 и отдѣльно: по поводу извѣстій Авраама Керченскаго; «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», ч. СХСII, июль 1877 г., стр. 98—121; «Разсвѣтъ», 1880 г., стр. 379—380, 417—420 и въ нѣсколькихъ мѣстахъ сочиненія его *Altjüdische Denkmäler aus det Krim*. Сиб., 1876 г.

³⁾ «Если документъ этотъ (Авраама Керченскаго) былъ-бы подлинень, то... но мы неопровержимо доказали его подложность» (Гаркави, Русь и русское въ средневѣковой еврейской литературѣ, Восходъ 1882 года, кн. I, стр. 241).

⁴⁾ Гаркави однакожь допускаетъ, что Сафарадъ пророка Абадія (20) означаетъ Сперъ, одну изъ областей Великой Арменіи. Это мнѣніе принадлежитъ Биль-

2) Слова «*רשאי בקר מלך*» Гаркави переводить: послы Руси и Москвы, что, по его мнѣнію, уже доказываетъ подложность документа, такъ какъ Аврааму-маръ-Симха въ 986 году не могла быть извѣстна гораздо позже построенная Москва ¹⁾).

3) Въ Кіевѣ и вообще въ южной Руси жили уже тогда евреи и въ отправленіи посольства для ознакомленія съ іудействомъ не было никакой надобности, такъ какъ это было возможно и въ самомъ Кіевѣ ²⁾).

4) Первоначальный русскій лѣтописецъ, перечисляя народы, къ которымъ были отправлены послы для испытанія вѣрѣ, не упоминаетъ хозарь;

5) Такъ, по мнѣнію Гаркави, и должно было быть, такъ какъ евреи получили отъ Владиміра рѣшительный отказъ, когда другіе проповѣдники—только сомнительные отвѣты.

сизъ-де-сенъ-Мартеву, и только какъ существующее предположеніе было приведено въ нашей статьѣ «Родъ Багратуни». Восходъ, 1883 г., кн. XI—XII, стр. 135, примѣч. 2.

¹⁾ Москва въ первый разъ упоминается въ 1147 г. (Лѣтоп. по вятск. списку 240, 407). Первый князь московскій—Михаилъ Ярославичъ († 1248 г.); хотя еще въ 1213 г. упоминается въ Москвѣ Владиміръ Всеволодовичъ, а подлѣ 1237 г. Владиміръ Юрьевичъ, но это скорѣе были вренепные князья-правители; ливія-же московскихъ князей начинается съ Данила Александровича († 1303 г.). Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, т. I, отд. II, стр. 392; Караязитъ, IV, стр. 66.

²⁾ Мы собственно не знаемъ на это прямыхъ указаній источниковъ, исключая развѣ Татищева (II, прим. 176), который говоритъ: «что же написано (у Нестора) пришелъ (еврейскіе проповѣдники въ 966 г.), то не можно за то почитать, что они нарочно для этого изъ хозаровъ пришли, по разумѣнн тѣхъ, которые были *Святославоу* пѣнены, въ Кіевѣ... посланы, которыхъ много было». Это извѣстіе, какъ находящееся *только* у Татищева, конечно требуетъ повѣрки, хотя есть вѣскія доказательства въ пользу его достовѣрности. Къ числу сомнительныхъ доказательствъ существованія еврейскаго населенія въ Кіевѣ въ X в. принадлежитъ такъ-же предположеніе, что Лука Зкидита, епископъ новгородскій (1035—1059 г.), былъ еврейскаго происхожденія (Малышевскій. «Труды кіевской духовной академіи», 1878 г. III, 427 и слѣд.), хотя это мнѣніе имѣетъ нѣкоторое основаніе. Несомнѣнные доказательства существованія евреевъ въ Кіевѣ относятся къ половинѣ XI в. «Слово о благодати», Іларіона, епископа кіевского (1051—1054 г.), очевидно направлено противъ іудейства, какъ силы, приобретающей въ Кіевѣ значительное вліяніе (см. ниже); сюда-же относится извѣстіе о

У евреевъ старше свитки, какъ *посуль*¹⁾, не употребляются уже болѣе для ученія, поэтому сомнительно, чтобы хозарскій князь очень интересовался таковыми, тѣмъ болѣе *древними*—какъ Гаркави (и Хвольсонъ) переводитъ слово подлинника: *רשף*—понятіе, свойственное нашему вѣку съ его музеями и археологическими обществами²⁾.

Остановимся на каждомъ изъ этихъ возраженій.

Относительно того, что городъ Керчь въ древности³⁾ дѣйстви-тельно назывался: *Сафарадъ*, противъ чего главнѣйшимъ образомъ возражаетъ Гаркави, мы имѣемъ свидѣтельство блаженнаго Иеронима, въ его переводѣ пророка Абадія (20): «пльщеніе-же Іерусалимское, что въ Сафарадѣ наследуетъ города юга»; Иеронимъ слово Сафарадъ переводитъ—Восфоръ (Керчь), прибавляя при этомъ, что такъ ему говорилъ его еврейскій учитель (баръ-Хинна)⁴⁾.

еврейскомъ кварталѣ, особенной части города Кіева, и о спорахъ съ евреями Феодосія Печерскаго (см. ниже), а также о жидовскихъ воротахъ, вѣроятно прилегавшихъ къ еврейскому кварталу (Ипатск. списокъ, стр. 24, 60); оны теперь называются львовскими (Закревскій, Описание Кіева, стр. 436).

Извѣстіе Татищева (II, прим. 213), будто Владиміръ Мономахъ изгналъ въ 1113 г. евреевъ изъ Кіева, не имѣетъ основанія (Закревскій, *ibid.*, стр. 314; Карамзинъ, II, прим. 219; Соловьевъ, II, прим. 157; Бестужевъ-Рюминъ, *ibid.*, стр. 262; Шовалевскій, Русская исторія, кievскій періодъ, стр. 191; см. еще Гаркави въ журналѣ Гаскарель, V, стр. 22—24; Гатцукъ, Сіонъ 1861 г., № 5 и Б. Р. Ц. Матеріалы для исторіи подворенія евреевъ въ Кіевѣ, День, 1870 г., № 21). Костомаровъ, хотя и говоритъ подробно о событіяхъ 1113 года, совершенно игнорируетъ это извѣстіе (Русская исторія въ жизни ея главныхъ дѣятелей, I, стр. 62—64). Хозарскіе-же евреи безъ сомнѣнія жили въ Кіевѣ гораздо раньше, по всей вѣроятности съ того времени, какъ поляне «сѣдувалише, влаща (хозарамъ) отъ дыма мечь» (Лавр. списокъ, стр. 7; Забѣляевъ, Исторія русской земли, Москва, 1879 г., т. II, стр. 103, 80—81).

¹⁾ Испортивашіися, со стертими бумажамъ.

²⁾ Остальные возраженія Гаркави направлены противъ *языка* документа и въ сущности весьма слабы и бездоказательны.

³⁾ Я не разсматриваю документа съ его положительной стороны, т. е. кому и для чего нужна была эта подѣлка и возможна-ли она вообще, а такъ-же, для чего фальсификаторъ, человекъ во всякомъ случаѣ хорошо изувѣвшій эпоху, вставилъ столько лѣтъ, могущихъ вызвать сомнѣніе.

⁴⁾ Et transmigratio Hierusalem quae in Bosphoro possidebit civitates austri. «Ubi nos posuimus Bosphorum, in Hebraeo habet: quod nescio,

Кромѣ вышеприведеннаго документа (приписки), Сафарадъ въ смыслѣ Керчь встрѣчается еще во многихъ припискахъ, найденныхъ и обнаруженныхъ Фирковичемъ¹⁾.

Вообще мнѣніе, что Керчь былъ еще прежде извѣстенъ евреямъ подъ названіемъ Сафарадъ, высказано уже неоднократно (о разныхъ названіяхъ Керчи, академика Бруна. Одесса, 1877 г. ст. II) и съ этимъ мнѣніемъ согласны многіе ученые знатоки еврейской исторіи: Хвольсонъ (*Ibid.* 70, 75), Фийшъ (Гакармель, II, 341), а извѣстный еврейскій историкъ, профессоръ Гретцъ говоритъ вообще обо всемъ нашемъ документѣ, что «каждое слово его носитъ на себѣ печать неподдѣльности»²⁾; наконецъ самъ Гаркави въ своихъ прежнихъ трудахъ вполне согласился съ этимъ мнѣніемъ и даже защищалъ его³⁾.

Все это даетъ намъ полное право заключить, что городъ Керчь дѣйствительно когда-то былъ извѣстенъ евреямъ подъ именемъ Сафарадъ; названіе это могло быть не очень распространено, но безъ сомнѣнія существовало.

Замѣтить надо, что вышеприведенное мнѣніе, будто пророкъ Абадія (20) подразумѣвалъ область Сперъ, очень сомнительно, потому что, хотя она составляла нахарарство еврейскаго рода Багратуні (отъ котораго происходятъ князья Багратіоны), однакожь не здѣсь, а сѣвернѣе, главнымъ образомъ въ теперешней тифлисской

sur LXX (отсюда въ славянской библии «Сарепта») Ephrata transferre voluerint. Nos autem ab Hebraeo, qui nos in scripturis erudit, didicimus Bosphorum sic vocari, et quasi, Iudaeus ista inquit, est Regio, ad quam Hadrianus captivos transtulerit» (*Opera Hieronymi, ed. Francof. ad Moen. et Lipsiae, apud Christ. Gutschium, T. VI, p. 96.*)

¹⁾ Еврейскій журналъ Гакармель, годъ III, стр. 6, 53, 61; годъ II, стр. 317, 329 (3 раза, въ документахъ №№ 4, 5 и 6); Хвольсонъ, *ibid.*, стр. 77, 70, примѣч. 2, и друг.

²⁾ *Geschichte der Juden, V, стр. 499; русское изданіе, 1843 г., стр. 455; такъ-же отдѣльно о Сафарадъ-Керчи, ibid., 175.*

³⁾ «Босфоръ — городъ, развалины котораго лежатъ около Керчи (Босфоръ)... У сареевъ этотъ городъ уже пѣть лѣтъ поръ былъ извѣстенъ подъ именемъ Сафарадъ. — Гаркави. Объ языкѣ сареевъ. Вильна, 1867 г. (на еврейскомъ языкѣ), стр. 109, такъ-же 86, 111—112 (въ приложеніяхъ); см. еще его статью въ Гакармель, годъ V, № 31 (IV, № 43).

губерніи была сосредоточена масса еврейскихъ колоній Кавказа ¹⁾. Таки-же невѣрна догадка, въ настоящее время, впрочемъ, совершенно оставленная, что пророкъ подразумевалъ Испанію, древнѣйшія еврейскія колоніи которой, вообще говоря, болѣе принадлежатъ легендѣ, чѣмъ исторіи. Объ отдаленной-же древности еврейскихъ поселеній сѣвернаго берега Чернаго моря вообще, Крыма въ особенности, мы напротивъ имѣемъ историческія и вошлѣ достовѣрныя извѣстія. Впрочемъ, это только предположеніе.

Теперь перейдемъ къ слѣдующему аргументу Гаркави, къ аргументу, что одни слова *רש רח רש* будто неопровержимо доказываютъ подложность документа: ошъ, какъ мы уже сказали выше, переводить это мѣсто: послы князя Руси и *Москвы*.

Прежде, чѣмъ приведемъ наше объясненіе этого мѣста документа, остановимся на переводѣ Гаркави. Извѣстно, что выраженіе: *רש רח רש* встрѣчается нѣсколько разъ у Іезекіиля (XXXVIII, 2, 3 / XXXIX, 1) и всегда ставило въ большое затрудненіе разныхъ комментаторовъ, экзегетовъ и новѣйшихъ ученыхъ гебраистовъ. Затрудненіе главнымъ образомъ состоитъ въ словѣ «рошъ» — *רש*, означающее по еврейски: глава, но могущее быть также и собственнымъ именемъ; принимая первое значеніе, получимъ плеоназмъ (князь глава Мешеха); а если примемъ второе, то гдѣ-же этотъ Рошъ? ²⁾ Не меньшее затрудненіе представляетъ такъ-же слово «Мешехъ» — *רש* хотя въ этомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія, что это собственное имя, и въ этомъ смыслѣ встрѣчается въ библіи еще нѣсколько разъ: въ книгѣ Бытія (X, 2), у пророка Іезекіиля (XXVII, 13; XXXII, 26) и въ 6 стихѣ 119 псалма (120 еврейскаго текста) ³⁾; также у Геродота, III, 94; VII, 78.

Многіе изъ старыхъ комментаторовъ библіи перевели слово Мешехъ — Харасанъ ⁴⁾; напрямѣръ Ибнъ-Барунъ (VIII вѣка) (еврейск.

¹⁾ См. нашу статью «Родъ Багратуни», Восходъ, 1883 г., кн. XI—XII, стр. 128—129, 135.

²⁾ Сравни Гаркави, Русь и рус. въ средн. евр. лит., Восходъ, 1881 г., кн. I.

³⁾ Мы не остановились на различныхъ толкованіяхъ слова Рошъ, какъ не относящихся къ предмету нашей статьи, такъ какъ Рошъ нашего документа безъ сомнѣнія означаетъ Русь, съ чѣмъ согласенъ и Гаркави.

⁴⁾ Въ настоящее время провинція Персія; когда-то составлялъ независимое владѣніе; династія изъ потомковъ Тамерлана. Поздъ 1490 г. встрѣчаемъ извѣстіе

журналь Гамелиць 1879 г. стр. 500; календарь Гурлянда, годъ 5, стр. 102); Абу-Али-Яфетъ (по арабски Хасанъ, въ X вѣкѣ) (Гамелиць, *Ibid*, стр. 22; календарь Гурлянда, *Ibid*, 104; Восходъ 1882 г. кн. I, 240); Яковъ-бенъ-Реувимъ въ рукописномъ комментарий къ пророку Іезекілю, составляющемъ собственность Императорской Публичной Библіотеки (Гаркави *Altjudische Denkmäler aus der Grim* 280; Гамелиць, 1879 г., стр. 22) и многіе другіе¹⁾.

Такимъ образомъ названіе Мешехъ далеко не новость въ научной литературѣ исторіи и въ историческихъ памятникахъ, но никогда, разумѣется, никто и не думалъ объяснить его Москвою. На какомъ-же основаніи г. Гаркави, которому все это было хорошо извѣстно, переводить «Мешехъ» нашего документа словомъ Москва, не стараясь даже доказать, что здѣсь не можетъ подразумѣваться что либо другое?²⁾ Это, конечно, болѣе чѣмъ странно со стороны такого компетентнаго и осторожнаго ученаго, и должно полагать, что у него были на то свои причины; но тѣмъ не менѣе ничто не даетъ намъ возможности удовольствоваться такимъ переводомъ, напротивъ требуется внимательное его разсмотрѣніе, въ результатѣ котораго получимъ, если не столь рѣшительное, то, по крайней мѣрѣ разумнѣе нашему, болѣе близкое къ истинѣ толкованіе³⁾.

Г. Хвольсонъ (*Ibid*, 70 прим.) и Гретцъ (*Geschichte der Juden* V, 499; рус. изд. 83 г., 455) высказываютъ мнѣніе, что Россія

о послѣдъ хорасанскаго (Чагатайскаго) владѣтеля Гусейна къ Іоанну III (Иванъ Свб. русск. лѣт., VI, 38; Соловьевъ, V, стр. 128). Основаніемъ такого перевода должно быть служило то, что главный городъ этой провинціи, когда-то знаменитый, называется *Мешедъ*.

¹⁾ Они сгруппированы въ вышеуказанномъ сочиненіи Гаркави: *Altjudische Denkmäler*.

²⁾ Говоря объ отправленіи Владиміромъ пословъ въ тѣ страны, откуда являлись къ нему проповѣдники, Бестужевъ-Рюминъ (Русская исторія, т. I, стр. 128) прибавляетъ: подтвержденіемъ этого посольства можно считать слѣдующее мѣсто въ свѣдѣн. наведенномъ г. Фирковичемъ: «и, одинъ изъ вѣропреданныхъ Израилю» и т. д. (*Ibid.*, примѣч. 16); по видиму находишь подъ вліяніемъ Гаркави, Бестужевъ-Рюминъ вслѣдъ затѣхъ прибавляетъ, что это мѣсто можетъ возбудить *нѣкоторое* сомнѣніе прибавкою слова «Мешехъ», сильно напоминающее Москву.

³⁾ Переводъ: Мешехъ—Москва поразительно напоминаетъ нашихъ старыхъ княжичковъ, которые, во славу первопрестольной, всѣ были того мнѣнія, что на

документа нашего означать Русь, Мешехъ-же прибавлено для подражанія извѣстнымъ уже намъ мѣстамъ св. писанія и никакого значенія не имѣеть ¹⁾).

Гипотеза эта пожалуй и имѣеть нѣкоторое основаніе, но остается и всегда останется гипотезой, такъ какъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ болѣе или менѣе осязательныхъ доказательствъ ея достовѣрности ²⁾).

По нашему мнѣнію это мѣсто имѣеть совершенно другой смыслъ.

I. Всѣ почти грузинскіе географы и хроникеры сохранили намъ извѣстіе о грузинскомъ Мешехѣ (Мосохѣ ³⁾); сравненіе ихъ привело изслѣдователей къ заключенію, что здѣсь подразумѣвается сѣверная провинція древней Арменіи, Тайкъ или Мцхетъ (Ахалцихскій уѣздъ) ⁴⁾. Какъ эта, такъ и прилежація области, и вообще вся Грузія были когда-то густо населены евреями, ⁵⁾ и сюда-то, какъ

Москву-то пророкъ Іезекіиль назвалъ своимъ Мосохоу, и что начало ея относится ко временамъ Мосоха, сына Іафеева, противъ чего впоследствии спорить Татищевъ (Соловьевъ, XII, стр. 260; Караязизъ II, прил. 301; Забѣлинъ, древности Москвы. Вѣстникъ Европы, 1867 г., I, стр. 385); этотъ способъ толкованія слова Мешехъ встрѣчается и у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ еврейскихъ комментаторовъ. Мемсефъ Ниддахия, №№ 7, 10, 11, 13, 18, 22 и друг.; Объ языкѣ евреевъ, Вильна, 1867 г. Еврей и славянскіе языки, стр. 68—69).

¹⁾ У старыхъ еврейскихъ писателей (отчасти и у новыхъ) наблюдается вообще манія изукрасить слогъ подражаніями и цѣлыми стихами библіи; мы видѣли, что Маръ Слеха начинаетъ приписку подражаніемъ II кн. Царствъ, стр. 20, 21.

²⁾ С. Рапортъ предлагалъ какую-то поправку въ нашемъ документѣ (Гашазаръ, 1882 г., книга II), но я ничего не могу сказать о ней, такъ какъ у меня теперь нѣтъ этой книжки.

³⁾ Карлясъ Цховребъ. Новые замѣтки на древній исторіи Кавказа и его обит. Шопена, Сиб. 1866 г., стр. 197, 225, 250, 237; Страболъ, XI, стр. 2 и 19; Исторія Агванъ Моисея Кагиватваца, кн. I, глава 29 и 30, переводъ Патканьяна, Сиб. 1861 г., стр. 73 и 76 (сравни Патканъ. Ibid., стр. 312 и Шопенъ, *ibid.*, стр. 433).

⁴⁾ Положеніе этой провинціи опредѣляется, главнымъ образомъ, по Географіи Моисея Хоренскаго (V столѣтія), см. Исторію Арменіи, Моисея Хоренскаго, переводъ Эяна, Москва, 1853 г., приложение, стр. 338.

⁵⁾ Шопенъ, *ibid.*, стр. 160—161, 199, 229, 252, прил. 129; Хоренскій, Исторія Арменіи, *ibid.*, стр. 61, 92, 93, 96 (кн. I, гл. 23; кн. II, 14, 16, 19 и 23); ср. также нашу вышеупомян. статью, стр. 128—129, прил.

кажется, относится возгласъ исаимоуѣвца (позднѣйшаго, конечно): «горе мнѣ, что живу я въ Мешехѣ» (120, 6).

II. Въ путешествіи рабби Петахія Регенсбургскаго (во второй половинѣ XII в.) находимъ слѣдующее жѣсто: «цари Мешеха—*מלך משה*, по принятіи ими еврейства, обратились къ главѣ еврейскихъ школъ въ Вавилоніи съ просьбой прислать имъ (еврейскихъ) ученыхъ» (Три еврейскихъ путешественника, тебетъ и переводъ, Марголина, Спб. 1881 г., стр. 43).

С. Раппортъ, останавливаясь на этомъ извѣстіи Петахія Регенсбургскаго, замѣчаетъ (евр. журналъ Керемъ-Хемедъ, V, 206), что подъ словами «цари Мешеха» подразумѣвается какой нибудь вассальный хозарскій князь¹⁾. Тоже самое высказываетъ и Хвольсонъ (18 надгроб. памят., 153 и прим. 3), а такъ-же Гаркани (вышеупомянутое изданіе: Евреи и слав. языки, стр. 116)²⁾ и англійскій издатель Петахія Регенсбургскаго, А. Венишъ.

Если мы теперь допустимъ маленькую поправку въ документѣ, т. е. прибавимъ одну букву—іудъ, которая имѣетъ въ еврейскомъ письмѣ видъ точки и слѣдовательно очень легко могла стертись, то вмѣсто единственнаго—*מלך*—«князя», получимъ множественное—*מלכים*—«князей», что будетъ означать, что послы изъ Руси и Мешеха пришли узнать о дѣлахъ вѣры къ хозарскому князю Давиду случайно въ одно время, когда Авраамъ-маръ-Симха былъ отправленъ на востокъ.

Самый фактъ прибытія пословъ изъ Мешеха насъ несколько не долженъ удивлять, о какомъ-бы Мешехѣ здѣсь ни шла рѣчь—о грузинскомъ-ли, или же о Мешехѣ, о которомъ говорятъ рабби Петахія (если уже допустить, что они не тождественны). Къ хозарамъ, сравнительно недавнимъ прозелитами, стасалось много еврейскихъ ученыхъ разныхъ странъ, отчасти по своей охотѣ, для распространенія слова Божія и увѣщенія вѣры (не всѣ хозары,

¹⁾ Р. Петахія говоритъ объ этомъ не какъ очевидно, потому что, какъ извѣстно, хозаре приняли іудейство гораздо раньше (VIII в.) времени его путешествія (XII в.), во время котораго врядъ-ли могли существовать даже остатки независимыхъ хозаръ (см. выше, прим.). Существованіе подвластныхъ хозарскому князю племенъ безспорный фактъ.

²⁾ Врядъ-ли, впрочемъ, можно согласиться съ мнѣніемъ Гаркани (*ibid.*), что Мешехъ грузинскихъ географовъ и хроникеровъ и Мешехъ р. Петахія тождественны.

какъ извѣстно, были евреями), а отчасти по приглашенію Кагана (князя), на что имѣются несомнѣнныя указанія, какъ еврейскихъ, такъ и нѣкоторыхъ арабскихъ писателей ¹⁾.

Но въ Кіевѣ тогда (во время крещенія Владиміра) уже жили евреи, такъ что въ отправленіи «мужей добрыхъ» къ хозарскому царю не было никакой надобности: съ еврействомъ можно было познакомиться въ самомъ Кіевѣ—таково одно изъ возраженій Гаркави противъ подлинности нашего документа. Это возраженіе можно съ такой-же силой направить и противъ подлинности такъ называемой лѣтописи Пестора.

Извѣстно, что еще задолго до принятія христіанства Владиміромъ святымъ оно уже было значительно распространено на югѣ Руси вообще и въ Кіевѣ въ особенности. Есть достаточное основаніе—главнымъ образомъ грамота патріарха Фотія отъ 866 г. къ восточнымъ епископамъ—предполагать, что Аскольдъ и Диръ приняли христіанство, что подтверждается преданіемъ о первомъ митрополитѣ кіевскомъ Михаилѣ ²⁾. Еще во время Олега греки полагали въ Россіи особую епархію (Соловьевъ, I, 290). При Игорѣ въ Кіевѣ уже была православная церковь св. Ильи (Соловьевъ, I, примѣчаніе 109; Захревскій, *ibid.*, 328—332); описывая присягу Игоря исполнить договорную грамоту съ императоромъ Романомъ Лакапиномъ, лѣтописецъ говоритъ: «за утра призва Игорь слы, и приде на холмъ, вѣдѣ стояше Церунъ... а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви святаго Ильи..., се бо сборная церкви; мнози бо бѣша Варязи хрестеяни» (Лаврент. спис., 22). Святая Ольга, а съ нею еще многіе ³⁾, призвавъ крещеніе, волею старалась распространить въ Кіевѣ христіанство и строила церкви ⁴⁾.

¹⁾ Сгруппированы у Хвольсона (*ibid.*, стр. 147—161).

²⁾ Захревскій, Описание Кіева, Москва, 1868 г., стр. 9, 193—194; Карамз. I, стр. 119, прим. 286; Соловьевъ, I, стр. 119; прим. 173; архіеп. Макарія, Песторія христіанства въ Россіи до Владиміра, стр. 261 и слѣд. «Христіанство начало проливатъ на Русь еще за долго до призванія князей... До призванія князей существовали въ Кіевѣ православныя церкви и приходили христіанскіе проповѣдники (Борисовъ. Нищенство по русскому законодательству. Слово, 1879 г. Апрель, стр. 159). Нельзя не замѣтить, что авторъ, какъ говорится, пересолзалъ.

³⁾ Пложян, зачатия женщины, послы, гости я служавки, Соловьевъ, I, стр. 148.

⁴⁾ Масудя (писавшій отъ 20 или 30 годовъ до 50 года X вѣка) говоритъ: «ставивше раздѣляются на многіе народы; нѣкоторые изъ явхъ суть христіане,

Послѣ всего этого не имѣемъ-ли мы права спросить: для чего Владиміръ отправилъ пословъ въ Грецію, когда онѣ могъ увидѣть христіанское богослуженіе въ самомъ Кіевѣ?

Отвѣтомъ служатъ слова самого первоначальнаго лѣтописца нашего: «и рѣша бояре и старци: вѣся, княже, яко своего никто-же не хулить, но хвалить; аще хоцещи испытати гораздо, то имашу у собе мужи: *пославъ* и испытай кождо ихъ службу, и како кто служитъ Богу» (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, I, 37). Нѣтъ сомнѣнія, что «мужи добры и мыслепы» были посланы ко дворамъ всѣхъ народовъ, предложившихъ свою вѣру Владиміру святому, чтобы на мѣстѣ испытать, «яко кто служитъ Богу», чья вѣра лучше.

Что-же касается того, что Песторъ не упоминаетъ въ числѣ прочихъ народовъ, къ которымъ были отправлены послы, и евреевъ, то, не говоря уже о томъ, что это доводъ вообще слабый, что *moment* его не можетъ служить доказательствомъ лѣтѣрности самаго факта, мы можемъ объяснить себѣ иначе самый фактъ молчанія нашего первоначальнаго лѣтописца.

Уже въ первое время послѣ принятія христіанства Владиміромъ святымъ, у насъ рѣзко выдѣлилась изъ всей остальной сѣрой массы группа духовенства, монаховъ. Оставаясь русскими (мы не говоримъ, конечно, о пришельцахъ изъ Греціи), всѣми силами стремясь распространить и укрѣпить христіанство на родной почвѣ, они, однакожъ, во всемъ остальномъ мало заботились о Россіи и были въ сущности привязаны болѣе къ Греціи, къ источнику православія и мудрости книжной; эту теплую привязанность напе духовенство, какъ извѣстно, сохранило въ теченіи вѣковъ; оно прониклось византійскимъ духомъ, переняло все міровоззрѣніе ея духовенства и было у насъ главнымъ, почти единственнымъ проводникомъ такъ называемаго «византійскаго вліянія»; этотъ отгѣнокъ византизма легъ на всю нашу древнюю письменность, па всѣ эти поученія, посланія и проповѣди, лѣтописи и патерики (см. изслѣдованіе профессора Иконникова). Извѣстно, что во время борьбы

между ними находятъ также язычники (Сказанія мусульманскія писателей о славянахъ и русскіхъ. Докторская диссертация Гаркави. Сиб., 1870 г., стр. 125 и 144).

за иконоборство въ византійскомъ духовенствѣ до крайности развился духъ нетерпимости вообще и вражды къ іудейству въ особености¹⁾. Эта-то вражда, вмѣстѣ со всеѣмъ византійскимъ міровоззрѣніемъ, перешла и къ нашему первоначальному духовенству. Отсюда—его вражда къ іудейству, о которой мы сейчасъ и будемъ говорить. Но была еще одна причина особеннаго развитія этой вражды; мы говоримъ о соперничествѣ іудейства съ христіанствомъ въ древнемъ Кіевѣ, о *сарейскомъ прозелитизмѣ и іудействующемъ*, что ясно доказывается словомъ «о благодати» епископа кіевского Пларіона (Филаретъ, обзоръ русской духовной литературы, 8; Соловьевъ, I, въ концѣ и друг.).

Авторъ нашей первоначальной лѣтописи—ктобы онъ нибылъ: игумень-ли выдубицкій (Сильвестръ) или даже совсѣмъ не одно лицо, какъ утверждаетъ новѣйшая критика, или-же преподобный Несторъ, какъ изъ давнихъ поръ укоренилось у насъ мнѣніе, нашъ, говоримъ, первоначальный лѣтописецъ во всякомъ случаѣ былъ монахъ, нравственное чело духовенства своей эпохи, пользовался для своей лѣтописи произведеніями византійской литературы, и вражда, о которой мы упомянули выше, должна была перейти и къ нему. Если только авторомъ «Новѣсти времяцихъ лѣтъ», или по крайней мѣрѣ разсказа о крещеніи Владимира, былъ Несторъ, ученикъ Оеодосія Печерскаго, то его вражда къ іудейству еще болѣе понятна и такъ сказать естественна. Въ Несторовомъ житіи преподобнаго старца печерскаго мы находимъ слѣдующее мѣсто: «се бо сице обычая имене блаженни, якоже многажды въ ноци встаня и отай всеѣхъ исхожаше къ жидомъ (въ еврейскую часть г. Кіева; см. выше, примѣчаніе), и тѣхъ, еже о Христѣ, прѣбирая, кора и досажая тѣмъ» и т. д. На вопросъ великаго князя Изяслава, слѣдуешь-ли въ день воскресный закалати животныхъ и употребляти ихъ мясо, Оеодосій отвѣтилъ, что послѣ того, какъ Господь сошелъ на землю, жидовское все умоляло... если будемъ колоть въ субботу, а ѣсть въ воскресенье, то это будетъ явное жидовство (см. Закревскій въ вышеупомянутомъ сочиненіи, 312, Соловьевъ, III, 74, 87; ср. также

¹⁾ На это были свои особенныя причины, о которыхъ счтяю лишнимъ говорить здѣсь. См. Грегъцъ, т. V, стр. 174 и слѣд.; Дреперъ, Исторія устествознаго развитія Европы, переводъ Пыпина, I, стр. 346.

Соловьевъ VIII, стр. 480, изданіе 1858 г.). Мы впрочемъ находимъ ясныя указанія на эту вражду и въ самой «повѣсти», въ сказаніи о принятіи христіанства Владиміромъ и проповѣди греческаго монаха. Послы отъ хозарь, напримѣръ, говорятъ: «хрестяне-бо вѣруютъ, его-же мы распахомъ»; греческій философъ кончаетъ свою проповѣдь разсказомъ о причинахъ сошествія Бога на землю и противупоставляетъ христіанство іудейству; въ картинѣ страшнаго суда языческіе народы и особенно *евреи* идутъ на муку вѣчную. Все это сообщаетъ скаланію характеръ свѣжей вражды къ іудейству, характеръ опроверженія, полемики съ евреями, современными не Владиміру, а самому автору сказанія.

Но если мы должны признать, какъ фактъ, вражду нашего первоначальнаго лѣтописца къ евреямъ, то не удивительно, что, описывая давнымъ давно бывшее событіе, онъ могъ опустить такой незначительный фактъ, какъ отправку пословъ къ евреямъ. Если ему было все подробно извѣстно¹⁾ о посольствахъ, онъ могъ обойти эту мелочь, не допуская мысли, чтобы іудейство, въ борьбѣ своей съ христіанствомъ, могло имѣть хоть надежду на успѣхъ, что «жидовское несчастіе заслужило отправление людей добрыхъ для испытанія ея²⁾»; можетъ быть, наконецъ, что отѣтъ пословъ заключалъ что-нибудь благопріятное для іудейства, чего авторъ, конечно, ужь никакъ не могъ сообщить. Паркави говоритъ: Владиміръ, давая другимъ проповѣдникамъ отвѣты полутвердительные, полутрицательные, совершенно отказалъ евреямъ и поэтому мы не можемъ допустить, что и къ нимъ были отправлены послы. Намъ не извѣстно, на какихъ новыхъ источникахъ основано это мнѣніе: но оно

¹⁾ Что врядъ-ли возможно, особенно относительно хозарь, царство которыхъ давно (см. слѣд. прим.) пало и повсюду изгасивалось изъ памяти русскаго народа; передавшіе сказаніе Нестору легко поэтому могли забыть о посольствѣ къ хозарямъ. См. Гатцукъ. Евреи въ русской исторіи и поэзіи. Сіювъ, № 39.

²⁾ Что лѣтописный разсказъ, чтобы его не псалъ, хотя-бы даже и Несторъ, написанъ не ранѣе первой четверти XII в., лѣтъ всего доказывается тѣмъ жѣстою его, гдѣ евреи отвѣчаютъ Владиміру: «разъгнѣвался Богъ на отци наши и расточи ны по стравамъ грѣхъ ради нашихъ и предана бысть земля наша *хрестянолюмъ*», — слѣдовательно преданіе составлено по крабней жѣрѣ, когда Палестина была уже покорена христіанами. См. Соловьевъ, I, прим. 241; Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, I, стр. 65.

опровергастся прямо текстомъ лѣтописи. Евреямъ Владиміръ отвѣтилъ: «како вѣхъ учите, сами отвержени отъ Бога и расточени? Аще-бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите пріяти?» Болгарамъ, какъ извѣстно, Владиміръ отвѣтилъ: «Руси есть веселіе пати, не можетъ безъ того быти»; вѣмцамъ: «идите опять, яко отци наши сего не пріяли суть»... Достаточно сравненія этихъ мѣстъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности возраженія Гаркави. Нужно впрочемъ замѣтить, что нельзя вообще ссылаться на первоначальную лѣтопись, какъ на документъ, записанный съ топографической точностью, особенно относительно, напр., нашего сказанія, записаннаго послѣ такого промежутка времени, когда даже не было надлежащихъ хранителей его.

Переходимъ къ послѣднему возраженію Гаркави: для чего нужны были хазарскому царю *древніе* святии¹⁾, когда даже старыя, только какъ посулъ (см. выше), не употребляются у евреевъ больше въ дѣло, теряютъ свою цѣнность и значеніе?

Отвѣтъ и на этотъ послѣдній вопросъ совсѣмъ не труденъ. Еврейскій древній языкъ есть языкъ мертвый; по еврейски только пишутъ, но не говорятъ, потому языкъ этотъ не можетъ органически развиваться; для выраженія посредствомъ его вновь народившихся понятій необходимо или принять иностранныя слова, что весьма нежелательно съ точки зрѣнія чистоты языка, или же составить новыя слова изъ сочетаній старыхъ, что рѣдко удается; прибѣгаютъ еще къ 3-му средству: если для одного, или почти одного и того-же понятія существуютъ въ языкѣ два слова, то одно изъ нихъ употребляется для выраженія вновь народившагося понятія, въ извѣстной степени близкаго къ прежнему. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Для выраженія понятія старый (прежде бывшій) въ еврейскомъ языкѣ есть два слова: «רָעָה» и «קָדָמָה»; и вотъ, когда въ новѣйшее время народилось понятіе о *древности* въ историко-научномъ смыслѣ, еврейскіе ученые ввели въ употребленіе для выраженія этого понятія одно изъ этихъ словъ — «קָדָמָה». Очевидно, что Авраамъ-маръ-Симха, жившій въ Крыму въ X столѣтіи, не имѣлъ понятія о древности и слово «קָדָמָה» онъ не

¹⁾ Библейскія книги на пергаментѣ.

могъ употребить въ смыслѣ, который приданъ ему въ повѣйшее время; такимъ образомъ здѣсь рѣчь не идетъ о древности, и мы поэтому и перевели это слово: *старый*, т. е. въ томъ смыслѣ, въ которомъ Авраамъ и могъ его только употребить. Что-же касается того, что интересъ хозарскаго царя Давыда къ старымъ рукописямъ подлежитъ сомнѣнію по причинѣ, упомянутой выше, то и здѣсь нужно взять во вниманіе особыя обстоятельства, бывшія причиной (и это по нашему вѣдѣнію всякаго сомнѣнія) побѣдки Авраама-марь-Симхи на Востокъ¹⁾. Къ IX—X вв. относится продолжавшаяся три столѣтія, окончательная выработка еврейской пунктаціонной системы (гласныхъ и другихъ знаковъ), очень важная въ исторіи развитія языка, значительное облегчавшая его изученіе послѣ того, какъ онъ пересталъ быть языкомъ разговорнымъ, живымъ. Если даже согласиться, что извѣстіе о такъ называемыхъ «іерусалимскихъ миссіонерахъ» подлежитъ сильному сомнѣнію, то во всякомъ случаѣ должно допустить, что пунктаціонная система проникла въ Крымъ долго послѣ ея изобрѣтенія, и что значительные успѣхи пунктаціи въ концѣ IX в. и первой половинѣ X (Бенъ-Ашеръ) должны были сильно интересовать благочестиваго царя хозарскаго; и вотъ онъ посылаетъ на Востокъ, въ тогдашніе центры еврейской учености, куда не разъ обращались хозарскіе цари²⁾,—чтобы «собрать свѣдѣнія о пунктированіи и корректурѣ еврейскаго текста» (Хвольсонъ, *ibid.*, 74), а также приобрести свитки, написанные болѣе компетентными знатоками дѣла и хорошими пунктаторами. На это указываетъ также одно мѣсто нашего документа... «И слыхалъ, что въ Гамаданѣ находятся старыи свитоки пятислѣвкія... Въ концѣ

¹⁾ Нужно, впрочемъ замѣтить, что еврей очень высоко цѣнятъ свитки пятикнижкія, хотя даже очень старыя, но писанныя камнемъ—вѣбуди извѣстнѣе, но своему таланту и благочестію, писцомъ, особенно же, если они пересмотрѣны извѣстнѣе корректоромъ и написаны на кожѣ оленя.

²⁾ См. Хвольсонъ, *ibid.*, стр. 148—158; Три еврейскіе путешествія. Сиб. 1881 г., стр. 43, а также извѣстное письмо хозарскаго царя Іосифа къ Хаслаю-ибиль-Шапруту (около 960 года), гдѣ сказано «являя взоры обращенія (относительно мессіанскаго освобожденія, о которомъ въ снѣ, царь Іосифъ, не евреи его страны ничего не знаютъ) на Іерусалимъ и на *визилонскія академіи*». Еврейская бібліотека, т. VII, стр. 126; Мезефъ Пиддозимъ, № 8; Грецъ, *Исторія евреевъ*, V, русское изданіе, 1883 г., стр. 289.

его написанъ былъ разсказъ о путешествіяхъ почтеннаго Іегуды корректора. Они (евреи Гамадана) говорили мнѣ, что отецъ его первый изобрѣлъ (еврейскіе) гласные знаки и акценты. Я просилъ ихъ продать мнѣ этотъ свитокъ » и т. д. (см. выше).

Мы глубоко уважаемъ научную дѣятельность Гаркави, особенно его солидные труды по разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ древней исторіи южной Россіи; но мы не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ о припискѣ Авраама-маръ-Симхи ¹⁾. Повторяемъ: мы, пожалуй, не считаемъ его доводы совершенно уничтоженными, но по крайней мѣрѣ значительно поколебленными, и если намъ удастся вызвать посредствомъ этой статьи безпристрастныя мнѣнія людей компетентныхъ, такъ сказать, вторичную провѣрку документа—наша цѣль будетъ вполне достигнута.

Мы считаемъ необходимымъ приложить все средства критики для опредѣленія подлинности документа. Документъ этотъ очень важенъ съ точки зрѣнія критики нашей первоначальной лѣтописи; какъ извѣстно, было высказано мнѣніе, и кажется даже неоднократно, что все сказаніе о принятіи христіанства Владиміромъ, т. е. проповѣдь представителей разныхъ религій, отвѣты Владиміра и, наконецъ, его посольства,—все это одна легенда; при этомъ выставлялось на видъ, что существуютъ подобныя-же легенды о принятіи новой религій другими народами, напримѣръ хозарами. Нашъ документъ—лучшее опроверженіе этого мнѣнія. Вотъ почему мы надѣемся, что редакція «Кіевской Старины» откроетъ страницы уважаемаго изданія для компетентнаго и добросовѣстнаго слова по этому интересному вопросу ²⁾.

Іона Берхинъ.

¹⁾ Обработкой матеріаловъ, относящихся къ этому предмету, мы, какъ читатель могъ замѣтить, много обязаны г. Гаркави.

²⁾ Мы тѣмъ охотнѣе готовы это сдѣлать, что, насколько намъ извѣстно, доселѣ ни одинъ спеціалистъ по русской исторіи не высказалъ своего мнѣнія объ изслѣдуемомъ почтеннымъ авторомъ документѣ; мы конечно говоримъ не о гололовномъ мнѣніи.—Р с д.

СТАРОВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) ¹⁾.

V.

Спустя двѣ недѣли Моссаковскій вернулся изъ Кіева въ Чайки священникомъ. О. Степанъ сталъ снаряжать дочь къ переѣзду на новое хозяйство въ Ольшаницу. Сложили на возы всякое добро, запрягли воловъ и лошадей; тяжело нагруженныя подводы тронулись со двора. Въ послѣдній разъ помолилась Опися предъ отцовскими образами и со слезами оставяла родительскій дворъ. Отецъ плакалъ, плакала мать, плакали «наймички», прощалась съ Описей. Опися какъ-бы забыла о томъ, что отправляется на собственное хозяйство. Она вся прониклась грустью и скорбью; ей жаль было матери, отца, дома, въ которомъ она родилась и выросла, жаль было садка, чайковскихъ людей, всего-же больше жаль было матери.

— Теперь, дочко, безъ тебе и хата стане неначе пуста, говорила мать: отъ такъ, выкохай, вырасти дѣтей, а вони, якъ ти пташенята, порозлітаються и покинуть тебе саму на старість, якъ сироту.

Влѣхали со двора. Отецъ и мать проводили дѣтей за дворъ, стали на горѣ и долго смотрѣли, пока они перевозились на паромѣ черезъ Рось, пока послѣдній возъ не скрылся въ зеленыхъ

¹⁾ См. «Кіевская Старина» 1884 г., августовск. кн., стр. 655—680.

вербахъ и ольхахъ. А Онися долго оглядывалась на гору, на отца, на мать, пока не закрыли ихъ зеленыя вербы.

Скоро показалась Ольшаница. Вотъ и широкая уллица, гдѣ когда-то пылали костры, вотъ и плотина, и прудъ, и церковь, и собственный домъ. Онися вошла въ домъ, будто прѣехала въ гости.

Но это было на одну лишь минуту; именно не больше минуты сидѣла Онися въ раздумьѣ у стола; отерла слезы, встрепенулась какъ птица и принялась хозяйничать: разставила мебель, повѣсила привезенные изъ дому образа, попрятала посуду, заглянула въ кладовую, сбѣгала въ «комору», вездѣ устанавливала порядокъ, указывала помогающимъ ей молодыцамъ, гдѣ что ставить и класть, распорядилась возчиками, вносившими бочки, дѣжки, сѣянки. Окончавъ все въ домѣ, Онися не вытерѣла и сбѣгала посмотреть, гдѣ и какъ помѣщаются овцы, свиньи, коровы, волю. Не прошло часу, какъ она забыла уже о Чайкахъ и чувствовала себя полною хозяйкою въ своемъ уже домѣ.

Просторная свѣтлица быстро преобразилась: стѣны отъ самаго потолка утѣшаны были образами въ два ряда; черно покрашенныя деревянныя стулья, оставшіеся послѣ покойнаго о. Моссаковского, перемежались съ некрашенными деревянными-же, привезенными иль отцовскаго дому; двѣ дощатыя канавки Онися прикрыла большими домашней работы коврами, за зеркаломъ красовались пучки васильковъ и барвинку, на образахъ бѣлѣли большія съ вышитыми концами полотенца. Въ свѣтлицѣ сразу стало опрятно, привѣтливо, по хозяйски. До поздняго вечера суетилась Онися, прибирая и очищая комнаты, кухню, кладовую, комору, и вечеромъ всюду уже былъ порядокъ и чистота. Моссаковский смотрѣлъ только, какъ она распорядилась и бѣгала, и долженъ былъ больше слушаться ея, чѣмъ самъ распоряджаться.

— Отъ теперь мы и у себе дома! сказала Онися, садясь съ Харитономъ за ужинъ: що то поробляє теперь мати? що то думає того? Мабуть и доси плачуть за мною?

— Слава Богу, що ви, Онисю, не плачете, тихо отозвался Харитонъ.

— На що ты на мене кажешъ *вы?* Хибя-жъ я не твоя жинка? Аже-жъ чоловіки на жинокъ кажуть *ты!*

— Коли-жъ вы Описю таки... разумни, таки проворни, що ѣ сказати не можна, промолвилъ Харитонъ сладкимъ голоскомъ.

— Голово зъ ухами! Хочъ при людяхъ важи на мене *ты!* сказала Опися, ударивъ слегка Харитона по рубѣ.

— Нехай уже при людяхъ... буду казати *вы!*... чи то правда *ты!*

— Якъ тильки будешъ *выкати*, то я тебе буду за уха скубти! Чуешь, чоловіче!

— Скубить, Описю, скубить... Воля вапа, а все таки якось мени ніяково *тыкати*. Може потимъ привыкну.

Но Моссаковскій и во всю жизнь свою не пріучился говорить женѣ *ты* и до самой смерти говорилъ ей *вы*, а она ему *ты*.

Поужинавъ и убравъ со стола, Опися открыла большой сундукъ, стоявшій рядомъ съ кроватью, поставила свѣчку на стулѣ и начала разбирать и складывать рубахи, наволки, простыни, сувои полотна, полученныя отъ матери и тѣ, что въ огромномъ числѣ подарены ей во время свадьбы. Моссаковскій глядѣлъ, какъ ея тонкія руки перебирали кучи полотна, любовался ея длинными тонкими бровями и все ждалъ, что жена вотъ-вотъ окончитъ работу, сядетъ возлѣ него и подаритъ его лаской... Но Опися все считала и считала то полотенца, то рубахи, то платки. Моссаковскій соскучился наконецъ и почувствовалъ, что его одолѣваетъ дремота.

— Кидайте, сердце, Описю! заговорилъ опъ къ женѣ; ходите лишь та сядте зо мною та поговоримо въ двоухъ...

— Заразь, заразь, мое серденько! Осъ тильки полицу твою сорочки: разъ, два, три, чотыри... Ты мабутъ спати хочешъ?

Опися бросила рубашки, подбѣжала къ мужу, обвила его шею руками, три раза поцѣловала и опять бросилась къ сундуку.

— Одже мама не розибрала до ладу сорочоць: все помишала до купы. Оце мои сорочки, а це твои: пять, шість, семь...

И тонкіе пальцы Описи вновь складывали кучи рубахъ. По комнатѣ пошелъ запахъ свѣже вымытаго бѣлья. Среди ночной тишины отчетливо слышался голосъ Описи: десять, одинадцать, дванадцать.

— Але часъ, серденько, спати! Кидайте, моя доле! Завтра полицте, говорилъ Моссаковскій.

— Лягай, голубчику, спати, коли тебе сонъ змигъ; лягай мое сердце, а я осъ заразь доличу.

Въ Онисѣ боролась привычка къ порядку и труду съ привязанностію къ мужу. Она вновь бросила работу, подлетѣла къ мужу, осыпала его поцѣлуями и опять принялась считать и складывать. Моссаковскій не выдержалъ: легъ въ постель и заснулъ. Но и засыпая, онъ все еще слышалъ, какъ Онися складывала и шептала: разъ, два, три, четыре.

— Чи ты, Харитоне, вже спишь? спросила между счетомъ Онися.

— Га! вскрикнулъ Моссаковскій сквозь сонъ: вже сплю.

Около полупночи Онися заперла сундукъ, вышла въ сѣни по-смотреть, заперты-ли двери, и потушила огонь.

Прошло немного часовъ, въ которые весь домъ объять былъ мертвымъ сномъ. Моссаковскій не уцѣлъ еще, что называется, повернуться на другой бокъ, какъ сквозь сонъ услышалъ, что въ сѣняхъ что-то ходитъ и стучитъ. Онъ сѣлся проснуться, но никакъ не могъ. Ему снилось, что въ сѣняхъ толкуются вору, что они ломаютъ уже дверь въ комнату; вотъ уже и дверь выломали, разбили сундукъ, вытаскиваютъ полотно и бѣлье, складываютъ и все считаютъ: разъ, два, три, четыре. Ему мерещились во снѣ ихъ свирѣпыя лица, кудлатыя головы и бороды, дикіе глаза, мохнатыя руки съ длинными загнутыми ногтями. Онъ хотѣлъ крикнуть, вскочить съ постели, но его самого будто что-то давило. Съ великимъ усиленіемъ онъ наконецъ проснулся и открылъ глаза. Въ комнатѣ было такъ темно, что не видно было даже окна. Въ сѣняхъ дѣйствительно что-то происходило: скрипнула дверь, послышались чьи то шаги, упало полѣно, въ кадкѣ плеснула вода, кто-то паливалъ воду въ горшокъ, изъ кухни доносились голоса. На минуту прислушавшись, Моссаковскій догадался, что наступаетъ утро и что прислуга уже встала.

Ему однако сдавалось, что онъ лишь немного вздремнулъ и вовсе, какъ слѣдуетъ, не заснулъ. Очнувшись, онъ окликнулъ Онисю.

— Онисе! чи вы спите?

Въ комнатѣ была мертвая тишина. Моссаковскій повторилъ вопросъ; но даже дыханія Ониси не слышно было. Онъ провелъ рукой около себя по кровати,—Ониси не было.

— Не вже оце моя жинка встала и порается въ пекарни? Ну, та й господиня-жь буде зъ моеи жинки! Билше, якъ треба. Середъ ночи товчется въ пекарни и не дае выспатись гараздъ.

Моссаковскій повернулся на другой бокъ и заснулъ. Когда онъ проснулся, въ комнатѣ уже сѣрѣли стѣны, а предъ нимъ стояла Онися, умытая, одѣтая и причесанная.

— Чи ты й доси спишь, ледащо? А я встала, ще якъ други пивши проспывали, побудила наймичошь и твоихъ наймитавъ, вже й снідання тобі зварила.

— Вы мене, Онисіе Степановно, таки добре налякали. Мені вдалось, що въ синяхъ пораяються ялдіи. Чого вы такъ рано встаете, та себе мордуете? И моя покійна мати такъ рано не вставала.

— Кто рано встает, тому й Богъ дае. Будемо рано вставати, надбаемо добра багато, а якъ будемъ спати до обѣда, то не буде ладу въ господи, говорила Онися.

— Йди лишъ, хазяйне, та подивись на худобу, та на кони, чи добре доглядвають наймиты худобы, сказала Онися Степановна, помолвившись Богу.

— Заразь, заразь Онисіе Степановно! Осъ тильки вмюшь, та трохи причепурюсь.

Пока Моссаковскій обонель загороды и кошары и вернулся въ комнаты, Онися уже и сніданье поставила на столъ.

— Ну та й ранни цгиця оця молода матушка, говорили наймички и наймиты въ пекарнѣ: будить насъ ще до третихъ пивнивъ. Не дала й выспатись гараздъ.

Онися Степановна и въ самомъ дѣлѣ не давала заспаться слугамъ. Она сама ложилась поздно, вставала рано и слугъ пріучала къ тому-же. Изъ дня въ день она поднимала ихъ съ пѣтухами, садилась сама съ наймичками за гребень, нарядила больше каждой изъ нихъ и въ добавокъ заставляла ихъ пѣсни пѣть, такъ какъ и сама любила цопѣть.

Не прошло пѣсколькихъ недѣль, какъ служанки говорили межъ собой:

— Ой, трудно служити въ цесей матушки! Колибъ, Господи, добути до року, зъ роду, зъ виду не стану на другій ризъ.

А Онися, входя болѣе и болѣе въ роль предприимчивой хозяйки, однажды такъ говорила своему Харитону:

— Знаешь що? Теперъ пастае зима. Скажи ты въ церквци, щобъ молодяци направили мені за Пилипаву хочъ по пивнятку. Ты

тільки подумай: скільки молодичь, стільки буде й пивмиткивъ. Выроблю полотно та продамъ, отъ и гроши будуть.

— Може буде завчасу. Треба трохи подождати. И тильки що ставъ на паравію. Щобъ часомъ люде не гомонили.

— Оце лихо! Якъ не схотять, ниhto й не силуватиме. А ты скажи въ церквѣ після службы, на царскихъ вратахъ, якъ звичайно священники говорятъ: якій зъ тебе пиць, коли ты до сѣго часу й слова не промовивъ до своихъ парафіанъ?

Крохотное самолюбіе Моссаковского было задѣто, и онъ рѣшился сказать пѣчто въ родѣ проповѣди, а мимоходомъ и о «пивмиткахъ» предложить.

Въ первое-же воскресенье, раздавъ антидоръ и окончивъ отпустъ, о. Харитонъ обратился къ своимъ прихожанамъ съ такими словами:

— На сій недѣли въ четвергъ масте, люди добри, пунциявя, чи то заговины, на святаго апостола Филипа. Одъ сѣго дня почнеця вже пиеть, святая Филиповочка. Отъ-же треба, люди добри, сѣй святій пиеть по християнски проводить, щобъ Богъ помигъ намъ и св. Риздва дивдаты.

— Дай-то, Боже! Поможи, Боже, святаго праздника дивдаты! проговорило со вздохомъ нѣсколько голосовъ.—О. Харитонъ продолжалъ:

— Памятайте-жь, люди добри, щобъ вы до церкви ходили, Богу молялись, дитей своихъ на все добре навчали та й сами для всякого добрыми були, бо добрымъ людямъ Богъ дае спасеніе, а грѣшнихъ будутъ чорты мучити въ некли огнемъ та ростопаиною сылою.

— Охъ, охъ! послышалась глубокіе вздохи въ «бабицѣ» и вообще на женской половинѣ.—О. Харитонъ развивалъ свою мысль.

— Въ Филипівку святую до шинку не вдавайтесь и тамъ не вшивайтесь; ни зъ кимъ не сваричя, не лайтеся, не быйтеся; старого, слупого, калыку доглядайте, бидному, убогому помагайте. А найпаче въ недѣленьку святую до храму Божого посиपाайте, Господа благайте, тай того, хто молиться за васъ, не забувайте... И вы старики молодшихъ научайте. И вы молодіи старикивъ, а найбільшь отци и неньку поважайте. И вы дивчата й парубки на музыки не ходите и по вечерницямъ не гуляйте.

О. Харитонъ перевелъ духъ и, возвысивъ голосъ, не безъ смущенія закончилъ свое пехитрое слово:

— А вы, живочки, Божи бджалочки, працюйте для неба, працюйте й для того, що на цимъ свити треба. Напрядите мой молоди матушци по пивмитку, бо вона молода и до работы не звыкла та й не дуже зугарна. Настане Пилишовочка, то не гуляйте, молитесь та й у скрыню добре дбайте.—Аминь.

— А це вчора прибудилась до моеи левады чіясъ чорна корова! Напове громадо! роспитайте та й мени звистку дайте, добавилъ отецъ Харитонъ, затворяя царскія врата.

Молодицы усмѣхнулася и, выходи изъ церкви, говорили: ну цей батюшка, дарма, що въ школахъ не бувавъ, вмѣ сказати ще й приказати! Напрядимо таки для молодой матушки по пивмитку.

И на другой-же день молодицы явились къ матушкѣ и разобрали у нея все прядево изъ конопли и льну, какъ ни великъ былъ его запасъ.

Первый успѣхъ раздохотилъ Овнсю къ дальнѣйшимъ попыткамъ и спустя нѣсколько дней она говорила мужу:

— Знаешъ що, папоче? Чи не приблипнѣ-бы ты свій дохидъ одъ парадіянъ?

— Якъ же то приблипнити? спросилъ Харитонъ, недоумѣвая, что собственно хочетъ сказать ему жсна.

— Якъ? Не знаешъ? Треба правити билше, то билше и давати-муть. А то дають тоби непаче старцеви; все пятаки та гривни, часомъ и шага, коли не коли попадеться злотый. Съ пятакнѣ та гривень не забагатіємо.

— Ни, мое сердце! Въ чому нишому тебе послухаю, а въ цѣму не послухаю. Народъ бидный, папцанный, подушне платить: де ёму тихъ грошей узяти?

— А де-жь и памъ ихъ узяти?

— А на що вони памъ? Хлѣбъ святой маемо, одежины у насъ доволи, а про обихидку все-таки кощійва перепадае.

— Отъ чудный, питае, на що гроши? Та жежь треба для дитей, якъ Богъ пошле, тай на старистъ щось придбать.

— Де ще ти дити, де та старистъ!

— Та не тоди-жь хортнѣв годують, якъ на вловы идуть... Злѣзь молоду не складемо, то на старистъ ничого сподиватись.—Накинь ще по гривни хочъ на вищачни.

— Не можна. Боюся Бога,—люди убоги: якъ платили, такъ пехай и платять, по старому звычайу. Не слідь дратувати людей, коли вони добри та прихильни до насъ. Вони-жь мене й на парафію обрали, вони й предъ владыкою за мене заступились, и Балабухи до себе не пустили.

Доводы Харитона, особливо послѣдній, были такъ сильны, что Онися оставила его въ покоѣ, однакомъ же на долго.

Насталъ какой-то маленькій праздникъ, когда въ церкви и службы не бываетъ.

— Паноча! дзвони до церкви, говорила Онися.

— А павищо? Сѣгодня мале свято.

— А на те, що все-таки якась копійка перепаде.

— А Богъ нимъ, Онисіе Степановно. Не вже за пятака дзвонь ворупити.

— Але бо дзвонь. Хиба пятакъ не гроши? Зъ пятакивъ будуть рубли. Дзвонь бо, дзвонь, не линуйся! Бачишь, якъ я бигаю по господарству.

— Добре вамъ бигати, коли въ васъ ноги проворни.—Однако, сказавъ это, Моссаковский послалъ къ церкви сторожа съ ключами и велѣлъ звонить къ вечернѣ. На утро отслуживъ обѣдню, онъ принесъ изъ церкви всего доходу одинъ пятакъ. Онися взяла изъ рукъ его пятакъ и бережно спрятала его въ сундукъ.

— Ивій ты, паноча, не ласый на гроши! Поживешъ,—побачишь, якъ стануть въ пригоди гроши.

Минула осень. Работы въ хозяйствѣ стало меньше, Онися рада была-бы поусутиться, да не было около чего, хозяйство было еще не большое, да и мать, навѣщая часто свою дочь, понавезла для нея всего, что только требовалось по новости. Отецъ Харитонъ любилъ послѣ обѣда полежать и даже книжку почитать. Онися все вертѣлась въ кухнѣ, и его брала тоска, когда онъ оставался одинъ въ комнатахъ.

— Онисіе Степановно! берить палчоку та сідайте коло мене та побалакайте зо мною, а коли не хочете балакати, то я вамъ святу книжку прочитаю, говорилъ однажды Харитонъ, поворачиваясь на горячей лежанкѣ.

— А прожь ты мени будешъ читати? спросила его Онися.

— Та хочъ про царя Ирода, або про святу Барвару.

— Пекъ ёму, тому Иродови! Читайте хѣба про святу Варвару.

Онися взяла чулокъ и сѣла на стулѣ подлѣ лежаща. Харитонъ развернулъ большущую книжку и, уставивъ ее на собственномъ животѣ, сталъ читать про святую Варвару. Онися повидимому внимательно слушала, работая вмѣстѣ съ тѣмъ надъ чулкомъ. Но она лишь слухомъ внимала чтенію, а мысль ея летала и въ кухню, и въ кладовой, и въ коморѣ, заглядывала и на печь, и подъ печь, и въ дѣжу, и въ ночвы.

— Потрывай трошки! Треба заглянуть въ печь, чи вышкесе хлѣбъ, говорила Онися и съ этими словами схватывалась со стула, бѣжала въ кухню и, открывъ заслонку, пристально глядѣла въ печь. Отецъ Харитонъ отмѣчалъ въ книгѣ потемъ, до какихъ поръ прочитано, и глядѣлъ черезъ книжку въ окно. Онися влетала, какъ вихрь.

— Ну, то якъ дали? що звеливъ батько збудувати для святой Варвары? какъ-то торопливо спрашивала она мужа.

И Харитонъ продолжалъ читать тихимъ ровнымъ голосомъ, а мысли Онисины вновь отрывались отъ читаемаго и летали по двору, у конарь, хлѣвовъ, повѣтей, у гусей, куръ, индюковъ.

— Ой пожди годивочку! А же мабудъ дивчата й доси не вышосили кабапови ѣсти.

Онися вновь, какъ мотылекъ, схватилась со стула, стрѣлой пронеслась въ кухню, крикнула, что слѣдовало, дѣвчатамъ и опять очутилась на стулѣ подлѣ Харитона.

Харитонъ зѣвнулъ и вновь началъ читать. Онися совсѣмъ уже не слушала, а свою думу думала.

— А що пакъ твои наймиты, чи будуть завтра робити? неожиданно перебила она тещу.

Отецъ Харитонъ выпучилъ на нее глаза.

— Але вы мені перебиваете читати, сказали онъ.

— Та я бачъ тільки спитала. Такъ набило на думку. Чи наймиты гній вывозитимуть, чи повезуть палиню до млина. Въ насъ уже живнѣго борошна мало.

— Якъ вы скажете, такъ и буде. До васъ треба йти разуму позычати, говорилъ отецъ Харитонъ, держа палець среди строчки.

— Нехай везуть до млина. Гній можна й послі вывезти.

Отецъ Харитонъ вновь началъ чтеніе, но Онися давно потеряла всякую связь въ читаемомъ и ничего не разбирала.

— Та хто то бувъ Діоскоръ? Варваринъ чоловікъ, чи братъ? спросила она.

— Отець св. Варвары! Вы бо, Онисіе Степановно, не дуже добре слухаєте.

— Ну, ну читай! Теперъ уже все розумію.

Отець Харитонъ читавъ, но въ головѣ Ониси такъ перемѣшались Діоскоръ и игемонъ съ наймитами и Варвара съ наймичками, что она ничего не понимала.

— Знаешь що, Харитоне, опять перебила его Онися: отъ ты береніе до своен роботы моихъ наймичокъ тоди, якъ и меня ихъ треба.

И думавъ, що вы питаєте про святу Варвару.

— Въ мене вже все повинадало зъ головы, що ты читавъ. Отъ и вчера ты забравъ до току наймичокъ, а я хотила на ричку посылать. Якъ тобі треба наймичокъ, то ты зъ вечера мене спитай.

— Але-жъ, Онисіе Степановно, и вы берете до своен роботы моихъ наймитивъ, якъ меня ихъ треба, робко замѣтилъ Харитонъ.

— Знаешь що, паноча? Поделимось мы слугами. Ты распоряджайся своими наймитами, а я моими наймичками. А якъ тобі треба буде наймичокъ, то спитай у мене, а я тебе питатиму, якъ меня треба буде наймитивъ.

— Добре, Онисіе Степановно, добре. Що вы скажете, то все выходитъ добре. Осъ слухайте-жъ, а я буду дали читать. И онъ, сдвинувъ ногу съ того мѣста въ ишигъ, на которомъ оборвалось чтеніе, началъ вновь читать: но Онися Степановна совѣмъ уже не слушала. Отець Харитонъ примѣтилъ это и спросилъ:

— Чи вы слухаете?

— Та слухаю, слухаю. Не читай мене та читай дали.

— Коли вы щось думаете, сказала отецъ Харитонъ, всматриваясь въ задумчивое, умное лице своей жены.

— Читай-бо, читай! И думаю и слухаю.

— Нуте, а якъ звали отца св. Варвары?

— А хйба-жъ ты про ёго читавъ?

— А вже-жъ читавъ, та тильки вы не слухали.

— А, правда, правда! То якийсь бувъ игумень; тильки де-жъ-бы въ ёго дочка взялась...

— Якій тамъ игумень! Діоскоръ, такъ звали отца св. Варвары.

— Ну, а хто-жь той игумень бувъ? Чи якій родичъ св. Варвары, чи що?

— Не игумень, а игемонъ! Це той, що мучивъ святу Варвару.

— Ото проклятый. Въ якому-жь вишь мапастыри бувъ игемономъ? И якъ-же то ченци та святу Варвару мучили?

— Яки тамъ ченци! Игемонъ-то такъ звався начальникъ, якъ отъ у насъ губернаторъ, або стаповый.

— Ну, ну, читай далі.

Отець Харитонъ пробоваль читать, но Онися опять свое.

— Чи ты знаешъ, паноче, що у насъ картопли мало?

— Але яки-бо вы! Вамъ усе въ голови господарство. Чи вы хочете сразу забагатити, чи що?

— А чомъ-бы й не забагатити? Добре, якъ Богъ благословить намъ въ пари до самои смерти жити; а якъ-бы, борони Боже, ты попереду вмеръ и я зосталась вдовою, та ще може зъ дѣтьми? Де-бъ я тоди безъ грошей подилась?

— Богъ зъ вами, Онисю! Мы тильки що побрались, а вы вже й смерть нагадали.

— О, треба, мій голубе, живучи въ свити, на вси боки оглядатись.

— Сидишь ты собі теперъ въ Вильшаници и гадки не машь, а боропи Боже, зъиде митрополитъ, або благочинный прибижить, а въ тебе церква якъ стояла за батька твого килькадесять лѣтъ, то такъ и теперъ стоять, ажъ почорнила въ середини и зъ-на двору. Мабуть, спасиби тобі не скажуть. Отъ и оглядайся, паноче! Справди, опоряди ты свою церкау, якъ мій батько свою опорядивъ.

— Оце вы правду кажете, Онисіе Степановно! Треба церкву опорядити, треба ще й маляра зъ Богуслава закликати, щобъ намалювавъ таки образы, якъ въ чайкивськи церкви.

— Эге; та ще щобъ Балабуху намалювавъ у пекли на самому дни.

— Про мене, нехай намалюе и Балабуху, тильки щобъ часомъ зъ цѣго що не выйшло.

Пока отецъ Харитонъ толковаль съ громадою о починокъ церкви и договаривался съ маляромъ о покраскѣ оной внутри и написани нѣсколькихъ картинъ, въ томъ числѣ и неопалимой купины и страшнаго суда, Онисѣ пришлось какъ-то побывать въ Богуславѣ на ярмаркѣ. Она вернулась домой съ недоброю вѣстью. Не смотря на свой замѣчательно твердый характеръ, она была очень

смущена и это отражалось на ея блѣдномъ лицѣ и судорожно сжатыхъ губахъ. Не вдругъ она собралась передать мужу тяжелую вѣсть, которая не столько ее пугала, сколько волновала. Дѣло въ томъ, что на мѣсто старшаго священника въ Богуславѣ и вмѣстѣ благочиннаго ближайшихъ церквей, въ томъ числѣ и ольшаницкой, былъ назначенъ не кто иной, какъ естественный врагъ Онисия и Харитона Балабуха, который становился такимъ образомъ непосредственнымъ ихъ начальникомъ и могъ вымещать теперь на нихъ свою злобу, къ которой имѣлъ достаточно причинъ.

Вѣсть эта какъ громомъ поразила о. Харитона. Отъ природы тихій и боязливый, онъ совершенно растерялся и послѣ первыхъ словъ изумленія и страха сталъ говорить женѣ такія колкости, которыхъ онъ никогда-бы сказать не рѣшился и которыя только и можно было объяснять полною его растерянностью.

— А що, Онисіе Степановно, говорилъ онъ, совсѣмъ уже не владѣя собой, чи будемо малювати Балабуху въ церквѣ, та ще на самому дни?

— Малюй уже ты, отвѣчала Онисья, не гляди на мужа.

— А пригадае вамъ Балабуха, продолжалъ о. Харитонъ, якъ вы давали йому гарбузы.

— Куды-жь павъ велике цабе! Що мени благочинный! На мени не попивеся ряса, а плахта. Зъ мене чина не здѣймуть. На тоби то все окошиця: пригадае выпъ тоби и мене, и вильшаницьку паракшию, и вильшаницьку громаду; выпъ конечно думаетъ, що не громада выгнала его зъ Вильшаницы, а ты.

— Та же-жь мужъ и жена, то плоть одна, замѣтилъ отъ писанія о. Харитонъ, въ видѣ какъ-бы возраженія Онисѣ; но та молчала, стиснувъ зубы. Подавленный страхомъ и отчаяніемъ, онъ, бѣгая по комнатѣ, бессознательно твердилъ:

— Охъ лишечко! Що-жь теперь мени робити? Та выпъ-же мене зъиестъ безъ соли. Ой Боже мій! Ой лишечко! Що-жь мени робити?

Но даже изобрѣтательная Онисья не находила никакого выхода изъ нежданной бѣды. Потолковали, поговорили все одинъ разъ и рѣшили ждать, что Богъ пошлетъ.

Между тѣмъ Балабуха, не скоро дождавшійся указа о своемъ назначеніи, не торопливо перевозился въ Богуславъ и устраивался на новомъ хозяйствѣ. Подошли рождественскіе праздники, пасту-

пиза годовая отчетность, потомъ какія-то слѣдствія и дѣла,—Балабуха падолго отвлеченъ былъ отъ объѣздовъ по благочинію.

Минула зима, прошла весна, наступало лѣто. Въ Ольшаницѣ совѣмъ опорядили церковь снаружки и внутри, выкрасили стѣны, повѣсили образъ и огромную картину страшнаго суда, но Балабухѣ не суждено было попасть въ «пекло», да еще на самое дно, какъ того хотѣла раньше Онися Степановна. Тѣмъ временемъ захватившій сосѣдь-священникъ передалъ о. Харитову, что благочинный, какъ слышалъ онъ, получилъ указъ произвести самую строгую ревизію церквей, что новый митрополитъ приказываетъ благочиннымъ испытывать прихожанъ, особенно малыхъ дѣтей въ знаніи молитвъ, дознавать, читають-ли священники проповѣди, служатъ-ли неопустительно, крестятъ-ли дѣтей въ церкви чрезъ погруженіе и ныбють-ли крестальни, храпятъ-ли въ надлежщемъ мѣстѣ, порядкѣ и чистотѣ св. антимины, запасные дары и св. миро, не держатъ-ли подризниковъ позотпанныхъ, чапъ деревянныхъ, вѣнцевъ бумажныхъ, требниковъ уніатскихъ, не ушваются-ли па свадьбахъ, крестинахъ и поминкахъ, не вымогають-ли у прихожанъ за исполненіе требъ, а главное ведутъ-ли своевременно и исправно записи метрикъ, приходо-расходныхъ книгъ и пр. и пр. О. Харитонъ совѣмъ потерялся; въ его воображеніи воскресли и еще съ большею силою первые страхи. Даже Онися, въ виду нависшей грозы, рѣшила, что надо чѣмъ нибудь задобрить Балабуху.

— Але що ёму послати зъ нашего убогого господарства? милоумѣвала она. Пашина шкода, теличку або бузизня шкода, полотно ще билше шкода...

— Всёго шкода, тильки мене не шкода; сказать, сморщились, отецъ Харитонъ.

Онися продолжала, какъ-бы вовсе не слышала сказаннаго мужемъ.

— Колопель у насъ мало, бо молодыци попрыли; лёпу зовсимъ мало. Гуси, выдыки та качки ще не повыростали, а решта стары. Меду-бъ послать, такъ ще бджолы мабутъ не вавосили.

— А може-бъ Онисіе Степановно, одислати того бабапчуса, що въ сажы?

— Саме такъ! Це якъ-разъ для благочиннаго годую. На пизы Петра самимъ здастьця; зъ молоденькимъ часнычкомъ та свиже салце—самый смакъ.

— Тагъ що-жь одначе поплете?

— Знаешъ що? Нашъ староста добрый гончаръ. Нехай винъ одведе хуру своихъ горшкивъ.

— Та й розумни-жь вы, Онисіе Степановно! Ей Богу, добра вана ричъ. А же-жь надъ старостами благочинный такъ само началшикъ, якъ и надъ нами. Треба послати за старостою.

Отець Харитонъ послалъ за старостою и безъ особаго труда убѣдилъ его свести благочинному въ подарокъ нѣсколько десятковъ, а то и цѣлюю сотню его гончарныхъ издѣлій на всякія кухонныя потребности.

— Але, Онисіе Степановно, треба все таки одъ себе прикинути щось, добавилъ о. Харитонъ, обращаясь къ женѣ.

— Одъ мене прикинь дулю отцю благочинному, а другу госпожи благочинни, отвѣтила Онися.—Отець Харитонъ только носомъ потерѣлъ и не рѣшился больше говорить.

На второй или третій постѣ этого дня, староста отобралъ лучшую, кака была въ его гончарнѣ, и самую разнообразную посуду, бережно уложилъ ее на возу и отправился къ благочинному на поклонъ.

Усадьба Балабухи расположена была на возвышенной части Богуслава, почти на краю онаго. Многовѣковый этотъ городъ, въ ту пору еще уѣздный, не отличался ни многолюдствомъ, ни богатствомъ. Главную, верхнюю часть города занимали жиды: тутъ стояла старинная синагога, тѣснились свученныя ихъ лавки и жилища, съ узкими и кривыми улицами. Отсюда городъ неправильными группами бѣдныхъ построекъ, безъ улицъ и и дорогъ, и даже одиночными хатами, разбросанными между скаль и камней, спускался къ рѣкѣ по скату горъ, прорѣзанныхъ нѣсколькими глубокими взвозами. Внизу шумѣла Росъ, по обѣимъ сторонамъ которой нагромождены были груды огромныхъ камней, а кой-гдѣ угрюмо стояли высокія отвѣсныя скалы. Все русло рѣки у самаго города завалено было грудями камней, и вода, прорываясь поверхъ и вокругъ ихъ, шумѣла, влокотала и лишь на самомъ концѣ города выходила на широкій роздолъ, прегражденный узкой извилистой плотиной.

Вдоль праваго берега Роси тянулось исключительно почти христіанское поселеніе, заканчивавшееся монастыремъ, расположен-

нымъ на совершенно отдѣльной горѣ, окруженной когда-то со всѣхъ сторонъ водою. Вдали за монастыремъ зеленѣли широкія левады и сѣрѣли скалы, выступавшія грозными стѣнами вдоль высокого берега.

Староста въѣхалъ въ дворъ благочиннаго. Ворота стояли настежь, подвору шпыряли жидовскія козы, ципля кой-гдѣ торчавшій бурьянъ или силсяе достать выгадывавшую изъ-за плетня кое-какую огородную зелень. По срединѣ двора стоялъ не старшій еще, но какой-то ободраншій домъ, съ почерпѣвшею, мѣстами продранною соломенною крышею. Съ правой отъ въѣзда стороны расположены были въ безпорядкѣ также обветшавшія и неисправленныя хозяйственныя службы; съ лѣва узкой полосой тянулся, огибая домъ, небольшой, скудно засаженный огородъ съ торчавшими кое-гдѣ старыми грушами и черешнями. Нигдѣ не видно было и слѣда заботливой хозяйской руки; отовсюду несло неумѣлостію, небрежностію и запустѣніемъ. Даже невзыскательный ольшаницкій староста, окинувъ постройки и дворъ своимъ опытнымъ хозяйскимъ глазомъ, силянулъ на богъ и подумалъ про себя: «логаный господарь въ нанного благочиннаго!» «А про те тутъ моимъ горшкамъ ради будутъ», сказалъ онъ уже почти въ слухъ, оставаясь среди двора своихъ воловъ. Оглядѣвшись по сторонамъ, пѣтъ-ли гдѣ собакъ, староста отряхнулъ полы своей свиты, взялъ шапку подъ мышку и петвердыми шагами направился къ дому благочиннаго.

Балабуху дѣйствительно мало интересовало хозяйство, еще менѣе расположена была къ нему его жена Олеся. Опъ отячался нѣсколько философскимъ настроеніемъ на манеръ тоголовскаго Омы Брута, она—поэтическимъ, точнѣе романтическимъ. При такихъ наклонностяхъ хата какъ разъ безъ крыши будетъ. Къ тому-же Балабуха немного обчелся на приданомъ. Не помогли тутъ ему ни свать, Мелхиседекъ, ни сваха Марта. Терлецкій далъ своему зятю едва четвертую часть того, что обѣщаль. Опъ не далъ Балабухѣ даже той бабы, которую обѣщаль, но въ замѣнъ ея далъ парубка Прокопа, у котораго, какъ говорили, «не вси були дома».

Балабуха только что пообедалъ, нѣсколько позднеенько по городскому обычаю, и прилегъ въ свѣтлицѣ на канапѣ, чтобы, какъ говорилъ онъ, *само завязалось*. Олеся одѣтая въ чистенькое ситце-

вое платье, сидѣла около него на полу и паягрывала на гитарѣ какой-то жестокій романсъ. Жилище ихъ представляло смѣсь какаго-то убожества и скудости съ претензіями на панство. Въ переднемъ углу висѣли двѣ-три иконы—родительское благословеніе; по стѣнамъ развѣшаны были плохія литографіи, представлявшія разныя сцены изъ войны съ французами и за независимость грековъ, равно портреты Кутузова и Барклая-де-Толли. Среди нихъ рѣзко выдѣлялись купленные въ Кіевѣ на контрактахъ два раскрашенные, но также бумажныя изображенія: на одномъ изъ нихъ дѣвица съ голыми плечами держала на рукахъ кота, на другомъ дѣвица съ закрытыми плечами, но съ голыми руками держала на пальцѣхъ канарейку и кормила ее изъ своихъ коралловыхъ усть. На окнахъ стояли горшки съ цвѣтами, закрытые на половину кисейными занавѣсками, перехваченными розовыми ленточками. Простой некрасивый полъ былъ чисто вымытъ. Цѣльный гарнитуръ незатѣливой, но свѣже-купленной мебели достаточно заполнялъ пустоту обширной залы.

Староста робко пріотворилъ дверь и перѣшительно подался назадъ; Балабуха поднялся съ каваны. Олѣся перестала играть.

— А що скажешъ, чоловіче? спросилъ Балабуха.

— Прихавъ до вашої милости зъ гостинцемъ одъ вильшаницького батюшки.

— Зъ явимъ гостинцемъ? спросилъ Балабуха.

— Та тутъ прислали де якои посудини вамъ на господарство. У пасть, вважаєте, свои ганчари. Чи звелите куды перенести? спросилъ староста, некоса поглядывая на «простоволосую» благочинную, т. е. не покрывавшую головы ни «намиткою», ни платкомъ, ни чепцемъ.

Балабуха съ Онисею вышли на крыльце. Староста подвернулъ къ крыльцу воловий возъ и бережно сталъ снимать съ него посуду, высвобождая ее изъ соломы и разставляя у крыльца. На помощь ему были призваны Олесею горбатая Килипа и Прокопъ— «не вси дома». При видѣ раскладываемаго добра, Олеса не могла скрыть своего удовольствія и съ улыбкою глядя на мужа, шепнула ему въ полголоса:

— Піддобрюються, боятися тебе.

— Добри горшки у васъ въ Вильшани, связать Балабуха, оплывъ глазами разставленные горшки съ поливкою внутри.

— А це що таке? спросила Олеся, шевели кончикомъ башмака какую-то особой формы посудину.

— Це, выбачайте, госпоже, поросятники, щобъ смалити цили поросята чи къ Великодню, чи й такъ на свою обихидку.

Благочинная ласково улыбнулась.

— Це матушка особливе переслала намъ, добавилъ староста. Олеся совсѣмъ просіяла; ей особенно по сердцу было это вниманіе ся соперницы, съ которою однако ей доселѣ еще не пришлось ни разу встрѣтиться.

За все доставленное отъ имени батюшки и матушки старостѣ не пришлось однако получить и спасибо, а только выпить рюмку водки, и то маленькую, да закусить ломтикомъ черстваго хлѣба.

— Кляцѣйся батюшци й матушци, говорилъ Балабуха отъѣзжавшему старостѣ, та накажи, щобъ приехали до насъ въ гости.—Та не забудь подякувати за горшки, крикнуть опъ въ договку, когда староста былъ уже у воротъ.

Пока Килина и Прокопъ сносили въ кухню посуду, Балабуха и Олеся, сидя на крыльцѣ, вели разговоръ по поводу неожиданнаго подарка.

— Мосаковскы йдуть на миръ, сказалъ Балабуха.

— Добре роблять, що йдуть, замѣтила Олеся: намъ горшкивъ треба, Килина товче ихъ такъ, що не стае одъ ярмарку до ярмарку.

— Щожъ казавъ благочинный? спрашивалъ Харитонъ и Оиця возвратившагося старосту.

— Дякувавъ и прохавъ, щобъ вы приехали до ихъ въ гости, отвѣчала староста.

— А благочинну бачилъ?

— Выходили обое.

— Яка-жь, привитна?

— Та, выбачайте, простоволосою ходитъ! Нема їи стыда й сорома, волосомъ свичать.

— То, старосто, звычай такий, на напывъ девляця, тай сами такъ роблять.

Между тѣмъ Балабухи, до отъѣздѣ ольшаницкаго старосты возвратясь въ комнаты, не находили, за что приняться и какъ убить

досушее праздничное время. Балабуху таяло ко сну, Олеся принималась вновь за гитару и романсы, порядочно уже прискучившіе ему. Чтобы отдѣлаться отъ того и другаго, Балабуха достала изъ шкафа толстѣйшую въ кожаномъ переплетѣ книгу и принялся читать. Называлась эта книга «Театронъ или позоръ историческій». Балабуха углубился въ чтеніе, Олеся сидѣла и скучала.

— Господи, яка нудьга! сказала она, зѣвая изо всѣхъ силъ. Хоть бы кто прійшовъ.—Видя однако, что мужъ не обращаетъ вниманія на ея слова, она достала любимую свою книгу: «Волшебница Раги-Муина и принцъ Ибрагимъ» и принялась въ свою очередь читать.

Прошло добрыхъ полчаса. Балабуха, дойдя до раздѣленія народовъ послѣ потопа и происхожденія Москвы отъ Мосоха, закрылъ книгу и отодвигая ее, сказалъ какъ бы про себя:

— Добра книжка, та якось одъ нея сонъ змагае.

— Що ты тамъ не знашь що читашь. На, лучше читай оцю «Волшебницу», то и я послушаю; одъ сен не заснешь, а хоть-бы и спавъ, то прокинешься, сказала Олеся, суя Балабухѣ книгу въ руки. *

— Дай уже, дай. Я тоби прочитаю и «Волшебницу».

Балабуха сталъ читать: онъ часто останавливался, щурилъ глаза, морщился, насмѣшливо улыбался и наконецъ дойдя до того, какъ волшебница повела Ибрагима въ глубокую пещеру и стала выкликать тамъ какого-то страшнаго духа, неся при этомъ высокимъ стилемъ невообразимую чепуху, расхохотался и бросивъ книгу на столъ, сказалъ:

— Одчепись, Олесю, зъ своими волшебницами! Послухай лучше, я тоби прочитаю зъ моеи батькивськой книжки, ще мабуть одъ прадида зосталась.

И онъ досталъ изъ шкафа какую-то старую, крайне невзрачную книжку, не только потертую и засаленную, но даже нѣсколько объѣденную мышами.

— Отъ выдравъ якусь старовину! Це навить жидамъ на тютюнѣ не згодится, а не то, щобъ ёго читати.

— Ге, не въ тымъ сила, що кобыла сьва, а якъ вона везе.

— Щожъ то за книжка? цкава-бъ я знати.

— Се бачъ зоцея «Краткій Лѣтописецъ», а розказуе вишь, коли якъ и що діялось на Украини и коли хто бувъ гетманомъ.

— А то що таке Украина? Може велика яка посессія? А гетманомъ—то значитья економомъ, або жондцею...

— Тай чудна-жь ты, Олеся! Украина—тожь наша родина, а гетманъ—то батько козацькій бувъ.

Олеся вскинула на мужа глаза полныя недоумѣнія. Минуту помолчавъ, она со смѣхомъ сказала:

— Щожь меня до того, хто тамъ чимъ батькомъ бувъ?

— Та не объ тымъ бо ричь, съ неудовольствіемъ замѣтля Балабуха; вишь, бачъ, описуе тутъ, якъ козаки бились зъ панами.

Олеся громко захохотала. Балабуха нервно вздрогнулъ и повернулся на каналѣ.

— Бились зъ панами?! Та же-жь и теперъ козаки у панивъ по дворахъ служатъ, отъ хоть-бы и въ нашого жондци. А нехай-же который, не то щобъ битися, а хоть-бы въ однимъ слови не послухавъ, то заразъ сго на стайню та нагами.

— Дитино моя! съ боллю въ сердцѣ произпесъ Балабуха. Тожь теперъ такъ сталося, а колись то вси возавами були и зъ панами бились, и навить ихъ били, та ще якъ били. Ось колибъ ты почитала тутъ, якъ Хмельницкій бивъ ихъ на Жовтихъ Водахъ, пидъ Кумейками, отуть недалечко пидъ Корсуномъ,—геть отъ Корсуна коло Яблунивки ажъ до Стеблева гнали ихъ та били.

Олеся въ недоумѣніи раскрыла ротъ. Ни отъ кого ликогда ничего подобнаго она не слыхала и въ книгахъ не читала. Балабуха не разъ прочель своего «Лѣтописца» и зналъ его чуть не наизусть. Въ немъ разгорѣлась теперъ кровь и воодушевляясь все больше, онъ продолжалъ: Чи-жь мало ихъ били! А пидъ Пилявцями, пидъ Збаражомъ, пидъ Зборовымъ. Отъ тильки пидъ Берестечкомъ... Але я-бъ того Тугай-бея на шматки розирвавъ.

Все это было и ново и дико для Олеси, и она пикакъ не могла понять, что сталося съ ея мужемъ и отъ чего онъ волнуется и кричить. А Балабуха входилъ все въ большій азартъ, припоминалъ многіе другіе факты, пускался въ подробности, поднимался съ мѣста, размахивалъ руками, ударялъ по столу булавомъ.

— А то отъ ще въ одни таки книжци читавъ, якъ Хмельницкій оравъ панами. Запрягъ папивъ въ плугъ та й оре... Балабуха громко захохоталъ и обрацаюся съ улыбкой къ женѣ, добавилъ:

— Отъ явъ-бы того Баньковского запрягти въ плугъ, мабуть самъ одинъ-бы потягъ.

— Одченись ты съ своими козаками! сказала съ досадою Олеся и вырвавъ у мужа книгу изъ рукъ, швырнула ее на шкафъ.

— Не сердься бо, голубко, Олесю! съ нѣжностію сказала Балабуха, обнимая и цѣлуя жену.—Ще я не противъ тебе, а такъ згадавъ, якъ колись-то було... Знаешь що, мое сердце? Пиди ты до пекарни! та скажи Киляни, щобъ зготувала намъ що на вечерю.

— Иди вже самъ, я испавижу ту пекарню. Колибъ ты добрый бувъ, то кухара напавъ-бы.

— Э! на кухаря треба багато грошей. Пиди бо, та распорядись!

Олеся отворила дверь въ сѣни, кивнула Киляну, сказала, что приготовить на ужинъ, но сама въ кухню не пошла. Она чувствовала себя не въ духѣ по поводу его остроты надъ Баньковскимъ.

Насталъ длинный и скучный вечеръ. Олеся не хотѣла говорить, она достала свою «Волшеблицу» и начала читать въ слухъ. Балабуха не слушалъ и только жѣвалъ. За ужиномъ онъ сказалъ еще нѣсколько ждкихъ словъ женѣ по поводу не вкусно изготовленнаго кушанья. Это окончательно разстроило Олесю.

— Господи, яка пудьга!—говорила она, принявшись послѣ ужина ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.—И гость тоби пиякій не прииде. Колибъ хочъ жидъ якій зъ мистечка приповъ, всебъ таки було съ кимъ поговорити.

Балабуха не обращалъ вниманія на слова жены, брошенный, очевидно, въ его сторону. Онъ курилъ трубку изъ длиннаго чубука и упорно молчалъ. Олеся продолжала безцѣльно сновать по комнатѣ. Ея думы летали въ родной Хохитвѣ, въ кругу шляхтичей-панковъ, среди которыхъ она выросла, понятія, взгляды и привычка которыхъ усвоила, въ обществѣ которыхъ она столько веселилась и чувствовала себя пріятно и легко. Она припоминала часы и дни, проведенные въ веселой компаніи всегда любезныхъ кавалеровъ. Фантазія ея разыгрывалась; ей тѣсно и душно становилось въ этомъ сумрачномъ, мертвомъ домѣ; ея думы уносились куда-то далеко, рвались, какъ птицы въ облака, кружились въ какомъ-то безконеч-

номъ прострелствѣ, не зная, гдѣ остановиться. Утомленная мечтами и ходьбой, Олеся опустилась на канапку, откинула голову назадъ и уперлась глазами въ потолокъ, какъ-бы читая что-то написанное на немъ.

Послѣ долгаго раздумыванія, Олеся не нашла ничего лучшаго, какъ попросить мужа, чтобы онъ спилъ ей новое шелковое платье. Балабуха охотно обѣщалъ, и это послужило къ заглаженію того непріятнаго впечатлѣнія, какое произведено па ихъ обоихъ всѣмъ предшествовавшимъ разговоромъ.

На другой день послѣ ранняго обѣда Балабуха отправился въ обѣздъ по благочинію, и началъ съ Ольшаницы. Когда онъ подъѣхалъ къ дому Моссаковского, тотъ, завидѣвъ его въ окно, выпелъ къ нему на встрѣчу и почтительно его привѣтствовалъ. Балабуха ласково поздоровался съ хозяиномъ и трижды облобызался. Вошли въ комнату, усѣлись и повели рѣчь о семь, о томъ. Балабуха держалъ себя нѣсколько холодно, распрашивалъ о церкви и приходѣ и избѣгалъ всего, что могло-бы напомнить его прежнія отношенія къ хозяйкѣ дома. Моссаковский усиливался быть внимательнымъ, радушимъ, старался даже льстить. Разговоръ не имѣлъ искренняго, непринужденнаго характера. Опися, стоя за дверью въ сосѣдней комнатѣ, притаила духъ и внимательно прислушивалась къ разговору. Она ли за что не рѣшалась выйти къ гостю, но въ тоже время ей очень хотѣлось взглянуть на бывшаго своего жениха, такъ презрительно ею отвергнутаго, и она поднялась на стулъ и пристально глядѣла сквозь широкую щель надъ дверью. Балабуха имѣлъ небольшую складистую черную бороду, въ мѣру отросшіе на головѣ волосы виднѣсь вокругъ лоснящимися кудрями, густые черные усы закрыли его незрасныя губы. Вообще Балабуха казался теперь Описѣ гораздо лучшимъ, чѣмъ прежде, и это мирило ее съ необходимостью сносить присутствіе въ дождѣ лица, которое теперь, въ качествѣ начальника, могло вымещать свое прежнее оскорбленіе.

Моссаковский, разговоривая съ благочиннымъ, сидѣлъ какъ на иголькахъ: онъ все ждалъ, что вотъ-вотъ начнется та строгая ревизія, о которой ему столько наговорили, что благочинный потребуетъ записи, книги, до всего станетъ докапываться, закажетъ созвать прихожанъ, ихъ дѣтей, останется служить обѣдню. Ничего

такого не случилось. Балабуха осмотрѣлъ лишь церковь, ризницу, антимянсь, дарохранительницу и заставилъ старосту показать скудную наличность копилельювыхъ и свѣчныхъ денегъ.

Все похвалилъ, всёжъ остался доволенъ, особенно покраскою церкви и новыми образами. Моссаковскій благословлялъ судьбу, что успѣлъ во время остановить истерпѣливое желаніе Ониси избразить Балабуху въ «неклѣ», да еще на самомъ дѣлѣ.

Пока производился осмотръ церкви, Ониса хотя-не хотя пригостила закуску для гостя и усталила столъ всёжъ, что можно было схватить на скорую руку. Возвращаясь изъ церкви, Балабуха полюбопытствовалъ взглянуть на хозяйство своего сосѣда и счастливаго соперника.

Усадьба была въ наилучшемъ порядкѣ. Прихожане позаботились обнести новыми плетнями огородъ и дворъ, поправить крышу на хозяйственныхъ службахъ, а ивыя и вповь покрыть. Вездѣ видѣнъ былъ порядокъ, все было исправно и чисто, словомъ: по хозяйски.

— Видно, що громада васъ любитъ, сказалъ Балабуха, у васъ и церква и госнода опоряжени, якъ слѣдъ. А мои богуславци, що имъ не кажи, и ухомъ не ведутъ. У мене не тильки все стоить обидране, роскрыте,—ворить навить не поставлять, такъ цоламами й стоять.

Моссаковскій самодовольно ослабился и попросилъ Балабуху «до господы». Усѣвшись за столъ, и хозяинъ и гость закусывали съ такимъ аппетитомъ, какъ-бы много предъ тѣмъ потрудились. Моссаковскій усердно потчивалъ, часто наливалъ, подобострастно припрашивалъ. Балабуха ни отъ чего не отказывался, принималъ все, какъ должное, и очень былъ доволенъ радушіемъ и почтительностію хозяина. Ублажившись довольно, онъ вспомнилъ свою Олеся и его потянуло домой. Онъ какъ будто видѣлъ рядомъ съ собою ея гибкую, подвижную фигуру, ея румяное, свѣжее лице, будто слыпалъ ея вѣжнйй голось, звонкій смѣхъ. Вдругъ въ комнатѣ за стѣной чуть замѣтно послышался сдержанный голось Ониси. Балабуха замеръ... То былъ очень знакомый ему голось. Балабухѣ крѣпко хотѣлось хотя мелькомъ взглянуть на Онисю, полюбоваться острыми тонкими бровями, ея чудными блестящими глазами, и онъ не безъ внутренняго волненія спросилъ у Моссаковского:

— Чи здорова ваша пани-матка?

— Спасибі вамъ! Не здужае трохи. Десь мабуть витромъ проходило, вже давненько кашляе, отвѣтилъ Моссаковскій.

— Жаль, жаль, тихо промолвилъ Балабуха, и онъ опять перенесся мыслью къ себѣ въ домъ, и опять увидѣлъ предъ собою свѣжее лице Олеси.

Балабуха послѣшилъ окончить закусываніе и велѣлъ подарать лошадей. Уѣзжая изъ дому, онъ рассчитывалъ проѣздить нѣсколько дней, но теперь передумалъ и уже съ пути въ другое село велѣлъ кучеру повернуть домой.

Была уже совсѣмъ ночь, когда Балабуха подѣхалъ къ крыльцу своего дома.

Изъ оконъ кухни на темный дворъ лился яркій свѣтъ. Широкии пламенемъ горѣли дрова въ печи; сквозъ окна можно было видѣть приставленные къ огню горшки, большой поросятникъ и неуклюжую Килипу, возвышующая у печи, съ подвязаннымъ напереді полотенцемъ взаиѣмъ фартуха. Не трудно было догадаться, что готовится не простой домашній ужинъ. А изъ оконъ свѣтлицы сквозъ неплотно притворенныя ставни прорывался длинными полосами свѣтъ и падалъ на плетень. Новый знакъ для Балабухи, что въ домѣ у него гости. Пробираясь осторожно чрезъ темныя сѣни, онъ слышалъ допосившійся изъ свѣтлицы голоса, а когда отворилъ дверь, то сквозъ густыя облака табачнаго дыма едва могъ примѣтить свѣжее личико Олеси, какъ розу, прикрытую газомъ, и большую курчавую голову Баньковского. Они сидѣли на канапѣ; Олесь держала на колѣняхъ гитару, въ рукахъ Баньковского торчалъ длинный чубукъ. Балабуха совсѣмъ не замѣтилъ того, что одна рука Баньковского огибала станъ Олеси.

— Кто тамъ? крикнулъ Баньковский, слышавъ скрипъ двери.

— Свои, прогудѣлъ густымъ басомъ Балабуха, вступая въ свѣтлицу.

Баньковский бросился къ нему на встрѣчу, Олесь даже не шевельнулась на мѣстѣ и только положила гитару на каналу.

— Го, якъ ся маєте, шановный ойче! восклицалъ Баньковский, обнимая и цѣлуя Балабуху.

Балабуха холодно, съ явнымъ даже неудовольствіемъ отвѣтилъ на привѣтствіе Баньковского и не поздоровавшись съ женою,

прошелъ въ боковую комнату, чтобы снять съ себя верхнее платье.

И Олесе и Баньковскій не могли не чувствовать неловкости своего положенія, хотя оно вышло совсѣмъ просто и случайно. По отъездѣ мужа Олесе вышла въ городъ пройтись и встрѣтивъ Баньковского, пригласила его зайти къ ней вечеромъ, никакъ не рассчитывая, что мужъ возвратится въ тотъ-же день. Балабуха думала, конечно, совсѣмъ иначе. Выйдя въ залу, онъ набилъ трубку, закурилъ и молча усѣлся на стулъ. Лишь неслось взглянуть онъ на жену, та покраснѣла, какъ маковка. Настало общее молчаніе. Баньковскій подумалъ было встать и распрощаться, но сообразилъ, что выйдетъ еще хуже, къ тому-же и поужинать хотѣлось, и потому рѣшившись остаться, онъ, ни мало не стѣсняясь, началъ разговоръ.

— Якъ же вамъ, отецъ благочинный, ѣздилось? Чи далеко були? смѣло спросилъ Баньковскій.

— Недалеко, въ Вильшаныци, отозвался Балабуха, и снова взявъ въ губы чубукъ и такъ потянулъ изъ него, что весь табакъ всыхнулъ и поверхъ трубки показалось пламя, которое онъ успѣшилъ задуть.

— О, я знаю Вильшаныцю и не разъ тамъ бывавъ у покойника старого батюшки. Що за добра, що за миа душа бувъ покойникъ, царство ему небесне! Якій ширый, якій приватный. А господарь якій! Такого трудно де знайти,—распустилъ рѣчь панъ Баньковскій, чтобы занять время, пока поспѣетъ ужинъ.

— Добрый бувъ чоловікъ, неохотно добавилъ Балабуха и вновь со злости такъ потянулъ изъ трубки, что въ ней послышался трескъ какъ-бы поджариваемаго на сковородѣ сала.

— Чи бачивъ-же Онісію Степановну? спросила Олесе слегка дрожавшимъ голосомъ.

— Ни, коротко отрѣзалъ Балабуха.

На минуту всё смолкло; слышался только глухой трескъ въ трубкѣ и дымъ густыми клубьями поднимался къ потолку.

— Я знавъ Онісію Степановну ще паппою, успѣшилъ вставить свое слово панъ Баньковскій. Ото була цяця! Ну, тай цяця! Якъ крапанка! Якъ писанка! Якъ золото!

— Шкода тильки, що въ плахти ходила, замѣтила Олеса. Мабуть теперь завертнулась намиткою, якъ сільска баба. Не люблю я тихъ намитокъ, запасовъ та плахть.

— Часомъ ти намитки та плахты бувають лучши одъ суконь, грубо отозвался на это Балабуха, не глядя на жену.

— Уже сердься, не сердься, а вечери таки я диждусь, подумалъ Баньковскій и развелъ длинную исторію объ отцѣ Описи, о самой Ольшаницѣ, о тамошнихъ лѣсахъ, о бывшихъ тамъ облавахъ на волковъ и полевалъяхъ на зайцевъ и лисицъ, перебралъ всѣхъ бывшихъ тамъ помѣщиковъ, экономовъ и другихъ шляхтичей, о каждомъ почти изъ нихъ рассказалъ какойнибудь забавный анекдотъ. Баньковскій незамѣтно для себя увлекся рассказами объ охотѣ, говорилъ съ жаромъ и одушевленіемъ, сыпалъ шутками и островами. Олеса хохотала отъ души, Балабуха выходилъ изъ себя, пока Килина не застала столъ и не подала ужинъ.

Баньковскій съ одинаковымъ увлеченіемъ уписывалъ лапшу съ курицею и курицу съ соусомъ, какъ и жаренаго поросенка. Хотя ужинъ приготовленъ былъ неискусною рукою Килины, Баньковскій не скупился на похвалы, чтобы польстить хозяйкѣ.

— Якъ-то смачно, якъ-то чудово зготовано! то и дѣло напѣвалъ онъ Олесѣ. Балабуха только вскидывалъ на него сердитыми глазами и молча ѣлъ.

Поужинавъ, Баньковскій безъ церемоніи схватилъ шапку, попрощался и поѣхалъ домой. Килина убрала со стола. Балабуха сосалъ трубку и молчалъ.

— Ты на мене сердяшься? спросила его Олеса, подойди къ нему и положи въ руку на плечо.

Балабуха молчалъ и глядѣлъ на стѣну.

— Може ты думаешъ, що я умысне запросила до себе Баньковского? Я ёго й не думала просити: бувъ на ярмарку и захавъ. Балабуха тапулъ изъ трубки и молчалъ.

— Чого це ты мовчишь? Чи ты справди сердишься на мене? допытывалась Олеса.

Балабуха молчалъ и курилъ.

— Слухай! Ты сердяшься на мене? вновь спросила его Олеса и слегка ударила его по плечу; та покинь-бо люльку та говори зо мною.

Балабуха глазомъ не мигнулъ, не шевельнулъ усомъ.

Олеся пробовала вырвать изъ рукъ его трубку; онъ не допустилъ и слегка оттолкнулъ ее руку на бокъ.

— Ото не люблю, якъ чоловікъ мовчить. Говори що нібудь! чи хвали мене, чи гудь, але говори.

Балабуха молчалъ и молча внось набилъ трубку и продолжалъ курить.

— Та й запеклий-же ты чоловікъ! Здається, зъ кремня легче добути слова, якъ одъ тебе. Кидай люльку та поговори зо мною.

Олеся рванула чубукъ изъ рукъ мужа такъ, что искры посыпались изъ трубки на полъ. Балабуха всталъ и молча вышелъ на дворъ, не надѣвъ даже шапки.

Была темная ночь. По темному, какъ черное сукно, небу, блестяи звѣзды, какъ изумрудныя капли. Богуславъ будто вымеръ; нигдѣ не видно было огней, нигдѣ не слышно было ни малѣйшаго звука, и лишь снизу отъ рѣки доносился монотонный шумъ воды, переливавшейся по камнямъ. Балабуха вышелъ за дворъ и машинально побрелъ внизъ къ рѣкѣ. Шумъ воды становился слышнѣе; можно было слышать въ общемъ шумѣ, какъ вода клокочетъ, рвется и бурлитъ, то тихо плещется о камни и переливается по плямъ. Балабуха остановился на обрывистой скалѣ и неподвижно устремилъ глаза въ темную даль. Въ глубинѣ ночнаго мрака, какъ въ облакахъ густаго дыма, предъ его глазами вырисовывались два свѣжія лица, одно около другаго, оба веселыя и румяныя. Въ шумѣ воды опъ какъ-бы слышалъ ихъ веселый говоръ. Вотъ набѣжавшая волна ударилась о камень, раздался плескъ, и ему почувся въ немъ тихій аккордъ гитары... Балабуха долго стоялъ на скалѣ, вдругомъ его царилъ тьма ночи и лишь огонь въ трубкѣ то вспыхивалъ, то опять погасалъ.

Измученный думами, Балабуха вернулся домой и, не промолвивъ слова къ женѣ, поспѣшно раздѣлся и легъ спать.

Проснувшись рано, Олеся весело заговорила къ мужу. Онъ молчалъ; молча одѣлся и помолившись Богу, сѣлъ за чай.

— Чи ты й доси на мене серднився? спросила Олеся.

Балабуха пилъ чай и словомъ не отозвался къ женѣ.

— Та ну, не выгадуй ка-зна чого! Чи ты граєшь въ якись играшки, чи що? говорила Олеся.

Балабуха даже не взглянулъ на нее.

— Забере соби щось у голову та й дметься. Отъ ужь не люблю. Ты може думаешъ, що я люблю того гидкого Баньковського? Я тебе люблю и билишь никого, сй же Богу! весело говорила Олеся.

А Балабуха молчалъ и смотрѣлъ на самоваръ. Олеся подговорила Килину, чтобы та вошла и спросила у батюшки, что готовить на обѣдъ. Килина вошла и стала спрашивать, но при этомъ глупо ухмылялась. Балабуха, взглянувъ на нее, понялъ, въ чемъ штука и не сказалъ ни слова. Олеся была тутъ-же; она стояла у окна и тихо смѣялась.

Ужь и пообѣдали. Ужь и день минулъ. Даже слуги замѣтили, что батюшка не говорить.

— Пани! може нашому батюшци поробляно, що вони цилый день не говорятъ, обратилась къ матушкѣ Килина съ своимъ мудрымъ словомъ: нехай Богъ милує кожного хрещеного, це на людяхъ буває. Побіжу я въ Хохитву до знахарки. Въ насъ є така баба, що одробить.

— Ты казна-що верзешъ, сказала Олеся, а сама едва держится отъ смѣха. Батюшка не совсемъ здоровый, то й не говорить.

Но прошелъ и второй день, а батюшка молчалъ, будто онѣмѣлъ. Проникся и Провопъ сожалѣніемъ и подступилъ къ матушкѣ съ такими словами:

— Пани! ось слухайте, що я маю вамъ казати: нашому батюшци й справди поробляно. Треба бити до Хохитвы. Тамъ у насъ є така джепджеляста баба... Вона якъ підкурить батюшку зиллямъ, то три дни говоритимуть и не переставатимуть. Мене разъ якъ підкурила...

— И тоби дамъ такой джепджелястон, що ты не втрапишь, куды втыкати, сказала Олеся.

Только третьяго дня вечеромъ батюшка заговорилъ.

— Слава тобі, Хрестителю! Ажъ коли вернувся язвкъ. Тай на-ровы-жъ у тебе! говорила сердито Олеся.—Цє якъ буде Баньковськѣй разъ у тыждень заходить до мене, то мій панотець по три дни на тыждень буде пимый... Не дуже пріятна ричь! Що тутъ ёго робить? думала Олеся, поглядывая на своего батюшку.

— А признайся теперь, правда ты на мене сердився за того пыкатого Баньковського? спросила Олеся мужа, подсѣвши къ нему.

— Ну, сердився, сказалъ Балабуха.

— А теперь вже не сердился?

— Теперь вже не сержусь.

— Ты дурисивнѣко на мене сердился. Помиркуй ты своимъ трибомъ: ты отъ поидешь, або идешь куды,—чи е въ мене до кого хочъ слово промовити? Все сама, все сама,—це хочъ кого нудыга вивыме. Хотила-бъ и я зъ людьми бути, зъ ними веселитися, бо я молода. Що-жъ? одколи мы въ Богуслави, чи бувъ у насъ хто, чи мы въ кого? Це-жъ и люди судитимуть! Заключъ хочъ разъ гостей,—отъ справника, станового, ёго помичника зъ жишкою та зъ дочками, та доктора, та музыкъ покличъ. Нехай я потанцюю, то мени й веселише буде. Добре я кажу?

— Добре. Що-жъ, треба покликати, але може за однимъ заходомъ кого зъ своихъ сусидивъ запросить?

— Э, пу ихъ—тыхъ сусидивъ... Таки вои прости, та чудни якъсь, особливе матушки. Посидають та й мовчать, и не знаешъ, чи ихъ слухати, чи питати ихъ. А батюшки—ти тильки пьютъ, та сопуть. Этъ! тильки пидлогу мни зааскудять своимъ чоботницями. Не проси ихъ! Не люблю я коло ихъ панькатися.

— Ну, ну, добре. Не буду ихъ просити.

— Отъ за це ты въ мене гарный! Знаешъ що: якъ будешь въ Києви, купи мени зо два перстни. Въ мене мало перстнивъ.

— Добре, добре, куплю и три, хочъ у тебе ихъ здаеця не мало. Олеся подыала два пальца правой руки и приставивъ къ свѣчкѣ, любовалась блескомъ камней въ кольцахъ.

Богуславской уѣвдной аристократин не долго пришлось ждать приглашенія на вечеръ къ о. благочинному. Подготовивъ кое-что къ приему гостей, Олеся воспользовалась первымъ воскресеньемъ, когда послѣ обѣдни многіе изъ служащихъ зашли къ батюшкѣ, по старому обычаю, на *Отче нашъ*, и не спросивъ прежде мужа, пригласила всѣхъ на вечеръ въ тотъ-же день съ женами и дѣтьми. Ей очень хотѣлось показать шелковое зеленое свое платье, только что спитос.

Настала вечеръ; пришли три жидиа—музыканты; стали собираться гости. Раньше другихъ явился становой приставъ,—«марцовый», какъ звали его, кавалеръ, т. е. состарѣвшійся женихъ, пришелъ сосѣдъ-докторъ, прѣехалъ помощникъ становаго, старый полякъ, съ женою и пятью дочерьми; прибылъ и городничій съ семейю.

Мелкое чиновничество, канцеляристы и писцы разныхъ присутствій, да официалысты богуславской экономіи, слышавъ музыку, явились и сами безъ приглашеній. Набралась цѣлая куча гостей. Олеся надѣла свое новое платье свѣтло-зеленаго шелку, насажала на пальцы какія только были у ней кольца и вышла къ гостямъ. Чтобы не хлопотать самой объ ужинѣ, она заранѣе позвала славившуюся въ городѣ своимъ кухарствомъ мѣщанку и предоставила ей готовить ужинъ по своему вкусу и усмотрѣнію, сама-же ни разу и не заглянула въ кухню.

Предоставивъ мужу занимать гостей, Олеся рассказывала по залѣ и любезничала съ кавалерами. Дамы сидѣли вокругъ стола и о семьѣ, о томъ толковали между собою. Олеся присѣла къ нимъ лишь на минуту и за тѣмъ не обращалась больше къ нимъ и не промолвила во весь вечеръ ни одного слова. Она не любила дамскаго общества.—Жидки заиграли. Становой, большой любезникъ и шутникъ, пригласилъ Олесю на кадрили. Олеся танцевала съ большими, какъ говорили кавалеры, «выкрутасами», стараясь въ особенности выставить на показъ свои дорогія кольца. Не весело однако-жъ ей танцевалось: ея думы пелись къ Баньковскому... Какъ вдругъ неожиданно въ дверяхъ залы показалась ея роскошная кудрявая голова и широкія богатырскія плечи. Онъ на лету поклонился Олесѣ, поздоровался съ Балабухою и присѣлъ около него. Балабуха нахмурился и молчалъ. Олеся кинула глазами на румяное лицо Баньковского и мгновенно почувствовала въ себѣ какое-то необъяснимое волненіе: ея молодое лице разгорѣлось, глаза блестѣли, руки и ноги дрожали; скоро она совсѣмъ не владѣла собой и, продолжая начатую кадрили, выдѣлывала такіе «выкрутасы», отъ которыхъ диву дались богуславскіе кавалеры и наблюдавшія за танцами дамы; она то откидывала голову назадъ и закатывала глаза подъ лобъ, будто считала доски на потолокъ, то шла тихо, выпрямивъ станъ, то мгновенно мѣняла позу, начинала какъ-бы бѣгать и наклонивъ нѣсколько внизъ голову, точно разрѣзывала ея густые облака дыму, то рѣзвилась и шалила, какъ дитя, уходила отъ своего кавалера, кружилась, вертѣлась, сбивалась

тактѣ, перепутывала фигуры, забывала подать во время кавалеру руку, и опять впадала въ солидный тонъ, поднимала глаза вверхъ и плыла, точно лебедь по водѣ... Ея фантазія разгоралась и рисовала ей волшебныя залы съ зеркальными стѣлами, залитыми свѣтомъ, съ массою движущихся паръ въ роскошныхъ и блестящихъ нарядахъ. Ея глаза искали красивыхъ лицъ, пламенныхъ очей, горячихъ огненныхъ устъ. Стучало въ вискахъ, трепетало сердце въ груди; что-то сладкое, теплое приливало къ нему и оно просило счастья, наслажденія безъ мѣры, безъ конца...

Дамы переглядывались, перемигивались и усмѣхались одна къ другой. Кавалеры увивались около Олеси. Балабуха сидѣлъ съ трубкой въ зубахъ за стапапомъ пуншу и не сводилъ съ Олеси глазъ. Онъ забылъ даже о Баньковскомъ. Олеся чаровала его танцами, своими эксцентричными позами, неуловивымъ кокетствомъ.

— Тиспо мени, душно мени! Здастся, летела-бъ пидъ саме небо, летела и не переставала, думала Олеся, опьяненная танцами, вилася-бъ птицею въ широкому простори и кохалабъ, кохалабъ усимъ сердцемъ, докибъ стало силы и миры.

Перевалило уже полночь, а танцы не прекращались. Балабуха усѣлся играть въ карты, а Олеся, не вспомнивъ даже объ ушнѣ, забывъ совершенно о гостяхъ, до изнеможенія кружилась въ вальсѣ съ чиповниками и официантами, летала въ мазуркѣ съ Баньковскимъ. Только уже самъ Балабуха, хорошенько проголодавшись, приказалъ накрывать на столъ.

— Ну, що, Олесю, добре натанцювалася? спрашивалъ Балабуха Олесю, когда совсѣмъ разлѣхались гости.

— Такъ натанцювалася, що й сонъ мене небере. Оде пишлабъ надъ Рось та й гулялабъ до самого свита.

Олеся долго еще ходила по залѣ, а мысли ея летали гдѣ-то далеко. Балабуха спалъ и храпѣлъ на весь домъ, Олеся не спѣшила раздѣваться; стоя предъ зеркаломъ, она любовалась собой, съ дѣтскимъ наслажденіемъ глядѣла, какъ горятъ золотыя перстни на ея пальцахъ, какъ сіяетъ свѣтло-зеленое ея платье, какъ бле-

стять ея черныя брови на юномъ челѣ. Но сопъ неожиданно налетѣлъ на нее, глаза ея слипались, она едва видѣла себя въ зеркалѣ.

— Чи люблю я своего чоловіка щиро, горяче? спрашивала сама селя Олеся, собираясь раздѣваться: ни, люблю такъ соби, трошки, ледви, ледви люблю. Якъ-бы хотилось полюбити щиро, горяче, безъ кинця, полюбити, хочъ умерти!

И. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ
КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.
(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

(Окончаніе)¹⁾.

Годъ 32-й.

Отъ 1707 года іюля 20 по 1708 годъ іюля 20.

И по возвращеніи изъ Риму пріѣхалъ до Венеціи, гдѣ жилъ по генваря 10 число 1708 году въ великихъ роскошахъ и въ весельѣ, и нашель старыхъ друзей, Францишку Морузнику и прочихъ, великія отъ нихъ пріязни получилъ и былъ отъ него одаренъ при отъѣздѣ двумя шкатулами флорепскими. Въ тотъ мой пріѣздъ отъ Речи Посполитой венецкой чрезъ одного господина былъ спрашиванъ, какъ хочу жить, публично или приватно,—гдѣ хотѣли приставить двухъ лакеевъ, которые для моего предводительства,—также и болѣтовали, что дарить-ли или итѣтъ отъ Речи Посполитой чѣмъ. И въ ту свою бытность былъ инаморать славную хорошествомъ одною чтиденку,—называлася Sig-ra Francesia Rotta,—которую имѣлъ за медрецу; во всю ту свою бытность такъ былъ іпомагато, что не могъ ни часу безъ нея быть, которая контовала мнѣ въ тѣ два мѣсяца 1,000 червонныхъ. И разстался съ великою плачью и печалью, зель до сихъ поръ изъ сердца моего тотъ ямот не можетъ выдти и, чаю, не выдетъ. И взялъ на

¹⁾ См. нолбрск. кп. «Кіевской Старинны» 1884 г., стр. 478—498.

меморію ея персону, и общалъ къ ней опять возвратиться и въ Помераніи всякими мѣрами искать того случая, чтобъ въ Венецію на нѣсколько время возвратиться жить.

Въ ту свою бытность двѣ немалыя причины видѣлъ съ маркизомъ Паловучиномъ и съ Цовелемъ, жентильюмомъ венецкимъ; близко было duella со мною.

Въ ту мою бытность Serenissima Repubblica di Venezia чрезъ господина Могозіні объявили мнѣ, чтобъ писать до царского величества, что хотятъ послать своего министра публичнаго, или какъ изволить, до царского величества для обязанія доброй корреспонденціи и коммерціи. И о томъ ко двору писалъ. И напротивъ велѣно объявить Речи Посполитой, что то будетъ пріемно царскому величеству; и объявлено. То все дѣло велѣно дѣлать барону Урбаху въ Вѣнѣ съ посломъ венецкимъ.

И оттуль пріѣхалъ февраля первыхъ чиселъ въ Вѣну и жилъ три недѣли, гдѣ видѣлъ не малую пріемность и почтеніе при всѣхъ министрахъ и князей многихъ.

И получилъ указъ и грамоту отъ двора къ министрамъ въ Гамбургъ; и велѣно мнѣ ѣхать въ Гамбургъ для его дѣлъ и жить до указу. А на проѣздъ взялъ только 309 ефимковъ и шпеліи (?) талеръ. И при отѣздѣ своемъ изъ Вѣны былъ у Цезаря на аудіенціи, и какими порядкомъ, о вселѣ томъ явю въ описаніи книги волю италианскому. И потомъ въ февралѣ поѣхалъ изъ Вѣны въ Гамбургъ, гдѣ пріѣхавъ жилъ: ту мою бытность покажетъ тутъ-же въ описаніи книги перегриаціи и дѣлъ гамбургскихъ. Не хочу много трудить читающаго сего моего описанія о быностяхъ своихъ въ Италиі, какъ въ Римѣ, такъ и въ Венеціи, истинно похвалясь, что націи московской никто чести и славы прежде моего бытія не принесъ. Правда, что собѣ раззореніе въ издивеніи томъ понесъ, однакожь въ честь и славу государетва російскаго и патри имени своего дому Caributoff Karakinigh, князей наслѣдственныхъ литовскихъ. Къ семужь объявлю: оеоблвную пріемность и любовь въ чужихъ отъ всѣхъ имѣлъ, нежели въ своихъ краяхъ. А въ Вѣлу по пріѣздѣ своемъ возвращающіеся изъ Италиі, былъ въ великой меланхоліи, что не имѣлъ ажъ 50 червонныхъ незабытно; однакожь, ечастье, получилъ указомъ его величества на проѣздъ

до Гамоурга велѣно дать барону Урбаху, у котораго взялъ 150 червонныхъ, и тѣмъ доѣхалъ.

Во все мое то отлученіе не былъ оставленъ въ призрѣніи дѣтей моихъ и дому моего пріятелю Абрама Федоровича Лопухина.

Сего года сынъ мой князь Александръ началъ по латынѣ учиться, а дочь по французски танцовать.

Годъ 33-й.

Отъ 1708 года іюля 20 по 1709 годъ іюля 20.

Іюля мѣсяца бывъ въ Брабантѣ, поворотясь изъ Голландіи, поѣхалъ до Шлезіи въ Бреславль, управляя путь свой до Москвы. И ѣхалъ чрезъ провинціи многія обычайнымъ почтовымъ трактомъ ажъ до самаго Лейпцига въ Саксоніи; и тутъ принужденъ былъ забавиться, для болѣзни своего человека Фредрика, недѣлю и оставя его у куща Брейшпракта съ награжденіемъ нѣсколько червонныхъ, и поѣхалъ до Бреславля. И въ Дрезденѣ былъ 4 дня и оттуль до Бреславля, и въ Бреславлѣ забавившись три дня у графа Нейтарта, не могъ ѣхать за великимъ повѣтріемъ чрезъ Польшу. Поѣхалъ до Вѣны и, тутъ смыскавъ способъ ѣхать чрезъ Унгарію, поѣхалъ на Лейпцигъ. Однакожъ въ Вѣнѣ забавленъ былъ мѣсяцъ, ожидая изъ Венеціи князя Трубенцоваго, а въ проѣздѣ изъ Вѣны чрезъ Ользюцъ былъ удержанъ три дня у примаеса польскаго Шембека, также и подканцлера Шембека и всей его фамиліи.

Въ Вѣнѣ бытность моя была приватная и шкото не видалъ. И отъ Прешбурга ѣхалъ чрезъ нѣкоторые города цезарскіе, всѣ возлѣ рѣки Дуная, ажъ до самаго Раабъ называется, гдѣ при войскахъ нашель фельдмаршала генерала Гейстера. И отъ того съ конвоемъ и съ панпортомъ отъѣхалъ въ сторону городовъ венгерскихъ принца Рагочи, Неугезиль называется, и тутъ былъ только обѣдъ и тотъ свободно отобѣдать не могли для того, что партія цезарская вскорѣ отпралена была ажъ подъ самый городъ, а въ городу, сподѣваячися приходу осады, въ великой были конфузій. Того времени обѣдалъ я у комисара, который называется Слушко, больше природы горватской, нежели венгерской, и способно говорилъ по словенску. И поѣхалъ съ конвоемъ оттуль до Агріи, гдѣ обрѣтаеся князь

Рагочія, и проѣхавъ два дня, доѣхали въ одножъ урочищѣ запольномъ войска венгерскаго, подъ командою графа Бречини, котораго видѣлъ не сподѣваюся больше быть осми тысячъ или девяти. И бывъ у Бречини инкогнитъ за шляхтича московскаго съ конвоемъ, поѣхалъ до Агрія въ путь свой съ конвоемъ однимъ полковникомъ. Въ пути былъ 3 дня, и пріѣхавъ до Агрія, сталъ на дворѣ, гдѣ стоялъ посолье нашего двора Украинцевъ. И тутъ былъ 3 дня, и по пріѣздѣ къ себѣ получилъ присланнаго съ поздравленіемъ отъ князя Рагочи одного кавалера его двора; а на другой день былъ его присланъ дворецкій съ каретою его цугомъ къ обѣду звать; и бывъ у него на обѣдѣ, отѣхалъ въ той-же каретѣ. Потомъ на другой день отѣхалъ съ его конвоемъ въ путь свой чрезъ Токай и Мулячь до Львова, гдѣ пробавился въ пути чого 10 дней.

И пріѣхавъ до Львова, бавился недѣлю. Весь тотъ свой путь правилъ на почтѣ, котораго кошту могу написать какъ въ Италіи, такъ въ Германіи, и въ венгерской землѣ, въ Польнѣ, съ полторы тысячи ефимковъ самой одной заплата за почту.

И отъ Львова мѣсяца сентября остатнихъ чиселъ пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ наѣхалъ губернаторомъ князя Голицына, и тутъ забавился недѣлю. И потомъ поѣхалъ въ армію и нашель отъ Стародуба ведалеко—называется то мѣсто Погары—только одного фельдмаршала и министровъ, Головкина, Долгорукова и Шафирова, а его величество былъ тѣхъ часовъ послѣ баталіи левенгольской¹⁾ въ Смоленску, а король шведскій былъ того времени подѣ Стародубомъ.

И изъ Погаровъ при арміи пришли въ Новгородъ-сѣверскій въ деревню Погребки, и тутъ дожидались приходу царскаго величества изъ Смоленска. На другой день получили вѣдомость о Мазепиной измѣнѣ²⁾, а на третій день князь Меншиковъ пришелъ въ Погребки съ тѣмъ-же извѣстіемъ. Потомъ на другой день князь Меншиковъ посланъ доставать городъ Ватурино резиденцію³⁾, а меня его величество послалъ почтою въ Кіевъ для митрополита Кроковскаго и епис-

¹⁾ Сраженіе съ Левенгауптомъ подѣ Лѣснымъ было 28 сентября 1708 г.

²⁾ Измѣна Мазепы обозначилась 28 октября 1708 г.

³⁾ Т. е. гетмана. Ватурино было взято Меншиковымъ 2 ноября 1708 г.

копа переяславскаго Захарія и другихъ персонъ духовныхъ першихъ изъ печерскаго и изъ другихъ монастырей, чтобъ привезть въ Глуховъ для избранія новаго гетмана.

Могу приписать себѣ сіе въ немалой страхъ ѣзды моею, что съ трудомъ и страхомъ потерянїя живота могъ проѣхать до Кіева, понеже во всѣхъ мѣстахъ малороссійскихъ и селахъ были бунты и бургомистровъ и другихъ старшихъ побивали. Но при помощи всеильнаго Бога въ четырехъ персонахъ проѣхалъ до Кіева тайнымъ образомъ. И прїѣхавъ того часу объявилъ митрополиту и прочимъ измѣну бывшаго гетмана Мазены и указъ объ ихъ отъѣздѣ въ Глуховъ. И наутріе прибравшись поѣхали въ путь на Нѣжинъ. И не довѣзая Нѣжина, получили вѣдомость, что король шведскій перешелъ Десну рѣку, но съ великимъ страхомъ проѣхали отъ Нѣжина до Путивля. И не довѣзая Нѣжина за двѣ мили селцо гетманское, въ которомъ поймали его двухъ дворовыхъ конюховъ и съ лошадьми, которыхъ забравъ съ собою съ дороги отпустилъ, а лошадей взялъ къ себѣ. И прїѣхавъ до Путивля, митрополита со всѣми отправилъ до Глухова, а самъ остался въ Путивлѣ за болѣзнию, что припала лихорадка. И потомъ 4 дни спустя прїѣхалъ до Глухова, и отпущень былъ до Москвы словомъ не надолгое время. И ноября 19 прїѣхалъ чрезъ почту къ Москвѣ, и былъ на Москвѣ по 19 декабря. И оттолъ поѣхалъ въ армію; и прїѣхавъ къ Рождеству Христову въ мѣстечко Лебединъ, гдѣ принялъ полкъ лейбъ-гвардіи семеновскій, и командировалъ тѣмъ regimentомъ и полкомъ астраханскимъ ажъ до самого чрезъ всю зиму и весну (?). А князь Голицынъ генераль-лейтенантъ былъ посланъ въ Польшу съ полками... и подъ Полтаву прїѣхавъ принялъ команду.

Теперь буду писать всѣ обстоятельства своей бытности фортуны.

Съ прїѣзду своего изъ Италїи въ армію, какъ молвилъ выше, въ Цогары, принятъ былъ прїемно отъ всѣхъ, какъ министровъ, такъ и прочихъ; и присовокупляли словомъ, что мнѣ быть..., на что многократно мнѣ свое намѣреніе объявляли, что хотять просить его царскаго величества о мнѣ. Но бывъ я въ томъ надѣянїи, токмо того не достигъ... А какъ его величество пришелъ въ Цогребки изъ Смоленска, то изъ происканїемъ злобы или погубленїя сіе учинено отъ одного

министра вышеупомянутого, что посланъ былъ въ Кіевъ для привозу архіерея, понеже того времени сіе такъ дѣло было причиною, что къ потерлію живота такъ какъ отъ непріятеля и ребелизантовъ съ Мазепю, такъ и другой стороны, что оной архіерей признавъ былъ какъ бы согласникъ оному Мазепѣ, и опасаячися того, чтобъ и другіе духовныя персонально съ народомъ противности какой не показали. Однакожъ оная мнѣ трудность съ Божіею помощію съ вымыслу ихъ злого произошла безтрудно, ктомужъ, правда, безъ великой вмѣняючи заступы и заплаты.

Но съ самаго того перваго свиданія *con sua maestà non mi ben guardato e non havuto gran discorsi meco come ordinariamente parlano con quelli che vengono di paese forestieri* ¹⁾. Однако я въ своемъ намѣреніи былъ, которые привезъ подария презентовалъ, токмо *tutta in nulla* ²⁾.

Приѣдъ до Москвы ставлю себѣ за счастье, отъ всѣхъ былъ въ приемности особенной всего моего вѣку. На остаткѣ покажу то, что при отъѣздѣ моемъ самомъ вѣлѣ столько въ домѣ своемъ персовъ знаменитыхъ, какъ князя Гатарина, московскаго коменданта, такъ и другихъ прочихъ.

И того году съ зимы въ здоровьѣ своемъ былъ свободенъ, токмо уже нѣкоторые знаки видѣлъ на вискахъ и мало на лбу.

Въ ту бытность имѣлъ услужить блекуну львовскому и нѣкоторое число далъ ему денегъ, и въ домѣ своемъ чествовалъ, желая себѣ добраго корреспондента имѣть въ Польнѣ; токмо по отъѣздѣ моемъ нѣсколько времени на Москвѣ скончался меланхоліею.

И той-же бытности своей хотя съ противленіемъ, только жену взялъ въ домъ и съ дочерью; и оставя тутъ, поѣхалъ.

А когда, по приѣздѣ своемъ въ Сумы, пошелъ въ командѣ семеновскаго и астраханскаго полковъ съ княземъ Мещниковымъ, тогда пришелъ въ Ахтырку; были тутъ и всю ту зиму, ажъ до слученья весною всей арміи подъ Полтавою; былъ въ поведеніи добромъ и въ

¹⁾ Его величество не былъ ко мнѣ благосклоненъ и не имѣлъ даянной бесѣды, какъ обыкновенно это бывало со всѣми возвращавшимися изъ за границы.

²⁾ Все ни во что.

мѣрѣ изрядной отъ его свѣтлости княжеской. А особливе то себѣ видѣлъ, что тою приѣздностію имѣлъ команду по его волѣ въ Котельвѣ, когда былъ оставленъ надъ шестью полками драгунскими, да вадъ двумя пѣхотными, и полковниковъ именно почтѣ Кропотовыхъ двухъ, Шамардинъ; а другихъ полковниковъ также. И пароль присланъ, и отдавалъ многимъ полкамъ.

А въ квартирѣ зимней въ Харьковѣ уже предъ многими имѣлъ любовь и крѣпость партикулярную, а особливе когда поднесъ бархатъ и другія вещь рязскія. По квартирѣ той въ Богодуховѣ, собравшимся по баталіи въ городъ нашъ, вскорѣ имѣли разобратъ по разнымъ городамъ на квартирахъ. Потомъ вскорѣ слабость себѣ послышалъ здоровья своего, а особливе на лицѣ болѣзнь объявилась прѣжняя, также и по тѣлу почало выкидываться. И мѣсяца марта отъ доктора двора его величества Арескина англійского чрезъ селевацию; и по начинаніи 4 дня только престалъ для того, что вскорѣ получили вѣдомость объ измѣнѣ козаковъ запорожскихъ. И для того престалъ вскорѣ, что намѣреніе было его царского величества, — ежели та измѣна произошла въ добрый имъ порядокъ, чтобъ другіе козакки пристали къ нимъ, — тобъ конечно дать баталію генеральную.

И во весь тотъ зимній походъ имѣли съ шведскимъ королемъ многіе мѣсти, а особливе зватные въ Городномъ, гдѣ и нашего гвардіи полку семеновского часть была спѣшена, да подъ Сокольниками, — обѣ тѣ мѣсти подъ командою генерала Рена, — да подъ Опошню, гдѣ взяли нѣсколько полону и двѣ пушки, подъ командою князя Меншикова.

Потомъ приходъ изъ Троицкого или съ Таганрогу царскаго величества.

La mia fortuna tutta caduta del mio inimico P. Dolgoruky Vasilei Volodimeroff; lo quale cercava sino adesso la mia testa per invidia, perche vedendo favori del P. Mensikoff, come mi amato, e'di piu havuto pouga di non haver la grazia di S. M.

Все мое счастье было разрушено недругомъ кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, который искалъ случая подкопаться подъ меня (букв: до сихъ поръ искалъ моей головы), съ завистью смотря на расположеніе и любовь ко мнѣ кн. Меншикова, а болѣе

Una volta succede doppo che arivato sua maesta trei giorni habbiamo cenato in casa del P. Menscikoff, ed discorendo S. M. meco comincio essere con mi in collera et dicendò come che io non voglio servir nel militare e che cerco l'occasione nel ministerio. Così posso dir di quel tempo sfortunato che mi a promesso la forza, si non fare il mio dovere nella occasione di battersi contro l'inimico é doquel tempo sino adesso non le potuto haver la grazia di s. m.

Questo succede sotto la citta di Poltava nel mese di guegno nei primi giorni da quel tempo ho perso la memoria guidizio sanita civilta. Solecitu di ne in tutti li cosi di impurare che solamente stote sempre melencolico é rognò.

Теперь опишу: видѣвъ премѣну отъ главного челоуѣка, и другіе премѣняются во всемъ. Когда до сего случая видѣлъ всѣхъ, какъ министровъ, такъ и другихъ прочихъ доброе привѣтствованіе и почита-

всего огорченный тѣмъ, что самъ онъ имѣлъ несчастье не пользоваться благоволеніемъ его величества.

Однажды случилось, что на третій день по приѣздѣ его величества мы ужипали въ домъ кн. Меншикова. Здѣсь его величество, бесѣдуя со мною, началъ гнѣвно выговаривать мнѣ, что я де не хочу служить въ военной службѣ, а ищю де случая попасть въ министерію. Могу сказать, что въ этотъ день мнѣ такъ не повезло, что мнѣ была обѣщана висѣлица, если я не исполню своего долга въ случаѣ борьбы съ неприятелми. И съ того времени до сихъ цоръ и не могъ возвратити себѣ благоволенія его величества.

А это произошло подѣ городомъ Полтавой въ первыхъ числахъ мѣсяца іюни.

Съ той поры я потерялъ память, разсудокъ, здоровье, обходительность (вѣжливость); сталъ тревожиться по всякимъ пустякамъ, постоянно чувствовалъ себя въ состояніи меланхоліи и душевнаго разстройства.

ліе, а особливе предъ другими всячески увеселеніе; когда то выше-явленное случилось, то такъ оныхъ ласка или склонность отиѣвилась, — не могу такую прихвѣнать, — яко погода въ Голландіи; однимъ днемъ многократно прехвѣняется. Во истину благодарю оную милость — назвавъ, а не приязнь — князя Меншикова въ оное несчастья моего время; въ уживъ такъ имѣлъ за меня стараніе, хотябъ за присного своего. Однакожь вскорѣ отиѣвилась и его предъ прежнимъ склонность, видѣвъ уничтоженіе Вышняго.

И когда перебравшись рѣчку Ворсклу, уже ища баталіи съ непріятелемъ генеральной, — и 23, въ ночи на 24 іюня, схватило такъ ажъ не къ самому концу, и принужденъ исповѣдаться и причаститься. Не мнѣ припало конечно отъ печали, понеже отъ того случая несчастливому не могъ и забавы отнюдь не имѣлъ; но уже теперь напишу, что уже истинно радощенъ былъ смерти, такъ десперать былъ. И хотя видѣлъ себя всегда болѣзненна, былъ воздерженъ во всемъ, но тѣхъ часовъ ужъ нарочно всего вольно во всемъ себя допустилъ, не храни и не жалѣя своего здоровья.

И потомъ хотя не твердо, однакожь въ бодрость малую пришелъ, и былъ на баталіи генеральной съ королемъ шведскимъ подъ Полтавою, командирующи колокъ лейбъ-гвардіи семеновской, и во всемъ томъ случивъ неотступно былъ ажъ до самого конца баталіи.

По той баталіи всѣ высканы триумфомъ коларковъ, чинами, орденами, крестами и кавалеріями; только за несчастіе я одинъ остался.

Такъ пишу: какъ родился, только никогда отъ его лица ді S. M. видѣвъ гнѣвъ и не оставалъ въ несчастьи. Для того-то время себя причитаю тройное несчастье. Первое, отъ Вышняго ни за что, только по возмущенію непріятельскому, получалъ гнѣвъ. Второе, подъ такой случай, гдѣ всѣ имѣли за заслуги свои воздаяніе, того отлучень. Третіе, той зины и по ту бытность имѣлъ всегда отъ сердца прилѣжаніе и трудился, себя хотя показать; но опое ни во что вмѣнено и загашено. Еще-жь имѣю паче всѣхъ, хотя и гордо въ семъ напишу, однакожь натура моя силуетъ объявить, — что нѣкоторые высканы именъ рангу генераль-майора, которые были въ моемъ равномъ градусѣ, но о тѣхъ объявлю предъ собою глупыхъ, худыхъ, безъ показанія всякого дара

и заслуги, и не знаемыхъ не токмо въ другихъ, но и въ томъ дѣлѣ, въ которое и призваны и донинѣ обрѣтаются,—токмо наполненъ злости ко всемъ, пьянства и завидости, и глумленія какъ ближнихъ, такъ и дальнихъ.

Охъ моего плача! охъ моего воздыханія! Но все сіе оставихъ и вдахся въ волю Творца моего и его Богоматере, да не оставятъ мя въ сиротствѣ моемъ. Такъ въ несчастливомъ поведеніи окончень сей 33 годъ отъ роду моего въ году 1709.

Того году прежде случившагося несчастія имѣлъ къ себѣ слово отъ нѣкоторыхъ приказовъ отъ графа Головкина свататься сыномъ его Александромъ за дочь мою князю Татьяну.

Годъ 34-й.

Отъ 1709 года іюля 20 по 1710 годъ іюля 20.

Теперь буду описывать, вступаячи въ новый годъ рожденія моего, роду моего 34-й г.

Былъ въ пути, по дорогѣ ѣдучи влялъ день Ильи пророка безъ всякаго публикованія праздника, токмо съ почитеніемъ Богу и хвалы того дня святому Ильи. И такъ доѣхалъ до Кіева. Въ Кіевѣ бывши, ничто лишняго видѣлъ, токмо посредственно было, и къ нѣкоторымъ словамъ уже началъ приставать. Особливе себѣ прихѣтилъ только, что въ публиченію сего года уже началось отъ него самого *di sua maesta* въ дѣло производить.

Буду-же смотрѣть ажъ до самого сего году окончанія.

Болезни моей умножается; пятенъ отъ дня ко дню больше, а паче всего на спинѣ и на лицѣ, и на головѣ начало жалиться. Къ сему-жъ объявляю: замкнулъ въ сердцѣ моемъ, политически приходитъ искать себѣ какихъ добрыхъ способовъ, видя-жь какъ и другіе. И положихся въ волю Создателя моего и его заступленіе; тѣ мя да управитъ и проведутъ.

Такъ дня тоскомянитства моего былъ печалень, что, стоя въ церкви братской у ранней обѣдни, не могъ удержаться, чтобъ не плакать, вспоминая злости дней моихъ житія.

Получилъ вѣдомость съ Москвы августа мѣсяца, что Дорожаево сгорѣло,—крестьянскихъ 52 двора.

Въ Кіевѣ его царское величество былъ боленъ лихорадкою, которая продолжалась 4 недѣли; и въ Успеневъ день пошелъ въ Польшу, гдѣ и и его указомъ послѣдствовалъ до Люблина. Въ Люблинѣ назначено мнѣ было ѣхатьдо Венеціи для учиненія аліансу съ венеціяны, но по моему доношенію оставлено. А послана къ речи посполитой венецкой грамота съ объявленіемъ висторіи полтавской; при отдавіи-же оной послу венецкому въ Вѣнѣ велѣно барону Урбаху объявить, что его царское величество охотно хочетъ принять министра ихъ публичного, которого они уже объявили прошлаго году чрезъ господина князя Куракина.

И въ Люблинѣ его величество былъ нѣкоторое время, гдѣ гетманъ великій коронный и литовскіе сенаторы пріѣхавъ были на аудіенціи. Также принцесса Рагоци была, которая принята какимъ порядкомъ, о томъ покажетъ въ исторіи войны нашей.

И потомъ царское величество путь взялъ внизъ водою рѣкою Вислою до Торуня, гдѣ съѣхались съ королемъ Августомъ, и бывъ тутъ ѣздили до Маріенвердера, гдѣ видѣлись съ королемъ прусскимъ. И первый день король прусскій просилъ обѣдать его величество и другихъ всѣхъ вмѣстѣ. И на завтрѣе того дня былъ и посыланъ поздравить короля и благодарить за добрую компанію отъ лица его величества, который говорилъ на французскомъ языкѣ.

По отѣздѣ его величества отправленъ я въ Англію полномочнымъ министромъ, и въ проѣздѣ того велѣно быть въ Ганноверѣ и подать приватную грамоту кредитиву, въ которой я напсаль, что посланъ инкогнито. А что при обѣихъ тѣхъ дѣлѣ дворѣхъ, о томъ покажетъ въ инструкціяхъ.

И пріѣхавъ въ Ганноверъ, умедлился житьемъ своимъ для той негодіи, въ которомъ житьѣ такъ неблагодаренъ былъ, что истинно едда ума не лишился¹⁾. Ту свою бытность причитаю за афронтъ не малый, особенно что при томъ дворѣ и не доволенъ былъ отъ того двора, а эгнимовавъ, какъ самый простой жентиломъ. Которого случая

¹⁾ Объ аудіенціи Куракина у ганноверскаго курфюрста Георга Лудвига см. въ *Исторіи Россіи*, Соловьева, т. XVI, стр. 61—62.

много себѣ вѣку убавилъ. Воистину могу такъ написать, что николи въ такой не былъ меланхоличъ, какъ въ свою бытность.

И для отправления той вѣзды дано изъ канцеляріи 2,000 червонныхъ, и тѣ всѣ въ 1/2 года въ Ганноверѣ прожилъ, и потомъ жилъ своими, которыхъ прожилъ больше 3,000 ¹⁾).

И апрѣля мѣсяца былъ въ Агинѣ для леченія болѣзни своей, чего для такъ умножилось пятенъ на лицѣ и по тѣлу, что николи не могу запомнить, а паче-же на лицѣ, что съ великимъ стыдомъ могъ ко двору ѣздить. И пріѣхавъ въ Агинъ ²⁾, какимъ способомъ лечился отъ дохтура Алява, о томъ на концѣ въ реестрахъ леченія покажетъ ³⁾. Токмо тогъ дохтуръ горячихъ водъ весьма пить не велѣлъ, а паче всего великихъ пургъ не примать. И всей бытности моей и съ проѣздомъ было 7 недѣль. И 11 мая возвратился до Ганновера, гдѣ сталъ резидовать, ожидал указа отъ двора.

А въ проѣздѣ моемъ случилось мнѣ несчастіе: отѣхавъ отъ Колоніи 3 часа, былъ ограбленъ отъ французовъ, которые взяли одними червонными 82, да платя и другихъ рѣчей на 4,000 ефимковъ.—Правда-жь, что въ сего карнавалу свою бытность въ Ганноверѣ обходился всегда съ тѣми принцы имперскими, хотя не такъ какъ другіе, однакожь давалъ имъ правую руку, токмо не веѣмъ;—о которыхъ явлю теперь.

Дукъ Волфенбютельскій.

Принцъ наследственный, сынъ его.

¹⁾ Тѣмъ не менѣе какой-то русскій доносилъ изъ Голландіи, что русскіе вельможи, въ томъ числѣ и Куракинъ, кладутъ деньги въ чужестранные банки. См. подметное письмо у Соловьева, т. XVI, стр. 406.

²⁾ Т. е. Агень.

³⁾ Въ особомъ приложеніи къ рукописи подъ 5—10 апрѣля 1710 г. помѣщена какъ запись діеты, предписанная Куракину въ Агелѣ, тамъ и журналъ агенскаго лѣченія. «Сіе мнѣ лѣченіе», — писалъ Куракинъ, — «стало 500 талеровъ; и что пропало отъ партизановъ, то совсѣмъ будетъ 1000 ефимковъ». И по пріѣздѣ своемъ изъ Агены въ Ганноверъ еще къ пользѣ своего здоровья началъ пить воду пирмонъ, которой на пробу пилъ только два дня, и видѣвъ себѣ не малую тягость въ головѣ и во всемъ корпусѣ, того дня принужденъ откинуть и пить воду минеральную, называется швалбахтъ ¹⁾; мая—іюня.

Дукъ Луи, меньшой сынъ, отецъ принцессы, которую намѣренъ за царевича сватать привцессу вольфенбютельскую.

Прииць де-Бевеириъ.

Прииць де-Фризинъ, молодой человекъ.

Прииць Гольштейнскій, горбунчикъ.

Два приица меньшіе Гессенъ-кассельскіе, и собою хороши, и умны, и добрые солдаты.

Царское величество, поворотясь изъ Маріенвердена подъ Ригу, гдѣ почавъ при себѣ бомбардировать, и оставя въ командѣ фельд-маршала Шереметева, которому велѣно блокировать Ригу чрезъ всю зиму до весны, и такъ уже не... (?); но блокадъ оный состоялся въ 30,000 пѣхоты, да кавалеріи 8,000. А его царское величество пошелъ къ Москвѣ и въ Москву входъ учинилъ съ великимъ триумфомъ и магнафиценціею, гдѣ все шведскіе генералы и министръ графъ Шиперъ и другіе все вышніе и нижніе офицеры и рядовые, всего полову съ 28,000, ведены чрезъ Москву. И учинено 8 воротъ триумфальныхъ не малымъ издивеніемъ.

Той-же зимы были все губернаторы и росписаны губерніи, а именно: губернаторство московское, с.-петербургское, тожь ижерское, кievское, азовское, казанское и всего низу ажъ по самыи Терекъ, сибирское, смоленское, архангельское или тожь динское. И губернаторы еще писаться не велѣно, а велѣно имъ вѣдать: московскую Тихону Стрѣшневу, петербургскую князь Меньшикову, кievскую князь Дмитрію Голицыну, смоленскую Петру Салтыкову, азовскую адмиралу Апраксину, казанскую Петру Апраксину, сибирскую князь Матвѣю Гагарину, двинскую князь Петру Голицыну.

И того году въ зимѣ начались балы публичныя, гдѣ указомъ начали возить дочерей первыхъ фамилій, въ которой оказіи первой дочь моя княжна Татьяна Борисовна танцовала и была всехъ больше эстимована.

Въ ту зиму означена была милость его величества князь Василью Лукину сыну за его службу дать 300 дворовъ деревню, что учинилъ трактать съ датскимъ королемъ.

Тогожь года указъ состоялся изъ Кремля и изъ Китая все что есть деревянное строеніе выломать; и выломано въ маѣ мѣсяцѣ. И

того для дѣти мои и всѣ домовные служители, сложавъ, съ китайскаго двора принуждены переѣхать на дворъ старій, гдѣ братня трети, и тамъ постави на полатяхъ деревянныя хоромы, начали жить.

Указъ состоялся, чтобъ вина никому ни въ домѣ, ни по деревнямъ не сидѣть, а всѣмъ покупать.

На Москвѣ-жъ того году былъ присланный инкогнито жентильомъ венецкой, который учинилъ поздравленіе со стороны республики, и отправленъ честно, и подаренъ портретъ его царскаго величества и соболей на 600 рублей. Также и посланикъ цесарской, который уже въ С.-Петербургъ пріѣхалъ. И другихъ дворовъ отъ многихъ.

И по приходѣ царскаго величества въ С.-Петербургъ, осадилъ шведской въ Финляндіи Выборгъ, которую осаду командировалъ адмиралъ Апраксинъ, и 13 іюня 1710 г. оное мѣсто чрезъ акордъ взято. А на веснѣ подъ Ригю хотя и промыслу не чинили, токмо помощію Вышняго губернаторъ рижскій того мѣста генераль графъ¹⁾ на акордъ оное мѣсто 12 іюля 1710 году сдалъ со многими артибулы, которыхъ объявляютъ 32, а другіе 62²⁾, изъ которыхъ настоящій самый, что всѣмъ лифляндомъ природнымъ, имѣвшимъ свои добры и не имѣющимъ, возвратиться изъ службы шведской во отечество, а ежели которые въ терминъ постановленный не возвратятся, то оные публичными будутъ за изменниковъ, и добры ихъ и маестности будутъ взяты на его царское величество и розданы другимъ. И помощію Вышняго вся счастливо кампанія окончилась.

Его высочество царевичъ по пріѣздѣ своемъ въ Саксонію былъ въ Карлсбадѣ, и при немъ князь Юрій Трубецкой, графъ Александра Головкинъ и учитель Никифоръ, которому назначено нѣкоторое время быть въ Саксоніи для наученія языку и другихъ экзерцицій.

Съ туркомъ той-же зимы подтвержденіе миру учинилось, и хотя король шведскій трудился, чтобъ Порту Оттожану привести въ войну съ его царскимъ величествомъ, однакожъ ни во что произойти не могло. И ратификація отъ саттана до его царскаго величества въ апрѣлѣ

¹⁾ Стрелбергъ.

²⁾ Пункты эти, въ количествѣ 65, напечатаны въ книгѣ *Письма графа П. Шереметьева*. Москва 1778 г., ч. 2, стр. 283—306.

прислана. А король шведскій и по се 20 іюля 1710 года все былъ въ Бендерѣ. И на остатокъ сего мѣсяца получили вѣдомость, что салтанъ, по доказательству короля шведскаго и министра французскаго Десялора, визира ссадили, который былъ въ нашъ фаворъ, и выбрали изъ знатной фамиліи одного, однакожь который весьма противенъ нашимъ интересамъ и всегда охотникъ былъ до войны.

Той-же зимы былъ посолье экстраординарный господинъ Виетфордъ просить прощенія у его царскаго величества, и то присланіе принято за сатисфакцію въ афронтъ посла Андрея Матвѣева.

Князю Александру сыну моему позволено ѣхать ко мнѣ за море съ воли его царскаго величества.

И получа указъ въ іюлѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ, чтобъ трактатъ союзный при ганноверскомъ дворѣ заключить и ратификаціею размѣняться, и взявъ отвѣтственную на вѣрющую самому ѣхать въ Англію по данной инструкціи и во всемъ все управлять. И тотъ трактатъ союзный его царскаго величества съ курфирстомъ ганноверскимъ, съ его министры, тайнымъ совѣтникомъ господиномъ Беренсдорфомъ и господиномъ тайнымъ совѣтникомъ и президентомъ камеры барономъ Гернцомъ, опой трактатъ 3 іюля по новому стилю заключили ¹⁾. И особливую милость и гоноръ къ себѣ имѣлъ, что его царское величество прислалъ до меня съ курьеромъ, аки-бы плягитъ, на которомъ съ приписаніемъ многимъ опалъ ратификація сиравлена. И написана и размѣнена 13 іюля по новому. И оное пожеланіе его царскаго величества все счастливо окончилось ²⁾.

Сей годъ, воздавъ хвалу Вышнему и Его Матери и всемъ святымъ, хотя болѣзненно многими припадкми и несчастіемъ и счастіемъ, особливе-жь въ прибытіи моемъ при Ганноверѣ имѣлъ отъ всехъ эстиму. окончанъ. И начинастелъ въ Ганноверѣ 1710 г. день рожденія моего 20 іюля святаго славнаго пророка Іліи, патрона моего. Уже въ себѣ не малую слабость во всемъ слышалъ, особливе-жь въ памяти великую перемяну видлу.

¹⁾ Этотъ трактатъ, состоящій въ 7 пунктахъ, напечатанъ въ *Исторіи Россіи, Соловьева*, т. XVI, стр. 62--63.

²⁾ Договоръ съ курфирстомъ Ганноверскимъ въ сокращенномъ видѣ напечатанъ у Соловьева въ *Исторіи Россіи*, т. XVI, стр. 63.

Годъ 35 й.

Отъ 1710 года іюля 20 по 1711 годъ іюля 20.

По начинаваніи сего года начало видѣду доброе, что отъ вѣку своего никогда видѣль. Не токмо великихъ и малыхъ подарковъ, какъ-то: при отъѣздѣ своемъ въ Ганноверѣ: отъ електора ганноверскаго подарки (на память?) 14 большіе, да два меньшіе, всего его дому портретовъ, цѣною на 740 червонныхъ, то есть на 3,000 талеровъ, а на нашу монету 1,480 руб.

И оное дѣло въ Ганноверѣ такъ честно оному дающему и въ интересъ его величества, о чемъ пространнѣе покажется въ протоколѣ моей бытности въ Ганноверѣ съ пространнѣмъ описаніемъ.

На этомъ записки обрываются. И мы не имѣемъ возможности понять, почему князь Борисъ не продолжалъ своихъ мемуаровъ. Быть можетъ дипломатическая переписка помножила все вниманіе человѣка, начинавшаго склоняться къ старости, и не оставляла досуга и охоты для личныхъ и, такъ сказать, кельскихъ записокъ. Но жизнь князя Куракина не скоро еще закончилась послѣ того, какъ онъ поставилъ послѣднюю точку своихъ мемуаровъ. Онъ жилъ послѣ того еще 17 лѣтъ, и эти годы были самыми блестящими по отношенію къ его карьерѣ. Воспроизведемъ ихъ пользуясь свѣдѣніями, заключающимися въ *исторіи Соловьева и Кермана*.

Князь Куракинъ былъ полномочнымъ посломъ сперва въ Лондонѣ, потомъ въ Гагѣ, на мѣсто отозваннаго оттуда Андрея Артамоновича Матвѣева. Въ 1713 году князь Борисъ Ивановичъ изъ комнатныхъ стольниковъ (?) произведенъ въ тайные совѣтники и въ слѣдующемъ году былъ посланъ на брауншвейгскій конгрессъ, но, пробывъ здѣсь не болѣе двухъ недѣль, передалъ занятія свои ганноверскому министру барону Шлейниццу и возвратился въ Гагу.

Свѣдѣніе о дипломатической дѣятельности князя Куракина за это время, а равно и выдержки изъ его донесеній можно читать у Соловьева, томъ XVII, стр. 4, 9, 23—27, 35—37.

Ковчина британской королевы Анны (12 авг. 1714 г.) предоставила англійскій тронъ ганноверской династіи, и Куракинъ, предоставляя Георгу I изъ шведскихъ владѣній въ Германіи Бре-

мень и Верденъ, заключить въ Грейсфальдѣ (28 октября 1715 г.) трактатъ съ Англіею, долженствовавшій обезпечить для Россіи завоеванныя ею у Швеціи провинціи. Георгъ впрочемъ оказался невѣрнымъ союзникомъ русскаго государя.

О дипломатической дѣятельности Куракина за это время можно читать у Соловьева, т. XVII, стр. 48, 52, 57, 61, 62.

Въ 1717 г. во время пребыванія своего въ Амстердамѣ (съ 7 дек. 1717 по 24 мар. 1718 г.) Петръ собственноручно возложилъ на Куракина орденъ св. Андрея первозваннаго. Отправляясь изъ Голландіи во Францію, Петръ взялъ съ собою и Куракина, который и служилъ царю переводчикомъ во время полчасоваго свиданія съ регентомъ Франціи 27 апрѣля 1718 г. Гость и хозяинъ сидѣли въ креслахъ, Куракинъ стоялъ на ногахъ.

По возвращеніи Петра изъ Парижа, Куракинъ въ іюнь и августъ 1717 г. велъ переговоры съ Понятовскимъ и Герцогъ о мирѣ съ Швеціею (см. у Соловьева, т. XVII, 77—79).

1718 годъ, годъ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ, былъ конечно тяжелъ для Куракина, который по первой женѣ своей Ксеніи Федоровнѣ, урожденной Лопухиной, былъ родной дядя царевича. Но мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій о чувствахъ и отношеніяхъ Куракина за это время.

Куракину Петръ I обязанъ возстановленіемъ дипломатическихъ сношеній съ испанскимъ дворомъ, куда въ 1722 г. отправленъ полномочнымъ министромъ князь С. Д. Голицынъ. (См. у Соловьева, т. XVII, 314—323).

Въ 1723 г. Куракинъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ былъ отправленъ въ Парижъ по двумъ дѣламъ, въ коихъ не имѣлъ однако успѣха; въ 19 ему поручено было склонить французскій дворъ ссудить Россію деньгами, а въ 24 стараться о бракосочетаніи короля Людовика XV съ в. кн. Елисаветою Петровною. (См. у Соловьева, т. XVIII, 122—129).

Императрица Екатерина I пожаловала Куракина въ дѣйствительные тайные совѣтники, хотя изъ переписки Куракина видно, что при русскомъ дворѣ какіе-то недоброжелатели вели противъ него интриги, приписывая ему честолюбивые замыслы, имѣвшіе видъ правдоподобія по причинѣ близкаго родства Куракина съ покойнымъ царевичемъ Алексѣемъ (См. у Соловьева, т. XIX, 21—28).

При Петрѣ II Куракинъ былъ назначенъ полномочнымъ посломъ на саксонскій конгрессъ, но въ это время именно 17 окт. 1727 г. Куракинъ скончался въ Парижѣ. Тѣло покойнаго привезено въ Москву и погребено въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ его предковъ. Находясь на смертномъ одрѣ, князь Борисъ завѣщалъ сыну своему Александру построить въ Москвѣ богадѣльню съ церковью для 15 заслуженныхъ офицеровъ. Богадѣльня эта существуетъ и понынѣ.

Берманъ называетъ князя Бориса Куракина мужемъ любимымъ и богатымъ познаніями, а Соловьевъ старымъ опытнымъ дипломатомъ.

КОБЗАРИ и ЛИРНИКИ.

(Окончаніе) ¹⁾.

IV.

Сатирическая дума.—Федоръ Баша.—Легенда и псалма о Евладіи.—Музыкальные инструменты кобзарей и лирниковъ.—Подробности ремесла.

Собирателю произведеній историческаго народнаго творчества приходится сѣтовать не разъ на скудость жатвы, считать свой трудъ потеряннымъ и поиски бесплодными. Но принявъ въ расчетъ всю ломку, которая произошла и происходитъ въ окружающемъ, взвѣсивши значеніе тѣхъ новыхъ явленій, которыя неотразимыми факторами вторгаются въ жизнь, сглаживая память о прошломъ, удивляешься еще, благодаря какому чуду удержалось и дожило до нашего времени то, что еще встрѣчается теперь? Это чудо—необыкновенный консерватизмъ деревенскаго склада жизни, та монументальная устойчивость ея строя, которая сохраняетъ въ себѣ живыми черты эпохъ самыхъ отдаленныхъ, наблюдать и судить о которыхъ нерѣдко безошибочно можно по современности.

Самый упадокъ эпическаго творчества совершился давно. По общему для народной поэзіи закону, это творчество жило только на протяженіи героическаго періода жизни народа. А по свойству племени, ее создавашаго, малорусская историческая пѣсня жила и слагалась въ народѣ только о тѣхъ событіяхъ, которыхъ народъ былъ непосредственнымъ участникомъ, или которыя сильно возбу-

¹⁾ См. январск. кн. «Кіевск. Стар.», 1884 г., стр. 20--50.

дали его чувство. Таковъ фактъ, засвидѣтельствованный всѣмъ содержаниемъ этой поэмы. Эпоха руины, послѣдовавшій рядъ гетманствъ въ народной пѣснѣ не отразились ничѣмъ. Политическая исторія перестала быть народной исторіей, и симпатіи народа отъ дѣятелей той эпохи были далеко. Въ концѣ XVIII вѣка пробуждается еще разъ народная историческая муза и воспѣваетъ событія гайдамачины и конецъ Запорожья. Но пѣсни этой эпохи остались пѣснями «мѣстными». Ихъ услышите теперь надъ Днѣпромъ, въ южной Кіевщинѣ. Причина этому можетъ быть та, что къ тому времени наступилъ конецъ кобзарства, главнаго фактора въ распространеніи такихъ пѣсень. Оно жило еще, но жило по инерціи, какъ явленіе уже отходящее въ вѣчность. Оно повторало старыя думы иного типа, тѣ думы, которыя создали и вызвали къ жизни самый классъ бродячихъ раскодовъ. Эти-то отголоски далекой старины, въ клочкахъ и обрывкахъ, оно допесело кое гдѣ и до нашихъ дней, благодаря тому удивительному консерватизму деревни, о которомъ говорено выше.

Странное чувство испытываешь, прощая, при помощи памяти слѣпаго пѣвца, такъ наглядно, въ этотъ исчезнувшій міръ. Кажется, что стоишь на кладбищѣ, надъ вскрытыми могилами. Окружающая жизнь, съ ея новыми нуждами и интересами, новымъ строемъ, такъ далека отъ того своеобразнаго, боеваго міра, что услышавъ опять ея голоса, какъ бы пробуждаешься отъ сна. Но доведется вновь услышать какъ бы доносящіеся изъ вѣчности, эти отклики былаго, и опять пѣсколько часовъ грезить на яву, подъ заунывные звуки лиры. Вотъ еще одна изъ такихъ малыхъ находокъ. Въ печати она называется «Думою о козачьей жизни». Лирникъ, сообразившій ее мѣтъ, называлъ ее просто «Козакъ и козачка».

1. Не сдвнъ собі козакъ шкочить,
Который у війско ходить,
Пл кого не найхав,
Тільки молодую козачку въ господи покидав:
—Покладаю тебе, козачко, дола,
Да прошу покорно, содержи худобу:
У кояни клочья скуга,
А въ запичку кѣшка зуруга...

- Эй, прошу покорно, содержай,
10. Пока мене Богъ изповствъ
Изъ цѣго великого походу!...

Козакъ на коня сядас,
Козачка клише, проклинае:
— Шобъ тоби, козаче, кпшь пристасть,
Шобъ ты козакпвъ не паганавъ,
Шобъ тебе козаки не влюбляи
И отаяножъ не постановля!

- Козакъ на коня сядас,
Жноночу влятьбу канчубожъ одбывае,
20. Козакпвъ паганаве,
Ёго козаки влюбляи —
Отаяножъ постановляи,

А козачка по козану вельми замурилась:
Чотыри недѣли хаты не томила,
Вона зъ шпичку не выходила;
На пяту недѣлю: — сестрички-козачки! шось на моему сердцю гадить,
Мабуть мѣй козакъ изъ Дону до доу выходить!
Ийду-жъ я хотъ пятой немая хату протоплю,
Кислого и перекислого, третьоголятнѣго, мартового борщю звару,

30. А зъ дорота, здороти здорочей козану явить покреплю!>

Козакъ и къ двору примыкае,
Козачка проти ёго выбигае...
Коло его двора пема и коли!
Уже жипка туршбожъ воду носять,
Ополонпбожъ диты вышывае —
Бо кухня шельяпнъ батько вие...
Уже я пс-за лавою
Нобралися лоски жураною,
На пошаци
Святъ цпльнй мисць палынци...

40. Да козачка ще проти козака выбигае
И чоложъ ему руку подавае,
Козакъ буцимъ-то чоложъ руку приймае,
Святыни обухомъ пидъ очы покладае...

Выйшла козачка за ворота, —
 Ажъ тамъ стоитъ жиннокъ пила рота.
 Одна подумала, друга погадала,
 Третя була заричена, не втерпяла — словами сказала:
 — Козачко-сетричко! Мабуть ты сниило робла!
 Да по правди й придалося,

50. То по-нидь очиха у тебе одъ речи взялося!

А козачка козака изъ сорому выкупляла:
 ---Живочки-матипочки, сею не подпуйте,
 То я ходила позийи ночи по лучиву
 Та пидбила карп очн на кручину!

Дай же Боже, щобъ козаки или та гулял
 И козацькою славы не терял!
 Хоть козакъ помре-поляже —
 Ёго слава на вискъ не пронаде,
 На многіи лпта,

60. До конца вису!

Дума эта принадлежитъ къ мало распространеннымъ. Она известна по тексту, записанному въ харьковской губерніи г. Пѣговскимъ, и по выдержкамъ, записаннымъ въ той же мѣстности П. Н. Костомаровымъ и приведеннымъ имъ въ изслѣдованіи «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго цѣннаго творчества». Помѣщая ее въ «Запискахъ о Южной Руси», П. А. Кулишъ сопроводилъ толкованіемъ, съ которымъ нельзя согласиться. Онъ говоритъ, что эта дума сложена козакомъ, рано покинувшимъ семью и хозяйство для походовъ, какъ печальная оглядка на то, къ чему привела его боевая жизнь. Намъ кажется, что это взглядъ не козака, а человѣка посторонняго. Скорѣе можно видѣть здѣсь возведенное въ шаржъ изображеніе нерѣдкихъ примѣровъ безурядицы и нестройства семейнаго быта украинскаго воина. Эта сатира могла быть сложена по образцу козацкихъ думъ въ угоду посольнымъ и пѣлась въ ихъ средѣ. Лирникъ, сообщившій мнѣ думу, называлъ ее «шуточною», хотя пѣлъ на голоса другихъ козацкихъ думъ. Обличеніе едва ли было искреннимъ, и изображенную картину несправедливо принимать за типичную и общую. Въ козаки стремились всѣ, и эти пасмѣшливыя и рѣзкія строки внушены; можетъ быть, завистливымъ чувствомъ осѣдлаго хлопа къ счастливцу «лесостровику». Значительная часть обвиненія тяготеетъ къ тому-

же на желтищѣ—козачкѣ. По ся винѣ падаетъ хозяйство, она бросаетъ домъ для разгульной жизни. Кромѣ этого, весьма вѣроятнаго источника обличенія, надо брать въ соображеніе и неизбежную долю преувеличенія, каковъ вообще свойственно сатиры. Въ статьѣ «О козакахъ по отношенію къ государству и обществу» (Русск. Арх., 1877 г.), представляющей позднѣйшій фазисъ возрѣвній издателя «Записокъ о Южной Руси», онъ взялъ эту думу въ подкрѣпленіе своихъ новыхъ взглядовъ. Здѣсь онъ смотритъ на сатирическое изображеніе козацкой семьи и хаты въ отсутствіи хозяина, какъ на обычную и нормальную обстановку разбойничьей жизни и семьи, какими онъ призналъ козацкую жизнь и семью на всемъ протяженіи историческаго существованія козачества. По этому возрѣвію разбойничья козацкая жизнь стояла отдѣльно отъ народной жизни, составляя на народномъ тѣлѣ какую то уродливую гангрену. Открытымъ остается вопросъ: кто же былъ дѣятелемъ великихъ общественныхъ движеній, которыя не могли совершаться безъ участія всего народа, и какою хитростью, какимъ заговоромъ стужбли эти разбойники козаки такъ глубоко врѣзать въ народный умъ Память о себѣ, что эта память въ живой плѣснѣ дошла до нашихъ дней? Не паворожили ли тутъ старые чудодѣи, запорожскіе «характерники»? Общность стремленій народа и козачества подчеркнута фактами исторіи. Исслѣдованы также и факторы, направлявшіе теченіе жизни не по руслу народныхъ стремленій. Нынѣшній обличитель козачества вѣрилъ прежде, что бѣдность и неустройство козацкой домашней жизни того тревожнаго времени не мѣшали развитію добрыхъ семейныхъ чувствъ, благородныхъ движеній сердца. И мы вѣрили вмѣстѣ съ нимъ правдѣ той прекрасной сцены «Черной Рады», сцены такъ схожей по сюжету съ этою думою, гдѣ Кирило Туръ, типичный козацкій воинъ, среди передыгъ своей боевой жизни, заворачиваетъ какъ-то подъ кровль родной хаты... Въ провѣіи этой думы можно только видѣть отраженіе борьбы миѣнній и общественныхъ разногласій, безъ которыхъ не обходится никакая жизнь.

Въ нашемъ спискѣ, очень отличающемся отъ списка г. Нѣговскаго, замѣтно вліяніе времени. Дума утратила свой архаическій колоритъ. Есть наклонность приурочить сатиру отъ стараго козацкаго класса воиновъ къ позднѣйшему понятію сословія. Въ

обличеніи боеваго быта встрѣчается невѣдливость: козакъ возвращается «изъ Дону до дому», какъ въ бытовыхъ пѣсняхъ. Но этотъ списокъ подтверждаетъ значеніе думы, какъ сатирическаго шаржа. А то обстоятельство, что дума записана на совершенно противоположномъ углу лѣвобережья, говоритъ въ пользу ея распространенности. Налпъ лирикъ заучилъ ее въ молодости отъ своего учителя кобзаря Лантуха, а къ этому, въ свою очередь по преданію, она перешла отъ болѣе старыхъ кобзарей.

Федоръ Баша, старый лирикъ, живущій въ с. Тамаровой, истрѣвскаго уѣзда, стоитъ любого кобзаря. Кромѣ этой думы онъ знаетъ четыре еще (Черноморская буря, Азовскіе братья, Конивченко, Сестра и братъ) и множество псалмъ. Въ этомъ уголкѣ онъ еще находятъ слушателей. Его любятъ въ той мѣстности, зовутъ играть на свадьбы. Условія его жизни разнятся впрочемъ отъ обычной доли сѣльца и нищаго. Онъ «хозяйскій сынъ» и ослѣплъ взрослымъ. Это человекъ, постигнутый несчастіемъ, а не жалкій калѣка. Его знали въ селѣ, какъ сверстника, какъ равнаго, какъ товарища. Здѣсь прошло его «парубоцтво», его «молодой вѣкъ». — «Кій хороша бувъ парубкомъ! говорила про него сверстница его, старуха хозяйка хаты, гдѣ мы съ нимъ сидѣли. И, глядя на «темнаго», по еще статнаго и бодрого старика, этому можно было вѣрить. Хорошій работникъ, знавшій разныя ремесла, онъ, по его словамъ «на Покровляго Ивана и на Покрову робивъ. Дивнось, шо руськи роблять, то и я робивъ!» За то его и наказавъ Богъ. По словамъ другихъ, онъ былъ непочтительнъ къ роднымъ и потерялъ за то. Какъ «Невольникъ» Шевченка, ослѣпивъ, онъ не потерялъ расположенія бывшей своей невѣсты и женился на ней. Такимъ образомъ переходъ къ новому состоянію не былъ такъ рѣзокъ. Взрослымъ онъ пошелъ въ с. Смотрики, «въ науку», не разрывая связь съ своимъ селомъ. Помогали сначала родныя, а потомъ дѣти, и теперь, когда онъ пожелалъ дѣтей, жизнь и обстановка его ничѣмъ не отличаются отъ жизни хозяевъ средней руки. Всѣ сельскія работы умудряется онъ производить паравиъ съ зрячими.

Мы въ хатѣ у Радченка, «кравця». Этотъ искусникъ тутъ-же, на столѣ мастеритъ заказанную свиту. За пошитыя свиты—двадцать пять копѣекъ, за кожухъ—рубль. Старуха, мать портного, прядетъ, сидя на «полу». Хозяинъ вдовецъ. Парубокъ сынъ во-

зится на дворѣ «бѣля скоту», дочь—возлѣ жарко топленной печи. Молодежь мало запята лирикомъ, у нея иныя думки. Дивчина поминутно выскакиваетъ изъ хаты, вгоняя дверью съ двора волны холоднаго воздуха. Она пересмѣливается съ женщинами, постоянно приходящими за водою къ колодцу, что стоитъ надъ самой улицей. Сидя у окна, я слышу разговоръ обо мнѣ и лирикахъ и смѣхъ надъ моимъ чудачествомъ. На стариковъ давнія пѣсни Бапа наводитъ серьезное настроеніе. Ихъ мысли обращаются къ старицѣ.

Все измѣнилось теперь, все не такъ, какъ было: обичаи, порядки... Да что, даже одежда!..

— Прежде у насъ священникъ бубѣ, отецъ Олексій, говорить старуха. То оце бывало, якъ жинка приѣде до церкви безъ памитки; то винъ кричить: шобъ не смѣла такъ приходить, бо то законъ велить. А теперь завязетця платкомъ, та нице зверху покрываетця, то воно чортъ ёго и зна, чп жинка, чи дивка, шо воно и е!—У мене свекоръ бубѣ такой, шо оце якъ бывало яка молодица приѣде до колодца безъ платка; у самому очыску, то винъ кричить: иди геть, падишь платокъ, бо и видра побью...

— Старовину згадали, отозвался лирикъ. То памъ здається, шо лучше було, бо мы були молоді! А якъ-бы теперь на панципу вти, якъ я колись у Мготинъ ходивъ, шовку учився дилать? Теперь скупо, такъ скупо на все стало! А шо наше братанья—то бильшъ шапували: нагодують було добре, ще й у торбу наложить.

— Старця нагодуешъ, а торбу его нивколи! имѣтался хозяинъ, вызвавъ улыбку лирика.

Бапа самъ учился два года. За ученье старше кобзари ничего не брали: «то шо по миру ходишь два года,—то звисно ёго». У него самого уже перебивало въ наукѣ человекъ лятнадцать.

— О, воно ще якъ въ силахъ були, говорилъ хозяинъ, то якъ заграють було на лири, та заспивають, то ажъ волосья вьне!—Ану дядьку утнить: «Не журь мене, моя мати».

— О, дакъ це-жъ прости, дряпни, не стоять!.. Спивай теперь!.. За копійку або два птиховъ пятьдесятъ, чи й бильшъ! А якъ скажешъ—три, або пять, то каже дорого. Та ще, яки загадае спивать, то и наказуе: «гляди-жъ, не выкидай словъ»! Такъ наче воно и зна!

Хозяйская дочка вбѣжала въ хату, хлопнувъ дверью и топчась босыми ногами.

— Ой змерзла, витьеръ такий, Господи!

— Ще може и снугъ выпаде, сказала старуха. Шо я того холоду боюсь! Чобить немас! Якъ-холодъ—не знаешъ, де и дитця. Ще язь тепленько, то такъ-сякъ...

— У литву и старецъ каже: «на ката и хата—и на двори тепло»! замятилъ Баша.

Быль постъ, ранняя весна, это критическое время, котораго особенно боятся старые деревенскіе люди. Въ окно видѣлось поле, зелень прошлогоднихъ посѣвовъ, какъ-бы уже новая и молодая, за ней отталыя, черныя оранныя поля съ изрѣдка бѣлѣющими пятнами почерпѣлаго по краямъ снѣга. Воздухъ былъ прозраченъ и легокъ, блѣдное небо изжелта-ясное румянилось на закатѣ. Еще, обнаженныя деревья какъ-то живѣе трепетали вѣтвями при набѣжавшемъ вѣтрѣ. Веселое кудахтанье куръ у окошка, чирканье домо-сѣдовъ-воробьевъ подъ стрихою, всѣ эти безусловныя голоса природы говорили о пробуждающейся жизни. А старики, понурясь, думали, можетъ быть о томъ, переживутъ-ли они эту весну...

Нашу бесѣду прервали прозвучавшіе въ тишинѣ деревенскаго вечера протяжные, мѣрные удары постоваго колокола.

Записавши отъ Башы и четыре, остальные его думы, я еще болѣе убѣдился въ справедливости наблюденія, сдѣланнаго раньше: что въ послѣднее время,—а это время, можетъ быть, надо считать съ начала этого вѣка, если не ранѣе,—думы удерживались въ памяти кобзарей по районамъ. Иначе сказать, были какъ-бы извѣстныя школы кобзарей, которыя удерживали въ памяти и передавали ученикамъ извѣстные циклы думы. Большое накопленіе матеріаловъ поможетъ въ послѣдствіи опредѣлить даже границы такихъ районовъ. Вариантъ «Азовскихъ братьевъ», записанный отъ Башы, оказался чрезвычайно близкимъ къ варианту Брючковского кобзаря, записанному также воаѣ Яготина. (См. «Историческія пѣсни малорусскаго народа»). Новыми оказались только два стиха, проклипающіе «турчина-камяничина», добывающаго серебро и золото,—стихи, являющіеся свидѣтельствомъ того, что украинскіе плѣнники въ турецкой неволѣ употреблялись на работы въ рудникахъ. Варианты «Конивченка» и «Черноморской бури» явились очень близкимъ подобіемъ

списовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Лукашевича, записанныхъ также по-близу. Кстати: старѣйшій нынѣ изъ собирателей произведеній украинской народной поэзіи, П. А. Лукашевичъ, здравствуетъ донынѣ и даже, въ своемъ деревенскомъ уединеніи, продолжаетъ собирать думы и пѣсни, какъ собиралъ для своего сборника полвѣка назадъ. Бапа хорошо знаетъ «старого Лукаша», какъ онъ называетъ почтеннаго этнографа. Онъ и самъ диктовалъ ему думы, причѣмъ уже теперь записываетъ не самъ г. Лукашевичъ, а ктонибудь по его порученію, а онъ только, по выраженію лирника, «у череплеты кладетъ».

Среди всякой всячины, которую припоминалъ Вапа, онъ откопалъ между прочимъ псалму, сильно искаженную. Смыслъ ея можно было возстановить съ помощью легенды, рассказанной имъ-же вслѣдъ за пей. Самый духовный стихъ онъ называетъ «Псалмою св. Василю».

Одъ зляхъ еси благодать, о святвтею—отче,
Давевъ еси пастырь добрый и Василю святой!
Отрезъ сладость Кесарій (?) и вельмя просить Василя, щобъ одъ биди
одгнать:

— «Василю, святителю вельми щедросливый!
Назялуйся надо мною, пастырь милостивый.
Шо записавъ я мій мужъ врагу, Инцилеру пекельному кровію своєю!...»
Замкнувъ святой Василю Владіа въ церковь,
А самъ пішовъ къ святому Богу молытыця...
— Помилуй мя, Боже-Отче
И отъ свить ты мій Творче
По щедрій души!...
Демонъ рече: «Василю, не твори намъ каности,
Бо винъ-же намъ записався сладкой сладости,
А теперъ одбираешъ
И руки ноги одриваешъ
Слугя нашего.
Недостоятъ быть слугою,
И отверзи себе рукую
Одъ лица своего хрещеного,
И одъ Господа небесного,
Трощею единою...»

Ангель писню воспявае,
 И кругомъ царави облітае,
 На Кесарію парикае
 И Евладіа вгрущае:
 «Кайся, чоловіче, грихѣвъ покуты держися.
 И своєю Спасителю слезами молися,
 Шобъ тебе вразъ не вловили
 И въ огонь вичный не вынули,
 Тамъ будешъ горити...»
 Демѣвъ церкву облітае
 И записъ въ окно укладае;
 Ангель записъ приймае,
 Васплій хрестоу охрещаетъ
 Слугу своего...

«Бувъ собі бидный чоловікъ—говорить легенда—и пасъ вилицъ на стѣну. А Кесарія царевна провздила мимо. Вивъ нагледивъ їа и влюбився, та й каже: «Боже мій, шобъ я зробивъ, шобъ мени стою царевну Кесарію за себе взяти: я-бъ сатани лукавому свою душу отдавъ!...»

· Диждавъ ночи, являється їму сатана.

— Евладій, пробудися сна! Шо ты казавъ у дель?

— А шо-жъ я, каже, казавъ? То, шо бачивъ Кесарію и шо я-бъ сатани душу отдавъ, шобъ їа за себе взяти.

Сатана и каже:—ну, постій-же, Евладій, я піїду до свого правительства, роспитаюсь, бо и зъ вашого брата багачько насъ падувають.

Роспитавсь та й обративсь назадъ.

— Шо-жъ ты, каже, согласенъ, Евладій?

— Абы вона була за мною, то я согласенъ.

— Ну, підпишися-жъ. Урижъ мизного перста правои руки и притули печать. Я тебе запишу.

Записавсь виць кровію своєю.

— Диждавъ ночи, ѡдутъ нови вси, поубирани!... Де тамъ, якъ палычи, якъ царевичи! Изъ ихъ боляе и поиздъ весь. Той ступеньки одида, той у коляску сажаетъ, и повезли его до царевны, до Кесаріи. Пидвеселили ихъ, пиръ одбузи, гуляють... Догулялись до того, шо кончено дило. Живуть...

Воскресного дня вона одъязжає до церкви, а виць за рушницю, та у садъ. Вона пита его:—чому це други жиньви идуць до церкви зъ мужьями, а ты не ходишь николи?

Виць каже, що я за васъ свою душу продавъ!

Отъ їй нараяли пійти до святого Василія. Виць заперъ Евладія у келію. Сидивъ виць тамъ три поча. Перву ничъ Василій питає: якъ тобі? Не втерплю, каже. Другу ничъ—трохи полегше, третю—ще легше.

Зібравъ Василій миръ, а жона мужа спасла»...

Легенда эта—народный вариантъ разсказа, извѣстнаго какъ печатно, такъ и въ видѣ рукописныхъ мистическихъ сказаній. Это одинъ изъ самыхъ начальныхъ типовъ легендъ изъ безчисленнаго цикла о союзѣ съ чортомъ и запродажи ему души. Развиваясь и видоизмѣняясь въ средніе вѣка, идея этой легенды дойдетъ до сказаній о Фаустѣ и Твардовскомъ. Первообразъ ея находится въ житіи св. Василія, архієпископа Кесаріи Каппадокійской, откуда, съ различными апокрифическими украшениями, она попадетъ въ сборникъ чудесныхъ сказаній Vincent de Bouc,—одну изъ нервопечатныхъ книгъ. Въ рукописной передачѣ она обратила на себя вниманіе изслѣдователей и въ двухъ редакціяхъ включена въ издашые графомъ Купцелевымъ «Памятники старинной русской литературы» (Вып. I). Въ первоначальномъ своемъ видѣ легенда такова:

У сенатора Протерія (при императорѣ Юліанѣ) была дочь, которую онъ предназначалъ къ монастырской жизни; одинъ изъ его домашнихъ рабовъ воспыпалъ къ ней страстною любовью и отправился къ волшебнику, чтобы тотъ своимъ искусствомъ доставилъ удовлетвореніе его страсти. Волшебникъ далъ ему рекомендательное письмо къ дьяволу. Это письмо надо было поднять къ верху на могилѣ какого нибудь язычника, чтобы явились слуги сатаны и отвели къ своему господину. Такъ рабъ и сдѣлалъ, вслѣдствіе чего былъ приведенъ въ то мѣсто, гдѣ возсѣдалъ на тронѣ сатана, окруженный своими духами. Сначала духъ тьмы прикрикнулъ на новичка; но когда тотъ письменно отказался отъ крещенія, добровольно произнесъ хвалу новому господину и вызвался раздѣлить съ нимъ въ вѣчности приготовленную ему участь, то дьяволъ смилостивился и принялъ его благосклонно. Затѣмъ послалъ демоновъ страсти воспламенить въ дѣвушкѣ любовь къ этому погибшему чело-

вѣку, что имъ и удалось. Грѣшникъ раскаивается потомъ и получаетъ прощенье отъ Бога. Рабъ сенатора Протерія прибѣгаетъ къ помощи св. Василія и, послѣ долгихъ общественныхъ молитвъ, падаетъ рукопись съ высоты въ руки святаго, который разрываетъ ее, затанцовываетъ въ грязь, а спасеннаго возвращаетъ женѣ.

Одинъ изъ осколковъ средневѣковыхъ воззрѣній, гдѣ восточныя вѣрованія въ волшебство перепутаны съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, повѣсть эта, какъ уже сказано, входитъ и въ рукописную старинную литературу. Въ кушелевскихъ «Памятникахъ» одинъ изъ вариантовъ ея доставленъ изъ Малороссіи. Въ нашей псалмѣ попадаются цѣлыя фразы, буквально заимствованныя изъ этой «страха и ужаса исполненной и неизреченнаго удивленія достойной» повѣсти. Въ приведенной малорусской передачѣ идея сказанія является въ своемъ первоначальномъ видѣ. Она далека еще отъ тѣхъ уметвенныхъ процессовъ, которые отъ этихъ союзовъ съ чортомъ для удовлетворенія эгоистическихъ стремленій приходять къ союзу для удовлетворенія жажды знанія и въ легендѣ о Фаустѣ являются отождествленіемъ философскихъ стремленій цѣлой эпохи, — эпохи возрожденія.

Псалма, приведенная выше, любопытна, какъ одинъ изъ немногихъ образчиковъ малорусскихъ духовныхъ стиховъ, имѣющихъ источникомъ мистическія повѣсти или апокрифы. Подобными суевѣрными и темными сказаніями полны великорусскіе сборники Безсонова и Варенцова, съ ихъ огромными отдѣлами раскольничьихъ стиховъ. Въ малорусской духовной пѣсенности это явленіе случайное, какъ можно убѣдиться изъ приводимой ниже возможно полной библиографіи разсѣянныхъ по разнымъ сборникамъ псалмъ и лирическихъ пѣсень¹⁾.

¹⁾ *Утренняя Замѣда*, альманахъ 1835 г. Въ статьѣ Срезневскаго о Сковородѣ приведена пѣсня „Всякому городу нравъ и право“, въ передѣлкѣ бандуристовъ и въ подлинникѣ, стр. 82—88.

Метлицкій, Народныя казачьи-русскія пѣсни. Кіевъ, 1854 г.—Озекскій, стр. 365. Доли, стр. 371. Вдова.—Смерть.—Судь.—Шуточныя, стр. 467—72.

Записки о Южной Руси, Сиб., 1856—1857 гг., томъ II. Баллада изъ временъ уніи, стр. 83. Пѣсня о Правдѣ, стр. 101—102.

Малорусскій литературный сборникъ, Саратовъ, 1859 г.—1. Ишовъ Божокъ дорогон. 2. Веселая слуга южана. 3. Дѣтъ почтаевскихъ псалмъ (Въ собраніи пѣсень, записанныхъ на Воляди Н. И. Костомаровичъ).

« Пѣсни малорусскихъ лирниковъ можно раздѣлить на: *псалмы* (двухъ родовъ: а) о духовныхъ лицахъ, событіяхъ и святыхъ и б) правоучительно пѣтическихъ), *морализующіе стихи*, *стихи сатирическіе* и пѣсни *шуточныя*. Псалмы перваго рода—о духовныхъ лицахъ и событіяхъ, псалмы такому или иному святому или навѣяныя жвтіями святыхъ,—самыя темныя и слабыя. Здѣсь чуждый книжный элементъ держитъ въ оковахъ умъ пѣвца и, боясь перецутать мало вѣдомыя имена и факты, пѣвецъ механически удерживаетъ ихъ, хоть и въ искаженномъ до неузнаваемости видѣ. Слагались онѣ подъ вліяніемъ духовныхъ школъ, иногда заимствовались у монаховъ, странниковъ и, въ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ нищая братія сталкивается часто,—у калікъ. Много такихъ псалмъ идетъ изъ юго-западнаго края, преимущественно изъ Почаева, близъ котораго существовали, говорятъ, даже лирничкія школы. Псалмы Сковороды,—также страстующія въ народѣ, всё отличить трудно, такъ какъ не всё сочиненія его этого рода напечатаны. Но съ достовѣрностію можно указать съ десятокъ сквородинскихъ псалмъ. Иногда, если сюжетъ псалмы, хотя и книжный, глубоко затрону-

Верещинъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, Спб. 1860 г. 1) О началѣ свѣта. 2) О Христовомъ рожденіи. 3) Въ четвергъ въ вечера жиды сотворили... (эти три изъ сочиненія Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“). 4) А въ недѣлю по обидѣ. 5) О святомъ Антонію (пѣз „Писскихъ пѣсень, издавшихъ Зелькевичемъ. Ковно, 1851 г.) 6) Святой Михайль. 7) Алексѣй Божій человекъ. 8) Лазарь (пѣсл. вариантовъ).

Осмога, 1861 г., № 10. Статья Жемчужникова „Молтавщина“. Псалмы Верещя, стр. 92. 1) Ой горе, горе на сямъ свѣтѣ жити. 2) Правда. 3) Пресвятая Диво-Мати, помощнице наша... 1862 г., № 6. „Зъ народнихъ устѣ“, В. Коховскаго, стр. 44. Вирши. 1. Радву. 2. Великодію.

Ужиковъ ридною полл, Москва, 1857 г.— Смерть, стр. 233.—Благане, стр. 238. По объявленію издателя обѣ пѣсни искажены передѣлкой.

Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, Спб., 1872—1877. Т. I. Вып. I (стр. 147—149; 151, 160, 182—220). 1. Писня обѣ Адамъ и Евѣ. 2. Писня о душѣ. 3. Пѣнь почаевской Божіей Матери (Писли пастырн...) 4. Вторая пѣсль почаевской Бого-матери („Вийшла моря везирова...“) Варианты: а) Изъ Борисполя. в) Изъ книги Стоцкого „Воубѣ“. 5. Боговообрашій Дивн. 6. Пресвятой Богородицѣ бердячовской. 7. Охтирскій Божій Матери (Харьковъ):—2-й вариантъ (оттуда-же). 8. Св. Михаилу. 9. Св. Миколаю.—Варианты а) Изъ Берестечка. б) Изъ Мліева, черваскаго уѣзда. с) Изъ Сборника Кузша, безъ отмѣтки мѣста записи. д) Изъ Ростова на Дону. е) Второй пѣз Берестечка. 10. Писню Христителю. 11. Олексію Божому чоловіку.—Варианты а) Изъ козелецкаго уѣзда. в) Изъ переловскаго уѣзда. с) Безъ означенія мѣста. 12. Преподобному Онуфрею.—Варианты

ваетъ народную жизнь, вдохновеніе оживаетъ, и получается пѣсня, полная украинской тоски. Таковъ популярнѣйшій «Лазуръ», таковъ оригинальный и поэтичный рассказъ объ «Олексіѣ». Когда изъ книжныхъ рамокъ лярийская пѣсня вырывается на вольный воздухъ народнаго творчества, тогда хоть и все въ ней мрачно, но все просто и ясно, иногда образно, а подчасъ звучитъ высокой энергіей народной поэзии. Во главі морально-философскихъ пѣсень (и въ церковнаго элемента) стоитъ «Правда»,—одно изъ характернѣйшихъ для опредѣленія народнаго міровоззрѣнія произведеній, пѣсачество рефлективная и въ тоже время отъвѣстная поэзія. Сатирическія пѣсни касаются общественныхъ аномальностей и уродливыхъ явленій, непріятныхъ сторонъ семейной жизни и т. п. Шуточныя пѣсни бываютъ просто веселыми,—одно зубоскальство и балагурство, иногда съ сильной примѣсью гривуазнаго элемента, какой требуется въ полномъ веселіи, иногда-же рисующія, хоть и съ нѣ-

изъ черкасскаго уѣзда. 13. Ивану Богослову. 14. Ивану Залтоусту. 15. Архидіакону (телану). 16. Святой Варварѣ. 17. Пѣсня о страшномъ судѣ (изъ книги Степана Волюй). Т. III (стр. 11, 15—21 и 25). 1. Псалма Благовѣщенію. 2. Псалма Великой Субботѣ (народныя стихи Сковороды; см. Сочиненія Сковороды. Сиб. 1860 г., стр. 21). 3. Семь псалмъ о распятіи и погребеніи Христа (изъ Харькова. Сборникъ Кулиша). О воскресеніи Христовомъ (Ibid). Т. V (стр. 1073—1074, 1163). Буда.—Мишанка.—Дворянка.—Чечотка.

Записки юго-западнаго отдѣленія географическаго общества, Кіевъ, 1874—1875. Т. I. Приложение.—Души и пѣсни Остапа Вересая; стр. 22, пѣсни религіозно-нравственнаго содержанія. 1) Правда. 2) Ой горе, горе на снѣгъ свити жити... 3) Про страшный судъ. 4) Снѣгъ блудный. 5) До часнаго живого чоловіка. 6) Муки Христа. 7) Великій мій жалю. 8) Миколай. 9) Про страшный часъ. 10) Розставанню души съ тѣломъ. 11) Пустельникъ и пятацца. Пѣсни сатирическія: 1. Циголь. 2. Дворянка. 3. Про Хому и Ярему. 4. Сисиль. 5) Вугай. Причитанія Вересая.—Поти къ его пѣснямъ, стр. 64. Лярийская пѣсня про напщину и ея отъѣду.

Т. II (стр. 116. Статья „Кобзаря Вратяда и Дубъ“). 1) Про двадцать пятацца. 2) Теща.

Лисенко, Украинскія пѣсни. Выпускъ I. Почаевская псалма (Ой зышла зора вечарова...) текстъ и ноты.

Кіевская Старина, 1882 г., № 8.—1883 г., № 2. 1884 г., № 1.

Безсоню, Калитки переходію. Москва, 1861—1864 г. Вып. I, стр. 65—67. Пѣсня о Лазарѣ, стр. 151—152, о св. Алексіи, Вып. III, стр. 680—690 о Почаевѣ и почаевской Божіей Матери. Вып. IV, стр. 21—25. Псалма Р. Хр. Вып. V, стр. 15—18. Стихи на св. Пасху.

Голованкій, Пѣсни угорской и галицкой Руси. М. 1878 г. Ч. II, стр. 732—738; ч. III. Отд. I, стр. 263—283; ч. III. Отд. II, 521—524.

ныхъ глазъ, силуэты этой жизни или шутивными штрихами обрисовывающія ея типы. Тутъ сквозь пьяный хмѣль нѣтъ нѣтъ да и проскользнетъ трезвая мысль, насмѣшка надъ другими и надъ собой и вездѣ, хоть гдѣ-то на дальнемъ плацѣ, сквозить тотъ строгій, земледѣльческій идеаль, какимъ дышетъ вся народная поэзія, идеаль, выросшій на основѣ трудовой жизни.

Псалмы, духовные стихи и шуточные пѣсни поются съ лирой, но поются они также и кобзарями, точно также какъ съ лирою поются думы.—Скажемъ нѣсколько словъ объ инструментахъ лирниковъ и кобзарей. Типичная бандура была описана на страницахъ «Кіевской Старины». Кромѣ нея существуетъ типъ *панской* бандуры, представляющей попытку соединить гитару съ кобзой. Въ народѣ она не встрѣчается, а существуетъ, какъ остатокъ старины. Любопытно было-бы рѣшить вопросъ о времени появленія бандуры въ Малороссіи. Изображеніе этого инструмента встрѣчается на картинахъ европейскихъ художниковъ XV и XVI вѣка. Записень ли опъ на Украину изъ Польши или изъ «Волоховъ» и когда? Время его появленія помогло-бы опредѣлить время появленія въ народной поэзіи формы *думы*, которая по вѣмъ старымъ свидѣтельствамъ всегда соединялась съ бандурнымъ сопровожденіемъ. Помѣщая ниже рисунокъ типической лиры и народнаго названія составныхъ ея частей, заимствуемъ изъ интереснаго труда г. Штухова «Народные инструменты музея петербургской консерваторіи» описаніе конструціи этого инструмента: «Инструментъ этотъ одицъ изъ тѣхъ, струны которыхъ приводятся въ колебаніе треніемъ. Это не что иное, какъ одинъ изъ видовъ вили (*vielle*)¹⁾. Онъ состоитъ изъ кузова, почти такого-же объема, какъ кузовъ альты, а по размѣрамъ почти прямо пропорціональнаго кузову контра-баса и по виду съ нимъ схожаго; непосредственно къ кузову въ томъ мѣстѣ, гдѣ у скрипки придѣлана грифъ, прикрѣплена небольшая коробка съ крышкою. Въ одной изъ боковыхъ дощечекъ коробки сдѣланы три отверстія для колковъ, на которые намотаны три кышечныя струны, изъ которыхъ средняя направлена сквозь большую удлиненную коробку, помѣщающуюся на верхней доскѣ, черезъ колесо и

¹⁾ Въ простонародіи она извѣстна подъ именемъ релі. Лирою зовутъ ее сами лирники.

подставку къ выступу, лежащему у ручки, а двѣ боковыя поверхъ верхней деки къ колесу и къ мѣсту ихъ закрѣпленія; на противоположной сторонѣ мѣста расположенія малой коробки находится рукоятка, имѣющая назначеніемъ приводить въ вращательное движеніе колесо, замѣняющее въ малороссійской лирѣ смычокъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ колесомъ соприкасаются струны, на нихъ намотана овечья шерсть для предохраненія ихъ отъ преждевременнаго разрыва. Необходимый запасъ этой шерсти помѣщается обыкловенно въ малой коробкѣ. Колесо закрывается выпуклою крышкою, наминающую крышку кибитки, на верхней декѣ вырѣзаны на манеръ скрипичныхъ эсовъ два голосника и помѣщается большая коробка съ одинадцатью нажимателями, имѣющими назначеніе укорачивать на желаемую ступень посредствомъ гребешковъ среднюю струну. Коробка эта закрывается плоскою крышкою.

При вращеніи колеса всѣ три струны звучать въ униссонъ, послѣдовательнымъ нажатіемъ нажимателей высота тона средней струны измѣняется ».

Въ обращеніи появились лиры и послѣдовательно стали вытѣснять бандуры, если вѣрить разсказамъ кобзарей, лѣтъ шестьдесятъ назадъ. Съ лирою пѣніе гораздо медленнѣе. Это инструментъ крикливый, неповоротливый. Съ бандурою дума, напр. «Азовскіе Братья», поется быстро, какъ речитативный разсказъ, отгнѣаемый только переливами голоса и струнными аккордами. Съ лирой она выкрикивается медленно, причемъ, между нѣкоторымъ количествомъ строкъ, играется «пригрышъ». По этимъ музыкальнымъ дѣлніямъ происходитъ и заучиванье думъ, которыя поэтому лирники дѣлать на *итили*. Въ вариантахъ Баши въ «Азовскихъ Братяхъ» или въ «Коновченкѣ», по его счету, стиховъ по пятьдесятъ. Эти стихи соотвѣтствуютъ законченной мысли, напримѣръ:

Ой во тумани вставали,
 Якъ изъ города Озова зъ тлѣвомъ неволп
 Три браты уткали.

Это одинъ стихъ.— «Це, бачъ, одводъ; нада робить, якъ скончу», говорилъ Баши. Мнѣніе, которое встрѣчалось въ печати, что на лирѣ не играютъ танцы, совершенно несправедливо. Козачѣи, напротивъ, входятъ обязательно въ кругъ лирничкой науки и въ

глухихъ уголкахъ лирики очень часто еще играютъ на доситкахъ и свадьбахъ.

Что касается распространенности лирическаго промысла, то можно сказать, что, благодаря условіямъ деревенской жизни, гдѣ къ несчастью немало слѣпыхъ, онъ довольно распространенъ. По крайней мѣрѣ у насъ на лѣвомъ берегу лириковъ много. Въ кievской губерніи, по свѣдѣніямъ кievскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ («Заря» 1883 г., № 281), ихъ напротивъ очень мало. На все огромное число 4221 слѣпыхъ, бывшихъ въ губерніи въ 1881 году, «занимающихся игрой на лирѣ» было тринадцать. Цифра эта конечно достовѣрна настолько, насколько вообще явленія подобнаго рода поддаются официальной отчетности. Мнѣ всегда казалось ужаснымъ, что эти несчастные, живущіе подаишемъ, несутъ подати и повинности наравнѣ съ зрячими. Общества освобождаютъ ихъ въ рѣдкихъ случаяхъ, и отъ всѣхъ лириковъ, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать, я слышала по этому поводу горькія жалобы.

Какъ во всякомъ ремеслѣ, а особенно такъ близко соприкасающемся съ искусствомъ, тутъ бывають свои таланты. Я помню, какъ поразилъ меня своимъ пѣніемъ одинъ лирикъ на ярмаркѣ въ м. Серебномъ прилуцкаго уѣзда. Его молодой и свѣжій голосъ дышалъ такимъ выраженіемъ, что въ его пѣніи забытыя стихи «Лазуря» показались мнѣ совершенно новыми.

Онъ бувъ собі бідний Лазурь, но свѣту скитавсь,
А ёго братъ, сильний богачъ зъ міру наплавсь...

Онъ пѣлъ это съ болѣзненнымъ стономъ страданія, и въ постоянно окружавшей его толпѣ не одинъ человекъ утиралъ слезы. Самая паружность его посяла какой-то трагическій отпечатокъ. Такой типъ мѣтко схваченъ талантливимъ художникомъ—этнографомъ шестидесятыхъ годовъ .І. М. Жемчужниковымъ на картинѣ его «Бандуристъ», находящейся въ с. Сокирицахъ у Г. П. Галагана.

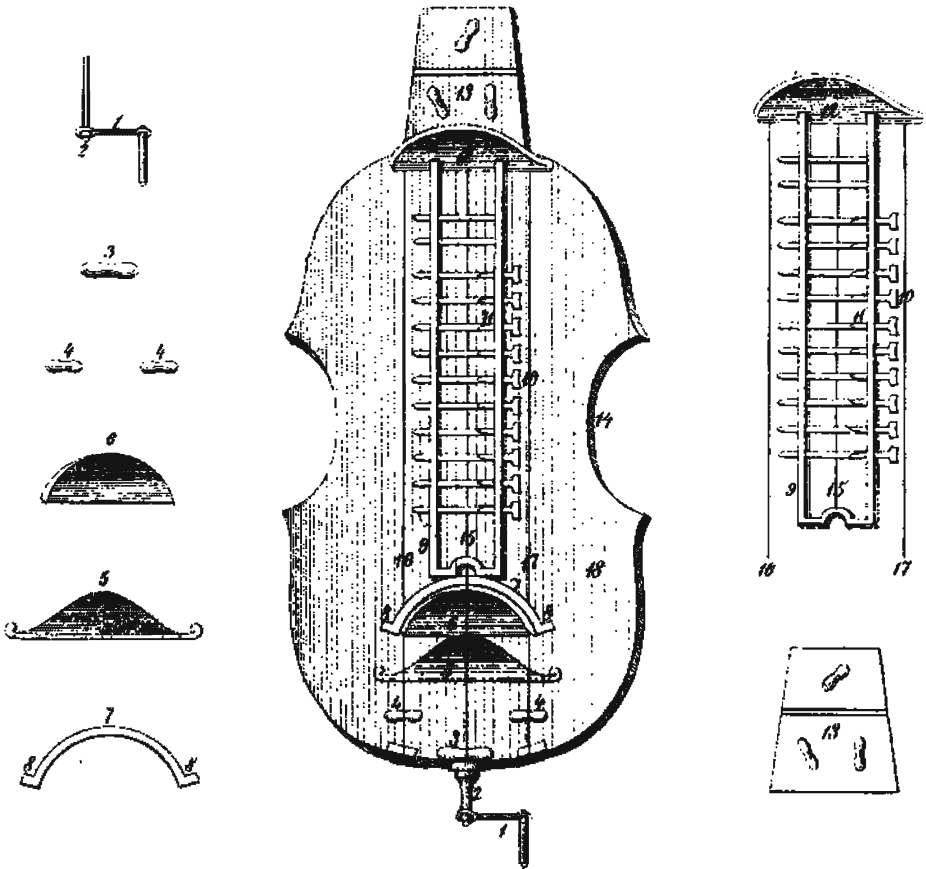
Лирики ходятъ по міру преимущественно осенью, послѣ окончанія полевыхъ работъ, когда у людей есть хлѣбъ. Они какъ-бы избѣгаютъ раздражать просьбою о милостинѣ въ то время, когда на хлѣбъ скупно, ходятъ всю осень, до слѣгу, когда можно, ходятъ и зимой и, по стаяніи слѣга, раннею весною. Поводырями бывають

или свои дѣти, если есть, или безпріютные сироты. Если бываютъ взрослые поводыри, то развѣ только калѣки. По домамъ, на свои мѣста, возвращаются къ большимъ праздникамъ, Рождеству, Пасхѣ и обязательно къ храму своей церкви. Лѣто, самое удобное для странствованій время, они проводятъ дома. Тутъ они занимаются преимущественно издѣліями изъ конопли: витьемъ веревки и веревочной упряжи. Заработокъ на этомъ бываетъ такой: за работу веревки средней величины изъ матерьяла заказчика—20 копѣекъ, на его харчахъ—15. Работа занимаетъ больше дня. Но и эти заказы были бы очень желанными, если-бъ были постоянны. Что касается «науки», то ее кончаютъ въ отрочествѣ. Въ прежнее время выучивались всѣмъ тѣмъ пѣснямъ, которыя знаетъ учитель. Цифра ихъ доходила до шестидесяти. Въ этомъ числѣ было ѓ—6 думъ. Таковы познанія старыхъ кобзарей и лярниковъ, лѣтъ по 60, которыхъ я знаю. Болѣе молодые,—лѣтъ по сорока, знаютъ только по двѣ-три думы. Молодые лярники думъ уже не знаютъ. Въ послѣдніе два десятка лѣтъ ихъ перестали заучивать совсѣмъ.

В. Горленко.

Приложеніе къ статьѣ „Кобзари и Лирники“.

Лира, ея составныя части и ихъ народныя названія.

1. Корба.	11. Ноты.
2. Воюкъ або троникъ.	12. Блумиръ.
3. Затѣль (въ ѣму ключки подставка).	13. Наклѣникъ (Досточка, возлѣ него за-
стѣжка одѣ никельшпа).
4. Коники.	14. Обручи (боковыя стѣнки лиры).
5. Кобылка.	15. Ринка (або перва).
6. Колесо.	16. Басъ (большая струна).
7. Лубиникъ —крышка.	17. Пидбасонъ (тоньшая струна).
8. Порѣсики.	18. Дейка (верхи. и низнии стѣнки лиры)
9. Клавитура.	Всѣ три по тѣмъ-
лискѣ.
10. Илвиши (зубчики, внизу ихъ ноты).	Вывѣски въ верхней дейкѣ —голосыяки.

ВОПЛЬ МАЗЕПЫ.

Лѣтъ десять—пятнадцать назадъ за литургіей въ 1-ю недѣлю великаго поста въ любомъ кафедральномъ соборѣ можно было еще слышать протодьякона, громовымъ голосомъ возглашавшаго между прочимъ слѣдующія слова: «Глаголющимъ, яко цари возводятся на престоль не по особому благоволенію Божию и тако дерзающимъ на бунтъ и измѣну, аки Гришкѣ Отрепьеву и Иваку Мазепѣ и прочимъ подобнымъ—анагема!» Обрядъ проклятія Мазепы и другихъ виновныхъ въ измѣнѣ получилъ свое начало при Петрѣ В. и внесенъ, по его повелѣнію, въ церковный «чинъ православія», направленный, какъ извѣстно, противъ иконоборцевъ и другихъ еретиковъ. Нечего и объяснять, что поводомъ къ сему послужила измѣна Мазепы Петру въ войнѣ съ Карломъ XII и переходъ его на сторону этого послѣдняго. Получивъ объ этомъ вѣсть въ лагерѣ надъ Десной, Петръ посредствомъ нарочитыхъ манифестовъ и грамотъ¹⁾ стянулъ къ себѣ сюда всю вожачую старшину и знатнѣйшее духовенство и передвинувшись въ Глуховъ, приказалъ избрать здѣсь гетманомъ Скоропадскаго, а Мазепу предать всенародному проклятію. Сюда былъ привезенъ къ тому времени кievскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій, съ знатнѣйшимъ духовенствомъ кievскихъ монастырей, и переяславскій епископъ Захарія Корниловичъ, чрезъ нарочно посланнаго въ Кіевъ князя Б. И. Буракина²⁾. На

¹⁾ См. грамоту о сему на имя черниговскаго архіепископа Іоанна Массломвича въ августовск. книжкѣ «Кievской Старинѣ» за прошлый годъ.

²⁾ См. въ этой-же книжкѣ въ «Запискахъ кн. Буракина» на стр. 624.

митрополита успѣли уже набросить подозрѣніе въ соучастіи въ измѣнѣ Мазепы и онъ долженъ былъ доказать свою преданность Государю торжественнымъ анаемствомъ Мазепы по особо придуманному неизвѣстному кѣмъ обряду. Вотъ какъ описываетъ этотъ мрачный обрядъ неизвѣстный авторъ «Исторія Руссовъ», писавшій по свѣдѣнію предаію.

«По окончаніи краткихъ торжествъ выбора и утвержденія гетманскаго, открылось тамъ-же, въ Глуховѣ, новое явленіе, до того еще въ Малороссіи не бывалое, явленіе страшное, названное сопутницею Мазепѣ въ адѣ. Многочисленное духовенство малороссійское и ближайшее въ границамъ здѣшнимъ великороссійское, парочито собранное въ Глуховѣ и составившее изъ себя такъ названный помѣстный соборъ, въ 9-й день того-же ноября, предало Мазепу вѣчному проклятію или анаемѣ. Мрачное торжество сіе совершалось въ каменной николаевской церкви, въ присутствіи Государя и при многочисленномъ собраніи чиновниковъ и народа. Духовенство и клирики были въ черномъ одѣянніи и всѣ со свѣщами чернаго цвѣту. Портретъ Мазепы, висѣвшій до того среди города на шибеницѣ, влеченъ былъ по городу палачами и втапуть внутрь церкви. Духовенство, окружа его, прочитывало и воспѣвало нѣкоторые псалмы изъ священнаго писанія, потомъ провозгласивъ и нѣсколько разъ повторивъ: «да будетъ такой-то Мазепа проклятъ!» оборотило на портретъ его возженные свѣчи, а клирики, повторяя тоже самое пѣніемъ, оборачивали и они свои свѣчи ничкомъ. Начальствующій епископъ ударилъ притомъ концемъ жезла своего въ грудь портрета, съ изрѣченіемъ: «анаема!» И тогда повлекли обратно портретъ изъ церкви и пѣли сей стихъ церковный: «Днесъ Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола», и тѣмъ обрядъ тотъ кончился»¹⁾.

Въ тотъ-же день, по повелѣнію Петра, грозная анаема Мазепѣ возглашена была Стефаномъ Яворскимъ въ Москвѣ въ успенскомъ соборѣ, а затѣмъ и во всѣхъ церквахъ русскаго государства. Въслѣдствіи проклятіе Мазепы внесено было въ церковный

¹⁾ Исторія Руссовъ яля Малой Россіи. Сочленіе Георгія Конисскаго, архіепископа бѣлорусскаго. Москва, 1816 г. стр. 211 и 212.—Упомянутое о присутствіи здѣсь Оеофана Прокоповича есть анахронизмъ; онъ не былъ тогда не только епископомъ, но даже архимандритомъ и вовсе не былъ извѣстенъ Петру.

«чинит православія», составлена сверхъ того особая служба церковная на день полтавской викторіи 27 іюня, съ примѣненіемъ къ Мазенѣ и Петру той пѣсни: *Днесъ Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола*, которая заимствована изъ службы Страстямъ Христовымъ и пѣта была при первоначальномъ явленіи Мазены.

Обрядъ именнаго проклятія Мазены удерживался до нашихъ дней и лишь въ недавнее время отпѣненъ св. синодомъ, какъ дѣйствіе, утратившее даже историческій свой смыслъ, никому и ни для чего уже не нужное. Въ немъ рѣзко бросалось въ глаза это несогласное противорѣчіе изрекаемаго устами церкви проклятія и возвѣщаемаго ею мира и любви, ученія ея о загробной жизни, судѣ Божіемъ, воздаяніи въ послѣдній день и это предвосхищеніе суда у Того, кто самъ сказалъ: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ*. Являлось кромѣ того новое, еще болѣе поражающее противорѣчіе: ежедневно, въ теченіи всего года, въ многочисленныхъ, Мазею построенныхъ церквяхъ, поминалось имя Мазены, какъ создателя и благодѣтеля, и однажды въ годъ это-же имя предавалось вѣчному проклятію.

На это послѣднее противорѣчіе натолкнулся случайно императоръ Николай Павловичъ въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Кіевъ. Посѣтивъ военный соборъ, онъ уже предъ выходомъ изъ церкви, окинувъ взоромъ ея своды и всю внутренность и любуясь ея архитектурой, спросилъ настоятеля собора:

— Кѣмъ построена церковь?

— Мазею, робко отвѣтилъ настоятель, и—слово замерло на его устахъ.

— Что-же, вы молитесь объ немъ? спросилъ вновь Государь.

— Молимся, когда по уставу церкви возглашаемъ: о создателяхъ и благотворителяхъ святаго храма сего, отвѣтилъ настоятель, ободренный ласковымъ видомъ Государя.

— Молитесь, молитесь! съ легкимъ вздохомъ произнесъ Государь и быстро вышелъ изъ церкви.

Это-то противорѣчіе повторявшееся изъ году въ годъ, людей вбрасующихъ, людей съ живымъ христіанскимъ чувствомъ наводило на мысль о неестественности являема, съ точки зрѣнія чистой идеи церкви, прежде окончательнаго суда Божія.

Такая ясная мысль положена въ основу помѣщаемого здѣсь рукописнаго произведенія, подъ заглавіемъ: *Вопль Мазепы*. По почерку, бумагѣ, языку и другимъ признакамъ оно принадлежитъ несомнѣнно началу нынѣшняго столѣтія. Неизвѣстный авторъ онаго бесспорно малороссъ, но не мѣстный патриотизмъ его одолеваетъ; его произведеніе чуждо всякой политической тенденціи, но его смущаетъ эта несообразность одной изъ торжественнѣйшихъ службъ церкви съ ея основнымъ духомъ и характеромъ, это противорѣчіе между возмѣщаемымъ ею ученіемъ мира и любви и нарекаемымъ съ-же устами проклятіемъ, подчлененіе высшаго авторитета церкви цѣлямъ земнымъ, предвосхищеніе вѣчнаго суда Божія. Не оправдать Мазепу въ его политической вины, но снять съ него тяготящее надъ нимъ проклятіе во имя высшей идеи христіанства, показать, что право окончательнаго суда надъ всѣми дѣяніями людей принадлежатъ одному лишь Богу и что судъ этотъ будетъ произнесенъ имъ лишь въ послѣдній день міра—такъва цѣль автора и его основная мысль.

Но, выражая эту мысль прямо въ отвлеченной формѣ, нельзя было заинтересовать ею и убѣдить въ ней, а высказывая ее публично, можно было пагубно на себя серьезную опасность. И вотъ авторъ избираетъ для нея оригинальную форму всеподданнѣйшаго отъ лица Мазепы прошенія на высочайшее императора Александра I имя въ 7-ми пунктахъ; но это лишь рамка для другой, распространенной въ то время литературной формы «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ». Соединивъ обѣ эти формы, авторъ изображаетъ различные состоянія души Мазепы, ищущей освободиться отъ тяготящаго надъ ней проклятія,—начиная съ перехода ея въ адъ по смерти и оканчивая воплемъ, обращеннымъ къ императору Александру о прекращеніи ежегоднаго публичнаго анаемствованія.

Слѣдя за развитіемъ основной мысли помѣщаемаго произведенія, нельзя не примѣтить въ авторѣ онаго наклонности къ мистицизму и сосредоточенія его вниманія на идеѣ безконечнаго величія, всемогущества и милосердія Божія, а это даетъ намъ поводъ къ предположенію, не принадлежалъ-ли авторъ къ разряду нашихъ мистиковъ первой четверти нынѣшняго столѣтія, группировавшихся въ значительно распространенномъ у насъ тогда обществѣ франкъ-масоновъ. На это указываютъ и мистическія названія для означенія

времени написанія, разгадать которыя мы не беремся. Филантропическимъ идеямъ и тенденціямъ этихъ мистиковъ въ особенности должны были претить не только мрачная обстановка, но и самая идея всенароднаго проклятія Мазелы. Какъ-бы ни было, помѣщаемое произведеніе представляетъ характерное для того времени явленіе и значительный интересъ какъ по замыслу, такъ по оригинальности формы и художественности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сценъ. Къ сожалѣнію, списокъ, въ какомъ оно намъ досталось¹⁾, въ такой степени неисправенъ и поврежденъ безграмотностію переписчика, что мы съ трудомъ могли возстановить смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ, а иныя, правда, весьма не многія оставляютъ мѣсто для догадокъ. «Вопль Мазелы» по языку мало обработанъ, по мысли его вполне согласная съ ученіемъ православной церкви, хотя и очень смѣлая для того времени. Читая его, невольно задумываешься надъ тѣмъ, какъ много соблазна и смущенія производилъ отчужденный такъ недавно страшный обрядъ проклятія Мазелы и какъ много нужно было времени для того, чтобы онъ не омрачалъ болѣе свѣтлаго лика нашей церкви, никогда не посягнувшей на то, яже суть Кесарева.

Пресловутый старѣйшина славянъ, вожделѣнный повелитель славянъ, могущественный обладатель сарматъ, знаменитый монархъ варягъ и различныхъ языкъ, веледѣпный царь, въ подсолнечной великой вождь, святѣйшей картины зодчій, участіе многихъ племенъ и народовъ, владыка россовъ и чадо неба, Александръ Павловичъ, скромнѣйшій вседержавнаго Бога рабъ!

Божіею милостію мы Іоаннъ Мазела, явчный козакъ запорожского Коша, малороссійскихъ войскъ и обохъ сторонъ Днѣпра гетманъ, приносимъ вамъ прискорбнѣйшее слово о проклятіи-анаемѣ.

1-е.

Вурный вѣкъ предприимчиваго монарха Петра I-го, примѣрнаго предка вашего священнѣйшаго великодушія,—сей вѣкъ, грезнѣйшій ве-

¹⁾ Списокъ этотъ найденъ въ бумагахъ моего дѣда, служившаго безсѣльнымъ ординарцемъ у фельдмаршала гр. Гудовича.—С. Н. II.

ликолѣпными трофеями, славный премудростію и коловратами, былъ страшнѣйшій камень преткнанія для тѣхъ сановитыхъ мужей, кои гордый духъ неустрашимаго Скиѣа, надменное невѣжество блаженныхъ предковъ, по грубымъ обычаямъ всечуждой древности, дерзнули побороть своею валкою уругостью: зине презрѣніе вводимыхъ обрядовъ, кунно и приверженность къ прародительскимъ, тяжки были для того мощнаго Волхва, который все напредки по новому чаровалъ. Да будетъ Сынъ Едикородный доводомъ сея истины!

2 - е.

Обязанъ остаюсь моимъ достоинствамъ, что на высокую степень гетманства возведенъ. Народъ вольный, избранный, принуждавшій нѣкогда трепетать саму столицу эллиновъ, пайначе во времена славныхъ князей Аскольда и Олега, наконецъ самъ своею силою исторпійся изъ власти полякъ, какъ славный гетманъ Хмельницкій подвизался, — сей народъ избралъ меня своимъ дожовладыкою, почтилъ блюстителемъ его вольности и вождемъ. Зри чадо неба, Александръ! яко гетманъ знаменитѣе былъ искони, нежели конечные булавы пріемники. Однакожъ чары готовились для отравы уставовъ націи; уже три грозніе мечи висѣли надъ несчастною Палестиною, угрожая трескомъ и бурей все опрокинуть. Дѣйствительно, невпроемъ училися гетманомъ, но крайней жѣрь совѣсть моя не угрызаетъ — вознещевалъ соблюсть мой долгъ къ отечеству! О любезное отечество! ты еще не погибло. Въ это смутное время роковой опалы право сильнѣйшаго доказано лезвіемъ меча, и жизнь моя, всѣхъ бѣдствій наполненная, влачилась, какъ жизнь самого неключимаго смертнаго. Уже въ нѣдрахъ смерти и въ хладномъ гробѣ чая найти свое спасеніе, приближился я къ неопостижимому гѣбву. Но какой ужасный призракъ возмутилъ мою душу! Увы; се демонъ геенны, поражаяя гремящею анаеемою, низвергъ меня мповенно въ преисподнюю бездну тартара. Обрушивался, подобно камню, съ вершины крутой горы въ пропасть низверженному, и какъ-бы непожѣрною силою бросаемый и ударяемый, низринулся я наконецъ въ ту страшную пучину ада, гдѣ черныхъ тѣней смутный шорохъ, гдѣ рѣзкій свистъ крохѣшныхъ духовъ, гдѣ мразъ густой, гдѣ звукъ глухой раздавался... Дрожащая моя душа оцѣпенѣла, повергался изъ трепета въ ужасъ.

3 - е.

Но не должно представить тартара въ такомъ состоянїи, какъ преданїе черноризцовъ корануловъ завѣщаетъ. Точно, — путь труденъ; ланпаче-же то вѣрно, что быть не можетъ иначе, какъ только такъ, какъ оно есть; — князь тьмы, вельзевулъ, преугрюмое и звѣрообразное чудовище есть; однакожь самый разсудительнѣйшїй духъ, какова только желать можно въ пренеподней. Принявши мени съ княжескою гордостїю, какъ я къ нему представленъ былъ, тотъ часъ просмотрѣлъ бумаги моего дѣла, проникъ во все дѣйствїе и причины моральнаго и политическаго вкуса, наконецъ - все рѣшилъ безъ всякаго пристрастїя, даже безъ волокиты и убытковъ. — Почтеннѣйшіе государи, мудрѣйшіе философы, знатнѣйшія особы, все проклятіемъ анаемы сюда низверженныя токмо за несоблюденїе правилъ сукходенїя, на коихъ будтоби все грѣхи глухой черни впасть, въ минуту, по моему оправданїю, окружили меня; тѣни самыхъ лучшихъ людей, предлагая мнѣ свою дружбу, свои свѣтлые сны и мѣсто на мой собственно выборъ.

«Пребудьте съ нами, говорили они мнѣ, вамъ тутъ не случится ни малѣйшаго неудовольствїя, — въ учрежденїи здѣшняго предѣла царствуетъ прудивительный порядокъ и свѣтъ, кои должны-бы служить спасительными средствами для всехъ страждущихъ болѣзнію законорожденїя; вы съ нами будете веселиться вѣрнѣйшими наблюденїями, восхищаться красотой пустыни, для препровожденїя времени смѣяться надъ худымъ вкусомъ духовичахъ.

Потомъ спросилъ: что слышно въ больномъ кругѣ? нѣтъ-ли чего новаго? Есть-ли прибавь въ людяхъ? Есть-ли хорошіе вожди, министры, судїи, словомъ: сыны отечества, или только слѣпіе рабы распутныхъ женщинъ, безмѣрнаго корыстолюбїя и роскоши?

Нѣтъ, отвѣчалъ я; нынѣ все течетъ по правиламъ самаго новѣйшаго просвѣщенїя: министръ, наирямѣръ, самую малость дѣлаетъ съ напряженїемъ всехъ силъ и — промахъ даетъ, а кто всего желаетъ и ничего не дѣлаетъ, кто много получаетъ и недоволенъ, тотъ есть всеученинѣйшїй мудрецъ и членъ всѣхъ факультетовъ, и тотъ слышетъ преблаготолучнѣйшимъ человекомъ въ свѣтъ, кто, бывъ отъ кого кругомъ благодѣтельствованъ, содѣлается первымъ злодѣемъ своему бла-

годѣтелю, какъ и я на своихъ ближнихъ иениталь. — Вообще должно говорить о порокахъ всѣхъ и каждаго порознь, превозносить свои достоинства, хотя-бы ихъ совѣшь и не было, причошь дойти къ искусству безъ языка продолжать рѣчь, не слушать разумныхъ.

Сей часъ спросили меня къ его темнѣйшей свѣтлости. Князь вельзевулъ, который, препоруча мнѣ дѣло вольности прокладныя (?), понадѣясь на замѣченныя наъ во мнѣ способности, требовалъ представить ему изъ многихъ бумажныхъ книгъ одинъ краткій экстрактъ. Не нужно писать здѣсь причинъ, почему дѣло сіе не досталось другимъ дѣльцамъ; довольно упомянуть и объ однихъ его предметахъ, кои заключали: влѣтъ откупны, подряды и таможи, гдѣ тьма тѣсней замѣшаны. Мытарь треблаженный не закроеть ни кучами золота, высосаннаго изъ жилъ народа, и тѣхъ улыбокю сопровождаемыхъ ужасокъ, которые никакъ несносны! Но при семъ случаѣ толькое показалъ я безпристрастїе, что его темнѣйшая свѣтлость князь вельзевулъ не могъ не отдать мнѣ всей справедливости, ко удивленїю всего ада и духовъ, смлянувши въ мнѣ важности моей услуги. И тотъ часъ наъ на колѣни предъ княземъ тьмы, вопія:

— Всеспыльный тартара духъ! воззри на мою сердечную гореесть и вьездъ, съ коликымъ поношенїемъ влѣчать мое имя по стогнамъ градскимъ и божницамъ! Подай мнѣ жезлъ твоей непреоборимой помощи, да моя ушляя душа потечеть къ вседержавному Богу боговъ, дабы пролить предъ нимъ свое теплое моленїе, да никто не поучится во адъ тщетнымъ!

— Егоже силы трепещуть! возгласилъ князь тьмы вельзевулъ — Стремись къ нему со страхомъ и любовїю, понеже онъ есть общїй Богъ и Звждитель. Се ввѣрено тебѣ носить тайну непостижимыхъ судебъ, могуцїю тебя на самомъ небѣ спасти. Шествуй ужъ, когда рокъ твой тебя влочеть.

Рекъ и двинулъ отъ запада къ востоку, гдѣ лазуревая депница златнымъ свѣтомъ позблнстала.

4 - е.

— Разруши крѣпкіе заклены суемудрїа, Богъ боговъ! Къ тебѣ весь душею моею стремлюся, подобно орлу, на высотѣ въ полной свободѣ

парящему. Распрости мысленныя крылья моего смятеннаго разсудка!

Мню зрѣть самую средоточность, однакожь въ тускломъ свѣтѣ; но предпринимая противъ буйнаго недоумѣнія брань, облекшись въ доспѣхи моего разжеснаго воображенія, смѣлѣю подвизаться на открытое поприще, явиться предъ небожь, тамъ въ жертву воскурить чувства благочестія, отсель превыше небеснаго круга вознестися. превыше всякаго надъ самыми небожь океана, стремлюсь въ тѣ превиспрепнїе страны міра, паря въ тѣхъ солнечныхъ предѣлахъ немерцаемаго свѣта, гряду въ тѣ самыя чертоги лучезарнїя, гдѣ свѣта тьма не объемлетъ, гдѣ живетъ всевышній Богъ...

— Стой, дерзновенный духъ! претя, грозно кликнулъ Архистратигъ вышнихъ силъ въ багропернатомъ племѣ, блестящей бронѣ, съ пламеннымъ мечемъ блдщій: здѣсь со страхомъ благоговѣй, или тебя огнь поестъ!

— Страшусь и трепещу, возгласилъ и предъ нимъ, воззвать къ ветхому днѣми Владыкѣ: Отче, разсуди боги въ ихъ суетномъ сонмѣ! се лягутся о твоємъ бытїи, се тварь на тварь посягается, преиди уставы святыхъ вѣчности, — ужель въ самой урвѣ смертной тѣни и прахъ не почіетъ? Суди строго и наказуй, но предѣлы въ вѣрѣ положи...

Вдругъ пламенные врата торяго града разверзались, куда мнѣ звѣздный путь открылся.

— Богъ есть сей, возлюбленный пришлецъ, вѣщаль маѣ единъ отъ старецъ, во свѣтоносную ризу облеченный: почто все мятешься? Богъ есть существо непостижимое, невещественное, все объемлетъ, все живить, духъ никѣмъ невидимъ, неудобъ созерцаемъ свѣтъ, умъ, Онъ былъ и будетъ вѣчно, въ небесахъ ли пребывая. въ дѣявіяхъ ли видимаго міра пресмыкался, или паче въ нѣдрахъ ада водворяясь, есть единъ я тожь, зане адскій огнь Его не опалитъ, ни въ единой клѣтѣ не можетъ заключиться, сложе вы умудряетесь, — занеже отъ мѣстнаго все зависить, — святость не отъ мѣста почерпаетъ, ни мѣсту оную сообщаетъ, вси-же предѣлы Его суть, не можетъ Онъ покориться вашимъ желанїямъ и чувствамъ. Не Огъ-ли низложилъ жертвы, навѣтами обуреваемые? Не можетъ убо взирать и на лживія блага; но ни гнѣву непричастенъ, ниже въ тѣхъ завѣтахъ обитаетъ, кои зловонїемъ курятся; о

неогнетающихъ Его бытія столь-же много сѣтуешь, сколь много ихъ вѣрами тлушается. Не можетъ онъ изъ Бога боговъ учиниться рабомъ пристрастныхъ душъ, никакойши должности на Него возлагающихъ? Онъ всемірно мужъ, пребываетъ много выше всего, чтобъ мѣлочей не презирать. Почто вы праваго сердца чувства отметае? Почто умерщвляете совѣсть? Глазъ разумнѣйшей твари—глазъ природы и истины, дарованіе вамъ свыше, видѣть въ углѣ.

— Свѣтъ во тьмѣ свѣтлѣйся, егоже зря не вижу, возвалъ я къ свѣтоносному собесѣднику; но небесный старецъ, златымъ перстомъ помавая, скрылся въ свѣтло-огненнымъ облакахъ, а духъ бурей промчался, разливая блескъ молниеносныхъ лучей. Вдругъ съ ужаснымъ трескомъ грома грянули, то вселенная вышнему Богу, мню, *Осанна* рекла.

5 - в.

Гроза престала, молнія утихлась, буря утихла, возсіялъ новый свѣтъ въ возобновившемся естествѣ. Вотъ гдѣ воля сильнато не могла никакъ доказать своего права! Духъ движеть, промьель распоряжаетъ. О, душа мудраго, чувствительнаго дуна! продолжай смятеніемъ и ужасомъ при видѣ сихъ страшныхъ перемѣнъ и явленій. Ищуй ихъ возчувствуютъ свою брѣнность, свое ничтожество!

По сень простиралъ я взоръ мой по водамъ превыше небесъ разливающимся. Зрю нечаянно новую красоту естества: уже всѣ брежи морскихъ зыбой суть гладкіе, отъ сіянія лучей сребристо блестящіе; весь погружаюсь въ сію прозрачную матерію; повергаюсь въ самую пучину сей жидкой стихіи; протекаю глубину всей бездны волинь, тщуся предлѣвать невозможности и препони, чтобъ, сошедъ въ средній небесный ярусъ, устремить на ту область возжелѣнную свое око, съ коей малымъ лишь клубомъ представляется кичливая земля,—гдѣ свитую жизнь въ садахъ имѣть всѣ чають, гдѣ процвѣтаетъ прекрасный рай! И шествовалъ по пути уже, къ райскимъ святилищамъ волудему, которой усаженъ былъ ароматными деревьями, уже готовился шагнуть чрезъ прагъ, какъ стражъ сихъ мѣстъ позвалъ ко мнѣ.

— Щетать судьбы, на церсѣхъ твоихъ зримая, илжаетъ въ тебѣ дивнаго пришельца и странника; но гдѣ едины блаженны водворяются,

кои точію гряды гредятъ въ вертоградахъ, въ чайкинъ будущихъ благъ, грядущаго никто не вѣдаетъ. Когда земля огнемъ или вдругъ вся вселенная обрушится для блаженныхъ возмездія, что послѣ и какъ случится, никто того или ничего не знаетъ, ни стихотворцы, ни философы, ни богословы, ниже политики, Ангелъ только велика совѣта съ возлюбленнымъ своимъ напе стянкомъ разсуждаетъ о началѣ и концѣ...

— Персть мнитъ быть тѣнію, продолжалъ старецъ, тѣнь чистымъ духомъ, духъ пріятнѣйшимъ ангеломъ, ангелу остается Богомъ быть: никто своею частію не доволенъ, всеобщее зрится посягательство на законъ вещей. Содѣтель міра! самый порядокъ насилуется смятеніемъ: яко хлѣба недородъ, зима и лѣто не во время, весна осенью, а осень весною случается...

Еще по вѣкоторой бесѣдѣ съ силъ древностью лѣтъ согбеннымъ мужемъ о величій зла и безсилій добра, наконецъ предпринялъ я въ крайнее небо продолжать путь, ступая уже по хребтамъ вѣтровъ и облакамъ.

6 - е.

Ряды длинныя шатровъ, украшенныхъ развѣвающимися хоругвями, множество превысокихъ ледяныхъ обелисковъ и колоссовъ мгновенно представлялися моему взору на томъ небесномъ сводѣ, который прарадевающимъ небомъ смертными нарицается, который съ небреженіемъ разбросанными по немъ звѣздами самихъ унизнѣйшихъ въ безуміе повергаетъ вышнимъ великолѣпіемъ. Но, проведъ стражу сего стана, ко вопросу и отвѣтъ, какъ уставъ рыцарей гласитъ, спѣшилъ я въ отличный, узорочными цвѣтами и знаменами наметъ, на восторгъ сѣдыхъ облаковъ гордившійся. Внутри оны украшенъ былъ дивно составленными ивъ дождевыхъ капель колоннами, въ коихъ свѣтились искры, никакому примѣру не подобны. Въ шатрѣ Владиміръ съ Борисомъ-Переяславомъ смѣялся надъ печенѣгами, Мономахъ разсуждалъ съ угрожаемымъ со-вѣстію Юривъ, Грозный думалъ, опершись на долбю, Мшинъ облачалъ Пожарскаго въ притворной болѣзни, Годуновъ нѣчто разсказывалъ Андрею, пріятно Алексѣй съ Хмельницкимъ разговаривалъ, Федоръ окруженъ былъ многими слушавшими его съ почтеніемъ, Петръ держалъ въ рукѣ чертежъ, бесѣдуя съ Ярославомъ и другими, какъ я

могъ замѣтить, о бывшей власти еллинскихъ патриарховъ надъ Великою Скифою. Во истину и въ такомъ состояніи было все собраніе, когда вошелъ я въ сей большой шатеръ, въ коемъ были на многихъ мѣстахъ поставлены софы, изъ самага мягкого инея здѣланные, на которыхъ Матвѣевъ и прочіе сидѣли и разговаривали каждый въ своемъ кругу! Петръ, увидя меня, удивился и громко захохоталъ.

— Мазепа! какими судьбами? сказалъ и—съ распростертыми руками приближался, охотно желая меня обнять.

Я также спѣшилъ къ нему подойти ближе, однакожъ мое проклятіе соединиться въ семь прешетствовало. Мы тутъ болѣе напрягаемъ свои силы, но тѣмъ только всѣхъ привели во удивленіе. Я горько возрыдалъ; самъ Петръ прослезился.

— О, ты мой сильный побѣдитель и герой! съ плачемъ и слезами молилъ я; видѣть слѣдствія твоего жестокаго мщенія. Ужели тотъ вѣчный врагъ почитаться долженъ, кто не успѣлъ тебѣ зла произвести? Не долженъ-ли Карлъ сурубо быть проклинаемъ, когда разсѣялъ твои силы горстію своихъ воевъ? Или одинъ только слабый долженъ всякую гибель влечать? О, Петръ! подлинно буди такъ великодушень, какъ ты великъ! Ежели мало хизились вѣсы несчастныхъ обитателей моихъ мѣстъ? Ежели мало проклинали меня сіи злополучныи семейства, которыя долго терпѣли саміе убійственныи издѣвки?

— Какъ? прервалъ Петръ мою рѣчь; ноужели и самое просвѣщеніе, въ новую эпоху разлѣвшееся, не расторгло веригъ бывшаго заблужденія?

— Заблужденіе дѣйствуетъ въ умахъ равно, какъ и прежде,—со вѣдохомъ продолжалъ я.—Увы! куда-бы духъ мой не обратился, вездѣ преслѣдуетъ его проклятіе и адъ: тѣнь-ли моя перенесется въ тѣ мѣста, въ которыхъ я свою злополучную жизнь провождалъ, вездѣ видитъ пустыню, развалины и печаль; душа-ли моя проникаетъ въ храмы, обитали и олтари, моимъ собственнымъ попеченіемъ, моимъ издивеніемъ сооруженніе, по любви къ вѣрѣ и Богу, вездѣ моя имя находить въ мрачномъ закоснѣніи,—вездѣ по немъ молятся іерей *о создателѣ храма* въ приносимыхъ Богу жертвахъ и служеніяхъ, но потомъ ругательствомъ и поношеніемъ уже въ самомъ ничтожествѣ убиваетъ; воспарить-ли мой умъ къ своей силѣ бытія въ мірѣ, тутъ

узы меня связующія не позволяютъ предстать и приблизиться... ахъ! къ источнику моего начала приблизиться не позволяютъ. Глухал, мрачная могила трясется, самый хладный гробъ трепещетъ, самая бездушная мерсть дрожитъ и цѣпенѣетъ при тяжкомъ гласѣ безчеловѣчной анафемы. Уже и время своєю желѣзною рукою все изгладило; только сіи безбожная мерсть существуетъ. О, Богъ боговъ..

Весь станъ поколебался при воззваніи сего имени, всѣ вздрогнули и смутились, многіе воздыхали и плакали.

Прокоповичъ, проливающій слезы, Петръ! воззвалъ, зри укоризну отъ дѣйствія, въ первомъ движеніи гнѣва исторгшагося! Какъ политика моя, на правотѣ моей души основаная, и слава великихъ дѣлъ съ совѣстью о гнѣвѣ и мщени пойдутъ неразлучно. Боже, твое всевидящее око зрѣло мое сердце, что я никогда не простиралъ моего права на престававшія души! Какой свѣтъ о земь здѣластъ заключеніе! Какая польза для монарха въ раболѣпныхъ восклицаніяхъ безъ разума истины! Такъ единая черта справедливости столь-же разительна, сколь убѣдительна капля слезъ чувствительностію излияная. О, сколь драгоценна любовь къ ближнему! Но сіе не удивительно, ибо любовь къ недругамъ есть милліонъ разъ величественнѣе. Вотъ что рѣдко!

— О, несчастный Мазепа! продолжалъ Петръ, съ видомъ, свое прискорбіе изыскающимъ, я хотѣлъ, всю душою желалъ тебѣ нынѣ погосбить, однакожъ никакой возможности не имѣю. О, сколь расканіе справедливо быть можетъ, яко едина Богъ есть судія умершихъ! Но, заклинаю тебя святѣйшою кетикою, предстань ты къ младому вѣнценоцу въ моемъ градѣ, предайся во всемъ на его волю! Онъ такъ здравымъ разсудкомъ старъ и своимъ благоразуміемъ удивляетъ, что безъ сомнѣнія приметъ и сіе дѣло безъ всякаго предубѣжденія.

По семъ бросился Петръ на софу и погружился въ глубокое размысленіе, а прочіе объята были волненіемъ, сокрушеніемъ и печалью. Константинъ мудрый, видя мое изнужженіе, подошелъ и возпомоществовалъ моему выходу изъ шатра, ибо сила отражательно не дѣйствуетъ между не имѣвшими вражды существами.

— Рыданъ, знаменитый потомокъ пресловутаго монарха! вѣнчалъ я ему: жизнь твоя на земли угасла, какъ свѣча, среди рыданія и слезъ

самыхъ почтеннѣйшихъ мужей и старѣйшихъ всѣхъ градовъ, тобою предъ кончиною для наставленія и увѣщанія созванныхъ; и ты на семь почитаешь свое повелѣнїе взять изъ дому при своихъ глазахъ все то, что было кому назначено тобою, дабы между ими и послѣ твоей смерти никакихъ споровъ не произошло.

— О, другъ мой! ты глубокомыслиемъ своимъ простерся очель...

Мгновенно громогласнїя трубы возтрубили, кимвалы, тимпаны, литавры, свирѣли, рожки, флейты, барабанный бой—все вдругъ возгремѣло, и славные легіоны съ Сѣвера двинулись, хоругви радужнїя, взводы странныхъ вой, шагъ разомъ сдѣланный воздухъ колеблетъ, небо въ удивленїи, трисаты, грозно повелѣвающїя, цвѣтъ мужества и юности составляютъ; предшествуетъ имъ Павелъ на рьяномъ конѣ, конь гордо вступающїй, главою крутить, брождами звучить, броды бурно опееля, ржетъ и гарцуетъ. Тотъ часъ предсталъ на рыцарскую площадь Румянцевъ, приглашая Павла въ предреченный шатеръ на вечеръ. Онъ, узря меня, спросилъ: кто и за чѣмъ? Я началъ рѣчь о томъ свѣтѣ и прошелъ къ героямъ въ сонмъ. Тутъ жаднымъ окомъ обозря легіоны, направилъ мой путь къ одному предмету, который горюла небесъ и преисподняя вмѣстѣ соединяетъ, отколь зрится сводъ небесный, важно долу нависающїй, гдѣ перѣдко сѣверное сіяніе блещетъ, гдѣ столпы огненные рдѣлись, разливая на полѣ неба яркїй свѣтъ. О, великая дщерь Вышнїго, непостижимаго—природа! днесь видя сіе величественное знаменїе, дабы сн҃ти на кругъ земной, помоги мнѣ въ твои таинства углубиться, на доно вселеннѣя возлѣгши.

7-е.

Рокъ гетманства нашего болѣе влечетъ къ себѣ соболѣзнованїе, нежели мщенїе, проклятїемъ сопровождаемое; производимое сн҃мъ дѣйствїемъ политики впечатлѣнїа, оскорбляющее Бога и гетманство, волнующее чувства и предосуждающее проевѣщенїа монархїи, равно было не совсѣмъ убѣдительно для булхъ, какъ-го время показало. Провидѣнїе въ свою чреду повергается въ затрудненїе: карать-ли проклинаемыхъ торжественнымъ восклицанїемъ, или миловать ихъ, внимая мольбамъ тѣхъ-же устъ. Единой только слѣбоды потребно, чтобъ не видѣть соблазна и дерзновенїа предъ всего святѣйшимъ предметомъ. Блаженъ, кто не-

возгордится въ семь міръ; но тотъ его кратъ счастливые, кто можетъ сдѣлать добро и дѣлаетъ! (*Пропускъ*)... и дабы всесвятѣйшаго вашего святѣйшаго великодушнѣя вѣнованіемъ, пройдя выше сего слабо изображенныя сильныя доводы, повелѣно было храмы и олтари изъ вертепа и казвѣ обратить въ домъ молитвы и жертвы. (*Пропускъ*)... Яко тайное повелѣлъ содѣлать явное, яко уже и тобсты (*sic*) скоронисаніе благоволялъ всемъ великодушно разрѣшить, дабы безъ ужаса каждый открылъ предъ тобою своихъ талантовъ кивогъ, яко стыдъ и укоризну наносящую, притворяющую гидру указалъ изгладить изъ памяти человѣческой, яко древніе грѣхи завѣщавъ омыть въ новой купель избраннаго Силоама, дабы все вновь погрузились въ святость нелицепріятную, дабы вновь явились, омывшись, въ твой вѣкъ. О, жрецъ Бога вышнѣго! О, ты защита мужественная человѣчества! молю тебя всеми святѣйшими обътами, такъ мнѣ вдохни своимъ свѣтлыми и неомраченными, вдохни своимъ зрѣлыми мыслями, яко вдохнуть въ изгнанія забвенному человѣчеству добрый духъ. Духъ горящей любви тебя великижъ нарицаетъ: воскреси, мню, Лазаря столѣтнаго! Охъ, да сей убѣдительный вздохъ, сей вздохъ человѣчества, да проникнетъ въ глубину твоей души, да сія слава сострадательная каветъ на твое нѣжное сердце. Возри на судъ прозорливихъ окомъ; прорцы глаголь и гласъ твой будетъ услышанъ въ вѣчности, подобно шуму водъ многихъ.

Велелъпнѣйшій царь! просимъ вашего святѣйшаго великодушнѣя намъ сіе гетманское слово судить, какъ пастырю подобаетъ. Разсуди убо его, какъ монархъ; разсуди, какъ чувствительнѣйшій человѣкъ; разсуди, какъ благословенный сынъ отечества; суди еще, какъ ангель благодѣтельный, коего въ изступленіи обожающій міръ, щитомъ твое имя восприемля, славу, яко рогъ, вознесетъ!

Къ подачѣ надлежитъ въ величепріятный снѣклять, соглядаящій образъ мыслей давно прошеднаго времени, основанный на святѣйшихъ правилахъ добродѣтели и благоразумія. Вѣка девятаго, въ лѣто третье надеесть отъ возстановленія свѣта послѣ потопа, подъ небеснымъ знакомъ Полкана, въ день луны.

Сообщ. С. Н. И.

ПИСЬМА ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ Г. И. ЛИСАНЕВИЧУ. (1817—1820).

Предлагаемыя вниманію читателей «Кіевской Старины» письма гр. Аракчеева найдены нами въ семейныхъ бумагахъ Н. И. Хорвата, жительствоющаго въ селѣ Шамовѣ александрійскаго уѣзда херсонской губерніи. Григорій Иваловичъ Лисаневичъ, на имя коего адресованы всѣ 23 письма, находился въ какомъ-то родствѣ съ Хорватами, чѣмъ и объясняется настоящая паходка. Лисаневичъ, впоследствии одинъ изъ помощниковъ графа Аракчеева въ дѣлѣ заведенія и поддержанія военныхъ поселеній на югѣ Россіи, происходилъ (род. 1758 г.) изъ шляхетскаго рода, вышедшаго изъ Польши, принявшаго православіе и поступившаго въ русское подданство. Служебную карьеру свою началъ онъ въ елисаветградскомъ пикперномъ полку, въ 1808 г. назначенъ шефомъ чугуевского уланскаго полка, а въ 1814 г. командиромъ 3-ей (послѣ 2-й) уланской дивизіи, которая въ 1817 году водворена въ районѣ бывшей слободской Украины. За разныя военныя дѣла Лисаневичъ неоднократно жалованъ былъ знаками Высочайшей милости, также арендами и имѣніями. Земельныя владѣнія его находились въ александрійскомъ и елисаветградскомъ уѣздахъ херсонской губерніи; но въ 1820 году въ нихъ считалось всего 38 душъ крестьянъ, хотя одно елисаветградское имѣніе на р. Сугаклеи Камышеватою, при оврагѣ Вербовомъ, было мѣрою въ 760 десятинъ. Въ 1820 году, января 21-го, Лисаневичъ получалъ по прошенію отставку съ мундиромъ, пенсіей въ 2,160 р. въ годъ и наградою въ 10,000 р.

В. Я.

I.

С.-Петербургъ, 18 декабря 1817 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Я долго не отвѣчалъ вашему превосходительству на письмо ваше отъ 25 октября, потому что былъ боленъ и все хотѣлъ послать къ вамъ по дѣламъ службы особаго фельдъ-егера, коего при семъ къ вамъ и посылаю. Я никогда не лгу никому, слѣдовательно и вашему превосходительству: буду писать истинную правду; — честность ваша, доброе сердце и почтенные дѣла ваши великаго обязываютъ васъ почитать, а козми паче меня, который имѣлъ честь служить съ вами, милостивый государь, то будьте спокойны, что если и надобно будетъ вамъ перемена изъ нынешняго вашего места, то конечно всемилостивѣйшій вашъ государь уважить вашу службу и вы будете уволены снисхожденіемъ, которую вы заслуживаете, но теперь я ничего еще вамъ по оному не могу сказать.

Съ истиннымъ почитаніемъ, дружбою и чистосердечною привязанностью пребуду навсегда вашего превосходительства покорный слуга.

Гр. Аракчеевъ.

II.

Москва, 4 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Ваше превосходительство согрѣшить объ насъ съ государемъ, если вы будете недовольны посылаемымъ особымъ следователемъ отъ государя г. майора Ильина и подполковника Кочубая, ибо государю угодно вывести присланные князю прозьбы формальнымъ образомъ, и послѣ уже положить навсегда преграду пустымъ прозьбамъ. Государь императоръ приказалъ мнѣ написать къ вашему превосходительству, дабы вы изволили и сами, если вамъ угодно, находится при разборѣ сего дела, и что отъ васъ ничего не можетъ быть скрыто. Но государю хочется уверится въ сихъ делахъ, что точно ли онѣ идутъ надлежащимъ порядкомъ и ему непременно желательно, дабы новыя воинныя поселенія не были ни отъ кого телесно наказываемы. Потому уведомляю васъ, милостивый государь, что я располагаю послѣ 25 марта выехать изъ Москвы, и

ехать чрезъ Харьковъ прямо къ вамъ; почему и прошу уже ваши дела съ 1 марта остановить приемкою ко мнѣ до моего въ ваятъ пріезда. Двухъ-недельные-же государю рапорты извольте послѣ 20 февраля подписывать въ Варшаву и надобно на оныхъ конвертахъ подписывать во первыхъ *въ собственные руки*, а во вторыхъ *по поселенію войскъ*, что и наблюдать при великомъ отпращиваніи къ государю конвертовъ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

III.

Москва, 15 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Его императорское величество изволилъ также проговориваться объ отпускѣ вами полкового командира борисоглебскаго уланскаго полка полковника кн. Абамелика, что сіе такъ-же кажется зделано не во время, потому что при новомъ устройствѣ полковъ и по возникшимъ безпорядкамъ полковыхъ командирамъ не по отпускамъ и столицамъ следуетъ разъезжать, а заниматься более въ своемъ округѣ поселенія распорядкомъ, а господинъ кн. Абамеликъ, уехавъ въ отпускъ, доказываетъ, что онъ очень мало думаетъ о устройствѣ полка, а таковыхъ командировъ и терпеть вашему превосходительству не следуетъ, да еще онъ госп. кн. Абамеликъ и въ проездъ свой чрезъ Москву не явился ко мнѣ. За отпускомъ-же кн. Абамелика остался въ полку старшимъ полковникомъ Вистромъ ¹⁾, о коемъ вы известны отъ его высочества цесаревича, что онъ такъ-же служить не охотникъ, следовательно все оныя соображенія и даютъ дурной видъ управленію нашего поселенія. Я надеюсь, что къ моему пріезду все господа штабъ и оберъ офицеры будутъ уже при полкахъ. Да прошу ваше превосходительство подписывать на всехъ вашихъ пакетахъ какъ къ государю императору, такъ даже и ко мнѣ *по поселенію войскъ*, ибо вина канцелярія сего не наблюдаетъ и государь онымъ недоволенъ. Какъ вы нынѣ будете

¹⁾ Не разборчиво.

полумесячные свои рапорты отправлять къ государю въ Варшаву, то въ оное-же время прошу прислать ко мнѣ копии, дабы и могъ знать въ одно-же время, что у васъ происходитъ. Я вамъ откровенно скажу, что государь недоволенъ, что у васъ начались такіе беспорядки и вамъ и гг. бригаднымъ командирамъ надобно старателъ скорее оныя прекратить.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ

IV.

Москва, 25 февраля 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Письма вашего превосходительства отъ 9, 15 и 20 февраля мною получены, изъ коихъ первые два представлены были въ оригиналѣ государю императору, изъ коихъ его величество усмотревъ ваше опасеніе въ спокойствіи жителей, приказалъ мнѣ отвечать вамъ, милостивый государь, что именъ четыре вооруженные регулярные полка и двѣ роты артиллеріи, легко можно удерживать порядокъ между крестьянами не вооруженными, а потому и не находятъ надобности располагать пехоту, а должно старателъ не допускать до первоначальныхъ причинъ къ беспокойствамъ и не приступать ни къ какиѣмъ переменамъ и учрежденіямъ, не принявъ предъѣдъ предостерегательныхъ меръ, а въ противномъ случаѣ лучше оное предоставлять времени, нежели делать оное на удачу, какъ и самое возмущеніе жителей тагаирогенскаго полка последовало отъ привода ко вторичной присяги выбранныхъ членовъ эскадронныхъ комитетовъ, что-бы самое могло быть еще отложено впродъ до удобнаго времени, чрезъ что самое бы и не последовало сихъ беспорядковъ. Все-же перемены и распорядки должно въ водить не въ другъ ко всехъ полкахъ, а неоднотворъ въ одномъ полку или еще въ одномъ эскадронѣ, а потому въ другомъ и далее, тогда, при производствѣ оного, всегда можно иметь въ близини и готовые эскадроны на случай какого либо беспорядка, чемъ самымъ и самой беспорядокъ предупредителъ. Я надеюсь быть у вашего превосходительства въ первыхъ числахъ апреля и все затрудненія объяснить общимъ нашимъ съ вами разсужденіемъ

на жестѣ. До этого-же времени я надеюсь, что вы изволитѣ принять такіе меры, чтобы было покойно въ округахъ военнаго поселенія и дабы жители занимались своими домашними работами, имея строгой присмотръ за теми людьми, кои-бы вздумали подстрекать жителей къ какимъ либо возмущеніямъ, коихъ следуетъ брать подъ караулъ и содержать въ г. Зміевѣ, или даже я въ г. Харьковѣ. Его императорское величество очень занимается положеніемъ нашихъ дѣлъ, то и прошу покорно 13 числа марта отправить снарочнымъ курьеромъ донесеніе ваше о состояніи военныхъ округовъ на имя государя, а равно и меня подробно обо всемъ уведомить, что будетъ происходить съ дня отъезда г. м. Ильина до отправленія курьера, коего прислать ко мнѣ непременно къ 20 марта въ село мое Грузино (Далѣе гр. Аракчеевъ просить выслать на встрѣчу себѣ въ г. Орелъ генераль-майора Александра и заготовить квартиры въ Зміевѣ и прочихъ мѣстахъ, въ каждомъ округѣ поселенія. Слѣдуетъ подпись)

V.

Станція Бояницы. 26 марта 1818 г.

Господину генераль-лейтенанту Лисаневичу!

Донесеніе ваше отъ 14 марта и сего числа на дорогѣ изъ Новгорода въ Москву чрезъ курьера, присланнаго отъ гражданскаго харьковскаго губернатора, получить, и рапорты вашъ и его губернатора, на высочайшее имя ко мнѣ присланные, отправилъ къ государю императору въ Варшаву, сая-же я продолжаю дорогу въ Москву, гдѣ не остановлюсь нисколько, а поеду далее къ вамъ въ Харьковѣ. На счетъ случившагося непослушанія въ экономической волости савиенской, то это дело обыкновенное и часто случающееся въ другихъ мѣстахъ, но только и прошу покорно вашего превосходительства иметь у себя въ виду округа военнаго поселенія, дабы изъ оныхъ не вывести много действующихъ ескадроновъ и темъ саямъ не дать способа и нашимъ военнымъ поселенямъ присоединится къ сямъ савиенскимъ бунтовщикамъ, ибо легко стаетя можетъ, что нарочно сіе постороннее беспокойство начато, дабы разделить военные силы и потомъ вездѣ пропзвестъ беспорядокъ;— гражданскій-же губернаторъ можетъ требовать войска особе отъ по-

селенныхъ въ сію волость, почему и прошу васъ сію бумагу мою дать прочитати господину гражданскому губернатору. потому что я особю к нему не имю епособа ввезти по нахожденію моему въ дорогѣ. Самую же мою бумагу по протченіи прошу въ канцелярію вашу не отдавать а убрать ее у себя, дабы она никому не была известна.

Г. Аракчевъ.

VI.

Вознесенскъ, 6 мая 1818 г.

(Послѣ обычныхъ словъ обращенія, благодарить Лисаневича за ласковый пріемъ, упоминаетъ о вновь купленной лошади).

Здѣсь у графа Витта государь императоръ отъѣбно былъ доволенъ, что вамъ на словахъ расскажетъ вашъ адъютантъ, надобно и вамъ до онаго доходить непременно, ибо теперь государь, видя здесь, что все идетъ хорошо, будетъ у васъ еще строже требовать; прошу меня чаще уведомлять и стараетя держать въ рукахъ вашихъ строже господъ командировъ и взмекивать снихъ, а кому неугодно, то могутъ итти прочь, и здесь несколько полковыхъ командировъ гр. Виттъ перемѣняетъ, то есть всехъ техъ, которые не любятъ поселенія, а любятъ свою економію.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчевъ.

VII.

Воронежъ, 27 мая 1818 г.

Пріѣхалъ парочно ранѣе въ Воронежъ, дабы имѣти время отвѣчать вамъ, милостивый государь, на собственноручное ваше письмо отъ 20 мая, что симъ и исполняю. Письмо ваше я представлялъ государю императору въ оригиналъ и его императорское величество позволялъ утвердить все представленныя вами перемѣны въ штабъ и оберъ офицерахъ, почему о гг. полковникахъ Пановѣ и Энгельгардѣ и подполковникахъ Изюмовѣ и Траскляѣ будетъ отдано въ высочайшемъ приказѣ, а о протчихъ офицерахъ прилагаю мое утвержденіе. Следовательно, ваше превосходительство, государь изволитъ все утверждать, о чемъ вы

къ нему представлятъ, то оны изволить надеятся, что и вы употребитъ все ваше стараніе, дабы полки въ веренной вамъ дивизіи не отстали отъ прочей кавалеріи, о чемъ государь приказалъ мнѣ именно сіе поставить на видѣ какъ сямъ письмомъ, такъ и особымъ прилагаемымъ предписаніемъ¹⁾, съ дополненіемъ еще того, что ваши полки не будучи никому подчинены и вы оставаяся такъ сказать единственнымъ начальникомъ и получивъ въ полки лучшихъ людей, должны поестому и представить ихъ государю императору еще отличное другихъ кавалерійскихъ полковъ. Я васъ прошу по дружбѣ вашей ко мнѣ обратить вамъ вниманіе на полковыхъ командировъ, дабы оны занимали выездкою людей въ манежахъ, право будетъ стыдно, ибо вездѣ, и теперь въ Вознесенскѣ, въ Павловскѣ, въ Воронежѣ показываютъ государю учебныя команды въ самомъ лучшемъ видѣ и совершенномъ знаніи всехъ правилъ выездки въ манеже. Государь повелелъ вамъ еще написать, что отъ г. подполковника Изюмова и Траескина зависеть будетъ производство ихъ: когда оны вверенные имъ нынѣ полки устроятъ, то и чины получать. Г. полковникъ Бателгардъ не можетъ ехать въ отпускъ до техъ поръ, пока здастъ полкъ на законномъ основаніи, а тогда и можетъ ехать, куда ему угодно будетъ. Я знаю чрезъ верное известіе, что госнода ваши штабъ-офицеры недовольны мною, для чего я защищаю поселящъ и не даю ихъ грабить, и сіе государю извѣстно, но я на оное не смотрю, оны посердятъ да такіе-же будутъ, а я уже 30 летъ служу отечеству, то знаю, что делаю, и делаю по правдѣ и совести своей, не боясь ничего того, что обо мнѣ госнода сіа скажутъ. Вашему превосходительству два дела теперь: одно учить действующіе эскадроны, а другое устранять поселеніе искодволь; право, у графа Витта очень много и скоро сдѣлано. На докладную записку вашу я сдѣлалъ мою резолюцію и возвращаю при семъ, но надобно только еще прежде сдѣлать общее положеніе о дорогахъ и представить оное ко мнѣ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

¹⁾ Предписанія этого въ бумагахъ не нашлось.—В. Я.

VIII.

С.-Петербургъ, 7 августа 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Ранортъ вашего превосходительства отъ 16 іюля я получать и признаюсь вамъ, что мнѣ очень непріятно еще получать отъ васъ подобныя ранорты; пора-бы быть у васъ вездѣ порядку, тишинѣ и охотѣ, а не буланству. А при томъ вы очень глухо и коротко пишеть, что въ таганрогскомъ округѣ поселянѣ по прежнему виновниченіи, а не объясняетѣ, вчемъ именно. Касательно возвращенія ко мнѣ отпавленныхъ двухъ хозяевъ, то вы иметѣ мое отношеніе, что не только сіи два хозяина, но и вновь мною требуемые останутся здѣсь до техъ поръ, пока въ округѣ будетъ все исполнено по вашему желанію, что я думаю должно подействовать на нихъ сильно, и очень государь желаетъ иметь отъ васъ сведеніе по сему преждѣ его отъезда за границу, которое положено 26 августа. Почему я и ожидаю непременно присылки людей и донесенія вашего.

Вашего превосходительства покорный слуга

*Гр. Аракчеевъ.*IX¹⁾.

С.-Петербургъ, 29 августа 1818 г.

Милостивый государь мой Григорій Ивановичъ!

Я весьма чувствителенъ къ благодарности, которую ваше превосходительство приосетѣ мнѣ въ письмѣ отъ 10 августа, но признаюсь, что не считаю поступка моего заслуживающимъ оную, а напротивъ скажу откровенно, что непростительно-бы вамъ было, если-бы вы полагали, чтобы столь ничтожный пзвѣтъ, какой позволилъ себѣ адъютантъ Тирфевъ, могъ поколебать меня въ моей къ вамъ пріязнѣ и уваженіи. Вы можете быть увѣренными, что всегда и во всякомъ случаѣ найдете меня съ такимъ-же относительно васъ расположеніемъ и готовностью быть вамъ полезнымъ, какія и теперь во мнѣ виднѣтъ.

¹⁾ Это письмо писано не пзвѣстно кому принадлежащимъ почеркомъ; подписано гр. Аракчеевымъ собственноручно. — В. Я.

И совершенно согласенъ съ вами, что Туръбену неприлично оставаться при васъ долѣе, тѣмъ не менѣе однакоже къ переводу его нельзя приступить безъ формальнаго представленія, которое отъ васъ зависить прислать и оно получить свое дѣйствіе.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

X.

С.-Петербургъ, 29 августа 1818 г.

Все письма ваши позучилъ, за которые и приношу вамъ, милостивому государю, мою благодарность. И я самъ сожалею, что проклятыя печенегъ по сю пору не отчувствуются, но что делать? надобно взять терпѣніе и довести непременно до настоящаго исполненія начатаго дѣла. Все ваши и собственноручныя письма я представлялъ государю императору, и его величество изволилъ приказать, что непременно должно всехъ ихъ одеть въ мундиры, какъ должно; то я-бы и думалъ во первыхъ въ поселенныя ескадроны 2 и 3 усилить постой действующихъ ескадронѣвъ, поставя даже и чужихъ полковъ ескадроны, освобождая техъ хозяевъ, кои уже обмундируются (sic), что должно казется на нихъ подействовать; и по мѣрѣ которые будутъ одовется, то у техъ и выводить постой, увеличивая оной у прочихъ, изъ перваго-же ескадрона поселеннаго остальныхъ 10 человекъ хозяевъ, еще не обмундированныхъ, потребовать къ себѣ въ Зміевъ и тутъ въ присутствіи своемъ обмундировать и оставить на некоторое время въ учебномъ ескадронѣ. Присланные отъ васъ люди привезены въ округъ поселенія моего полка, но отпускать изъ оныхъ я не нахожу нужнымъ, пока весь полкъ будетъ обмундированъ. Скрывшихся двухъ хозяевъ, коихъ следовало-бы отправить ко мнѣ, по повелѣнію взять подъ караулъ и судить военнымъ судомъ, а по окончаніи представить оное (?) ко мнѣ на рѣшеніе. Если кто изъ необмундированныхъ коренныхъ жителей изобличенъ будетъ въ какихъ грубостяхъ или возмущеніяхъ, таковыхъ присылать нарочнымъ въ округъ моего поселенія, приелавъ вмесѣ съ нимъ и мундиръ инфалидный, что и следуетъ наблюдать въ точности. Изъ оваго полка много коренныхъ жителей не отпускать по провѣсламъ

изъ округа своего поселенія, пока все не будутъ обмундированы. Если кого вы будете ко мнѣ прислать, то уведомить меня о особо замеченныхъ вами буняхъ, дабы я таковыхъ отъ себя могъ отъсылать въ Ореабургъ, ибо на все оное я имею высочайшее разрешеііе, окромѣ наказанія телеснаго, и сіе кажется для нихъ важнее. Завтрѣ одано будетъ въ высочайшемъ приказѣ, что полковникъ князь Абмеликъ производя въ генераль-маіоры, и онъ назначенъ бригаднымъ вмѣсто генераль-маіора Аргамакова, а генераль-маіоръ Аргамакъвъ поступаетъ въ бригаду вмѣсто генераль-маіора Александра, а генераль Александровъ по вашему желанію и его собственному назначается состоять при дивизионномъ начальникѣ. Вотъ государь какъ награждаетъ усердно служащихъ ему; а господину полковнику Изюмову прошу сказать, чтобы онъ менее находилъ затрудненія въ своемъ полку, а более-бы действовалъ къ успешному окончанію проекта поселенія кавалеріи; а безъ онаго не только онъ чина не получитъ, но можетъ полкъ потерять; а охотниковъ въ оной полкъ уже много является; но я когда-то (только?) буду доволенъ, то никакъ не думаю его сменить, а еще скорее выведу въ чины.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XI.

17 сентября 1818 г. Округа поселеніи гренадерскаго моего имени полка штабъ квартира.

Господину генераль-лейтенанту Лисаневичу!

Рассматривая присланные ко мнѣ отъ вереной вашему превосходительству 2 уланской дивизіи месячные рапорты за іюль мѣсяць, нахожусь въ необходимости просить васъ въ предъ наблюсти следующие: 1-е уравниять во всѣхъ полкахъ оные рапорты, дабы онѣ были писаны одинаково, ибо великой рапортъ имѣсть въ составѣ и изъясненіяхъ разницу; 2. рапорты такъ дурно и не ясно въ полкахъ пишутъ, что съ трудомъ оные можно разобрать, а какъ рапорты пишутся для усмотренія о состоявіи полковъ вышнимъ начальствомъ, то и должны быть хорошо и ясно писаны; 3. въ серпуховскомъ полку худо писано квар-

тирвое расписаніе и много беглыхъ изъ действующихъ ескадровъ, о чемъ и слѣдуетъ обратить ваше вниманіе, а мнѣ довести о притчинѣ онаго; 4. какъ полки показываютъ въ своихъ рапортахъ объ отосланныхъ къ вамому превосходительству деньгахъ, собранныхъ за недолжку преживую, то и довести мнѣ, сколько оныхъ у васъ состоитъ; 5. въ чугуевскомъ полку по оконченной переписи показывается очень мало поступившихъ людей въ поселенные и резервные ескадроны, что я нахожу унученіемъ бретаднаго командира и полковаго, почему и на сіе прошу васъ обратить ваше вниманіе и довести мнѣ о притчинѣ онаго; 6. наконецъ прошу васъ заняться собрать отъ полковъ о неспособныхъ кантонистахъ ешпекы и рассмотреть оныя, которые изъ оныхъ могутъ быть отданы въ ученые мастерствамъ безъ разстройства собственнаго хозяйства и отцовъ ихъ, то о таковыхъ доставить ко мнѣ ешпекы послѣ личнаго вашего свидѣтельствованія, съ показаніемъ летъ отроду, меры и неспособности (sic!), и сіе не теряя время исполнять, дабы я могъ вамъ предписать сихъ кантонистовъ отправить въ разные ученья; 7. я не сомневаюсь что ваше превосходительство послѣ уборки полей прикажетъ зачать учить вполкахъ резервные ескадроны, но безъ отягощенія людей, и въ порядкѣ и въ присутствіи самихъ ескадронныхъ командировъ.

Пріездъ мой къ вамъ въ будущемъ октябрѣ мѣсяцѣ конечно мнѣ уже подастъ случай господъ полковыхъ командировъ благодарить, а не выговоры ихъ дѣлать, знаи вашу заботливость по службѣ.

Гр. Аракчеевъ.

ХІІ.

Штабъ-квартира въ округѣ военнаго поселенія
гренадерскаго графа Аракчеева полка. 18 септѣбри,
1818 года.

Милостивый государь Григорій Ивановичь!

Вы конечно уже теперь известны чрезъ вашего адъютанта и ескадронныхъ командировъ о нашихъ здѣсь занятіяхъ, а господинъ Мачульской, какъ умной человекъ, то онъ вамъ и еще более все перекажетъ, какъ мы здѣсь трудимся, не дреждемъ и работаемъ всеми силами. Господину Мачульскому я все препоручилъ вамъ объявить, то

и прошу васъ, милостиваго государя, ему верить, употреблять его въ делахъ и споспешествовать начальническимъ вашимъ высканіемъ съ ленивыхъ, перадивыхъ, или делающихъ исполненіе вяло и бесечно. Я бы просилъ вашего превосходительства строже приказывать господамъ полковымъ командирамъ и не принимать отнихъ отговорокъ; а кто не хочетъ служить, тотъ имеетъ волю нинѣ службу оставить, святое мѣсто не будетъ пусто; трудно государю найти другою Лисаневича, а полковыхъ командировъ найти не мудрено. Убѣждаясь несколькими вашими отпошеніями о возвращеніи одного улана изъ предѣвъ присланныхъ вами ко мнѣ, я одного изъ нихъ Михайлу Руденка съ господиномъ Мочульскимъ отправляю на степи ¹⁾, чтобы ваше превосходительство немедленно всехъ упрямыхъ одели въ мундиры, обстригли и выбрали въ присутствіи вашихъ, и мне бы довели чрезъ нарочнаго, если же заметитъ изъ стариковъ грубѣльновъ, то таковыхъ отправятъ сюда на жительство и смундирами; я равномерно прошу вашего превосходительства старатся всехъ людей одеть въ мундиры, ибо допесенія полковыхъ командировъ были совершенно пусты, онѣ одели людей въ поселенныхъ и резервныхъ ескадронахъ не всехъ, а только половину, смѣь делаютъ худое они вліяніе на ихъ умы и разсужденіе ²⁾. Равномерно прошу приказать, дабы я по приездѣ моемъ не нашелъ уже во всехъ округахъ въ собственномъ старинномъ платьѣ ни одного корейного жителя холина и резервнаго и калтониста, и должно все ихъ платьѣ перешито быть въ куртки и шенели, что я строго възыщу за невыполненіе оного. Адьютантъ мой Кожигъ приехалъ ко мнѣ, опъ мнѣ именово докладывалъ, что въ таганрогскомъ полку не одеты корейные жители сами говорили ему лично, что какъ одевитса не приказываютъ, то мы и не одеваемся, а если-бы насъ принудили, то мы бы немедленно одетисъ, а какъ теперь я объявляю объ опомъ волю нашего государя императора, то я и надеюсь, что ваше превосходительство поедетъ сами и при собраніи действующихъ ескадроновъ немедленно всехъ

¹⁾ Не разборчиво.

²⁾ На полѣ: «не обмундированные же старики должны остаться въ прежнихъ ихъ кафтаныхъ».

оденеть и обстрижетъ и объ оноу мнѣ донесетъ чрезъ нарочнаго.

Съ истинной дружбою и почтеніемъ непремѣннымъ пребуду вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIII.

Штабъ-квартира поселенія гренадерскаго графа Аракчеева полка. 18 сентября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Прежде полученія донесенія вашего отъ 28 августа писалъ я уже къ вашему превосходительству отъ 8 сентября о высочайшей и непремѣнной волѣ, дабы упрямые воинные поселеніи таганрогскаго полка второго поселеннаго и резервнаго баталіоновъ, жительствующіе въ селеніяхъ Великихъ и Малыхъ Крымкахъ, Катречинѣ и Песочномъ были въ присутствіи вашихъ непремѣнно все одеты въ военные мундиры, то и не остается мнѣ нынѣ болѣе отвѣчать на вышеписанный вашею превосходительствомъ рапортъ, какъ повторить ту же высочайшую волю, не находя кажется нужнымъ объяснять вамъ и то, что вы все оное конечно исполнитѣ не иначе, какъ въ присутствіи своемъ, изготова прежде всего по числу людей шитые мундиры, которые распорядитѣ въ означенные селенія привести въ одинъ день, въ самое время, когда будетѣ находитея сами при собранныхъ вами на смотръ дѣйствующихъ ескадроновъ. Для лучшаго же выполненія сей монаршей воли я сходно съ желаніемъ вашимъ отправилъ къ вамъ обратно съ господиномъ Мачульскимъ военнаго поселянина хозяина Михайлу Руденка. О исполненіи сего высочайшаго повеленія и буду ожидать вашего донесенія, присылкою съ онымъ нарочнаго отъ васъ въ округъ поселенія моего имени полка.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIV.

С.-Петербургъ, 27 сентября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

На письмо ваше отъ 17 сентября присланное съ нарочнымъ я имѣю честь отвѣтствовать, что если вы приметѣ деятельныя меры и постоянно будетѣ строго взыскивать съ упрямыхъ, отправляя оныхъ ко мнѣ въ поселеніе, то все пойдетъ своимъ порядкомъ, чему давно пора окончится. Я надеюсь, что отъ васъ послѣ сего получу донесеніе объ окончательномъ обмундированіи тагапрогскаго полка поселенныхъ и резервныхъ ескадроновъ. При семъ случае я не могу утерпеть, чтобъ не обратился опять къ упущеніямъ полковыхъ командировъ: беглой хозиня Панченко живетъ въ своемъ домѣ и объ ономъ не знаетъ полковое начальство, — право и долженъ буду смѣнить господина Степанова, если онъ не будетъ деятеленъ; напротивъ же того я беспрестанно получаю жалобы отъ военнаго министра, что господа полковые командиры делаютъ провинтскому комисаріату ¹⁾ разныя притесненія, зделайтѣ одолженіе прикажйтѣ перестать оное делать и уверьтѣ господъ полковыхъ командировъ, что я продовольствіи, ни овса, ни муки имъ не отдамъ, пора отвыкнуть отъ расчотовъ, или оставить службу, ибо святое место не будетъ пусто. Я не понимаю, почему вы ко мнѣ опять пишете о соединеніи семействъ, я объ ономъ не думалъ, а если и приказываю истреблять бобылей и помещать ихъ или въ инфалиды, или въ богадельню, или въ семейство къ роднымъ своимъ, то я оное и теперь тоже повторяю, и обо всемъ ономъ подробно истолковалъ господину Мачульскому, и сей распорядокъ я требую зделать только въ борисоглебскомъ полку, въ 1 поселенномъ и резервномъ ескадронѣ, а более въ другихъ местахъ оного еще не делать. По предписываю вамъ ныне же отдать въ приказъ, дабы послѣ окончанія работъ во всехъ полкахъ начать учить резервныя ескадроны по три дня въ неделю пенему строю, а 50 человекъ въ каждомъ ескадронѣ къ 1 мая будущаго года должны быть обучены и верховой езды непременно.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имею быть вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

*) Не разборчиво.

XV.

Грузино, 22 октября 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Получа ваше письмо отъ 1 октября съ поручикомъ Повадишыннмъ 2-мъ, я отправляю находящихся здесь военныхъ поселенъ таганрогскаго уланскаго полка, окромѣ одного грубіана Барабаша, коего еще надобно здесь поддержать и выучить; равномерно прошу и техъ двоихъ прислать сюда, которые во время отправления сихъ возвращаемыхъ скрылись, дабы показать имъ примеръ, что побегъ и укрывательство ихъ отъ назначеннаго наказанія не избавляетъ, если онѣ не состоятъ подъ судомъ. Вы, милостивый государь, ясно изволитѣ видеть, что безъ драки и телеснаго наказанія все можно сделать, но надобно только твердость въ намереніяхъ и непременчивость въ исполненіяхъ, дабы они видели, что командиръ, единожды определивъ какое дѣло, никогда отъ онаго не отступитъ; а посему самому и прошу вашего превосходительства исполнить все предписанное съ господиномъ Мачульскимъ и мнѣ доносить, препроводивъ сюда и техъ двоихъ, кои скрылись во время отправления сюда прочихъ. Возвращаемыхъ къ вамъ военныхъ поселенъ стариковъ, одетыхъ въ инфалидине мундиры, зачислить въ полку инфалидами, и отнюдь не позволять иначе ходить, какъ въ формѣ, инфалидамъ присвоенной, подъ строгою ответственностью полкового командира. Ваше превосходительство равномерно видитѣ, что возвращаемые къ вамъ люди довольно выправлены и похожи на военныхъ поселенъ, почему я и долженъ требовать, чтобы и все люди въ округахъ военныхъ поселеній отъ оныхъ не отставали. Прошу ваше превосходительство предписать во все полки, дабы платье прежнее мужицкое было все перешито и дабы и по приездѣ моемъ не нашель уже онаго, окромѣ необмундированныхъ стариковъ; прогоны выданы на три пары, полагая трехъ человекъ на парѣ, ибо спешить имъ не для чего.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Арапчевъ.

XVI.

С.-Петербургъ, 17 марта 1818 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Соглашаясь съ распоряженіями вашего превосходительства, здѣланными къ приготовленію въ городѣ Чугуевѣ квартиры для государя императора, я прошу васъ, милостивый государь мой, по приведеніи онаго къ окончанію, доставить ко мнѣ планъ сему дому и вмѣстѣ съ тѣмъ счетъ о суммѣ, какая издержится.

Отвѣтствуя сикъ на письмо ко мнѣ ваше превосходительства отъ 30 минушаго генваря, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XVII.

12 мая 1819 г. Военное поселеніе.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Присланный вами ундеръ-офицеръ Набережной оказался совсемъ незнающимъ верховой ездѣ, и онъ совсемъ ленивый и дурной человекъ; видно, васъ господинъ полковой командиръ обмапулъ, ибо я не полагаю, чтобы вы захотели мнѣ таково прислать человека изъ целой дивизіи; по его милости я недавно едва не убится до смерти, упавъ съ верховой лошади, что все вамъ раскажетъ господня молковникъ Саловъ ¹⁾, который удивился, что вы такого человека ко мнѣ прислали; окончивъ сіе, я хочу еще просить сделать мнѣ ваше одоженіе купить мнѣ выездную лошадь верховую, естли можно англазированную, а естли не можно, то хотя и съ хвостомъ; но только хорошо выездную и смирную, собственно для моего собственного седла, не дорогую, и доставить ко мнѣ въ военное поселеніе сюда вновгородъ, депши я съ благодарностью могу вамъ заплачу, и вы мнѣ онымъ сделаетѣ большое одоженіе.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

¹⁾ Не разборчиво.

XVIII.

Округъ поселенія Гр. Аракчеева. 30 мая 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Отправляю къ вамъ обратно присланнаго вами ундеръ-офицера Анкиева, я сделаю вамъ на ваше представленіе все должное разреше- ніе, согласно желанію вашему,—въ сентябрѣ мѣсяцѣ я располагаю у васъ быть, и мое пребываніе будетъ въ Чугуевѣ, гдѣ и прошу при- казать мой домъ одделать, а равномерно приготовить квартиру хоро- шую и начальнику штаба, который также со мною будетъ съ вами знакомится. При семъ прилагаю вамъ повеленіе о покупкѣ еще 20 паръ воловъ, способныхъ работать въ плугахъ, по четырѣ вола въ плугу, и оныхъ воловъ немедленно отправить въ мой полкъ къ под- полковнику Фрикену ¹⁾, оныхъ воловъ отправить гонимъ ²⁾ ибо мы не умеемъ здесь оныхъ одделать, и сними прислать 4 человекъ, знающихъ пахать плугомъ землю и управлять волами; если не можно ранее, то прошу оныхъ воловъ доставить къ 1 сентябрю на место.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XIX.

Г. Вадаѣ, 10 іюля 1819 г.

Генералъ-лейтенанту Лисаневичу!

Бывъ уволенъ въ отпускъ, на дорогѣ моего следованія получилъ я допесеніе ваше съ адъютантомъ Вакомъ ¹⁾ отъ 3 іюля о неприятномъ сумасбродствѣ и беспорядкѣ въ чугуевскомъ уланскомъ полку. Оно не- приятно должно быть государю императору, потому что въ семъ полку менее прочихъ должно было ожидать такового происшествія, по дав- нему въ немъ устройству военнаго поселенія. Не желая ни мало удер- живать присланнаго отъ васъ адъютанта, я возвращаю его къ вамъ обратно; надеюсь, что благоразуміе ваше и опытность ваша въ службѣ

¹⁾ Не разборчиво.

²⁾ Слово не разобрано.

³⁾ Не разборчиво.

покажутъ вамъ на мѣстѣ способъ, какими лучшими средствами сей беспорядокъ прекратить, наблюдая необходимо въ таковыхъ случаяхъ твердость характера въ вашихъ предпріятіяхъ, дабы неловинующіися могли оное ясно видѣть и темъ самымъ бы убедились въ своемъ заблужденіи. Въ заключеніе сего я не излишнимъ считаю поставить вамъ на видъ и мое одно замечаніе, что прежде всего должно прекратить беспорядокъ и водворить спокойствіе, а потомъ приступить уже къ открытію зачинщиковъ, ибо отыскивая сихъ послѣднихъ во время сего беспорядка, могутъ быть въ беспрестанномъ опасеніи и боязни все прочіе жители чугуевского полка. Если ваше превосходительство не отравили еще ка мнѣ донесенія вашего о послѣдствіи сего происшествія, то предписываю отправить оное по эшпафетѣ, и продолжать оныя чрезъ каждые три дни эшпафетами же, адресуя пакеты въ собственные руки въ С.-Петербургъ, а съ окончательнымъ донесеніемъ прислать нарочнаго съ офицеромъ чугуевского полка.

Гр. Аракчеевъ.

XX.

С.-Петербургъ, 23 іюля 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Письмо ваше отъ 13 іюля съ корнетомъ Павскимъ я получилъ и имелъ счастье представить оное въ оригиналѣ государю императору. Его величество приказалъ мнѣ отписать къ вашему превосходительству, что онъ ни мало не сомневается въ вашемъ усердіи къ службѣ и что сей беспорядокъ, случившейся въ городѣ Чугуевѣ, ни мало не касается до какого либо неудовольствія на васъ, ваше же дѣло будетъ усмирить, наказать примерно зачинщиковъ и виновныхъ и найти причину, отчего сіе первоначально последовало и кто были учителя въ семъ дѣлѣ, ибо такое глупое упрямство не можетъ быть безъ участія поскоронныхъ въ семъ дѣлѣ. Но государь императоръ, читая ваше письмо, очень видитъ ваше беспокойство въ ономъ дѣлѣ, а потому и угодно ему, дабы вы, милостивый государь, не принимали такъ горестно сего дела, ибо въ светѣ семъ могутъ быть всегда разные слухи, коихъ не можно предупредить, но предвидеть сей беспорядокъ

кажется полковому командиру можно бы было, а предвидя оное, можно бы прежде советовать съ вашимъ превосходительствомъ, чѣмъ наряжать людей на работу готовыхъ къ непослушанію, отчего и произошло все беспокойство. Государь повелеваетъ зачинщиковъ по всей строгости законовъ наказать для примеру другимъ, и кажется теперь иная ваше превосходительство такой знатной корпусъ пехоты, кавалеріи и артиллеріи, не можетъ ничего опасаться, а должно пехоту и артиллерію расположить въ одномъ чугуевскомъ округѣ, дабы онѣ почувствовали, какъ имъ невыгодно делать глупости. Я отправляюсь 2 августа къ вамъ въ Харьковъ, и по прибытіи моемъ будемъ стараться окончить сіе дело добрымъ порядкомъ, но со строгостью примерною, безъ чего никакъ обойтись нельзя, и что государь императоръ позволяетъ. Но я уверенъ, что вы, съ Божіей помощію, и до моего приезда сіе дело окончатѣ, ибо кажется самыя глупыя уже у васъ забраны, изъ коихъ зачинщиковъ и грубіяновъ прикажитѣ судить военнымъ судомъ. Если что нужно вамъ ка мнѣ написать, то можетѣ прислать на встрѣчу нарочнаго, а дорога моя будетъ обыкновенная, то есть черезъ Москву, Тулу, Орель, Бурскъ и Белгородъ.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XXI.

С. Грузино, 11 сентября 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Отправляю къ вамъ съ сямъ фельдъ-егеремъ повеленіе объ отправленіи въ Оренбургъ и къ графу Витту людей; прошу и надеюсь на васъ, что все оное будетъ выполнено хорошо, тихо и смиренно, и о всякомъ отправленіи уведомлять меня по почтѣ въ тотъ же день; а съ сямъ фельдъ-егеремъ прислать государю рапортъ за первую половину сентября.

Позвольтѣ при ономъ случае благодарить васъ, милостивый государь, за ваше дружеское угощеніе и верить, что я съ истиннымъ почтеніемъ пребуду навсегда вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XXII.

Грузино, 12 сентября 1819 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Наказанныхъ въ Чугуевѣ и бывшихъ при отъездѣ моемъ въ гошпиталѣ, всехъ, по совершенномъ выздоровленіи, отправить на почтовыхъ въ Оренбургъ къ генералу Ессену и донести мнѣ о именахъ ихъ, дабы я въ время могъ объявить генералу Ессену высочайшее объ нихъ повеленіе, съ означеніемъ, кто именно вами будутъ отправлены.

Вашего превосходительства покорный слуга

Гр. Аракчеевъ.

XXIII.

С.-Петербургъ, 27 генвара 1820 г.

Милостивый государь Григорій Ивановичъ!

Мнѣ весьма больно расставатся съ вашимъ превосходительствомъ, но какъ на увольненіе ваше отъ службы было собственное ваше желаніе, то я оно и долженъ былъ исполнить, и ваше превосходительство сего генвара 24 числа ¹⁾ уволены отъ службы съ полнымъ пенсіономъ и сверхъ того государь императоръ жалуетъ вамъ благовоительный рескриптъ и единовременно 10,000 руб., что вы и изволить отъ меня получить, съ одданіемъ должной моей вамъ, милостивый государь, благодарности.

Гр. Аракчеевъ.

¹⁾ Въ формулярномъ спискѣ Гр. И. Лисаневича, видѣнномъ нами у П. И. Хорвата, двемъ отставкамъ показаво 1 январа.— В. Я.

ДОКЛАДЪ ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА

Императрицѣ Екатеринѣ II 1781 года ¹⁾.

(О согласованіи нѣкоторыхъ особенностей внутренняго строя Малороссіи съ порядками новаго намѣстническаго правленія).

Ея Императорскому Величеству

всподданнѣйшій докладъ.

1-е.

Древность не оставила здѣсь никакихъ слѣдовъ, какиѣ образомъ Малая Россія управляема была, кромѣ, что за польскаго владѣнія присвоенъ ей законъ, называемый Статутомъ, и что, по соединеніи ея съ Россією, оной ей былъ подтвержденъ. Но въ разсужденіи учрежденія судовъ не слѣдовано точности сего закона, а всякаго рода и состоянія люди, безъ различія степеней, имѣя совмѣстныя грунты и владѣнія, по обращенію военному, судились образомъ военнымъ и смѣшаннымъ, въ полевыхъ и естенныхъ канцеляріяхъ и ратушахъ, войсковомъ генеральномъ судѣ и войсковой генеральной канцеляріи, до высочайшаго отъ вашего императорскаго величества учрежденія въ 1763 годѣ зем-

¹⁾ Печатается съ копій, заимствованной изъ архива князя Н. В. Репнина и написанной на синей бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1807 года.— Настоящій документъ во многомъ дополняетъ тѣ свѣдѣнія объ особенностяхъ исторически сложившагося внутренняго строя Малороссіи, которыя въ большемъ числѣ проскользнули въ прошеніи малороссійской шляхты, поданномъ гетманомъ Разумовскимъ императрицѣ Екатеринѣ II въ началѣ ея царствованія и имѣвшемъ

скихъ, подкоморскихъ и городскихъ судовъ. Съ сего времени, хотя производство и теченіе дѣлъ возымѣло лучшій порядокъ, но выборъ и опредѣленіе въ земскіе чины не могъ соответствовать статутному праву, но содержанію косяго должны выбираться быть въ тѣ чины шляхетство, ни какими должностями необязанные. А въ Малой Россіи, по давнимъ обыкновеніямъ, всѣ безъ изъятія находятся въ воинскихъ чинахъ и должностяхъ; слѣдовательно изъ тѣхъ-же служащихъ по способностямъ всегда выбирались и опредѣлялись въ чины земскіе. Въ семъ выборѣ и опредѣленіи хотя не было въ обыкновеніи участвовать козакамъ, но всегда они употреблялись въ яныя земскія дѣла, особливо при возныхъ, по статуту на нихъ возложенныя, въ мѣсто шляхты. Судились-же они козаки и судятся, по высочайшему нашему императорскаго величества 1768 года декабря 20-го указу, въ малороссійскую коллегію состоявшемуся, во всѣхъ земскихъ дѣлахъ однимъ съ шляхетствомъ правомъ книги Статута и въ однихъ судахъ; посліку, по содержанію онаго, нѣтъ разныхъ судовъ по разности состояній. И ду-

своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе гетманскаго достоинства и подчиненіе Малороссіи военному режиму Румянцева (См. Кіев. Стар. 1883 г., июль, стр. 316—245). Въ виду скудости свидѣній этого рода, Румянцевскій докладъ приобретаетъ особое значеніе для мѣстной исторіи. Считаюмъ излишнимъ касаться частности его содержанія, но не можемъ не отмѣтить одной его особенноти. Всесильный правитель Малороссіи, управлявшій ею около 20 лѣтъ и инвеллпровавшій ее по всѣмъ направленіямъ (довольно вспомнить его Опись, составившуюся лѣтъ пять), начинаетъ настоящій свой докладъ словами: «Древность не оставила здѣсь никакихъ слѣдовъ, какими образомъ Малая Россія управляема была». Тогда-ли мало было этихъ слѣдовъ? Но екатеринилскихъ вельможъ въ нихъ слѣды и широкіе затѣлыхъ всего менѣе озабочивала исторія вѣрряемыхъ ихъ попеченію областей. Довольно вспомнить грандіозныя проекты Потемякина о заселенія новороссійскаго края, уничтоженіи Запорожья, введенія штатовъ для малороссійскаго духовенства и пр. Переписка того-же Румянцева объ украинскомъ возстаніи 1768 г., помѣщенная въ нашемъ изданіи за первые два года, до очевидности удостовѣрила, что не только онъ, но и все правительство Екатерины II о судьбѣ другой части южно-русскаго народа, стонавшей еще въ польскомъ арміи, знали не болѣе того, что этотъ народъ имѣетъ «простую ревность о своемъ благочестіи» и, «по своему единоврѣю, въ пограничныхъ замѣшательствахъ можетъ быть полезенъ нашей сторонѣ». Неудивительно поэтому, что и настоящій докладъ Румянцева въ главныхъ своихъ пунктахъ направленъ къ отмѣнѣ послѣднихъ особенностей вѣкового общественнаго строя въ управленіемъ имъ граф.—Ред.

ховные, монашествующіе и свѣтскіе, имѣющіе свои владѣнія, имѣли право быть при выборахъ въ земскіе чины. А за учрежденіемъ здѣсь намѣстничества выбирать-ли по прежнему обыкновенію изъ дѣйствительно служащихъ и по крайней мѣрѣ изъ бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей въ земскіе чины? — потому, что здѣсь отставныхъ отъ службы или весьма мало, или почти ихъ не бывало и нѣтъ. И имѣли право духовнымъ и козакамъ быть въ собраніяхъ, по случаю выборовъ въ земскіе должности и при иныхъ земскихъ распоряженіяхъ? или предоставить то шляхетству и особливо заслужившимъ офицерскія достоинства?

2-е.

Выше въ 1-мъ пунктѣ донесено, что козаки судились и нынѣ, по высочайшему вашего императорскаго величества указу, судятся въ земскихъ дѣлахъ въ однихъ судахъ и однимъ правомъ съ шляхетствомъ и имѣютъ съ онымъ грунта, большою частію совмѣстныя, и потому, что многіе изъ козачихъ дѣтей, служа въ войскѣ и по земству, дослужились знатныхъ чиновъ; слѣдовательно, въ сходство поминутаго высочайшаго указа и статутаваго права, за учрежденіемъ здѣсь намѣстниковъ, подлежатъ и козаки въ уѣздные суды. Естьли-жъ имъ судиться въ нижнихъ расправахъ: то, кромѣ выше донесеннаго обстоятельства, что грунта казачіе то-же, что и шляхетскіе, мало останется такихъ, коимъ судимымъ быть въ уѣздныхъ судахъ. Что-жъ лежитъ до нижнихъ расправъ: то въ разсужденіи, что монастырскія владѣнія остаются и по нынѣ въ непосредственномъ своихъ властей управленіи, раяговые-жъ владѣнія тѣхъ чиновъ, коимъ, по ихъ рангамъ, принадлежатъ, а за тѣмъ коронныхъ, называемыхъ здѣсь свободными войсковыми, за исключеніемъ въ уѣздныхъ городахъ мѣщанъ, числившихся между оными, такъ малое количество остается, что по учреженіямъ, гдѣ установлено ниже расправъ быть отъ десяти до тридцати тысячъ душъ, и на учрежденіе одной въ каждомъ намѣстничествѣ таковой расправы будетъ ихъ недостаточно.

3-е.

Въ теченіе прошедшихъ лѣтъ, по разнымъ случаямъ, были запрещенія козакамъ, то частями, то вовсе продавать и у нихъ покупать

ихъ имѣнія. А выше во 2-мъ пунктѣ объяснено, что они происходятъ изъ чина въ чинъ до вышнихъ здѣсь степеней, да и въ разсужденіи ихъ по хозяйству домоваго и по самой службѣ положенія, запрещеніе въ томъ ни въ какую имъ пользу служить не можетъ, потому что многіе одинокіе козаки, имѣвъ достаточные грунты и не могучи ихъ, по одиночеству, обрабатывать, принуждены оставлять бесполезными; а семейные, но въ грунтахъ недостаточные, приобрѣвъ оныя, могутъ ихъ обращать и для службы и для своей пользы. Право собственности козаковъ весьма утверждаетъ послѣдній вышего императорскаго величества вышепомянутый высочайшій указъ, 1769 года декабря 20-го дня состоявшійся, коняъ новельно: козакамъ судится во всѣхъ ихъ земскихъ дѣлахъ Статутомъ; а по содержанію онаго свободно имъ распорядятъ своимъ имѣніемъ по ихъ волѣ. *Другое* обстоятельство не меньше есть важно, въ разсужденіи своевольнаго здѣшняхъ крестьянъ и въ конецъ ихъ разоряющаго съ мѣста на мѣсто перехода и искаательства козачества; къ чему они, по одному малому отъ владѣльца настоянію, или мнимымъ для себя невыгодамъ, легко и безъ всякаго размышленія обращаются и подъ предлогомъ исканія козачества дѣлаютъ себя и отъ владѣльцовъ своихъ и отъ всякихъ по казачьему званію повинностей совершенно независящими бродягами, о чемъ отъ меня въ представленныхъ имѣніяхъ обстоятельно описано. *Третье*: что земли здѣсь по межевану и многія потому владѣнія не только по куплямъ, замѣвамъ и инымъ законнымъ дѣлкамъ, но и по грамотамъ, въ разсужденіи разныхъ, по временамъ и обстоятельствамъ, опредѣлений, подвергаются толкамъ, которые причиняють множайшимъ неприятнымъ происшествіямъ, даже и смертноубійствамъ, обременяющимъ здѣшнія суда паче иныхъ всѣхъ дѣлъ. Всѣ вышеописанныя, соединенныя одно съ другимъ, обстоятельства дѣлаютъ здѣшнія владѣнія и не надежными и бесполезными. Ваше императорское величество при настоящихъ благоустроеніяхъ изволите оказать всему здѣшнему краю величайшее благодѣяніе утвержденіемъ козакамъ права ихъ собственности, разрѣшающимъ козачьи скупки, утвержденіемъ здѣшнихъ крестьянъ, на основаніи статутаго права, и отставленіемъ вовсе исковъ козачества, для содѣланія и тѣхъ и другихъ государству и обществу полезнѣйшими, наконецъ утвержденіемъ такъ-же и оставленіемъ всѣхъ и каж-

даго владѣній, по прихвѣру иныхъ губерній, жалованныхъ, купленныхъ и иными употребительными здѣсь образы пріобрѣтённыхъ, въ настоящемъ ихъ положеніи, съ тѣмъ подтвержденіемъ, что-бъ до будущаго здѣсь генеральнаго размежеванія никто далѣе своихъ предѣловъ, кромѣ законами позволенныхъ пріобрѣтёній, владѣній не распространяли.

4-е.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ магистратовъ имѣютъ польскія королевскія привиллегіи и высочайшіе грамоты, утверждающія имъ право нѣмецкаго города *Магдебурга*, съ надачею на всякія градскія потребности и на украшенія города деревень. Таковыми магистратамъ, за учрежденіемъ намѣстничества, на какомъ быть основаніи? И еслили они обращены будутъ, сходственно высочайшимъ учрежденіямъ: то помянутые деревни и ихъ разныхъ статей доходы кому вѣдать? и на какое употребленіе опредѣлять повелѣно будетъ?

5-е.

Положеніе здѣшнихъ городовъ таково, что жительствующія въ нихъ обыватели, то по пожалованіямъ, то по куплямъ, одни совсѣмъ, а иные частію вошли въ приватное владѣніе. Должны-ли они пользоваться преимуществами гражданскими и принадлежать къ обществу мѣщанъ?

6-е.

Обитающихъ въ Малой Россіи раскольниковъ, изъ коихъ, по высочайшей вашего императорскаго величества конфирмаціи, записаны въ купечество и мѣщанство, нѣкоторые слободы, по ихъ положенію, не иначе почестья могутъ, какъ городами. Но я не призналъ ихъ называть уѣздными, по ихъ разно—и сусвѣрью и по неимѣнію господствующей вѣры церквей; а мню имъ быть посадами, и для удержанія въ нихъ порядка и ограниченія въ предѣлахъ, въ разсужденіи ихъ разномысліи, учредить въ тѣхъ слободахъ особливыхъ городничихъ и ратуши, на основаніи высочайшихъ учрежденій.

7-е.

Въ городѣ Нѣжинѣ имѣется учрежденный словесный судъ для купечества, въ которой опредѣляются выборные изъ разныхъ великороссійскихъ городовъ купцовъ погодно. И какъ къ опредѣленію въ

оножь никого изъ торгующаго здѣсь купечества нѣтъ желающихъ: то большею частію берутся они по городамъ на ярмонкахъ, насильно. А въ разсужденіи, что въ каждомъ городѣ учреждены будутъ магистраты и словесные суды имъ подчинены быть должны, въ семъ одномъ Нѣживѣ въ особливомъ для великороссійскаго купечества словесномъ судѣ нужды уже не видятся.

8-е.

Изъ состоящихъ въ Малой Россіи девяти казачьихъ полковъ, коихъ сотни, по положенію ихъ селеній, теперь, по новому учрежденію, подходятъ подъ розныя губерніи и уѣзды, для лучшаго ихъ на первой случай урегулированія и отъ земскаго правленія, по ихъ воинскому званію и самой службѣ, отдѣленія, и послику нынѣ и количество ихъ, какъ по полкамъ, такъ и по сотнямъ, есть не равное,—не соблаговолите-ли, ваше императорское величество, указать учредить десять полковъ изъ настоящихъ выборныхъ козаковъ, съ уравненіемъ по эскадрамъ или ротамъ, не взирая, что они не въ одномъ намѣстничествѣ, по ихъ земскому управленію, находятся будутъ, и дать ихъ старшинамъ въ уравненіе съ регулярными войсками чины и степени, дабы сими предъуготовленіемъ можно постановить сіе войско на такой ногѣ, чтобы оно и для службы вашего императорскаго величества способнѣе быть, и свою пользу отъ оной взаимствовать могло.

9-е.

Настоящее здѣшнее положеніе таково: что какъ при войскѣ малороссійскомъ находящіеся генеральные и полевые старшины и сотники, такъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ опредѣленные чины, въ сходство законовъ, суть непремѣнные, до повышенія или отставки; и одни по опредѣленіямъ имѣютъ на рангъ деревни и жалованье, а другіе такъ, какъ и тѣ, кои по выборамъ у дѣлъ находятся, правные свои доходы. А какъ одни изъ генеральныхъ старшинъ, при опредѣленіи къ присутствію въ малороссійскую коллегію, будучи уравнены чинами, дошли и генералитетскихъ степеней, а другіе остались по нынѣ при своихъ земскихъ, и кромѣ сихъ, у статскихъ дѣлъ находящихся, военные, такъ и нѣкоторые полковники малороссійскіе воинской службы несть уже не въ состояніи: то не соблаговолите-ли, ваше император-

ское величество, при учрежденіи намістничествъ, опредѣлить ихъ по подносимому списку къ мѣстамъ, по ихъ чинамъ и степенямъ, съ уравненіемъ и послѣднихъ примѣрно первымъ. А кои изъ земскихъ чиновъ, за распредѣленіемъ въ разныя должности и за выборами, въ недостатокъ мѣсть, останутся не у дѣлъ, должности-жъ свои исправляли съ надлежащимъ раченіемъ, и къ симъ, дабы они безъ пропитанія оставаться не могли, явить всеилостивѣйшее призрѣніе.

10-е.

При малороссійской коллегіи находятся: докторъ Паульсонъ, штабъ-лѣкаръ Риттеръ и лекарь Данилевскій, такъ-же аптека въ Глуховѣ на содержаніи малороссійскаго скарба. Первый, при учрежденіи оной коллегіи и опредѣленіи къ ней, по высочайшему именному ванего императорскаго величества указу, за долговременную его службу и въ бывшемъ прусскомъ походѣ здоровье его изуврившую, пожалованный въ надворные совѣтники, и о награжденіи коего повышеніемъ чина, въ разсужденіи понесенныхъ имъ и за тѣмъ въ службѣ многихъ трудовъ и по моему признанію, неоднократно отъ меня въ правительствующій сенатъ представлявано. А другой, такъ какъ и находящійся въ Нѣжинѣ штабъ-лѣкаръ Савьковскій, по признанію государственной медицинскій коллегіи, за таковыя въ походахъ службы и понесенныя труды, къ мѣстамъ опредѣленные, — получаютъ жалованье не по городовому окладу, но по введенному за гетмановъ обыкновенію, а Савьковскій, примѣрно служащимъ въ войскахъ, въ мѣсто пансіона; и съ нихъ штабъ-лѣкаръ Риттеръ, находящійся въ службѣ съ 1726 года, бывшій въ четырехъ походахъ и который, за несостояніемъ его служить болѣе, по семидесятисемилѣтней старости, соединенной съ слабостію и изнеможеніемъ, проситъ о увольненіи его изъ службы въ рижскую губернію, и объ опредѣленіи, въ награжденіе за долговременную и долго-трудную его службу, въ пенсіонъ получаемого имъ вынѣ пяти сотъ рублей жалованья. Не благоудно-ли будетъ вашему императорскому величеству, при настоящихъ въ семь краѣ благоустроеніяхъ, оказавъ и симъ высочайшую милость, увольнивъ штабъ-лѣкаря Риттера изъ службы съ просимымъ имъ пансіономъ по смерти его и оставя доктора Паульсона съ повышеніемъ чина, штабъ-лекаря Савьковского и лекаря Данилевскаго въ тѣхъ-же городахъ на прежнемъ основаніи такъ-же по конецъ ихъ жизни, съ тѣмъ, что они, по неудобности къ отысканію желающихъ медицинскихъ чиновъ для наполненія здѣшнихъ

всѣхъ городовъ, какъ извѣстно то по инымъ губерніямъ, должны будуть служить пользованіемъ и для иныхъ городовъ, получая настоящее свое полное жалованье изъ той суммы, которая по учрежденіямъ на медицинскіхъ чинахъ опредѣлена и за не наполненіемъ ими городовъ будетъ числиться остаточною. А о глуховской айтекѣ что повелѣно будетъ?

11-е.

Въ Малой Россіи есть генеральная артиллерія съ принадлежащими ей полковыми, — изъ коей въ минувшую турецкую войну, по разборѣ, часть отправлена въ Кіевъ, гдѣ и нынѣ остается, а сверхъ того снабдѣны оною многіе полевые полки. Оставшюусь-же на лицо не благоволи-ли, ваше императорское величество, указать распредѣлить по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ? а состоящіе въ вѣдѣніи сей генеральной артиллеріи и полковыхъ деревни, съ ихъ экономією и разныхъ статей доходами, кому вѣдать и на какое употребленіе опредѣлить повелѣно будетъ?

12-е.

По высочайше подтвержденному отъ вашего императорскаго величества плану сооронъ въ городѣ Глуховѣ казеннымъ издвненіемъ пространній каменный домъ для обитанія генералъ-губернатора, такъ для помѣщенія находящихся въ Глуховѣ правительствъ и принадлежащихъ къ таковой округѣ земскихъ урядовъ. При составленіи-жъ здѣсь трехъ наместничествъ сей городъ назначенъ въ число уѣздныхъ. А какъ въ Малой Россіи никакихъ училищъ для наученія юпошества въ волнскихъ и гражданскихъ знаніяхъ, кромѣ духовенству приличныхъ, нѣтъ, а потому здѣшнее плхетство, желающее дать своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе, посылають ихъ въ иностранныя училища, а пѣкоторые принуждены брать пріѣзжихъ иностранныхъ, одно только названіе учителей носящихъ, съ потераніемъ издвненія всеу и безъ всякой пользы: то неблагоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству явить для сего края величайшее въ безсмертную память благодареніе, укладавъ тотъ казенный глуховскій домъ, по его пространству и способности, обратить на училище, подъ титломъ коллегіи? А дабы незабвенно на само-поздѣйшія времена оставалась въ потомствѣ за таковое вашего императорскаго величества промышленіе о пользѣ и благѣ здѣшняго народа благодарность, удостоить почтить оную высочайшимъ вашего императорскаго величества именемъ; и въ которой-бы юпошеству всѣхъ трехъ здѣшнихъ наместничествъ разныя по способностямъ науки пре-

подаваемы были, и часть точно по чину воинскихъ академій. А для содержанія сей коллегіи, оной учителей и учениковъ, кои отъ своихъ домовъ, по бѣдности, снабдѣны быть не могутъ, крожъ положенной въ высочайшихъ учрежденіяхъ главы XXV статья 378-я на подобія установленія суммы, опредѣлять извѣстную изъ артиллерійскихъ доходовъ по высочайшему благоусмотрѣнію.

13-е.

При малороссійской коллегіи находится фузилерная рота, изъ двухъ таковыхъ, за бывшихъ гетмановъ, опредѣленныхъ послѣ учрежденія оной коллегіи, формированная съ нѣкоторою противъ прежнихъ въ содержаніи и жалованьи убавкою, и компанійская конная команда въ числѣ 24-хъ рядовыхъ съ ихъ старшинами, изъ бывшей за гетмановъ надворной корогвы, за отправленіемъ прочихъ къ пополненію въ легкоконные полки, для случающихся употребленій оставленная. А какъ содержаніе оныхъ нѣсколько превосходитъ опредѣленное по штату, при высочайшихъ учрежденіяхъ приложенному: то по благоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству оныя роту и команду до отставки, или куда индѣ помѣщеніи въ нихъ служащихъ, указать оставить на прежнемъ основаніи, съ тѣмъ, чтобы впредь убылыми мѣста въ нихъ наполняемы уже были въ разсужденіи сходственно приложенному при учрежденіяхъ штату.

14-е.

Въ Малой Россіи есть колонія, заведенная изъ иностранцевъ, которые съ начала ея заведенія, по неразумнѣю здѣшняго языка, никогда отъ здѣшнихъ земскихъ правительствъ не зависѣли, а для случающихся у нихъ расправъ выбиралась самими ими изъ межъ себя выборные; для лучшаго ихъ управленія и утвержденія у нихъ полиціи опредѣляемы были туда комиссары, съ жалованьемъ,—гдѣ нынѣ находится отставный майоръ Гривелингъ. При настоящемъ учрежденіи намѣстничества быть-ли сихъ колонистамъ вѣдомымъ судоужъ и расправою, въ числѣ иныхъ обывателей, нижней расправы или, по взаимному языковъ познанію, оставаться имъ на прежнемъ основаніи подъ управленіемъ комиссара въ непосредственномъ вѣдѣніи экономіи директора.

15-е.

Изъ таможенъ, въ Малой Россіи находящіяся, входятъ въ губерніи: *киевскую* васьльковская, съ ея заставами: межигорскою, перемыславскою, секиринскою и стайковскою, и сороколицкая, а вѣдѣнія сей по-

слѣдней застава казенная одна, въ *черниговскую*. А какъ отъ 16-го числа минувшаго февраля, при всеняжайшемъ моемъ представленіи вашему императорскому величеству объясненіи васильковской таможи о примѣченномъ съ 1770 года въ зборахъ умаленіи донесено, колико смотрѣ таможнякъ, по предположенію вашего императорскаго величества, необходимо потребный, долженъ быть и весьма полезнымъ для того, что по стеченію многихъ обстоятельствъ и по тому генеральному заключенію, что таможи и пошлиной сборъ должны по уваженіямъ къ своимъ фабрикамъ, торговли и удобствамъ къ вывозу своихъ и ввозу надобныхъ иностранныхъ товаровъ учреждаемы, и въ нихъ служители, не по знатности чиновъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, лучшихъ качествъ, отъ коихъ тутъ все и зависитъ, опредѣляемы быть, многіе изъ настоящихъ таможенъ не въ сходственномъ находятся положеніи; то я за тѣмъ и за здѣланнымъ уже отъ статскаго совѣтника Дала таможнякъ осмотрѣлъ, и что и строенія ихъ уже обветшали, буду ожидать высочайшаго вашего императорскаго величества рѣшенія.

16-е.

Въ Малой Россіи имѣются двѣ почты: одна для пересылки всякаго рода писемъ въ Малороссію и коммуникаціи съ околичными губерніями, съ опредѣленными почтмейстерами и почталіонами, въ 1765 г. мною учрежденная; другая для возки курьеровъ и иныхъ переѣзжающихъ, по введенію за бывшихъ гетмановъ обыкновенію, держителъ отъ малороссійскаго скарба, по главному московскому тракту, отъ Глухова до Кіева въ 14-ти станціяхъ, на каждой по 12-ти лошадей, на глуховскій-же по 17, а на батуринскій по 15, по контрактамъ съ рядчиками; во издревле при станціяхъ нѣкогда почтовыхъ домовъ не было и нынѣ нѣтъ, кромя для почтарей избъ. А какъ въ новоучрежденныхъ губерніяхъ, при иныхъ благоустроеніяхъ, здѣланы дороги по положенію и установлены почты, почтовые дома, съ опредѣленнымъ отъ обывателей или инаковымъ образомъ содержаніемъ, равно и въ Малой Россіи, за учрежденіемъ наместничествъ по положенію оныхъ, все то устроено быть должно: то и о семъ буду ожидать высочайшаго повелѣнія, тѣмъ наче, что великіе новые сборы и наряды пресѣчены.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ,

Графъ *Истръ Румянцовъ-Задунайскій*.

23 числа августа 1781 года

Черешенки.

Сообщ. А. Ф. Кистяковскій.

Библіографія.

Французскій этюдъ о Мазепѣ.

Графъ Евг. Мельхіоръ де-Вогюе, своей статьей о А. Толстомъ заставившій недавно говорить о себѣ русскую печать, издалъ книгу очерковъ изъ русской исторіи («Le fils de Pierre le grand.—Mazepa.—Un Changement de regne».—Paris, 1884). Включенный въ нее этюдъ о Мазепѣ появился раньше въ «Revue des deux mondes». Популярность этого журнала и общая распространенность французскихъ книгъ обращаютъ вниманіе на эту небольшую работу.

Автору знакомы близко труды русскихъ ученыхъ. Во вступленіи въ очерку онъ ссылается на историковъ Малороссіи: Костомарова, Соловьева и Бавтыгинъ-Каменскаго. Имена эти названы не все. Въ своей исторической части очеркъ гр. Вогюе является, собственно говоря, миниатюрнымъ осколкомъ монографіи Н. И. Костомарова. Въ этомъ случаѣ авторъ послѣдовалъ примѣру Мериме, даващаго въ книгѣ «Les Cosaques d'autrefois» сокращенное изложеніе «Богдана Хмельницкаго». Мериме въ своей компиляціи не обошелся безъ оригинальныхъ «добавленій». Онъ замѣчалъ, напримѣръ, что Хмельницкому для европейской славы не достанало только «менѣе труднаго къ произношенію имени» (un peu moins difficile à prononcer). Отъ подобныхъ словечекъ французскаго журнализма не свободенъ и очеркъ гр. Вогюе.

Сообразно своей задачѣ—рассмотрѣть «легенду и исторію» Мазепы, авторъ и дѣлаетъ рассказы: онъ говоритъ сперва о Мазепѣ легендарномъ, Мазепѣ поговѣ, потомъ, переходя къ историческому лицу, въ нѣсколькихъ чертахъ рисуетъ исторію края, гдѣ ему пришлось жить и дѣйствовать, даетъ очеркъ личности гетмана, рассказываетъ его романъ

съ Матрeвой Кочубей, переходъ на сторону Карла, полтавскую битву и бѣгство.

Еслибъ въ началѣ нашего вѣка, говоритъ гр. Вогюс, спросянъ объ этомъ пмени въ собраніи сорока французскихъ академикомъ, то весьма вѣроятно поставили-бы «безсмертныхъ» въ большое затрудненіе. Популярность дала ему поэма Байрона. Однажды поэту попалась на глаза страница Вольтера. Нѣсколько бѣзлыхъ строкъ о Мазенѣ въ стихахъ ангійскаго генія облеклись въ образы и краски. Въ поэмѣ не было исторической правды, но была правда душевной жизни и мощь пламеннаго воображенія. Современное поколѣніе французскихъ читателей, замѣчаетъ авторъ, не знаетъ Байрона. Знаютъ-ли его читатели русскіе? Напрасно стали-бы они судить, напримѣръ, о байрововскомъ «Мазенѣ» по виршамъ г. Михаловскаго. Большая часть русскихъ переводовъ европейскихъ классиковъ заставляетъ людей незнакомыхъ съ подлинниками недоумѣвать, отчего этихъ писателей считаютъ великими.

Мазена Виктора Гюго—не болѣе какъ маріонетка, посаженная на престолую дикую лошадь. Ея поэма изображаетъ пзъ себя географическій кошмаръ Неувротимый конь, уносящій въ степь Мазену, «вскормленъ морскими травами» (*nourri d'herbes marines*). Онъ несется по «движущимся скаламъ» и, какъ въ хаосѣ, мелькаютъ передъ всадникомъ «города съ башнями и длинныя цѣпи мрачныхъ горъ» (*villes et tours, monts noirs, liés en longues chaînes*).. Излюбленному французскому поэту, какъ вообще его соотечественникамъ, не мѣшаетъ помнить слова Вольтера: «Нзъ всѣхъ наукъ географія нуждается всего болѣе въ обработкѣ. А до сихъ поръ въ людяхъ замѣтно болѣе склонности оустомать землю, чѣмъ изслѣдовать»¹⁾.

Послѣднимъ является Мазена Пушкинна. Гр. Вогюсъ подробно пересказываетъ содержаніе «Полтавы» и прекрасно передаетъ прозой выдержки изъ нея.

Историческій Мазена, по мнѣнію автора, интересенъ не мнѣе, чѣмъ Мазена легендарный. Но изображеніе этого сложнаго характера, сваземъ мы, прочитавши очеркъ гр. Вогюс, очевидно труднѣе. Писатель останавливается преимущественно на анекдотической сторонѣ жизни Мазены и для уразумѣнія его личности даетъ слишкомъ мало. Для этого надо-бы нарисовать картину того времени, переполненнаго въ важномъ край внутренней борьбой. Но авторъ знаетъ своихъ читателей: «они не послѣдовали-бы за мной, еслибъ я на этомъ остановился», говоритъ онъ прямо. Поэтому онъ едва затрогиваетъ политику двадцатилѣтняго

¹⁾ «Histoire de l'empire de Russie», Tome I.

періода гетманства Мазены, для характеристики которой трудъ Н. Н. Костомарова давалъ такой богатый, готовый матеріалъ. Два другіе историческіе очерка гр. Вогюе обработаны въ этомъ отношеніи гораздо больше. Въ «Сынѣ Петра Великаго» онъ группируетъ донесенія резидентовъ и искусно пользуется такимъ источникомъ, какъ «Сборникъ историческаго общества». Въ исторіи воцаренія Павла Петровича онъ черпаетъ изъ современныхъ мемуаровъ и «Архива князя Воронцова». Тамъ меньше легенды, но больше исторіи. Владѣя искусствомъ легкаго и образнаго разсказа, авторъ даетъ увлекательныя въ чтеніи очерки.

Въ общихъ чертахъ характеристика дѣятельности и личности Мазены сходна у гр. Вогюе съ наблюденіями русскихъ историковъ. Подобно имъ, онъ признаетъ эгоизмъ господствующей чертой его натуры, въ его политикѣ видитъ стремленіе къ созданію «Новой Польши», въ его образѣ дѣйствій—постоянное вѣроломство. Онъ не щадитъ словъ для порицанія этого человека, но, помня, что онъ послѣдователь отдѣленной старины, а не взволнованный событіями современникъ, не закрываетъ глазъ и на характеръ самой эпохи. «О глухое и ужасное время, восклицаетъ онъ. Слава Петра не должна намъ мѣшать его видѣть! Когда знакомимся съ подробностями той жизни, когда вдыхаешь этотъ отравленный насиліемъ и незостью воздухъ, спрашиваешь себя, былъ-ли человекъ когда нибудь болѣе свирѣпымъ и отвратительнымъ, чѣмъ въ этомъ обществѣ инквизиторовъ и шпионовъ. Венеція въ сравненіи съ Москвою XVII вѣка кажется добѣрчивой. Чтобы встрѣтить подобныя нравы, надо вернуться къ Риму времямъ Септа».

Какъ писанный на русскихъ источникахъ, трудъ гр. Вогюе не имѣетъ конечно для насъ самостоятельнаго значенія. Не можетъ онъ также идти въ сравненіи съ такими конспектами ознакомленія съ природой и исторіей юга Россіи, какъ труды Элизе Реклю и Рамбо. Но замечителенъ самый фактъ внесенія въ популярную французскую литературу непосредственнаго знакомства съ русскими учеными источниками. Такой пріемъ, утвердившись въ европейскихъ литературахъ, можетъ дать благіе результаты.

Пользуясь случаемъ, скажемъ нѣсколько словъ о произведеніяхъ западныхъ литературъ, какъ источникахъ южно-русской исторіи. Кажется въ этомъ отношеніи исчерпано не все. Капитальныя сочиненія, какъ Воуланъ, Шереръ, Энгель и т. п., конечно вошли въ источники этой исторіи обязательно. Но многое ускользаетъ еще отъ вниманія изслѣдователей. Просматривая, наиримѣръ, французско-голландскіе антикварныя

каталоги Мюллера ¹⁾ (такъ назыв. *Catalogues raisonnés*), встрѣчаемъ свѣдѣнія о такихъ вещахъ, о которыхъ ни словомъ не упоминается въ наиболѣе авторитетныхъ трудахъ по исторіи южной Руси.

Прежде всего газеты, обзорнія или «*Меркуріи*» той эпохи. Не забудемъ разницы, какую представляла въ то время восточная и западная Европа. Вспомнимъ, что въ то время, какъ Самойло Кошка, вырвавшись изъ турецкаго плѣна, носился по волнамъ Чернаго моря, въ то время, какъ за густыми дѣпровскими лозами цвѣло Запорожье, въ западной Европѣ уже существовали формы цивилизаціи, свойственныя нашему времени. Газетный отчетъ голландскаго «*Меркурія*» рассказывалъ о битвѣ Хмельницкаго подь Збаражемъ.

Сорокъ томовъ «*Mercurius Hollantze*» обнимаютъ время съ 1650 по 1690 г. Уже въ первые годы встрѣчаются свѣдѣнія о козацкихъ дѣлахъ. Такъ въ 1651 году есть описаніе битвы поляковъ съ козаками и т. д.

Сборникъ Вассенера (*Wassenaer, Historisch Verlael. 1621—32*), говоритъ Мюллеръ, былъ историческимъ обзорніемъ, выходившимъ два раза въ годъ. Какъ большая часть газетъ того времени, онъ обращалъ преимущественно вниманіе на страны отдаленныя. Много мѣста удѣлено восточной Европѣ. По южно-русской исторіи встрѣчаются свѣдѣнія въ т. IV, за 1622 г. — «Отступленіе козаковъ отъ польскихъ границъ» подь 1625 г — «Козаки покидаютъ службу германскаго императора» и т. под. Изъ отдѣльныхъ трудовъ должна представлять интересъ книга нѣбосго Юстена Толька (*Joosten Tolck*), озаглавленная въ французскомъ указателѣ такъ: «*Origines et continuation des la guerre des cosaques, des Polonais, des Russes et des Suedois, depuis 1650 jusqu'en mai 1656, avec des descriptions des villes, des pays, des peuples e ct., par un amateur, temoin oculaire des evenements principaux*». Amsterdam. 1657. По отиѣтѣ указателя, авторъ былъ очевидцемъ большинства описываемыхъ событій. Онъ былъ вѣроятно еврей и, въ качествѣ переводчика, сопровождалъ какого нибудь голландскаго дипломата, одного изъ тѣхъ, которые старались водворить вездѣ миръ, выгодный для ихъ торговой страпы. Въ «Исторіи Яна Собѣскаго» Ванъ-деръ-Линде (*Amstercd. 1685*) есть очеркъ исторіи козачества. Слѣдующихъ книгъ указатели Мюллера даютъ только названія:

Lasitzki Ioz. De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum et funerarum ritu. Lipsiae. 1572.

¹⁾ *Frideric Muller. Essai d'une bibliographie neerlandorussie. Amsterdam. 1859.—Catalogue de livres, atlas, portraits et planches sur la Russie. Amsterdam. 1870.*

Herbinii Religiosae Kyovienses Cryptae sive Kyovia subteranea et in eo mortua a 600 annis, Divorum atque Heroum Graeco-Ruthenorum et nec dum corrupta corpora. Ienae. 1657.

Histoire de Pologne et du grand duché de Lithuanie, depuis la fondation de la monarchie jusqu'a present. Amsterd. 1698.

Newville Relation curieuse de Moscovie, contenant l'etat present de cet empire, les expéditions des Moscovites en Crimée en 1689 ect. La Haye 1699.

Relation exacte de la bataille entre l'armée de Czar et celle de roi de Suede a l'heureuse journée de Poltava le 27 juin 1709.

De la Motraye Voyage en Europ, Asie, Afrique avec des relations fideles des evenements... Des affaire et de la conduite du feu roi de Suede a Bender. La Haye. 1727. Противъ этого сочиненія, гдѣ могутъ встрѣтиться свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Мазепы, предостерегаютъ впрочемъ Вольтеръ въ своей «Histoire de l'empire de Russie».

Lesur. Histoire des Cosaques. Paris, 1814.

Kohe I. De Ukraine en Kleine-Russland, Gron. 1844.

Newmann K. F. Die Fölker d. sudl. Russlands in ihrer geschichtliche Entwicklung. Leipzig. 1847.

Pissot. Precis historique sur les Cosaques. Paris. 1812.

Нѣсколько нныхъ названій относятся въ книгамъ меньшаго значенія. Встрѣчаются и курьезы. Такъ существуетъ голландско-козацкій словарь и историческій романъ Чинскаго «Козакъ», вышедшій въ 1837 г. на голландскомъ языкѣ въ Гагѣ. Богатое собраніе старо-голландскихъ картъ и атласовъ возбуждаетъ особенно любопытство въ изданіяхъ Янсониуса (1639 г.) и Блау (1649—64), гдѣ находится отдѣльныя карты Украины, Покутья, Подолія и т. д. У Блау, вромѣ того, есть четыре отдѣльныхъ карты Днѣпра, изъ которыхъ одна снята съ образца древняго. При этихъ картахъ находится описаніе Запорожья, мѣстности, нравовъ и обычаевъ запорожцевъ, которое сопровождается *рѣзаными на деревъ изображеніями типовъ, одеждъ* и т. п.

Въ испанскомъ изданіи этого атласа, заманчиво прибавляетъ указатель, фигуры эти рѣзаны на мѣдѣ. Атласъ Блау считался классическимъ, и кто знаетъ, до какого совершенства картографія и гравюра доведены были въ Голландіи въ старое время, у того еще болѣе явится желаніе съ нимъ познакомиться. Но для провинціального любителя такія рѣдкости недоступны! Не обратятъ-ли вниманіе на указанныя изданія и книги тѣ изъ нашихъ ученыхъ, кому доступны ближнія сокровищницы европейскихъ центровъ?

В. Горленко.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Часть первая. Томъ VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322—1648). Киевъ, 1883.

Не болѣе мѣсяца назадъ выпущено въ свѣтъ это изданіе кievской Коммисіи, помѣченное на обложкѣ 1883 годомъ. Коммисіи не объясняетъ ни этого страннаго на посторонній взглядъ, хотя и не значительнаго обстоятельства, ни того, почему столь долгое время, около пяти лѣтъ, не являлись ея изданія, при наличности рабочихъ силъ и достаткѣ денежныхъ средствъ. Оставляя отвѣтъ на это самой Коммисіи, мы тѣмъ не менѣе съ живѣйшимъ удовольствіемъ приветствуемъ это новое изданіе, какъ новый цѣнный вкладъ въ науку южно-русской исторіи. Редакція вышедшаго теперь тома актовъ принадлежитъ г. Оресту Левницкому, задвинутому уже себя вѣсколькими прекрасными изслѣдованіями по наиболѣе важнымъ вопросамъ мѣстной исторіи. Изданный томъ актовъ представляетъ собою весьма объемистую книгу, въ которой 182 страницы составляютъ самостоятельный трудъ почтеннаго редактора подъ скромнымъ заглавіемъ «Предисловія», а 938 страницъ заняты самими актами, личнымъ и географическимъ указателями и оглавленіемъ.

Настоящій томъ служитъ связующимъ звеномъ между двумя другими томами, изъ которыхъ одинъ вышелъ въ 1859 году подъ редакціей П. Д. Иванюшева и заключаетъ въ себѣ собраніе актовъ, объясняющихъ состояніе западно-русской церкви въ періодъ предшествовавшей униі 1596 года, а второй изданъ въ 1868 году подъ редакціей В. В. Антоновича, собравшаго акты относящіеся къ исторіи униі отъ 1648 по 1798 г. Но, кромѣ этихъ, комиссіею разновременно изданы еще три тома однородныхъ актовъ и мы имѣемъ такое огромное собраніе матеріаловъ по исторіи униі въ юго-западномъ краѣ, что для людей знакомыхъ съ общимъ планомъ работъ комиссіи является самъ собою вопросъ о томъ, отъ чего комиссія такъ много удержала мѣста для матеріаловъ по южно-русской церковной исторіи сравнительно съ исторіей политической и бытовой. Г. Левницкій, говоря отъ имени комиссіи, начинаетъ свое «Предисловіе» именно отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Вотъ сущность его объясненія.

«Исторія юго-западной Россіи въ періодъ съ XVI по XVIII вѣкъ, есть попреимуществу исторія религіозныхъ волненій; борьба религій составляетъ главное содержаніе ея общественной, политической и культурной жизни». «Трудно найти, въ тогдашней жизни такое явленіе, которое не стояло-бы ни въ какой связи съ религіознымъ вопросомъ; напротивъ

можно сказать, что все, что случилось въ данной періодъ великаго и малаго, славнаго и позорнаго, полезнаго и гибельнаго—все это находится въ той или другой зависимости отъ религіозныхъ отношеній времени. Этими отношеніямъ южная Русь обязана, съ одной стороны, такими свѣтлыми явленіями, каковы: уместившее и просвѣтительное движеніе XVI и XVII вв., дѣятельность церковныхъ братствъ, а съ другой такими крупными потерями, какъ денационализація ея высшихъ сословій и, наконецъ, такими тяжкими общественными катастрофами, какъ войны козацкія и гайдамацкое возстаніе. Отсюда понятно, почему вопросъ о религіозныхъ отношеніяхъ въ южной Русси ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесенъ къ специальной области церковной исторіи, но по всей справедливости долженъ составлять одинъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ общей исторіи края, ибо безъ предварительнаго всесторонняго изученія этого вопроса невозможно, строго говоря, ни общее уразумѣніе характера изучаемой эпохи, ни ясное и дѣльное пониманіе отдѣльных явленій и событій изъ различныхъ сферъ тогдашней политической и общественной жизни».

Мы съ нагѣреніемъ сдѣлали эту длинную выписку изъ «Объявленій г. Левницкаго»; она можетъ пригодиться и для читателей «Кіевской Старины», интересующихъ въ нашемъ журналѣ не мало страницъ, посвященныхъ церковно-историческимъ изслѣдованіямъ и характеристикамъ дѣятелей «духовнаго стану».

Обратимся теперь къ самому изслѣдованію г. Левницкаго, которое опять предвосмываетъ обработанному имъ тому актовъ. Оно состоитъ изъ двухъ частей: первая посвящена разъясненію вопроса о происхожденіи униі, вторая трактуетъ о появленіи и распространеніи въ юго-западной Русси социанскаго ученія. По видимому эти части ничѣмъ не соединены между собою; но существенная связь изслѣдуемыхъ авторомъ явленій заключается въ томъ, что социанство, поражая боронившейся съ православіемъ католицизмъ и нанося ущербъ самому православію, тѣмъ самымъ облегчило введеніе униі, обезсиливъ ряды защитниковъ православія.

Въ изслѣдованіи вопроса о происхожденіи униі авторъ выступаетъ изъ той мысли, что перевороты, подобные униі, не совершаются одною волею правительства, въ особенности столь безсильныхъ, какими издѣлѣ всегда были правительства Польши и Литвы, а являются обыкновенно результатомъ какихъ-нибудь внутреннихъ, органическихъ поврежденій, нарушающихъ нормальный ходъ жизни даннаго общества. Указавъ за слѣдъ на неудачныя попытки польскихъ королей Казимира и Александра ввести униі, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію причинъ,

сдѣлавшихъ введеніе ея возможнымъ въ правленіе Сигизмунда III и при томъ въ то время, когда латиняне были заняты борьбой съ протестанствомъ, сильно поколебавшимъ положеніе католицизма въ Польшѣ. Съ этой цѣлью онъ изслѣдуетъ церковно-общественныя отношенія гъ предшествующіе уніи вѣка и изъ изслѣдованія этихъ отношеній дѣлаетъ выводъ, что основными чертами внутренняго строя западно-русской православной церкви въ періодъ приблизительно до половины XVI вѣка должно считать: а) избирательное начало въ замѣщеніи церковно-іерархическихъ должностей и б) широкое участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви.

Это счастливое единеніе церковно-общественныхъ силъ было источникомъ той внутренней крѣпости, какую обрѣла Русь въ тяжкую годину своей исторіи: благодаря ему, послѣ татарскаго разгрома, она оказалась въ состояніи подчинить даже своему вліянію литовское государство, а за тѣмъ въ немъ-же она нашла силы для борьбы въ XV вѣкѣ противъ попытокъ польскихъ королей навязать ей флорентинскую унію. Но единеніе это подъ вліяніемъ польско-литовскаго государства рано или поздно должно было слабѣть, не смотря на полную вѣротерпимость польскихъ королей, оказывавшихъ покровительство даже православію: въ ихъ рукахъ было одно опасное орудіе, это — право «подаванія столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ», т. е. право пожалованія архіерейскихъ кафедръ, монастырей и церквей. «Подаванье» не было собственно раздѣчей церковно-іерархическихъ должностей, а лишь пожалованіемъ повозбранному кандидату права распорядженія церковными имѣніями, съ которыхъ отбывались въ пользу государства военная служба и другія повинности. По мѣрѣ безпрестанной передачи польско-литовскими государями служилымъ дворянамъ земельныхъ участковъ и перехода леновъ въ частную собственность право «подаванья» (*ius patronatus*) раздробилось впоследствии между огромнымъ множествомъ лицъ. Нечего и говорить, что это право противорѣчло выработанному исторіей выборному началу въ русской церкви и необходимо должно было привести къ злоупотребленію имъ. Какъ извѣстно, избирательное начало было чуждо римско-католической церкви, основанной на строгомъ единовластіи; духовныя лица часто обращались къ римскому двору съ подкупами и искательствами для пріобрѣтенія духовныхъ сановъ, бенефицій и проч. Польскіе короли, подобно другимъ западно-европейскимъ государямъ, вели борьбу противъ этихъ искательствъ и добились того, что взяли исключительно въ свои руки назначеніе духовныхъ сановниковъ и раздачу церковныхъ имѣній. Этотъ порядокъ они примѣнили и къ русской церкви и въ результатѣ получилось то, что замѣщеніе высшихъ церковныхъ должностей путемъ избранія почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія: среди православнаго

высшаго духовенства началась погоня за «духовными хлѣбамъ» и развилась въ сложную систему подкузовъ, происковъ и выграшванія епископій и архимандрій. Понятно само собой, что при такомъ способѣ раздачи высшихъ церковныхъ должностей не было вовсе обращено вниманіе на нравственныя качества претендента, слѣдствіемъ чего явилась нравственная распушенность и паденіе высшаго духовенства. Что касается до сельскаго населенія, то оно находилось въ полной зависимости отъ помѣщика, и потому ряды его пополнялись, по словамъ современника, «сметельмъ людскимъ, голоднымъ и неукамъ». Въ лучшихъ сравнительно условіяхъ находились города, гдѣ мѣщане, пользуясь самоуправленіемъ удержали за собой право завѣдыванія церквами и выбора къ нимъ священниковъ. Поэтому-то, съ умноженіемъ злоупотребленій въ іерархической средѣ, когда въ обществѣ росло и зрѣло сознаніе ненормальности существовавшихъ церковныхъ порядковъ и отношеній и необходимости положить, наконецъ, предѣлъ дальнѣйшимъ злоупотребленіямъ, когда мысль о церковной реформѣ сдѣлалась общею, мѣщане, соединяясь въ братства съ лицами другихъ сословій, приняли на себя починъ въ дѣлѣ обновленія православной церкви. Авторъ не ставитъ своей задачей разрѣшеніе вопроса о происхожденіи южно-русскихъ братствъ и только мимоходомъ касается ихъ первоначальной исторіи; онъ обращаетъ на нихъ вниманіе, главнымъ образомъ, съ того времени, когда они вступаютъ въ борьбу съ іерархіей за цѣлость древнихъ церковныхъ порядковъ и обычаевъ. При этомъ г. Левицкій, вопреки общепринятому мнѣнію, будто именно борьба противъ католичества была главною причиною, вызвавшею быстрое размноженіе братствъ въ концѣ XVI вѣка, предполагаетъ, что и это явленіе, подобно многимъ другимъ, было вызвано къ жизни не внѣшними, а внутренними условіями тогдашняго состоянія западно-русской церкви. Въ виду требованій времени, напризмѣрь, львовскимъ братствомъ былъ выработанъ уставъ, утвержденный антиохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ 1-го января 1586 года; въ силу этого устава братство получило право суда надъ своими свѣтскими и духовными членами и даже право церковнаго отлученія, братчики могли участвовать въ епископскомъ судѣ и сдерживать произволъ своего владыки; въ случаѣ злоупотребленій послѣдній они освобождались отъ подчиненія ему. Немного позже, константинопольскій патріархъ совершенно освободилъ львовское и виленское братство отъ власти архіерея; вмѣстѣ съ тѣмъ члены братства могли непосредственно приносить жалобы на епископовъ самому патріарху. Слѣдствіемъ этого было то, что братства постепенно и настойчиво стараются простереть свое вліяніе на высшее управленіе дѣлами всей западно-русской церкви, входятъ поэтому въ столкновеніе

сть іерархіей, стремившейся къ самовластію, по образу католической іерархіи, вызываютъ въ русскомъ духовенствѣ вражду къ себѣ и ведутъ съ нѣмъ борьбу, окончившуюся расколомъ и отпаденіемъ высшей іерархіи отъ православія. Въ борьбѣ своей съ братствами, епископы находили себѣ поддержку въ католическомъ духовенствѣ и іезуитахъ; между тѣми и другими существовали дружескія отношенія, приведшія русскихъ іерарховъ къ подчиненію Риму, которое и было объявлено на Врестскомъ соборѣ въ 1596 году. На Врестскій соборъ г. Левицкій смотритъ поэтому, какъ на актъ окончательнаго разрыва между двумя направленіями, давно уже обозначавшимися внутри западно-русской церкви: клерикально іерархическимъ и соборнымъ. Первое изъ этихъ направленій, какъ несогласное съ духомъ православія, выдѣлилось теперь изъ него и прикнуло къ своему естественному союзнику—латинству, рассчитывая при его помощи рано или поздно достигнуть преобладанія надъ направленіемъ ему противоположнымъ. Ближайшимъ-же поводомъ къ этому разрыву, повторяетъ въ заключеніи авторъ, послужило церковно-преобразовательное движеніе, предпринятое по инициативѣ братствъ и, вообще мѣрять, а далѣе борьба, возникшая вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія такому движенію со стороны высшей іерархіи.

Таково мнѣніе г. Левицкаго по вопросу о происхожденіи униі. Онъ иллюстрируетъ свои положенія многочисленными историческими примѣрами и такимъ образомъ рисуетъ живую картину церковно-общественныхъ отношеній въ эпоху, предшествовавшую униі, когда для послѣдней подготовилась только почва. Это мнѣніе, основанное на всестороннемъ изученіи государственной, общественной и частной жизни того времени, обнаруживаетъ односторонность и несостоятельность господствовавшего до сихъ поръ взгляда на унию, какъ на политическую мѣру, принятую правительствомъ съ цѣлью ассимиляціи русскаго населенія съ польскимъ. Мы въ свою очередь готовы были-бы назвать мнѣніе г. Левицкаго одностороннимъ, если-бы онъ и за прежнимъ взглядомъ не признавалъ известной доли истины; намъ кажется однако, что авторъ умаляетъ его значеніе, допуская лишь, что польскіе короли вслѣдствіи уже воспользовались унией, какъ средствомъ для ополченія края и введенія въ немъ католичества. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ возникновенія униі существовали два теченія—внѣшнее и внутреннее и оба вели къ одному и тому-же результату. Тѣмъ не менѣе г. Левицкій представленнымъ имъ теперь рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи униі оказываетъ существенную услугу наукѣ: своимъ изслѣдованіемъ онъ какъ-бы приподнял завѣсу, за которой скрывались главные дѣйствующія дружины, самый механизмъ тогдашней жизни и мы увидѣли, какъ все было просто, естественно и послѣдовательно.

Вторая часть «предисловія» г. Левицкаго касается другого, не менѣе важнаго для исторіи возникновенія униі вопроса—судьбы одной изъ протестантскихъ сектъ, именно социціанства, въ южной Россіи, судьбы, ни разу до селѣ не подвергавшейся научной разработкѣ. Исслѣдованіе о социціанахъ приобретаетъ тѣмъ большую важность, что оно основано на документахъ, впервые появляющихся въ свѣтъ, и на такихъ, хотя и печатныхъ, сочиненіяхъ, которые въ настоящее время составляютъ величайшую библиографическую рѣдкость. Однимъ словомъ, мы смотримъ на эту часть работы г. Левицкаго, какъ на цѣльную новую главу въ общей исторіи религіознаго и умственнаго движенія въ юго-западной Россіи; въ этой части авторъ наблюдаетъ сначала зарожденіе социціанства въ Швейцаріи, слѣдитъ за его распространеніемъ въ Западной Европѣ и переходомъ въ Польшу, Литву и Южную Россію, анализируетъ социціанскую доктрину, указываетъ на труды социціантъ по организаціи своихъ общинъ, увеличенію ихъ числа и заведенію академій и школъ, обращаетъ вниманіе на сочувствіе и поддержку секты многими знатными южно-русскими родами, на принятіе послѣдними социціанскаго вѣроученія и на борьбу соединенными силами социціанства и православія противъ гоненій господствующей католической церкви, борьбу, окончившуюся наконецъ гибельно для сектантовъ во время казацкихъ войнъ. Мы не будемъ останавливаться долѣе на содержаніи исторіи южно-русскихъ социціантъ, такъ какъ изслѣдованіе объ этомъ было помѣщено въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 г. и вѣроятно постояннымъ читателямъ нашего журнала; пожелаемъ лишь, чтобы авторъ продолжалъ такъ удачно начатая имъ розысканія матеріаловъ по исторіи протестанства и чтобы съ его легкой руки было предпринято изданіе такихъ-же матеріаловъ сѣверо-западными археографическими коммисіями, потому что протестантское движеніе шло съ сѣвера на югъ, а не обратно.

Въ разсматриваемомъ нами VI томѣ «Архива юго-западной Руси» заключается 326 актовъ, изъ коихъ $\frac{3}{10}$ заимствованы изъ актовыхъ книгъ Кіевского центрального архива, этого богатаго древлехранилища нашего края. Издаваемые акты сообщаютъ данныя о мѣрахъ польскаго правительства къ проведенію въ южной и западной Россіи церковной униі и о противодѣйствіи этимъ мѣрамъ со стороны православныхъ; о церковной іерархіи, какъ православной, такъ и униатской, о положеніи южно-русскихъ православныхъ монастырей, ихъ матеріальномъ обезпеченіи и внутреннеи бытѣ; о православныхъ церковныхъ братствахъ и преимущественно о судьбѣ братства луцкаго; о церковныхъ школахъ и вообще о состояніи просвѣщенія въ юго-западной Руси въ данное время; объ успѣхахъ униі и религіозныхъ преслѣдованіяхъ православныхъ

со стороны представителей униатской партіи; о слященіи южно-русскаго духовенства и въ частности кievскаго братства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Михаила Θεодоровича, о состояніи религіозности въ южно-русскомъ обществѣ въ данное время, о распространеніи въ юго-западной Руси антитринитарской или соцініанской секты, возникновеніи соцініанскихъ училищъ и вообще объ ея успѣхахъ и тѣхъ гоненіяхъ, какимъ подверглись послѣдователи этой секты со стороны католическаго духовенства и правительства, и наконецъ—документы, характеризующіе внутренней бытъ, общественныя отношенія и нравы южно-русскаго духовенства, какъ низшаго, такъ и особенно высшаго. Сюда-же относятся акты, заключающіе въ себѣ біографическія черты изъ жизни и дѣятельности выдававшихся южно-русскихъ архіереевъ данной эпохи, преимущественно тѣхъ, которые принимали главное участіе въ проведеніи церковной униі, какъ Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй. И этотъ разнообразный и важный матеріалъ изслѣдованъ г. редакторомъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ (вопросъ о происхожденіи униі, исторія соцініанства и біографія Кирилла Терлецкаго). Съ интересомъ будемъ ждать и надѣяться, что г. Левинскій не остановится на сдѣланномъ имъ теперь изслѣдованіи и доведетъ разработку изданныхъ актовъ до конца съ такимъ-же успѣхомъ и искусствомъ, какое мы привыкли до сихъ поръ встрѣчать въ его трудахъ.

Что касается до самыхъ актовъ, то мы находимъ, что одно чтеніе ихъ можетъ доставить любителю старины нѣсколько пріятныхъ часовъ, вызывая въ немъ самыя разнообразныя чувства. Акты переносятъ насъ въ то отдаленное время, когда происходили описываемыя событія; въ нихъ мы не только читаемъ полный образности, полурусскій, полупольскій языкъ того времени, но будто слышимъ разговаривающихъ; мы какъ-бы присутствуемъ «на уряде вгородскомъ, въ ямкѣ ево королевской милости» и готовы, вожалуй, считать себя участникомъ подстаросты «ad hunc solum actum ужтымы», передъ которымъ «постановляються очевидно ку записованю до книгъ» князья и земляне, бояре и крестьяне, епископы и бискупы, игумены и пріоры, священники и канонники и проч., и проч., «оскаржающіеся велико обтяжливѣ и велики плачливѣ» и со словъ этихъ «протестующихъ се» въ нашемъ воображеніи воскресаютъ картинны наѣздовъ, разбоевъ и всякаго рода насилій «надъ людьми спокойными, никому ничего невипнымъ и правомъ воспользоватимъ обвароваными»; въ этой сумятицѣ, въ этой борьбѣ «племень, парбчій, состояній» передъ нашимъ умственнымъ взоромъ проходятъ всѣ сслова того времени: духовныя и свѣтскія, высшія, среднія и низшія, даже дѣти и убогіе; мы живо видимъ разоренныя монастыри и храмы, раз-

грабленныя и сожженныя укрѣпленныя замки и дома и беззащитныя жальія халуды; мы слышимъ стоны раненыхъ и плачь перепуганныхъ женщинъ и дѣтей И все это творилось во имя религіи, требующей любви къ ближнему! Да, тяжелое то было время, и, читая издаваемые г. Левинскимъ акты, мы какъ-бы переживаемъ это самое время.

Многое можно было-бы связать еще по поводу изданныхъ теперь матеріаловъ для нашей исторіи; но мы и безъ того не въ мѣру удлиннили наше сообщеніе. Для обозначенія ихъ интереса въ самыхъ мелочахъ, уважемъ лишь два-три примѣра.—Кому неизвѣстна горькая доля возныхъ (въ родѣ судебныхъ приставовъ нашего времени), которые обязаны были развозить обвиняемымъ повзы къ суду и совершать входы во владѣніе? Въ тотъ вѣкъ всеобщаго самоуправства и насилія ихъ гнали и били, надъ ними всячески ругались, чтобы только отбить у нихъ охоту исполнить судебныя рѣшенія и приговоры. И вотъ жалостное заявленіе одного изъ нихъ по такому случаю. Люблинскій воевода поручилъ вручить, кому слѣдуетъ, повзы къ суду по дѣлу объ отравленіи луценскъ архіереемъ Кирилломъ Терлецкимъ жидичинскаго архимандрита Гелеона Балабана; изъ всѣхъ повзовъ остался не врученнымъ одинъ, и возный пишетъ на немъ... не извиненіе, не объясненіе должностнымъ лицомъ причинъ, почему возложенное на него порученіе не могло быть исполнено имъ, а упитенную мольбу: «радъ-бы давать (не врученный повозъ), да лихо: у Гуляничвахъ есть жолнѣрс; боюся, штобъ мя не шаршино. Прощу, милый пане, не рачъ мѣти за зло на мене, але рачъ, яко панъ мой милостивый, выбачити на мене убогого служебника» (точно вотъ говоритъ Данилъ Заточникъ).—А то вотъ картина: жидичинскій архимандритъ сидитъ на церковной крышѣ пять дней въ плѣну у своего противника Кирилла Терлецкаго и оттуда намѣревается сдѣлать вооруженное нападеніе на послѣдняго. Или: житомирскіе мѣщане заявляютъ на судѣ, что они видѣли у священника Федора Везежа книги въ сундужѣ и что съ одной изъ нихъ овъ проходилъ по базару. Ну что, кажется, страннаго въ томъ, что православный священникъ имѣетъ книги? А между тѣмъ объ этомъ доносятъ въ судѣ. Ужъ не заподозрили-ли мѣщане въ о. Федорѣ соцініана, человѣка образованнаго, тогда какъ ихъ священники были, по большей части, «неукове?»

Изъ ряду актовъ настоящаго тома стоптъ особнякомъ, рѣзко выдѣляясь въ остальныхъ, одинъ документъ, попавшій сюда какъ нельзя болѣе кстати, это апокрופическое сказаніе о парождеиіи въ 1634 году въ Вавилонской землѣ антихриста («Исторіи, albo новина о анытихристѣ»). Не пускаясь въ подробное изслѣдованіе его, скажемъ только,

что наблюденія надъ исторіей христіанскихъ народовъ показываютъ, что всѣ важные переломы въ общественной жизни сопровождаются толпами суевѣрныхъ людей о пришествіи антихриста; эти толпы записываются потомъ, или же просто сочиняются начетчиками Апокалипсиса и составляютъ довольно обширную литературу. Таково-же, конечно, происхождение и настоящей «новины», явившейся вслѣдъ за церковной реформой 1596 года. Она родилась, можно думать, въ протестантской средѣ, въ которой Вавилономъ считался Римъ и антихристомъ — самъ папа; впоследствии уже сказаніе стало обращаться и между православнымъ населеніемъ Руси. Въ сѣверо-русской апокрифической литературѣ существовала около этого-же времени «Книга о правой вѣрѣ», въ которой появленіе антихриста приводилось въ связь съ этими эпохами: раздѣленіемъ церкви и брестской уніей. Отсюда понятно, почему владимірскій епископъ Ипатій Потѣй вооружался противъ отождествленія папы съ антихристомъ и старался доказать, что между папой и апокалипсическимъ антихристомъ нѣтъ ничего общаго.

Въ заключеніе не можемъ не выразить своего удовольствія, вызваннаго въ насъ приличною виѣнностью книги, и не пожелать на нѣсколько высокую цѣну послѣдней, въ виду ея интереса и желанія ей большей распространенности и большаго круга читателей.

И. Каманинъ.

А. А. Федотовъ - Чеховскій. Акты греческаго пѣжинскаго братства. Киевъ, 1884 года.

Подъ этимъ заглавіемъ почтенный профессоръ Федотовъ-Чеховскій издалъ сборникъ грамотъ и документовъ, подлинники которыхъ хранились до недавняго времени при греческой церкви въ г. Пѣжинѣ. Въ сборникѣ помещено 58 документовъ, которые издатель распредѣлилъ на два отдѣла: 1) грамоты греческихъ іерарховъ и кіевскихъ митрополитовъ и 2) универсалы гетмановъ. Документы перваго отдѣла относятся къ исторіи греческой церкви въ Пѣжинѣ и существовавшаго при ней церковнаго греческаго братства, во второмъ-же отдѣлѣ мы встрѣчаемъ документы, относящіеся къ самоуправленію и опредѣляющіе льготы и привилегіи греческой пѣжинской торговой общины.

Древнѣйшій по времени документъ относится къ 1657 году; это универсалъ Богдана Хмельницкаго, изданный 2 мая, въ которомъ гетманъ «приходуючи грековъ купцовъ, абы въ сторону нашу зъ разными тсварами приѣзжаючи, выгодно людямъ были», освобождаетъ греческихъ

прѣзжихъ торговцевъ отъ мѣстныхъ полковыхъ и магистратскихъ судовъ и разрѣшаетъ имъ въ дѣлахъ торговыхъ судиться «самимъ межн собою». Мѣсяць спустя Хмельницкій издалъ другой универсалъ, которымъ предоставилъ греческимъ прѣзжкимъ купцамъ право беспошлинной торговли во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Украины. Эти двѣ льготы: право самосуда и освобожденіе отъ пошлины подтвердили одинадцатью универсалами преемники Хмельницкаго, гетманы: Иванъ Выговскій, Юрій Хмельницкій, Иванъ Брюховецкій, Павелъ Тетеря и Иванъ Самойловичъ. Изъ нихъ только Тетери попытаны положить пошлину на нѣкоторые товары: мѣха, шелковыя ткани и драгоценныя камни и металлы, привозимыя купцами греческими, турецкими и армянскими; но попытка эта очевидно не утвердилась, потому что позднѣйшіе универсалы не повторяютъ распоряженія Тетери. Впрочемъ и эти льготы относились только къ грекамъ прѣзжкимъ. Первое свидѣніе о поселеніи въ Нѣжинѣ греческой купеческой общины мы встрѣчаемъ въ универсалѣ гетмана Самойловича отъ 28 ноября 1675 года; документъ этотъ обезпечиваетъ право самосуда «купцамъ чужеземскимъ, грекамъ и волохамъ, на сей часъ въ Украинѣ мешкающимъ» и запрещаетъ мѣстнымъ магистратамъ, «особливо майстратови нѣжинскому», привлекая ихъ къ своему суду. Въ 1687 году гетманъ Мазепа подтвердилъ греческимъ купцамъ, «въ Нѣжинѣ найдующимся», право самосуда, за исключеніемъ «справъ трудныхъ и криминаловъ», которые должны были разсматриваться въ генеральномъ войсковомъ судѣ. Затѣмъ встрѣчаемъ семь универсаловъ, изданныхъ гетманами: Мазепою и Агостоломъ, генеральною канцелярією во время между-гетманства, фельдмаршаломъ Минихомъ и нѣжинскимъ полковникомъ Петромъ Толстымъ, которые подтверждаютъ старыя льготы нѣжинской греческой общины и прибавляютъ къ нимъ новыя: освобожденіе грековъ отъ военного постоя, отъ обязанности доставлять подводы и уплачивать подворную подать.

Поселившись въ Нѣжинѣ, греческая община немедленно озабочилась постройкою своей церкви; уже въ 1680 году существовалъ греческій храмъ во имя св. Михаила и Гавріила и константинопольскій патриархъ Іаковъ утвердилъ при этой церкви приходскаго священника Христофора. Въ томъ-же году Христофоръ былъ утвержденъ въ должности приходскаго священника и Лазаремъ Барановичемъ, избывшимъ въ своей грамотѣ согласіе на то, чтобы служба церковная въ нѣжинской церкви отиравалась на греческомъ языкѣ. Въ 1696 году нѣжинскіе греки устроили при церкви деревенное братство и получили на то благословительную грамоту отъ кіевского митрополита Варлаама Исидорскаго, въ которой митрополитъ передаетъ братчикамъ попеченіе о церкви,

завѣдываніе церковными доходами, разрѣшаетъ братству выбирать и смѣнять священниковъ съ своего благословенія, подчиняетъ нѣжинское братство исключительно своей духовной власти, устраняя всякую его зависимость отъ мѣстныхъ церковныхъ властей и разрѣшаетъ братчикамъ устроить школу «ради ученія отроковъ писмени греческаго» и «шпиталь ради приставища и пропитанія убогихъ и недужихъ». Изъ грамоты митрополита мы узнаемъ, что въ вѣдѣніи братства въ то время, кромѣ первоначальной церкви деревянной во имя св. Михаила и Гавріила, находилась другая каменная церковь «Всѣхъ Святыхъ».

Нѣжинское церковное братство пользовалось постояннымъ покровительствомъ кіевскихъ митрополитовъ; мы встрѣчаемъ въ сборникѣ г. Оедотова-Чеховскаго цѣлый рядъ грамотъ митрополитовъ: Іасафа Кроковскаго, Варлаама Ванатовича, Рафаила Заборовскаго, Тимофея Шербацкаго, Арсенія Могилннскаго, Гавріила Кременецкаго и Самуила Миславскаго. Въ грамотахъ этихъ митрополиты подтверждаютъ первоначальныя льготы и привилегіи братства, прибавляютъ къ нимъ новыя согласно просьбамъ братчиковъ, охраняютъ самоуправленіе братства отъ вліятельства нѣжинскихъ протоицеровъ и т. п. Паравиѣ съ митрополитами свѣтскія власти также оказываютъ покровительство нѣжинскому церковному братству; гетманы: Мазепа, Скоропадскій, Апостоль и Разумовскій издають десять универсаловъ подтверждающихъ существованіе братства, а также освобождаютъ братскіе дома, постройки и вообще всекое братское имущество отъ всѣхъ общественныхъ податей и повинностей.

Изъ этого краткаго перечня содержанія актовъ, изданныхъ г. Оедотовымъ-Чеховскимъ, видно все историческое значеніе его сборника. Документы эти даютъ возможность прослѣдить образованіе и постепенный ростъ греческой нѣжинской колоніи въ теченіи полутораго вѣка и могутъ послужить весьма цѣльнымъ и существеннымъ матеріаломъ для составленія монографіи объ исторіи этой колоніи. Конечно, мы считаемъ долгомъ признать, что почтенный издатель оказалъ цѣнную услугу для разработки отечественной исторіи, издавъ весьма тщательно и вполне научно открытые имъ и собраные документы, которые въ противномъ случаѣ вѣроятно-бы разсыпались и исчезли для исторической науки, такъ какъ послѣ упраздненія самостоятельнаго греческаго магистрата въ Нѣжинѣ, отдѣльный архивъ его пересталъ также существовать и, пока мы не знаемъ, гдѣ нашла пріютъ его цѣнная коллекція грамотъ, концы которыхъ изданы г. Оедотовымъ-Чеховскимъ.

В. А.

Историческіе матеріалы изъ архива кievскаго губернскаго правленія. Выпускъ 7-й. Сост. редакторъ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, А. Андріевскій. Кіевъ. 1884 годъ.

Надо имѣть не просто любовь, но и нѣкоторую даже страсть къ архивнымъ изысканіямъ и наукѣ исторической, чтобы вести столь мало привлекательный и матеріально неблагоприятный, но весьма полезный для мѣстной исторіи трудъ, каковой вотъ уже третій годъ неутомимо ведетъ редакторъ неофициальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Андріевскій. Въ три года 7-мъ выпускѣвъ—трудъ для одного лица не маловажный, а если принять во вниманіе, что въ этихъ выпускахъ не цѣльными дѣла, способными увлечь богатствомъ своего содержанія, но обрывки дѣлъ, двинно обреченныхъ на гниеніе и совершенное уничтоженіе, то цѣна труда г. Андріевскаго еще болѣе возвышается. Будущій историкъ Кіева и края въ изданіяхъ г. Андріевскаго найдетъ много, правда, мелкаго, раздробленнаго, но тѣмъ не менѣе весьма цѣннаго и пригоднаго для общихъ работъ матеріала.

Такимъ матеріаломъ не скуденъ и настоящій 7-й выпускъ. Передадимъ вкратцѣ его содержаніе.

Всѣ свѣдѣнія его относятся къ половинѣ прошлаго столѣтія. Два отрывка изъ дѣлъ о привилегіяхъ кievскаго магистрата дополняютъ свѣдѣніи 3-го выпуска о борьбѣ, которую велъ магистратъ въ предшествовавшіе вѣка и въ это время за принадлежавшіе ему издавна пригороды Куревенку и Пріорку. При польскомъ владычествѣ земельными угодья этихъ пригородовъ и смежнаго съ ними Оболонья захватывали латвискіе бискупы и ксендзы, армяне и жиды, теперь-же магистрату приходилось отстаивать ихъ отъ войсковой генеральной канцеляріи, которая притѣсняла жителей этихъ пригородовъ къ отбыванію общенародныхъ податей и повинностей. Цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ грамотъ польскихъ королей, гетманскихъ универсаловъ и царскихъ грамотъ магистрату удается отстоять свое давнее право на владѣніе всѣми землями названныхъ предмѣстій и полученіе доходовъ отъ таможенныхъ обывателей.

Тинувшеся 40 лѣтъ дѣло о вознагражденіи кievо-печерской лавры за вытѣя отъ нея подъ крѣпость земли, какъ видно изъ помѣщенной здѣсь переписки, закончено въ 1744 г. пожалованіемъ лаврѣ во владѣніе въ лубенскомъ полку села Хоружевки съ слободками Гамалѣвкою и Антоновкою, принадлежавшими нѣкогда канцлеру Головкину. Отъ лавры, какъ оказывается по выведеннымъ теперь справкамъ, взято подъ крѣпость 70 десятинъ земли, по какой земли? На ней находились лаврскіе сады, виноградники и огороды, помѣщалось чиншевыхъ мѣ-

щавъ 500 дворовъ, крестьявъ черной работы 390 и монастырскихъ слугъ 65, всего 955 дворовъ, торговыхъ лавокъ 121, склады для товаровъ, базарная и ярмарочная площадь и наконецъ такъ называемая Неводицкая пристань съ перевозомъ черезъ Днѣпръ. Словомъ: тутъ было обширное, многочленное помѣстье, тянувшее къ лаврѣ и платившее ей богатую дань деньгами и натурою, простиравшуюся и по тогдашнему счету до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Тщетно добивалась лавра при Петрѣ и его прѣдшественахъ какого либо вознагражденія за отобранную у нея недвижимость и поступавшіе отъ нея доходы, а когда наконецъ явилась надежда на это вознагражденіе, сама добровольно отказалась отъ возмещенія ей убытковъ за всѣ 40 лѣтъ, что составило-бы громадную по тому времени сумму.

Дѣло о перенесеніи пещерскаго рынка съ одной стороны лавры на другую представляеть образчикъ давшаго хозяйничанья нижнероуль и артиллеристовъ въ пещерской части Кіева, носившей тогда названіе Пещерской слободы. Послѣ сорока лѣтъ отъ заложенія крѣпости инженеры открыли, что пещерскій рынокъ находится не въ законномъ разстояніи отъ гласиса оной, и потребовали сломки всѣхъ торговыхъ и жилыхъ помѣщеній и перенесенія ихъ на такое мѣсто, съ котораго рынокъ не закрывалъ-бы вида на крѣпость. Захваченные въ расилохъ торговцы и прочіе поселенцы очутились въ большемъ затрудненіи, такъ какъ, кромѣ расходовъ по переноскѣ домовъ и лавокъ, за новыми избранными ими на лаврской землѣ мѣста, кіево-пещерская лавра потребовала немѣрно высокую арендную плату. Инженеры папирала, лавра не уступала. Выручилъ изъ бѣды архимандритъ сосѣднiго пустынно-ніколаевского монастыря Назарій Солонина, предложившій на болѣе льготныхъ условіяхъ свободнаго мѣста, принадлежавшаго его монастырю на главной проѣзжей отъ него улицѣ въ крѣпость и лавру. Перенесеніе рынка состоялось, дома, лавки и лари устроены на новомъ мѣстѣ. Прошелъ годъ. Вдругъ артиллерійскому генералу Беренсу пришла мысль на этой самой землѣ строить цейхгаузъ и онъ потребовалъ сломки только что возведенныхъ строеній и перенесенія рынка на другое отдаленное мѣсто. Возникла жаркая переписка. Генераль-губернаторъ не желалъ допускать «толь вародваго отягощенія», Беренсъ признавалъ указанное ему новое для цейхгауза мѣсто «за весьма не способное» и грозилъ представить по своей командѣ. Подобная же съ пререканіями переписка затрѣлась и изъ-за лавокъ построенныхъ на лаврской землѣ: съ разрѣшенія генераль-губернатора онѣ отнесены были на 114 сажень отъ гласиса, инженеры-жъ добивались отнести на 130 сажень, «по силѣ указу». Чѣмъ кончилась та и другая, за неолностью дѣла осталось неизвѣстнымъ.

Пререканія властей и безплодность переписки выступаютъ въ дѣлахъ слѣдующаго 1745 г. о постройкѣ лавокъ въ старокіевской крѣпости и починкѣ моста на Днѣпрѣ на средства кіевского полка, самыя же дѣла даютъ нѣкоторые свѣдѣнія для топографіи Кіева

Значительный интерес для бытовой истории Киева и края дает ряд дѣлъ о пожарахъ въ Киевѣ 1769—1774 г. и мѣрахъ противъ нихъ предпринимавшихся. Тогдашній Киевъ представляетъ собою массу деревянныхъ лачугъ, скученныхъ въ особенности на Подольѣ, а среди нихъ во множествѣ разбросаны кузницы и винокурни. Не мудрено, что при тогдашнемъ безнабашномъ цѣлствѣ и небрежномъ обращеніи съ огнемъ пожары то и дѣло возникали. Но искали поджигателей, устранивали караулы, ловили подозрительныхъ людей... Имѣлись подметныя письма; атаманъ заграничнаго е. Василевщины Кислицкій письменно извѣщаль вахмистра въ м. Обуховѣ Сороколѣтова, что «изъ Бѣлой Церкви ляхи послали 20 палевъ, чтобы весь Киевъ сжечь, и просилъ о томъ довести киево-губернскую канцелярію, чтобы не запропастить Киева». Охранили отъ пожаровъ перестройка кузницъ по новому способу, установка лѣбеницъ и бочевъ съ водою на домахъ, а главное—большая осторожность въ обращеніи съ огнемъ, вызванная частыми пожарами. Единственное цѣнное въ этихъ дѣлахъ историческое извѣстіе, это то, что на Печерскѣ стояла древняя церковь во имя св. Владиміра, которую, «пріемля во уваженіе древности ея», тогда-же велѣно было сенатскимъ указомъ возобновить.

Изъ дѣла 1754 г. о починкѣ Крещатицкаго взвоза случайно узнаемъ, что, кромѣ монастырскихъ и частныхъ виноградниковъ, на михайловской горѣ существовали виноградныя, принадлежавшія казнѣ. Дѣла о продажѣ киевскихъ грекомъ Кармалѣмъ въ Вроцлавѣ ревеня, а также о покункѣ запорожцемъ Чубомъ у киевскаго мѣщанина Комубы пороху, показываютъ, какой страхъ и ужасъ производили иногда мелочные случаи нарушенія казенныхъ монополій. Последнее дѣло возникло по жалобѣ магистрата, на запорожца Мамал, который «днемъ и ночью изъ ружья стрѣлялъ» въ своей квартирѣ.

Но самый большій бытовой интересъ даютъ помѣщенные въ концѣ «Выпуска» дѣла о корчемствѣ 1737—1763 г. Въ вопросѣ о куреніи и продажѣ водки заключался едва-ли не самый главный жизненный нервъ тогдашняго Киева. Прежде всего тутъ царилъ царевъ кабакъ и дѣйствовалъ великороссійскій откупъ; но рядомъ съ нимъ дѣйствовали вольныя винокурни и шинки, заврѣвленные привилегіями польскихъ королевъ и гетманскими универсалами. Если кабакъ мирно конкурировалъ съ шинкомъ, то владѣтели шинковъ вели жесточайшую борьбу между собою и съ лицами, не имѣющими права шинковать. Главнѣйшмъ монополистомъ по части раздробительной продажи итей былъ киевскій магистратъ; но ему сильный подрывъ дѣлали киевскіе монастыри, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ по нѣсколько шинковъ, а у лавры между многими была знаменитая Самара. Магистратъ издавна осиривалъ права монастырей и не рѣдко происходили востояція битвы между его и монастырскими агентами и служителями. Правомъ куренія для оптовой продажи и домашней потребности пользовался козакъ киевскаго полка, а за

чертою Подола жители с. Плоскаго, поселившіеся на земляхъ Кирилловскаго монастыря. Далѣе за Днѣпромъ, въ гетманщинѣ, всюду вольное куреніе и вольная продажа. Вольное-же куреніе и вольная продажа существовали и въ пограничныхъ польскихъ владѣніяхъ. Дешевую водку проносили и провозили въ Кіевъ отовсюду; въ самомъ Кіевѣ она получалась тайкомъ изъ винокурень и складовъ козацкихъ. Шикованье, какъ и выкурка водки, при тогдашнемъ неизмѣримомъ ея потребленіи, составляло статью дохода въ хозяйствѣ каждаго обывателя. Но всякая частная продажа водки и подвозъ оной со стороны шли въ подрывъ доходовъ города. Магистратъ изыскивалъ всѣ возможные средства къ пресѣченію корчемства: сабдиль за провозомъ и проносомъ, производилъ обыски въ частныхъ домахъ, испрашивалъ разрѣшеніе на осмотръ домовъ и складовъ казачей старшины, ставилъ караулы изъ собственной стражи, подкрѣплялъ ихъ солдатами изъ крѣпостныхъ гарнизоновъ, писалъ жалобы, велъ процессы съ нарушителями его монополии, — ничто не помогало. Каждый шагъ его въ этомъ направленіи вызывалъ отчаянное сопротивленіе со стороны преслѣдуемыхъ, каждая попытка накрыть корчемниковъ, заарестовать провозимое, проносимое или хранимое вѣпо сопровождалась отчаянными схватками съ обѣихъ сторонъ и оканчивалась жестокими побоями, ранами, увѣчьями, не рѣдко смертоубійствомъ. Тутъ боролся главнымъ образомъ дѣй силы: съ одной стороны магистратъ, оправившійся на свои древнія привилегіи и располагавшій для подкрѣпленія своихъ правъ множествомъ урядниковъ и городовою стражею, съ другой козаки кіевскаго полка, разсуждавшіе, что «безъ содержанія горѣлки въ домахъ ихъ обойтись за совѣсть противно». Соблазнами привилегіею козаковъ имѣть въ домахъ своихъ горѣлку хотябы «бариллами и куфами», только-бы не продавать вѣдерками и квартами, многіе изъ кіевскихъ мѣщанъ записывались въ козаки и являлись тогда жесточайшими врагами магистрата и его слугъ. Въ настоящее время трудно даже представить себѣ господствовавшую тогда дикость правовъ и тѣ ужасы и свирѣпства, какими сопровождалась взаимная столетневая урядниковъ и слугъ магистратскихъ съ козаками. Помѣщенныи г. Андриевскимъ въ его теверешнемъ выпускѣ отрывки дѣлъ этого рода рисуютъ намъ, иногда въ мельчайшихъ чертахъ, будущую жизнь Кіево-Подола и полны сценъ то раздражающаго душу трагизма, то высокого, не поддѣльнаго комизма. Отсылая любопытныхъ читателей къ самой книгѣ, закончимъ обзоръ оной указаніемъ на заключающіеся въ процессѣ кіевскаго магистрата по витейному вопросу съ Кіево-Кирилловскимъ монастыремъ историческія нѣкоторыя свѣдѣнія о земельныхъ владѣніяхъ этого послѣдняго, привилегіяхъ, которыми онъ пользовался, и основаніи его «благовѣрною княгинею, Маріею, внукою св. равноапостольнаго князя Владиміра, дочерью Казиміра, короля польскаго, супругою благовѣрнаго князя кіевскаго Всеволода».

К. Цыбульскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ СЛѢДОВАТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА СТОРОЖЕНКА.

Извѣстный въ свое время нашъ писатель, котораго имя мы сейчасъ назвали, отличался, какъ гласитъ свѣдѣніе о немъ приданіе, большимъ искусствомъ въ раскрытіи самыхъ трудныхъ слѣдственныхъ казусовъ. Въ этомъ помогали ему, конечно, глубокое знаніе народной жизни, тонкій психическій анализъ и мягкая завлекательная рѣчь, которую мы наблюдаемъ въ его литературныхъ произведеніяхъ. Онъ не былъ слѣдователемъ по профессіи, но къ его таланту обращались въ случаяхъ затруднительныхъ и особенно важныхъ. Вотъ два такихъ случая, разсказанные намъ близкимъ въ покойному Алексѣю Петровичу лицомъ и, такъ сказать, съ его словъ.

I.

Императоръ Николай Павловичъ посѣтивъ Кіевъ въ 1839 г., ѣхалъ однажды въ открытомъ экипажѣ по житомирскому тракту. Осматривая прилежавшую къ тракту мѣстность, государь обратилъ вниманіе на человѣка, лежавшаго у одной хаты, стоявшей особнякомъ, недалеко отъ с. Борцаговки, завернувшись съ головой въ свитку.

— «Что это, пьяный?» спросилъ государь.— «Пойдите, посмотрите!» обратился онъ къ свитѣ, приказавъ кучеру остановиться.

Нѣсколько человѣкъ изъ свиты подошли къ лежавшему и, приподнявъ свитку, къ ужасу своему увидѣли предъ собой трупъ старика-крестьянина съ пробитой тупымъ орудіемъ головой.

Государь видимо былъ взволнованъ такой находкой и, обратясь къ сидѣвшему съ нимъ рядомъ генераль-губернатору Д. Г. Бибикову, произвель: «чтобы мнѣ было открыто это преступленіе. Назначить особаго слѣдователя и докладывать мнѣ о ходѣ слѣдствія».

Посылались одно за другимъ предписанія полиціи принять немедленно мѣры къ поимкѣ преступниковъ. Исправникъ, стационные обнаружилъ необычайную эвергію, но всѣ ихъ усилія не привели ни къ чему. Прошелъ значительный промежутокъ времени, а слѣдствіе не подвинулось ни на шагъ, и всѣ думали, что преступники не будутъ найдены.

Въ это время при Бибиковѣ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій Алексѣй Петровичъ Стороженко. Бибиковъ зналъ его слѣдовательскія способности и приказалъ ему спеціально заняться разслѣдованіемъ этого загадочнаго преступленія.

Алексѣй Петровичъ отправился въ Борцаговку, навелъ справки о личности убитаго и узналъ слѣдующее: убитый старикъ-крестьянинъ жилъ въ той самой хатѣ, около которой лежалъ его трупъ во время проѣзда государя. Онъ былъ вдовъ, дѣти поумирали, осталась одна внучка, дѣвочка лѣтъ десяти, которая и жила при немъ. Старикъ былъ трезваго поведенія, занимался успѣшно хозяйствомъ, такъ что скопилъ нѣсколько денегъ, которыя и хранилъ въ «скрипѣ» подъ холстомъ и разною одѣжой.

Изъ разсказа оставшейся въ живыхъ внучки была выяснена обстановка преступленія.

Когда дѣдъ съ внучкой, «повечерявши» нѣсколько позже обыкновеннаго, погасили «свѣтло» и собрались ложиться спать, кто-то постучался въ окно и громко крикнулъ: «одчинить! та пшвидче!». Пока старикъ слѣзъ съ печи, стукъ повторился и стучавшій выразилъ свое нетерпѣніе словами: «чи довго мени тутъ стояти?» Старикъ опросилъ стучавшаго: кто тамъ, чего тобі треба?— «Свій; дуже треба; одчинить мерціи!»—былъ отвѣтъ съ-на-двору. Старикъ прошелъ въ сѣни, дѣвочка закуталась въ рядно и со страхомъ прислушивалась. Стукнула задвижка, дверь рипнула, затѣмъ раздался какой-то неопредѣленный шумъ... хрипѣніе и что-то тяжело рухнуло на землю. Дѣвочка въ ужасѣ забила въ уголокъ и не шелохнется. Изъ сѣней доносилось еще нѣсколько минутъ шуршапье, затѣмъ дверь въ хату отворилась и вошелъ какой-то чело-

вѣтъ, подошелъ къ «скрипѣ», одбилъ замокъ, выложилъ одѣжу, холсты, взялъ «гаманецъ» съ деньгами, положилъ въ карманъ и вышелъ. Дѣвочка въ оцѣнѣнiи просидѣла до утра и только за нѣсколько минутъ до проѣзда государя рѣшилась слѣзть съ печи, чтобы узнать, что случилось и куда дѣвался ея дѣдъ. Увидѣвши въ сѣняхъ лужу крови и лежавшiй около хаты трупъ дѣда, она въ ужасѣ бросилась опрометью бѣжать къ селу.

Таковы были первая добытая Алексѣемъ Петровичемъ свѣдѣнiя о подробностяхъ совершеннаго злодѣяства. Болѣе никто ничего не зналъ, не было ни какихъ слѣдовъ, куда скрылся преступникъ. Только нѣкоторые изъ крестьянъ высказывали подозрѣнiе на солдатъ стоявшей въ с. Борцаговкѣ роты пѣхотнаго полка, основанное лишь на томъ, что нѣкоторые изъ солдатъ были замѣчены въ кражѣ сѣна, птицы и т. п.

Алексѣй Петровичъ, рѣшительно не зная, съ чего начать слѣдствiе, ухватился за слова крестьянъ, неспросивъ у высшаго начальства разрѣшенiе на допросъ солдатъ и предъявивъ оное ротному командиру, добавилъ, что онъ желаетъ допросить всю роту до послѣдняго человѣка. Въ назначенный для этого день Алексѣй Петровичъ сѣлъ у дверей занимаемой имъ хаты такъ, чтобы самому находиться въ тѣни, а чтобы всякiй подошедшiй къ нему былъ хорошо освѣщенъ, и приказалъ солдатамъ подходить къ нему поодиночкѣ и смотрѣть ему прямо въ лицо. Алексѣй Петровичъ пристально сталъ смотрѣть на каждаго изъ проходившихъ мимо него солдатъ и ему повзало, что у шести изъ нихъ промелькнула въ глазахъ тѣнь безпокойства и что лица ихъ поблѣднѣли. Къ этимъ шести онъ приказалъ приставить караулъ, объявивъ, что вторично ихъ допросить.

На другой день вечеромъ, въ такую именно пору, въ какую совершенно было преступленiе, Алексѣй Петровичъ велѣлъ дѣвочкѣ сѣсть въ тотъ самый уголокъ на печи, въ который она забилась въ фатальный вечеръ, самъ расположился въ хатѣ въ роли убитаго старика, арестованныхъ-же солдатъ велѣлъ по очередно подводить къ хатѣ, при чемъ каждый изъ нихъ долженъ былъ стучать въ окно и повторять своимъ обыкновеннымъ голосомъ слова, которыя по разсказу дѣвочки, произносилъ въ свое время неизвѣстный преступникъ. Солдаты подводимы были шесть разъ и всегда въ раз-

личномъ порядкѣ, по каждый разъ дѣвочка указывала на одинъ и тотъ-же знакомый голосъ. Этого было довольно для пропитательнаго слѣдвателя, и солдатъ, на голосъ котораго указывала дѣвочка, былъ арестованъ и заключенъ подъ стражу.

Алексѣй Петровичъ павелъ справки о поведеніи арестанта. Оказалось, что онъ былъ на замѣчаніи у начальства:—часто попадался въ кражахъ, пьянствовалъ, но въ тотъ вечеръ, въ который совершенно преступленіе, находился подъ арестомъ за буйство въ пьяномъ видѣ и несвоевременную отлучку изъ казармы. Пойманная нить, казалось, оборвалась; но Алексѣй Петровичъ не смутился этимъ. Онъ спросилъ, кто были тогда часовыми; оказалось, что это были именно тѣ солдаты, которые теперь арестованы по подозрѣнію. Алексѣй Петровичъ потребовалъ ихъ къ себѣ и обратился къ нимъ съ такими словами: «вы знаете, какая кара грозитъ часовымъ, если они хотя на одну минуту отпустятъ арестанта. Если обнаружится, что вы виновны въ этомъ, вамъ не будетъ пощады. Сознайтесь лучше по чистой совѣсти, я обещаю ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о вашемъ помилованіи». Солдаты съ плачемъ упали къ ногамъ Алексѣя Петровича и повинились въ слѣдующемъ: было уже поздно, арестованный истрезвился и все молчалъ, потомъ вдругъ подошелъ къ нимъ и сталъ проситься: «пустите меня на минутку, я перемигну сорочку, а то на мнѣ ужь очень грязная». Долго они не соглашались, наконецъ уступили предъ его усиленными просьбами и, дѣйствительно, лебольше какъ чрезъ полъ-часа, онъ вернулся обратно въ чистой сорочкѣ и снова погрузился въ молчаніе до самаго окончанія срока, на который былъ посаженъ подъ арестъ. Караульные также не отзывались къ нему и ничто въ немъ не обратило ихъ особеннаго вниманія.

Имѣя въ рукахъ такія явные улики, Алексѣй Петровичъ приказалъ привести арестанта и, пристально смотря ему въ глаза, сказалъ: «знаю, ты убилъ старика, чтобы воспользоваться его деньгами. Сознвайся, можетъ быть, этимъ смягчишь грозящую тебѣ кару».

Арестантъ вздрогнулъ и тутъ-же повинился во всемъ.

II.

Въ Боровичскомъ уѣздѣ повгородской губерніи владѣлъ нѣсколькими имѣніями извѣстный богачъ графъ Мушинъ-Пушкинъ.

Онъ проживалъ большею частью въ Петербургѣ, но часто наѣзжалъ и въ свои деревни. Такъ какъ Мусинъ-Пушкинъ бралъ постоянно казенные подряды, то ему пужло было имѣть всегда въ своемъ распоряженіи значительныя денежныя суммы. Въ одномъ изъ его имѣній въ боровичскомъ уѣздѣ, въ которомъ онъ найдолѣе проживалъ, хранился большой, окованный желѣзомъ сундукъ, а въ немъ постоянно лежало нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Зимою 1853 г., когда Мусинъ-Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ, управляющій его главнаго имѣнія извѣщаетъ его, что, войдя по обыкновенію въ домъ, чтобы осмотрѣть, все-ли въ порядкѣ, онъ прошелъ и въ ту комнату, въ которой стоялъ сундукъ съ деньгами, и къ ужасу своему увидѣлъ, что сундукъ исчезъ. При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что одно окно отворено и подъ окномъ исподтанъ слѣтъ, но слѣды ступней двухъ челоувѣкъ можно было различать дотолѣ, пока воры не вышли на дорогу. Управляющій далъ знать полиціи, немедленно наряжено было слѣдствіе и временное слѣдственное отдѣленіе пріѣхало уже въ имѣніе. Но графъ, получивъ извѣщеніе о покражѣ 250 т. и мало надѣясь на мѣстную полицію, поспѣшилъ къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибикову съ просьбой принять особыя мѣры къ отысканію преступника и похищеннаго денегъ.

При Бибиковѣ и въ ту пору состоялъ Алексѣй Петровичъ, котораго дарованія онъ высоко цѣнилъ. Чтобы помочь графу въ случившейся бѣдѣ, Дмитрій Гавриловичъ по обстоятельствамъ дѣла не могъ найти болѣе подходящаго слѣдователя, какъ извѣстнаго ему давно Алексѣя Петровича. Онъ велѣлъ ему немедленно ѣхать въ боровичскій уѣздъ и энергично приняться за слѣдствіе.

Пріѣхавъ на мѣсто, Алексѣй Петровичъ прежде всего обстоятельно распросилъ управляющаго о прежде бывшихъ у графа слугахъ и находившихся тогда на лицѣ. Оказалось, что недѣли за двѣ до совершенія преступления былъ разсчитанъ за грубость вольнонаемный слуга Федоръ Ивановъ, исполнявшій должность лакея, и что послѣ того, какъ онъ былъ разсчитанъ, никто не встрѣчалъ его болѣе въ тѣхъ мѣстахъ.

Получивъ это свидѣніе, Алексѣй Петровичъ какъ-бы вовсе забылъ о возложенномъ на него важномъ порученіи: равнодушно бродилъ по деревнѣ, толковалъ съ прохожими и проѣзжими, какова

земля, урожай, чѣмъ люди занимаются и живутъ, какъ сколачиваютъ деньги, куда ходятъ или ѣздятъ на заработки. Изъ разспросовъ оны узналъ, что земля плоха, урожай скудные, что кормятся люди отъ рѣкъ, что по берегамъ ихъ много рабочаго люду—рыболововъ, бурлаковъ и пр., что въ сосѣднихъ уѣздахъ повгородской губерніи и другихъ, прилежащихъ къ ней, толкалась бездомовная голь изъ мѣстъ отдаленныхъ, болышею частью «слѣпенькіе». Ориентировавшись этимъ путемъ въ мѣстности совершенно неизвѣстной, Алексѣй Петровичъ подобралъ десятка два мѣстныхъ крестьянъ, которыхъ успѣлъ узнать, пригласилъ исправника, становыхъ и всѣ вмѣстѣ отправились въ с. Окуловку, очень населенное и въ особенности изобиловавшее всякаго рода подозрительнымъ людомъ.

Нагрянувъ нежданно сюда и подкативъ къ одному изъ кабаковъ, гдѣ наиболѣе толнилось всякаго зброду, Алексѣй Петровичъ велѣлъ быстро окружить галдѣвшую толпу и войдя въ ея средину, повелъ къ незнакомцамъ такую рѣчь:

— Ну, ребята! вынимай паспорта.

— Какіе паспорта! Гдѣ намъ ихъ взять? смущенно загудѣла толпа, види предъ собой начальство, а вокругъ десятскихъ, попятыхъ.

— Знаю, знаю, продолжалъ Алексѣй Петровичъ, всѣ вы безъ паспортовъ, съ вами расправа скорая, какъ съ бродягами; но скажите мнѣ, милые люди, не былъ-ли тутъ недавно одинъ человекъ, Осдоръ Ивановъ, служившій у гр. Мушца-Пушчина, и если былъ, то куда пошелъ? Говорите правду, а то я васъ всѣхъ прикажу перепоротъ и запроторю въ Сибирь.

Нѣсколько человекъ выступили изъ толпы и объявили, что видѣли этого человека, что онъ былъ въ Окуловѣ недѣли три тому назадъ и хотѣлъ итти въ Вышній Волочокъ, гдѣ у него есть любовница, крестьянка Анна Петрова, живущая за городомъ у лѣса.

Три недѣли прошло и со времени совершения кражи. Очевидно, что Осдоръ, обдѣлавши успѣшно свое дѣло, посчѣпиль уйти куда нибудь подальше, чтобы невольно не выдать себя. Сообразивши все это, Алексѣй Петровичъ распустилъ задержанныхъ бродягъ, послалъ нѣсколькихъ вѣрныхъ людей по дорогамъ къ Вышнему Волочку и телеграфировалъ тверскому губернатору, чтобы немедленно по полученіи его телеграммы были посланы въ Вышній Волочокъ

опытные жандармы—схватить находящагося у крестьянки Анны Петровой преступника.

Люди, посланные Алексѣемъ Петровичемъ, скоро начали по слѣды вора: трактирники проговорились, что подѣли три тому назадъ шель по направлею къ Вышнему Волочку какой-то человѣкъ, который за все, что ни спрашивалъ у нихъ, расплачивался серіями и, когда они выражали по этому поводу свое удивленіе, хвастался, что у него денегъ куры не клюютъ. Очевидно, это былъ Федоръ Ивановъ.

Жандармы, прибывши въ Вышній Волочекъ, разыскали избу Петровой и въ первый-же вечеръ окружили ее. Подойдя къ избѣ, они увидѣли слѣдующую картину: у стола на лавѣ сидѣли молодые мужчина и женщина, на столѣ была разостлана поддевка, съ отпоротой подкладкой, мужчина бралъ съ лавы книги депозитокъ и серій, женщина раскладывала ихъ подъ подкладку и постепенно зашивала. Двери были тотчасъ-же, конечно, выломаны, обоимъ немедленно арестованы и отправлены подъ стражей въ Озуловку.

Федоръ сознался въ совершеніи кражи, но этого было мало: при немъ денегъ найдено было всего пять тысячъ, нужно было допытаться, гдѣ спрятаны остальные. Арестантъ упорно молчалъ, Алексѣй Петровичъ придумалъ способъ развизать ему языкъ. Онъ велѣлъ вечеромъ привести его къ себѣ и повелъ съ нимъ длинную задушевную рѣчь: съ участіемъ спрашивалъ о прежней жизни преступника, его семьи и родныхъ, рассказывалъ самъ разные подходящіе къ разговору случаи изъ жизни бѣднаго люда, толковалъ о томъ, какъ трудно пробиться въ жизни бѣдному человѣку и какъ перѣдко попадетъ онъ въ бѣду, въ искушеніе, самъ того не желая и не соображая. Свѣдѣній такого рода у Алексѣя Петровича былъ огромный запасъ, говорилъ онъ живо, увлекательно, сердечно. Слѣдователь въ его лицѣ на эту пору совсѣмъ закрылся, предъ Федоромъ Ивановымъ сидѣлъ умный, рѣчистый, бывалый, душевный человѣкъ. Между тѣмъ подали самоваръ. Алексѣй Петровичъ налилъ арестанту чаю, а скоро прибавилъ ему и себѣ рому. Федоръ заслушался, Алексѣй Петровичъ продолжалъ говорить и все больше и больше подливалъ въ стаканъ своего собесѣдника рому. Тотъ разогрѣлся, оживился и самъ заговорилъ. Видя, что онъ разблажился и готовъ идти на откровенность, Алексѣй Петровичъ вос-

пользовался удобнымъ моментомъ и сказалъ ему прямо въ упоръ: «знаешь что, братъ, все равно ужъ попался—наказаніе будетъ одинаковое, что за кражу пяти тысячъ, что за кражу двухсотъ пятидесяти тысячъ—скажи-ка, гдѣ ты спряталъ сундукъ съ деньгами?» — «Эхъ, баряяъ, баришь, никому не сказалъ-бы, отвѣчалъ подлившій Федоръ, но ужъ вы мнѣ больно по сердцу прикились. Вотъ вамъ—подъ Окуловкой есть лѣсъ, на опушкѣ стоятъ три старыя ели, между ними закопанъ сундукъ, сверху, чтобы не было замѣтно свѣжей земли, прикрыто мхомъ. Тамъ всѣ деньги, кромѣ семи тысячъ, изъ которыхъ пять здѣсь па лицо, а двѣ протратилъ».

Дѣйствительно, все было такъ, какъ говорилъ арестантъ; деньги были найдены и доставлены Мусину-Пушкину. Анна Петрова оказалась соучастницей въ преступленіи.

Мусинъ-Пушкинъ не зналъ, какъ благодарить Алексѣя Петровича, и предложилъ ему въ вознагражденіе за попесенные труды десять тысячъ; но Алексѣй Петровичъ отказался отъ такого крупнаго гонорара, возвративъ себѣ только расходы по слѣдствію. «Раскрыть преступленіе, говорилъ онъ, доставляетъ мнѣ величайшее наслажденіе; этимъ я и бываю вполне вознагражденъ за свои труды».

Н. Стороженно.

ИЗЪ ДѢЛЪ ОБЪ ОСКОРВЛЕНІИ ГЕТМАНСКОЙ ЧЕСТИ.

Въ рукахъ моихъ находятся три дѣла, относящіяся къ послѣднимъ годамъ гетманщины, объ оскорбленіи гетманской чести «дерзновенными словами»¹⁾. Дѣла эти, несомнѣнно, являются характерными для своего времени. Надо думать, что эти случайно попавшіяся мнѣ три дѣла—лишь капля въ морѣ того клеветничества, которымъ отличалось повонародившееся «благородное мало-

¹⁾ 1754 г. Дѣло генеральной войсковой канцеляріи по доносу асаула польковаго переяславскаго Пилипенка на асаула того полку Луцисевича о сказываніи имъ дерзновенныхъ словъ.

1757 г. Дѣло полковой кievской канцеляріи по письму войскового товарища и управителя дому Адамовскаго Семенова Нустоты о произнесенныхъ с. Козари жи-

россійское шляхетство». Быть можетъ и описаніе этой капли пригодится для картины нашей старины.

Въ 1754 году въ Переяславѣ судились «за грунта» два полковые асаула: Михайлъ Лукашевичъ и Яковъ Пилипенко. Въ присутствіи полковой канцеляріи первый изъ нихъ «дерзновеннымъ словомъ» задѣлъ честь гетмана, о чемъ второй не замедлилъ донести сначала полковнику, а затѣмъ и въ войсковую генеральную канцелярію. «Дерзновеніе» состояло въ указаніи, сдѣланномъ, собственно говоря, весьма кстати, на происхождение гетмана изъ простыхъ и бѣдныхъ козаковъ. Когда Пилипенко, указывая на незнатность происхожденія и бѣдность Лукашевича, сказалъ, что «онъ Пилипенко вѣдалъ отца Лукашевичеваго еще въ одѣвіи копверистомъ», то Лукашевичъ отвѣчалъ на это: «спитай ясновельможного, чи давно, якъ ходилъ»... Вотъ это и были «дерзновенныя слова». Два свидѣтеля передали эти слова Лукашевича въ такой редакціи: «не диковинка де то, что изъ убогихъ людей выслужилъ себѣ шляхетство: поиди де, спросишь его ясновельможности». Самъ-же Лукашевичъ, когда подвергнутъ былъ формальному допросу, показалъ, что когда Пилипенко укорилъ его, будто онъ «получилъ чинъ асаульства полковаго «валентировавши», то онъ на это «выговорилъ сіи слова: поиди, спитай ясновельможного; и тое сказалъ не въ иномъ какомъ разумѣ, но токмо къ сему, что де пожалованъ онъ не зъ валентировъ, но за службы и по достоинству къ тому чину; сего жъ въ тѣ пори не успѣлъ объяснить за тѣмъ, что вскорѣ Пилипенко учалъ протестовать о своемъ доносѣ».

Войсковая генеральная канцелярія, «не могучи по тому дѣлу учинить рѣшенія», представила оное на усмотрѣніе самаго графа Разумовскаго: «ежели не соизволено будетъ назначить оному Лукашевичу присяги, что точно въ томъ, а не въ другомъ разумѣ онъ говорилъ выше выраженныя рѣчи, то какъ инако по сему дѣлу поступить». Очевидно, генеральная канцелярія не видѣла въ сви-

телея Ст. Домоповичемъ високой изъ високо графскихъ сіятельствъ господъ Разумовскихъ чести рѣчать предителннхъ.

1764 г. Дѣло войсковой генеральной канцелярія по репорту полковой кіевской канцеляріи о наказаніи носовскаго козака Буцона за дерззоствіи слова протвѣвъ умершей графини Ш. Д. Разумовской.

дѣтельскихъ показаніяхъ рѣшительнаго обвиненія Лукашевича; гетманъ-же эти показанія считалъ достаточными и, запретивъ давать Лукашевичу присягу, предложилъ генеральной канцеляріи «учинить окончаніе дѣла по указамъ и правамъ и представить съ мнѣніемъ, чему виновный за то подлежать долженъ».

Неизвѣстно, по какимъ «указамъ и правамъ», по генеральная канцелярія рѣшила дѣло такъ: «асауза полкового переяславскаго Лукашевича за произнесенные дерзновенные слова, толь еще паче, что въ судебномъ мѣстѣ, гдѣ дѣла его императорскаго величества отправляются, въ произнесеніи яв. хъ онъ чрезъ свидѣтельство трехъ персонъ обличился, *лишить чина и чести вовсе и особливо денежно оштрафовать, влиская съ нѣю сто фунтовъ чистаго золота*».

Между тѣмъ Лукашевичъ, уже шестой мѣсяць содержавшійся подъ арестомъ въ Глуховѣ, подалъ графу Разумовскому слезное прошеніе, въ которомъ просилъ освободить его по крайней мѣрѣ «ради нынѣшняго высочайшаго торжества рожденія его императорскаго высочества великаго князя Павла Петровича».

Графъ Разумовскій на докладъ войсковой генеральной канцеляріи положилъ такую резолюцію: «хотя опытъ Лукашевичъ за его дерзвость къ наказанію и штрафу присуждается достойно, однако мы склонность больше къ отпущенію вины надшимъ въ погрѣшность и въ повышненіе приходящимъ имѣя, нежели ко оштрафованію, а притомъ находясь въ разсужденіи, что опытъ Лукашевичъ держится уже нѣсколько времени подъ карауломъ, навѣнцше-же, что отъ ноября 1-го дня, въ который въ Глуховѣ при молебственномъ пѣніи публикованъ экземпляръ высочайшаго именнаго его императорскаго величества указа о благополучномъ разрушеніи ся императорскаго высочества отъ именнаго бремени, поднесъ тамо въ Глуховѣ на имя наше прошеніе о прощеніи той его вины, то въ виду его вины и положенный на него штрафъ оставляемъ и предлагаемъ генеральной войсковой канцеляріи оного Лукашевича, освобождая изъ-подъ караулу, отпустить въ полкъ и въ домъ его, внушивъ какъ ему, такъ и асаузу *Илиинску* впредь воздерживаться отъ непристойныхъ словъ, въ чемъ обоимъ обавязать подписавши».

Въ 1757 году служившій на мельницѣ графа Разумовскаго «мѣрочникомъ» Максимъ Белмакъ, поссорившись съ одновельча-

нипомъ своимъ козакомъ Домонтовичемъ, обвинилъ его въ оскорбленіи чести «ихъ высокографскихъ сіятельствъ», о чемъ и подавъ доносъ «приказчику дому ея сіятельства г-жи Разузовской» графу Бѣлопольскому. Въ доносѣ этомъ Белмасъ писалъ, что когда онъ, на вопросъ Домонтовича, назвалъ себя графскимъ мѣрочникомъ, то «онъ Домонтовичъ безъ всякихъ прекословій началъ говорить при людяхъ, тамо будущихъ, тое, что были де господя Вейбахъ и фелтмаршаль, да побралъ ихъ чортъ, то и сихъ побереть Разузовскихъ; въ то время заспорилъ и пикайшій за ихъ сіятельскую честь, сталъ говорить: браши и бій мене, а господской чести такими нешотребными речами не понось».

«Управитель дому» Разузовскихъ, войсковою товарищъ Семенъ Пустота, когда представленъ былъ ему этотъ доносъ, своею властію произвелъ слѣдствіе, самъ записалъ показанія свидѣтелей и отиравилъ все это къ полковнику кіевскому Дарагану, прося его «поступить съ нимъ лгательемъ въ силѣ указовъ, дабы мнѣ и прочимъ за то подъ отвѣтомъ не быть».

Показанія записаны были въ одной и той-же формѣ: показали де такой-то «подъ совѣстію, что Домонтовичъ честь графскую ругалъ и къ черту посылалъ, въ томъ саморучно написалъ святой крестъ». Кресты, дѣйствительно, стоятъ подъ всѣми четырьмя показаніямъ.

Но полковая старшина не удовольствовалась такимъ «партикулярнымъ» слѣдствіемъ и произвела повое, къ которому доставленъ былъ въ полковую канцелярію обвиняемый Домонтовичъ, давно уже содержавшійся подъ карауломъ. Изъ даннаго имъ здѣсь показанія оказывалось, что ругалъ онъ не графа, а самого Белмаса, который взымалъ съ козарскихъ жителей лишніе поборы за помощь: «ты тотъ мѣрочникъ, говорилъ онъ Белмасу, что отъ всякого четверика берешь по копейки денегъ трикалю, кромѣ надлежащаго въ мѣль кошна; прежде сего тамоншими козарскими мельницами владѣли господя Вейбахъ и Минихъ, которіе нивѣ досталися во владѣніе его сіятельству; были и тогда мѣрочники такіи, какъ и ты, кои обижали, да побралъ ихъ дѣдко, то и тебе озметъ».

Не смотря на завышенный Домонтовичемъ отводъ свидѣтелей, выставленныхъ Белмасомъ, они были приведены къ присягѣ и три человѣка согласно показали, что во время ссоры Домонтовича съ

Белмасомъ, когда они «разными словами бранились за взимаемій онимъ Белмасомъ тринкаль отъ жѣрочки по копѣйки», то Домоптовичъ дѣйствительно сказалъ такъ: «были Вейсбахъ и Мипихъ, да побралъ ихъ чортъ, то и сѣмъ достанется, поздоровъ Боже моего Евфима, г. полковника кievского»... Полковая канцелярiя порѣшила, «какъ самого его Домоптовича подъ карауломъ, такъ и произведенное объ немъ все подлинное дѣло подъ высокое разсмотрѣнiе отправить прямо изъ Глуховъ къ его ясновельможности высокоповелительному г. гетману».

Къ сожалѣнiю, изъ дѣла не видно, какой результатъ имѣло это «разсмотрѣнiе»; но надо думать, что Домоптовичъ не избѣгъ наказанiя.

Весьма чувствительному наказанiю подвергся напр. въ 1764 году козакъ Буцоль за такое-же оскорбленiе чести «покойной матушки» гетмана.

Приказчикъ м. Носовки, маестности графини Разумовской, войсковой товарищъ Самойловскiй донесъ сотенному правленiю, что козакъ Буцоль, когда отбирали отъ него, по рѣшенiю комисiи, грунты во владѣнiе Разумовской, «бранилъ ея сiятельство матерно, говоря: нехай де свои забирають и отдають коморы, а не его Буцола». Это было въ 1760 году, но такъ какъ въ сотенномъ правленiи производилось «судное вожденiе съ крайнимъ медленiемъ», то дѣло это рѣшено было только въ концѣ 1763 года, благодаря посланнымъ изъ полковой канцелярiи особымъ слѣдователямъ. Приходилось въ этомъ дѣлѣ полагаться лишь на присягу самого Буцола, но онъ на то время не явился, изъ чего, заключили слѣдователи, ясно доказывается, что Буцоль, чувствуя свою виновность, той присяги выконать не похотѣлъ». Войсковая генеральная канцелярiя, получивъ донесенiе объ этомъ дѣлѣ въ февралѣ 1764 г., предписала «въ страхъ другимъ учинить наказанiе безпоблажно», каковое «публичное и безпоблажное наказанiе» и было исполнено въ полковой кievской канцелярiи, куда для присутствiя при наказанiи приглашался и войтъ м. Носовки и приказчикъ Самойловскiй.

Старшина малороссiйская, подобнымъ образомъ оберегавшая честь гетмана отъ «дерзновенныхъ словъ», весьма строго относилась и къ словамъ противъ «паповъ» урядниковъ. Такъ имѣющiйся у меня отрывокъ дѣла переяславской полковой канцелярiи

1751 года представляет любопытное обвиненіе одной козачки, которая, сопротивляясь исполненію указа полковой канцеляріи, присуждавшаго отобрать отъ нея винокурню, «съ сокирою» въ рукахъ стояла на дверяхъ и кричала, что «то брехня, а не указъ, *чортъ его даль, а не паны*, и она того указу не слушаетъ, а атаманъ ежели наатамановався, то ишовъ-бы въ тую винокурню умазаннихъ тамо казановъ выкидать, ибо она хотя сама душею поляжетъ, а казановъ своихъ съ той спорной винокурни выбросать не допустить».

Полковникъ Сулима, предписавши содержать означенную козачку подъ карауломъ, счесть нужнымъ донести о «непотребныхъ рѣчахъ ея» въ военную генеральную канцелярію, откуда и получилась была такая резолюція: «ежели подлинно отъ оной Стеценковой непристойніе рѣчи говорены, то оную въ страхъ другимъ наказать плетми». Но *подлинно-ли* говорила она такія именно слова, за которыя собственно и преслѣдовалась, слѣдствіе убѣдить не могло и козачка была отпущена на «добрые поруки»; но чѣмъ дѣло кончилось и миновали-ли ее плети—неизвѣстно.

Ал. Андр.

ЛЮБОПЫТНЫЙ СБОРНИКЪ ДОКУМЕНТОВЪ ВЪ ГАДЯЧѢ.

Кому неизвѣстно, что письменные памятники нашей исторіи, наполнявшіе когда-то цѣлыя архивы и пригодившіеся-бы теперь для уясненія того или иного вопроса прошлой жизни, въ громадномъ числѣ давно уже исчезли, или продолжаютъ быстро исчезать, благодаря невѣжеству однихъ, равнодушію другихъ. Подобная судьба постигаетъ и частныя, фамильные архивы и развѣ случайнымъ образомъ гдѣ либо въ захолустной глуши уцѣлѣла одна-другая связка старыхъ документовъ, или какой нибудь старинный сборникъ.

Въ одномъ изъ нашихъ захолустій, именно въ Гадячѣ (полтавской губерніи), пришлось мнѣ случайно найти любопытный старинный сборникъ, съ которымъ хочу познакомить читателей «Кіевской Старины». Но прежде нѣсколько словъ о прошломъ Гадяча и судьбѣ его архивныхъ памятниковъ.

Въ гетманство Богдана Хмельницкаго, гадячскій повітъ былъ причисленъ къ полтавскому полку, и составлялъ собою староство (волость), находившееся при гетманской булавъѣ.

Но уже съ 1661 года, въ гетманство Юрія Хмельницкаго, гадячская волость дѣлается особымъ полкомъ, отдѣльнымъ отъ полтавскаго¹⁾. Въ теченіи всего гетманскаго періода (1648—1764 г.). Гадичъ выступаетъ то пунктомъ частныхъ военныхъ столкновеній, то пунктомъ знаменитаго федеративнаго договора Вытовскаго съ Польшей, то мѣстопробываніемъ того или иного гетмана.

Былъ въ Гадячѣ и полковой архивъ, хранившійся, но уничтоженіи полка, при городской ратушѣ. О количествѣ находившихся въ немъ дѣлъ можно судить по тому, что когда въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія ратуша переходила на новую квартиру, то для перевозки ея архива, какъ передавала мнѣ бывшая владѣлица новаго помѣщенія ратуши, потребовалось до 15-ти воловыхъ подводъ. Перевезенный тогда архивъ былъ помѣщенъ подъ крышами амбаровъ. Отсюда-то и началось тасканіе разныхъ документовъ: таскали ихъ въ лавки для завертки товаровъ, таскали на растопку печей, таскали къ переплетчикамъ. Мнѣ пришлось видѣть въ мѣстной библиотекѣ переплетъ, сдѣланный песомѣрно изъ документовъ полковаго архива, заключавшихъ въ себѣ, насколько можно было разобрать, цифры отпущенныхъ полковой канцеляріей въ сотни разныхъ приказовъ: муки, крупы, пороху и пр.

Такъ и исчезъ бесслѣдно огромный гадячскій полковой архивъ.

Побывавъ въ мѣстномъ Успенскомъ соборѣ, я нашелъ здѣсь сборникъ рукописныхъ матеріаловъ, относящихся къ первой половинѣ XVIII вѣка²⁾. Сборникъ переплетенъ въ кожаный переплетъ, сильно ипрочемъ попорченный. Въ началѣ сборника находится

1) Сочиненія Максимовича, т. I, стр. 728.

2) Этотъ сборникъ перенесенъ въ мѣстный соборъ, по всей вѣроятности, изъ бывшей въ Гадячѣ Богоявленской церкви, выстроенной гетманомъ Брюховецкимъ и послужившей послѣ мѣстомъ для его погребенія (Соловьевъ, т. 12, стр. 36). По крайней мѣрѣ, при томъ-же соборѣ имѣется образъ Матери Божіей, колоколь и другія вещи, перенесенныя изъ Богоявленской церкви. Сохранилось мѣстное преданіе, что, при вскрытіи могилы Брюховецкаго, для перевозки остатковъ его въ м. Лютецьку, самый гробъ былъ найденъ висѣщимъ на толстыхъ же-

опись документовъ, первые два листа которой уничтожены. Всѣхъ документовъ около 400. Изъ которыхъ изъ нихъ попорчены (проѣдены), а другіе и совсѣмъ вырваны; такихъ впрочемъ очень не много. Древнѣйшіе по времени документы относятся къ 1708 и 1709. Документы эти слѣдующіе:

1) Указы высокомогарніе о змѣнѣ Мазепы, съ королевемъ шведскимъ согласившагося.

2) Продолженіе журнала, бывшаго подъ Переволочною отъ князя Мещникова: о вѣзю въ полкъ шведскаго войска со всѣми ихъ прашасами военными.

3) О измѣннику Мазепѣ и запорожскомъ кошевому, Гордѣенкѣ, измѣннику-жъ; и о протчихъ запорожскихъ измѣнникахъ.

Затѣмъ въ сборникѣ слѣдуетъ пропускъ до 1729—30 года. Изъ документовъ этихъ годовъ мнѣ въ особенности заинтересовали тѣ, которые относятся къ характеристикѣ семейной жизни козачества лѣвобережной Украины въ первой половинѣ XVIII вѣка. Это 1) указъ изъ св. синода о прелюбодѣяхъ и прелюбодѣйцахъ (1729 года); 2) о хоружемъ пѣжнскомъ Величковскомъ, который законную жену свою оставилъ, съ другою живетъ (1729 года); 3) указъ пастырскій о Величковскомъ и Дудченкѣ, коимъ они, если не покаются, предаются проклятію (1730 года) и 4) о разрѣшеніи отъ клятвы хоружаго пѣжнскаго Величковскаго.

Названные документы, въ связи съ другими однородными, въ томъ-же сборникѣ заключающимися и мною просмотрѣнными документами, приводятъ къ заключенію, что неудачная семейная жизнь и сопряженныя съ нею разрывы браковъ были явленіями заурядными въ ту пору среди козачества лѣвобережной Украины. Св. синодъ въ своемъ указѣ архіепископу кievскому Варлааму Вапатовичу предлагаетъ ему обратить особенное вниманіе на разрывы браковъ и на незаконное сожительство служивыхъ людей Малороссіи. Въ указѣ по дѣлу Величковскаго прямо говорится: «въ епархіи вашего преосвященства много обрѣтается таковыхъ служивыхъ людей, которые держатъ, оставивши первую или другую законную свою жену, другую незаконно къ себѣ принимать». И тотъ-же указъ выясняетъ и причину. «такая побуждательная причина»

оставлять законныхъ жень, когда говоритъ: «также и другіе (кромя Величковскаго), съ *четверолюбіилю походу* пришедши, просить на жень своихъ, въ прелюбодѣяніе впавшихъ и незаконно родившихъ, допустить ихъ другихъ понять». А Величковскій въ свосемъ доношеніи св. синоду писалъ: что «онъ (Величковскій) де, лѣтъ 16 тому назадъ, понялъ законнымъ бракомъ дѣвицу Ефимію Заруцковцу въ жену. И за отсутствіемъ де его отъ дому, въ частые, по указамъ, войсковіе походы, оная его жена някствовала и жила непостоянно. И въ такомъ де нянствѣ безчинствовала и прелюбодѣйствовала, да еще и въ чародѣйство стала увловатися».

И такъ козаки оставляли законныхъ жень не вслѣдствіе личнаго распутства или стремленія къ разгульной жизни, но въ виду нарушенія ихъ женами супружеской вѣрности въ продолжительное отсутствіе мужей и невозможности возстановить правильное теченіе семейной жизни.

Не смотря на то, высшее духовное начальство, какъ видно изъ перечисленныхъ нами документовъ, строго относилось къ жалобамъ козаковъ, просившихъ развода. Синодъ разсуждалъ, что «ежели мужа то учинять (т. е. получать право развода), то и жена пущеница востребуеть благословенія посягнути законнаго мужа. Также другіе, кромя словеса прелюбодѣйнаго, вознегодовавши законными женами, начнутъ беззаконовать. А жены, кромя всякой вины, возгнушавши мужами своими, тоже начнутъ дѣлать, чтобы беззаконіе ихъ было виною разлученія». А потому, писалъ онъ Варлааму Ванатовичу, «къ разрѣшенію, ваше пресвященство, да не дерзнуть, чтобы о томъ учинить резолюцію». Въ результатъ такого строгаго запрещенія, получались браки «по самовольной волѣ», съ участіемъ впрочемъ «совѣта мірскаго старшины». Но духовная власть расторгала такіе браки, а заключившихъ овые разсылала по монастырямъ, когда-же имъ удавалось ускользнуть изъ заточенія и снова сойтись, отлучала отъ церкви и предавала анафемѣ. Упомянутый уже не разъ хоружій Величковскій въ поданной имъ синоду жалобѣ такъ описываетъ постигшее сю за самовольный бракъ отлученіе: «вслѣно прибить къ церквамъ письменныя объявленія: дабы мене и домашнихъ моихъ плгдѣ въ церкви Божія не пускать. А уже тому пять лѣтъ, какъ мы церковнаго входа и святыхъ таинствъ со веѣмъ домою лишены. И люди

въ домѣ моемъ помирають безъ исповѣданія, и въ землю кладуть ихъ безъ всякаго церковнаго чипопослѣдованія».

Такія данныя семейной жизни козачества XVIII в. въ лѣво-бережной Украинѣ представляютъ документы найденнаго мною сборника. Въ немъ, кромѣ того, есть еще не мало другихъ историческихъ данныхъ, какъ напр. «запрещеніе священникамъ перевязываться рушниками на свадьбахъ и упиваться»; «приказъ объ отсылкѣ дѣтей въ школы»; о бѣгствѣ монаховъ; о бѣгствѣ солдатъ изъ Великороссіи въ Малороссію и наконецъ указъ Петра къ Малороссійскому народу о содержаніи овецъ въ Малороссіи по шленскому обыкновенію. Въ этомъ указѣ приводится обвиненіе на Полуботка и Савича за то, что они, получивъ правила, какъ слѣдуетъ содержать овецъ по шленскому обыкновенію, не объявили ихъ народу малороссійскому: «яко, говоритъ Петръ, недоброжелательные своему отечеству и намъ, не хотѣли видѣть въ дѣйствѣ повелѣнія нашего и оное утаили и шлому тѣхъ не объявили регулъ». Сборникъ заканчивается на 1742 г. Къ этому году относится списокъ ¹⁾ церквей, священниковъ и діаконъ, находившихся въ гадяцкомъ полку. Въ самомъ Гядячѣ было: 10 священниковъ и 3 діакона при 6-ти церквахъ (теперь 5 священниковъ, 1 діаконъ при 5 церквахъ). Въ селахъ было въ 1742 г. 43 священника при 33 церквахъ.

Изъ этого краткаго описанія сборника можно видѣть, что и въ самой захолустной провинціи уцѣлѣли еще кой-гдѣ нѣкоторыя крупицы историческаго матеріала. Подаю о нихъ во всеобщее свѣдѣніе въ той мысли, что въ дѣлѣ исторіи такъ мало разработанной, какъ наша, и такія незначительныя свѣдѣнія пригодятся кому либо въ общей работѣ и что изъ-за большаго не слѣдуетъ пренебрегать малымъ.

Николай Банай.

¹⁾ Списокъ составленъ по случаю присяги императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИМУЩЕСТВѢ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ПРИНЦЯ ФАЛЬКОВСКАГО.

Въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за минувшій годъ помѣщена была мною краткая замѣтка объ оставшемся послѣ смерти коадьютора кіевской митрополіи, преосвященнаго Принца Фальковскаго имуществѣ, наслѣдникомъ котораго были три племянника его, братья Бодянскіе, въ томъ числѣ священникъ Максимъ Бодянский, сынъ извѣстнаго московскаго профессора О. М. Бодянскаго. Въ этой замѣткѣ переданы были мною свѣдѣнія о самомъ имуществѣ и о томъ, какъ производилась и во что обошлась опись онаго. Чѣмъ и когда кончилось дѣло объ этомъ наслѣдствѣ и кому оно досталось, оставалось неизвѣстными.

Нынѣшнюю осенью мнѣ случайно пришлось кунить въ Москвѣ ворохъ разныхъ бумагъ, въ числѣ которыхъ нашлись и такія, изъ коихъ видна дальнѣйшая судьба оставшагося по смерти преосвященнаго Принца имущества.—Какъ и вѣстно, преосвященный Принцъ скончался въ 1823 г., дѣло-же объ оставшемся послѣ него имуществѣ закончено лишь въ 1841 г., слѣдовательно тянулось цѣлыхъ 18 лѣтъ. Когда одинъ изъ наслѣдниковъ, всего менѣе интересовавшійся полученіемъ наслѣдства, именно отецъ профессора Бодянскаго, пожелалъ узнать, въ какомъ положеніи дѣло объ имуществѣ его дяди, то получилъ (вѣроятно въ 40-мъ году) отъ своего повѣреннаго, ильскаго Павла Конзеровскаго такой отвѣтъ: «Вмѣсто того, что вы изволили считать оное въ производствѣ по губернскому правленію, едва удалось найти и вытащить изъ съѣвшея 3-й части города. Губернское правленіе передало дѣло сіе въ уѣздный судъ, для рѣшительнаго опредѣленія о выкупѣ родственниковъ и передачѣ имъ всего имущества и денегъ послѣ умершаго чигиринскаго епископа Принца; но какъ уѣздный судъ встрѣтилъ препятствіе по не назначенію денегъ и денягъ цѣны, то дѣло съ описями отослалъ отъ себя въ кіевскую полицію, съ требованіемъ сдѣлать посредствомъ оценщиковъ оцѣнку гѣмъ деньгамъ и винтамъ и потомъ обратиться въ уѣздный судъ. Для исполненія сего, полиція отпирала все дѣло въ часть, гдѣ оно также около году пролежало, и ничего не дѣлаю, кромѣ того, что часть принялась было

напихать, на счетъ суммы покойнаго-же, описателя книгъ и каталога, составляющихъ самое важное имущество изъ вещей нажитыхъ.

По сему предмету епископъ Кирилль (Буницкій) отозвался, чтѣй найдется у него способные люди безъ всякой заплаты сдѣлать переводы книгамъ заглавнымъ. За всеѣмъ тѣмъ и въ продажѣ вещей полиція еще не приступала по несдѣланной оцѣнкѣ. Вещи сіи, говорятъ, многіе уже приходятъ отъ ветхости въ порчу, и по описѣмъ значутся не весьма завидными. Сколько могу припомнить, то описе состоятъ: изъ двухъ образовъ безъ оклада, наначіи серебрянной матеріи съ образомъ Спасителя на финифтѣ, двое серебрянныхъ часовъ, 3-хъ паръ старыхъ ножей, двухъ подерѣвничковъ, мѣднаго таза, трехъ или четырехъ рясъ старыхъ, старой снотовой рясы, плісомъ покрытой и другихъ весьма мелкихъ вещей,—далѣе: изъ 1000 экземпляровъ книгъ дорогой цѣны, въ числѣ коихъ 411 разныхъ священныхъ и вообще русоискихъ, 389-ть латинскихъ и 200 французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ, наконецъ денегъ:

Ассигнаціями и мѣдью	1094	54 ¹ / ₂ в.
Серебромъ цѣлковихъ.	404	80 в.
Голандскихъ червонцовъ	7	
И полуимперіаловъ.	2.	

Вещи и книги хранятся въ Михайловскомъ монастырѣ, а деньги въ приказѣ общественнаго призрѣнія, о сихъ послѣднихъ я наибѣрѣе справился, что они существуютъ въ цѣлости, что съ 1830-го года полагается еще на нихъ и процентъ по 3⁰/₁₀₀ со ста. Мнѣ кажется, если ожидать, покуда продадутся съ аукціона вещи и книги, то на это много времени понадобится; тогда вещи придутъ въ совершенную негодность, а книги могутъ быть лучшіе обмыслены, а другіе и вовсе растрачены, когда только не станеть выдѣлывать епископа Кирилла; слѣдовательно вамъ-бы поступить такъ, какъ здѣсь совѣтуютъ, чтобы собраться всеѣмъ тремъ братьямъ вмѣстѣ, имѣя при семъ каждому удостовѣреніе о ближайшемъ родствѣ покойнику, выведа проихожденіе по лицѣ, да и раздѣлить между собою все, что есть на лицо¹).

¹) Слѣженіе уѣзднаго суда есть уже одно, что какъ по опубликованіи чрезъ газеты по законному сроку никто не явился, то родственники или наследники, буди явятся, неаряблѣно вѣдан-бу: выше поеленныя документы; иначе

Въ іюлѣ 1841 г. дѣло о наслѣдствѣ было наконецъ окончено. Рѣшеніемъ кіевскаго уѣзднаго суда наслѣдниками признаны протоіерей Павелъ и Пля Бодянскіе и священникъ Максимъ Бодянский. Вызовы для явки въ судъ посланы всеѣмъ 3-мъ братьямъ чрезъ мѣстныхъ полиціи, но до о. Максима, какъ жившаго въ деревнѣ, извѣщеніе дошло весьма не скоро, и когда братъ Пля извѣстилъ его о послѣдовавшемъ рѣшеніи, овъ отказывался отъ поѣздки въ Кіевъ и отъ самаго наслѣдства и писалъ между прочимъ слѣдующее.

«Скажу вамъ и совѣтую избрать благую часть и запѣчатлѣть твердо душевнымъ усердіемъ таковую; вы и братъ будучи покойнаго Принца воспитанниками и паставниками въ извѣстнос время, а что вы благодаря Всевышняго, нынѣ имѣете полность во всеѣхъ сей жизни и не вуждастесь въ тѣхъ частяхъ, что по смерти покойнаго осталось, а опредѣливъ всю свою и мою часть, какъ въ деньгахъ, такъ равно и въ вещахъ и книгахъ, оныя въ кіевскую академію, а деньги и вещи въ монастыри кіевскіе, тѣ, гдѣ олъ при жизни находился, кон вамъ не безъизвѣстны; вотъ каковъ мое мнѣніе и желаніе, и тѣмъ-бы можно для сего покойника дупи и для вапшего вѣчнаго блаженства приготовить. Сего я душевно и истинно желаю.

Твердо васъ увѣряю о непоѣздѣ своемъ въ Кіевъ безъ извѣщенія законнымъ порядкомъ отъ суда, чрезъ кого слѣдуетъ, и что буди и сынъ мой старшій не возвратится съ посланнихъ чужеземныхъ мѣсть сего года въ домъ и Москву, то все я могу иными средствами получить и на богоугодное дѣло опредѣлить, а не такъ, какъ вы съ братомъ первоначально и теперь мыслите. Совѣтую не прилѣпляться таковой временной части и тяжести».

Къ сему отецъ славнаго нашего профессора добавляетъ слѣдующія строки, рисующія его полное безкорыстіе въ дѣлѣ наслѣдства:

«Давно мое желаніе есть у васъ побувать, но не на чѣмъ и не съ кѣмъ пріѣхать, лошади 3 отобраны тому уже третій годъ, все пѣшкомъ по приходу ѣзжу, и одѣться не чѣмъ по прилѣчїю: сему вы вѣрьте».

продажа съ публичнаго торгу и въ 5-тъ лѣтъ едва-ли состоится. Да и самыя книги если онымъ дѣлать въ переводѣ каталогъ, то потребуетъ не менѣе полулода времени».

Это достойное отца нашего историка письмо писано 3 сентября 1841 г., а при немъ находится снятая имъ 24 сентября копія съ рѣшенія кievскаго уѣзднаго суда о наслѣдствѣ и въ концѣ оной такой общій расчетъ: «Всѣхъ денегъ 1,661 руб. 52 коп., употреблено въ расходъ 309 руб. 92 коп., остается 1,351 руб. 60 к. На три части—каждая по 450 руб. 53 коп.». Какое употребленіе сдѣлано братьями Бодинскими изъ доставшихся имъ частей, о томъ свѣдѣній не имѣемъ. Не сомнѣваемся впрочемъ, что почтенный батюшка Осипа Максимовича употребилъ свою часть такъ, какъ писалъ брату своему Ильѣ Гавриловичу въ письмѣ отъ 3-го сентября.

А. Титовъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ АВТОРСКО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Сорокъ лѣтъ назадъ, когда у насъ существовало всего двѣ газеты и два-три журнала, а отдѣльныя книги появлялись лишь изрѣдка и въ маломъ числѣ, увидѣть свое имя въ печати казалось чѣмъ-то необычайнымъ и людямъ наивнымъ доставляло дѣтское наслажденіе. На эту слабость людскую рассчитывали авторы и издатели, помѣщая при своихъ изданіяхъ печатные списки своихъ подписчиковъ и объявляя объ этомъ заранѣе, предъ выходомъ изданія. Выводились титулы подписчиковъ, обозначались мѣста ихъ жительства; сами они выставлялись чрезъ то какъ-бы по преимуществу людьми образованными и любознательными. Само собою разумѣется, что это вліяло на подписку, а числомъ подписавшихся измѣрялись успѣхъ изданія и честь автора.

Существовавшему обычаю подчинился и нашъ поэтъ предъ изданіемъ его перваго произведенія: «Гайдамаки». Гдѣ-то и когда-то онъ пообѣщаль припечатать такой списокъ; но при самомъ изданіи раздумалъ, потому-ли, что вдумался въ смыслъ обычая, или потому, что подписчиковъ оказалось мало. И вотъ на обложкѣ доставленнаго ему печатнаго экземпляра «Гайдамакъ» онъ пишетъ слѣдующее шуточное объясненіе къ подписчикамъ.

Нановое субскрибентъ!

«Бачимо, бачимо, що одуривъ, та ще хоче и одбрехання! Оттакъ вы вслухъ подумаете, якъ прочитаете мои Гайдамаки. Нанове громада! далєби не брєну. Осє бачите що. Я думавъ, и дужє хотїлось мнїи надрюковать ваши козацьки имена рядочкомъ гарнєнько; уже було й найшлось ихъ десятківъ зо два, чи зо три; слухаю—выходить розномова: одинъ каже треба, другїй каже не треба, третїй ничего не каже. Я думавъ: «щѣ тутъ робитъ на свитї?» взявъ та й процындривъ гарнєнько ти грєше, що треба було заплатитъ за аркушь надрюкованого палєру, а до васъ и ну писать одю цыдулу. Все-бъ то не ничего: чого не трацяєся на вибу? все буває, якъ на довгїй шывї; та осє зыхо мнїи на безголовья. Єсть ще и таки паньчи, що соромивсь свою благородну фамилію (Кырна—Гуучкошыевко-оє) и надрюковать въ мужицькїй книзци. Далєби, правда!»

Г. Шевченко.

Не можемъ положительно утверждать, но помнится намъ, будто именно такое объясненіе въ свое время мы читали въ первомъ изданїи «Гайдамакъ». Не разрѣшить-ли этого вопроса шашъ извѣстный библиографъ С. П. Пономаревъ?—Теперь это объясненіе сообщено намъ на вырванномъ изъ какой-то записной книжки листочкѣ, писанномъ, очевидно, рукою П. А. Кулиша. Поэтъ не открываетъ прямо причины, почему не исполнено данное имъ обѣщанїе; но добродушно шутитъ съ своими поддѣшечиками, поддѣшивается надъ самимъ собою и не утѣкаетъ случая пошлѣться надъ тѣмъ, которые старались закрыть простое свое происхожденїе прибавленїемъ къ выдающимъ ихъ фамиліямъ обочанїя *оє*. Выраженїе: «въ мужицькїй книзци» характерно для того времени, когда въ дяковину были книги съ сюжетами изъ народнаго быта и не употреблялось самое слово «народный».

ПАМЯТНИКЪ ПРЕЖНИХЪ ОТНОШЕНІЙ ПАСОМЫХЪ КЪ СВОЕМУ АРХИПАСТЫРЮ.

(Жалоба, поданная кіевскому митрополиту крестьянами с. Сноподъ на злоупотребленія державны Івана Биковскаго).

Встрѣившійся намъ документъ, текстъ котораго приводимъ ниже, представляетъ весьма характеристическій образчикъ отношеній народа къ архипастырю въ XVII ст. Жалуясь на претерѣваемые обиды, крестьяне глубоко убѣждены въ томъ, что митрополитъ сочувственно отнесется къ ихъ нуждамъ и что ихъ точка зрѣнія совершенно для него понятна. Они высказываются съ полною дѣтскою откровенностью и убѣждены, что откровенность эта будетъ принята съ отеческою снисходительностью; они поручаютъ къ подачѣ свое прошеніе своимъ атаманамъ и просятъ митрополита, чтобы онъ исполнѣ вѣрилъ словеснымъ объясненіямъ посланныхъ, такъ какъ они «мужи старожитные, вѣры годные»;—крестьяне глубоко убѣждены, что такая аттестація исполнѣ достаточна для того, чтобы митрополитъ отнесся съ вниманіемъ къ ихъ уполномоченнымъ. Мы отмѣчаемъ эти бытовые подробности, какъ черты свидѣтельствующія о той интимной, патриархальной, глубоко коренившейся въ жизни и далеко не формальной связи, которая соединяла представителей высшей церковной іерархіи съ народомъ въ южной Руси.

Документъ списанъ съ подлинника, который представляетъ полулистъ сѣрой бумаги, написанный весьма четкимъ почеркомъ половины XVII столѣтія. Къ несчастію, въ документѣ не названо имя митрополита, ни помѣченъ годъ составленія прошенія. Можемъ только предполагать, что онъ относится къ 1678 году, на томъ основаніи, что онъ встрѣтился намъ въ связкѣ документовъ, помѣченныхъ этимъ годомъ. Если принять во вниманіе эту догадку, то можетъ быть окажется не слишкомъ рискованнымъ предположеніе, что «державца» свидѣній было тоже лице, которое въ 1687—1699 упоминается въ различныхъ документахъ въ качествѣ цѣлеслаго войта, подъ именемъ Івана Демидовича Бикова, Биковича или Биковскаго (смотря по обстоятельствамъ). Войтъ этотъ очевидно знакомъ былъ съ бытомъ монастырскихъ имѣній, потому что въ 1687 указывалъ гетману Мазепѣ на возможность привлечь монастыр-

скихъ крестьянъ къ «городовой сторожѣ на башняхъ и отправованію онихъ послугъ городови належачихъ» и выхлопоталъ гетманскій универсалъ, согласный съ его заявленіемъ. Въ 1693 онъ, по просьбѣ игумена и ректора братскаго монастыря, описывалъ недвижимое имущество этого монастыря, а въ 1699 скончался въ кіево-печерскомъ монастырѣ, привявъ передъ смертью монашество ¹⁾). Село Свиноѣды, жители котораго составили прилагаемое прошеніе, нынѣ деревня остерскаго уѣзда черниговской губерніи, уже въ началѣ XVII столѣтія принадлежало михайловскому выдубицкому монастырю ²⁾).

В. А.

Въ Бозе велебный а милостивый пане, отче митрополите, пане а пане нашъ милостивый.

Мы убогие подданные церкви Божое митрополия киевское, монастыря святого Михаила выдубицкого, также села свиноедского, всё сполне отъ мала и до велика ускаржаемся Вамъ, нашему милостивому пану, на пана Ивана Быковского, державцю отъ Вашей милости намъ даного, и жъ намъ, милостивый пане, надъ права и волности наши, отъ предковъ святыхъ и славныхъ намета, митрополитовъ бывшихъ и отъ Вашей милости самого даныхъ, великіе и незносные кривды, драпежства въ браню такъ готовыхъ грошей, яко тежъ въ браню цевинныхъ куницъ, также насъ самыхъ, мужей иже въ лѣтахъ зешлыхъ, бѣеть, и нехрестиянски мордуеть; ово, милостивый пане, не зышлобы си то не хрестиянинови, але карацниови чинить, што онъ надъ нами, убогими подданными вашей милости чинить. Згола, милостивый пане, волялъ бысь, ваша милость, турчинови насъ въ неволю продати, а нижъ ему насъ врдяникови дати, снадней бысьмо отъ Вашей милости то терпѣти мели, а нижъ отъ него терпѣмо. На остатокъ, милостивый пане, же и въ халупахъ своихъ предъ нимъ зъ жоанами, зъ детками не можемъ въ покою пробити: приходечи до халушъ нашихъ, а звлаца подпивни,

¹⁾ Акты относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. V, стр. 213, Памятникъ изд. кіевск. археографич. коммисією, томъ II, отд. I, стр. 300. Лѣтопись Величка, т. III, стр. 544.

²⁾ Кіевлянянъ на 1841 годъ, стр. 21--22.

якожь то часто у него есть, же трезвый никогда не живеть, насъ самыхъ невинне бьеть, за жонами и детьми гонять, розказуячи себе цюловати, до везеня насъ сажаючи, мордуеть, детей—сыновъ нашихъ поневоли до послугъ своихъ принушаетъ, на сторожу незвыкшую намъ всѣмъ, зъ пулцаками стеречи принушаетъ, сусѣда нашего Максима Панковича въ Свинобѣдахъ, пржежчуючи, кизка разъ киемъ несплюстиве збилъ, змордовалъ при добрыхъ и зацныхъ людехъ: при пану Хмаре и при пану Масловскомъ, который есть и теперь на смертелной постели и ни отъ чинхъ рукъ не зыдетъ, тылко отъ пана Быковского. Всѣхъ кривдъ: у браню пенезей, дапей невинныхъ, кунницъ, повышенье даной медовыхъ—реестръ по достатку списавши, всѣхъ кривдъ черезъ атамана нашего выдубицкого, старожитного мужа, а атамана свѣбодского—Окулу и Исаю, старожитнихъ мужей, которымъ рачъ Ваша милость милостивый панъ, вѣру во всемъ, яко мужемъ старожитнимъ, вѣры годнымъ добавить, насъ зъ неволи и работы египетское отъ пана Быковского выслободити, а намъ, убогимъ подданнымъ своимъ, съ пана Быковского у невинныхъ грабежахъ, у браню незвыклыхъ давей, въ подвышеню кунницъ, ведлугъ реестру, яко панъ хрестиянекий, справедливость съ пана Быковского учинить, за что Вашу милость, нашего милостивого пана, Госнодь Богъ у пребываню живота дочасного и въ будущемъ вѣку благословить будетъ рачиль.

ЗАГОВОРЫ НА ПРОСО И ПШЕНИЦУ.

Не смотря на совокупныя стремленія въ послѣдніе годы правительства, церкви и общества распространить въ народѣ просвѣщеніе, народъ во многомъ продолжаетъ жить прежнею своею жизнію, полною всякаго рода суевѣрій. Въ ряду ихъ заговоры пользуются полнымъ правомъ гражданства и живутъ, благодаря, кажется, своему практическому назначенію.

Заговоры проса и пшеницы, какъ на корню, такъ и въ зернѣ передъ посѣвомъ, до настоящаго времени общеупотребительны въ южной части переславскаго уѣзда. Въ самомъ Переславѣ живеть мѣщанинъ Пиндюръ, который производитъ ихъ слѣдующимъ образомъ: рано утромъ беретъ онъ изъ колодца «непечату» воду,

сыплетъ туда съ таинственными напелтываньями какой-то порошокъ, напоминающій цвѣтомъ обыкновенную печую золу, и кропитъ на четырехъ углахъ пивки этой чудодѣйственной жидкостью. Насколько бываютъ дѣйствительны заговоры, это другое дѣло; но всѣ, чье просо или пшеница посѣяны около селъ, обращаются къ помощи заговорщика.

Вѣру въ заговоръ поддерживаютъ сами-же воробьи: облюбовавъ какую нибудь одну пивку, они громадными стаями собираются на ней и не слетаютъ съ нея, пока все зерно не будетъ вышито; а въ это время просо на соседнихъ пивахъ посѣвается и скашивается.

Слава заговорщика у владѣльцевъ не пострадавшихъ упрочена; пострадавшіе-же испосылаютъ кары небесныя на голову шарлатана, причемъ иногда не обходится и безъ потасовки. Разказывали мнѣ слѣдующее: «У одного человека было просо посѣяно. Посылае вишь по заговорщика, той заговаривъ. Тильки що начало просо наливатись, горобци якъ напали, дакъ тильки цурупье й покынули. Отъ той чоловікъ и проха людей: перекажишь, каже, тому бисовому сыну, що у мене сей годъ таке просо уродило, якого я й не знаю; дакъ пехай приде,—я ему сплькисъ мирокъ дакъ. Той призидить. Пили на вину. Чоловікъ той узивъ заговорщика за чуба, дай повивъ по всій пивы показувать, що поділи просу горобци».—А то вотъ другой разказъ, показывающій, какую силу, по мнѣнію крестьянъ, имѣетъ заговоренное зерно. «Не сѣло у мене пшона, пшоновъ я позичать. Позичивъ у одного чоловіка. Стопкъ. Жинка наварила кашни. Посидали обидѣть, тильки до кашни, вси якъ заплачемо,—ймо кашу да плачемо. Дитя собакаи грудку кыпули и у тій слѣзы зъ очей такъ и закапчили. Що за бисъ? Пшоновъ до того чоловіка, той сміється. То я, каже, помилився, давъ камъ заговоренного». Впрочемъ воробьи не пьютъ зерна и въ томъ случаѣ, когда знать, въ какое время его посѣять: если посѣять въ субботу, когда евреи молятся въ школѣ, то «горобци» пить зерна не будутъ; «бо тоди вони (горобци) тежъ збираются до кушы, цыривчатъ, ажъ плачуть, такъ ихъ їсти хочеться, а не займуть, поки жиды въ школу не выйдуть,—бо вони, бачите, одисей виры, манують оди єдинокъ. Вже зерна, котре посіаце о ту пору, що имъ їсти не може, не займуть».

Собщ. Н. И.

УРА БЕЗЪ ДВУХЪ БУКВЪ.

(Эпизодъ изъ жизни графа Браницкаго).

Во время послѣдняго польскаго мятежа, польская шляхта, братаясь съ русскими хлопами, старалась всѣми силами внушить имъ ненависть и презрѣніе ко всему русскому. Пасмѣшкѣ подвергалось и слышанное крестьянами отъ русскихъ войскъ «ура». Шляхта толковала мужикамъ, что слово это не полное, что въ немъ недостаетъ двухъ литеръ или буквъ: *д* въ началѣ и *к* въ концѣ. Вотъ вамъ москаль! самъ кричитъ о себѣ, что онъ дуракъ.

Извѣстно, что наши мужички по своему понимали всѣ шляхетскія наставленія и когда наконецъ повстаніе началось, съумѣли какъ нельзя лучше расплатиться съ своими учителями. При этомъ и урокъ о русскомъ: *ури* не остался безъ слѣда. Въ селѣ Соловьескѣ, радомельскаго уѣзда, которое, лежитъ на проѣзжей дорогѣ и въ которомъ не мало было грамотныхъ ребятинекъ и подростковъ, понимавшихъ всю соль этой пасмѣшки, она направлена была противъ проѣзжавшихъ чрезъ село пашовъ, но уже въ измѣпномъ видѣ: не *ури* безъ двухъ буквъ, но *ури* съ двумя буквами. Соберутся близъ дороги подростки и завидя паша, кричатъ ему на встрѣчу и въ слѣдъ: *ури зъ двома буквами!* Особенно этихъ забавлялись въ воскресенья и праздничные дни, когда возлѣ корчемъ гурьбою собирается крестьянская молодежь. Скоро истинный смель такихъ возгласовъ сталъ извѣстемъ во всемъ околоткѣ и кто изъ проѣзжавшихъ чрезъ Соловьеску зналъ объ этомъ, тотъ при видѣ толпы мальчишекъ приказывалъ кучеру ѣхать шибче, чтобы скорѣе миновать пасмѣшниковъ; но были и такіе, которые, услыхавъ ура! то проѣзжали въ недоумѣніи, то даже воображали, что такими возгласами оказывается имъ честь и благодарили толпу.

Случилось на ту пору проѣзжать чрезъ Соловьеску недавно умершему графу Владиславу Владиславовичу Браницкому. День былъ воскресный; недалеко церкви, возлѣ каменной корчмы, стояла группа подростковъ. Завидя карету графа, она начала по обыкновенію горлашать.

— Ура! въ двома буквами! ура!...

Поровнявшись съ кричащею толпою, графъ велѣлъ остановить лошадей и сталъ выходить изъ кареты. При видѣ важнаго паша

толпа притихла и даже испугалась. Слышались возгласы, произносимые въ полголоса.

— Ой, буде беда! Ну, якъ ще мировой.

Но графъ ласково поздоровался. Его интересовало не столько самое привѣтствіе, сколько полная его неожиданность. Онъ любилъ своихъ хлоповъ, любилъ иной разъ съ ними потолковать и даже одарить ихъ. Ничего не подозрѣвая въ возгласахъ молодежи и принимая ихъ за простодушное привѣтствіе себѣ, онъ ласково спросилъ.

— А что это *виватъ* мнѣ кричите?

— А такъ, просимо пана, отозвался кто-то изъ толпы. По своему, по руському, ура! кричимо.

— Дзенькуе, дзенькуе, отвѣчалъ графъ; но я слышалъ еще что-то, не одно *ура*.

— Ато бачите пане: зъ *двома буквами*, бойко отвѣтилъ одинъ подростокъ и показалъ рукой на дверцы графской кареты, на которыхъ красовались подъ короной двѣ золоченныя готическія буквы *H.* и *B.*

— А! такъ ты письменный? сказалъ графъ, ласково потрепавъ мальчюка по щекѣ, и самъ объяснилъ, что эти двѣ буквы означаютъ *Hrabia Branicki* и что самъ онъ и есть *графъ Браницкій*. Молодежь смутилась; первый страхъ снова прошелъ на толпѣ, но она скоро успокоилась, завидѣвъ, что графъ достаетъ изъ кармана кошелекъ. Графъ еще разъ поблагодарилъ повеселѣвшую компанію и далъ каждому изъ привѣтствовавшихъ его по червонцу.

Обѣ стороны остались довольны. Но золото взяло свое и молодежь почувствовавъ червонцы въ рукахъ, почтительно посадила графа въ карету и бѣжа за нею далеко въ поле, кричала графу уже по польски:

— *Vivat, Hrabia Branicki! Vivat!...*

Долго въ Соловьевкѣ помнили про забавный случай *уры съ двумя буквами*.

— Думали, буде лаять, або бить, звичайно, якъ посредникъ; ажъ то самъ Браницкій... и по червиньцю давъ, говорили очевидцы этого казуса, хвалясь предъ другими подаркомъ Браницкаго.

— Бачишь, якій свитлый? Одежъ отъ самого свитлишого грана гостинець... толковалъ одинъ хлопецъ другому, показывая червонецъ, полученный отъ графа Браницкаго...

Очевидецъ **Иванъ П. Савченко**.

**БОЛЕСЛАВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ МАРКЕВИЧЪ ВЪ
РОЛИ СЕЛЬСКАГО ПЕДАГОГА.**

Многимъ, можетъ быть, извѣстно, что недавно умершій нашъ романистъ, составившій себѣ извѣстность романами изъ большаго свѣта, служилъ одно время, правда, весьма недолгое, по министерству народнаго просвѣщенія въ званіи чиновника особыхъ порученій по народнымъ школамъ въ Царствѣ Польскомъ. Ни прежде, ни послѣ его должность эта не существовала и учреждена была собственно для него, по одному очень высокому ходатайству, съ жалованьемъ въ 4 тысячи рублей и на разъѣзды, сколько выѣздить. Назначенъ онъ былъ на эту должность въ концѣ 1867 или началѣ 1868 года и въ февралѣ этого послѣдняго прибылъ обозрѣвать свою далекую и совсѣмъ неизвѣстную спархію. Хотя въ официальномъ извѣщеніи о его прибытіи было сказано, что онъ имѣетъ обозрѣвать одни лишь начальные училища, но Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ смотрѣлъ заурядъ и всѣ среднія учебныя заведенія. Уже въ мартѣ, по объѣздѣ нѣсколькихъ губерній, Болеславъ Михайловичъ достигъ того пункта въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ пишущему эти строки пришлось служить также по учебному вѣдомству. Въ Маркевичѣ нельзя было подмѣтить ничего ревизорскаго; все въ немъ было изящно просто, или изысканно изящно. Въ учебные часы онъ посѣщаль уроки, слушалъ, спрашивалъ, иногда пускался въ объясненія по исторіи и литературѣ, говорилъ плавно, изящно, но казался для всѣхъ скорѣе пріятнымъ собесѣдникомъ, нежели ревизоромъ. Въ образцовой школѣ, бывшей при педагогическихъ курсахъ, онъ уже не говорилъ, а только слушалъ и приходилъ въ неописанный восторгъ отъ входившаго тогда въ моду нагляднаго обученія или предметныхъ бесѣдъ, въ существѣ бывшихъ пустою болтовнею или толченіемъ воды въ ступѣ. Учитель дѣйствительно мастерски велъ эту нѣмецкую игру если не съ обезьяной, то съ кошкой, и очарованный ревизоръ то и дѣло носилъ фунтами конфеты ученикамъ-оборвышамъ, которые рады были куску хлѣба. По вечерамъ Болеславъ Михайловичъ въ свою очередь восхищаль насъ своими мастерскими разсказами, заимствованными не изъ нашихъ сферъ. Разсказчикъ онъ былъ удивительный, передавалъ массу забавныхъ и всякихъ иныхъ случаевъ,

зналъ огромное количество стиховъ и декламировалъ ихъ неподобно. Когда истощался разговоръ и переваливало далеко за полночь, онъ напѣвалъ камаринскую и также весьма уснѣшно. По всему видно было, что онъ не тянулъ служебной лямки, не заразился начальственными прїемами, виталъ въ иныхъ сферахъ, словомъ: предъ нами былъ не ревизоръ, а камергеръ, или просто Болеславъ Михайловичъ Марковичъ.

Дошла очередь до его специальности—сельскихъ школъ, и мы отпразднелись въ ближайшія деревушки.

Первая, лежавшая по пути, школа была открыта не болѣе полутора мѣсяца назадъ. Школы росли тогда, какъ грибы, открывались, какъ только получалось согласіе общества, находилось какое нибудь помѣщеніе и являлся хоть поддержанный или совсѣмъ неизжженный учитель. Устройство, обзаведеніе школъ, подготовка учителей, самое снабженіе учебными принадлежностями и пособіями велись постепенно. Въ мѣстности такъ называемой уніатской, гдѣ все пожиралось ненасытнымъ латинствомъ и польщизной, падо было смѣлнть,—ставить русскую школу, какъ вѣху при желѣзнодорожныхъ изысканїяхъ. Препятствїя были на каждомъ шагѣ, русская книжка, русскій языкъ служили цугаломъ. Въ школѣ, лежавшей предъ нами, нечего было ни слушать, ни смотрѣть. Я предупредалъ объ этомъ своего спутника, но онъ пожелалъ и ее осмотрѣть.

Прїѣзжаемъ въ деревню. Съ трудомъ пробрались къ школѣ по кочкамъ замерзшаго классическаго болота. Вся деревня была разбросана на тонкомъ торфяникѣ, пресѣкаемомъ то просачивающею лужайками и озерцами, то текущею извилистыми ручейками водою. Школа стояла на маленькомъ пригоркѣ; передъ нею точно днѣпровскїя плавни въ мињятюрѣ. Мы вошли въ снѣгъ, кормившая тутъ изъ лохани свицьа стремительно шмыгнула между нами и чуть не сшибла съ ногъ столичнаго гостя. Я отворилъ дверь въ классъ; высокій стройный камергеръ долженъ былъ согнуться, чтобы просунуться сквозь узкую и низкую дверь. Классною комнатою и вмѣстѣ квартирою учителя была простая крестьянская халуда съ варистою печью направо отъ входа. Полъ былъ земляной; обмазанные зимой стѣны не столько просохли, сколько промерзли. По двумъ стѣнамъ тянулись въ два ряда некрашенныя скамьи, сходясь подъ прямымъ угломъ. Въ углу висѣла икона,

между оконъ портретъ Государя, а противъ него на неровномъ земляномъ полу не твердо стояла водруженная на треножникѣ класная доска. Болеславъ Михайловичъ привѣтливо раскланялся съ учителемъ и дѣтьми, которыхъ было на лицѣ не свыше 20. Сидѣть не представлялось удобства, и мы все время стояли предъ дѣтьми. Но разспросамъ оказалось, что азбука уже пройдена и дѣти безъ особаго затрудненія читали отдѣльныя слова. Превжній урокъ раньше былъ спрошенъ, ученики читали *надалѣше*, и учитель не приступалъ еще къ выступиванію и объясненію читаемаго, будучи занятъ съ младшею группою практическимъ уясненіемъ перваго десятка чиселъ. Прослушавъ нѣсколько утомительное пересчитываніе пальцевъ, картофелинъ и бобовъ и воображаемое сѣденіе яблокъ, грушъ и сливъ, Болеславъ Михайловичъ полюбобытствовалъ послушать чтеніе. Спрошенный ученикъ монотонно читалъ двусложныя слова, отбивая на послѣднемъ слогѣ и подѣ часъ спотыкаясь и какъ-бы перегрызая слово.

— А понимаешь-ли ты, что читаешь? спросилъ его ревизоръ.

Хлопецъ въ отцовскомъ кожухѣ вскинулъ на него глазами и произнесъ: *иа?*

— Понимаешь-ли, говорю, мой милый, что читаешь? послѣдовалъ опять вопросъ.

— А исти! былъ отвѣтъ.

Маркевичъ глядѣлъ въ недоумѣніи. Я пояснилъ ему, что это польское простонародное слово, вошедшее въ мѣстное малорусское нарѣчіе, и означаетъ утвержденіе, въ родѣ: *а какъ-же*.

— Ну, такъ что-же ты читаешь? обратился опять къ мальчику Маркевичъ.

— Руську всѣнжку, равнодушно произнесъ ученикъ и провелъ пальцемъ у себя подѣ носомъ.

— Да, но что ты тутъ въ этой книжкѣ читаешь?

Ученикъ замигалъ глазами. Было очевидно, что онъ не понималъ, чего хочется этому забредшему въ школу пану. Маркевичъ и самъ понялъ это и перемѣнилъ пріемъ. Онъ заставилъ ученика читать тѣже слова, и когда тотъ прочелъ: *островъ*, вдругъ спросилъ его:

— А знаешь-ли, что такое островъ?

Ученикъ молчалъ. Маркевичъ повторилъ тотъ-же вопросъ, обращаясь ко всѣмъ дѣтямъ. Молчали всѣ. Онъ пожалъ плечами и принялся самъ объяснять.

— Какъ? не знаете, что такое островъ?—Островъ...

Но вдругъ изъ угла раздался смѣлый голосъ одного мальчика: «я знаю».

— Ну, ну! скажи, что такое островъ?—спросилъ обрадованный Маркевичъ.

— То щось такъ гостре, послѣдоваль отвѣтъ.

Маркевичъ, повидимому, вовсе не понялъ, какъ мальчикъ додумался до такого отвѣта, и принялся объяснять.

— Островъ, дѣти, это часть земли, окруженная со всѣхъ сторонъ водою. Когда земля окружена со всѣхъ сторонъ водою, то это называется островомъ. Островомъ называется, когда вокругъ вода, а въ серединѣ земля. Острова можно видѣть на моряхъ, океанахъ и на большихъ рѣкахъ. Часть суши, выдавшаяся изъ воды—это и будетъ островъ.

Ученики слушали внимательно, по хлопали почему-то глазами. Маркевичъ окинулъ ихъ однимъ взглядомъ и спросилъ, поняли-ли они сказанное. Отвѣта не послѣдовало. Онъ принялся чертить на доскѣ и повторять на всѣ лады прежнее объясненіе.

— Ну, вотъ видите, дѣти, говорилъ онъ, окончивъ чертежъ. Вотъ это вода, а это земля. Вода вокругъ, земля въ серединѣ. Теперь поняли, что такое островъ?

— Понялисьмо, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Ну, хорошо. Скажите-же, что такое островъ?

— Сокира, послышался голосъ изъ угла.

Маркевичъ сконфузился, съ досадою пожалъ плечами и съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на меня. Я не считалъ удобнымъ объяснять ему причину его неудачи, а учитель въ оправданіе свое сказалъ, что читаемыхъ теперь словъ еще не объяснялъ, будучи занятъ другою работою.

Перешли къ другимъ, немногимъ предметамъ. Дѣти рассказывали страшно ломанымъ языкомъ о сотвореніи міра и перваго человека, рѣшили на словахъ нѣсколько простыхъ ариметическихъ задачъ, показали свое слабое неумѣство въ письмѣ. Спрашивать

больше было не о чемъ. Собираясь выходить совсѣмъ изъ школы, Маркевичъ обратился къ ученикамъ съ такимъ еще вопросомъ:

— А знаете-ли, дѣти, кто у насъ Государь Императоръ?

Дѣти хлопали глазами.

— Какъ, дѣти, вы не знаете, кто у насъ Государь Императоръ? спросилъ онъ вновь и принялся уяснять самый вопросъ.

— Государь Императоръ—это нашъ отецъ, это самый большій, самый старшій между нами. Онъ всѣми управляетъ, всѣмъ приказываетъ, его всѣ слушаютъ, словомъ: онъ *первый* между нами человекъ. А знаете, какъ звать его?

— Первый человекъ, отвѣчала одинъ изъ учениковъ.

— Ну, да, первый человекъ; но какъ его имя и отчество?

Дѣти не отвѣчали, Маркевичъ вмѣсто отвѣта указалъ на висѣвшій надъ ихъ головами портретъ Государя и предложилъ прочесть подпись надъ нимъ. Ученики прочли не безъ труда подпись, хотя на лицахъ совсѣмъ не видно было, чтобы и послѣ этого они понимали, о комъ и о чемъ рѣчь. Маркевичъ продолжалъ:

— Такъ вотъ видите, дѣти, нашъ Государь Императоръ называется Александръ II Николаевичъ. Замѣтите, называется и проч.— А скажите, кто знаетъ, какъ называется его жена?

— Я знаю, съ увѣренностію сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Ну, ну, скажи: какъ?

— Ева, послѣдовалъ рѣшительный и твердый отвѣтъ.

Импровизированнаго педагога, восхищавшаго своими разсказами и чтеніями великосвѣтскіе салоны, но совершенно незнакомаго съ мозольною работою сельскаго учителя, съ степенью развитія крестьянскихъ дѣтей, съ процессомъ ихъ мышленія, образомъ пониманія, такой неожиданный отвѣтъ совершенно обезкуражилъ. На минуту онъ умолкъ, потомъ кое-какъ окончилъ объясненіе и видимо огорченный, сухо попрощавшись съ дѣтьми и учителемъ, вышелъ изъ школы.

— Однако удивительно, какъ мало развиты ученики въ этой школѣ, говорилъ онъ мнѣ, когда мы совсѣмъ выѣхали изъ деревни.— Видно учитель мало имъ объясняетъ. А кажется, не глупъ. Я рѣшительно не понимаю, какъ возможны подобные отвѣты.

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, отвѣчалъ я ему. Дѣтская мысль, при всей своей подвижности, очень упруга и строго послѣ-

довательна. Отвѣчавшій вамъ мальчикъ по свосму правъ. Вы спрашиваете, что такое островъ; такого предмета онъ не видалъ и не слышалъ, въ его польско-малорусскомъ нарѣчїи этого слова нѣтъ, онъ припоминаетъ близкое, сходное и отвѣчаетъ вамъ: *это только остров*. Вы начинаете объясненіе, но мысль мальчика запыта даннымъ отвѣтомъ, онъ подыскиваетъ къ своему опредѣленію реальный предметъ, вашего объясненія не слушаетъ, да и не понимаетъ, и когда вы ставите вновь вопросъ: что такое островъ, отвѣчаетъ вамъ: *сокира*. Еще натуральнѣе второй отвѣтъ: дѣти только что отвѣчали о первомъ человѣкѣ, въ вашемъ объясненіи слышатъ также: первый человѣкъ, и на вопросъ объ имени его жены отвѣчаютъ: *Ева*.

— Но вѣдь я говорилъ о Государѣ Императорѣ? Кажется, ясно.

— Ясно для васъ, но не для этихъ дѣтей природы, живущихъ въ лѣсахъ и болотахъ. Такихъ словъ они здѣсь не слышали, слышали, можетъ быть, и то не всѣ: найяснѣйшій напѣ, цесарь, царь, но до уясненія самаго понятія имъ еще очень далеко. Сумма знаній, представленій, нарастающая у насъ вмѣстѣ съ мясомъ и жиромъ, добывается здѣсь тяжелымъ, усидчивымъ трудомъ. Надо войти въ эту сферу, изучить до тонкостей степень и способъ ея пониманія, условія ея жизни, ея обстановку, ея рѣчь, чтобъ быть понятнымъ ей, да и то многое до поры до времени будетъ привито лишь искусственно, принято на вѣру. Самыя простыя вещи надо здѣсь разжевывать много-много разъ, пояснять на десять ладовъ, терпѣливо слѣдить за развитіемъ мысли и рѣчи дитяти, самую рѣчь прививать постепенно и ждать результатовъ не часами и днями, а мѣсяцами и годами.

— Правда, правда, замѣтилъ Болеславъ Михайловичъ; по сегоднешнему опыту я вижу, какъ долженъ быть тяжелъ трудъ здѣшняго учителя. На все нужна наука, все требуетъ навыка, опыта, сноровки, приспособленія.

Въ этотъ и слѣдующій день мы осмотрѣли нѣсколько другихъ школъ, видѣли лучшія помѣщенія, слышали гораздо лучшіе отвѣты; но случайнаго педагога-обозрѣвателя мало интересовалъ мозольный трудъ учителя и медленный успѣхъ сельской школы, его тянуло въ среднія учебныя заведенія, въ сферу городскую, сколько-нибудь подходящую къ той, къ которой онъ привыкъ. Другихъ школъ, кромѣ городскихъ, мы не видали; но и такихъ оригинальныхъ и

поучительныхъ отвѣтовъ, какіе дала первая сельская школа, не слышали.

Скоро мы разстались съ умершимъ нѣтъ романистомъ, скоро и онъ оставилъ несродное ему поприще и не появлялся болѣе для обозрѣнія народныхъ школъ въ Царствѣ Польскомъ.

Б. Д—ръ.

ПѢСНЯ О СЕРБѢ.

Въ ряду немногочисленныхъ фактовъ исторіи Новороссіи не прошла незамѣченною въ южно-русской поэзіи сербская колонизація степей въ прошломъ столѣтіи. Предлагаемъ читателямъ пѣсню о сербѣ, записанную для насъ въ с. Алексѣевкѣ елисаветградскаго уѣзда. Она проникнута тѣмъ спусходительно-юмористическимъ духомъ, который очень характеристиченъ для отношеній между мало-русскимъ населеніемъ степей и сербами-пришельцами. Сербъ изображается черноусымъ франтомъ, красивымъ кавалеристомъ, предметомъ слабости прекраснаго пола; у него нѣтъ ни хаты, ни собственности, ни любви къ земледѣльческому труду; живетъ онъ весело, сладко ѣсть, пьяно пьеть, но остается чуждымъ и землѣ и народу. Такова замѣчательно интересная характеристика серба въ южно-русской народной пѣснѣ.

*Ой сербине черноусый,
Чого въ тебе кафтанъ кущий?
— Суки дивки підпоили
И кафтанъ підкроили.
Сербинъ милый, чорнобривый,
Сербинъ не богатый —
За нимъ дивки стадомъ ходять,
Якъ товаръ рогатый.
За сербиномъ добре жити,
Що нічого не робити,
Горилочку та медъ пити,
Хорошенько походити.
У сербина вечера:
Що-дня курка печена,
Варенички въ маслі,
Черевички красні.*

Ой сербине, сербиночку,
 Годи сербувати:
 Бери серпъ, та йди въ степь
 Пшениченьку жати!
 Сербинъ того не злюбивъ,
 Тилько усомъ закрутивъ,
 Пишовъ, коня осидливъ,
 «Прощай, дивчино», сказавъ.
 У сербина чужа хата,
 Бо ѿ самъ сербинъ, якъ ирмата,
 Худибоньки тильки въ ёю
 Серпъ, та плахотка картата,
 Чомъ сербина не любить,
 Чи не подобонька?
 Якъ сивъ на коня,
 То ѿ вся худобонька.

Сообщ. В. Ястребовъ.

Исправка. Въ статьѣ: Софія-премудрость Божія, стран. 561,
 строк. 21 и 22 напечатано: Это не женское, но и не мужское лице;
 надо читать: Это не женское, а мужское лице.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встречающихся въ X томѣ «Кіевской Старины»¹⁾.

Абаза, херсон. губ., 348—351.
Абамеликъ, кн., полковникъ, 675, 682.
Абассъ-паша, тур. предв. (1633 г.), 70.
Абу-Али-Яфеть, ученый араб. X в., 576.
Авраамъ, сынъ Маръ-Сихи-Гасфарди, 569—572, 578, 583—585.
Адріанъ, патріархъ москов., 120, 479.
— II, папа римскій, 535.
— Титовичъ, кн. звенягор., 18.
Александръ I, имп., 449—450, 460, 464, 661, 673, 690—692.
— II, имп., 445—446.
— Коріатовичъ, кн. литовскій, 18.
Алексій Михайловичъ, царь и в. кн., 186—189, 193, 207—208, 221, 445; письмо къ нему Хмельницкаго, 541—542.
— Петровичъ, царевичъ, 119, 634, 637.
— патріархъ константиноп., 434.
Амвросій Медиоланскій, церковн. пис., 425—426.
Анастасій Диррахетъ, имп. виз., 436.
Андреевскій, М. А., сообщ. «Предложеніе Мазепы (1703) кіевскому войску», 132—136; упом., 83, 84, 91.
Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, кн. суздальскій, 538.
Андріевскій, А. А.; разборъ его «Истор.

матер. изъ архива кіев. губ. правленія», 719—722.
— В. П., соврем. художникъ, 594.
Анна Ярославна, королева франц., 536.
Антоновичъ, В. Б., проф. у-та св. Влад.; его рецензїи: а) на книгу Лазаревскаго: «фамилїи бумажъ Сулякъ, Скорупъ и Войцеховичей, 331—336, б) на изд. А. А. Федотовичъ-Чеховскимъ «Акты греч. вѣжнискскаго братства», 716—718; зам. «Памятникъ прежнихъ отношеній насомыхъ къ своему архіепастырю, 745—747; упом., 141—142, 340—342, 541.
Апостолъ, гетманъ, 717, 718.
Апраксинъ, Федоръ, адмиралъ Петра I, 495.
Аракчеевъ, графъ А. А., рассказы о военныхъ поселенїяхъ, 168—172; воспом. о немъ сенатора А. Я. Стороженка, 447—477; письма его къ Г. И. Писаневичу, 673—692.
Армаковъ, ген.-майоръ, 682.
Арсеній, архіє.; его монографїя «Софроній Добрашевичъ, архіє. Новой Сербїи», 276—304.
Аскольдъ, кн. кіевскій, 579.

В.

Багалъѣй, Д. И., проф. харьков. у-та, сообщ. свѣдѣнїя о работахъ козакъ на ладож. каналѣ, 357—361;

¹⁾ Цифры означаютъ стр. тома.

его рецenzія на книгу И. В. Лучицкаго «Сборникъ матеріаловъ для ист. общины», 141—148; упом., 344—345.

Багратуни, еврейскій родъ, 571.

Бакалъ, Николай, сообщ. зам. «Сборникъ докум. въ Гадячѣ», 735—739.

Бакота, с. под. губ., его описаніе и исторія, 254—275; упом., 10, 385, 545.

Балабанъ, Діонисій, кiev. мптрополитъ, 191—192.

Барановичъ, Назаръ, архіеп. чернигов., разборъ книги о немъ Н. О. Сужцова, 525—528; упом., 186, 191—192, 196—202, 204—206, 210, 217—218, 355, 717, 718.

Баръ, литов. замокъ XV ст., 10.

Баторій, Стефанъ, кор. пол., 36—52, 367—368.

Батый, ханъ татарскій, 244, 269, 538—539.

Баша, Федоръ, кобзарь, 644—649, 654.

Берлинскій, авт. «Описанія Кіева», 251—252.

Берхальт, Юла, авт. статья «Еврейскій документъ о посольствѣ св. Владимира для испыт. вѣръ», 568—585.

Беръ, К. Е., академикъ, изв. краіологъ, 510.

Бестужевъ-Рюминъ, проф. петерб. у-та, изв. ученый, 576.

Бибиковъ, Д. Г., кiev. ген.-губ., 82—84, 87—95, 102, 534, 724, 727. — П. П., кiev. вице-губ., 92.

Бялдруть, штундистъ, 318.

Бястромъ, полков., 675.

Богдавъ, Яковъ, гетманъ, 42.

Богуны, дворяне, 20.

Бодяскій, О. М., изв. ученый, 141—142, 740—743.

Бойка, ученый іезуитъ XVII в., 201—217.

Бонкемпферъ, пасторъ въ колонія Рорбахъ, пропов. штундизма, 308.

Бошнелъ, соврем. герман. филологъ, 570.

Болланъ, франц. ниж., авт. «Описанія Украйны», 705.

Боренкій, Іовъ, митр. кievскій, 229.

Боровиковскій, В. Л., изв. художникъ, 155—162, 544—545.

Браницкій, графъ В. В., 749—750.

Браплавъ, г., 10.

Бронскій, Христофоръ, учен. XVII ст., 217, 437, 442.

Брукъ, академикъ, 574.

Брюховецкій, гетманъ, 194, 197, 198, 717, 736.

Будановъ-Владимірскій, М. Ф.; рецензія на I т. его «Исторія у-та св. Владимира», 512—517.

Бучацкіе, двор. родъ, 15.

Бучневичъ, В. К.; сообщ. зам. а) «Поправка къ надписи на иконостасѣ въ с. Жукахъ», 175—177; и б) «О домикѣ Котляревскаго въ Полтавѣ», 352—353.

Бѣлая-Церковь, ж., 10.

В.

Васнеръ, Людвигъ, штундистъ, 314.

Валуевъ, графъ П. А., членъ госуд. сов., 348.

Вамбери, соврем. венгер. ученый, 511.

Ванатовичъ, Варлаамъ, архіеп. кievскій, 242.

Васплевичъ, Феодосій, игумень кievо-михайлов. монастыря XVII ст., 187, 192.

Василій Болгаробойца, имп. виз., 427. — Дмитривичъ, в. кн. московскій, 18, 430. — Великій, перк. пис. V в., 424, 428—429. — Игровичъ, владыка черниговскій, 322—323.

Васильевскій, В. Г., проф. петерб. у-та, 571.

Васильевъ, М.; сообщ. сказку «Великій грѣшникъ», 172—175.

Василько Романовичъ, кн. галицкій, 268.

Вилеръ, проп. штунды; его пьесы, 315—320; упом., 306, 312, 314, 504—505.

Винница, г., 10.

Витовтъ, в. кн. лит., 272, 403, 411, 539, 540.

Виттъ, графъ, ген.-лейт., нач. воен. поселеній, 447—448, 451, 454, 455, 471—477, 678, 691.

Вишенскій, Іоаннъ, уч. XVII ст., 217, 367.

Вашевецкіе, князья, 15, 361—366.

- Вишневецкій, Михайлъ, староста черкасскій и киевскій, 44.
 Владимира св. университетъ въ Кіевѣ; рецензія на его исторію 512—517; упом., 529—532.
 Владиміръ Володаревичъ, кн. галицкій, 268.
 — Всеволодовичъ, кн. москов., 572.
 — св., в. кн. кiev, 237, 445, 534, 536, 568—585.
 — Мономахъ, в. кн. кiev., 445, 573.
 — Юрьевичъ, кн. московскій, 572.
 Владиславъ IV, король польск., 248—249.
 Вогюе де, соврем. франц. пис.; разборъ его очерковъ рус. исторіи, 703—707.
 Войсаровскіе, братья, Адамъ, Аванасій и Сильвестръ, штундисты, 500—501.
 Воронцовъ, кн. С. М., новорос. ген.-губ., 568.
 Воротышскіе, кн., 18.
 Воспоръ или Паптыалея, колонія іонійцевъ въ Крыму, 137—141.
 Всеволодъ Ольговичъ, в. кн. кievскій, 244.
 Вушицъ, штундистъ, 318.
 Выговскій, Иванъ, гетманъ, 187, 191, 192, 330, 717.

Ж.

- Гавриловъ, Иванъ, штундистъ, 501.
 Гагаринъ, кн. Матвѣй, 425, 481—482, 626, 633.
 Гайдалака, Лукьянъ, штундистъ, 504.
 Галаганъ, Г. П., членъ госуд. совѣта, 655.
 Галатовскій, Іоанникій, южно-рус. ученый XVII ст., 186, 201, 210, 217—218.
 Гаркави, современиый евр. ученый, 571—585.
 Геннадій, еписк. новгород., 436.
 Генрихъ I, кор. франц., 536.
 — III, кор. франц. и польскій, 367.
 Гербедевъ, крѣп., 11.
 Гервасій, еписк. переяслав. XVIII в., 285—304.
 Геродотъ, греч. историкъ, 508—510.
 Гизель, Иннокентій, архим. кievо-печ. лавры; монографія о немъ П. О. Суяцова, 183—226.

- Гвидъ, штундистъ, 319.
 Глявскіе, князья, 380.
 — кн. Михайлъ Львовичъ, 18.
 Глѣбовъ, ген.-майоръ, 279, 281.
 Глѣбъ, кн. смоленскій (1274 г.) 14.
 Голяцинь, кн., авт. «Путешествія по южной Россіи въ 1807 г.», 163.
 — кн. Борисъ Алексѣевичъ, 481.
 — кн. Дмитрій, первый кiev. губернаторъ, 239—240, 624—633.
 Головявъ, Артамонъ, генералъ Петра I, 122.
 — графъ Гаврило, 495, 624, 634.
 Головкинъ, графъ Оед. Алексѣевичъ, 127, 481.
 Голубевъ, С. Т., авторъ кн. о Петрѣ Могаляѣ, доцентъ к. д. акад., 228.
 Голубовскій, П. В.; его рецензія на «Орныкъ рус. ист. общ.», 148—151.
 Горбачкій, Іосифъ Кононовичъ, ученый XVII в., 185.
 Гордонъ, генералъ Петра I, 120, 122.
 Горленко, В. П.; его статьи: а) «Кобзаря и Лирники», 639—657, и б) «Распродажа въ Вишневецѣ», 361—366; рецензіи: а) на «Очерки изъ рус. исторіи» Вогюэ, 703—707, и б) на драму П. П. Костохарова «Эллины Тавриды», 137—141; упом., 352.
 Грабина, Алексѣй; сообщ. пѣсню «Саврадижа», 552—554.
 Гретицъ, соврем. еврейскій ученый, 574, 576.
 Григорій Велякій, папа римскій, 427, 431.
 — Богословъ, перк. пис. V в., 423—424.
 Гротъ, проф. новорос. у-та, 338.
 Губертъ, Яковъ, штундистъ, 505.
 Гулевичъ, Елисавета, кievлянка, пожегтъ. кiev. академіи дворъ и усадьбу, 227 и слѣд., 525.
 Гульцъ, Андрей, генералъ Петра I, 121.
 Гурьевъ, кiev. ген.-губ., 534.
 Гюбнеръ, штундистъ, 306, 501.

Д.

- Давидъ, царь хозарскій, 583—584.
 Давидъ Александровичъ, кн. москов., 572.

- Даніяль Романовичъ, король галицкій, 268—271.
 Дашевъ (нынѣ Очаковъ), крѣпость, 11.
 Дашковичъ, Остафій, староста черкасскій и канев., 27.
 Диръ, князь кіевскій, 579.
 Дмитрій Іоанновичъ (Допской), в. кн. 18.
 Дмитрій Іоанновичъ, 1-л самозванецъ, 363.
 Дмитрій Михайловичъ—Грозныя очи, кн. тверской, 18.
 — Ростовскій, митр., св., 204, 205, 220, 223, 225, 226, 242, 367.
 Дѣлрль, р., 250—253.
 Добрашевичъ, Софроній, архимандритъ Новой Сербіи; монографія о немъ архим. Арсенія, 276—304.
 Доброславъ, бояринъ короля Даніяла галицкаго, 269—270.
 Долгоруковъ, кн. Вас. Влад., 112.
 Доженко, Ілья, штундистъ, 501.
 Домецкій, Гавріиль, ученый XVII ст., 185.
 Дорошенко, гетманъ, 197.
 Достоевскій, Ф. М., извѣст. писатель, 419—420.

Ж.

- Евгевій (Болховитиновъ), митр. кіев., 227, 230.
 Евдокія Федоровна (Лопузина), царица, 118.
 Евстахій, патриархъ константиноп., 433.
 Екатерина Алексѣевна, царица, 115, 237.
 — I, имп-ца, 242, 637.
 — II, имп-ца, 154—155, 165, 445—465.
 Елизавета Петровна, имп-ца, 233, 519, 637.

ЖЕ.

- Жвапецъ, м. под. губ., 53—57.
 Желиборскій, Арсеній, еписк. львовскій, 191.
 Жемчужниковъ, Л. М., художникъ-этнографъ, 655.
 Житецкій, П. А.; его статья «Смѣна народностей въ южной Руси», 1—26, 371—418.
 — П. И., изв. филологъ, 17.
 Жигоняръ, с., 10.

- Жуки, с., 175—177.
 Жученко, М. В., 543—544.

З.

- Заборовскій, Рафаиль, митроп. кіев., 232.
 Забѣлягъ, изв. археологъ, 338.
 Зайченко, Микой, штундистъ, 501.
 Закревскій, авт. «Описанія Кіева», 244.
 Захойскій, Оожа, канцлеръ, 39, 364.
 Запорожскаго козачества происхожденіе, (статья Л. II.) 27—52.
 Запорожская старина; записки о пей, 165—168.
 — реляція о побѣдѣ надъ турецкими флотомъ, 129—131.
 Збаражскіе, князья, 15.
 — Ягъ, воевода брацлавскій, 38.
 Зерникавъ, Адамъ, ученый XVII ст., 183, 201, 206—207, 223.
 Зизаній, Стефанъ, уч. XVII ст., 217.
 Зотовъ, Никита, дьякъ, путешествен. по Украинѣ, 127.
 Зоя, имп-ца визант., 434.

И.

- Ибизъ-Барунъ, уч. XVII в., 576.
 Ивановъ, Василій, штундистъ, 501.
 Игорь, князь кіевскій, 579.
 — Ольговичъ, в. князь кіев., 244, 245.
 Изяславъ Давидовичъ, в. кн. кіевскій, 244, 245.
 — Ростиславичъ, в. князь кіевскій, 538.
 — Святославичъ, в. кн. кіев., 580.
 Иларионъ, митроп. кіев (1051—1054), 538, 572—573, 578.
 Иловайскій, Д. И., соврем. уч., 511.
 Ираклій, имп. визант., 426—428.
 Ирина, имп-ца визант., мать императора Константина VI, 434.

И.

- Іаковъ, патриархъ константиноп. XVII ст., 717.
 Іегуда, еврейскій раввинъ, ученый, 569—571, 585.
 Іерехія II, патр. константиноп., 227, 229, 231, 521.
 Іеронимъ, блаж., церк. пис., 573.

Иоакимъ, патр. московскій, 120, 209; 437.

— патр. антиохійскій XVI ст., 711.

Иоаннь Грамматикъ, имп. визант., 435.

— Палеологъ, имп. визант., 561.

— Постникъ, патриархъ визант., 431.

— III Васильевичъ, вел. князь, 17, 445.

— IV Васильевичъ, царь и в. князь, 439, 562.

— V Алексѣевичъ, имп., 117, 121, 123, 234, 235.

— Златоустъ, знам. витія, 424.

— епископъ переслав., (1756) 282, 284.

Ювъ, митроп. новгород. XVII ст., 185.

Юсффовичи, дворяне, 19—20.

Юсфъ, игумень волоцкій, 436, 441, 445.

— царь хозарскій, 584.

К.

Казиміръ Великій, король польскій, 403, 410.

Кальнофойскій, авт. «Тератургии», 245—247.

Каманинъ, его разборъ VI т. Архива югозап. Россіи, 708—716.

Каменецъ-Подольскъ, г., 10, 271, 385.

Камленгаузенъ, баронъ, госуд. контролеръ имп. Ал.—дра I, 469.

Кампредонъ, француз. посолъ при русскождворѣнч. XVIII ст., 148—151.

Канель, г., 10.

Капярскіе, князья, 15.

Капустинъ, Ал.—дръ, штудистъ, 500, 503, 505.

Караулъ, крѣпость, 11.

Карль XII, король шведскій, 496, 634—635, 658, 704.

Кенягъ, Карль, штудистъ, 504.

Керимъ-Гирей, ханъ крымскій, 364.

Кияпль, посолъ царя Алексѣя Мих. въ Малороссіи, 190.

Киярисовъ, соврем. духов. писатель, 423.

Кипергъ, изв. нѣм. историкъ, 570.

Кирилль, еписк. туровскій, (XI в.) 444.

Кирѣевъ, А. А., соврем. мыслитель, 437, 442.

Кистяковскій, А. О., проф. у-та св. Влад.; сообщ. докладъ Рузавцева

имп.—цѣ Екатеринѣ II о внутр. строѣ Малороссіи, 693—702.

Кіевъ; Историческія о немъ записки, статья П. Л.—ва, (о кіев. церквахъ и монастыряхъ), 227—253.

Кіево-Соф. соборъ; открытіе мозаикъ въ немъ, 162—165; возобновленіе его въ XVII ст., 234—238; улом., 555—557, 563—567.

Клейнмихель, графъ, 448.

Климентъ св., папа римскій; зам. о его главѣ, 534—541.

— XI, папа римскій, 496.

Клижъ, митроп. кіевск. 538.

Клуидтъ, Георгій, штудистъ; его писма, 315—316, 319—320; улом., 309, 317, 505.

Клюеръ, штудистъ, 312.

Клюкъ, Христіанъ, штудистъ, 310.

Кобызевичи, дворяне, 19, 318.

Ковельскіе, князья, 15.

Козеяко, полков. запорожскій, 165.

Конашевичъ, (Сагайдачный) Петръ, гетманъ, 228—229.

Кондракцій, Давидъ, штудистъ, 500, Константявъ Великій, имп. визант., 429, 443.

— VI, имп. виз., 434.

— Мономахъ, имп. виз., 427.

— Поговать, имп. виз., 427.

Копякскій, Исая, митр. кіевскій, 187, 229, 230, 521.

Копицкій, козацкій предвод. XVI ст., 36.

Копытевскій, Захарія, южнорус. ученій XVII ст., 217.

Корецкіе, князья, 15.

Корябутъ-Ольгердовичъ, кн. литов., 18.

Коріатовичъ, влизья, 271—273, 385.

Корниловичъ, Захарія, еписк. переслав. вач. XVII ст., 239—240; 624—625, 658.

Коссовъ, Сильвестръ, митроп. кіев., 186—190, 210, 229, 527—528.

Костомаровъ, Н. II, изв. историкъ; рецензія на его драму: «Эллины въ Тавридѣ», 137—141; улом., 231, 427, 573, 642.

Котляревскій, перев. «Энеиды», 352—353.

Котошихинъ, рус. писат. XVII в., 445.

Коцебу, графъ П. Е., 314—315, 347—351.

- Кравченко, Михайль, штундистъ, 501, 502.
 Кременчугъ, г., 10.
 Крякувевичи, земле, 20.
 Крплицкіе, земле, 20.
 Кроковскій, Іосифъ, митр. кiev., 114, 241, 624, 658.
 Кулишъ, П. А., соврем. писатель, 642—643, 744.
 Куплицкій, гетманъ конда XVII ст., 71.
 Куракивъ, кн. Б. П.; семейная его хроника, (съ предисловіемъ Ф. А. Терявскаго), 104—128, 478—498, 621—638; поправка, 658; упом., 369.
 Курбскіе, князья, 18—19.

Л.

- Лазаревскій, А. М.; его рецензія на «Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей», 331—332; разборъ его книги «Фамильные бумаги Суляжъ, Скорупиъ и Войцеховичей», 332—336; упом., 143.
 Лактанцій, церков. пис. IV в., 423.
 Лаванскій, В. И., изв. славецъ, 425, 430.
 Ланге, штундистъ, 315.
 Лашкаревъ, П. А., проф. кiev. духов. акад., 244.
 Леванидовъ, А. Я., ген.-поручикъ, 465.
 Левашовъ, графъ В. В., кiev. ген.-губ., 530—534.
 Левинскій, Ив. Сем.; его повѣсть «Старосвѣт. батюшки и матушки», 586—620.
 — О. И.; его рецензія на VIII т. Рус. Истор. Библіотеки, 328—330; разборъ изд. подъ его редакціей VI т. Архива югозап. Россіи 718—719.
 Левшинъ, Платонъ, митроп. москов., 280.
 Левъ Даниловичъ, кн. Галицкій, 270—271.
 — IV, папа римскій, 429.
 — III, иконоборецъ, имп. визант., 435.
 — V, имп. визант., 435.
 — Оракиянинъ, имп. визант., 426.
 Лееръ, штундистъ, 315, 317, 319.
 Лежайскій, Михайль, архим. новгородъ-свѣ. монастыря XVII ст., 198.

- Леонтьевъ, проф. моск. у-та, авт. нѣк. философ. сочиненій, 421.
 Лефортъ, генераль Петра I, 122.
 Либягъ, проповѣдникъ штунды; письма къ нему Вилера и Прицау, 316—319; упом., 306, 505.
 Ливневій Ольгердовичъ, кн. литовскій, 18.
 Липовскій, Францъ, штундистъ, 308—314, 505.
 Лисаневичъ, Г. П., ген.-лейтенантъ, нач. воен. поселеній на югѣ Россіи; письма къ нему графа А. А. Аракчеева, 673—692.
 Лука Жидята, епископъ новгород. XI в., 572.
 Лучинскій, И. В., проф. у-та св. Влад., рецензія на изд. вмѣ «Сборникъ матеріаловъ для исторіи общин. землевлад., 141—148; упом., 344.
 Лысянка, м., 10.
 Любартовичи, дворяне, 15.
 Любартъ Гедимировичъ, кн. литов., 18.
 Любчъ, г., 10.
 Лявкоронскій, Предславъ, гетманъ, 43—44.
 Лясога, Эрнстъ, посоль имп. Рудольфа, 43, 238.

М.

- Маврискій, имп. визант., 427.
 Мазепа, Иванъ, гетманъ; предложеніе его 1703 г. кievскому войту и магистрату, 132—136; «Вопль Мазепы», 658—672; упом., 127, 231—234, 236, 240, 624—626, 703—704, 707, 717—718, 737, 745.
 Майеръ, проповѣдникъ штунды, 306, 317, 318, 320, 505.
 Макарій, патриархъ антиохійскій XVII ст., 229; 563.
 — митроп. москов. XV в., 558, 562.
 — (Вулгаконъ), митроп. москов., 227, 424, 442.
 Максимовичъ, М. А., изв. ученый, 227—232, 530—534.
 Малышевскій, И. И.; его рецензія на «Очеркъ исторіи зап.-русской церкви» П. А. Чистовича, 518—526.
 Мария, (Миниекъ), жена Дмитрія Савозца, 363.

Марія, имп.—на виз., супруга имп. Константина VI, 434.
 Маркевичъ, А.; его зам. «Мѣры противъ вечерницъ и кулач. боевъ», 177—180; упол., 342—343.
 — Б. М., 751—757.
 Мартина, имп.—на виз., супруга имп. Ираклія, 434.
 Мартинъ Исповѣдникъ, папа римскій, 433.
 Мартыновъ, переводчикъ и комментаторъ Геродота, 509—510.
 — Н. С., убиеній на дуэли М. Ю. Лермонтова, 92.
 Масуди, пис. X в., 579.
 Матвѣевъ, Андрей Артам., посолье Петра I въ Габъ, 636.
 — Артамонъ, его отецъ, бояринъ, 198.
 Медетій, патриархъ ал-дрійскій, 229.
 Мелешковичи, землице, 20.
 Мельникъ, Е., двѣнца-археологъ, 342.
 Менагумеръ, ханъ монгольскій XIII ст., 18.
 Мевля-Гирей, ханъ крымскій, 409.
 Меншиковъ, Яковъ, итундистъ, 501.
 Меньшиковъ, свѣд. кн. А. Д., лѣт. временщикъ Петра I, 481, 483, 493, 496, 624, 626, 629, 633, 737.
 Мерзля, франц. писатель, 703.
 Мехметъ Гирей, ханъ крымскій, 38—39, 44.
 Мещериновъ, Іосифъ, архим. чернягов. XVII ст., 191.
 Миллеръ, историографъ прошлаго ст., 227—230.
 — О. Ф., проф. петерб. у-та; его статья «Церковь и византизмъ», 419—446.
 Милорадовичи, дворяне, 331—332.
 Милутиновичъ, Аѳанасій, игуменъ въ Новой-Сербин, 278—281.
 Минякъ, фельдм., 717.
 Мишуринъ-рогъ, литов. замокъ XV ст., 10.
 Михайлъ I, имп. визант., 435.
 — Пафлаговъ, имп. визант., 434.
 — Ярославичъ, кн. москов. († 1248 г.), 372.
 — Омельковичъ, кiev. кн., (1402г.), 17.
 — Федоровичъ, царь и вел. князь, 228, 563, 714.

Михайлъ, I, митроп. кievскій, 579.
 — II, митроп. кievскій, 538.
 Мишки, дворяне, 362—363.
 Многогрѣшникъ, Демякъ, гетманъ, 198, 204.
 Могила, Іеремія, господ. Молдав., 364.
 — Петръ, митроп. кiev., 163, 184—186, 210, 217, 234, 323, 563.
 Могиленко, гетманъ, 71—72.
 Можайскіе, князья, 18.
 Моккастро, (Аккерманъ) генуэз. крѣпость, 11.
 Муравьевъ, А. Н., 163.
 Мушка, р., 59—60.
 Мстиславъ Андреевичъ, князь, сынъ А. Боголюбскаго, 558.
 — тхотороканскій князь, 570.
 Муромецъ, тавричскій губерн., 538.

И.

Наталья Кирилловна, (Нарышкина) царица, 120.
 Наумово, Влад. Павл.; его зам. «Къ исторіи газет.-журнальнаго дѣла», 529—534.
 Нашокинъ, Аѳанасій, бояринъ царя Осдора Алекс., 204.
 Нейманъ, соврем. иѣм. ученый, 510.
 Нелюбовичъ-Гукальскій, Іосифъ, митроп. кiev., 191, 192, 194, 196—197.
 Невроновичъ, всевода кiev. XVI ст., 28—29.
 Несторъ, лѣтописецъ, 580—582.
 Никифоръ, имп. визант., 436.
 Николай I Павловичъ, имп., 467, 513—514, 660, 723—724.
 Нифонтъ, еписк. новгород. XII в., 538.

О.

Овручь, г., 10.
 Одровожъ Яцко, основатель домянск. въ Кіевѣ монаст., 249.
 Оксеновичъ, игуменъ брестскаго монаст. XVII в., 248—249.
 Олегъ, князь кievскій, 579.
 — Святославичъ, князь чернигов., 243.
 Омелько Владимировичъ, кн. Копыльскій, 18.
 Ольга св., княгиня, 250, 579.
 Ольгердъ, в. кн. литовскій, 18, 271.

- Ольдерикъ, настоятель реймской церкви св. Марія, (XI в.), 536—537.
 Ондра, Карлъ, пропов. штууды, 306, 310, 312, 314, 505.
 Омкель, первый пропов. штууды, 306, 311—312, 505.
 Ону, драгоманъ рус. посольства въ Константинополь, 103.
 Орягенъ, церк. писатель III в., 433.
 Освятняжскій, Яковъ, штуудистъ, 501.
 Оссовскій, соврем. польскій археологъ, 341—342.
 Остеръ, г., 10.
 Острожецкій, кн. Оедоръ, 180.
 Острожскій, кн. Вас.—Конст. Конст., знам. ревнитель православія, 36, 39, 180, 518—521.
 Отаки, с. под. губ., 61—62.

II.

- Навель I Петровичъ, импер., 465.
 — патр. константиноп. IV в. 433.
 Навловичъ, П., свящ.; его воспом. о военныхъ поселеніяхъ, 168—172.
 Наілюкъ, гетманъ, 42.
 Наисій, патр. константиноп. XVII в., 228.
 Напаррлгопуло, греч. историкъ, 427, 439.
 Наткуль, генералъ-поручикъ, посолъ при польскомъ дворѣ, 490.
 Невкивъ, кiev. губернаторъ, 530.
 Ненхержевскій, А. Л., кiev. комендантъ, 92.
 Ненько, Явъ, староста черкас. и кавес., 28—29.
 Переяславль, г., 10.
 Петазія Регенбургскій, ученый раввинъ XII в., 578.
 Пестръ I Алексѣевичъ, импер.; воспоминанія о немъ князя Б. И. Куракнина, 104—128; 478—498; 621—638, упом., 233—235, 238—240, 369, 425, 658—660, 703—705, 739.
 — III Оедоровичъ, импер., 327.
 Писарева, Софья Гавриловна, 83, 86, 88.
 Писаревъ, ея мужъ, правит. канцелярн Д. Г. Влбикова, 82—84, 86—88, 94.
 Пичевичъ, Сем. Степ., 321—338.
 Платонъ, (Городецкій) митроп. кiev., 164.

- Подкова, Иванъ, претендентъ на молдавскій престоль, (1577) 36—37.
 Подолія, Путевые Очерки, 53—61, 254—275.
 Познанскій, Б. С.; сообщ. зам. о штуудѣ, 543—544.
 Полоцкій, Симеонъ, ученый XVII ст., 186, 437.
 Повомаревъ, С. И., изв. библиографъ, 744.
 Поповъ, Левъ, штуудистъ, 501.
 Поссевицъ, Антоній, уч. іезуитъ XVI ст., 525.
 Потемкинъ, Г. А., свѣтл. кн. 694.
 Потоцкій, Андрей, воевода кievскій, 71.
 — Іосифъ, воев. кievскій, (1702 г.) 72—73.
 — Станиславъ, воев. брацлавскій, 70.
 Потѣй, Ипатій, кiev. уніатскій митроп.; его портретъ при I книгѣ тома; замѣтка къ нему, 180—182; упом., 368, 518—519, 714.
 Почайна, р.; о ея мѣстности, 250—253.
 Почаскій, Софроній, ученый XVII в., 185.
 Праховъ, А. В., проф. петерб. у-та, 164.
 Прицау, Юганъ пропов. штууды; его письмо къ Либягу, 318—319; упом., 306, 314, 317, 501—502, 505.
 Прокоповичъ, Зосима, еписк. чернигов. XVII ст., 187, 189.
 — Теофанъ, архіеп. пеконскій, 425.
 Пузиль, Юганъ, штуудистъ, 310.
 Пушкаль, А. С., знам. поэтъ, 441.

P.

- Рогоза, Михайль, митр. кievскій, 181, 368.
 Радзивилязь, кн. Варвара, супруга короля Сигизмунда-Августа, 275.
 — кн. Никодимъ, изв. покровитель протест., 180.
 Радзивиловскій, Антоній, уч. XVII ст., 206, 223—225.
 Разумовскій, графъ К. Г., гетманъ, 693, 718, 730—733.
 Раловъ, Іоакимъ, архіеп. въ Нов. Сербіи, 278—281.
 Рахбо, соврем. франц. историкъ, 505.
 Ратушныи, братья, пропов. штууды, 306, 499, 503, 505.

Реклю, Элизе, изв. географъ, 705.
 Репнинъ, кн. Никита, 478.
 — кн. Н. В., 693.
 Роувинъ-бенъ-Яковъ, евр. ученый, 576.
 Рогерій, епископъ шалонскій XI в.,
 536—537.
 Романъ, кн. Брянскій, (1274 г.) 14.
 — Мстиславичъ, кн. Галицкій, 244—
 245, 268.
 — Аргиръ, имп. визант., 434.
 — Јакопанъ, имп. визант., 579.
 Ростиславъ Михайловичъ, кн. черниг.,
 270.
 Рубанъ, вст. провлаго ст., 227.
 Ружинскій, кн. Михайлъ, гетманъ, 49.
 Румянцевъ, графъ П. А.; его докладъ
 имп.—цѣ Екатеринѣ II о внутр.
 строе Малороссіи, 538.
 Рюрикъ Ростиславичъ, кн., 538.
 Рябошапка, проповѣд. штуды, 306,
 315—316, 501—505.

С.

Савченко, И. П., сообщ. эпизодъ изъ
 жизни графа В. В. Браницкаго,
 749—750.
 Садовскій, Стапиславъ, староста ушниц-
 ній, 74.
 Самара, р., 43.
 Самаринъ, Ю. О., изв. пис., 425.
 Самойловичъ, Иванъ, гетманъ, 328—
 330, 717.
 Самоквасовъ, Д. Я., проф. варшав.
 у-та, историкъ-юристъ, 343, 507—
 512.
 Сангушки, князья, 15.
 Сатавовскій, Арсеній, ученый XVII в.,
 186.
 Свидагайло Ольгердовичъ, кн. литов.,
 18.
 Святополкъ II Всеволодовичъ, в. кн.,
 кiev., 237.
 Святославъ, кн. кievскій, 570, 572.
 — Ярославичъ, кн. чернигов., 243.
 Селецкій, П. Д.; его записки, 82—
 103.
 Семеня Ал—дровичъ, кн. кievскій, 8.
 Семеновичъ, Іоанникій, игумень кievо-
 михайлов. монастыря, 239—241.
 Сергій, патриархъ константиноп., 434.
 Сигизмундъ I Августъ, кор. польскій,
 27, 249, 367.
 Сигизмундъ III, кор. польскій, 242.
 Сихевъ Іоанновичъ, в. кн. москов.,
 18.
 — Олельковичъ, в. кн. кievскій, 565.
 Скабалновичъ, соврем. духовн. пис.,
 428—429, 434, 440.
 Скадовскій, П. Л., соврем. художникъ,
 544.
 Скоропадскій, гетманъ, 658, 718.
 Скорубы, дворяне, 334.
 Славинецкій, Евстафій, южнорус. уч.
 XVII ст., 186.
 Сколенскіе, князья, 15.
 Смотрицкій, Мелетій, учен. XVII в.,
 217, 521.
 Сютричъ, г., 10, 271, 365.
 Соболевскіе, дворяне, 14—15.
 Созоменъ, церк. пис., 429—430.
 Солдцевъ, Ѳ. Г., академикъ, 162.
 Соловьевъ, В. С., соврем. мыслитель,
 419—448.
 Софоновичъ, Григорій, протопопъ ос-
 тринскій, 134—136.
 — Феодосій, намѣстникъ кievо-братск.
 монастыря, 187, 201, 219.
 Софія Алексѣевна, царица-правитель-
 ница, 117, 119.
 Стаиславъ (Лещинскій), кор. польскій,
 495,
 Старушачъ, Пгватій, уч. XVII ст.,
 185.
 — Климентій, игумень кievо-виду-
 бицкій, 189, 192.
 Стогайло, старшина войсковый козацій;
 реляція его Кому о побѣдѣ надъ
 турецкими флотомъ. 120—131.
 Стороженко, Алексѣй Петр., писатель;
 рассказы о его слѣдовательской дѣят.,
 723—730.
 — Андрей Яковл., сенаторъ; воспо-
 мнанія его о воен. поселеніяхъ,
 447—477.
 Студеница, м. под. губ.; его исторія и
 описаніе, 61—81; упож., 53.
 Судіенко, М. О., 91—92.
 Сулимы, дворяне, 331—336.
 Сужиковъ, П. О., проф. харьк. у-та; его
 монографія «Инокентій Гизель»,
 183—226; разборъ его книги о
 Лазарѣ Барановичѣ, 526—528,
 Суреметниковичъ, П. Ѳ., 1-ый ректоръ
 вилен. коллегиума, 182.

Т.

- Тарасій, патріарх константиноп., 434.
 Текеля, Савва, ген., 459.
 Терезка, р., 255—258.
 Терезицы, с. под. губ., 255.
 Терленкій, Кириалль, епископъ луцкій;
 его портретъ при II княгѣ тома;
 замѣтка къ нему, 366—369; упол.,
 180, 182, 518, 714—715.
 Терновскій, Ф. А., проф.; его пред-
 словіе къ запискамъ кн. В. И. Ку-
 ракина, 104—128, 478—498,
 621—638; упол., 369, 419—446.
 Тетери, Павель, гетманъ, 717.
 Тискиневичъ, гетманъ, 519.
 Титовъ, А. А.; сообщ. зам. о судьбѣ
 имущества Ирины Фальковского,
 740—743.
 Ткаченко, Яковъ, штундистъ, 501.
 Тозеръ, соврем. ученый проф. оксфорд-
 ского у-та, 535.
 Толли, И. А., кiev. город. голова, вла-
 дѣтель Вишнева, 363, 366.
 Толстой, графъ Левъ Ник., знам. пис.,
 444.
 — Петръ, вѣжп. полков., 717.
 Толькъ, Юстенъ, голланд. уч. XVIII ст.,
 706.
 Третьяковъ, извѣстный меценатъ, 545.
 Трисяна, Іосифъ, архимандритъ почер-
 скій XVIII ст., 187, 189.
 Трубецкой, кн. А. И., 105, 192, 195.
 Турецъ, р., 230.
 Тышкевичъ, Василій, староста черкас.
 канев., 27—28.
 — графъ, кiev. предводитель дворян-
 ства, 92.
 Тяпиль (Бендеры), крѣпость, 11, 40.

У.

- Уваровъ, графъ С. С., археологъ, 338,
 342, 365.
 Узбекъ, татарскій ханъ, 408.
 Унгеръ, Абрамъ, штундистъ, 502.
 Унскъ, крѣпость, 11.

Ф.

- Фальковский, Иринаей, коадьюторъ кiev.
 митрополія; судьба его имущества,
 740—743.
 Федь, мѣщане, 20, 380.

- Филаретъ, митроп. кievскій, 84—85.
 — (Филаретовъ), епископъ рижскій,
 232.
 — (Гумилевскій), архіеп. чернигов-
 скій, 207, 218—219.
 Флямоновичъ, Меодій, еписк. мсти-
 славскій XVII в., 192, 195, 197,
 204.
 Филмоновъ, 557, 563, 567.
 Фидлькъ, Михель, штундистъ, 309—
 310, 505.
 Финъ, соврем. ученый, 574.
 Фирковичъ, Авраамъ, ученый раввинъ,
 568—569, 571.
 Фишеры, братья, штундисты, 504.
 Флокенъ, штундистъ, 317.
 Фока, имп. визант., 427—428, 431.
 Фотій, митроп. кievскій, 539—540.
 — патріархъ константиноп., 579.
 Французъ, Петръ, штундистъ, 504.

Х.

- Хвольсонъ, проф. петерб. у-та, 574,
 576.
 Херсонскъ Гераклеискій, дорійская коло-
 нія въ Крыму, 137—141.
 Хлопяцкій, пав. польскій диктаторъ,
 365.
 Хмельнякъ, м., 10.
 Хмельницкій, Богданъ-Зиповій, гетманъ;
 письмо его къ царю Алексѣю Мих.,
 541—542; упол., 42, 43, 187,
 330, 527—528, 703, 717, 736.
 — Юрій, гетманъ, 717, 736.
 Хованскіе, князья, 15.
 Ходки, мѣщане, 20.
 Хояковъ, А. С., пав. пис., 421—425,
 438—439, 442—443.
 Хорватъ, Ив. Сем., ген.-лейт., 277—
 281; 284—302, 322, 324—327,
 459.
 Храповицкій, Степ. Сем., генералъ,
 455—456, 463, 465.
 Хребтовичъ, Мелетій, еп. владим.-брест-
 скій, 180.

Ц.

- Цивилакъ, Григорій, митроп. кievскій,
 430.
 Циммерманъ, Израиль, еврей-штундистъ,
 315—320, 502.

Цих-вять, Николай, іезуитъ XVII ст., 186
Цымбала, Ефимъ, штундистъ, 502.

Ч.

Чаадаевъ, 441.
Чацкій, графъ, 516.
Чарторый, р., 253.
Чарторыйскіе, князья, 15.
— кн. Адагъ, 315—316.
Чеважевскій; сообщ. зам. «Еще портретъ кисти Боровиковскаго», 544—545.
Черепъ, Аонасій, штундистъ, 501.
Чернасы, г., 10.
Чернобыль, м., 10.
Четвертинскій, кн. Гедеогъ, митроп. кiev., 234—236, 238, 242.
Чигринъ, г., 10.
Числовичъ, И. А.; рецензія на его «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви» т. II, 518—526.

Ш.

Шабловскіе, дворяне, 19, 379—380.
Шафировъ, баронъ, канцлеръ Петра I, 493, 495, 624.
Шевченко, Т. Г., изв. поэтъ, 743—744.
Шеляки, князья, 18.
Шликъ, штундистъ, 317—318.
Шляссъ, штундистъ, 316.
Штоллеръ, Генрихъ, штундистъ, 504.
Шувалы, земляне, 20.
Шульцъ фонъ, Отто-Вяльгельмъ, проп. штунды, 306, 310—314, 505.
Шумлянскій, Іосифъ, еписк. каменецкій, 73.
Шуттъ, Карлъ, штундистъ, 316.

Щ.

Щасныи-Богумешевичъ, дворяне, 380.

Э.

Эварницкій, Д. И., доц. харьковскаго у-та, 345.
Эдигей, мурза татар., 539.
Энгель, Іосифъ, штундистъ, 314.
Эмишгеръ, Карлъ и Христофоръ, проп. штунды, 306, 308—309, 501, 505.

Ю.

Юницкій, И.; рецензія на книгу его «Фун-

души и стищендіи вилен. учебнаго округа», 152—154.

Юрій Владиміровичъ (Долгорукій), кн. суздальскій, 244.

Юстиціанъ Великій, имп. визант., 426, 432—433.

— Ринотметъ, имп. визант., 427, 434.

Юшкевичъ, Амвросій, епископъ, 519.

Я.

Яворскій, Григорій, штундистъ, 500.

— Стефанъ, митроп. рязанскій, 425, 479, 659.

Ягайло, в. кн. литов. и кор. польскій, 403, 410.

Язловецкіе, дворяне, 10.

Ярославъ Мудрый, в. кн. кiev., 536, 537.

Яснскій, Варлаамъ, митроп. кievскій, 195—196, 226, 236—239, 353—354, 563.

Ястребова, В. Н.; сообщ. а) письма графа А. А. Аракчсва къ Г. И. Ласаневичу, 673—692; б) пѣсню о сербѣ, 757—758; его рецензія на изд. Имп. общ. ист. и древн. «Извѣстіе о походженіи С. С. Пшчевича», 321—328; упом., 70.

О.

Оедотовъ-Чеховскій, А. А.; разборъ изд. имъ «Актвъ греческаго вѣжннскаго братства», 716—718.

Оеодора, имп-ца, супруга имп. визант. Миталла I, 428.

Оеодоръ Алексѣевичъ, царь и в. князь, 115—116, 195—196, 198, 202, 204, 328—329.

— пппа римскій IV в., 433.

— Ивановичъ, кн. пинскій, 565.

— Коріатовичъ, кн., 272.

— Студитъ, св., 435—436.

Оеодосій Великій, императоръ визант., 425—426, 429.

— преподобный пещер., 573, 581—582.

Оеодота, имп-ца, супруга имп. визант. Константина VI, 434.

Оеофанъ, патріархъ іерусалим. XVII ст., 229—230.

Вибліографическое извѣщеніе.

ВЫШЕЛЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

№ 10 (1884 г.)

ИЗВѢСТІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

Содержаніе: I. *Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благо-творительнаго Общества.* II. *Славянское Обозрѣніе.* 1) Западники и славянофилы въ ихъ отношеніяхъ къ малорусской народности, профессора *О. Θ. Миллера.* 2) Нѣсколько дней во Львовѣ и его окрестностяхъ, *И. П. К—ича.* 3) Забытый уголокъ русской земли—Буковина, *А. Г. Петрова.* 4) Обѣдъ, данный членами Славянскаго Благотворительнаго Общества въ честь галицкихъ гостей, о. *І. Г. Наумовича* и *В. М. Площавскаго.* 5) Въ области славянской музыки. Ст. *П. Д. П. Никомскаго.* 6) По поводу посѣщенія Вѣлграда румынскимъ королемъ (*корреспонденція изъ Вѣлграда*). 7) Дмитрій Матичъ, сербскій патриотъ (некрологъ), *И. П.* III. Славянскія библиографическія извѣстія. 1) Къ болгарской этнографической литературѣ, *П. А. Сырку.* 2) О культѣ Яна Непомука въ Чехіи, *Ю. С. Анненкова.* 3) Путешествіе въ страну словаковъ *Р. Поворнаго, рев. П. А. К.* IV. Объявленія.

Подписка на «Извѣстія» принимается въ помѣщеніи Славянскаго Общества, площадь Александринскаго театра, 7. Подписная цѣна на годъ за 12 книжекъ *два рубля*, съ доставкой и пересылкой.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 г. НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

ДѢТСКІЙ „РОДНИКЪ.“ ЖУРНАЛЪ

Въ 1885 году (4-й годъ изданія) «Родникъ» будетъ выходить, при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 100 и болѣе страницъ большаго формата, со многими рисунками, съ музыкальными приложеніями и съ отдѣломъ смѣся, въ котороужъ помѣщаются мелкія статьи, загадки, задачи, игры и проч. и проч.

Выборъ статей въ «Родникѣ» приваровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Редакція даетъ главнымъ образомъ оригинальныя статьи изъ русской жизни и природы. Всѣ, даже мелкія статьи научнаго содержанія редактируются специалистами.

Приложеніе къ «Роднику», педагогическій сборникъ «Воспитаніе и Обученіе» выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ нихъ помѣщаются статьи по вопросамъ воспитанія и обученія и библиографія по дѣтской, учебной и педагогической литературѣ.

Премія къ „РОДНИКУ“ 1885 года

будетъ заключаться въ альбомъ 12 оригинальныхъ картинъ по русской исторіи художника А. Земцова, исполненныя геліотипіей въ Вѣнѣ, у Ангерера и Гешля. Картинны эти будутъ разсланы и подписчикамъ отдѣльно отъ журнала, всѣ сразу, въ красивомъ конвертѣ, съ первымъ № «Родника» 1885 г.

Кромѣ того, въ видѣ дароваго приложенія къ «Роднику» 1885 г., будетъ данъ «Литературный альбомъ» изъ 12 оригинальныхъ картинъ художника Н. Н. Каравина къ стихотвореніямъ русскихъ классиковъ. Къ каждому № будетъ прилагаться по одной такой картинкѣ.

Журналъ «Родникъ» Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи рекомендованъ, какъ весьма полезный для женскихъ институтовъ и гимназій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Особымъ Отдѣломъ сего Комитета допущенъ для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также городскихъ и народныхъ училищъ.

Условія подписки на 1885 г. остаются прежнія:

На годъ, съ доставкой и пересылкою, за 12 книгъ «Родника» съ отдѣльною премією—5 р. блей.

Тоже, съ приложеніемъ 3 книгъ педагогическаго сборника «Воспитаніе и Обученіе»—6 рублей.

Адресъ главной конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, № 4.

Большой ежемѣсячный научно-литературн. журналъ

ГОДЪ 2-й. „КОЛОСЬЯ“ 2-й ГОДЪ.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры, въ объемѣ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ *каждый мѣсяць* (12 книгъ въ годъ).

Въ изданіи до сихъ поръ принимали участіе около 70 сотрудниковъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны публикѣ.

Въ истекшемъ году было помѣщено нѣсколько большихъ оригинальныхъ романовъ («Погасшая искра», «Гдѣ счастье?» и др.), болѣе десяти большихъ повѣстей («Актриса Уранова-Сандунова», «На ложной дорогѣ», «Невѣста Бѣлаго Генерала», «Неудавшаяся королева», «Невѣняемая грѣшница» и др.), болѣе пяти драмъ и комедій («Графъ Чаланскій», «Разбитая жизнь», «Роковая клятва», «Северо Торелли», и др.), нѣсколько большихъ поэмъ въ стихахъ («Буреломъ», «Сергій Ларскій», «Смертоносная гора» и пр., и около 25 небольшихъ разсказовъ и очерковъ. По отдѣламъ: научному, историческому и критическому и по текущимъ вопросамъ публицистики было помѣщено нѣсколько статей въ каждой книжкѣ.

Въ будущемъ году редакція намѣрена продолжать свое дѣло въ томъ-же духѣ, какъ и теперь, стремясь дать публикѣ самый обширный, разнообразный и полезный матеріалъ для чтенія. Изъ всѣхъ большихъ журналовъ за нынѣшній годъ ни одинъ не далъ такъ много оригинальной беллетристики, какъ «Колосья», которые вообще избѣгаютъ переводнаго балласта. При всемъ этомъ «Колосья» остаются *самыми доступными по цѣмъ* журналамъ изъ всѣхъ другихъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій.

Подписная цѣна на журналъ «Колосья» въ 1885 году:

На годъ (съ пересылкою и доставкой) **8 р.**

На полгода **5 »**

ОТЪ КОНТОРЫ.—Принимая во вниманіе желаніе многихъ повѣхъ подписчиковъ имѣть въ своей домашней библіотекѣ журналъ съ самаго его основанія, редакція рѣшилась отпечатать *второе изданіе* 12 книгъ перваго (1884) года, которыя и будутъ высланы подписчикамъ немедленно по полученіи подписныхъ

денегъ, при чемъ цѣна за эти 12 книгъ назначается значительно уменьшенная, а именно 3 руб. Льгота эта допускается только для годовыхъ подписчиковъ, предлагающихъ *ТРИ РУБ.* къ годовой платѣ 8 руб. (всего 11 руб.).

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ журнала «Нелосья» (уголъ Б. Садовой и Большой Итальянской, домъ Крафта), куда адресуются и письма иногородныхъ.

Редакторъ-издатель И. А. Баталинъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА.“

Журналъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны и рекомендованъ начальствами поддѣжащихъ въдомствъ для гимназій, уѣздныхъ училищъ, городскихъ и народныхъ школъ, для женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи, для духовныхъ семинарій и училищъ и для библиотекъ военныхъ гимназій иprogymnazій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Годовое изданіе «Семейныхъ Вечеровъ» будетъ состоять изъ 24 книгъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Стихотворенія, повѣсти и рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей; 2) Биографіи замѣчательныхъ людей; 3) Очерки народныхъ обычаевъ, преданій разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разные эпохи. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всеобщей. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборы замѣчательныхъ сочиненій. 8) Новѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распредѣляться такимъ образомъ, чтобы первый отдѣлъ изданія, состоящій изъ 12 книгъ, украшенныхъ картинками, распадался на двѣ половинки, изъ которыхъ первая составила-бы вполнѣ пригодное чтеніе для дѣтей отъ 8-ми до 14 лѣтъ, а вторая—для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми лѣтъ. Другой же отдѣлъ заключалъ бы въ себѣ по преимуществу статьи, приспособленныя для семейнаго чтенія такъ, чтобы всѣ члены семьи нашли въ этомъ отдѣлѣ вещи, которыя прочли-бы съ одинаковымъ интересомъ и пользой.

Къ отдѣлу для Семейнаго чтенія, какъ и въ 1884 году, будутъ разсылаться приложенія рисунковъ *новѣйшихъ рукодѣлій*, а къ отдѣлу для дѣтей—*рисунки техническихъ искусствъ и различныхъ шръ и занятій*, а также награды подписчикамъ, приславшимъ опредѣленное редакціей количество задачъ и рѣшеній.

Кромѣ того, *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла «Семейныхъ Вечеровъ»* будетъ разслана въ видѣ *преміи олеографія*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Полный журналъ (24 книжки) безъ доставки 10 р. съ доставкою 11 р. — к.
 Отдѣлъ для дѣтей (12 книжекъ) " " 5 р. " " 5 р. 50 к.
 Отдѣлъ для семейнаго чтенія и юнош. (12кн.) „ „ 5 р. „ „ 5 р. 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Для земскихъ школъ, подписавшихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экз., уступается 2 руб.

Разрочна допуснается: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ за ручательствомъ гг. казначеевъ, для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній за ручательствомъ ихъ начальствъ, а для прочихъ подписчиковъ по соглашенію съ редакціей.

Разрочка допуснается по третямъ не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи «Семейные Вечера», С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) улица, домъ № 14, кварт. № 9.

За весь годъ, начиная съ 1874, имѣются въ небольшомъ количествѣ полныя экземпляры съ хромолитографированной картиной.

Редакторъ-Издательница С. Кашпирева.

„ВОКРУГЪ СВѢТА“.

Журналъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ будетъ выходить съ 1-го января 1885 г. въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ, со многими роскошными гравюрами, рисунками и иллюстраціями, исполненными лучшими русскими и иностранными художниками и гравировщиками въ Парижѣ, Римѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. 50 №№ годовлаго изданія составятъ два объемистыхъ тома, могущіе служить украшеніемъ гостиной и вмѣщающіе въ себя около 300 большихъ рисунковъ и портретовъ и нѣсколько законченныхъ иллюстрированныхъ романовъ.

Въ журналѣ примутъ участіе: 1) въ художественномъ отдѣлѣ: Риу, Морели Монкети, Кастели, Фера, Каразинъ, Рачковъ и Вадимовъ; 2) въ литературномъ, Э. Бусенаръ, Макъ-Гаханъ, Н. П. Каразинъ, В. И. Немировичъ-Данченко. С. К. Максимова, Ф. Н. Пржевальскій, Рада-Бай, Шисецкій, М. Веризъ и многіе другіе.

ТЕКСТЪ ЖУРНАЛА

будетъ состоять: изъ интересныхъ романовъ, изображающихъ приключенія въ разныхъ частяхъ свѣта, съ роскошными иллюстраціями; повѣстей и разсказовъ: рисующихъ жизнь различныхъ народовъ и племенъ; небольшихъ, законченныхъ, беллетристическихъ очерковъ съ рисунками; исторіи знаменитыхъ путешествій и открытій, морсконства, кораблекрушеній, экспедицій, морскихъ сраженій; популярнаучныхъ статей, разсказанныхъ живымъ языкомъ, раскрывающихъ тайны природы:

подземнаго міра, небеснаго пространства, нѣдръ земли и океановъ. Кромѣ того журналъ будетъ давать интересныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ всего свѣта, описанія городовъ, корреспонденціи изъ отдаленныхъ окраинъ; отчеты объ экспедиціяхъ, путешествіяхъ, научныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; извѣстія о судахъ, находящихся въ плаваніи; всѣ виды спорта и слѣбъ.

Подписная цѣна: **3** р. с. въ годъ съ перес. и доставкою; **2** р. въ $\frac{1}{2}$ г. съ пер. и дос.

Иногородные подписчики адресуютъ исключительно въ редакцію журнала „**ВОКРУГЪ СВѢТА**“: Москва, Каретный рядъ, д. Шикъ. Для городскихъ: въ копирѣ объявленій Печковской (Петровскія линіи) и въ редакціи. Для учащихъ допускается разсрочка: 1 руб. въ 3 мѣсяца.

Редакторъ-издатель **М. Вернеръ**.

1885 г. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ г. 1885.

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.“

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Редакторъ-издатель **П. И. ПОЛЕВОЙ**.

Въ 1885 году годовые подписчики „Живописнаго Обзорія“ получаютъ:

- I. 52 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, каждый по хвѣ двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текствѣ.
- II. 12 ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.
- III. 12 ежемѣсячныхъ номеровъ «Парижскихъ модъ».
- IV. Бесплатную премію—художественно исполненную олеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра;—подробности въ № 1). Желавшіе получить всѣ три картины доплачиваютъ въ подписной цѣнѣ еще 2 р.

Примѣчаніе. Въ избѣгающіе порчи картинъ въ дорогѣ, предлагается гг. подписчикамъ пересылка изъ *страховыми посылками*—прочно упакованныхъ и заштытыхъ въ холстъ, на полной отвѣтственности конторы, для чего за пересылку одной картины слѣдуетъ добавить 60 к., двухъ—80 к. и трехъ—1 руб.—Всѣмъ подписчикамъ, которые не сдѣлаютъ этого добавочнаго взноса, премія будетъ отправлена обыкновеннымъ бандеральнымъ способомъ, но, въ случаѣ пропуща или порчи въ дорогѣ, контора не можетъ принять за это на себя никакой отвѣтственности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкою.	безъ доставки и пересылки.
За годъ 8 р. — к.	За годъ 6 р. 50 к.
За полгода 4 р. 50 к.	За полгода 4 р. — к.

Подписка за границею: за годъ—12 руб., за полгода—6 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТДѢЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ СЛѢДУЮЩІЕ
ЛИТЕРАТОРЫ:

Н. А. Ахшарузовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейдбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. Н. Воскресенская, Н. О. Горбуновъ, Г. С. Дестунисъ (профессоръ), Л. Зволаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, Н. И. Красновъ, Б. Ленинъ, Александра Львова, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Малаховъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михайловскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. П. Пономаревъ, Л. Рускинъ, А. Сокольниковъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северианъ, Л. X. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С. Н. Тернягоревъ (Сергій Атава), П. Тройницкій, М. К. Цибрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шишюко, В. Ю. Юрьевъ, А. Н. Яхонтовъ и многіе другіе.

НА 1885 Г.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ

НА 1885 Г.

„ЛУЧЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТ. и ПЕРЕС. 6 РУБ.

За пересылку премій прилагается десять семикопѣечн. марокъ (70 к.).

Подписчики получаютъ:

1) Пятьдесятъ два иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ номера. Въ каждомъ будетъ обязательно помѣщена переводная статья С. С. Окрейдца. Остальныя отдѣлы журнала въ 1885 году редакція увеличитъ по объему и дастъ имъ болѣе специальную обработку.

2) Двѣнадцать книгъ приложений (ежемесячныхъ) будутъ содержать оригинальныя и переводныя романы, всего числомъ восемь. Каждый будетъ имѣть особую нумерацію и обложку, и всѣ восемь романовъ составятъ цѣнный вкладъ въ бібліотеку, *какою стоимостью далеко превыситъ всю годовую подписную цѣну за журналъ.*

и 3) кроиъ того, въ 1885 году всѣмъ подписчикамъ будетъ дано **шесть бесплатныхъ премій**: *Два картины*: а) Большая *олеография* и *акварель*, старательно и художественно исполненныя; б) *Второй томъ живописной Россіи*; в) и г) *Исторія завоеванія Мексики*, соч. В. Прескотта (2 большія тома) и д) *Третій томъ сочиненій С. С. Окрейца*.

Направленіе журнала „ЛУЧЬ“ остается тоже самое.

Покорѣйше просимъ нашихъ подписчиковъ вѣрить, что все возможное для улучшенія изданія будетъ сдѣлано нами. Что обѣщаемъ—непрерѣнно выполнимъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербурѣ, Николаевскій ул., д. № 41.

Редакторъ С. С. Окрейць.

1885 ГОДЪ.

„ЭХО“

ГОДЪ 1885

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА, СУЩЕСТВ. ПЯТЫЙ ГОДЪ.

С.-Петербурѣ, Невскій просп., домъ № 61.

Изъ большихъ ежедневныхъ газетъ—газета «Эхо» самая дешевая; тогда какъ годовая цѣна другихъ равняется 17 р., газета «Эхо» стоитъ всего лишь съ пересылкою и доставкою 10 р., разица громадная. (Допускается разсрочка платежа: для служащихъ—по третямъ, чрезъ ихъ казначеивъ; не-служащихъ—чрезъ главную контору редакціи «ЭХО», уплачивается при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 р., а въ началѣ августа 2 р.).

Значительно увеличившееся число подписчиковъ, явившееся результатомъ сдѣланныхъ улучшеній, даетъ намъ возможность, *сохраняя подписную цѣну въ наступающемъ 1885 году*, сдѣлать содержаніе газеты богаче, открывъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЬ. Въ немъ редакція постарается дать возможно вѣрное выраженіе движенія въ торговлѣ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, на Кавказѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ Россіи.

ОТДѢЛЬ ПУТЕШЕСТВІЙ. Нѣсколько извѣстныхъ писателей, отправляясь въ послѣдніи ведѣли великаго поста въ Иерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню, изъявили согласіе дѣлать описанія этого путешествія, которыя и начнутъ печататься въ нашей газетѣ со времени ихъ отъѣзда. Они посѣтятъ Москву, Кіевъ, Крымъ, пройдутъ весь Кавказъ и Закавказье, предпримутъ восхожденіе на гору Араратъ, побывають въ долинѣ Месопотаміи, на развалинахъ Вавилона и Иисевіи, пройдутъ потомъ всю Палестину и отъ Иерусалима направятся по Арабійской пустыни къ горѣ Синаи и въ Египетъ въ долину Нила. Это путешествіе будетъ печататься въ нашей газетѣ, затѣмъ будетъ издано отдѣльно съ приложеніемъ *скицковъ* со всѣхъ святыхъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ. Книга эта,

на которую редакція ассигнуетъ значительную сумму денегъ, будетъ издана роскошно, отдѣльнымъ томомъ и предложена подписчикамъ за одну только стоимость бумаги и пересылки.

ОТДѢЛЪ БЕЛЛЕТРИСТИКИ составитъ главную часть содержанія воскресныхъ №№, давая читателю романы, повѣсти, стихотворенія и отдѣльные рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. Составляя такимъ образомъ эти номера, редакція разсчитываетъ дать своему читателю въ буквальномъ смыслѣ «воскресное чтеніе», чтобы каждое семейство, собираясь въ своемъ кругу, могло имѣть полезное и пріятное развлеченіе. Всѣ помѣщенные въ газетѣ романы, повѣсти, стихотворенія и рассказы будутъ изданы отдѣльнымъ томомъ и предложены подписчикамъ точно также—за одну только стоимость бумаги и пересылки.

Придавая громадное значеніе *внутренней жизни* нашего государства, редакція газеты «Эхо» уже имѣетъ въ настоящее время во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи *корреспонденцию*, лично извѣстныхъ редакціи, и на добровольное отношеніе которыхъ къ своей высокой обязанности редакція можетъ положиться.

Изъ всѣхъ столицъ Европы и другихъ странъ редакція также имѣетъ самостоятельныхъ корреспондентовъ, которые, проживая долгое время за границей, прекрасно знаютъ мѣстную политическую и общественную жизнь.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“, 1885 г.

Съ 15-го сего октября открыта подписка на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» въ 1885 году, двѣнадцатомъ его изданіи.

Задача нашего изданія—отбѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этия не ограничиваются задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣванія человѣчества.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ подписчикамъ, годовымъ и полугодовымъ, наше обычное бесплатное приложеніе, подъ названіемъ «Календарь для духовенства» на 1885-й годъ. Годовая цѣна на газету съ бесплатнымъ приложеніемъ семь рублей, полугодовая четыре рубля и трехмѣсячная два рубля. Для заграничныхъ подписчиковъ цѣна остается прежняя: 10 р. въ годъ.

Подписка принимается: въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій переулокъ, д. № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года исполнится ровно десять лѣтъ съ той поры, какъ мы приняли на себя изданіе «Новороссійскаго Телеграфа».

Не мало средствъ, труда и энергіи пришлось намъ затратить, чтобы возобновленный нами «Новороссійскій Тел.» поставить на уровеньъ общественныхъ задачъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возрастаютъ, и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему ежегодно, расширяя программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до нынѣшняго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальнѣйшую дѣятельность, а десятилѣтній опытъ научилъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ и ошибокъ, неизбежныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше поднимаемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція «Новороссійскаго Телеграфа», не пренебрегая къ обѣщаніямъ и званіямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста Бунивы (г. Василевскаго), украшающаго страницы «Новороссійскаго Телеграфа» въ теченіи шестн лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которые обыкновенно появляются въ «Новор. Телеграфѣ» 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, «Нов. Телеграфъ», не увеличивая подписной цѣны, увеличиваетъ свой форматъ, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право наданія «бесплатныхъ премій», которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матеріаловъ и возможность изготовленія соответствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается исключительно въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, доль Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки		Съ доставкою		Безъ доставки		Съ доставк.	
и пересыл.		и пересыл.		и пересыл.		и пересыл.	
На 1 мѣсяць	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.		
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »		
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »		

> 4	>	5	>	—	>	6	>	—	>	10	>	11	>	—	>	13	>	—
> 5	>	6	>	30	>	7	>	50	>	> 11	>	11	>	50	>	13	>	50
> 6	>	7	>	—	>	8	>	—	>	> 12	>	12	>	—	>	14	>	—

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяць по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 юля), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го юня и 1-го сентября), т. е. всегда за мѣсяць впередъ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений, а также для лицъ, служащихъ въ сѣзѣ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

1885 (годъ Большой Литературно-Художественный Журналъ, седьмой) 1885

Выходитъ еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; (въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ).

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ журнала всѣ подписчики получаютъ БЕЗПЛАТНО:

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“, въ которыхъ въ теченіи года помѣщаются наиболѣе выдающіеся беллетристическія произведенія всѣхъ родовъ иностранной литературы. Къ концу года «Еженедѣльные Литературныя Приложенія» составятъ нѣсколько томовъ самаго интереснаго и замѣательнаго чтенія.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ новѣйшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Нѣкоторыя приложенія печатаются съ тономъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать, все это даетъ возможность составить изъ художественныхъ приложеній «Иллюстрированнаго Мира» роскошный альбомъ.

„НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, разсылаемая ежемѣсячно и составляющія полный руководѣльно-модный журналъ. Въ теченіи года дается: около 500 полититическихъ рисунковъ новѣйшихъ модъ, какъ то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные, костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертовъ, балыные, туалеты для невѣстъ, для причастія, различныя

шубки, пальто, жакетки и пр., а также дѣтскіе костюмы, платье, бѣлье и т. п. *Руководяльныя работы: разнообразныя буквы, инициалы, вензеля* и пр. Въ каждомъ номерѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: *Модный Курьеръ* (обзоръ модъ), *Описание рисунковъ, Хозяйство и кухня, Совѣты и рецепты, ответы подписчикамъ, смѣсь* и пр.

Всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премию: литературно-художественный

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

Альманахъ этотъ, украшенный прекрасными картинами, портретами и виньетками, будетъ заключать въ себѣ: стихотворенія, беллетристическія произведенія (оригинальныя и переводныя), біографіи, историческіе очерки, статьи по искусствамъ, путешествіямъ и пр. Въ концѣ альманаха будетъ помѣщенъ юмористическій отдѣлъ съ карриатурами. — «*Живописный Альманахъ*», представляющій массу интереснаго чтенія, по своей изящности и богатыхъ картинамъ *можетъ служить самымъ лучшимъ настольнымъ украшеніемъ въ каждомъ домѣ.*

(Желающіе получить альманахъ въ роскошномъ итамованномъ, золоченомъ переплетѣ прилагаютъ за переплетъ къ подписной цѣнѣ 1 р.)

Лица, подписавшіеся на годъ до 15-го декабря, получаютъ съ № 1 журнала тщательно составленный и заключающій всѣ необходимыя свѣдѣнія:

„ОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ“ НА 1885 Г.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	4 р.	Безъ дост. въ Москвѣ, чрезъ кон. Л. Метцля	4 р. 50 к.	Съ доставк. въ Сиб. и въ друг. городахъ и мѣстечкахъ Россіи.	5 р.
За границу			6 руб.		

Принимается подписка на $\frac{1}{4}$ года—1 р. 25 к.; на $\frac{1}{2}$ года—2 р. 50 к.; и на $\frac{3}{4}$ года—3 р. 75 к. Желающіе получить журналъ съ разсрочкою платежа подписной суммы, уплачиваютъ: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му іюля 1 р., и къ 1-му сентября 1 р.

Желающіе ознакомиться съ журналомъ, могутъ получить пробный номеръ, высылая лишь двѣ 7-ми копѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Невскій проспектъ, № 76. Въ Москвѣ, въ Центральной Конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова, № 6.

„ПРОГРЕССИВНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО“

иллюстрированный журналъ рациональнаго веденія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства съ цѣлью полученія наибольшаго дохода,

издающійся при постоянномъ сотрудничествѣ профессоровъ высшихъ учебныхъ земледѣльческихъ заведеній и хозяевъ-практиковъ, подъ редакціей Л. А. Черноглазова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ большаго формата съ *бесплатнымъ приложеніемъ* литературно-политическаго журнала „Еженедѣльный Обзоръ“.

По приѣзду истекающаго года, въ журналѣ «Прогрессивное Сельское Хозяйство» каждая отрасль сельскаго хозяйства будетъ имѣть свой отдѣлъ, который будетъ разрабатываемъ съ возможною полнотою. Программа: 1) Полеводство. 2) Лѣсоводство. 3) Скотоводство и птицеводство. 4) Садоводство и огородничество. 5) Пчеловодство. 6) Сельскохозяйственная механика и архитектура. 7) Вопросы и отвѣты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. 8) Сельско-хозяйственная хроника. 9) Полезныя замѣтки для сельскихъ хозяевъ и хозяекъ. 10) Домашняя медицина, гигиена и санитарное дѣло. 11) Внутренніе и иностранныя рынки. При статьяхъ помѣщаются полнотипажн въ текстѣ и отдѣльные рисунки.—Журналъ «Еженедѣльный Обзоръ» даетъ въ каждомъ номерѣ краткую, но обстоятельную характеристику выдающихся событій русской и иностранной жизни, романы, повѣсти, небольшіе рассказы изъ области наукъ, искусствъ и художествъ и т. и.

Благодаря сочувствію гг. хозяевъ, редакціи, несмотря на значительный объемъ своего изданія (не менѣе 200 печатныхъ листовъ въ годъ), множество дорого-стоящихъ рисунковъ и т. п., входить возможнымъ оставить прежнюю цѣну, т. е. съ доставкою и пересылкою *тоестъ руб. въ годъ за оба изданія*. По примѣру прошлаго года, лица, подписавшіяся до 1 го января, получаютъ при одномъ изъ первыхъ четырехъ № журнала разныя огородныя и цвѣточныя сѣмена.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Прогрессивнаго Сель-Хозяйства» за 1884 г. могутъ быть получены изъ редакціи по 6 р. безъ перес.

Открыта подписка на сборникъ

„ПРАКТИЧЕСКІЕ НАСТАВЛЕНІЯ, УКАЗАНІЯ И РЕЦЕПТЫ“,

примѣнимыя въ домашнемъ, городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, состояшіе изъ: 1,000 полезныхъ наставленій и указаній относительно приготовленія разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и консервовъ, а также и приготовленія мыла, помады, душистыхъ водъ, чернилъ, красокъ и проч.; выведенія различныхъ пятенъ, истребленія всякаго рода насѣкомыхъ; 250 домашнихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней; 500 средствъ насчетъ ухода и лѣченія лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ и проч., и 250 полезныхъ замѣтокъ ~~о различныхъ животныхъ, растений, плодовъ и проч.~~

Тутъ-же предлагаются

1) Культура пшеницы, монографія профессора Я. Н. Калашова. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

2) Печатается сочиненіе Гравенгорста „Практическій пастычникъ“ съ 56 рисунками; переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Цѣна съ пересылкою 2 рубля.

Ковтора редакціи помѣщается въ С.-Петербурѣ, Троицкій пер., д. № 40.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ“

иллюстрированный журналъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности,

СО СПЕЦІАЛЬНЫМИ ОТДѢЛАМИ

электротехники, винокуренного, пивовареннаго, сахарнаго, мукомольнаго, писчебумажнаго и кожевеннаго производствъ.

Программа журнала: 1) Указанія и распоряженія заводско-фабричныя. 2) Электротехника. 3) Винокуреніе. 4) Пивоваренное произв. 5) Сахарное произв. 6) Мукомольное произв. 7) Писчебумажное произв. 8) Кожевенное произв. 9) Технология, какъ-то: кирпичное, крахмальное, масляное, мыловаренное, прядильное, свѣчное, суконное, ткацкое и проч. производства. 10) Химія. 11) Механика. 12) Горное дѣло и металлургія. 13) Техно-экономическіе рецепты и наставленія. 14) Гигіена и санитарное дѣло. 15) Патенты. 16) Привилегія. 17) Вопросы и отвѣты. 18) Техническая библиографія. 19) Слѣсь. 20) Объявленія.

Журналъ выходитъ 15 и 30 каждаго мѣсяца, въ 4—5 печатныхъ листовъ большаго формата, со многими политипажамъ въ текстѣ.

Подписная цѣна на 1 годъ съ пересылкою 10 руб.

„Технической Обзоръ“ за 1882, 1883 и 1884 гг. можно получать по 10 руб., съ пересылкою за каждый годъ.

Контора редакціи «Технической Обзоръ» въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., № 40.

Открыта подписка на сочиненіе инжен. Тильмана:

„Подробное руководство въ установкѣ и постройкѣ паровыхъ котловъ“

всѣхъ лучшихъ системъ, съ подробнымъ расчетомъ паровиковъ, дымогарныхъ трубъ, арматуры и проч., съ указаніемъ надежныхъ предохранительныхъ правилъ противъ взрыва, а также съ указаніемъ на рациональное утилизированіе топлива и на новѣйшія усовершенствованія въ отопленіи паровыхъ котловъ сжиганіемъ дыма—чистѣйшаго и лучшаго горючаго матеріала.

1 большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ, съ 400 политипажамъ.

Это замѣчательнѣйшее сочиненіе становится необходимымъ руководствомъ для каждаго заводчика, фабриканта, владельца паровыхъ котловъ, механика, техника, технического учителя и проч.

Подписная цѣна 6 рублей.

Вышло уже 1, 2, 3 и 4 выпуска—5 и 6 находятся въ печати.

Подписка на соч. Тильмана принимается въ Редакціи „Техническаго Обзора“.

Открыта подписки на книгу

„ПРАКТИЧЕСКІЕ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКІЕ РЕЦЕПТЫ“ 1500

новѣйшихъ и полезнѣйшихъ открытій, усовершенствованій и патентованныхъ изобретеній въ областяхъ: пивкуреннаго, водочнаго, воскобойнаго, горчичнаго, клевареннаго, кожевеннаго, косметическаго, красильнаго, красочнаго, крахмального, лаковаго, маслобойнаго, машиннаго, механическихъ издѣлій, мукомольнаго, мыловареннаго, пивовареннаго, пшечубужнаго, сахарнаго, свѣчнаго, ситцепечатнаго, скорнячнаго, слесарнаго, снѣжечнаго, стекляннаго, суконнаго, уксуснаго, табачнаго, фарфороваго, фаянсоваго, шоколаднаго и прочихъ производствъ.

Подписная цѣна 2 рубля, съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Техническій Обзоръ“ въ С.-Петербургѣ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“, 1885 г. ШЕСТОЙ ГОДЪ.

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1885 году на тѣхъ же условіяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіи пять лѣтъ (1880—1884).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всеми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Для первыхъ книжекъ „Историческаго Вѣстника“ 1885 года въ распоряженіи редакціи уже имѣются, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Двѣ ураздивныя автоноліи. Отрывокъ изъ воспоминаній К. А. Бороздина. (Съ портретами и иллюстраціями).— Путешествіе Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году. А. Г. Врикнера. (Съ портретами и иллюстраціями).— Героизмъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. В. П. Бурешина. (Съ иллюстраціями).— Создательскій бытъ въ поговоркахъ и пословицахъ. К. Д. Бѣлова.— Исторія прошлаго вѣка. Е. М. Гаршина. (Съ портретами).— Записки Казановы и императрица Екатерина II. Исслѣдованіе по вновь открытымъ документамъ г. Шарля Генри, бібліотекаря Парижскаго университета. (Статья, написанная исключительно для «Историческаго Вѣстника»). (Съ портретами).— Ливенскіе святители. М. П. Городецкаго. (Съ иллюстраціями).— Исторія Краснаго Кабачка. Г. В. Есипова.— Два эпизода изъ дѣтства императора Александра II. М. Н. Захарьяна.— Отрывки изъ литературныхъ воспоминаній В. Р. Зотова.— Культурные очерки Директоріи. Его-же. (Съ иллюстраціями).— Цевзура времени императора Павла I. П. П. Каратыгина.— Переподохъ въ Петербургѣ.— Историческая повѣсть Е. П. Карновича.— Вѣлая дама. Его-же. (Съ иллюстраціями).— Забытыя знамени-

тости русской литературы. А. И. Кирьячкова. (*Съ портретами*). Воспоминанія о селѣ Спасскомъ и его обитателяхъ. В. Н. Колонтаевой.—С. П. Шенковскій. Биографическій очеркъ. А. Н. Корсакова.—Отрывки изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке.—Суды старые и новые. В. С. Кретькова.—Поѣздка въ Переяславль. Н. И. Костомарова.—Одинъ изъ трехъ праведниковъ. Н. С. Лѣскова. (*Съ портретами*).—Изъ воспоминаній о прошломъ. А. А. Малышева.—Отрывки изъ воспоминаній А. П. Мялюкова.—Разказы объ архимандритѣ Фотіѣ. П. Г. Мизерецкаго.—Авантюристы. Историческая повѣсть. Д. Л. Мордовцева.—Семейство Скавронскихъ. Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. В. О. Мухоморова.—Средне-Колымскъ и его округъ. А. В. Оксенова. (*Съ иллюстраціями*).—Эпоха каруселей и маскерадовъ въ Россіи. М. И. Пылаева.—Сухаснедшій художникъ. К. К. Случевского (*Съ иллюстраціями*).—Въ горахъ и долинахъ русскаго Тибъ-Шаня. Путевыя записки (профес) Н. В. Сорокина (*Съ иллюстраціями*).—Отрывки изъ воспоминаній стараго редактора. А. В. Старчевскаго.—Педагогическія задачи Ппрогова. В. Л. Стоюнина.—Очеркъ изъ литературы прошлаго времени. М. И. Сухомлинова.—Воспоминанія о О. М. Достоевскомъ. З. А. Сынтинной. (*Съ портретами*).—Проконсулъ Кавказа. О. М. Уманца. (*Съ портретами*).—Яровой судъ въ Петербургѣ въ 1869—1872 годахъ. Отрывокъ изъ автобіографіи О. Н. Устрялова.—Среди скитицъ.—Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ П. С. Усова. (*Съ иллюстраціями*).—Архаторъ прошлаго вѣка. Его же.—Воспоминанія лазутчика русской арміи въ войну 1877—1878 годовъ. К. П. Фаврикодорова.—Апличане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—С. П. Шубинскаго. (*Съ иллюстраціями*).—Алтай и его инородческое царство Н. М. Ядринцева. (*съ иллюстраціями*).

Для приложеній въ „Историческому Вѣстнику“ 1885 года редакція пріобрѣла слѣдующія иллюстрированныя сочиненія.

1) **Во льдахъ и снѣгахъ.** Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга; Уильяма Гильдера, корреспондента газеты «Нью-Йоркъ Геральдъ». (*Съ 40 иллюстраціями*). Переводъ съ англійскаго В. Н. Майнова.

2) **Мои теменьцы;** воспоминанія Сильвіо Пеллико да-Силуция. (*Съ 18 иллюстраціями*). Новый переводъ съ итальянскаго подлинника А. Н. Дьяконова.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38. Отдѣленіе конторы въ Москвѣ, при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій востъ, д. Третьякова.

„Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ“,

1885 г. (третій годъ изданія).

съ приложеніемъ газеты „ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“

издаваемый при Императорской академіи Художествъ
подъ редакціей А. И. СОМОВА.

Вѣстникъ выходитъ въ свѣтъ шесть разъ въ годъ, т. е. однажды въ два мѣсяца, книжками въ 5—8 печатныхъ листовъ; «Художественныя Новости» появляются 24 раза въ годъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца), въ объемѣ $2\frac{1}{2}$ —1 $\frac{1}{2}$ печатныхъ листа.

Къ «Вѣстнику» прилагаются эстампы, исполненные гравюрою на мѣди (рублью или на крѣпкой водкою) и на стали, фотогравюрою, фототипіею, литографіею и проч. Эти эстампы, которыхъ въ году полагается не менѣе 24-хъ, состоятъ изъ портретовъ художниковъ и изъ снѣжковъ съ замѣчательныхъ произведеній искусства. Сверхъ того, въ самомъ текстѣ «Вѣстника» помѣщаются въ неопредѣленномъ числѣ гравюры, исполненные ксилографіею и фотогравіею.

Въ числѣ сотрудниковъ того и другаго изданія состоятъ: А. И. Андреевъ, Н. Д. Ахшаруновъ, Н. М. Благовѣщенскій, бар. Г. Э. Брюнингъ, О. П. Булгаковъ, А. А. Васильевичъ, М. В. Ватсонъ, М. Шаповъ (въ Парижѣ), А. В. Вышеславцевъ, Д. В. Григоровичъ, Э. Я. Доббертъ (въ Берлинѣ), Г. Е. Кизерлинскій, А. И. Кляшниковъ, Д. О. Кобеко, О. П. Ляндеръ, В. П. Ламбинъ, А. М. Матушинскій (Эль), Н. В. Павловъ, П. Н. Петровъ, Е. Е. Рейеръ, Е. А. Сабалевъ, Н. П. Собко, М. П. Соловьевъ, В. В. Стасовъ, П. В. Сузгановъ, Е. Е. Трей (въ Дрезденѣ), С. С. Шайбевичъ, В. П. Шемюгъ, В. О. Эвальдъ и др.

По части гравирования, сотрудничали будутъ: А. А. Бобровъ, В. А. Бобровъ, М. П. Боткинъ, А. Вегеръ, В. Верле, О. Гофманъ, Л. Е. Дмитриевъ-Кавказскій, О. А. Кочетова, Е. З. Краснушкина, Б. Макфельдъ, В. В. Матте, Н. С. Мосоловъ, К. Л. Савицкій, Н. Самокишъ, В. Унгеръ, П. Н. Пашкинъ, и др.

Подписная цѣна за оба изданія въ свѣтъ: Безъ доставки 10 руб.; съ доставкою въ С.-Петербургъ или съ пересылкою въ другія мѣста 12 р., за границею 15 руб.

Отдѣльная подписка на «Вѣстникъ» или на «Художественныя Новости» не допускается.

Въ видѣ *бесплатной преміи* гг. подписчики получаютъ *Альбомъ фотографическихъ снимковъ* большаго формата съ оригинальныхъ рисунковъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ изъ собраній Императорскаго Эрмитажа, Академіи художествъ и изъ другихъ петербургскихъ коллекцій. Альбомъ этотъ появится въ свѣтъ немедленно по его изготовленіи, во всякомъ случаѣ не позже ноября мѣсяца.

Подписываться можно: въ редакціи «*Вѣстника изящныхъ искусствъ*» (Вас. Остр., зданіе Императорской Академіи художествъ, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 10 час. утра до 4 час. попол.), въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ, въ эстампныхъ магазинахъ *А. Белгорова* и *Фельтена*, въ книжныхъ магазинахъ *Мелье* и у всѣхъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ столицы.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ редакцію.

Вѣстникъ и Художественныя Новости за 1883 и 1884 годы, выхвѣтъ съ изданными въ этихъ годахъ преміями, можно получать въ редакціи этихъ изданій. Цѣна за каждый экземпляръ каждаго годоваго изданія 10 руб. Гг. иногородные прибавляютъ къ этой цѣнѣ 2 р. на расходы по пересылкѣ.

Ежемесячный журналъ

„МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА“.

1885 годъ.

(Выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 листовъ большаго формата и убористаго шрифта).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы преимущественно подъ редакціей профессоровъ-специалистовъ; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки, хроника и пр.

Годовая цѣна съ перес. 17 р., безъ перес. 15 р. Студенты, фельдшера и лекарск. помощн. платятъ 14 руб. въ годъ.

Въ журналѣ за прошлаго года (1881, 1882, 1883 и 1884) были помѣщены изъ наиболее капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) *А. Вагинскій*. Дѣтскія болѣзни (43 лст.); *Бони. Физиологія* (110 лст.). *Гемохъ*. Дѣтскія болѣзни (44 лста). *Зелимюлеръ*. Нервные болѣзни (23 лста); *Мальень. Оперативная хирургія* (34 лст.). *Шилейеръ*. Частная патологія и терапія (103 лста). *Рибо*. Болѣзни памяти (10 лст.). *Росебахъ*. Основы физическихъ методовъ леченія (32 лста). *Фритишъ*. Женскія болѣзни (28 лст.). *Шеффъ*. Зубныя болѣзни (17½ лст.). *Эйхгорстъ*. Диагностика (45 лст.). *Эйхгорстъ*. Частная патологія и терапія (140 лст.). *Эриксенъ*. Хирургія (105 лст.). *Ришэ*. Хирургическая анатомія (85 листовъ). *Дюринъ*. Болѣзни кожи (20 л.). *Гритль* съ рисунками Гейцмана (24 л.). *Никитинъ*. Ларингоскопія (19 л.).

Всѣ сочиненія, помѣщенные въ «Медиц. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи *Вредена* (*Гемсмеръ* подъ редакцію проф.

Левшина. Кирхнеръ, ушныя болѣзни, 2-ой отдѣлъ Зелемюлера и пр.), исп-хиатрію Мейнерта подъ редакціей пр. *Ковалевскаго* и проч.

Редакція имѣетъ въ виду наполнять существующій пробѣлъ въ русской медицинско-литературѣ по гігіенѣ и судебной медицинѣ (редакція заручилась обѣщаніемъ профессоровъ печатать ихъ труды по этимъ и другимъ предметамъ въ «Мед. Библ.»).

Отдѣлъ «хроникъ и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медн. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Подписчики на 1885 годъ получаютъ безплатно при ливорьской книжкѣ Медицинскій Календарь (Новый Календарь для врачей).

Адресъ извѣстенъ петербургскому почтамту.

Редакторъ ординари. профес. *И. М. Сорокинъ.*

Издатель *И. Л. Вилькинъ.*

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА“

Иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная.

Въ 11-й году своего изданія, т. е. въ 1885 году, газета будетъ выходить на прежнихъ условіяхъ, безъ предварительной цензуры и въ значительно улучшенномъ составѣ, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю.

Ежедневно прилагаются особо *ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*, съ рисунками модъ и узоровъ, и 6 разъ въ годъ—по листу модныхъ выкроекъ, заключающему въ себѣ 4—5 выкроекъ полныхъ костюмовъ.

Газета сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія Правительства, новости торговыя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремесель, искусства и наукъ.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы преимущественно историческіе, стихотворенія, статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *критика, бібліографія*. Газета даетъ въ годъ *болѣе 770 рисунковъ* въ текстѣ. Въ ней принимаютъ участіе своими трудами лучшіе наши ученые художники.

Преміи 1885 г. 1) Крестинный Календарь на 1886 годъ на велепевой бумагѣ. 2) Повѣсти и романы иностранныя (въ приложеніи къ номерамъ). 3) Иллюстрированная драма Шекспира (выпускъ 5-й—драма «Макбетъ» въ прекрасномъ переводѣ С. А. Юрьева) и проч.

Новые подписчики могутъ, по особому заявленію съ ихъ стороны, получать безплатно большую олеографическую картину, представляющую точное (съ натуры) изображеніе Священнаго Коронованія Ихъ Величествъ въ 1883 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1885 годъ: съ доставки на годъ 4 руб.; съ доставкой и пересылкою на годъ 5 руб., на полгода съ января и іюля 3 руб., 1 мѣсяць 60 к. За границу 7 руб., на полгода 3 р. 50 к.

«Газету» прежнихъ годовъ, съ 1875 по 1883 (кроме 1880 и 1883) можно получать изъ редакціи по 3 руб. за томъ (годъ), съ пересылкою.—Годовъ 1880 и 1883 не вѣдется уже ни одного экземпляра.

Адресъ: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

Редакторъ-издатель А. Гатцукъ.

1885 Г. «СТРАННИКЪ» Г. 1885

(пятыи годъ изданія по съ новою редакціей).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

- 1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія, — преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ православнои восточной и русской жизни.
- 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всемъ отдѣламъ русской церковной исторіи.
- 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи вѣстивѣйшихъ проповѣдниковъ.
- 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли.
- 5) Статьи публицическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни.
- 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомящіе съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ народовъ, особенно — съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ.
- 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа.
- 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни.
- 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ.
- 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей.
- 11) Обзоръ сибирскихъ журналовъ, газетъ и гингъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала.
- 12) Библиографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы.
- 13) Книжная лѣтопись; ежемѣсячный указатель всехъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія, краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.
- 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.
- 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденція; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россію и доставкой въ С.-Петербургѣ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**. Адресоваться: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: А. Висильковъ. — А. Пономаревъ — Е. Прилепаевъ.

Вольшой еженедѣльный, художественно-литературный журналъ

„РОССІЯ“.

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ), г. 1885

Съ 1 января 1885 года будетъ выходить 4 раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, въ новомъ увеличенномъ объемѣ—2½ печатныхъ листа, съ четырьмя отдѣльными большими оригинальными рисунками при каждомъ №.

Кромѣ множества другихъ статей и произведеній въ 1885 году будутъ напечатаны: 1) Незданныя письма *И. С. Тургенева*, 2) Новая Золушка, большой романъ, *гр. Е. А. Салиаса*, 3) Историческія новеллы *Н. А. Чаева*, 4) Очерки изъ народной жизни *Н. П. Златовратскаго*, 5) Фантазеръ, большой романъ, *Д. А. Линева*, 6) Тихія воды глубокя, повѣсть, *А. В. Крулова*, 7) Двѣ пѣбравицы, романъ, *К. П. Леонтьева*, 8) Воспоминанія о П. С. Мочаловѣ, *С. А. Юрьева*. 9) «День византийскаго императора», историч. повѣсть. *Н. П. Аксакова*, 10) «Пасынокъ судьбы», повѣсть, *С. П. Филиппова*. 11) «Что побудило?» деревенскій разсказъ, *Д. А. Линева*. 12) Разсказы изъ современной уголовной хроники, *В. А. Скрипичева*.

Независимо отъ названныхъ именъ, въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе: *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. С. Львовъ-Стеблицкій*, *А. Н. Плещеевъ*, *Я. П. Полонскій*, *Л. П. Пальмитъ*, *В. С. Баскинъ*. *В. В. Чуіко*, *М. М. Иоановъ*, г-жа *Евгенія Туръ* и многіе другіе.

Художественный отдѣлъ журнала будетъ преслѣдовать въ сущности ту же цѣль, что и отдѣлъ литературный, т. е. представить собою живописный сводъ иллюстрацій Россіи въ богатомъ многообразіи ея жизни, природы и искусства.

Но прежнему къ каждому № будутъ прилагаться четыре отдѣльныхъ оригинальныхъ рисунка, исполненныхъ автографическимъ способомъ. «Россія» въ этомъ отношеніи представляетъ журналъ, рѣзко отличающійся по своему характеру отъ другихъ иллюстрированныхъ изданій, пользующихся зачастую заимствованными, иностранными клише.

Въ будущемъ 1885 году редакціей устанавливается систематизація рисунковъ, такъ-что впоследствии подписчики могутъ образовать изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ альбомовъ.

Такъ, между прочимъ, будутъ помѣщены въ будущемъ году:

1) 12 портретовъ извѣстныхъ русскихъ представителей литературы, науки и искусства.

2) 30 копій съ картинъ русской живописи или произведеній иностранной школы, находящаяся въ Россіи.

3) около 25 отдѣльныхъ иллюстрацій къ беллетристическимъ произведеніямъ,

помѣщеннымъ въ журналѣ, въ томъ числѣ нѣсколько ориг. рис. А. С. Янова къ исторической повѣсти Н. П. Аксакова: «День византійскаго императора».

4) Около 20 видовъ различныхъ живописныхъ мѣстностей Россіи (для собиранія матеріала редакціей командированъ уже художникъ лейпцигской академіи фотографъ Тиммертъ).

5) 12 выписокъ къ стихотвореніямъ, на подобіе помѣщенныхъ уже въ текущемъ году.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщены рисунки:

Н. М. Бѣковскаго, В. М. Васнецова, С. П. Иванова, Н. П. Карзина, К. В. Лемоха, К. Е., П. Е. и В. Е. Маковскихъ, М. О. Микшица, В. Д. Полнова, П. Е. Рѣпина, К. А. Сивичаго, К. А. Трутовскаго и мног. друи.

Въ будущемъ 1885 году всѣ годовые подписчики получаютъ роскошную премію акварель (размѣр. 140 кв. верст.), заказанную по оригиналу, специально исполненному для журн. «Россія» академикомъ исторической живописи Н. В. Певревымъ: «СЦЕНА У ФОНТАНА» (изъ «Бориса Годунова», Пушкина). Она будетъ исполнена въ знаменитой французской литографіи Лемерсье в К^о.

Подписная цѣна 7 р. на мѣстѣ и 8 р. съ доставкой на домъ и пересылкой. Подписка принимается: а) въ Москвѣ, въ редакціи, Тверской бульваръ, д. Эфроса, б) въ магазинахъ: Дациаро, Аванцо, Вольфа, Мажонтова, «Новаго Времени», Васильева (на Страстномъ бульв.) и въ конторѣ объявленій Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ, в) въ С.-Петербургѣ: у Мелье, Вольфа и Суворина и г) въ Кіевѣ: у книгопродавцевъ Столбцова и Корейво. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. Разсрочка годовой подписной суумы можетъ быть допущена на слѣдующихъ условіяхъ: 5 руб. при подпискѣ и 3 рубля 1 Юля.

Редакторъ-издатель О. М. Уманецъ.

1885 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). г. 1885

Еженедѣльный „РАДУГА“, иллюстрированный
семейный журналъ литературы, изящныхъ искусствъ и общественной жизни.

50 номеровъ въ годъ. 50.

Въ 1885 году «Радуга» дастъ своимъ читателямъ рядъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и стихотвореній исключительно изъ русской жизни, съ участіемъ выдающихся современныхъ русскихъ писателей. ИЛЛЮСТРАЦИИ изящныхъ русскихъ художниковъ будутъ воспроизведены самымъ тщательнымъ образомъ, съ помощью новѣйшихъ открытій въ области графическихъ искусствъ. Гравюры будутъ исполнены въ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ заведеніяхъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) СЦЕНА. Театральное искусство. Критика. Драматическія пьесы для большой сцены и для любительскихъ спектаклей. Комедіи. Трагедіи. Драмы. Воде-

и при участіи вѣстныхъ драматурговъ, какъ Викторъ Александровъ (Крыловъ) Певѣжиль, князь Сумбатовъ и др. Провинціальная корреспонденція. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены **ПОРТРЕТЫ** русскихъ драматическихъ писателей и выдающихся артистовъ русской столичной и провинціальной сцены.

2) **АККОРДЪ**. Новости изъ музыкальнаго міра. Портреты выдающихся современныхъ композиторовъ и исполнителей. Отчеты о концертахъ. Бритическія замѣтки. Къ каждому номеру «Аккорда» будутъ приложены также **БЕЗПЛАТНО ПОТЫ** для фортепіано и пѣнія: исключительно новыя пьесы, танцы, араажировка изъ новыхъ оперъ и опереттокъ.

3) **МОДЫ**. Иллюстрированныя парижскія моды. Текстъ и рисунки изъ Парижа, нѣдѣ редакціею Тьерри. *Руководство для туалетнаго стола. Косметика. Домашній обиходъ. Домашнее хозяйство. Столь.*

4) **ГИГИЕНА**—новый отдѣлъ. Какъ жить здоровому и какъ помочь больному человеку. Совѣты врача. *При этомъ отдѣлѣ открытъ почтовый ящикъ для совѣтовъ.* Пользоваться правомъ этого почтового ящика могутъ лишь гг. подписчики.

5) **САЛОНЪ**—новый-же отдѣлъ, иллюстрированныя общественныя увеселенія. 1) Карты. 2) Общественныя игры. 3) Пасьянсы. 4) Хореографія (танцы). 5) Шарады. 6) Ребусы. 7) Задачи. 8) Фокусы. 9) Эксперименты изъ области химіи и физики. 10) Гимнастика. 11) Спартакъзмъ. 12) Обширный шахматный отдѣлъ. 13) Стенографическій отдѣлъ. 14) Почтовый ящикъ для гласной корреспонденціи подписчиковъ между собою (право пользованія имѣютъ только подписчики журнала).

Кромѣ всего будетъ дана великолѣпная безплатная премія.

Подписная цѣна на 1885 годъ, со всѣми приложениями, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи только 5 руб., за границу—7 руб.; на 1/2 года—3 руб., за границу—4 руб.

Допускается разсрочка платежа годовой подписной цѣны: при подпискѣ 2 р., затѣмъ 1 марта 1 р., 1 апрѣля 1 р. и 1 іюля 1 р.

Подписки принимаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородныхъ просятъ адресовать: Въ редакцію журнала «Радуя». Москва.

Редакторъ Д. А. Мансфельдъ.

Издатель Л. Метцль.

5 годъ изданія. (ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО). изданія годъ 5

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительствоныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внешней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Обзорные газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Что дѣ-

ляется на югъ: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Вышнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. IX. Наука и искусство. X. Вышнія корреспонденціи «Южнаго Края». XI. Фельетоны: научный, литературный и художественный. Баллетристка. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Слѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, вазначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе чѣмъ въ 100 губерніяхъ, уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ и во многихъ станціяхъ, и селяхъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСАН ЦѢНА.

На годъ. На 6 мѣс. На 3 мѣс. На 1 мѣс.

Безъ доставки. 10 р. 50 к. 6 р. — к. 3 р. 50 к. 1 р. 20 к.
 Съ доставкою. 12 р. — к. 7 р. — к. 4 р. — к. 1 р. 40 к.
 Съ перес. иногороднымъ . 12 р. 50 к. 7 р. 50 к. 4 р. — к. 1 р. 60 к.
 Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются: въ **Харьковѣ** — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Васатеряпославской улицѣ, въ домѣ Файнберга, № 44; въ **Петербургѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Струбинскаго; въ **Москвѣ** — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, на Петровкѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій П. Печковской; въ **Варшавѣ** — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейххаупъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 18; въ **Кіевѣ** — въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ **Одессѣ** — въ книжныхъ магазинахъ В. М. Вѣлаго и Е. П. Рапонова; въ **Полтавѣ** — въ книжномъ магазинѣ Г. П. Бойно-Родаевича, въ конторѣ П. А. Дохмана; въ **Кременчугѣ** — въ «Русской книжной торговлѣ» Д. Я. Тараконскаго.

„Церковный Вѣстникъ“

и „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

(СЪ ТОЛКОВАНИЯМИ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ).

«Церковный Вѣстникъ» съ 1-го января будущаго 1885 г. имѣетъ вступить въ **одиннадцатый годъ существованія**. Десять лѣтъ — достаточный періодъ времени для выясненія характера, направленія и цѣлей изданія. Въ официальной своей частя «Церковный Вѣстникъ» есть официальный органъ св. сѣнода и

состоящихъ при немъ центральныхъ учреждений, въ неофициальной-же части онъ есть органъ с-петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ официальную часть академической церковной газеты своимъ официальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней сполкъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ то же время послѣднюю возможности вѣдѣть въ собственномъ смыслѣ неофициальную часть, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала-бы возможность и духовенству высказывать свои сужденія и желанія, и такимъ образомъ существовать бы взаимный обменъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣня такія истинно-пастырскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіи десяти лѣтъ, старалась въ неофициальной части «Церк. Вѣсти.» осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на попріицъ духовной публицистики, — идея, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофициальная часть «Церк. Вѣсти.» получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*, 2) *корреспонденціи*, *статьи и сообщенія* вѣтшихъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) *Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ*. Для полнѣнія различныхъ явленій пріимются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) *Лѣтопись церковная*, представляющая обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по всѣмъ ея спархіямъ; 5) *Иностранное обозрѣніе*, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) *Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей*, сообщая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) *Разныя извѣстія и замѣтки*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, но укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; не послѣднее мѣсто занимаютъ здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библиографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) *Журнальное обозрѣніе*, представляющее обзоръ нашей духовной журналистики (каждый мѣсяць разъ); 9) *Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей* (два раза въ мѣсяцъ), сообщаяшія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ всѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) *Библиографическія замѣтки* или обзоръ вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяцъ); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смыслъ полноты и краткости библиографическихъ обозрѣній.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

периодъ короткаго времени сдѣлалась интеллектуальнымъ и торговымъ центромъ Россіи и первымъ городомъ послѣ обѣихъ столицъ и Варшавы. Само собой разувѣется, что вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго самосознанія въ провинціи развивалась и крѣпла провинціальная печать, поставившая себѣ задачей знакомить Россію съ бытомъ, нуждами и потребностями.

«Одесскій Листокъ» въ качествѣ провинціальной газеты, всегда стремился къ осуществленію этой задачи, стараясь дать своимъ читателямъ возможно полное представленіе о всѣхъ событіяхъ дня, имѣющихъ то или другое общественное значеніе, и разработывая матеріалы, доставляемые жизнью провинціи. Но матеріалъ эти съ каждымъ днемъ становились обширнѣе, такъ что обыкновенный форматъ газеты оказался недостаточнымъ для того, чтобы редакция имѣла возможность своевременно знакомить читателей съ выдающимися фактами, заслуживающими общественного вниманія. Въ виду этого редакция признала необходимымъ увеличить газету до такихъ размѣровъ, при которыхъ она могла бы помѣщать въ себѣ болѣе подробное обозрѣніе общественной жизни, не затрудняясь при этомъ массою объявлений, являющейся результатомъ распространенности «Одесскаго Листка». Со второй половинки ноября 1884 года, газета «Одесскій Листокъ» выходитъ въ форматѣ самыхъ большихъ петербургскихъ газетъ, въ семь столбцовъ вмѣсто шести, что, однако, не остановитъ редакцію передъ выпускомъ полуторныхъ номеровъ вслучаѣ скопленія такого матеріала, который будетъ имѣть исключительный интересъ и нуждаться въ подробной разработкѣ. Съ преобразованиемъ газеты, редакціею обращено особенное вниманіе на отдѣлы: политическій, общественный (руководящія статьи какъ по общимъ, такъ и по крайнимъ вопросамъ), городской земскій, судебный, отдѣлъ корреспонденцій и вмѣстѣ изъ всѣхъ городовъ Южно-Россіи, музыкальный, театральный и фельетонный, въ которомъ, помимо печатанія балетрическихкихъ и научныхъ произведеній и участія нашихъ постоянныхъ фельетонистовъ Барона Икса, Черноморца и Осы, будутъ помѣщаться фельетоны нашего жаровитаго поэта *Д. Д. Минаева*, въ стихахъ и прозѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Чья хата богата».

Не смотря на вышепоименованныя улучшенія, цѣна на «Одесскій Листокъ» все таки остается значительно ниже другихъ большихъ литературно-политическихкихъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой въ городъ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
на годъ	10 р.	на годъ	12 р.
— полгода	6 р.	— полгода	7 р.
3 мѣсяца	3 р. 50 к.	3 мѣсяца	3 р. 80 к.
1 мѣсяць	1 р. 30 к.	1 мѣсяць	1 р. 30 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ «Одесскаго Листка», на углу Ришельевской и Полицейской ул., д. Баранскаго, въ Одессѣ.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкий.**